

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Bolt 7860.15

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT
CLASS OF 1828

~~Самое~~ с № 113
Домоусловие стр. 581. 11

ОБЛАСТНОЕ ДѢЛЕНИЕ И МѢСТНОЕ УПРАВЛЕНІЕ

ЛИТОВСКО-РУССКАГО ГОСУДАРСТВА

КО ВРЕМЕНИ ИЗДАНІЯ ПЕРВАГО ЛИТОВСКАГО СТАТУТА.

Историческіе очерки

586

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Матвѣя Любавскаго
M. K. Lubavskii

8

Издано в типографіи Университетской типографіи, Страстной бульваръ.

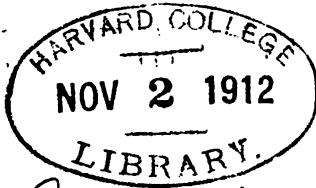
МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1892.

Balt 7860.15

~~Slav 6263.12~~

Minot fund

Печатано подъ наблюденіемъ М. К. Любавскаго.

Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“.

39 121
5

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ПАМЯТИ
НИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА
ПОПОВА.

Издавая въ свѣтъ свой первый научный трудъ, считаю нравственнымъ долгомъ почтить благодарнымъ воспоминаніемъ человѣка, который такъ много содѣйствовалъ его появленію. И въ Университетѣ, и въ Архивѣ Министерства Юстиціи я находилъ у него радушный привѣтъ, теплое участіе къ научнымъ начинаніямъ и трудамъ и всегдашнюю помощь совѣтами и книгами изъ его богатой библіотеки. Покойный Нилъ Александровичъ какъ бы созданъ былъ для того, чтобы направлять по стезѣ науки и поддерживать молодых, часто еще слабыя и колеблющіяся, силы. Вѣчная ему память!

1875

1876

1877

1878

1879

1880

1881

1882

1883

Предлагаемые очерки представляют попытку дать детальное изображение дѣленія Литовско-Русскаго государства на области и устройства мѣстнаго управленія въ немъ ко времени изданія перваго Статута. Ближайшая цѣль ихъ— способствовать уясненію государственнаго типа Литовской Руси, какъ онъ сложился вмѣстѣ съ окончаніемъ удѣльной эпохи и въ связи съ тою организаціей, которую приняло тогда литовско-русское общество, при наплывѣ идей и формъ польской гражданственности. Въ частности очерки имѣютъ въ виду выяснить слабое развитіе государственной централизаціи, какъ наиболѣе характерную черту въ конструкціи Литовско-Русскаго государства. Кроме того, изображеніе мѣстнаго управленія Литовской Руси даннаго времени, въ его зависимости отъ общественнаго склада и въ его функціяхъ, должно раскрыть и представить въ должномъ свѣтѣ объемъ и значеніе сословныхъ правъ и привилегій, которыя даютъ обыкновенно поводъ утверждать существованіе въ ней феодализма. Все это, по мнѣнію автора, необходимо для правильнаго изображенія и оцѣнки послѣдовавшей эпохи въ исторіи Литовской Руси, ознаменовавшейся тѣснымъ сближеніемъ ея съ Польшею въ государственномъ и общественномъ устройствѣ, и потому имѣющей значеніе своего рода центра, къ которому должны направляться и отъ котораго должны отправляться научныя разысканія по исторіи Западной Россіи.

Много мѣста въ настоящемъ трудѣ отведено даннымъ политической географіи Литовской Руси того времени: ими наполненъ почти весь второй очеркъ, содержащій перечень органовъ общаго управленія въ областяхъ и описаніе крупныхъ правительственныхъ дѣленій и подраздѣленій Литов-

ско-Русскаго государства. Значеніе этихъ данныхъ будетъ понятно всякому, кто возьметъ на себя трудъ прочесть до конца настоящее изслѣдованіе. Эти данныя, помимо того, что позволяютъ наглядно и рельефно очертить областное дѣленіе и устройство Литовско-Русскаго государства, даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность дѣлать заключеніе о происхожденіи этого областного дѣленія и устройства. Кроме того, историко-географическая перспектива является весьма полезною и при изображеніи общественнаго склада Литовско-Русскаго государства, давая возможность рѣзче выдѣлить и выставить на видъ различныя мѣстныя особенности уваженіемъ на ихъ территоріальное распространеніе. Наличныя сочиненія и карты мало помогаютъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ даютъ болѣе или менѣе точныя и подробныя свѣдѣнія по политической географіи Литовской Руси позднѣйшаго времени, когда она уже составляла одно цѣлое съ Польшею¹⁾. Что же касается попытокъ детальнаго политико-географическаго описанія Литовской Руси изучаемаго времени, то ихъ нельзя признать удачными, такъ какъ онѣ основаны главнымъ образомъ на поверхностныхъ и неточныхъ указаніяхъ, хроникъ и лѣтописей, а не на свидѣтельствахъ актовъ²⁾. Въ виду этого, автору представлялось настоятельною необходимостью отвести извѣстное мѣсто въ настоящихъ очеркахъ даннымъ политико-географическаго характера, которыя ему удалось собрать въ актахъ и документахъ изучаемаго времени, и составить по нимъ политическую карту Литовской Руси начала XVI-го вѣка.

Что касается устройства мѣстнаго управленія Литовской Руси, то подробнѣе другихъ писалъ о немъ покойный П. Д. Бѣлдевъ въ четвертой книгѣ своихъ «Разсказовъ по Русской Исторіи», Ему удалось, на основаніи матеріала, напечатан-

¹⁾ См., напр., *Balińskiego i Lipińskiego Starożytna Polska*, tomy II, III, IV. Warszawa 1885—1886, *Bobrzyńskiego Dzieje Polski*, tom II, str. 378—383 i mappe. Kraków 1890.

²⁾ См., напр., Н. И. Павлищова Историческій атласъ Россіи, карты № V.—VIII. Варшава 1845 г. *Spruner-Menke Historischer Handatlas*, № 68, 69, 70. Göttingen 1880.

наго въ «Актахъ, относящихся въ исторіи Западной Россіи», установить нѣкоторыя основныя черты правительственнаго устройства областей Литовско-Русскаго государства. Но! при всемъ томъ его изображеніе мало говоритъ воображенію читателя, потому что содержитъ общія указанія, безъ уясняющихъ дѣло подробностей и безъ должнаго различенія мѣста и времени. Кромѣ Бѣдьева, даннаго предмета касались и другіе изслѣдователи западно-русской исторіи, но только мимоходомъ, и дали только нѣкоторые общіе взгляды и отрывочныя замѣчанія, которыя будутъ въ свое время указаны и оцѣнены въ предлагаемыхъ очеркахъ. Въ недавнее время въ одномъ изъ историческихъ періодическихъ изданій было помѣщено извѣстіе о имѣющей появиться въ скоромъ времени статьѣ проф. Бершадскаго на тему, однородную съ темой настоящаго изслѣдованія³⁾. Авторъ привѣтствуетъ это сообщеніе, которое возбуждаетъ надежду, что двумя работниками по архивному матеріалу предметъ будетъ глубже и многостороннѣе исчерпанъ. Даже еслибы г. Бершадскій въ своей статьѣ ограничился развитіемъ тѣхъ возрѣній, которыя онъ высказалъ мимоходомъ на стр. 295 своего капитальнаго труда о Литовскихъ евреяхъ и которыя авторъ предлагаемыхъ очерковъ считаетъ поспѣшными и ошибочными, все же для дѣла былъ бы выигрышъ, такъ какъ все-таки изъ столкновенія мнѣній, по французской пословицѣ, выходитъ истина.

Предлагаемые очерки составлены главнымъ образомъ на основаніи архивнаго матеріала, именно актовъ и документовъ, внесенныхъ въ книги такъ-называемой Литовской Метрики, которыя хранятся въ настоящее время въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи⁴⁾. Какъ первый опытъ въ своемъ родѣ они, конечно, далеко не исчерпываютъ всего обильнаго матеріала, содержащагося въ этихъ книгахъ, являясь только первою стадіею въ той работѣ, которую слѣ-

³⁾ Историческое Обзорѣніе, томъ IV, стр. 310.

⁴⁾ О Литовской Метрицѣ см. С. Л. Пташицкаго Описаніе книгъ и документовъ Литовской Метрики. С.-Петербургъ 1887.

дуетъ надъ ними произвести. Эту точку зрѣнія авторъ и проситъ читателя сохранять при чтеніи сихъ очерковъ.

Въ заключеніе авторъ считаетъ долгомъ выразить благодарность гг. служащимъ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи: С. П. Соколову, А. А. Гоздаво-Голомбiovскому и В. В. Нечаеву, предупредительность и участливое отношеніе которыхъ много помогли автору во время работы его въ названномъ Архивѣ.

Матвѣй Любавскій.

ОЧЕРКЪ I.

Происхождение областного дѣленія и федеративный характеръ Литовско-Русскаго государства.

Историческія начала областного дѣленія. — Великое княжество Литовское въ тѣсномъ смыслѣ или собственная Литовская земля; ея составъ и преобладающее положеніе въ государствѣ. — Земли, тѣсно примыкавшія къ собственной Литовской землѣ: 1) литовская Русь (въ особомъ, частномъ смыслѣ); 2) земля Берестейская, или Подляшье; 3) литовское Полѣсье. — Политическая обособленность остальныхъ областей Литовско-Русскаго государства и ея историческія основанія. — Земли: Полоцкая, Витебская, Смоленская, Жмудская, Киевская и Волынская; исторія превращенія ихъ въ области великаго княжества Литовскаго. — Чернигово-Сѣверскія княжества. — Литовское Подолье. — Общія заключенія.

I.

Въ исторіи объединенія западной Руси подъ владычествомъ Литвы можно различить слѣдующіе моменты: во первыхъ, захватъ отдѣльныхъ волостей или частей западнорусскихъ земель и сопряженную съ нимъ въ большей или меньшей степени литовскую колонизацію этихъ прибрѣтеній; во вторыхъ, принятіе западнорусскими землями литовскихъ князей и связанное съ этимъ признаніе верховной власти великаго князя Литовскаго; въ третьихъ, подчиненіе этой верховной власти нѣкоторыхъ русскихъ князей, сохранявшихъ свои владѣнія. Эти моменты, хронологически переплеставшіеся другъ съ другомъ, опредѣлили внутреннее строеніе и характеръ Литовской Руси, какъ государства, не только въ удѣльную, но и въ изучаемую эпоху, которая во многомъ еще сохраняла начала удѣльной, и прежде всего выразилась въ политическомъ дѣленіи государственной территоріи на области.

Литовско-Русское государство въ изучаемое время состояло изъ слѣдующихъ самостоятельныхъ частей: изъ собственной Литовской земли, которая занимала въ немъ особое, первенствующее положеніе,

и съ которой политически тѣснѣе другихъ связаны были: литовская Русь (въ особомъ, частномъ смыслѣ), земля Берестейская, или Подлясье, и владѣнія, находившіяся въ Полѣсьѣ; изъ земель: Жмудской, Полоцкой, Витебской, Смоленской, Кіевской и Подольской, которыя занимали въ составѣ великаго княжества отдѣльное отъ собственной Литовской земли положеніе; и, наконецъ, изъ мелкихъ княжествъ, образовавшихся въ Чернигово - Сѣверской землѣ до утвержденія въ ней литовскаго владычества или вновь организованныхъ Литвою (княжества эти оставались въ составѣ Литовско-Русскаго государства до начала XVI вѣка). Всѣ эти составныя части Литовско-Русскаго государства были еще такъ мало сплочены, такъ еще много сохранялось въ нихъ слѣдовъ ихъ прежней политической самобытности, что Литовская Русь и въ изучаемое время все еще удерживала характеръ политической федераціи, съ каковымъ она является въ удѣльное время, въ XIV-мъ и началѣ XV-го вѣка. И это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что одновременно съ тѣмъ можно констатировать весьма большіе успѣхи во внутренней ассимиляціи его составныхъ частей, въ сближеніи ихъ на почвѣ общественнаго устройства, гражданскаго права и культуры.

Ядромъ, изъ котораго выросло и развилось Литовско-Русское государство, центральною областью, вокругъ которой группировались всѣ другія его части, была собственная Литовская земля или великое княжество въ тѣсномъ смыслѣ.

Первоначально подъ этимъ именемъ разумѣлась область правыхъ притоковъ Нѣмана, преимущественно р. Вилии, населенная такъ-называемою „верхнею Литвою“ (Auxtote). Но въ изучаемое время названіе „земля Литовская“ даже въ частномъ, тѣсномъ смыслѣ вышло уже изъ рамокъ этого первоначальнаго обозначенія и распространилось на нѣкоторыя русскія владѣнія, занятія Литвою къ половинѣ XIII вѣка и болѣе или менѣе ею колонизованныя. Къ такимъ владѣніямъ принадлежала, напр., озерная область между Дясною и западною Двиною, по всѣмъ даннымъ, входившая прежде въ составъ Полоцкой земли, съ городомъ Браславемъ (или Брячиславлемъ) при озерѣ Дривятахъ. Въ удѣльное время Браславъ со своимъ округомъ входилъ въ составъ Виленскаго удѣльнаго княжества ¹⁾, а въ изучаемое время— въ составъ судебно-административнаго округа Виленскаго воеводы ²⁾.

¹⁾ В. Б. Антоновича Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго. Кіевъ, 1878, стр. 87.

²⁾ Литовской Метрики кн. Записей XII, л. 167, 168.

Браславскій повѣтъ въ значительной степени былъ колонизованъ Литвою, на что косвенное указаніе даютъ извѣстія о существовавшихъ въ немъ католическихъ церквахъ и приходахъ, идущія съ самаго начала XV вѣка и въ общемъ довольно многочисленныя ³⁾. (Въ настоящее время большинство населенія Новоалександровскаго уѣзда, бывшаго Браславскаго повѣта, состоитъ изъ литовцевъ ⁴⁾). Со времени присоединенія къ Литвѣ Подолья, гдѣ былъ также городъ Браславъ, сѣверный Браславъ назывался уже прямо Литовскимъ ⁵⁾. Къ половинѣ XIII в. занята была Литвою таеъ-называемая Черная Русь,—область по лѣвымъ притокамъ Нѣмана съ р. Свислочью влючительно, съ городами: Новгородкомъ, Волковыйскомъ, Слонимомъ, Здитовомъ и Городномъ. Часть ея принадлежала къ Полоцкой землѣ ⁶⁾, а часть, именно Городно со своимъ округомъ, была нѣкогда особымъ владѣніемъ потомковъ Давида Игоревича Волынскаго. Во второй половинѣ XIII в. самый значительный городъ Черной Руси—Новгородокъ сдѣлался даже политическимъ центромъ Литовской земли, стольнымъ городомъ великаго князя Литовскаго. Этотъ Новгородокъ, послѣ того какъ былъ занятъ Литвою Новгородокъ Сѣверскій, въ отличіе отъ этого послѣдняго сталъ называться Литовскимъ; съ этимъ прозваніемъ онъ является, напр., уже въ письмахъ великаго князя Витовта къ магистру Нѣмецкаго ордена отъ 1416 года ⁷⁾. Что Новгородокъ со своими волостями считался въ изучаемое время частью собственной Литовской земли, на это прямое указаніе находимъ, напр., въ судебномъ „вырокѣ“ великаго князя Александра писарю Оедьку Григорьевичу на нѣкоторые ловы, принадлежавшіе къ его имѣнію Любчу въ Новгородскомъ округѣ (отъ 1499 г.) Папъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ захватилъ у него эти ловы подъ тѣмъ предлогомъ, что они будто бы принадлежать людямъ одного его сельца, даннаго изъ этого же имѣнія Любча еще отцу его королемъ Казимиромъ. Но великій князь Александръ, разбиравшій это дѣло, присудилъ ловы писарю къ его двору Любчу, ибо,—гласить вырокъ, „по всему великому

³⁾ *Balińskiego i lipińskiego Starożytna Polska t. IV, 233. Warszawa, 1882.* Срав. Литов. Метр. кн. Записей VI, л. 131, 132.

⁴⁾ *П. Семенова* Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи III, 515.

⁵⁾ Лит. Метр. кн. Запис. XVI, л. 87—90.

⁶⁾ *В. Б. Антоновича* Очеркъ исторіи в. княжества Литовскаго, стр. 49.

⁷⁾ *Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia, tomus VI Codex epistolaris Vitoldi. № CCXXXVIII. Kraków, 1882.*

князству нигдѣ панскіи мужики лововъ своихъ не мають, а наболѣй въ Литвѣ“⁸⁾. Такимъ образомъ, Новгородокъ съ своими волостями въ XV вѣкѣ настолько спаялся съ первоначальной территоріею литовскаго племени, что вмѣстѣ съ нею пользовался однимъ общимъ правомъ. Есть указанія и на литовскую колонизацію Черной Руси, хотя о размѣрахъ ея судить, разумѣется, довольно трудно; такъ напр., въ Слонимскомъ повѣтѣ въ качествѣ податного округа былъ десятокъ *Литовскій*, а въ Волковыскомъ—десятокъ *Жомойтскій*⁹⁾. Въ источникахъ XV-го и первой половины XVI-го вѣка можно собрать не мало указаній на военнотрудовую колонизацію Черной Руси, на существованіе въ здѣшнемъ краѣ множества имѣній литовскихъ князей, пановъ и бояръ.—Частью собственной литовской земли считалось и бывшее княжество Городенское, какъ это видно, напр., изъ договора Ягелла и Кейстута съ магистромъ Нѣмецкаго ордена отъ 1379 г. Городенская земля въ этомъ договорѣ отличается отъ волостей русскихъ, сосѣднихъ съ владѣніями ордена, и Городняне отъ русскихъ, причемъ первое названіе въ договорномъ актѣ не разъ замѣнено словомъ „Литва“¹⁰⁾. Городно съ своими волостями обозначенъ частью собственной Литовской земли и въ одномъ судебномъ актѣ, писанномъ въ 1532 году въ землѣ Витебской. Панъ Иванъ Сопѣга судился въ этомъ году съ Оболецкимъ державцею королевы паномъ Кирдеемъ о землю Контримовщину. Послѣдній заявилъ на судѣ пану воеводѣ, что для доказательства правоты своихъ притязаній готовъ „отчичовъ властныхъ тое земли Контримовское поставити, которые живутъ въ панствѣ Литовскомъ—одинъ въ Городнѣ, а другой за паномъ воеводою его милостью Виленскимъ въ Ляховичохъ“¹¹⁾.

Но большинство западнорусскихъ волостей не слилось съ собственной Литовскою землею, а осталось въ составѣ своихъ земель, къ которымъ оно и прежде принадлежало, и которыя, какъ уже сказано, съ присоединеніемъ къ Литвѣ во многомъ продолжали сохранять свою политическую особность и самобытность. Населеніе этихъ земель было чисто русское и имѣло въ своемъ составѣ небольшое число литовскихъ фамилій изъ военнотрудового класса, которыя тѣмъ или другимъ путемъ приобрѣли недвижимыя имѣнія въ этихъ земляхъ.

⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 95.

⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 230; V, л. 306, 307.

¹⁰⁾ I. *Danilowicza* Scarbiec dyplomatów. Wilno, 1860. I, № 464.

¹¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 90, 81.

Благодаря всему этому и названія: „земля Литовская“, „великое княжество Литовское“, „панство Литовское“, въ литовско-русскихъ актахъ документахъ изучаемаго времени весьма часто обозначаютъ не все государство, а только часть его, отдѣльную отъ всѣхъ остальныхъ областей или земель въ политико-географическомъ отношеніи.

Въ такомъ смыслѣ употреблено названіе „Литва“, напримѣръ, въ договорной грамотѣ короля Казимира съ Тверскимъ княземъ Борисомъ Александровичемъ отъ 1449 года. „А мѣста порубежныя“ читаемъ здѣсь, „которые будутъ зѣдавна потягли къ *Литовѣ* или къ *Смоленску*, а подать будутъ даивали ко Тѣры: ино имъ и нынѣчи тягнути но давному, а мнѣ великому князю не вступатися“¹²⁾. Литва отличается политически и отъ Витебской земли, напр., въ подтвердитель, помѣ „привилеѣ“, данномъ этой землѣ королемъ Александромъ въ 1503 году на различныя права ея и вольности. „А пойти ему (Витблянну)“ читаемъ въ этомъ привилеѣ; „прочъ въ нашу отчину, *въ Литову*, не тайно, Светому Благовѣщенью чоломъ ударивши и нашому воеводѣ объявився и своей братьи мужемъ Витбляниномъ... Тавожь, который ся отъ насилы жаловати будетъ намъ Витблянинъ на Витблянина жъ, приѣхавъ *въ Литову*: и безъ истыца намъ на него дѣцкога *зъ Литвы* не слати“¹³⁾. Последнее почти дословно повторяется и въ подтвердительномъ привилеѣ Сигизмунда I, выданномъ Полоцкой землѣ въ 1511 году¹⁴⁾. Привилей, данный въ 1507 году Киевской землѣ, также отдѣляетъ ее отъ Литовской земли: А которые князи и панове и бояре *литовскіе* держать имѣнья въ Киевской земли, тымъ служба заступати съ тыхъ имѣней съ *Кіянны*, самимъ своими головами“. „Великое княжество Литовское“ является въ качествѣ области государства и въ привилеѣ, выданномъ Волынскимъ князьямъ, панамъ и землянамъ въ 1509 г. Этимъ привилеемъ уничтоженъ былъ между прочимъ сборъ воловщины съ княжескихъ, панскихъ и землянскихъ людей; „нижли“, читаемъ здѣсь, „коли панове рада ваша *великого князства Литовского*, для котороѣ великоѣ потребы земскоѣ зволать который платъ на своихъ людей дати, тогда князи и панове и вся шляхта *Волыньскоѣ земли* мають намъ такожь тотъ платъ съ своихъ людей давати“. ¹⁵⁾ Въ привилеѣ, выданномъ въ 1492 году великимъ княземъ Александромъ

¹²⁾ Акты, относящіяся къ исторіи Западной Россіи, изд. Археограф. Комиссіей I, № 51.

¹³⁾ Акты Запад. Рос. I, № 204.

¹⁴⁾ Акты Зап. Рос. II, № 70.

¹⁵⁾ Акты Зап. Рос. II, № 30, 54.

Жмудской землѣ, встрѣчаемся съ тѣмъ же различіемъ Литовской земли, какъ особой области великаго княжества: по этому привилею между прочимъ даны были боярамъ-шляхтѣ и всему посполству Кнетовской—волости всѣ права и вольности христіанскія, какія даны уже „земли Литовской“¹⁶⁾. Собственная земля Литовская отличается въ источникахъ даже и отъ Подляшья, или земли Берестейской, и такъ называемой Руси, которыя политически тѣснѣе соединены были съ нею, чѣмъ вышеупомянутыя земли, но рознились отъ нея частью этнографически, частью по учрежденіямъ и дѣйствовавшему въ нихъ праву. Отъ Подляшья великое княжество Литовское отличено, напр., въ судебномъ „вырокѣ“ короля Сигизмунда по дѣлу паньи Якубовой Довойновича съ паномъ Яномъ Стецковичемъ, отъ 9 іюля 1522 года: „и въ тые имѣнья“, читаемъ въ заключеніи акта, „на Подляшю Теляки, а у великомъ князствѣ Липовую а Радованичи послали есмо ихъ увезати зъ наше моцы господарское“¹⁷⁾. Въ 1526 г. тотъ же Сигизмундъ подтвердилъ вѣкоему Петру Гинцу „запись“ теши его, по которому она „спустила“ ему имѣнія свои „у великомъ князствѣ Литовскомъ—одинъ дворъ подлѣ Ошмены, а другій дворъ у Видѣхъ, и на Руси вси данники свои на имя: Степы а Божинъ подлѣ Брезины, а Забашевичи подлѣ Борысова“¹⁸⁾. (Виды—теперь Видзы, заштатный городъ Ковенской губ. Новоалександровскаго уѣзда; Степы—село Бобруйскаго уѣзда Минской губ.; Божинъ—село Игуменскаго уѣзда; Забашевичи—теперь Гливань, село Борисовскаго уѣзда).

Литовская земля, силами которой собрана была западная Русь подъ верховную власть великаго князя Литовскаго, естественно заняла въ его государствѣ первенствующее и привилегированное положеніе, каковое она продолжала сохранять до извѣстной степени и въ изучаемое время. Конечно, привилегіи, которыя получилъ литовскій военнослужилый классъ отъ великаго князя¹⁹⁾, въ изучаемое время распространены были и на русскія земли, но по прежнему великій князь набиралъ свою раду, съ которою онъ рѣшалъ всѣ важнѣйшіе вопросы внѣшней политики, законодательства и управленія, всѣ важнѣйшія судебныя дѣла, изъ князей и пановъ Литовской земли, кото-

¹⁶⁾ Акты Зап. Рос. I, № 103.

¹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 83, 84. Срав. кн. Запис. XV л. 55, 56.

¹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 296.

¹⁹⁾ См. привилеи 1386 и 1413 г. у *Działysńskiego Zbiór praw litewskich*. Poznań 1841.

рые получали отъ него и главные уряды въ Литовской же и въ другихъ земляхъ, а равно и крупныя имѣнія. Боярство русскихъ земель (а равно и Жмудской) мало пользовалось этими милостями: ему раздавались второстепенные уряды въ своихъ земляхъ и волостяхъ; изъ среды его составлялись судебно-административныя присутствія при главныхъ намѣстникахъ или воеводахъ земель; ему раздавались преимущественно мелкія имѣнія, съ которыхъ большею частью можно было отправлять военную службу членамъ боярской семьи лично, безъ слугъ. Литовской землѣ, однимъ словомъ, и въ изучаемое время принадлежала политическая гегемонія и представительство въ томъ сложномъ комплексѣ земель и владѣній, какимъ было великое княжество; благодаря этому и названіе ея переносилось на все государство.

Итакъ, подъ именемъ собственной Литовской земли въ изучаемое время разумѣлась не только исконная территорія литовскаго племени, но также и сосѣднія русскія земли, занятыя Литвою въ XIII вѣкѣ и болѣе или менѣе ею колонизованныя. Это была область, гдѣ сосредоточено было, хотя и не замкнуто, землевладѣніе военнотрудового класса, вышедшаго изъ литовскаго племени и гдѣ всѣ высшія и низшія правительственныя должности занимались членами этого класса, впрочемъ, обрусѣвшаго благодаря своему племенному и культурному сближенію съ русскою народностью. Эта область, однако, не была объединена въ правительственномъ отношеніи подобно тому, какъ было объединено большинство другихъ земель,—если не брать въ расчетъ великокняжеской рады,—и не была объединена по той же самой причинѣ, по которой объединено было большинство другихъ земель, т.-е. *по перешедшей отъ удѣльнаго времени правительственной традиціи*. Собственная Литовская земля въ изучаемое время въ отношеніи суда, военной и гражданской администраціи распадалась на нѣсколько частей, которыя соотвѣтствовали дѣленію ея, установившемуся въ концѣ удѣльнаго періода и закончившему собою рядъ передѣловъ, которые производились въ теченіе всего XIV вѣка потомками Гедимина. Что же это было за дѣленіе и какія отдѣльныя владѣнія существовали на Литвѣ въ концѣ удѣльнаго періода?

Гедиминъ назначилъ въ предѣлахъ собственной Литовской земли удѣлы пяти сыновьямъ своимъ: Монивиду, Коріату, Ольгерду, Кейстуту, Явнугу. Монивидъ получилъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ литовскаго племени — Керновъ на р. Вилии и въ придачу къ нему Слонимъ въ Черной Руси, которая, какъ сказано, уже въ XIII в. сдѣлалась достояніемъ Литвы. Всю остальную Черную Русь получилъ въ удѣлъ Коріатъ Гедиминовичъ съ стольнымъ городомъ Новгород-

комъ. Ольгерду достался городъ Крево также въ глубинѣ собственной Литвы (и кромѣ того по женѣ Витебская земля). Кейстутъ получилъ Троки вмѣстѣ съ землями Городенскою и Берестейскою, къ которымъ впоследствии присоединена была еще и Жмудь ²⁰⁾). И наконецъ, Явнутъ получилъ главный городъ государства—Вильну съ пригородами: Опшеною, Браславлемъ, Вильвомиромъ.

Такое распредѣленіе волостей было, однако, кратковременно. Князь великій Явнутъ, „въ большинствѣ будя“, не полюбился энергичнымъ и воинственнымъ братьямъ, Ольгерду и Кейстуту. Въ 1345 г. они „высадили“ его изъ Вильны, а спустя два года, по возвращеніи его изъ бѣгства въ Москву, дали ему Жеславль, или Изяславль гъ бывшемъ Минскомъ княжествѣ, которое незадолго передъ тѣмъ было присоединено къ Виленскому ²¹⁾). Въ Вильнѣ на великомъ княженьѣ сѣлъ Ольгердъ; Явнутъ же низшелъ на положеніе подручнаго, служилаго князя, получившаго волость по милости владѣтельнаго (это положеніе онъ передалъ и своимъ потомкамъ). По разсказу лѣтописи, Ольгердъ и Кейстутъ докончили между собою, что братьѣ всей бытъ послушной великаго князя Ольгерда, при чемъ и самъ Кейстутъ признавалъ надъ собою старшинство Ольгерда. На дѣлѣ однако, оба брата были равны другъ другу по степени значенія и вліянія въ Литовской землѣ, въ которой, такимъ образомъ, установился политическій дуализмъ. Прусскіе хронисты, которымъ пришлось часто и много писать объ Ольгердѣ и Кейстутѣ, одинаково называли ихъ *reges Lithuaniae*, и только начальство ордена знало, что Ольгердъ былъ старшій *rex, totius regni dominus* ²²⁾). Изъ разсказа русской лѣтописи также видно, что отношенія между Ольгердомъ и Кейстутомъ отличались отъ тѣхъ отношеній, которыя установились между великимъ княземъ и другими братьями: „а то собѣ докончаютъ, што придобудуть, городъли или волости, да то дѣлити на полы“ ²³⁾). Лѣтопись объясняетъ эти отношенія дружбою братьевъ, тѣмъ, что они были „въ великой любви и милости и въ ласцѣ“. Но помимо личныхъ чувствъ тутъ, очевидно, дѣйствовали и причины другого рода. Кейстутъ былъ едва ли не са-

²⁰⁾ *Kaz. Stadnickiego* Olgierd i Kiejstut. Lwów, 1880, str. 23, nota 37. Scarbics dyplomatów I, № 417.

²¹⁾ Лѣтописецъ великихъ князей Литовскихъ, изданный Поповымъ въ Запискахъ II отдѣленія Академіи Наукъ, ч. I, стр. 27. Ср. *K. Stadnickiego* Olgierd i Kiejstut, str. 26, nota 19.

²²⁾ *K. Stadnickiego* Olgierd i Kiejstut, str. 6., n. I.

²³⁾ Лѣтописецъ великихъ князей Литовскихъ, стр. 27.

мый сильный князь среди своихъ братьевъ. Отецъ посадилъ его княжить въ такихъ частяхъ Литовской земли, гдѣ приходилось вести постоянную борьбу съ Нѣмцами и Поляками, гдѣ Литвѣ приходилось наиболѣе сосредоточивать и напрягать свои военныя силы и гдѣ поэтому было наибольшее скопленіе отважнаго и испытаннаго въ бояхъ военнаго люда; едва ли и по размѣрамъ своимъ удѣлъ Кейстута не былъ самый большой между удѣлами другихъ князей. Лично Кейстутъ превосходилъ всѣхъ братьевъ энергіею, военною доблестью и предприимчивостью. Ольгердъ добился великаго княженія на Литвѣ съ помощью Кейстута; только съ его же помощью могъ онъ сохранять пріобрѣтенное значеніе, держать въ послушаніи другихъ князей, въ подчиненіи и зависимости всѣ земли и владѣнія, тянувшія къ Литвѣ; и, наконецъ, только опираясь на Кейстута, оборонявшаго Литву отъ нѣмцевъ, Ольгердъ былъ въ состояніи расширять литовскія владѣнія на счетъ русскихъ земель. Въ виду всего этого Ольгердъ долженъ былъ обходиться съ Кейстутомъ иначе, чѣмъ съ другими князьями, держаться съ нимъ на равной ногѣ, подѣлить съ нимъ свое политическое значеніе и вліяніе. Такимъ образомъ, благодаря исторической необходимости сосредоточить военныя силы на два фронта, для обороны отъ нѣмцевъ и для наступленія на Русь, Литовская земля съ половины XIV в. распалась на двѣ части, изъ которыхъ одна стала тяготѣть къ Вильнѣ, какъ къ своему политическому центру, а другая къ Трокамъ. Географическая близость этихъ центровъ какъ бы указываетъ на тѣсную взаимную связь, въ которой находилось успѣшное выполненіе той и другой задачи, на тѣсное единеніе обѣихъ частей Литовской земли.

Что касается удѣловъ другихъ братьевъ Гедиминовичей на Литвѣ, то они скоро упразднились и подѣлены были, согласно уговору, между Ольгердомъ и Кейстутомъ. Годъ или два спустя по смерти Гедимина умеръ бездѣтнымъ старшій сынъ его Монивидъ; изъ удѣла его Ольгердъ взялъ Керновъ, а Кейстутъ Слонимъ (въ это время и установилась судебнo-административная зависимость Кернова отъ Вильны, Слонима отъ Трокъ); точно также подѣлили они между собою и Новгородокъ съ его дворами и селами по смерти Коріата Гедиминовича²⁴⁾. Такимъ образомъ, вся Литовская земля въ концѣ третьей четверти XIV вѣка находилась въ рукахъ двухъ Гедиминовичей—Ольгерда и Кейстута, которые нѣкоторыя части ея роздали въ управленіе своимъ сыновьямъ (Витовтъ, напр., правилъ Городенскою землею, его братья

²⁴⁾ *K. Stadnickiego Synowie Gedymina, I, str. 141. Codex epistolaris Vitoldi № CCXXXIII.*

Войдаты и Товтивиль сидѣли въ Новгородѣ). Сыновья при жизни отцовъ не играли роли самостоятельныхъ князей, такъ что мы съ полнымъ правомъ можемъ признавать въ то время существованіе на Литвѣ двухъ удѣловъ—Виленскаго и Трочкаго. Но по смерти Ольгерда и Кейстута Литва распалась снова на большее число удѣльныхъ владѣній. Ягелло, сдѣлавшись вторично великимъ княземъ Литовскимъ въ 1382 году, отдалъ Трочкій удѣлъ Кейстута брату своему Скиргеллу за исключеніемъ Жмудской земли, которую онъ уступилъ ордену ²⁵⁾, и половины Новгорода, гдѣ оставались сыновья Кейстута, Войдаты и Товтивиль. Между Ягелломъ и Скиргелломъ установились тавія же отношенія, какія существовали между Ольгердомъ и Кейстутомъ ²⁶⁾. Но въ 1385 г. Ягелло, помирившись съ Витовтомъ, отдалъ ему изъ отцовскаго удѣла земли Городенскую и Берестейскую, такъ что Скиргеллу осталось Трочкое княжество въ тѣсномъ смыслѣ ²⁷⁾. Кромѣ того, Ягелло далъ было на Литвѣ своему брату Виганту-Александру Керновъ съ нѣкоторыми волостями, но Вигантъ вскорѣ умеръ, не оставивъ наследниковъ. Витовтъ, добившись великаго княженія, уничтожилъ удѣлы въ собственной Литвѣ: у Скиргелла онъ отнялъ Трочкое княжество, въ замѣнъ котораго далъ ему землю Киевскую, а брата Сигизмунда, который по смерти Войдата и Товтивила княжилъ въ Новгородѣ, перевелъ въ 1406 г. въ Стародубъ, гдѣ тотъ и сидѣлъ до самой смерти Витовта. Новгородокъ cum toto districtu Витовтъ записалъ было въ пожизненное владѣніе женѣ своей Ульянѣ въ 1428 г. ²⁸⁾, но эта записъ, повидимому, не имѣла силы послѣ его смерти: съ 1431 г. въ Новгородѣ является правителемъ великокняжеской намѣстникъ Петрашъ Монтыгирдовичъ (княгиня Ульяна умерла въ 1448 г.) ²⁹⁾.

Итакъ, въ концѣ удѣльнаго періода болѣе или менѣе устойчиво держалось дѣленіе Литовской земли на слѣдующія части: 1) княжество Виленское, 2) княжество Трочкое, 3) княжество Городенское, 4) княжество Новгородское. Поверхъ этого дѣленія проходило дѣле-

²⁵⁾ *E. Raszyńskiego Codex diplomaticus Lithuaniae. Vratislaviae 1845, p. 57.*

²⁶⁾ *Kaz. Stadnickiego Bracia Władysława Jagiełły. Lwów 1867, str. 259. Monumenta mediae aevi res gestas Poloniae illustrantia, tomus II, № XVII. Krakow 1876.*

²⁷⁾ *Scarbiec dyplomatów, 1, № 498.*

²⁸⁾ *Codex epistolaris Vitoldi № MCCCXXI.*

²⁹⁾ *См. Narbutta Dzieje narodu Litewskiego, tom VI. Wilno 1839. str. 562, 563.*

ніе Литвы на Виленскую и Троцкую половину, въ которомъ выразился военно-политическій дуализмъ, установившійся на Литвѣ при Ольгердѣ и Кейстутѣ и державшійся, какъ было уже упомянуто, при Ягеллѣ и Скиргеллѣ. Эти дѣленія и легли въ основаніе того правительственнаго устройства Литовской земли, которое установилось послѣ упраздненія въ ней удѣловъ. Центральная великокняжеская власть при уничтоженіи удѣловъ не порвала тѣхъ политическихъ связей и отношеній, которыя завязались или только еще намѣтились въ удѣльное время съ одной стороны между главными городами Литовской земли, Вильною и Троками, и другими княжескими резиденціями, съ другой стороны между этими резиденціями и ихъ пригородами и дворами, центрами волостей княжествъ. Великій князь взялъ на себя только важнѣйшія политическія функціи удѣльныхъ князей, а большую часть текущей, такъ сказать, будничной правительственной работы, которую они производили, оставилъ въ стольныхъ городахъ бывшихъ удѣльныхъ княжествъ, въ рукахъ своихъ намѣстниковъ, заступившихъ мѣсто удѣльныхъ князей; при этихъ намѣстникахъ по большей части остался и весь штатъ удѣльныхъ должностныхъ лицъ, каковы были, напр., конюшій, тивунъ, ключникъ, ловчій, совольничій и т. дал. Такимъ путемъ удержалась политическая группировка городовъ и волостей, существовавшая въ удѣльное время, послѣ того какъ самые удѣлы уже упразднились. Прежній военно-политическій дуализмъ Литовской земли выразился явственно въ дѣленіи ея на воеводства Виленское и Троцкое. Подобно тому, какъ въ удѣльное время военныя силы Литовской земли находились въ распоряженіи Виленскаго и Троцкаго князей, точно также и послѣ онѣ были подъ властью Виленскаго и Троцкаго воеводъ, которые надзирали за ихъ мобилизаціею; держали у себя ихъ переписи, производили имъ смотръ и т. д. ²⁹⁾ Воеводы Виленскій и Троцкій сдѣлались начальниками военныхъ округовъ, предѣлы которыхъ на Литвѣ опредѣлились составомъ земель и владѣній, принадлежавшихъ нѣкогда Ольгерду и Кейстуту. Но по дѣламъ гражданской администраціи и суда компетенція Виленскаго и Троцкаго воеводъ ограничилась предѣлами Виленскаго и Троцкаго княжествъ въ тѣсномъ смыслѣ: имъ были подчинены мѣстные урядники, чинившіе судъ и управу въ повѣтахъ, которые составляли нѣкогда Виленское и Троцкое княжества въ тѣсномъ обозначеніи. Въ тѣхъ

---

²⁹⁾ Акты Западной Россіи, II, № 173. Литов. Метр. кн. Публичныхъ дѣлъ IV, л. 3. 4.

же частяхъ Литовской земли, которыя были сами нѣкогда удѣльными княжествами, какъ напр. повѣты Городенскій и Новгородскій, были оставлены самостоятельныя намѣстники, имѣвшіе подъ собою мѣстныхъ урядниковъ низшаго ранга; они подчинялись воеводамъ, только какъ начальникамъ военныхъ округовъ. Съ теченіемъ времени и нѣкоторыя другіе намѣстники, переименованные въ старосты, напр. Ковенскій, вышли изъ подъ власти и присуда воеводъ и стали самостоятельными правителями своихъ частей; но это факты уже позднѣйшіе и не вытекшіе прямо изъ данныхъ политическаго строя удѣльнаго періода.

II.

Описанное дѣленіе не замыкалось, однако, въ предѣлахъ собственной Литвы, а охватывало и нѣкоторыя другія области, которыя отличались отъ Литвы благодаря своимъ этнографическимъ, общественнобытовымъ и частію политическимъ особенностямъ. По большей части это были территоріи доставшіяся Литвѣ по праву завоеванія отъ сосѣднихъ русскихъ земель, политически разбившіяся или еще не успѣвшія сложиться и окрѣпнуть настолько, чтобы съ присоединеніемъ къ Литвѣ занять особое отъ нея положеніе, въ качествѣ отдѣльныхъ и самостоятельныхъ членовъ литовско-русской федераціи. Здѣсь на первомъ планѣ нужно поставить такъ-называемую Русь (въ особомъ, частномъ смыслѣ), а затѣмъ землю Берестейскую, или Подляшье, и Полѣсье.

Литовско-русскіе акты обозначаютъ именованъ „Русь“ волости, расположенныя по среднему Днѣпру и его притокамъ: Сожу, Березинѣ и нижней Припяти ²¹⁾. Первымъ владѣніемъ, которое приобрѣла здѣсь Литва, было княжество Минское, занятое въ послѣдніе годы княженія Гедимина или недолго спустя послѣ его смерти. (Въ 1326 г. въ Минскѣ былъ еще природный князь, подручникъ Гедимина ²²⁾). Ольгердъ и Кейстутъ въ предѣлахъ этого княжества дали удѣлъ своему брату Явнугу, котораго они высадили изъ Вильны, именно Жеславль, древній Изяславль; въ нѣкоторыхъ волостяхъ его остались еще природные князья, напр. въ Свислочи ²³⁾; но въ главномъ городѣ сѣлъ

²¹⁾ См., напр., договоръ Ягелла съ Свиргелломъ отъ 1387 г., напечатанный въ № CV Отечествен. Записокъ 1829 г. и въ Monumenta medii aevi res gestas Poloniae illustrantia, tomus II. Codex saeculi quindecimi. Kraków 1876. № IX.

²²⁾ Пол. Собр. Рус. Лѣт. VII, 199.

²³⁾ Пол. Собр. Русс. Лѣт. VI, 215.

намѣстникъ изъ руки великаго князя Ольгерда. Ягелло отдалъ было Минскъ своему брату Скиргеллу въ придачу къ Трокамъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими волостями, но, послѣ того какъ Витовтъ сдѣлался великимъ княземъ, Минскъ снова потянулъ по управленію и суду къ Вильнѣ вмѣстѣ со своими волостями (нѣкоторыя изъ нихъ, впрочемъ отданы были Витовтомъ князю Андрею Володимировичу Ольгердовича)³⁴). Благодаря этому, Минскъ въ изучаемое время стоялъ въ числѣ Виленскихъ дворовъ³⁵); его намѣстникъ подчинялся Виленскому воеводѣ не только какъ начальнику военнаго округа, но и какъ главному гражданскому правителю области бывшаго Виленскаго княжества (въ силу этого значенія воевода Виленскій давалъ, напр., „увязанье“ въ мыто Минское³⁶), а также судилъ „подданныхъ Виленскаго повѣту Мѣнскихъ“ съ княземъ Любецкимъ о земли³⁷).

Послѣ занятія Минска съ волостями литовское владычество распространилось на группу волостей Кіевскихъ, Черниговскихъ и Смоленскихъ, лежавшихъ по Березинѣ, нижней Припяти и ея притокамъ Птичу и Брагинѣ, по Днѣпру и Сожу. Конечнымъ пунктомъ завоевательнаго движенія въ этомъ направленіи былъ Смоленскій пригородъ Мстиславль на р. Вехрѣ (недалеко отъ впаденія ея въ Сожъ), занятый Ольгердомъ въ 1358 г.³⁸)—Согласно заключенному съ братомъ Кейстутомъ уговору—дѣлить все, что придобудутъ, „на поля“, Ольгердъ далъ участіе брату во владѣніи этими волостями, населеніе которыхъ состояло изъ хорошихъ плательщиковъ дани благодаря развитію въ этой мѣстности нѣкоторыхъ промысловъ (охоты и бортнаго промысла). Отсюда и ведетъ начало зависимость такъ называемыхъ Поддѣпрскихъ волостей (Свислочи, Любошань, Бобруйска, Кричева, Пропойска, Черческа, Горволя, Рѣчицы, Брагиня, Мозыря и Бича) отъ ключей Виленскаго и Троицкаго, куда въ изучаемое время старцы этихъ волостей представляли медовую дань, и отъ великокняжескаго Литовскаго сварба, куда они отвозили дань грошовую, бобровую и куничную³⁹). Отсюда также ведетъ начало дѣленіе нѣкоторыхъ изъ этихъ волостей, напр. Бобруйской, на Виленскую и Троицкую половины⁴⁰);

³⁴) См. Акты Зап. Рос. I, № 46.

³⁵) Лит. Метр. кн. Запис. VII, л. 589—591. Публич. дѣль I, л. 22—24.

³⁶) Лит. Метр. кн. Запис. VIII, л. 118.

³⁷) Лит. Метр. кн. Судныхъ дѣль XI, л. 12—14.

³⁸) Никонов. Лѣт. III, 213.

³⁹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329, Акты Запад. Россіи II, № 75.

⁴⁰) Объ этомъ дѣленіи говорить уже вышеупомянутый договоръ Ягелла съ

отсюда, наконецъ, ведетъ начало судебно-административная зависимость большинства этихъ волостей отъ Вильны и Трокъ; исключеніе составили волости: Мозырская, Бчицкая и Брягинская, которыя включены были въ *право* Кіевской земли. Кромѣ того, изъ волостей, лежащихъ по верхней Друти, среднему Днѣпру и верхнему Сожу и обозначаемыхъ въ актахъ также именемъ „Русь“ ⁴¹⁾, Ольгердъ образовалъ особое Мстиславское княжество для сына своего Кориגעлла.

Кориגעлло, какъ извѣстно, погибъ при осадѣ Вильны Витовтомъ, а два-три года спустя княжество его отдано было великимъ княземъ Витовтомъ брату его Семену-Лингвенію Ольгердовичу, отъ котораго оно перешло по наслѣдству къ сыну его Юрію. Въ промежутокъ времени отъ 1432 г. по 1445 г., когда князь Юрій Лингвеневиичъ, не подчинявшійся тогдашнимъ великимъ князьямъ, Сигизмунду Кейстутевичу и Казимиру, скитался по большей части на чужбинѣ, княжествомъ его управляли великокняжескіе намѣстники ⁴²⁾. Получилъ онъ княжество обратно и передалъ его по наслѣдству сыну Ивану уже въ значительно уменьшенномъ видѣ,—въ составѣ городовъ Мстиславля и Мглина съ ихъ округами, или повѣтами, потерявъ часть волостей (Могилевъ, Тетеринъ, Княжичи, Кричевъ, Дроковъ), которыя поступили подъ управленіе великокняжескихъ намѣстниковъ и возвратились, повидимому, опять въ составъ Виленскаго правительственнаго округа, къ которому нѣкогда принадлежали. Князь Иванъ Юрьевичъ умеръ около 1495 г., оставивъ дочерей Настасью и Ульяну, которыхъ король Казимиръ оставилъ на отчинѣ до выхода за мужъ ⁴³⁾. Настасья вышла за князя Семена Михайловича Слуцкаго, а Ульяну великій князь Александръ въ 1492 г. выдалъ за князя Михаила Ивановича Жеславскаго, которому вмѣстѣ съ тѣмъ пожаловалъ „у вотчину, вѣчно, на вѣки вѣчныя“ города Мстиславль и Мглинъ со всѣми ихъ дворами и дворцами ⁴⁴⁾. Мглинъ, впрочемъ, вскорѣ послѣ того занятъ былъ московскими войсками и по договору 1503 г. остался за Москвою, а Мстиславль съ его волостями оставался во владѣніи и полномъ распоряженіи князя Михаила Ивановича до 1527 года. Въ этомъ году князь Михаилъ послѣ бѣгства сына своего Ѳедора въ Москву запи-

---

Свергелломъ отъ 1387 г. Срав. также Литов. Метр. кн. Запис III, л. 76; X, л. 59, 60.

⁴¹⁾ Акты Зап. Рос. III, № 19, § 33.

⁴²⁾ Б. *Stadnickiego* *Bracia* Wł. Jagelły str 294—301.

⁴³⁾ Акты Зап. Рос. I № 131.

⁴⁴⁾ Акты Зап. Рос. I, № 172.

самъ княжество Мстиславское по своему животу въ полную собственность королевичу Сигизмунду Августу и выпросилъ у короля для управленія имъ и для обороны отъ неприятельскихъ наѣздовъ намѣстника или державцу, а самъ удовольствовался только половиною доходовъ. По смерти князя Михаила княжество Мстиславское, организованное, какъ было сказано, княземъ Виленскимъ изъ состава его владѣній и не разрывавшее, повидимому, никогда военной связи съ бывшимъ Виленскимъ княжествомъ, окончательно превратилось въ староство воеводства Виленскаго, образовало въ немъ такую же территорію, какъ напр. земли Городенская и Берестейская въ воеводствѣ Троцкомъ ⁴⁵⁾.

III.

„Подляшье“ состояло изъ городовъ: Бѣльска, Мельника, Дорогичина, Берестья, Кобрина и Каменца съ ихъ повѣтами. Принадлежа въ XIII вѣкѣ къ владѣніямъ Волынскихъ князей изъ рода Романа Мстиславича, область эта по источникамъ является въ качествѣ отдѣльной отъ Волынской земли, политически единой и въ себѣ замкнутой, со своими особыми интересами и стремленіями, со своимъ главнымъ городомъ Берестьемъ ⁴⁶⁾. Это политическое единство она сохраняла на первыхъ порахъ и послѣ присоединенія своего къ Литвѣ при великомъ князѣ Гедиминѣ ⁴⁷⁾. Въ качествѣ особаго владѣнія, она отдава была Гедиминомъ, за исключеніемъ Кобрина, сыну Кейстуту въ придану къ Трокамъ, отъ котораго, какъ отчина, перешла къ Витовту, титуловавшемуся княземъ Городенскимъ и Берестейскимъ. Въ это время положено было начало дальнѣйшему дробленію ея на землю Берестейскую въ тѣсномъ смыслѣ, собственное Подляшье и Каменецкій округъ, въ каковомъ видѣ она выступаетъ въ актахъ и документахъ изучаемаго времени, сохранившихъ при всемъ томъ не мало указаній на ея старинное политическое и общественнобытовое единство. Въ 1390 году, когда Витовтъ бѣжалъ къ рыцарямъ и съ ними воевалъ Литву, Ягелло отдалъ землю Дорогицкую съ замками: Дорогичиномъ, Мельни-

⁴⁵⁾ Акты Зап. Рос. II, № 190.

⁴⁶⁾ Лѣтопись по Ипатскому списку, изд. Археограф. Комиссіею. Спб. 1871, стр. 599 и слѣд.

⁴⁷⁾ См. В. Б. Антоновича Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго, стр. 64, 65, и Н. Дашкевича Запѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства стр. 46, пр. 3, Кіевъ, 1885.

комъ, Суражемъ и Бѣльскомъ князю Янушу Мазовецкому, который въ качествѣ зятя Кейстута имѣлъ притязаніе на эту землю и въ 1382 году, пытался, но неудачно, овладѣть ею ⁴⁸⁾. Сдѣлавшись великимъ княземъ на Литвѣ, Витовтъ воротилъ не сразу и не все отцовское достояніе въ этомъ краѣ. Ягелло сначала отдалъ ему только Каменецъ съ округомъ въ 1394 году ⁴⁹⁾, а потомъ Берестье съ волостями, тянувшими къ нему непосредственно, или Берестейскую землю въ тѣсномъ смыслѣ (Витовтъ по актамъ выступаетъ въ качествѣ государя въ этой землѣ съ 1408 года, а до этого времени—Ягелло) ⁵⁰⁾. Кромѣ того, Янушъ Мазовецкій отступился отъ Бѣльска съ его округомъ, разореннымъ и опустошеннымъ еще въ 1377 году магистромъ ордена Визрикомъ Книпродомъ; Витовтъ отстроилъ городъ, далъ ему самоуправленіе по магдебургскому праву и заселилъ Бѣльскій округъ, или повѣтъ ⁵¹⁾. Но Дорогицкая земля оставалась во владѣніи князей Мазовецкихъ до 1443 года, когда великій князь Казимиръ выкупилъ ее у кн. Болеслава за 6000 копѣй широкихъ пражскихъ грошей ⁵²⁾.

Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, Берестейская земля, или Подляшье, утратила свою прежнюю цѣлостность и единство и распалась на нѣсколько частей. Названіе „земля Берестейская“ сузилось въ своемъ значеніи, и въ актахъ изучаемаго времени уже употребляется только въ приложеніи къ городу Берестью и волостямъ, непосредственно отъ него зависѣвшимъ, въ противоположеніи къ другимъ частямъ прежней Берестейской земли ⁵³⁾. Берестье со своими волостями составило въ воеводствѣ Троцкомъ самостоятельный судебно-административный округъ, которымъ управлялъ намѣстникъ, независимый отъ Троцкого воеводы и съ 1507 года называвшійся старостою ⁵⁴⁾. Такое же положеніе заняла земля Дорогицкая, въ составъ которой со времени мазовецкаго занятія входили города: Дорогичинъ

⁴⁸⁾ *Balińskiego i Lipińskiego Starożytna Polska* III, 405. Warszawa 1886. *J. Długosi seu Longini Historiae Polonicae libri XII. Lipsiae MDCCXI. Liber X, p. 64.*

⁴⁹⁾ *Scarbiec dyplomatów I, № 649.*

⁵⁰⁾ *Starożytna Polska IV, 585, 586.*

⁵¹⁾ *Starożytna Polska III, 438; J. Długosi Liber X, p. 38; Акты Запад. Россіи I, № 189.*

⁵²⁾ *Starożytna Polska III, 406.*

⁵³⁾ См., напр., *Акты Запад. Рос. I, № 104.*

⁵⁴⁾ *Wolff'a Senatorowie i dygnitarze W. Księstwa Litewskiego. Kraków, 1885, стр. 9.*

и Мельникъ съ ихъ округами, или повѣтами, — и земля, или повѣтъ Бѣльскій. Но городъ Каменецъ съ своими волостями тѣсно применилъ къ Литовской землѣ, вошелъ въ составъ судебно-административнаго Троцкаго округа ⁵⁵⁾ и сталъ называться Литовскимъ, какъ часть Литовской земли.

Изъ прежнихъ связей означенныхъ городовъ съ Берестьемъ въ изучаемое время оставалась неповрнанною только административная зависимость въ отношеніи сбора мыта, какъ это видно, напримѣръ, изъ аренднаго листа короля Сигизмунда, даннаго въ 1518 году Авраму Езофовичу на мыто Берестейское „со всеми мыты старими“ — Городецкимъ, Дорогицкимъ, Бѣльскимъ, Каменецкимъ, Мельницкимъ, „которые передъ тымъ здавна, за отца нашего, къ тому мыту Берестейскому прислухали“ ⁵⁶⁾. О прежнемъ политическомъ единствѣ всѣхъ этихъ городовъ и ихъ повѣтовъ свидѣтельствовали также нѣкоторые общіе имъ порядки и установленія. Напр., крестьянскіе земельные участки называвшіеся въ другихъ областяхъ великаго княжества „землями“, „дворищами“, „селищами“, называются въ актахъ изучаемаго времени одинаково „жеребьями“, если они находятся въ округахъ Берестейскомъ, Каменецкомъ, Бѣльскомъ, Мельницкомъ, Дорогицкомъ и Кобринскомъ. Мѣщане по мѣстамъ „Подляшскимъ“: въ Берестѣ, Бѣльскѣ, Мельникѣ и Каменцѣ, не давали „кликуновъ“, т. е. сторожей почныхъ на замокъ, какъ это видно изъ жалобы мѣщанъ Каменецкихъ, поданной въ 1523 году королю Сигизмунду на обиды и притѣсненія отъ мѣстнаго державцы ⁵⁷⁾. Военнослужилый классъ, называвшійся на Литвѣ и въ русскихъ земляхъ (кромя Волынской и Подольской) боярами, въ повѣтахъ Берестейскомъ, Каменецкомъ, Бѣльскомъ, Мельницкомъ и Дорогицкомъ назывался по польски „земянами“. Болѣе тщательныя разысканія, вѣроятно, откроютъ и другія бытовья особенности, общія всѣмъ частямъ бывшей Берестейской земли и сохранившіяся въ изучаемое время, не смотря на политическое распаденіе этой земли. — Благодаря этимъ бытовымъ особенностямъ названіе „Подляшьє“ въ актахъ изучаемаго времени употребляется иногда по старой памяти въ приложеніи ко всѣмъ округамъ бывшей Берестейской земли. Но одновременно съ тѣмъ и гораздо чаще это названіе стало прилагаться только къ части ея, которую составляли повѣты Дорогицкій съ Мельницкимъ и Бѣльскій, слѣдовательно сузилось

⁵⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 209.

⁵⁶⁾ Литов. Метр. кн. Зап. XI, л. 28.

⁵⁷⁾ Лит. Метр. кн. Запис. XII, л. 95. Срав. кн. Запис. XI, л. 97.

въ своемъ значеніи подобно названію „Берестейская земля“. Подляшье стало даже противопоставляться землѣ Берестейской, какъ это видно, напр., изъ судебного вырока короля Сигизмунда по дѣлу паньи Якубовой Довойновича съ паномъ Яномъ Стецковичемъ объ имѣньяхъ: *на Подляшкѣ* (въ землѣ Дорогицкой)—Теляки, *въ великомъ княжествѣ*—Липовую и Радованичи (въ землѣ Берестейской)⁵⁸). Названіе одного тягло-податнаго округа въ землѣ Берестейской *Подляшскимъ* десяткомъ также говоритъ о томъ, что эта земля стала отличатся отъ собственнаго Подляшья⁵⁹). При многихъ общихъ порядкахъ и установленіяхъ округа Дорогицкій съ Мельницкимъ и Бѣльскій рѣзко отдѣлились отъ Берестейскаго, не говоря уже о Каменецкомъ, благодаря польскому праву и учрежденіямъ, утвердившимся въ нихъ, что въ свою очередь обусловливалось особенностями этнографическаго состава населенія въ этихъ округахъ.

Названіе „Подляшье“ несомнѣнно стоитъ въ генетической связи съ именемъ „Ляхъ“, а не „лѣсъ“, какъ это объясняетъ по слѣдамъ польскихъ историковъ г. Дашкевичъ въ своихъ „Замѣткахъ по исторіи Литовско-Русскаго государства“⁶⁰). По законамъ русскаго языка трудно вывести „Подляшье“ западнорусскихъ актовъ XV-го и XVI-го вѣковъ (по латыни Podlachia) изъ „Подлѣсья“; но совершенно легко изъ формъ „Подляшье“ и „Подляхія“ могли возникнуть польскія формы Podlasie и Podlasze, на которыхъ г. Дашкевичъ, какъ на первоначальныхъ, основываетъ свое словопроизводство. Названіе „Подляшье“, всего вѣроятнѣе, возникло, какъ географическое и этнографическое опредѣленіе этой области по отношенію къ смежной съ ней „Ляшской“ землѣ. Русскія владѣнія вдавались здѣсь клиномъ между Мазовіею съ одной стороны и дикою лѣсною пущею, населенною въ XI—XIII вв. Ятвягами, съ другой стороны. Эта полоса имѣла болѣе территоріальной связи съ Ляшскою землею, чѣмъ съ Русью, отъ которой она частыми набѣгами Ятвяговъ и Литовцевъ въ сторону Берестья была почти отрѣзана. Повидимому, эта область очень рано стала колонизоваться изъ сосѣднихъ Мазовіи и Малой Польши, съ чѣмъ въ связи, быть можетъ, находятся и притязанія на нее со стороны Поляковъ въ XIII—XV вв. Въ первой половинѣ XIII вѣка частью Подляшья (*castrum Drohicin et totum territorium, quod ex eadem parte*

⁵⁸) Лит. Метр. кн. Запис. X, л. 83, 84; VI, л. 207.

⁵⁹) Лит. Метр. кн. Запис. V, л. 29. Срав. также Лит. Метр. кн. Зап. XII, л. 33.

⁶⁰) стр. 142, пр. 1. Срав. *Starożytna Polska* IV, 684.

castri continetur a medietate fluminum Bug et Nur usque ad metas Ruthenorum) владѣль Конрадъ Мазовецкій и отдалъ было ее Добржинскимъ рыцарямъ ⁶¹⁾; но Даниилъ Романовичъ Галицкій вытѣснилъ изъ нея „крижевниковъ“ и воротилъ, такимъ образомъ, свою отчину ⁶²⁾. Въ XIV вѣкѣ, когда Подляшье было уже занято Литвою, Поляки не разъ отнимали ее у литовскихъ князей и занимали города своими гарнизонами. Они отказались отъ него по договору 1366 года, въ силу котораго города: Берестье, Каменецъ, Дорогичинъ, Мельникъ и Бѣльскъ, утверждались навсегда за Кейстутомъ ⁶³⁾. По смерти Кейстута, какъ мы видѣли, Дорогичинъ, Мельникъ и Бѣльскъ заняты были съ согласья Ягелла зятемъ Кейстута Янушемъ Мазовецкимъ, и первые два пребыли во власти Мазовецкаго князя до 1443 года. Всѣ эти военныя занятія Подляшья оставили на его земляхъ, преимущественно на западѣ, массу мелкаго военнoслужилаго люда польскаго происхожденья, такъ называемыхъ земанъ; польское населеніе прилиvalo сюда, можетъ быть, и въ мирное время. Къ началу XV в. количество его было уже настолько велико, что Витовтъ, созывая въ Бѣльскій округъ *кметей* для заселенія его, дѣйствовалъ въ своихъ распоряженіяхъ на основаніяхъ польскаго земельного устройства ⁶⁴⁾. Благодаря этому же обстоятельству по польскому образцу устроились судъ и управление въ этой области. Великіе князья Литовскіе пошли навстрѣчу естественному стремленію колонистовъ устроиться на чужой землѣ, какъ у себя на родинѣ, и даровали польское земское право повѣтамъ Подляшскимъ: Дорогицкому съ Мельницкимъ и Бѣльскому. Такое отношеніе къ правамъ и обычаямъ мѣстнаго населенія, вполне согласное съ общеобластною политикою литовскаго правительства, въ данномъ случаѣ настойчиво рекомендовалось сосѣдствомъ Подляшья съ Польшей, къ которой оно въ силу этнографическаго родства должно было тяготѣть. Дарованіе области выгодъ и преимуществъ польской гражданственности должно было парализовать, ослабить это тяготѣніе.

Польское право и учрежденія введены были сначала въ повѣтъ Дорогицкомъ. Земяне-шляхта Дорогицкаго повѣта при Казимирѣ, вѣроятно, въ моментъ возвращенія Дорогицкой земли отъ Мазовіи, получили тѣ права и привилегіи, которыя содержатся въ книгахъ статутовъ королевства Польскаго, между прочимъ право выбирать на сей-

⁶¹⁾ Voigt's Codex diplomaticus Prussiae II, 277.

⁶²⁾ Лѣтопись по Ипатскому списку, 517.

⁶³⁾ Scarbiec dyplomatów I, № 432.

⁶⁴⁾ Акты Запад. Россіи I, № 189.

микахъ судью, подсудка, писаря и другихъ земскихъ урядниковъ по польскому обычаю изъ лицъ римскаго закона. Этотъ привилей Дорогичкой землѣ подтверждали по очереди и сыновья Казимира, Александръ и Сигизмундъ⁶⁵). Вслѣдъ или одновременно съ Дорогичкимъ повѣтомъ польское право и учрежденія введены были и въ повѣтъ Мельницкомъ. Хотя самый привилей Мельницкому повѣту и не дошелъ до насъ, можетъ быть, его даже и совсѣмъ не было благодаря тому, что Мельницкій повѣтъ составлялъ прежде одно цѣлое съ Дорогичемъ (въ 1547 году король Сигизмундъ Августъ выдалъ одинъ общій подтверждательный привилей шляхтѣ Дорогичаго и Мельницкаго повѣтовъ на польское право и учрежденія)⁶⁶),—тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что уже въ XV вѣкѣ въ Мельницкомъ повѣтѣ дѣйствовали польскія судебныя учрежденія, былъ земскій судья, подсудокъ и писарь, что въ свою очередь предполагаетъ дѣйствіе польскаго права⁶⁷). Наконецъ въ 1501 году польское право и учрежденія введены были и въ Бѣльскомъ повѣтѣ королемъ Александромъ⁶⁸), привилей котораго съ надлежащими измѣненіями, обусловленными развитіемъ польскаго права, подтвердилъ Сигизмундъ-Августъ въ 1547 году⁶⁹). Около 1513 года изъ повѣтовъ Бѣльскаго, Дорогичаго и Мельницкаго учреждено было воеводство Подляшское по типу польскихъ воеводствъ. Впрочемъ, это учрежденіе не измѣнило устройства и положенія области и на первыхъ порахъ мало имѣло реального значенія. Область оставалась попрежнему раздѣленною на три повѣта, или земли, подъ управленіемъ старостъ, и даже въ военномъ отношеніи по прежнему входила въ составъ Троицкаго воеводства⁷⁰). Званіе воеводы было здѣсь еще болѣе титулярнымъ, чѣмъ въ Польшѣ, не сопряжено было ни съ какою дѣятельностью въ области (по крайней мѣрѣ, по источникамъ изучаемаго времени не видно этой дѣятельности) и давало не обязанности въ области, а мѣсто въ радѣ великаго князя.

Берестейская земля въ тѣсномъ значеніи стала, какъ было уже указано выше, особнякомъ отъ собственнаго Подляшья. Что касается Литовской земли, то къ ней она находилась въ отношеніяхъ, можно сказать, переходныхъ, не вполне слилась съ нею, но и не была уже

⁶⁵) *Działyńskiego Zbiór praw litewskich*, str. 118—121.

⁶⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XIII, л. 82, 83.

⁶⁷) Лит. Метр. кн. Запис. V, л. 21.

⁶⁸) Акты Зап. Рос. I, № 189.

⁶⁹) *Volumina legum* I, 287. Petersburg 1859.

⁷⁰) Литовск. Метр. кн. Публич. дѣлъ I, л. 108. кн. Запис. XXVIII, л. 123—125.

отдѣлена отъ нея такъ рѣзко, какъ другія земли. Великій князь Александръ, считая ее частью собственной Литовской земли, сталъ было раздавать волости въ ней („данничое, житщину, бобровщину, ловчое“) дворянамъ Литовскимъ. Но мѣстные земляне подали ему жалобу, въ которой утверждали, что волости Берестейскія всегда держали они по годамъ „волею“. Великій князь уважилъ ихъ представленіе и возстановилъ ихъ право, основанное на отдѣльности ихъ земли отъ собственной Литвы ⁷¹⁾. Съ теченіемъ времени эта отдѣльность, однако, все болѣе и болѣе сглаживалась, и земля Берестейская все болѣе и болѣе сливалась съ собственной Литвой. Въ языкѣ литовско-русскихъ актовъ это выразилось въ томъ, что названіе „земля Литовская“ стало иногда обнимать собою и Берестейскій округъ, какъ напр., въ вышеупомянутомъ выровѣ короля Сигизмунда отъ 1522 года по дѣлу паньи Якубовой Довойновича съ паномъ Яномъ Стецковичемъ.

Изъ состава Берестейской земли, какъ уже выше было сказано, выдѣлился прежде другихъ городъ Кобринъ съ его округомъ, расположеннымъ по верхнему Мухавцу и его притокамъ. На принадлежность Кобринскаго округа къ составу Берестейской земли указываетъ его географическое положеніе: за Кобриномъ къ востоку начиналось уже Польшье. Кобринъ, впрочемъ, составилъ отдѣльное владѣніе раѣе литовскаго завоеванія: уже въ 1286 году князь Владиміръ Васильковичъ отказалъ его своей женѣ въ опричнину ⁷²⁾. Въ XIV вѣкѣ онъ является владѣніемъ великаго князя Ольгерда, какъ это видно изъ договора литовскихъ князей съ польскимъ королемъ Казимиромъ 1366 года ⁷³⁾. Ольгерду наследовалъ въ Кобринѣ сынъ его Ѳеодоръ, которому великій князь Ягелло далъ кромѣ того Ратно и Ветлы въ землѣ Волинской, послѣ того какъ занялъ ее подъ Ѳеодоромъ Любартовичемъ въ 1386 году (потому онъ и извѣстенъ подъ именемъ Ратненскаго). Отъ Ѳеодора Ольгердовича Кобринъ перешелъ къ сыну его Роману съ утвержденія великаго князя Витовта, а Ратно и Ветлы перешли къ другому сыну его Сангушке, родоначальнику извѣстныхъ князей Сангушцовъ ⁷⁴⁾. Князю Роману Ѳеодоровичу наследовалъ сынъ его Семень, провняжившій до начала 60-хъ годовъ XV столѣтія и оставившій на своемъ княженѣ вдову свою Ульяну съ

⁷¹⁾ Литов. Метр., кн. Запис. VI, л. 140.

⁷²⁾ Ипат. Лѣтопись, 595.

⁷³⁾ Searbiec dyplomatów I, № 432.

⁷⁴⁾ *Wolffa Ród Gedymina* str. 116—120. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sangušzków I. № XXXIX.

сыномъ Иваномъ. Князь Иванъ Семеновичъ умеръ около 1490 года безъ наслѣдниковъ, записавъ по обычаю третью часть своей отчины женѣ Ѳеодорѣ и кромѣ того на остальныхъ двухъ частяхъ 2000 золотыхъ угорскихъ „вѣна“. Король Казимиръ оставилъ Кобринское княжество въ пожизненномъ владѣніи княгини Ѳеодоры и въ началѣ 1492 года выдалъ ее замужъ за пана Юрія Пацовича „съ Кобринымъ“ въ приданомъ. Въ 1506 г. Ѳеодора, овдовѣвъ вторично, выхлопотала у короля Александра подтвержденіе записи мужа, а въ 1508 г., предварительно перешедши изъ православія въ католицизмъ и перемѣнивъ имя Ѳеодоры на Софью, вышла въ третій разъ замужъ за пана Николая Радивиловича, съ которымъ, однако, прожила не болѣе года. Скончалась она вдовою въ 1512 году безъ потомства.

По смерти ея Кобринское княжество по праву наслѣдства перешло къ сестрѣ послѣдняго князя, Ивана Семеновича, — Аннѣ, которая была за мужемъ за паномъ Венцеславомъ Костевичемъ. Въ 1519 году, по смерти Анны Семеновны, король Сигизмундъ отдалъ Кобринъ съ округомъ, за исключеніемъ Селецкой волости, ея мужу пану Венцеславу Костевичу „въ держаніе до живота“⁷⁵⁾, а послѣ его смерти во владѣніе Кобриномъ со всѣми его волостями вступила королева Бона, выхлопотавшая отъ мужа привилей на это княжество еще при жизни пана Костевича и одновременно съ тѣмъ, какъ вступила во владѣніе Пинскимъ княжествомъ⁷⁶⁾.

Кобринскіе владѣтели правили совершенно самостоятельно въ предѣлахъ своего княжества, не подчиняясь въ этомъ отношеніи никакимъ великокняжескимъ урядникамъ и даже лично не состоя въ ихъ присудѣ. Своихъ ратныхъ людей они, повидимому, ставили въ ополченѣ воеводства Троцкаго; по крайней мѣрѣ, нѣсколько позже изданья перваго статута Кобринъ является въ числѣ дворовъ Троцкихъ⁷⁷⁾. Когда установился такой порядокъ, съ точностью трудно сказать за неимѣніемъ данныхъ, но, повидимому, ранѣе 1529 года. По областному разграниченію, сопровождавшему введеніе земскихъ судовъ и повѣтовыхъ сеймиковъ въ 1564 году, Кобринъ съ волостями вошелъ въ составъ воеводства Берестейскаго, которое было образовано изъ частей Троцкаго⁷⁸⁾.

⁷⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 40.

⁷⁶⁾ *Wolffa Ród Gedymina*, str. 128—144.

⁷⁷⁾ Бниг. Запис. XXVIII, л. 123—125.

⁷⁸⁾ Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ VII, л. 197—203. *Starożytna Polska* IV, 619.

IV.

Кромѣ Руси (въ особомъ, частномъ смыслѣ) и Подляшья къ собственной землѣ Литовской тѣснѣ другихъ областей примѣнули политически княжества и владѣнія, образовавшіяся въ области древнихъ Дреговичей, въ такъ называемомъ Полѣсьѣ ⁷⁹⁾. Уже въ концѣ XII и началѣ XIII в. область эта разбилась на нѣсколько удѣловъ въ потомствѣ Святополка Изяславича Ярославича; средоточіями ихъ были: Туровъ на р. Припяти (нынѣ мѣстечко Мозырскаго уѣзда), Пинскъ (нынѣ уѣздный городъ Минской губерніи) на р. Пинѣ, притокѣ Яцольды, Слуцкъ на р. Случи, лѣвомъ притокѣ Припяти (нынѣ уѣздный городъ Минской губ.), Клеческъ на верхней Лани (нынѣ мѣстечко Клещкъ Слуцкаго уѣзда) ⁸⁰⁾. Въ половинѣ XIII вѣка вмѣстѣ съ возвышеніемъ Данила Романовича Галицкаго слабые Турово-Пинскіе князья попали въ зависимость отъ Галицко-Волинскихъ князей. Чтобы освободиться отъ этой зависимости, они стали входить въ сношенія съ Литвою, которая въ то время уже утвердила свое владычество въ сосѣдней Черной Руси, постоянно имѣли „дестъ“ въ Волинскимъ князьямъ, и такимъ образомъ проложили путь сначала вліянію, а потомъ владычеству Литвы въ своемъ краѣ. Последнее утвердилось здѣсь со временъ Гедимина, который далъ здѣсь Пинскъ въ удѣлъ сыну своему Наримунту. Во владѣніи Наримунта и его потомковъ Пинскъ оставался до утвержденія на великокняжескомъ столѣ Сигизмунда Кейстутовича, при которомъ Пинскъ сталъ уже отдаваться „въ держаніе“ великокняжескимъ намѣстникамъ ⁸¹⁾. Часть Турово-Пинскихъ волостей, впрочемъ, оставалась нѣкоторое время и послѣ подчиненія Литвѣ во владѣніи князей-отчичей, потомковъ Святополка Изяславича. Такъ, по источникамъ извѣстны князь Давыдъ Дмитріевичъ Городецкій, основатель Давыдъ-Городка (нынѣ мѣстечко на притокѣ Припяти Гордыни Мозырскаго уѣзда) и мужъ дочери Ольгерда Маріи, его сынъ Митко, погибшій отъ руки в. князя Сигизмунда Кейстутовича ⁸²⁾. Быть можетъ, въ этимъ князьямъ-отчичамъ принадлежали и князь Юрій

⁷⁹⁾ Барсова Очерки русской исторической географіи. Варшава, 1885. Стр. 124. Лѣтопись по Ипатскому списку, 203, 268, 337.

⁸⁰⁾ Погодина Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской Исторіи, т. VI, стр. ХLI, ХLII.

⁸¹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 190.

⁸²⁾ *Wolffa* *Röd Gedymina* str. 31.

Слудкѣй и Семень Степаньскій, упоминаемые въ актѣ поручительства, даннаго въ 1387 г. Витовтомъ и другими князьями Галицкому воеводѣ Бенедикту въ томъ, что король оставитъ его при державѣ Галича ⁸²). Слудцкѣ, впрочемъ, скоро перешелъ въ другія руки, князя Владимира Ольгердовича, котораго послѣ изгнанія изъ Кіева въ 1392 году оставили при Копылѣ и Слудцкѣ. Князь Владимиръ Ольгердовичъ передалъ Слудцкѣ и Копылъ сыну своему Омельку; послѣдній уходя на свой отчинный столъ въ Кіевъ въ началѣ княженія Казимира, оставилъ сына своего Семена въ Слудцкѣ, а Михаила въ Копылѣ. По смерти отца Семень перешелъ въ Кіевъ, а въ Слудцкѣ и Копылѣ остался одинъ Михаилъ, прокняжившій тамъ до 1481 года, когда за участіе въ заговорѣ противъ Казимира былъ казненъ смертью. Король, однако, не взялъ на себя его волости, какъ обыкновенно бывало съ имѣніями государственныхъ преступниковъ, но оставилъ ихъ за вдовою и сыномъ князя Михаила Семеномъ ⁸⁴). Семень Михайловичъ княжилъ въ Слудцкѣ до 1503 года, послѣ того — сынъ его Юрій, а затѣмъ внукъ Семень до 1560 г. ⁸⁵). Княжество Слудцкое политически тѣсно соединилось съ собственною Литовскою землею. Владѣтель его со своими боярами и слугами ставился въ ополченіи воеводства Виленскаго ⁸⁶); впоследствии, незадолго до Люблинской униі, княжество Слудцкое вошло въ составъ Новгородскаго воеводства, которое выдѣлено было изъ Виленскаго ⁸⁷).

При Казимирѣ получили новыхъ владѣльцевъ и другія Турово-Пинскія волости. Туровъ и Городокъ до 1452 года находились въ рукахъ Свидригелла, который занялъ ихъ послѣ убіенія князя Митка Давыдовича ⁸⁸). По смерти Свидригелла Казимиръ взялъ Туровъ на себя, а Городокъ отдалъ на пропитаніе вдовѣ Свидригелла Аннѣ вмѣстѣ съ Здитовымъ и Дворцомъ ⁸⁹). Когда княгиня Анна умерла, Казимиръ отдалъ Городокъ своему дальнему родственнику, правнуку Ольгерда по женской линіи, князю Ивану Васильевичу Яро-

⁸²) Codex epistolaris Vitoldi, № XXXV. Срав. *Wolffa Ród Gedymina*, str. 21, 22.

⁸⁴) Акты Зап. Рос. I, № 83, 94, 98, 99.

⁸⁵) *Wolffa Ród Gedymina*, str. 112, 113.

⁸⁶) Вн. Публ. дѣлъ IV, ясты 3, 4.

⁸⁷) *Starożytna Polska* IV, 537—548.

⁸⁸) Ревизія пуць и переходовъ звѣриныхъ въ бышемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ, стр. 327; *Archivum ks. Lubartowiczów Sanguszków*, I, XLVII.

⁸⁹) Лит. Метр. кн. Запис. III, г. 14; Ревизія пуць и переходовъ звѣриныхъ стр. 330, 334, 340, 342, 358.

славича, который убѣжалъ въ нему въ 1456 году изъ Москвы, послѣ заточенія въ Угличѣ его отца, Василя Ярославича Боровскаго ⁹⁰⁾; раньше того онъ пожаловалъ ему уже Клецъ (послѣ князя Михаила Сигизмундовича) и Рогачевъ ⁹¹⁾. Клецъ, Рогачевъ и Городокъ по смерти князя Ивана Васильевича перешли къ сыну его Ѳедору. Кн. Ѳедоръ Ивановичъ Ярославича по смерти тещи своей, вдовы князя Семена Олельковича, получилъ и Пинскъ, данный ей королемъ Казимиромъ въ хлѣботорженіе. Пинскъ спалъ на короля въ 1471 году; до этого же времени имъ владѣлъ князь-отчичъ, Юрій Семеновичъ, сначала на правахъ великокняжескаго намѣстника, а потомъ на отчинномъ правѣ ⁹²⁾. Король Сигизмундъ въ 1509 году утвердилъ всѣ эти волости за княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ и его княгиней „до живота“ ихъ, а князь Ѳедоръ Ивановичъ съ женою съ своей стороны записали по своему животу всѣ свои имѣнья вмѣстѣ съ движимымъ имуществомъ королю ⁹³⁾. По смерти князя Ѳедора Ивановича король Сигизмундъ въ 1524 году отдалъ замокъ Пинскъ съ дворами Клецкомъ, Городкомъ и Рогачевомъ женѣ своей Бонѣ ⁹⁴⁾. Бона, какъ и ея предшественницы, правила въ этихъ княжествахъ совершенно самостоятельно и независимо, чрезъ своего старосту ⁹⁵⁾, не состоя по своимъ владѣніямъ ни въ чьемъ присудѣ, кромѣ королевскаго. Въ военномъ отношеніи Пинскъ (а вмѣстѣ съ нимъ и Городокъ) вошли въ составъ Троцкаго воеводства ⁹⁶⁾. Клецкое же княжество, повидимому, вошло въ составъ Виленскаго воеводства. По крайней мѣрѣ, Клецкій повѣтъ по областному разграниченію 1564 г. вошелъ въ составъ Новгородскаго воеводства, выдѣленнаго изъ Виленскаго ⁹⁷⁾. Во всякомъ случаѣ всѣ вышеупомянутыя владѣнія въ изучаемое время политически примыкали тѣснѣе къ собственной Литовской землѣ, чѣмъ къ другимъ, имѣли, какъ гласитъ одинъ привилей королевы Боны, одни съ нею „право и вси повинности и звычай“ ⁹⁸⁾.—Туровъ вели-

⁹⁰⁾ Поля. Собр. Русск. Лѣтоп. VI, 181; VIII, 147.

⁹¹⁾ Лит. Метр. кн. Запис. II, л. 133.

⁹²⁾ См. *Wolffa Ród Gedymina*, str. 23—25.

⁹³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. II, л. 180—182.

⁹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. II, л. 185.

⁹⁵⁾ Ревизія пуць и переходовъ звѣринныхъ, стр. 123, 124 и др.

⁹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Зап. XXVIII, 123—125. Ревизія пуць и переходовъ звѣринныхъ, стр. 99, 132.

⁹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ VII, л. 122; ср. *Starożytna Polska* IV, 528.

⁹⁸⁾ Ревизія пуць и переходовъ звѣринныхъ, стр. 82.

кимъ княземъ Александромъ былъ пожалованъ князю Михаилу Львовичу Глинскому, во владѣніи котораго оставался до самаго отъѣзда его въ Москву ⁹⁹⁾. Король Сигизмундъ пожаловалъ замокъ Туровъ со всѣмъ его повѣтомъ князю Константину Ивановичу Острожскому ¹⁰⁰⁾, который владѣлъ имъ до конца изучаемаго времени ¹⁰¹⁾. Туровъ съ своимъ округомъ также считался „въ Литовскомъ повѣтѣ“; по крайней мѣрѣ, при ограниченіи повѣтовъ 1564 года Туровъ попалъ въ составъ Пинскаго повѣта Берестейскаго воеводства, выдѣленнаго изъ состава Трощаго ¹⁰²⁾.

V.

Всѣ другія земли, вошедшія въ составъ Литовско-Русскаго государства, заняли въ немъ отдѣльное отъ собственной Литвы положеніе, какъ самостоятельныя части государства, объединенныя только въ единой верховной власти. Ихъ государственноправовое положеніе въ связи съ правительственнымъ устройствомъ ихъ, носившимъ на себѣ печать старинной особы и самобытности, дѣлало ихъ похожими на члены политической федераціи. Всего нагляднѣе и полнѣе ихъ положеніе обрисовывается въ ихъ привилеяхъ, или грамотахъ, коими великіе князья гарантировали ихъ старину или подтверждали новыя права и вольности, уже данныя всему великому княжеству въ общеземскихъ привилеяхъ. Къ сожалѣнію, подлинныя первоначальныя грамоты, данныя землямъ, не дошли до насъ, и мы имѣемъ только подтвержденія ихъ, данныя великимъ княземъ Александромъ, Сигизмундомъ и ихъ преемниками.—Какъ объяснить происхожденіе подобныхъ грамотъ, и почему вообще въ Литовско-Русскомъ государствѣ удержалось историческое дѣленіе на земли вмѣстѣ съ правительственной децентрализаціей?

Прежде всего необходимо обратить вниманіе на то, какія земли вошли въ составъ Литовско-Русскаго государства. За исключеніемъ Жмудской, это были старинныя русскія земли, населеніе которыхъ до литовскаго владычества сплотилось въ довольно крѣпкіе политическіе союзы, привыкло къ политической самодѣтельности при князьяхъ Рюрикова дома, приобрѣло любовь къ мѣстной самостоятельности и привязанность къ мѣстной старинѣ. Это были тѣ земли, про которыя

⁹⁹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 222.

¹⁰⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 105.

¹⁰¹⁾ Ibid. № 157.

¹⁰²⁾ Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ VII, 123—125.

еще лѣтописецъ второй половины XII вѣка сказалъ, что онѣ „якоже на думу, на вѣча сходятся, на что же старѣйшии сдумають, на томъ же пригороди стануть“¹⁰³). Такія земли сами по себѣ представляли матеріаль, мало годный для образованія сильно сцентрализованнаго, т. е. тѣсно сплоченнаго и однороднаго въ частяхъ, государства. Литва присоединяла къ себѣ эти земли не столько путемъ завоеванія и насилія, сколько путемъ добровольнаго соглашенія, сопровождавшаго принятіе землями на главный столъ литовскаго князя или намѣстника, безъ подавленія внутренней самобытности и съ сохраненіемъ внѣшняго единства и обособленности. Великіе князья Литовскіе преимущественно такимъ образомъ собирали свое государство, такимъ же образомъ и сохраняли его единство, такъ какъ не имѣли въ рукахъ достаточныхъ государственныхъ средствъ, чтобы вести иную политику; а такой мощной поддержки, прямой и косвенной, которую имѣли Московскіе великіе князья въ своей собирательной дѣятельности отъ татаръ, они не получали ни откуда (Польша съ конца XIV вѣка помогала имъ только въ борьбѣ съ рыцарями). Поэтому съ присоединеніемъ къ Литвѣ земли не теряли своей политической индивидуальности, своего прежняго устройства, правъ и обычаевъ. Пока существовалъ въ Литвѣ удѣльный порядокъ, и земли получали своихъ особыхъ князей, можно сказать, что въ ихъ внутреннемъ быту не происходило никакихъ существенныхъ измѣненій: только княжескій родъ на главныхъ столахъ былъ другой, да во внѣшней политикѣ они должны были неизмѣнно держаться союза съ Литвою. Разрушая удѣльный порядокъ, замѣняя удѣльныхъ князей своими намѣстниками и воеводами и перенося на себя наиболѣе важныя права удѣльныхъ князей, великіе князья Литовскіе во всемъ остальномъ не трогали старинны областей. Во время паденія удѣльнаго порядка земли крѣпко отстаивали свою политическую индивидуальность и не разъ проявляли ее съ такою мощью и энергіею, что дѣло едва не доходило до распаденія государства. Не говоря уже о частныхъ мятежахъ той или другой земли, уважемъ на два болѣе или менѣе общихъ движенія русскихъ земель противъ Литовскаго владычества: одно по смерти Витовта подъ знаменемъ Свидригелла, другое непосредственно послѣ вступленія на великое княженіе Казимира. Литовское правительство, государственный средства котораго были не очень велики, по неволѣ должно было въ свой политикѣ по отношенію къ областямъ держаться

---

¹⁰³) Лѣтопись по Лаврент. списку, С.-Петербургъ 1872. 358 стр.

стариннаго принципа договора и соглашенія, гарантирующаго мѣстнымъ обществамъ ихъ старинныя права, обычаи и устройство, сопровождать чуть ли не каждый актъ своей дѣятельности заявленіемъ: „мы старины не рухаемъ, а новинъ не уводимъ“. Необходимо, кромѣ того, замѣтить, что Литовское правительство вообще старалось обходиться тѣмъ, что есть, и мало проявляло оригинальнаго творчества въ государственномъ строительствѣ. Литва столкнулась съ русскою довольно уже развитою гражданственностью въ такое время, когда она у себя еще не выработала ничего прочнаго въ сферѣ государственныхъ и общественныхъ отношеній и идей. Поэтому она вообще мало измѣняла установившіяся до нея порядки и только старалась приспособлять ихъ къ своимъ цѣлямъ, согласовать со своимъ господствомъ. Съ теченіемъ времени это стало правительственною традиціей, правиломъ, а во многихъ случаяхъ и фактомъ государственнаго права. Консерватизмъ въ отношеніи къ областному строю вполнѣ гармонировалъ и съ тѣми идеями, которыя давала Литовскому правительству съ конца XIV вѣка государственная жизнь Польши. И Польша въ то время была похожа болѣе на федерацію, чѣмъ на единое государство въ современномъ смыслѣ слова, такъ какъ и въ ней въ основаніи отношеній центральной власти къ областямъ было начало личной уніи ¹⁰⁴⁾. Понятно послѣ всего этого, почему земли Литовско-Русскаго государства получали отъ великихъ князей привилеи, коими утверждалась ихъ старина и подтверждались особо права и вольности, дарованныя всему великому княжеству, почему въ Литовско-Русскомъ государствѣ должно было остаться и упрочиться надолго историческое дѣленіе государственной территоріи въ связи съ правительственною децентрализаціею. Подтверженіе сказанному о причинахъ этого явленія можно найти отчасти въ предлагаемомъ очеркѣ исторіи превращенія перечисленныхъ земель въ области великаго княжества.

VI.

Ранѣе другихъ земель сдѣлалась областью великаго княжества земля Полоцкая. Она приняла къ себѣ литовскаго князя въ промежуткѣ между 1239 и 1258 г. ¹⁰⁵⁾, именно Товтвила, племянника Мин-

¹⁰⁴⁾ *М. Bobrzyńskiego* Dzieje Polski w zagysie I, 356. Warszawa 1887. Срав. *Źródła dziejowe*, tom VI, str. L. Warszawa 1877.

¹⁰⁵⁾ *Н. Дашкевича* Княженіе Данила Галицкаго, стр. 119, прим. 2. Кіевъ 1873.

довга. Территорія, носившая въ то время названіе Полоцкой земли, была уже далеко не та, что въ XI и XII вв.: отъ нея отдѣлилась особая земля Витебская; масса волостей, кромѣ того, какъ мы уже видѣли, занята была Литвою и вошла въ составъ собственной земли Литовской. Товтивиль погибъ отъ руки убійцы Миндовга въ 1263 году, послѣ того какъ пріѣхалъ на Литву дѣлить съ родственниками „добытокъ“ Миндовга¹⁰⁶⁾. Литва, по словамъ лѣтописи, посадила тогда въ Полоцкѣ своего князя и взяла миръ съ Полочанами¹⁰⁷⁾. Князь, котораго Литва посадила въ Полоцкѣ, былъ, по всей вѣроятности, Гердень, который въ 1264 году сотворилъ миръ „промежи местера и съ ратманы Рижскими и съ Полочаны и съ Видьбляны“¹⁰⁸⁾. Но когда въ Литвѣ взяла верхъ другая партія, и Войшелкъ послѣ кровавой расправы съ убійцами отца сѣлъ на великомъ княженіи, Полочане прогнали отъ себя Герденя и взяли изъ руки Войшелка какого-то князя Изяслава. Сохранилась грамота его¹⁰⁹⁾ или „слово“ къ магистру, епископу и Рижскимъ гражданамъ, въ которой онъ, препоручая себя волѣ Божьей и Войшелка („а воли есми Божи и Молшелгове“), обѣщаетъ имѣть съ ними миръ и любовь, какъ было при первыхъ князьяхъ Полоцкихъ¹⁰⁹⁾. Послѣ гибели Войшелка, когда въ Литвѣ сталъ княжить „окаянный, беззаконный, проклятый и немилостивый“ Тройденъ, въ Полоцкѣ утвердился опять какой-то литовскій князь язычникъ (можетъ быть, тотъ же Гердень). Этотъ князь, принявъ крещеніе въ Ригѣ, подчинилъ Полоцкѣ верховной власти Рижскаго архіепископа. Но впоследствии рыцари Ордена, враждовавшіе съ архіепископомъ, продали верховное право на Полоцкѣ великому князю Литовскому, повидимому, Лютуверу, который посадилъ въ немъ сына Витеня¹¹⁰⁾. Въ XIV вѣкѣ Полоцкая земля имѣла своихъ удѣльныхъ князей сначала въ лицѣ Воина, брата Витеня и Гедимина, а потомъ въ лицѣ Андрея Ольгердовича, которому далъ ее отецъ при своей жизни и который княжилъ въ ней болѣе тридцати лѣтъ.

Въ возгорѣвшейся послѣ смерти Ольгерда борьбѣ Кейстута съ Ягелломъ Андрей Полоцкій принялъ сторону первого и въ 1379 году

¹⁰⁶⁾ Ипат. лѣт., 569.

¹⁰⁷⁾ Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку, стр. 283.

¹⁰⁸⁾ Русско-Ливонскіе акты, изд. Археограф. Комиссіею подъ редакціею Папперскаго, № XXV. ^a

¹⁰⁹⁾ Ibidem XXV. ^b

¹¹⁰⁾ В. Б. Антоновича Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго, стр. 50.

вмѣстѣ съ братомъ Владиміромъ Кіевскимъ воевалъ противъ Ягелла. Вслѣдствіе этого Ягелло объявилъ Андрея лишеннымъ Полоцкаго стола и отдалъ его другому брату—Скиргеллу. Но Скиргеллу не удалось въ то время овладѣть Полоцкомъ, несмотря на бѣгство Андрея: Полочане храбро отбили всѣ приступы Скиргеллова войска, которое вскорѣ, получивъ извѣстіе о низверженіи Ягелла съ великаго княженія, перешло на сторону Кейстута. Въ 1386 году, когда Ягелло былъ уже въ полной силѣ, когда завязались переговоры его съ поляками, Андрей поддался съ своею отчиною Ливонскому Ордену, отъ котораго получилъ ее обратно въ вѣчное владѣніе „*jure rheodali*“¹¹¹⁾. Дѣло, однако, ограничилось написаніемъ документовъ этой передачи, ибо въ дѣйствительности Андрею не удалось удержать за собою свою отчину. Въ 1387 году Скиргелло, получившій отъ Ягелла подтвержденіе на Полоцкую землю¹¹²⁾, послѣ продолжительной осады взялъ, наконецъ, Полоцкъ. Впрочемъ, повидимому, не одна сила рѣшила сдачу Полоцка: Скиргелло вошелъ въ рядъ съ Полочанами, гарантировалъ имъ ихъ старину, и только тогда былъ впущенъ въ городъ. По крайней мѣрѣ, позднѣйшіе привилеи, подтверждавшіе права и вольности Полоцкой земли, возводили начало ихъ именно къ князю Скиргеллу¹¹³⁾. Скиргеллу недолго пришлось посидѣть на Полоцкомъ столѣ, такъ какъ Полоцкъ переданъ на сторону Витовта; подтвердительные привилеи говорятъ также о „добровольствахъ“, полученныхъ отъ великаго князя Витовта. Съ того времени, какъ Витовтъ сдѣлался великимъ княземъ, онъ не отдавалъ уже болѣе Полоцка въ удѣлъ кому-либо изъ князей, а управлялъ имъ черезъ своихъ намѣстниковъ (первый изъ извѣстныхъ намѣстниковъ—Монтыгирдь¹¹⁴⁾). По смерти Витовта Полоцкая земля вмѣстѣ съ другими русскими землями стала подъ знамя Свидригелла противъ великаго князя Сигизмунда Кейстутовича. Послѣ пораженія полковъ Свидригелла на р. Святой (въ 1435 году) Полоцкъ вмѣстѣ съ Витебскомъ долѣе другихъ сопротивлялись Сигизмунду, выдержали продолжительную осаду и приняли намѣстниковъ Сигизмунда только въ 1437 году. При этомъ Сигизмундъ также пожаловалъ имъ свои „добровольства“, т. е., по всей вѣроятности, далъ обѣщаніе держать ихъ „по старинѣ“. „Добровольства“ Скиргелла, Витовта и Сигизмунда подтвердилъ Полочанамъ своимъ листомъ и

¹¹¹⁾ *K. Stadnickiego* Bracia Władysława Jagelły, str. 29 nota 35.

¹¹²⁾ *Codex epistolaris Vitoldi* № XXXIII.

¹¹³⁾ Акты Зап. Рос. II, № 70.

¹¹⁴⁾ Русско-Ливонскіе акты, № СXXXIV.

Казимиръ; онъ пожаловалъ имъ, кромѣ того, „права вольная добрая хрестіанская, какъ въ корунѣ Польской“; листъ же Казимира подтверждали по очереди его сыновья, Александръ и Сигизмундъ; послѣ того Полоцкая земля получала подтвержденіе своихъ правъ и вольностей отъ Стефана Баторія, Сигизмунда III и Владислава IV¹¹⁵⁾.

VII.

Почти одновременно съ Полоцкой землею опредѣлилось и положеніе земли Витебской, какъ области великаго княжества. Витебская земля отдѣлилась отъ Полоцкой еще ранѣ литовскаго владычества, какъ объ этомъ свидѣтельствуеъ, напр., договоръ Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ нѣмцами отъ 1229 года, въ которомъ читаемъ: „тая правда Латинескому взяти оу Руской земли, оу вѣлсти князя Смоленскаго и оу Витьбескаго князя вѣлсти и оу Полотьскаго князя вѣлсти“¹¹⁶⁾. Присоединенная окончательно къ Литвѣ при Гедиминѣ путемъ брака его сына Ольгерда съ дочерью князя Ярослава Васильевича, не оставившаго мужского потомства¹¹⁷⁾, Витебская земля въ теченіе XIV вѣка была удѣльнымъ княжествомъ и находилась во владѣніи Ольгерда, его сына Ягелла и жены Ульяны, получившей Витебскъ отъ сына „за вѣно“ въ пожизненное владѣніе. Въ 1392 году, по смерти княгини Ульяны¹¹⁸⁾, Витовтъ отдалъ Витебскъ въ держаніе своему сокольнику Феодору Веснѣ; но внезапно явился туда Свидригелло, убилъ Весну и вокняжился въ Витебскѣ. Судя по той энергической защитѣ, какою оказали Свидригеллу Витбляне противъ Витовта, можно думать, что они сами призвали его къ себѣ на княженіе. Какъ бы то ни было, но въ концѣ концовъ Витебская земля должна была принять намѣстника изъ рукъ великаго князя. Хотя мы не имѣемъ прямыхъ указаній на то, что Витовтъ утвердилъ при этомъ права и вольности Витебской земли, но объ этомъ мы можемъ заключить по аналогіи съ другими землями, лишившимися своихъ князей также при Витовтѣ,—Полоцкою и Смоленскою. Кромѣ того, въ текстѣ дошедшихъ до насъ подтвердительныхъ привилеевъ, выданныхъ Витебской землѣ Александромъ въ 1503 г. и Сигизмундомъ въ 1509 году¹¹⁹⁾, находимъ такое обѣщаніе со стороны великаго князя, которое можетъ

¹¹⁵⁾ Акты Зап. Рос. II, № 70.

¹¹⁶⁾ Русско-Ливонскіе акты, прилож. № 1.

¹¹⁷⁾ Лѣтописецъ великихъ князей Литовскихъ, изд. Поповымъ стр. 27.

¹¹⁸⁾ Пол. Собр. Русс. Лѣтоп. VШ, 62.

¹¹⁹⁾ Акты Зап. Россіи. 1, № 201. Zbiór praw litewskich, str. 99—101.

быть объяснено только обстоятельствами Витовтова княженія: „Такъ же, которые будутъ, Литвинъ, або Ляхъ, крещены были у Витебску въ Рускую вѣру, а хто изъ того роду и тепере живеть, того намъ не рушити, права ихъ хрестіянскаго ни въ чомъ не ломити“. Эта статья для времени княженія Александра и Сигизмунда I совершенно лишняя и попала въ подтвердительныя грамоты изъ древнѣйшей, — ближайшимъ образомъ, изъ грамоты Казимира. Но и Казимирова грамота въ данномъ случаѣ, очевидно, повторяетъ лишь старое постановленіе, и именно относящееся ко времени Витовта, когда литвины обязаны были принять католицизмъ, чтобы пользоваться „правомъ хрестіянскимъ“.

VIII.

При Витовтѣ сдѣлалась областью великаго княжества Литовскаго и земля Смоленская. Изгнавъ въ 1404 году изъ Смоленска князя Юрія Святославича, послѣдняго изъ рода Ростиславичей, Витовтъ, по словамъ лѣтописи, „свои намѣстници посади Ляхи и приказа людемъ Смоленскимъ лготу многу чинити, отводя ихъ отъ князя Юрья“¹²⁰⁾. Въ дошедшемъ до насъ подтвердительномъ привилеѣ, выданномъ великимъ княземъ Александромъ въ 1505 году¹²¹⁾, имя Витовта неоднократно упоминается въ связи съ разными установленіями земли. По смерти Витовта Смоленская земля принимала участіе въ движеніи русскихъ земель противъ Сигизмунда, но послѣ пораженія на р. Святой (1435 г.) Смольняне одни изъ первыхъ смирились и изъявили покорность Сигизмунду, который оставилъ у нихъ старину въ полной неприкосновенности. Отсюда и выраженіе позднѣйшихъ подтвердительныхъ грамотъ: „какъ передъ тымъ бывало за великаго князя Витовта и за Жигимонта“. Послѣ гибели Сигизмунда въ Смоленскѣ поднялся мятежъ: Смольняне вмѣстѣ съ Витблянами и Полочанами¹²²⁾, повидимому, задумали отложиться отъ великаго княжества Литовскаго, прогнали литовскій горнизонтъ и призвали княжить къ себѣ Мстиславскаго князя, Юрія Лингвеневиича. Только два года спустя, въ 1442 году, великому князю Казимиру удалось снова посадить своего намѣстника въ Смоленскѣ, при чемъ онъ долженъ былъ гарантировать Смольнянамъ ихъ права и вольности своимъ привилеємъ¹²³⁾. Але-

¹²⁰⁾ Никонов. IV, 310.

¹²¹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 213.

¹²²⁾ Новгородская лѣтопись по Синодальн. харат. списку, стр. 419.

¹²³⁾ Акты Зап. Рос. I, № 213.

Александръ вписалъ въ свою подтвердительную грамоту 1505 года „члони“ изъ этого „маестатнаго привилея“ и кромѣ того изъ нѣкоторыхъ „судовыхъ листовъ“, выданныхъ Смольнянамъ по поводу разныхъ „бривдъ и повинъ“, которыя заводили у нихъ намѣстники при Казимирѣ и при немъ самомъ. Преемникъ его, Сигизмундъ, держалъ Смольнянъ также „по ихъ утвержденнымъ грамотамъ“, какъ объ этомъ говоритъ грамота великаго князя Московскаго Василия Ивановича, данная Смоленску непосредственно послѣ взятія его въ 1514 году ¹²⁴⁾.

Смоленская земля въ качествѣ области великаго княжества Литовскаго содержала въ своемъ составѣ старинные свои удѣлы, Вяземскій и Торопецкій, и новый, образовавшійся уже во времена литовскаго владычества,—Бѣльскій.

Родоначальникомъ князей Вяземскихъ, по указанію древнѣйшихъ родословныхъ книгъ, былъ Андрей Владимировичъ Рюриковича, по прозванію Долгая Рука ¹²⁵⁾. Удѣлъ Вяземскій возникъ, такимъ образомъ, приблизительно въ половинѣ XIII вѣка (Владимиръ Рюриковичъ, по извѣстію Псковскаго лѣтописца, умеръ въ 1239 году) ¹²⁶⁾. Въ началѣ XIV вѣка удѣлъ этотъ существовалъ несомнѣнно: въ 1300 г. князь Андрей Вяземскій приходилъ на помощь городу Дорогобужу, который осаждалъ Смоленскій кн. Александръ Глѣбовичъ ¹²⁷⁾. Одновременно съ тѣмъ, какъ Литва утвердила свое владычество въ Смоленскѣ, должны были подчиниться ей и Вяземскіе князья. Въ 1403 году великій князь Витовтъ послалъ князя Лингвенія изъ Мстиславля „ратію“ на Вяземское княжество, чтобы занятіемъ его охватить Смоленскъ со всѣхъ сторонъ и пресѣчь Смольнянамъ возможность соединяться съ Москвою. Лингвеній успѣшно выполнилъ возложенное на него порученіе, взялъ Вязьму, а князей ея привелъ въ плѣну ¹²⁸⁾. Вязьмѣ, однако, были оставлены ея природные князья, которые обязались служить великому князю съ своими вотчинами. Со своими боярами и слугами они становились въ ополченіе Смоленской земли, которымъ командовалъ Смоленскій намѣстникъ, были ему подвѣдомы въ военномъ отношеніи ¹²⁹⁾ и, кромѣ того, ежегодно платили со своихъ вотчинъ по сощину въ казну Смоленскую. Въ книгѣ земельныхъ раздачъ короля

¹²⁴⁾ Собраніе Госуд. Грам. и Догов. I, № 148.

¹²⁵⁾ Временникъ Импер. Москов. Общ. Истор. и Древн. Россійскихъ X, 145.

¹²⁶⁾ Карамзина III, пр. 347, по изд. Эйнерлинга.

¹²⁷⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. VII, 182.

¹²⁸⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. VIII, 76. Карамз. V, примѣч. 191.

¹²⁹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 108.

Казимира читаемъ между прочимъ: „Князю Костянтину Вяземскому самому посощину на своихъ людѣхъ имати, и давати ему зъ года на годъ по тридцати рублевъ еу Смоленску у нашу казну“ ¹²⁰⁾.

Въ 1355 году Ольгердъ захватилъ городъ Ржеву (нынѣшній Ржевъ на Волгѣ), который лежалъ на границѣ Смоленскихъ владѣній съ Московскими и Тверскими. Изъ этого можно заключить, что мѣстность по пути въ этому городу, т. е. бассейнъ р. Межи, была уже въ его владѣнїи. Занятіе Литвою бассейна р. Межи было неминуемо послѣ того, какъ Литовскій великій князь утвердился въ Витебскѣ; естественно было подвигаться затѣмъ вверхъ по Двинѣ, тѣмъ болѣе что это давало возможность тѣснить съ новыхъ сторонъ Смоленскъ и Новгородъ. Занятіе Литвою бассейна Межи отрѣзало отъ Смоленской земли ея пригородъ Торопецъ, который уже не могъ послѣ того держаться противъ Литвы, и въ 1362 году былъ взятъ и сожженъ. Подъ властью Литвы онъ составилъ особое владѣніе подъ управленіемъ самостоятельнаго намѣстника ¹²¹⁾. Изъ прежнихъ его связей съ Смоленскомъ, послѣ того какъ Смоленскъ сдѣлался литовскимъ владѣніемъ, восстановлена была связь военная и финансовая: бояре и слуги Торопецкіе подъ начальствомъ намѣстника Торопецкаго становились въ ополченіе Смоленской земли, а дань съ Торопецкихъ волостей шла въ „казну“ великаго князя Литовскаго, находившюся въ Смоленскѣ (въ Вильнѣ былъ „скарбъ“) ¹²²⁾.

Первымъ Бѣльскимъ княземъ былъ Иванъ Владимировичъ Ольгердовича, племянникъ и своякъ Ягелла ¹²³⁾. По смерти Ивана Владимировича (послѣ 1446 года) ¹²⁴⁾ Бѣльское княжество перешло къ его сыновьямъ, Федору и Семену, а послѣ измѣны перваго, бѣжавшаго въ 1482 году въ Москву, король Казимиръ отдалъ его „дѣльницу“ вн. Семену ¹²⁵⁾. Въ 1500 году и этотъ послѣдній „прїѣхалъ къ Москвѣ и со всею отчиною приказался великому князю Московскому“ ¹²⁶⁾. Договоръ 1503 года утвердилъ это княжество за Москвою, а равно и Торопецъ съ волостями.—Что касается Вяземскаго княжества,

¹²⁰⁾ Лит. Метр. книга Запис. III л. 39.

¹²¹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 39.

¹²²⁾ Сборникъ Импер. Русск. Ист. Общ. XXXV, 35.

¹²³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. VII, 255.

¹²⁴⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 123.

¹²⁵⁾ Акты Зап. Рос. I, № 126.

¹²⁶⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VIII, 238.

то и оно отошло отъ Литвы ранѣе Смоленска, именно по договору 1494 года.

IX.

По утвержденнымъ грамотамъ держали великіе князья Литовскіе и Жмудскую землю. Въ этой области благодаря историческимъ обстоятельствамъ сильно развился и окрѣпъ племенной индивидуализмъ, который въ свою очередь поддерживалъ индивидуализмъ политической. До половины XV вѣка, можно сказать, Жмудь была оплотомъ Литовскаго народнаго начала, повиновалась охотно тѣмъ великимъ князьямъ Литовскимъ, политика которыхъ носила рѣзко выраженный національный характеръ, напр. Кейстуту, и возставала противъ тѣхъ, которые такъ или иначе измѣняли національной идеѣ, какъ Миндовгъ, Ягелло и Витовтъ. Сами великіе князья Литовскіе не разъ отказывались отъ нея и отдавали ее на жертву нѣмцамъ, что, разумѣется, не могло не усиливать отчужденіе ея отъ Литвы. Начало тѣсному соединенію Жмуди съ Литвою положилъ Витовтъ. Въ 1413 году съ Городельскаго сейма Ягелло и Витовтъ отправились въ Жмудскую землю и лично стали крестить Жмудиновъ, дѣйствуя при этомъ то строгостью, то лаской и дарами. Къ концу года христіанство было водворено въ Жмудской землѣ, и оба государя уѣхали въ Вильну, оставивъ въ Жмудской землѣ правителемъ, или старостою, пана Кезегайла. Чтобы расположить народъ, особенно высшіе классы, къ христіанству и литовскому господству, Ягелло и Витовтъ подавали „боярамъ, вметямъ и всему посольству“ различныя вольности и утвердили ихъ своимъ листомъ. Вольности эти были частью старинныя, а частью новыя, сопряженныя съ дарованіемъ крещенымъ боярамъ „вольнаго христіанскаго“, т. е. шляхетскаго польскаго права. Листъ Ягелла и Витовта не дошелъ до насъ, но объ этомъ упоминаютъ позднѣйшія подтвердительныя грамоты Жмудской земли, напр. великаго князя Александра отъ 1492 года ¹²⁷⁾. Братъ Витовта, Сигизмундъ Кейстutowичъ, который опирался на Жмудь въ достиженіи великокняжескаго стола, охотно оставилъ за Жмудинами ихъ права и вольности и подтвердилъ ихъ своимъ листомъ; на это указываютъ опять тѣ же позднѣйшіе привилегіи Жмудской земли. Послѣ убійства Сигизмунда, одновременно съ провозглашеніемъ Казимира великимъ княземъ Литовскимъ, въ Жмуди поднялся мятежъ. Жмудины провозгласили своимъ княземъ Михаила Сигизмундовича, прогнали своего старосту Кезегайла, какъ челоуѣка,

¹²⁷⁾ Акты Зап. Рос. I, № 103.

преданнаго Казимиру, и выбрали на его мѣсто пана Контовта. Но Михаилъ Сигизмундовичъ не явился на зовъ Жмудиновъ и бѣжалъ въ Москву. Мятежъ скоро былъ усмирень при помощи уступокъ со стороны великокняжескаго правительства. Великій князь оставилъ въ Жмуди старостою Контовта и далъ присягу „захвати ихъ въ ласцѣ своей со всеми ихъ имѣніи“ ¹³⁸). Въ это-то время, по всей вѣроятности, онъ подтвердилъ своимъ листомъ права и вольности Жмудской земли, данныя его предшественниками, и, между прочимъ, право принимать только тѣхъ воеводъ и тивуновъ, „которыхъ бы они себѣ обрали або которыхъ бы у насъ просили“ ¹³⁹). Прекращеніе мятежа, по крайней мѣрѣ, самими Жмудинами разсматривалось, какъ добровольное соединеніе ихъ земли съ Литвою, и само Литовское правительство обязалось официально держаться такого же взгляда. „Напервѣй, хочемъ“, читаемъ мы въ дошедшей до насъ подтвердительною грамотѣ 1492 года, „иже имъ жадны не маеть мовити, альбо на очи истить, иже бы презъ мечъ, альбо чрезъ оны валки были звалчоны, але зъ доброю волею пристали“ ¹⁴⁰). Листъ Казимира подтверждали по очереди его сыновья, Александръ и Сигизмундъ, а позднѣе Сигизмундъ Августъ въ 1569 г. ¹⁴¹) и Генрихъ въ 1574 году ¹⁴²).

Х.

Кіевская земля была несомнѣнно литовскимъ владѣніемъ при Ольгердѣ (время и обстоятельства ея присоединенія до сихъ поръ не установлены безспорно въ исторической литературѣ ¹⁴³). Она досталась въ удѣлъ его сыну Владимиру, котораго по нашимъ лѣтописямъ мы видимъ въ качествѣ Кіевскаго князя въ 1382 году; именно, въ этомъ году онъ задержалъ въ Кіевѣ и посадилъ въ заточеніе архіепископа

¹³⁸) Такъ называемая лѣтопись Быховца у Нарбута въ его *Роміки do dziejów litewskich*, str. 53. Wilno 1846.

¹³⁹) арт. 16 грамоты 1492 г.

¹⁴⁰) Акты Зап. Рос. I, № 103.

¹⁴¹) *Zbiór praw litewskich*, str. 67—72.

¹⁴²) Акты Зап. Рос. III, № 59.

¹⁴³) См. В. Б. Антоновича Очеркъ Исторіи Великаго княжества Литовскаго, стр. 52—65. Н. Дашкевича Запѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства, стр. 42—65. М. Ф. Владимірскаго-Буданова Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XIII до половины XVII в., стр. 38, 39. Кіевъ 1886. М. Грушевскаго Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV ст. стр. 470—497, Кіевъ 1891.

скопа Суздальскаго Діонисія, возвращавшагося изъ Царьграда уже въ санѣ митрополита, за то, что онъ ходилъ туда безъ его „повелѣнія“ ¹⁴⁴⁾. Мы имѣемъ, кромѣ того, свѣдѣнія о нѣсколькихъ присяжныхъ записяхъ, которыя онъ далъ на вѣрность королю, королевѣ и коронѣ Польской въ 1386—1389 г. ¹⁴⁵⁾. Въ 1395 году Владимиръ Ольгердовичъ долженъ былъ уступить Кіевскій столъ брату Скиргеллу, которому помогалъ великій князь Витовтъ, и ушелъ на Копыль. Скиргелло просидѣлъ на Кіевскомъ столѣ не болѣе года и умеръ, какъ предполагали современники, отъ отравы. Послѣ того великій князь Витовтъ посадилъ въ Кіевѣ князя Ивана Ольгимунтовича Ольшанскаго на правахъ намѣстника, или воеводы ¹⁴⁶⁾. Ни князь Иванъ, ни его преемникъ, князь Михаилъ Ивановичъ ¹⁴⁷⁾ не владѣли Кіевомъ на правѣ удѣльныхъ князей: позднѣйшіе привилеи, данные Кіевской землѣ, говоря о старинныхъ порядкахъ и установленіяхъ, прибавляютъ: „какъ было за великаго князя Витовта и Жигимонта“, и этимъ прямо указываютъ на то, что Кіевская земля при этихъ государяхъ была областью великаго княжества, которою управляли великокняжескіе урядники ¹⁴⁸⁾. Князь Михаилъ названъ въ лѣтописи даже прямо воеводою. Впрочемъ, Сигизмунду Кіевская земля была подвластна сравнительно недолгое время, уже въ самомъ концѣ его княженія; до этого же времени она признавала надъ собою власть Свидригелла, изъ рукъ котораго держалъ ее воевода, панъ Юрша ¹⁴⁹⁾. Со вступленіемъ на великое княженіе Литовское Казимира въ 1440 г. Кіевская земля была отдана сыну Владимира Ольгердовича Олельку. Олелько распорядился въ ней, какъ полновластный владѣтель, и въ грамотахъ называлъ себя „государемъ-отчичемъ Кіевскимъ“ ¹⁵⁰⁾. Великокняжеское правительство, однако, смотрѣло на его владѣніе только, какъ на „доживотье“. Поэтому, когда послѣ его смерти (въ 1455 году) сыновья его, Семень и Михаилъ, обратились къ королю съ просьбою о раздѣлѣ между ними Кіевской земли, Казимиръ отказалъ имъ въ этомъ: „дѣдъ вашъ, князь Володимеръ“, говорилъ онъ имъ, „бѣгалъ на Москву и тѣмъ пробѣгалъ отчизну свою Кіевъ“. Кіевскую землю цѣликомъ король отдалъ

¹⁴⁴⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. VIII, 49.

¹⁴⁵⁾ E. *Stadnickiego* *Bracia Władysława Jagelły*, str. 115, nota 5.

¹⁴⁶⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 352.

¹⁴⁷⁾ *Scarbies dyplomatów II*, № 1359. Лѣтопись Быховца, 46.

¹⁴⁸⁾ Акты Зап. Россіи II, № 30.

¹⁴⁹⁾ Акты Зап. Россіи I, № 36.

¹⁵⁰⁾ Акты Историческіе, изданные Археограф. Комиссією I, № 259.

держатъ „отъ себя“ князю Семену, а Михаилъ ушелъ на отчину свою Кошылъ ¹⁵¹⁾. Семенъ Олельковичъ правилъ Кіевской землей „до живота“ и, повидимому, на такихъ же правахъ, какъ отецъ, а не на положеніи простого намѣстника. Въ концѣ 1470 года онъ умеръ. Король хотѣлъ было отдать Кіевскую землю его сыну Василю, но въ радѣ его поднялись противъ этого голоса, стали говорить, что такая обширная и важная область, переходя отъ отца къ сыну въ одномъ княжескомъ родѣ, превратится, наконецъ, въ удѣльное княжество. Казимиръ далъ вдовѣ Семена Олельковича и его сыну Пинскъ въ „хлѣбокормленіе“ съ обѣщаніемъ въ случаѣ отобранія Пинска дать другое „такъ доброе“ имѣніе, а „граничную землю Кіевъ на себе взять“ ¹⁵²⁾. Въ Кіевъ былъ посланъ воеводою панъ Мартинъ Гаштольдъ, но Кіевляне не приняли его, такъ какъ онъ былъ не князь и не православной вѣры, но, наконецъ, „принуждени бывша“ высланнымъ противъ нихъ королевскимъ войскомъ, подчинились присланному воеводѣ; „и отселъ на Кіевѣ князи пересташа быти, а вмѣсто князей воеводы на-сташа“ ¹⁵³⁾. Но кромѣ замѣны князей воеводами всѣ старинные порядки и установленія остались въ силѣ, какъ было „за великаго князя Витовта и за Живгимонта“. Казимиръ сверхъ того пожаловалъ князьямъ, панамъ, боярамъ и землянамъ, всей шляхтѣ Кіевской „право добровольное хрестыанское“, т. е. польское шляхетское. Листъ Казимира подтвердилъ его сынъ Александръ, а потомъ Сигизмундъ въ 1507 году и 1529 г. ¹⁵⁴⁾. Мѣщанъ Кіевскихъ Казимиръ пожаловалъ особо, „какъ были за великаго князя Витовта“; листъ Казимира подтвердили его сыновья, Александръ въ 1494 году и Сигизмундъ въ 1506 году ¹⁵⁵⁾.

XI.

Кромѣ Кіевской земли, при Казимирѣ лишилась своего князя и стала управляться урядниками великаго князя и земля Волынская. Первымъ литовскимъ княземъ на Волыни былъ Любартъ, женатый на дочери Владимирскаго князя, Андрея Юрьевича ¹⁵⁶⁾. По смерти по-

¹⁵¹⁾ Лѣтопись Быховца, стр. 61.

¹⁵²⁾ Акты Зап. Рос. I, № 163.

¹⁵³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 358.

¹⁵⁴⁾ Акты Зап. Рос. II, № 30, 164.

¹⁵⁵⁾ Акты Зап. Россіи I, № 120; II, № 3.

¹⁵⁶⁾ *Филевича* Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Володимирское наслѣдіе въ Ж. М. Н. Пр. 1889, № 11, стр. 176, 180, пр. 6. Справ. В. Б.

сѣднiаго Галицко-Владимирскаго князя изъ потомковъ Данила Романовича—Юрiя II (около 1336 года), Любарть, до этого времени, повидному, державшiй только нѣсколько волостей „въ кормленiи“, занялъ всю Волынскую землю, изгнавъ или подчинивъ себѣ природныхъ русскихъ князей ¹⁵⁷⁾, тогда какъ въ Галицкой землѣ утвердился другой зять Андрея Юрьевича, Болеславъ Тройденевичъ, одинъ изъ польскихъ князей. Въ 1340 году Болеславъ Тройденевичъ умеръ въ Львовѣ отъ отравы. Польскiй король Казимиръ, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, какъ предлогомъ, внезапно вторгнулся въ Галицкую землю и занялъ было Львовъ и другiе города. Но одинъ изъ сильныхъ галицкихъ бояръ—Детко вмѣстѣ съ княземъ Федоромъ Даниловичемъ Острожскимъ призвали татаръ и вытѣснили польскiе гарнизоны изъ Галицкой земли. Галицкимъ княземъ послѣ того признавался Любарть, хотя фактическимъ правителемъ былъ Детко, носившiй титулъ *provisor seu capitaneus terrae Russiae* ¹⁵⁸⁾. Въ 1349 году, воспользовавшись поражениемъ литовскихъ князей на р. Стравѣ, Казимиръ занялъ Галицкую землю и большую часть Волыни; Любарту осталась только Луцкая земля. Черезъ три года Любарть, соединившись съ братьями, вытѣснилъ поляковъ изъ Волынской земли: по условiямъ перемирiя, закончившаго эту войну ¹⁵⁹⁾, король удержалъ за собою только Львовскую землю, тогда какъ за литовскими князьями признаны были земли Владимирская, Луцкая, Бельзская, Холмская и Берестейская; Кременецъ съ округомъ долженъ былъ держать Юрiй Наримунтовичъ „отъ князей литовскихъ и отъ короля“ ¹⁶⁰⁾. Такое разграниченiе сохранялось до 1366 года, когда королю удалось захватить кромѣ того земли Холмско-Бельзскую и Владимирскую. Король, впрочемъ, часть Владимирской земли (волости на сѣверѣ ея) возвратилъ Любарту ¹⁶¹⁾, но за то Любарть обязался королю „службою“,—помогать „на всякого неприятеля опроче своеѣ братьѣ безо всякое хитрости и льсти“, равно не помогать братьямъ, когда они пойдутъ на короля ¹⁶²⁾. Со смертию Казимира Великаго въ 1370 году Любарть и Кейстутъ вытѣснили

Антоновича Очеркъ исторiи великаго княжества Литовскаго, 57; *Андрiяшева* Очеркъ исторiи Волынской земли, стр. 207, пр. 4. Кiевъ 1887.

¹⁵⁷⁾ *Андрiяшева* Очеркъ исторiи Волынской земли, стр. 208, пр. 4.

¹⁵⁸⁾ *Андрiяшева* Очеркъ исторiи Волынской земли, стр. 210, 211.

¹⁵⁹⁾ *Андрiяшева* Очеркъ исторiи Волынской земли, стр. 215, пр. I.

¹⁶⁰⁾ Акты Зап. Рос. I, № 1.

¹⁶¹⁾ *Scarbies dyplomátów* I, № 432.

¹⁶²⁾ *Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków* I, № 1.

польскій гарнизонъ изъ Владимира, а по смерти его преемника, Людовика Венгерскаго, въ 1382 году Любарть занялъ и остальные Волынскіе города, которые сдали ему намѣстники Людовика (за исключеніемъ Холма и Бельза). Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ вся Волынь соединилась въ рукахъ Любарта.

По смерти Любарта (около 1382 года) въ Волынской землѣ сталъ княжить сынъ его, Ѳеодоръ. Вѣроятно, имъ дана была грамота князю Ѳеодору Даниловичу Острожскому, помѣщенная въ „Архивѣ князей Сангущковъ“, въ которой какой-то великій князь Ѳеодотъ (въ написаніи этого имени, очевидно, есть ошибка) съ братьями Лазаремъ и Семеномъ и матерью Ольгою обѣщаетъ князю Ѳеодору Даниловичу не вступаться „въ его отчину и служебные“¹⁶³). Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что Ѳеодоръ Любартовичъ называетъ себя Луцкимъ въ присяжной записи, данной на вѣрность королю Владиславу и коронѣ Польской отъ 22 мая 1386 г.¹⁶⁴); изъ вышеупомянутаго договора 1366 года мы знаемъ, что городъ Острогъ съ волостями находился въ составѣ Луцкой земли, а, слѣдовательно, и князь Ѳеодоръ Даниловичъ Острожскій долженъ былъ получить подтвержденіе отъ князя Луцкаго. Вскорѣ, однако, Луцкъ отошелъ отъ Ѳеодора Любартовича, какъ это видно изъ подтвердительной грамоты на отчину, полученной 4 ноября 1386 года княземъ Ѳеодоромъ Даниловичемъ Острожскимъ уже отъ короля Владислава, которому онъ обязался служить такъ же, какъ служилъ покойному Любарту¹⁶⁵). Неизвѣстно, при какихъ обстоятельствахъ совершилось это занятіе Луцкой земли королемъ Ягелломъ; извѣстно только то, что Ѳеодоръ Любартовичъ послѣ этого владѣлъ Владимирскимъ округомъ¹⁶⁶), а Луцкую землю Ягелло въ 1388 году отдалъ Витовту въ вознагражденіе за то, что не додалъ ему всю отчину его и посадилъ на великомъ княженѣ въ Вильнѣ не его, а Свиргелла¹⁶⁷). Въ 1392 году Витовтъ, послѣ того какъ получилъ отъ Ягелла великое княженіе на Литвѣ, выгналъ Ѳеодора Любартовича изъ Владимира и занялъ всю Волынскую землю. По смерти Витовта Ягелло возвратилъ было Владимиръ съ его округомъ отчичу его, князю „Ѳеодюшку“, но не надолго: въ томъ же году Ѳеодоръ Любартовичъ умеръ, завѣщавъ свою отчину и свое движимое и недви-

¹⁶³) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № VIII.

¹⁶⁴) Ibidem I, № III.

¹⁶⁵) Ibidem I, № V.

¹⁶⁶) См., напр. Codex epistolaris Vitoldi, № XXXV.

¹⁶⁷) Codex epistolaris Vitoldi, № LXIII.

жимое имущество королю Владиславу ¹⁶⁸). Поляки одновременно съ тѣмъ двинули войска съ цѣлю захвата Подолья и Волыни, которыя они считали уже частями короны. Имъ удалось, однако, занять только большую часть Подолья, а изъ Волыни ихъ выбилъ Свидригелло, избранный въ то время великимъ княземъ Литовскимъ. Послѣ низверженія Свидригелла съ великокняжескаго стола новый великій князь Сигизмундъ Кейстutowичъ, обязанный своимъ возвышеніемъ проискавъ Поляковъ, формально уступилъ Польшѣ Подольскую землю, а Волынь послѣ своей смерти ¹⁶⁹). Но Свидригелло не выпустилъ изъ своихъ рукъ Волыни и части Подолья. Въ 1437 г., лишившись уже поддержки Смоленской, Полоцкой и Витебской земель, Свидригелло вошелъ въ соглашеніе съ Польскимъ королемъ Владиславомъ III, признавъ себя въ непосредственной зависимости отъ него, а его главные сановники обязались вмѣстѣ съ своимъ княземъ вѣрно служить королю и коронѣ Польской и по смерти его не признавать никого своимъ государемъ помимо короля ¹⁷⁰). Но лишь только на великомъ княженѣ въ Вильнѣ сѣлъ королевичъ Казимиръ, Свидригелло отрезся отъ вассальныхъ отношеній къ коронѣ Польской и цѣловалъ крестъ на вѣрность великому княжеству Литовскому. Послѣ того возгорѣлись ожесточенные споры на сеймахъ между литовскими вельможами и польскими по поводу Волынской земли и Подолья. Литва требовала очищенія Подольской земли и занятыхъ Поляками Волынскихъ замковъ, какъ исконныхъ русскихъ земель. Поляки требовали полного присоединенія къ коронѣ земель Волынской и Подольской, ссылаясь на завоеваніе Подолья Казимиромъ III, на держаніе Подолья и Волыни его преемниками, Людовикомъ и Владиславомъ Ягелломъ, къ коронѣ Польской, на актъ Городельской уніи и другіе договоры, въ особенности на договоръ съ Сигизмундомъ Кейстutowичемъ, который, какъ уже выше сказано, формально уступилъ коронѣ земли Волынскую и Подольскую. Споры эти не привели ни къ какому результату, и каждая сторона осталась при томъ, чѣмъ фактически владѣла. Поляки удержали большую часть Подольскихъ замковъ, а за Литвою осталась Волынь, гдѣ княжилъ Свидригелло. Въ 1452 году, лежа на смертномъ одрѣ, Свидригелло призвалъ своего старосту Нѣмира, князей Чарторыйскихъ, боярина Юршу и другихъ пановъ и заставилъ ихъ повѣстаться, что они послѣ его смерти не отдадутъ Волынь никому,

¹⁶⁸) *Wolffa Ród Gedymina*, str. 76.

¹⁶⁹) *Scarbiec dyplomatów II*, № 1630.

¹⁷⁰) *K. Stadnickiego Bracia Wł. Jagellų*, str. 562.

кромѣ великаго князя Литовскаго. Это было исполнено, и по смерти Свидригелла Луцкъ и другіе города Волинской земли были заняты литовско-русскими гарнизонами. Городъ Луцкъ Казимиръ отдалъ пану Олизару Шиловичу, который принесъ присягу „городъ Лучоскъ держати вѣрно на короля его милость, въ великому княжеству Литовскому“¹⁷¹⁾.

Волинская земля съ того времени и до самой Люблинской уніи осталась областью великаго княжества Литовскаго, которою управляли урядники великаго князя. Король Казимиръ далъ Волинскимъ князьямъ, панамъ и землянамъ листъ, коимъ онъ подтверждалъ „право ихъ земли“, а его преемники въ свою очередь подтвердили этотъ листъ вмѣстѣ съ дарованіемъ нѣкоторыхъ новыхъ вольностей¹⁷²⁾.

Привилеи, пожалованные русскимъ землямъ и подтверждавшіеся въ изучаемое время, даютъ нѣсколько очень характерныхъ указаній на политическое единство, обособленность и самобытность, которыя земли продолжали сохранять и послѣ упраздненія въ нихъ удѣльныхъ столовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ указаній приведены были уже выше, и въ настоящемъ случаѣ мы обратимъ вниманіе лишь только на тѣ, которыя ихъ дополняютъ. Такъ, великіе князья обѣщали: „а волости кievскіе кияномъ держати, а иному ниеому“¹⁷³⁾; подобное же обѣщаніе давали оби и Смоленской землѣ¹⁷⁴⁾ и такого же порядка держались въ отношеніи другихъ земель, какъ увидимъ впоследствии. Держаніе волостей, т. е. отправленіе различныхъ доходныхъ должностей, было стариннымъ правомъ мѣстнаго боярства и вело свое начало отъ времени политической самостоятельности земель. Сохраняясь въ изучаемое время, оно обусловливало, между прочимъ, и территоріальную цѣлостность и нераздѣльность земель, какъ это явствуетъ изъ привилеи Смоленской земли: „А што Швитриггаило“, читаемъ здѣсь, — „отвернулъ былъ волости отъ Смоленска, тые волости зася его милость (великій князь Казимиръ) привернулъ къ Смоленску; и што великій князь Витовтъ обернулъ былъ во Мстиславлю Смоленское волости Молоховскіи люди, а той люди его милость опять привернулъ къ Молохвѣ по старому; а тыхъ волостей Смоленскихъ ниеому не держати, ни жьли бояромъ Смоленскимъ же“. Политическая самобытность особенно рѣзко обнаруживается въ правѣ земель Витебской и Полоцкой

¹⁷¹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 53, II.

¹⁷²⁾ Акты Зап. Рос. II, № 54.

¹⁷³⁾ Акты Зап. Рос. II, № 30.

¹⁷⁴⁾ Акты Зап. Рос. I, № 213.

принимать къ себѣ главныхъ управителей „по ихъ воли“, правѣ, которое, очевидно, вело свое начало отъ того времени, когда эти земли призывали къ себѣ князей. Такимъ же правомъ пользовалась и Жмудская земля въ отношеніи главнаго своего управителя—старосты и второстепенныхъ—тивуновъ, хотя это право было нѣсколько иного происхожденія, чѣмъ право земель Витебской и Полоцкой. О политической обособленности послѣднихъ говорятъ также обѣщанія великаго князя не посылать Витблянъ и Полочанъ въ „заставы“, т. е. на гарнизонную службу, за предѣлы земель, а также—не присылать къ нимъ „заставы“ безъ ихъ согласія. Наконецъ, о томъ же самомъ и въ отношеніи ко всѣмъ землямъ говорятъ различныя права и вольности, данныя уже всему государству въ общеземскихъ привилеяхъ и тѣмъ не менѣе подтверждавшіяся особо для каждой земли въ ея привилеѣ.

Каждая изъ перечисленныхъ земель представляла особый военный округъ, начальникомъ котораго былъ намѣстникъ главнаго города или воевода (въ Жмуди—староста), а въ Волынской землѣ маршалокъ, каковое званіе давалось, по большей части, старшему уряднику въ области—старостѣ Луцкому. Въ рукахъ этихъ начальниковъ сосредоточивалось и высшее управленіе землею и высшій судъ, и всѣ прочіе урядники были имъ болѣе или менѣе подчинены; около нихъ собиралась земля, т. е. мѣстные князья, паны и бояре или земляне—шляхта (въ нѣкоторыхъ земляхъ и мѣщане) для обсужденія различныхъ важныхъ вопросовъ и постановленій, которые вызывались областною жизнью и должны были имѣть силу законовъ въ предѣлахъ „земли“, для избранья нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ и т. д. Обо всемъ этомъ будетъ сказано подробнѣе въ слѣдующихъ очеркахъ.

ХІІ.

Около половины XIV вѣка литовское владычество распространилось и на владѣнія князей Чернигово-Сѣверскихъ, потомковъ Олега Святославича. Самымъ значительнымъ изъ этихъ владѣній былъ въ то время Брянскъ съ тянувшими къ нему волостями. Князья Брянскіе со второй половины XIII вѣка были обыкновенно старшими надъ своими родичами, представителями ихъ предъ ханомъ Татарскимъ (намекъ на это даетъ, напр., рассказъ лѣтописи о походѣ хана Менгу-темира на Тройдена)¹⁷⁵⁾, и въ качествѣ таковыхъ носили титулъ великихъ князей Черниговскихъ¹⁷⁶⁾. Возвышеніе Брянска, по всей

¹⁷⁵⁾ Лѣтопись по Ипат. списку, стр. 575.

¹⁷⁶⁾ Любецкій синодикъ въ Читеніяхъ Импер. Москов. Общ. Истор. и Древн. Россійскихъ 1871, кн. 2.

видимости, стояло въ связи съ приливомъ въ его область населенія, которое съ приходомъ татаръ должно было покинуть бассейнъ Семи и нижней Десны и искать спасенія въ лѣсистыхъ и болотистыхъ верховьяхъ Оки и Десны. Брянскій удѣлъ, какъ самый значительный, достался старшему сыну князя Михаила Всеволодовича Роману и увеличенъ былъ дѣятельностью его потомковъ. Указаніе на это даетъ намъ Любецкій синодикъ, который поминаетъ князя Брянскаго—Черниговскаго Олега Леонтія, „оставившаго дванадцать темъ людей и приѣмшаго ангельскій образъ“¹⁷⁷⁾. Съ начала XIV вѣка, однако, въ семьѣ Брянскихъ князей начались усобицы, которыя осложнились борьбою ихъ съ Брянскимъ вѣчемъ. Въ половинѣ XIV вѣка въ Брянскѣ, по словамъ лѣтописи, были „мятежъ отъ лихихъ людей и заматня велія и опустѣніе града“¹⁷⁸⁾. Этимъ воспользовался великій князь Литовскій Ольгердъ, неустанно расширявшій свои владѣнія на счетъ русскихъ земель, и занялъ Брянскъ (около 1356 года).

Одновременно съ Брянскомъ заняты были Литвою и нѣкоторыя другія владѣнія потомковъ Олега Святославича въ Чернигово-Сѣверскомъ краѣ, лишившіяся своихъ природныхъ князей, какъ напримѣръ Трубчевскъ, Новгородокъ Сѣверскій, Рыльскъ, Путивль и самый Черниговъ. Кромѣ того, приведены были въ зависимость отъ великаго князя Литовскаго потомки св. Михаила, владѣвшіе городами и волостями въ землѣ древнихъ Вятчей, по верхней Окѣ и ея притокамъ, такъ называемые „верховскіе“ князья. Съ утвержденіемъ литовскаго владычества исчезла и тѣнь политическаго единства Чернигово-Сѣверской земли, которая существовала въ татарскую эпоху и представителями которой были великіе князья Черниговскіе, впрочемъ, болѣе титулярные, чѣмъ властительные. Ни одинъ городъ не получилъ здѣсь преобладанія надъ другими, не сдѣлался центромъ, къ которому тяготѣли бы въ политическомъ отношеніи всѣ другіе города и волости. Литва оставила этотъ край въ состояніи того же политическаго дробленія и раздѣленія, въ какомъ онъ достался ей, не сплотила его политически въ одну землю, а уничтожила даже и послѣдніе остатки политическаго единства, существовавшаго въ этомъ краѣ. Оставшіеся на своихъ отчинахъ русскіе князья, связанные другъ съ другомъ владѣльческими отношеніями только въ тѣсныхъ предѣлахъ отдѣльныхъ семей или родовъ, подчинялись непосредственно великому князю, а равно и тѣ князья, которые получили здѣсь владѣнія уже изъ рукъ великаго князя

¹⁷⁷⁾ Чтенія Импер. Моск. Общ. Истор. и Древн. Рос. 1871, кн. 2, стр. 35

¹⁷⁸⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. X, 228.

Литовскаго. Такъ было на первыхъ порахъ, пока еще на Литовской Руси господствовала удѣльная система. Послѣ того какъ удѣльная система пала въ большей ея части, и организовалось великокняжеское управленіе въ областяхъ, нѣкоторыя изъ Чернигово-Сѣверскихъ волостей, именно тѣ, которыя лежали въ бассейнѣ верхней Оки и Десны, сдѣлались смоленскими „пригородами“ потянули къ Смоленску, какъ къ военному и даже судебно-административному средоточію. Волости по средней Деснѣ и ея притокамъ составлявшія собственную Сѣверскую землю, просуществовали въ качествѣ самостоятельныхъ частей великаго княжества до самаго 1503 года, когда отошли къ Москвѣ.

Ольгердъ назначилъ въ Чернигово-Сѣверской землѣ удѣлы двумъ сыновьямъ своимъ: Дмитрію—Брянскъ и Дмитрію - Корибуту—Новгородъ Сѣверскій ¹⁷⁹⁾. Дмитрій Ольгердовичъ провнѣжилъ въ Брянскѣ, въ которому тянулъ также и Трубчевскъ ¹⁸⁰⁾, до 1399 года; въ этомъ году онъ вмѣстѣ съ другими князьями палъ въ битвѣ на Ворсклѣ ¹⁸¹⁾. По смерти его дѣти изъ отцовскихъ владѣній получили только Трубчевскъ, можетъ быть, вслѣдствіе того, что за отцомъ ихъ была вина—измѣна и союзъ съ Москвою въ 1379 году. Князья Трубецкіе владѣли своею отчиною въ зависимости отъ великаго князя Литовскаго до 1500 года, когда они передались на сторону Москвы ¹⁸²⁾. Что касается Брянска, то онъ по смерти Дмитрія Ольгердовича сталъ управляться великокняжескими намѣстниками. Дмитрій - Корибутъ владѣлъ Новгородомъ Сѣверскимъ до 1392 года, когда у него отобрали удѣлъ за непризнаніе Витовта великимъ княземъ и отдали его князю Федору Любартовичу во временное владѣніе, до господарской воли (*ad sue regalis duxtaxat beneplacitum voluntatis*) ¹⁸³⁾. Федоръ Любартовичъ, однако, не долго держалъ Сѣверскую землю: въ 1398 году онъ вмѣстѣ съ Свидригелломъ былъ уже въ Венгріи, откуда они оба послали къ великому магистру съ просьбою о помощи противъ братьевъ ¹⁸⁴⁾.

Кромѣ сыновей Ольгерда въ Черниговской землѣ въ концѣ XIV вѣка имѣлъ удѣлъ еще одинъ князь изъ рода Гедимина—Александръ Патрикѣевичъ, внукъ Наримупта Гедиминовича, владѣвшій Староду-

¹⁷⁹⁾ *Wolffa Ród Gedymina*, str. 90—93, 152—155.

¹⁸⁰⁾ *Поля. Собр. Русск. Лѣт. VIII*, 34.

¹⁸¹⁾ *Поля. Собр. Русск. Лѣт. IV*, 104.

¹⁸²⁾ *Карамзина VI*, пр. 481.

¹⁸³⁾ *Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I*, № XIV, XV.

¹⁸⁴⁾ *В. Стаднического Bracia Władysława Jagelły*, 308.

бомъ (упоминается въ первый разъ по источникамъ въ 1388 году)¹⁸⁵⁾. Во время войны великаго князя Витовта съ Василюемъ Дмитриевичемъ Московскимъ въ 1406 году, Александръ Патрикѣвичъ обнаружилъ враждебные замыслы противъ Витовта, вслѣдствіе чего лишился удѣла, который Витовтъ отдалъ брату своему Сигизмунду¹⁸⁶⁾. Сигизмундъ Кейстутовичъ проклянулъ въ Стародубѣ около 26 лѣтъ, до 1432 года, когда онъ по низверженіи Свидригелла сдѣлался великимъ княземъ Литовскимъ; Стародубъ послѣ того перешелъ въ управленіе къ великокняжескимъ намѣстникамъ.

Въ 1419 году Свидригелло, помирившись съ Ягелломъ и Витовтомъ, получилъ отъ нихъ Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій и Брянскъ¹⁸⁷⁾ и сталъ титуловаться Черниговскимъ, Сѣверскимъ и Трубецкимъ (послѣднимъ, вѣроятно, потому, что князья Трубецкіе были подчинены ему¹⁸⁸⁾). Въ Черниговѣ онъ просидѣлъ до смерти Витовта въ 1430 году, послѣ чего ушелъ въ Вильну на великое княженіе. Съ уходомъ его распалось начинавшееся было завязываться политическое единство Чернигово-Сѣверской земли, и она снова распалась на отдѣльныя части подъ управленіемъ великокняжескихъ намѣстниковъ. Съ половины XV вѣка Литовское правительство стало давать здѣсь кормленья и отчины бѣглымъ князьямъ московскаго рода, сдѣлавшимся жертвою утверждавшагося въ Москвѣ единодержавія. Такъ, король Казимиръ въ 1446 году далъ князю Василю Ярославичу Боровскому „Дѣбрянскъ въ вотчину, да Гомей, да Стародубъ, да Мстиславль (это ошибка лѣтописи) и иные многіе мѣста“¹⁸⁹⁾. Князь Василій Ярославичъ скоро, впрочемъ, ушелъ обратно въ Москву. Въ 1450 году король отдалъ Брянскъ съ волостями „у вотчину“ князю Ивану Андреевичу Можайскому, бѣжавшему въ Литву послѣ того, какъ на Москвѣ взялъ верхъ надъ своими двоюродными братьями Василій Васильевичъ Темный¹⁹⁰⁾. Впрочемъ, король впоследствии взялъ у Ивана Андреевича Брянскъ и далъ ему взаменъ Стародубъ и Гомель. Великій князь Александръ подтвердилъ его сыну Семену Стародубъ и Гомель на вѣчность и, кромѣ того, далъ ему въ вѣчное же владѣніе Черниговъ съ волостями¹⁹¹⁾. По сосѣдству съ княземъ Семеномъ Ива-

¹⁸⁵⁾ *Wolffa Ród Gedymina*, str. 17.

¹⁸⁶⁾ *Codex epistolaris Vitoldi*, № CCCLII.

¹⁸⁷⁾ *K. Stadnickiego Bracia Władysława Jagiełły*, str. 323.

¹⁸⁸⁾ *Codex epistolaris Vitoldi*, № MXXXIV.

¹⁸⁹⁾ *Полн. Собр. Русск. Лѣт.* VI, 174—175; VIII, 117.

¹⁹⁰⁾ *Акты Зап. Рос.* I, № 52.

¹⁹¹⁾ *Ibidem*, № 139.

повичем Можайскимъ, въ Новгородѣ Сѣверскомъ и Рыльскѣ, въ концѣ XV-го вѣка княжилъ другой изгнанникъ Московскій, князь Василій Ивановичъ Шемячича. Онъ ли получилъ эти волости отъ великаго князя Литовскаго или еще его отецъ, наличные источники не даютъ указаній. Въ концѣ 1499 г. князья Семенъ Ивановичъ и Василій Ивановичъ передались со своими отчинами великому князю Московскому вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими князьями: Трубецкими, Мосальскими и т. д. ¹⁹²⁾). Одновременно съ тѣмъ воеводы великаго князя Московскаго заняли и всѣ остальные Чернигово-Сѣверскіе города и волости, которые до договору 1503 года остались во владѣніи Москвы ¹⁹³⁾).

Что касается владѣній русскихъ природныхъ князей въ этомъ краѣ, то самыми значительными изъ нихъ въ изучаемое время (до 1494 года) были удѣлы потомковъ князя Семена Михайловича Глуховскаго и Новосильскаго, сына св. Михаила Черниговскаго, средоточіями которыхъ были города: Новосиль, Бѣлевъ, Одоевъ и Вортыньскъ.

Извѣстія о княжествѣ Новосильскомъ и его владѣтеляхъ появляются въ памятникахъ второй половины XIV вѣка. Въ 1371 г. великій князь Ольгердъ, жалуясь Константинопольскому патриарху на поведеніе митрополита Кіевскаго и великаго князя Московскаго, писалъ между прочимъ: „зятя Ивана, князя Новосильскаго, и его княжество зайхали и мать его поймали и дочь мою взяли“ ¹⁹⁴⁾). Упоминаемый князь Иванъ, повидимому, не одинъ княжилъ въ Новосили: лѣтопись подъ 1375 годомъ называетъ еще князя Романа Семеновича Новосильскаго, который служилъ великому князю Московскому и ходилъ съ нимъ на Тверь ¹⁹⁵⁾). Этотъ Романъ, по всей вѣроятности, доводился братомъ князю Ивану, а оба они были дѣтьми князя Семена Александровича, сына Александра Семеновича Новосильскаго (+1326 г.) и внука св. Михаила ¹⁹⁶⁾).—Въ 1376 году княжество Новосильское подвергалось сильному разоренію отъ татаръ ¹⁹⁷⁾, а князь Романъ Семеновичъ „отъ пасилья татарскаго“ долженъ былъ перенести свою ре-

¹⁹²⁾ Карамзина VI, прил. 481.

¹⁹³⁾ Сбор. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, стр. 348—402.

¹⁹⁴⁾ Русская Историческая Библіотека VI, прил. 24.

¹⁹⁵⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VIII, 22.

¹⁹⁶⁾ См. Любецкій синодикъ и Отчетъ о двадцать восьмомъ присужденіи награды гр. Уварова, стр. 89.

¹⁹⁷⁾ Карамзина V, прил. 37.

зиденцію изъ Новосили въ Одоевъ ¹⁹⁸). Это нападеніе татаръ, можетъ быть, стояло въ связи съ походомъ князя Романа на Тверь, состоялось по наущенію Ольгерда за участіе, которое принималъ князь Романъ въ войнѣ противъ его союзника, великаго князя Тверского. Какъ бы то ни было, Московское вліяніе взяло перевѣсъ въ Новосили надъ Литовскимъ, и князья Новосильскіе въ послѣдней четверти XIV вѣка и въ первыхъ годахъ XV-го были подручниками великаго князя Московскаго. Романъ Семеновичъ, какъ мы видѣли, служилъ великому князю Дмитрію Ивановичу, а сынъ его Семень служилъ великому князю Василю Дмитріевичу, который, заключая въ 1402 году договоръ съ Рязанскимъ княземъ Ѳеодоромъ Ольговичемъ, обязывалъ его, между прочимъ, „взяти любовь“ съ князьями Торусскими и кн. Семеномъ Романовичемъ Новосильскимъ, „занеже ти князи“, писалъ онъ, „со мною одинъ человекъ“ ¹⁹⁹). Въ 1407 году, когда шла война между великимъ княземъ Московскимъ Василю Дмитріевичемъ и тестемъ его Витовтомъ, литовскія войска взяли и сожгли Одоевъ ²⁰⁰). Дѣло, впрочемъ, ограничилось пока временнымъ занятіемъ Одоева и не имѣло болѣе важныхъ послѣдствій. Еще въ 1425 году князь Одоевскій былъ слугою великаго князя Московскаго, — *des gros-furstes von Moscouwen man*, — какъ называетъ его Витовтъ въ письмѣ къ магистру Нѣмецкаго Ордена отъ 1-го января 1425 года, въ которомъ онъ извѣщалъ его о нападеніи царя Куйдадата на московско-литовскую Украину ²⁰¹). Но вскорѣ послѣ того, по кончинѣ великаго князя Василя Дмитріевича, князья Новосильскіе били челомъ на службу великому князю Литовскому Витовту, какъ узнаемъ изъ письма его къ магистру Нѣмецкаго Ордена отъ 14 августа 1427 г. ²⁰²). Поэтому великій князь Московскій Юрій Дмитріевичъ, заключая въ 1433 году договоръ съ великимъ княземъ Рязанскимъ Иваномъ Ѳеодоровичемъ, не написалъ въ грамотѣ, какъ его предшественники, что князья Новосильскіе съ нимъ одинъ человекъ, а обязалъ великаго князя Рязанскаго взять съ ними любовь и жить безъ обиды, если они ему добьютъ челомъ ²⁰³). Извѣстно, кромѣ того, что Витовтъ выдалъ

¹⁹⁸) Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос. X, стр. 70 и 156 родословныхъ.

¹⁹⁹) Собраніе Госуд. Грам. и Догов. I, № 36.

²⁰⁰) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VIII, 81.

²⁰¹) *Codex epistolaris Vitoldi*, № MCLXXXI.

²⁰²) *Codex epistolaris Vitoldi*, № MCCXCVIII.

²⁰³) Собраніе Госуд. Грам. и Догов. I, № 48; срав. № 65.

свою двоюродную племянницу, Марью Дмитриевну (дочь Борибута Ольгердовича), за мужъ за князя Ѳедора Воротынскаго²⁰⁴⁾. Этотъ же Ѳедоръ Львовичъ впоследствии, когда билъ челомъ на службу великому князю Казимиру королевичу, заключилъ съ нимъ договоръ „по князя великого Витовту докончанью“²⁰⁵⁾. Въ 1429 году на Лудскомъ съѣздѣ у Витовта въ числѣ разныхъ владѣтельныхъ особъ были „князь Одоевскій, Перемышльскій и Новосельскіе“²⁰⁶⁾.

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ получаетъ цѣну историческаго свидѣтельства, подтверждается и объясняется комментарий родословныхъ книгъ о князьяхъ Бѣлевскихъ, Василии и Ѳедорѣ Михайловичахъ. Князья эти, по словамъ родословныхъ, жили на Волокѣ у великаго князя Василя Дмитриевича, который отпустилъ ихъ въ вотчину ихъ Бѣлевъ²⁰⁷⁾. Они, очевидно, родились на Волокѣ, куда отецъ ихъ Михаилъ прибылъ, по всей вѣроятности, въ 1407—1408 г. вмѣстѣ съ княземъ Свидригелломъ и другими сѣверскими князьями, которыхъ Василій Дмитриевичъ испомѣстилъ, между прочимъ, и на Волокѣ²⁰⁸⁾. Переселеніе князя Бѣлевскаго въ Москву вызвано было, очевидно, занятіемъ его отчины Литвою въ 1407—1408 годахъ и желаніемъ служить великому князю Витовту; такимъ образомъ, Бѣлевскій князь до этого времени, какъ и всѣ князья Новосельскаго рода, былъ подручникомъ великаго князя Московскаго. Послѣ того какъ отношенія между Москвою и Литвою уладились, князья Бѣлевскіе воротились въ свою отчину, и притомъ въ очень еще юномъ возрастѣ, ибо дѣти князя Василя, Иванъ и Андрей, по памятникамъ являются дѣйствующими лицами въ послѣдней четверти XV вѣка²⁰⁹⁾. Возвратившись на родину, князья Бѣлевскіе подобно всѣмъ другимъ „верховскимъ“ (т. е. верхнеокскимъ) князьямъ сдѣлались подручниками великаго князя Литовскаго и стали давать ему „полѣтнее“ въ его казну.

Впрочемъ, великому князю Литовскому не удалось сдѣлать исключительнымъ свое господство и вліяніе въ верхнеокскихъ княжествахъ. Московскіе бояре въ 1490 году заявляли послу короля Казимира, что „князь Иванъ а князь Семень Одоевскій и князь Ѳеодоръ Воротынскій и Бѣлевскіе князи и ихъ дѣти служили съ своими от-

²⁰⁴⁾ Акты Зап. Рос. I, № 214.

²⁰⁵⁾ Акты Зап. Рос. I, № 41.

²⁰⁶⁾ Лѣтопись Быховца, стр. 42.

²⁰⁷⁾ Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос. X, 70, 157.

²⁰⁸⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VIII, 82.

²⁰⁹⁾ Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ., т. XXXV.

чинами на обѣ стороны²¹⁰, т. е. Литвѣ и Москвѣ. Такая служба была вполне естественна, вслѣдствіе положенія верхнеокскихъ княжествъ въ сосѣдствѣ съ московскими владѣніями и на украинѣ, непрерывно подвергавшейся нападеніямъ татаръ, общаго врага Московскаго и Литовскаго государствъ. Вслѣдствіе этого Москва, хотя и признавала зависимость верхнеокскихъ княжествъ отъ Литвы, тѣмъ не менѣе старалась до извѣстной степени отстоять ихъ самостоятельность, не давая полной воли надъ ними правительству Литовскому. Такъ, великій князь Василій Васильевичъ, договариваясь въ 1449 году съ королемъ Казимиромъ, вставилъ въ грамоту, между прочимъ, слѣдующую статью: „А верховскіи князи што будутъ издавна давали въ Литву, тоѣмъ и нынѣчи давати, а болши того не примыпляти“²¹¹). И сами князья, опираясь на отношенія свои къ Москвѣ, хотя и подчинялись великому князю Литовскому, хотя давали обѣщаніе быть въ его воли и послушаніи и давали ему „полѣтнее“²¹²), но смотрѣли на эти обязательства, какъ на результатъ свободнаго соглашенія и какъ на плату за тѣ услуги, которыя в. князь Литовскій съ своей стороны долженъ былъ имъ оказывать²¹³). Въ противномъ же случаѣ, т. е. еслибы в. князь Литовскій не оборонилъ ихъ и не управилъ, какъ слѣдуетъ, во взаимныхъ ихъ столкновеніяхъ, они считали себя свободными отъ обязательствъ и переходили на службу къ Московскому князю.

Вообще, литовское господство на верхнеокской украинѣ стояло прочно только въ княженіе Василя Васильевича Темнаго, когда вслѣдствіе внутреннихъ замѣшательствъ Москва не могла съ прежнею силою и энергіею развивать свою дѣятельность на границахъ и когда она даже потеряла свои владѣнія на лѣвомъ берегу Оки за Угрою (Перемышль и Козельскъ). Но, съ вступленіемъ на московскій престолъ в. князя Ивана Васильевича, Москва мало-по-малу стала возвращать утраченное вліяніе на верхнеокской украинѣ и переманивать къ себѣ на службу тамошнихъ князей съ ихъ отчинами. Прежде всѣхъ перешелъ на службу къ Москвѣ кн. Семенъ Юрьевичъ Одоевскій: въ 1474 году Любчане въ отмщеніе за то, что Москвичи „Любутье имали и полонъ вели“, нечаянно напали на него и убили его²¹³). Сыновья его: кн. Иванъ, Василій и Петръ, съ своими „дольницами“ служили также Москвѣ, между тѣмъ какъ кн. Федоръ Ивановичъ

²¹⁰) Акты Зап. Рос. I, № 50.

²¹¹) Акты Зап. Рос. I, № 41, 63, 80.

²¹²) Акты Зап. Рос. I, № 106.

²¹³) Полн. Собр. Русск. Лѣт. VIII, 178.

(Юрьевича) съ своимъ удѣломъ, половиною города Одоева и волостями, служилъ Литвѣ²¹⁴⁾. Затѣмъ перешелъ на службу къ Московскому князю (около 1487 года) вн. Иванъ Михайловичъ Воротынский - Перемышльскій отъ дядей своихъ, вн. Дмитрія и Семена Ѳеодоровичей Воротынскихъ, которые оставались еще нѣкоторое время вѣрными королю Казимиру²¹⁵⁾, и князь Иванъ Васильевичъ Бѣлевскій отъ брата своего Андрея²¹⁶⁾. Но служба разнымъ государямъ должна была усложнить и ухудшить отношенія между князьями - родичами, которые въ наслѣдованіи отчинъ соблюдали извѣстный порядокъ старшинства и притомъ имѣли нѣкоторыя владѣнія совмѣстныя (главный городъ). Начались непрерывныя споры и вооруженныя столкновения, пошли жалобы въ Москву и Литву, которыя подъ конецъ княженія Казимира вызвали оживленные дипломатическіе переговоры и натянутыя отношенія между обоими государствами. Такой порядокъ вещей не могъ долго продолжаться: князья должны были перейти въ одну сторону; а такъ какъ сильнѣйшей стороною была Москва, то въ концѣ концовъ всѣ верхнеокскіе князья и подчинились Московскому государю. Въ 1490 году перешелъ на службу московскую князь Дмитрій Ѳеодоровичъ Воротынский „съ своею отчиною“; въ 1492 году за нимъ послѣдовали братъ его Семень и вн. Андрей Васильевичъ Бѣлевскій²¹⁷⁾. Договоръ 1494 года окончательно утвердилъ за Москвою княжество Новосильское въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало во второй половинѣ XV вѣка: „А князи Новосильскіе, Одоевскіе и Воротынскіе и Бѣлевскіе—всѣ мои великаго князя Ивановы и моихъ дѣтей къ нашему великому княжеству“²¹⁸⁾.

По сосѣдству съ владѣніями князей Новосильскаго рода находились укрѣпленные города—Мценскъ на р. Зушѣ (ниже впаденія въ нее Черни) и Любутскъ при впаденіи р. Любучи въ Оку (почти на границѣ теперешняго Калужскаго уѣзда съ Алексинскимъ), которые управлялись намѣстниками великаго князя Литовскаго. Литовское правительство держало свои гарнизоны въ этихъ городахъ частью для болѣе успѣшной обороны границъ, частью для удержанія въ повинно-

²¹⁴⁾ Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 3, 37.

²¹⁵⁾ Акты Зап. Рос. I, № 80; Сборн. Имп. Ист. Русск. Истор. XXXV, 5, 8, 21, 35, 39.

²¹⁶⁾ Ibidem, 8, 58.

²¹⁷⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. VIII, 219, 225; Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 81.

²¹⁸⁾ Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 124—129.

веніи подручныхъ „верховскихъ“ князей. Когда и отъ кого приобрѣтены были эти города, въ точности неизвѣстно. Можно только догадываться, что Любутскъ принадлежалъ прежде къ рязанскимъ владѣніямъ (въ Рязанскомъ княжествѣ, какъ извѣстно, былъ другой Любутскъ на р. Ока, ниже впаденія въ нее Цны ²¹⁹) и былъ отторгнутъ отъ нихъ либо Ольгердомъ, либо Витовтомъ во время борьбы его съ Олегомъ Ивановичемъ. Въ 1396 году великій князь Олегъ приходилъ къ Любутску съ войскомъ, повидимому, съ цѣлью отнять его обратно у Литвы; но граждане не пустили его въ городъ и крѣпко бились съ нимъ, пока великій князь Московскій не отвелъ Олега отъ Любутска ²²⁰). На недолгое время Любутскъ переходилъ къ Москвѣ и былъ завѣщанъ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ старшему сыну его Ивану ²²¹), но скоро опять перешелъ къ Литвѣ, и имя его болѣе не встрѣчается въ московскихъ грамотахъ. Къ Москвѣ онъ перешелъ окончательно вмѣстѣ съ Мценскомъ по договору 1503 года.

Въ XV в. верховная власть великаго князя Литовскаго простиралась и на владѣнія потомковъ князя Мстислава Михайловича Карачевского, лежавшія въ области между верхнею Окой, Десной и Угрой. Карачевское княжество въ томъ объемѣ, въ какомъ владѣлъ имъ сынъ Мстислава Тить, по преданію родословныхъ, сначала распалось на два удѣла: собственно Карачевскій и Козельскій; изъ перваго впоследствии выдѣлилось еще княжество Мосальское, а изъ втораго Перемышльское и Елецкое. Городъ Карачевъ съ своими волостями въ концѣ XV вѣка былъ уже въ непосредственномъ владѣніи великаго князя Литовскаго, который отдалъ его въ 1499 году князю Семену Можайскому ²²²). Когда и при какихъ обстоятельствахъ совершилось это присоединеніе, неизвѣстно въ точности, и можно сдѣлать только предположеніе на основаніи нижеслѣдующихъ данныхъ. Въ 1500 году, „отъ нужи въ вѣрѣ“ преданъ великому князю Московскому „вмѣстѣ съ иными боярами Мценскими“ и князь Хотетовскій ²²³). Мценскъ, какъ мы знаемъ, принадлежалъ Литвѣ уже въ 1422—23 г. и управлялся великокняжескимъ намѣстникомъ Григоріемъ Протасьевымъ. Но князя Хотетовскіе, въ концѣ XV вѣка низощедшіе въ ряды простыхъ военно-

²¹⁹) Д. И. Иловайскаго Исторія Рязанскаго княжества. стр. 246. Москва 1858.

²²⁰) Полн. Собр. Русск. Лѣт. VIII, 70.

²²¹) Собр. Госуд. Грам. и Догов. I, № 40.

²²²) Акты Зап. Рос. I, № 167.

²²³) Сбор. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 297—300.

служилыхъ землевладѣльцевъ Мценскаго повѣта, по родословнымъ происходили изъ Карачева: внукъ Святослава Титовича, Иванъ Мстиславичъ, носилъ названіе „хотеть“ и далъ своему удѣлу имя Хотетово (теперь есть село съ такимъ названіемъ на границѣ Орловскаго уѣзда съ Мценскимъ), отъ котораго его потомки прозвались князьями Хотетовскими. Если такъ, то Мценскъ съ своимъ округомъ очевидно принадлежалъ къ княжеству Карачевскому, которое, такимъ образомъ, занято было Литвою въ началѣ XV вѣка, скорѣе всего въ 1407—1408 г., когда Витовтъ воевалъ съ зятемъ своимъ, Василиемъ Димитріевичемъ Московскимъ и старался возстановить Литовское господство на верхнеокской украинѣ, упавшее тамъ съ послѣднихъ лѣтъ Ольгердова княженя. При Ольгердѣ Карачевскій владѣтель, Святославъ Титовичъ, женатый на его дочери Ѳедорѣ, былъ несомнѣнно подручникомъ великаго князя Литовскаго. По смерти его въ Карачевѣ остался старшій сынъ его Мстиславъ, подъ которымъ (либо подъ его сыномъ) занять былъ Карачевъ на великаго князя Литовскаго, причемъ сыну его Ивану была оставлена волость, получившая названіе „Хотетово“.— Другой сынъ Святослава Титовича, Юрій, сѣлъ на удѣлѣ въ Мосальскѣ и сдѣлался родоначальникомъ князей Мосальскихъ. Князья Мосальскіе подобно другимъ князьямъ служили на обѣ стороны, и Литвѣ и Москвѣ²²⁴⁾; вѣроятно, въ связи съ этимъ стоитъ потеря ими главнаго города Мосальска и многихъ волостей, которыя заняты были Литвою. Остававшіеся въ концѣ XV вѣка и началѣ XVI-го князья Мосальскіе владѣли волостями по большей части въ Смоленской землѣ, „данной“ великимъ княземъ Литовскимъ, при которыхъ они обыкновенно служили въ качествѣ дворянъ²²⁵⁾.

По рѣкѣ Жыздрѣ находились владѣнія князей Козельскихъ, которые, по преданію древнѣйшихъ родословныхъ, происходили изъ Карачевскаго же рода, были потомками князя Мстислава Михайловича. Такъ какъ имъ кромѣ Козельска принадлежалъ еще и Елецъ, то въ источникахъ второй половины XIV вѣка они являются по большей части подручниками князей Рязанскихъ. Напр., князь Тить Козельскій помогалъ великому князю Олегу въ 1365 году противъ мурзы Мамая въ битвѣ подъ Шишевскимъ лѣсомъ на Войновѣ²²⁶⁾; князь Козельскій въ 1400 г. билъ татаръ вмѣстѣ съ князьями Рязанскимъ

²²⁴⁾ Сбор. Имп. Русск. Ист. Общ. XXV, 107.

²²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Зап. III, л. 38, 81; IV, л. 155—169; V, л. 27; VII, л. 567; VIII, л. 308, 309 и др.

²²⁶⁾ Карамзина V, прил. 7.

и Пронскимъ въ предѣлахъ „Черленого яру“²²⁷). Въ началѣ XV вѣка Козельскъ съ своими „мѣсты“ перешелъ во владѣніе великаго князя Московскаго Василя Дмитріевича и былъ отданъ имъ въ 1405 г. князю Владимиру Андреевичу въ отчину и удѣлъ²²⁸). Князь-отчичъ получилъ за него либо деньги, либо вотчину въ московскихъ предѣлахъ, и сдѣлался слугою Московскаго великаго князя (въ 1408 году въ Ржевѣ московскимъ воеводою былъ князь Юрій Козельскій)²²⁹). Москва приобрѣла пока только одинъ Козельскъ безъ Ельца, который былъ присоединенъ къ ней гораздо позднѣе и въ разоренномъ видѣ. Въ 1447 году, во время борьбы великаго князя Василя Васильевича съ своими двоюродными братьями, Козельскъ былъ занятъ Литвою и отданъ былъ королемъ Казимиромъ „въ держаніе“ князю Фодору Львовичу Воротынскому²³⁰). Хотя король, заключая въ 1449 году мирный договоръ съ Московскими князьями „особою докончальною грамотою“, обязался возвратить Козельскъ Москвѣ, если по обыску онъ окажется московскимъ владѣніемъ²³¹), тѣмъ не менѣе Козельскъ до самого 1494 года оставался во власти великаго князя Литовскаго и снова присоединенъ былъ къ московскимъ владѣніямъ только по договору 1494 г.

На лѣвомъ берегу Оки ниже впаденія въ нее Жыздры находился Перемышль, стольный городъ особаго удѣла того же рода князей Карачевскихъ (по родословнымъ, собственно князей Козельскихъ). Хотя Перемышль приобрѣтенъ былъ Москвою еще при Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ²³²), князья Перемышльскіе продолжали существовать и послѣ того (очевидно, только на другихъ волостяхъ) и по источникамъ являются въ качествѣ служилыхъ князей литовскихъ. Такъ, напр., въ 1408 году къ великому князю Василю Дмитріевичу пріѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ Свидригелломъ и другими сѣверскими князьями и князь Семенъ Перемышльскій²³³). Перемышль оставался во владѣніи Москвы до половины XV вѣка²³⁴); около 1455 года онъ занятъ былъ Литвою и отданъ королемъ Казимиромъ князю

²²⁷) Карамзина V, прим. 254.

²²⁸) Собр. Госуд. Грам. и Догов. I, № 38.

²²⁹) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей VIII, 82.

²³⁰) Акты Зап. Рос. I, № 48.

²³¹) Собр. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 51.

²³²) Собр. Госуд. Грам. и Догов.

²³³) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VIII, 82.

²³⁴) Собр. Госуд. Грам. и Догов. I, № 33, 35, 41, 84, 85.

Федору Львовичу Воротынскому „въ вотчину“²²⁵). Повидимому, это занятіе стоитъ въ связи съ измѣной послѣдняго владѣльца Перемышля, князя Василя Ярославича Боровскаго, за которую онъ въ слѣдующемъ году былъ сосланъ въ заточеніе въ Угличъ. Возвратился Перемышль снова въ Москвѣ по договору 1494 года.

Въ книгѣ земельныхъ раздачъ короля Казимира помѣщена между прочимъ, слѣдующая записъ. „Мезецкимъ княземъ: князю Федору, князю Роману, князю Ивашку отчина ихъ, што отецъ ихъ держалъ князь Андрей, а князь Дмитрей, што они выслужили у Витовта Мезочоскъ, Орень, Сульовичи, Сухиничи, Дубровна а Когабринъ, Огдыревъ, Олешна, Устье, Лабодинъ, Жабынь, Рука, Немерзка, Котерь—то все прислухаетъ къ тымъ волостемъ, а то имъ всимъ тремъ“²²⁶). Перечисленныя волости, судя по современнымъ географическимъ даннымъ, лежали большею частью въ бассейнѣ рѣки Жиздры, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ волостями Козельскими и Перемышльскими (теперь здѣсь есть село Которъ въ Жиздринскомъ уѣздѣ на верховьѣ р. Которенки, впадающей въ Жиздру, село Рень на р. Бнилѣ, впадающей въ притокъ Жиздры Серену, посадъ Сухиничи въ Козельскомъ уѣздѣ на р. Немерзкѣ, впадающей въ Брынъ, сельцо Немерзки въ южной части Мещовскаго уѣзда, Брынъ на верховьѣ рѣки того же имени Жиздринскаго уѣзда, Олешня въ Козельскомъ уѣздѣ на правомъ берегу Жиздры, село Лабодинъ Бѣлевскаго уѣзда на рѣчкѣ Рукѣ, впадающей въ Оку, сельцо Жабынь того же уѣзда недалеко отъ Бѣлева къ сѣверу, сельцо Боратино въ Мещовскомъ уѣздѣ на р. Клетомѣ, слѣва впадающей въ Серену). Повидимому, онѣ въ большинствѣ и входили нѣкогда въ составъ этихъ княжествъ и заняты были Витовтомъ въ 1407—1408 г. (не потому ли и князь Семень Перемышльскій въ 1408 году отѣхалъ въ Москву?). Витовтъ отдалъ эти волости князьямъ изъ Торусскаго рода, Андрею, Дмитрію и Ивану, — по преданію древнѣйшихъ родословныхъ, внукамъ князя Юрія Михайловича²²⁷). Торусскіе князья, при Дмитріи Донскомъ бывшіе подручниками великаго князя Московскаго, при сынѣ его должны были изъ владѣтельныхъ особъ перейти на положеніе простыхъ слугъ великаго князя Московскаго, который купилъ въ ордѣ ихъ отчину²²⁸). Князья Андрей, Дмитрій и Иванъ, очевидно, не

²²⁵) Акты Зап. Рос. I, № 57.

²²⁶) Литов. Метр. кн. Запис. III л. 35.

²²⁷) Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос. X, 72.

²²⁸) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VIII, 62.

захотѣли помириться съ этимъ фактомъ и отъѣхали къ великому князю Литовскому, который и далъ имъ перечисленныя волости. Это „данье“ Витовта подтвердили Мезецкимъ князьямъ и ихъ преемники, великій князь Сигизмундъ и король Казимиръ, и съ своей стороны придали нѣсколько волостей по сосѣдству съ названными волостями: Сигизмундъ—Новое Село и Силковичи (теперь есть Новое село въ Мосальскомъ уѣздѣ на р. Неручи, впадающей въ Болву съ лѣвой стороны; недалеко въ томъ же Мосальскомъ уѣздѣ есть село Сильковичи на р. Ужати, впадающей въ Неручь), а Казимиръ—Хостци, Бакино и Орнеры (Хоссы на р. Живдрѣ въ Козельскомъ уѣздѣ, Бакино на р. Рукѣ Бѣлевскаго уѣзда, Алнеры на р. Немерзкѣ въ Мещовскомъ уѣздѣ²³⁹⁾). Въ 1492 году князь Михайлъ Романовичъ Мезецкій пріѣхалъ служить къ великому князю Московскому, „да изымавъ приведе съ собою дву братьевъ, кн. Семена да князя Петра“. Великій князь отослалъ плѣнниковъ въ заточеніе въ Ярославль, а князя Михаила пожаловалъ его же отчиною и велѣлъ ему служить. Эти князья братья по родословнымъ были внуками упомянутого въ записи короля Казимира князя Андрея. Въ то же время или ранѣе перешли на службу князья Василій и Ѳеодоръ, дѣти князя Ивана Ѳеодоровича Говдыревскаго, доводившагося по родословнымъ книгамъ двоюроднымъ братомъ князю Михаилу Романовичу. По договору 1494 года эти князья съ своими „дольниками“ въ Мезецкѣ и волостяхъ были признаны въ зависимости отъ великаго князя Московскаго, а ихъ родичи, князья Ѳеодоръ Сухой и Василій, дѣти кн. Ѳеодора Андреевича и родные братья Ивана Ѳеодоровича Говдыревскаго, съ ихъ дольниками въ зависимости отъ великаго князя Литовскаго. Относительно находившихся въ заточеніи у Московскаго великаго князя князей Семена Романовича и Петра Ѳеодоровича было условлено—отпустить ихъ на волю и предоставить имъ самимъ выбирать служить, кому похотятъ²⁴⁰⁾. Князь Семень Романовичъ послѣ того остался служить Москвѣ, а Петръ Ѳеодоровичъ былъ челомъ на службу великому князю Александру²⁴¹⁾. По договору 1503 года всѣ владѣнія Мезецкихъ князей отошли къ Москвѣ вмѣстѣ со многими другими волостями въ этомъ краѣ.

²³⁹⁾ Сбор. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, стр. 136.

²⁴⁰⁾ Сбор. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, стр. 124—129.

²⁴¹⁾ Ibidem, стр. 132, 133.

XIII.

Въ заключеніе нужно упомянуть еще о восточной части Подольской земли—Побужьѣ, которое въ изучаемое время принадлежало также къ составу великаго княжества, съ главными городами Брацлавомъ и Винницей. Подолье было занято сыновьями Коріата Гедиминовича послѣ того, какъ великій князь Ольгердъ побилъ на Синей Водѣ татарскихъ хановъ Хачибей, Кутлубуга и Дмитрія, которымъ мѣстное русское населеніе чрезъ своихъ атамановъ платило дань (1363 г.). Коріатовичи владѣли этимъ краемъ почти независимо отъ великаго князя Литовскаго и по большей части держались союза съ Польшей, которая уже при нихъ положила начало своему политическому владычеству и культурному вліянію въ этомъ краѣ. Въ 1398 году великій князь Витовтъ занялъ Подольскую землю, которая не хотѣла ему быть послушной, подъ княземъ Федоромъ Коріатовичемъ и посадилъ въ ней своихъ старостъ²⁴²⁾. Вскорѣ, однако, онъ уступилъ часть Подолья, именно Поднѣстровье съ городами Каменцомъ, Смотричемъ, Скалою, Червоноградомъ и Бавотою, королю Ягеллу, который отдалъ его въ вѣчное владѣніе пану Спытку Мельштинскому *cum pleno iure ducali, quo ceteri nostri duces Lithuaniae et Russiae fisci soliti sunt*, и съ обязанностью вѣрной службы ему самому и его преемникамъ, королямъ Польскимъ, *prout alii nostri duces Lithuaniae et Russiae... servire tenentur*²⁴³⁾. Поляки въ XV вѣкѣ смотрѣли на уступку западнаго Подолья королю Ягеллу, какъ на присоединеніе его къ Польшѣ. Но ни дарственный актъ Ягелла Спытку Мельштинскому, ни позднѣйшія распоряженія Ягелла относительно Подолья не подтверждаютъ этого взгляда. Уступка Витовта, по всѣмъ даннымъ, имѣла характеръ чисто личной сдѣлки съ Ягелломъ, которому онъ уступилъ доходы съ этой земли, а тотъ въ свою очередь переуступилъ ихъ Спытку Мельштинскому. И Витовтъ, и Ягелло не касались при этомъ государственно-правового положенія Подольской земли: обязательство, наложенное на Спытка Мельштинскаго служить королю Ягеллу и его преемникамъ нисколько не говоритъ о присоединеніи этой земли къ Польшѣ, ибо подобное обязательство взято было со всѣхъ литовско-русскихъ князей и съ самого великаго князя Ви-

²⁴²⁾ Лѣтописецъ великихъ князей Литовскихъ, стр. 45.

²⁴³⁾ Codex epistolaris Vitoldi, № CXV.

товта²⁴⁴⁾. По ясному указанію дарственной записи Спытко Мельштинскій вступалъ въ права литовско-русскаго удѣльнаго князя, а вмѣстѣ съ правами и въ обязанности. Вотъ почему въ 1399 году мы видимъ его подъ знаменемъ великаго князя Витовта на Ворскле, гдѣ онъ и положилъ голову свою вмѣстѣ со многими другими литовско-русскими князьями.

Послѣ того Ягелло и Витовтъ выкупили западное Подолье у вдовы Спытва Мельштинскаго, оставшейся съ малолѣтними дѣтьми, за 5000 пражскихъ грошей и отдали его князю Свидригелю. Денежное вознагражденіе, данное вдовѣ Спытва Мельштинскаго, слѣдовательно по самому смыслу дарственной записи, полученной отъ (князя) Есть, кромѣ того, извѣстіе, что Спытко и не даромъ получивъ западное Подолье отъ Ягелла, а за 20 тысячъ, которыя Ягелло въ своей очередь далъ Витовту за уступку означенной части Подольской земли²⁴⁵⁾ выкупъ, слѣдовательно, былъ вполне естественъ. Свидригелю, однако, не долго насидѣлъ въ Подольѣ: въ 1402 г. онъ уѣхалъ въ Пруссію и сопровождалъ великаго магистра въ его походѣ на Литву. Вслѣдствіе его намѣны Ягелло занялъ западное Подолье своими гарнизономъ и посадилъ въ немъ своего старосту.

Въ 1410 году онъ уступилъ обратно Витовту западную часть Подолья, взявъ съ него 40 т. копѣ грошей, и Витовтъ, такимъ образомъ, снова сталъ владѣльцемъ Подольской земли, которая и осталась за нимъ до самой смерти. Чтобы успокоить Поляковъ, которые стали уже привыкать къ мысли, что Подольская земля должна быть достояніемъ короны, Витовтъ согласился оставить въ главныхъ городахъ уступленной области польскіе гарнизоны, разумѣется, нисколько не рѣшая этимъ вопроса о принадлежности западнаго Подолья²⁴⁶⁾. Но лишь только умеръ Витовтъ, начальники этихъ гарнизоновъ и дограничные польскіе старосты изъ Червонной Руси подступили къ Каменцу, захватили въ плѣнъ намѣстника велико княжескаго Довгайло и заняли замки Каменецъ, Свалу, Смотричъ и Чернотрога на корону. Новый великій князь Литовскій Свидригелло, хотя при восшествіи своемъ на великое княженіе и обѣщался Ягеллу уступить эти замки, даже если между Поляками и Литвинами не состоится отъносительнаго соглашеніе, однако, какъ скоро почувствовалъ власть и силу Ягелла,

²⁴⁴⁾ *Gołębiowskiego Dzieje Polski za Władysława Jagiełły i Władysława III.* przypis 61. Warszawa 1846. Codex epistolaris Vitoldi, № CXII; in Append. № II.

²⁴⁵⁾ *K. Stadnickiego Synowie Gedymina I*, 187—190.

²⁴⁶⁾ *K. Stadnickiego Synowie Gedymina I*, str. 197, 198.

своихъ рукахъ, и слышать не хотѣлъ объ уступкѣ Подолья и приходѣ въ ярость, какъ скоро заходила о томъ рѣчь. Онъ задержалъ въ Вильнѣ самого короля со всѣмъ его полненою радюю и не выпускалъ даже въ порѣ, пока король не отдалъ приказъ главному Подольскому старостѣ, Михаилу Бучацкому, сдать занятые города литовскимъ напальникамъ. Но въ то же время подольскіе старосты, кромѣ этого открытаго приказа, получили отъ короля и тайный — не сдавать страны. Благодаря такимъ дѣйствіямъ польскаго правительства возникла на этой украинѣ ожесточенная война, продолжавшаяся, впрочемъ, недолго и окончившаяся перемиріемъ, при чемъ каждая сторона осталась при томъ, чѣмъ фактически владела: король удержалъ замки Каменецъ, Смотричъ, Слалу и Червоноградъ, а Свидригелло Брацлавъ, Сокилецъ, Звенгородъ, Княубой, Дашивъ и Летишовъ. Подробный судъ движимыхъ бѣлъ рѣшить, кому должна была принадлежать во всей доволности Подольская земля²⁴⁷⁾.

Въ этомъ судѣ, однако, не оказалось надобности, ибо Свидригелло вскорѣ послѣ того низверженъ былъ съ велико княжескаго стола, а новый великій князь Сигизмундъ, обязанный своимъ возвышеніемъ участію стараніямъ польскаго правительства, отказался отъ всякихъ притязаній на Подольскую землю и особымъ письменнымъ актомъ призналъ ее достояніемъ короны Польской. Свидригелло, однако, не выпустилъ изъ своихъ рукъ восточнаго Подолья; мало того, кн. Оедько Несвицкій, которому онъ поручилъ оборону подольскихъ замковъ отъ Поляковъ, набравъ довольно многочисленный отрядъ изъ Литвы, Руси, Татаръ, Волоховъ и Молдаванъ, отбилъ у Поляковъ нѣкоторые города западнаго Подолья. Но когда Свидригелло отплатилъ ему за эту услугу черною неблагодарностью, по какимъ-то навѣтамъ посадилъ его въ оковы, князь Оедько, освободившись съ помощью Поляковъ изъ заключенья, передался на сторону Польши со всѣмъ Подольемъ и получилъ отъ короля въ пожизненное владѣніе замки Кременецъ, Брацлавъ, Винницу, Хмельникъ, Соколецъ и Збаражъ²⁴⁸⁾. Скоро, однако, онъ помирился съ Свидригелломъ, за котораго сражался, и погибъ подъ Вилькомиромъ въ сентябрѣ 1435 года. Послѣ того Свидригелло, какъ извѣстно, смирился и получилъ изъ рукъ польскаго короля, Владислава III, въ ленное владѣніе Волынь и восточную часть Подолья; но даже только Казимиръ былъ избранъ великимъ княземъ

²⁴⁷⁾ Scarbicc dyplomatów II, № 1562.

²⁴⁸⁾ К. *Stadnickiego* Synowie Gedymina 1, str. 211, nota 133

Литовскимъ, Свидригелло отрекся отъ подчиненныхъ отношеній къ Польшѣ и присягнувъ на вѣрность съ Волынью и восточнымъ Подольемъ великому князю Литовскому. Поляки на общихъ сеймахъ при Казимирѣ домогались Браславской земли, ссылаясь на мнимое заимствіе Подоля королемъ Казимиромъ Великимъ и на формальную уступку Подольской земли Сигизмундомъ Кейстutowичемъ, но такъ же, какъ и относительно Волыни, не добились своихъ желаній. По смерти Свидригелла восточное Подолье отдано было во владѣніе Киевскимъ князьямъ²⁴⁹⁾, а по упраздненіи Киевскаго удѣла великіе князья стали назначать въ подольскіе замки своихъ намѣстниковъ, по большей части, изъ князей Волынской земли. Таковы были князь Михаилъ Васильевичъ Чарторыйскій и князь Михаилъ Васильевичъ Збаржскій²⁵⁰⁾, князь Константинъ Ивановичъ Острожскій²⁵¹⁾ и др. Между Подольемъ и Волынскою землею установилось, такимъ образомъ, вѣчто въ родѣ личной уніи, болѣе или менѣе постоянной, при чемъ Подолье не сливалось съ Волынью въ одну землю, или область, но отличалось отъ нея, хотя и тѣсно къ ней примыкало²⁵²⁾. Такимъ образомъ, Подолье дѣйствительно играло межеумочную роль между Киевщиною и Волынью, какъ выражается г. Владимірскій-Будановъ, и не было связано органически ни съ тою, ни съ другою²⁵³⁾.

XIV.

Все сказанное въ этомъ очеркѣ сводится къ слѣдующимъ положеніямъ, которыя найдутъ себѣ подтвержденіе и въ послѣдующихъ очеркахъ:

1. Областное дѣленіе, существовавшее въ изучаемое время, въ своихъ основаніяхъ было дано предшествующею исторіею Литовско-

²⁴⁹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 199. Срав. Подоля, историческое описаніе подъ ред. П. Н. Батюшкова, стр. 66. С.-Петербургъ 1891.

²⁵⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 160, 173.

²⁵¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 108; VII, л. 680 и др.

²⁵²⁾ Źródła dziejowe, tom VI, str. 124.

²⁵³⁾ Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XIII до половины XVII вѣка, стр. 25, прим. 2. Киевъ 1886.

Русскаго государства, въ моментахъ его образованія и перехода отъ удѣльнаго порядка къ единодержавію.

2. Собственная Литовская земля, силами которой при данныхъ историческихъ обстоятельствахъ создано государство, естественно заняла въ немъ политически преобладающее и привилегированное положеніе.

3. Кроме исконной территоріи литовскаго племени, область эта заключала въ себѣ и русскія земли, занятыя Литвою уже въ XIII в. и болѣе или менѣе ею колонизованныя.

4. Тысячи другихъ областей примкнули къ собственной Литовской землѣ русскія территоріи, которыя достались Литвѣ по праву завоеванія отъ сосѣднихъ русскихъ земель или же въ моментъ присоединенія къ Литвѣ политически разбитыя и потому были слишкомъ слабы для того, чтобы занять отдѣльное и самостоятельное положеніе въ литовско-русской федераціи, каковы были: такъ называемая Русь (въ особомъ, частномъ смыслѣ), Подляшье или земля Берестейская, княжества Турово-Пинскія въ Полѣсьѣ.

5. вмѣстѣ съ этими землями собственная Литва дѣлилась въ изучаемое время на два воеводства, Виленское и Троцкое, въ чемъ сказался военно-политическій дуализмъ, установившійся въ Литвѣ въ XIV вѣкѣ, со времени Ольгерда и Кейстута.

6. Остальныя области, т. е. земля Полоцкая, Витебская, Смоленская, Жмудская, Киевская и Волынская, Чернигово-Сѣверскія княжества и Подолье, применувшія къ великому княжеству по соглашенію и договору, съ сохраненіемъ мѣстной самостоятельности и самобытности, продолжали удерживать свое особое отъ Литвы положеніе въ составѣ великаго княжества и въ изучаемое время.

7. Это сохраненіе мѣстной политической старины, кроме географическаго положенія названныхъ областей, благопріятствовавшаго ихъ независимости, находилось въ связи съ отсутствіемъ у литовскаго правительства оригинальныхъ творческихъ стремленій въ дѣлѣ государственнаго строительства, что въ свою очередь обусловливалось сравнительною политическою слабостью и неразвитостью господствовавшаго племени.

8. Идеи и традиции, которые давала литовскому правительству государственная жизнь Польши, вполне согласовались съ сохраненіемъ политической особности и раздѣльности земель и владѣній, утверждали и закрѣпляли эту особность и раздѣльность.

9. Въ тѣсной связи съ этою политическою особностью областей и владѣній, придававшю Литовско-Русскому государству федеративный характеръ, стоитъ и правительственная децентрализація его.

ОЧЕРКЪ П.

Органы общаго управленія въ областяхъ и ихъ правительственные округа.

Перечень великокняжескихъ урядниковъ, чинившихъ судъ и управу въ областяхъ; ихъ іерархія.—Значеніе названій: „волость“, „держава“ и „пойма“.—Учредительное воеводство Виленскаго и Троцкаго и его отношеніе къ историч. областному устройству Литовско-Русскаго государства.—Территориальный составъ судебно-административнаго округа Виленскаго воеводы и подчиненныя ему великокняжескіе намістники-державцы и тивуны.—Намістникъ-воевода Новгородскій, какъ самостоятельный урядникъ въ воеводствѣ Виленскомъ, и его правительственный округъ.—Удѣльные княжества въ составѣ Виленскаго воеводства: Слонимское, Клецкое и Мстиславское; ихъ территории и управленіе.—Территориальный составъ судебно-административнаго округа Троцкаго воеводы и подчиненныя ему великокняжескіе намістники-державцы и тивуны.—Самостоятельные великокняжескіе намістники-старосты въ воеводствѣ Троцкомъ: Новогородскій, Городецскій, Берестейскій, Бѣльскій, Дорогичинскій и Жельминскій; ихъ правительственные округа и подчиненныя имъ великокняжескіе намістники.—Удѣльные княжества въ воеводствѣ Троцкомъ: Бобринское, Пинское, Городецкое и Туровское; ихъ территории и управленіе.—Территориальный составъ правительственнаго округа Жмудскаго старосты и подчиненныя ему великокняжескіе намістники-державцы и тивуны.—Намістники-старосты въ землѣ Волынской и территориальный составъ: Луцкаго, Владимирскаго и Бременскаго докѣтовъ.—Намістникъ-воевода Кіевскій; территориальный составъ Кіевского воеводства и великокняжескіе намістники въ пригородахъ кіевскихъ: годовые (изъ кіевскихъ бояръ), намістники-державцы и старосты.—Намістникъ-воевода Витебскій; территориальный составъ Витебскаго воеводства и великокняжескіе намістники въ мѣстностяхъ и пригородахъ Витебской земли: годовые (изъ мѣстныхъ бояръ) и намістники-державцы-старосты.—Намістникъ-воевода Подольскій; территориальный составъ его правительственнаго округа и великокняжескіе годовые намістники (изъ мѣстныхъ бояръ) въ волостяхъ подольскихъ.—Намістники-старосты на лѣтовскомъ Подольѣ и ихъ правительственные округа.—Намістникъ-воевода Смоленскій; территориальный составъ его судебно-административнаго округа и под-

чиненные ему великокняжескіе намістники въ волостяхъ Смоленской земли.— Самостоятельные владѣтели и великокняжескіе намістники въ смоленскихъ пригородахъ.—Чернигово-Сѣверскія княжества во второй половинѣ XV-го и началѣ XVI-го вѣка; ихъ территориальный составъ и управленіе.—Общіе итоги.

I.

Въ западной Руси, до утвержденія въ ней литовскаго владичества, органами княжескаго управленія въ областяхъ были *намістники* и *тиуны* ¹⁾. Такъ, по всѣмъ даннымъ, назывались лица, чинившія судъ и управленіе въ областяхъ западной Руси и при литовскихъ князьяхъ до конца XIV вѣка. Со времени же сближенія съ Польшею словарь литовско-русскихъ должностей и званій увеличился тремя новыми названіями для органовъ мѣстнаго управленія: „староста“, „воевода“ и „державца“ ²⁾.

Изъ всѣхъ должностныхъ лицъ, существовавшихъ въ польскихъ областяхъ въ концѣ XIV и въ XV вв. староста наиболее подходилъ къ литовско-русскому намістнику по содержанию и характеру своей власти. Староста былъ представителемъ короля въ данной мѣстности, блюстителемъ его интересовъ и агентомъ по его дѣламъ, — и въ этомъ смыслѣ назывался иногда также и намістникомъ ³⁾. Въ качествѣ королевскаго намістника онъ чинилъ судъ и расправу по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ, каковыми считались: насиліе надъ женщинами, разбой на проѣздѣ дорогѣ, поджогъ и такъ-называемый „домовый свадъ“ (*violenta domesticus invasio*); въ этомъ „старостинскомъ артикуламъ“ особымъ постановленіемъ приравнявались иногда и другія дѣла, по которымъ староста также долженъ былъ чинить судъ и расправу ⁴⁾. И, наконецъ, юрисдикція старосты подлежала всѣмъ безземельнымъ людямъ (*homines improsessionati, hokota*), которые не имѣли своего „повѣта“ и потому не могли судиться въ повѣтовыхъ земскихъ судахъ ⁵⁾. Староста приводилъ въ исполненіе всѣ судебныя рѣшенія, касавшіяся жителей его повѣта, даже и тѣхъ, которыя исходили отъ земскаго суда въ интересахъ короля, какъ охранителя права, и для взиманія слѣдующихъ въ пользу короля судебныхъ пеней и имущественныхъ воз-

¹⁾ Русская Правда по Варяжскому списку, ст. 126; Литовскія Повѣсти, т. I, стр. 555.

²⁾ М. Bobrowskiego Dzieje Polski, I, 251, 252 (ср. также т. II, стр. 104).

³⁾ Volumina legum I, 34, 72, 104; др. литовскія Повѣсти, т. I, стр. 104.

⁴⁾ Volumina legum I, 150.

фискацій (причемъ и въ его собственную пользу или извѣстные доходы), принималъ мѣры для пресѣченія виновнымъ возможности уклониться отъ суда и наказанія и т. д.⁵⁾ Кроме того, и безъ суда (*absque processu juris*) староста налагалъ различныя наказанія, въ томъ числѣ денежные пени и имущественныя конфискаціи на частныхъ лицъ или королевскихъ чиновниковъ, нарушавшихъ въ чемъ-нибудь публичное право или королевскія постановленія, утвержденныя на генеральныхъ сеймахъ. Такимъ образомъ, на примѣръ, староста конфисковалъ товары у купцовъ, которые проѣзжали неуказанными дорогами, конфисковалъ имѣніе у тѣхъ лицъ, которыя навлекали на себя церковное отлученіе и въ теченіе года не очистились отъ проклятія, штрафовалъ пенею въ тридцать золотыхъ венгерскихъ всѣхъ тѣхъ, кто покупалъ или продавалъ эти золотые не по указной цѣнѣ, пенею въ четырнадцать гривенъ всѣхъ тѣхъ, кто приносилъ съ собою въ судъ оружіе, а въ шестьдесятъ гривенъ тѣхъ, кто позволилъ себѣ обнажить и размахивать оружіемъ на судѣ, наказывалъ даже смертію тѣхъ, кто наносилъ кому-нибудь на судѣ рану, взыскивалъ вдвойнѣ пошлины, взятая съ шляхтича или духовнаго лица сборщикомъ пошлинъ, сажалъ въ тюрьму опредѣлившихся въ жолнеры и не пошедшихъ на службу, на весь срокъ службы и до уплаты взятыхъ ими денегъ и т. д.⁶⁾ Староста исполнялъ всевозможныя порученія, возлагшіяся на него центральной властью, на примѣръ, преслѣдовалъ и наказывалъ еретиковъ-гусситовъ и ихъ покровителей (при Владиславѣ Ягеллѣ), не допускалъ вывоза въ Чехію товаровъ, особенно оружія, свинца и провіанта (въ эпоху гусситскихъ войнъ), не пускалъ рабочихъ за границу во время жатвы, чтобы не вздорожали рабочія руки въ Польшѣ, ловилъ нищихъ и бродягъ и опредѣлялъ ихъ на ерѣпостныя работы, вмѣстѣ съ воеводою регулировалъ цѣны сельско-хозяйственныхъ продуктовъ на городскихъ рынкахъ и устанавливалъ мѣры и вѣсъ, слѣдилъ за выполненіемъ этихъ постановленій и наказывалъ виновныхъ въ ихъ нарушеніи, слѣдилъ за тѣмъ, чтобы въ селахъ ничѣмъ не торговали, кромѣ хлѣба и скота, чтобы не ввозили въ Польшу иностранную соль и т. д.⁷⁾ Однимъ словомъ, почти не было государственныхъ нуждъ и потребностей, по которымъ бы староста не былъ органомъ центральной власти въ мѣстности. Этотъ представитель и

⁵⁾ *Volamina legum* I, 41, 42, 69, 127, 140.

⁶⁾ *Volamina legum* I, 69, 122, 124, 163, 176.

⁷⁾ *Volamina legum* I, 36, 38, 122, 123, 124 и др.

агентъ центральной государственной власти въ данномъ округѣ ⁸⁾ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ прикащикомъ или арендаторомъ королевскихъ имѣній, завѣдывалъ на короля или на себя всѣмъ хозяйствомъ этихъ имѣній, чинилъ судъ и управу въ крестьянскомъ обществѣ, жившемъ въ этихъ имѣніяхъ (арендованіе королевскихъ имѣній производилось въ формѣ залога ихъ или записи въ известной суммѣ денегъ) ⁹⁾. Литовско-русскій намѣстникъ близко подходилъ къ польскому старостѣ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Благодаря этому, въ актахъ, выходившихъ изъ великобняжеской канцеляріи со времени уніи съ Польшей и писанныхъ на латинскомъ языкѣ, слово „намѣстникъ“ стало переводиться *capitaneus*, какъ и польское „староста“ ¹⁰⁾. Но если по содержанію и характеру власти польскіе старосты близко подходили къ литовско-русскимъ намѣстникамъ, зато они отличались отъ многихъ изъ нихъ по значенію своихъ судебно-административныхъ округовъ и по компетенціи своей власти. Польскіе старосты сидѣли на королевскихъ столахъ (*in sede Regali*) въ главнѣйшихъ городахъ государства, бывшихъ центрами или цѣлыхъ воеводствъ, или повѣтовъ воеводствъ, изъ которыхъ каждый представлялъ самостоятельную областную единицу въ составѣ Польскаго государства ¹¹⁾. Въ другихъ городахъ находились бургграфы, состоявшіе подъ ихъ начальствомъ и присудомъ и помогавшіе имъ въ управленіи повѣтомъ ¹²⁾; помощниками ихъ въ известной степени были и *державцы* (*tenutarii*) отдѣльныхъ королевскихъ имѣній въ повѣтѣ, завѣдывавшіе крестьянами этихъ имѣній ¹³⁾. Поэтому и собственное польское названіе „староста“ заимствовано было первоначально и долгое время держалось въ употребленіи въ Литовско-Русскомъ государствѣ для обозначенія только главныхъ намѣстниковъ, чинившихъ судъ и управу въ центральныхъ городахъ бывшихъ удѣльныхъ княжествъ и другихъ самостоятельныхъ областныхъ единицъ, въ отличіе этихъ намѣстниковъ отъ тѣхъ, которые правили въ пригородахъ или дворахъ великобняжескихъ, бывшихъ центрами волостей или вообще областныхъ частей. Такимъ образомъ, названіе староста упрочилось сначала за главнымъ правителемъ Жмудской земли, который имѣлъ подъ собою тивуновъ,

⁸⁾ *Hürpe* Verfassung der Republik Polen, 270, 271. Berlin 1867.

⁹⁾ *Volumina legum* I, 126 и др.

¹⁰⁾ *Codex epistolaris Vitoldi* № NCCXXXIII.

¹¹⁾ *Volumina legum* I, 25, 59, 62, 63, 114, 158.

¹²⁾ *Volumina legum* I, 25, 38, 124, 125, 126, 127, 150, 151, 159, 165, 236.

¹³⁾ *Volumina legum* I, 89, 126.

а потомъ и намѣстниковъ-державцевъ на отдѣльныхъ волостяхъ ея, и за урядникомъ, который чинилъ судъ и управу въ предѣлахъ Луцкаго княжества Волынской земли ¹⁴⁾, а затѣмъ за намѣстниками земли Берестейской, бывшаго Городенскаго княжества и Ковенскаго повѣта ¹⁵⁾, которые также имѣли подъ собою намѣстниковъ низшаго ранга, какъ увидимъ ниже. Съ конца XV вѣка и латинское *capitaneus* имѣло уже болѣе устойчивое употребленіе и прилагалось по большей части къ тѣмъ намѣстникамъ, которые имѣли подъ собою намѣстниковъ низшаго ранга и тивуновъ ¹⁶⁾. При Сигизмундѣ старостами стали звать и намѣстниковъ Подляшскихъ повѣтовъ, или земель, которые при дѣйствіи на Подляшѣ польскаго права и учрежденій еще болѣе, чѣмъ другіе намѣстники, походили на польскихъ старостъ ¹⁷⁾. Послѣ того, съ усиленіемъ на Литовской Руси вліянія польской гражданственности, названіе староста стало постепенно прилагаться и къ другимъ намѣстникамъ, которые пользовались болѣею самостоятельностью сравнительно съ другими, и подъ властью которыхъ были болѣе крупныя округа, напримѣръ, къ намѣстнику Черкасскому и Каневскому ¹⁸⁾ и др.

Что касается названія „воевода“, то до 1413 года оно употреблялось въ приложеніи къ органамъ управленія въ областяхъ, какъ кажутся, только въ юго-западной Руси, въ земляхъ Волынской и Галицкой ¹⁹⁾. Съ 1413 г. воеводами стали называться главные намѣстники въ бывшихъ княжествахъ Виленскомъ, Троцкомъ и Кіевскомъ, въ началѣ XVI вѣка главные намѣстники земель Полоцкой, Смоленской, Витебской и бывшаго Новгородскаго княжества въ собственной Литовской землѣ ²⁰⁾. Въ данномъ случаѣ дѣйствовали отчасти подражаніе Польшѣ, которая имѣла въ качествѣ первыхъ сановниковъ въ областяхъ воеводъ, но еще болѣе потребность провести различіе между областными правителями неодинаковой компетенціи. Окружныя гра-

¹⁴⁾ *Wolffa Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego*, str. 21, 91.

¹⁵⁾ *Ibidem*, str. 9; Акты Зап. Рос. I, № 198, 199, 202, 203, 226 и др. II, № 97, 102, 112, 118 и др.

¹⁶⁾ См. земскій привилей 1492, арт. XXIII. *Zbiór praw litewskich*, str. 58—67; Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 3—9.

¹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 291, 292, 507, 508; IX, л. 188; Акты Зап. Рос. II, № 61, 93, 114, 157, 164 и др.

¹⁸⁾ Акты Зап. Рос. II, № 153, 171.

¹⁹⁾ *В. И. Сергеевича Вѣче и Близъ*, 364; Акты Зап. Рос. I, № 4, 9; *Archivum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I*, № I.

²⁰⁾ *Wolffa Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego*, str. 34, 45, 51, 86.

моты, разсылавшіяся въ концѣ XV и началѣ XVI-го вѣка по областямъ, адресовались поэтому „княземъ, паномъ воеводамъ, старостамъ, намѣстникомъ и тивуномъ и всимъ завазникомъ по всему великому княжеству Литовскому ²¹⁾“.

Въ княженіе Сигизмунда I названіе „намѣстникъ“ стало постепенно выходить изъ официальнаго употребленія и въ приложеніи къ великокняжескимъ урядникамъ, державшимъ волости и подчиненнымъ воеводамъ и старостамъ, и замѣняться названіемъ „державца“. Слово это первоначально имѣло значеніе простаго имени нарицательнаго и обозначало собою всякаго, кто получилъ отъ великаго князя „въ держаніе“, т. е. управленіе съ правомъ пользоваться опредѣленными доходами, городъ или дворъ съ тянувшимъ къ нему округомъ. Такимъ образомъ, на примѣръ, державцами названы главные намѣстники Смоленской земли въ одномъ судебномъ „вырокѣ“ великаго князя Александра отъ 1495 года по дѣлу о землѣ между смоленскими боярами Тереховичами и Сеньбомъ Бердибяковичемъ ²²⁾. Державцемъ названъ главный управитель Полоцкой земли въ грамотѣ короля Сигизмунда I, данной городу Полоцку на магдебургское право ²³⁾. Но на ряду съ этимъ державцами называются и низшіе великокняжескіе урядники, власть которыхъ простиралась только на отдѣльныя волости или части земель. Такъ, напр., въ грамотѣ, данной въ 1511 г. людямъ Подляцкихъ и Задвинскихъ волостей читаемъ между прочимъ: „также, што передъ тымъ по тымъ волостемъ нашимъ писари або державцы, то есть, намѣстники и тивунове тыхъ волостей, корчмы на себе сычывали: по та мѣста вжо, какъ державцы такъ и писари наши и тивуны корчомъ сытити не мають ²⁴⁾“. Общій, нарицательный смыслъ этого названія особенно ясно выраженъ въ жалованной грамотѣ великаго князя Александра православному духовенству отъ 20-го марта, 1499 года, гдѣ читаемъ между прочимъ: „нѣкоторые князи и панове, воеводы, старосты, намѣстники и тивунове наши, державцы городовъ, мѣстъ и волостей нашихъ церкви Божьей и митрополиту и епископомъ кривду чинивали, въ доходы ихъ церковные и суды духовные вступывалися ²⁵⁾“.

²¹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 156, 166, 162.

²²⁾ Литов. Метр. кн. Запис, V, л. 45.

²³⁾ Акты Зап. Рос. II, № 61.

²⁴⁾ Акты Зап. Рос. II № 75.

²⁵⁾ Акты Зап. Рос. I, № 166.

Какъ бы то ни было, но преимущественно название „державца“ утвердилось за теми великокняжескими урядниками, которые въ XV и началѣ XVI вѣка назывались „намѣстниками“, послѣ того какъ болѣе или менѣе твердо установилось въ официальномъ языкѣ употребленіе названій „воевода“ и „староста“. Намѣстниками, кромѣ урядниковъ, съ непосредственными полномочіями отъ великаго князя, назывались и всѣ тѣ лица, которыя заступали мѣста урядниковъ въ ихъ отсутствіе. Такимъ образомъ, въ текстахъ мы встрѣчаемъ упоминаніе о намѣстникахъ воеводъ²⁶⁾, старостъ²⁷⁾, намѣстниковъ²⁸⁾ и даже тивунговъ²⁹⁾. Вслѣдствіе того, что названіе „намѣстникъ“ сдѣлалось, такимъ малозначущимъ, явилась потребность въ новомъ имени для урядниковъ по непосредственному упомощію, в. видя, и подходящимъ къ тому названію оказалось слово „державца“, производное отъ общаго русскому и польскому языку глагола „держать“ въ смыслѣ управлять³⁰⁾ и уже существовавшее въ польскомъ языкѣ для обозначенія временныхъ владѣтелей отдѣльныхъ королевскихъ имѣній, которые въ судебно-административной должностной іерархіи областей находились подъ старостами. Во времени изданія перваго Статута слово „намѣстникъ“ почти совсѣмъ вышло изъ официального употребленія въ приложеніи къ органамъ общаго управленія и суда въ областяхъ и замѣнилось словомъ „державца“. Самъ Статутъ уже не знаетъ намѣстниковъ, а державцевъ, которые являются въ немъ судьями низшаго ранга, подчиненными воеводѣ, какъ высшей инстанціи. Такимъ образомъ, названіе „державца“ постепенно приобрѣло значеніе specialнаго термина, стало обозначать известный разрядъ должностныхъ лицъ въ областной судебно-административной іерархіи.

Впрочемъ, какъ показываютъ другіе современные источники, названіе „намѣстникъ“ и послѣ изданія Статута сохранялось въ некоторое время по традиціи за нѣкоторыми великокняжескими урядниками, которые давно были на своихъ мѣстахъ, а также за боярами, державцами по родамъ мелкіе волостей въ русскихъ земляхъ (державцами), какъ вѣдётся, не назывались правители такихъ волостей или повѣто...

²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 35, 85; Акты Зап. Рос. I, № 170; II, № 128.

²⁷⁾ Акты Зап. Рос. II, № 54.

²⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 148; VIII, л. 127.

²⁹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 160.

³⁰⁾ К. А. Неволіна Полное собраніе сочиненій, т. IV, стр. 109, прил. 3. Справ. Volumina legum I, 25.

гдѣ не было великокняжескихъ дворовъ и собственнаго хозяйства в. князя ²¹⁾). Окружная королевская грамота, разосланная въ 1533 году по областямъ государства о ненарушеніи правъ евреевъ, адресована по этому „княземъ, паномъ воеводамъ, старостамъ, державцамъ, намѣстникомъ и тивуномъ“ ²²⁾).

Итакъ, введеніе новыхъ названій: „староста“, „воевода“ и „державца“ въ литовско-русскую должностную терминологию было вызвано потребностью отличить особыми именами различныхъ по компетенціи власти и величинѣ своихъ округовъ великокняжескихъ урядниковъ, въ рукахъ которыхъ очутились судъ и управа въ областяхъ послѣ упраздненія удѣловъ. Старинныхъ русскихъ названій „намѣстникъ“ и „тіунъ“ стало уже недостаточно для обозначенія всѣхъ степеней установившейся въ областяхъ судебно-административной должностной іерархіи, понадобились новыя имена, которыя и подсказаны были знакомствомъ съ польскими терминами и областными учрежденіями.

Высшее мѣсто въ этой іерархіи принадлежало воеводамъ, которымъ достались власть и политическое представительство въ областяхъ послѣ удѣльныхъ князей Гедиминова рода (за исключеніемъ Смоленскаго). Въ одномъ ряду съ воеводами стоялъ Жмудскій староста (онъ и назывался иногда воеводою), власть котораго простиралась на всю Жмудскую землю. Слѣдующее мѣсто ниже воеводъ занимали остальные намѣстники-старосты, чинившіе судъ и управу въ частяхъ воеводствъ (нѣкоторые изъ этихъ частей были нѣкогда удѣльными княжествами) независимо отъ воеводъ, какъ высшей инстанціи, подчиняясь имъ, только какъ начальникамъ военныхъ округовъ и политическимъ представителямъ областей. Ниже старостъ стояли намѣстники-державцы и затѣмъ тивуны, чинившіе судъ и управу въ болѣе мелкихъ частяхъ областей, или волостяхъ, и подчиненные воеводамъ и старостамъ, какъ высшей судебно-административной инстанціи. Они были помощниками воеводъ и старостъ (а нѣкоторые изъ нихъ и замѣстителями,—именно намѣстники, которые чинили судъ и управу по уполномочію воеводъ или старостъ въ волостяхъ, данныхъ „въ держанье“ непосредственно воеводамъ или старостамъ) преимущественно по дѣламъ великокняжескаго хозяйства, которыя ставили ихъ въ ближайшее соотношеніе съ тяглыми и податными людьми разныхъ наименованій. Особенно это справедливо относительно тивуновъ, которые

²¹⁾ Литов. Метр. кн. Зап. VII, л. 531, 532 и др.

²²⁾ Акты Зап. Рос II, № 174.

въ сущности были главными привязками при великокняжесвѣцъ имѣніяхъ. Ихъ главная обязанность была вѣдать хозяйство великаго князя, подати и повинности мѣстнаго населенія; въ связи съ этимъ развилась и ихъ судебнo-административная дѣтельность, и всѣ другія занятія ихъ носили характеръ второстепенныхъ и побочныхъ. Бругъ дѣтельности намѣстника-державцы былъ шире и захватывалъ всѣ классы мѣстнаго населенія. Онъ былъ въ большей мѣрѣ органомъ общаго управления въ мѣстности, чѣмъ тивунъ; хозяйственныя обязанности легли на него въ придачу къ его общей судебнo-административной дѣтельности и во влѣдствіе того, что ему крипилось взять подъ свой надворъ и руководство или даже заступать собою мѣстнаго тивуна. Благодаря преобладанію хозяйственныхъ интересовъ въ управленіи, обѣ эти должности близко подошли другъ къ другу, но полнаго отождествленія все-таки не произошло. Тивуны въ собственной Литовской землѣ, какъ можно вывести изъ 33 статьи шестого раздѣла Статута 1529 года, не имѣли права судить шляхту-бояръ, — „нижли они сами естлибъ изволили предъ ними по доброй воли стати“²³⁾. Схообразіемъ происхожденіемъ должности тивуновъ и округа, которыми они завѣдывали, были обыкновенно гораздо мельче, чѣмъ округа намѣстниковъ-державцевъ и ограничивались большею частью предѣлами одной сельской общины бывшей служило-тяглою и податною единицею.

II.

Для обозначенія округовъ, которыми завѣдывали областные правители, въ оффиціалномъ языкѣ Литовской Руси существовали три названія: „волость“, „держава“ и „повѣтъ“ (изрѣдка попадаетъ въ актахъ и слово „уѣздъ“²⁴⁾).

Слово „волость“ по старой традиціи употреблялось иногда въ широкомъ значеніи, въ приложеніи къ цѣлой землѣ или княженію. Такимъ образомъ, напр., въ подтвердительной грамотѣ Сигизмунда I Полоцкой землѣ на права и вольности читаемъ: „а по волости нашей воеводѣ нашему Полоцкому не ѣздити“²⁵⁾. Въ данномъ случаѣ волостью, очевидно, названа вся Полоцкая земля. Но чаще всего слово „волость“ въ актахъ изучаемаго времени прилагается къ частямъ земель, именно—ко всей той совокупности земельныхъ участковъ, ко-

²³⁾ Временникъ Импер. Москв. Общ. Истор. и Древн. Россійскихъ XVIII, 54.

²⁴⁾ Акты Виленской Археографической Комиссіи XIII отд. 1. № 4.

²⁵⁾ Акты Зап. Рос. II, № 70.

тарю владѣли господарскіе подданные, составившіе одну служило-таглую и податную общественную единицу подъ управленіемъ намѣстника-державцы или тивуна; точно такъ же это слово употреблялось и въ приложеніи къ крупнымъ княжескимъ и панскимъ имѣніямъ, имѣвшимъ такое же значеніе въ области, какъ и господарскія волости. Иногда волостями назывались и части этихъ общественныхъ единицъ и ихъ территорій, административно объединенныя подъ властью низшаго сельскаго начальства: приставовъ, десятниковъ, тивуновъ и т. д., вслѣдствіе чего въ актахъ приходится встрѣчать указанія на *волости въ волостяхъ*. Такъ, въ 1501 году королю Александру былъ челомъ окольникій Смоленскій, намѣстникъ Вилькомирскій Борнъ Семеновичъ и просилъ „волости людей Вилькомирской волости на имя Рогово“²⁶⁾. Точно такъ же это слово употреблялось иногда и въ приложеніи къ небольшимъ частнымъ имѣніямъ, хотя бы они составляли часть села. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ книгѣ земельныхъ расдачъ Казимира читаемъ слѣдующую записъ; „пану Ивашку Мониловичу *волость* у Богдановичохъ *сель*: Ходоръ Олексичъ, Родивонъ, Олихверецъ, Климъ, Симонъ, Олешко, Паршута, Новдеша, Есво, Митво“²⁷⁾. Употребленіе названія „волость“ было еще шире и выходило даже совсѣмъ за предѣлы территоріальныхъ обозначеній. Волостями въ актахъ называются и должности извѣстнаго рода, служившія источникомъ дохода для отправлявшихъ ихъ лицъ. Такъ, въ одномъ спискѣ волостей, которыя предназначено было держать боярамъ витебскимъ при королѣ Казимирѣ, поименованы между прочимъ и „вряды“: „конюшое“, „городничее“, „ключництво“, „ловчое“²⁸⁾. Въ числѣ волостей, розданныхъ въ Брянскомъ повѣтѣ тамошнимъ боярамъ въ 1496 году, записъ упоминаетъ: конюшое“, „радничое“, „побѣдничое“, „ловчое“, „соколничое“²⁹⁾. Но всѣ эти разнообразныя значенія слова „волость“ утратило съ теченіемъ времени и сохранилось только въ приложеніи къ общинамъ господарскихъ, княжескихъ и панскихъ подданныхъ, административно объединенныхъ, и ихъ территоріямъ. Для обозначенія правительственныхъ округовъ разной величины вошли въ употребленіе слова „держава“ и „повѣтъ“, а для обозначенія доходныхъ должностей — „врядъ“, „урядъ“.

²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 199.

²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III л. 6.

²⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 108, 109.

²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 281, 282.

Подобно тому, какъ названіе „державца“ въ началѣ имѣло чисто-нарицательное значеніе и прилагалось къ мѣстнымъ судьямъ и администраторамъ разныхъ ранговъ, точно такъ же и словомъ „державца“ обозначались округа различной величины и значенія. Въ книгѣ земельныхъ раздачъ короля Казимира сохранилась, напр., слѣдующая записъ: „у Смоленской *державы* князю Федору Веротынскому дворъ королевъ Нѣмчиновское и въ шестыи слугами... и съ тяглыми людьми, што орютъ да сѣно косятъ, у вотчину“⁴⁰⁾. Слово „державца“ въ данномъ примѣрѣ равнозначаще съ словомъ „земля“. Въ 1492 году 2 декабря посолъ короля Казимира жаловался Московскому правительству отъ имени своего государя. „Васко Голохвастовъ въ многими людьми войною приходилъ въ нашу землю, въ *державу* Мценскую, шкоды многи починили“ т. д.⁴¹⁾. Въ этомъ случаѣ названіе „державца“ указываетъ на округъ гораздо меньшей величины и значенія, чѣмъ Смоленская земля. Чисто нарицательный смыслъ этого слова съ особенною ясностью выступаетъ въ подтвердительномъ привилеѣ короля Сигизмунда пану Федору Янушевичу на староство Луцкое и маршалковство земли Волынской отъ 5 января 1508 г.: „и если бы пререченое тое староство и маршалковство“,—читаемъ здѣсь,—отъ того пана Федора отнати бы его милость хотѣлъ, або его милости потомъ будучи (т. е. потомки) также хотѣли вчинити, тогда напередъ иншою *державою* и честью и вядомъ, такъ добрымъ и пожиточнымъ, какъ и тое держанье, староство Луцкое, мѣло бы ему дано и осмотрѣно быти“⁴²⁾. Такимъ образомъ, державою назывался всякій округъ, который давался великимъ княземъ „въ держаніе“, т. е. въ управленіе съ правомъ пользоваться при этомъ извѣстными доходами (о такомъ значеніи выраженія „въ держаніе“ см., напр., заставной листъ пану Богушу Боговитиновичу на дворъ Каменецъ отъ 1518 года⁴³⁾). Съ теченіемъ времени, однако, слово „державца“ прочно утвердилось за тѣми правительственными округами, которыми завѣдывали намѣстники-державцы и которые были населены господарскими подданными разныхъ службъ и наименованій, приблизившись, такимъ образомъ, въ своемъ обозначеніи къ слову „волость“. Необходимо, кромѣ того, указать, что слово „державца“

⁴⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 26.

⁴¹⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. XXXV, 55.

⁴²⁾ Литов. Метр. кн. Зап. VIII, л. 141—143

⁴³⁾ Литов. Метр. кн. Зап. VII, л. 592, 593; XI, л. 7.

имѣло иногда и чисто абстрактный смыслъ, было равнозначаще съ словами: владѣніе, правленіе, княженіе и т. под. ⁴⁴⁾).

Но чаще всего въ актахъ изучаемаго времени встрѣчаемся съ заимствованнымъ у поляковъ ⁴⁵⁾ словомъ „повѣтъ“ въ приложеніи къ правительственнымъ округамъ разныхъ величинъ: и къ воеводствамъ, и къ староствамъ, и къ округамъ намѣстниковъ-державцевъ и двупововъ, и даже къ болѣе мелкимъ, административно объединеннымъ, территориямъ. Во многихъ случаяхъ слово „повѣтъ“ является равнозначащимъ съ словомъ „земля“, напр., въ привилеѣ, выданномъ въ 1516 году державцѣ Ясвоинскому Ивану Тимошеевичу Плещееву Юрлову на тридцать куничниковъ „у Жомонтскомъ *поствѣ* у Ясвоинской волости“ ⁴⁶⁾. Ясвоинская волость, какъ это явствуетъ изъ другихъ актовъ, была частью Жмудской земли, а ея державца урядничомъ, подчиненнымъ старостѣ Жмудскому ⁴⁷⁾. Точно такое же значеніе имѣетъ слово „повѣтъ“ и въ привилеѣ, выданномъ въ 1507 г. торопецкимъ боярамъ Нефеду и Михалку на двѣ службы тяглыхъ людей „Лужосенское волости Витебскаго *поства*“ ⁴⁸⁾. Эта Лужосенская волость, какъ открывается изъ книги „справъ судовыхъ“ Витебскаго воеводи Яда Юрьевича Глѣбовича, была частью Витебской земли, въ которой судъ и управу чинилъ намѣстникъ воеводы, главнаго судьи и управителя земли ⁴⁹⁾. Тоже самое по актамъ представляютъ изъ себя и Червятская волость Полоцкаго повѣта ⁵⁰⁾ и Опечая волость Смоленскаго повѣта ⁵¹⁾ и др., такъ что во всѣхъ этихъ случаяхъ слово „повѣтъ“ совпадаетъ по значенію съ словомъ „земля“.—Но кромѣ того, какъ уже сказано, повѣтами въ актахъ называются и территоріи меньшаго, чѣмъ земли, протяженія и значенія, бывшія судебне-административными округами самостоятельныхъ намѣстниковъ, переименованныхъ съ теченіемъ времени въ старостъ. Такъ, отъ 1502 года мы имѣемъ привилеѣ, данный князю Александру Юрьевичу Гольшанскому на 3 человека „въ Городенскомъ *поствѣ* у Складельской волости“ ⁵²⁾. Го-

⁴⁴⁾ Акты Зап. Рос. II, № 140.

⁴⁵⁾ *Voluntaria legum* I, 34.

⁴⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 114, 115.

⁴⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 23—25.

⁴⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 170.

⁴⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 14—16.

⁵⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 301, 302.

⁵¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 478; IX, л. 92.

⁵²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 204.

роденскій повѣтъ въ данномъ случаѣ означаетъ судебно-административный округъ намѣстника-старосты Городенскаго, который, какъ будетъ показано ниже, правилъ самостоятельно, подчиняясь Троицкому воеводѣ только какъ начальнику военного округа. Скидельская волость была частью его округа, въ которую онъ въѣзжалъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими Городенскими урядниками: конюшимъ, ключникомъ и тивуномъ⁵³⁾. Въ этой части находился для суда и управы, кромѣ того, особый намѣстникъ, какъ это видно изъ одного судебного листа короля Александра⁵⁴⁾. Въ 1507 году Сигизмундъ I подтвердилъ своимъ листомъ дворянину Петру Держковичу данину короля Александра, пять службъ тяглыхъ „въ Ковенскомъ *поветѣ* въ Румшишской волости“⁵⁵⁾. Въ этой Румшишской волости былъ также особый намѣстникъ, подчиненный намѣстнику, или старостѣ, Ковенскому, такъ что слово „повѣтъ“ въ приведенномъ примѣрѣ означаетъ судебно-административный округъ этого старосты; округъ этотъ былъ особою частью Троицкаго воеводства, которая тянула къ Троякамъ только въ военномъ отношеніи⁵⁶⁾. Слово „повѣтъ“ прилагается къ болѣе мелкимъ судебно-административнымъ округамъ, которые въ приведенныхъ примѣрахъ поминуются волостями, какъ скоро нѣтъ указанія на принадлежность ихъ, какъ частей и подраздѣлений, къ болѣе крупнымъ округамъ воеводъ и старостъ. Такимъ образомъ, напр., въ привилеѣ на землю Лѣшишки, выданномъ Довжковскому боярину Михаилу Биздю, округъ пана Богусла Богавитичовича названъ не волостью Довжковскою, какъ въ иностраноязычномъ заставномъ листѣ, а повѣтомъ⁵⁷⁾. Отъ 1498 года мы имѣемъ листъ выданный боярину Ивашу Нетевичу до намѣстника Явовицкаго пана Станислава Костевича о ввѣдѣ его во владѣніе семью человѣками и двумя пустошинами въ Ясвоинскомъ *поветѣ*⁵⁸⁾. Въ 1499 году владыка Смоленскій Юсифъ выпросилъ у великаго князя Александра нѣкоторыхъ людей и земли пустошскія „въ Смоленску у-въ Олестскомъ *поветѣ* у Твердиличохъ“⁵⁹⁾. Встрѣчаемъ въ источникахъ и *поветы*: Скидельскій, Румшишскій и т. д.⁶⁰⁾. Замѣну назва-

⁵³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 111.

⁵⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 247.

⁵⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 166.

⁵⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 233.

⁵⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 55.

⁵⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 114.

⁵⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 88.

⁶⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 248; IX, л. 171.

ніемъ „повѣтъ“ названія „волость“ можно подтвердить еще слѣдующимъ характернымъ примѣромъ. Въ 1502 году король Александръ пожаловалъ пану Микитѣ Чапличу село Радоховку „въ Жукѣвскомъ повѣтѣ“⁶¹⁾. Повдѣе, въ 1505 году, когда это село подтверждалось ему „на вѣчность“, въ болѣе подробномъ обозначеніи подтвердительнаго листа оно является уже „у Луцкомъ повѣтѣ въ Жукѣвской волости“⁶²⁾. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что слово „повѣтъ“ въ приложеніи къ правительственнымъ округамъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ было въ большинствѣ случаевъ шире по значенію, чѣмъ слово „волость“, и не могло имъ въ свою очередь вполне замѣниться. Въ составъ правительственнаго округа намѣстника державцы и тивуна, какъ увидимъ въ слѣдующемъ очеркѣ, входили не только земли господарскія и господарскихъ подданныхъ, составлявшія господарскую *волость*, но также земли княжескія и панскія, населенныя подданными князей и пановъ. Названіе „повѣтъ“ потому и заимствовано было отъ поляковъ, что въ русскомъ языкѣ не находилось слова для обозначенія правительственнаго округа въ полномъ его составѣ. Въ нѣкоторыхъ актахъ совершенно ясно выступаетъ чисто-нарицательный смыслъ слова „повѣтъ“. Въ 1501 году король Александръ пожаловалъ войту Луцкому Яну Сикнатуру село Ставрово, какъ гласитъ привилей, „въ повѣтѣ ключництва Луцкого“⁶³⁾. Въ 1506 году декабря 9 Сигизмундъ выдалъ писарю Никольскому Васильевичу подтвержденіе на дворъ Вакиники „повѣту тивунства Троцкого“, который далъ ему король Александръ⁶⁴⁾. При чисто-нарицательномъ значеніи слова „повѣтъ“ естественно встрѣтить по источникамъ и повѣтъ въ повѣтѣ. Напр., 20 декабря 1497 г. великій князь Александръ далъ подтвержденіе писарю Ивашу Сопѣжичу на село въ „Смоленскомъ повѣтѣ“ въ Болваницкомъ *повѣтѣ* Мартиново Болваницкаго на имя Смолинъ Конецъ“⁶⁵⁾. Въ Статутѣ 1529 года слово „повѣтъ“ является съ тѣмъ же нарицательнымъ значеніемъ, съ какимъ и въ упомянутыхъ актахъ. Статья 3-я шестого раздѣла этого Статута гласитъ: „воеводы и старосты и державцы наши маютъ кажды у своемъ советѣ обрати двохъ земляниновъ людей добрыхъ а годныхъ веры и ку присяже привести“ (для засѣданія на судѣ). Но повѣты воеводъ, старостъ и дер-

⁶¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 211.

⁶²⁾ Ibidem, л. 238.

⁶³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 157.

⁶⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 152.

⁶⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 98.

жандевъ не были одинаковы ни по величинѣ, ни по значенію своему: повѣты державцевъ, на примѣръ, были подраздѣленіями повѣтовъ воеводъ, какъ это отсрывается изъ 1-й статьи шестого раздѣла того же Статута: „А вшаже, который бы в державецъ нашихъ таковою речью (т. е. что онъ судилъ не по Статуту) былъ обвиненъ, таковой каждый маєт приозванъ быти передъ воеводу повету своего и будетъ повиненъ судъ свой оказывати“.

Итакъ, слово „повѣтъ“ къ актамъ изучаемаго времени является не терминомъ, а простымъ именемъ нарицательнымъ, прилагающимся къ правительственнымъ округамъ различной величины и значенія, вопреки утвержденію гг. Антоновича, Бершадскаго, Владимірскаго-Буданова⁶⁶⁾. Дальнѣйшее изложеніе настоящаго очерка представляетъ попытку дать подробное исчисленіе великокняжескихъ урядниковъ, чиновныхъ судъ и управу въ областяхъ, вмѣстѣ съ указаніями на ихъ правительственные округа, а также крупнѣйшихъ владѣтелей и ихъ мѣстн.,—и такимъ путемъ намѣтить въ главнѣйшихъ чертахъ правительственное дѣленіе Литовско-Русскаго государства.

III.

Высшими мѣстными правителями въ предѣлахъ собственной Литовской земли были, какъ уже сказано, воеводы Виленскій и Троцкій. Ихъ установленіе послѣдовало, какъ извѣстно, въ 1413 году на сеймѣ въ Городлѣ, съ цѣлью, какъ гласитъ выданный тогда привилей литовскому духовенству, князьямъ, панамъ и боярамъ,—создать на Литвѣ такой же штатъ сановныхъ и должностныхъ лицъ, какъ и въ королевствѣ Польскомъ⁶⁷⁾. Но заимствованіе въ данномъ случаѣ ограничилось немногимъ: польское воеводство было настолько своеобразнымъ явленіемъ, такъ тѣсно связано было съ особенностями политическаго быта и строя королевства, что нельзя было пересадить его на чужую почву, и литовскіе воеводы вышли мало похожими на своихъ польскихъ коллегъ.

Что такое былъ польскій воевода въ XV вѣкѣ? Это былъ назначенный королемъ изъ мѣстныхъ „можныхъ“ пановъ военачальникъ,

⁶⁶⁾ См. *В. Б. Антоновича* Монографіи по исторіи западной и юго-западной Руси, т. 1, стр. 246; *С. А. Бершадскаго* Литовскіе евреи, стр. 295; *М. Владимірскаго-Буданова* Формы крестьянскаго землевлѣдѣнія въ Литовско-Русскомъ государствѣ XVI в. Кіевскій Сборникъ 1892 г., стр. 880.

⁶⁷⁾ *Volumina legum* 1. 30, *Zbiór praw litewkich*, str. 7—20.

подъ знамя котораго собирався во время войны вся шляхта воеводства и который велъ ее и ставилъ особымъ полкомъ подъ высшее начальство германа⁶⁸⁾. Этотъ военачальникъ и въ мирное время былъ главою мѣстной шляхты и представителемъ ея интересовъ какъ въ воеводствѣ, такъ и въ королевскомъ сенатѣ, котораго онъ былъ почетнѣйшимъ членомъ и въ который онъ приносилъ съ собою всю мощь и вліяніе, пріобрѣтенное имъ среди шляхты воеводства. Въ воеводствѣ онъ былъ центральною личностью мѣстнаго шляхетскаго самоуправленія; председателемъ на „генеральныхъ рокахъ“ воеводства (*colloquia, iudicia peremptoria seu termini generales*⁶⁹⁾, куда поступали дѣла отъ повѣтовыхъ земскихъ судовъ и куда съѣзжались все судебныя чины воеводства⁷⁰⁾. Какъ представитель шляхетскихъ интересовъ, воевода вмѣстѣ съ королевскимъ старостою регулировалъ цѣны сельскохозяйственныхъ произведеній на „мѣстскихъ“ рынкахъ воеводства и контролировалъ шибры и вѣсь, что было дѣломъ первостепенной важности для шляхты и ея „подданныхъ“, жившихъ отъ земледѣлія⁷¹⁾. Какъ главный шляхетскій судья, воевода судилъ евреевъ своего воеводства, которые въ то время пользовались въ Польшѣ правами, сходными съ шляхетскими⁷²⁾. — Литовскій воевода былъ также начальникомъ военнослужившихъ людей даннаго округа, котораго назначалъ великій князь изъ среды мѣстныхъ знатныхъ и богатыхъ бояръ-землевладѣльцевъ, былъ также и членомъ великокняжеской думы, или рады. Но его значеніе здѣсь и въ области основывалось не на томъ, что онъ былъ главою шляхетскаго самоуправленія, котораго на Литвѣ еще не было, и представителемъ шляхетскихъ интересовъ, которые на Литвѣ еще не успѣли рѣзко обособиться, какъ въ Польшѣ, и противостоять интересамъ великокняжескимъ, — а въ томъ, что онъ былъ главнымъ наместникомъ великаго князя, органомъ и представителемъ центральной власти въ области по разнымъ, какъ увидимъ впоследствии, частямъ управленія. Самое установленіе воеводъ на Литвѣ произошло путемъ простаго переименованія въ воеводъ лицъ, которыя въ 1413 году были старшинами наместниками, по польски старостоми, въ быв-

⁶⁸⁾ Volumina legum I, 167; *M. Bobrzyńskiego O ustawodawstwie niezawskiem Kazimierza Jagiellonczyka*, str. 147 sq. Kraków 1873.

⁶⁹⁾ *Dr. A. Osvalda Balcera Geneza Trybunału Koronnego*, str. 18, nota 2. Warszawa 1884.

⁷⁰⁾ Volumina legum I, 69, 115, 276.

⁷¹⁾ Volumina legum I, 36, 72, 117, 124.

⁷²⁾ Volumina legum I, 141—144.

ных удѣльныхъ княжествахъ Виленскомъ и Троицкомъ⁷³⁾. Однимъ замѣстниками-старостами Виленскій и Троицкій воеводы продолжали быть, и послѣ 1413 года, въ теченіе всего изучаемаго времени, между тѣмъ какъ въ Польшѣ въ это время званіе воеводы (кромя Краковскаго) было несовмѣстимо съ должностію королевскаго старосты въ томъ же воеводствѣ. Польскій воевода былъ „дигнитарій“ и въ качествѣ таковаго не могъ быть королевскимъ урядникомъ (officialis) въ томъ же якомъ округѣ⁷⁴⁾, между тѣмъ какъ литовскій воевода былъ ямъце признанъшестью.

Какъ бы то ни было, но и польская идея воеводъ, какъ главы и вожди мѣстнаго шляхетства, заимствована была на Литвѣ и едва-лило по малу осуществляться въ жизни; начало этому положено было уже въ томъ фактѣ, что Виленскій и Троицкій замѣстники признаны были владельцами земельвладѣльческаго ополченія, которое должно было собираться не только изъ нихъ судебно-административныхъ округовъ, но и изъ округовъ другихъ самостоятельныхъ замѣстниковъ, а также изъ нѣкоторыхъ не упраздненныхъ еще удѣльныхъ княжествъ. Основаніемъ при опредѣленіи территорій Виленскаго и Троицкаго воеводствъ послужило то военно-политическое дѣленіе, которое установилось при Ольгердѣ и Кейстутѣ и держалось болѣе для мѣнѣ устойчиво въ теченіе всей половины XIV в. Въ составъ Виленскаго воеводства вошли земли владѣнія Ольгерда и его сыновей въ собственной Литовской землѣ и такъ называемой Руси, т. е. бывшее княжество Виленское, бывшее княжество Нангеродское (впрочемъ, въ полномъ его составѣ, а не въ подчиненіи только, которою владѣлъ Ольгердъ по смерти Коріата Гедиминевича) и княжество Мстиславское; Троицкое воеводство обняло всю совокупность земель Кейстута и его сыновей въ собственной Литовской землѣ (за исключеніемъ половины Новгородскаго княжества) и землѣ Берестейской, т. е. бывшее княжество Троицкое съ особыми Королевскими округами, бывшее княжество Городенское, Берестейскую землю въ тѣсномъ смыслѣ и три Подляпскихъ повѣта: Бѣльскій, Дорогинскій и Малинскій. Кроме того, впоследствии (когда, — съ точностію трудно сказать) распределены были между Виленскимъ и Троицкимъ воеводствами княжества на Подляшѣ и Полѣсѣ, повидимому, уже въ удѣльное время тѣмъ принявшія въ собственной Литовской землѣ и послѣдшія свои ополченія подъ знамена Виленскаго и Троицкаго князей, —

⁷³⁾ Codex epistolarius Vitaldi, № CCXXIII, CCXCV. Scarbicus diplomatum: № 985; Volumina legum I, 31.

⁷⁴⁾ Volumina legum I, 114, 260.

распределены были такимъ образомъ, что княжества Слудское и Клецкое отнесены были къ составу Виленскаго воеводства, а Кобринское, Пинское, Городецкое и Туровское—къ составу Трочкаго. При такой организаціи значеніе Виленскаго и Трочкаго воеводъ, какъ военачальниковъ, выступило отдѣльно и независимо отъ значенія ихъ, какъ великокняжескихъ намѣстниковъ. По отношенію къ значительному числу военнотруженихъ землевладѣльцевъ своихъ воеводствъ они были теперь только вождями, которые должны были собирать ихъ на войну и ставить подъ начальство гетмана наивысшаго (особнымъ полкомъ), должны были слѣдить за правильностью выполненія военной службы землевладѣльцами своихъ воеводствъ и т. д., тогда какъ великокняжескими намѣстниками они были только для тѣхъ землевладѣльцевъ, имѣнія которыхъ лежали въ бывшихъ княжествахъ Виленскомъ и Трочкомъ въ тѣсномъ смыслѣ. Правда, что эта специально-воеводская ихъ дѣятельность въ изучаемое время не получила должнаго развитія и еле замѣтна, закрываясь съ одной стороны дѣятельностью гетмана наивысшаго, который въ общемъ сборномъ пунктѣ дѣлалъ смотръ всему войску и провѣрялъ списки всѣхъ военно-обязанныхъ людей, съ другой стороны—дѣятельностью намѣстниковъ-державцевъ, старостъ и повѣтовыхъ хоружихъ, которые выводили всѣхъ военнообязанныхъ крестьянъ, бояръ и мѣщанъ своихъ повѣтовъ въ сборный пунктъ, назначенный гетманомъ⁷⁵⁾,—тѣмъ не менѣе и учрежденіе воеводствъ имѣло известное значеніе. И въ Польшѣ въ то время военно-административная дѣятельность воеводъ была въ упадѣ, замѣнившись главнымъ образомъ дѣятельностью повѣтовыхъ каштеляновъ; тѣмъ не менѣе, она не упразднилась совсѣмъ и проявлялась, когда вызвали ее обстоятельства или при поддержкѣ законодательныхъ подтвержденій⁷⁶⁾ Точно также и на Литвѣ военно-административная власть воеводъ проявлялась всякій разъ, когда дѣятельность низшихъ органовъ считалась или была въ дѣйствительности недостаточною, когда стали прилагать особенныя старанія и заботы о боевой готовности областей и ввели ежегодные смотры и повѣрки боевыхъ силъ: въ такихъ случаяхъ являлось дѣло и для воеводъ⁷⁷⁾. Поэтому съ полнымъ правомъ можно утверждать, что учрежденіе воеводствъ Виленскаго и Трочкаго по польскому примѣру закрѣпило то военное дѣленіе, которое установилось

⁷⁵⁾ См. раздѣлъ второй Статута 1529 г. Срав. Акты Зап. Рос. II, № 88, 199; Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 76; XV, л. 202—206.

⁷⁶⁾ Volumina legum I, 104, 167, 201 и др.

⁷⁷⁾ Акты Зап. Рос. II, № 173; Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 3, 4.

при Ольгердѣ и Кейстутѣ и было вызвано, какъ мы видѣли, жизненными потребностями страны, связало постоянными узами съ своею Литовскою землею часть Руси, землю Барестейскую и Подѣсье. Значеніе учрежденія Виленскаго и Троцкаго воеводствъ не ограничилось этимъ: идея воеводы, какъ главы военнослужащихъ землевладельцевъ воеводства, изъ сферы военноадминистративной перешла даже въ область гражданской подсудности и при благоприятныхъ обстоятельствахъ проявлялась въ дѣйствіи. Въ 1540 году король Сигизмундъ пожаловалъ своей женѣ Городно съ волостями, при чемъ мѣстный староста изъ королевскаго намѣстника превратился въ намѣстника королевы. Тогда князья, паны и бояре-шляхта Городенскаго повѣта, имѣнья которыхъ не пошли въ пожалованье королевы, а частью даже и не могли пойти (князей и пановъ), вышли изъ подъ присуда Городенскаго старосты, въ которомъ они до этого времени состояли, и перешли подъ присуду кого?—Троцкаго воеводы, который и назначилъ имъ отъ себя особыхъ судей⁷⁸⁾. Троцкій воевода, следовательно, въ идеѣ сталъ высшимъ судьей для князей, пановъ и боярь-шляхты даже и такихъ частей своихъ воеводствъ, которыя находились подъ управленіемъ самостоятельныхъ великокняжескихъ намѣстниковъ-старостъ, и выступалъ имъ на дѣлѣ, какъ скоро почему нибудь прекращалась для нихъ юрисдикція этихъ намѣстниковъ-старостъ. При такихъ условіяхъ и учрежденіе Виленскаго и Троцкаго воеводствъ имѣло реальное, хотя и не всегда осязательное значеніе. Можно думать, что идея польскаго воеводства въ извѣстной степени вліяла на положеніе и главныхъ намѣстниковъ русскихъ земель, переименованныхъ въ воеводу, закрѣпляя за ними значеніе, перешедшее къ нимъ отъ удѣльныхъ князей, во всемъ, что касалось военно-административной власти, юрисдикція и политическаго представительства въ средѣ мѣстныхъ служилыхъ князей, пановъ и боярь-шляхты, налагая извѣстную форму на факты національнаго литовско-русскаго развитія. Таково было и все вообще польское вліяніе на государственную и общественную жизнь великаго княжества Литовскаго въ изучаемое время.

IV.

Виленскій и Троцкій воеводы, какъ уже сказано, были главными намѣстниками въ бывшихъ княжествахъ Виленскомъ и Троцкомъ, которымъ подчинены были жѣстные великокняжескіе урядники, чинившіе

⁷⁸⁾ Акты Виленской Археогр. Комиссіи I, отд. 2-е, № I.

судъ и управу въ пригородахъ или волостяхъ этихъ княжествъ. Изъ урядниковъ, подчиненныхъ Виленскому воеводѣ, на первомъ мѣстѣ можно поставить намѣстника-державцу, чинившаго судъ и управу въ *Брянславъ Литовскомъ* (нынѣ мѣстечко Брянславъ Новоалександровскаго уѣзда Ковенской губерніи, при озерѣ Дривятахъ), центрѣ литовско-русскихъ поселковъ, разбросанныхъ въ озерной области между З. Двиною и ея притокомъ Дисною. Въ Брянславѣ, состоявшемъ изъ замка, или города, и прилегавшаго къ нему мѣста ⁷⁹⁾, находился великокняжескій дворъ, бывший средоточіемъ управления великокняжескимъ хозяйствомъ въ этой мѣстности, вслѣдствіе чего Брянславъ часто упоминается въ числѣ дворовъ Виленскихъ ⁸⁰⁾. Въ княженіе Казимира и Александра урядникъ, завѣдывавшій здѣсь хозяйствомъ великаго князя и чинившій судъ и управу мѣстнымъ жителямъ, назывался *намѣстникомъ*. Въ книгѣ денежныхъ раздачъ короля Казимира, между прочимъ, находится слѣдующая записъ: „пану Григорью Остиковичу 15 копъ грошей съ корчомъ Брянславскихъ въ пана Юрѣя Зеновьевича а 3 рубли съ винъ тамъ жо“ ⁸¹⁾. Но въ подтвержденъ „фундуша“ костелу Брянславскому великаго князя Александра этотъ панъ Юрій Зеновьевичъ названъ прямо намѣстникомъ Брянславскимъ, равно какъ и панъ Станиславъ Яновичъ, бывшій въ числѣ пановъ-рады при дарованъ подтвержденъ ⁸²⁾. При Сигизмундѣ I намѣстникъ Брянславскій панъ Иванъ Семеновичъ Сопѣга ⁸³⁾ сталъ именоваться въ актахъ *державцею* ⁸⁴⁾, равно какъ и его сынъ Павелъ Ивановичъ, бывшій преемникомъ отцу на урядѣ, такъ что названія „намѣстникъ“ и „державца“ чередуются въ актахъ въ приложеніи къ правителю Брянславскаго повѣта ⁸⁵⁾. Въ одномъ актѣ 1526 года, панъ Павелъ Ивановичъ Сопѣга названъ уже *старостою* Брянславскимъ ⁸⁶⁾. Въ актахъ же, писанныхъ на латинскомъ языкѣ, равнозначашее названіе *capitaneus* является и ранѣе, напр., въ подтвержденъ мѣны имѣньями пана Ивана Сопѣги (*capit-*

⁷⁹⁾ *Scarbiec dyplomatów I, № 746; Starożytna Polska IV, 238; Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 77.*

⁸⁰⁾ *Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 589—591.*

⁸¹⁾ *Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 73.*

⁸²⁾ *Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 104, 105.*

⁸³⁾ *Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 551, 552.*

⁸⁴⁾ *Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 573—575.*

⁸⁵⁾ *Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 94; XII, л. 81.*

⁸⁶⁾ *Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 335.*

(*landi Braszlaviensis*) съ земьями Мельницкими Станиславомъ Монтевичемъ и Ивашкомъ Глѣбовичемъ отъ 1512 года ⁸⁷⁾.

Судебно-административный округъ Браславскаго намѣстника-державца принадлежалъ къ числу довольно крупныхъ подраздѣленій Литовской земли, ибо въ составъ входило нѣсколько великовняжескихъ волостей и крупныхъ панскихъ имѣній.—Отъ 1514 года дошелъ до насъ въ записи Литовской Метрики листъ Сигизмунда I къ державцѣ Браславскому пану Ивану Сопѣгѣ съ оповѣщеніемъ о пожалованіи дворянину Гришку Шенбелю „пяти земель пустовскихъ у Браславскомъ повѣтѣ у *городской волости* на нѣмецкой граници“ и съ приказаніемъ „увязать“ его въ эти земли ⁸⁸⁾. Эта городская волость на нѣмецкой граници была, очевидно, то же самое, что собственная Браславская волость, о которой упоминаетъ листъ Сигизмунда I къ тому же пану Ивану Сопѣгѣ отъ 5 февраля 1514 о введѣ во владѣніе нѣкоторыми людьми и землями въ этой волости пана Василя Сопѣги и, кромѣ того, актъ 1529 года о разграниченіи Литвы и Лифляндіи ⁸⁹⁾.—Въ томъ же 1514 г. 27-го іюня Сигизмундъ I подтвердилъ своимъ листомъ боярину Браславскому Пашку Ильичу листъ великой княгини Елены,—„што жъ ее милость дала ему въ Браславскомъ повѣтѣ *Укольской волости* человѣка на имя Михаила Кущлейковича а двѣ земли пустыхъ, Радилонщину и Ходоровщину, а у *Друсской волости* Войшковщину“ ⁹⁰⁾.—Въ 1516 году державца Браславскій Иванъ Сопѣга далъ боярину Богдану Толоконьскому три земли пустовскихъ „въ Браславскомъ повѣтѣ у-въ *Олеской волости* Угорского стану“ до воли господара, который и подтвердилъ ему своимъ листомъ отъ 16 января ⁹¹⁾.—Въ составъ Браславскаго повѣта, кромѣ того, входилъ великовняжескій дворъ *Опесъ съ волосткою Опескою*, отданный въ 1500 году одному изъ Смоленскихъ князей, Глазницѣ, во временное владѣніе, „до очищенья отчины“ ⁹²⁾. Въ княженіе Сигизмунда I въ Опесской волости распоряжался уже державца Браславскій, какъ это видно изъ подтвержденья, даннаго князю Юрьку Масальскому на куплю его у господарскаго боярина Гришка Шенбеля,—„што онъ купиць въ слуги путного въ Браславскомъ повѣтѣ

⁸⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 561, 562.

⁸⁸⁾ Лит. Метр. кн. Запис. IX, л. 219.

⁸⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX л. 233, 234; Судныхъ дѣлъ III, 196—199.

⁹⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 176, 177.

⁹¹⁾ Ibidem, л. 179.

⁹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 181, 183.

Опеское волости въ Матюка Крейтевича зѣ дозволеніемъ воеводи Подляшского, державцы Браславскаго, пана Ивана Сопѣги⁹²⁾. — Въ Браславскомъ же повѣтѣ по всѣмъ даннымъ находилась и волость *Дрисвятская*⁹³⁾, дававшая десятину озираемаго жита съ великокняжескаго дворца Соболей въ церкви Матери Божьей въ Браславѣ (см. вышеупомянутый фундушъ костелу Браславскому), а равно и волость *Виды*, упоминаемая въ одномъ подтвержденнѣ мѣни имѣніями отъ 1507 года⁹⁴⁾ и, наконецъ, волость *Смолвянская*, упоминаемая въ актѣ разграниченія 1529 года. — Въ мѣстѣ и на ряду съ великокняжескими волостями въ городу Браславлю тянули въ отношеніи государственнотемскихъ повинностей и нѣкоторыя крупныя панскія имѣнія. Таковы, напр., имѣнія самихъ Браславскихъ намѣстниковъ-державцевъ, пановъ Сопѣговъ: *Иказно* при одноименномъ озерѣ, *Погостъ*, принадлежавшій имъ великимъ княземъ Александромъ⁹⁵⁾, *Тересовъ*, которыми они владѣли временно⁹⁶⁾, и нѣкоторыя другія. На мѣстоположеніе центральныхъ пунктовъ всѣхъ этихъ волостей и имѣній могутъ указывать въ настоящее время: упомянутое уже мѣстечко Браславъ, деревня Уля на западномъ берегу озера того же имени въ сѣверной части Дисненскаго уѣзда Виленской губерніи, Друа, запятный городъ того же уѣзда на рѣчкѣ Друйкѣ при впаденіи ея въ Западную Двину, село Угорь или Богинь при озерѣ Богинскомъ того же уѣзда (селенія или урочища съ наименованіемъ Олешье или подобнымъ намъ не удалось отыскать), мѣстечко Опса при озерѣ того же имени въ Новоалександровскомъ уѣздѣ Ковенской губерніи, мѣстечко Дрисвати при одноименномъ озерѣ въ томъ же уѣздѣ, запятный городъ Видзи того же уѣзда, мѣстечко Смолви близъ одноименнаго озера въ томъ же уѣздѣ, мѣстечко Иказнь при одноименномъ озерѣ въ Дисненскомъ уѣздѣ Виленской губ. на границѣ съ Новоалександровскимъ, мѣстечко Погостъ того же уѣзда, село Черессъ при одноименномъ озерѣ въ томъ же уѣздѣ. Такимъ образомъ, Браславскій судебноп-административный округъ охватывалъ почти всю ту озерную область, которая заключена между рр. Дисною и Западною Двиною, т. е. большую часть Новоалександровскаго уѣзда Ковенской губерніи и сѣверную часть Дие-

⁹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 164.

⁹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ III, л. 196—199.

⁹⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 194. См. ограниченіе Браславскаго повѣта въ кн. Публ. дѣлъ VII, л. 118. Справ. Starożytna Polska IV, 234, 237.

⁹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 137—139; VI, л. 101.

⁹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 529—530.

Ковенскаго уѣзда Виленской губернии (отъ рѣки Двены и до Волты, или Ваты; впадающей въ Зап. Двину и протекающей по рубежу Подляцкихъ владѣній).

Браславскій намѣстникъ-державца въ изучаемое время не былъ, однако, de jure самостоятельнымъ урядникомъ въ своемъ округѣ, а только помощникомъ и исполнителемъ распоряженій Виленскаго воеводы. Когда господарскій бояринъ Иванъ Стецковичъ былъ челомъ Сигизмунду, чтобы его пожаловалъ „напротивку его имѣней отчужденныхъ шловоцкихъ“, Сигизмундъ писалъ до воеводы Виленскаго пана Михаила Минюлаевича Радзивиловича, „ажбы его милость казалъ обыскати въ Браславскомъ повѣтѣ петнадцать челоувѣкъ служобъ а три земли пустоцкихъ и ему въ то увезанье дати“. — „И небощихъ панъ Михайла Виленскій“, — гласить подтвердительный привилей Сигизмунда I отъ 17. іюля 1524 года, — посылыть то воеводѣ Подляцкому, державцу Браславскому, пану Ивану Семеловичу Сопѣгѣ; и панъ Иванъ Сопѣга писалъ намѣстнику своему Браславскому обрати петнадцать служобъ людей у Браславскомъ повѣтѣ у Друйскаго волости... а три земли пустоцкихъ... и ему въ три люди и земли увезанье дати и листъ свой ушпичный на то ему далъ“²⁹⁾. Впрочемъ, такой порядокъ не всегда соблюдался, и великій князь обращался съ тѣмъ или другимъ привилеемъ иногда прямо въ державца Браславскому, и вообще на имя Браславскій намѣстникъ-державца, какъ и всѣ другіе его ранга, правилъ довольно самостоятельно и по собственной инициативѣ.

На р. Свентѣ, съ правой стороны впадающей въ Вилию, и на ея притокахъ, а также на верховьяхъ рѣкъ, вливающихся въ курляндскую Ла, находилось нѣсколько дворовъ, которые великій князь раздавалъ въ держаніе съ ихъ повѣтами намѣстникамъ-державцамъ по представленію Виленскихъ воеводъ и въ зависимости отъ этихъ послѣднихъ. Дворы эти были: Ракшишки, Ушполье и Пеняны, Утени, Оникшты и Вилькомиръ. На мѣстоположеніе ихъ указываютъ въ настоящее время: мѣстечко Ракшишки Новоалександровскаго уѣзда Ковенской губ. на р. Мукунисъ, впадающей въ Нѣмунель, притокъ р. Ла, мѣстечко Ушполье на р. Свентѣ, мѣстечко Уцяны на рѣчкѣ Уцянкѣ, впадающей слѣва въ Свенту, мѣстечко Оникшты на р. Свентѣ—Вилькомирскаго уѣзда и, наконецъ, самый городъ Вилькомиръ.

Ракшишскій дворецъ съ волостью въ княженіе Казимира и Александра входилъ въ составъ повѣта, которымъ завѣдывалъ Оникштен-

²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 167, 168. Справ. Ibidem л. 81.

скій, намѣстникъ-державца⁹⁹⁾. Король Сигизмундъ выдѣляетъ этотъ дворецъ съ волостью изъ состава Оливитенскаго повѣта, отдавъ его казначею Смоленскому кн. Тимоѣю Филипповичу Крошинскому сначала „въ державѣ“, т. е. на правахъ намѣстника, а потомъ, около 1518 года, „въ хлѣбокормленіе“ до очищенья отчины его отъ непридвѣла Московскаго, съ всѣми доходами великокняжескими и намѣстничьими. Князь Крошинскій выступаетъ въ качествѣ намѣстника Ракинскаго въ записи 1514 г. о пожалованіи служебнику воеводы Троцкаго Водорядскому съ братьею четырехъ человекъ и четырехъ пустошанъ у Ракинскомъ повѣтѣ¹⁰⁰⁾. О пожалованіи ему двора Ракинскъ „со всимъ“ узнаемъ изъ привілея того же короля Сигизмунда отъ 14 октября 1525 г. дворянину Бобовдову Васильевичу на людей и земли. „А потому присади есмо,—читаемъ здѣсь,—до воеводи Виленскаго, канцлера нашего, небошца пана Николая Миколевича, аби его мѣстѣ въ тѣмъ еще обыскалъ тамъ же у Ракинскѣхъ еяко служобъ людей и земель пустыхъ и ему далъ. Иво небошцыи панъ воевода умеръ, а ему тамъ, людей обыскаши, и дати не хотѣлъ для того, изъ есьмо Ракинскѣ дали князю Тимоѣю Крошинскому до очищенья отчины его со всимъ“¹⁰¹⁾. Изъ этого привілея видно также, что дворецъ Ракинскій съ волостью и послѣ того, какъ выдѣленъ былъ изъ состава Оливитенскаго повѣта и поступилъ подъ управленіе особаго намѣстника, продолжалъ оставаться въ составѣ озеруса Виленскаго воеводы, какъ высшаго администратора и судьи.

Въ сошедшей съ волостью Ракинскою актъ о разграниченіи съ Дифляндскою землею въ 1529 году кладетъ волости *Сувецкую, Обальскую, Ганушицкую, Чадекскую и Пенянскую*¹⁰²⁾. На мѣстоположеніе этихъ волостей указываютъ въ настоящее время: мѣстечко Сузени при озерѣ того же имени, мѣстечко Абеле при озерѣ Абельскомъ, мѣстечко Ганушицки въ Чадоской волости, мѣстечко Чадоски при озерѣ того же имени—въ Новоалександровскаго уѣзда Ковенской губерніи, Чадекскій дворецъ съ волостью въ отношеніи суда, управы и повинностей танудъ къ двору Пенянскому, входилъ въ составъ Пенянскаго повѣта¹⁰³⁾. Куда танули волости Сувецкая, Обальская и Га-

⁹⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 145—147.

¹⁰⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 80.

¹⁰¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 284.

¹⁰²⁾ Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ III, л. 196—197.

¹⁰³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 145—147.

владѣемъ и были ли онѣ великокняжескими или частновладѣльческими, на это намъ не удалось найти указаній въ актахъ изучаемаго времени.

Господарскій дворъ *Пенаны* съ своимъ повѣтомъ обыкновенно отдавался въ держаніе тому же лицу, кому давали *Ушполье* съ своимъ повѣтомъ. Въ привилеѣ на держаніе этихъ дворцовъ, данномъ въ 1510 г. 2 мая пану Григорію Станиславовичу Остиковичу, читаемъ между прочимъ: „пожаловали есмо его, дали есмо ему держати двори наши Вишюли и Пенаны со всемъ потому, какъ перво сего на отца нашего Казимира короля его милости держалъ панъ Остийъ, панъ Виленскій, и сынъ его воевода Троцкій панъ Радивиль Остиковичъ, а потомъ сынъ его воевода Виленскій, канцлеръ нашъ, панъ Миколей Радивиловичъ“. Панъ Григорій Станиславовичъ, впрочемъ, получилъ эти дворы „въ сумѣ пенней“, т. е. съ правомъ получать съ нихъ не только намѣстничьи, но и великокняжескіе доходы въ видѣ процентовъ за двѣ тысячи копъ грошей, которыя ему задолжалъ король; „если быкмо нашими пѣвьями ты дворы въ него окунули, — гласитъ при этомъ привилеѣ короля, — тогда онъ же маєть тѣи дворы отъ насъ держати въ держаніи ажъ до своего живота, а плати и всякіи пожитки съ тѣхъ дворовъ тогда вже на насъ мають быти“¹⁰⁴). Король, однако, не выкупилъ этихъ дворовъ при жизни пана Григорія, и они перешли согласно заставному листу къ сыну его Станиславу Григорьевичу, который въ актахъ именуется *державцею Ушпольскимъ и Пенанскимъ*¹⁰⁵). Когда же онъ въ 1519 году умеръ, король повелѣлъ воеводѣ Виленскому пану Миколаю Радивиловичу выкупить эти дворы у дѣтей умершаго пана Станислава Григорьевича и держати ихъ девять лѣтъ „заставою“, а потомъ „врядомъ“ до живота¹⁰⁶). Отъ пана Миколая Радивиловича, умершаго въ 1422 г., эти дворы перешли къ его сыну Станиславу, который въ актахъ именуется *державцею Ушпольскимъ и Пенанскимъ*¹⁰⁷). Что дворы Ушполье съ ихъ волостями входили въ составъ судебно-административнаго округа Виленскаго воеводы, на это прямое указаніе находимъ, напр., въ привилеѣ, данномъ въ 1510 году пану Григорію Станиславовичу Остиковичу „на семьдесятъ служобъ людей у Виленскомъ повѣтѣ у въ Утенской волости, а въ Ушпольской волости на двѣ селѣ Клондутьяны а Пукляны“, а также въ листѣ короля Сигизмунда отъ 5 августа

¹⁰⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 344—346.

¹⁰⁵) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 29.

¹⁰⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 57, 58.

¹⁰⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 64, 65; XII, л. 374.

1522 года, адресованномъ воеводѣ Виленскому пану Альбрехту Мартиновичу Гаццельду съ приказаніемъ „увязать“ „у Пенянской волости“ въ одну пустошину плебана Оникштенскаго князя Войтехъ „у кустелу Оникштенскому св. Матфея“¹⁰⁸⁾. Въ составъ Ушипольскаго повета входило и мѣстечко Буциничи (теперь Вилькомирскаго уѣзда), бывшее, повидимому, центральнымъ поселеніемъ волости *Кутмишской*¹⁰⁹⁾.

Въ герцогарскомъ дворѣ Утенѣ и его довѣтъ судъ и управу занималъ при королѣ Казимирѣ *намѣстникъ*, подскарбій дворный, панъ Литаворъ Хребтовичъ; при Александрѣ *намѣстникъ*, окмистръ великой княгини, панъ Войтехъ Ключер и потомъ маршалокъ дворный князь Михайль Львовичъ Глинскій¹¹⁰⁾. Послѣ князя Глинскаго при Сигизмундѣ акты называютъ *намѣстникомъ Утенскимъ подскарбаго чана Юрія Миколдзевича* и *кухмистра пана Петра Олексевича*, отъ котораго дворъ Утена „съ мѣстомъ и во всеми мѣщанами и съ людьми всеми Утенской волости“ перецель „въ заставу“ въ 1000 лодакъ грошей сначала къ пану Григорію Станиславовичу Остиковичу, а потомъ, въ 1519 году, къ воеводѣ Трощому пану Альбрехту Мартиновичу Гаццельду¹¹¹⁾. Въ 1522 г., когда панъ Альбрехтъ былъ уже воеводою Виленскимъ, дворъ Утена, повидимому, болѣе не былъ у него въ ставѣ, ибо король раздавалъ уже въ волости Утенской людей и земли разнымъ лицамъ. Такъ, онъ далъ здѣсь пятнадцать *служобъ* людей и четыре пустошины князю Андрею Масальскому, который, потерявъ свою отчину вслѣдствіе московскаго завоеванія, былъ челою королю о пожалованіи его „какимъ хлѣбкормленіемъ“. „Про то, — писалъ король до воеводы Виленскаго 17 августа, — што бы твоя милость казала обійскати у дворѣ панномъ Утенѣ пятнадцать челоуѣвонъ служобъ и чотыри земли пустыхъ на дворную панню и ему въ то казало увязанье дати“¹¹²⁾.

Намѣстникъ державца правилъ и въ Виленской волости *Оникшты*, о которой упоминаніе находимъ уже въ книгѣ *векъдннхъ* раздачъ Казимира¹¹³⁾. Волость эта является частью Виленскаго дуп

¹⁰⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 357, 358; XII, л. 12.

¹⁰⁹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 161.

¹¹⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 45; V, л. 55, 103, 310. Акты Запад. Рос. I, № 222.

¹¹¹⁾ Литов. Метр. кн. Зап. VIII, л. 289; IX, л. 121, XI, л. 88.

¹¹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 17.

¹¹³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 8.

дѣль-административнаго округа и по актамъ позднѣйшаго времени, напр., по заставному листу на Оникшты короля Сигизмунда, выданному въ январѣ 1516 года державцѣ Оникштенскому пану Миколаю на дворъ Виленскаго повѣта Оникшты „и въ мѣстомъ и со всеми людьми Оникштынскими“. „А панъ воевода Виленскій,—читаемъ въ этомъ листѣ,—не маеть у тую волость дѣцкихъ своихъ всылати; и все вранники наши Виленскіи: городничій, тивунъ, ключникъ, не мають ни по што у волость того двора нашего всылати и доходовъ своихъ тежъ не мають правити“¹¹⁴). Слѣдовательно, когда этотъ дворъ не былъ „въ заставѣ“ у пана Миколая, и воевода Виленскій всылалъ своихъ дѣцкихъ въ его волость, и прочіе урядники Виленскіе вѣзжали для исполненія своихъ обязанностей и сбора доходовъ. Исключеніе составляетъ время, когда этотъ дворъ находился во владѣніи королевы Елены, державшей здѣсь своего намѣстника кн. Матѳея Микитинича. Панъ Миколай, названный въ заставномъ листѣ 1516 г. державцею, въ записи 1514 года о пожалованіи плебану Оникштенскому пустой земли Михновщины „въ Оникштенскомъ повѣтѣ“ названъ *наименованисомъ* Оникштенскимъ, какъ и его предшественники по уряду при Казимирѣ, Александрѣ и Сигизмундѣ I: Радивиль Остиковичъ (1440 г.), панъ Григорій Станиславовичъ Остиковича, князь Михайло Львовичъ Глинскій¹¹⁵). Преемникъ пана Миколая въ Оникштахъ, воеводитъ Виленскій панъ Юрій Григорьевичъ Остиковича, назывался уже востоянно *державцею* Оникштенскимъ¹¹⁶). Повидимому, онъ держалъ Оникшты уже не „заставою“, а „враномъ“, ибо король при немъ раздавалъ въ Оникштенскомъ повѣтѣ земли и поручилъ ему давать „увиванье“ въ эти земли, напр., боярину Добковичу. И воевода Виленскій распорядился въ его округѣ, какъ высшій администраторъ; такъ, получилъ отъ короля (въ 1525 г.) приказъ „обратъ сколько служобъ людей и земель у Виленскомъ повѣтѣ“ и дать ихъ дворянину Бобоѣкову Васильевичу, панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ „десять служобъ людей обискалъ у Оникштенской волости... и въ тии люди и земли его милости казалъ его увязати“¹¹⁷).—Но округъ намѣстника державцы Оникштенскаго не ограничивался волостью Оникштенскою въ тѣсномъ значеніи слова, а захватывалъ и нѣкоторыя другія. Выше

¹¹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 156.

¹¹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 174, 175; III, л. 84; VI, л. 196.

¹¹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 48 др.

¹¹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 283, 284.

было говорено о Равишской волости Оникштенскаго повѣта. Въ 1519 г. король Сигизмундъ подтвердилъ боярину Ивашку Яцковичу людей и земли, которыхъ ему дала королева Елена во время временнаго владѣнія своего Оникштами „въ Оникштинскомъ повѣтѣ въ *Краинской волости*“¹¹⁸⁾.

Въ 1524 году король Сигизмундъ отдалъ пану Станиславу Миколаевичу, державцѣ Ущпольскому и Пенянскому, дворъ свой Виленскаго повѣта *Вилкомиръ* „въ держанье до его живота по тому, — читаемъ въ привилеѣ, — какъ и первыи *наместники* наши Вилкомирскіи тотъ дворъ отъ насъ держивали“¹¹⁹⁾. Изъ этихъ *наместниковъ* акты упоминають при Казимирѣ Станька Юрьевича, при Александрѣ Бориса Семеновича, овольничаго Смоленскаго, при Сигизмундѣ Юрья Якубовича Довойновича¹²⁰⁾; что касается самого пана Станислава Миколаевича, то онъ обыкновенно называется въ актахъ *державцемъ*¹²¹⁾. Кромѣ *наместника-державцы* въ Вилькомирскомъ повѣтѣ правилъ и воевода Виленскій: когда въ 1501 году *наместникъ* Вилькомирскій Борисъ Семеновичъ просилъ у короля „*волости* людей Вилкомирскаго волости на имя *Рогово*“, утверждая, „что жъ въ той волости людей толко полчетвертацать человекъовъ тяглыхъ“, то справедливость его показанія подтверждалъ предъ королемъ воевода Виленскій панъ Миколай Радивиловичъ, который, какъ высшій урядникъ, долженъ былъ вѣдать всю наличность *господарскихъ* дворовъ и волостей Виленскаго повѣта¹²²⁾. На положеніе волости Рогово указываетъ въ настоящее время мѣстечко Рогово на р. Невяжи Вилькомирскаго уѣзда Ковенской губерніи.

Изъ „*Завельскихъ*“ (т. е. за рѣкою Вилією) дворовъ Виленскихъ, кромѣ перечисленныхъ, раздавались въ держанье *наместникамъ-державцамъ* еще Керновъ, Мойшагола и Дубинки съ ихъ повѣтами. Мѣстоположеніе ихъ опредѣляется въ настоящее время: мѣстечкомъ Керновомъ на р. Виліи пониже города Вильны, мѣстечкомъ Мейшаголою на рѣчкѣ Дукшты, мѣстечкомъ Дубинками при одноименномъ озерѣ (всѣ Виленскаго уѣзда).

Въ 1511 году король Сигизмундъ, пожаловавъ пану Григорію

¹¹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 38.

¹¹⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 201.

¹²⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 58. VI, л. 186; XI, л. 85.

¹²¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 13, 14, 94, 95.

¹²²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 199.

Станиславовичу Остиковича двѣ пустощины „у Виленскомъ повѣтѣ у Керновской волости“, Курмишки и Явубишки, на вѣчность, писалъ воеводѣ Виленскому пану Миколаю Миколаевичу Радивиловича: „и твоя бы милость ему въ тые земли увязанье казаль дати“¹²³). Лицо, которому воевода долженъ былъ отдать приказъ, былъ, очевидно, мѣстный урядникъ. Въ качествѣ такового при в. князѣ Александрѣ по актамъ выступаетъ сначала *тисунъ* Водорадскій (въ 1494 г. великій князь извѣщалъ его о пожалованіи татарамъ Вруслановичамъ людей Браняцковъ въ Керновскомъ повѣтѣ), потомъ *намѣстникъ* панъ Григорій Станиславовичъ Остиковича, при Сигизмундѣ *державца* князь Василій Ивановичъ, а впоследствии, въ 1526 г., державца князь Семень Ямонтовичъ Педберезскій¹²⁴). При королѣ Казимирѣ Керновъ также по всѣмъ даннымъ находился въ держаніи изъ руки господарской, ибо въ книгахъ пожалованій Казимира мы встрѣчаемъ не одну запись относящуюся къ волости и двору Керновскому¹²⁵).

То же самое нужно сказать и о *Мойшагольской волости*¹²⁶). *Намѣстникомъ* Мойшагольскимъ въ актахъ княженія Казимира упоминается Юрій Мацковичъ, у котораго „съ винъ“ Казимиръ пожаловалъ нѣкоему Мацку полтора рубля¹²⁷); при Александрѣ намѣстникомъ Мойшагольскимъ и Дубиницимъ является панъ Бартошъ Таборовичъ¹²⁸), при Сигизмундѣ въ началѣ его княженія—подскарбій дворный панъ Иванъ Андреевичъ Соцѣга, а затѣмъ уже однимъ намѣстникомъ Мойшагольскимъ панъ Юрій Миколаевичъ Ежео, мечникъ господарскій¹²⁹). Этому пану Юрью Миколаевичу король въ 1514 году приказывалъ, „увязать“ воеводу Троцкаго пана Григорья Станиславовича Остиковича „въ челоуѣка путного на имя Миколая Милешевича и его братаничовъ“ и въ двѣ земли пустошскихъ, Кганушишки и Кгинтишки, „въ Мойшагольскомъ повѣтѣ“, согласно съ тѣми свѣдѣніями, которыя подалъ о нихъ королю самъ панъ Юрій Миколаевичъ¹³⁰). Но то же самое поручалось дѣлать и воеводѣ Ви-

¹²³) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 17.

¹²⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 45, 46, 77; XII, л. 333. Акты Зап. Рос. II, № 10.

¹²⁵) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 1, 46, IV, л. 60.

¹²⁶) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 31, 71.

¹²⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 32.

¹²⁸) Акты Зап. Рос. I, № 167.

¹²⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 162, 163, 206.

¹³⁰) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 149.

ленскому, который въ качествѣ высшаго администратора всѣхъ Виленскихъ дворовъ обязанъ былъ вѣдать все, относящееся и до Мойшакгольскаго повѣта. Такъ, въ 1512 году 8 апрѣля король поручилъ воеводѣ Виленскому пану Миколаю Миколаевичу „увязать“ дѣла своего Сопотка Стецковича въ людей и земли „у Виленскомъ повѣтѣ въ Мойшакгольской волости“. „А пакъ ли бы ся,—писалъ онъ ему,—не видѣло твоей милости тыхъ людей ему дати, а любо будемъ кому иному первѣй тыи люди дали, и твоя бы милость напротивку того, толкожь людей нашихъ и земель пустовскихъ, гдѣ бы намъ не шлодно, обмыскавши у Виленскомъ повѣтѣ, и ему даль“¹³¹⁾.

Дубинская волость по записнымъ книгамъ Казимирова княженя является въ держанѣ изъ руки великаго князя¹³²⁾. При Александрѣ и въ началѣ княженя Сигизмунда она, какъ мы видѣли, находилась въ рукахъ того же намѣстника, который держалъ и Мойшакголу. Судя по ея положенію среди другихъ волостей Виленскихъ, она также входила въ составъ Виленскаго повѣта.

На средней Вилии, по бассейну ея праваго притока Жеймяны, а также на верховьяхъ Дисны и ея притововъ находилось нѣсколько волостей „*новѣтму тивунства Виленскаго*“. Должности тивуновъ въ стольныхъ городахъ бывшихъ княжествъ Виленскаго и Троцкаго, а равно Кіевскаго Полоцкаго, Городенскаго, Новгородскаго и др.¹³³⁾, очевидно, унаследованы были отъ удѣльной эпохи вмѣстѣ съ конюшими, ключниками, ловчими, бобровничими и другими урядниками изъ дворнаго штата бывшихъ удѣльныхъ князей. Литовскіе князья по примѣру русскихъ держали въ своемъ придворномъ штатѣ тивуновъ, которымъ, кромѣ извѣстныхъ дѣлъ по дворцовому хозяйству, поручали чинить судъ и управу людямъ, въ этомъ отношеніи тивунамъ непосредственно къ княжеской резиденціи. Эти тивуны остались въ главныхъ городахъ княжествъ и послѣ упраздненія въ нихъ удѣльныхъ столовъ, при замѣнившихъ удѣльныхъ князей намѣстникахъ и воеводахъ. При этомъ должность тивуна Виленскаго приобрѣла мѣстное значеніе, т. е. ему поручено было спеціально вѣдать судомъ и управою нѣсколько великокняжескихъ дворовъ съ ихъ волостями, а именно: Вильну, Немечинь, Швинтяны, Лынемены, Дисну, Ожвинты, Трошкуну.

¹³¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 552.

¹³²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 2, 69.

¹³³⁾ Акты Зап. Рос. I, № 207; II, № 70, 137. *Bonieskiego Poczet rodów w. W. K. Litewskiem. Warszawa 1887. Spis dygnitarzy i urzędników, str. VII.*

Дворъ *Вильма*, которымъ завѣдывалъ тивунъ, былъ хозяйственнымъ учрежденіемъ въ столицѣ, совершенно отдѣльнымъ отъ главнаго великокняжескаго двора. Онъ былъ средоточіемъ того хозяйства, которое велось на великаго князя въ волости *Виленской*, на дворной нашіи и угодыяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правительственнымъ центромъ волости *Виленской*¹³⁴⁾. Какъ мѣстопребываніе тивуна, этотъ дворъ служилъ и правительственнымъ центромъ всего повѣта тивунства *Виленскаго*. На мѣстоположеніе остальныхъ дворовъ и волостей этого повѣта указываютъ въ настоящее время мѣстечко *Неменчинъ* на р. *Вилия* въ *Виленскомъ уѣздѣ*, уѣздный городъ *Свенцяны* *Виленской губерніи*, мѣстечко *Лынгманы* на сѣверѣ *Свенцянскаго уѣзда*, *Ажвинты* при озерѣ того же имени въ *Новоалександровскомъ уѣздѣ* *Ковенской губ.*, мѣстечко *Трашвуны* *Вилькомирскаго уѣзда*; дворъ *Дисны* съ волостью, очевидно, лежалъ при озерѣ того же имени, изъ котораго вытекаетъ рѣка *Дисна*.

Записи *Литовской метрики* владутъ *Неменчинскую волость* въ повѣтѣ тивунства *Виленскаго* уже въ первые годы *Казимирова княженія*¹³⁵⁾. Въ княженіе *Александра* она также принадлежала къ тивунству *Виленскому*: когда вѣкая *Анна Путиловская* захватила въ *Неменчинской волости* *Виленскаго повѣта* людей *Межанцовъ* безъ данины *господарской*, то тивунъ *Виленскій* *Михно Ивановичъ* позвалъ ее на судъ предъ пановъ раду, которые и присудили „тыи люди къ тивунству подлугъ свѣдоцтва первого тивуна *Виленскаго* *Яна Яцковича*“¹³⁶⁾. То же самое говорятъ и акты *Сигизмундова княженія*, напр., привилей отъ 30 декабря 1614 года боярину *Мишку Вежгайловичу* на людей *Оптосорцевъ* „у тивунствѣ *Виленскомъ* *Неменчинское волости*“ и „реєстръ попису дворовъ *господарскихъ* тивунства *Виленскаго* оставленья пана *Андрея Завишыча*“¹³⁷⁾.

Послѣдній актъ указываетъ на принадлежность къ тивунству *Виленскому* и волости *Швентянской*. При *Александрѣ* эту волость вѣдалъ также тивунъ *Виленскій*, какъ это видно изъ листа великаго князя къ нему съ извѣщеніемъ о пожалованіи пану *Войтеху Нарбутовичу* земли *пустовской* „въ *Швентянской волости*“ и съ приказаніемъ „ува-

¹³⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 226.

¹³⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 10.

¹³⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 142, 143.

¹³⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 220, 221, XV, л. 226.

заль" его въ эту землю ¹³⁸⁾). Въ актахъ Казимирова князья намъ не удалось разискать прямыхъ указаній на принадлежность этой волости въ тивунству Виленскому.

Но зато удалось это относительно *Лынкменъ*, именно въ слѣдующей записи: „сокольнику пана воеводу Миколаю 20 бочокъ ржи въ тивуна Виленскаго въ Лынгвенѣ“ ¹³⁹⁾. Листъ Сигизмунда отъ 18 октября 1522 года, данный боярину Францишку Карсовскому до тивуна Виленскаго пана Андрея Яновича Завишича изображаетъ послѣдняго администраторомъ въ волостяхъ Лынкменской и Неменчавской: Тивунъ далъ боярину въ этихъ волостяхъ двѣ пустощины „до воли“ господаря, который подтвердилъ ему ихъ своихъ листомъ и приказалъ тивуну дать боярину „уязанье“ въ эти земли. Въѣсть съ этимъ король писалъ тивуну: „А естли бы тыхъ земель отчыгы хотѣли на тви земли свои прыти, и ты бы, иныи земли обыскавши, напротивку ихъ отчызны имъ подавалъ, съ чого бы они мѣли намъ службу служити и дачки давати. А въ тому тежъ повѣдигъ передъ нами, што жъ ден тамъ обшолныи сусѣди, бояре и люди тяглии, у вотчыговъ тыхъ земль поля и сѣножати покупили, а иныи позакупали и разобрали безъ воли наше. А прото, котормы будутъ бояре и люди тяглии покупили або закупали и розобрали, и ты бы тымъ приказалъ, ажбы они въ тви поля и сѣножати ничимъ ся не вступали, а пенязей своихъ нехай бы на тыхъ истцѣхъ смотрѣли, кому будутъ ихъ давалъ“ ¹⁴⁰⁾.

Изъ подтверждательнаго привилея пану Григорью Исаевичу Громкѣ на людей и земли отъ 27 апрѣля 1516 года узнаемъ о принадлежности къ тивунству Виленскому волости *Ожвинской и Дисемской* ¹⁴¹⁾. Что касается волости *Трошникунской*, то ее помѣщаетъ „въ повѣтъ тивунства Виленскаго“, напр., подтверждательный привилей короля Сигизмунда отъ 15 декабря 1514 года, данный рыдцѣ мѣста Виленскаго Богдану Онковичу на землю Кузмяниши ¹⁴²⁾.

Всѣ перечисленные волости, входившия въ составъ повѣта тивунства Виленскаго и бывшия въ ближайшемъ завѣдыванѣи тивуна, въ то же самое время обозначаются въ актахъ въ повѣтъ Виленскомъ и въ вѣдѣннѣи воеводы Виленскаго. Выше было приведено обозначеніе

¹³⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 19, 20.

¹³⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 67.

¹⁴⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 35, 36.

¹⁴¹⁾ Литов. Метр. кн. Записей IX, л. 122, 123.

¹⁴²⁾ Ibidem, л. 220

въ повѣтъ Виленскомъ Немецкинской волости. Въ 1522 г. 9 августа король подтвердилъ воеводѣ Кіевскому, державцѣ Свислочьскому, пану Андрею Немровичу пожалованныхъ ему въ равное время людей и земли, между прочимъ— „у Виленскомъ повѣтъ у Швинтянской волости“¹⁴³⁾. На подчиненіе волостей тивунства Виленскаго вѣдѣнію воеводы указываетъ, напримѣръ, вышеупомянутый привилей, данный пану Войтеху Нарбутовичу; на просьбу пана о пожалованъ ему земля нустовской „въ Швинтянской волости, што Петръ Шушковичъ держалъ“, король приказалъ воеводѣ Виленскому пану Миволаю Радивиловичу „того ся довѣдати, какъ тая земля велика есть“ и далъ привилей уже по полученіи донесенія отъ пана воеводы. О томъ же самомъ свидѣтельствуетъ листъ короля воеводѣ Виленскому отъ 27 мая 1515 года съ извѣщеніемъ о пожалованіи тивуну Виленскому пану Бутриму Якубовичу Немровича восьми служебъ людей „у тивунствѣ Виленскомъ Немецкинское волости на имя.. а Швинтянское волости.. а Дисенское волости...“¹⁴⁴⁾.

Изъ состава судебно-административнаго округа Виленскаго воеводы раздавалось въ держанье намѣстникамъ-державцамъ нѣсколько господарскихъ дворовъ съ ихъ волостями, или повѣтами, въ бассейнахъ лѣвыхъ притоковъ Вилии и правыхъ притоковъ Нѣмана, а именно: Мѣдники, Опшяна, Крево, Марново, Красное Село, Лида. На мѣстоположеніе ихъ въ настоящее время указываютъ: мѣстечко Мѣдники Виленскаго уѣзда, уѣздный городъ Опшяны на р. Опшянкѣ, лѣвомъ притоцѣ Вилии, и мѣстечко Крево на рѣчкѣ Кревлянкѣ (системы праваго притока Нѣмана Беревинны) Опшянскаго уѣзда; мѣстечко Марново на рѣчкѣ Гордакѣ (системы р. Уши, праваго притока Вилии) и мѣстечко Красное на р. Ушѣ Виленскаго уѣзда; уѣздный городъ Виленской губерніи Лида на р. того же имени (системы Дитвы, праваго притока Нѣмана).

Великокняжескій дворецъ-замокъ *Мѣдники съ волостью*¹⁴⁵⁾ при Казимирѣ находился въ держанъ великокняжескаго *намѣстника* (въ записи 1462 г. упомянуть, напр., намѣстникъ Мѣдницкій Мацко Стромилко¹⁴⁶⁾). При великомъ князѣ Александрѣ въ Мѣдницкомъ повѣтъ правителемъ является по актамъ конюшій Троцкій Михно Яновичъ съ

¹⁴³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 14, 15.

¹⁴⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 108, 104.

¹⁴⁵⁾ *Starożytna Polska* IV, 173, 174.

¹⁴⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 6.

титоломъ *титула* Мѣдницкаго ¹⁴⁷⁾. Но тотъ же самый Микно Ягевичъ въ подтвержденіи ему отъ 11 мая 1501 г. нѣкоторыхъ людей и земель, выслуги его и купли, названъ уже *наместникомъ* Мѣдницкимъ ¹⁴⁸⁾. Этотъ же титулъ носилъ и князь Василій Семеновичъ Жилинскій, державшій Мѣдники при Сигизмундѣ I ¹⁴⁹⁾, а равно и князь Иванъ Григорьевичъ Сенскій, которому король Сигизмундъ 30 октября 1520 года выдалъ привилей на держанье этого двора до живота съ нѣкоторыми великокняжескими доходами въ виду того, что отчина его была вся „собрана и спустошена отъ людей неприятеля Московскаго“ ¹⁵⁰⁾. Въ силу этого привилея ни городничій, ни иные урядники Виленскіе не могли уже болѣе вѣзжать въ волость Мѣдницкую „ни по которымъ доходамъ нашимъ (т. е. великокняжескимъ) и своимъ“, изъ чего видно, что волость Мѣдницкая принадлежала къ составу судебна-административнаго Виленскаго округа. Преемникъ князя Сенскаго на урядѣ, писарь Михайло Копоть Васильевичъ, именуется въ актахъ и *наместникомъ и державцею* ¹⁵¹⁾.

Въ волости *Ошменской* при королѣ Казимирѣ правилъ воевода Виленскій, какъ это видно изъ его подтвержденія продажи бояриномъ Якубомъ Милошевичемъ двухъ слѣдовъ отчинныхъ людей нѣкоему Вежегайлу ¹⁵²⁾. Но въ то же время записи Казимира виженя говорятъ и о *титулѣ* Ошменскомъ, у котораго „съ винъ“ король пожаловалъ нѣкоему Богдану три рубля ¹⁵³⁾. Титулъ Ошменскій (панъ Мордась) является и въ актахъ Александра виженя ¹⁵⁴⁾, но при Сигизмундѣ Ошменскій повѣтъ вѣдалъ уже *наместникъ* князь Андрей Константиновичъ Прихабскій, которому король 29 сентября 1507 года приказалъ дать „увязанье“ воеводу дворному Петру Войтевичу въ землю пустую тяглую Сошкиновичину „у-въ Ошменскомъ повѣтѣ“ ¹⁵⁵⁾.—Преемникъ его на урядѣ князь Володево Ивановичъ Горскій также именуется въ актахъ *наместникомъ*. Когда бояринъ смоленскій Дмитрій Федоровичъ Беренцова былъ челомъ королю о

¹⁴⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 70.

¹⁴⁸⁾ Ibidem, л. 193.

¹⁴⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583.

¹⁵⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 63.

¹⁵¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 201; Акты Зап. Рос. II, № 149.

¹⁵²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 74.

¹⁵³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 17.

¹⁵⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 286, 287.

¹⁵⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 176.

пожалованъ „напротивку имѣней его отчивныхъ смоленскихъ“, король писалъ о томъ до воеводы Виленскаго, „ажбы его милость казалъ, обыскавши у-въ Опшменскомъ повѣтѣ толко людей и земель, и ему въ то узязанье дати“. „И панъ воевода писалъ о томъ до намѣстника Опшменскаго и служебника своего посылалъ, ажбы онъ, обравши у-въ Опшменскомъ повѣтѣ чотыры человекъ и двѣ земли пустовскихъ и посполъ съ служебникомъ его въ тыи люди и земли того двора нашего узязалъ“. Князь Володео исполнилъ приязъ воеводы и далъ боярину „листъ узязчій“, а король 11 января 1523 года подтвердилъ свою данину новымъ листомъ ¹⁵⁶⁾. Послѣ князя Володеа король отдалъ дворъ свой Опшмену съ мѣстомъ и волостью „въ заставу“ въ шести сотъ копахъ грошей пану Миколаю Станиславовичу, старостичу Жомонтскому, но вскорѣ позволилъ этотъ дворъ выкупить у пана Миколая пану Яну Юндилевичу и 29 іюня 1521 года выдалъ послѣднему привилей на держаніе двора Опшмены въ теченіе семи лѣтъ со всѣми доходами великокняжескими „на выбиравіе тыхъ пѣязей его“, а по истеченіи семи лѣтъ „въ держаніе до живота“, съ одними намѣстничьими доходами. „А платы и доходы наши вси,—гласитъ этотъ привилей, „и врадниковъ нашихъ мають зася на насъ даваны быти по тому, какъ и передъ тымъ бывало“. Подъ „врадниками“ здѣсь разумѣются Виленскіе: городничій, тивуль, конюшій, влючникъ и поделючій, которые въ силу заставнаго листа въ урочные семь лѣтъ не имѣли права „у волости того двора нашего въѣждчати и слугъ своихъ всылати и доходовъ нашихъ и своихъ нивоторныхъ не мають правити“ ¹⁵⁷⁾. Панъ Янъ Юндилевичъ именуется въ актахъ все еще намѣстникомъ, но его преемникъ, панъ Янъ Яновичъ Заберезанскій называется уже обыкновенно *державцемъ* Опшменскимъ ¹⁵⁸⁾.

Въ волости *Кревской* ¹⁵⁹⁾ великокняжескимъ урядникомъ является при королѣ Казимирѣ *тивунъ*, котораго король въ 1490 году извѣщалъ о пожалованіи чашинку Стирнелю „землици конокормское у Кревскомъ повѣтѣ на имя Ксироятовы“ ¹⁶⁰⁾. Тивуномъ же въ господарскомъ дворѣ-замкѣ Кревѣ ¹⁶¹⁾ былъ и Станько Дукурнъ, у котораго „съ винъ“

¹⁵⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 131. 132.

¹⁵⁷⁾ Литов. Метр. кн. Зап. X, л. 46.

¹⁵⁸⁾ Акты Зап. Рос. II, № 157 и др.

¹⁵⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 6.

¹⁶⁰⁾ Литов. Метр. кн. Боронныхъ Переписей XXV, л. 16.

¹⁶¹⁾ *Starożytna Polska* IV, 191—195.

король пожаловалъ подвоиошему Петру рубль грошей и который судилъ князя Андрея Лукомскаго съ бояриномъ Миколоаеиъ Будковичеиъ и его родичаии о земли ¹⁶²⁾. Но вмѣстѣ съ тивуномъ повѣтъ Кревскій вѣдалъ и воевода Виленскій, которому въ 1488 году король Казимиръ приказалъ дать подкоморію Юшку Стирнелю „уязанье“ въ землю пустую конокормскую „въ Кревскомъ повѣтѣ“, данную ему по представленію самого же воеводы ¹⁶³⁾. При Александрѣ урядникъ Кревскаго повѣта, панъ Станиславъ Нарбутовичъ, также назывался тивуномъ ¹⁶⁴⁾, но при Сигизмундѣ панъ Петръ Глѣбовичъ—уже *наиѣстникомъ*, какъ это видно изъ записи о подтвержденіи людямъ Кревской волости Пашку и Василю Шниповичамъ земли Кошышковщины въ Кревскомъ повѣтѣ и угла сѣнжати, данныхъ имъ „на особную службу“ паномъ Петромъ ¹⁶⁵⁾. Впрочемъ, панъ Петръ Глѣбовичъ называется въ актахъ попереиѣнно и наиѣстникомъ, и *державцеио* ¹⁶⁶⁾. Кревскій повѣтъ при королѣ Казимирѣ былъ гораздо обширнѣе, чѣмъ въ послѣдующее время, потому что король Александръ изъ его состава пожаловалъ князю Михаилу Ивановичу Мстиславскому *волостку Спаланы* „со всиъ по тому, какъ на насъ (великаго князя) держана“ ¹⁶⁷⁾. Правда, волость эта была пожалована князю до возвращенія изъ рукъ непріятеля Московскаго замка его Мглина, но, какъ видно изъ его вѣиновнй записи своей княгинѣ Василицѣ Ивановнѣ, она отдана была ему впоследствии на вѣчнсть ¹⁶⁸⁾. Въ качествѣ княжескаго имѣннй волоства уже болѣе не входила въ составъ Кревскаго повѣта, но тянула прямо въ Вильнѣ въ отношеніи разныхъ государственнй-земскихъ повинностей. На ея мѣстоположеніе указываетъ теперь село Спягла Вишнеиской волости Свенцяискаго уѣзда.

Въ *Марковскомъ повѣтѣ* великокняжескимъ урядникомъ по актамъ княженія Казимира и Александра является *наиѣстникъ* ¹⁶⁹⁾. Въ первые годы Сигизмундова княженія въ Марковѣ также мы видимъ по актамъ наиѣстника. Въ 1507 году, когда Сигизмунду при-

¹⁶²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 59; V, л. 94.

¹⁶³⁾ Литов. Метр. кн. Борон. Перепис. XXVII, л. 8.

¹⁶⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 39.

¹⁶⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 207.

¹⁶⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 155. Акты Зап. Рос. II, № 107, I.

¹⁶⁷⁾ Акты Зап. Рос. I, № 205; II, № 107, II.

¹⁶⁸⁾ Акты Зап. Рос. II, № 107, I.

¹⁶⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 7, 8, 78, 79; IV, л. 17, 43; VI, л. 206.

Акты Южн. и Запад. Рос. I, № 31.

шлое разбирать дѣло по жалобѣ нѣсколькихъ людей сельца Лутчичъ Марковского повѣта на подьячюга Виленскаго Богдана Павловича, „абы онъ забралъ ихъ безъ данины и листовъ“ короля Александра, король писалъ до намѣстника Марковского Мордаса Мишкевича, чтобы онъ достаточно объ этомъ довѣдался и ему, королю, отписалъ ¹⁷⁰⁾. Но его преемникъ, воевода Новгородскій Янъ Якубовичъ Заберезинскій, называется уже обыкновенно *державцею*. Въ 1518 году августа 2 онъ получилъ отъ короля заставной листъ на дворъ Виленскаго повѣта Марково въ тысячѣ копахъ грошей, которыя онъ ссудилъ королю ¹⁷¹⁾. Державцею же называется и подчашій панъ Янъ Николаевичъ, которому достался дворъ Марково съ волостью въ держанье послѣ пана Заберезинскаго ¹⁷²⁾. У этого пана Яна Николаевича въ 1528 г. произошло столкновеніе съ тивуномъ и подбюнкшимъ Виленскимъ паномъ Шимвомъ Мацковичемъ. Послѣдній жаловался королю, что панъ подчашій беретъ на себя съ старцевъ и нѣкоторыхъ людей (перечислены поименно) Марковской и *Куренской волости* шедшія чрезъ руки тивуна Виленскаго на капицу Витѣтову „по три яловицы а по три вепры, а по три барана, а зъ дыму по вурати и по десети яецъ въ вождый годъ“. Король путемъ опроса плательщиковъ рѣшилъ дѣло въ пользу капицы ¹⁷³⁾. На центральное поселеніе Куренской волости, которая, такимъ образомъ, входила въ составъ Марковского повѣта, указываетъ въ настоящее время мѣстечко Куренецъ на рѣчкѣ Пелли Вилейскаго уѣзда Виленской губерніи. Впослѣдствіи, около 1530 года, Куренская волость является уже въ совмѣстномъ владѣніи пана Яна Глѣбовича, воеводы Витебскаго и потомъ Полоцкаго, и старосты Пинскаго пана Ивана Михайловича Кирдея ¹⁷⁴⁾. Центромъ особой волости Марковского повѣта была, повидимому, и *Вьница* (теперь мѣстечко Опшмянскаго уѣзда), въ которой великіе князья раздавали разнымъ лицамъ людей и земли ¹⁷⁵⁾.

Красное Село, въ повѣтѣ котораго было такъ много роздано лю-

¹⁷⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 183, 184. Срав. запись 1514 года о пожалованіи боярину Марковскому Васку Богдановичу двухъ земель пустыхъ „у Марковской волости“. Кн. Запис. IX, л. 235

¹⁷¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 14.

¹⁷²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 154, 155.

¹⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 38, 39.

¹⁷⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, 2, 3.

¹⁷⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 8; VIII, л. 167.

дей и земель при королѣ Казимирѣ ¹⁷⁶⁾, въ послѣдніе годы его княженія и въ первые годы правленія великаго князя Александра находилось въ держаніи *наместника* князя Ивана Корецкаго ¹⁷⁷⁾. Замѣнявшій князя Корецкаго на урядѣ Михно Ивановичъ именуется въ актахъ *тисуномъ* Красносельскимъ ¹⁷⁸⁾. Въ 1502 году въ Красномъ селѣ былъ уже опять наместникъ панъ Ивашо Зеновьевичъ, которому король приказалъ обыскать три земли пустовскихъ „въ Красносельскомъ повѣтѣ“ для татаръ Кенковичей и дать имъ въ этихъ людехъ и земли „увязанье“ ¹⁷⁹⁾. Въ актахъ Сигизмундова княженія, кромѣ того же пана Иваша Зеновьевича ¹⁸⁰⁾, наместникомъ Красносельскимъ является по актамъ Богухвалъ Дмитріевичъ. Намѣстникъ Красносельскій правилъ въ своемъ повѣтѣ подъ вѣдомомъ и начальствомъ воеводы Виленскаго: въ 1527 году король Сигизмундъ, по челобитью татаръ Халея Булатовича съ братомъ, Итеша Темешевича съ братомъ и Васка Кудашевича съ братомъ о пожалованіи имъ нѣкоторыхъ пустыхъ земель въ Красномъ Селѣ, писалъ до воеводы Виленскаго: „и твоя бы милость о томъ казалъ ся доведати, будутъ ли тии земли пустыи, а отчичи тыхъ земель давно оттомъ ся розышли; и твоя бы милость казалъ наместнику Красносельскому пану Богухвалу Дмитреевичу тии земли Мидовщину Пудовщину а Станкелевщину, Олиерову Перепечевщину имъ на хлѣбокормленье подати напротивку отчизны ихъ и въ тии земли ихъ увязати“ ¹⁸¹⁾.

Въ *Лидскомъ поспитѣ* въ княженіе Казимира и Александра чинилъ судъ и управу *наместникъ* великаго князя ¹⁸²⁾. Въ первые годы Сигизмундова княженія въ Лидѣ мы видимъ также наместника ¹⁸³⁾, но затѣмъ въ актахъ выступаетъ уже *державца* ¹⁸⁴⁾. Лида упоминается обыкновенно въ числѣ Виленскихъ дворовъ ¹⁸⁵⁾, хотя прямыхъ указа-

¹⁷⁶⁾ См. Литов. Метр. кн. Запис. III.

¹⁷⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 1, 2.

¹⁷⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 32; VI, л. 50.

¹⁷⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 205.

¹⁸⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 68.

¹⁸¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 357, 358.

¹⁸²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 3, 7, 12; IV, л. 111; V, л. 11, 111; VĖ, л. 239; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXXVIII.

¹⁸³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 386, 387.

¹⁸⁴⁾ Акты Зап. Рос. II, № 157.

¹⁸⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 620, 621.

ній на правительственную дѣятельность Виленскаго воеводы въ ея повѣтъ намъ не удалось разыскать въ памятникахъ изучаемаго времени.

Судебно-административная власть Виленскаго воеводы захватывала и рядъ волостей въ бассейнѣ Березины, на такъ называемой Руси литовской. Изъ этихъ волостей нижеслѣдующія раздавались при этомъ особымъ намѣстникамъ-державцамъ въ держанье:

Дворъ *Айна съ волостью* (теперь мѣстечко Гайно Минской губ. Борисовскаго уѣзда на р. Гайнѣ, справа впадающей въ Березину). Это былъ одинъ изъ передовыхъ пунктовъ литовской колонизаціи въ русскихъ земляхъ, какъ это можно заключить изъ ранняго (въ 1387 году) построеніи здѣсь католическаго костела и учрежденія плебаніи ¹⁸⁶⁾. Дворъ Айна въ первой половинѣ XV вѣка принадлежалъ князю Андрею Владимировичу Ольгердовича, который выслужилъ его „своею вѣрною службою“ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими волостями на господаряхъ своихъ, великихъ князьяхъ Витовтѣ, Сигизмундѣ и Казимирѣ ¹⁸⁷⁾. По наслѣдству дворъ Айна вмѣстѣ съ другими перешелъ по смерти его къ сыну Глѣбу, а послѣ него къ внучкѣ Ѳедорѣ (отъ дочери Евдокіи и кн. Ивана Рогатинскаго), которая была замужемъ за княземъ Иваномъ Семеновичемъ Кобринскимъ ¹⁸⁸⁾. Княгиня Ѳедора умерла около 1512 года, не имѣвъ дѣтей ни отъ кн. Ивана Семеновича, ни отъ Юрія Пацовича, ни отъ Миколая Радзивиловича, за которыхъ она выходила за мужъ во второй и третій разъ. Наслѣдство князя Андрея Владимировича перешло большею частью къ его родичамъ, но дворъ Айна спалъ на господаря ¹⁸⁹⁾. Какъ часть бывшаго Минскаго княжества, дворъ Айна съ волостью сначала вошелъ въ составъ повѣта, которымъ правилъ Минскій намѣстникъ-державца ¹⁹⁰⁾, а потомъ получилъ своего особаго намѣстника-державцу, который, какъ и Минскій, состоялъ подъ властью воеводы Виленскаго, какъ высшей судебно-административной инстанціи. Въ 1524 году 29 сентября король, извѣщая воеводу Виленскаго пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда о пожалованіи боярину смоленскому Ивану Ѳедоровичу Казарину съ матерью на хлѣбовормленье пяти служебъ людей и двухъ земель пустыхъ „у Аиньскомъ повѣтѣ“, писалъ ему: „*намѣстникъ Аиньскій, небошьеъ панъ Яцео Ратомскій, обыскалъ*

¹⁸⁶⁾ Starożytna Polska IV, 679, 680.

¹⁸⁷⁾ Акты Зап. Рос. I, № 46.

¹⁸⁸⁾ Wolffa Rod Gedimina, str. 102, 103.

¹⁸⁹⁾ Ibidem, str. 134—137.

¹⁹⁰⁾ Акты Виленск. Археограф. комиссіи XIII, отд. I, № 4.

тамъ у Аиньской волости матцѣ его и ему только три службы людей, а двухъ смужобъ подлѣ данины нашею ему не додалъ... Прото жъ, абы твоя милость казалъ пану Василью Чыжу обыскати двѣ службы людей въ Аиньскомъ повѣтѣ и ему въ тыи двѣ службы людей увязанье дати безъ отволоки“¹⁹¹⁾. Этотъ панъ Василій Чижъ именуется въ актахъ обыкновенно уже *державцею* Аинскимъ¹⁹²⁾.

*Городъ Мѣнскъ съ мѣстомъ и повѣтомъ*¹⁹³⁾ является по актамъ изучаемаго времени прежде всего въ держанѣ князя Ивана Юрьевича Жеславскаго, вотчина котораго находилась въ сосѣдствѣ съ Мѣнскомъ. Этотъ князь Иванъ Юрьевичъ называется въ актахъ *намѣстникомъ* Мѣнскимъ и исполняетъ всѣ обыкновенныя обязанности намѣстниковъ въ Литовской Руси, даетъ, напр., „увязанье“ въ земли, пожалованныя королемъ Казимиромъ въ его повѣтѣ¹⁹⁴⁾. Преемникомъ его при Казимирѣ и также съ титуломъ намѣстника былъ князь Иванъ Васильевичъ Красный изъ Друцкихъ князей¹⁹⁵⁾. При Александрѣ Мѣнскъ сначала держалъ панъ Миколай Ивановичъ Ильинича¹⁹⁶⁾, а потомъ князь Богданъ Ивановичъ Жеславскій, который былъ намѣстникомъ Мѣнскимъ почти до самаго изданія Статута 1529 года¹⁹⁷⁾. О подчиненіи Мѣнска съ округомъ вѣдѣнью Виленскаго воеводы было уже сказано въ предшествующемъ очеркѣ. Здѣсь же умѣстно будетъ отмѣтить обыкновеніе литовско-русскаго правительства раздавать великокняжескія волости въ держанье преимущественно тѣмъ князьямъ и панамъ, у которыхъ въ данной мѣстности были крупныя имѣнія¹⁹⁸⁾. Это обыкновеніе, благодаря которому многія державы переходили почти по наследству въ извѣстномъ родѣ, мы уже имѣли случай видѣть на примѣрѣ Браславля Литовскаго, который находился долгое время въ держанѣ пановъ Сопѣговъ, и увидимъ впоследствии на нѣкоторыхъ другихъ примѣрахъ. Оно стояло въ связи съ общимъ направленіемъ внутренней политики Литовско-Русскаго государства, которая

¹⁹¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 178, 179.

¹⁹²⁾ См. напр. привилей ему на конюшее дворное отъ 1524 года іюня 8. Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 160, срав. кн. Запис. VII, л. 425.

¹⁹³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 143.

¹⁹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 47.

¹⁹⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 53; Корон. Перепис. XXVII, л. 113.

¹⁹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 73, 74.

¹⁹⁷⁾ *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 25.

¹⁹⁸⁾ Срав. Радомскій девреть короля Александра 1505 г. de dignitariis et officialibus impossessionatis. Volumina legum I, 140.

основана была и держалась, какъ въ Польшѣ, на компромиссахъ центральной власти съ мѣстными политическими силами, и само въ свою очередь довольно характеристично для этого направленья.

Борисовъ на р. Березинѣ (теперь уѣздный городъ Минской губерніи). *Борисовъ съ мѣстомъ и волдстью*¹⁹⁹⁾ при королѣ Александрѣ и нѣкоторое время при Сигизмундѣ не отдавался въ держаніе особымъ намѣстникамъ-державцамъ, а управлялся непосредственно *воеводою* Виленскимъ, который держалъ въ немъ своего *намѣстника*. Этого намѣстника въ 1501 году и извѣщалъ великій князь о сдачѣ мѣстной корчмы въ аренду на три года съ приказаніемъ не держать корчмы самому и не позволять этого своимъ слугамъ²⁰⁰⁾. Но въ годъ изданія перваго Статута въ Борисовѣ находился уже *державца*, какъ это видно изъ листа короля Сигизмунда о дачѣ кормовъ посланнымъ въ Москву панамъ, адресованнаго державцамъ тѣхъ дворовъ, которые находились на пути этихъ пословъ. Державца этотъ былъ, новидимому, изъ руки королевы Боны, которой волость около того времени была пожалована²⁰¹⁾.

Господарскій дворъ *Любошаны съ мѣстомъ и волостью* на р. Березинѣ (недалеко отъ нынѣшняго мѣстечка Березина Борисовскаго уѣзда²⁰²⁾. При Александрѣ и въ первые годы Сигизмундова княженья мы видимъ по актамъ въ Любошанахъ особаго *намѣстника* великаго князя²⁰³⁾. Такъ же именовался сначала и панъ Юрій Немировичъ, какъ это видно изъ подтвержденья даннаго ему 23 мая 1521 года на имѣнье въ Мѣдницкомъ повѣтѣ, купленное имъ у брата своего пана Бутрима Немировича²⁰⁴⁾. Въ актахъ нѣсколько позднѣйшаго времени онъ называется уже *державцею*; напр., въ привилеѣ „на маршалковство“, выданномъ ему 18 іюня 1523 года²⁰⁵⁾. Любошанская волость, впрочемъ, не входила всецѣло въ составъ Виленскаго повѣта, а принадлежала въ числу тѣхъ Поднѣпрскихъ волостей, которыя были поделены между Вильною и Троками. Въ 1520 г. февраля 8 король отдалъ ее „въ заставу“ въ 500 копахъ грошей пану Юрью Немировичу „со всеми данми грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными и со всеми иными платы и доходы“, при чемъ въ заставномъ

¹⁹⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 5.

²⁰⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 184.

²⁰¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 495. Акты Южвой и Зап. Рос. I, № 73.

²⁰²⁾ *Starożytna Polska* IV, 581.

²⁰³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329; Акты Зап. Рос. II, № 78, II.

²⁰⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 46, 47.

²⁰⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 101, 102.

листъ читаемъ: „а вранники наши Виленскіе: вонюшій и влючникъ и подеключій, не мають у тую волость сами вѣждчати и слугъ своихъ всылати и доходовъ нашихъ и своихъ некоторыхъ не мають правити“²⁰⁶⁾. Эти слова заставного листа не указываютъ на то, что пану Немировичу заложена была королемъ вся Любошанская волость,—а только часть ея, которая тянула къ Вильнѣ. Въ томъ же году король, присоединивъ къ ней и остальную, Троцкую, часть, выдалъ (18 мая) пану Юрію новый листъ, коимъ онъ отдавалъ ему Любошанскую волость со всѣми доходами на три года „на выбиратье пѣнязей его“, а послѣ того—„въ держанье до его живота со всимъ по тому, какъ и первые намѣстники тую волость держивали“, а дани и платы великокняжескіе должны были уже идти на господара. „И въ тые три годы,— читаемъ въ этомъ новомъ листѣ,—не мають вранники наши *Троцкіе* въ тую волость вѣждчати и слугъ своихъ всылати и доходовъ нашихъ и своихъ некоторыхъ не мають правити“²⁰⁷⁾. О связи Любошанской волости съ Троками свидѣтельствуетъ между прочимъ и привилей в. князя Александра отъ 4-го мая 1499 года, данный князю Дмитрію Путятичу на село Положане въ Любошанской волости. „А повѣдилъ передъ нами,— читаемъ въ этомъ привилейѣ,—што жъ въ томъ селѣ только однодѣсять человекъ, а служба съ нихъ—только до *Троковъ* съ косою ходать“ и т. д.²⁰⁸⁾ Но если Любошанская волость тянула къ Трокамъ въ отношеніи повинностей, то слѣдовательно зависѣла отъ Троцкихъ урядниковъ и въ судебно-административномъ отношеніи.

На такомъ же положеніи была, повидимому, и *Свислоцкая волость*²⁰⁹⁾. О *намѣстникѣ* Свислоцкомъ и его судебной дѣятельности мы находимъ упоминаніе въ судовомъ листѣ в. князя Александра, выданномъ по дѣлу людей Свислоцкой волости Большевичей съ боярами Котовичами о захватѣ земель: Большевичи заявили, что ихъ по этому дѣлу уже судили намѣстникъ Бобруйскій Назво и намѣстникъ Свислоцкій Борисъ и спорную землю имъ отѣхали²¹⁰⁾. При Сигизмундѣ Свислоцкую волость держалъ влючникъ Виленскій панъ Григорій Исавичъ Громыка; въ актахъ онъ назывался и намѣстникомъ, и *державо-*

²⁰⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 27.

²⁰⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 40.

²⁰⁸⁾ Литов. Метр. V, л. 92.

²⁰⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329.

²¹⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 66.

цею²¹¹⁾. Въ 1518 году король Сигизмундъ „заставилъ“ замокъ Свя-
лочъ съ волостью пану Громыкѣ въ 600 копахъ грошей съ правомъ
по уплатѣ этихъ денегъ держать его „въ держаньѣ до живота“²¹²⁾.
Но уже въ слѣдующемъ 1519 году намѣстникомъ Свислоцкимъ былъ
панъ Войтехъ Носиловскій, котораго король извѣщалъ о пожалованіи
пану Григорію Исаевичу Громыкѣ сельца „у Свислоцкой волости“²¹³⁾.
Съ 1523 года и до самаго изданія Статута 1529 года державцею
Свислоцкимъ въ актахъ выступаетъ воевода Кіевскій панъ Андрей
Немировичъ²¹⁴⁾.

Бобруйскъ при впаденіи рѣчки Бобруи въ Березину (теперь
уѣздный городъ Минской губ.) *Бобруйская волость* не вся, а только
половиною входила въ составъ судебно-административнаго Виленскаго
округа, а другою половиною тянула въ Трокамъ. Та и другая поло-
вины имѣли своихъ особыхъ намѣстниковъ. Къ намѣстнику Вилен-
ской половины и старцу былъ адресованъ, напримѣръ, листъ в. князя
Александра отъ 14 декабря 1492 года съ извѣщеніемъ о пожалованіи
пану Григорію Остиковичу людей Дурьвичей „до воли“²¹⁵⁾. Подобный
же листъ былъ адресованъ великимъ княземъ Казимиромъ королевичемъ
въ намѣстнику Бобруйскому Троцкой половины и старцу съ из-
вѣщеніемъ о пожалованіи пану Довкшу данниковъ въ волости Бо-
бруйской²¹⁶⁾. Это дѣленіе Бобруйской волости на Виленскую и Троц-
кую половины сохранялось до самаго конца изучаемаго періода. Въ
1529 г. предъ королемъ Сигизмундомъ приносили жалобу старецъ
Кузьма Вошка и Губарь „отъ всихъ людей Бобруйское волости *Ви-
ленское половины*“ на людей пана Яна Миколаевича и Венцлава Ко-
стевича Зубаревичей и Колчичанъ, которые со временъ Казимира
„недѣли подводъ посполу зъ ними стерегивали и города и мосты ро-
бливали, и въ подачкахъ и во всякихъ розметѣхъ имъ помогивали,
а теперь имъ въ томъ ни въ чомъ помогати не хотятъ“; Кузьма
Вошка и Губарь „слалися о томъ до полпечниковъ своихъ, до
людей Бобруйское волости *Троцкое половины* и тежъ до Свисло-
чанъ, и до Горволичанъ, и до Пчичанъ, которыи здавна зъ ними
подводы мѣнивали“²¹⁷⁾. Обѣ половины, впрочемъ, при Сигизмун-

²¹¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 98: Акты Зап. Рос. II, № 78.

²¹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 12.

²¹³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 33.

²¹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 109, 110; XV, л. 23.

²¹⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 76.

²¹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 59, 60.

²¹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 22.

дѣ находились въ державнѣ въ однихъ рукахъ, сначала—воеводы Виленскаго и канцлера пана Миколая Николаевича, а потомъ—воеводы Виленскаго и канцлера пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда. Въ 1533 году къ королю приходили съ различными жалобами уполномоченные „ото всее волости Бобруйскае обѣихъ половинъ, Виленское и Троцкое“ и между прочимъ повѣдали, „што жъ деи воевода Виленскій, канцлеръ нашъ, небожыкъ панъ Миколай Николаевичъ Радивиловича въ тотъ часъ, якъ Бобруйскъ отъ насъ (т. е. короля) держалъ, уставиць собѣ отъ нихъ въ каждый годъ по двѣсти копъ грошей, какъ же деи твоя милость (панъ Гаштольдъ) и тепере то на себе берешъ, и тежъ деи врадники твоее милости обольво сѣть копъ грошей на каждый годъ зъ нихъ собѣ берутъ“. Король отмѣнилъ эту „новину“²¹⁸). И послѣ 1529 года обѣ половины Бобруйской волости держалъ воевода Виленскій, который поэтому-то специально и именовался *державцею* Бобруйскимъ²¹⁹).

Къ Поднѣпрскимъ же волостямъ Виленскаго повѣта относилась и *Рѣчица*, теперь уѣздный городъ Минской губ. на р. Днѣпрѣ (при Ягеллѣ она входила въ составъ Виленскаго княжества)²²⁰). Рѣчицкое „*намѣстничество*“ въ 1481 г. взялъ себѣ Ивачъ, давъ за него королю восемь корабельниковъ²²¹). О намѣстникахъ Рѣчицкихъ упоминаютъ и записи Александра княженя²²²). Ко времени изданія перваго Статута правитель Рѣчицкій, подобно многимъ другимъ, назывался уже и намѣстникомъ, и *державцею*. Такъ въ одномъ актѣ 1525 года панъ Семень Полововичъ названъ намѣстникомъ; но въ привилеѣ, выданномъ въ 1527 году князю Ивану Михайловичу на держанье замка Рѣчицкаго по животѣ пана Семена Полововича, послѣдній названъ уже державцею Рѣчицкимъ²²³).

Особый намѣстникъ-державца былъ въ волостяхъ *Пропойской и Чечерской*. Пропотескъ (нынѣ мѣстечко Пропойскъ Старобыковского уѣзда Могилевской губ. на р. Сожѣ) упоминается въ числѣ волостей, которыя Ягелло въ 1387 г. выдѣлилъ брату Свиргеллу изъ состава

²¹⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 102, 103.

²¹⁹) См. судный листъ воеводы Виленскаго, державцы Бобруйскаго, пана Яна Глѣбовича отъ 7 окт. 1542 года въ кн. Судныхъ дѣлъ XI, л. 69—75.

²²⁰) Отечественныя Записки 1829 г., № CV, январь.

²²¹) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 87.

²²²) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 177, 277, 278 и др.

²²³) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 109, 348, 349.

Виленскаго княжества ²²⁴). Вмѣстѣ съ Пропойскомъ Спиргеллу данъ былъ, повидимому, и Чичерскъ (нынѣ мѣстечко Рогачевского уѣзда на р. Сожѣ), который и въ изучаемое время является неразрывно съ нимъ связаннымъ, подъ управленіемъ одного *наместника*. Таковымъ при Сигизмундѣ былъ, напримѣръ, князь Семенъ Чорторыйскій, которому король Сигизмундъ въ 1525 году приказывалъ дать „увязанье“ дворянину Гаврилу Тишковичу въ село Золотаревичи „въ Чычорской волости“ ²²⁵). Но тотъ же самый князь Семенъ Чорторыйскій названъ *державцею* Пропоистскимъ и Чичерскимъ въ подтвержденнѣ, выданномъ тому же Гаврилу Тишковичу на имѣніе Бѣлавичи въ Слонимскомъ повѣтѣ, купленное у князя Семена ²²⁶).

Къ Подиѣвирскимъ волостямъ Виленскаго повѣта принадлежалъ и замокъ *Кричевъ съ волостью*, находившіяся въ держаннѣ особаго наместника, подчиненнаго Виленскому воеводѣ, какъ высшей инстанціи ²²⁷). Въ 1521 г. Сигизмундъ отдалъ Кричевъ „въ мѣстомъ и со всеми людьми волости Кричовское“ кн. Василью Семеновичу Жилинскому на три годъ со всеми доходами „для выбиранья сумы его“, а потомъ „врядомъ; до его живота“. Кн. Жилинскій называется въ актахъ сначала *наместникомъ*, а потомъ *державцею*.—При немъ „подъ присудъ и послушенство державцы Кричовского“ была привернута сосѣдняя *Олучинская волость*, до 1529 года имѣвшая своего отдѣльнаго наместника ²²⁸).

Среди перечисленныхъ волостей въ повѣтѣ Виленскомъ лежали великокняжескія волости, въ которыя великій князь не назначалъ особыхъ урядниковъ изъ своей руки, т. е. тивуновъ или наместниковъ-державцевъ. Правителемъ въ нихъ по дѣламъ выступаетъ воевода, который держитъ въ нихъ своихъ, имъ самимъ уполномоченныхъ, наместниковъ. Нѣкоторыя изъ этихъ волостей иногда отдавались въ держанье наместникамъ-державцамъ, какъ это мы видѣли на примѣрѣ Борисова; нѣкоторыя жаловались князьямъ и пакамъ въ вотчину, такъ что число всѣхъ волостей, состоявшихъ въ непосредственномъ вѣдѣніи воеводы, не было строго опредѣленнымъ. Кромѣ Борисова, по актамъ изучаемаго времени безъ особыхъ великокняжескихъ

²²⁴) Отечеств. Записки 1829 г.; № CV, январь.

²²⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 204.

²²⁶) Ibidem, л. 150, 151.

²²⁷) Литов. Метр. кн. запис. VI, л. 288, XV, л. 91, 92.

²²⁸) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 58; XII, л. 43; VII, л. 531.

урядниковъ являются еще волости: Судеревская, Роконтишская, Мемижская, Рудоминская, Быстрицкая.

Великокняжескую *Судеревскую волость* мы встрѣчаемъ уже въ записяхъ земельных пожалованій короля Казимира: „пану Кгинивилу, — читаемъ здѣсь, — чоловѣкъ у Рѣшницохъ у Судеревской волости“²²⁹). Теперь въ Виленскомъ уѣздѣ въ Рѣшанской волости (къ сѣверу отъ Вильны) есть селеніе Судерва, которое можетъ служить указаніемъ на мѣстонахожденіе этой волости. Въ 1503 году король Александръ подтвердилъ Мацку Гринковичу земли и людей, выслугу и куплю его; подтвердительный листъ упоминаетъ между прочимъ о боярской землѣ, которую Мацко купилъ за дозволеніемъ короля Казимира „у Виленскомъ повѣтѣ у Судереви“²³⁰). Въ 1514 году дворянинъ Марко Лобковскій, представивъ королю его первый листъ, данину на землю Ондрилевщину „у Виленскомъ повѣтѣ у Судеревской волости“ и листъ „увязчій“ воеводы Виленскаго пана Миколая Миколаевича Радивиловича, билъ челомъ, чтобы король утвердилъ за нимъ эту землю²³¹). Судеревская волость упоминается въ другомъ подтвержденъ на землю Жаревщину, выданномъ тому же Марку Лобковскому въ 1522 году²³²).

На мѣстоположеніе центра *волости Роконтишской* указываетъ селеніе Роконцишчи на р. Вилейѣ, лѣвомъ притокѣ Вили, Виленскаго уѣзда, неподалеку отъ Вильны на востокъ. Роконтишская волость Виленскаго повѣта упоминается, напримѣръ, въ листѣ короля Александра Авраму Езофовичу на имѣнье Войдуны, данное ему въ этой волости, и въ подтвержденъ этой данины короля Сигизмунда²³³). Въ 1522 году король далъ челоуѣка тяглаго „у Виленскомъ повѣтѣ у Роконтишской волости“ на имя Юрья Юхновича съ братьею его бурмистру мѣста Виленскаго Ермолѣ Слововичу и писалъ воеводѣ Виленскому: „и ты бы ему въ того челоуѣка казалъ увязанье дати“²³⁴).

Неподалеку отъ Вильны находился и господарскій дворъ Мемижъ (теперь селеніе Немежъ Виленскаго уѣзда къ югу отъ Вильны) — центр *волости Мемижской*, которая упоминается уже въ записяхъ княженія Казимира²³⁵). При Александрѣ она также принадлежала

²²⁹) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 11.

²³⁰) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 124.

²³¹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 214, 215.

²³²) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 1.

²³³) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 314; VIII, л. 164, 165.

²³⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 66

²³⁵) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 73.

в. князю: въ 1500 г. онъ далъ Ивану Кошкѣ окольникъ Смоленскому, намѣстнику Молодеченскому, дворець Годутишскій „Виленскаго повѣта въ Мемижской волости“ и, вромѣ того, тридцать человекъ дявольныхъ „Мемижское жъ волости и Свиранское, што около того дворца съдять“²²⁶). Въ 1507 году король Сигизмундъ подтвердилъ ему эту данину: „нехай онъ тотъ вышереченый дворъ Кгойдутьски держить со всимъ съ тымъ, кагъ къ воеводству Виленскому держанъ“²²⁷). Смыслъ этихъ послѣднихъ словъ отъкрывается изъ листа королевскаго отъ 17 декабря 1522 года, адресованнаго на имя воеводы Виленскаго пана Альбрехта Мартиновичча Гаштольда, по поводу просьбы пана Яна Юрьевича Глѣбовича о дачѣ ему земли пустой въ Мемижской волости Петковы Крыжевича. „Прото, — читаемъ здѣсь, — што бы твоя милость розказалъ намѣстнику своему Мемижскому достаточнесь довѣдати, будетъ ли тая земля пуста, а службы и дачокъ съ нее никакихъ нѣтъ“²²⁸). Такимъ образомъ, Мемижская волость находилась въ непосредственномъ вѣдѣніи Виленскаго воеводы, который управлялъ ею черезъ своего намѣстника.—На такомъ же положеніи были, повидимому, и *Ловаришки* Виленскаго повѣта, о которыхъ упоминается на ряду съ Мемижскою волостью подтвердительный привилей короля Сигизмунда на людей и земли отъ 17 января 1523 г., данный Виленскому бурмистру Ермолѣ Слотовичу²²⁹). Князій дворъ Ловаришки (теперь село Виленскаго уѣзда на р. Вилейкѣ, къ востоку отъ Немежа) упоминается еще въ записяхъ короля Казимира²³⁰). Что касается волости Свиранской, то ея центральнымъ поселеніемъ были, повидимому, Свиранки, теперь мѣстечко Свенцянскаго уѣзда на рѣкѣ Вилин.

Рудоминская волость (центръ ея—теперь мѣстечко Рудомино при рѣкѣ Рудоманкѣ Виленскаго уѣзда) была въ вѣдѣніи воеводы Виленскаго еще при в. князѣ Сигизмундѣ Кейстutowичѣ: среди записей Казимира княженъ находится, между прочимъ, и подтвержденіе „Жикгимонтова данья“ въ Рудоминской волости, о которомъ этотъ в. князь извѣщалъ въ 1431 г. воеводу Виленскаго пана Довкшурда²⁴¹). Въ княженіе Александра правителемъ въ Рудоминской волости

²²⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 155.

²²⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 158.

²²⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XII, 54.

²²⁹) Ibidem, л. 73.

²⁴⁰) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 3.

²⁴¹) Ibidem, л. 8.

является также воевода Виленскій: Александръ, пожаловавъ мѣщанину Виленскому Андрею Миколаевичу четыре службы людей „Виленскаго повѣта Рудоминское волости“, велѣлъ воеводѣ Виленскому дать „уязанье“; но воевода далъ „уязанье“ только въ три службы, „а четвертое службы людей не далъ ему для того, ижъ тотъ человекъ конюхъ“²⁴²⁾. То же было и при Сигизмундѣ: отъ 2-го марта 1507 г. мы имѣемъ листъ короля Сигизмунда, данный дворянину Гришку Степановичу до воеводы Виленскаго, — „абы ему землю пустовскую въ Рудоминскомъ повѣтѣ подати велѣлъ“²⁴³⁾. — Воевода управлялъ Рудоминскою волостью чрезъ своихъ урядниковъ: въ 1528 году король Сигизмундъ, освобождая бояръ, владѣльцевъ имѣнья Климентова въ Рудоминской волости, отъ обязанности посылать двѣ косы до двора Рудоминскаго для косы бы сѣна, писалъ воеводѣ: „и твоя бы милость урядникомъ своимъ приказалъ, абы вжо тыхъ двухъ косъ выгонати не велѣли и дали имъ въ томъ уповой“²⁴⁴⁾.

... Непосредственному вѣдѣнію воеводы Виленскаго подлежала и волость *Быстрицкая*. Король Александръ пожаловалъ слугѣ Яну Громковичу землю пустовскую Монаковскую и корчму вольную „въ Быстрицы“; но воевода Виленскій не нашелъ ему мѣста для поселенія въ Быстрицѣ, вслѣствіе чего король далъ ему другую землю²⁴⁵⁾. Въ актахъ, впрочемъ, уже послѣ изданія Статута 1529 года упоминается о „урядѣ“ воеводы Виленскаго въ Быстрицкой волости: въ 1542 году воеводѣ Виленскому жаловалась Дороменовая Милохна на цана Ивана Савина, который по суду долженъ былъ заплатить ей ж-грошь 50 конь грошей: „а ся на оный ромъ передъ урадемъ твоей милости въ Быстрицы становила, а онъ мнѣ тое суму пенезей не заплатилъ“²⁴⁶⁾. По всей вѣроятности, на такомъ же положеніи была Быстрицкая волость и въ изучаемое время. Ея мѣстоположеніе опредѣляется мѣстечкомъ Быстрицею на р. Вилии Виленскаго уѣзда.

Повѣты, находившіеся подъ управленіемъ и присудомъ великокняжескихъ намѣстниковъ-державцевъ, тивуновъ, урядниковъ воеводы Виленскаго, не составляли сплошной территоріи. Между ними и обособленно отъ нихъ находились и крупныя княжескія и панскія имѣнья, владѣльцы которыхъ были почти такими же государями въ своихъ

²⁴²⁾ Литов. Метр. кн. Записей VIII, л. 126.

²⁴³⁾ Ibidem, л. 151.

²⁴⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 401.

²⁴⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 164.

²⁴⁶⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XI, л. 50—52.

волостяхъ, какъ и великій князь въ перечисленныхъ. Въ отношеніи государственнo-земскихъ повинностей, какія лежали на этихъ имѣньяхъ, они тянули на ряду съ перечисленными великокняжескими волостями, какъ особыя и самостоятельныя части въ составѣ Виленскаго повѣта. Со стороны этихъ повинностей владѣльцы ихъ подвѣдомы были прямо Виленскому воеводѣ, но не подчиненнымъ ему великокняжескимъ урядникамъ; ему же, а не этимъ послѣднимъ, они большею частью были лично подсудны. Впрочемъ, связь нѣкоторыхъ изъ этихъ имѣній съ другими составными частями Виленскаго судебно-административнаго округа была настолько слаба, что ихъ скорѣе можно признать въ немъ епсаве'ами, чѣмъ частями. Въ свое время подробнѣе будутъ указаны связи, которыя соединяли эти имѣнья съ великокняжескими волостями въ одну политическую территорію, именуемую повѣтомъ Виленскимъ. Здѣсь же даны будутъ объ этихъ имѣньяхъ нѣкоторыя историко-географическія свѣдѣнія, которыя автору удалось попутно собрать въ источникахъ, частью въ цѣляхъ опредѣленія территоріи Виленскаго судебно-административнаго округа, частью для иллюстраціи того, что было и будетъ сказано о судебно-административномъ устройствѣ областей Литовско-Русскаго государства.

Неподалеку отъ Вильны къ сѣверу, при озерѣ Гедройтовомъ, жила *Гедройты*, родовое гнѣздо князей Гедройцевъ. Подвѣненное въ изучаемое время между многими владѣльцами-родичами, княжество Гедройтское представляло, однако, въ составѣ Виленскаго повѣта одну территорію, которая, напр., была отдѣльнымъ хоружствомъ воеводства, выставляла на ратное поле особый отрядъ²⁴⁷⁾. Князья Гедройтскіе владѣли въ своей отчинѣ сообщая мытомъ, корчмою и доходами съ ярмарки²⁴⁸⁾. Слѣдовательно, связь между отдѣльными частями княжества и ихъ владѣльцами не порывалась окончательно.

При озерѣ *Свири* (Свенцянскаго уѣзда) разбросаны были имѣнья князей Свирскихъ, изъ которыхъ нѣкоторыя перешли въ изучаемое время уже къ чужеродцамъ частью по наслѣдству, а частью посредствомъ продажи. Такъ, дворъ *Свири* былъ купленъ паномъ Юрьемъ Николаевичемъ Радивиловича у князя Юхна Станковича въ 1528 году²⁴⁹⁾; *Кобельники* (нынѣ Кобыльницъ) и *Мядель*—паномъ Альбре-

²⁴⁷⁾ Литов. Метр. кн. Публичн. дѣлъ 1, л. 64, 65; Корон. Перечисл. XXVII, л. 29.

²⁴⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 382, 383.

²⁴⁹⁾ Ibidem, л. 378—380.

хтомъ Мартиновичемъ Гаштольдъ въ 1527 г. ²⁵⁰); *Сырмякъ* (нынѣ село къ востоку отъ озера Свира) купленъ княземъ Михаиломъ Ивановичемъ Мстиславскимъ ²⁵¹). Но между отдѣльными владѣльцами оставались кое-какія связи по владѣнію и отбыванію государственныхъ повинностей. Такъ, всѣ они имѣли „уступъ“ въ озеро Свира и другія озера, въ лѣса и т. д., по общей разверсткѣ отбывали военную повинность, такъ что предъ государствомъ и княжество Свирское подобно Гедройтскому являлось единою территоріею ²⁵²). Князья и княжны Свирскіе, кромѣ того, владѣли нѣкоторыми имѣніями по сосѣдству, которыя были принесены въ родъ въ видѣ приданого. Такъ, напр., изъ поданной въ 1503 году королю Александру жалобы одной изъ княженъ Свирскихъ, бывшей за мужемъ за паномъ Олехномъ Мадншвиновичемъ, на своихъ братьевъ и сестеръ, „штожь они не хотять ей, сестрѣ своей, дѣлу дати въ имѣньяхъ материзныхъ“, узнаемъ, что князьямъ Свирскимъ принадлежали имѣнья: *Свираны, Ворняны, Строяны, Ясень, Трокинники и Беснды* ²⁵³). На мѣстоположеніе этихъ имѣній указываютъ въ настоящее время: с. Свираны Свенцянскаго уѣзда Кемелишской волости, мѣстечко Ворняны Виленскаго уѣзда, с. Трокинники тамъ же, недалеко отъ Ворнянъ, Бесанды Хотенчицкой волости Вилейскаго уѣзда. Нѣкоторыя изъ этихъ имѣній при королѣ Казимирѣ были еще непосредственными великокняжескими владѣніями и перешли въ частныя руки при немъ и его сыновьяхъ. Такъ, Свираны и Трокинники были пожалованы королемъ Казимиромъ дочерамъ пана Довгирда ²⁵⁴).

Крупное панское имѣніе находилось на востокъ отъ озера Свира, именно *Мядель* при озерѣ того же имени (нынѣ Вилейскаго уѣзда). При Казимирѣ Мядельская волость была дана въ держанье пану Андрею Саковичу, а потомъ король отдалъ ее сыну его Богдану, воеводѣ Троцкому, уже на вѣчность „со всимъ“ и между прочимъ съ большимъ озеромъ Норочемъ; предъ изданіемъ Статута 1529 года эта волость находилась уже во владѣніи внучки пана Богдана Галлбеты, бывшей за мужемъ за паномъ Миколаемъ Миколасвичемъ, воеводою Виленскимъ ²⁵⁵).

²⁵⁰) *Bonińskiego Roczet rodów*, str. 58.

²⁵¹) Акты Зап. Рос. II, № 107, II.

²⁵²) *Ibidem*. См. также Литов. Метр. кн. Публ. дѣль I, л. 36.

²⁵³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 222, 223.

²⁵⁴) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 12.

²⁵⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 100—102.

На р. Ушѣ, лѣвомъ притоѣ Вилин, находился дворъ *Молодечно* съ *волостью* (теперь мѣстечко Вилейскаго уѣзда). При Казимирѣ и Александрѣ Молодеченская волость была великовнѣзескою. Здѣсь великій князь раздавалъ земли ²⁵⁶⁾; здѣсь сидѣлъ намѣстникъ великаго князя, при Александрѣ—Богданъ Корейвичъ (въ 1499 году), окольничій Смоленскій Иванъ Кошка ²⁵⁷⁾ и, наконецъ, князь Михаилъ Ивановичъ Мстиславскій, которому король Сигизмундъ отдалъ дворъ свой Молодечно въ вотчину, на вѣки, со всею волостью ²⁵⁸⁾.

Въ составѣ Виленскаго повѣта находилось между прочимъ нѣсколько княжескихъ и панскихъ волостей, перешедшихъ по наслѣдству отъ князя Андрея Владимировича Ольгердовича. Этотъ князь, какъ видно изъ его духовнаго завѣщанія, писаннаго въ 1446 году, „своею вѣрною службою“ выслужилъ на великихъ князьяхъ Витовтѣ, Сигизмундѣ и Казимирѣ имѣнья—*Айну, Словенскъ, Могильное, Каменецъ, Логожескъ, Ильменицу и Полоное* ²⁵⁹⁾. Послѣ смерти сына его Глѣба у него не осталось мужского потомства, и имѣнія эти, за исключеніемъ Логожска и Каменца, перешли къ внучкѣ его Федорѣ, бывшей за мужемъ за княземъ Иваномъ Семеновичемъ Кобринскимъ. Княгиня Федора, по смерти мужа своего вышедшая за мужъ за пана Юрія Пацовича, записала сынку своему Мислаю Пацовичу дворы Ильменицу и Полоное съ селами Ходцемъ, Олексинцемъ, Березовичами и Бѣлою, а на Словенскѣ, Могильной и *Куносовѣ* 500 копѣ грошей съ обязанностию уплатить долги и выстроить костель въ Рожанкѣ, гдѣ она завѣщала себя похоронить ²⁶⁰⁾. Запись эта, однако, не имѣла силы, и дворы Ильменица и Полоное перешли въ 1516 году во владѣніе родственника князя Андрея Владимировича по женской линіи, князя Константина Ивановича Острожскаго ²⁶¹⁾, а равно и дворъ Словенскъ. Этотъ дворъ князь Константинъ Ивановичъ записалъ своей женѣ, княгинѣ Александрѣ, въ полную собственность съ правомъ распорядиться имъ по своему усмотрѣнію, а король своимъ листомъ утвердилъ эту запись въ 1528 г. 15 декабря ²⁶²⁾. Что касается Могильны,

²⁵⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 7, 8.

²⁵⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 89, 90; VI, л. 128, 155.

²⁵⁸⁾ Акты Зап. Рос. II, № 69.

²⁵⁹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 46.

²⁶⁰⁾ *Wolffa Bód Gedymina*, str. 135.

²⁶¹⁾ *Ibidem*, str. 136.

²⁶²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 406, 407.

то эта волость, повидимому, осталась во владѣніи Пацовъ ²⁶³). На мѣстоположеніе этихъ волостей указываютъ въ настоящее время: село Словенскъ на р. Березинѣ Опшмянскаго уѣзда Виленской губерніи, мѣстечко Могильна на р. Нѣманѣ Игуменскаго уѣзда, село Куносы на р. Каменцѣ Слуцкаго уѣзда Минской губерніи, неподалеку отъ Могильны.—Логожскъ и Каменецъ король Казимиръ пожаловалъ князю Александру Чорторыйскому, а в. князь Александръ въ 1496 году подтвердилъ ихъ своимъ листомъ на вѣчность сыну его кн. Семену вмѣстѣ съ выслугами кн. Александра въ Новгородскомъ повѣтѣ (Осташинѣ, Споровѣ) „тажежъ люди Логовского жъ повѣта на имя Колодязи а Новый дворець ²⁶⁴“. По смерти князя Семена замокъ Логожскъ (а также, повидимому, и дворецъ Каменецъ) спалъ на его дочерей, на Александру, бывшую за мужемъ за паномъ Василюмъ Тишквичемъ, и на Софью. Последняя „послѣдняя „послѣдняя съ дѣтьми своими“ продала въ 1528 году зятю своему пану Василю Тишквичу свою часть, „которая половина того замку и мѣста и людей путныхъ и тяглыхъ и сель боярскихъ и папши дворное“ на нее спала. Король утвердилъ за паномъ Тишквичемъ на вѣчность эту покупку „и тежъ тую половину въ томъ же замку, што на жону его Александру въ дѣлу отъ тое сестры ей пришло ²⁶⁵“. Нынѣшнее мѣстечко Логойскъ на р. Гайнѣ Борисовскаго уѣзда Минской губерніи, по всей вѣроятности, находится на мѣстѣ древняго Логожска; неподалеку отъ него въ Вилейскомъ уѣздѣ на границѣ съ Минскомъ есть село Каменецъ, которое можетъ служить указаніемъ на мѣстоположеніе вышеупомянутаго Каменца.

По сосѣдству съ этими волостями, черезполосно, лежали волости, принадлежавшія сначала князю Василю Михайловичу Верейскому, а потомъ панамъ Гаштольдамъ. Король Казимиръ далъ въ вотчину князю Василю Михайловичу Верейскому, убѣжавшему изъ Москвы въ 1483 году, городъ Любечъ (изъ состава Кіевской земли) и, кромѣ того, дворы и волости: *Койдановъ* (нынѣ мѣстечко Минскаго уѣзда на р. Нетечи), *Рубежевичи* (мѣстечко на р. Сулѣ Великосельской волости того же уѣзда), *Усу* (на р. того же имени, впадающей въ Нѣманъ), *Старинки* (мѣстечко Великосельской волости на верховьѣ р. Перетуты, впадающей въ Усу), *Ислочь* (на р. Исличи, впадающей въ

²⁶³) *Starożytna Polska*, IV, 677.

²⁶⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 85.

²⁶⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 385, 386.

правый притокъ Нѣмана Березину), *Воложинъ* (мѣстечко Опшмянскаго уѣзда на р. Воложингѣ, впадающей справа въ Исlochъ), *Радошковичи* (защатный городъ Вилейскаго уѣзда на р. Вязингѣ, лѣвомъ притокѣ Виліи); великій князь Александръ въ 1499 году подтвердилъ ему все это своимъ листомъ ²⁶⁶⁾. Въ 1506 году, когда не было уже въ живыхъ ни князя Василя Михайловича, ни его княгини, король Сигизмундъ припустилъ къ этимъ имѣньямъ пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда „по близости панее его къ тымъ имѣньямъ“ ²⁶⁷⁾. По смерти пана Альбрехта Мартиновича имѣньями этими владѣла его вдова Софья, какъ это видно, напр.; изъ королевскаго листа отъ 10 сентября 1540 года по поводу притѣсненій, чинившихся ея урядниками въ Любечѣ кievскимъ мѣщанамъ ²⁶⁸⁾.—Отъ этого же года дошелъ любопытный листъ князя Юрья Семеновича Слуцкаго, который онъ послалъ своимъ намѣстникамъ *Старосельскому* и *Тоновскому* Андрею Григорьевичу и *Раковскому* Ѳедору Ивановичу съ приказаніемъ давать „справедливость конечную безъ отволоки“ подданнымъ паньи Софьи на всѣхъ подданныхъ Старосельскихъ и Тоновскихъ и Раковскихъ—бояръ, слугъ путныхъ и тяглыхъ людей „во всѣхъ кривдахъ“ и съ извѣщеніемъ, что панья Софья въ свою очередь приказала то же самое своимъ намѣстникамъ Койдановскому, Рубежовскому и Исlochскому ²⁶⁹⁾. Упоминаемыя здѣсь волости князя Слуцкаго лежали черезполосно среди волостей великокняжескихъ и Гаштольдовскихъ; на мѣстоположеніе ихъ указываютъ въ настоящее время: Старое Село на р. Птичѣ, селеніе Тонова недалеко отъ Рубежовичъ къ сѣверо-западу, мѣстечко Раковъ на р. Исlochи—всѣ Минской губ. и уѣзда.

Панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ получилъ по наслѣдству, кромѣ имѣній князя Верейскаго, еще *Трабы*, вотчину князей Трабскихъ на р. Клевѣ (Опшмянскаго уѣзда Виленской губерніи). Это имѣніе перешло къ нему по смерти бабки его Марьи, вдовы кн. Семена Семеновича Трабскаго, но только частью, а цѣликомъ—по смерти сестры его Елизаветы, бывшей за мужемъ за паномъ Яномъ Николаевичемъ Радивиловичемъ. Король Александръ въ 1502 г. утвердилъ за нимъ все это имѣніе сполна и далъ ему „увязчій листъ“ съ приказаніемъ „ко всемъ боярамъ и слугамъ и людямъ всемъ всихъ имѣній княгини

²⁶⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 118, V, л. 90.

²⁶⁷⁾ Литов. Метр. кн. Борон. Перепис. XXVII, л. 43.

²⁶⁸⁾ Ibidem, л. 32.

²⁶⁹⁾ Ibidem, л. 36.

Семеновое Трабское“ слушаться во всемъ пана Гаштольда, какъ слушались и его бабки ²⁷⁰). Къ этимъ имѣньямъ, кромѣ Трабъ, принадлежали: *Быхова* (нынѣ уѣздный городъ Могилевской губ. на р. Дибирѣ), *Добрыны* (нынѣ село Добосна на р. того же имени Рогачевского уѣзда Могилевской губ.), *Гольшаны* (часть), *Доржишки*, *Еросимишки*, *Домишки*, *Видишки* (нынѣ мѣстечко на р. Свентѣ Вилькомирскаго уѣзда), *Заяковъ* и *Глускъ* ²⁷¹).

На р. Свислочи выше Минска находился *Жеславль* (нынѣ мѣстечко Заславъ Минскаго уѣзда), родовое гнѣздо князей Жеславскихъ, потомковъ Явнута Гедиминовича. Неподалеку отъ Жеславля находилось *Соломерече* (нынѣ село Семково Городецкой волости Минскаго уѣзда), родовое имѣнье князей Соломерецкихъ.

Въ Виленскомъ повѣтѣ въ разныхъ мѣстахъ разсыяны были имѣнья князей Гольшанскихъ, потомковъ князя Ивана Ольгимунтовича ²⁷²). Родъ ихъ съ теченіемъ времени (въ концѣ XV вѣка) раздѣлился на двѣ вѣтви: князей Гольшанскихъ, у которыхъ „головнымъ“ имѣніемъ былъ замокъ *Гольшаны* на р. Гольшанѣ, справа впадающей въ притокъ Нѣмана Березину, и вн. Дубровицкихъ, владѣвшихъ замкомъ *Дубровицею* въ землѣ Волынской на р. Горыня ²⁷³) Изъ жалованной грамоты князя Юрья Семеновича Киевскому Печерскому монастырю видно, что имъ, кромѣ того, принадлежали волости *Глуцкая* и *Порѣцкая* ²⁷⁴); впоследствии эти волости отошли отъ нихъ въ родъ князей Трабскихъ, а потомъ въ родъ Гаштольдовъ. На центральныхъ поселенія этихъ волостей указываютъ въ настоящее время мѣстечко Глускъ и село Порѣчье на р. Птичѣ Бобруйскаго уѣзда Минской губ. Еще при королѣ Казимирѣ въ 1486 году всѣ „тѣ имѣня, што была правая отчина князю Андрею Семеновичу“ (брату вышеупомянутаго вн. Юрья), а именно *Доржишки*, *Больники* (мѣстечко Жмуйдецкой волости Вилькомирскаго уѣзда) и часть Глузка присужены „подлугъ права“ панѣ Аннѣ, женѣ воеводы Троцкаго Мартина Гаштольда ²⁷⁵). Изъ королевскаго подтвержденья (24 ноября 1507 г.) раздѣла имѣній между вн. Александромъ Юрьевичемъ Гольшанскимъ и его братаничемъ вн. Юриемъ Ивановичемъ Дубровицкимъ видно, что

²⁷⁰) Литов. Метр. кн. Борон. Перепис. XXVII, л. 13.

²⁷¹) *Bonieckiego Poczet rodów*, str. 351.

²⁷²) *Codex epistolaris Vitoldi*, № GCXXXIV.

²⁷³) *Bonieckiego Poczet rodów*, str. 77.

²⁷⁴) Арты Зап. Рос. I, № 72; *Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I*, № LXXXV.

²⁷⁵) Литов. Метр. кн. Борон. Перепис. XXVII, л. 40.

потомкамъ кня. Ивана Ольгимунтовича, кромѣ того, принадлежали: *Шешоль, Житинъ, Отанково, Романово, Золотеево, Горбачево, Подольне* ²⁷⁶). На мѣстоположеніе этихъ имѣній указываютъ въ настоящее время: с. Шешоли Вилькомирскаго уѣзда къ юго-востоку отъ уѣзнаго города, с. Житинѣ на р. Птичѣ Бобруйскаго уѣзда; с. Станьково Минской губ. и уѣзда, мѣстечко Романово при р. Моричи Слуцкаго уѣзда, хуторъ Подольнка въ 6 верстахъ отъ села Городка Жарина (Семкова, названнаго такъ, быть можетъ, по князю Семю ²⁷⁷). Въ этихъ имѣніяхъ по женѣ, дочери князя Семена Юрьевича, получилъ часть князь Константинъ Острожскій, но онъ уступилъ эту часть князю Александру Юрьевичу, который съ своей стороны уступилъ князю Константину свою часть въ Степани (теперь мѣстечко Волынской губ. Ровенскаго уѣзда на р. Горыни) „какъ въ мѣстѣ, такъ у волости Степаньской“ ²⁷⁸). Князю Александру Юрьевичу принадлежало кромѣ того *Лебедеево*, теперь мѣстечко Вилейскаго уѣзда на границѣ съ Опшынскимъ ²⁷⁹). Сынъ его Павелъ, бискупъ Луцкій, владѣлъ по наслѣдству *Думиловичами* (нынѣ мѣстечко Вилейскаго уѣзда при рѣкѣ Зарѣжайнѣ, впадающей въ Дисну ²⁸⁰).

Къ сѣверо-западу отъ великокняжескаго двора Опшени находилось крупное панское имѣніе того же имени, родовое гнѣздо пановъ Заберезинскихъ и Дорогостайскихъ. При Александрѣ представители того и другаго рода, воевода Троицкій Янъ Юрьевичъ и вухмистръ Петръ Олекновичъ; имѣли „право“ предъ королемъ и панами-радою о свои имѣнія. Панъ Петръ Олекновичъ заявилъ при этомъ: „былъ деп отцомъ нашимъ дѣлъ еще за великаго князя Жигимонта,—твоему отцу пану Юшку остался *Заберезинъ*, а моему отцу *Ошмена*“. Но панъ воевода возразилъ, что Заберезинъ его отецъ выслужилъ на великомъ князѣ Сигизмундѣ, листъ котораго онъ представилъ на судѣ, а отецъ пана Петра выслужилъ *Гулю* и *Вязмю*; „и вразывалъ тежъ листъ великаго князя Жигимонта, што жъ отцомъ ихъ великій князь Жигимонтъ велѣлъ подѣлити отчину, имѣніе у Ошменѣ, а выслуги дѣлити не велѣлъ“ ²⁸¹). Какъ бы то ни было, но Ошмена съ теченіемъ времени сдѣлалась исключительною собственностью пановъ Дорогостайскихъ.

²⁷⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 191, 192.

²⁷⁷) *Zbiór praw litewskich*; str. 3.

²⁷⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XI л. 57, 58.

²⁷⁹) *Wnieckiego Roczet rodów*, str. 79.

²⁸⁰) *Ibidem*, str. 81.

²⁸¹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 264.

На мѣстоположеніе Заберезина указываетъ теперь мѣстечко Забржесь Опшянского уѣзда на р. Бондаровкѣ, Вязьни — мѣстечко Вязьнь на р. того же имени Вилейскаго уѣзда, Гуи — селеніе Гуи того же уѣзда, недалеко отъ Радошковичъ. Кромѣ того, судныя записи во владѣніи пана Петра Олехновича называютъ еще *Ястребъ* (повидимому, уже Новгородскаго повѣта, — теперь село Ястребъ при р. Мышанкѣ, правомъ притокѣ Шары), а во владѣніи пановъ Заберезинскихъ *Кривоичи* (теперь мѣстечко Вилейскаго уѣзда на р. Сервечи, правомъ притокѣ Вили) и *Жасну* (теперь волость того же уѣзда недалеко отъ Кривичей²⁸²). Заберезинскимъ принадлежали и другія крупныя имѣнья въ предѣлахъ Виленскаго воеводства. Въ 1507 году король Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность маршалку земскому, старостѣ Городецкому, пану Яну Юрьевичу (низведенному съ воеводства Троцкаго въ концѣ княженія Александра) имѣнья, которыя онъ выслужилъ на короляхъ Казимирѣ и Александрѣ, — дворы *Камень*, *Волму*, *Дубину*, людей данниковъ Марковскаго повѣта на р. Сервечи, дворъ *Олиту* съ дворцомъ *Синюль* (Троцкаго воеводства), четырехъ человекъ въ Чухлибичахъ въ Мельницкомъ повѣтѣ. Дворы эти были подтверждены „пану Яну и его дѣтемъ и на потомъ будущимъ ихъ счадьомъ вѣчно, на вѣки вѣкомъ, со всеми тыхъ имѣній и дворовъ бояры и зъ слугами путными, людьми тяглыми, леити, конюхи, осочники, свинухи, данники“, со всѣми землями пашными и бортными, съ сѣножатями и другими, угодыми, со всякими доходами, „со всемъ правомъ, властью и панствомъ, ничего не оставляючи на насъ (т. е. на короля), наследки и потомки“²⁸³). На мѣстоположеніе этихъ дворовъ указываютъ въ настоящее время: мѣстечко Камень Минской губерніи и уѣзда, мѣстечко Волма на р. Волмѣ, впадающей въ Исlochъ тамъ же, село Дубина недалеко отъ Заберезина Опшянскаго уѣзда Виленской губерніи.

Въ Опшянскомъ же уѣздѣ Виленской губерніи на рѣчкѣ Черной, впадающей въ правый притокъ Нѣмана Опиту, находится мѣстечко *Гераноны*, которое въ изучаемое время было „головнымъ“ имѣньемъ пановъ Гаштольдъ. Имѣнье это выслужилъ на великомъ князѣ Сигизмундѣ Кейстуовичѣ Янъ Гаштольдъ, а Казимиръ и Александръ подтвердили его за панами Гаштольдами своими листами²⁸⁴). Панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ въ актахъ, писанныхъ на нѣмецкомъ или латинскомъ языкахъ, величался „графомъ Мурованныхъ Ге-

²⁸²) Литов. Метр. кн. Запис. VI, 211, 212; III, л. 79.

²⁸³) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 129, 130.

²⁸⁴) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 4; *Starożytna Polska* IV, 185.

раноннъ ²⁸⁵⁾“. Такъ назывались эти *Старыя Гераноины* или „Жикимонтовы“, бывшія уже въ то время укрѣпленнымъ замкомъ, въ отличіе отъ двора *Гераноинъ*, находившагося неподалеку и принадлежавшаго панамъ Радивиламъ ²⁸⁶⁾. Одновременно съ Гераноинами Гаштольды выслужили еще *Петриловичи*, *Мьдники* ²⁸⁷⁾ и *Девенишки* (теперь мѣстечко на р. Гавьѣ Опшянского уѣзда), а затѣмъ, въ 1528 году, *Липиники* (тамъ же) ²⁸⁸⁾. Панъ Альбрехтъ Мартиновичъ выслужилъ, кромѣ того, *Докмелишты* (теперь мѣстечко Свенцянскаго уѣзда, къ сѣверу отъ уѣзнаго города) ²⁸⁹⁾ и др.

Въ Виленскомъ повѣтѣ находились и имѣнія пановъ Саковичей, кромѣ упомянутаго уже Мяделя. Въ 1500 году в. князь Александръ подтвердилъ своимъ листомъ пану Юрью Андреевичу Саковичу всю отчину его, такъ какъ братъ его Богданъ, умирая бездѣтнымъ, отказалъ ему свою часть „на *Ивенцы*, въ *Кіевцы*, въ *Косичохъ*, на *Гребени*, въ *Кобыличохъ*, въ *Телякоотъ*, въ *Повидимкахъ* ²⁹⁰⁾“. На мѣстоположеніе этихъ имѣній указываютъ въ настоящее время: мѣстечко *Ивенецъ* Минской губерніи и уѣзда на р. Волмѣ, с. *Кіевецъ* на р. *Ислочи* тамъ же, с. *Гребень* на р. *Птичѣ* Игуменскаго уѣзда Минской губ., село *Теляки* тамъ же, неподалеку отъ *Гребени*.

Въ изучаемое время владѣльцами крупныхъ имѣній въ повѣтѣ Виленскомъ были и паны *Кипки*. Часть этихъ имѣній по женской линіи перешла, впрочемъ, къ панамъ Радивиламъ. Панъ *Петръ Станиславовичъ*, воевода *Полоцкій*, подѣлился со своимъ зятемъ, паномъ *Яномъ Миколаевичемъ Радивиловича*, имѣніями своими „отчизными и материзными“: онъ оставилъ за собою имѣнье *Исье* „зъ дворцы, селы и приселки и со всемъ съ тымъ, какъ дѣдъ ихъ панъ *Петръ* держалъ и какъ ся тое имѣнье зъ стародавна въ себѣ маеть“, *Дусьменъ* „зъ дворцы и пашнями и зъ селы и зъ приселки“, а пану *Яну Миколаевичу* „поступился *Несвижа* зъ селы и приселки и зъ волостью *Шацкою* и со всемъ съ тымъ какъ дѣдъ ихъ панъ *Петръ* держалъ“, а волость *Ляховскую*, *Куренецъ* и всѣ другія имѣнья они уговорились подѣлить пополамъ. Но этотъ раздѣлъ совершился уже по смерти пана *Яна Миколаевича*, въ 1523 году, между паномъ *Петромъ Станиславо-*

²⁸⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 570—572.

²⁸⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 59.

²⁸⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. II.

²⁸⁸⁾ *Starożytna Polska* IV, 186, 187.

²⁸⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 14.

²⁹⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 100.

внѣмъ и его сестрѣю: „первому достались замки Лоско со всимъ, а къ тому три двора Крожскіе, Крожиромъ, Болтинскіе, Бонинскіе, со всимъ съ тымъ, какъ ся тые двора въ собѣ мають, а Курчи, а Дамитово также со всимъ“; сестрѣ его достались замки Олыга, дворъ Сенезичи „со всимъ, кромъ Кормыжа в Гостыное Луки“, повороче она уступила брату „къ Лоску“ взаимнѣ нѣкоторымъ людей въ волости Лаховской, дворъ Дубровы и Недрезна „со всимъ, какъ ся въ себѣ мають“; а волость Лаховскую они подѣлили доволемъ²⁹¹⁾. Намѣстоположеніе этихъ имѣній указываютъ въ настоящее время: мѣстечко Ивье въ южной части Опшянского уѣзда недалеко отъ рѣки Нѣмана, мѣстечко Душмяны Троицкаго уѣзда, заштатный городъ Несвижъ Минской губ. Слуцкаго уѣзда, мѣстечко Шаць при рѣкѣ Шаць, впадающей справа въ Птичь, Игуменскаго уѣзда, мѣстечко Лоскъ Опшянскаго уѣзда, мѣстечко Курчи Вильвомирскаго уѣзда, мѣстечко Дзевалтово того же уѣзда близъ Вилькомиря, мѣстечко Олыга Волынской губ. Дубенскаго уѣзда на р. Путиловѣ, с. Сенѣжцы на р. Сенѣжницѣ Новгородскаго уѣзда Райчанской волости, Лахва на р. того же имени, впадающей въ Днѣпръ въ Могилевской губ. Изъ перечисленныхъ имѣній въ Виленскомъ повѣтѣ находились Ивье, Лоскъ, Несвижъ, Курчи, Давитово и волость Лаховская; вышеупомянутые Крожскіе двора находились въ землѣ Жмудской, Дусьмены въ повѣтѣ Троицкомъ, замокъ Олыга въ землѣ Волынской, Сенезичи принадлежали къ воеводству Виленскому въ составѣ Новгородскаго повѣта.

Можно и еще, кромѣ того, указать нѣсколько крупныхъ княжескихъ и панскихъ имѣній въ Виленскомъ повѣтѣ. Таковы, напр., *Визуны* (нынѣ мѣстечко Вильвомирскаго уѣзда на р. Визунѣ системы Свенты)—имѣнье пана Юрія Остивовича²⁹²⁾; *Дубинки* (нынѣ мѣстечко Гедройцкой волости Виленскаго уѣзда), имѣнье пана Радивилова²⁹³⁾; *Колтеяны* (нынѣ мѣстечко Свенцянскаго уѣзда при озерѣ Крөгони) имѣнье пана Нарбутова²⁹⁴⁾; *Контяжинъ* (нынѣ село Концаржице Свенцянскаго уѣзда къ сѣверовостоку отъ уѣзнаго города), принадлежавшій великой княгинѣ Еленѣ²⁹⁵⁾ и отданный послѣ ея смерти боярину смоленскому Захарью Полтеву „въ хлѣбкормленіе“ двъ очя:

²⁹¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 86—88.

²⁹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 85.

²⁹³⁾ *Wnieściekiego* Poczet rodów, str. 277.

²⁹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 40.

²⁹⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 197—198.

цѣня отчины его отъ непріателя Московскаго ²⁹⁶), *Лынтупы* (теперь мѣстечко Свенцянскаго уѣзда)—имѣніе пановъ Ильиничей ²⁹⁷); замокъ *Жодимижи* (теперь мѣстечко Виленской губерніи Свенцянскаго уѣзда на р. Вилии), записанный въ 1512 году паномъ Мордасомъ Мишко-вичемъ пану Григорью Станиславовичу Остивовича ²⁹⁸); *Вилнево* (нынѣ мѣстечко Свенцянскаго уѣзда на р. Вишневеѣ системы Березины, впадающей въ Нѣманъ)—имѣніе Кредиггольдовичей ²⁹⁹); *Селищи* (нынѣ деревня Седлицца близъ Молодечна), *Маньковичи* и *Груздово* (села Маньковичской волости Вилейскаго уѣзда)—имѣнія пана Николая Николаевича Радивиловича, канцлера и воеводы Виленскаго, по смерти котораго ими владѣла (въ 1531 году) его жена Алжбета ³⁰⁰); *Ожунь* (нынѣ село Лучайской волости того же уѣзда)—имѣніе князя Михаила Ивановича Мстиславскаго, по смерти котораго имъ владѣла жена ³⁰¹); *Сервечъ* (нынѣ Сервечъ Великій Долгиновской волости Вилейскаго уѣзда)—имѣніе пановъ Глѣбовичей ³⁰²); *Осово* (нынѣ село въ сѣверной части Борисовскаго уѣзда Минской губ.)—имѣніе князя Андрея Владимировича Ольгердовича, записанное имъ Кіево-Печерскому монастырю на вѣчность ³⁰³); *Боранъ* (нынѣ село на р. Исхѣ Борисовскаго уѣзда къ сѣверу отъ уѣзднаго города) и *Смолевичи* (на р. Плиссѣ, правомъ притокѣ Березины, того же уѣзда)—имѣнія князя Константина Ивановича Острожскаго, ранѣе принадлежавшія князьямъ Гольшанскимъ ³⁰⁴); *Узда* (нынѣ мѣстечко Игуменскаго уѣзда на рѣчкѣ Уздианѣѣ системы Нѣмана), *Гатово* (село на р. Свислочи Минскаго уѣзда) и *Закресте*—имѣнія пановъ Корсаковичей ³⁰⁵); дворецъ *Холхло* (нынѣ мѣстечко Вилейскаго уѣзда Вилен. губ. на границѣ съ Опшанскимъ), которымъ въ XV в. владѣли кн. Мстиславскіе, а въ XVI в.

²⁹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 89.

²⁹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 28.

²⁹⁸) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 39, 40.

²⁹⁹) *Bonickiego* Poczet rodów, str. 62.

³⁰⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 94, 95.

³⁰¹) *Ibidem*.

³⁰²) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 2, 3.

³⁰³) Акты Зап. Рос. I, № 111.

³⁰⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 42, 43; *Starożytna Polska* IV, 682; Археографическій Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Руси т. I, № 7, 9. Вильна 1867. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXXI, LXXXV.

³⁰⁵) *Bonickiego* Poczet rodów, str. 145. Срав. Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 12.

цаны Радивиловичи ³⁰⁶). Въ повѣтъ Виленскомъ лежали, кромѣ того, нѣкоторыя крупныя церковныя имѣнія, какъ напр. замокъ *Туроно* (нынѣ мѣстечко Таврогини Новоалександровскаго уѣзда Ковенской губ.), пожалованный еще въ 1387. году королемъ Владиславомъ-Ягелломъ костелу св. Станислава въ Вильнѣ, вмѣстѣ съ волостями *Верками* (теперь село Виленскаго уѣзда на р. Вѣжѣ близъ владенія ея въ Видію) и *Бахитами* (нынѣ село на р. Перезинѣ Опшмянскаго уѣзда) ³⁰⁷); волость *Стрпшинская* (нынѣ мѣстечко Рогачевскаго уѣзда на р. Днѣпрѣ), также принадлежавшая церкви св. Станислава въ Вильнѣ ³⁰⁸) и др.

Въ составъ Виленскаго повѣта, по всѣмъ признакамъ, входили въ изучаемое время и нѣкоторыя волости, принадлежавшія раньше, судя по ихъ географическому положенію и нѣкоторымъ бытовымъ особенностямъ, къ Витебской землѣ. Таковы были: Могилевъ, Княжичь, Тетеринъ и Ободьцы.

Могилевъ съ волостью въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка принадлежалъ королевѣ Ядвигѣ ³⁰⁹). Ягелло считалъ умѣстнымъ „вѣновать“ свою жену именно въ Витебской землѣ, которая была его наследственнымъ удѣломъ (на принадлежность Могилева къ Витебской землѣ намекаетъ сборъ *яловицны* въ пользу великаго князя, общій для всей Витебской земли ³¹⁰). Въ XV вѣкѣ Могилевъ находился въ непосредственномъ владѣніи великихъ князей и отдавался ими въ держанье особому *наместнику* на ряду съ другими Поднѣпрскими и Задвинскими (изъ состава Витебской земли) волостями ³¹¹). Король Александръ въ 1503 году пожаловалъ замокъ Могилевъ съ волостями и со всѣми доходами своей супругѣ Еленѣ „до живота“ ³¹²). По смерти Елены король Сигизмундъ отдалъ замокъ Могилевъ съ мѣстомъ и волостью въ держанье сначала пану Яну Щиту, а вскорѣ затѣмъ пану Юрью Зеновьевичу ³¹³). Въ листѣ, данномъ пану Юрью Зеновьевичу на держанье Могилева, онъ названъ *державцею*; но въ листѣ, выданномъ ему на другой день (8 апрѣля 1514 года) на право собирать

³⁰⁶) Археографич. Сборникъ изд. въ Вильнѣ, т. I, № 23; VII, № 4 — 7.

³⁰⁷) *Scarbies dyplomatów I*, № 538.

³⁰⁸) Акты Зап. Рос. I, № 15; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 90.

³⁰⁹) Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. III, № 1

³¹⁰) Акты Зап. Рос. II, № 86; Литов. Метр. кн. Записк. VI, л. 280, 281.

³¹¹) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 26; Литов. Метр. кн. Записк. III, л. 15; IV, л. 87.

³¹²) *Scarbies dyplomatów II*, № 2153.

³¹³) Акты Зап. Рос. II, № 86.

доходы съ волости въ свою пользу, въ счетъ 1500 копъ грошей, которые ему задолжалъ король, онъ названъ намѣстникомъ Могилевскимъ²¹⁴). Послѣ пана Юрья Зеповъевича державцею Могилевскимъ по актамъ выступаетъ Янъ Янубовичъ Немировича, отъ котораго сохранилась запись въ пользу жены на третью часть имѣнья, помѣченна 8 іюля 1518 года²¹⁵). Въ 1520 году король отдалъ замокъ Могилевъ съ волостью князю Василью Ивановичу Соломерецкому на три года со всѣми доходами великокняжескими и намѣстничьими за исключеніемъ медовой дани „на выбирать пенязей его“, а послѣ того — въ простое держанье, причемъ великокняжескіе доходы должны были собираться уже на господара²¹⁶). Въ слѣдующемъ году января 16 король выдалъ князю Соломерецкому новый листъ на держанье замка Могилевскаго „до живота“ съ правомъ брать съ великокняжескихъ людей тѣ же доходы, „что есмо назвали пану Щиту зъ волости нашихъ брати“²¹⁷). Таковъ листъ былъ выданъ князю Соломерецкому за то, что онъ отступился отъ 500 копъ грошей и отъ волости Любошанской, которую держалъ „въ заставѣ“ въ этихъ 500 копахъ. Князь Василій Ивановичъ именуется въ актахъ обыкновенно *намѣстникомъ* Могилевскимъ, напр., въ арендномъ листѣ, выданномъ мытнику Берестейскому Михелю Езофовичу на порчмы Могилевскія, воскобойню и вѣсчье²¹⁸).

Королева Елена въ 1501 году получила отъ своего мужа дворы *Княжичи* (нынѣ мѣстечко на р. Лахвѣ Могилевскаго уѣзда) и *Тетеринъ* (нынѣ мѣстечко на р. Друти того же уѣзда)²¹⁹), въ которыхъ она посадила своего намѣстника кн. Матеея Мивитинича²²⁰); съ 1503 г. онъ сталъ править и въ Могилевѣ²²¹). Дворы Княжичи и Тетеринъ въ началѣ княженья короля Казимира находились въ подарскомъ владѣніи, а потомъ были пожалованы князю Ивану Юрьевичу Мстиславскому²²²). По смерти его в. князь Александръ взялъ на себя всѣ выслуги князя Юрія Лингвевъевича и Ивана Юрьевича

²¹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VП, л. 588.

²¹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 42, 43.

²¹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 27, 28.

²¹⁷) Ibidem, X, л. 30.

²¹⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 85, 96.

²¹⁹) *Scarbicee dyplomatów II*, № 2136.

²²⁰) Акты Южн. и Зап. Рос. I; № 37.

²²¹) Ibidem, № 45.

²²²) Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. II, № 2; Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 15; IX, л. 221.

ча ³²³⁾, въ томъ числѣ и Княжичи съ Тетеринымъ, которые оны и отдавъ своей жемѣ. По смерти королевы Елены Тетеринъ сталъ отдаваться въ держанье великокняжескимъ намѣстникамъ: князю Василью Андреевичу Полубенскому ³²⁴⁾, а потомъ, въ 1524 году, кн. Михаилу Ивановичу Мстиславскому ³²⁵⁾. Въ рукахъ князя Мстиславскаго Тетеринская волость находилась до конца изучаемаго времени, при чемъ князь Мстиславскій держалъ въ Тетеринѣ своего намѣстника и маршала, которые по его уполномочію и чинили судъ и управу въ Тетеринскомъ повѣтѣ ³²⁶⁾.

Во владѣніи королевы и князей находился по большей части и дворъ *Обольцы* съ волостью (нынѣ мѣстечко Оршанскаго уѣзда Витебской губерніи). Обольцы въ началѣ Казимирова княженія были господарскою волостью ³²⁷⁾, потомъ были отданы „въ хлѣбокормленье“ князю Семену Шемячичу и его сыну Василью, отъ нихъ снова перешли господарю, изъ рукъ котораго ихъ держалъ намѣстникъ Рошскій ³²⁸⁾. Король Александръ отдавъ Обольцы въ 1501 году жемѣ своей Еленѣ въ пожизненное владѣніе ³²⁹⁾, а Сигизмундъ — королевы Бонѣ, которая держала въ Обольцахъ своего державцу, поручая отъ себя судить его и провѣрять воеводѣ Витебскому ³³⁰⁾.

Перечисленныя волости, по всѣмъ признакамъ, принадлежавшія нѣкогда къ Витебскому княженію, благодаря тому, что были во владѣніи королевы и удѣльныхъ князей, оторвались отъ Витебской земли: городъ Витебскъ потерялъ для нихъ значеніе политическаго средоточія, и его въ этомъ отношеніи замѣнили Вильна и Мстиславль. Вслѣдствіе этого, нѣкоторыя изъ перечисленныхъ волостей упоминаются даже въ составѣ Виленскаго повѣта, напр., Тетеринъ, который въ спискѣ кормленій, розданныхъ смоленскимъ боярамъ въ 1514 году, прямо причисленъ къ Виленскимъ дворамъ ³³¹⁾ Обольцы по дарственной записи короля Ягелла (1 іюня 1387 г.) на востель въ Обольцахъ обозначаются также *in terra Lithuaniae* (не былъ ли востель построенъ

³²³⁾ Акты Зап. Рос. I, № 131.

³²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 221.

³²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 144; Акты Зап. Рос. II, № 136.

³²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 33.

³²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 10, 11.

³²⁸⁾ Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 236.

³²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 346—348.

³³⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 14—16, 87—90.

³³¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 589—591.

по тому случаю, что Оболецы были отданы Ядвигѣ вмѣстѣ съ Могилевомъ?)³³²). При королѣ Казимирѣ въ Оболецяхъ распоряжался раздѣчею земель Виленскій воевода Мартинъ Гаштольд³³³). Оболецкая волость, повидному, окончательно примѣяла къ Виленскому повѣту; по крайней мѣрѣ, по описи Полоцкаго и Витебскаго повѣтовъ, произведенной московскими служилыми людьми въ 1563 году, Виленскій повѣтъ врѣзывался клиномъ между Полоцкимъ и Витебскимъ какъ разъ въ сторону Оболецъ (здѣсь лежали, напр., слѣдующія села Виленскаго повѣта: Бѣлица, Ульяновичи, Озерецкое, волость Кошево³³⁴). Что касается Могилева, то на связь его съ Виленскимъ повѣтомъ намекаетъ, напр., то обстоятельство, что Могилевцы „въ вѣковѣ съѣно въ Борисовѣ кошивали“³³⁵). Намѣстникъ-державца въ Могилевѣ, бывшемъ удѣломъ королевы, впрочемъ, пользовался едва ли не болѣею самостоятельностью сравнительно съ другими намѣстниками-державцами Виленскаго повѣта, чѣмъ, быть можетъ, и объясняется отсутствіе прямыхъ указаній на принадлежность Могилева къ Виленскому повѣту. По областному разграниченію, сопровождавшему введеніе повѣтовыхъ сеймиковъ и земскихъ судовъ и должностей по польскому образцу, Могилевъ, Тетеринъ, Княжичи и Оболецы вошли въ составъ Оршанскаго повѣта Витебской земли, къ которой принадлежали нѣкогда и съ которою связывало ихъ бытовое единство³³⁶).

Такимъ образомъ, судебно-административный округъ Виленскаго воеводы заключалъ въ себѣ: нынѣшніе Новоалександровскій и большую восточную часть Вилькомирскаго уѣзда Ковенской губерніи; уѣзды Виленской губерніи: Виленскій, Ошмянскій, Свенцянскій и Вилейскій, небольшую восточную часть Лидскаго, западную часть Дисненскаго уѣзда по р. Березветъ, впадающую въ Дисну, и Волту, впадающую въ З. Двину (см. ниже о землѣ Полоцкой); уѣзды Минской губерніи: Минскій, Игуменскій, Бобруйскій, почти весь Борисовскій (за исключеніемъ сѣверной части) и сѣверную половину Рѣчицкаго уѣзда; вѣтъмъ, повидному, почти весь Могилевскій уѣздъ, Быховскій, Рогачовскій, западную часть Чаусскаго, большую южную часть Чериковскаго уѣзда, небольшую югозападную часть Сѣннинскаго и нѣкоторыя пограничныя мѣстности Оршанскаго уѣзда Могилевской губерніи.

³³²) *Scarbies dyplomatów I*, № 544.

³³³) *Литов. Метр. кн. Запис. IX*, л. 219.

³³⁴) Писцовыя книги, изданныя Импер. Русск. Географич. Обществомъ, ч. II, стр. 423.

³³⁵) *Литов. Метр. кн. Запис. XI*, л. 116.

³³⁶) *Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII*, л. 124.

V.

Въ записяхъ Литовской Метрики относительно отправленія военной службы обыкновенно въ числѣ дворовъ Виленскаго воеводства помѣщается и замокъ господарскій Новгородокъ Литовскій съ его повѣтомъ³³⁷⁾. Это даетъ право причислить его къ составу Виленскаго воеводства. Но, кромѣ военныхъ связей, не было еще никакихъ другихъ, которыя бы соединяли Новгородскій повѣтъ съ округомъ Виленскаго воевода. Великовняжескій намѣстникъ въ Новгородѣ Литовскомъ правилъ совершенно самостоятельно, не подчиняясь ни дѣламъ гражданскаго управления и суда Виленскому воеводѣ, какъ вышней инстанціи. Ни воевода, ни другіе центральные Виленскіе урядники не вѣдвали ни за чѣмъ въ Новгородскій повѣтъ, который имѣлъ свой особый штатъ урядниковъ на подобіе Виленскаго. Главный изъ этихъ урядниковъ до 1507 года назывался большимъ частью *намістникомъ*; иврѣдка *державцею* и даже *воеводою* Новгородскимъ. Такъ, первый изъ правителей Новгородскаго повѣта по смерти Витовта, Петрашичъ Монтыгирдовичъ (1431—1452) называется въ источникахъ и *намістникомъ*, и воеводою³³⁸⁾; воеводою назывался князь Семень Юрьевичъ Гольшанскій, которому данъ въ держаніе Новгородокъ въ 1500 г., одновременно съ назначеніемъ его на должность „гетмана навышшаго“ (ранѣе онъ былъ старостою Луцкимъ и маршалкомъ земли Волынской³³⁹⁾; преемникъ его послѣ пана Петра Глѣбовича, панъ Адльбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, назывался и *намістникомъ*, и *державцею*³⁴⁰⁾. Въ 1507 году Новгородокъ „и со всеми влады Новгородскими, съ ключомъ и съ городничимъ,“ данъ былъ „въ держаніе до живота,“ князю Ивану Львовичу Глинскому, который былъ передъ тѣмъ воеводою Кіевскимъ. Привилей, выданный по этому случаю князю Глинскому отъ имени в. князя Сягивмунда, гласитъ: „не рушаючи его во чти и въ мѣстцы его въ томъ, которое жъ онъ ведлѣ годности и заслуги своее отъ брата нашего мѣлъ, будучи воеводою Кіевскимъ..“

³³⁷⁾ Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ I, л. 26—34; кн. Запис. XXVIII, л. 123—135.

³³⁸⁾ *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 34; Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 58; Акты Виленской Археологич. комиссіи XI, № 1; *Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków* I, № L, LXXXVII.

³³⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 183, 189, 190.

³⁴⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 225, 226, 241, 242.

въ томъ, не хотѣли еще писать въ титулѣ его иначе, какъ передъ
 этимъ писать... имамъ еще воеводу Новгородскій и маршалъ имъ на-
 шимъ въ титулѣ его писать; а мѣсто въ радѣ, межъ пановъ ради
 наше великого князства Литовского, дали есмо ему подлѣ пана ста-
 рости Жомойтского“³⁴¹⁾. Названіе „воевода“ послѣ того уже охотно
 твердо утвердилось за главнымъ урядникомъ Новгородскаго повѣта.
 Это переименованіе имѣло, однако, только титулярное и сакральное зна-
 ченіе и не внесло никакихъ перемѣнъ въ должностное положеніе
 Новгородскаго урядника, который, какъ былъ, такъ и остался само-
 стоятельнымъ правителемъ Новгородскаго повѣта, бывшаго частью Ви-
 льскаго воеводства въ военномъ отношеніи. При намѣстникѣ-воеводѣ
 въ Новгородѣ Литовскомъ, вѣкогда стольемъ городѣ удѣльному кня-
 жеству, сохранялся двѣнадцать урядниковъ удѣльнаго происхожденія, а
 именно: конюшій, дюжничъ, городничій. Объ урядахъ дюжничъ и
 городничихъ было упомянуто выше. Въ 1510 году король Сигизмундъ
 приказалъ сыну Яну Яновичу Заберезинскому къ воеводству Новгрод-
 скому „уряди, городничее а конюшее Новгродскіи“, „а оны, — гласитъ
 его привилей, — подрезался намъ о приѣханьи нашихъ къ Новгроду
 подданъ насъ станеею всакою на мухню кампу и на оброби, а конемъ
 съна и овса достатокъ дати, пени тамъ въ Новгродѣ будемъ мѣш-
 кати, а къ тому релъ намъ замокъ Новгродскій оправити“³⁴²⁾.

Самостоятельное положеніе Новгородскаго намѣстника-воеводи
 и его происхожденіе отъ удѣльной эпохи, объясняется тѣмъ, что
 онъ былъ преемникомъ удѣльнаго князя. Удѣльный столь въ Новго-
 родѣ Литовскомъ упразднился, какъ было связано въ предшествую-
 щемъ очеркѣ, въ 1406 г., послѣ чего Новгородъ поступилъ подъ
 управленіе великокняжескихъ намѣстниковъ. Но въ 1428 г. великий
 князь Витовтъ записалъ Новгородъ съ его повѣтомъ (*terram castrum*)
que Nowogrodek Lithuanicum cum toto districtu Nowogrodensi
 земѣ своей Ульши за вѣно (*ratione veri et iusti dotacioni dicit val-*
iditate wуапо) въ пожизненное владѣніе. При этомъ утверждена была
 обособленность Новгородскаго повѣта, населеніе котораго освобождено
 было отъ всякихъ повинностей, буде такия существовали; на другіе
 земли и дворы, кромѣ Новгородскаго (*ob omnibus laboribus et auxiliis*
aliorum nostrorum castrorum et curiarum, si prius extra suum cast-
rum Nowogrodek laborare consueverunt vel servire, ut per amplius

³⁴¹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 7.

³⁴²⁾ Литов. Метр. кн. Записк. VIII, л. 339.

a, talibus liberi debent esse et soluti). Эта обособленность выстѣ съ историческимъ происхожденіемъ должности Новгородскаго намѣстника и обуславливали его самостоятельное положеніе.

Запись Витовта опредѣляетъ и территорію Новгородскаго княжества, перечисляя дворы и волости, которыя входили въ его составъ, а именно: *Новое Село* или *Кубарка*, *Городечна*, *Бретена*, *Басино*, *Полбрезъ*, *Долятичи*, *Любчъ*, *Остапинъ*, *Негневичи*, *Полоная*, *Кореличи*, *Свержно*, *Цырма* (*Цыринъ*), *Полонка*, *Почапозъ*, *Ляхово* и *Бобръ*, кромѣ дворовъ и волостей, которые держали служилые князья (quas quidem duces tenent in eadem terra Nowogrodensi)³⁴³). Въ источникахъ изучаемаго времени всѣ эти дворы съ волостями (кромѣ напечатанныхъ здѣсь курсивомъ), также выступаютъ составными частями Новгородскаго судебно-административнаго округа. Въ 1525 году 27 іюня король Сигизмундъ подтвердилъ пану Яну Юрьевичу Глѣбовича и его теткѣ панѣ Войтеховой Яновича Маринѣ землю, которую они купили у слуги путнаго Новгородскаго повѣта Савостьяна Тишковича „за дозволеніемъ пана воеводы Новгородскаго“,— „всю отчину его въ *Городечнѣ* съ домоу и съ пашнею дворною и съ сѣнокатми, и съ гаи, и съ лѣсы и дубровами, и съ рѣками, изъ илны и со веинъ съ тымъ, какъ самъ тотъ Савостянъ тую жъ землю держалъ“³⁴⁴). Въ 1514 году 22 іюня данъ былъ князю Ивану Филипповичу Брошницкому листъ до воеводы Новгородскаго, „абы ему увязанье далъ“ въ землю пустую конюшскую *Малевщину* „въ Новгородцы въ *Бретинѣ*“³⁴⁵).— Въ 1513 году 2 марта король извѣщалъ воеводу Новгородскаго, старосту Дорогичскаго, пана Яна Яновича Заберезинскаго объ утвержденіи „записа“ боярыни Новгородской Борисовой Оетини и сына ея Никона, — „штожъ спустила и дала на вѣчность по дочцѣ своею Овдотѣ боярину смоленскому, зятю своему Прокопу Андреевичу, третью часть имѣнья, выслуги мужа своего въ *Басинѣ* въ людѣхъ и въ челяди невольной, и въ земляхъ пашенныхъ и пустошевнихъ, а онъ злюбилъ ей, ижъ маєт за нее и за сына ее службу земскую съ того заступати до тыхъ часовъ, пока тотъ сынъ ее лѣтъ своихъ доростеть; а она вжо и сынъ ее не маєтъ ему по той дочцѣ своей выправы и вѣна дати“³⁴⁶). Въ 1525 году король Сигизмундъ отдавъ

³⁴³) Codex epistolaris Vitoldi, № МСССХХІ.

³⁴⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 244, 245.

³⁴⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 215.

³⁴⁶) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 75, 76.

Басино Богухвалу Дмитріевичу до живота, а въ 1528 г. его женѣ Богданѣ ³⁴⁷⁾.—*Любчо* король Казимиръ пожаловалъ пану Михаилу Кезгайловичу „и зъ людьми и зъ лова звѣрынными и со всемъ правомъ, што къ тому имѣнью прыслушаетъ“, а отъ пана Михаила это имѣніе перешло къ племяннику его, писарю Ѳедку Григорьевичу, какъ это видно изъ „вырока“ великаго князя Александра этому Ѳедку Григорьевичу „на лова за Нѣмною въ имѣнью его Любчу въ Новгородскомъ повѣтѣ“ ³⁴⁸⁾. Передъ самымъ изданіемъ перваго Статута Любчо перешло уже въ руки пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда, который купилъ его у Хребтовичей ³⁴⁹⁾.—Дворъ *Осташинъ* „у Новгородской волости“ въ 1446 г. пожалованъ былъ королемъ Казимиромъ князю Василью Ѳедоровичу Острожскому ³⁵⁰⁾; въ концѣ XV вѣка онъ былъ уже во владѣніи князя Семена Чорторыйскаго, какъ это открывается изъ акта, содержащаго въ себѣ „справу межи Ѳедкомъ Григорьевичемъ а княземъ Семеномъ Чорторыйскимъ о побранѣхъ дерева съ пущи Любецкое“ ³⁵¹⁾. Вскорѣ послѣ того онъ снова перешелъ въ непосредственное владѣніе великаго князя, какъ это открывается изъ разныхъ раздачъ Осташинскихъ земель и людей. Въ 1502 году 16 марта король Александръ приказалъ Новгородскому намѣстнику ввести татаръ Темеша и Левка Кенковичей во владѣніе людьми татлами дявольными, на имя Кайшевичами, Новгородскаго повѣта Осташинцами ³⁵²⁾. Въ 1525 г. 24 октября король Сигизмундъ далъ дворянину Захарью Тризнѣ подтвердительный привилей, „што перво сего дали есмо ему дворъ въ Новгородскомъ повѣтѣ двора (т. е. волости) Осташинскаго зъ людьми и съ челядью неволною и чотыры земли пустыхъ Цѣринскихъ и зъ житомъ и со всемъ съ тымъ, што къ нему прыслухало“ ³⁵³⁾.—Въ составѣ Новгородскаго повѣта источники упоминаютъ и дворъ *Негнѣвичи*: въ 1511 году король Сигизмундъ подтвердилъ дворянамъ Ивану, Василью и Ѳедору Уколовымъ половину двора Новгородскаго Негнѣвичъ, даннаго еще отцу ихъ взаимнѣ отчины въ Брянскѣ, которую посѣлъ непріятель Московскій, — со всѣмъ по тому, „какъ тотъ дворъ передъ тымъ къ замку нашему Нов-

³⁴⁷⁾ *Bonięckiego Poczet rodów*, str. 13.

³⁴⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 95.

³⁴⁹⁾ *Starożytna Polska*, IV, 524.

³⁵⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 51.

³⁵¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 154.

³⁵²⁾ *Ibidem*, л. 206.

³⁵³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 287.

городскому держанъ былъ“³⁵⁴).—Король Александръ далъ дворянину Оедору Колонтаеву „дворъ свой Новгородскаго повѣта на имя *Полоную* и тежъ села зъ людьми того двора Полоное, на имя Боратино а Милошево, а Стрѣльники, а Претеневичы, а Кадчичы, и челоувѣа Нарута Чуриновича, и слуги путныи, и люди тяглыи, и челядь невольную того двора Полоное, и садовники, и пшеничники Стрѣльницскими и Борятинскими, и перевозъ на рѣцѣ на Нѣминѣ въ Турцы, земли пашныи и сѣножати, и гаи, и хмелищы на Сервечи и зъ болоты и ставы и ставищы“. Въ 1508 г. Сигизмундъ подтвердилъ ему все это своимъ листомъ „на вѣчность“ вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими пожалованьями³⁵⁵).—О *Коремчахъ* упоминается въ записяхъ пожалованій Казимира „у Новгородской волости“: „Пашку Войниловичу у Короличахъ челоувѣа Ходорецъ“³⁵⁶).—Что касается *Свержня*, то объ немъ упоминаеъ находимъ прежде всего въ привилей короля Казимира отъ 1482 г., данномъ нѣкому Есипу Дмитрову на село, „што держалъ небожикъ панъ Германъ, городничий Виленскій у Сверженскомъ повѣтѣ на Жатеревѣ со всимъ, што издавна къ тому слушитъ“³⁵⁷). Въ 1495 г. этотъ дворецъ „Гармановскій городничого Виленскаго“ на Жатеревѣ, а также и имѣнье Полонка утверждены были за паномъ Литаворомъ Хребтовичемъ, который приобрѣлъ ихъ покупкою отъ бояръ Новгородскаго повѣта³⁵⁸). При Сигизмундѣ панъ Литаворъ получилъ подтвердительный привилей уже на весь дворъ Свержень, со всѣми селами и людьми, изстари тянувшими къ этому двору (*sum omnibus aliis villis et hominibus, ex antiquo Szwersznio spectantibus*), а равно и на дворъ Полонку³⁵⁹). Дворъ Свержень былъ великокняжескимъ владѣніемъ при Александрѣ, который вымѣнилъ его на нѣкоторыя имѣнья у княгини Евдокии, вдовы князя Андрея Можайскаго, выслужившаго было этотъ дворъ у короля Казимира³⁶⁰).—*Цѣринская волость* въ составѣ Новгородскаго повѣта является, напр., въ записи „справы“ мѣщанъ Новгородскихъ съ сорочникомъ и со всѣми мужами Цѣринцами (19 ноября 1499 года) „о стереженьѣ недѣли свое въ

³⁵⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 47, 48, 88, 89.

³⁵⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 218.

³⁵⁶) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 50.

³⁵⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 116.

³⁵⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 59.

³⁵⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 387—390.

³⁶⁰) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 78.

Новгородку съ подводами³⁶¹⁾. Предъ изданіемъ Статута эта волость все еще оставалась великокняжескою: 25 октября 1522 года король Сигизмундъ подтвердилъ своимъ листомъ боярину Новгородскаго повѣта Андрею Микуличу „землю пустовскую у Новгородскомъ повѣтѣ въ Цѣрьньской волости Якововщину Олюшча“, которую ему далъ воевода Новгородскій³⁶²⁾.—Но *Ляховичи* въ то время уже принадлежали пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольдъ.

Кромѣ перечисленныхъ дворовъ и волостей въ актахъ изучаемаго времени упоминаются въ составѣ Новгородскаго повѣта и другіе, а именно: дворъ *Сворота*, который Казимиръ далъ „у Новгородской волости“ пану Олехну Довойновичу, съ волостью Своротскою, которая упоминается въ одной „справѣ“ 1498 года съ Довойновичами о землю Жуковскую вмѣстѣ съ волостью *Невдевскою*³⁶³⁾; дворъ *Чернихово*, при Сигизмундѣ бывшій уже имѣніемъ пановъ Немировичей³⁶⁴⁾; великокняжескій дворъ *Городище*, который при Казимирѣ и Александрѣ былъ во владѣніи князя Семена Бѣльскаго, а затѣмъ королевы и великой княгини Елены Ивановны, а послѣ нея былъ во владѣніи пана Яна Якубовича Немировича³⁶⁵⁾; *Полужье*, имѣнье пана Зенька Евлашевича, бывшаго при Казимирѣ и Александрѣ ключникомъ и городничимъ Новгородскимъ³⁶⁶⁾; дворъ *Крошино*, который великій князь Александръ пожаловалъ въ 1499 году князю Дмитрію Путятичу, воеводѣ Кіевскому³⁶⁷⁾; *Своятичи* (нынѣ село Даревской волости Новгородскаго уѣзда на р. Вѣдьманкѣ)—имѣнье пана Станислава Михайловича Петвовича (Дукурна), въ которомъ Александръ дозволилъ ему учредить торгъ, а король Сигизмундъ въ 1507 г. подтвердилъ это дозволеніе его наследникамъ³⁶⁸⁾; *Дорогово*, дворъ пана Иваша Кгойцевича, который записалъ его своей женѣ Екаторинѣ, а та въ свою очередь продала его пану Войтеху Яновичу, второму мужу своему, „со всеми селами боярскими того двора и слугами путными и со всеми; людьми тяглыми, и съ дѣнницей Хотеничи и со всеми ихъ землями“³⁶⁹⁾

³⁶¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI л. 161.

³⁶²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 38.

³⁶³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 49; V, л. 73.

³⁶⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 50; XII, л. 9, 10.

³⁶⁵⁾ *Scarbies dyplomatów II*, № 2136; Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 50; XV, 42, 43.

³⁶⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 81.

³⁶⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 92.

³⁶⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 197.

³⁶⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 297, 298.

Щерси, имѣніе пана Мартина Хребтовича, полученное имъ отъ великаго князя Александра ³⁷⁰⁾; дворъ *Стмно*, упоминаемый въ числѣ Новгородскихъ дворовъ въ записи Витовта отъ 1401 года на вѣрность королю Владиславу о коронѣ Польской ³⁷¹⁾ и отданный въ 1494 году пану Ѳедку Богдановичу Хребтовича ³⁷²⁾; дворъ *Жуховичи* на р. Ушгѣ, проданный паномъ Александромъ Ивановичемъ Ходкевича пану Юрью Ивановичу Ильинича при Сигизмундѣ ³⁷³⁾; *волостка Вядо*, упоминаемая также въ этой записи Витовта (atque districtu dicto Woda) и пожалованная въ 1508 году на вѣчность (съ тѣхъ поръ она вышла изъ состава Новгородскаго повѣта) князю Ѳеодору Ивановичу Ярославича „съ приселки и со всеми службами и зъ людьми, и зъ ихъ землями, и съ корчмою и съ озеры“, „со всемъ правомъ и панствомъ“ ³⁷⁴⁾; великокняжескій дворъ и *волостъ Мостовская*, упоминаемая въ привилеѣ, выданномъ въ 1514 г. князю Василью Ивановичу Пузынѣ на людей и земли въ этой волости ³⁷⁵⁾; *Уми*, великокняжеская волость, дававшая уголье на замокъ Новгородскій ³⁷⁶⁾; *Волконовская волость* и Ловецкій сорокъ, упоминаемые въ привилеѣ на людей и земли, выданномъ въ 1522 году пану Андрею Якубовичу Немировича ³⁷⁷⁾ и др.

На мѣстоположеніе перечисленныхъ великокняжескихъ и панскихъ волостей, входившихъ въ составъ Новгородскаго повѣта, указываютъ въ настоящее время одноименныя селенія, лежащія въ Новгородскомъ уѣздѣ Минской губ., а именно: сельцо Кубарка недалеко отъ уѣзнаго города къ югу, деревня Городечна тоже близъ уѣзнаго города на сѣверо-востокъ, села: Брицянка, Басино и Полберегъ—на сѣверъ, мѣстечки Любча и Долятичи на р. Нѣманѣ, Остапинъ—на р. Сервечи, лѣвомъ притокѣ Нѣмана, мѣстечко Негнѣвичи на востокъ отъ уѣзнаго города и недалеко отъ Нѣмана, сельцо Полоная и мѣстечко Кореличи на р. Ругѣ, слѣва впадающей въ Сервечи, мѣстечко Свержень на р. Нѣманѣ Минскаго уѣзда на границѣ съ Новгородскимъ, мѣстечко Циринъ на р. Сервечи, мѣстечко Полоная на

³⁷⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 301.

³⁷¹⁾ Codex epistolaris Vitoldi №, ССХХХІІІ.

³⁷²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 46, 47.

³⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 115, 116.

³⁷⁴⁾ Акты Зап. Рос. II, № 34, II. Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, VI, № 6.

³⁷⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 80, 81.

³⁷⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 239, 240.

³⁷⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 14, 15.

р. Иссь, справа впадающей въ Шару, село Почапово на р. Почаповѣ, справа впадающей въ Молчадь, лѣвый притокъ Нѣмана, село Старые Ляховичи на границѣ съ Слуцкимъ уѣздомъ, село Своротва на рѣкѣ того же имени близъ Почапова, село Невда на верховьѣ рѣки Невды, слѣва впадающей въ Сервечь, село Чернихово на верховьѣ рѣки Змѣйки, впадающей въ Ушу, лѣвый притокъ Нѣмана, сельцо Городище на верховьѣ рѣки Сервечи, село Полужье на р. Невдѣ, мѣстечко Крошинъ на р. Шарѣ, сельцо Дорогово недалеко отъ Цириня, село Щерсы на р. Нѣманѣ недалеко отъ впаденія въ него Сервечи, сельцо Сѣнно близъ Любча къ югу, сельцо Ловцы почти на границѣ Новгородскаго уѣзда съ Слонимскимъ и т. д. Такимъ образомъ территория Новгородскаго повѣта почти совпадаетъ съ территоріей нынѣшняго Новгородскаго уѣзда Минской губ., которая, очевидно, имѣетъ границы давняго происхожденія.

VI.

Въ ополченіе воеводства Виленскаго входили и военныя силы княжествъ Слуцкаго, Клецкаго и Мстиславскаго, которыя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, подобно Новгородскому повѣту, стояли особнякомъ отъ другихъ великокняжескихъ волостей и частныхъ владѣній Виленскаго воеводства. Владѣтели ихъ не только вполнѣ самостоятельно и независимо правили въ своихъ отчинахъ, но и лично не были „въ правѣ“ Виленскаго воеводства, подъ присудомъ воеводъ.

Владѣнія князя Слуцкаго лежали на верхней Случи, лѣвомъ притокѣ Припяти, и ея притокахъ, а также на верхнихъ притокахъ рѣки Оресы, впадающей въ Птичь, и состояли изъ городовъ *Слуцка* и *Копыля* съ ихъ дворами и дворцами. Изъ судной грамоты, выданной въ 1449 году князю Семену Михайловичу на отчину его, мы узнаемъ, что къ Слуцку „прислухали“ дворы: *Ивань* (нынѣ усадьба въ семи верстахъ отъ села Царевцевъ на р. Случѣ Слуцкаго уѣзда), *Погостъ* (нынѣ мѣстечко на р. Случи того же уѣзда) и *Ольовичи* (нынѣ село Бобруйскаго уѣзда на границѣ съ Слуцкимъ); къ Копылю: *Байловцы* (нынѣ Басловцы Романовской волости Слуцкаго уѣзда), *Сыроватчицы*, *Старница* (недалеко отъ Басловцевъ, къ сѣверу), *Скельево*, *Колокз* и *Старое село*³⁷⁸⁾. Изъ позднѣйшихъ источниковъ извѣстно, кромѣ того, что къ княжеству Слуцкому принадлежали: *Тимковичи* (нынѣ мѣстечко

³⁷⁸⁾ Акты Зап. Рос. I, № 163.

Слуцкаго уѣзда на р. Мажѣ, впадающей въ притокъ Случи Морочъ); *Урльче* (нынѣ мѣстечко на р. того же имени системы Оресы, Бобруйскаго уѣзда на границѣ съ Слуцкимъ), *Любань* (нынѣ мѣстечко того же уѣзда на р. Оресѣ)³⁷⁹). Такимъ образомъ, княжество Слуцкое занимало восточную часть нынѣшняго Слуцкаго уѣзда (отъ рѣки Мороча и Можи) и западную Бобруйскаго (бассейнъ р. Оресы). Изъ „вырока“ короля Сигизмунда (отъ 26 августа 1528 года) боярынь Скепьевской Матронѣ и зятю ея, князю Андрею Озерецкому, по дѣлу съ княземъ Юрьемъ Семеновичемъ Слуцкимъ объ имѣннѣхъ, узнаемъ, что въ составъ княжества Слуцкаго входилъ, вромѣ того, *Турецъ*³⁸⁰). Если этотъ Турецъ соответствуетъ нынѣшнему селу того же имени на р. Свислочи Игуменскаго уѣзда, то, слѣдовательно, княжество Слуцкое захватывало часть нынѣшняго Игуменскаго уѣзда, прилегающую къ Слуцкому и Бобруйскому по теченіямъ рѣкъ Птича и Свислочи („Игумена и вся дань, и люди, и земля и доходъ весь“ тянули къ Вильнѣ)³⁸¹). Что касается урядниковъ князя Слуцкаго, чинившихъ судъ и управу въ волостяхъ его, то они назывались, какъ и въ другихъ княжествахъ и крупныхъ панскихъ имѣніяхъ, *намыстниками*³⁸²).

Селенія княжества Клецкаго, которымъ владѣли князь Михаилъ Сигизмундовичъ, Иванъ Васильевичъ Ярославича, сынъ его Федоръ и, наконецъ, королева Бона, разбросаны были въ западной части нынѣшняго Слуцкаго уѣзда, Минской губ. (по верхней Лани и ея притокамъ), а также въ смежныхъ частяхъ Слонимскаго уѣзда. Таковы, были, напримѣръ, села *Левоневичи* и *Цижковичи* (нынѣ одноименныя деревни Слуцкаго уѣзда), пожалованныя великимъ княземъ Казимиромъ вѣкоему Петришу съ братомъ; имъ же даны были „у Клецкой волости“: Ивашку Судимонтовичу ловища у *Денисковичахъ* (нынѣ село Круговичской волости) и человекъ; Ивашку Вазевичу десять человекъ на *Морочи*, десять человекъ и три земли *Мокрянскихъ* (Морочъ и Мокряны—деревни Слуцкаго уѣзда близъ р. Можи, впадающей въ Случь), Григорію Петришу—*Жеребковичи* (нынѣ деревня недалеко отъ Клецка въ западу); Пашчину девять человекъ у *Круговичахъ* (нынѣ село Великіе Круговичи Слуцкаго уѣзда); пану Яну Немировичу ловища и человекъ въ *Любашевѣ* (недалеко отъ Круговичъ въ западу); пану Федку Немировичу—данныки *Огаревичи* (нынѣ село Круговичской во-

³⁷⁹) *Starożytna Polska* IV, 547, 548.

³⁸⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 51, 52.

³⁸¹) См. Отечест. Записки 1829, № CV, январь.

³⁸²) Литов. Метр. кн. Борон. Перепис. XXVII, л. 36.

люсти); Ондрушку Моствиловичу *дворъ Цупра* (Цепра—село Гривцевичской волости Слуцкаго уѣзда на Березинѣ); писарю пану Васку Любичу имѣнье „у Клецкомъ повѣтѣ“ *Гричевичи* (нынѣ село Грицевичи на р. Лавѣ) и т. д.³⁸³⁾ Кромѣ того, въ позднѣйшихъ источникахъ встрѣчаемъ еще слѣдующія села Клецкаго княжества: *Филиловичи* или *Богачевичи* (нынѣ деревня Слуцкаго уѣзда), *Ючици* (нынѣ Ютчицы на р. Березинѣ Грицевичской волости)³⁸⁴⁾, *Болваны* (нынѣ деревня недалеко отъ Ючиць въ сѣверу),³⁸⁵⁾ *Осмоловичи* (нынѣ деревня Осмолово Ланьской волости Слуцкаго уѣзда³⁸⁶⁾; *Малево* (нынѣ село Ланьской волости)—дворъ и село, центръ волости Малевской³⁸⁷⁾; *Нача* на р. того же имени, впадающей справа въ Лань³⁸⁸⁾, *Сенежка* (нынѣ мѣстечко на р. Начѣ), дворъ и мѣсто, центръ особой волости Клецкаго княжества³⁸⁹⁾; *Медвѣдичи* (нынѣ село Слуцкаго уѣзда недалеко отъ р. Шары), *Куршановичи*, село Виленскаго бискупа (нынѣ Курфиновичи Слуцкаго уѣзда недалеко отъ Медвѣдичь³⁹⁰⁾ и др. Въ Клецку же тагло село *Добромысль* (нынѣ Слонимскаго уѣзда на р. Шарѣ) до пожалованія его великимъ княземъ Казимиромъ пану Яну Немировичу³⁹¹⁾; въ 1518 году панъ Янъ Якубовичъ Немировича, записывая своей жепѣ третью часть отчины своей и куплю свою всю, помѣстилъ въ записъ между прочимъ на *Польсь* Добромысль и *Нулоиды* (нынѣ Миловида Добромысльской волости Слонимскаго уѣзда)³⁹²⁾. Сохраняли ли какую-нибудь связь эти имѣнья съ Клецкомъ послѣ того, какъ поступили во владѣнье пановъ Немировичей, или нѣтъ, на это намъ не удалось найти указаній въ источникахъ; скорѣе всего, что не сохраняли, и паны Немировичи съ этихъ имѣній служили непосредственно великому князю въ ополченіи воеводства Виленскаго, наряду съ самими Клецкими владѣтелями.

Въ княжествѣ Клецкомъ судъ и управа принадлежали его владѣль-

³⁸³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 34, 59, 72, 79, 80.

³⁸⁴⁾ Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжества, составленная Станиславомъ Хвалъчевскимъ въ 1552—1553 гг., стр. 416, 419. Вильна 1884.

³⁸⁵⁾ Ibidem, стр. 498.

³⁸⁶⁾ Ibidem, стр. 452.

³⁸⁷⁾ Ibidem, стр. 426, 458, 460, 467 и др.

³⁸⁸⁾ Ibidem, стр. 456.

³⁸⁹⁾ Ibidem, стр. 473, 476.

³⁹⁰⁾ Ibidem, стр. 490.

³⁹¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 1.

³⁹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 42, 43.

цать и ихъ *наипустникамъ* ³⁹³⁾. Въ то же время, когда княжество спадало на великаго князя, въ Клецѣхъ сидѣлъ великокняжескій намѣстникъ, напримѣръ, при Казимирѣ—панъ Ивашко Рогатинскій, которому великій князь приказывалъ въ 1442 году дать „увязанье“ пану Федеу Немировичу въ данниковъ Огаревичей ³⁹⁴⁾. Королева Бона поручала управленіе всѣми своими имѣньями на Полѣсьѣ по большей части одному старостѣ, который держалъ отъ себя въ разныхъ имѣньяхъ подстаростъ ³⁹⁵⁾. Первымъ старостою Пинскимъ, Клецкимъ и Городецкимъ по актамъ является панъ Иванъ Михайловичъ Хоревичъ ³⁹⁶⁾.

Княжество Мстиславское въ томъ объемѣ, въ какомъ имъ владѣлъ Лингвеній, его сынъ Юрій и внукъ Иванъ, состояло изъ Мстиславля, Мглина (уѣздный городъ Черниговской губ.), Хотимля (нынѣ мѣстечко Хотимсьѣ на р. Бесѣди Климовичскаго уѣзда), Дрокова (нынѣ село Старый Дроковъ Суражскаго уѣзда Черниговской губ. на р. Ипути) и Поповой горы (на р. Бесѣди Суражскаго уѣзда) съ ихъ волостями и изъ нѣсколькихъ другихъ волостей, тянувшихъ къ означеннымъ городамъ. Въ записяхъ подтвержденій, выданныхъ Казимиромъ въ первые годы его княженія на различныя имѣнья, рожденныя въ княжествѣ Мстиславскомъ кн. Лингвениемъ, его сыновьями Юрьемъ и Ярославомъ, и великимъ княземъ Сигизмундомъ (княжество Мстиславское въ 1432 г. взято было великимъ княземъ у князей-отчичей, которые держали сторону Свидригелла; возвращено было Казимиромъ князю Юрью Лингвеневичу около 1446 г.), находимъ упоминанья о *повѣтахъ Мстиславскомъ и Мглинскомъ*, какъ составныхъ частяхъ княжества ³⁹⁷⁾. *Попова Гора* обозначена городомъ Мстиславскаго повѣта въ одной описи московско-литовскихъ границъ 1526 ³⁹⁸⁾, что подтверждается и жалованною грамотой кн. Ивана Юрьевича, данною въ 1486 году Онуфриевскому монастырю на озеро Гостинь ³⁹⁹⁾. На принадлежность *Дрокова* къ Мстиславскому княжеству указываетъ его географическое положеніе между Мглиномъ и Поповою Горой, а на

³⁹³⁾ Акты Южн. и Запад. Рос. I, № 77.

³⁹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 34.

³⁹⁵⁾ Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 94, 162, 234, 249, 251, 262, 277 и др.

³⁹⁶⁾ Ibidem, стр. 124.

³⁹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 23, 24, 25.

³⁹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣль III, л. 182—187.

³⁹⁹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 68.

принадлежность *Хотимля*—географическое положеніе между Мглиномъ и Мстиславлемъ.

Изъ всѣхъ этихъ городовъ Мстиславскаго княжества, какъ уже было сказано въ первомъ очеркѣ (стр. 14), только два; Мстиславль и Мглинъ, съ ихъ повѣтами перешли къ князю Михаилу Ивановичу Жеславскому, женившемуся на одной изъ дочерей кн. Ивана Юрьевича, а остальные спали на господари. Изъ нихъ замокъ *Попову Горю* великій князь Александръ въ 1501 г. отдалъ своей женѣ Еленѣ⁴⁰⁰⁾, а волость Хотимль—князю Семену Ивановичу Можайскому⁴⁰¹⁾, во владѣніи котораго она оставалась до 1503 г., когда отошла къ Москвѣ вмѣстѣ съ Мглиномъ, Поповою Горой и Дроковымъ. Что касается *Дрокова*, то онъ поступилъ подъ управленіе великокняжескихъ наместниковъ. Въ записи прихода великокняжескаго скарба за 1499 годъ читаемъ: „наместникъ Дроковскій далъ отъ наместничества 4 копы грошей“; въ другомъ мѣстѣ: „Дроковцы принесли дали полшестидесять копъ грошей, а бобра грошми копу грошей, а вуницъ грошми двадцать безъ одное, а шерстью вуницъ 20 и 3^а“⁴⁰²⁾.

Итакъ, княжество Мстиславское въ началѣ XVI вѣка состояло изъ городовъ Мстиславля и Мглина съ ихъ округами, лежащими черезполосно съ великокняжескими волостями. Къ городу Мстиславлю, какъ это открывается изъ жалованной грамоты на него, данной въ 1499 году князю Михаилу Ивановичу Жеславскому, тянули слѣдующіе дворцы, лежавшіе по сосѣдству съ нимъ: *Красное* (нынѣ деревня Чериковскаго уѣзда, на р. Черномъ Натопѣ; впадающей въ Сожъ); *Рясна* (мѣстечко Чаусскаго уѣзда), *Людогощъ* (деревня Мстиславскаго уѣзда на р. Сожѣ), *Поряднино* (нынѣ Парадина того же уѣзда на р. Сожѣ), *Михайловское* (нынѣ деревня того же уѣзда близъ Мстиславля, къ западу), *Селища* (село въ западной части Мстиславскаго уѣзда), *Колодези* (нынѣ деревня на р. Пронѣ Чаусскаго уѣзда) и *Будогощъ* (на р. Вехрѣ къ сѣверу отъ Мстиславля) съ ихъ повѣтами⁴⁰³⁾. Эти дворцы съ ихъ округами были подъ присудомъ *городского* (т.-е. Мстиславскаго) *наместника*⁴⁰⁴⁾. Большая часть ихъ (Людогощи, Красное, Доброе, Порядницкое, Колодези, Селище упоминаются и въ

⁴⁰⁰⁾ Scarbiec dyplomatów II, № 2136.

⁴⁰¹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 167.

⁴⁰²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 277, 278.

⁴⁰³⁾ Акты Зап. Рос. I, № 172.

⁴⁰⁴⁾ Акты Зап. Рос. II, № 27.

бѣже раники изъ источивахъ, дошедшихъ до насъ ⁴⁰⁵⁾. Но, кромѣ того, акты упоминаютъ еще въ Мстиславскомъ повѣтѣ слѣдующія волости: *Засемскую* (Заселье нынѣ на сѣверѣ Климовичскаго уѣзда), старецъ которой долженъ былъ, согласно подтвердительнои грамотѣ князя Михаила Ивановича 1505 г., давать сорокъ грошей серебряной дани „до храму Пречистое Богоматери въ Пустыницѣ“ ⁴⁰⁶⁾; *Хотславичи*, которые при князѣ Лингверѣ держалъ князь Андрей Порховскій (мѣстечко Хотславичи на р. Сожѣ Мстиславскаго уѣзда) ⁴⁰⁷⁾; *Городокъ* (нынѣ село Мстиславскаго уѣзда на р. Рыкани), въ которомъ великій князь Казимиръ подтвердилъ сельцо нѣкоему Витеву ⁴⁰⁸⁾; *замокъ Радомля* (нынѣ село Чаусскаго уѣзда на р. Радучнѣ, притокѣ Прони), который въ 1525 г. князь Михаилъ Ивановичъ далъ, по настоянiю воеводы, сыну своему Федору ⁴⁰⁹⁾. Такимъ образомъ, Мстиславскiй повѣтъ въ тѣсномъ смыслѣ обнималъ весь нынѣшнiй Мстиславскiй уѣздъ, сѣверную часть Климовичскаго уѣзда до Остра (рубежь съ Смоленскою воеводою шелъ приблизительно такъ же, какъ теперь между Могилевскою и Смоленскою губернiями) ⁴¹⁰⁾, сѣверную часть Чериковскаго и восточную часть Чаусскаго уѣзда (по р. Басю, притокъ Прони). Что касается Мглинскаго повѣта, то границы его очерчены въ вышеупомянутой описи 1526 г. ⁴¹¹⁾. Сѣверо-западную границу его составляла р. Ипуть; сѣверная граница шла приблизительно такъ же, какъ и теперь между Мглинскимъ и Брянскимъ уѣздами (здѣсь были пограничныя Брянскiя села: *Орлеина*, теперь Алень, и *Окуличи*); восточная граница съ Брянскимъ пригородомъ *Почаповъ* (нынѣ мѣстечко Почепъ Мглинскаго уѣзда на р. Судости) шла между селъ Мглинскаго—*Дюичей* (нынѣ Дивовка) и Почаповскаго—*Деремна*, и мимо села Почаповскаго *Велмало Селища*; южная граница съ Стародубскимъ повѣтомъ шла приблизительно такъ же, какъ и теперь идетъ граница Мглинскаго уѣзда, мимо села Стародубскаго *Разсуаз* (теперь Мглинскаго уѣзда) и Мглинскаго *Рухова* (теперь село Руховъ Стародубскаго уѣзда); западная граница съ Дроковскимъ повѣтомъ шла

⁴⁰⁵⁾ Акты Зап. Рос. I, № 66, 81; Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 24, 25.

⁴⁰⁶⁾ Акты Зап. Рос. I, № 217. Срав. Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 24.

⁴⁰⁷⁾ Лит. Метр. кн. Зап. III, л. 24. Ср. Сбор. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 637—641.

⁴⁰⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 24.

⁴⁰⁹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 136.

⁴¹⁰⁾ Сбор. Имп. Русск. Истор. Общ. т. XXXV, 637—641.

⁴¹¹⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ III, л. 182—187.

приблизительно такъ же, какъ теперь идетъ граница Мглинскаго уѣзда до р. Ипути, мимо села Мглинскаго *Красновичей* на р. Ельнѣ, впадающей въ Ипутъ ⁴¹²⁾. Такимъ образомъ, Мглинскій повѣтъ занималъ западную и притомъ большую часть нынѣшняго Мглинскаго уѣзда Черниговской губ.

Въ полномъ своемъ составѣ, какъ имъ владѣлъ князь Лигвентій Ольгердовичъ, сынъ его Юрій и внукъ Иванъ, княжество Мстиславское обнимало весь нынѣшній Мстиславскій уѣздъ, восточную часть Чаусскаго уѣзда, сѣверную небольшую часть Черниовскаго и Климовичскій уѣзды Могилевской губерніи, западную часть Мглинскаго и Суражскій уѣзды Черниговской губерніи (близъ западной границы Суражскаго уѣзда лежали села Чечерской волости: *Светиловичи* на р. Бесѣди, притокъ Сожи, *Бабичи*, *Онисимковичи* и *Волосовичи*, нынѣ Рогачевскаго уѣзда, на границѣ съ Суражскимъ ⁴¹³⁾).

Княжество Мстиславское управлялось княземъ-владѣльцемъ и его урядниками, *намѣстниками и тивунами* ⁴¹⁴⁾. Въ актахъ изучаемаго времени можно найти нѣкоторые косвенныя, впрочемъ, указанія на то, что княжество Мстиславское составляло часть Виленскаго воеводства. Князю Мстиславскимъ, пріѣхавшимъ въ Вильну быть челомъ о своей отчинѣ, великій князь „отказалъ“, т.-е. далъ согласіе на просьбу чрезъ воеводу Виленскаго, который, очевидно, и докладывалъ ему это дѣло, какъ относящееся до его воеводства ⁴¹⁵⁾. Воевода Виленскій въ качествѣ главы и представителя шляхты своего воеводства хлопоталъ въ 1551 г. предъ королемъ о предоставленіи панамъ и боярамъ—шляхтѣ Мстиславскаго и Радомскаго повѣтовъ равныхъ привилегій и вольностей ⁴¹⁶⁾ и т. д.

VII.

Подобно Виленскому и Троцкое воеводство, какъ уже было сказано, слагалось въ изучаемое время изъ собственнаго Троцкаго повѣта, въ которомъ судъ и управу чинилъ воевода и подчиненные ему, какъ высшей инстанціи, великокняжескіе намѣстники-державцы и тивуны, а

⁴¹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 24.

⁴¹³⁾ Сбор. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 752.

⁴¹⁴⁾ Акты Зап. Рос. I, № 43, 82; II, № 27; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 70, II; Археографическій Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. II, № 38.

⁴¹⁵⁾ Акты Зап. Рос. I, № 131.

⁴¹⁶⁾ Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 124.

также и его собственные намѣстники,—и повѣтовъ, въ которыхъ правила, особые, самостоятельные намѣстники, во времени изданія перваго Статута уже переименованные въ старосты. Эти повѣты тянули къ Троямъ только въ военномъ отношеніи. Собственно же судебно-административный округъ Троякаго воеводы составляли слѣдующія территоріи:

Троякая волость, или повѣтъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ 1527 г. король Сигизмундъ, пожаловавъ мѣщанамъ Виленскимъ Тишѣ и Ивану Семеновичамъ пять служебъ людей и четыре пустощины „у Троякомъ повѣтѣ“, писалъ до воеводы Троякаго: „и твоя бы милость, обративши у Троякой волости въ держаньи воеводства своего пять служебъ людей тяглыхъ а чотыри земли пустошскихъ тяглыхъ же на дворную нашу, и имъ въ тѣхъ люди и земли казаль увязанье дати“⁴¹⁷⁾. Троякая волость, какъ можно судить по этой выдержкѣ изъ акта, находилась: *въ непосредственномъ держаньи воеводы Троякаго*. На это даетъ указанье также листъ короля Сигизмунда отъ 16 февраля 1524 г. до воеводы Троякаго князя Константина Ивановича Острожскаго о пожалованьи дворянину Ивашу Немиричу людей и земель: „и твоя бы милость казаль, только людей и земель у повѣтѣ твоей милости Троякомъ обыскавши, и въ то его казаль увязати“⁴¹⁸⁾.—Повидимому, на ряду съ этой волостью существовала еще другая *Троякая волость*, которою завѣдывалъ *тивунъ* Троякій и которая имѣла своимъ центромъ великокняжескій дворъ *Старые Трои*. Это предположеніе оправдывается подтвердительною привилеемъ короля Сигизмунда, выданнымъ въ 1507 г. писарю Нивольскому Васильевичу на дворъ Вакинии „повѣту тивунства Троякаго“: король Александръ, пожаловавшій ему этотъ дворъ, потомъ „люди того двора, на имя Папищане“ привернулъ былъ къ двору своему Старымъ Троякамъ; Сигизмундъ возвратилъ ему Папищанъ и подтвердилъ дворъ⁴¹⁹⁾.—Тивуны Троякіе, кромѣ этой волости, держали и нѣкоторыя другія, но не одиѣ и тѣ же, какъ тивуны Виленскіе. Такъ, при великомъ князѣ Александрѣ мы встрѣчаемъ по фактамъ *тивуна Троякаго и Высокодворскаго* пана Михна Ивановича; позднѣе онъ является уже съ титуломъ Троякаго и Ездненскаго⁴²⁰⁾. *Ездненскій дворъ съ волостью* (нынѣ мѣстечко Езно Троякаго уѣзда при озерѣ того же имени) является по-

⁴¹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 362, 363.

⁴¹⁸⁾ Ibidem, л. 140.

⁴¹⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 152.

⁴²⁰⁾ Литов. Метр. кн. Зап. III, л. 84; VI, л. 243, 244.

томъ во владѣннн королевы Елены, которая раздастъ тамъ людей и земли своимъ боярамъ ⁴²¹⁾, а затѣмъ во владѣннн князя Матѳея Микитвича, которому она пожаловала дворъ на вѣчность въ 1507 году ⁴²²⁾.

Волость Попортская, упоминаемая въ книгахъ земельныхъ раздачъ короля Казимира ⁴²³⁾; на мѣстопахождение ея указываетъ теперь мѣстечко Попорце Трокскаго уѣзда близъ Вилии, къ сѣверо-западу отъ уѣзднаго города. При Казимирѣ или его преемникѣ волость эта перешла въ частныя руки, какъ это отъкрывается изъ жалобы, поданной въ 1528 г. королю Сигизмунду отъ паньи Юрьевой Александровича и ея сына Богуша на пана Ивана Андреевича, подскарбія дворнаго, державцу Веленскаго, „штожь онъ держитъ имѣнья, дѣдзвину ихъ, *Вевье и Попорти*“ ⁴²⁴⁾. Упоминаемое здѣсь Вевье теперь—мѣстечко Евье Трокскаго уѣзда при озерѣ того же имени.

На р. Стравѣ, справа впадающей въ Нѣманъ, лежали волости Стравеницкая и Жижморская. *Стравеницкая волость* упоминается въ книгѣ земельныхъ раздачъ короля Казимира ⁴²⁵⁾, а также и въ подтвердительномъ привилеѣ великаго князя Александра отъ 5 августа 1495 года боярамъ „Стревеницкое волости“ Николаю и Якубу Юрьевичамъ на землю въ Попортской волости ⁴²⁶⁾. Мѣстечко Стравеники Трокскаго уѣзда близъ рѣки Стравы указываетъ на мѣстоположеніе центрального поселка этой волости. Повидимому, эта волость отдавалась въ держанье тому же лицу, кому давался дворъ Жижморы (теперь мѣстечко на р. Стравѣ) и была частью Жижморскаго повѣта.— Но основною частью этого повѣта была собственная *Жижморская волость*, о которой упоминають записи короля Казимира, напр., подтвержденіе пану Станку Держковичу, „што онъ купилъ у войта у Ковекскаго у Биляря имѣнье у Троцкомъ повѣтѣ у Жижморской волости“ ⁴²⁷⁾. Управляя этой волостью при королѣ Казимирѣ *тисунз*: „Дашку Онбутовичу,—гласить одна его запись,—2 рубли въ вины въ тивуна Жижморскаго въ Гармана“ ⁴²⁸⁾. Такъ же назывался великокняжескій урядникъ Жижморской волости (Янушко) и въ началѣ кня-

⁴²¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX л. 69, 70.

⁴²²⁾ Акты Южн. и Запад. Рос. I, № 45.

⁴²³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 46, 71.

⁴²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 78, 79.

⁴²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 46.

⁴²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 46.

⁴²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 9.

⁴²⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 18.

женя Александра, какъ это отърывается изъ листа къ нему в. князи отъ 14 окт. 1494 г., содержащаго приказъ „увязать“ пана Николая Радивиловича въ десять человекъ Жижморской волости ⁴²⁹⁾. Но уже въ слѣдующемъ 1495 г. мы встрѣчаемъ по актамъ *мамъстника* Жижморскаго Оеда Янушковича (сына тивуна Янушка?), которому великій князь подтвердилъ ставъ, млыны, земли и сѣножати жидовскія на р. Мухавцѣ въ Берестейскомъ повѣтѣ ⁴³⁰⁾. Съ того времени урядникъ Жижморской волости сталъ уже постоянно именоваться *намѣстникомъ*, переимѣнивъ затѣмъ это имя на *державцу* уже незадолго до изданія Статута 1529 года ⁴³¹⁾.—Населеніе Жижморскаго повѣта вѣдалось въ отношеніи суда и управы не только мѣстнымъ урядникомъ, но также и воеводою Троцкимъ. Такъ, напр., воевода Троцкий панъ Мартинъ Гапшольдовичъ судилъ бояръ Жижморскихъ Войтка Олександровича, Павла Бенковича и Иванна Ганусовича съ приставомъ волости Жижморской Талкомъ, который хотѣлъ привлечь ихъ къ платежу дьякла, кошенью сѣна и сторожѣ при дворѣ Старыхъ Троцахъ, гдѣ хранился скарбъ великаго князя ⁴³²⁾.

Дворъ *Дорсунишки* съ волостью (теперь мѣстечко Троцкаго уѣзда на р. Нѣманѣ). Урядникъ, которому отдавался этотъ дворъ въ держанье изъ руки великаго князя, назывался обыкновенно *мамъстникомъ*. Въ 1499 г. великій князь Александръ, пожаловавъ новокрещенной жидовкѣ Яхновой Аннѣ землю въ Дорсунишскомъ повѣтѣ, извѣщалъ объ этомъ мечнаго своего, намѣстника Дорсунишкаго пана Войтеха Ивашковича, при чемъ писалъ и о повинностяхъ, которыя должны были отправляться съ этой земли: „а намъ съ нее конемъ служить путною службою, а дьяколъ ей съ тое земли не надобѣ давать, а ни иныхъ никоторыхъ службъ служить“ ⁴³³⁾. Король Сигизмундъ, пожаловавъ въ Дорсунишкахъ „близко двора Дорсунишкаго“ лѣсу на четыре версты вдоль и на три поперекъ скарбному Троцкому Васку Ивашковичу, писалъ объ этомъ воеводѣ Троцкому пану Миколаю Николаевичу Радивиловича, чтобы онъ приказалъ отвести лѣсу согласно пожалованью. Но намѣстникъ Дорсунишскій панъ Николаи Нарбутовичъ, которому воевода передалъ этотъ приказъ, не отвелъ лѣса, желая выпросить его для себя, и такъ и умеръ. Король послѣ

⁴²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 47.

⁴³⁰⁾ Ibidem, л. 60, 61.

⁴³¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 55.

⁴³²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 26.

⁴³³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 126.

того написалъ листъ о томъ же преемнику его, пану Юрью Николаевичу⁴²⁴⁾. Такимъ образомъ, кромѣ намѣстника, Дорсунишскую волость вѣдалъ и воевода Троцкій. Указанія на это находимъ и въ другихъ актахъ, напр., въ подтвердительномъ привилеѣ короля Сигизмунда, выданномъ въ январѣ 1516 г. московскому бѣглецу Ивану Тимофеевичу Плещеева Юрлову на шестьдесятъ человекъ въ Дорсунишской волости, которыхъ „обиралъ“ и въ которыхъ „увязывалъ“ по приказанію короля воевода Троцкій Григорій Станиславовичъ Остиковича⁴²⁵⁾. Въ 1518 году Сигизмундъ отдалъ Дорсунишки пану Григорію Станиславовичу „въ заставу“ въ шестисотъ копахъ грошей съ мѣстомъ и со всѣми людьми этого двора, со всѣми платами и доходами, „которые съ мѣста и съ волости Дорсунишское на насъ (т. е. короля) хоживали“. Велѣдствіе этого въ Дорсунишскую волость переставали вѣзжать урядники Троцкіе, городничій и подкючій, и не могли болѣе править господарскихъ и своихъ доходовъ⁴²⁶⁾. Но въ 1524 г. Дорсунишки были уже лъ держанѣ пана Микодая Юрьевича Заберезанскаго, который называется въ актахъ *державцею*⁴²⁷⁾. Его преемникъ, писарь Ивашко Горностаѣ, называется и намѣстникомъ, и державцею⁴²⁸⁾, при чемъ послѣднее названіе въ концѣ концовъ беретъ перевѣсъ.

Дворъ *Сомилишки съ волостью* (теперь мѣстечко Сумилишки на верховьяхъ рѣки Стравы Троцкаго уѣзда). Правителемъ этой волости въ актахъ Казимира князя и начала Александра выступаетъ *писарь*, панъ Шимко Кябортовичъ⁴²⁹⁾. Преемникъ его на урядѣ, панъ Микодай Нарбутовичъ, именуется уже *намѣстникомъ* Сомилишскимъ⁴³⁰⁾. Но, кромѣ намѣстника, волость вѣдалъ и воевода Троцкій. Такъ, воевода панъ Григорій Станиславовичъ Остиковича раздавалъ земли пустовскія въ Сомилишской волости, напр., далъ татарину Ильяшу землю Святевщину, которую король и подтвердилъ ему своимъ листомъ въ 1511 году⁴³¹⁾. Къ воеводѣ Троцкому адресованъ листъ короля, данный въ 1507 г. писарю королевы Гришку Ивановичу, — „абы ему въ

⁴²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 382.

⁴²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 114, 115.

⁴²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 16, 17.

⁴²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 157.

⁴²⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 232, 233; Акты Зап. Рос. Ц, № 149.

⁴²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Зап. IV, л. 27; V, л. 48.

⁴³⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 222, 223.

⁴³¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 11.

Сомилишскомъ повѣтѣ шесть земель подать велѣлъ“⁴⁴²). Предъ изданіемъ перваго Статута Сомилишская волость уже не отдавалась въ держанье особымъ намѣстникамъ, а управлялась непосредственно воеводою Троцкимъ, который держалъ въ ней своего намѣстника. Въ 1523 году король подтвердилъ землянину Августину Дашкевичу землю Ловневщину, которую далъ ему „до воли господарское“ воевода Троцкій князь Константинъ Ивановичъ Острожскій въ Сомилишскомъ повѣтѣ, и три пустощины, которыя ему далъ „тамъ же, у Сомилишской волости“ намѣстникъ князя воеводы Троцкій и Сомилишскій Петръ Турчиновичъ „до воли господаря своего, князя его милости“⁴⁴³). Позже, въ 1533 году, мы встрѣчаемъ по актамъ опять уже особаго *державцу* Сомилишскаго, князя Петра Тимоѣевича Мосальскаго⁴⁴⁴).

Высокій Дворъ съ волостью на р. Беркни (теперь мѣстечко Троцкаго уѣзда при р. Вершнѣ и озерѣ Марца⁴⁴⁵). Высокій Дворъ, какъ мы уже видѣли выше, одно время былъ въ держаніи тивуна Троцкаго. Позднѣе, въ 1503 году, мы встрѣчаемъ по актамъ *намѣстника* Высокодворскаго, околичнаго Смоленскаго пана Богдана Соубжича⁴⁴⁶). Въ сохранившихся перечняхъ Троцкихъ дворовъ встрѣчается обыкновенно и Высокій Дворъ⁴⁴⁷).

Дворъ Стоклишки съ волостью (теперь мѣстечко Троцкаго уѣзда на р. Ольшѣ, справа впадающей въ Вершню). При великомъ князѣ Александрѣ волость эту держалъ особый *намѣстникъ*, писарь Оедько Григорьевичъ⁴⁴⁸). Послѣ него правителемъ въ Стоклишской волости выступаетъ по актамъ королева Елена: въ 1512 году король, пожаловавъ конюшему дворному и Троцкому пану Якубу Кунцевичу тридцать служебъ тяглыхъ „у Стоклишской волости“ въ Кротинцѣ, приказалъ „увязать“ его королевѣ Еленѣ⁴⁴⁹). Королева Елена раздавала земли и по собственной инициативѣ; такъ, въ 1513 году она дала боярину Вербилу за его службу „двѣ службы людей въ Стоклишскомъ повѣтѣ“ на вѣчность, а король подтвердилъ ему своимъ листомъ⁴⁵⁰).

⁴⁴²) Лит. Метр. кн. Запис. VIII, л. 150.

⁴⁴³) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 114 115.

⁴⁴⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 153.

⁴⁴⁵) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 45.

⁴⁴⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 121, 122.

⁴⁴⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 508, 509.

⁴⁴⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 67, 154.

⁴⁴⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 17.

⁴⁵⁰) Ibidem, л. 69, 70.

По смерти королевы Елены Стоклишская волость является снова под управлением великовняжескаго намѣстника. 5 февраля 1514 года король, пожаловавъ скарбному Троцкому Вацлаву Сенковичу сѣножать Докнишки взаменъ взятой у него, писалъ до намѣстника Стоклишскаго Кретовта, „абы отмѣрилъ тое сѣножати толко, колко и его было, и ему увязанье даль“⁴⁵¹⁾. Но подобныя же порученія центральная власть возлагала и на воеводу Троцкаго. Такъ, отъ 20-го марта того же 1514 года мы имѣемъ въ записяхъ Литовской Метрики листъ, данный панѣ Ивашковой Зеновьевича Настасѣ до воеводы Троцкаго пана Григорья Станиславовича Остивовича, „абы, обравши людей и земель у Стоклишской волости, ей и дѣтемъ ея даль“⁴⁵²⁾. Въ 1521 г. король отдалъ дворъ Стоклишскій пану Якубу Кунцевичу, конюшему дворному и Троцкому, державцѣ Василишскому, Волкиницкому и Лепунскому, „въ сумѣ пѣнявей“, т. е. до уплаты долга въ 1060 копъ грошей, „въ мѣстомъ и со всеми людьми того двора“ и со всѣми доходами. „А бояръ и осочниковъ Стоклишскихъ,—гласить привилей,—маеть онъ судити и рядити по тому, какъ и первые намѣстники суживали и раживали; а панъ воевода Троцкій вжо въ тую волость дѣцкихъ своихъ не маеть всылати и людемъ судити и рядити; также врадныи наши Троцкіе: городничій, лѣсничій, тивунъ, конюшій, ключникъ, подключій, не мають въ тую волость сами вѣжчати и слугъ своихъ всылати и доходовъ нашихъ и своихъ некоторыхъ не мають правити“⁴⁵³⁾. Панъ Якубъ Кунцовичъ титуловался послѣ того намѣстникомъ, а зѣмѣ *державцею* Стоклишскимъ⁴⁵⁴⁾.

Дворъ *Бирштаны съ волостью* (теперь мѣстечко Троцкаго уѣзда на р. Нѣманѣ). При Казимирѣ и въ первые годы княженья Александра волость Бирштанская отдавалась *намѣстникамъ* въ держанье изъ руки в. князя. Въ книгахъ Казимирова княженья встрѣчаемъ, напр., слѣдующую запись: „Остаею Яцыничу три рубли грошей зъ вины у Бирштанѣхъ у Станислава Глѣбовича“⁴⁵⁵⁾. Александръ, будучи уже королемъ Польскимъ, отдалъ Бирштаны своей женѣ Еленѣ, по уполномочію которой правилъ въ Бирштанахъ кн. Матеей Микитичъ; по смерти ея Бирштаны снова поступили подъ управление великовняжескаго намѣстника, того же князя Матеея Микити-

⁴⁵¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 233.

⁴⁵²⁾ Литов. Метр. кн. IX, л. 77.

⁴⁵³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 42.

⁴⁵⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 59; XII, л. 33.

⁴⁵⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 16. VI, л. 217.

ча ⁴⁵⁶). Въ 1518 году король Сигизмундъ, взявъ у князя Матоеа двѣ съ половиною тысячи копѣ грошей для уплаты наемнымъ войскамъ, „заставилъ въ тыхъ пенязѣхъ“ дворъ Троцкаго повѣта Бирштаны „зъ бояры и зъ мѣстомъ и со всеми людьми того двора путными и данными, и тяглыми, и съ конюхи, и конокормцы, и зъ лейти, и зъ ловцы, и псары и зъ ихъ всякими службами, и зъ даными грошовыми и медовыми, и куничными, и зъ пенязми корчомными, и зъ дякы оржаными и овсяными, и зъ сѣномъ подякольнымъ, и зъ лѣсничымъ Бирштанскимъ“ ⁴⁵⁷). Князь Матоей Микитичъ именовался и послѣ того намѣстникомъ Бирштанскимъ, напр., въ „справѣ“ его съ старостою Городенскимъ паномъ Юрьемъ Миколаевичемъ Радивиловича о дворецъ подъ Вильною Ествилишки и землю Являтишку ⁴⁵⁸). Позже онъ именуется уже *державцею* Бирштанскимъ, напр., въ королевскомъ подтвержденѣ (28 сентября 1522 г.) боярину Бирштанскаго повѣта Ѳедьку Игнатевичу четырехъ земель пустыхъ въ этомъ же повѣтѣ, данныхъ ему княземъ Матоеемъ ⁴⁵⁹).

Дворъ *Пуня съ волостью* (нынѣ мѣстечко Виленской губ. Троцкаго уѣзда на берегу Нѣмана). Урядникъ, державшій эту волость изъ руки великаго князя, назывался *намѣстникомъ*. Такъ, въ записяхъ Казимира княженя читаемъ: „Дремликъ два рубли грошей зъ винъ въ Пуньскаго намѣстника“ ⁴⁶⁰). Въ актахъ княженя Александра мы встрѣчаемъ съ титуломъ намѣстника Пуньскаго, напр., пана Станислава Бартошевича ⁴⁶¹), а затѣмъ пана Александра Ивановича Ходкевича ⁴⁶²). При Сигизмундѣ во время изданья перваго Статута намѣстникомъ Пуньскимъ и Волеиницкимъ былъ тивунъ Троцкій панъ Мацео Кунцевичъ ⁴⁶³). Позднѣе въ одномъ перечнѣ державцевъ Троцкаго повѣта (около 1533 года) упоминается *державца* Мерецкій и Пунскій панъ Заберезинскій ⁴⁶⁴).

Дворы *Олита и Немонойти съ волостями* (теперь мѣстечки

⁴⁵⁶) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 87.

⁴⁵⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 6, 7.

⁴⁵⁸) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 89, 90.

⁴⁵⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 28.

⁴⁶⁰) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 84.

⁴⁶¹) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 79, 80.

⁴⁶²) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXII; Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 314.

⁴⁶³) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 3, 4.

⁴⁶⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 620, 621.

Трокскаго уѣзда на рѣкѣ Нѣманѣ), которые обыкновенно отдавались „въ держанье“ одному и тому же лицу. При Казимирѣ это лицо называлось *тывуномъ* Олитскимъ и Немонойтскимъ, какъ это отгрывается, напр., изъ слѣдующей записи: „Михаилу Бѣлоусовичу полтина грошей зъ вины въ тывуна Немонойтскаго и Олитскаго у Олехна Нетевича“⁴⁶⁵). Кухмистръ Петръ Олехновичъ, державшій Олиту и Немонойти при великомъ князѣ Александрѣ, назывался уже *намѣстникомъ* Олитскимъ и Немонойтскимъ, напр., въ листѣ къ нему великаго князя отъ 22 юля 1494 г., содержащемъ приказъ дать нѣкоторымъ господарскимъ людямъ „у-въ Олитскомъ повѣтѣ“ земли въ Буковѣ островѣ взаимнѣ тѣхъ, которыя отобраны у нихъ для тывуна Троцкаго Михна Ивановича тоже „въ Троцкомъ повѣтѣ у-въ Олитской волости“⁴⁶⁶). Въ 1506 году король Александръ отдалъ дворъ свой Немонойти маршалку земскому, старостѣ Городенскому, пану Яну Юрьевичу „заставнымъ обычаемъ“ въ 2500 копъ грошей, а дворъ Олиту „вѣчно“⁴⁶⁷); король Сигизмундъ въ слѣдующемъ году подтвердилъ за нимъ этотъ послѣдній дворъ и съ дворцомъ Синномъ въ числѣ прочихъ его выслугъ⁴⁶⁸). Что же касается двора Немонойтскаго, то отъ пана Яна Юрьевича Заберезинскаго онъ перешелъ „заставнымъ обычаемъ“ въ сына его, воеводѣ Новгородскому, старостѣ Дорогицкому, пану Яну Яновичу въ 1515 году⁴⁶⁹), а въ 1519 году на вѣчность⁴⁷⁰).

Дворъ *Довки* съ волостью (нынѣ мѣстечко Дауги Трокскаго уѣзда при озерѣ того же имени). При Казимирѣ и въ первые годы Александрова княженья дворъ этотъ держалъ великокняжескій *тывунъ*, именно панъ Миколай Дорзгевичъ⁴⁷¹). Въ послѣдніе годы Александрова княженья въ Довговскомъ повѣтѣ по актамъ распоряжается уже *намѣстникъ* великаго князя, именно панъ Юрій Якубовичъ Довойновича: когда король Александръ пожаловалъ боярину Михаилу Важевичу три земли пустовскихъ въ этомъ повѣтѣ, намѣстникъ Довговскій панъ Юрій „увязалъ“ его только въ одну изъ нихъ, а двѣ другихъ не далъ „для того, што жъ отчычи по одному чоловіку къ

⁴⁶⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 17.

⁴⁶⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 45, 243, 244.

⁴⁶⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 13.

⁴⁶⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 129, 130.

⁴⁶⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 229.

⁴⁷⁰) *Bonięckiego* Poczet rodów w. W. K: Litewskiem w XV i XVI w. Spis dygnitarzy i urzędników, str. XXV.

⁴⁷¹) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 76; IV, 69.

тымъ землицамъ озвалися“, и далъ ему взамятъ ихъ пустую землю, Лѣсишекъ ⁴⁷²⁾). Преемникомъ пана Юрья по актамъ является панъ Богущъ Боговитиновичъ съ титуломъ тоже намѣстника ⁴⁷³⁾). Въ 1516 году панъ Богущъ получилъ дворъ Довьги „въ заставу“ до уплаты королемъ 600 копъ грошей, взятыхъ у него для уплаты „служебнымъ“, „зъ мѣстомъ и со всеми людьми Довьговскими данными и тяглыми, и съ конюхи, и зъ лейти, и съ коноворци и со всеми ихъ службами, и зъ данными грошовыми и медовыми, и съ корчомными пѣнзми, и зъ дякы со ржаными и овсяными, и зъ сѣномъ подякольнымъ, и съ пентиники, и съ колодиною, и ставы, и зъ млыны, и съ озеры и со всеми иными поплатки и пожитки, которыи зъ мѣста и зъ волости Довьговское на насъ (т. е. господара) хоживали“. По привилею, данному королемъ пану Богущу, воевода Троцкій уже не имѣлъ права всылать своихъ дѣцкихъ въ Довьговскую волость и судить людей „тое волости повѣта Довьговского“, а равно и урядники Троцкіе: городничій, тивунъ и ключникъ, не имѣли уже права всылать слугъ своихъ въ волость двора Довьговскаго и править свои и господарскіе доходы. Воевода долженъ былъ только переписать все наличное имущество Довьговскаго двора, „што будетъ на тотъ часъ въ томъ дворѣ жита ярого и въ гумнѣ и на поли посѣяного и животины и иныхъ рѣчей“, и инвертарные списки хранить у себя до того времени, когда дворъ изъ заставы перейдетъ снова въ держанье. Король обѣщался и по уплатѣ долга пану Богущу оставить Довьги въ его держаньѣ „до живота“ согласно прежде данному привилею ⁴⁷⁴⁾). Въ 1518 году король во второй разъ заставилъ дворъ Троцкаго повѣта Довьги съ волостью въ семисотъ копахъ грошей пану Юрию Немировичу ⁴⁷⁵⁾). Два года спустя мы видимъ дворъ Довьги „въ держаньѣ“ воеводы Новгородскаго пана Яна Яновича Заберезинскаго, который именуется уже въ актахъ *державцею* Довьговскимъ ⁴⁷⁶⁾).

При впаденіи рѣки Меречанки въ Нѣманъ находился господарскій дворъ Троцкаго повѣта *Меречь съ волостью* (нынѣ мѣстечко Троцкаго уѣзда). Меречь при королѣ Казимирѣ отдавался въ держанье особому *намѣстнику*, какъ это видно, напр., изъ привилея жиду Городенскому Еньбу Яцковичу на мостовое Городенское и бочечное

⁴⁷²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 186.

⁴⁷³⁾ Акты Зап. Рос. II, № 61, 90.

⁴⁷⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 110.

⁴⁷⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X., л. 10.

⁴⁷⁶⁾ Ibidem, л. 29.

пожѣрное Мерецкое отъ 27 іюня 1486 г. ⁴⁷⁷⁾ Намѣстниками же Мерецкими назывались и лица, чинившія судъ и управу въ Мерецѣ при великомъ князѣ Александрѣ: панъ Станиславъ Глѣбовичъ, панъ Григорій Станиславичъ Остиковича, князь Михаилъ Львовичъ Глинскій ⁴⁷⁸⁾; но панъ Юрій Пацовичъ, являющійся по актамъ преемникомъ князя Глинскаго, называется уже *державцею* ⁴⁷⁹⁾. Впрочемъ, названіе это не сразу упрочилось за урядникомъ Мерецкаго повѣта, и въ первые годы Сигизмундова княженія мы снова встрѣчаемъ по актамъ намѣстниковъ Мерецкихъ ⁴⁸⁰⁾. Въ 1518 г. король отобралъ у державцы Мерецкаго пана Юрѣя Глѣбовича дворъ Троцкаго повѣта Мерець съ волостью и далъ ему взамѣнъ дворъ Волковыйскій „въ держаніе до его живота“, а дворъ Мерець „зъ мѣстомъ и зъ дворцы Мерецкими и со всеми людьми Мерецкаго повѣта“ заставилъ пану Станиславу Григорьевичу Остиковича въ 1000 копахъ грошей ⁴⁸¹⁾. По смерти пана Станислава Остиковича, въ 1520 году, король позволилъ пану Яну Яновичу Заберезинскому отложить наслѣдникамъ Станислава Остиковича 1000 копъ грошей и взять у нихъ дворъ Мерець „на выбираніе пенязей“ въ теченіе четырехъ лѣтъ, а затѣмъ въ держанье на правахъ намѣстника. Привилей, выданный по сему случаю пану Яну Яновичу, опредѣлялъ: „А маеть онъ зъ людей нашихъ службы и платы мѣти, которые передъ тымъ на насъ бывали, а вышей того служобъ и платовъ некоторыхъ не маеть онъ на людей нашихъ собѣ примышляти. И въ тую чотыри годы не маеть панъ воевода Троцкій въ тую волость дѣцкихъ своихъ всылати и людемъ судити и рядити; также врадники наши Троцкіе: городничій, лѣсничій, тивунъ, конюшій, ключникъ, подклучій, не мають въ тую волость сами вѣждчати и слугъ своихъ всылати и доходовъ нашихъ и своихъ некоторыхъ не мають правити“ ⁴⁸²⁾. Въ слѣдующемъ 1521 году панъ Янъ Яновичъ Заберезинскій долженъ былъ уступить дворъ Мерець старостѣ Городенскому пану Юрѣю Николаевичу, который, обязавшись уплатить ему 1000 копъ грошей, королю эти деньги „спустилъ“ и, кромѣ того, далъ ему еще наличностью („готовизною“) 100 золотыхъ червонныхъ угорскихъ. Панъ Юрій бралъ дворъ Мерець въ держанье только съ тѣми доходами,

⁴⁷⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 19, 20.

⁴⁷⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 19, 54; VI, л. 206.

⁴⁷⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 241, 242.

⁴⁸⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 76, 87.

⁴⁸¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 11, 12.

⁴⁸²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 29.

„которые передъ тымъ, — какъ гласитъ выданный ему королевскій привилей, — на вранниковъ нашихъ хоживали“; съ своей стороны король обязался не отдавать Мереча никому въ заставу, „а ни его съ того двора рушати до его живота“ ⁴⁸³). Но передача Мереча пану Юрью Миколаевичу на дѣлѣ не состоялась, и панъ Янъ Яновичъ до самаго изданія Статута 1529 года является по актамъ державцею Мерецкимъ ⁴⁸⁴).

Великокняжескій дворъ *Перелая съ волостью* (нынѣ мѣстечко Прелай на р. Меречанкѣ Трокскаго уѣзда). При Казимирѣ и въ первые годы Александра княженя волостью этой завѣдывалъ *тиоунъ*, подчиненный Троцкому воеводѣ, какъ высшей инстанціи. Воевода Троцкий, напр., судилъ тивуна Перелайскаго Михаила Вяжевича съ нѣкоторыми подданными Перелайчанами, которые жаловались на него, что онъ имъ дѣлаетъ „бривды“ и вводитъ „новины“, и въ этомъ дѣлѣ нашель ихъ правыми и выдалъ имъ на то свой листъ, получившій затѣмъ 22 мая 1496 года санецію самого великаго князя ⁴⁸⁵). Послѣ Михаила Вяжевича мы встрѣчаемъ по актамъ уже *намѣстника* Перелайскаго пана Богуша Боговитиновича ⁴⁸⁶). Въ 1521 году король Сигизмундъ отдалъ дворъ Перелая „у хлѣбокормленіе“ окольнику Смоленскому пану Михаилу Басѣ до очищенья его имѣній отъ непріятеля Московскаго. Привилей, выданный при этомъ Басѣ, гласитъ: „маеть онъ тотъ дворъ нашъ держати со всимъ съ тымъ, какъ ся въ собѣ маеть, и со всеми тыми доходы, которые на насъ прихоживали и на вранниковъ нашихъ, съ володиною и съ пентинницкими пенези и зъ иными доходы вранниковъ нашихъ Троцкихъ“. Панъ Михаилъ долженъ былъ только „поднимать“ короля „стаціями“, т. е. давать извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ на короля и его свиту во время проѣзда ихъ въ этой мѣстности ⁴⁸⁷). По смерти пана Михаила Басы, въ 1526 году, король отдалъ Перелая на тѣхъ же основаніяхъ сыну его Ивану ⁴⁸⁸).

Дворы *Волжиники и Лепунь съ ихъ волостями* (нынѣ мѣстечко Олькеники на р. Меречанкѣ Трокскаго уѣзда и сельцо Лейпуны въ Декшнянсвой волости того же уѣзда, населенное евреями). Оба эти двора обыкновенно отдавались въ держанье одному и тому же лицу,

⁴⁸³) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 40, 41.

⁴⁸⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 35; XV, л. 1, 23 и др.

⁴⁸⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 75, 76.

⁴⁸⁶) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329.

⁴⁸⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 63.

⁴⁸⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 293.

которое въ актахъ изучаемаго времени называется большею частью *наместникомъ* Волкиницкимъ и Лепунскимъ. При Александрѣ и Сигизмундѣ долгое время въ этой должности былъ панъ Якубъ Кунцовичъ, бывший вмѣстѣ съ тѣмъ конюшимъ дворнымъ и Троцкимъ ⁴⁸⁹). Въ 1516 году король отдалъ пану Якубу Кунцовичу, наместнику Волкиницкому и Лепунскому, лѣсничему Городенскому, дворы „Троцкого повѣту“ Лепунъ и Волкиники въ заставу въ 400 копахъ грошей съ дворцами Нарвидишками и Начишками, съ мѣстами и съ людьми волостными, „и со всеми платы и пожитки, которыя зъ мѣсть и зъ волостей тыхъ дворовъ нашихъ на насъ (т. е. господара) хоживали“. „А бояръ нашихъ повѣту Лепуньского и Волкиницкого,—гласить выданный пану Якубу Кунцовичу заставной листъ,—маеть онъ судити, какъ и передъ тымъ; а панъ воевода Троцкій въ тыи волости не маеть дѣцкихъ своихъ всылати; и вжо враники наши Троцкіи: городничій, тивунъ и ключникъ, не мають у волости тыхъ дворовъ нашихъ всылати и доходовъ своихъ тежъ не мають правити“ ⁴⁹⁰). Въ актахъ, изданныхъ послѣ 1516 года, панъ Якубъ Кунцовичъ называется и наместникомъ, и *державцею* Волкиницкимъ и Лепунскимъ. Въ заставныхъ привилеяхъ, напр., выданныхъ ему въ 1518 году на дворъ Васишки и въ 1521 году на дворъ Стоклишки, онъ названъ державцею Волкиницкимъ и Лепунскимъ ⁴⁹¹); но въ одномъ актѣ 1521 года онъ названъ наместникомъ ⁴⁹²). Съ 1525 г. въ должности наместника Волкиницкаго и Лепунскаго мы встрѣчаемъ по актамъ тивуна Троцкаго Мацеа Кунцовича, очевидно, родственника пана Якуба, брата или сына ⁴⁹³).

Дворъ господарскій *Ейшишки съ волостью* (нынѣ мѣстечко Эйшишки на р. Версокѣ, впадающей въ Меречанку, Лидскаго уѣзда Виленской губерніи). Въ Ейшишкахъ судъ и управу чинилъ при великомъ князѣ Александрѣ его *наместникъ*; акты упоминають въ этой должности подкоморія пана Петра Радивиловича ⁴⁹⁴). При Сигизмундѣ Ейшишки держалъ также подкоморій, панъ Андрей Якубовичъ До-

⁴⁸⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 243, 244; VII, л. 572.

⁴⁹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 158.

⁴⁹¹) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 19, 41, 42.

⁴⁹²) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 59.

⁴⁹³) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 270, 271, XV, л. 3, 4.

⁴⁹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 71.

войновича ⁴⁹⁵). Въ 1515 году король взялъ у него 500 копъ грошей и въ этихъ деньгахъ заставилъ ему дворъ Ейшишки и *Воряне*, „што къ тому двору прислухаеть“ (нынѣ мѣстечко Ораны на р. Меречанкѣ Троекаго уѣзда), со всѣми людьми повѣта Ейшишскаго, со всѣми ихъ службами и со всѣми платами и пожитками, которые ранѣе того шли на короля. Въ заставномъ листѣ находимъ и обычный пунктъ о томъ, что воевода Трокій „не маеть у волости того двора дѣлкихъ своихъ всылати и людей волостныхъ передъ себе ку праву ставити“, равно и другіе урядники Троцкіе: городничій, тивунъ и ключникъ „не мають тежъ ни по што въ тую волость всылати“. По уплатѣ королевъ долга панъ Андрей долженъ былъ сдать дворъ съ житою, челядью, конями, животиною и со всѣмъ другимъ, съ чѣмъ у него тотъ дворъ былъ въ заставѣ, по описи, которую король поручилъ составить воеводѣ Троцкому, и затѣмъ „къ нашей (т. е. господарской) руцѣ держати, какъ передъ тымъ держаль“ ⁴⁹⁶). Въ актахъ послѣ 1515 г. панъ Андрей Явубовичъ именуется обыкновенно *державцею* Ейшишскимъ, напр., въ привилеѣ, выданномъ ему 20 іюня 1520 года на держанье дворовъ Коневы и Дубичъ до живота ⁴⁹⁷).

Дворъ *Радунь съ волостью* (нынѣ мѣстечко Лидскаго уѣзда на р. Радунѣ, впадающей въ Дзиту, правый притокъ Нѣмана). При Казимирѣ Радунью завѣдывалъ великокняжескій *тивунъ*: въ 1488 году король, пожаловавъ подкониюшему Петру землю пустую Андрейковщину въ Радуньскомъ повѣтѣ, извѣщалъ объ этомъ тивуна Радуньскаго Сенька Андрюшевича ⁴⁹⁸). При великомъ князѣ Александрѣ въ качествѣ администратора въ Радуньскомъ повѣтѣ встрѣчаемъ уже *намѣстника*. Въ 1496 году великому князю жаловались бояре Радуньскіе Олехно Андреевичъ, Андрей Нецевичъ и Нацко съ братьею на намѣстника Радуньскаго Януша Костевича (ранѣе онъ былъ тивуномъ Радуньскимъ ⁴⁹⁹), „што жъ имъ велѣлъ сѣно косити и дякло давати и за то ихъ былъ самыхъ поималъ и въ нятствѣ держалъ и домъ ихъ пограбилъ“, между тѣмъ какъ они изъ рода суть бояре, „сѣна не кошивали и дяколъ не даивали“. Бояре ссылались на то, что у нихъ изъ за этого ранѣе былъ уже судъ съ приставомъ и волостью Радуньскою предъ воеводою Троцкимъ паномъ Андреемъ Саковичемъ, и

⁴⁹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 475.

⁴⁹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 230, 231.

⁴⁹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 54.

⁴⁹⁸) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 71.

⁴⁹⁹) *Bonieskiego* Poczet rodów. Spis dygnitarzy i urzędników, str. VII.

панъ Андрей ихъ оправлял. Великій князь съ своей стороны также ихъ оправлял и писалъ намѣстнику Радуньскому: „не надобѣ имъ сѣна косити и дяволь давати, и мають они намъ служити службою тою, какъ иншіе бояре шляхта“⁵⁰⁰). Изъ приведеннаго акта видно, что Радуньская волость, кромѣ своего намѣстника, подвѣдома была въ отношеніи высшаго суда и управы и воеводѣ Троцкому. Иногда король съ своими распоряженіями, касающимися волости Радуньской, обращался прямо къ воеводѣ Троцкому. Такъ, въ 1509 году, пожаловавъ толмачу Рамадану людей „въ Радуньской волости“, съ которыхъ, по его показанію, шло четыре службы, и двѣ земли пустовскихъ, король поручилъ обо всемъ этомъ доувѣдаться воеводѣ Троцкому пану Николаю Маволаевичу и, если все окажется такъ, какъ повѣдалъ Рамаданъ, дать ему въ людей и земли „увязанье“⁵⁰¹). Но подобныя же порученія давались и намѣстнику Радуньскому. Въ 1510 г. король, пожаловавъ боярину Андрею Михновичу землю пустую въ Радуньскомъ повѣтѣ Мицутышви, писалъ до маршалка своего, намѣстника Радуньскаго, пана Януша Костевича, „если будетъ пуста, абы ему увязанье далъ“⁵⁰²). Панъ Янушъ Костевичъ въ одной записи о пожалованіи землею мѣщанина Витебскаго въ 1514 году названъ *державцею* Радуньскимъ⁵⁰³), хотя позднѣе, въ записи 1518 года о пожалованіи человѣку Радуньской волости Сеньку Дашковичу земли пустовской Мелевщины въ Радуньскомъ повѣтѣ на особную тяглую службу и дякло, онъ поименованъ по прежнему намѣстникомъ Радуньскимъ⁵⁰⁴). Вообще, названіе державца, хотя и преобладало въ концѣ изучаемаго времени, но не было исключительнымъ въ приложеніи къ уряднику Радуньскаго повѣта. Панъ Янушъ Костевичъ въ качествѣ державцы Радуньскаго встрѣчается по актамъ до самаго изданія Статута 1529 года⁵⁰⁵).

Дворы *Дубичи* и *Конева* съ волостью (нынѣ мѣстечко Дубичи при озерѣ Пелесы и сельцо Канева на р. Начѣ, впадающей въ озеро Пелесы, Лидскаго уѣзда). Дворъ Конева первоначально былъ состав-

⁵⁰⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 73, 74.

⁵⁰¹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 306, 307. Срав. Акты Зап. Рос. II, № 119.

⁵⁰²) Лит. Метр. кн. Запис. VIII, л. 471.

⁵⁰³) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 89.

⁵⁰⁴) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 19.

⁵⁰⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 68, 69; XV, л. 3, 4. Археогр. Сб. Собр. никъ, изд. въ Вильнѣ, т. 1, № 15.

ною частью Дубицкой волости. Въ книгѣ земельныхъ раздачъ короля Казимира подъ оглавленіемъ „Дубичское волости“ находимъ слѣдующую запись: „Васку Радивоновичу Конева со всимъ, што Коневъ слушаетъ, а дворца не даль, а противъ дворца двадцать человекъ Дубичское волости“⁵⁰⁶). Ниже находится слѣдующая запись: „Васку Слобейву Конева, дворъ княжій въ Дубичохъ“⁵⁰⁷). Впослѣдствіи Конева со всѣмъ, что къ ней тянуло, является въ качествѣ особой волости, хотя и въ держаннѣ того же лица, кому отдавались Дубичи. Такимъ образомъ, въ книгѣ денежныхъ раздачъ конца Казимирова княженія читаемъ: „Подконюшему Петру полтора рубля въ Дубицкого и Коневского (*титуна*) въ Петрашка Радивиловича въ винъ“⁵⁰⁸). При Александрѣ и въ первые годы Сигизмундова княженія *намѣстникомъ* Дубицкимъ и Коневскимъ былъ кухмистръ великой княгини Елены панъ Миколай Юндиловичъ⁵⁰⁹), по смерти котораго, около 1516 года, Дубичи и Конева перешли въ брату его Яну Юндиловичу⁵¹⁰). Янъ Юндиловичъ держалъ эти дворы „въ заставѣ“, т. е. пользовался съ нихъ не только намѣстничьими, но и великокняжескими доходами, въ видѣ процентовъ на 6000 копъ грошей, которыми онъ ссудилъ короля „для великое потребности его и земское“. Къ 1520 году король дозволилъ державцѣ Ейшишскому пану Андрею Якубовичу Довойновича выкупить у Яна Юндиловича Коневу и Дубичи и далъ ему эти дворы „въ держанье до живота“ со всѣми намѣстничьими доходами, при чемъ панъ Андрей шестью стами копъ, отданными на выкупъ, „даровалъ“ короля⁵¹¹). Панъ Андрей Якубовичъ Довойновича въ актахъ называется обменовенно *державцею* Ейшишскимъ, Коневскимъ и Дубичскимъ⁵¹²). Но кромѣ намѣстника-державцы, Дубицкую и Коневскую волость вѣдалъ въ качествѣ высшаго судьи и администратора воевода Троцкий. Король Сигизмундъ, желая пожаловать боярину Смоленскому Мурину Ивановичу Алексѣевича имѣнье, писалъ до воеводы Троцкого пана Григорья Станиславовича Остиковича, „абы казалъ, обыскавши у Коневскомъ повѣтѣ чотыры чоловѣки татыхъ а двѣ земли пустыхъ на дворную пашню, и казалъ ему въ то увязанье дати“. Воевода съ сво-

⁵⁰⁶) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 47.

⁵⁰⁷) Ibidem, л. 72.

⁵⁰⁸) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 52.

⁵⁰⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 2, 54; VIII, л. 482, 483.

⁵¹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 118, 119.

⁵¹¹) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 54.

⁵¹²) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 206 и др.

ей стороны отдавъ объ этомъ приказъ намѣстнику Дубицкому пану Яну Юндилевичу ⁵¹³).

Дворъ *Перевалка съ волостью* (нынѣ село Переволокъ на Нѣманѣ, выше впаденія въ него Меречанки, Гродненскаго уѣзда). Дворъ этотъ отдавался въ держанье особому *намѣстнику*, который при Сигизмундѣ сталъ называться также и *державцею*. Такимъ образомъ, напр., писарь Копоть Васильевичъ въ привилеѣ, выданномъ 19 ноября 1516 года пану Богусу Боговитиновичу на дворъ Жуково Луцкаго повѣта, написанъ намѣстникомъ Перевальскимъ, а въ привилеѣ, выданномъ 25 ноября того же года ему самому на дворъ Вейсей въ Перевальскомъ повѣтѣ, названъ державцею Перевальскимъ ⁵¹⁴). И позднѣе оба эти названія чередуются въ приложеніи къ уряднику Перевальскаго повѣта: въ привилеѣ землянину Волынскому Олехну Козинскому на два дворища въ Луцкомъ повѣтѣ отъ 4 іюля 1518 года Копоть Васильевичъ названъ намѣстникомъ, а на другомъ документѣ того же года державцею Перевальскимъ ⁵¹⁵). Кромѣ намѣстника-державцы органомъ государственнаго управленія въ Перевальскомъ округѣ былъ и воевода Троцкій. Король Сигизмундъ по просьбѣ Смоленскаго боярина Филиппа Алексѣевича „осмотрѣть“ его какимъ-нибудь „хлѣбокормленіемъ“ писалъ до воеводы Троцкаго пана Григорія Станиславовича Остивовича, „ажбы онъ базалъ, обыскавши у Троцкомъ повѣтѣ у Перевальской волости пять челоуѣковъ служобъ тяглыхъ а двѣ земли пустыхъ, и его въ тѣи люди и земли увязати“. Въ исполненіе этого приказа воевода послалъ своего служебника Миколая Полуботка, который вмѣстѣ съ намѣстникомъ Перевальскимъ Ѳедкомъ Святошемъ обыскалъ и людей, и земли ⁵¹⁶).

Дворы *Ожа и Переломъ съ волостями* (нынѣ село Гожа и деревня Переломъ на р. Нѣманѣ въ Гродненскомъ уѣздѣ). Подобно Дубичамъ и Коневѣ дворы эти отдавались въ держанье обыкновенно одному и тому же лицу. Такимъ образомъ, напр., въ книгахъ короля Казимира находимъ записъ о пожалованіи вѣному Бартошу Дитриховичу двухъ рублей „въ винъ у Ожи и Переломѣ“ у Яцка Падейковича (*тисуна* ⁵¹⁷). Тивуномъ Ожскимъ и Переломскимъ при Казимирѣ былъ

⁵¹³) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 84, 85.

⁵¹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 591, 592; 628; VI, л. 197.

⁵¹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 1, 65.

⁵¹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 174.

⁵¹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 54.

также и Михаилъ Кибортовичъ ⁵¹⁸). Отъ 1494 года мы имѣемъ листъ великаго князя Александра уже до *намѣстника* Переломскаго и Ожскаго пана Андрея Олехновича, содержащій подтвержденіе на землю Рымтишки, которую панъ Андрей далъ людямъ Норовичамъ Переломской волости на особную „дывольную“ службу ⁵¹⁹). Послѣ пана Андрея Олехновича намѣстникомъ Ожскимъ и Переломскимъ при Александрѣ былъ князь Иванъ Львовичъ Глинскій. При Сигизмундѣ съ тѣмъ же титуломъ встрѣчаемъ пана Войтека Нарбутовича и ловчаго, пана Миколая Юрьевича Пацовича ⁵²⁰). Слѣдующій за ними панъ Юрій Яновичъ Заберезинскій, упоминаемый въ актахъ 1516 года, называется и намѣстникомъ, и *державцею* Ожскимъ и Переломскимъ ⁵²¹). Послѣднее названіе по актамъ устанавливается болѣе или менѣе прочно за преемниками пана Заберезинскаго, воеводою Подляшскимъ Янушемъ Костевичемъ и воеводою Полоцкимъ, старостою Дорогичскимъ, паномъ Петромъ Станиславовичемъ, которые держали Ожу и Переломъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XVI столѣтія ⁵²²).

Дворъ *Василишки* съ волостью (нынѣ мѣстечко Лидскаго уѣзда Виленской губ.) При Александрѣ въ качествѣ *намѣстниковъ* Василишскихъ упоминаются, напр.: князь Василий Львовичъ Глинскій, которому король въ 1503 году подтвердилъ особымъ листомъ имѣнье въ Василишскомъ повѣтѣ ⁵²³), и гетманъ Панъ Станиславъ Петровичъ, подписанный въ числѣ пановъ рады въ подтвердительномъ привилеѣ на имѣнья, выданномъ въ 1505 г. городничему Городенскому пану Ѳедку Гавриловичу Мелешковича ⁵²⁴). Тотъ же самый панъ Станиславъ Петровичъ въ судномъ листѣ 1506 г. по дѣлу „о вгвалтахъ и головщинахъ“, подѣланныхъ въ имѣньяхъ дворянъ Завишей, названъ уже державцею Василишскимъ ⁵²⁵). При Сигизмундѣ Василишками завѣдывалъ намѣстникъ панъ Янъ Янубовичъ Щитовича ⁵²⁶). Въ 1515 году король, взявъ у „пана Яна шестьсотъ копъ грошей, заставилъ ему въ этой суммѣ дворъ свой Троцкаго повѣта Василишки

⁵¹⁸) *Bonickiego* Poczet rodów. Spis dygnitarzy i urzędników, str. VI, VII.

⁵¹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 16, 36, 37; Акты Зап. Рос. I, № 207.

⁵²⁰) Акты Зап. Рос. II, № 50; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 353, 354.

⁵²¹) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 629, 630.

⁵²²) Акты Зап. Рос. II, № 119, 164.

⁵²³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 219.

⁵²⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 245, 246.

⁵²⁵) *Ibidem*, л. 291.

⁵²⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 163; VII, л. 573—575.

„со всеми людьми повѣта Василишского“, со всѣми ихъ службами и со всѣми „поплатки и пожитки, которыи зъ мѣста и зъ волости Василишское на насъ хоживали“. „И вжо панъ воевода Троцкій, гласить заставной листъ, выданный пану Яну Щитовичу,—не маеть въ туя волость дѣцкихъ своихъ всылати, а и врадники наши Троцкіи: городничій, тивунъ и ключниѣ, не мають ни по што у волость того двора нашего всылати и доходовъ своихъ тежъ не мають правити“⁵²⁷). Янъ Якубовичъ Щитовича вскорѣ послѣ того умеръ, а дворъ Василишскій перешелъ сначала въ держанье, а потомъ, въ 1518 году, въ заставу въ 1000 копахъ грошей къ пану Якубу Кунцовичу. Въ выданномъ ему заставномъ листѣ между другими его правами отмѣчено также: „а бояръ и осочниковъ Василишскихъ маеть онъ судити и ридити по тому, какъ и первые врадники наши“⁵²⁸). Въ этомъ заставномъ листѣ, а равно и въ другихъ документахъ, издававшихся послѣ, онъ называется *державцею* Василишскимъ, равно какъ и его преемникъ, панъ Янъ Миколаевичъ, Радивиловича⁵²⁹).

Новый дворъ съ волостью (нынѣ мѣстечко Лидскаго уѣзда). О *намыстникѣ* Новодворскомъ упоминаеть, напр., подтвержденье на имѣнье, выданное въ 1499 году в. княземъ Александромъ казначею Смоленскому кн. Константину Федоровичу Крошинскому⁵³⁰). Король Сигизмундъ отдавалъ Новый Дворъ въ держанье кн. бискупу Виленскому, который въ 1522 году въ качествѣ державцы ходатайствовалъ предъ королемъ о дозволении путному челоуѣку „Городенскаго повѣту“ Тому Петровичу, имѣвшему землю въ Новомъ Дворѣ, служить именно къ Новому Двору, такъ какъ „на двое тотъ челоуѣкъ тамъ служить не можетъ“⁵³¹).

Господарскій дворъ *Остринь съ волостью* (теперь мѣстечко Острино при рѣчкѣ Остринкѣ, впадающей въ Котру, правый притокъ Нѣмана Лидскаго уѣзда). По книгамъ княженя Казимира, Остринская волость является владѣніемъ великаго князя, въ которомъ онъ раздаеть земли и деньги „зъ винъ“, собираемыхъ на мѣстѣ его урядниками⁵³²). Эти урядники обозначены не должностнымъ своимъ именемъ, а личнымъ. Аеты княженя Александра и Сигизмунда называ-

⁵²⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 229, 230.

⁵²⁸) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 19.

⁵²⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 70, 71; 128, 129.

⁵³⁰) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 91, 92.

⁵³¹) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 32, 33.

⁵³²) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 73; IV л. 60 и др.

ють ихъ *наместниками*. Такъ, напр., согласно привилею, выданному въ 1501 году мѣщанину Василишскому Кузьмѣ на землю Воликовщину „у-въ Остринской волости“, показанье этого мѣщанина, „што жъ то земля есть боярская, а давно лежитъ пуста“, подтверждалъ на-мѣстникъ Остринскій кн. Глѣбъ Пронскій ⁵³³). Въ 1510 году 20 сентября король Сигизмундъ выдалъ конюху дворному Жолверу подтвержденье на поле дворное Хмѣлицо съ болотомъ Онихимовскимъ, которыя далъ ему панъ Ѳедко Хребтовичъ, бывшій наместникъ Остринскій; подтвержденье это дано на имя наместника Остринскаго Станислава Скандера съ приказомъ: „и ты бы въ тое поле не велѣлъ никому ся вступати“ ⁵³⁴). Но слѣдующій по актамъ урядникъ Остринскаго повѣта, панъ Александръ Ивановичъ Ходкевича, называется уже *державцею* ⁵³⁵). Въ 1520 году король, задолжавъ пану Александру Ивановичу 500 копѣ грошей, отдалъ ему „дворъ свой Троцкого повѣта Острину до выбранья суммы его на три годы, а потомъ врядомъ до его живота“ ⁵³⁶). Въ держаньѣ пана Александра Ходкевича дворъ этотъ пробылъ до конца изучаемаго периода ⁵³⁷).

Господарскій дворъ *Жолудокъ съ волостью* (нынѣ мѣстечко Лидскаго уѣзда на р. Жолудчанкѣ, притокѣ Нѣмана). Юрій Стырнелъ, чинившій судъ и управу въ этой волости въ концѣ княженья Казими-рова и въ началѣ княженья Александра, называется въ актахъ *тивуномъ* Жолудскимъ ⁵³⁸); впрочемъ, въ судебномъ спискѣ 1493 года по дѣлу его съ коморникомъ Индриховичемъ о землѣ онъ названъ на-местникомъ Жолудскимъ, хотя въ привилеѣ, выданномъ ему въ 1495 году на землю съ людьми въ Кревскомъ повѣтѣ, онъ названъ по прежнему тивуномъ ⁵³⁹). Преемникъ его по уряду, конюшій дворный панъ Мартинъ Хребтовичъ, титулуется въ актахъ *наместникомъ* Жолудскимъ ⁵⁴⁰). Урядники, державшіе Жолудокъ при Сигизмундѣ до 1516 года называются также обыкновенно наместниками. Такъ, въ 1511 году король извѣщалъ наместника Жолудскаго пана Шимка Кибор-

⁵³³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 194.

⁵³⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 99, 100.

⁵³⁵) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 3, 4, 35.

⁵³⁶) Ibidem, л. 45.

⁵³⁷) Акты Зап. Рос. II, № 164. Археографич. Сборникъ, издан. въ Вильнѣ, т. I, № 15.

⁵³⁸) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 26; V, л. 11.

⁵³⁹) Литов. Метр. кн. Борон. Перепис. XXVII, л. 15; кн. Зап. V, л. 39.

⁵⁴⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 194.

товича объ оставленіи за подвоюющимъ Виленскимъ Шимкомъ Мацковичемъ землицы пустовской лейтской Можейковщины, которую далъ ему предшественникъ пана Шимка Кибортовича, панъ Миколай Юрьевичъ Пацевича, до воли господарской ⁵⁴¹). Въ 1616 г. король заставлялъ въ 600 копахъ грошей дворъ свой Жолудовъ Троцеаго повѣта со всѣми людьми волости Жолудской, съ ихъ службами и податями, со всякими доходами, которые на него каживали съ мѣста и волости Жолудской, князю Василию Андреевичу Полубенскому. При этомъ король приказалъ воеводѣ Троцкому пану Григорью Станиславовичу Остиевича „казати пописати, што будетъ теми разы въ томъ дворѣ нашомъ жита у гумнѣ посѣяно, и тежъ коней и животины и иныхъ речей“, такъ какъ по условіямъ „заставы“ кн. Полубенскій долженъ былъ возвратитъ сполна весь хозяйственный инвентарь двора; списки воевода долженъ былъ хранить у себя до окончанья „заставы“ т. е. до уплаты королею долга. На все время заставы воевода Троцкий терялъ право „у волости того двора дѣцкихъ своихъ усылати и людей волостныхъ передъ себе ку праву становити“; точно также и другіе урядники Троціе: городничій, тивунъ и ключникъ, не должны были „ни по што у волость того двора всылати и доходовъ своихъ правити“ ⁵⁴²). Князь Полубенскій, державшій Жолудовъ до самаго конца изучаемаго времени, называется въ актахъ державцею Жолудскимъ ⁵⁴³).

Дворъ *Избяны или Збяны съ волостью* (нынѣ с. Збяне на р. Нѣманѣ въ Лидскомъ уѣздѣ). Въ книгѣ денежныхъ раздачъ короля Казимира находимъ слѣдующую записъ: „конюшеу Станьцу рубль грошей въ винъ у Остринѣ въ Миклаша Будковича, а другій рубль у Збянѣхъ у Сестренца“ ⁵⁴⁴). Изъ этой записи явствуется, что дворъ этотъ при Казимирѣ отдавался въ держанье изъ руки великаго князя; то же самое видно и изъ привилея великаго князя Александра, отданнаго въ 1498 г. писарю Игнату на поле Старынки „у Избянскомъ повѣтѣ“ ⁵⁴⁵). *Намѣстникомъ* Избянскимъ при Александрѣ по актамъ является сначала конюшій дворный панъ Мартинъ Хребтовичъ, потомъ конюшій Виленскій панъ Андрей Александровичъ, который и держалъ Избяны до конца изучаемаго времени ⁵⁴⁶).

⁵⁴¹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 93, 94.

⁵⁴²) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 113, 114.

⁵⁴³) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 23.

⁵⁴⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 60.

⁵⁴⁵) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 78.

⁵⁴⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 95, 217, 218; XV, л. 105, 106.

Господарскій дворъ *Бѣлица* съ волостью (нынѣ мѣстечко Лидскаго уѣзда на р. Нѣманѣ близъ впаденія ея въ Нѣмань). По записнымъ книгамъ короля Казимира эта волость также является великокняжескою, ибо доходы съ нея идутъ на великаго князя, а равно и пустощины находятся въ его распоряженіи⁵⁴⁷). При Александрѣ эта волость является въ держаньѣ *наместниковъ*⁵⁴⁸), равно и въ первые годы Сигизмундова княженья. При Сигизмундѣ Бѣлицы отдавались въ держанье обыкновенно тому же лицу, кому отдавалась и Лида. Такимъ образомъ, по актамъ мы встрѣчаемъ *наместника* Лидскаго и Бѣлицкаго пана Юрѣя Ивановича Ильинича⁵⁴⁹), *державцу* Лидскаго и Бѣлицкаго пана Юрѣя Миколаевича Радивиловича⁵⁵⁰) и т. д. Въ записныхъ книгахъ короля Казимира въ соединеніи съ собственною Бѣлицкою волостью является *волость Здѣтелъ* (теперь Зденціоль, мѣстечко Слонимскаго уѣзда Гродненской губерніи на рѣчкѣ Зденціольѣ системы Молчади, лѣваго притока Нѣмана⁵⁵¹). Великій князь Александръ пожаловалъ ее на вѣчность князю Константину Ивановичу Острожскому⁵⁵²), а король Сигизмундъ подтвердилъ своимъ листомъ⁵⁵³).

На рѣчкѣ *Молчади*, составлявшей границу Троцкаго повѣта съ Новгородскимъ, при Казимирѣ находился господарскій дворъ того же имени съ волостью (вѣроятно, нынѣшнее мѣстечко Молчадь Слонимскаго уѣзда), отдававшійся въ держанье изъ руки в. князя⁵⁵⁴). Повидному, и этотъ дворъ перешелъ во владѣніе князя Константина Ивановича Острожскаго. Отъ 10-го марта 1514 года дошла до насъ запись о выдачѣ князю Острожскому листа до воеводы Новгородскаго: „дозволено ему на Молчади млынъ нарядити въ берегу Новгородскому, абы ему млына справити не забороняли“⁵⁵⁵).

Господарскій замокъ *Слонимъ* съ его повѣтомъ (теперь уѣздный городъ Гродненской губ. на р. Шарѣ). При Казимирѣ и Александрѣ Слонимскій повѣтъ находился подъ администраціею и присудомъ ве-

⁵⁴⁷) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 52; IV л. 17.

⁵⁴⁸) Акты Зап. Рос. I, № 218.

⁵⁴⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 386, 387.

⁵⁵⁰) Акты Зап. Рос. II, № 157, 164.

⁵⁵¹) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 52.

⁵⁵²) Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. VI, № 2; Archivum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXVI.

⁵⁵³) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 319—321.

⁵⁵⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 75.

⁵⁵⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 144.

ливовняжескаго *намѣстника*. Такъ, въ 1490 году король Казимиръ, позволивъ слугѣ Жомоитину взять за себя вдову съ землею въ Бѣлавицкомъ „обрубѣ“ Слонимскаго повѣта, писалъ о томъ намѣстнику Слонимскому пану Солтану Александровичу для свѣдѣнія и руководства ⁵⁵⁶). Намѣстникъ Слонимскій Литаворъ Хребтовичъ упоминается въ числѣ пановъ-рады въ привилеѣ, выданномъ въ 1496 году князю Петру Головиѣ на два дворища во Владимирскомъ повѣтѣ. ⁵⁵⁷). При Сигизмундѣ правитель Слонимскаго повѣта назывался первоначально также намѣстникомъ, затѣмъ *державцею* и, наконецъ, *старостою*, хотя послѣднее названіе и не установилось прочно въ изучаемое время. Такимъ образомъ, напр., въ актахъ Литовской Метрики находимъ листъ короля Сигизмунда отъ 1507 года на имя намѣстника Слонимскаго, Ганязскаго и Райгородскаго пана Яна Николаевича съ извѣщеніемъ о пожалованіи боярину Слонимскому Алексѣю Легонову трехъ дворовъ „у Слонимскомъ повѣтѣ Литовскаго десятку“ и съ приказаніемъ „увязать“ его въ эти дворы. Но тотъ же самый панъ Янъ Николаевичъ въ привилеѣ, выданномъ въ 1516 году пану Богушу Боговитиновичу на дворъ Жуково въ Луцкомъ повѣтѣ, написанъ уже державцею Слонимскимъ ⁵⁵⁸). Преемникъ его, подскарбій земскій, маршалокъ и писарь панъ Богушъ Боговитиновичъ, въ одномъ актѣ 1522 года названъ державцею Слонимскимъ ⁵⁵⁹), въ привилеѣ же, выданномъ въ 1523 году пану Петру Станиславовичу на имѣнье Зеньцовское, названъ старостою Слонимскимъ и Каменецкимъ ⁵⁶⁰); позже, въ актахъ 1528 года, выступаетъ опять съ титуломъ державцы ⁵⁶¹).

Слонимскій повѣтъ былъ одною изъ крупныхъ частей Троцкаго повѣта. Его намѣстникъ-державца, кромѣ собственной *Слонимской волости* ⁵⁶²), вѣдалъ въ отношеніи суда и управы нѣсколько другихъ великовняжескихъ волостей, которыя, впрочемъ, съ теченіемъ времени большею частью были розданы въ частныя руки. Такова была, напр., *волость Здитовская* (теперь есть мѣстечко Здитово въ южной части Слонимскаго уѣзда на р. Доробужкѣ, впадаю-

⁵⁵⁶) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 138; Archivum ks. Lubartowiczów-Sanguiszków I, № XCI.

⁵⁵⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 80.

⁵⁵⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 207; VII, л. 591, 592.

⁵⁵⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 97.

⁵⁶⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 78.

⁵⁶¹) Акты Запад. Рос. II, № 158.

⁵⁶²) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 222.

пей въ Яцпольду), о которой упоминаетъ листъ в. князя Казимира до намѣстника Слонимскаго и Здитовскаго Бутрима, содержащій извѣщеніе о пожалованіи Митку Вештортовичу села Данничковъ „у Здитовѣ“⁵⁶³); король Сигизмундъ пожаловалъ ее пану Яну Мисолаевичу, бывшему державцею въ Слонимѣ⁵⁶⁴). Великій князь Александръ пожаловалъ „у Слонимскомъ повѣтѣ“ пану Войтку Яновичу Ключку дворъ *Деревиную* (нынѣ село Слонимскаго уѣзда) надъ рѣкою Исорокою съ людьми данными и служебными, съ Хорошовичами и Лотвичами, съ довами и бобровыми гонами по рѣкамъ Исорокѣ и Деревной⁵⁶⁵). Въ 1505 году онъ же пожаловалъ князю Василью Львовичу Глинскому дворъ въ Слонимскомъ повѣтѣ *Лососиную* (нынѣ усадьба Лососинъ Рожанской волости Слонимскаго уѣзда) „со всеми того двора слугами путными и людьми тяглыми и со слободичи, што на воли съдять, и съ даннизи, и съ куничники“ и т. д.; послѣ измѣны кн. Василья Сигизмундъ отдалъ дворъ Лососиную кн. Семену Александровичу Чорторыйскому⁵⁶⁶). Что касается принадлежности Слонимскаго повѣта къ составу Троицкаго судебна-административнаго округа, то хотя на это и нѣтъ такихъ прямыхъ указаній, какъ относительно другихъ водостей, но во всѣхъ перечняхъ Литовскихъ дворовъ Слонимъ причисленъ къ Троицкимъ. Кромѣ того, часть Слонимскаго округа, волость Здитовская, помѣщается въ актахъ въ повѣтѣ Троицкомъ, напр., въ подтвержденнѣ короля Сигизмунда землянину пинскому Матею Войтовичу на имѣніе Цирковичи „у повѣтѣ Троицкомъ у Здитовской волости“⁵⁶⁷).

Волковыйскъ съ ея повѣтомъ (нынѣ уѣздный городъ Гродненской губерніи). При Казимирѣ въ немъ чинилъ судъ и управу по уполномочію великаго князя его *намѣстникъ*; объ этомъ намѣстникѣ находимъ, напр., упоминаніе въ подтвержденнѣ села Тарасова, записаннаго панькою Олехновой Довойновича панамъ Яну Кучузу и Ивашку Ильиничу⁵⁶⁸). При Александрѣ Волковыйскъ держали также съ титуломъ намѣстниковъ панъ Янъ Довойновичъ, которому великій князь въ 1494 году далъ въ вѣчное владѣніе „мѣстце огородъ у Волковыйску“

⁵⁶³) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 59, 60.

⁵⁶⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 59.

⁵⁶⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 147, 148.

⁵⁶⁶) Акты Зап. Рос. I, № 218; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 56,

⁵⁶⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, ф. 508, 509; XV, л. 231; Ревизія пущъ и переходовъ звѣринныхъ, стр. 93.

⁵⁶⁸) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 7. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków. I, № LXXVII, LXXXIII.

для усадьбы, и панъ Войтехъ Кучуковичъ, котораго въ 1503 году король извѣщалъ о пожалованіи двора Побоева въ Волковийскомъ повѣтѣ „въ хлѣборормленіе“ князю Ивану Семеновичу Глинскому ⁵⁶⁹). Такъ же именовались и панъ Янъ Яновичъ Заберезинскій, державшій Волковийскъ въ первые годы Сигизмундова княженія ⁵⁷⁰), а равно и князь Янушъ Александровичъ, котораго король въ 1511 году извѣщалъ о пожалованіи пану Станиславу Яновичу въ вѣчное владѣніе лововъ, „которые ловы держалъ у Волковийскомъ повѣтѣ панъ Иванъ Кгнейтовичъ къ имѣнію своему къ Зелви“ ⁵⁷¹). Упомянутые послѣ того правители Волковийскаго повѣта называются уже обыкновенно *державцами*, а именно: панъ Юрій Глѣбовичъ, которому король въ 1520 году приказывалъ переписать мѣщанъ Волковийскихъ, которые „позакупали“ земли въ селѣ Ясеновичахъ, пожалованному дворянину Федору Бакѣ и благодаря этому чуть было не попали въ разрядъ панскихъ людей; панъ Матей Войтеховичъ, который по приказанію короля садилъ мѣсто на Свислочи „у Волковийскомъ повѣтѣ“ ⁵⁷²). Но, кромѣ намѣстника-державцы, въ Волковийскомъ повѣтѣ распоряжался и другой, высшій представитель центральной власти—воевода Троицкій. Когда король Сигизмундъ написалъ воеводѣ Троицкому пану Альбрехту Мартиновичу Гапштольду, чтобы онъ „обралъ“ нѣсколько людей и земель „въ Троицкомъ повѣтѣ“ для дворянина кн. Михаила Ивановича Глинскаго, панъ Альбрехтъ „обралъ“ ему люди Волковийскаго повѣту на имя „... и о томъ написалъ державцѣ Волковийскому пану Юрью Глѣбовичу, „абы ему тѣхъ людей и земель ся поступилъ“ ⁵⁷³). Изъ этого прямо видно, что Волковийскій повѣтъ былъ составною частью Троицкаго судебно-административнаго округа. Въ имѣющихся перечняхъ дворовъ великаго княжества Волковийскъ также поставленъ въ числѣ Троицкихъ дворовъ ⁵⁷⁴).

Судебно-административная власть Волковийскаго намѣстника державцы, кромѣ собственной Волковийской волости, обнимала еще нѣсколько другихъ. Въ составъ Волковийскаго повѣта входила, напр., *волость Мстиболовская*. Такъ, въ книгѣ земельныхъ раздачъ короля

⁵⁶⁹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 21; VI, л. 228.

⁵⁷⁰) Акты Зап. Рос. II, № 29.

⁵⁷¹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 12.

⁵⁷²) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 34; XII, л. 134, 135; Археогр. Сб.

Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. I, № 15.

⁵⁷³) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 5.

⁵⁷⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 508, 509; VII, л. 620, 621.

Казниградъ подъ оглавленіемъ „у Волковыйску“ находимъ слѣдующую записъ: „пану Ляну, старостѣ Жомонтскому, дворець Андрейковскій, што издавна къ Мстибогову слухало“⁵⁷⁵). Вислѣдствіи Мстибоговъ (нынѣ Мстибово, мѣстечко Гродненской губерніи Волковыйскаго уѣзда на рѣчкѣ Гнѣзьянѣ) съ своею волостью сталъ особою державою, независимою отъ Волковыйска: въ актахъ 1533 года находимъ указаніе на *державу* Слонимскаго, *Мстибоговскаю* и Дорсунишскаго пана Ивана Горнестая⁵⁷⁶). Къ Волковыйску тянула и *волость Порозовская* (нынѣ мѣстечко Порозово на р. Росси Волковыйскаго уѣзда), какъ это видно, напр., изъ привилея великаго князя Александра, выданнаго въ 1500 году на дворець Рымовидовскій „у Волковыйскомъ повѣтѣ въ Порозовѣ“ пану Андрею Александровичу Дрождѣ⁵⁷⁷). Въ 1518 году король Сигизмундъ выдалъ державцѣ Волковыйскому пану Юрью Глѣбовичу привилей на держаніе двора Волковыйска съ волостями Волковыйскою, Порозовскою и Новодворскою „до его живота“, „съ пенеми корчомными и зъ дякы оржаными и овсяными, и съ сѣномъ подявольнымъ, и съ володиною и со всеми доходы вранниковъ и дворянъ нашихъ зъ мѣста и съ повѣту Волковыйского и Порозовского и Новодворского“⁵⁷⁸). Такимъ образомъ, кромѣ Порозовской волости къ Волковыйскому повѣту принадлежала и *Новодворская* (Новый дворъ—нынѣ мѣстечко на р. Мѣдянкѣ Порозовской волости Волковыйскаго уѣзда). Кромѣ того, въ актахъ упоминается нѣсколько великовнѣзешскихъ „дворовъ“ Волковыйскаго повѣта, розданныхъ во владѣніе частнымъ лицамъ, напр. дворъ *Побово*, отданный „въ хлѣбкормленіе“ кн. Ивану Семеновичу Глянскому въ 1503 году⁵⁷⁹) и нѣкот. друг.

Замокъ *Каменецъ съ ею повѣтомъ* (нынѣ мѣстечко Каменецъ-Литовскъ на р. Лиснѣ Брестскаго уѣзда Гродненской губ.) При Казимирѣ въ Каменцѣ сидѣлъ *намѣстникъ* великаго князя, какъ это видно, напр., изъ листа его о пожалованіи дворянину Александру Ходкевичу четырехъ человекъ „у Мигуличохъ у Каменецкой волости“⁵⁸⁰). Намѣстниками же называются въ актахъ и лица, державшія

⁵⁷⁵) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 31.

⁵⁷⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 118.

⁵⁷⁷) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 110.

⁵⁷⁸) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 23, 24.

⁵⁷⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 228.

⁵⁸⁰) Акты Запад. Рос. I, № 44; Ревизія нуць и переходовъ звѣранныхъ, стр. 162;

Каменецъ при великомъ князѣ Александрѣ, напр.: князь Семенъ Юрьевичъ, бывший одновременно съ тѣмъ гетманомъ и воеводою Новгородскимъ, а затѣмъ старостою Луцкимъ и маршалкомъ Волынской земли⁵⁸¹). — Но князь Семенъ Александровичъ Чорторыйскій, чинившій судъ и управу въ Каменцѣ въ началѣ княженя Сигизмунда, выступаетъ въ актахъ съ титуломъ то намѣстника, то *державцы*. Въ листѣ къ нему отъ 20 июля 1508 года, содержащемъ приказъ короля дать „увязанье“ писарю Игнату Микитичу „въ два челоубья и жеребей пустовскій“ на Рясной въ Каменецкомъ повѣтѣ, онъ поименованъ намѣстникомъ Каменецкимъ, а въ листѣ пановъ-рады въ митрополиту Кіевскому Іосифу о приведеніи Минскаго замка въ оборонительное состояніе, онъ названъ державцею⁵⁸²). Последнее названье прочно утвердилось только за преемникомъ его, паномъ Богушемъ Боговитиновичемъ, державшимъ Каменецъ съ 1512 года „въ державѣ“, а съ 1518 года „въ заставѣ“ до конца изучаемаго времени⁵⁸³). Панъ Богушъ, державшій, кромѣ Каменца, еще и Слонимъ, изрѣдка является въ актахъ даже съ титуломъ *старосты* Слонимскаго и Каменецкаго, называясь одновременно съ тѣмъ и державцею. Такъ, въ подтвержденіи, выданномъ въ 1523 году пану Петру Станиславовичу на имѣнье Зеньцовское въ Русневѣ подлѣ Лосва, панъ Богушъ написанъ старостою Слонимскимъ и Каменецкимъ, а въ листѣ королевскомъ отъ 8 апр. 1526 года, содержащемъ подтвержденіе дворянину Гришку Ивановичу на людей и землю въ Каменецкомъ повѣтѣ, данную ему прежде паномъ Богушемъ до воли господарской, послѣдній названъ *державцею*⁵⁸⁴). Кромѣ намѣстника-державцы, правителемъ Каменецкаго повѣта по актамъ является и воевода Троцкій. Король Сигизмундъ, желая пожаловать дворянину кн. Тимоою Ивановичу Капустѣ, по его челобитью, село Войское съ людьми и два жеребья пустыхъ, Русловскій и Туровскій, въ Каменецкомъ повѣтѣ, приказываетъ дождаться о нихъ воеводѣ Троцкому пану Григорью Станиславовичу Остифоича, который также долженъ былъ и дать „увязанье“⁵⁸⁵). Онъ же „увязывалъ“ по приказанію короля намѣстника Каменецкаго кн. Семена Александровича въ два жеребья, Кисловскій и Гладиловскій, пожало-

⁵⁸¹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 183, 222.

⁵⁸²) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 228. Акты Запад. Рос. И, № 10.

⁵⁸³) Акты Зап. Рос. II, № 78, 164; Литов. Метр. кн. Запис. VII, г. 592, 593.

⁵⁸⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 78, 299, 300. Срав. Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 91.

⁵⁸⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 39.

важны́е ему́ въ 1514 году ⁵⁸⁶⁾.—Каменецкiй повѣтъ, кромѣ собственной *Каменецкой волости*, заключалъ въ себѣ еще нѣкоторыя другiя. Такъ, король Казимиръ привернулъ къ Каменцу *волость Тростяницкую*, пожалованную великимъ княземъ Сигизмундомъ князю Сангушкѣ ⁵⁸⁷⁾. Въ актахъ позднѣйшаго времени Тростяницкая волость (нынѣ погостъ Тросцяница Гродненскаго уѣзда Ратайчицкой волости) обозначается, какъ часть Каменецкаго повѣта. Такъ, въ 1512 году король Сигизмундъ подтвердилъ пану Юрью Ивановичу Ильинича село съ людьми Демьянчичами, которые онъ купилъ у дворянина Степана Андреевича „въ Каменецкомъ повѣтѣ въ Тростяницкой волости“ на рѣкѣ Лсьнѣ „обѣлъ вѣчно“ ⁵⁸⁸⁾.

Въ составъ судебно-административнаго округа Троцкаго воеводы входили, какъ было уже сказано, нѣкоторыя изъ Поднѣпрскихъ волостей, въ которыхъ сидѣли особые великокняжескіе намѣстники. Таковы были: Троцкая половина Бобруйской, Любошанской и, повидимому, Свислочьской волости и *волость Горвольская* (Горволь мѣстечко Минской губерніи Рѣчицкаго уѣзда при р. Березинѣ, близъ впаденія ея въ Днѣпръ). О *намѣстникѣ* Горвольскомъ находимъ упоминаніе въ листѣ великаго князя Александра, адресованномъ къ пану Богусу Боговитиновичу о сборѣ дани съ волостей Поднѣпрскихъ въ 1500 году ⁵⁸⁹⁾. Въ 1513 г. король Сигизмундъ извѣщалъ намѣстника Горвольскаго Богдана Григорьевича о пожалованіи дворянину Фодору Григорьевичу Плюскову села Товстиковичъ въ Горвольской волости ⁵⁹⁰⁾. Намѣстникъ Горвольскій, подобно другимъ, ко времени изданія перваго Статута сталъ называться *державцею*. Такъ, въ одномъ заставномъ листѣ нѣкоего Лаврина Лыщикова на землю (отъ 1531 года) въ числѣ свидѣтелей написанъ князь Иванъ Юрьевичъ Гольшанскій, державца Горвольскій ⁵⁹¹⁾. Кромѣ намѣстника-державцы, органомъ центральной власти въ Горвольской волости по актамъ выступаетъ воевода Троцкій. Въ 1526 году король Сигизмундъ, пожаловавъ дворянину Матеею Заморенку село Якимовичи въ Горвольской волости, писалъ воеводѣ Троцкому кн. Константину Ивановичу Острожскому, чтобы онъ „въ тое село ему увязанье казалъ дати“ ⁵⁹²⁾.

⁵⁸⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 200.

⁵⁸⁷⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XCVI.

⁵⁸⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 566, 567.

⁵⁸⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329.

⁵⁹⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 403.

⁵⁹¹⁾ Литов. Метр. кн. Борон. Перепис. XXIV, док. 39.

⁵⁹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 392, 393.

Нѣсколько волостей Троцкаго повѣта подобно тому, какъ это было въ Виленскомъ воеводствѣ, не имѣли особыхъ великовняжескихъ намѣстниковъ-державцевъ, а вѣдались судомъ и управою или воеводою непосредственно, или же его намѣстниками. Число ихъ не было постояннымъ, потому что нѣкоторыя изъ нихъ съ теченіемъ времени перешли въ держанье особыхъ намѣстниковъ-державцевъ, а нѣкоторыя были отданы въ вотчину частнымъ лицамъ. Къ такимъ волостямъ, кромѣ упомянутой уже Троцкой, можно отнести еще и волость *Упитскую* (въ Поневѣжскомъ уѣздѣ Ковен. губ. есть сальцо Упита въ Новомѣстской волости). О принадлежности ея къ Троцкому повѣту свидѣтельствуетъ привилей, выданный въ 1511 году нѣкоему Мартину Вѣвовичу и содержащій „позволеніе ему въ имѣнью его въ Гружахъ въ Упитской волости въ Троцкомъ повѣтѣ мѣстечко садити, корчмы и торгъ мѣти вѣчно“⁵⁹²). Изъ другого подобнаго же привилея, выданнаго Мартину Вѣвовичу въ 1525 году, узнаемъ, что воевода Троцкій панъ Григорій Станиславовичъ Остиевича въ качествѣ блюстителя хозяйственныхъ интересовъ своего государя въ этой мѣстности „того торгу ему не далъ“, потому что это было бы „шведно“ другимъ господарскимъ торгамъ⁵⁹³). Воевода же Троцкій раздавалъ земли въ Упитской волости „до воли господарской“, напр., боярину Жмудскому Рымкайду далъ землю, „што человекъ его Монько, будучи на земли своей купленной, лѣсу сырого проробилъ“⁵⁹⁴). Сюда же нужно отнести волость *Ремитольскую* (нынѣ Поневѣжскаго уѣзда Ковенской губ.), о которой упоминаетъ, напр., подтвержденье, выданное въ 1523 году пану Альбрехту Мартиновичу Гапшольду на люди въ Болнивахъ, купленные у плебана Керновскаго Размуса Остахиуса⁵⁹⁵). Впрочемъ, о принадлежности этой волости къ Троцкому повѣту здѣсь сдѣлано заключеніе по даннымъ позднѣйшаго времени⁵⁹⁶). Воевода Троцкій вѣдалъ судомъ и управою и волость *Курклевскую* (въ Чипянской волости Поневѣжскаго уѣзда есть теперь деревня Куркле). Въ 1495 году великій князь Александръ поручалъ воеводѣ Троцкому пану Петру Яновичу „увязать“ Ковенскихъ бояръ Товтивгинтовичей въ землю пустовскую на Олдрѣ, „въ Курклѣхъ“⁵⁹⁷). Въ слѣдующемъ 1496 г., когда

⁵⁹²) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 481, 482.

⁵⁹³) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 285.

⁵⁹⁴) Ibidem, XII, л. 14.

⁵⁹⁵) Ibidem, л. 69.

⁵⁹⁶) Starożytna Polska, IV, 379.

⁵⁹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 29, 30

шла тяжба между нѣкоторыми боярами Пенянскими и волостью Курклевскою „о люди ихъ вотчинные“, волость Курклевская представила, между прочимъ, для доказательства правоты своихъ притязаній листъ пана Мартиня Гаштольда (воевода Троцкій въ 1480—1483 г.), „иже бы ихъ съ тыми людьми смотрѣлъ и тые люди рекомо бы ихъ волости привернулъ“⁵⁹⁹). Воевода же Троцкій, повидимому, вѣдалъ непосредственно и волость *Грезскую* Троцкого повѣта, лежавшую на сторонѣ, въ Полѣсьѣ, подлѣ Слуцка (нынѣ мѣстечко Грескъ Слуцкаго уѣзда на р. Савѣ и Площѣ), о которой находимъ упоминанье въ подтвердительномъ привилеѣ короля Сигизмунда на людей и земли, выданномъ въ 1510 г. дворянамъ Быковскимъ⁶⁰⁰).

Среди великокняжескихъ или господарскихъ волостей въ Троцкомъ повѣтѣ, какъ и въ Виленскомъ, находились нѣкоторыя крупныя княжескія и панскія имѣнія, которыя тянули къ Трокамъ въ отношеніи государственно-земскихъ повинностей вмѣстѣ и наряду съ великокняжескими волостями, но не въ составѣ сихъ послѣднихъ. Таковы, были, напр., дворъ *Жоси съ волостью* (нынѣ мѣстечко Троцкаго уѣзда при озерѣ того же имени), принадлежавшій панамъ Гаштольдамъ, а впослѣдствіи перешедшій въ число господарскихъ имѣній, которыми управляли намѣстники-державцы⁶⁰¹); *Рудники* (нынѣ село Троцкаго уѣзда на р. Меречи)—имѣнье пановъ Хребтовичей⁶⁰²); дворъ *Сурвиллишки* на р. Неважѣ (нынѣ мѣстечко Ковенскаго уѣзда), пожалованный въ 1500 году пану Бартошу Таборовичу, а затѣмъ въ 1504 году князю Мартину, бискупу Жомонтскому⁶⁰³); дворъ Троцкаго повѣта *Вакиники*, отданный королемъ Сигизмундомъ князю Глѣбу Юрьевичу Пронскому сначала въ заставу въ 120 копахъ грошей, а потомъ, въ 1510 году, въ вѣчность⁶⁰⁴); *Берестовица* (нынѣ мѣстечко Гродненскаго уѣзда), принадлежавшая панамъ Ходкевичамъ, какъ это видно изъ королевскаго подтвержденья 1508 г., выданнаго нѣкоему Степану Чаплину на дворецъ въ Берестовицкомъ повѣтѣ Павлишки, который ему далъ панъ его Александръ Ивановичъ Ходкевича⁶⁰⁵).

⁵⁹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 86.

⁶⁰⁰) Литов. Метр. кн. Зап. VIII, л. 350, 351. Срав. Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. I, № 27.

⁶⁰¹) Литов. Метр. кн. Зап. III, л. 17; Корон. Перепис. XXVII, л. 35.

⁶⁰²) Литов. Метр. кн. Зап. VI, л. 52.

⁶⁰³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 2, 3.

⁶⁰⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 352, 353.

⁶⁰⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 219, 220.

пану же Ходевичу принадлежали *Супрасль и Россь* (нынѣ мѣстечко Волковыйскаго уѣзда на р. Росси, притокѣ Нѣмана), на которыхъ онъ въ 1513 году записалъ четыре тысячи копѣ грошей жонѣ своей Василисѣ Ивановнѣ ⁶⁰⁶); *Зельва* (нынѣ мѣстечко Волковыйскаго уѣзда на р. Зельвянѣ), пожалованная великимъ княземъ Александромъ паву Станиславу Яновичу ⁶⁰⁷), бывшая затѣмъ во владѣнн князя Ивана Митайловича Вишневскаго, а послѣ великокняжескою державою ⁶⁰⁸); *Волна* (нынѣ мѣстечко Гродненскаго уѣзда на р. Нѣманѣ), принадлежавшая князьямъ Гольшанскимъ ⁶⁰⁹); *Нечеча* (нынѣ село Нечецъ близъ мѣстечка Бѣлицы Лидскаго уѣзда) и *Гнѣзна* (нынѣ село Войковыйскаго уѣзда)—имѣнья пановъ Шеметовичей ⁶¹⁰); *Ваверка* (нынѣ село Мытлянской волости Лидскаго уѣзда)—имѣнье пана Миколая Юндилевича при Сигизмундѣ ⁶¹¹); *Вязовецъ* (нынѣ село Дятловской волости Слонимскаго уѣзда)—имѣнье князя Федора Ивановича Жеславскаго и *Яворъ* (нынѣ село Рогогненской волости того же уѣзда)—имѣнье пана Остафія Яцынича ⁶¹²); *Деречинъ* (нынѣ мѣстечко того же уѣзда)—имѣнье пана Копача, выслужившаго его на Витовтѣ, послѣ его смерти перешедшее къ дочери его, княгинѣ Михайловой Сангуневича, а отъ нея къ писарю короля Александра Никольскому, а послѣ его измѣны вмѣстѣ съ Глинскимъ пожалованное королемъ Сигизмундомъ пану Сеньку Полозовичу ⁶¹³); *Лопеница* (нынѣ мѣстечко Изабелинской волости Волковыйскаго уѣзда)—имѣнье пана Войтеха Яновича, которое онъ вмѣстѣ съ Лососиною записалъ своей женѣ въ 1516 году ⁶¹⁴); *Заболотье* (нынѣ мѣстечко Заболоть Лидскаго уѣзда)—имѣнье князя Василья Львовича Глинскаго, послѣ его измѣны пожалованное королемъ Сигизмундомъ пану Войтеху Нарбутовичу въ 1508 году ⁶¹⁵); *Ищолмо* (нынѣ деревня Щучинской волости Лидскаго уѣзда)—имѣнье князя Петра Тимоеевича Мосальскаго, которое онъ продалъ

⁶⁰⁶) Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. IV, № 59.

⁶⁰⁷) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 299.

⁶⁰⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 193; XV, л. 200.

⁶⁰⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 42.

⁶¹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 151.

⁶¹¹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 382, 383.

⁶¹²) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 211—214.

⁶¹³) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № СХХ; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 241, 242; VIII, л. 292, 293.

⁶¹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 104.

⁶¹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 226, 262, 263.

въ 1525 г. пану Миколаю Юрьевичу Зиновьевича ⁶¹⁶⁾; *Шидловичи, Говеновичи, Ивацевичи и волость Рѣчица* (нынѣ села: Шидловичи, Заполье-Говеновичи Шидловецкой волости Слонимскаго уѣзда; сельцо Ивацевичи Боркинской волости того же уѣзда, сельцо Рѣчица Стариуновской волости Пружанскаго уѣзда)—имѣнья пановъ Ильиничей ⁶¹⁷⁾; *Шерешовъ* (нынѣ мѣстечко Пружанскаго уѣзда Гродненской губ. на р. Муровкѣ, впадающей въ Лъсну)—имѣнье пана Юрья Ивановича Ильинича ⁶¹⁸⁾.

Такимъ образомъ, Троцкій повѣтъ обнималъ собою кожную часть Поневѣжскаго уѣзда, западную небольшую часть Вилькомирскаго и смежную съ нею небольшую часть Ковенскаго уѣзда Ковенской губ., Трокскій уѣздъ Виленской губ. и почти весь Лидскій (за исключеніемъ небольшой полосы его по восточной границѣ), Сеинскій и Кальварійскій уѣзды Сувальскаго губ. ⁶¹⁹⁾, Слонимскій, Волековскій, западную часть Пружанскаго уѣзда и сѣверовосточную часть Брестскаго уѣзда Гродненской губерніи.

VIII.

Въ составъ воеводства Троцкаго входилъ замокъ *Ковенъ* съ его судебно-административнымъ округомъ, или повѣтомъ. Но воевода Троцкій не вѣдалъ этотъ повѣтъ судомъ и управою, и мѣстный урядникъ великаго князя занималъ въ этомъ отношеніи самостоятельное положеніе. Этотъ урядникъ при Казимирѣ, Александрѣ и въ первые годы княженія Сигизмунда I назывался, какъ и большинство другихъ, *намѣстникомъ*. Такъ, намѣстникъ Ковенскій панъ Судивой написанъ въ числѣ пановъ-рады въ привилеѣ на имѣнья, выданномъ въ 1450 г. пану Немиру Рязановичу ⁶²⁰⁾. Державшій Ковно при Александрѣ панъ Станько Костевичъ называется также по большей части намѣстникомъ, напр., въ судномъ листѣ 1498 года по дѣлу его объ имѣньѣ съ паномъ Григорьемъ Станиславовичемъ Остиковича ⁶²¹⁾, но иногда также и *старостою* ⁶²²⁾. Панъ Войтехъ Яновичъ, охмистръ великой княгини и королевы Елены, державшій Ковно послѣ пана Станька, носилъ также

⁶¹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 201, 202.

⁶¹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 28.

⁶¹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 98 и др.

⁶¹⁹⁾ *Starożytna Polska* IV, 285—289.

⁶²⁰⁾ Акты Зап. Рос. I, № 54; *Archiwum ks. Lubartowiczów Sanguszków* I, № LXXXIII.

⁶²¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 101, 102.

⁶²²⁾ Акты Зап. Рос. I, № 86.

титულъ намѣстника Ковенскаго ⁶²³⁾, хотя также встрѣчаются случаи именованья его старостою ⁶²⁴⁾. Съ титуломъ же намѣстника Ковенскаго является и панъ Янъ Литаворъ, державшій Ковно послѣ пана Войтеха Яновича ⁶²⁵⁾; кромѣ того, онъ называется иногда и *державцею* ⁶²⁶⁾. Панъ Аврамъ Езофовичъ, подскарбій земскій, которому король Сигизмундъ въ 1515 г. отдалъ въ держанье Ковно, титулуется уже исключительно *старостою* ⁶²⁷⁾, равно какъ и преемникъ его панъ Юрій Ивановичъ Ильинича ⁶²⁸⁾. Положеніе Ковенскаго намѣстника - старосты въ должностной іерархіи Литовско-Русскаго государства обусловилось значеніемъ, которое имѣлъ въ этомъ государствѣ городъ Ковно съ его округомъ. Это былъ одинъ изъ первоклассныхъ городовъ великаго княжества, который можно было поставить на одну линію съ городами, бывшими политическими и вмѣстѣ съ тѣмъ экономическими центрами цѣлыхъ земель или областей велико-княжества, каковы были, напр., Вильна, Троки, Новгородокъ, Гродно, Берестье, Луцкъ, Кіевъ и др. Въ удѣльное время онъ имѣлъ высокое стратегическое значеніе, какъ твердыня, о которую разбивались навалы нѣмецкаго рыцарства на Литву, какъ оплотъ въ наступательной борьбѣ ея съ этимъ рыцарствомъ. Поэтому князья Литовскіе отдавали Ковно въ держанье надежнымъ лицамъ изъ числа наиболѣе приближенныхъ къ себѣ, иногда даже своимъ сыновьямъ, напр., Кейстуть-Войдату. Свое стратегическое значеніе Ковно сохранялъ до извѣстной степени и въ изучаемое время, приобрѣтши, кромѣ того, высокое экономическое значеніе. Когда утихла борьба Литвы съ Орденомъ, городъ Ковно сдѣлался средоточіемъ оживленной внѣшней торговли Литвы. Сюда по Нѣману приходили суда съ иноземными товарами, между прочимъ, съ солью; сюда же сплавлялись по Нѣману и его притокамъ различныя сырыя произведенія Литовской земли, предназначенныя къ вывозу за границу ⁶²⁹⁾. Такой важный городъ и при устройствѣ управленія естественно долженъ былъ выдѣлиться изъ массы пригородовъ и дворовъ Литовской земли и занять въ этомъ отношеніи положеніе, равное съ

⁶²³⁾ Акты Зап. Рос. I, № 199; II, № 29

⁶²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 291, 292.

⁶²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 63, 64, 174 и др.

⁶²⁶⁾ Акты Зап. Рос. II, № 93.

⁶²⁷⁾ Ibidem, № 97, I, 102.

⁶²⁸⁾ Ibidem, № 112, 118 и др.

⁶²⁹⁾ *Jaroszewicza Obzaz Litwy, część II, § 61; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 34 и др.*

первостепенными городами. Такъ, на нашъ взглядъ, можно объяснить самостоятельность Ковенскаго намѣстника-старосты и его независимость отъ Троцкаго воеводы, какъ высшей судебной-административной инстанціи, если только эта самостоятельность и независимость не были прямымъ наследіемъ отъ удѣльнаго порядка (не было ли Ковно удѣльнымъ княжествомъ кого-либо изъ сыновей Кейстута?)

Въ составѣ Ковенскаго повѣта кромѣ собственной *Ковенской волости*, о которой находимъ упоминанье, напр., въ книгѣ земельныхъ раздачъ короля Казимира ⁶²⁰⁾, входили въ изучаемое время волости: Кормяловская, Кегегужинская и Румшишская. Отъ 1505 года имѣемъ „заставной“ листъ, выданный королемъ Александромъ намѣстнику Ковенскому пану Войтеху Яновичу на дворъ Кормялово Ковенскаго повѣта и гласящій, что король заставилъ этотъ дворъ до уплаты взытыхъ у пана 1150 копъ грошей, „зъ боары и слугами путными, и зъ людьми служебными и тяглыми, со Свислонци и съ Саси и зъ Шатцы, и зъ конюхи, и зъ рыболовы и зъ ихъ со всеми поplatки, и съ челедью неволною того двора, и съ землями пашпыми и бортными, и зъ сѣножатями, и зъ млыны и зъ ихъ вымелки, и со озеры, и зъ рѣками, и зъ рыбники, и зъ бобровыми гоны, и зъ ловы звѣринными и пташными, и зъ ловищи, и зъ даными грошовыми и медовыми и хуничными и хмелевыми, и со всеми вжитки, и со всеимъ съ тымъ, што здавна къ тому двору слушало и тыми разы слушаетъ“ ⁶²¹⁾. Такимъ образомъ, въ заставу пошла цѣлая территория, тянувшая къ двору Кормялову. Эта территория въ одномъ подтвердительномъ привилеѣ на имѣнья, выданномъ въ 1511 г. пану Григорію Станиславу Остивовича, называется *Кормяловскою волостью* ⁶²²⁾. Въ 1527 году король Сигизмундъ отдалъ дворъ Кормялово князю Юрью Семеновичу Слуцкому на четыре года со всеми доходами, которые шли съ этого двора на господаря; а по истеченіи срочныхъ четырехъ лѣтъ князь Юрій долженъ былъ держать дворъ „и въ немъ ся справовати по тому, какъ и иншіи державцы“ ⁶²³⁾ Нынѣшнее мѣстечко Кормяловъ Ковенскаго уѣзда на р. Вилии можетъ служить указаніемъ на мѣстонахожденье древняго двора Кормялова.—Тому же самому пану Григорію Станиславовичу великій князь Александръ отдалъ дворъ свой *Кегегужинны*

⁶²⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 5, 70.

⁶²¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 2.

⁶²²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 549, 550.

⁶²³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 367, 368.

(теперь мѣстечко Гегужинъ Трокскаго уѣзда) ⁶³⁴). Изъ „вырока“ великаго князя отъ 7 апрѣля 1498 г. по дѣлу о перевозѣ между паномъ Григорьемъ Станиславовичемъ и людьми господарскими Курмекгольцами видно, что дворъ Кгекужины до пожалованья его пану Остиковичу находился подъ присудомъ намѣстника Ковенскаго: именно, намѣстникъ Ковенскій панъ Станько Костевичъ разбиралъ тяжбу о томъ же перевозѣ между Курмекгольцами и тивуномъ Кгекужинскимъ Михномъ Ивановичемъ ⁶³⁵). Слѣдовательно, дворъ Кгекужинскій входилъ въ составъ судебно-административнаго Ковенскаго повѣта. Намѣстникъ Ковенскій, впрочемъ, былъ высшею судебно-административною властью для двора и волости Кгекужинской; кромѣ него, судъ и управу на этомъ дворѣ чинилъ мѣстный урядникъ, упомянутый уже *жисунъ*, какъ это видно и изъ записной книги денежныхъ и хлѣбныхъ раздачъ короля Казимира, гдѣ читаемъ: „Зубу два рубли зъ винъ въ Цереломѣ, а третій рубль въ Кгекужинѣхъ въ Михна Ключка“ ⁶³⁶). Въ такомъ же положеніи находилась и волость *Румшишская* (нынѣ есть мѣстечко Румшишки на р. Нѣманѣ въ Ковенскомъ уѣздѣ). Въ 1508 году король Сигизмундъ, пожаловавъ пану Венцлаву Костевичу пять человекъ въ Румшишской волости, извѣщалъ объ этомъ намѣстника Ковенскаго пана Войтеха Яновича и приказывалъ ему дать пану въ этихъ людей „увязанье“ ⁶³⁷). Но, кромѣ намѣстника Ковенскаго, органомъ центральной власти въ Румшишской волости былъ и мѣстный *намѣстникъ*; такъ, въ 1514 г. 24 февраля король Сигизмундъ подтвердилъ служебнику воеводы Виленскаго Андрею Проккоповичу „двѣ земли пустовскихъ тяглыхъ у Румшишской волости“, которыя ему далъ „до воли господарской“ намѣстникъ Румшишскій панъ Аврамъ Езофовичъ ⁶³⁸).

Въ Ковенскомъ повѣтѣ за Нѣманомъ лежали нѣкоторые крупныя панскія имѣнья, напр., *Прень* (нынѣ мѣстечко Маріампольскаго уѣзда Сувалкокой губ.)—имѣнье князя Михаила Глинскаго ⁶³⁹); *Самъжмишки*—имѣнье пановъ Сопѣговъ ⁶⁴⁰); *Волковшиски*—имѣнье пана Юрья Глѣбовича ⁶⁴¹) и др. Ковенскій повѣтъ, такимъ образомъ, обнималъ

⁶³⁴) Литов. Метр. кн. Запис. л. VI, 101.

⁶³⁵) Ibidem, л. 102.

⁶³⁶) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 48.

⁶³⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 206.

⁶³⁸) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 283.

⁶³⁹) Starożytna Polska IV, 355.

⁶⁴⁰) Ibidem, 359.

⁶⁴¹) *Bonięckiego* Poczet rodów, str. 5.

собою восточную половину нынѣшняго Ковенскаго уѣзда (по р. Неважу), сѣверную небольшую часть Виленскаго и, какъ кажется, уѣзды Маріампольскій, Вилковицскій и Владиславскій Сувалкской губерніи ⁶⁴²).

IX.

Въ одинаковомъ положеніи съ Ковенскимъ находился и намѣстникъ-староста Городенскій, замѣнившій собою удѣльнаго Городенскаго князя XIV вѣка и правившій съ старинными его урядниками: ковошимъ, городничимъ, ключникомъ, лѣсничимъ, тивуномъ, намѣстниками и тивунами отдѣльныхъ волостей Городенскаго княжества. Записи княженя Казимира называютъ главнаго правителя Городенскаго повѣта намѣстникомъ. Такъ, отъ 1486 года мы имѣемъ листъ короля Казимира, выданный жиду Городенскому Еньку Яцковичу съ сыновьями на имя намѣстника Городенскаго князя Александра Юрьевича, въ которомъ король извѣщалъ намѣстника о „продажѣ“ (отдачѣ на откупъ) жиду на два года „мостового“ Городенскаго и приказывалъ ему слѣдить „абы перевозовъ не мѣли нигдѣ въ городѣ, ѣздили бы на мость“ ⁶⁴³). Этотъ же князь Александръ Юрьевичъ выступаетъ съ титуломъ намѣстника Городенскаго и въ актахъ княженя Александра ⁶⁴⁴) до 1502 года. Съ этого же времени и онъ самъ, и его преемникъ по уряду, панъ Янъ Юрьевичъ Заберезинскій, титулуются уже *старостами* ⁶⁴⁵). Отъ послѣднихъ годовъ Александрова княженя мы имѣемъ одинъ актъ, рельефно указывающій на то, что перемѣна титула главнаго Городенскаго правителя не обусловливалась какими-либо измѣненіями въ его должностномъ значеніи. Пожаловавъ князю Кропивскому дворъ Дубно въ Городенскомъ повѣтѣ до очищеня отчины его отъ непріятели Московскаго, король Александръ писалъ объ этомъ „*намѣстнику* Городенскому князю Александру Юрьевичу и инымъ *старостамъ* нашимъ, хто и на потомъ отъ насъ будетъ Городень держати“ ⁶⁴⁶). При Сигизмундѣ названіе „староста“ уже прочно утвердилось за правителемъ Городенскаго повѣта и вытѣснило окончательно старинное наименованіе намѣстника ⁶⁴⁷).

⁶⁴²) *Starożytna Polska* IV, 355—359.

⁶⁴³) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 19, 20.

⁶⁴⁴) Акты Зап. Рос. I, № 126.

⁶⁴⁵) *Ibidem*, I, № 198, 202, 203, 226.

⁶⁴⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 227.

⁶⁴⁷) Акты Зап. Рос. II, № 2, 25, 56, 70, 118, 164 и др. Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 50 и др.

Судебно-административный округъ Городенскаго намістника-старосты состоялъ изъ нѣсколькихъ волостей. Къ нему принадлежала прежде всего собственная *Городенская волость*. Объ этой волости находимъ упоминанье, напр., въ слѣдующей записи в. князя Казимира: „Гривку Воловичу у Городенской волости шесть человекѣвъ и зъ ихъ данью: два ушатки меду прѣсного даютъ“⁶⁴⁸). Отъ 1527 года мы имѣемъ королевское подтвержденье суда пановъ радныхъ по дѣлу между паномъ Юрьемъ Николаевичемъ Радивиловича, которому король далъ дворъ въ Городенскомъ повѣтѣ Жорославку, и слугами путными этого двора Ланевичами, которые, „не хотячи его милости въ тому двору Жорославскому служить“, жаловались королю, „и жъ они суть шляхта, а бояре Городенскіи, а не Жорославскіи“⁶⁴⁹). Такимъ образомъ, Городенскій округъ противопоставляется здѣсь округу Жорославскому.

Согласно заявленью подданныхъ *Жорославской волости* при в. князѣ Александрѣ, дворъ Жорославка существовалъ со временъ Витовта и былъ держанъ къ Городну великокняжескими *титунами* при Сигизмундѣ Бейстуговичѣ, а послѣ его смерти, повидимому, Городенскими *ключниками*⁶⁵⁰). Въ 1508 году король Сигизмундъ отдалъ дворянину своему Ивану Кобакову „дворъ Городенскаго повѣта на имя Жорославку съ челядью невольною и съ животиною и съ житомъ и съ всемъ съ тымъ, што въ томъ дворѣ есть“ на хлѣбоборенье; къ двору приданы были, кромѣ того, „сто человекѣвъ Жорославское жъ волости, которые сѣдятъ около того двора“⁶⁵¹). Эти сто человекѣвъ не составляли всей Жорославской волости, потому что и послѣ 1508 года мы встрѣчаемъ неоднократно случаи пожалованья людей и земель въ Жорославской волости. Такъ, въ 1509 году октября 3-го король написалъ старостѣ Городенскому пану Станиславу Петровичу, чтобы онъ отдалъ князю Федору Мосальскому село Алексѣичи „въ Городенскомъ повѣтѣ Жорославское волости“⁶⁵²). Дворянинъ Иванъ Кобаковъ, „идучи въ черница“, „спустилъ“ дворъ Жорославку со всѣми пожалованными ему людьми пану Авраму Езофовичу, а король своимъ листомъ отъ 18-го августа 1511 года утвердилъ эту передачу⁶⁵³). И панъ Аврамъ Езофовичъ

⁶⁴⁸) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 12.

⁶⁴⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 349, 350.

⁶⁵⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 266.

⁶⁵¹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 227.

⁶⁵²) Акты Зап. Рос. II, № 56.

⁶⁵³) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 140, 141.

владѣлъ не всею волостью Жорославскою, хотя, какъ видно, и стремился округлить свое владѣнiе. Въ 1513 году онъ выхлопоталъ у короля подтвержденiе на вѣчность на 21 службу людей, заставленныхъ ему въ 104 копахъ грошей, въ Городенскомъ повѣтѣ Жорославской волости, „которые жъ люди,—гласитъ королевское подтвержденiе,—перво сего дали были есмо ему држати зъ ласки наше не на вѣчность, але до наше воли“⁶⁵⁴). Аврамъ Езофовичъ въ 1519 г. завѣщалъ дворъ Жорославку сыну своему Василью⁶⁵⁵), но скоро послѣ того этотъ дворъ мы видимъ опять во владѣнiи господарскомъ. Въ 1521 году король Сигизмундъ заставилъ пана Юрью Николаевичу Радивиловича въ 1481 копахъ грошей дворъ свой въ Городенскомъ повѣтѣ Скидель съ дворцомъ Жорославскимъ, со всѣми людьми Скидельской и Жорославской волости, ихъ службами и податями и со всѣми доходами тѣхъ волостей, при чемъ оговорилъ: „и зже врадники наши Городенскiи: городничiй конюшiй, ключникъ, не мають ни во што у волость тыхъ дворовъ нашихъ всылати и доходовъ нашихъ и своихъ не мають правити“⁶⁵⁶). Въ 1524 году дворъ Жорославна былъ уже въ полномъ владѣнiи пана Юрья Николаевича, который просилъ короля, чтобы онъ далъ ему позволенiе „торгъ мѣти во второкъ и корчмы въ дворѣ его милости въ Жорославцѣ“⁶⁵⁷).

Дворъ Скидель съ волостью (нынѣ мѣстечко Гродненскаго уѣзда на рѣкѣ Скиделькѣ) при великомъ князѣ Александрѣ является въ держанiѣ особаго *намѣстника*, кн. Януша Александровича⁶⁵⁸). Повидимому, этотъ намѣстникъ былъ подчиненъ намѣстнику - старостѣ Городенскому, если судить по аналогiи съ порядкомъ, существовавшимъ въ Виленскомъ и Троцкомъ судебно-административныхъ округахъ. Во всякомъ случаѣ связь Скидельской волости съ Городномъ не прекращалась. По актамъ Сигизмундова княженя органомъ центральной власти въ Скидельской волости является очень часто Городенскiй староста. Такъ, въ 1512 году король Сигизмундъ поручалъ старостѣ Городенскому пану Станиславу Петровичу доведаться относительно одной земли Тимошевицны, которую просилъ служебникъ Городенскаго повѣта Жорославской волости Юшко Глѣбовичъ, и которая, согласно его показанью, была пуста, и дать ему эту землю,

⁶⁵⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 211, 212.

⁶⁵⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 109—111.

⁶⁵⁶) Литов. Метр. кн. Запис. X, 47, 48.

⁶⁵⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 183.

⁶⁵⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 247.

буде его показанье объ ней окажется справедливымъ ⁶⁵⁾. Въ 1516 г. король заставилъ дворъ Скидель старостѣ Городенскому пану Юрью Николаевичу Радивиловича въ 500 копахъ грошей со всѣми людьми волости Скидельской, съ ихъ службами и податями, со всѣми доходами, „которые зъ мѣста и зъ волости Скидельское на насъ (т. е. господара) хоживали“. Въ силу заставы въ Скидельской волости уже непосредственно всѣмъ распоряжался староста, а другіе урядники Городенскіе: городничій, конюшій и ключникъ, не могли болѣе вѣзвать въ эту волость и править свои и великокняжескіе доходы ⁶⁶⁾.

Въ такое же положеніе стали съ 1518 года и другіе два двора Городенскаго повѣта съ ихъ мѣстами и волостями: *Озеры* (нынѣ мѣстечко Езеры) и *Кринки* (нынѣ мѣстечко Гродненскаго уѣзда) ⁶⁷⁾.

Къ замку Городенскому при королѣ Казимирѣ былъ держанъ и дворъ *Дубно съ волостю* (нынѣ село близъ рѣки Нѣмана въ Гродненскомъ уѣздѣ) Король Александръ въ 1503 году отдалъ этотъ дворъ на хлѣбокормленье кн. Константину Ивановичу Крошинскому до очищеня отчины его, забранной непріателемъ Московскимъ, — „съ чeledью неволною, и зъ жытомъ, и съ коньми, и зъ животиною, и зъ людьми чужьми и тягьми, и съ конюхи, и зъ рыболовы, и зъ землями пашьными и бортьными, и съ оверы, и зъ даньми грошовыми и медовыми, и съ фуньцами, и зъ бобры, и со всимъ съ тымъ, какъ тотъ дворъ на насъ (т. е. великаго князя) былъ держанъ“. Извѣщая объ этомъ старосту Городенскаго князя Александра Юрьевича, великій князь приказывалъ ему: „и твоя бы милость ему того ся двора Дубна поступилъ и вже ся въ тотъ дворъ и люди не вступалъ“ ⁶⁸⁾. Обязумудъ подтвердилъ это „данье“ короля Александра своимъ листомъ отъ 8 декабря 1507 г. ⁶⁹⁾ и затѣмъ листомъ отъ 31 октября 1531 г.) Очищеня отчины отъ непріателя Московскаго, однако, въ скоромъ времени не состоялось и не предвидилось, и князь Крошинскій расперяжался въ Дубенскомъ дворѣ, какъ въ своемъ вѣчномъ владѣніи. Такъ, выдавъ около 1515 г. свою дочь за мужъ за дворянина королевскаго Яна Богдановича Соцѣгу, онъ далъ ему за нею въ приданое, „справивши дворець на пустошинахъ Дубинскихъ, и чeledи неволное ему къ тому дворцу придалъ и къ тому дворцу далъ ему лю-

⁶⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, 60, 61.

⁶⁶⁾ Ibidem, л. 111.

⁶⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 13, 14.

⁶⁸⁾ Акты Зап. Рос. I, № 202; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 227.

⁶⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 126.

дей Дубинскихъ пятьдесятъ служобъ и перевозъ на Нѣманѣ подъ теми же людьми на ния подъ Барновичи, а два ставки на рѣцѣ на на Лунной, а обаноль врагу Черленского поля и сѣножатя, и гал, и хмѣльнияз, и озеро вступное зъ Нѣмана, и саяли, што жъ къ тому озеру по которымъ сѣножатемъ вдавна бывали“⁶⁶⁴).

Частью Городенскаго повѣта былъ и дворъ *Мосты* на р. Нѣманѣ съ *мѣстомъ и волостью* (нынѣ Гродненскаго уѣзда). Отъ 1514 г. мы имѣемъ, напр., слѣдующую запись: „Лозцѣ Бнковскому дано три земли пустыхъ въ Городенскомъ повѣтѣ въ Мостовской волости, Войтковщина а Поцковщина, а Суртовщина“⁶⁶⁵). О мѣстѣ Мостовскомъ находимъ упоминанье въ перечнѣ мѣстъ, которыя согласно сеймовому постановленью 1529 г. обложены были особою податью „на окупленіе заставъ“⁶⁶⁶).

Акты начала княженія Сигизмунда I упоминають о *Мокрецкой волости* Городенскаго повѣта. Такъ, въ 1509 г. король Сигизмундъ подтвердилъ своимъ листомъ дьяку Федку Ивановичу и брату его Гришку людей „въ Городенскомъ повѣтѣ въ Мокрецкой волости, которые жъ люди передъ тымъ держали зрадци наши Иванъ Мещерякъ а Федоръ Мокевичъ“ и двѣ земли пустыхъ, Саваневичину и Серговщину⁶⁶⁷).—Кромѣ того, находимъ упоминанье о дворѣ и мѣстѣ *Одельскъ* (нынѣ мѣстечко Согольскаго уѣзда почти на границѣ съ Гродненскимъ)⁶⁶⁸), о дворѣ *Молявицкомъ*, который король Сигизмундъ отдалъ держать къ своей ругѣ воеводѣ Виленскому, канцлеру пану Миколаю Миколаевичу Радивиловича и къ которому въ 1519 году привернулъ нѣсколько людей Городенской волости и ограничилъ часть своей пунци „люди садити и прибывати и розшырати“, о дворѣ *Соколка* (на р. того же имени, впадающей въ Супрасль, притокъ Нарева; не теперешній ли уѣздный городъ Соколка?), который граничилъ съ дворомъ Молявицкимъ⁶⁶⁹); о *Ямезкѣ* (нынѣ село Каменской волости Гродненскаго уѣзда), въ округѣ котораго король Сигизмундъ велѣлъ старостѣ Городенскому пану Станиславу Петровичу дать „указанье“ въ восемь человекъ и девятую вдову для пана Станислава Бартошевича⁶⁷⁰);

⁶⁶⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 228.

⁶⁶⁵) Ibidem, л. 141.

⁶⁶⁶) Акты Зап. Рос. II, № 161.

⁶⁶⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 326.

⁶⁶⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XIV, л. 71; Акты Запад. Рос. II, № 161.

⁶⁶⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 29, 30.

⁶⁷⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 401.

о *Салтскъ* ⁶⁷¹⁾ и др.—Во всёхъ этихъ, какъ и въ другихъ дворахъ Городенскаго повѣта, съ 1521 года распоряжался непосредственно староста Городенскій панъ Юрій Николаевичъ Радивиловича, которому король заставилъ въ 3000 копахъ грошей замокъ и мѣсто Городенское „со всеми дворами и людьми, въ Городну прислушающими, и опрочѣ тыхъ, которые жъ онъ маєтъ особно записано, и со всеми повѣтомъ и волостями, и зъ землями, и съ уряды Городенскими, т. е. городничое, конюшое и влючництво, лѣсничое, и тежъ зъ мытомъ мостовымъ и съ пенезми корчомными“, „со всеми взятѣи и пожитѣи и платѣи, почтѣи и со всеми повинovatствѣи, и со всеми правомъ и властностью“ до тѣхъ поръ, пока не будутъ ему или его женѣ, или его дѣтемъ выплачены 3000 копъ грошей; въ случаѣ уплаты денегъ самому Юрью Николаевичу король обѣщался оставить его на урядѣ староства Городенскаго „до живота“ или „до осмотрѣнья лѣпшимъ а пожитившимъ и пожиточнѣйшимъ вродомъ“ ⁶⁷²⁾.

Въ составъ Городенскаго повѣта входило нѣсколько крупныхъ панскихъ имѣній, которыя можно поставить наряду съ господарскими волостями, каковы были, напр., дворъ *Квасовка* (нынѣ деревня Индурской волости Гродненскаго уѣзда), который перешелъ къ пану Юрью Ивановичу Ильничу отъ шурина его пана Юрья Ивановича Заберезинскаго ⁶⁷³⁾; дворъ *Индуря* (нынѣ мѣстечко Гродненскаго уѣзда), принадлежавшій пану Яну Яновичу Довойновича ⁶⁷⁴⁾; *Котра* на р. того же имени, близъ впаденія ея въ Нѣманъ, принадлежавшая пану Юрью Николаевичу Радивиловича ⁶⁷⁵⁾; *Рожанка*, (нынѣ мѣстечко Лидскаго уѣзда Виленской губ.) принадлежавшая князю Петру Михаловичу (Вишневецкому?) ⁶⁷⁶⁾; *Заблудовъ* (нынѣ мѣстечко Бѣлостокскаго уѣзда), пожалованный королемъ Сигизмундомъ въ 1525 г. пану Александру Ивановичу Ходковича ⁶⁷⁷⁾; *Липскъ* (нынѣ мѣстечко Сувальской губерніи Августовскаго уѣзда), пожалованный въ 1506 году пану Федку Хребтовичу ⁶⁷⁸⁾ и др. Въсѣтъ съ этими имѣніями Городенскій повѣтъ обнималъ, такимъ образомъ, нынѣшній Гродненскій уѣздъ за

⁶⁷¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 169.

⁶⁷²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, 48, 49.

⁶⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 341—344.

⁶⁷⁴⁾ Ibidem, л. 229.

⁶⁷⁵⁾ Акты Зеп. Рев. II, № 106. Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 188, 18

⁶⁷⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 156; XV, л. 131—134.

⁶⁷⁷⁾ *Starożytna Polska*, IV, 319.

⁶⁷⁸⁾ Ibidem, 320.

исключеніемъ сѣверной его части, сѣверовосточную часть Вѣлостовскаго уѣзда, почти весь Соколскій уѣздъ за исключеніемъ западной его окраины, восточную половину Августовскаго уѣзда и Сувальскій уѣздъ (въ Городенскомъ повѣтѣ находилось, напр., озеро Переросли Сувальскаго уѣзда, р. Сидра, протекающая въ сѣверной части Соколскаго уѣзда ⁶⁷⁹), и небольшую часть Лидскаго уѣзда Вилен. губерніи.

X.

Въ одинаковомъ положеніи съ Ковенскимъ и Городенскимъ намѣстникомъ-старостою находился и главный великокняжескій урядникъ Берестейской земли. Этотъ урядникъ уже въ актахъ Казимира князя называется попеременно и намѣстникомъ, и старостою. „Пану Язубу, намѣстнику Берестейскому,—читаемъ мы въ записяхъ денежныхъ и хлѣбныхъ раздачъ короля,—20 копъ съ корчомъ въ Лидѣ, а 10 копъ съ мыта Берестейскаго“ ⁶⁷⁹). Но его предшественникъ, панъ Паць, державшій Берестье въ началѣ княженія Казимира, именуется *старостою* Берестейскимъ ⁶⁸⁰). Панъ Юрій Зеновичъ, равно какъ и панъ Сенько Олизаровичъ и панъ Станиславъ Михайловичъ, державшіе Берестье при великомъ князѣ Александрѣ, называются въ актахъ обыкновенно намѣстниками ⁶⁸¹). Но слѣдующій за ними князь Василій Львовичъ Глинскій, подстолий великаго княжества, назывался при королѣ Александрѣ или *державцею*, или *старостою* Берестейскимъ ⁶⁸²). Король Александръ далъ князю Василью Львовичу „староство Берестейское и съ урядомъ ключа Берестейскаго до живота его держати“, а кромѣ того далъ ему 500 копъ съ корчомъ и 50 копъ съ мыта Берестейскаго „въ захованью слугъ на замку Берестейскомъ“. Сигизмундъ подтвердилъ листъ брата, и князь Василій Львовичъ въ первые годы Сигизмундова княженія выступаетъ въ актахъ съ титуломъ старосты Берестейскаго ⁶⁸³). За преемниками кн. Василя Львовича этотъ титулъ уже устанавливается прочно ⁶⁸⁴). Одному изъ нихъ, именно

⁶⁷⁹) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 67; XII, л. 134.

⁶⁷⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 37.

⁶⁸⁰) *Wolffa Senatorem i dygnitarze W. K. Litewskiego*, str. 8. Справ. Архівумъ кс. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LIV.

⁶⁸¹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 31, 46; VI, л. 159, 160.

⁶⁸²) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 310; VI, л. 7.

⁶⁸³) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 154; 262, 263; 267, 268; 272, 273.

⁶⁸⁴) Акты Зап. Рос. II, № 29, 70, 118, 164.

пану Юрью Ивановичу Ильинича, король въ 1519 г. заставилъ „замокъ Берестій и зъ иными тамошними влады и держанья, со всеми платы и доходы“ въ 500 копахъ грошей⁶⁸⁵). Изъ Берестейскихъ урядовъ кромѣ „включництва“ акты упоминають еще „данничное, житщину, бобровничное и ловчое“⁶⁸⁶).

Судебно-административный округъ Берестейскій заключалъ въ себѣ территоріи нынѣшняго Брестскаго уѣзда Гродненской губ. (за исключеніемъ сѣверовосточной его части, принадлежавшей къ повѣту Каменецкому), нынѣшнихъ Влодавскаго и Бѣльскаго уѣздовъ Сѣдлецкой губерніи. Къ такому утвержденію приводятъ многочисленныя историко-географическія данныя, разсѣянныя въ актахъ изучаемаго времени; здѣсь мы приведемъ только нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе характерныя. Такъ, въ Берестейскому повѣту принадлежали: *Милейчичи* (нынѣ мѣстечко въ сѣверной части Брестскаго уѣзда), мѣсто съ волостью, въ предѣлахъ которой, напр., король Сигизмундъ въ 1510 году утвердилъ землю за дворяниномъ Андреемъ Лозкою⁶⁸⁷); село *Телятичи* южнѣ Милейчичъ (нынѣ въ Рогачской волости того же уѣзда), пожалованное въ 1502 году дворянину Левшѣ⁶⁸⁸); *Волчинъ* (нынѣ мѣстечко при р. Пульвѣ Брестскаго уѣзда)—имѣнье пана Александра Солтановича; *Ваганово* (нынѣ сельцо Высокотитовской волости того же уѣзда)—родовое гнѣздо землянъ Вагановскихъ⁶⁸⁹); *Вистичи* (нынѣ сельцо Вистичи на р. Лсьнѣ Брестскаго уѣзда)—имѣнье пана Юрья Ивановича Ильинича⁶⁹⁰); *Теребуны и Пехровъ* на Лсьнѣ—великокняжескія села⁶⁹¹), *Велена* (нынѣ сельцо на границѣ съ Кобринскимъ уѣздомъ) въ Берестейской волости, гдѣ великій князь Казимиръ далъ нѣкому Насутѣ Шерешову ловища⁶⁹²); *Трыщинъ* (нынѣ сельцо на р. Мухавцѣ)—имѣнье писаря Федора Янушовича⁶⁹³); *Чемезъ и Добротыжъ*—нынѣ сельца Брестскаго уѣзда къ сѣверу отъ р. Лсьны⁶⁹⁴); землянское село *Вычолки* на р. Мухавцѣ (Брестскаго

⁶⁸⁵) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 16.

⁶⁸⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 140.

⁶⁸⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 372, 373. Акты Зап. Рос. II, № 161.

⁶⁸⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 213.

⁶⁸⁹) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 42.

⁶⁹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 341—344.

⁶⁹¹) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 118.

⁶⁹²) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 62.

⁶⁹³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 60, 61.

⁶⁹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 321.

уѣзда)⁶⁹⁵; *Жировичи* съ селомъ *Каменицою* (нынѣ село Каменецъ-Жировичи на р. Загоржѣ Брестскаго уѣзда)—имѣнье пана Литавора Хребтовича⁶⁹⁶; *волость Радваничи*⁶⁹⁷ (нынѣ Радваничи Церковные на р. Рытѣ Брестскаго уѣзда); *волость великокняжеская Пожежинъ* нынѣ село на верховьѣ р. Рыты), въ которой король Сигизмундъ далъ пану Андрею Лозеѣ два челоуѣка⁶⁹⁸; *Збунинъ*—землянское имѣнье на р. Бугѣ⁶⁹⁹). Затѣмъ, на территоріи нынѣшняго Влодавскаго и Бѣльскаго уѣздовъ можно указать на слѣдующія селенія Берестейскаго повѣта: имѣнье *Сошно* (нынѣ сельцо Сущно на р. Бугѣ Влодавскаго уѣзда), пожалованное королемъ Казимиромъ кн. Александрю и Михаилу Сангушковичамъ⁷⁰⁰); село *Камплиносы* (нынѣ Кампланозы того же уѣзда), пожалованное Казимиромъ нѣкоему „Ходку Лисцѣ съ Ондрушковѣ“⁷⁰¹); *Долгобороды* (нынѣ с. Долгоброды Влодавскаго уѣзда), *Корощины*, *Березны* и *Гайна* (нынѣ с. Ганна того же уѣзда), въ округѣ которыхъ великій князь Александръ въ 1500 г. далъ имѣнье пану Миколаю Юндиловичу⁷⁰²); село *Соловятичи* (нынѣ Славатичи Влодавскаго уѣзда) на р. Бугѣ, пожалованное въ 1499 году дворянину Урсуду Волошину, а имъ въ свою очередь записанное въ 1516 году пану Вогушу Боговитиновичу⁷⁰³); *Поле* (нынѣ мѣстечко Ополе Влодавскаго уѣзда), въ которомъ король Сигизмундъ въ 1510 году пожаловалъ дворянину Творіяну Дремлику четыре жеребья⁷⁰⁴); *Воинъ* (нынѣ мѣстечко Вохинъ Влодавскаго уѣзда)—мѣстечко, которому король Сигизмундъ въ 1522 году пожаловалъ магдебургское право⁷⁰⁵) и которое было центромъ цѣлой волости⁷⁰⁶); мѣстечко *Ломазы* на р. Зелявѣ, присоединенное къ повѣту Берестейскому отъ староства Парчовскаго королемъ Казимиромъ⁷⁰⁷); *Кодень* (нынѣ мѣстечко на р. Бугѣ

⁶⁹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 94.

⁶⁹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 387—390.

⁶⁹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 207.

⁶⁹⁸) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 233.

⁶⁹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 236, 236.

⁷⁰⁰) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XCVI.

⁷⁰¹) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 62.

⁷⁰²) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 106.

⁷⁰³) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 145; IX, л. 202.

⁷⁰⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 344.

⁷⁰⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XIII, л. 1—3.

⁷⁰⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 168.

⁷⁰⁷) Starożytna Polska IV, 611.

Бѣльскаго уѣзда)—имѣнье пана Ивана Семеновича Сопѣги, воеводы Подляскаго, отъ котораго оно перешло къ его потомкамъ ⁷⁰⁸); село *Вортоль* (нынѣ село Ортель на той же рѣкѣ Зелявѣ Бѣльскаго уѣзда), пожалованное въ 1501 году чашнику Левку Боговитиновичу, который съ соизволенья короля превратилъ его въ мѣсто и построилъ при немъ замокъ ⁷⁰⁹); село *Горбово* на р. Зелявѣ, данное Казимиромъ Дашку Барсобичу, „его жъ выслуга за Витовта и за Жигимонта“ ⁷¹⁰); дворецъ *Киевецъ* на той же рѣкѣ Зелявѣ ⁷¹¹); имѣнье *Добрынь* на той же рѣкѣ Зелявѣ, пожалованное королемъ, Сигизмундомъ войскому Берестейскому Андрею Лозкѣ ⁷¹²); *Непае* (нынѣ село при впаденіи Зелявы въ Западный Бугъ), принадлежавшее пану Льву Боговитиновичу ⁷¹³). *Бѣлая* (нынѣ уѣздный городъ Бѣла Сѣдлецкой губерніи), принадлежавшая пану Юрью Ивановичу Ильинича ⁷¹⁴); *Цецеборъ* (нынѣ село Бѣльскаго уѣзда), пожалованный королемъ Казимиромъ „двѣма братьяниками, Овлашку и Юшку“ ⁷¹⁵) и др.

XI.

Самостоятельное положеніе среди урядниковъ Троцкаго воеводства занимали, наконецъ, и главные урядники той его части, которая въ изучаемое время носила названіе Подляшья и которая состояла изъ повѣтомъ Бѣльскаго, Доротицкаго и Мельницкаго.

Главный велико княжескій урядникъ *Бѣльскаго повѣта* при королѣ Казимирѣ назывался *намѣстникомъ*, напр., панъ Вартошъ Монттовичъ, бывшій въ радѣ короля Казимира, когда онъ разбиралъ дѣло князя Семена Ивановича Владимировича съ кн. Иваномъ Семеновичемъ Кобринскимъ объ имѣньяхъ ⁷¹⁶). Въ актахъ княженя Александра мы также встрѣчаемъ намѣстниковъ Бѣльскихъ, а именно: пана Николая Миколаевича, упоминаемаго, напр., въ привилеѣ, выданной въ 1494 году пану Войтеху Нарбутовичу на землю въ Швин-

⁷⁰⁸) Starożytna Polska IV, 612—616.

⁷⁰⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 190; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CL.

⁷¹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 67.

⁷¹¹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 29.

⁷¹²) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 271, 272.

⁷¹³) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 68; XV, л. 14, 15.

⁷¹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 341—344.

⁷¹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 62.

⁷¹⁶) Акты Зап., Фое. № 85.

танской волости ⁷¹⁷⁾; пана Андрея Александровича, упоминаемаго въ привилей, выданномъ въ 1503 году мѣстечку Высокому въ Дорогицкомъ повѣтѣ на магдебургское право ⁷¹⁸⁾. Князь Михаилъ Львовичъ Глинскій, державшій послѣ того Бѣльскъ, называется въ актахъ и на мѣстникомъ Бѣльскимъ и Утенскимъ, напр., въ заставномъ листѣ, выданномъ въ 1505 году пану Войтеху Яновичу на дворъ Кормилово ⁷¹⁹⁾, и *державцею*, напр., въ листѣ, выданномъ въ 1506 году нѣмцу Мартину Платнеру на мыто мостовое въ Городѣ ⁷²⁰⁾. Панъ Войтехъ Яновичъ, охмистръ королевы Елены, державшій Бѣльскъ послѣ кн. Глинскаго по уполномочію королевы Елены, называется въ актахъ и на мѣстникомъ ⁷²¹⁾, и *старостою*, напр., въ записи о назначеніи комиссаровъ для разграниченія и исправленія границъ между великимъ княжествомъ и короною Польскою ⁷²²⁾. Последнее названіе прочно утвердилось за паномъ Альбрехтомъ Мартыновичемъ Гаштольдомъ, получившимъ отъ короля Бѣльскъ въ держаніе по смерти королевы Елены, которой Бѣльскъ данъ былъ королемъ Сигизмундомъ „до живота“.

Въ составъ Бѣльскаго повѣта входилъ прежде всего замокъ Бѣльскъ съ мѣстомъ и *волостью Бѣльскою*. Въ 1523 году король Сигизмундъ пожаловалъ пану Александру Ивановичу Ходкевичу двадцать двѣ службы „въ Бѣльскомъ и Саражскомъ повѣтахъ“ ⁷²³⁾. Но Саражскій повѣтъ есть не что иное, какъ *волость Саражская* Бѣльскаго повѣта, о которой упоминаетъ, напр., привилей короля Сигизмунда, выданный въ 1513 г. боярину Смоленскому Гришку Софоновичу Денисова на четыре земли пустовскія ⁷²⁴⁾; слѣдовательно, и „повѣтъ Бѣльскій“ въ первомъ случаѣ—обозначеніе, равное „волости Бѣльской“, о существованіи которой и узнаемъ изъ актовъ позднѣйшаго времени ⁷²⁵⁾. Центромъ Саражской волости былъ замокъ Саражскій съ мѣстомъ на р. Наревѣ (нынѣ заштатный городъ Бѣлостокскаго уѣзда Гроднен-

⁷¹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 19, 20.

⁷¹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 217, 218.

⁷¹⁹⁾ Ibidem, л. 2.

⁷²⁰⁾ Ibidem, л. 11.

⁷²¹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 29.

⁷²²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 191, 292.

⁷²³⁾ Ibidem, л. 507, 508; Акты Зап. Рос. II, № 8, 114, 157, 164.

⁷²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 92, 98.

⁷²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 74.

⁷²⁶⁾ Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. I, № 17.

ской губернии)⁷²⁶). На р. Нурцѣ стоялъ третій замокъ Бѣльскаго повѣта съ мѣстомъ—*Брянскъ* или *Бронскъ* (нынѣ запятный городъ Бѣльскаго уѣзда Гродненской губ.), центръ особой волости *Бронской*, въ которой, напр., король Сигизмундъ въ 1523 году пожаловалъ землянамъ Бѣльскимъ Березыицамъ два жеребья⁷²⁷). Въ этой волости или повѣтѣ Бронскомъ⁷²⁸), какъ и въ двухъ вышеупомянутыхъ, органомъ центральной власти является староста Бѣльскій, который, напр., разрѣшаетъ подсудку Бѣльскому Станиславу Малиновскому купить земли у мѣщанъ Бронскихъ Андрейковичей⁷²⁹). Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Бѣльскаго повѣта, кромѣ того, мы видимъ особыхъ намѣстниковъ-державцевъ, хотя временныхъ. Таковы были: *Кнышинъ* (нынѣ запятный городъ Бѣлостокскаго уѣзда), который около 1529 года держалъ панъ Александръ Ивановичъ Ходковича (державца Вилькейскій, Остринскій и Кнышинскій)⁷³⁰); *Ганазъ* (нынѣ запятный городъ Говиондзъ Бѣлостокскаго уѣзда на р. Бобрѣ) и *Райгородъ* (нынѣ мѣстечко Щучинскаго уѣзда Ломжинской губ. на озерѣ Лыкѣ) — волости, принадлежавшія при королѣ Александрѣ кн. Михаилу Львовичу Глинскому, а послѣ его измѣны державшіяся на короля намѣстникомъ его, паномъ Яномъ Миколаевичемъ Радивиловича⁷³¹); въ 1509 году король Сигизмундъ пожаловалъ ихъ на вѣчность пану Миколаю Миколаевичу Радивиловича, воеводѣ Виленскому и канцлеру⁷³²). Къ Бѣльскому повѣту принадлежали кромѣ того: господарскій дворъ *Клещелязи* съ мѣстомъ (нынѣ Клещели, запятный городъ Бѣльскаго уѣзда Гродненской губ. на р. Нурцѣ), которому король Сигизмундъ въ 1523 году далъ „хельмское“ право⁷³³); господарское мѣстечко *Нарва* на р. Наревѣ⁷³⁴); *Городискій повѣтъ* (нынѣ есть село Городискъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ, центръ волости Городисской), въ которомъ королева Елена, владѣвшая пожизненно Бѣльскомъ, дала дворянину Александру Тарновскому дворецъ Гринковскій Кочибіева съ челядью невольною, людьми чутными, данными и тяглыми⁷³⁵); замокъ *Тыкотинъ* на р. Наревѣ

⁷²⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 636; Акты Зап. Рос. II, № 8.

⁷²⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 113, 114.

⁷²⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 228.

⁷²⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 145.

⁷³⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 118, 119.

⁷³¹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 207.

⁷³²) *Starożytna Polska* III, 459; *Bonickiego Poczet rodów*, str. 271.

⁷³³) Акты Зап. Рос. II, № 123.

⁷³⁴) *Ibidem*, № 161.

⁷³⁵) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 43, 44.

(нынѣ мѣстечко Тыкоцинъ Мазовецкаго уѣзда Ломжинской губерніи), принадлежавшій пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольдъ (его выслужилъ панъ Гаштольдъ еще на в. в. Сигизмундѣ въ 1433 году), какъ это видно изъ жалобы его на намѣстника пана Николая Николаевича Радивиловича Ваневскаго Кунцу, спалившаго замокъ его Тыкоцинъ ⁷³⁶⁾; *Ванево*—имѣнье пана Николая Николаевича Радивиловича (нынѣ село на р. Наревѣ Мазовецкаго уѣзда), въ которомъ король Сигизмундъ въ 1510 году дозволилъ ему „мѣсто садити“ на хельмскомъ правѣ и брать мыто на томъ мосту, „который жъ въ томъ своемъ имѣннѣ своими людьми ново збудовалъ“ ⁷³⁷⁾; *Орла* (нынѣ мѣстечко Бѣльскаго уѣзда на р. Орлянкѣ)—имѣнье пана Богуша Боговитновича ⁷³⁸⁾ и др.

Подобно Бѣльскому и главный урядникъ Дорогичскаго повѣта назывался при Казимирѣ, Александрѣ и въ первые годы княженія Сигизмунда I *намѣстникомъ*. Въ актахъ Казимирова княженія съ такимъ титуломъ является, напр., панъ Ивашко Ильичъ, продавшій въ 1477 г. свое Тарасовское имѣнье писарю Васку Любичу ⁷³⁹⁾, а затѣмъ панъ Яеубъ Дсвойновичъ, котораго король въ 1487 году извѣщалъ о пожалованіи пану Ивашку Литавору Хребтовича имѣнья Вышкова и Мукободовъ въ Дорогичскомъ повѣтѣ ⁷⁴⁰⁾. Панъ Янъ Стецковичъ, державшій Дорогичинъ послѣ пана Яеуба Довойновича при Александрѣ и въ первые годы Сигизмундова княженія, называется и намѣстникомъ, напр., въ привилеѣ, выданномъ 26 сент. 1505 года пану Бартошу Таборовичу на дворъ Избляны ⁷⁴¹⁾, и въ подтвержденнѣ ему самому имѣнья Рогова въ Дорогичскомъ повѣтѣ 1508 г. ⁷⁴²⁾, и *державцею*, напр., въ подтвержденнѣ писарю Никольскому имѣнья Деречива 13 марта 1505 года ⁷⁴³⁾, и, наконецъ, старостою ⁷⁴⁴⁾. Преемникъ его по уряду, панъ Янъ Литаворъ Хребтовича, называется обыкновенно намѣстникомъ Дорогичскимъ, напр., въ привилеѣ, выданномъ въ 1510 г. іюня 20 пану Николаю Николаевичу Радивиловича на воеводство Вк-

⁷³⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 103.

⁷³⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 355.

⁷³⁸⁾ *Starożytna Polska* III, 441; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 141

⁷³⁹⁾ *Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków* I, № LXXIX.

⁷⁴⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 125.

⁷⁴¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 2, 3.

⁷⁴²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 205.

⁷⁴³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 241, 242.

⁷⁴⁴⁾ *Акты Зап. Рос.* II, № 61.

левское и канцлерство великаго княжества Литовскаго ⁷⁴⁵). Но панъ Янъ Яновичъ Заберезинскій, бывшій одновременно съ тѣмъ воеводою Новгородскимъ, сталъ уже постоянно называться *старостою* Дорогицкимъ (1514 г.) ⁷⁴⁶, равно какъ и преемники его, панъ Янъ Миколаевичъ Радвильовича ⁷⁴⁷ и панъ Петръ Станиславовичъ ⁷⁴⁸. Панъ Янъ Миколаевичъ держалъ замокъ Дорогичинъ не только урядомъ, но и въ заставѣ „зъ мѣстомъ и со всеми людьми повѣту Дорогицкаго и съ борчомными пенязми, и съ подымщиною, и зъ мытомъ Дорогицкимъ и со всеми доходами, и зъ винами нашими (т. е. господарскими), которые въ годъ на насъ идутъ зъ землянъ и зъ мѣста, и зъ волости Дорогицкое; ниже, — гласить далѣе королевскій привилей, — коморы наши восковыи и соляныи и стадея, и кони на прыѣздъ нашъ на насъ вынѣмемъ“ ⁷⁴⁹. Петръ Станиславовичъ также держалъ Дорогичинъ „въ заставѣ“ въ 1000 копахъ грошей со всѣми доходами, за исключеніемъ мыта великаго, коморы восковой и соляной и борчомныхъ пенязей Дорогицкихъ ⁷⁵⁰.

Въ составѣ Дорогицкаго повѣта, кромѣ собственной *Дорогицкой волости*, о которой упоминаеть, напр., привилей, выданный въ 1487 г. пану Ивашу Литаворовичу Хребтовича на имѣнья Вышковъ и Мукободы, входило нѣсколько великокняжескихъ волостей и крупныхъ панскихъ имѣній. Здѣсь можно указать, напр., на *Морды* — имѣнье пана Ивана Соцѣги, воеводы Подляскаго ⁷⁵¹ (нынѣ мѣстечко Сѣдлецкаго уѣзда) на р. Ливцѣ, которая составляла границу Дорогицкой земли и Мазовіи; *Венгровъ* (нынѣ уѣздный городъ Сѣдлецкой губ.), *Пержалы* (нынѣ сельцо Венгровскаго уѣзда), *Вышковъ* (нынѣ мѣстечко того же уѣзда) и *Мукободы* (нынѣ мѣстечко Сѣдлецкаго уѣзда на той же рѣкѣ Ливцѣ) — имѣнья пана Яна Литавора Хребтовича ⁷⁵²; *Соколовъ* (нынѣ уѣздный городъ Сѣдлецкой губерніи) — имѣнье, записанное въ 1508 году паномъ Станиславомъ Соколовскимъ пану Станиславу Петровичу Кишке въ мѣстѣ съ *Купятинымъ* (нынѣ сельцо

⁷⁴⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 353, 354.

⁷⁴⁶) Акты Зап. Рос. II, № 93.

⁷⁴⁷) Ibidem, II, № 109.

⁷⁴⁸) Ibidem, II, № 131, 158, 164 и др.

⁷⁴⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 31, 32.

⁷⁵⁰) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 92.

⁷⁵¹) *Starożytna Polska* III, 409.

⁷⁵²) Литов. Метр. кн. Запис. VIII 387—390.

Компентинъ Соколовскаго уѣзда), *Шабковиз* и *Бѣлками* ⁷⁵³); *Мѣзна* (нынѣ мѣстечко Соколовскаго уѣзда), принадлежавшая крупному землянскому роду Водынскихъ ⁷⁵⁴); *Городокъ* (нынѣ мѣстечко Гродзежъ на р. Бугѣ Соколовскаго уѣзда)—велико княжеская волость, которую король Александръ заставилъ пану Яну Довойновичу въ 1000 червонныхъ золотыхъ венгерскихъ, а король Сигизмундъ перезаставилъ пану Яну Литавору Хребовича, намѣстнику Дорогицкому, позволивъ ему въ 1510 году выкупить Городокъ у вдовы и дѣтей Яна Довойновича ⁷⁵⁵); въ 1514 году Городокъ былъ такимъ же образомъ перезаставленъ новому намѣстнику или старостѣ Дорогицкому, пану Яну Яновичу Заберезинскому ⁷⁵⁶); *Семятичи* (нынѣ мѣстечко Бѣльскаго уѣзда Гродненской губ.)—имѣнье пана Яна Стецковича, бывшаго также намѣстникомъ Дорогицкимъ ⁷⁵⁷); *Техановецъ* на р. Нурцѣ (нынѣ мѣстечко Цѣхаровецъ Старый Бѣльскаго уѣзда Гродненской губерніи)—имѣнье пана Петра Кишкеи ⁷⁵⁸); мѣсто *Высокое* (нынѣ Мазовецъ, уѣздный городъ Ломжинской губ.), основанное королемъ Казимиромъ, а отъ его преемника получившее магдебургское право ⁷⁵⁹), королемъ Сигизмундомъ отданное „со всимъ до живота“ пану Яну Литавору Хребовича и его жемѣ ⁷⁶⁰), а затѣмъ въ держанье пану Лаврину Вольскому, войскому Мельницкому ⁷⁶¹). Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ можно отмѣтить ту взаимную связь, которая существовала въ Литовско-Русскомъ государствѣ между крупнымъ панскимъ землевладѣніемъ и занятіемъ мѣстныхъ урядовъ. Дорогицкіе намѣстники-старосты, какъ видно изъ приведеннаго перечня ихъ и ихъ имѣній, выходили по большей части изъ среды мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ; съ другой стороны, мѣстные крупные землевладѣльцы выходили очень часто изъ лицъ, занимавшихъ главные уряды въ мѣстности,—которые имѣли болѣе случаевъ и возможности выхлопотать у господара себѣ имѣнье или приобрѣсти его тѣмъ или другимъ способомъ.

⁷⁵³) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 204.

⁷⁵⁴) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 38; Starożytna Polska III, 416.

⁷⁵⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 366.

⁷⁵⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 577, 578.

⁷⁵⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 237.

⁷⁵⁸) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 36—38.

⁷⁵⁹) Акты Зап. Рос. II, № 59.

⁷⁶⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 503—505.

⁷⁶¹) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 113.

Мельницкій повѣтъ при королѣ Казимирѣ, повидимому, составлялъ одно цѣлое съ Дорогицкою землею и не выдѣлялся еще изъ ея состава въ особый повѣтъ, или землю. О *намѣстникахъ* Мельницкихъ находимъ упоминанья въ актахъ княженя Александра Казимировича. Такъ, напр., въ вырокѣ в. князя по дѣлу между землями Дорогицкими Водынскимъ и Погорѣльскими „о вгрунты“ читаемъ: „и тамъ казали есмо на тое дѣло выѣхати намѣстнику Дорогицкому пану Язубу Довойновичу и намѣстнику Мельницкому, судьи Бѣльскому, пану Рачку Пучицкому слушати присяги тыхъ свѣтковъ и конецъ тому промежи нихъ вчинити“ ⁷⁶²). Преемникъ пана Пучицкаго, панъ Немира Грималичъ, получившій Мельникъ въ держанье въ концѣ княженя Александра, называется въ актахъ и *державцею* Мельницкимъ, напр., въ подтвержденѣ писарю Нибольскому имѣнья Деречина ⁷⁶³), и намѣстникомъ ⁷⁶⁴); а приблизительно съ 1516 года *старостою* ⁷⁶⁵). Съ этимъ титуломъ онъ является въ актахъ до конца изучаемаго времени; такъ, отъ 1529 года мы имѣемъ „вырокъ“ короля, данный пану Немиру Грималичу, старостѣ Мельницкому, по дѣлу его съ паномъ Александромъ Солтановичемъ объ имѣньи Миросивѣ ⁷⁶⁶).

Къ Мельницкому повѣту принадлежали: мѣстечко *Лосичи* на р. Точнѣ, впадающей въ Западный Бугъ, центръ особой волости, которую Александръ пожаловалъ въ 1501 году женѣ своей Еленѣ ⁷⁶⁷), а по смерти ея въ держанье пану Немирѣ Грималичу, называвшемуся по этому намѣстникомъ Мельницкимъ и Лосицкимъ ⁷⁶⁸); дворцы *Носово* (нынѣ сельцо на верховьѣ рѣки Бялки, впадающей въ Зеляву, Яновскаго уѣзда Сѣдлецкой губ.) и *Лосево*, о которыхъ упоминаетъ инвентарь Мельницкій, дошедшій отъ княженя Александра ⁷⁶⁹); при Сигизмундѣ дворецъ Мельницкаго повѣта Носово держала королева Елена, послѣ нея князь Иванъ Ивановичъ Пузына, а потомъ его сынъ кн.

⁷⁶²) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 38.

⁷⁶³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 241, 242.

⁷⁶⁴) Акты Зап. Рос. II, № 70, 73.

⁷⁶⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 188.

⁷⁶⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 71.

⁷⁶⁷) Scarbicee dyplomátów II, № 2136.

⁷⁶⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 131; Акты Запад. Рос. II, № 161.

Starożytna Polska III, 430.

⁷⁶⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 282.

Василій Ивановичъ ⁷⁷⁰⁾, *Межирічье Подляшское* (нынѣ мѣстечко Радвинскаго уѣзда Сѣдлецкой губерніи), принадлежавшее панамъ Забрезинскимъ ⁷⁷¹⁾; *Городище* (нынѣ мѣстечко на верховьѣ р. Зелавы Влодавскаго уѣзда)—великокняжеская волость, которую король Александръ пожаловалъ въ 1501 году своей супругѣ Еленѣ, по смерти которой ее держалъ панъ Лавринъ Вольскій, войскій Мельницкій и державца Высоцкій и Городицскій ⁷⁷²⁾; *Ботки*—имѣнье пана Ивана Соцъги на р. Нуцѣ (нынѣ м. Боцъки Бѣльскаго уѣзда), которое онъ въ 1512 г. приобрѣлъ отъ землянъ Мельницкихъ Монтевичей путемъ мѣны „со всемъ съ тымъ,—гласить подтвердительный привилей короля,—какъ перво того на насъ къ Мелниву держано“ и т. д. ⁷⁷³⁾.

Сводя въ одно приведенныя историко-географическія данныя относительно повѣтовъ Бѣльскаго, Дорогицкаго и Мельницкаго, мы получимъ приблизительное представленіе о предѣлахъ той области, за которой въ изучаемое время утвердилось преимущественно названіе Подляшья. Территорія эта шла узкою полоскою съ сѣвера на югъ, отдѣляя собственную Литву и Берестейскую землю отъ Мазовіи, на сѣверѣ соприкасаясь съ владѣніями Нѣмецкаго ордена, а на югѣ—съ русскими землями короны Польской. Она обнимала собою: сѣверную половину Щучинскаго и Мазовецкій уѣзды Ломжинской губерніи, югозападную часть Бѣлостокскаго и Бѣльскій уѣзды Гродненской губ., Соколовскій и Яновскій уѣзды и восточную часть Венгровскаго, Сѣдлецкаго и Радвинскаго уѣздовъ Сѣдлецкой губерніи.

ХІІ.

Въ составѣ Трощкаго воеводства, наконецъ, какъ и въ составѣ Виленскаго, были удѣльныя княжества: Кобринское и Пинское съ повѣтомъ Городецкимъ

Княжество Кобринское состояло изъ городовъ: *Кобриня* (нынѣ уѣздный городъ Гродненской губ. на рѣкѣ Мухавцѣ), *Добучина* (нынѣ Пружаны, уѣздный городъ Гродненской губ. на р. Мухѣ системы Мухавца) и *Городца* (нынѣ мѣстечко Кобринскаго уѣзда на Днѣпро-Бугскомъ каналѣ), къ которымъ тянули волости: *собственная Кобринская*, *Черевачицкая* (нынѣ село Черевачицы на р. Мухавцѣ Кобрин-

⁷⁷⁰⁾ Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. III, № 4.

⁷⁷¹⁾ *Starożytna Polska*, III, 433.

⁷⁷²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 113.

⁷⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 561, 562.

слаго уѣзда, къ западу отъ уѣзднаго города), *Въжицкая* (нынѣ село *Вижки* недалеко отъ Черевачиць къ сѣверозападу, въ томъ же уѣздѣ); *Добучинская*, *Блуденская* (села *Блудень Великій* и *Малый* находятся въ восточной части Пружанскаго уѣзда близъ р. *Яцольды*) и *Городецкая*. Правда, что въ такомъ видѣ княжество Кобринское является уже гораздо позднѣе, именно по ревизіи Кобринской экономіи, составленной въ 1563 году королевскимъ ревизоромъ Дмитріемъ Сопѣгою⁷⁷⁴⁾. Но судя по всему, этотъ составъ имѣло княжество и въ изучаемое время. Данныя ревизіи 1563 года находятъ себѣ подтвержденіе въ актахъ, дошедшихъ до насъ отъ времени до 1529 года. Такъ, жена князя *Ивана Семеновича Кобринскаго*, княгиня „*Федка*“, записывая мужу своему двѣ тысячи золотыхъ на двухъ частяхъ имѣнья, полученнаго по наслѣдству отъ дѣда князя *Андрея Владимировича*, составляла актъ записи „у *Добучинахъ*“, очевидно, въ своемъ дворцѣ⁷⁷⁵⁾. — Это предположеніе оправдывается записью князя *Ивана Семеновича Кобринскаго* на церковь Рождества Христова на его дворѣ въ *Добучинахъ*⁷⁷⁶⁾. Отъ 22 августа 1495 года дошелъ до насъ листъ великаго князя *Александра*, содержащій подтвержденіе княгини *Анны Федоровой*, что матка ее, княгиня *Семенова Романовича* княгиня *Ульяна*, записала ей у вене своемъ имѣнья: дворець свой *Черевачицы* и *Грушовую*, по своему животѣ со всемъ, съ людьми и съ данью, со всемъ съ тымъ, што здавна къ тому дворцу *Черевачицамъ* а къ *Грушовой* прислухаетъ“⁷⁷⁷⁾. Упоминаемая здѣсь *Грушовая* по ревизіи 1563 г. принадлежала къ волости города *Городца*; слѣдовательно, эта волость входила въ составъ Кобринскаго княжества уже въ концѣ XV вѣка. Впослѣдствіи *Грушовая* и *Черевичи* отошли было въ родъ князей *Сангушковичей* по родству ихъ съ княгинею *Анною*, бывшею вторично за мужемъ за паномъ *Венцеславомъ Костевичемъ*; но королева *Бона*, получивъ отъ мужа *Кобринъ* „со всемъ съ тымъ, што къ тому замку прислухало“, оттягала по суду у князей *Сангушковичей* *Грушовую* и *Черевичи* на томъ основаніи, что „князя *Семенова* дочка, пани *Венцлавовая*, держала тыи имѣнья не за отчину, але у вѣнѣ“⁷⁷⁸⁾. Принадлежность волости *Вѣжецкой* къ Кобринскимъ владѣніямъ въ изучаемое время доказывается тѣмъ, что

⁷⁷⁴⁾ Ревизія Кобринской экономіи. Вильна, 1876.

⁷⁷⁵⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № СХХХVII.

⁷⁷⁶⁾ Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 230.

⁷⁷⁷⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № СVII.

⁷⁷⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 40 41.

акты упоминаютъ въ Кобринскомъ повѣтѣ село Данковичи, которое по ревизіи 1563 года входило въ составъ волости Вѣжецкой⁷⁷⁹).—Кромѣ перечисленныхъ волостей въ составъ Кобринскаго княжества до 1529 года входилъ *дворъ Селецкій* (Селець—мѣстечко Пружанскаго уѣзда близъ р. Яцольды) *съ волостью*, отдававшійся королевою Боною въ державѣ особому намѣстнику-державцѣ⁷⁸⁰).—Приведенныя историко-географическія данныя вмѣстѣ съ тѣми подробностями, которыя содержитъ ревизія 1563 года, даютъ возможность очертить предѣлы княжества Кобринскаго приблизительно такимъ образомъ: оно занимало всю ту часть внѣшняго Кобринскаго уѣзда, которая орошается Мухавцемъ и его притоками, и восточную часть Пружанскаго уѣзда между Бѣловѣжскою пушею и р. Яцольдою.—Что касается управленія въ княжествѣ Кобринскомъ, то оно до конца XV вѣка находилось въ рукахъ князей⁷⁸¹), а затѣмъ въ рукахъ наследовавшихъ княжество лицъ и ихъ урядниковъ. Эти урядники, какъ и въ другихъ княжескихъ и панскихъ имѣньяхъ, назывались намѣстниками (и даже воеводами)⁷⁸²).

Княжество Пинское занимало восточную часть Кобринскаго уѣзда между рр. Яцольдою и Пиною (къ югу отъ Пины здѣсь лежали селенія Волынской земли, напр. Одрожинъ и Горки)⁷⁸³) и почти весь внѣшній Пинскій уѣздъ. Исключеніе составляло пространство на югозападѣ уѣзда между Припятью и Стоходью, гдѣ находились Волыскія имѣнья Олбязъ и Червица, и территорія Городенской волости Луцкаго повѣта на югѣ Пинскаго уѣзда; на юговостокѣ уѣзда находились селенія Дубровицкаго повѣта Волынской земли⁷⁸⁴). Въ такомъ объемѣ княжество Пинское выступаетъ по тѣмъ многочисленнымъ историко-географическимъ даннымъ, которыя содержатся частью въ запискахъ Литовской Метрики, частью въ описаніи Пинскаго княжества, составленномъ въ 1552—1555 г. старостою Пинскимъ Станиславомъ Хвальчевскимъ, и въ привилеяхъ землянъ-шляхты на имѣнья „наданья замку Пинского“, собранныхъ одновременно съ составленіемъ описи Хвальчерскаго, и, наконецъ, въ грамотахъ, собранныхъ въ

⁷⁷⁹) Акты Зап. Рос. П., № 79.

⁷⁸⁰) Ревизія пуць и переходовъ звѣринныхъ, стр. 153, 156, 157, 158.

⁷⁸¹) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 32, 226, 227, 230.

⁷⁸²) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 32, 226; Акты Вилен. Археограф. Комиссіи III, № 1, 2.

⁷⁸³) Ревизія пуць и переходовъ звѣринныхъ, стр. 96.

⁷⁸⁴) Ibidem, стр. 125.

1659 году королевскимъ ревизоромъ Григорьемъ Богдановичемъ Волыничемъ ⁷⁸⁴). Не приводя всѣхъ этихъ данныхъ, укажемъ на важнѣйшія изъ нихъ, которыя могутъ служить пунктами, опредѣляющими протязаніе княжества.

Между р. Пиною и Яцольдою, въ нынѣшнемъ Кобринскомъ уѣздѣ, лежало село Пинскаго княжества (нынѣ мѣстечко) *Бездомъ*, въ которомъ вдова князя Семена Олельковича Марья пожаловала слугѣ своему Фурсу Ивановичу „два человекѣ“ въ 1495 году, а королева Бона въ 1529 году подтвердила сыновьямъ Фурса Ивановича ⁷⁸⁵). Тутъ же находился дворъ *Дружичловича* (нынѣ село) ⁷⁸⁶)—, особое держанье (т. е. волость) у Пинскомъ повѣтѣ“, которое выслужилъ на королѣ Казимирѣ князь Юрій Семеновичъ и въ которомъ онъ записалъ церкви св. Николая Великаго въ Дружичловичахъ человекѣна о *Опули* (нынѣ село Лядовичи, Ополь тожь, Опольской волости), у *Достоеви* (нынѣ деревня Пинскаго уѣзда на границѣ съ Кобринскимъ) землю ползавую съ пашнею, у *Мотолы* (нынѣ мѣстечко при озерѣ того же имени) два ведра меду ⁷⁸⁷); въ Мотолы же князь Ѳеодоръ Ивановичъ записалъ въ 1520 году церкви Богоматери въ Лѣщи озера Мотоль и Жиденъ, а въ *Тыковичахъ* (нынѣ деревня Кобринскаго уѣзда на р. Яцольдѣ) озера Мылье и Скупое (оба эти озера находятся теперь въ Слобимскомъ уѣздѣ на границѣ съ Кобринскимъ), а пятое озеро Гоще „у *Порѣцкой земли*“ (Порѣчье на р. Яцольдѣ Пинскаго уѣзда) ⁷⁸⁸). Въ нынѣшнемъ Кобринскомъ уѣздѣ находились и села *Молодово* и *Воронцевичи* (нынѣ Воронцевичи), въ которыхъ князь Ѳеодоръ Ивановичъ Ярославича пожаловалъ боярину Матеею Гричинѣ людей, а король Сигизмундъ въ 1524 году подтвердилъ своимъ листомъ ⁷⁸⁹); село *Молима* (деревня на границѣ съ Пинскимъ уѣздомъ), въ которой княгиня Марья съ сыномъ Васильемъ Семеновичемъ пожаловали въ 1494 году семь человекѣ слугѣ своему Василью Олехновичу, а король Сигизмундъ подтвердилъ своимъ листомъ въ 1522 году ⁷⁹⁰); село *Гутовъ* (нынѣ Воронцевичской волости), въ которомъ землянинъ пинскій Олехно

⁷⁸⁴) См. Писцовую книгу Пинскаго и Клецкаго княжествъ и Ревизію пущъ и переходовъ звѣринныхъ въ бышемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ.

⁷⁸⁵) Ревизія пущъ и переходовъ звѣринныхъ, стр. 121, 302, 303.

⁷⁸⁶) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 54.

⁷⁸⁷) Ревизія пущъ и переходовъ звѣринныхъ, стр. 252, 253.

⁷⁸⁸) Ibidem, стр. 129.

⁷⁸⁹) Ibidem, стр. 64.

⁷⁹⁰) Ibidem, стр. 84, 85.

Курейшовъ продать въ 1498 году Ходору Дробиневичу двѣ поросли нивы Лѣсковской ⁷⁹¹⁾; село *Попина* (нынѣ Осовецкой волости) ⁷⁹²⁾, село *Гнѣтчичи* (нынѣ Одрижинской волости на р. Пинѣ), съ котораго князь Ѳедоръ Ивановичъ пожаловалъ въ 1504 году восемьдесятъ грошей попу церкви св. Іоакима и Анны въ дворѣ Ставкѣ ⁷⁹³⁾; *Гланта* и *Васуличи* ⁷⁹⁴⁾ и др.

Въ западной части Пинскаго уѣзда къ сѣверу отъ р. Яцольды, между Здитовскою пущею и Вядскою, разбросаны были селенія *Вядской волости* Пинскаго княжества (прежде эта волость входила въ составъ Новгородскаго княжества), къ которой принадлежали: *Вядо* при озерѣ Бобровицкомъ (нынѣ деревня Слонимскаго уѣзда на границѣ съ Пинскимъ); *Бобровичи* при томъ же озерѣ (нынѣ деревня Пинскаго уѣзда); *Колонскъ* (нынѣ деревня Болоницъ того же уѣзда), и, наконецъ, село *Гать* (теперь деревня), въ которомъ княгиня Марья съ сыномъ дали въ 1495 году челоуѣка Гапона слугѣ своему Ѳедеу Тишковичу ⁷⁹⁵⁾.

По притоку Припяти Бобрику и вокругъ озера Погостскаго лежали слѣдующія селенія Пинскаго повѣта: *Теребенъ* (нынѣ село Доброславской волости)—имѣнище, которое княгиня Марья съ сыномъ въ 1495 году пожаловали слугѣ своему Ивашку Полозовичу, а король Сигизмундъ въ 1522 г. подтвердилъ своимъ листомъ ⁷⁹⁶⁾; *Новый Дворъ* при озерѣ Погостскомъ, въ которомъ князь Ѳедоръ Ивановичъ въ 1519 году записалъ церкви Іоакима и Анны въ Ставкѣ двѣ мѣрки вымелковъ съ мельницы въ каждый десятый день ⁷⁹⁷⁾; села: *Стошаничи*, *Лагишинъ* и *Ковнятинъ* ⁷⁹⁸⁾; село *Сошино* (нынѣ Погостъ Загородской волости), въ которомъ князь Ѳедоръ Ивановичъ въ 1500 году далъ трехъ челоуѣкъ боярину своему Ивашку Полозовичу ⁷⁹⁹⁾, а въ 1516

⁷⁹¹⁾ Ревизія пущъ и переходовъ звѣринныхъ, стр. 253.

⁷⁹²⁾ Ibidem, стр. 109.

⁷⁹³⁾ Ibidem, стр. 221.

⁷⁹⁴⁾ Ibidem, стр. 281. Срав. Писцовую книгу Пинскаго и Клецкаго княжествъ, стр. 118—123.

⁷⁹⁵⁾ Ревизія пущъ и переходовъ звѣринныхъ, стр. 76 Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжествъ, стр. 134—159.

⁷⁹⁶⁾ Ревизія пущъ и переходовъ звѣринныхъ, стр. 104, 105; 108, 109.

⁷⁹⁷⁾ Ibidem, стр. 222.

⁷⁹⁸⁾ Ibidem, 74, 115.

⁷⁹⁹⁾ Ibidem, стр. 107.

году челоѣка съ дворницемъ на церковь св. Аѳанасія въ Пинскѣ ⁸⁰⁰⁾
и т. д.

Въ юговосточной части Пинскаго уѣзда (на востокъ отъ р. Стыри) находились слѣдующія селенія *Пинской волости* ⁸⁰¹⁾: *Стоховъ* (нынѣ село Плотницкой волости), въ которомъ королева Бона въ 1524 году подтвердила боярину Проньку съ братьею дворнице Сажинское ⁸⁰²⁾; *Плотница*, въ которой княгиня Марья съ сыномъ въ 1496 году дала слугѣ своему Сенку Дмитриевичу два дворища, а королева Бона въ 1524 году подтвердила своимъ листомъ ⁸⁰³⁾; *Дубоя* (нынѣ село Плотницкой волости), въ которой въ 1495 году княгиня Марья съ сыномъ дала два дворища конюшему своему Сенку ⁸⁰⁴⁾; *Стольно* (нынѣ мѣстечко Столинъ) на р. Горыни; *Теребежовъ* и *Смородскъ* тамъ же ⁸⁰⁵⁾; село *Тыровичи* (нынѣ Тыровичи Лемешовичской волости), въ которомъ королева Бона въ 1532 году пожаловала землянину Пинскому Семену Ордѣ четыре дворища пустыхъ ⁸⁰⁶⁾; село *Нечатовъ*, въ которомъ въ 1521 году Ѳедоръ Ленковичъ Калауръ продалъ Аrostу Киглу половину своего отчиннаго дворища ⁸⁰⁷⁾; села *Жолкинъ* и *Вичовка* ⁸⁰⁸⁾ село *Сваричевичи*, въ которомъ королева Бона въ 1531 году пожаловала землянину Пинскому Ивану Занковичу землю ⁸⁰⁹⁾; село *Сырники* (нынѣ Радчицкой волости), въ которомъ князь Ѳедоръ Ивановичъ далъ два дворища Новошѣ, а королева Бона въ 1525 году подтвердила своимъ листомъ ⁸¹⁰⁾; села *Цѣховичи*, *Волчичи* (нынѣ Волчица) и *Вешня* на р. Стыри ⁸¹¹⁾.

Между р. Стырью, Припятью и Струменемъ упоминаются въ актахъ слѣдующія селенія Пинскаго повѣта: *Муравинъ* (на р. Стыри), *Куче* (нынѣ село на р. Вечелюхѣ, впадающей въ Припять), *Тешковичи* и *Иванчичи* (на р. Стыри), пожалованныя княгинею Марьею

⁸⁰⁰⁾ Ревизія пущъ и переходовъ звѣринныхъ, стр. 255.

⁸⁰¹⁾ Атты Южн. и Зап. Рос. I, № 40.

⁸⁰²⁾ Ревизія пущъ и переходовъ звѣринныхъ, стр. 292.

⁸⁰³⁾ Ibidem, стр. 128, 291.

⁸⁰⁴⁾ Ibidem, стр. 114.

⁸⁰⁵⁾ Ibidem, стр. 10, 125.

⁸⁰⁶⁾ Ibidem, стр. 81.

⁸⁰⁷⁾ Ibidem, стр. 314.

⁸⁰⁸⁾ Писцовая книга Пинскаго и Блещкаго княжествъ, стр. 202, 219.

⁸⁰⁹⁾ Ревизія пущъ и переходовъ звѣринныхъ, стр. 325.

⁸¹⁰⁾ Ibidem, стр. 257.

⁸¹¹⁾ Писцовая книга Пинскаго и Блещкаго княжествъ, стр. 228—238.

Семеновою слугѣ Сенку Зенковичу въ 1495 году и подтвержденныя въ 1522 году королемъ Сигизмундомъ ⁸¹²⁾; село *Погостъ* (на р. Стыри), въ которомъ королева Бона въ 1528 году подтвердила Семену Юхновичу Ордичу двориче Окушовское, выслугу его предковъ, отнятую было у него княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Ярославича ⁸¹³⁾; села *Хралинъ, Задолжъе, и Бучинъ* (на р. Стоходи) ⁸¹⁴⁾; село *Морочмо* (нынѣ Красница тожь), въ которой королева Бона въ 1522 году пожаловала боярынѣ Пинской Аннѣ Василевской на хлѣбокормленье два дворича, владѣніе ея мужа ⁸¹⁵⁾; *Нобель* (нынѣ мѣстечко Мороченской волости), данный королемъ Казимиромъ князю Юрью Семеновичу изъ состава Пинскаго княжества въ особое держанье прежде самаго Пинска ⁸¹⁶⁾; села *Прикладники* и *Коморы* (на Струмени), въ которыхъ князь Ѳедоръ Ивановичъ пожаловалъ людей боярину Пинскому Сеньку Домановичу, а король Сигизмундъ подтвердилъ своимъ листомъ въ 1523 году ⁸¹⁷⁾; села *Невле* (нынѣ село Невель на р. Припяти) и *Няньковичи* (Мороченской волости), въ которыхъ королева Бона утвердила за бояриномъ Клецкимъ Ѳедоромъ Петровичемъ отчину жены его въ 1524 году ⁸¹⁸⁾; село *Кнубово* на р. Струмени ⁸¹⁹⁾; село *Горное*, въ которомъ княгиня Марья съ сыномъ пожаловала въ 1495 году два дворича своему конюшему Сенку ⁸²⁰⁾; село *Бомары*, въ которомъ король Казимиръ далъ Васку Ордичу землю, а королева Бона въ 1524 году подтвердила своимъ листомъ его внузу ⁸²¹⁾, *Шоломичи, Лозичи, Качановичи* ⁸²²⁾ и др.

Въ той части Пинскаго уѣзда, которая ограничена р. Припятью, Струменемъ, Яцольдою и Пиною находились слѣдующія селенія Пинскаго княжества: *Сваловичи* (на р. Припяти), *Потановичи*, (на р. Пинѣ) и *Семеховичи* при озерѣ Семеховицкомъ ⁸²³⁾; село *Жидиче*, въ

⁸¹²⁾ Ревизія пущъ и переходовъ звѣринныхъ, стр. 79; 816, 317.

⁸¹³⁾ Ibidem, стр. 82.

⁸¹⁴⁾ Писцовая книга Пинскаго и Блещнаго княжествъ, стр. 250—253.

⁸¹⁵⁾ Ревизія пущъ и переходовъ звѣринныхъ, стр. 242.

⁸¹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. Ш, л. 54.

⁸¹⁷⁾ Ревизія пущъ и переходовъ звѣринныхъ, стр. 237.

⁸¹⁸⁾ Ibidem, стр. 273.

⁸¹⁹⁾ Акты Запад. Рос. I, № 190.

⁸²⁰⁾ Ревизія пущъ и переходовъ звѣринныхъ, стр. 114.

⁸²¹⁾ Ibidem, стр. 215.

⁸²²⁾ Ibidem, стр. 120.

⁸²³⁾ Ibidem, стр. 11, 110.

второмъ князь Федоръ Ивановичъ далъ золотарю Пинскому Тимошку Дмитровичу землю, а королева Бона въ 1525 году подтвердила своимъ листомъ ²²⁴⁾; села *Житковичи* и *Задвичичи*, въ которыхъ княгиня Марья съ сыномъ въ 1495 г. пожаловала людей своему слугѣ Сенку Головжѣ ²²⁵⁾; село *Красово* на р. Струмени, пожалованное княземъ Федоромъ Ивановичемъ Ярославича Борису Коптевичу ²²⁶⁾; дворъ *Стетичово* (нынѣ деревня того же имени), изъ состава котораго князь Федоръ Ивановичъ пожаловалъ Пинскому Сенку Домановичу три острова, а король Сигизмундъ подтвердилъ своимъ листомъ ²²⁷⁾; села *Кривичи* и *Сушицкѣ* (на р. Яцольдѣ), въ которыхъ княгиня Марья съ сыномъ въ 1495 и 1496 годахъ пожаловали слугѣ Ивану Полозовичу людей съ землями, а великій князь Александръ и король Сигизмундъ въ 1522 году подтвердили своими листами ²²⁸⁾ и др.

Наконецъ, между рѣкою Пиною и Яцольдою можно указать на слѣдующія села: *Сухое* (близъ границы съ Кобринскимъ уѣздомъ) и *Рыловичи*, въ которыхъ князь Федоръ Ивановичъ далъ полпята дворянина Ивану Полозовичу, а король Сигизмундъ въ 1522 году подтвердилъ своимъ листомъ ²²⁹⁾; *Ляховичи* (близъ границы съ Кобринскимъ уѣздомъ) и *Купятичи* (на Яцольдѣ), въ которыхъ княгиня Марья съ сыномъ въ 1492 году дала людей съ землями пану Михну Сенковку Почановскому ²³⁰⁾; *Домашичи*, *Торговищи* и *Жабичи*, въ которыхъ королева Бона въ 1524 году подтвердила людей съ землями боярину Клецкому Федору Петровичу, отчину жены его ²³¹⁾; *Чернивовичи*, *Посиничи*, *Кошевичи* и *Париевичи*, въ которыхъ князь Федоръ Ивановичъ Ярославича далъ въ 1515 году дворянину съ людьми служебнику своему Венедикту Фурсовичу, а король Сигизмундъ подтвердилъ своимъ листомъ въ 1518 ²³²⁾; *Выкладовичи*, въ которыхъ княгиня Марья съ сыномъ дала въ 1495 году людей съ землями слугѣ Олехну Григорьевичу, а королева Бона подтвердила своимъ листомъ въ 1524 г. сыну Олехна Ивану ²³³⁾; *Полкотичи*, *Достово*, *Поричи* и въ которыхъ

²²⁴⁾ Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 258.

²²⁵⁾ Ibidem, стр. 111, 251.

²²⁶⁾ Ibidem, стр. 256.

²²⁷⁾ Ibidem, стр. 238.

²²⁸⁾ Ibidem, стр. 103, 104.

²²⁹⁾ Ibidem, стр. 107, 108.

²³⁰⁾ Ibidem, стр. 218.

²³¹⁾ Ibidem, стр. 273.

²³²⁾ Ibidem, 71, 288.

²³³⁾ Ibidem, стр. 246, 247.

князь Ѳедоръ Ивановичъ далъ въ 1507 году дворнице съ людьми боярину Данилу Ивановичу Иртыцеву ⁸³⁴); *Масевичи* (на Яцольдѣ), въ которомъ князь Ѳедоръ Ивановичъ пожаловалъ слугѣ своему Кривецкому Дмитровичу людей въ 1503 году, а король Сигизмундъ впоследствии подтвердилъ свою подписью ⁸³⁵); княжескій дворъ *Ставожъ*, въ которомъ князь Ѳедоръ Ивановичъ Ярославича построилъ церковь св. Богоотецъ Іоакима и Анны ⁸³⁶); *Чежеримъ* (на р. Яцольдѣ), пожалованный княгиней Марьей въ 1495 году слугѣ Ѳедору Тишковичу и утвержденный за его сыномъ королемъ Сигизмундомъ въ 1522 году ⁸³⁷) и др.

Пинскій повѣтъ, какъ уже было сказано въ первомъ очеркѣ, былъ особымъ владѣніемъ сначала князя Наримунта и его потомковъ, затѣмъ вдовы князя Семена Олельковича и ея сына Василя († 1495 г.), потомъ князя Ѳедора Ивановича Ярославича и, наконецъ, королевы Бонны. Въ рукахъ этихъ лицъ и ихъ урядниковъ находились судъ и управа въ Пинскомъ повѣтѣ, а великокняжескіе урядники не въѣзжали сюда ни за чѣмъ; политическая связь съ великимъ княжествомъ держалась преимущественно на обязанности владѣльцевъ ставиться съ своими боярами и слугами въ ополченіи Литовской земли.—Что касается урядниковъ Пинскаго княжества, то въ дѣлахъ находимъ упоминанья о конюшемъ, мытницѣ и ключникѣ ⁸³⁸), намѣстникѣ столянаго города при княгинѣ Марьѣ ⁸³⁹), старостѣ при королевѣ Боннѣ ⁸⁴⁰); княжество Пинское, такимъ образомъ, имѣло управление аналогичное съ управленіемъ другихъ литовско-русскихъ княжествъ.

Вмѣстѣ съ Пинскимъ княжествомъ въ составъ Троицкаго воеводства вошелъ и *Городецкій повѣтъ*, владѣнье князя Ивана Васильевича Ярославича и сына его Ѳедора, а послѣ него королевы Бонны. Селенія Городецкаго повѣта разбросаны были по р. Припяти и ея притокамъ въ западной части нынѣшняго Мозырскаго уѣзда и въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ княжествомъ Пинскимъ. Таковы были, напримѣръ: центръ повѣта—*Городокъ Давидовъ* (нынѣ Давыдъ-Городокъ на р. Гордыни), въ которомъ князь Иванъ Васильевичъ Яросла-

⁸³⁴) Ревизія пушъ и переходовъ звѣринныхъ, стр. 116, 117.

⁸³⁵) Ibidem, стр. 113.

⁸³⁶) Ibidem, стр. 221.

⁸³⁷) Ibidem, стр. 76.

⁸³⁸) Ibidem, стр. 114, 263, 349.

⁸³⁹) Ibidem, стр. 288.

⁸⁴⁰) Ibidem, стр. 123, 124.

ица построилъ соборъ въ честь св. Великомученика Дмитрія ⁸⁴¹); село *Любре* или *Рубль* (на р. Гордыни), въ которомъ вдова князя Свидригелла Анна дала слугѣ Язову Разоновичу на конную службу землю, а князь Иванъ Васильевичъ подтвердилъ своимъ листомъ въ 1492 году ⁸⁴²); село *Боломуна* (нынѣ Бѣлогуша на р. Гордыни въ Пинскомъ уѣздѣ на границѣ съ Мозырскимъ), въ которомъ князь „Ярославича“ далъ землю Ивану Мисевичу съ братьею ⁸⁴³); село *Отсержичи* (нынѣ Твержичи въ Пинскомъ уѣздѣ на границѣ съ Мозырскимъ), въ которомъ князь Иванъ Васильевичъ въ 1507 году пожаловалъ Дмитровскому собору въ Городкѣ-Давидовѣ полколады меду и сорокъ девять грошей дани ⁸⁴⁴); село *Переходичи* (въ юго-западномъ углу нынѣшняго Мозырскаго уѣзда), въ которомъ княгиня Анна пожаловала землю церкви св. Николая; село *Березоя* (Березовъ тамъ же), въ которомъ князь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ землю въ 1492 году той же церкви ⁸⁴⁵); село *Глинная* на р. Ствичѣ ⁸⁴⁶); село *Гольци* (нынѣ Угольцы на границѣ съ Пинскимъ уѣздомъ), въ которомъ князь Ѳеодоръ Ивановичъ Ярославича пожаловалъ служебнику своему Моисею Ивановичу Красковича людей съ землями ⁸⁴⁷); село *Ольмень*, въ которомъ тотъ же князь пожаловалъ землю слугамъ Конопельчицамъ „на платѣ вродистомъ“ ⁸⁴⁸); *Велемичи*, въ которомъ онъ же далъ боярину Левону Ранцевичу двѣ земли, а король Сигизмундъ и затѣмъ королева Бона подтвердили своими листами ⁸⁴⁹); село *Курскъ* (Хорскъ?), въ которомъ князь Ѳеодоръ Ивановичъ далъ слугѣ Кошелю землю ⁸⁵⁰); села *Орлы Великіе* и *Малые* (на границѣ съ Пинскимъ уѣздомъ), въ которыхъ встрѣчаемъ пожалованья князя Ивана Васильевича и его сына ⁸⁵¹); село *Малешево*, которое король Казимиръ въ 1447—1448 годахъ (индикта 11) пожаловалъ пану Олехну ⁸⁵²);

⁸⁴¹) Ревизія пущъ и переходовъ звѣринныхъ, стр. 348.

⁸⁴²) Ibidem, стр. 329.

⁸⁴³) Ibidem, стр. 331.

⁸⁴⁴) Ibidem, стр. 350.

⁸⁴⁵) Ibidem, стр. 358.

⁸⁴⁶) Archivum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XLVII.

⁸⁴⁷) Ревизія пущъ и переходовъ звѣринныхъ, стр. 332.

⁸⁴⁸) Ibidem, стр. 335.

⁸⁴⁹) Ibidem, стр. 339.

⁸⁵⁰) Ibidem, стр. 342.

⁸⁵¹) Ibidem, стр. 345, 348; 355, 356.

⁸⁵²) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 54.

Дворецъ (на притоцѣ Смерда Бродницѣ), въ которомъ княгиня Анна нясала привилей слугѣ Данилу Борочевичу, освобождавшій его отъ обязанности ходить въ Городецъ ва сторожу⁸⁵³⁾ и др.—Городецкій повѣтъ подобно Пинскому управлялся своими владѣльцами и ихъ урядниками (въ астахъ упоминаются мытникъ и ключникъ князя Ивана Васильевича, намѣстникъ жорела Сигизмунда, староста королевы Бены⁸⁵⁴⁾).

Къ воеводству Троцкому прилинулъ и повѣтъ Туровскій, составлявшій особое владѣніе князя Свидригелла, затѣмъ князя Михаила Львовича Глинскаго и, наконецъ, князя Константина Острожскаго. Онъ занималъ остальную часть нынѣшняго Мозырскаго уѣзда за исключеніемъ той части его, которая лезвить къ востоку отъ р. Уборти, и той, которая орошается р. Птичью и ея притоками. Акты изучаемаго времени упоминаютъ, напр., слѣдующія селенія Туровскаго повѣта: село *Храпино* (нынѣ Храпунь на р. Ствичѣ) которое онъ жаловалъ пану Гринку князь Свидригелло⁸⁵⁵⁾; *Олгомле* (нынѣ Туровской волости на р. Маствѣ), *Симоничи* (нынѣ Сименичи Дельницкой волости) и *Радловичи* (Радлювичи на р. {Ствичѣ?}, записанныя княземъ Константиномъ Острожскимъ въ 1520 году Успенскому собору въ замѣтъ Туровскомъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми озерами въ повѣтъ Туровскомъ, между прочимъ, съ *Хоенскимъ* (Хоенскъ нынѣ деревня на Припяти) и *Погостскимъ* (Погостъ, нынѣ также деревня на Припяти), и вмѣстѣ съ данью *въ волости Смедынской* того же Туровскаго повѣта; *Смедынь* (нынѣ с. Снадынь на р. Припяти Ласковичской волости); *Мордовно* (деревня на Припяти), *Вишомоле* (нынѣ Вишеловъ или Ушелъе на Припяти), *Мостевичи* (Мосѣевичи на Уборти?); *Замоще* (Замощя на Уборти) и *Дондегевичи*⁸⁵⁶⁾; *Рычовъ* (нынѣ село Туровской волости на р. Ствичѣ Пинскаго уѣзда) съ селами *Букчемъ* и *Прибыловичами*, пожалованный Свидригелломъ князю Михаилу Васильевичу, который отдалъ это имѣнье въ приданое за дочерью Анною князю Ивану Юрьевичу, отъ котораго имѣнье перешло къ князю Михаилу Ивановичу Мстиславскому въ видѣ приданого за его женою Ульяною⁸⁵⁷⁾).

Судъ и управа въ княжествѣ Городецкомъ, какъ и въ другихъ, принадлежали владѣльцамъ его или урядникамъ.

⁸⁵³⁾ Ревизія пущъ и переходовъ звѣринныхъ, стр. 334.

⁸⁵⁴⁾ Ibidem, стр. 349, 350, 353.

⁸⁵⁵⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszow 1, XLVII.

⁸⁵⁶⁾ Акты Зап. Рос. П, 105.

⁸⁵⁷⁾ Литов. Метр. кн: Зап. IX, л. 82.

XIII.

„Попись шляхты земли Жомойтское и ихъ людей“, составленный въ 1528 году, перечисляетъ слѣдующія господарскія волости въ составѣ Жмудской земли: дворы господарскіе Вилькею и Велену, волости: Ойраколу, Росейни, Видукли, Коршово, Поюре, Шовды, Ретово, Ыгодинку, Вешвяне, Телши, Биржаняны, Дирваны, Мединьгоны, Жоряны, Потумши, Кореляне, Ужвенту, Бержаны, Крожи, волость Беменскую, Тондякголу, дворъ Ясвойни ⁸⁵⁸). Объ этихъ волостяхъ Жмудскихъ находимъ указанья и въ болѣе раннихъ актахъ княженья Казимира и его сыновей, а сверхъ того и о нѣкоторыхъ другихъ, которыя не упомянуты въ указанномъ „пописѣ“. Такъ, въ записной книгѣ земельныхъ раздачъ короля Казимира находимъ упоминанье о Кнетовской волости: „пану Контовту у Кнетонской волости Людовяне, тридцать и чотыри чоловѣки куничниковъ на имя“... ⁸⁵⁹) Отъ 6 октября 1494 года мы имѣемъ листъ великаго князя Александра до старосты Жмудскаго пана Станислава Яновича съ извѣщеніемъ о пожалованіи пану Мартину Якубовичу дворца Векшневскаго и пяти чоловѣкъ „въ Жомойти въ *повѣть Повонденскомъ*“ ⁸⁶⁰). Отъ княженья того же Александра мы имѣемъ подтвердительный привилей, выданный боярину Жмудскому, тивуну Юрборскому, Пашку на людей и земли, пожалованныя ему въ разныхъ волостяхъ Жмудской земли, между прочимъ „въ *Юрборскомъ повѣть* чоловѣка на имя Ковшиса зъ двѣма сынами и зъ ихъ землею..., а въ *Промядевь* чотыри чоловѣки на имя Нарвида Сквдьятовича а Разита, а Рупейка Ейниковича зъ братьею, а Довпорта Лупача“ ⁸⁶¹). Волость Промядевская упоминается, кромѣ того, и въ записяхъ денежныхъ и хлѣбныхъ раздачъ короля Казимира, гдѣ читаемъ между прочимъ: „Свирепному Троцкому Величку два рубли грошей зъ винъ въ Промядевь, а пять рублей зъ винъ въ *Ясвучи*“ ⁸⁶²). Въ Жмудской землѣ находился и дворъ *Скерстомонъ съ волостью*, какъ объ этомъ узнаемъ, напр., изъ привилея, даннаго въ 1508 году пану Федору Янушевичу на староство Луцкое и маршалковство земли Волинской ⁸⁶³). Къ составу Жмудской земли принадлежала и *волость*

⁸⁵⁸) Литов. Метр. кн. Публичн. дѣль I, л. 223—283.

⁸⁵⁹) Литов. Метр. кн. Зап. III, л. 43. Ср. Акты Зап. Рос. I, № 103.

⁸⁶⁰) Литов. Метр. кн. Зап. VI, л. 46.

⁸⁶¹) Литов. Метр. кн. Зап. VI, л. 215.

⁸⁶²) Литов. Метр. кн. Зап. IV, л. 78.

⁸⁶³) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 141—143.

Тверь, какъ это видно изъ уставной грамоты, данной въ 1529 году державцамъ и тивунамъ Жмудскихъ волостей ⁸⁶⁴). Изъ письма короля Сигизмунда къ старостѣ Жмудскому Станиславу Станиславовичу Яновича, писаннаго около 1529 года, узнаемъ о волости *Шовленской* „въ земли Жомойтской“, которую король отдалъ князю Яну, бискупу Виленскому ⁸⁶⁵). Изъ подтвердительнаго привилея, даннаго въ 1511 году отцу этого пана Станислава, Станиславу Яновичу, также старостѣ Жмудскому, на имѣнья, пожалованныя ему и его предкамъ въ землѣ Жмудской, узнаемъ, кромѣ того, о волости *Плотельской*, которую король утвердилъ за нимъ „со всимъ съ тымъ, какъ та я волость Плотельская и вси тьи сельца съ стародавна въ своихъ границахъ мають и какъ на насъ держаны были, со всимъ правомъ и панствомъ, ничего на насъ не оставляючи“ ⁸⁶⁶). Въ 1522 году 27 іюня король Сигизмундъ приказывалъ старостѣ Жмудскому, только что упомянутому Станиславу Яновичу, дать „увязанье“ тивуну Ретовскому пану Войтеху Орвидовичу въ три земли пустовскихъ „въ Жомойтскомъ повѣтѣ у *Пошилской волости*“ ⁸⁶⁷). Въ числѣ волостей Жмудскихъ записи земельныхъ раздачъ короля Казимира упоминають и волость *Мѣдницкую*, центръ которой—Мѣдники были вмѣстѣ съ тѣмъ и церковнымъ центромъ всей Жмуди, резиденціею Жмудскаго католическаго бискупа ⁸⁶⁸), волость *Клойшовскую*, въ которой король Казимиръ далъ нѣкоему Петрашу три человѣка ⁸⁶⁹), волость *Колтянскую*, въ которой король далъ нѣкоему Визбору пять человѣкъ ⁸⁷⁰). Подтвердительная грамота, данная въ 1492 году Жмудской землѣ на права я вольности, упоминаеть въ ея составѣ, кромѣ того, повѣты или волости: *Бедыкольскую*, *Перноровскую* (впослѣдствіи имѣнье Пернароро является въ Вильгійской волости) ⁸⁷¹) и *Постойнименскую*.

Что касается панскихъ имѣній, то самыя значительныя изъ нихъ принадлежали роду пановъ Кезгайловъ, представители котораго во все

⁸⁶⁴) Акты Зап. Рос. II, № 160.

⁸⁶⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VІІ, л. 470, 471.

⁸⁶⁶) Литов. Метр. кн. Запис. ІХ, л. 15.

⁸⁶⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 2.

⁸⁶⁸) Литов. Метр. кн. Зап. III, л. 44; Акты Зап. Рос. I, № 103; *Starożytna Polska* IV, 416—424.

⁸⁶⁹) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 41; Акты Зап. Рос. I, № 103.

⁸⁷⁰) Литов. Метр. кн. Зап. III, л. 43.

⁸⁷¹) *И. Я. Спринса* Географическій словарь древней Жомойтской земли XVI столѣтія, стр. 227. Вильна 1888.

изучаемое время были старостами Жмудскими ⁸⁷²). Подлѣ замка ихъ отчиннаго *Плотель* находились дворы: *Бержоры*, *Клинтилишки*, *Шовляны*, *Блоржды* на р. Миньѣ и *Окмяны* ⁸⁷³); имъ же принадлежалъ дворъ *Ботоки* ⁸⁷⁴), и „сѣножати по рѣцѣ по Муши съ пуцою и съ хмельниви почонѣ отъ Февесы до нѣмецкое граница“ ⁸⁷⁵). Изъ другихъ панскихъ имѣній можно указать на *Шовкяны*, *Лидовяны* и *Коркляны* —пановъ Шеметовичей ⁸⁷⁶); *Биржи* и *Кейданы*—пановъ Радивиловъ ⁸⁷⁷); *Жакоры* пана Миколая Сиревича ⁸⁷⁸); *Веверяны*—Яна Немировича Юрьевича, который онъ продалъ въ 1539 году пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду ⁸⁷⁹) и др.

На мѣстоположеніе центральныхъ поселеній перечисленныхъ волостей и имѣній указываютъ въ настоящее время: мѣстечки Веліона и Вилькія на р. Нѣманѣ Ковенскаго уѣзда; мѣстечко Эйрагола на р. Дубиссѣ, притокѣ Нѣмана, того же уѣзда; уѣздный городъ Ковенской губерніи Россіены; мѣстечко Видукле Россіенской волости Россіенскаго уѣзда; сельцо Абелинѣ, прежде Коршово; с. Покурже на р. Юрѣ того же уѣзда; Шадовѣ—заштатный городъ Ковенской губ. на рѣчкѣ Невдувѣ (системы р. Муссы); мѣстечко Ретово на р. Юрѣ Россіенскаго уѣзда; мѣстечко Плунгяны (въ Кгондинѣ) Тельшевскаго уѣзда на р. Борбунгѣ, притокѣ р. Миньи, впадающей въ Нѣманѣ недалеко отъ его устья; мѣстечко Вешвяны Тельшевскаго уѣзда недалеко отъ Тельшѣ; уѣздный городъ Ковенской губ. Тельши; сельцо Биржяны на р. Дирвитѣ, притокѣ Венты, Випдавы тожь, Шавельскаго уѣзда; сельцо Дырвяны того же уѣзда; мѣстечко Медынганя на р. Миньѣ и сельцо Жораны Жоранской волости Тельшевскаго уѣзда; сельцо Потумша Тельшевскаго уѣзда на границѣ съ Шавельскимъ; мѣстечко Коркляне Колтынянской волости Россіенскаго уѣзда; мѣстечко Ужвенты на верховьяхъ рѣки Венты Шавельскаго уѣзда; недалеко отъ него сельцо Бержаны Шавкянской волости того же уѣзда; мѣстечко Кроже Россіенскаго уѣзда на рѣчкѣ Крожентѣ; мѣстечко Вельмы того же уѣзда и на той же рѣчкѣ, притокѣ Дубиссы; сельцо

⁸⁷²) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 91, 92.

⁸⁷³) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 15; XV, л. 115—117.

⁸⁷⁴) Литов. Метр. кн. Зап. VI, л. 220.

⁸⁷⁵) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 41.

⁸⁷⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 151.

⁸⁷⁷) Литов. Метр. кн. Зап. III, л. 70.

⁸⁷⁸) Литов. Метр. кн. Зап. V, л. 42.

⁸⁷⁹) Литов. Метр. кн. Корон. Перепис. XXVII, л. 38.

Тензегола Крокской волости Ковенскаго уѣзда; мѣстечко Ясвойни на р. Шувѣ Ковенскаго уѣзда; село Повондене при озерѣ Глуда Тельшевскаго уѣзда; мѣстечко Юрбургъ на р. Нѣманѣ Россіенскаго уѣзда; сельцо Промядзево Манкунской волости Россіенскаго уѣзда; мѣстечко Скирстымонь на р. Мемелѣ; мѣстечко Твери Жоранской волости Тельшевскаго уѣзда; уѣздный городъ Ковенской губ. Шавли; мѣстечко Плотели при озерѣ Плотеле Тельшевскаго уѣзда; сельца Горные и Дольные Пошиле Колтынянской волости Россіенскаго уѣзда; мѣстечко Ворни при рѣчкѣ Ворненкѣ и близъ озера Лушпта Тельшевскаго уѣзда; мѣстечко Бетигола Ковенскаго уѣзда близъ рѣки Дубиссы; мѣстечки Гянтилишки и Бержоры близъ озера Плотеле Тельшевскаго уѣзда; мѣстечко Горжды на р. Минѣ того же уѣзда; мѣстечко Омьяны при р. Добекинѣ, притокѣ Венты, Шавельскаго уѣзда; мѣстечко Шавляны Шавельскаго уѣзда на рѣчкѣ Шувѣ системы Дубиссы; мѣст. Ботоки Россіенскаго уѣзда на рѣчкѣ Анчѣ, притокѣ Юры; мѣстечко Шавкяны на рѣчкѣ Шоны, притокѣ Венты, Шавельскаго уѣзда; мѣстечко Лидовяны на р. Дубиссѣ Россіенскаго уѣзда, мѣстечко Биржа Поневѣжскаго уѣзда на р. Опоцѣ системы Муссы; с. Кейданы на р. Невяжѣ Ковенскаго уѣзда; мѣстечко Старые и Новые Жагоры Шавельскаго уѣзда на рѣчкѣ Шветѣ системы Курляндской Аа; мѣстечко Вевиржаны на рѣчкѣ Вевиржанкѣ, впадающей въ Минью, Россіенскаго уѣзда.

Такимъ образомъ, Жмудская земля въ изучаемое время обнимала въ своихъ предѣлахъ нынѣшніе Тельшовскій, Россіенскій, Шавельскій и тѣ части Ковенскаго и Поневѣжскаго уѣздовъ, которыя находятся направо отъ р. Невяжи ⁸⁸¹).

Главнымъ правителемъ Жмудской земли со времени возвращенія ея изъ подъ власти Нѣмецкаго Ордена былъ *староста* ⁸⁸²), занимавшій въ должностной іерархіи Литовско-Русскаго государства положеніе наравнѣ съ главными намѣстниками или воеводами земель (въ 16 артикулѣ привилея 1492 г. онъ прямо приравнивается воеводамъ ⁸⁸³). Но не для всѣхъ волостей Жмудской земли онъ имѣлъ одинаковое значеніе. Часть этихъ волостей онъ вѣдалъ судомъ и управою непосредственно или черезъ своихъ урядниковъ, получая съ нихъ всѣ намѣстничьи доходы; часть волостей отдавались старостою тивунамъ, а часть „подавалъ“ самъ государь своимъ намѣстникамъ-дер-

⁸⁸¹) Акты Зап. Рос. I, № 103.

⁸⁸²) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. K. Litewskiego, str. 91.

⁸⁸³) Акты Зап. Рос. I, № 103.

завцамъ, причеъ староста оставался главою всѣхъ этихъ урядниковъ, высшею судебнo-административною инстанціею въ землѣ. Въ 1522 г. панъ, тивуны и бояре земли Жмудской жаловались королю на то, что тивунства въ землѣ Жмудской раздаетъ не король, какъ бы слѣдовало согласно привилеямъ Казимира и его преемниковъ, а панъ староста, и просили короля оставить ихъ „при тѣхъ привилеяхъ и вольностяхъ“: Но староста Жмудскій панъ Станиславъ Яновичъ заявилъ при этомъ, „иъ тѣе тивунства въ земли Жомойтской, кромѣ чотырохъ дворовъ: Вилькен а Вилены, а Скерстомони, а Ясвойни, а волости Шовленское, здавна за предковъ нашихъ (королевскихъ) и за насъ (короля) предкове его и онъ самъ у подаваньи своемъ мѣли ажъ до сего часу, а предкове ихъ и они сами предкомъ нашихъ и намъ о томъ николи ся не упоминали“, и просилъ короля оставить его „водлѣ стародавнаге обычая“. Сигизмундъ съ панами-радою выдалъ приговоръ согласно заявленію пана Станислава Яновича, отдавъ предпочтеніе давности обычая предъ писаннымъ правомъ, „коли-жъ того такъ отъ давныхъ часовъ у молчаніи были“⁸⁸⁴). Но со смертію пана Станислава Яновича, когда старостою сталъ его сынъ Станиславъ, король взялъ „въ свою моць и подаванье“ еще слѣдующія волости: Ойравголу „зъ мѣстомъ и зъ мѣстскими платы и со всеми людьми“; волость Коршово „со всеми людьми“, Поюръе, Шовды, Полоную (?), Колтыняны и Пошили, Ретово, Бгондыну, Тверы, Телши, Ужвенты, Вешвяне, Бяржняны, Дирвяны, Биршаны, Юрборокъ⁸⁸⁵). Тивунства въ этихъ волостяхъ съ того времени раздавались уже не старостами, а самимъ господаремъ⁸⁸⁶), а остальные волости, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ сидѣли господарскіе наместники-державцы, были „приданы пану старостѣ“, т. е. отданы были въ его непосредственное завѣдыванье⁸⁸⁷). Нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ волостей до 1527 года также отдавались старостами въ держанье тивунамъ, напр. волость Тондявольская, тивуну которой Николаю Володьевичу король Сигизмундъ въ 1516 году подтвердилъ землю, купленную у слугъ путныхъ Тондявольскихъ⁸⁸⁸), такъ что, повидимому, лишая старосту права подавать тивунства въ землѣ Жмудской, король вознаградилъ его придачею въ непосредственное завѣдыванье именно этихъ волостей.

⁸⁸⁴) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 80, 81.

⁸⁸⁵) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 86; Акты Зап. Рос. II, № 160.

⁸⁸⁶) Акты Зап. Рос. II, № 149.

⁸⁸⁷) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 86.

⁸⁸⁸) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 189.

Для всѣхъ урядниковъ Жмудской земли, намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, староста, какъ уже сказано, былъ главою и непосредственнымъ начальникомъ. Семнадцатый артикулъ уставной грамоты, данной въ 1529 году державцамъ и тивунамъ Жмудской земли, гласитъ: „Тежъ съ послушенства пана старостина тыхъ всихъ тивуновъ и всее шляхты земли Жомойтской не выймаемъ, але хочемъ, абы во всякихъ рѣчахъ пану старостѣ были послушны во всемъ, яко рады а мѣстца нашего, а набольши въ тыхъ рѣчахъ, которые замечать ко споможенью и къ доброй справѣ рѣчи посполитоѣ тоѣ-то земли наше“⁸⁸⁹). Хотя въ приведенной статьѣ говорится объ однихъ только тивунахъ, но изъ другихъ современныхъ источниковъ видно, что „послушенствомъ“ пану старостѣ были обязаны и намѣстники-державцы Жмудскихъ дворовъ. Такъ, напр. въ 1523 году староста Жмудскій панъ Станиславъ Яновичъ, получивъ отъ короля указъ „обратъ“ въ какой-нибудь волости Жмудской десять служебъ людей и четыре земли пустовскихъ для дворянина Андрея Мацковича, людей выбралъ въ Ойраггольской волости и далъ въ нихъ ему увязанье, а относительно земель пустовскихъ писалъ до подскарбія дворнаго, державцы Веленскаго, пана Ивана Андреевича, „абы тии земли обравши съ одного у Веленскомъ повѣтѣ поблизъ дворца его Понѣмоньского, и его въ то увязалъ“.—„И панъ Иванъ,— гласитъ привилей,— зъ роказанья его милости чотыри земли пустовскихъ обралъ... и его въ тии земли увязалъ и листъ свой увязчый ему на то далъ“⁸⁹⁰). Староста иногда распоразжался въ повѣтахъ державцевъ и безъ предварительной ссылки съ ними. Тотъ же самый Станиславъ Яновичъ далъ „увязанье“ своему служебнику Шимку Митковичу въ десять служебъ людей и четыре пустовщины, пожалованныхъ ему королежъ (очевидно, по представленію старосты) „у земли Жомойтской у Веленскомъ повѣтѣ Жосецкой волости“. Но вслѣдъ затѣмъ мѣстный державецъ, панъ Иванъ Андреевичъ, заявилъ королю „жъ тии люди и земли есть къ великой шкодѣ двору Веленскому“,—изъ чего видно, что пожалованье состоялось безъ его вѣдома⁸⁹¹). Въ свое время будутъ приведены и другія свидѣтельства источниковъ, очерчивающія власть старосты Жмудскаго въ тивунствахъ и державахъ этой земли.

Намѣстники-державцы по актамъ изучаемаго времени являются въ тѣхъ дворахъ и волостяхъ Жмудской земли, которыя по приведен-

⁸⁸⁹) Акты Запад. Рос. II, № 160.

⁸⁹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 104.

⁸⁹¹) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 111, 112.

ному выше заявленію пана Станислава Яновича не были въ „поддѣванъѣ“ старостѣ Жмудскихъ, т. е. въ Видькѣ, Веленѣ, Скерстомони, Ясвойни и волости Пловенской.

Намѣстника Вильгейскаго пана Яна Миволаевича, мы встрѣчаемъ, напр., въ подтвердительномъ привилей, выданномъ въ 1495 году городничему Городенскому Гринку Ходкевичу на нѣкоторыя земли, его купли и мѣны⁸⁹²). Въ двадцатыхъ годахъ XVI вѣка акты упоминаютъ уже о *державцѣ Вильгейскомъ*, панѣ Александрѣ Ивановнѣ Ходкевича,—напр., судный листъ короля Сигизмунда по дѣлу о наслѣдствѣ въ имѣньяхъ Илемницѣ и Полоной⁸⁹³).

Намѣстника Веленскаго пана Мартина Якубовича мы встрѣчаемъ, напр., въ „вырокѣ“ короля Александра отъ 24 іюля 1501 года по дѣлу королевы Елены съ паномъ Юрьемъ Ивановичемъ Ильинича „о забраніе земель и пущи двора Контягинскаго“⁸⁹⁴). Панъ Юрій Миколаевичъ, державшій Велену въ первые годы княженія Сигизмунда I, также называется намѣстникомъ Веленскимъ⁸⁹⁵), равно какъ и преемникъ его, панъ Иванъ Андреевичъ Сопѣга⁸⁹⁶). Впрочемъ, послѣдній называется въ актахъ и *державцею*, напр., въ подтвержденъѣ, данномъ 2 августа 1521 года боярину Витебскому Петру Гринкевичу на часть имѣнья Олешковичей въ Городенскомъ повѣтѣ, купленную имъ у дяди его Васька⁸⁹⁷). Это названіе не является постояннымъ и послѣ 1521 года. Такъ, напр., въ записи о „личбѣ“ (отчетѣ) подскарбія земскаго пана Ивана Горностая, которую онъ производилъ въ Вильнѣ 1 января 1535 года, въ числѣ пановъ, присутствовавшихъ при отчетѣ, обозначенъ подскарбій дворный, намѣстникъ Веленскій, панъ Иванъ Андреевичъ Сопѣга⁸⁹⁸).

О *намѣстникахъ Скерстомоньскихъ* упоминаютъ, напр., слѣдующіе акты княженія Александра: во 1-хъ, подтвердительный привилей, выданный 13 марта 1505 г. писарю Нивольскому Васильевичу на имѣнье Деречинъ, гдѣ намѣстникъ Владимирскій и Скерстомоньскій

⁸⁹²) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 62.

⁸⁹³) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 62. Срав. Акты Зап. Рос. II, № 164.

⁸⁹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 197, 198; Акты Южв. и Зап. Рос. I, № 37.

⁸⁹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 244.

⁸⁹⁶) Акты Зап. Рос. II, № 78; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 593.

⁸⁹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 50, 51.

⁸⁹⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 201.

Федоръ Янушковичъ написанъ въ числѣ пановъ рады ⁹⁰⁰⁾; во 2-хъ, привилей на лѣсъ и ездъ на р. Юрѣ, выданный 16-го іюля 1506 года пану Петру Олехновичу, кухмистру, намѣстнику Скерстомоньскому ⁹⁰¹⁾ и др. При Сигизмундѣ намѣстники Скерстомоньскіе, какъ и другіе, стали именоваться державцами. Такимъ образомъ, напр., въ записи о „личбѣ“ серебрянныхъ денегъ, произведенной въ 1535 году подскарбіемъ земскимъ паномъ Иваномъ Горностаемъ, въ числѣ „бирчихъ“ серебрянины упомянутъ писарь латинскій, *державца Скерстомоньскій*, панъ Павелъ Нарушевичъ ⁹⁰²⁾).

Къ *намѣстнику Ясвоинскому* пану Войтеху Нарбутовичу писалъ въ 1494 году 7 апрѣля великій князь Александръ объ отдачѣ боярынѣ Ядвигѣ Довгинтовой отчинныхъ людей и земель ⁹⁰³⁾. Преемникъ его, московскій выходецъ Иванъ Тимоѣевичъ Плеещева Юрловъ, называется въ актахъ *державцею Ясвоинскимъ*, напр., въ подтвержденѣ, выданномъ ему 26 января 1516 года на людей и земли, пожалованныя ему въ разныхъ повѣтахъ и, между прочимъ, „у Жомойтскомъ повѣтѣ у Ясвоинской волости“ ⁹⁰⁴⁾. Но въ другомъ подтвержденѣ (отъ 13 мая 1521 года) на людей и земли, которыя Иванъ Тимоѣевичъ приобрѣлъ послѣ того, онъ названъ намѣстникомъ Ясвоинскимъ ⁹⁰⁵⁾.

Намѣстникъ Шовельскій панъ Миколай Рачковичъ упоминается въ подтвердительномъ привилеѣ, выданномъ ему 3 августа 1510 года на земли и сѣножати, купленные его отцомъ у людей господарскихъ Волковыйскаго повѣта ⁹⁰⁶⁾. Но въ привилеѣ, выданномъ ему 7 іюня 1508 года на двадцать служебъ людей въ Васишишскомъ повѣтѣ, онъ названъ *державцею Шовельскимъ* ⁹⁰⁷⁾. Преемникъ его, панъ Миколай Михневичъ, снова называется въ актахъ намѣстникомъ ⁹⁰⁸⁾; впрочемъ, названіе „державца“ и въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, вытѣснило изъ употребленія названіе „намѣстникъ“.

⁹⁰⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 241, 242.

⁹⁰¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 318, 319; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 37.

⁹⁰²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 200.

⁹⁰³⁾ Акты Зап. Рос. I, № 169. Срав. также Акты Зап. Рос. II, № 50.

⁹⁰⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 114, 115.

⁹⁰⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 42, 43.

⁹⁰⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 167.

⁹⁰⁷⁾ Ibidem, л. 213, 214.

⁹⁰⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 176.

XIV.

Правительственное дѣленіе и устройство Волынской земли, существовавшее въ изучаемое время, было прямымъ наслѣдіемъ того политическаго дѣленія и устройства ея, которое установилось въ удѣльную эпоху литовскаго владычества. Въ то время, какъ было уже сказано въ первомъ очеркѣ (стр. 38—42), на Волыни существовало три удѣла потомковъ Гедимина-Луцкій, Владимирскій и Кременецкій: съ упраздненіемъ въ нихъ княжескихъ столовъ осталось три повѣта—Луцкій, Владимирскій и Кременецкій, — и въ нихъ урядники великаго князя. Княжескіе столы упразднились сначала въ Кременцѣ и Владимирѣ и затѣмъ уже въ Луцкѣ. Благодаря этому и великокняжескій урядникъ, утвердившійся въ Луцкѣ, въ резиденціи удѣльнаго князя всей Волынской земли, которому были подчинены сначала Луцкій и Кременецкій округа, а потомъ и Владимирскій, занялъ первое мѣсто среди великокняжескихъ урядниковъ Волынской земли, какъ ихъ глава и старшина. Этотъ урядникъ назывался сначала намѣстникомъ и воеводою, какъ и всѣ областные управители на югѣ Литовской Руси ⁹⁰⁹). Свидригелло послѣ того, какъ захватилъ Волынь и вступилъ въ вассальныя отношенія къ Польшѣ, урядилъ свой дворъ по образцу королевскаго польскаго, и потому въ составѣ его пановъ рады встрѣчаемъ канцлера, маршалка земскаго и дворныхъ маршалковъ, крайчаго и старость въ качествѣ областныхъ управителей; изъ старинныхъ русскихъ должностныхъ лицъ остались влючникъ въ Луцкѣ и тивуны въ отдѣльныхъ волостяхъ ⁹¹⁰). По смерти Свидригелла и съ упраздненіемъ удѣльнаго стола на Волыни изъ должностныхъ лицъ, составлявшихъ его раду, остались староста Луцкій и маршалокъ земскій, получившій теперь названіе маршалка Волынской земли, влючникъ и хоружій; званіе маршалка Волынской земли стало соединяться по большей части съ должностью старосты Луцкаго или намѣстника Владимирскаго; изъ областныхъ управителей только одинъ *Луцкій* официально продолжалъ именоваться *старостою* ⁹¹¹), а остальные

⁹⁰⁹) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № I, VII, IX; Акты Зап. Рос. I, № 9.

⁹¹⁰) Акты Зап. Рос. I, № 36, 37, 45; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 18, 19, 20; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № II, XXXVI, XLI, XLIV, XLVII, XLIX, LXVII.

⁹¹¹) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 21—23.

стали называться намѣстниками, какъ и всѣ другіе областныя правители, сидѣвшіе въ пригородахъ и на волостяхъ бывшихъ удѣльныхъ княжествъ, и только изрѣдка, по старой памяти и въ частныхъ документахъ, старостами. Такимъ образомъ, напр., панъ Олизаръ Шиловичъ при Казимирѣ официально назывался *намѣстникомъ Владимирскимъ*, въ частныхъ документахъ старостою⁹¹¹⁾. Преемникъ его на Владимирскомъ урядѣ панъ Войтехъ Кучуковичъ называется въ актахъ также намѣстникомъ, напр., къ листѣ великаго князя Александра (1494 года), содержащемъ приказаніе ему слѣдить за тѣмъ, чтобы земляне Владимирскіе не возбраняли мѣщанамъ брать дерево на дрова на двѣ мили кругомъ Владимира⁹¹²⁾. Съ этимъ же титуломъ является и панъ Василій Хребтовичъ⁹¹³⁾, и князь Юрій Ивановичъ⁹¹⁴⁾, и панъ Ѳедоръ Янушковичъ⁹¹⁵⁾, державшіе Владимиръ при Александрѣ. Послѣдній, когда ему пришлось во второй разъ, въ 1507 году, получить Владимиръ послѣ староства Лудцаго, которое онъ долженъ былъ уступить возвратившемуся изъ московскаго плѣна кн. Константину Ивановичу Острожскому, получилъ отъ короля Сигизмунда особый привилей на титулъ *старосты*⁹¹⁶⁾, и съ того времени это названіе установилось прочно за правителемъ Владимирскаго повѣта. Такимъ образомъ, старостами Владимирскими называются князь Андрей Сангущковичъ, державшій Владимиръ послѣ пана Ѳедора Янушковича, умершаго въ 1508 году⁹¹⁷⁾, и сынъ его князь Ѳедоръ Андреевичъ, получившій Владимиръ въ держанье послѣ своего отца⁹¹⁸⁾. Правитель Кременецкаго повѣта сталъ называться снова старостою гораздо позже, чѣмъ Владимирскій, уже около 1529 года. *Намѣстниками Кременецкими* въ изучаемое время были: князь Александръ Сангущковичъ⁹¹⁹⁾, князь Андрей Михайловичъ Сангущковича, державшій Кременецъ въ послѣдніе годы Казимирова правленія и въ первые годы Александрова⁹²⁰⁾, панъ Юрій Михайловичъ Монтовтовича въ послѣдніе годы княженія Александра и въ первые годы княженія Сигизмун-

⁹¹¹⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LVI, LVIII, LXXIV, LXXV.

⁹¹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 8, 9.

⁹¹³⁾ Ibidem, л. 35.

⁹¹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 201.

⁹¹⁵⁾ Ibidem, л. 241, 242.

⁹¹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 199.

⁹¹⁷⁾ Ibidem, 291, 292; Акты Зап. Рос. II, № 32.

⁹¹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 93.

⁹¹⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 81.

⁹²⁰⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XCIX.

да ²²¹⁾, братъ его Якубъ, которому король Сигизмундъ въ 1508 году далъ имѣнья Млыново и Пекулово въ Луцкомъ повѣтѣ ²²²⁾, и который является съ этимъ титуломъ еще въ актахъ 1524 года ²²³⁾. Впрочемъ, послѣдній называется иногда и *державцею* Кременецкимъ, напр., въ листѣ короля Сигизмунда до державцы Ейшишскаго пана Андрея Довойновича, содержащемъ приказъ, „абы державцы Кременецкому пану Якубу Монтовтовичу у Ейшишскомъ повѣтѣ двѣ земли пустовскихъ подати велѣлъ“ ²²⁴⁾, и *старостою* ²²⁵⁾.

Луцкій староста занялъ среди урядниковъ Волынской земли первое мѣсто, какъ ихъ глава и старшина. Г. Александръ Яблоновскій въ предисловіи къ изданной имъ ревизіи замковъ земли Волынской въ половинѣ XVI вѣка утверждаетъ, что первымъ сановникомъ и политическимъ представителемъ земли Волынской былъ ея маршалокъ: онъ былъ представителемъ верховной господарской власти во всей землѣ, непосредственнымъ намѣстникомъ великаго князя, предсѣдателемъ на „сеймахъ“ земли Волынской и, можетъ быть, наивысшимъ вождемъ, гетманомъ ея вооруженныхъ силъ ²²⁶⁾. Изъ этой характеристики вѣрно только одно, что маршалокъ земли Волынской былъ вождемъ мѣстныхъ вооруженныхъ силъ; все же остальное нужно отнести къ старостѣ Луцкому. Если маршалокъ земли Волынской и выступаетъ съ такимъ значеніемъ въ актахъ, то лишь потому, что это званіе давалось, по большей части, старшему намѣстнику въ землѣ Волынской—старостѣ Луцкому. Но староста Луцкій выступаетъ съ такимъ значеніемъ даже и тогда, когда онъ не носитъ званія маршалка земли Волынской. Такъ, напр., князя Збаражскіе, имѣнья которыхъ лежали въ Кременецкомъ повѣтѣ, дѣлились ими въ 1463 и 1475 гг. передъ старостами Луцкими, передъ паномъ Михаиломъ Монтовтовичемъ и кн. Александромъ Саньгушквичемъ, и маршалкомъ Волынской земли, намѣстникомъ Владимирскимъ, паномъ Олизаромъ Шиловичемъ; въ актахъ раздѣла на первомъ мѣстѣ фигурируютъ старосты, а не маршалокъ ²²⁷⁾. Староста Луцкій князь Семень Юревичъ Гольшан-

²²¹⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXXIX, CXXX; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 151.

²²²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 204.

²²³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 149.

²²⁴⁾ Ibidem, л. 22, 23; Архивъ Юго-Запад. Рос., ч. I, т. VI, № 4.

²²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 95, 96.

²²⁶⁾ Źródła dziejowe, tom VI, str. LVIII, LIX.

²²⁷⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LVIII, LXXIV, LXXV.

скій, не бывшій еще маршалкомъ земли Волынской, председательствовалъ въ 1491 году на „соймѣ“ земли Волынской („со князми и паны земли Волынской“), на которомъ разбиралось дѣло землянъ Цеценевскихъ съ княземъ Александромъ Санегушевичемъ о селѣ Новосельцахъ ⁹²⁸⁾; староста же Луцкій, вн. Ѳеодоръ Михайловичъ Чорторыйскій, не бывшій маршалкомъ земли Волынской, судилъ въ 1529 году пана Щаснаго Якимовича съ вн. Дмитріемъ Буремскимъ „о равныя кривды“, а съ нимъ „того смотрѣли: господиць отецъ владыка Луцкій Маварей его милость, архимандритъ Жыдичинскій отецъ Арсеней его милость, а панъ Яеубъ его милость Михайловичъ Монтовичъ, староста Кременицкій, князь Василій Ѳеодоровичъ Четвертенскій, князь Александръ Михайловичъ Вишневскій, князь Петръ Михайловичъ, городничій Трокій, князь Солтанъ и князь Юрій Соколенскій, панъ Михайло Семашкевичъ, хоружій Волынской, панъ Михайло Васильевичъ, писарь господарскій, панъ Ѳеодоръ а панъ Дашко Еловичы, панъ Якимъ Жасковскій, панъ Ѳеодоръ Тайгурскій, панъ Михайло а панъ Ѳеодоръ Гулевичы и иныи князи и панове“ ⁹²⁹⁾ и т. д. Староста Луцкій въ качествѣ главнаго урядника Волынской земли вѣдалъ въ административномъ отношеніи и Кременецкій повѣтъ этой земли, кромѣ своего Луцкаго. Поэтому и король Сигизмундъ, пожаловавъ въ 1508 г. землянамъ Вѣницкимъ: Левону Берендею, Антону, Ювладу, Вакулѣ и Павлу селище пустое Кузьминъ въ Кременецкомъ повѣтѣ на р. Случи и на Борчаевѣ, извѣщаль о томъ старосту Луцкаго князя Константина Острожскаго ⁹³⁰⁾. Относительно Владимирскаго повѣта намъ не встрѣчалось подобныхъ указаній, и, повидимому, онъ стоялъ внѣ административнаго вѣдома старосты Луцкаго. Любопытно, что даже и въ качествѣ военачальника маршалокъ земли Волынской считался ниже старосты Луцкаго, состоялъ, такъ сказать, при его особѣ въ качествѣ специально военнаго урядника, его помощника, каковымъ онъ былъ нѣкогда при Волынскомъ князѣ. Такъ, король Казимиръ, пожаловавъ Ивану Луду войтовство Владимирское и Литовишское, „вызволилъ съ тыхъ обѣихъ войтовствъ на войну не ходити до его живота зъ старостою Луцкимъ и зъ намѣстникомъ Володимерскимъ и зъ маршалкомъ Волынскаго земли, и съ князи и съ паны Волынскаго земли“ ⁹³¹⁾. Такимъ образомъ, староста Луцкій по должностному своему значе-

⁹²⁸⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XCIX.

⁹²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 95, 96.

⁹³⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 185.

⁹³¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 83.

нію въ изучаемое время близко подходит въ воеводамъ собственной Литовской и русскихъ земель и къ старостѣ Жмудской земли.

Прямымъ наслѣдіемъ удѣльной эпохи литовскаго владычества были и территориальные предѣлы и составъ тѣхъ повѣтовъ, изъ которыхъ въ изучаемое время состояла Волинская земля. Относительно территориальнаго состава ихъ нужно напередъ замѣтить, что уже въ изучаемое время мы встрѣчаемся съ количественнымъ преобладаніемъ крупныхъ княжескихъ и панскихъ имѣній на Волини надъ подарскими волостями, которыя почти всѣ уже пошли въ раздачу мѣстнымъ князьямъ, панамъ и землянамъ.

Луцкій повѣтъ въ изучаемое время занималъ территорію, которая обнимала собою весь нынѣшній Луцкій уѣздъ, юговосточную часть Владимирскаго уѣзда, восточную часть Ковельскаго (преимущественно бассейнъ р. Стоходи), нѣкоторыя пограничныя мѣстности въ южной части Пинскаго уѣзда, весь Дубенскій, Ровенскій, Острожскій и Заславскій уѣзды и западную часть Новградволинскаго уѣзда по р. Случь.

Въ бассейнѣ р. Стоходи въ нынѣшнемъ Пинскомъ, Ковельскомъ и Луцкомъ уѣздахъ акты изучаемаго времени обозначаютъ, напр., слѣдующія селенія Луцкаго повѣта: *Черочица* (нынѣ село на р. Стоходи Угриничской волости Пинскаго уѣзда)—одно изъ имѣній, подтвержденныхъ королемъ Казимиромъ пану Немиру Резановичу⁹²²⁾; *Обзырь* (нынѣ село на р. Стоходи Ковельскаго уѣзда)—одно изъ имѣній, утвержденныхъ Казимиромъ за кн. Михаиломъ Курцевичемъ⁹²³⁾; *Песочю Козлинецкой волости* (нынѣ село Повурской волости Ковельскаго уѣзда), пожалованное королемъ Казимиромъ Маску Сулевичу⁹²⁴⁾; въ той же Козлинецкой волости: село *Поворско* (нынѣ Повурскѣ Ковельскаго уѣзда), пожалованное князю Константину Ивановичу Острожскому⁹²⁵⁾; село *Кречевичи* (нынѣ Уховецкой волости Ковельскаго уѣзда), подтвержденное въ 1452 году пану Казарину⁹²⁶⁾, а впоследствии перешедшее къ князю Сангушке⁹²⁷⁾; въ *Мельницкой волости*: *Голобвы*, пожалованные королемъ Сигизмундомъ Тишке Козинскому вмѣстѣ съ тремя дворищами въ *Бруховичахъ* (нынѣ село

⁹²²⁾ Акты Зап. Рос. I, № 54.

⁹²³⁾ *Starożytna Polska* III, 515; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 29.

⁹²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 54; Памятники Временной Кіевской Комиссіи, т. IV, отдѣл. II, стр. 180—184.

⁹²⁵⁾ *Ibidem*.

⁹²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 56.

⁹²⁷⁾ Памятники Временной Кіев. Комиссіи т. IV, отд. II, стр. 180—184.

Голобской волости Ковельскаго уѣзда)³³⁸); *Мосори* (на р. Стоходи Голобской волости), подтвержденные въ 1496 году „на вѣчность“ князю Ивану Путятичу, ключнику Луцкому³³⁹); *Подрыже* (нынѣ село Подрыжь), подтвержденное въ 1452 году пану Семашку Епифановичу³⁴⁰); *Велицкы* (нынѣ село Ковельскаго уѣзда)—имѣнье отчинное князей Велицкихъ³⁴¹); въ бассейнѣ же Стоходи упоминаются *Серховъ* (нынѣ село Бѣльсковольской волости Луцкаго уѣзда) и *Хорохоринъ* (Щуринской волости), пожалованныя Свидригелломъ нѣвоему Пѣшку³⁴²).

По рѣкѣ Стыри и ея притокамъ въ нынѣшнемъ Владимирскомъ, Дубенскомъ и Луцкомъ уѣздахъ, кромѣ самого замка *Луцка* и его мѣста, акты изучаемаго времени упоминаютъ, напр., слѣдующія значительныя селенія Луцкаго повѣта: дворы *Серники* (нынѣ село Сернички на р. Сарнѣ Киселинской волости Владимирскаго уѣзда?), *Любче* (нынѣ село Рожицкой волости Луцкаго уѣзда), *Гороховъ* (нынѣ мѣстечко Скобелецкой волости Владимирскаго уѣзда), *Марковичи* (тамъ же) и *Губинъ* (нынѣ село Чаруковской волости Луцкаго уѣзда), пожалованныя королемъ Казимиромъ пану Олизару Шиловичу съ приселками *Подльсцами* (Залѣсцы), *Доросиномъ* (нынѣ села Щуринской волости Луцкаго уѣзда) и *Поворскомъ* (нынѣ село Ковельскаго уѣзда, недалеко отъ мѣстечка Мельницы), которыя онъ выслужилъ на великомъ князѣ Свидригелѣ „у Мельницкой волости“³⁴³). Дворъ *Серники* по смерти Олизара Шиловича перешелъ во владѣнiе великаго князя, который въ 1502 году записалъ его на вѣчность князю Андрею Сангушковичу и его потомкамъ³⁴⁴); дворы *Гороховъ* и *Любче* съ приселками: *Доросиномъ*, *Суткою* (Руткою), *Залѣсцами*, панъ Олизаръ записалъ своей панѣ *Федкѣ*³⁴⁵), которая въ свою очередь записала *Гороховъ* великому князю, а *Любче* съ приселками: *Доросиномъ*, *Друзкою*, *Залѣсцами* и *Козинымъ Островомъ*, сыну своей сестры вн. Богдану Васильевичу (изъ *Друцкихъ*)³⁴⁶); а этотъ оставилъ его брату своему

³³⁸) Ibidem. Срав. кн. Запис. VII, л. 239—242.

³³⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 87.

³⁴⁰) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 28.

³⁴¹) *Bonięckiego* Poczet rodów, str. 366.

³⁴²) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 54.

³⁴³) Акты Запад. Рос. I, № 53.

³⁴⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 214.

³⁴⁵) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXXXVIII.

³⁴⁶) Ibidem, № CXXXIX, CXL; *Bonięckiego* Poczet rodów w. W. Ks. Litewskiem w. XVI XVI wieku, str. 166.

Роману. Этотъ князь Романъ Васильевичъ сдѣлался родоначальникомъ князей Любецкихъ на Волыни⁹⁴⁷). Дворъ Гороковъ великій князь Александръ сначала отдалъ въ держанье, а потомъ въ вотчину на вѣчность пану Василью Хребтовичу⁹⁴⁸). Въ Луцкомъ же повѣтѣ король Казимиръ пожаловалъ *Буремли* (нынѣ село Боремель на р. Стыри Дубенскаго уѣзда), *Новоселы*, *Красовы* (нынѣ село Холоневской волости Владимирскаго уѣзда) и *Сестратинъ* (нынѣ село Крупецкой волости Дубенскаго уѣзда) князю Михаилу Курцевичу, отъ котораго пошелъ родъ князей Буремскихъ⁹⁴⁹). Въ 1504 году король Александръ пожаловалъ пану Мартину Хребтовичу имѣнье *Блудовы* (нынѣ село Слובелецкой волости Владимирскаго уѣзда⁹⁵⁰); въ 1518 году король Сигизмундъ утвердилъ на вѣчность за паномъ Богусемъ Боговитиновичемъ село *Свинаринъ* (нынѣ Новодворской волости Владимирскаго уѣзда), половина котораго была въ Луцкомъ, а половина въ Владимирскомъ повѣтѣ⁹⁵¹); село это въ 1506 году было записано пану Богушу городничимъ Луцкимъ Петрушею Мупачичемъ⁹⁵²); въ 1512 онъ же утвердилъ за княгинею Михаиловою Козевича и ея дѣтьми *Осмиловичи* (нынѣ село Новодворской волости Владимирскаго уѣзда)⁹⁵³).

Въ сосѣдствѣ съ упомянутыми селеніями и также по притокамъ р. Стыри разбросаны были селенія, составлявшія *Перемильскую волость* Луцкаго повѣта, на центральное селеніе которой указываетъ въ настоящее время село *Перемилье* на р. Стыри Берестеческой волости Дубенскаго уѣзда. Такъ, король Казимиръ пожаловалъ въ Перемильскомъ повѣтѣ Юшку Довегяловичу *Печизаосты* (нынѣ село Подберезской волости Владимирскаго уѣзда), *Скирайлово*, *Бодачевы* (нынѣ село Бодачевъ Княжской волости того же уѣзда) и *Смыновы* (нынѣ село Дубенскаго уѣзда на границѣ съ Владимирскимъ)⁹⁵⁴); Андрею Волотовичу—село *Замячю* (нынѣ село Холоневской волости Владимирскаго уѣзда)⁹⁵⁵), которое затѣмъ перешло во владѣнье князей

⁹⁴⁷) Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. VII, т. I, № 7.

⁹⁴⁸) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 35; VI, л. 189, 190.

⁹⁴⁹) Акты Южн. и Зап. Россіи I, № 29; *Starożytna Polska* III, 515.

⁹⁵⁰) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 301.

⁹⁵¹) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 594, 595.

⁹⁵²) *Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków* I, № CXXXI,

⁹⁵³) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 60.

⁹⁵⁴) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 55; Акты Запад. Рос. II, № 35.

⁹⁵⁵) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 56; VI, л. 162, 163. *Archiwum ks.*

Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXVIII.

Сангушковь⁹⁵⁶); Митку, племяннику Немирину,—село *Липую* (нынѣ Липа Берестечской волости Дубенскаго уѣзда)⁹⁵⁶); накому-то Савостьяну—*Мирковъ* съ дворщицею *Черниччи* (нынѣ село Подберезской волости Владимирскаго уѣзда)⁹⁵⁷). Великій князь Александръ въ 1496 году утвердилъ на вѣчность за паномъ Оедвомъ Янушковичемъ *Колодези* въ приселкомъ *Жабкомъ* въ Перемильскомъ повѣтѣ (нынѣ села Колодежи и Жабче Чаруковской волости Луцкаго уѣзда), а за землинномъ Хрѣбницкимъ имѣніе *Крупецъ* (нынѣ мѣстечко Дубенскаго уѣзда на р. Бѣлой Криницѣ). Къ Перемильскому же повѣту, по всѣмъ даннымъ, относилось и имѣніе *Хотень* (село Теслуговской волости Дубенскаго уѣзда), которымъ при Казимирѣ владѣлъ панъ Оливаръ Шилевичъ, записавшій его своей падчерицѣ княгинѣ Марьѣ Семеновнѣ Ровенской⁹⁵⁸); въ концѣ изучаемаго времени имѣнья *Корытень* (тоже село Теслуговской волости) и *Хотень* находились въ рукахъ землянъ⁹⁵⁹). — Перемильскій повѣтъ при Казимирѣ и Александрѣ отдавался въ держанье особому *намѣстнику*⁹⁶⁰). Впослѣдствіи, въ 1511 году, замокъ Перемиль съ селами, не розданными въ частныя руки, пожалованъ былъ князьямъ Вишневецкимъ⁹⁶¹).

По рѣѣ Стыри и ея притокамъ лежали селенія „*повѣта ключнитва Луцкаго*“, большею частью, впрочемъ, розданныя въ изучаемое время въ частное владѣніе. Къ ключу Луцкому тонули господарскіе дворцы *Гнидава* и *Красное* подъ Луцкомъ (нынѣ село Гнидово на р. Стыри Милуниской волости близъ Луцка и сельцо Красное) и села: *Севежъ*, *Кольчинъ*, *Подгайцы* (нынѣ села Кульчинъ и Подгайцы Большіе на р. Стыри Теременской волости Луцкаго уѣзда). Къ ключу Луцкому принадлежали также: дворецъ *Садовъ* (нынѣ село Тортинской волости Луцкаго уѣзда), пожалованный королемъ Сигизмундомъ князю Ивану Юрьевичу Жеславскому⁹⁶²); дворецъ *Жуновъ* (нынѣ село Жуковъ Блеванской волости Ровенскаго уѣзда), который король Сигизмундъ въ

⁹⁵⁶) Архивъ Юго-Запад. Рос. ч. VII, т. I, № III; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXVIII, L.

⁹⁵⁷) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 64.

⁹⁵⁸) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XCI.

⁹⁵⁹) Литов. Метр. кн. Запис. л. XII, 87.

⁹⁶⁰) Памятники Временной Киевской Комиссiи, т. IV, отдѣлъ II, стр. 125; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXXXI.

⁹⁶¹) В. Антоновича и К. Козловскаго Грамоты великихъ князей Литовскихъ, № 24.

⁹⁶²) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 216, 217.

1516 году пожаловалъ пану Богущу Боговитиновичу, съ приселками: *Бѣлосымъ* (нынѣ село на р. Стубенкѣ Клеваньской волости), *Новымъ Ставомъ* (тамъ же) и *Гуменниками* (нынѣ деревня на р. Стублѣ Дятковичской волости того же уѣзда) и со всѣмъ, какъ на него держано было ⁹⁶³). Дворъ Жуковъ былъ центромъ цѣлой волости или повѣта, который въ своемъ составѣ нѣкогда заключалъ не одни вышеупомянутые приселки. Такъ, въ 1502 году король Александръ пожаловалъ пану Мицитѣ Чапличу село конюшское *Радозовку* (нынѣ село Клеваньской волости Луцкаго уѣзда) ⁹⁶⁴); въ 1501 году онъ же пожаловалъ князю Федору Михайловичу Чорторыйскому три дворища „Жуковского повѣта у *Клевани*“ ⁹⁶⁵); Клевань въ послѣдствіи мы видимъ уже въ полномъ обладаніи князей Чорторыйскихъ ⁹⁶⁶). — Центромъ особой волости „повѣта ключництва Луцкаго“ былъ и дворъ *Торговица* (нынѣ мѣстечко Дубенскаго уѣзда на р. Иквѣ и Стыри). Торговица въ числѣ другихъ имѣній была пожалована королемъ Казимиромъ пану Немиру Резановичу ⁹⁶⁷). По смерти его она спала на господаря, который „въ *Торговицкой волости* Луцкаго повѣта“ раздавалъ имѣнья, напр., въ 1509 году пожаловалъ село Полчае (нынѣ Пелча Козинской волости Дубенскаго уѣзда?) князю Константину Ивановичу Острожскому ⁹⁶⁸). Въ 1511 году король Сигизмундъ пожаловалъ дворъ свой Торговицу съ селами: *Рудлевомъ* (на р. Иквѣ Книгининской волости), *Боболокомъ* (тамъ же) и *Бѣлымъ Берегомъ* (нынѣ село Бѣлобережье Варковичской волости Дубенскаго уѣзда) князьямъ Борецкимъ, во владѣніи которыхъ онъ оставался потомъ въ теченіе всего изучаемаго времени ⁹⁶⁹). — Къ ключу Луцкому тянула и *волость Млыновская*, въ которой король Сигизмундъ, напр., пожаловалъ Богдану Волчковичу боярское имѣніе *Привередовъ* (нынѣ село Перевердовъ Млыновской волости Дубенскаго уѣзда), при чемъ извѣщаль объ этомъ ключника Луцкаго Андрушка Федковича ⁹⁷⁰). Въ 1508 году король Сигизмундъ пожаловалъ пану Якубу Монтовтовичу имѣнья Млыново (нынѣ мѣстечко на р. Иквѣ) и *Пекулово* (нынѣ село на р.

⁹⁶³) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 591, 592.

⁹⁶⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 211, 238.

⁹⁶⁵) Ibidem, л. 190.

⁹⁶⁶) Архивъ Юго-Запад. Рос. ч. VII, т. I, № III, 10.

⁹⁶⁷) Акты Запад. Рос. I, № 54.

⁹⁶⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 319—321.

⁹⁶⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 166; XV, л. 84.

⁹⁷⁰) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 123.

Ивъ Млыновской волости) въ Луцкомъ повѣтѣ, а въ 1511 году подтвердилъ ему эти имѣнья на вѣчность⁹⁷¹⁾. Листъ объ этомъ пожалованіи писанъ на имя князя Константина Ивановича Острожскаго, старосты Луцкаго, изъ чего видно, что кромѣ ключнига эту волость вѣдалъ и староста Луцкій.—Акты упоминаютъ и о другихъ селахъ „повѣта ключництва Луцкаго“, большею частью по поводу отдачи ихъ въ частныя руки. Таковы: село *Ставрово* (нынѣ Ярославичской волости Дубенскаго уѣзда), пожалованное великимъ княземъ Александромъ войту Луцкому Яну Сикгнатуру⁹⁷²⁾; *Зетровъ* (нынѣ село Романовской волости Луцкаго уѣзда), пожалованный на вѣчность въ 1494 году пану Богдану Гостьскому⁹⁷³⁾; *Забороль* (нынѣ село Милушской волости Луцкаго уѣзда), въ которомъ король Сигизмундъ въ 1516 году пожаловалъ землянину Олехну Козинскому два дворища⁹⁷⁴⁾; *Сильмо* (нынѣ село Цурманьской волости Луцкаго повѣта), пожалованное королемъ Сигизмундомъ кн. Кузьмѣ Заславскому; *Мыковъ* (близъ села Журавичъ Колковской волости)—пану Микитѣ Чапличу; *Журавичи*—пану Кошеѣ; *Козничі*—пану Дахну; *Красное Великое*—землянину Борзобогатому⁹⁷⁵⁾; *Боруховъ* (нынѣ село Тереманьской волости Луцкаго повѣта), который король Сигизмундъ утвердилъ на вѣчность въ 1517 году за бояриномъ Яковомъ Кузьминымъ⁹⁷⁶⁾.

Къ замку Луцкому тянули *волости Черничгородская* (на мѣстоположеніе Чернча-городка указываетъ теперешнее село Чернижъ Гарасиловской волости Луцкаго уѣзда) и *Колковская*, въ которой, напр., король Сигизмундъ въ 1513 году подтвердилъ на вѣчность землянину Кіевскому Ивашку Андреевичу Фурсу село Разничи⁹⁷⁷⁾.—Акты упоминаютъ и о многихъ другихъ селеніяхъ Луцкаго повѣта, разбросанныхъ среди перечисленныхъ волостей, которыя тянули или къ ключу, или къ замку, т. е. старосту Луцкому. Таковы были, напр., *Несвиць*

⁹⁷¹⁾ *Starożytna Polska* 516; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 204; IX, л. 51, 52.

⁹⁷²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 157.

⁹⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 14; Архивъ Юго-Запад. Рос. ч. VII, т. I, № XIX.

⁹⁷⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 1; Памятники Временной Кіевской Комиссiи т. IV, отд. II, стр. 161—167.

⁹⁷⁵⁾ Архивъ Юго-Запад. Рос. ч. VII, т. I, № XIX.

⁹⁷⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 58; Архивъ Юго-Запад. Рос. ч. VII, т. I, № XIX.

⁹⁷⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 576; Архивъ Юго-Запад. Рос. ч. VII, т. I, № XIX; Памятники Времен. Кіевск. Комис. т. IV, отд. II, стр. 161—167.

(нынѣ село Чарузовской волости Луцкаго уѣзда)—родовое гнѣздо князей Несвицкихъ, отъ которыхъ пошли князья Збаражскіе, Вишневецкіе, Порицкіе и Воронецкіе ⁹⁷⁶); *Полоное* (нынѣ село къ югу отъ Луцка на р. Тыввѣ), пожалованное королемъ Казимиромъ пану Гаштольду въ вотчину ⁹⁷⁹); *Шепеле* (нынѣ село Шепель Торчинской волости Луцкаго уѣзда), купленное княземъ Острожскимъ у землянина Николая Бернатовича ⁹⁸⁰); *Жидичинъ* на р. Стыри ниже Луцка ⁹⁸¹); *Ярославичи* (нынѣ село на р. Стыри Дубенскаго уѣзда) съ приселками *Подлясцами* и *Городницею* (нынѣ сельца близъ Ярославичъ), *Рыкани* (нынѣ села большіе и Малые Рыкани Дубенскаго уѣзда на границѣ съ Луцкимъ) съ дворищами Лавровскими (неподалеку въ Луцкомъ уѣздѣ находится село Лаврово) и *Добрятинъ* (нынѣ с. на р. Ивѣ Млыновской волости Дубенскаго уѣзда), пожалованныя королемъ Казимиромъ пану Семашку Епифановичу ⁹⁸²); *Дернъ*, *Полжъ* и *Водерады* (нынѣ село Дерно Покощевской волости Дубенскаго уѣзда, Пелжа-Малинской и сельцо Одерадъ), утвержденныя въ 1452 году за Пашкомъ Духновичемъ ⁹⁸³); *Острожець* (нынѣ мѣстечко Малинской волости Дубенскаго уѣзда)—имѣнье князей Острожецкихъ, въ которомъ король Сигизмундъ въ 1522 году позволилъ имъ осадить мѣсто и учредить торгъ ⁹⁸⁴).

По р. Стыри въ сосѣдствѣ съ Чернигородскою волостью лежали отчинныя владѣнья князей Четвертеньскихъ, по традиціи родословныхъ, изъ рода Рюриковичей ⁹⁸⁵). Ихъ „головнымъ“ имѣніемъ была *Четвертня* (нынѣ мѣстечко Годомичской волости Луцкаго уѣзда на р. Стыри); кромѣ того, имъ принадлежали: *Вышковъ* (на р. Стыри близъ Луцка), *Луковъ*, *Навозъ*, *Годомичи* (нынѣ село на р. Стыри Годомичской волости Луцкаго уѣзда), *Копыли* (нынѣ село Кольковской волости Луцкаго уѣзда), *Сускъ* (нынѣ село Тростенецкой волости того же уѣзда), *Славотичи* (тамъ же), *Пасачевичи* и *Олишковичи*, какъ

⁹⁷⁶) *Wolffa* B6d Gedymina, str. 156—158; *Boni.ckiego* Poczet rod6w w W. Ks. Litewskiem w XV i XVI wieku, str. 209—212.

⁹⁷⁹) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 64.

⁹⁸⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 103.

⁹⁸¹) Акты Зап. Рос. II, № 29, II.

⁹⁸²) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 56, Акты Южн. и Запад Рос. I, № 28.

⁹⁸³) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 55; Archiwum ks. Lubartowicz6w-Sanguszk6w I, № CXXXIV.

⁹⁸⁴) *Bonieckiego* Poczet rod6w, str. 83.

⁹⁸⁵) См. Archiwum ks. Lubartowicz6w-Sanguszk6w I, № XI.

это видно изъ завѣщанья паньи Богданы, жены пана Ивана Андреевича Сопѣги, урожденной княжны Четвертенской⁹⁸⁶). Изъ дѣла пана Ивана Андреевича Сопѣги и его шурья, князей Четвертенскихъ, съ землянами Лудкими Ѳеодоромъ Оношковичемъ и Иваномъ Русинимъ, разбиравагося въ 1528 году, узнаемъ, что князьямъ Четвертенскимъ, кромѣ перечисленныхъ имѣній, принадлежали: *Соколъ* на р. Стыри (нынѣ мѣстечко Годомичской волости),—отчего трое изъ нихъ, Василій Солтанъ и Юрій, называются Сокольскими,—*Лютогощъ* съ приселками *Корсынемъ*, и *Орпховомъ* (нынѣ сельцо Литогосци и Корсынъ Велицкой волости Ковельскаго уѣзда), *Подлтсье* (тамъ же), *Смердынъ* (нынѣ сельцо близъ Сокуля), *Чолница* и *Сокиричи* (нынѣ сельца на р. Конопль, впадающей въ Стырь выше Сокуля), *Орсоновъ Ставъ* и *Нарудъ*⁹⁸⁷).

На р. Стыри и ея притокахъ расположенъ былъ, наконецъ, *Чорторыйскъ* съ своими приселками, удѣлъ потомковъ князя Константина Ольгердовича⁹⁸⁸). Удѣлъ князей Чорторыйскихъ несомнѣнно входилъ въ составъ Волынской земли: князья эти, какъ повѣтники Лудцкіе, участвовали на мѣстныхъ сеймахъ⁹⁸⁹), какъ крупные землевладѣльцы, получали важнѣйшіе уряды въ землѣ Волынской, напр., старство Лудцкое—князь Ѳеодоръ Михайловичъ⁹⁹⁰). Кромѣ Чорторыйска, князьямъ этимъ принадлежали еще замки *Клеванъ* и *Бѣлгородъ* съ мѣстами, пожалованные Свидригелломъ князю Михаилу Васильевичу Чорторыйскому, *Пересопница* (нынѣ с. на р. Стубль Ровенскаго уѣзда), пожалованная князю Ѳеодору Михайловичу королемъ Александромъ⁹⁹¹), *Холопы* на р. Случѣ (нынѣ село Моквинской волости Ровенскаго уѣзда), пожалованные въ 1451 году князю Михаилу Васильевичу⁹⁹²). Князь Михаилъ, кромѣ того, получилъ богатое наслѣдство отъ пана Немира Резановича, на дочери котораго онъ былъ женатъ. Въ Лудкомъ повѣтѣ ему достались дворъ *Сельцо* (нынѣ село на р. Случи Березенской волости Ровенскаго уѣзда) и *Мстисинъ* (нынѣ

⁹⁸⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 189.

⁹⁸⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 19—21

⁹⁸⁸) *Wolffa Ród Gedymina*, str. 95—100; *K. Stadnickiego Bracia Władysława Jagiełły*, str. 380—397.

⁹⁸⁹) Памятники Временной Кіевской Комиссіи т. IV, отд. II, стр. 42.

⁹⁹⁰) О принадлежности Чорторыйска къ составу Волынской земли см. Архивъ Юго-Запад. Рос. ч. VII, т. I, № III, 10.

⁹⁹¹) Архивъ Юго-Запад. Рос. ч. I, т. I, № 2. *Starożytna Polska* III, 49, 51.

⁹⁹²) *Wolffa Ród Gedymina*, str. 99.

село на р. Стыри Давровской волости Луцкаго уѣзда), имѣнья *Сернь*, *Чаруковъ* (нынѣ село на р. Нарвѣ Луцкаго уѣзда), *Шпраги* (нынѣ Шпраги недалеко отъ Чарукова), *Горки* ⁹⁹³⁾ и т. д.

Сосѣдями князей Чорторыйскихъ по владѣніямъ были князья Гольшанскіе-Дубровицкіе, какъ это видно изъ одного дѣла между ними „о показеньѣ границъ“, которое разбиралось въ 1528 году ⁹⁹⁴⁾. Изъ главнымъ имѣньемъ была *Дубровица*, нынѣ мѣстечко Ровенскаго уѣзда на р. Горыни.

Область р. Горыни или такъ называемая Погорина въ изучаемое время принадлежала большею частью князьямъ Острожскимъ. Родовое гнѣздо ихъ *Острогъ* упоминается въ числѣ городовъ, принадлежавшихъ „къ Луцкой землѣ“, еще въ договорѣ Польскаго короля Казимира III, заключенномъ въ 1366 году съ князьями литовскими Кейстутомъ, Явнотомъ и Любартомъ ⁹⁹⁵⁾. Въ 1386 году Ягелло и Витовтъ подтвердили князю Ѳеодору Даниловичу Острожскому замокъ его Острогъ и волости (cum districtibus), къ нему тянувшія, а именно: *Коренизъ* (нынѣ мѣстечко на притоѣ Случи Курчикѣ Новградволинскаго уѣзда), *Заславъ* (нынѣ уѣздный городъ Волинской губерніи), *Хлапотинъ* (нынѣ мѣстечко Красноставъ Берездовской волости Новградволинскаго уѣзда), *Иванинъ* (нынѣ село Иванье на р. Иквѣ Дубенскаго уѣзда?), *Хрестовичъ* (нынѣ село Христовка Терновской волости Заславскаго уѣзда?), *Красне* (нынѣ село Красное на р. Стыри Княгининской волости Дубенскаго уѣзда?) *Круту* (нынѣ село на р. Стыри Романовской волости Луцкаго уѣзда) ⁹⁹⁶⁾. Въ 1396 году Витовтъ подтвердилъ снова князю Ѳеодору Даниловичу Острогъ, „какъ отецъ его держалъ, и зъ селы, и зо всимъ, што къ тому прыслушаетъ, какъ при отци его было“. Между прочимъ, онъ подтвердилъ ему записанное ему владѣльцемъ еще въ 1385 ⁹⁹⁷⁾ село *Бродовъ* (нынѣ село на р. Горыни Хоровской волости Острогскаго уѣзда), и придалъ села: *Радоселти* (нынѣ Радосовка, село Барбаровской волости Заславскаго уѣзда на р. Горыни?), *Радогощъ* (нынѣ село Большая Радогощъ Переросльскаго волости того же уѣзда), *Межириче* (нынѣ село на р. Вилии, недалеко отъ впаденія ея въ Горынь того же уѣзда), *Дьяковъ* (нынѣ село Жуковской волости Заславскаго уѣзда), *Свищовъ* (нынѣ село Ярославичской волости

⁹⁹³⁾ Архивъ Юго-Запад. Рос. ч. III, т. I, № II, 3, 5, 10.

⁹⁹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 51.

⁹⁹⁵⁾ Sgarbiec dyplomatów I, № 432.

⁹⁹⁶⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № VI.

⁹⁹⁷⁾ Ibidem, № II.

Дубенскаго уѣзда) съ приселками *Озеранами* и *Городницею* ⁹⁹⁹).—Корещь, впрочемъ, вскорѣ отошелъ отъ князя Острожскаго и сдѣлался отчиннымъ владѣніемъ потомковъ князя Александра Патрикѣевича Стародубскаго ¹⁰⁰⁰).—Что касается Заслава, то онъ съ теченіемъ времени отдѣлился отъ Острога, какъ особый удѣлъ князя Юрья Васильевича и его потомковъ, прозывавшихся поэтому князьями Заславскими ¹⁰⁰¹).—Городъ Острогъ достался брату Юрья—Ивану, который передалъ его сыновьямъ Михаилу и Константину. Этимъ князьямъ в. князь Александръ въ 1494 году пожаловалъ замокъ *Полоный* (нынѣ мѣстечко на р. Жморѣ Новградволынскаго уѣзда) ¹⁰⁰²). По смерти брата князь Константинъ одинъ владѣлъ всѣмъ отцовскимъ достояніемъ, при чемъ съ соизволенія в. князя Александра построилъ замокъ въ селѣ Дубнѣ и обратилъ его въ мѣсто (нынѣ уѣздный городъ) ¹⁰⁰³). Князь Константинъ Ивановичъ къ отчиннымъ владѣніямъ присоединилъ много другихъ, пожалованныхъ ему отъ великихъ князей или купленныхъ имъ. Такъ, въ 1496 году великій князь Александръ пожаловалъ ему въ Луцкомъ повѣтѣ имѣніе *Вздобицу* (нынѣ село Здолбица Острожскаго уѣзда) и *Глинско* (нынѣ чешская колонія Дятковичской волости Ровенскаго уѣзда), которыя принадлежали нѣкогда пану Олизару Шиловичу, а потомъ, по смерти его жены, спали на господара ¹⁰⁰⁴),—дворы и тянувшія къ нему села: *Дермань*, *Кунинь*, *Угзды*, *Коршовъ* (нынѣ села Мизочской волости Дубенскаго уѣзда), *Долбуновъ*, *Урвени*, *Лебеди* (Здолбицкой волости Острожскаго уѣзда), *Богдашовъ* (нынѣ село Дятковичской волости Ровенскаго уѣзда) ¹⁰⁰⁵). Благодаря браку своему (второму) съ дочерью бывшего старосты Луцкаго князя Семена Юрьевича Гольшанскаго, князь Константинъ приобрѣлъ замокъ *Степань* (нынѣ мѣстечко на р. Горыни Ровенскаго уѣзда) съ мѣстомъ и волостями, который въ началѣ XV вѣка принадлежалъ какому-то

⁹⁹⁹) Codex epistolaris Vitoldi, № CXXVII; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XX, LXIV.

¹⁰⁰⁰) Wolffa Ród Gedymina, str. 18, 19.

¹⁰⁰¹) Starożytna Polska III, 104; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXVI.

¹⁰⁰²) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXXI, CXXIII.

¹⁰⁰³) Ibidem, № CXV.

¹⁰⁰⁴) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXXXVIII; Акты Запад. Рос. I, № 138; В. Антоновича и Козловскаго Грамоты великихъ князей Литовскихъ, № 7.

¹⁰⁰⁵) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXIV.

князьямъ Степаньскимъ, повидимому Рюриковичамъ, а затѣмъ перешелъ къ князьямъ Гольшанскимъ ¹⁰⁰⁶). Король Сигизмундъ утвердилъ за нимъ этотъ замокъ и съ волостями, которыя держалъ князь Юрій Ивановичъ Дубровицкій „до воли господарской“ ¹⁰⁰⁷). Вмѣстѣ съ этими волостями князь Константинъ получилъ, повидимому, и имѣнье *Голошицъ* (нынѣ село Ровенскаго уѣзда), пожалованное князю Семену Юрьевичу Гольшанскому королемъ Александромъ въ 1502 году ¹⁰⁰⁸). Изъ имѣній, полученныхъ за второю женою, князь Константинъ согласно духовному завѣщанію тещи своей, княгини Настасьи, уступилъ Кіево-вечерскому монастырю дворъ *Городокъ* съ приселками *Обаровымъ* и *Добковичиною* на Волыни (нынѣ села Городецкой волости Ровенскаго уѣзда) ¹⁰⁰⁹). Дворъ *Городокъ* съ селами: *Караевичами*, *Обаровымъ* и *Тыннымъ* (нынѣ села Ровенской волости Ровенскаго уѣзда) при королѣ Казимирѣ былъ отчиннымъ владѣніемъ князя Солтана Збаражскаго ¹⁰¹⁰), отъ котораго по наслѣдству перешелъ къ брату его Семену съ селами: *Студялкою* ¹⁰¹¹), *Бейонемъ*, *Караевичами*, *Добринемъ*, *Климентовомъ*, *Обаровомъ* (нынѣ села Городецкой волости Ровенскаго уѣзда) ¹⁰¹²), отъ него къ племяннику [Михаилу Васильевичу, который уступилъ его дочери покойнаго дяди Семена Колоденскаго, княжнѣ Настасьѣ, а та въ свою очередь записала мужу кн. Семену Юрьевичу Гольшанскому вмѣстѣ съ *Косковомъ* и *Заборолемъ* (село Кустинской волости Ровенскаго уѣзда) ¹⁰¹³). Путемъ покупки у пана Яна Довойновича князь Константинъ приобрѣлъ „въ земли Волынской у Луцкомъ повѣгѣ“ имѣнье *Сатиевъ* (нынѣ село Сатіевъ на р. Стубенѣхъ Дубенскаго уѣзда) съ приселками: *Дятковичами*, *Льбовомъ*, *Жорновками*, *Перемисовцами* и *Радовомъ* (нынѣ села близъ Сатіева); король Сигизмундъ утвердилъ за нимъ покупку и позволилъ ему въ этомъ имѣннѣ „замокъ збудовати и мѣсто осадити и торгъ на каждой недѣлѣ въ четвергѣ мѣти“ ¹⁰¹⁴). Изъ подтвержденія короля Сигизмунда, дан-

¹⁰⁰⁶) *Wolffa Ród Gedymina*, str. 21, 22; *Starożytna Polska* III, 519, 520; *Акты Запад. Рос.* II, № 157.

¹⁰⁰⁷) *Литов. Метр. кн. Запис.* VIII, л. 500, 501.

¹⁰⁰⁸) *Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków* I, № CXXII.

¹⁰⁰⁹) *Акты Запад. Рос.* II, № 96.

¹⁰¹⁰) *Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków* I, № LVII.

¹⁰¹¹) *Ibidem*, № LXXV.

¹⁰¹²) *Ibidem*, LXXX.

¹⁰¹³) *Ibidem*, № LXXXIII, XCIII.

¹⁰¹⁴) *Литов. Метр. кн. Запис.* XII, л. 22; XV, л. 45.

наго въ 1527 году князю Константину Ивановичу на торги въ имѣньяхъ его, узнаемъ о принадлежности ему замковъ *Ровнаго* и *Дорогобужа*. При Свидригеллѣ въ мѣстности Ровнаго находилась *волость Басова* (нынѣ Басовъ Куть Ровенскаго уѣзда), въ составъ которой, кромѣ села Басова, входили и села *Ровное* и *Дяхово* (нынѣ село Острожскаго уѣзда)¹⁰¹⁵. Замовъ Ровное былъ выстроенъ княземъ Семеновъ Васильевичемъ Несвицкимъ въ селѣ того же имени, которое онъ купилъ „съ приволенья короля Казимира въ Луцкомъ повѣтѣ“ у землянина Дичка Васильевича¹⁰¹⁶, и въ началѣ княженя Сигизмунда принадлежалъ вдовѣ и дѣтямъ этого князя Семена¹⁰¹⁷. Когда и какимъ путемъ Ровное перешло къ князю Острожскому, на это намъ не удалось найти указанія въ источникахъ. Что касается Дорогобужа, (нынѣ село Гощанской волости Острожскаго уѣзда), то въ 1509 году онъ былъ еще господарскою волостью, въ которой староста Луцкій давалъ своимъ слугамъ держать „на мѣстничство“ по годамъ¹⁰¹⁸. Когда онъ перешелъ во владѣніе къ князю Острожскому, также неизвѣстно.

Луцкій повѣтъ захватывалъ собою и часть бассейна р. Случи (лѣвые притоки). Кромѣ упомянутыхъ выше селеній, здѣсь расположены были, напр., поселки *Березенскаго повѣта*, занимавшаго часть Волынскаго Полѣсья (Березна — мѣстечко на р. Случи Ровенскаго уѣзда): король Казимиръ далъ одинъ изъ этихъ поселковъ, село данное *Яблоню* (нынѣ село Печаловской волости Ровенскаго уѣзда); Пашеу Духновичу, отъ которого оно перешло къ дочери, а отъ этой послѣдней къ князю Андрею Михайловичу Сангушковичу¹⁰¹⁹. — Въ 1522 году декабря 20 король Сигизмундъ далъ князю Константину Ивановичу Острожскому шесть службъ людей „у Луцкомъ повѣтѣ близко Житомира за Полонимъ и *Сиковитрпахъ* и въ *Ромачевѣ*“ (нынѣ мѣстечко на р. Случи Новградволынскаго уѣзда). — Въ Волынскомъ Полѣсьѣ находилась и *Городенская волость* Луцкаго повѣта, въ которой великій князь Александръ въ 1498 году далъ землянину Олигару Петрашовичу Тресцѣ два дворища взаменъ его имѣнья *Окунина*,

¹⁰¹⁵) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XXXI.

¹⁰¹⁶) Ibidem, № LVI.

¹⁰¹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 158, 159.

¹⁰¹⁸) Акты Запад. Рос. II, № 54.

¹⁰¹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 55; IX, л. 175; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXXXIV.

отданнаго князю Острожскому ¹⁰²⁰). Городно—нынѣ мѣстечко Пинскаго уѣзда при озерѣ Городенскомъ.

Въ означенныхъ предѣлахъ Луцкій повѣтъ занималъ большую часть Волынской земли, вслѣдствіе чего названія „земля Луцкая“ и „земля Волынская“ являются часто равнозначащими. Такъ, въ одномъ перечнѣ листовъ, разосланныхъ при королѣ Казимирѣ по областямъ великаго княжества, читаемъ: „Листы до старосты Володимерскаго и до всихъ князей и пановъ и земянъ повѣта Володимерскаго“, а вслѣдъ за тѣмъ; „листы, до всихъ князей и пановъ и земянъ земли Волынской“ ¹⁰²¹).

Извѣстный договоръ литовскихъ князей съ королемъ Польскимъ 1366 года упоминаетъ въ составѣ Владимирскаго повѣта, кромѣ собственной *Владимирской*, еще слѣдующія волости: *Ветлы* (нынѣ село на р. Припяти Великолушской волости Ковельскаго уѣзда), *Любяжск* (теперь деревня Лубядзь при озерѣ того же имени въ Пинскомъ уѣздѣ), *Черный Городокъ*, *Камень* (нынѣ село Каменный Коширскъ Ковельскаго уѣзда), *Мальница* (въ изучаемое время она принадлежала, какъ мы уже видѣли, къ Луцкому повѣту), *Городло* (нынѣ мѣстечко Люблинской губерніи на р. Бугѣ), *Любомль* (нынѣ мѣстечко Владимирскаго уѣзда), *Турчинъ* (нынѣ мѣстечко Турчинъ Луцкаго уѣзда на границѣ съ Владимирскимъ), *Ратно* (нынѣ мѣстечко Горниевской волости Ковельскаго уѣзда на р. Припяти), *Кошерскъ* или *Кошоръ* (нынѣ село Старые Кошоры Ковельскаго уѣзда), *Влучимъ* (нынѣ село Овлучимъ къ сѣверозападу отъ Владимира во Владимирскомъ уѣздѣ ¹⁰²²)—Ратно, Ветлы и Любомль послѣ того являются въ держанье князя Федора Ольгдровича ¹⁰²³), отъ котораго Ратно (и Ветлы?) съ утвержденья короля Ягелла перешло въ держанье къ его сыну Сангушке ¹⁰²⁴); король Казимиръ въ 1443 году отдалъ князю Сангушке Ратно и Ветлы уже въ вотчину ¹⁰²⁵). Сангушко, владѣвшій также и Кошерскомъ, получилъ отъ короля Казимира во Владимирскомъ повѣтѣ имѣнья *Хвалмичи* (нынѣ село Фалимичи на р. Лугѣ), *Заевичи* и *Шинковичи* взаменъ имѣнья Тростяницы, выслуженнаго имъ на в. князѣ Сигизмундѣ и отобранныаго Казимиромъ; эти имѣнья оставались во

¹⁰²⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 105.

¹⁰²¹) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 269.

¹⁰²²) Scarbiec dyplomatów I, № 432.

¹⁰²³) *Wolffa Ród Gedymina*, str. 116—118.

¹⁰²⁴) *Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I*, № XXXIII.

¹⁰²⁵) *Ibidem*, № XXXIX.

владѣннй князей Сангушковичей въ теченіе всего изучаемаго времени ¹⁰²⁶⁾. Родъ кн. Сангушковичей въ третьемъ поколѣннй распался на три вѣтви, владѣннйя удѣлами: *Кошерскомъ*, *Ковалемъ* (нынѣ уѣздный городъ Владимирской губерніи) и *Несухойжамн* (нынѣ мѣстечко на р. Турнй Владиміроваго уѣзда) ¹⁰²⁷⁾. Последнее имѣнне перешло къ князьямъ Сангушковичамъ отъ родственной линнй князей Кобринскихъ, родоначальнику которыхъ, князю Роману Федоровичу Ольгедровича, оно было пожаловано великимъ княземъ Витовтомъ вмѣстѣ съ *Миляннвичамн* (нынѣ Миляннвичи Старовошарской волости Ковельскаго уѣзда). Изъ акта раздѣла имѣннй между княземъ Андреемъ Александровичемъ и его невѣсткою княгинею Анною съ сыномъ Андреемъ Михайловичемъ видно, что къ этимъ имѣннямъ кн. Сангушковичей тянули села: къ двору Несухойжамъ — *Грабово*, *Оылово*, *Березово* и *Торговище* (нынѣ села Нецовской и Турнйской волости Ковельскаго повѣта); къ Кошерскому двору — *Мнзово* (нынѣ село Мнзовъ Сѣдлицкой волости Ковельскаго уѣзда), *Рнчица* (нынѣ Хотѣшовской волости того же уѣзда), *Кругиль*, *Тупамн* и *Городенецъ* (нынѣ села Старовошарской волости того же уѣзда); къ Кошору принадлежалъ и городъ *Камень* съ селомъ *Мостищамн* и дворъ *Бужковичн* въ Владимірскомъ повѣтѣ (нынѣ село Хоровской волости Владимірскаго уѣзда) съ селомъ *Ворищамъ* и *Лысовцамн* ¹⁰²⁸⁾.

Въ повѣтѣ Владимірскомъ, кромѣ того, находились: замокъ *Литовиожъ* (нынѣ село на р. Бугѣ Заболотецкой волости Владимірскаго уѣзда), *Сельцо* (нынѣ деревня Селець на р. Турнй Турнйской волости Ковельскаго уѣзда), *Торговище* (нынѣ село той же волости), утвержденнйя кородемъ Казимиромъ за паномъ Немиромъ Резановичемъ, а также приданнйя ему самимъ Казимиромъ: *Зимно* (нынѣ село Зимно при рѣчкѣ Лугѣ Зарѣчанской волости Владимірскаго уѣзда), *Бубново* (нынѣ село Грибовицкой волости того же уѣзда), *Честный Крестъ* (нынѣ село на р. Лугѣ Мнвуличской волости того же уѣзда), *Маршовъ Ставъ* (нынѣ село при р. Лугѣ къ югу отъ Владиміра), *Сорнннате* ¹⁰²⁹⁾. Эти же имѣннйя принадлежали и сыну пана Немиры — Якову Войтѣ и, кромѣ того, нѣкоторыя другія, напр., *Жджары* (нынѣ село Жджора на р. Бугѣ Заболотецкой волости), *Заболотнн* (нынѣ село Заболо-

¹⁰²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 832, 833; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sauguszków I, № XCI.

¹⁰²⁷⁾ *Wolffa Ród Gedymina*, str. 125.

¹⁰²⁸⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sauguszków I, № CXLVII.

¹⁰²⁹⁾ Архивъ Юго-Запад. Рос. ч. VII, т. I, № III.

тецкой волости Владимирскаго уѣзда), *Грибовица* (село Владимирскаго уѣзда) и друг.. Литовижь съ таяувшими къ нему селами при Александрѣ и въ первые годы Сигизмундова княженья былъ въ непосредственномъ господарскомъ владѣнн¹⁰²⁰), но въ 1514 году король Сигизмундъ пожаловалъ его князю Федору Михайловичу Чорторыйскому „съ войтовствомъ и монастыромъ св. Ниволы, и съ селы и людьми монастырскими, и селыца Зчарн¹⁰²¹). Мигку, племяннику Немиры, в. князь Свидригелло въ 1450 году пожаловалъ, а король Казимиръ въ 1452 году подтвердилъ „у Володимерьскомъ повѣтѣ *Будятичи* а *Тшиковичи* (нынѣ села Грибовицкой волости Владимирскаго уѣзда), а *Дубровица* а *Ляжная* (нынѣ село Лишня Заболотецкой волости того же уѣзда) и *Стяи* со всѣми тыми доходы и приходы, што къ тымъ селомъ широко и округло слушаетъ“¹⁰²²).—Во Владимирскомъ же повѣтѣ находились: дворъ *Турійскъ съ волостю*, къ которой между прочимъ принадлежали села *Болблы*, *Соловичи* и *Сельцо* (нынѣ села Турійской волости Ковельскаго уѣзда); этотъ дворъ съ селами король Сигизмундъ пожаловалъ въ 1516 году кн. Роману Андреевичу Сангушковича¹⁰²³); *Семлюхи* (нынѣ мѣстечко Владимирскаго уѣзда), пожалованные въ 1512 г. Сигизмундомъ писарю Михаилу Васильевичу¹⁰²⁴) съ приселками *Корытницю*, *Войниномъ* (нынѣ села Свиныхской волости) и *Пустомостьемъ* (нынѣ село Пустомостье Скобелецкой волости Владимирскаго уѣзда¹⁰²⁵); *Верба* (нынѣ село Владимирскаго уѣзда) съ приселками *Могиломъ*, *Гнойномъ*, *Рудами*, *Блаженниками* и *Красноселками* (нынѣ села Вербской волости), которую король Александръ пожаловалъ пану Солтану; *Мокрещ* (нынѣ село Вербской волости), пожалованный князю Михаилу Козекъ¹⁰²⁶), село *Соминъ* (нынѣ Перевальской волости Владимирскаго уѣзда), которое при королѣ Казимирѣ держалъ панъ Казаринъ вмѣстѣ съ *Вербою*, *Могиломъ*, *Смедынамъ* и *Утлощемъ*¹⁰²⁷), при Александрѣ Ивашко Русиновичъ¹⁰²⁸), а

¹⁰²⁰) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 83; VIII, л. 199.

¹⁰²¹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 1, 2.

¹⁰²²) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XLVIII, L.

¹⁰²³) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 111, 112; VIII, л. 199.

¹⁰²⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 551, 552.

¹⁰²⁵) Памятники Временной Кіевской Комиссiи IV, отд. II, стр. 177—179.

¹⁰²⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 201.

¹⁰²⁷) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 56.

¹⁰²⁸) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 93.

послѣ него князь Михаилъ Сангушевичъ ¹⁰³⁹); *Тулчицкоє* (нынѣ деревня Тагачинской волости Ковельскаго уѣзда), пожалованный великимъ княземъ Александромъ князю Петру Головнѣ ¹⁰⁴⁰), который въ свою очередь продалъ его князю Ковельскому ¹⁰⁴¹); село *Холопеч* (нынѣ Холопичи на р. Туріи Киселинской волости Владимирскаго уѣзда), пожалованное [Свидригелломъ Пашку Прокофьевичу ¹⁰⁴²]; село *Свинаринь* (нынѣ Новодворской волости Владимирскаго уѣзда), на половину лежавшее въ Луцкомъ повѣтѣ, утвержденное королемъ Александромъ за Петромъ Мухатичемъ ¹⁰⁴³), а имъ записанное пану Богущу Боговитиновичу ¹⁰⁴⁴); села *Конюжи, Заидовоє, Защитовоє и Бѣлое Поле* (Свинюхской и Порицкой волостей Владимирскаго уѣзда), отданныя князю Котерскому ¹⁰⁴⁵); села *Хмелево* (Минувической волости Владимирскаго уѣзда) и *Вербично* (Тагачинской волости?), отданныя князьямъ Чорторыйскимъ ¹⁰⁴⁶); *Ружинь, Ставоє, Кульчинь и Герово* (нынѣ село Ружинь Старокошарской волости Ковельскаго уѣзда, подлѣ котораго находятся Ставоє и Кульчинь) — имѣнья князей Роговицкихъ; *Кружиничи, Павловичи* (нынѣ села Хоровской волости Владимирскаго уѣзда), *Овадно, Туропино* (нынѣ села Вербской волости того же уѣзда) и *Бискупичи* (нынѣ село Грибовицкой волости) — имѣнья князей Козекъ ¹⁰⁴⁷); *Порицк* — родовое имѣнье князей Порицкихъ, вѣтви Збаражскихъ ¹⁰⁴⁸); *Выжва* на р. того же имени, впадающей въ Припять ¹⁰⁴⁹). Къ концу княженія Сигизмунда I почти всѣ селенія Владимирскаго повѣта были въ частныхъ уже рукахъ, а при замкѣ Владимирскомъ оставалась только *волость Смидинская* (нынѣ село Смидинь Маціевской волости Ковельскаго уѣзда) ¹⁰⁵⁰).

Всѣ перечисленныя селенія разбросаны по бассейну верхней Припяти, ея притоковъ — Выжвы, Туріи и частью Отоходи, а также

¹⁰³⁹) Памятники Времен. Кіевской Комиссіи IV, отд. II, стр. 177—179.

¹⁰⁴⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 80.

¹⁰⁴¹) Памятники Времен. Кіевской Комиссіи IV, отд. II, стр. 177—179.

¹⁰⁴²) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sauguszków I, № XLIK.

¹⁰⁴³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 157, 158.

¹⁰⁴⁴) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sauguszków I, № CXXXI.

¹⁰⁴⁵) Памятники Временной Кіевской Комиссіи IV, отд. II, стр. 15.

¹⁰⁴⁶) Ibidem, стр. 15, 177—179; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 55, 220.

¹⁰⁴⁷) Памятники Врем. Кіев. Ком. IV, отд. II, стр. 15.

¹⁰⁴⁸) Starożytna Polska, III, 63.

¹⁰⁴⁹) Ibidem, str. 73.

¹⁰⁵⁰) Памятники Временной Кіевской Комиссіи IV, отд. II, стр. 32, 33.

по бассейну р. Луги и другихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Западный Бугъ справа, приблизительно до озера Свѣтяжа. Такимъ образомъ Владимірскій повѣтъ заключалъ въ себѣ почти всю территорию нынѣшняго Владимірскаго и Ковельскаго уѣздовъ; а также небольшія части Пинскаго и Луцкаго уѣздовъ.

Кременецкій повѣтъ занималъ часть Дубенскаго уѣзда (по р. Иквѣ), югозападную часть Острогскаго, Кременецкій и Староконстантиновскій уѣзды, южную половину Заславскаго уѣзда, сѣверную часть Провсуровскаго и Литинскаго уѣздовъ Подольской губ., сѣверовосточную часть Тарнопольскаго и юговосточную Бродскаго округовъ восточной Галиціи. Наибольше крупными владѣтелями въ Кременецкомъ повѣтѣ были князья Збаражскіе, имѣнья которыхъ по актамъ обобщаются въ полномъ составѣ. Въ 1463 году князья Семень, Солтавъ и Михаилъ Васильевичи Збаражскіе дѣлились передъ наномъ Михаиломъ Монтовтовичемъ, старостою Луцкимъ, своею отчиною. При этомъ князю Василью достался городъ *Збаражъ* (нынѣ мѣстечко Тарнопольскаго округа австрійской Галиціи) и села: Янковцы, Обаринцы, Явчовъ Нижній, Согнѣковцы, Опрѣливцы, Лозовое, Охремовцы, Черниковцы, Верняковцы, Залуже, *Занковцы*, *Литовскій Кутъ*, *Рябичинцы*, Тарасовцы, Розношинцы, *Оскратинцы*, Мосоревцы, *Гдѣхонецъ съ Волохами подѣ Мечитовомъ*, Лабянка, Багловъ, Гуцивцы, Новое село, два Стрѣвцы, Клебановцевъ половина, Шейпаковцы, Гнилица, *Морозовцы*, *Моисеевцы*, Волочища (всѣ эти села, за исключеніемъ напечатанныхъ курсивомъ, легко найти въ настоящее время въ Тарнопольскомъ округѣ близъ Збаража по р. Серету, верхней Гнизнѣ, впадающей въ Сереть, и ея притокамъ, по верхней Збручѣ и ея притокамъ; изъ нихъ Волочискъ на Збручѣ—нынѣ мѣстечко Староконстантиновскаго уѣзда Волынской губерніи). Князю Семену достался городъ *Колоденъ* (нынѣ село Колодно Кременецкаго уѣзда близъ австрійской границы) и села: Чернеховъ, Ивачовъ Верхній, *Орошовцы*, Добрая-вода, Иванчаны, Новиковцы, *Липяги*, Олишковцы, Глѣздичная, Шимковцы, Мшанецъ, Медыня, Волочища, Глубочекъ Нижній, *Ромевъ съ Черняхомомъ*, Чепелева, Лука, *Оловячичино*, *Долгошинцы*, *Гинштовцы*, Порожная (за исключеніемъ напечатанныхъ курсивомъ, села съ такими названіями легко найти въ Тарнопольскомъ и Бродскомъ округахъ восточной Галиціи близъ русской границы, въ Кременецкомъ и Староконстантиновскомъ уѣздахъ Волынской губерніи близъ австрійской границы). Солтанъ получилъ *Старый и Новый Вишневецъ* (нынѣ мѣстечко на р. Горыни Кременецкаго уѣзда) и села: Олексинецъ, Островецъ, Бакоту, два Бутины, Лопушную, Орѣ(хо)вцы, и послѣ смерти матери села: Старый

Маневъ, Таражъ, Передмиръ, Бурсоковцы, Влашиновцы, Вербовецъ, Ряшневку, Доманинку, Черниково дворище и еще одно селище пустое (села съ такими названіями существуютъ и въ настоящее время въ Кременецкомъ уѣздѣ вокругъ Вишневеца и недалеко отъ австрійской границы)¹⁰⁵¹); князь Солтавъ умеръ бездѣтнымъ, а его дѣльницу въ 1475 г. подѣлили между собой князь Михаилъ Васильевичъ Збаражскій съ братьею, племянники его и кн. Семень Колоденскій, братъ его, при чемъ князь Михаилъ взялъ Вишневецъ городъ со всѣми приселками и село Таражъ, а князь Семень взялъ Маневъ съ селами и приселками и село Лопушную, а также главное имѣніе князя Солтана — дворъ Городокъ въ Луцкомъ повѣтѣ и село Студеноковцы¹⁰⁵²). Въ 1478 году между ними состоялся новый раздѣлъ, при чемъ села Лопушная и Влашиновцы пошли къ князю Михаилу Васильевичу съ братьею¹⁰⁵³). По смерти князя Семена Васильевича дѣльница его отошла къ князю Михаилу Васильевичу съ братьею, племянникомъ его, которые въ 1482 году подѣлили ее между собою, такъ что изъ всего Збаражскаго княжества получилось пять удѣловъ. Въ актѣ раздѣла выступаютъ нѣкоторые новыя села, не упоминавшіяся ранѣе; такъ, младшему изъ братьевъ князю Семену достались между прочимъ села: Млиновцы, Мельная, Возовая, а князю Михаилу Васильевичу, получившему въ удѣлъ Вишневецъ и сдѣлавшемуся родоначальникомъ князей Вишневецкихъ, достались между прочимъ села: Конаховичи, Ловы, Бодаки (нынѣ около Вишневеца въ Кременецкомъ уѣздѣ)¹⁰⁵⁴).

Въ Кременецкомъ повѣтѣ, кромѣ того, можно узавать еще, напр., слѣдующія села и имѣнья: *Шумскъ* и *Шумбаръ* на р. Вилин — имѣнья пановъ Боговитиновичей, къ которымъ принадлежали также *Куты*, *Кордышевъ*, *Онышиновцы*, *Сурожъ* на р. Вилин (нынѣ Шумской волости Кременецкаго уѣзда), *Валера*, *Загайцы* (нынѣ Большіе Загайцы Дедеркальской волости) и *Горбовцы* (близъ Шумбара¹⁰⁵⁵); *Стожскъ*, *Антоновцы*, *Тилевка* съ *Ольшей* (нынѣ села Бѣлокриницкой волости Кременецкаго уѣзда), пожалованныя князю Василю Четвертинскому¹⁰⁵⁶); *Дворецъ* (село на р. Горыни Бѣлгородской волости Заславскаго уѣзда)

¹⁰⁵¹) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguzków I, № LVII.

¹⁰⁵²) Ibidem, № LXXIV, LXXV.

¹⁰⁵³) Ibidem, № LXXX.

¹⁰⁵⁴) Ibidem, № LXXXIV.

¹⁰⁵⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 570—572.

¹⁰⁵⁶) Памятники Временной Кіевской Комиссiи, т. IV, отд. II, стр. 218—224.

и *Бѣлгородка* (село на р. Горыни того же уѣзда), пожалованныя въ 1501 году князю Ивану Юрьевичу Заславскому изъ состава Кузминскаго повѣта Кременецкой волости ¹⁰⁵⁷); къ этимъ имѣньямъ при Сигизмундѣ тянули еще слѣдующія села Кузминской же волости: *Зубовцы*, ранѣе принадлежавшія кн. Четвертинскимъ ¹⁰⁵⁸), *Махаринцы*, *Клитня* (нынѣ Великая Клитня Терешковской волости того же уѣзда, недалеко отъ которой находятся и Махаринцы), *Мацевичи* (нынѣ Мацевичи Великіе и Малые Мало-Шваровской волости Заславскаго уѣзда), *Колочинцы*, *Завадимжи* и *Сенютки* (нынѣ села Бѣлгородской волости того же уѣзда) и *Болыжинцы* ¹⁰⁵⁹). Князю Константину Ивановичу Острожскому въ разное время были пожалованы и подтверждены въ Кременецкомъ повѣтѣ села: *Птичье* (нынѣ село Птича Вербовской волости Дубенскаго уѣзда) ¹⁰⁶⁰); *Обчовъ*, *Бѣлгородка*, *Костенецъ* и *Мокрое* (нынѣ села въ южной части Дубенскаго уѣзда) ¹⁰⁶¹); въ Кузминской волости: *Кузьминъ* (нынѣ мѣстечко на р. Случи Староконстантиновскаго уѣзда), *Кобыля* (нынѣ село Кобылье Западннськой волости); *Западинцы* (нынѣ село той же волости), *Яворовцы* (нынѣ село Яворовець Красиловской волости), *Черленевцы* (нынѣ село Черленевка на р. Случи), *Росоловцы* (нынѣ село Кузминской волости Староконстантиновскаго уѣзда), *Чернятинъ* (нынѣ село Большой Чернятинъ Юначковской волости Заславскаго уѣзда), *Голенки* (нынѣ село Голюнки Кузминской волости), *Губинъ* (нынѣ село на р. Случи Райковской волости Новградволинскаго уѣзда ¹⁰⁶²); дворъ *Красиловъ* (нынѣ мѣстечко на р. Случи Староконстантиновскаго уѣзда) и села: *Чечановцы* (нынѣ Цеценовка на р. Случи Кульчинской волости), два *Дубища* (нынѣ село Дубище Черленіовской волости того же уѣзда на р. Случи и Дубище Волица Красиловской волости неподалеку отъ Дубища), *Барщеловъ*, *Кольчинъ* (нынѣ Кульчинъ, мѣстечко на р. Понорѣ, притокѣ Случи, Староконстантиновскаго уѣзда и *Баймаковъ* на р. Случи ¹⁰⁶³). Красиловъ съ селами Цеценовкою, *Захаровцами* на Бугѣ (нынѣ село Черноостровской волости Проскуров-

¹⁰⁵⁷) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № СХХІ, СХХХ; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 190; Źródła dziejowe, tom VI, str. 107.

¹⁰⁵⁸) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № СХХІХ, СХХХ.

¹⁰⁵⁹) Źródła dziejowe, tom VI, str. 107.

¹⁰⁶⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 319—321.

¹⁰⁶¹) Źródła dziejowe, tom VI, str. 93; Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 31, 62.

¹⁰⁶²) Źródła dziejowe, tom VI, str. 106.

¹⁰⁶³) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № СХІV.

скаго уѣзда Подольской губерніи) и *Котюжинцами* на Бужѣ (нынѣ село Красиловской волости Староконстантиновскаго уѣзда) „у Кременецкой волости“ былъ пожалованъ въ 1444 году Свидригелломъ Михайлу Олехновичу „на вѣки вѣчны“, но впоследствии, очевидно, спалъ на господаря.

Записныя книги Казимира княженя въ составѣ Кременецкаго повѣта упоминають, кромѣ того: *Корнишу* (нынѣ мѣстечко на р. Горыни Бѣлгородской волости Заславскаго уѣзда) и *Шелевъ* (нынѣ Шельвовъ на р. Горыни Михновской волости Заславскаго уѣзда)—имѣнья Ивашка Калениковича; *Берегъ* (нынѣ село Береги на р. Иквѣ Вербовской волости Дубенскаго уѣзда), пожалованный Кузьмѣ Волошину; *Волковцы* (нынѣ село Дедеркальской волости Кременецкаго уѣзда), въ которыхъ король Казимиръ пожаловалъ или подтвердилъ Сидору землю пустую; сельцо *Дрибово*, пожалованное Волошину Андрею Борзодому, а послѣ Данилу Занковичу; *Почаевъ* (нынѣ село Старый Почаевъ Почаевской волости Кременецкаго уѣзда) и *Савиччи* (нынѣ сельцо на р. Иквѣ, не далеко отъ Почаева), подтвержденные Казимиромъ Васью стрѣльцу съ братьею ¹⁰⁶⁴); *Болозерки Верхнюю и Нижнюю* (нынѣ мѣстечко Бѣлозерка Кременецкаго уѣзда), пожалованныя какому-то Матеею; *Марковичи* (нынѣ село Марковцы на р. Бужѣ Чернеліовской волости Староконстантиновскаго уѣзда) и *Болболъ*, пожалованныя Скирмонту; *Черняховъ*, пожалованное Еску Прибытковичу; село *Лосятиччи*—Волчку Вячковичу; *Жердь* (на р. Жерти, впадающей въ Горынь) и *Шиловецъ* (нынѣ село Шилы Верboveцкой волости Кременецкаго уѣзда), пожалованныя Матеею; село *Вороновецъ* (нынѣ село Вороновцы Святецкой волости того же уѣзда), пожалованное Богдану; *Сапунѣвъ* (нынѣ село Сапановъ на р. Иквѣ Бѣлокриницкой волости Дубенскаго уѣзда); *Малинъ* (нынѣ Новомалинъ, мѣстечко Острогскаго уѣзда)—отчину Ходыреву Манышича; *Теремно* (нынѣ село на р. Кутанкѣ Куневской волости Острогскаго уѣзда), пожалованное „проборцу Щулепѣ“; *Залѣстѣ* (нынѣ село Залисцы Горинской волости Кременецкаго повѣта), *Смыковъ и Комаринъ* (нынѣ село Лопушанской волости того же уѣзда), пожалованныя какому-то Котлу, Лопасову брату; *Сернъ, Вандрогу, Ляховцы* (нынѣ мѣстечко Острогскаго уѣзда на р. Горыни), *Жемелинцы* (нынѣ село Жемелинцы того же уѣзда Ляховецкой волости), *Олешинцу, Паньковцы* (нынѣ с. на р. Ольшаницѣ Ямпольской волости Кременецкаго повѣта), *Татаринѣвцы, Борщѣвку,*

¹⁰⁶⁴) Литов. Метр. кн. Запис. Ш, л. 31, 32.

Подданицы, Пищатинцы и Матршевцы (нынѣ села Барсуковской волости Кременецкаго уѣзда); *Рудомля* (нынѣ село Рудомля Лоушанской волости того же уѣзда) и *Оловесцы, Есковцы* (село Острогскаго уѣзда); *Обы* (нынѣ Обычъ Бѣлокриницкой волости того же уѣзда), *Вербую* (нынѣ мѣстечко Вербя на р. Иквѣ Дубенскаго уѣзда), *Ходовиц* (нынѣ Хотовцы Старо-Олевсинецкой волости Кременецкаго уѣзда), *Янтребль, Сернз* на р. Случи у Городка, пожалованныя пану Дениску; *Бѣлоку* (нынѣ село Большая Бѣлка Вышгородской волости Кременецкаго уѣзда), *Войнеговз, Ростовки* (нынѣ село Ростовки Лоушанской волости того же уѣзда), *Коктасовцы и Колыцины* въ Кузминской волости, пожалованныя Петру, „Божью рытерю“; *Борокъ* (нынѣ село Борки Кременецкаго уѣзда); *Кордышовъ Ставъ* (нынѣ село Кордышовъ Борской волости того же уѣзда), *Садки* (нынѣ село Дедергальской волости того же уѣзда), Гребенино дворище и Даниловича дворище, а въ Кузминской волости *Чухилеву* (нынѣ село Чухели Базалійской волости Староконстантиновскаго уѣзда) и *Моисеевъ Ставъ*, пожалованныя какому-то дьяку ¹⁰⁶⁵). Почти всѣ перечисленныя села являются въ составѣ Кременецкаго повѣта, хотя и во владѣнии другихъ лицъ, и по описи Кременецкаго замка и тянувшихъ къ нему имѣній, составленной въ 1545 году. Кромѣ нихъ, опись упоминаетъ и еще нѣкоторыя другія села, а именно: *Людвиги* (нынѣ село Борской волости Кременецкаго уѣзда), *Подлужечко* (нынѣ село Подлужье Вербовской волости Дубенскаго уѣзда), *Шипинцы и Олипосы, Писовчане, Сенютку* (нынѣ село Сенютки на р. Горыни Бѣлгородской волости Заславскаго уѣзда), *Терновку* (нынѣ село Терновки въ южной части Заславскаго уѣзда) *Везовицы, Норыловъ и Дитковцы* (нынѣ села Везовецъ, Норыловъ и Дитковцы Ямпольской волости Кременецкаго уѣзда), *Ожесовцы* (нынѣ мѣстечко на р. Збручѣ Староконстантиновскаго уѣзда), *Городище* (нынѣ село Заславскаго уѣзда), *Ледуховъ* (нынѣ село Почаевской волости Кременецкаго уѣзда), *Кушминъ, Окнины* (нынѣ села Горинской волости Кременецкаго уѣзда), *Поръчье, Крутнезъ* (нынѣ село Лоушанской волости того же уѣзда), *Андрушекъ* (нынѣ Большая и Малая Андруга на р. Иквѣ Бѣлокриницкой волости), *Баковцы* (нынѣ Башковцы тамъ же), *Березцы* (нынѣ Березцы того же уѣзда на р. Иквѣ), *Миньковцы* (село на р. Иквѣ Вербовской волости Дубенскаго уѣзда), *Семеновъ* (село въ южной части Острогскаго уѣзда), *Гулевку* (нынѣ Гулевцы на р. Горыни Ляховецкой во-

¹⁰⁶⁵) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 31, 32, 62, 64, 65.

лости того же уѣзда), *Каменицу* (нынѣ село Вербовской волости Дубенскаго уѣзда), *Туликовичи*, *Лышину*, *Стряклово* (нынѣ село на р. Иквѣ Дубенской волости Дубенскаго уѣзда), *Пашковцы* (село Староконстантиновской волости Староконстантиновскаго уѣзда)¹⁰⁶⁶). Кромѣ того, при замкѣ Кременецкомъ въ 1545 году состояли села: *Подпайцы* и *Колосово* (нынѣ село Горинской волости Кременецкаго уѣзда), *Жолобы*, *Дворецъ*, *Дунаевъ* и *Рудка* (нынѣ села Бережецкой волости того же уѣзда по р. Иквѣ), *Вилія* (нынѣ село Вилія Борецкой волости того же уѣзда), *Шпиколосы* (нынѣ село къ югу отъ Кременца), *Дешковцы* (нынѣ село Ямпольской волости того же уѣзда), *Радошовка* (нынѣ село Дедеркальской волости того же уѣзда), *Вороновцы* (нынѣ на р. Жерти Святецкой волости), *Лепесовка* (нынѣ село Ямпольской волости того же уѣзда), *Осники* (нынѣ село Лановецкой волости того же уѣзда), *Блѣзерка* (мѣстечко Блѣзерка на р. Сомцѣ?), дворъ *Кокоревъ* (нынѣ село Новый Коворовъ на р. Иквѣ Почаевской волости Кременецкаго уѣзда)¹⁰⁶⁷). Къ замку Красиловскому тянули слѣдующія села боярѣ Кузминскихъ: *Сковородки* и *Погорѣла* (нынѣ села Сковородецкой волости Староконстантиновскаго уѣзда), *Семеринки* и *Самчинцы* (нынѣ села Немиринецкой волости того же уѣзда), *Еремеевцы* (нынѣ Вереміевка Западынецкой волости), *Дашковцы* (нынѣ село Старо-Синявской волости Летичевскаго уѣзда Подольской губерніи), *Котюжинцы* (на р. Бужкѣ), *Зозулки* (нынѣ Великіе Зозуленцы на р. Случи Шмырецкой волости), *Майковцы*, *Стебловцы*, *Чухмелевцы* (см. выше), *Клетня*, *Малинницы* и *Кошелевка* (нынѣ села Терешковской волости Староконстантиновскаго уѣзда), *Мунчицы* и *Дубище* (нынѣ села Чернеліовецкой волости того же уѣзда), *Прохня* (нынѣ село на р. Жабовригѣ Маначинской волости), *Кульчинъ* (см. выше), *Куты*, *Мулъевцы*, *Кульчаевцы*, *Бланевцы*, *Лецки*, *Прилипка*, *Вронковцы* (село Кузьминской волости Староконстантиновскаго уѣзда), *Липковцы*, *Зенковцы*, *Гнидинцы*, *Тыравинцы*, *Свиняевъ*, *Остриковцы*, *Нестарова*, *Ланевцы* (нынѣ мѣстечко Кременецкаго уѣзда на р. Горыни), *Тернявка* (см. выше), *Слученцы* (нынѣ село Заслучъ Староконстантиновской волости); кромѣ того, къ нему же принадлежали селища пустыя: *Яровица*, *Ходаковцы* (нынѣ село Ходьбовецкой волости Проскуровскаго уѣзда Подольской губерніи), *Дубище*, *Цеценевцы*, *Баймаки*, *Панашевцы*, *Ребенина*, *Свинья* (нынѣ села Староконстантиновской

¹⁰⁶⁶) Źródła dziejowe, tom VI, str. 93—98.

¹⁰⁶⁷) Ibidem, str. 102—104.

волости Староконстантиновскаго уѣзда), *Ликаревцы и Салновцы* (нынѣ село Огіевецкой волости того же уѣзда), *Гриньковцы* (нынѣ село Гриньки Лановецкой волости Кременецкаго уѣзда), *Загоровцы* (нынѣ Загорцы Ямпольской волости того же уѣзда?), *Барцаговъ, Чировчина, Кобыля* (нынѣ село Кобыля Западынецкой волости того же уѣзда), *Яровица* ¹⁰⁶⁸⁾.

Сопоставляя всѣ приведенныя историко-географическія данныя относительно повѣтовъ Луцкаго, Владимирскаго и Кременецкаго, приходимъ къ заключенію, что Волынская земля въ изучаемое время занимала приблизительно территорію нынѣшней Волынской губерніи безъ той ея части, которая лежитъ къ востоку отъ Случи, захватывая и нѣкоторыя пограничныя мѣстности Пинскаго уѣзда Минской губерніи, Проскуровскаго и Литинскаго уѣздовъ Подольской губерніи, Тарнопольскаго и Бродскаго округа восточной Галиціи.

XV.

И въ Кіевской землѣ мы встрѣчаемъ въ изучаемое время судебно-административную организацію, весьма близкую къ той, каковую мы видѣли въ земляхъ Литовской, Жмудской и частію въ Волынской. Въ главномъ городѣ земли, бывшей столицѣ Кіевскаго княженія, чинилъ судъ и управу *воевода*, къ которому при упраздненіи Кіевскаго удѣла перешли многія функціи бывшаго удѣльнаго князя ¹⁰⁶⁹⁾. Воеводѣ, какъ высшей инстанціи, подчинялись великокняжескіе намѣстники (нѣкоторые изъ нихъ переименованы были впоследствии въ старосты), которые сидѣли въ пригородахъ или волостяхъ Кіевской земли; въ нѣкоторыхъ волостяхъ судъ и управу чинили намѣстники воеводы, по его уполномочію; и, наконецъ, подъ знамя его становились съ своими отрядами нѣкоторые крупные владѣльцы, князья и паны, которымъ принадлежали цѣлыя повѣты и волости, и которые самостоятельно чинили въ нихъ судъ и управу. Политическое единство Кіевской земли, такимъ образомъ, сохранялось и послѣ упраздненія въ ней удѣльнаго стола, вопреки утвержденію г. Антоновича. „Когда Кіевское княжество было переименовано въ воеводство,—говоритъ г. Антоновичъ,—и удѣльныхъ князей замѣнили кіевскіе воеводы, то вмѣстѣ съ тѣмъ и разрушено было административное единство Кіевской земли. Великій князь вошелъ

¹⁰⁶⁸⁾ Źródła dziejowie, tom VI, str. 106, 107.

¹⁰⁶⁹⁾ О кіевскихъ воеводахъ см. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Ks. Litewskiego, str. 18—21.

во всѣ права бывшаго князя удѣльнаго и самъ сталъ назначать старость въ замки Киевскаго княжества; старосты замковъ господарскихъ оказались въ прямой зависимости отъ особы великаго князя, который ихъ назначалъ и смѣнялъ, судилъ и контролировалъ; такимъ образомъ, связь пригородовъ съ главнымъ городомъ области исчезла, и каждый повѣтъ сталъ независимомъ отъ Киева единицею областного управления. Киевскій воевода оказался, съ другимъ только титуломъ, равноправнымъ съ намѣстниками пригородовъ административнымъ чиновникомъ и отличался отъ нихъ только тѣмъ, что подъ властію его находился болѣе богатый городъ съ его непосредственнымъ округомъ и что по причинамъ, не разгаданнымъ для насъ, два сѣверные повѣта: мозырскій и чернобильскій, остались въ зависимости отъ него въ военномъ отношеніи; жители этихъ повѣтовъ обязаны были ходить на войну не подъ начальствомъ своего старосты, а „при воеводѣ Киевскомъ, якъ ихъ обошлетъ“¹⁰⁷⁰⁾.—Совершенно справедливо, что намѣстниковъ или старостъ назначалъ въ Киевскіе пригороды самъ государь, какъ назначалъ онъ намѣстниковъ-державцевъ въ земляхъ Литовской и Жмудской. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что эти намѣстники-старосты были совершенно независимы отъ правителя главнаго города, и что связь пригородовъ съ главнымъ городомъ исчезла. Факты, которые мы встрѣчаемъ въ источникахъ, говорятъ противъ утверженія г. Антоновича. Намѣстники-старосты Киевскихъ пригородовъ являются въ составѣ судебно-административнаго присутствія при Киевскомъ воеводѣ, какъ его помощники, на ряду съ центральными Киевскими урядниками, вершатъ вмѣстѣ съ нимъ общія дѣла всей Киевской земли. Такъ, напр., намѣстники Житомирскій и Черкасскій вмѣстѣ съ воеводою Андреемъ Немировичемъ выдаютъ въ 1521 г. удостовѣреніе бывшему воеводѣ Киевскому пану Юрью Николаевичу относительно расходовъ его „изъ пенязей власныхъ“ въ бытность Киевскимъ воеводою¹⁰⁷¹⁾. Намѣстниковъ-старостъ Киевскихъ пригородовъ мы встрѣчаемъ не разъ при Киевскомъ воеводѣ, когда тотъ рѣшаетъ какія-нибудь важныя дѣла¹⁰⁷²⁾, и это, очевидно, идетъ отъ удѣльнаго времени, когда вездѣ въ западнорусскихъ княжествахъ намѣстники городовъ и волостей были вмѣстѣ съ тѣмъ и членами княжеской думы. Киевскій воевода вовсе не былъ

¹⁰⁷⁰⁾ Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи, стр. 246, 247.

¹⁰⁷¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 47, 48.

¹⁰⁷²⁾ См., напр., листъ Киевскаго воеводы относительно выкупа у князя Богдана Путивальскаго имѣнія Яроваго въ Олевской волости въ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 139.

равноправнымъ съ намѣстниками пригородовъ правителемъ. По уставной грамотѣ, данной Кіевской землѣ, онъ „сѣдшы съ князи и бояры“ судилъ всѣхъ князей, пановъ и бояръ этой земли, въ какомъ бы повѣту они ни принадлежали, „о грабежи безправныѣ“¹⁰⁷³⁾. Вообще онъ управлялъ высшій судъ въ Кіевской землѣ, напр. по дѣламъ о разверсткѣ повинностей между нѣсколькими волостями, по искамъ крупныхъ землевладѣльцевъ, князей и пановъ, другъ на друга и т. д. Связь волостей или повѣтовъ Кіевской земли съ центромъ вовсе не была порвана, и воевода вѣдалъ эти волости или повѣты въ судебно-административномъ отношеніи. Такъ, напр., несмотря на существованіе въ Мозыри особаго намѣстника-державцы, Кіевскій воевода давалъ великому князю Александру справку о доходности имѣнія Тулеговичъ въ Мозырскомъ повѣтѣ, которое великій князь отдалъ князю Василью Мунчѣ въ хлѣбокормленье¹⁰⁷⁴⁾. Изъ этого видно, что Мозырскій повѣтъ былъ подвѣдомъ Кіевскому воеводѣ не въ одномъ только военномъ отношеніи, какъ утверждаетъ г. Антоновичъ, и что административное единство Кіевской земли съ упраздненіемъ удѣла не рушилось. Военная же власть воеводы распространялась не только на Мозырскій и Чернобыльскій, но на всѣ вообще повѣты Кіевской земли, военныя силы которой стягивались подъ одно знамя во время общей мобилизаціи.

Кромѣ воеводы, въ Кіевской землѣ чинили судъ и управу слѣдующіе великокняжескіе урядники:

Намѣстникъ Мозырскій. О намѣстникѣ Мозырскомъ находимъ упоминанье въ актахъ княженя Александра и въ первые годы Сигизмундова княженя. Такъ, въ записи прихода и расхода великокняжескаго скарба за 1496 годъ читаемъ между прочимъ: „намѣстникъ Мозырскій далъ двѣнадцать копѣ грошей великому князю“¹⁰⁷⁵⁾. Намѣстникъ Мозырскій и Мерецкій панъ Юрій Николаевичъ Радвиловича упоминается въ актахъ 1514 г.¹⁰⁷⁶⁾. Но его преемникъ, панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, называется уже *державицею*, напр., въ подтвержденнѣ, выданномъ въ 1516 году дворянину Чижу на нѣкоторыя земли въ Полоцкомъ повѣтѣ¹⁰⁷⁷⁾. Намѣстникъ-державца Мо-

¹⁰⁷³⁾ Акты Зап. Рос. II, № 30.

¹⁰⁷⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 9. 10.

¹⁰⁷⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 277, 278.

¹⁰⁷⁶⁾ Акты Зап. Рос. II, № 87.

¹⁰⁷⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 101. Срав. также Акты Зап. Рос. II, № 109.

зырскій, кромѣ собственной *Мозырской волости*, вѣдалъ судомъ и управою и *волость Бичицкую или Опчицкую* (по нижнему теченію р. Птича), какъ это видно изъ жалобы старца и всѣхъ мужей этой волости по поводу нѣкоторыхъ „новинъ“ и „тяжестей“, чинимыхъ имъ намѣстниками Мозырскими ¹⁰⁷⁸). Судя по историческимъ даннымъ, разсѣяннмъ въ источникахъ изучаемаго времени, Мозырскій повѣтъ занималъ бассейнъ нижняго Птича, впадающаго въ Припять, затѣмъ теченіе р. Припяти и ея притоковъ приблизительно до впаденія въ Припять рѣки Славечны, т. е. восточную часть Мозырскаго уѣзда и прилегающія къ ней мѣстности Рѣчицкаго уѣзда Минской губерніи. Такъ, въ составъ его входили между прочимъ: село *Тулеговичи* (нынѣ Тулеговичи Юревичской волости Рѣчицкаго уѣзда на р. Старухѣ), пожалованное въ 1506 г. князю Василью Мунчѣ ¹⁰⁷⁹); село *Бабичи* (нынѣ Барбаровъ на р. Припяти того же уѣзда), пожалованное королемъ Сигизмундомъ дворянину Александру Богдановичу Гостьскому ¹⁰⁸⁰), села *Боложевичи* (нынѣ пристань на р. Припяти Скрыгаловской волости), *Копцевичи* (нынѣ Копцевичи на р. Птичѣ Копаткевичской волости или на р. Бобричи Ласковичской волости) и *Шестовичи*, пожалованные королемъ Сигизмундомъ князю Константину Ивановичу Острожскому ¹⁰⁸¹), *Новоселки* (нынѣ село Хойникской волости Рѣчицкаго уѣзда на притокѣ Припяти Вити), утвержденные королемъ Сигизмундомъ за писаремъ Ѳедкомъ Святошою ¹⁰⁸²); *Юрьевичи* (нынѣ Рѣчицкаго уѣзда), утвержденные въ 1510 г. за землями Волынскими Сербиновыми ¹⁰⁸³) и т. д.

Намѣстникъ Брягинскій (Брягинъ—нынѣ мѣстечко Рѣчицкаго уѣзда на р. Брягинѣ, впадающей въ Припять). О намѣстникѣ Брягинскомъ находимъ упоминанье въ листѣ великаго князя Александра о сборѣ дани съ Подиѣпрскихъ волостей ¹⁰⁸⁴) и въ другихъ актахъ изучаемаго времени. Въ 1506 г. король Александръ отдалъ *волостку Брягинскую* въ держанье со всѣми доходами намѣстничьими и господарскими нѣкоему Данилу Дѣдковичу, который на службѣ господарской въ ордѣ издержалъ двѣсти тридцать вошь грошей своихъ денегъ, „до тыхъ ча-

¹⁰⁷⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 324.

¹⁰⁷⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 9, 10.

¹⁰⁸⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 303.

¹⁰⁸¹) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 554.

¹⁰⁸²) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 232, 233.

¹⁰⁸³) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 341.

¹⁰⁸⁴) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329.

совъ, пока онъ тую двѣстѣ копь и тридцать копь грошей тыми нашими доходами собѣ заплатитъ" ¹⁰⁸⁵). Но Сигизмундъ въ 1507 г. взялъ эту волостку на себя и взаменъ ея далъ Данилу Дѣдковичу корчму Черкасскую на два года ¹⁰⁸⁶). Затѣмъ Сигизмундъ отдалъ Брягинскую волостку князю Михаилу Васильевичу Збаражскому сначала „въ держанье до живота“, и потомъ, въ 1512 году, на вѣчность „зъ мѣстомъ и съ корчмами, и зъ мытомъ, и зъ городищомъ, и со всѣми селы и зъ людьми, кромѣ тыхъ селъ, што первѣй того кому у той волости будемъ дали“ ¹⁰⁸⁷). По разграниченью 1564 г. Брягинская волость вошла въ составъ Мозырскаго повѣта Кіевскаго воеводства, что служитъ косвеннымъ указаніемъ на принадлежность ея къ составу Кіевской земли и въ изучаемое время, ибо разграниченье 1564 г. произведено было въ рамкахъ предшествовавшаго областного дѣленія ¹⁰⁸⁸).

Намѣстникъ Овручскій или Вручкій. Въ 1489 г. король Казимиръ, отдавъ мѣщанамъ Вруцкимъ корчмы Вруцкія на шесть лѣтъ, писалъ объ этомъ намѣстнику Вруцкому пану Горностаю Романовичу, приказывая ему оборонять ихъ отъ кривдъ и не позволять никому иному варить корчмы ¹⁰⁸⁹). При Александрѣ акты называютъ намѣстникомъ Вруцкимъ князя Григорья Глинскаго, котораго великій князь извѣщалъ, напр., о пожалованіи Ядку Мезю челоуѣка Лазорка Мошковича „и зъ его сынами и зъ братаничи его“ во Вруцкомъ повѣтѣ ¹⁰⁹⁰). Затѣмъ въ этомъ званіи является по актамъ панъ Сенько Романовичъ, котораго король Сигизмундъ въ 1507 г. извѣщалъ о пожалованіи боярамъ Вруцкимъ Петрашевичамъ земли во Вруцкомъ повѣтѣ ¹⁰⁹¹). Панъ Михайло Халецкій, державшій замокъ Вручій въ концѣ изучаемаго времени, въ актахъ 1522 года называется *старостою* Вруцкимъ ¹⁰⁹²), а въ актахъ 1523 г. *намѣстникомъ* ¹⁰⁹³). *Вручій* или *Овручъ* вмѣстѣ съ Житомиромъ упоминаются въ лѣтописи, какъ пригороды удѣльнаго княжества Кіевскаго, принадлежавшаго Владимиру Ольгердовичу ¹⁰⁹⁴).

¹⁰⁸⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 14.

¹⁰⁸⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 127.

¹⁰⁸⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 202.

¹⁰⁸⁸) Литов. Метр. кн. Публич. дѣль VII, л. 117—125.

¹⁰⁸⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 21.

¹⁰⁹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 64.

¹⁰⁹¹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 160, 161.

¹⁰⁹²) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 31, 34.

¹⁰⁹³) Ibidem, л. 110, 111.

¹⁰⁹⁴) Лѣтописецъ великихъ князей Литовскихъ, стр. 40.

Судя по историко-географическимъ даннымъ позднѣйшаго времени (опись Овруцкаго замка 1545 года), Овруцкій повѣтъ занималъ всю ту часть нынѣшняго Овруцкаго уѣзда, которая находится между рѣками Убортью и Ушью, а также юго-восточную часть Мозырскаго уѣзда по теченію рѣки Славечны и ся притока Чертена (здѣсь лежали, напр., села: *Скородно, Белавскъ, Кузмичи, Котчиши, Шаринъ* и др. ¹⁰⁹⁵).

Намѣстникъ Чернобыльскій. Въ 1522 г. 23 ноября король Сигизмундъ приказывалъ намѣстнику Чернобыльскому пану Михайлу Павшѣ „подать дворянину Матеею Заморенку челоуѣка путнаго въ Чернобыльскомъ повѣтѣ въ Бѣлойсороцѣ Мартина Зеньковича и съ землею Крывскою, на которой тотъ челоуѣкъ сѣдитъ“ ¹⁰⁹⁶). Этотъ панъ Михайло Павша вскорѣ умеръ, потому что въ слѣдующемъ 1523 году королю билъ челоуѣкъ дворянинъ Дмитрій Иваншенцовичъ, прося пожаловать ему въ держанье замокъ Чернобыль, „а повѣдилъ, ижъ оиъ тотъ замокъ своими тежъ людьми робилъ, а къ тому есть самъ прироженецъ земли Кіевское“ ¹⁰⁹⁷). Король далъ ему замокъ на два года послѣ Крыштофа Кмитича „со всемъ потому, какъ и первіи державцы наши, небожыкъ Михайло Павша и Крыштофъ Кмитичъ отъ насъ держали“. Такимъ образомъ, замокъ Чернобыль (нынѣ мѣстечко Родомильскаго уѣзда при впаденіи Уши въ Припять) принадлежалъ къ числу тѣхъ городовъ, которые раздавались мѣстнымъ боярамъ „колею“ или по очереди. Въ 1529 г. замокъ Чернобыль съ своимъ повѣтомъ былъ въ держаньи воеводы Кіевскаго пана Андрея Немировича, который имѣлъ въ Чернобыли своего намѣстника, Федка Андреевича Киселя: этому Киселю оиъ приказывалъ „увязать“ дворянина Аникея Горностаевича въ озеро Глушець „въ Кіевскомъ повѣтѣ въ Чернобыльской волости“, которое воевода далъ ему съ соизволенья королевскаго ¹⁰⁹⁸). Къ замку Чернобылю, кромѣ собственной *Чернобыльской волости*, тянула еще *волость Бѣлосороцкая* (Бѣлосороко село на р. Припяти Дерновичской волости Рѣчицкаго уѣзда), въ которой воевода Андрей Немировичъ далъ толмачу татарскому Магару Ивановичу селище Лысковщину въ 1516 г. ¹⁰⁹⁹).

¹⁰⁹⁵) Архивъ Юго-Западной Россіи ч. IV, т. I, № X.

¹⁰⁹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 44.

¹⁰⁹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 98.

¹⁰⁹⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 419, 420.

¹⁰⁹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 101, 102.

Намѣстникъ Звягольскій (Звяголь — нынѣ уѣздный городъ Волынской губерніи Новградволыньскъ). Въ 1488 г. 20 іюня король Казимиръ отдалъ въ аренду жидамъ Луцкимъ мыто и корчму Звягольскую на три года и, извѣщая объ этомъ намѣстника Звягольского пана Окушка Калениковича, приказывалъ ему не вступаться въ мыто и промыту, не чинить мытникамъ никакихъ „кривдъ“ и насилій, не держать своей корчмы и не позволять никому другому ¹¹⁰⁰). Ранѣе этого Звяголь былъ, повидимому, во владѣніи князей Звягольскихъ, изъ которыхъ одинъ написанъ въ числѣ „свѣтковъ“ въ записи пана Ивашка Дичка, продавашаго дворъ и село Ровное въ 1461 году кн. Семену Васильевичу Несвизскому ¹¹⁰¹). При Александрѣ упоминается въ актахъ намѣстникъ Звягольскій Яковъ Мезъ, которому великій князь въ 1496 году пожаловалъ человѣка Лазорка Мошковича во Вруцкомъ повѣтѣ ¹¹⁰²) Король Александръ возвратилъ Звяголь князьямъ-отчичамъ, а по смерти ихъ пожаловалъ имѣнье („въ Кіевскомъ повѣтѣ“), „которое жъ передъ тымъ держали князь Василій и князь Андрей Семеновичи Звягольскіи“, князю Константину Ивановичу Острожскому „со всеми его приселками“ на вѣчность ¹¹⁰³).

Намѣстникъ Житомирскій. Въ 1488 году король Казимиръ извѣщалъ Кіевского воеводу пана Юрья Пацовича о томъ, что онъ утвердилъ за намѣстникомъ Житомирскимъ паномъ Сенькомъ Романовичемъ имѣнье Дорогинь во Вруцкомъ повѣтѣ ¹¹⁰⁴). При Александрѣ акты упоминаютъ намѣстника Житомирскаго пана Дмитра Александровича, которому король въ 1502 г. писалъ объ „увязаньѣ“ землянина Житомирскаго Андрея Пряжковскаго въ селище Трибѣсы въ Житомирскомъ повѣтѣ ¹¹⁰⁵). Онъ же былъ намѣстникомъ Житомирскимъ и при Сигизмундѣ ¹¹⁰⁶).

Намѣстникъ Черкасскій. Въ 1494 г. великій князь Александръ писалъ намѣстнику Черкасскому пану Кмитѣ Александровичу о позволеніи боярину Кіевскому Васку Ершевичу призывать людей и садить

¹¹⁰⁰) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 23.

¹¹⁰¹) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LVI. Срав. Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 19.

¹¹⁰²) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 64.

¹¹⁰³) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXVII; Акты Зап. Рос. II, № 29, III.

¹¹⁰⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 128.

¹¹⁰⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 210.

¹¹⁰⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 450; X, 47, 48.

ихъ въ его отчинномъ имѣннѣ въ Черкасскомъ повѣтѣ—Мошнахъ, при чемъ намѣстникъ не долженъ былъ требовать съ нихъ ясачной службн къ замку; „нехай они ему служатъ потому, какъ и въ иныхъ бояръ *Кіевскихъ* люди господаремъ своимъ служатъ“ ¹¹⁰⁷). Въ 1507 г. король Сигизмундъ, отдавъ на откупъ корчму Черкасскую дворянину Данилу Дѣдковичу, приказывалъ намѣстнику Черкасскому князю Василью Дашковичу, „а не будетъ его самого,—ино его намѣстнику Черкасскому и отаману и войту и всимъ мѣщаномъ Черкасскимъ“, — не вступаться въ корчму, не заводить другихъ корчомъ и складовъ частныхъ не сытить ¹¹⁰⁸). Этотъ князь Василій Даниловичъ называется въ актахъ и *старостою* Черкасскимъ ¹¹⁰⁹). Въ 1511 году намѣстникомъ Черкасскимъ по актамъ является князь Тимоея Ивановичъ Капуста, которому король Сигизмундъ пожаловалъ три сельца Олевской волости, Масевичи, Хишимо и Бѣловѣжи ¹¹¹⁰). Въ концѣ изучаемаго времени мы встрѣчаемъ по актамъ уже *старосту Черкаскаго и Каневскаго* пана Остафья Дашковича ¹¹¹¹).

Кромѣ округовъ, въ которыхъ судъ и управу чинили перечисленные намѣстники, въ составъ Кіевской земли входили:

Волость Олевская (Олевскъ—мѣстечко на р. Уборти Овручскаго уѣзда). Въ 1488 г. королю Казимиру билъ челомъ бояринъ Кіевскій Пирхайло, прося дать ему въ держанье на этотъ годъ волость Олевско, „отодвинувши иныхъ бояръ, а другій бы годъ къ тому придалъ на окупъ, што жена его идетъ у Ордѣ“ ¹¹¹²). Такимъ образомъ, волость Олевская принадлежала къ числу тѣхъ, которыя отдавались боярамъ Кіевскимъ въ очередное держанье по годамъ. Но кромѣ этихъ бояръ, волость была подвѣдома и Кіевскому воеводѣ. Такъ, въ 1511 г. воевода Кіевскій князь Юрій Александровичъ, получивъ приказанье отъ короля „обыскать“ имѣнье для намѣстника Черкаскаго князя Тимоея Ивановича Капусты, назначилъ ему три сельца въ Олевской волости, которыя король и утвердилъ своимъ листомъ ¹¹¹³). Въ 1508 году король писалъ до воеводы Кіевскаго Юрья Михайловича Монтов-

¹¹⁰⁷) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 13. Срав. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CVIII.

¹¹⁰⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 86.

¹¹⁰⁹) Архивъ Юго-западной Россіи ч. I, т. VI, № V, VI.

¹¹¹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 473, 474.

¹¹¹¹) Акты Зап. Рос. II, № 171.

¹¹¹²) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 36.

¹¹¹³) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 473, 474.

товича, чтобы онъ не вступался въ село Суцаны (на р. Уборти) „у-въ Олевску“, которое онъ пожаловалъ князю Федору Ивановичу Корецкому ¹¹¹⁴).

Волость Вышгородская (Вышгородъ— село на р. Днѣпрѣ). Она повидимому, также была изъ числа волостей очереднаго владѣнія Киевскихъ бояръ ¹¹¹⁵).

Волость Завская. Въ 1494 году великій князь Александръ писалъ воеводѣ Киевскому и влючнику, чтобы они не брали въ теченіе двухъ лѣтъ дани медовой и грошовой съ шестнадцати человекъ волости Завской, которыхъ „брали поганство татарове“ ¹¹¹⁶). Завская волость находилась по теченію рѣки Уши, какъ это видно изъ привилея великаго князя Александра, даннаго влючнику Киевскому Сеньку Полозовичу на имѣнье *Хабное* (нынѣ мѣстечко на р. Ушѣ Радомысльскаго уѣзда) въ Киевскомъ повѣтѣ „въ Завской“ (т. е. Заушской) волости ¹¹¹⁷). Волость Завская вмѣстѣ съ Олевскою и Черкасами входили въ составъ Киевской земли, когда она была еще удѣльнымъ литовскимъ княжествомъ ¹¹¹⁸).

Волость Чудновская. Въ 1507 году король Сигизмундъ пожаловалъ князю Константину Ивановичу Острожскому имѣнье въ Киевскомъ повѣтѣ *Чудновъ* (нынѣ мѣстечко на р. Тетеревѣ Житомирскаго уѣзда) и дозволилъ ему тамъ „замоеть збудовати и мѣсто осадити, и торгъ, и мыто, и корчмы мѣти, и ярмарокъ встановити“ ¹¹¹⁹). До этого времени волость Чудновская была господарскимъ владѣніемъ, какъ это видно изъ пожалованій сель въ этой волости ¹¹²⁰).

Въ Киевской землѣ можно указать и на другія крупныя имѣнья князей и пановъ, равныя по значенію своему господарскимъ волостямъ. Таковы были, напр.: *Навозъ* (нынѣ село Черниговскаго уѣзда на р. Днѣпрѣ) ¹¹²¹); *Остеръ* (нынѣ уѣздный городъ Черниговской губерніи), который король Казимиръ присудилъ княгинѣ Марѣ Трабской, и къ которому тонули села *Бодянки* (на р. Острѣ), *Чернинъ* (нынѣ село

¹¹¹⁴) Акты Зап. Рос. II, № 37.

¹¹¹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 20. Срав. *Bonieckiego* *Poczet* *ródow*. *Spis* *dy* *ni* *arzy* *i* *urzędników*, str. XLII.

¹¹¹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 11.

¹¹¹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 84.

¹¹¹⁸) *Archiwum* *ks.* *Lubartowiczów-Sanguszków* I, № CXII.

¹¹¹⁹) Акты Зап. Рос. II, № 29, I.

¹¹²⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 6 и др.

¹¹²¹) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 148; кн. Судныхъ дѣлъ III, л. 196—199.

при озерѣ Опоцны Жукинской волости Остерскаго уѣзда), *Выполозово* (Моровской волости того же уѣзда), *Носово*, *Рожны* (на р. Деснѣ Семиполковской волости), *Льтки* (нынѣ мѣстечко при рѣкѣ Деснѣ той же волости), *Свѣтильновъ* (нынѣ село Гоголевской волости при рѣчкѣ Трубежѣ)¹¹²²); къ Остру же, повидимому, принадлежалъ и *Жукинъ* на р. Деснѣ, пожалованный въ 1522 г. родственнику княгини Марьи Трабской—пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду¹¹²³); *Черняговъ* (нынѣ село на рѣчкѣ Сухой Бобрицѣ Кіевскаго уѣзда)—замокъ съ мѣстомъ, принадлежавшій князю Константину Ивановичу Острожскому¹¹²⁴); городъ *Любечъ* на Днѣпрѣ, принадлежавшій князю Василью Михайловичу Верейскому, въ 1503—1508 гг. отходившій къ Москвѣ¹¹²⁵), послѣ того отданный въ держанье воеводѣ Кіевскому пану Юрью Михайловичу Монтовтовича¹¹²⁶), а въ 1516 г. на вѣчность пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду „подлѣ данины цю его“, т. е. князю Василью Михайловичу¹¹²⁷); *Бердичевъ* (нынѣ уѣздный городъ Кіевской губ.) и *Чертолтыцы*—отчина и дѣдина Тышкевичей¹¹²⁸).

На лѣвой сторонѣ Днѣпра, кромѣ Остра и его повѣта, къ составу Кіевской земли принадлежалъ и городъ *Путивль* съ волостями, тянувшими къ нему. Путивль принадлежалъ къ Кіевской землѣ еще въ то время, когда она была удѣльнымъ княжествомъ. Въ 1484 г. король Казимиръ подтвердилъ боярину Путивльскому Демиду „листъ небощиковъ князя Семеновъ Александровича, што жъ князь Семень далъ ему село у Путивли на имя Чаплища и землю Тернь и со озеры и съ перевѣсьемъ и со всеми входы“¹¹²⁹). Въ 1499 году великій князь Александръ утвердилъ за дворяниномъ Сорокою имѣнье, купленное имъ у Путивлянки Орины Митювы, жены Осташковича, и ея дѣтей, селище Еремковичи: „а то дей данина была отцу мужа ея Осташку князя Александра Володимеровича, а потомъ подлугъ данины отца своего князь Семень Александровичъ ему жъ подтвердилъ листомъ сво-

¹¹²²) Акты Зап. Рос. I, № 77.

¹¹²³) *Bonięskiego* Poczet rodów w W. Ks. Litewskiem w XV i XVI wieku, str. 58.

¹¹²⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 414.

¹¹²⁵) Сбор. Импер. Русск. Истор. Общ. XXXV, 398—402; 485, 486.

¹¹²⁶) Акты Зап. Рос. II, № 38.

¹¹²⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 120, 121.

¹¹²⁸) *Bonięskiego* Poczet rodów, str. 355.

¹¹²⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 121.

имъ¹¹³⁰⁾. По упраздненіи Кіевскаго удѣла въ Путивлѣ на мѣсто на-
мѣстника Кіевскаго князя сѣлъ великокняжескій намѣстникъ. Такимъ
образомъ, въ записныхъ книгахъ денежныхъ и хлѣбныхъ раздачи ко-
роля Казимира читаемъ: „пану Кмитѣ Александровичу, *намѣстнику*
Путивльскому, 20 копъ грошей зъ мыта Путивльскаго“¹¹³¹⁾. Ранѣе
того, въ 1482 году, король Казимиръ извѣщалъ намѣстника Путивль-
скаго пана Ивана Ромашковича о пожалованіи князю Роману Вол-
ковскому двухъ селець въ Путивльскомъ повѣтѣ, Гончара и Столпа-
ты¹¹³²⁾. При Александрѣ въ должности Путивльскаго намѣстника яв-
ляется князь Богданъ Ѳеодоровичъ Глинскій изъ рода князей Глин-
скихъ, отчиною которыхъ былъ *Глинскъ*, нынѣ запятый городъ Ро-
менскаго уѣзда Полтавской губерніи на р. Сулѣ, не далеко отъ Пу-
тивля¹¹³³⁾. Повидимому, онъ получилъ впоследствии Путивль въ вотчину,
ибо въ листѣ короля Сигизмунда отъ 1512 г. къ князьямъ Михаилу
Мстиславскому и Ѳеодору Жеславскому, содержащемъ извѣщеніе о его
смерти, онъ уже прямо названъ княземъ Путивльскимъ¹¹³⁴⁾. Упомя-
нутыя лица, державшія Путивль изъ руки великаго князя, принадле-
жали къ составу князей и пановъ Кіевской земли, что служитъ кос-
веннымъ указаніемъ на принадлежность Путивля къ Кіевской землѣ
и послѣ упраздненія Кіевскаго удѣла. Впрочемъ, относительно этого
въ актахъ имѣется и прямое указаніе. Въ 1496 г. ключникъ Кіев-
скій „дѣлалъ личбу“, т. е. представлялъ отчетъ, великокняжескому пи-
сарю Ивашку владнѣй о приходѣ и расходѣ дани „сѣверское и пол-
ское“. Медовой дани ключникъ положилъ 314 судовъ, т. е. караима-
повъ; расходуя эту дань, онъ „иное выдалъ князю Дмитрію Путятичу,
воеводѣ Кіевскому, а пану Сеньку Олизаровичу, а князю Богдану,
намѣстнику Путивльскому 13 судовъ сѣверское дани, а иное давалъ
на русскіи церкви и бискупу Кіевскому, и каноникомъ, и инымъ да-
валъ“; дани грошовой „съ сѣверскихъ и полскихъ волостей“ всего со-
бралъ 130 копъ грошей; „*тыи гроши вси отданы воеводѣ Кіевскому*“¹¹³⁵⁾.
Упомянутыя здѣсь сѣверскія волости, очевидно, тѣ, которыя входили
въ составъ Путивльскаго повѣта. Такимъ образомъ, утвержденіе

¹¹³⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 83, 84.

¹¹³¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 77.

¹¹³²⁾ Ibidem, л. 116.

¹¹³³⁾ Акты Зап. Рос. I, № 129, 158, 178; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № СХП.

¹¹³⁴⁾ Акты Зап. Рос. II, № 76.

¹¹³⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 170.

г. Антоновича, что Путивль никогда не былъ Кіевскимъ пригородомъ, должно быть ограничено въ томъ смыслѣ, что Путивль не былъ Кіевскимъ пригородомъ до литовскаго владычества, хотя и въ такомъ видѣ это утверждение не можетъ быть категоричнымъ ¹¹³⁶). Въ лѣтахъ находимъ и перечни этихъ волостей. Въ 1499 г. великій князь Александръ подтвердилъ дворянину Сеньку Жеребятичу земли, купилъ его въ Путивльскомъ повѣтѣ, „Городиское волости и Жолважское“ ¹¹³⁷). Обѣ эти волости, какъ видно изъ перечня городовъ Кіевскихъ въ Воскресенской лѣтописи, лежали на р. Пслѣ. Когда намѣстникъ Путивльскій князь Богданъ Глинскій составлялъ (1 февр. 1500 г.) отказную запись на свое имѣнье Гатное, то при этомъ присутствовали, кромѣ королевскихъ дворянъ и собственныхъ бояръ князя Глинскаго (очевидно, эти лица были его помощниками и урядниками по управленію Путивльскимъ повѣтомъ), также и сотники Путивльскихъ волостей, а, именно: Хотеньской (нынѣ село Хотень въ сѣверной части Сумскаго уѣзда Харьковской губерніи), Мельской (село Мельня на р. Сеймѣ Кролевецкаго уѣзда Черниговской губерніи), Биринской (нынѣ село Буринъ на р. Сеймѣ Путивльскаго уѣзда), и сынъ сотника Демирскаго ¹¹³⁸). Волости Путивльскія при королѣ Казимирѣ раздавались въ держанье на года Кіевскимъ боярамъ. Такимъ образомъ, напр., въ книгѣ пожалованій короля Казимира читаемъ слѣдующую запись (1487): „Макару Володковичу—волость Биринъ на годъ послѣ первыхъ; Юшку Полковичу—волость Жолважъ на годъ послѣ первыхъ; пану Сеньку Романовичу—волость Хотень на сесь годъ; Петрушку Скипоревичу—волость Утшиковъ (по списку Воскресенской лѣтописи на р. Сулѣ) на сесь годъ; Сеньку Жеребятичу—волость Лопатинъ на сюю осень на окупъ съ татаръ“ ¹¹³⁹).

На лѣвой сторонѣ Днѣпра были и другія волости Кіевской земли. Мы знаемъ, что границы Кіевскаго княжества съ кочевьями Перекопскихъ татаръ, какъ ее проводилъ намѣстникъ Черкасскій князя Семена Омельковича Свиридовъ, шла отъ Днѣпра по Овечьей водѣ (притокъ Самары) вверхъ и по Оргѣю до Донца, а отъ Донца по Тихую Сосну ¹¹⁴⁰). Если такъ, то и упоминаемая въ ярлыкѣ хана Менгли-

¹¹³⁶) В. Б. Антоновича, Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго стр. 62.

¹¹³⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 152.

¹¹³⁸) Акты Зап. Рос. I, № 178.

¹¹³⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 35.

¹¹⁴⁰) Акты Зап. Рос. II, № 199.

Гирей (1506 г.) „мѣста“: *Снѣпорожъ* (при впаденіи Свѣпорода въ Сулу), *Глинскъ* „со всеми ихъ людьми“, *Синечъ* (на Сулѣ), *Лосичи* или *Лошичи* (на Пслѣ), *Хотмыль* (нынѣ Хотмыжскъ на р. Ворсклѣ, запятный городъ Грайворонскаго уѣзда Курской губерніи), *Курская тѣма*, *Осколь*, *Мужечъ* (нынѣ деревня Мужича на р. того же имени въ восточной части Рыльскаго уѣзда Курской губерніи), *Милолюбъ* (быть можетъ, нынѣшняя деревня Миролюбово Фатежскаго уѣзда Курской губ.), принадлежали въ составу Кіевской земли и были, быть можетъ, тѣми волостями, которыя обозначены въ вышеприведенномъ отчетѣ Кіевскаго ключника „полскими“¹¹⁴¹⁾. Курскъ, Осколь, Милолюбъ и Мужечъ упомянуты въ числѣ литовскихъ городовъ въ трактатѣ Свидригелла съ орденомъ 1402 г.¹¹⁴²⁾ Въ XVI вѣкѣ бассейны Ворсклы, Орели и Самары входилъ въ составъ Черкаскаго повѣта Кіевской земли¹¹⁴³⁾. Въ перечнѣ городовъ, находящемся въ Воскресенской лѣтописи и составленномъ по всѣмъ признакамъ въ 30-хъ годах XV вѣка, упоминаются въ этой мѣстности еще слѣдующіе города: *Переславль Русскій* на р. Трубежѣ; на Сулѣ: *Сокнятинъ* (нынѣ мѣстечко Снятинъ на р. Сулѣ Хорольскаго уѣзда), *Чемосовъ*, *Кляпецъ*, *Грошинъ* (нынѣ село на р. Сулѣ Хорольскаго уѣзда на границѣ съ Лубенскимъ), *Роменъ* (нынѣ Ромны на р. Сулѣ, уѣздный городъ Полтавской губерніи), *Ковыла*, *Вороно*, *Саль*, *Песы Кости*; на Пслѣ—*Ничанъ*¹¹⁴⁴⁾. Нѣкоторые изъ этихъ городовъ въ изучаемое время были, очевидно, только запустѣлыми городищами и впослѣдствіи не возстали изъ своихъ развалинъ; но, какъ бы то ни было, вся эта мѣстность считалась землею Кіевскою. Такимъ образомъ, Кіевская земля на лѣвой сторонѣ Днѣпра обнимала все бывшее Переславское княжество и захватывала южную часть земли Сѣверской, т. е. Посемье¹¹⁴⁵⁾. По договору 1503 г. все Посемье отошло къ Москвѣ.

Сводя вмѣстѣ приведенныя историко-географическія данныя относительно Кіевской земли, можно приблизительно такимъ образомъ очертить ея предѣлы въ изучаемое время: на западѣ граница Кіев-

¹¹⁴¹⁾ Ibidem, № 6; Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 177.

¹¹⁴²⁾ Scarbiec dyplomatów I, № 746.

¹¹⁴³⁾ *Владимірскаго-Буданова* Предисловіе къ II тому VII части Архива Юго-Западной Россіи, стр. 47.

¹¹⁴⁴⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. VII, 240.

¹¹⁴⁵⁾ См. Учебный атласъ по русской исторіи проф. Е. Замысловскаго, № 2. С.-Петербургъ 1887.

ской земли шла, придерживаясь линіи Случа и Уборти, переходила затѣмъ на лѣвый берегъ Припяти, охватывала здѣсь нижнее теченіе рѣки Птичи и рѣку Брагинку, а затѣмъ, перейдя на лѣвый берегъ Днѣпра, охватывала нижнее теченіе Десны (Остерскій уѣздъ Черниговской губерніи), почти все Посемье, Посулье и бассейны Псела, Ворсклы и верхняго Донца до Оскода; на правой сторонѣ Днѣпра южными поселенія Кіевской земли были разбросаны по Роси и ея притокамъ и только близъ Днѣпра спускались ниже устья Роси приблизительно до р. Тясмина, впадающаго въ Днѣпръ.

XVI.

Въ Витебской землѣ удѣльнаго князя замѣнили *намѣстникъ* великаго князя, въ 1511 г. переименованный въ *воеводу* ¹¹⁴⁶⁾. При немъ остался весь штатъ центральныхъ урядниковъ удѣльнаго князя, увеличенный еще должностію городничаго. Въ спискѣ волостей, розданныхъ Казимиромъ въ держанье Витебскимъ боярамъ, находимъ уряды: *конюшое, городничое, ключництво, ловчое* ¹¹⁴⁷⁾. Въ актахъ позднѣйшаго времени, кромѣ того, встрѣчаемъ *сокольничаго* Витебскаго Некраша Ивановича (1538 г.) ¹¹⁴⁸⁾, *бобровничаго* Ленька Борисовича (1531 г.) ¹¹⁴⁹⁾ и *подвойскаго* ¹¹⁵⁰⁾.

Въ отдѣльныхъ волостяхъ Витебской земли, не принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, князьямъ или панамъ, судъ и управу чинили или *намѣстники* *намѣстника-воеводы*, по его уполномочію, или же мѣстные бояре, которымъ отдавалъ эти волости въ держанье великій князь по годамъ. *Намѣстники воеводы* Витебскаго по актамъ были, напр., въ *волости Лужосемской* (Лужесно—погостъ Мишеовской водости Витебскаго уѣзда), и *волости Илемницкой* (Лемница—село Яновичской волости того же уѣзда). Въ 1530 г. 28 сентября воеводѣ Витебскому являлся его *намѣстникъ* Лужосенскій Молодень, что панскіе люди села Козловичъ забрали за себя пять земель пустовскихъ, которыя они передъ тѣмъ, „за первыхъ воеводъ во владниковъ ихъ бирали съ позему пахати“ ¹¹⁵¹⁾. Въ 1432 году, въ бытность воеводы въ Илемницѣ,

¹¹⁴⁶⁾ *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. K. Litewskiego, str. 86.

¹¹⁴⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 108 109.

¹¹⁴⁸⁾ *Bonieckiego* Poczet rodów. Spis dygnitarzy i urzędników, str. XLIV.

¹¹⁴⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 45, 46.

¹¹⁵⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 18, 19.

¹¹⁵¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 48, 49.

ему приносила жалобу бояринъ господарскій Витебскій Костя Косовъ въ титула Илемницкаго Ушака, который привернулъ ея лядо къ двору господарскому, „которое жъ лядо намѣстникъ Илемницкій за его мѣстью на дворъ Илемницкій досѣжъ“¹¹⁵²⁾. Изъ того, что воевода принималъ эту жалобу на мѣстѣ, видно, что Илемницкая волость находилась въ его завѣдываньѣ, а намѣстникъ Илемницкій былъ намѣстникомъ по уполномочию воеводы. Это заключеніе подтверждается инвентаремъ замка Витебскаго, „съ нимъ подано пану Ивану Софѣвъ“ (около 1508), изъ котораго видно, кромѣ того, что на такомъ же положевіи находилась *волость Дарбошковская* (Любашково—нынѣ погостъ Седутинской волости Витебскаго уѣзда) и *Семичкая* (нынѣ деревни Садница или Село близъ Зап. Двины въ Витеб. уѣздѣ)¹¹⁵³⁾. Изъ привілея, даннаго въ 1503 г. костелу Витебскому на имѣнья его и равныя доходы, въ томъ числѣ на десятину съ господарскихъ дворовъ, которые въ Витебску „прислухаютъ“, видно, что къ разряду такихъ же волостей принадлежала и *Туловская волость*¹¹⁵⁴⁾. Но около времени изданія перваго статута Туловскій дворъ вмѣстѣ съ волостью былъ уже въ частномъ владѣніи, именно княгини Анны Борисовны Жилинской, которая держала здѣсь своего намѣстника¹¹⁵⁵⁾.

Великій князь отъ себя раздавалъ въ держанье мѣстнымъ боярамъ, напр., *волости Жижецкую* (село Жижца при озерѣ того же имени въ юго-западной части Торопецкаго уѣзда) и *Велижскую* (Велижъ—уѣздный городъ Витебской губерніи)¹¹⁵⁶⁾. Такимъ образомъ, въ записи приходовъ короля Казимира читаемъ: „отъ *Велижскаго намѣстничества* Ходоръ далъ три копы“. Здѣсь же находимъ упоминанье объ *Озеречкомъ намѣстничествѣ* (въ волости Озарцо), отъ котораго Гриша далъ королю три корабельника¹¹⁵⁷⁾. Къ разряду такихъ же волостей принадлежали, повидимому, и другія волости, находившіяся на границѣ съ московскими владѣніями, а именно: *Брусъ, Дречинъ Луки, Усвятъ*, (нынѣ мѣстечко при озерѣ Усвятскомъ Велижскаго уѣзда), *Озерича* (нынѣ село при озерѣ того же имени въ Городовскомъ уѣздѣ), *Плаветичкая, Нежелская* (при озерѣ Жижцѣ) и *Мележская*¹¹⁵⁸⁾. Всѣ эти

¹¹⁵²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 99, 100.

¹¹⁵³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 261.

¹¹⁵⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 296, 297.

¹¹⁵⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. л. XVI, 64, 65.

¹¹⁵⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 108, 109.

¹¹⁵⁷⁾ Ibidem, л. 87.

¹¹⁵⁸⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. XXXV, 396; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 280, 281.

волости, за исключеніемъ Бруса, Дречьихъ Лузь, Усвята и Озерища, по договору 1503 г. отошли къ Москвѣ вмѣстѣ съ городомъ Торопцомъ и его волостями ¹¹⁵⁹⁾. Волости Озерищская и Усвятская при королѣ Казимирѣ были отписаны отъ Витебска, а данщики и всякіе люди прѣвзжали къ нимъ на управу прямо отъ короля изъ Вильны ¹¹⁶⁰⁾. Впрочемъ, онѣ не вышли окончательно изъ состава Витебской земли и вмѣстѣ съ другими волостями выполняли разныя повинности на замокъ, напр., волочили на воеводу озеро Вымно, косили луга и забивали езы на рѣкѣ Лужоснѣ и т. под. ¹¹⁶¹⁾. Въ 1526 году волости эти выпросилъ было у короля въ держанье князь Семень Ямонтовичъ Подберезскій, при чемъ „подвезался“ дани королевскія грошовыя и бобровыя, и куницы съ этихъ волостей сполна отдавать королю, „какъ передъ тымъ бывало“ ¹¹⁶²⁾. Этому державцу король прислалъ изъ Вильны, а не изъ Витебска; но такъ какъ онъ сталъ судить „неисправственно“, волости били челомъ королю, и король ихъ пожаловалъ, отдавъ королевѣ Бонѣ, которая прислала къ нимъ своего урядника (пана Бирдеа). Но и во владѣніи королевы Бонны волости эти не утратили связи съ Витебскою землею, помогали, напр., другимъ волостямъ Витебскимъ дѣлать городъ ¹¹⁶³⁾.

Изъ панскихъ имѣній среди перечисленныхъ волостей акты упоминаютъ въ Витебскомъ повѣтѣ *волость Глазомичскую* (Глазомичи — нынѣ деревня Витебскаго уѣзда на рѣчкѣ Вымнянкѣ, впадающей въ Каспяю) пана Бодоѣда, намѣстнику котораго воевода Витебскій въ 1531 году заказалъ не пропускать бѣглецовъ за рубежь. Волость эта тянулась довольно далеко вверхъ по рѣкѣ Каспяѣ, захватывая, напр., село Кошевичи (нынѣ Порѣчскаго уѣзда Смоленской губерніи) ¹¹⁶⁴⁾.

Древняя литовско-русская лѣтопись, рассказывая о походѣ Витовта и Скиргелла на князя Свидригелла, утвердившагося въ Витебскѣ въ 1392 году, говоритъ между прочимъ: „И аю прїидѣ къ граду Дрюцку, Друцкыи князи стрѣтоша его и ударша ему челомъ у службу; и оттолѣ поидѣ къ Орши; Ршане затворишася у градѣ, и борони-

¹¹⁵⁹⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. XXXV, 398—402.

¹¹⁶⁰⁾ Писцовыя книги, изданныя Импер. Русск. Географ. Общ., ч. II, стр. 433, 434.

¹¹⁶¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 64.

¹¹⁶²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 333.

¹¹⁶³⁾ Писцовыя книги, издан. Импер. Русск. Географ. Общ. ч. II, стр. 433, 434.

¹¹⁶⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 16, 17; 74, 75.

шась два дни и удаша градъ" ¹¹⁶⁵). Изъ этого расказа видно, что городъ Орша былъ пригородомъ Витебска, къ которому политически примыкали и владѣнія Друцкихъ князей. Когда установилась эта зависимость Друцка отъ Витебска, во время ли литовскаго владычества или ранѣе, сказать трудно за неимѣніемъ историческихъ данныхъ, — скорѣе всего, ранѣе литовскаго владычества, какъ принимаетъ Карамзинъ ¹¹⁶⁶). Несомнѣнно только, что политическая связь Друцка съ Витебскомъ въ изучаемое время сохранялась, равно какъ и Орши, такъ что принадлежность ихъ къ составу Витебскаго воеводства послѣ разграниченія 1564 года не была новостью.

Городъ *Орша* съ своимъ повѣтомъ отдавался въ управление особому намѣстнику, который при Сигизмундѣ подобно многимъ другимъ переименованъ былъ въ державцу, а затѣмъ и въ старосту. *Намѣстникомъ* Рошскимъ и Оболецкимъ при Александрѣ является панъ Юрій Гѣбовичъ, бывший потомъ воеводою Витебскимъ ¹¹⁶⁷). Въ первые годы Сигизмундова княженія намѣстникомъ Рошскимъ акты называютъ князя Ѳедора Ивановича Жеславскаго, давая ему иногда и названіе *державцы* ¹¹⁶⁸). Ко времени изданія статута послѣднее названіе утверждается болѣе или менѣе прочно за княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ ¹¹⁶⁹); но въ 1531 году акты называютъ уже князя Жеславскаго *старостою*, напр., судный листъ воеводы Витебскаго по дѣлу подданнаго Витебскаго Бориса Андреевича съ княземъ Ѳедоромъ Дмитриевичемъ Горскимъ „о квалты, шкоды, грабежи, головщины и иншіе многіе кривды“. Князь Ѳедоръ Ивановичъ присутствовалъ при разбирательствѣ этого дѣла, происходившемъ въ имѣннѣ воеводы Яна Юрьевича — Дубровнѣ, очевидно, пріѣхавъ къ воеводѣ по дѣламъ, какъ къ главному начальнику края ¹¹⁷⁰).

Къ Рошскому повѣту, кромѣ собственной волости города Орши, принадлежали: *волость Межевская* (Межево нынѣ село Мошеовской волости Оршанскаго уѣзда), которую король Александръ въ 1501 году пожаловалъ въ держанье дворянину Петру Фурсу ¹¹⁷¹); дворъ *Смоля-*

¹¹⁶⁵) Лѣтописецъ великихъ князей Литовскихъ, стр. 39.

¹¹⁶⁶) *Карамзина* IV, 147.

¹¹⁶⁷) *Wolffa Senatorowie i dygnitarze W. K. Litewskiego*, str. 86; Акты Южн. и Запад. Рос. I, № 236.

¹¹⁶⁸) Акты Запад. Рос. II, № 10, 76.

¹¹⁶⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 42, 43; 211—214.

¹¹⁷⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 28—30.

¹¹⁷¹) Акты Зап. Рос. I, № 194.

ны съ волостью (нынѣ мѣстечко Смолвяны Оршанскаго уѣзда на рѣкѣ Одровѣ, впадающей въ Днѣпръ), который принадлежалъ при Казимирѣ и въ первые годы княженья Александра кн. Бѣльскимъ¹¹⁷²), по отъѣздѣ князя Семена въ Москву, спалъ на господара, который отдалъ его во владѣнье супругѣ своей Еленѣ; по смерти ея спалъ на короля Сигизмунда, который отдалъ его кн. Константину Ивановичу Острожскому по родству его съ домою князей Бѣльскихъ¹¹⁷³); волости *Микулинская* (Микулино—мѣстечко при озерѣ Глыбой въ сѣверо-восточномъ углу Оршанскаго уѣзда) и *Любавичская* (мѣстечко при рѣкѣ Березинѣ того же уѣзда)¹¹⁷⁴), изъ которыхъ первая во время изданія Статута 1529 года принадлежала князю Михаилу Осовицкому, какъ это видно изъ суднаго листа воеводы Витебскаго Яна Юрѣвича Глыбовича, разбиравшаго жалобу кн. Осовицкаго на боярина Витебскаго Михаила Курейшова „о забраньи земель властныхъ его имѣнья“¹¹⁷⁵); волость *Дубровенская* (нынѣ мѣстечко Дубровна на р. Днѣпрѣ Горецкаго уѣзда Могилевской губерніи), принадлежавшая потомъ Глыбовичамъ, изъ рода которыхъ бывали державцы Рошскіе и воеводы Витебскіе¹¹⁷⁶); повидимому, также волость *Романовская* (нынѣ мѣстечко Романово Горецкаго уѣзда)¹¹⁷⁷). Акты, кромѣ того, называютъ различныя села Рошскаго повѣта, напр., *Зазеряне* (нынѣ Старое Заозерье Пустынской волости Сѣнинскаго уѣзда), пожалованное Казимиромъ Войтку Шапелѣ¹¹⁷⁸); *Великое Село* (нынѣ Расненской волости Сѣнинскаго уѣзда), часть котораго король Сигизмундъ пожаловалъ дворянину своему Андрею Воротынцу, при чемъ писалъ намѣстнику Рошскому князю Ѳедору Ивановичу Жеславскому: „и ты бы вжо въ тую часть того Великаго Села не вступался ничимъ“¹¹⁷⁹); *Селище* (нынѣ деревня къ сѣверу отъ Орши), которое Сигизмундъ пожаловалъ кн. Богдану Дмитриевичу Одинцевича въ 1510 году¹¹⁸⁰) и др.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ селеніями Оршанскаго повѣта на сѣверо-западѣ лежало *Стыно* при озерѣ того же имени,—родовое имѣ-

¹¹⁷²) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № СХХХVI.

¹¹⁷³) Акты Зап. Рос. П, № 118.

¹¹⁷⁴) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 637—641.

¹¹⁷⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 61, 62.

¹¹⁷⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 259.

¹¹⁷⁷) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 637—641.

¹¹⁷⁸) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 10.

¹¹⁷⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 134.

¹¹⁸⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 375—377.

не князей Сѣнскихъ неизвѣстнаго происхожденія, а на югѣ—волости многочисленнаго рода князей Друцкихъ, раснавагося на нѣсколько вѣтвей. „Головнымъ“ имѣніемъ ихъ были *Друцк* (мѣстечко на рѣкѣ Друти Могилевскаго уѣзда); кромѣ того, имъ же принадлежали: *Голочин* (нынѣ мѣстечко Оршанскаго уѣзда на р. Друти)—имѣние особой вѣтви князей Друцкихъ-Голочинскихъ; князьямъ Голочинскимъ принадлежала, кромѣ того, *Радча* (нынѣ село Рачье Могилевскаго уѣзда недалеко отъ Друцка)¹¹⁸¹⁾; *Соколя* (нынѣ село Старотолочинской волости Оршанскаго уѣзда)—имѣние особой вѣтви князей Друцкихъ-Соколинскихъ¹¹⁸²⁾; *Озерны* (нынѣ село Старотолочинской волости Оршанскаго уѣзда)—имѣние особой вѣтви князей Друцкихъ-Озерныхъ¹¹⁸³⁾; *Багриново* (село неподалеку отъ Друцка въ востокѣ)—имѣние особой вѣтви князей Друцкихъ-Одинцевичей-Багриновскихъ¹¹⁸⁴⁾; *Голыцово*, *Шинка* (село Бобрской волости Сѣнинскаго уѣзда) и *Крычал* подлѣ Друцка—имѣнія особой вѣтви князей Друцкихъ-Одинцевичей-Гольцовскихъ¹¹⁸⁵⁾; *Зубревич* (нынѣ село на рѣкѣ Улянкѣ, впадающей въ Двѣпръ, Оршанскаго уѣзда)—имѣние князей Зубревичскихъ; *Подберезе* (нынѣ село Кохановской волости Оршанскаго уѣзда)—имѣние особой вѣтви князей Друцкихъ-Подберезскихъ¹¹⁸⁶⁾; *Слободка* (нынѣ село на Двѣпрѣ Старосельской волости Оршанскаго уѣзда)—имѣние князей Друцкихъ-Путятичей¹¹⁸⁷⁾; *Воронцевичи* „у Друцку“ (нынѣ село той же Старосельской волости)—имѣние князей Путятичей, перешедшее при Александрѣ во владѣніе пана Юрья Ивановича Ильцича¹¹⁸⁸⁾; *Горы* (нынѣ мѣстечко Чериковскаго уѣзда Могилевской губерніи)—имѣние особой вѣтви князей Друцкихъ-Горскихъ¹¹⁸⁹⁾; *Шиншева* (нынѣ село Горецкаго уѣзда)—имѣние особой вѣтви князей Горскихъ-Шиншевыхъ,¹¹⁹⁰⁾ и др. О принадлежнсти Сѣнна въ землѣ Витебской узнаемъ, напр., изъ донесеній московскихъ служилыхъ людей своему правительству касательно границъ

¹¹⁸¹⁾ *Bonińskiego* *Poczet rodów*, str. 350.

¹¹⁸²⁾ *Ibidem*, str. 324.

¹¹⁸³⁾ *Ibidem*, str. 51.

¹¹⁸⁴⁾ *Ibidem*, str. 4.

¹¹⁸⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 346—348; Акты Запад. Рос. II, № 53.

¹¹⁸⁶⁾ *Bonińskiego* *Poczet rodów*, str. 166, 260.

¹¹⁸⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 10.

¹¹⁸⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 201.

¹¹⁸⁹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 145, *Bonińskiego* *Poczet rodów*, str. 51.

¹¹⁹⁰⁾ Акты, Зап. Рос. I, № 145.

и волостей Полоцкаго повѣта ¹¹⁹¹⁾.— Имѣнне князей Соколинскихъ—Соболя находилось въ „правѣ“ земли Витебской, какъ это видно изъ заявленія князя Павла Юрьевича Соколинскаго воеводѣ Витебскому объ утратѣ печати ¹¹⁹²⁾. Князья Горскіе состояли также подъ присудомъ воеводы Витебскаго: въ 1530 году 1-го ноября, въ бытность свою въ Дубровнѣ, воевода Витебскій Янъ Юрьевичъ Глѣбовичъ разбиралъ тяжбу нѣкоего Бориса Андреевича съ княземъ Ѳеодоромъ Дмитриевичемъ Горскимъ и его братьями „о вгвалты, шводы, грабежи, голощины и иншіе многіе кривды“ ¹¹⁹³⁾. Относительно другихъ Друцкихъ волостей намъ не удалось найти прямыхъ указаній на принадлежность къ составу Витебской земли въ изучаемое время, но принадлежность эту нѣтъ никакихъ основаній подвергать сомнѣнію.

Такимъ образомъ, Витебская земля въ изучаемое время заключала въ своемъ составѣ нынѣшній Витебскій уѣздъ за исключеніемъ небольшой части его на западѣ, Городокскій на западѣ по р. Оболу, Велижскій уѣздъ и юго-западную часть Торопецкаго (до 1503 года), небольшую западную часть Порѣчскаго уѣзда Смоленской губерніи, почти весь Оршанскій и Горецкій уѣзды Могилевской губерніи, сѣверо-восточную (отъ р. Усвяды) и южную (отъ р. Бобра) часть Сѣнненскаго уѣзда и нѣкоторыя пограничныя мѣстности Могилевскаго уѣзда.

XVII.

Въ землѣ Полоцкой, какъ и другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, высшій судъ и управленіе сосредоточены были въ рукахъ *наместника*, сидѣвшаго въ бывшемъ стольномъ городѣ Полоцкаго княжества и около 1504 года переименованнаго въ *воеводу* ¹¹⁹⁴⁾. Въ качествѣ правительственныхъ сотрудниковъ при немъ находились: *городничій*, учрежденный при королѣ Казимирѣ ¹¹⁹⁵⁾, *хоружій*, *бобровничій* и *городской тивунъ*, существовавшіе по всему вѣроятію еще въ удѣльное время ¹¹⁹⁶⁾. Городской тивунъ судилъ людей *городской волости* и, кромѣ того, на Черсвяти ¹¹⁹⁷⁾; въ остальныхъ волостяхъ

¹¹⁹¹⁾ Писцовыя книги, изд. Импер. Русск. Географ. Общ., ч. II, стр. 419—426.

¹¹⁹²⁾ Литов. Метр. ии. Запис. XVI, л. 282.

¹¹⁹³⁾ Ibidem, л. 28—30.

¹¹⁹⁴⁾ *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litawskiego, str. 45.

¹¹⁹⁵⁾ Акты Зап. Рос. I, № 64.

¹¹⁹⁶⁾ Литов. Метр. ии. Запис. XVI, л. 114, 115; 173, 174 и др.

¹¹⁹⁷⁾ Акты Зап. Рос. II, № 70.

Полоцкой земли, не перешедшихъ въ частное владѣнне, судъ и управу чинили или намѣстники воеводы Полоцкаго по его уполномочію, или же Полоцкіе бояре, получавшіе волости въ держанье по годамъ, „ко-леєю“. Изъ сихъ послѣднихъ въ актахъ изучаемаго времени упоминаются, напр., волости *Собезская и Дрисейская*. Въ записяхъ земельныхъ раздачъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: „а Ходору волость Собезъ послѣ Валеромея“¹¹⁹⁸⁾. Въ „вырокахъ“ великаго князя Александра „промежи бояръ и мѣщанъ Полоцкихъ, съ стороны судовъ и иныхъ порядковъ“ читаемъ между прочимъ: „Тежъ, што бояре Полоцкіе держать волостку Дрисецкую, по годамъ судать и радать: ино которые пущники въ той волостки живутъ, а будутъ ихъ бояре суживали хто тую волостку держалъ, ино и нынѣ бояре, которые будутъ тую волостку держати, мають ихъ судити по давному“¹¹⁹⁹⁾. Такимъ образомъ, правительственное устройство Полоцкой земли въ общихъ чертахъ было такое же, какъ и въ другихъ областяхъ Литовской Руси, съ тѣмъ развѣ различіемъ, что въ большей мѣрѣ, чѣмъ гдѣ либо, было пронизуемо единствомъ и централизаціею.

Въ актахъ и документахъ изучаемаго времени находятъ довольно полныя и отчасти сгруппированныя свѣдѣнія о территориальномъ составѣ и объемѣ Полоцкой земли. По договору, заключенному королемъ Александромъ съ великимъ княземъ Московскимъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1508 году, послѣдній обязался между прочимъ не вступаться въ городъ Полоцкъ и въ слѣдующія волости: *Мошники, Дрысу, Освию, Нежерду, Непоротовичи, Вербилкову слободу, Кубокъ, Вязму, Кличю, Ситмяны, Лисну, Себезъ и Замошье*¹²⁰⁰⁾. Всѣ перечисленныя здѣсь волости находились на правой сторонѣ рѣки Десны, въ той части Полоцкой земли, которая была смежна съ владѣніями Московскаго государя. На центральные пункты этихъ волостей указываютъ въ настоящее время: уѣздный городъ Витебской губерніи Дрисса при впаденіи р. Дриссы въ Западную Двину, мѣстечко Освей при озерѣ того же имени Дриссейскаго уѣзда, озеро Нежердо въ сѣверной части Полоцкаго уѣзда, погость Непороты Лѣсковичской волости Витебскаго уѣзда, Вербилова слобода въ сѣверо-восточной части Себезскаго уѣзда, погость Кубекъ близъ озера Кубецкаго Невельскаго уѣзда, села Большое Ситно и Малое Ситно въ сѣверо-восточной части Полоцкаго уѣзда близъ озера Ситва, поселокъ Лисно при озерѣ

¹¹⁹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 13.

¹¹⁹⁹⁾ Акты Запад. Рос. I, № 175.

¹²⁰⁰⁾ Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общ. XXX, 398—402.

того же имени въ сѣверной части Дриссенскаго уѣзда, уѣздный городъ Витебской губернии Себежь при озерѣ дого же имени; селеній съ названіемъ Замощье есть нѣсколько въ Дриссенскомъ, Полоцкомъ и Себежскомъ уѣздахъ, такъ что трудно указать съ точностью на центральный пунктъ вышеупомянутой волости Замощья. Указанія на эти волости встрѣчаются и въ другихъ источникахъ извѣстнаго времени. О волости *Дриссенской* было уже упомянуто выше. — *Волость Освейская* является въ источникахъ владѣніемъ пана Петра Станиславовича Бицки, который въ 1521—1532 годахъ былъ воеводою Полоцкимъ ¹²⁰¹). Панъ Петръ Станиславовичъ управлялъ этою волостью чрезъ своего намѣстника, какъ это видно изъ жалобы сего послѣдняго, поданной Полоцкому воеводѣ Яну Юрьевичу Глѣбовича на то, что „люди пана Михаила Семѣги на имя Калюты, наподоши квалтомъ мощью на земли властные пана Троцкаго имѣнья Освейскаго вбожье побрали и земли позаходили“ ¹²⁰²). — *Волость Нищенская* упоминается въ судовомъ листѣ Яна Юрьевича Глѣбовича, воеводы Полоцкаго, по дѣлу волости Нищенской съ волостью Себежскою о распрекѣленіи между ними разныхъ повинностей ¹²⁰³). — *Волостка Непоротовская* въ 1511 г. пожалована была на вѣчность князьямъ Василью и Андрею Семоновичамъ Сободинскимъ ¹²⁰⁴). Но въ 1532 году волость Непоротовская была снова господарскою, какъ это видно изъ жалобы людей этой волости на людей боярыни Полоцкой, паны Михайловой Семьновича, Ульяны—Могильнянъ, которые не хотѣли „посполъ“ съ ними городить городни въ замкѣ Полоцкомъ ¹²⁰⁵). — Отъ 1535 г. имѣется листъ судовой воеводы Полоцкаго Яна Юрьевича Глѣбовича по дѣлу людей волости *Ситненской* съ мѣщанами Полоцкими, которые хотѣли ихъ принудить мостить мосты въ замкѣ у великихъ воротъ и за замкомъ, „гдѣ узводъ бывалъ“ ¹²⁰⁶). — Въ 1533 году тотъ же воевода разбираетъ дѣбу нѣкоторыхъ людей волости *Лиененской* Полоцкаго повѣва съ подданнымъ господарскимъ Васкомъ Олеховичемъ Черкасомъ, который выпросилъ у короля ихъ землю за пустошину, „а земля та викали пуста не лежала“ ¹²⁰⁷). — *Волость Себежская* въ 1525 году была

¹²⁰¹) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 45.

¹²⁰²) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 168.

¹²⁰³) Ibidem, л. 128, 134.

¹²⁰⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 49, 50.

¹²⁰⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 125, 126.

¹²⁰⁶) Ibidem, л. 262, 263.

¹²⁰⁷) Ibidem, л. 131.

освобождена королемъ Сигизмундомъ отъ всякихъ „даней и подачокъ“ на четыре года по случаю разоренія ея отъ московскихъ людей, вслѣдствіе чего воеводѣ приказано было не вслать въ нее слугъ своихъ для собиранія даней медовыхъ и другихъ доходовъ, которые приходили на короля, воеводу и его урядниковъ ¹²⁰⁸⁾.

Бромѣ перечисленныхъ, на правой сторонѣ Двины въ землѣ Полоцкой находились и нѣкоторыя другія волости, въ грамотѣ 1503 года не упомянутыя. Таковы были, напр.: *волость Язенская* при озерѣ Язно (въ западной части нынѣшняго Невельскаго уѣзда) ¹²⁰⁹⁾; *волость Нищенская* при озерѣ того же имени (въ нынѣшнемъ Себежскомъ уѣздѣ), тяжбу которой съ волостью Себежскою о распредѣленіи повинностей разбиралъ въ 1533 году воевода Полоцкій Янъ Юрьевичъ Глѣбовича ¹²¹⁰⁾; *волость Неведринская* при озерѣ Невердѣ (на границѣ Невельскаго и Себежскаго уѣздовъ); *волость Покровская* при озерѣ Орлеѣ (въ западной части Невельскаго уѣзда); *волость Межевская*, на центральный пунктъ которой указываетъ погостъ Межево въ сѣверной части Полоцкаго уѣзда почти на границѣ съ Себежскимъ уѣздомъ ¹²¹¹⁾; панское имѣніе *Зальсье* (нынѣ село въ восточной части Полоцкаго уѣзда); панское имѣніе *Теребешово* (нынѣ деревня на р. Двинѣ въ западной части Витебскаго уѣзда); *Прихабы* (нынѣ село Себежскаго уѣзда)—имѣніе князей Прихабскихъ ¹²¹²⁾ и др.

Въ 1563 году, по описи, произведенной московскими служилыми людьми, въ составъ Полоцкаго повѣта за Двиною рѣвою входили слѣдующія волости: *Суша* (нынѣ село Каменской волости Лепельскаго уѣзда); *Гонешкая* около озера Кугони (въ сѣверу отъ Суши); *Турьса* (сельцо Туросы Усайской волости Лепельскаго уѣзда близъ озера Уса); *Ладосна* (въ западу отъ Суши того же уѣзда); *Ворони* (нынѣ село Воронь при озерѣ того же имени Лепельскаго уѣзда); *Пышня* (нынѣ мѣстечко Пышно при озерѣ Глубокомъ Лепельскаго уѣзда); *Малыя Долцы и Большия* (нынѣ село Борисовскаго уѣзда на границѣ съ Лепельскимъ); *Кубличи* (нынѣ мѣстечко Лепельскаго уѣзда на границѣ съ Дисненскимъ); *Телитеничи* на р. Ушачи; *Черстіе* (нынѣ Черсвяти при озерѣ Червятскомъ Лепельскаго уѣзда); *Лель* (нынѣ

¹²⁰⁸⁾ Акты Зап. Рос. П., № 133.

¹²⁰⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 124, 125.

¹²¹⁰⁾ Ibidem, л. 133, 134.

¹²¹¹⁾ Писцовыя книги, изданныя Имп. Русск. Географ. Общ. ч. II, стр. 445—450.

¹²¹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 149, 185.

село Старый Лепель при озерѣ Лепельскомъ); *Мусырь* (Мосарь къ югозападу отъ Черовяти?); *Меницы* (нынѣ погость Мѣвица при впаденіи Волчи въ Ушачь Лепельскаго уѣзда); *Воронечь* (нынѣ мѣстечко на рѣчкѣ Ушачи того же уѣзда); *Прозороки* (нынѣ мѣстечко Дисненскаго уѣзда на границѣ съ Лепельскимъ); *Старинки* (нынѣ деревня Старинка того же уѣзда близъ Прозорокъ къ западу); *Задорожье* (нынѣ деревня Плисскаго волости Дисненскаго уѣзда); *Десна* (нынѣ Дисна, уѣздный городъ Виленской губерніи); *Фефиловичи*, *Стерково*, *Кириловичи*, *Устьиачи* (нынѣ село Устье при впаденіи Ушачи въ Двину Лепельскаго уѣзда); *Голомысль* (нынѣ село на р. Диснѣ Дисненскаго уѣзда); *Чернеевичи* (нынѣ погость Дисненскаго уѣзда); *волость Азасская* (Язненская на р. Язнѣ, впадающей слѣва въ Дисну?); *Глубокое* (нынѣ мѣстечко при озерѣ Березвечскомъ Дисненскаго уѣзда); *Псуя* (нынѣ погость Прозорокской волости Дисненскаго уѣзда); *Бобыничи* (нынѣ мѣстечко Лепельскаго уѣзда почти на границѣ съ Дисненскимъ); *Орховица* (нынѣ мѣстечко тамъ же); *Вѣтрена* (нынѣ мѣстечко Вѣтрино при озерѣ Вѣтринскомъ тамъ же); *Селець* (нынѣ село Бочейковской волости Лепельскаго уѣзда на р. Уллѣ); *Бочейково* (нынѣ мѣстечко того же уѣзда на р. Уссѣ); *Уса* (нынѣ село того же уѣзда при озерѣ Усаѣ); *Тетчая* (при озерѣ того же имени); *Встеча* (при озерѣ Стечѣ); *Улана* (при озерѣ Улѣ); *Гоммель* (нынѣ мѣстечко при озерѣ Гоммели Полоцкаго уѣзда), *Добрыгощина* (нынѣ погость Добрыгорь Станиславской волости Лепельскаго уѣзда); *Свѣтчки* (нынѣ село Свѣча на рѣчкѣ Свѣчанкѣ, впадающей въ Уллу того же уѣзда); *Ула* (нынѣ мѣстечко при впаденіи Уллы въ Двину Лепельскаго уѣзда); *Низголовъ* (нынѣ село Низголове того же уѣзда близъ Уллы рѣки); *Еванская* (нынѣ Иванскъ на р. Уллѣ Коптевичской волости); *Усвѣя* (нынѣ село Усвѣя при озерѣ того же имени Лепельскаго уѣзда); *Мильковичи* (нынѣ деревня Лепельскаго уѣзда на р. Двинѣ выше впаденія въ нее Кривины); *Вязмище* (нынѣ село Лепельскаго уѣзда на р. Двинѣ, на границѣ съ Сѣнскимъ уѣздомъ); *Быстрица* (нынѣ деревня Быстрая на р. Двинѣ Лепельскаго уѣзда); *Луциновичи* (нынѣ село при озерѣ Сорѣ Сѣннинскаго уѣзда, близъ Лепельскаго); *Сльщеничи* (тамъ же, неподалеку отъ Латыгова); *Впаденичи* (тамъ же)¹²¹³). „А про Лукомль Василю Низовцову сказали, что *Лукомль* со всѣмъ уѣздомъ Полоцкой повѣтъ“¹²¹⁴); этотъ уѣздъ заключалъ въ

¹²¹³) Писцовыя книги, изд. Имп. Русск. Географ. Общ., ч. II, стр. 437—443.

¹²¹⁴) Ibidem, стр. 422, 423.

своимъ составѣ села: *Тяпино* (Лепельскаго уѣзда на границѣ съ Сѣвннскимъ), *Перешичи*, *Почасовичи* (нынѣ село Лукомльскаго волости Сѣвнннскаго уѣзда на р. Лукомкѣ), *Слицо* (нынѣ Слитцы тамъ же), *Черое* (мѣстечко того же уѣзда при озерѣ Черейскомѣ), *Белмаки* (Бѣльничи, недалеко отъ Лукомля къ востоку?), *Гвеновичи* и *Мелешиковичи* (деревни на южномъ берегу Лукомльскаго озера), *Верховье* (нынѣ село Лепельскаго уѣзда на рѣкѣ Свѣчаннѣ) и *Добры Городище* ¹²¹⁵).—Перечисленныя волости упоминаются и въ актахъ изучаемаго времени, такъ что опись 1563 года имѣеть свое значеніе и для настоящаго изслѣдованія. Такъ, *Суша* и *Макарово* (нынѣ село Макаровщина при озерѣ того же имени недалеко отъ Суши) являются имѣніями князей Острожскихъ въ Полоцкомъ повѣтѣ ¹²¹⁶); *Пшино*—имѣніе князя Осовицкаго ¹²¹⁷); *Долицы*, *Путилковичи* и *Весничы* (села близъ Долецъ) со времени Скиргелла являются имѣніями владыки Полоцкаго ¹²¹⁸); въ *Кубличахъ* король Сигизмундъ въ 1511 году пожаловалъ боярамъ полоцкимъ Михаилу и Ивану Невельскимъ двѣ службы людей путныхъ ¹²¹⁹); *Кубличы*, *Витрыны* и *Солоневичы* (село Бабничской волости Лепельскаго уѣзда) упоминаются въ заявленнѣ, поданномъ воеводѣ Полоцкому Яну Юрьевичу Глѣбовича относительно имѣнн подводѣ подъ господарскими и воеводными слугами, которые ѣзжали съ листьями ¹²²⁰); села *Телятиничы* и *Тобольчиничы* въ 1508 году король Сигизмундъ пожаловалъ „шляхотне вроженому“ Петру Семеновичу Епимаховичу, бывшему потомъ хоружимъ Полоцкимъ ¹²²¹); въ томъ же году Сигизмундъ пожаловалъ князьямъ Юрью, Василью и Андрею Соколенскимъ людей путныхъ *Черсвятское волости* въ Полоцкомъ повѣтѣ ¹²²²); въ 1508 году король Сигизмундъ подтвердилъ боярину полоцкому Микифору Коробовичу людей, данныхъ ему королемъ Александромъ „въ Полоцкомъ повѣтѣ на *Мынчи*“ ¹²²³); въ 1460 году король Казимиръ пожаловалъ пану Остафію Корсаковичу человека путнаго съ его братьею и дѣтьми и ихъ землею „у Полоц-

¹²¹⁵) Писцовыя книги, изд. Имп. Русск. Геогр. Общ., ч. II стр. 437.

¹²¹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 234.

¹²¹⁷) Ibidem, л. 240—243.

¹²¹⁸) Акты Зап. Рос. I, № 174, 209.

¹²¹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 168.

¹²²⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 288, 289.

¹²²¹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 203.

¹²²²) Ibidem, л. 301, 302.

¹²²³) Ibidem, л. 228, 229.

комъ повѣтъ на *Язнь*¹²²⁴); ему же Казимиръ пожаловалъ шесть человекѣвъ данниковъ на *Псои*¹²²⁵); *Бабынич* въ 1533 году принадлежали боярину Полоцкому Федору Ивановичу Зеновьевича, который держалъ здѣсь своего *намѣстника*¹²²⁶); *Селець* въ то же время принадлежалъ панѣ воеводиной Виленской¹²²⁷); великій князь Александръ въ 1495 году подтвердилъ боярину Полоцкому Сеньку Григорьевичу нѣкоторыя земли купилъ его на *Всваи*¹²²⁸); *Гоміи да Усоме* (близъ озера Усомля, лежащаго къ сѣверу отъ Гомейскаго) въ тридцатыхъ годахъ XVI в. принадлежали пану Пютатѣ Ѳеодовичу¹²²⁹); *Ула* — панѣ Алжбетѣ, женѣ воеводы Виленскаго пана Миколая Миколаевича Радивиловича, которая держала въ ней своего *намѣстника*¹²³⁰); на *Низоловь* на Улѣ великій князь Александръ подтвердилъ сыну владыки Полоцкаго Андрею село, которое онъ купилъ у мѣщанъ Полоцкихъ „съ призволеніемъ *намѣстника* Полоцкаго пана Юрья Падовича“¹²³¹); *Евань* въ тридцатыхъ годахъ XVI вѣка принадлежала Островскому монастырю¹²³²); дворъ *Мильковичи* великій князь Александръ пожаловалъ въ 1501 году дворянину Юхну Вороничу¹²³³), а впоследствии, въ тридцатыхъ годахъ XVI вѣка, онъ уже былъ во владѣніи князей Соколинскихъ¹²³⁴); въ *Быстрыцѣ* король Казимиръ пожаловалъ нѣкому Яцку Пологану восемь человекѣвъ¹²³⁵); въ *Орѣховнѣ* и *Зематьѣ* (деревня недалеко отъ Орѣковна) король Сигизмундъ пожаловалъ родственнику Полоцкому Ивану Глѣбовичу семь служебъ людей¹²³⁶); *Лукомль*, отчина князей Лукомскихъ, обовначается въ Полоцкомъ повѣтѣ въ записяхъ Казимирова княженія вмѣстѣ съ своими селами *Болиномъ* и *Свядомъ*¹²³⁷); *Черя* при Александрѣ сдѣлалась имѣньемъ

¹²²⁴) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 15.

¹²²⁵) Ibidem, л. 13.

¹²²⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 252.

¹²²⁷) Ibidem, л. 207—210.

¹²²⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 53.

¹²²⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 168.

¹²³⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 92, 93.

¹²³¹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 96, 97. Справ. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № СХХVІІІ.

¹²³²) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 145—147.

¹²³³) Акты Зап. Рос. I, № 195.

¹²³⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 137, 138.

¹²³⁵) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 13.

¹²³⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 287.

¹²³⁷) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 13.

пана Ивана Богдановича Сопѣги, который владѣлъ ею и при королѣ Сигизмундѣ во время изданія перваго Статута ¹²³⁸); *Виденичи* въ изучаемое время принадлежали особой вѣтви князей Лукомскихъ-Виденицкихъ ¹²³⁹); *Мелешковичи*—особой вѣтви князей Лукомскихъ-Мелешковскихъ ¹²⁴⁰).

Кромѣ перечисленныхъ волостей, на правой сторонѣ Двины въ составу Полоцкой земли принадлежали: *Кривичи* (на р. Кривинѣ, притокѣ Двины), отошедшее отъ князей Соколенскихъ къ князю Семену Яматовичу Подберезскому ¹²⁴¹); *Чашники* (на р. Улянкѣ, впадающей въ Улу), принадлежавшіе панамъ Радвиламъ ¹²⁴²); *Туровъ* (при озерѣ того же имени)—имѣнье Островскаго Предтеченскаго монастыря ¹²⁴³); господарскій дворъ *Обльчицы* (нынѣ село Бѣльчица не далеко отъ Полоцка) ¹²⁴⁴) и др.

Такимъ образомъ, Полоцкая земля въ своемъ составѣ заключала внѣшніе Себежскій, Дриссенскій, Полоцкій и Лепельскій уѣзды Витебской губ., юго-западную часть Витебскаго уѣзда, западную часть Свининскаго уѣзда Могилевской губ. (приблизительно по рѣву Усвяду, впадающую въ Западную Двину), сѣверную часть Борисовскаго уѣзда Минской губерніи (ограничиваемую р. Березиною и ея притокомъ Сергутью) и сѣверо-восточную часть Дисненскаго уѣзда Виленской губерніи (ограничиваемую рѣками: Березвечью, впадающею въ Дисну, Дисною и Волтою, притоками Западной Двины) ¹²⁴⁵).

XVIII.

Литовское Подолье при королѣ Казимирѣ отдавалось въ держанье обыкновенно двумъ *наместникамъ*, изъ которыхъ одинъ сидѣлъ въ *Браславѣ*, а другой въ *Винницѣ* (нынѣ Браславъ и Винница, уѣздные города Подольской губерніи). Въ актахъ конца Казимирова княженья находимъ упоминанье о наместникахъ Браславскихъ Петрѣ Яновичѣ ¹²⁴⁶) и князѣ Андрѣ (Сангушевичѣ?), о наместникѣ Вѣ-

¹²³⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 88; XVI, л. 237.

¹²³⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 210.

¹²⁴⁰) Ibidem, л. 134.

¹²⁴¹) Ibidem, л. 137, 138.

¹²⁴²) Ibidem, л. 193.

¹²⁴³) Ibidem, л. 126, 127.

¹²⁴⁴) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 315.

¹²⁴⁵) См. Писцовыя книги, изд. Имп. Русск. Геогр. Общ. ч. II, стр. 421—430.

¹²⁴⁶) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXXXIII.

ницомъ Кмитѣ Александровичѣ ¹²⁴⁷⁾, а потомъ о Быѣ Александровичѣ ¹²⁴⁸⁾; послѣдній упоминается и въ первые годы Александрова княженья, именно въ привилеѣ, выданномъ ему въ 1494 году на имѣнне Жорновище, селище Головачовцы и другія селища „у Браславскомъ повѣтѣ“ ¹²⁴⁹⁾. Великій князь Александръ отдалъ Браславль и *Звинигородку* въ держанье князю Федору Ивановичу Четвертескому ¹²⁵⁰⁾, а потомъ и всѣ три главныхъ замка Подольскихъ, Браславль, Вѣницу и Звинигородку, съ ихъ повѣтами князю Константину Ивановичу Острожскому, который поѣтому въ актахъ именуется намѣстникомъ Браславскимъ, Вѣницкимъ и Звинигородскимъ, напр., въ привилеѣ, данномъ ему великимъ княземъ въ 1498 году на имѣнне Шепле съ приселками, куплю его ¹²⁵¹⁾. Когда князь Константинъ Ивановичъ былъ взятъ въ плѣнъ, в. князь Александръ отдалъ Браславль и Вѣницу кн. Андрею Александровичу Сангушковичу ¹²⁵²⁾, а потомъ князю Михаилу Васильевичу Збаражскому, который выступаетъ намѣстникомъ Браславскимъ и въ актахъ начала Сигизмундова правленья ¹²⁵³⁾. По возвращеніи князя Константина Ивановича изъ плѣна Сигизмундъ взялъ Подольскіе замки Браславль, Вѣницу и Звинигородку къ своимъ рукамъ и отдалъ ихъ въ держанье до живота опять князю Константину ¹²⁵⁴⁾. Въ 1517 году король позволилъ князю Константину „спустить“ ихъ сестренцу своему князю Роману Андреевичу Александровича Сангушковичу также въ держанье до живота, при чемъ оговорилъ въ „дозволенномъ листѣ“: „а естли бы ся намъ его на тыхъ замкохъ нашихъ мѣти не видѣло, мы тыи замки наши маемъ, въ него взявши, никому иному не маемъ ихъ отдавати, нижли маемъ ихъ за ся дати князю Костентину его милости“ ¹²⁵⁵⁾ Князь Романъ Андреевичъ выступаетъ послѣ того въ актахъ намѣстникомъ Браславскимъ и Вѣницкимъ, напр., въ привилеѣ, выданномъ ему на дворъ Турійскво Владимирскомъ повѣтѣ ¹²⁵⁶⁾. Но въ 1522 году Подольскіе замки

¹²⁴⁷⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXIX

¹²⁴⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 80.

¹²⁴⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 86.

¹²⁵⁰⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXLII.

¹²⁵¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 103.

¹²⁵²⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXLVI.

¹²⁵³⁾ Акты Зап. Рос. II, № 26; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 160, 173.

¹²⁵⁴⁾ Акты Зап. Рос. II, № 29.

¹²⁵⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 158, 159.

¹²⁵⁶⁾ Ibidem, л. 111, 112.

были уже опять въ рукахъ князя Константина Ивановича, который именуется въ актахъ уже *старостою* Браславскимъ и Вѣницкимъ, напр., въ подтвержденіи, выданномъ 28 октября 1522 года пану Коптю Васильевичу на дворецъ Стошинскій и пущи въ Стабиннахъ ¹²⁵⁷). Послѣ князя Константина старостою Браславскимъ и Вѣницкимъ является сынъ его Илья ¹²⁵⁸). Имя Звинигородки со времени намѣстничества на Подольѣ князя Романа Андреевича исчезаетъ изъ титула намѣстниковъ старость Подольскихъ, не попадается и въ актахъ, потому что въ это время замокъ былъ разрушенъ татарами, а повѣтъ его превращенъ въ пустыню ¹²⁵⁹).

Суда по дошедшимъ до насъ историко-географическимъ даннымъ, Вѣницкій повѣтъ обнималъ собою, кромѣ нынѣшняго Винницкаго уѣзда Подольской губерніи, почти весь Литинскій уѣздъ за исключеніемъ сѣверной его части, гдѣ лежала Хмельницкая волость польскаго Подолья, небольшую сѣверо-восточную часть Брацлавскаго уѣзда той же губ., южную часть Бердичевскаго и Сквирскаго уѣздовъ, почти весь Липовецкій и Тарашанскій (?) уѣзды Киевской губ. Къ составу его, напр., принадлежали слѣдующія села и имѣнья: село *Дашковцы* (нынѣ Дашковцы Сосонской волости Литинскаго уѣзда), утвержденное великимъ княземъ Александромъ за земляниномъ Ивашкомъ Антоновичемъ ¹²⁶⁰); *Вомачинъ* (нынѣ село той же волости на р. Згарѣ)—имѣнье, данное королемъ Александромъ Остафью Дашковичу, а королемъ Сигизмундомъ возвращенное отчичамъ, землянину Берендею и его братьямъ Тарасовичамъ ¹²⁶¹); *Мижулинцы и Почапинцы* на р. Згарѣ (Литинскаго уѣзда), *Мезековъ* (нынѣ Мизяковъ) и *Супроново* на той же рѣкѣ Згарѣ (нынѣ Стрижовской волости Винницкаго уѣзда), утвержденныя въ 1511 году за отчичемъ ихъ, земляниномъ Вѣницкимъ Ивашкомъ Супроновичемъ ¹²⁶²). По переписи 1545 г., кромѣ перечисленныхъ селъ, въ Вѣницкомъ повѣтѣ были еще слѣдующія землянскія имѣнья: *Семаково* (нынѣ село Семаки на р. Ровѣ, притокѣ Бугѣ, Винницкаго уѣзда); *Демидово* (нынѣ село Демидовка на р. Ровѣ Винницкаго уѣзда); *Яновцы* (нынѣ мѣстечко Яновъ на р. Бугѣ Литинскаго уѣзда); *Парубище* (нынѣ мѣстечко на р. Роси Бердичевскаго уѣзда); *Турбовъ*

¹²⁵⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 630.

¹²⁵⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 85—87.

¹²⁵⁹) *Źródła dziejowe*, tom VI, str. 122.

¹²⁶⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 191.

¹²⁶¹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 225.

¹²⁶²) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 5.

(нынѣ село того же уѣзда на рѣчкѣ Деснѣ, притокѣ Бугѣ); *Цаборовъ* (нынѣ село Таборовъ Пустоварской волости Сквирскаго уѣзда на рѣчкѣ Роставицѣ?); *Махновцы* (нынѣ село Махновка Брацлавской волости Винницкаго уѣзда); *Якушинъ* и *Петтичаны* (нынѣ села Якушинцы и Петтичаны на р. Бугѣ Юзвинской волости Винницкаго уѣзда); *Стрижовка* (нынѣ мѣстечко Стрижовка на р. Бугѣ); *Вороновичи* (нынѣ мѣстечко Лучинской волости Брацлавскаго уѣзда); *Ливенцы* (нынѣ мѣстечко Ливенцы на р. Собѣ, притокѣ Буга, Липовецкаго уѣзда Кіевской губерніи); *Каменная Горка* (нынѣ село Винницкаго уѣзда на границѣ съ Литинскимъ); *Гуцинцы* (нынѣ село на р. Бугѣ Калиновской волости Винницкаго уѣзда); *Челенковъ* (нынѣ село Черленковъ на р. Бугѣ Юзвинской волости); *Летинъ* (нынѣ уѣздный городъ Литинъ); *Яцковцы* (нынѣ село на р. Згарѣ Литинскаго уѣзда); *Новоселица* (нынѣ на р. Згарѣ того же уѣзда)¹²⁶³).

Браславскій повѣтъ въ изучаемое время, содержалъ въ себѣ территоріи нынѣшнихъ Брацлавскаго, Ямпольскаго, Ольгопольскаго, Гайсинскаго и частью Балтскаго уѣздовъ Подольской губерніи, Липовецкаго и Уманьскаго Кіевской губерніи. Въ составу его принадлежали, напр., слѣдующія имѣнья и села: *Клюковцы*, *Жорновщина* (нынѣ Жорнище, мѣстечко Липовецкаго уѣзда на границѣ съ Браславскимъ), *Погребница* (по переписи 1545 года село это, какъ было уже указано, принадлежало къ Винницкому повѣту), *Оратовъ* (нынѣ мѣстечко на р. Гнилой Роси Липовецкаго уѣзда), пожалованныя королемъ Казимиромъ нѣкоему Грицку Ясмановичу; *Мервинцы* (нынѣ село на рѣкѣ Мурафѣ, притокѣ Днѣстра, Ямпольскаго уѣзда), пожалованныя Казимиромъ Рагозѣ; *Ермолинцы* (нынѣ село Ермолинцы Гайсинскаго уѣзда на границѣ съ Брацлавскимъ), пожалованныя имъ же войту Станиславу; *Остолоповъ*, *Ометинцы*, *Кропивна* (нынѣ села въ сѣверной части Гайсинскаго уѣзда), *Сидновцы* (нынѣ село на рѣчкѣ Бажанихѣ Липовецкаго уѣзда) и *Дашевъ* (нынѣ мѣстечко того же уѣзда на рѣкѣ Собѣ, притокѣ Буга), пожалованныя Казимиромъ какому-то Скабарнѣ; *Колмикъ* (нынѣ Кальникъ, село Липовецкаго уѣзда на р. Собѣ), *Шандыревъ* (нынѣ Шендеровъ на рѣчкѣ Ботогѣ Брацлавскаго уѣзда), *Куничное* (нынѣ село Куничье Савинецкой волости Брацлавскаго уѣзда), пожалованныя Казимиромъ Шембору; *Куна* (нынѣ мѣстечко на рѣкѣ Собѣ Гайсинскаго уѣзда) и *Носовцы* (село Ниже-Кропивянской во-

¹²⁶³) Źródła dziejowe, tom VI, str. 109, 116. Срав. Молчановскаго Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 года, стр. 314 и слѣд.

лости того же уѣзда), пожалованныя *Слуицѣ*; *Бортниковы* (нынѣ Бортники Печарской волости Брацлавскаго уѣзда) и *Юрковы* (нынѣ село Ситдовецкой волости Липовецкаго уѣзда), пожалованныя Иванку Гинковичу; *Вязовецъ* (нынѣ деревня Вязовица Жорницкой волости Липовецкаго уѣзда), пожалованный Казимиромъ Ивашенку Остапковичу ¹²⁶⁴). Въ повѣтъ же Браславскомъ находились *Кмицево* (нынѣ село на р. Бугѣ Брацлавскаго уѣзда), *Трыстянецъ* (нынѣ Тростянецъ въ сѣверной части того же уѣзда), *Тьеровъ* (нынѣ мѣстечко Тывровъ Винницкаго уѣзда на р. Бугѣ), *Волчковы* (нынѣ Гайсинскаго уѣзда на границѣ съ Брацлавскимъ), *Нестеровы* (Нестерварва на рѣчкѣ Сливницѣ въ южной части Брацлавскаго уѣзда) — отчина землянина Браславскаго Оеда Дашковича, выслуженная дѣдомъ его на великомъ князѣ Витовтѣ и подтвержденная ему королемъ Александромъ въ 1505 году ¹²⁶⁵); селище *Кореневы* на р. Мурахвѣ, купленное земляниномъ Браславскимъ Гринкомъ Казаревымъ у землянина же Ганка Голенищевича и утвержденное за нимъ Сигизмундомъ въ 1507 году ¹²⁶⁶); селища *Ханецъ* и *Ощитковъ*, данныя намѣстникомъ Браславскимъ кн. Михаиломъ Васильевичемъ Чорторыйскимъ землянину Семену Кошкѣ; селище *Ошпеково* (нынѣ мѣстечко Шпиевъ въ западной части Брацлавскаго уѣзда), данное ему же королемъ Казимиромъ и подтвержденное Александромъ ¹²⁶⁷). По переписи 1545 года въ составѣ Браславскаго повѣта были, кромѣ того, напр.: селище *Савранъ* (нынѣ мѣстечко Савранъ на р. Бугѣ Балтскаго уѣзда); *Войтовцы* (нынѣ село Брацлавскаго уѣзда на р. Соби); *Уисынъ* (нынѣ Гайсинъ, уѣздный городъ Подольской губ.); *Яры* (нынѣ Дубинка тожь, село въ сѣверной части Брацлавскаго уѣзда); *Зейденевцы* (нынѣ Жерденовка, село Гайсинскаго уѣзда), *Затковцы* (нынѣ мѣстечко на р. Кибличѣ того же уѣзда, недалеко отъ Жерденевки) и *Кузминцы* (село на рѣкѣ Бугѣ того же уѣзда); *Романовцы*, *Данковцы* и *Якубовцы* (нынѣ села Романовка и Якубовка въ восточной части Ольгопольскаго уѣзда); *Михалковцы* за Собою (нынѣ село Михайловка въ сѣверо-восточной части Гайсинскаго уѣзда); *Носковцы* на р. Мурахвѣ; *Копыстеринъ* (нынѣ село въ сѣверной части Ямпольскаго уѣзда на границѣ съ Могилевскимъ); *Момуровъ* „у Звенигородчины“ (нынѣ село въ восточной части Уманскаго уѣзда, почти на границѣ съ Звенигородскимъ); *Щуровцы*

¹²⁶⁴) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 52.

¹²⁶⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 5.

¹²⁶⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 160.

¹²⁶⁷) Ibidem, л. 173.

(нынѣ село Гайсинскаго уѣзда почти на границѣ съ Брацлавскимъ уѣздомъ); *Стрѣльчинцы* на р. Бугѣ (нынѣ с. Брацлавскаго уѣзда)¹²⁶⁸) и др. Къ Брацлавскому же повѣту принадлежало село *Попелюхи* (нынѣ Песчанской волости Ольгопольскаго уѣзда)¹²⁶⁹) и, наконецъ, здѣсь же находились нѣкоторыя крупныя княжескія и панскія имѣнья, каковы были, напр., владѣнія кн. Короткихъ и Козаръ на Савранѣ, замокъ Шашкевичей—*Комаргородъ* (нынѣ мѣстечко Ямпольскаго уѣзда), владѣнія Чурилы—*Джурины* (нынѣ село того же уѣзда на границѣ съ Могилевскимъ), *Бершадь*—замокъ Слупичей (нынѣ мѣстечко на притока Буга Дохнѣ Ольгопольскаго уѣзда), *волость Красненская* пановъ Кошекъ (нынѣ мѣстечко Красное въ сѣверной части Ямпольскаго уѣзда)¹²⁷⁰) и др.

Относительно повѣта Звенигородскаго намъ не удалось найти указаній въ источникахъ изучаемаго времени. Но если принять въ расчетъ опустошеніе и разореніе, произведенныя татарами въ XV и началѣ XVI вѣка въ этихъ странахъ, врядъ ли для повѣта Звенигородскаго можно принять большій объемъ, чѣмъ тотъ, какой онъ имѣлъ позднѣе. По люстраціи 1789 года селенія Звенигородскаго повѣта являются разбросанными по теченію р. Гнилого Текича и его притоконъ въ предѣлахъ нынѣшняго Звенигородскаго уѣзда Кіевской губерніи.

Такимъ образомъ, уже въ изучаемое время намѣтилась граница русской осѣдлости на правобережной Украинѣ, державшаяся болѣе или менѣе устойчиво до послѣдней четверти XVIII столѣтія. Граница эта держалась линіи рѣкъ: Ягорлыкка, впадающаго въ Днѣпръ слѣва, Кодымы, впадающей въ Бугъ съ правой стороны, Синюхи, впадающей въ Бугъ съ лѣвой стороны, ея лѣваго притока Выси и, наконецъ, Тямина, впадающаго въ Днѣпръ съ правой стороны (южная граница Черкаскаго повѣта Кіевской земли)¹²⁷¹).

XIX.

Для полноты очерка считаю необходимымъ приложить здѣсь перечень органовъ общаго управленія и описаніе территоріальнаго состава и объема областей, которыя въ моментъ изданія Статута 1529

¹²⁶⁸) *Źródła dziejowe*, tom VI, str. 123; 126, 127.

¹²⁶⁹) Подольскія Епархіальныя Вѣдомости 1889, № 31.

¹²⁷⁰) Кіевская Старина 1887, № 8, стр. 639, 640; 1890, № 9, стр. 457.

¹²⁷¹) *Spruner-Menke Historischer Handatlas*, № 70, 71; *Carl Wolf's Historischer Atlas*, № 13.

года не были уже въ составѣ Литовско-Русскаго государства, именно земли Смоленской и Чернигово-Сѣверскихъ княжествъ. Это добавленіе необходимо, потому что оно дастъ матеріалъ для общихъ выводовъ относительно областнаго устройства Литовско-Русскаго государства въ изучаемую эпоху.

Управление въ землѣ Смоленской было устроено такъ же, какъ и въ землѣ Киевской. Въ стольномъ городѣ бывшаго Смоленскаго княжества сидѣлъ старшій *намѣстникъ* великаго князя, переименованный въ началѣ Сигизмундова княженія въ *воеводу* ¹²⁷²⁾. Его правительственными сотрудниками въ центрѣ были мѣстный *владыка*, *окольничій*, *казначей*, *староста мѣста* Смоленскаго и другіе центральные урядники, оставшіеся отъ удѣльнаго времени, съ которыми намѣстникъ и вершилъ текущія дѣла по суду и администраціи. Распоряженія великаго князя, касающіяся Смоленской земли, адресовались поэтому намѣстнику Смоленскому, владыкѣ, окольничимъ, казначею и старостѣ мѣста Смоленскаго. Таково, напр., распоряженіе великаго князя Александра отъ 15 марта 1498 года касательно отдачи корчомъ Смоленскихъ въ аренду мѣстнымъ мѣщанамъ, которыхъ намѣстникъ не долженъ былъ судить и рядить, пока они будутъ держать корчмы, не чинить имъ никакихъ кривдъ и т. д. ¹²⁷³⁾. Таково же, напр., и распоряженіе короля Сигизмунда отъ 5 іюля 1507 года объ отдачѣ Смоленскому Снаескому монастырю земли Матѣевщины и двухъ служебъ людей въ Касплинской волости ¹²⁷⁴⁾. Изъ центральныхъ урядовъ, кромѣ уже названныхъ, акты упоминаютъ еще слѣдующіе: *конюшое*, *городничое*, *ловчое*, *тивунство*, *чашничство* (ключъ медовый), *данничое черное* и *писчое* ¹²⁷⁵⁾. Большинство этихъ урядовъ, какъ доходныя статьи, раздавались мѣстнымъ боярамъ на ряду съ волостями въ держаніе по годамъ. Такимъ образомъ, напр., читаемъ въ записяхъ: „Ваську Чортову а Тиньку Синцову ловчое на два годы послѣ первыхъ; Василею Павловичу а Гриди Микулину тивунство на два годы; Федору Плюскову пишчое на годъ, всихъ отодвинувши“ ¹²⁷⁶⁾. Но, кромѣ перечисленныхъ лицъ, которыя въ смлу своихъ должностныхъ занятій чаще другихъ бывали при намѣстникѣ-воеводѣ Смоленскомъ, на судѣ

¹²⁷²⁾ *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 49—51.

¹²⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 171, 172.

¹²⁷⁴⁾ Акты Зап. Рос. II, № 28.

¹²⁷⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 85; VI, л. 56, 228; III, л. 20, 21; VIII, л. 442.

¹²⁷⁶⁾ *Ibidem*.

и управѣ его присутствовали и другіе бояре и даже мѣщане, вслѣдствіе чего и распоряженія великаго князя передавались иногда „на мѣстнику Смоленскому и владыцѣ, и окольничимъ, и казначею, и всимъ княземъ и бояромъ земли Смоленское, и старостѣ, и мѣщаномъ мѣста Смоленского“¹²⁷⁷⁾. Правительству главнаго города подчинялись, какъ высшей инстанціи, урядники, чинившіе судъ и управу въ частяхъ или волостяхъ земли Смоленской и ставившіеся или самимъ великимъ княземъ, или намѣстникомъ-воеводою. Тѣ и другіе обыкновенно также назывались намѣстниками.

Волости Смоленской земли раздавались большею частью мѣстнымъ князьямъ и боярамъ, уроженцамъ земли Смоленской, въ держаніе по очереди, на годъ или на нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ, напр., въ записныхъ книгахъ короля Казимира читаемъ: „Ивашку Мирославичу волостка Елма на годъ послѣ первыхъ“¹²⁷⁸⁾; или: „Ивашку Онбросовичу волостка Вержавьскъ на годъ послѣ первыхъ“¹²⁷⁹⁾; „Ивашку, Сопронову брату, *Бойгородокъ* на три годъ“¹²⁸⁰⁾. Великій князь Александръ въ 1499 году отдалъ боярину Сенву Плѣшину *волость Демну* „у Смоленску“ на три годъ послѣ окольничаго Смоленскаго Бориса Семеновича¹²⁸¹⁾. Но при этомъ волости эти не выходили изъ вѣдѣнія намѣстника-воеводы Смоленскаго. Великій князь Александръ, желая пожаловать Богдану Сопѣжичу двухъ людей „у Смоленскомъ повѣтѣ у Еленской волости“, наводилъ справки о томъ, „какіе то будутъ люди“, у воеводи Смоленскаго пана Юрья Глѣбовича¹²⁸²⁾. Король Сигизмундъ, пожаловавъ въ 1508 году князю Василью Уваровичу два сельца съ людьми „у Смоленскомъ повѣтѣ у Буйгородской волости“ Ворошишино и Дементьево, а „у Вержавскомъ повѣтѣ“ селище пустое Коровчино, писалъ объ этомъ намѣстнику Смоленскому пану Юрью Зеновѣвичу съ приказаніемъ дать „увязанье“ въ эти сельца и селище¹²⁸³⁾. Великій князь Александръ, пожаловавъ князю Ивану Константиновичу Вяземскому сельцо Приселье „*въ Лучино-Городку*“, которое вмѣстѣ съ другими селами Лучино-городской волости держалъ *намѣстникъ Лучино-городскій* князь Олехно Глазныя,

¹²⁷⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 87.

¹²⁷⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, 58.

¹²⁷⁹⁾ Ibidem л. 75.

¹²⁸⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 21.

¹²⁸¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 121.

¹²⁸²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 77.

¹²⁸³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII л. 181.

назначалъ объ этомъ намѣстника Смоленскаго пана Юрья Глѣбовича и приказывалъ ему, а не князю Гладынѣ, ввести князя Вяземскаго во владѣніе ¹²⁸⁴⁾ и т. д. Волости раздавались въ держанье мѣстнымъ боярамъ, какъ доходныя статьи, въ видѣ жалованья за службу, и правительственныя функціи возлагались на нихъ главнымъ образомъ такія, съ которыми связано было полученіе волостельскихъ доходовъ, т. е. судъ и сборъ дани. Двое бояръ Плюсковыхъ, получившіе при Казимирѣ волость *Щучью*, „врадили промежи себя такъ, што жъ Оедору Плюскову тую волость держати, а волостельскіе доходы съ Павломъ наполи дѣлити, а Павлу въ тую волость Щучью не вѣжчати, а ни дѣцкихъ, а ни слугъ своихъ тамъ не всылати, ни жли смотрѣти у Оедора своее половины серебряное дани“ ¹²⁸⁵⁾.

Впрочемъ, не во всѣхъ волостяхъ Смоленской земли волостельскіе доходы раздавались князьямъ и боярамъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ доходы эти шли на самаго намѣстника-воеводу, который держалъ въ нихъ отъ себя своихъ намѣстниковъ. Въ концѣ XV вѣка въ этимъ волостямъ кромѣ *юродской волости*, т. е. собственной Смоленской, — въ составъ которой, кромѣ города Смоленска, входили дворцы на *Есенной* (нынѣ село Есеная на Днѣпрѣ ниже Смоленска) и *Красный* (уѣздный городъ Смоленской губерніи), — принадлежали дворы: *Глушцы* (нынѣ деревня Смоленскаго уѣзда между р. Днѣпромъ и Краснинскимъ трактомъ), *Ивановскій* (нынѣ деревня Ивановка Краснинскаго уѣзда?), *Максимовскій* (гдѣ нынѣ село Максимовское Краснинскаго уѣзда?) и *Вопецкій* (на р. Большомъ или Маломъ Вопцѣ, притокахъ Днѣпра въ Смоленскомъ уѣздѣ) ¹²⁸⁶⁾. Дворы эти были центрами особыхъ волостей или повѣтовъ Смоленской земли. Такъ, дворецъ Ивановскій былъ центромъ повѣта Ивановскаго, въ которомъ, напр., великій князь Александръ въ 1497 году разрѣшилъ околичному Смоленскому Кошкѣ купить сельцо Охроновское у слугъ ¹²⁸⁷⁾. Дворецъ Максимовскій былъ административнымъ центромъ волости или повѣта Максимовскаго, который въ актахъ называется также и путемъ Максимовскимъ. Въ 1495 году великій князь Александръ пожаловалъ городничему Смоленскому сельцо „въ Смоленскомъ повѣтѣ Максимовское волости“ съ людьми и ихъ потужниками; въ слѣдующемъ году онъ же пожаловалъ князю Ивану Глушонку сельцо Коцовыхъ „въ

¹²⁸⁴⁾ Акты Зап. Рос. I, № 128.

¹²⁸⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 76, 77.

¹²⁸⁶⁾ Ibidem, л. 279, 280.

¹²⁸⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 66, 67.

Смоленску въ Максимовскомъ повѣтѣ¹²⁸⁸). Но въ перечисленіи князей, бояръ и слугъ Смоленской земли, дошедшемъ до насъ отъ 1492 года, повѣтъ *Максимовскій* названъ уже *путемъ*¹²⁸⁹). То же самое нужно сказать и о Вопецкомъ повѣтѣ или волости. Отъ 26 марта 1499 года мы имѣемъ привилей великаго князя Александра, данный владѣнѣ Смоленскому Іосифу на нѣкоторыхъ людей „въ Смоленску и Вопецкомъ повѣтъ у Твердиличохъ і за Днѣпромъ“¹²⁹⁰). Въ 1510 году король Сигизмундъ подтвердилъ князю Бодану Дмитріевичу между разными другими имѣніями селища „въ Вошиномъ пути“ Царицово, Кудрявцево и Тимоновское, которыя онъ вимѣнилъ у пана Ивана Семеновича Сопѣжича¹²⁹¹). Въ слѣдующемъ году король подтвердилъ боярамъ Смоленскимъ Яковлевичамъ двѣ службы людей конюшскихъ „у Смоленскомъ повѣтѣ и Вопецкой волости“¹²⁹²). Во цѣхъ этихъ волостяхъ намѣстникъ Смоленскій держалъ своихъ намѣстниковъ, которые собирали для него доходы и творили судъ и управу по его уполномочію. Такъ, въ одномъ листѣ короля Сигизмунда отъ 9 іюня 1511 года къ намѣстнику Смоленскому пану Юрью Глѣбовичу читаемъ: „намѣстникъ твой Вопецкій вивды имъ (нѣкоторымъ боярамъ Смоленскимъ) въ той пуци дѣлаеть, въ ловы вѣждаетъ и осочниковъ городовыхъ посылаетъ звѣрю сочити“¹²⁹³) и т. д.

Въ актахъ изучаемаго времени находимъ довольно полныя перечни волостей Смоленской земли. По договору 1503 года Московскій государь Иванъ Васильевичъ обязался не воевать и не зацѣплять ничѣмъ между прочими владѣніями великаго князя Александра города Смоленска и волостей: *Рославля* (нынѣ уѣздный городъ Смоленской губерніи), *Иванкова* (нынѣ село Нововваповское на р. Хмарѣ, притокѣ Сожа, Ельнинскаго уѣзда?), *Прудовъ* (нынѣ село Прудки въ южной части Смоленскаго уѣзда близъ р. Хмары), *Блѣина* (нынѣ село въ южной части Ельнинскаго уѣзда, на границѣ съ Рославльскимъ), *Елмы* (нынѣ уѣздный городъ Смоленской губ.), *Радшина* (нынѣ село Ратчино на р. Днѣпрѣ Духовщинскаго уѣзда), *Свадита* (нынѣ Свадицы Духовщинскаго уѣзда) и *Жереспера* (на р. того же имени, впадающей въ Касплю), *Шоръчя* (нынѣ уѣздный городъ Смоленской гу-

¹²⁸⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 57, 65.

¹²⁸⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 155—169.

¹²⁹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 88.

¹²⁹¹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 375—377.

¹²⁹²) Ibidem, л. 478.

¹²⁹³) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 92.

бернѣи), *Нежоды* (нынѣ село въ сѣверной части Ельнинскаго уѣзда), *Руды*, *Мушиковичъ* (нынѣ село въ южной части Духовщинскаго уѣзда), *Ветлицы* (нынѣ Никола Ветлицы въ южной части Бѣльскаго уѣзда на р. Вопи) и *Щучьи* (нынѣ село при озерѣ того же имени въ сѣверной части Порѣчскаго уѣзда ¹²⁹⁴).—Объ этихъ волостяхъ Смоленскихъ находимъ не мало и разсѣянныхъ указаній въ источникахъ изучаемаго времени. Такъ, отъ 16-го іюля 1495 года дошелъ до насъ листъ на имя Смоленскаго намѣстника пана Юрья Глѣбовича о рѣшеніи по дѣлу окольничаго Смоленскаго Бориса Семеновича съ приказникомъ и мужами *волости Рославльской*, которые жаловались, что онъ забралъ за себя семь сель ихъ волости и дубраву безъ великокняжеской данины: великій князь оправилъ Бориса Семеновича на томъ основаніи, что „о томъ его съ ними перво сего смотрѣлъ панъ Иванъ Ильичъ, какъ отъ отца нашего, короля его милости, Смоленскъ держалъ, и его въ томъ правого наполь и на то ему и листъ свой судовый далъ“ ¹²⁹⁵).—Великій князь Александръ въ 1497 году въ числѣ другихъ имѣній утвердилъ за писаремъ Ивашкомъ Сопѣжичемъ „землю бортовую зъ бобровыми гоны и съ сѣножатями въ *Бѣлицкой волости* на имя въ Чепиничохъ“ ¹²⁹⁶).—Въ 1494 году тотъ же великій князь утвердилъ за бояриномъ Смоленскимъ Тишкомъ Дубинымъ село пустое въ Смоленскомъ повѣтѣ въ *Еленской волости* Кохановское „на особную службу“. „А онъ передъ тобою повѣдалъ, — писалъ великій князь намѣстнику Смоленскому пану Юрию Глѣбовичу, — што жъ тое село не тяглое, служба съ того щитная бывала, а давно лежить пусто, а наслѣдка къ нему никого нѣтъ; и ты о томъ опытывалъ приказника Еленскаго и мужей, и они повѣдили предъ тобою, штожь то такъ есть, какъ онъ того въ тебе просилъ“ ¹²⁹⁷). Изъ этого видно, что Еленская волость находилась въ вѣдѣніи намѣстника Смоленскаго, хотя одновременно съ тѣмъ, какъ было сказано выше, въ ней находились и свои собственные намѣстники.—Въ 1510 году король Сигизмундъ утвердилъ за княземъ Богданомъ Дмитріевичемъ Глушонкомъ селище Хомчино и Озарково „у *Радицинскомъ пути*“, которая онъ вымѣнилъ у пана Ивашка Сопѣжича ¹²⁹⁸).—Король Казимиръ далъ въ держанье „Бацѣ *волость Вадито* съ озеромъ“, а потомъ отдалъ

¹²⁹⁴) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, стр. 287—290.

¹²⁹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 42, 43.

¹²⁹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 98.

¹²⁹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. V, д. 17.

¹²⁹⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 375—377.

волость ему же „въ вотчину“¹²⁹⁹).—Одновременно съ тѣмъ олъ пожаловалъ Оедку Копылу „землю а бережокъ въ той же земли, а чело-вѣкъ Паѳомовичъ, а волость Руда“¹³⁰⁰).—Въ 1510 году король Сигизмундъ пожаловалъ князю Василью Семеновичу Жилинскому „волостку въ Смоленскомъ повѣтѣ *Ветличи* противъ отчины его, што отошла къ Москвѣ“¹³⁰¹).—Свидѣтельства источниковъ о волости Щучьѣ были приведены выше. — Въ 1508 году Сигизмундъ пожаловалъ дво-рянину Михаилу Старому Олтуховичу село Новики въ Смоленскомъ повѣтѣ *въ Портыкой волости* на вѣчность¹³⁰²).

Во время переговоровъ, предшествовавшихъ заключенію пере-мирія 1503 года, литовскіе послы представляли московскимъ боярамъ списокъ смоленскихъ волостей, „которыя къ городу прислухаютъ“, при чемъ сверхъ перечисленныхъ волостей назвали еще: *Пацинъ* (нынѣ село Пацины Федоровской волости Рославльскаго уѣзда), *Святславъ* (нынѣ село Сеславль Радичской волости Рославльскаго уѣзда), *Воро-нечь* (нынѣ Вороницы на р. Вороницѣ, впадающей слѣва въ Остеръ, въ Рославльскомъ уѣздѣ), *Лазарево-городище* (нынѣ Лазарево, Ува-рово тожъ, на р. Угрѣ Ельнинскаго уѣзда), *Ужица* (по р. Ужицѣ, впадающей въ притокъ Днѣпра Ужу въ Дорогобужскомъ уѣздѣ), *Простъ* „церковная волостыка Пречистое Богоматери владычня“ (нынѣ сельцо Духовщинскаго уѣзда близъ Днѣпра), *Сверковы Луки* (нынѣ село Свар-колучье на р. Днѣпрѣ Дорогобужскаго уѣзда), *Вержавскъ* (по рѣкѣ Вержѣ, впадающей въ Днѣпръ, въ сѣверной части Дорогобужскаго уѣзда), *Буйгородокъ* (нынѣ село Городокъ на р. Вопцѣ Духовщин-скаго уѣзда), недалеко отъ котораго есть и село Воротышино, упо-мянутое выше¹³⁰³).—И объ этихъ волостяхъ находимъ упоминанія въ актахъ изучаемаго времени. Такъ, великій князь Александръ въ 1500 году пожаловалъ князю Василью Мосальскому имѣнья въ Смоленскомъ повѣтѣ *въ Пацынской волости*—Желтоносовичи, Колыхалово и Жу-ково¹³⁰⁴).—Тотъ же великій князь въ 1499 г. „волугъ первого данья и листу“ утвердилъ за окольными Смоленскимъ Борисомъ Семено-вичемъ два сельца „въ Смоленскомъ повѣтѣ у *Святславской во-*

¹²⁹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. Ш, л. 20, 36.

¹³⁰⁰) Ibidem.

¹³⁰¹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 329.

¹³⁰²) Ibidem, л. 226, 227.

¹³⁰³) Сборт. Имп. Русск. Истор. Общества XXXV, 394—396.

¹³⁰⁴) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 99.

лости" ¹³⁰⁵).—*Волость Ужмцу* великій князь Александръ въ 1497 году утвердилъ „вѣчностью“ за окольнымимъ Борисомъ Семеновичемъ и его братьями согласно пожалованью короля Казимира ¹³⁰⁶).—О Вержавскомъ повѣтѣ указаніе источниковъ было уже приведено выше; въ перечнѣ Смоленскихъ бояръ и слугъ вмѣсто повѣта упоминается *путь Вержавскій*, напр., „за Днѣпромъ у Вержавскомъ пути бояре“ ¹³⁰⁷)...—Въ 1507 году король Сигизмундъ приказывалъ листомъ намѣстнику Смоленскому пачу Юрью Зецовъвичу „увязать“ князя Василья Уваровича въ два селъца съ людьми „у Смоленскомъ повѣтѣ у Буйгородской волости“, Воротишино и Дементьево, а „у Вержавскомъ повѣтѣ“ въ селѣще пустое Коровчино“ ¹³⁰⁸).

Волости Вержавскъ и Буйгородоу по договору 1503 года отошли въ Москвѣ. Къ Москвѣ же отошли тогда городъ Дорогобужъ и волости Простъ и Сверковы Луки, уже упомянутыя выше, и сверхъ того: *Погорьлая* (нынѣ Никола Погорѣлый въ сѣверной части Дорогобужскаго уѣзда), *Нльомъ* (?), *Игумнова слобода* (?), *Мстиславецъ* (нынѣ село Мстиславль въ южной части Дорогобужскаго уѣзда), *Лучина-Городокъ* (нынѣ село Городокъ на р. Угрѣ Дорогобужскаго уѣзда; на это мѣстонахождение Лучина-Городка указываютъ уставныя грамоты, данныя въ половинѣ XII вѣка Смоленской епископіи и помѣщающія Лучинъ вблизи Оболвы, Цащина, Ростиславля и Ельны, а также старейшыя списки литовскаго посольства 1494 года, помѣщающіе Лучинъ-Городъ рядомъ съ городомъ Городецкою и волостью Снопотью, т. е. опять таки въ области верхней Угры ¹³⁰⁹); *Жулинъ* (село Жули на р. Угрѣ?), *Ощитова* (?), *Кременья* (нынѣ село Николо-Кременское въ сѣверной части Дорогобужскаго уѣзда на р. Вопцѣ), *Селецна* (нынѣ деревня Селешня Ельнинскаго уѣзда на р. Угрѣ), *Вадоса* (селъцо на р. Вопцѣ въ сѣверной части Дорогобужскаго уѣзда), *Некрасова*, *Радымъ* (нынѣ село на р. Вои Духовщинскаго уѣзда), *Ведроша* (до рѣчѣй того же имени), *Резта* и *Озернице* (нынѣ села въ южной части Дорогобужскаго уѣзда), *Хомчичи*, *Василькова* (нынѣ селъцо Ельнинскаго уѣзда на рѣчѣй Мошнѣ), *Холмъ* (въ Ельнинскомъ уѣздѣ есть нѣсколько деревень съ названіемъ „Холмъ“), *Хотомичи*,

¹³⁰⁵) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 81.

¹³⁰⁶) Ibidem. л. 64.

¹³⁰⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 155—169.

¹³⁰⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 181.

¹³⁰⁹) Дополненія къ Актамъ Истор. т. I, № 4; Сborn. Ими. Русск. Истор. Общ. XXXV, 136, 238.

Великое Поле (нынѣ село Велівополье на р. Угрѣ Юхновскаго уѣзда), *Лотатинъ* (нынѣ село Ельнинскаго уѣзда на границѣ съ Дорогобужскимъ), *Заопье* (нынѣ деревня Духовщинскаго уѣзда недалеко отъ Прости), *Вышково*, *Копыля* (на р. Копыльѣ, впадающей въ Ужу въ Дорогобужскомъ уѣздѣ).—О нѣкоторыхъ изъ этихъ волостей находимъ указанія и въ другихъ актахъ изучаемаго времени. Такъ, въ записяхъ княженя Казимира (1440—1444) читаемъ, между прочимъ: „Пану Кгастовту, воеводѣ Троцкому, князя Андрея Дорогобужскаго имѣнье со всемъ съ тымъ, какъ князь Андрей Дорогобужскій держалъ: *Дорогобужъ*, *Мутышинъ* (нынѣ Мытишино на р. Городотѣ, впадающей въ Рославу, притокъ Угры, въ Дорогобужскомъ уѣздѣ) и *Великое Поле*, и *Высокій Дворъ*; а то дано Кгастовту у вотчину“¹²¹⁰); „Яцку Роздериново у *Кремьянохъ* чотыри человѣки противъ *Простей* и *Чучелова*“¹²¹¹). Въ 1499 году великій князь Александръ выдалъ казначею Смоленскому князю Константину Ивановичу Крошинскому подтвержденіе на его имѣнья, и въ томъ числѣ на волость *Кремьяную*¹²¹²). Тотъ же самый великій князь въ 1495 году писалъ намѣстнику Смоленскому пану Юрью Глѣбовичу, чтобы онъ далъ „уязанье“ князю Ивану Константиновичу Вяземскому въ сельцо „въ *Лучинъ-Городку*“, которое держалъ *намѣстникъ* Лучино-Городскій кн. Олехно Глазныя¹²¹³). Этому послѣднему великій князь Александръ подтвердилъ *волость Мстиславецъ*, дѣльницу брата его Ивана, бѣжавшаго въ Москву, вслѣдствіе чего король Казимиръ и пожаловалъ князю Олехну Мстиславецъ, „отдаливши дѣти князя Ивановы“¹²¹⁴) и т. д.

Среди перечисленныхъ волостей находились и нѣкоторыя другія, о которыхъ не упоминаетъ договорная грамота 1503 года, но которыя встрѣчаемъ въ другихъ актахъ изучаемаго времени. Въ записныхъ книгахъ денежныхъ и хлѣбныхъ раздачь короля Казимира подъ рубрикою: „Смолняномъ отправка, октябрь 14 день, индиктъ 7“ (1488 года), читаемъ между прочимъ: „Мишутѣ *волость Молохъва* послѣпервыхъ“¹²¹⁵). Въ спискѣ бояръ и слугъ Смоленской земли, составленномъ въ концѣ правленія Казимира или въ началѣ княженя Александра, встрѣча-

¹²¹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 37.

¹²¹¹) Ibidem, л. 38.

¹²¹²) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 91, 92.

¹²¹³) Акты Зап. Рос. I, № 128,

¹²¹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 65.

¹²¹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 85.

емъ между прочимъ слугъ „*Молоховскаго путя*“¹³¹⁶⁾. Въ 1503 году великій князь Александръ написалъ листъ дворянину Митамлу Олтуфьевичу до намѣстника Смоленскаго пана Юрья Андреевича съ приказомъ ввести его во владѣніе въ село „у Смоленскомъ повѣтѣ въ Молоховской волости одное службы панцирное на имя Ходневыхъ“¹³¹⁷⁾. Волость или путь Молоховскій находился, очевидно, по теченію рѣки Молохвы, впадающей въ Вехру въ юго-западной части Краснинскаго уѣзда.—Король Казимиръ пожаловалъ нѣкоему Ходыцѣ Басичу два челоука „на Встеснѣ у Дубровенскомъ пути“¹³¹⁸⁾. Въ 1498 году декабря 5-го тотъ же великій князь Александръ пожаловалъ „до воли, до дѣшного осмотрѣнья“ князьямъ Крошинскимъ село Бабиничи „въ Смоленскомъ повѣтѣ въ Дубровенскомъ пути“¹³¹⁹⁾. Въ 1509 году король Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность князю Василью Михайловичу Мосальскому „двѣ службы людей у Звѣровичахъ въ Дубровенскомъ пути“¹³²⁰⁾. Упомянутыя здѣсь села находятся въ настоящее время въ сѣверо-западной части Краснинскаго уѣзда; тамъ же находится и деревня Дубровенка на рѣчкѣ Дубровѣ, впадающей въ Днѣпръ, повидимому, центръ пути Дубровенскаго.—По сосѣдству съ Дубровенскимъ путемъ лежала волость *Катынская* (Катынь — нынѣ село на р. Днѣпрѣ и Катынѣ Смоленскаго уѣзда). Въ 1499 году великій князь Александръ пожаловалъ князю Олехну Глазынѣ людей въ Смоленскомъ повѣтѣ въ Катынской волости; описывая ихъ повинности, привилей, данный князю Глазынѣ, гласитъ между прочимъ: „а воли стадо Глушицкое гонять у волость въ Дубровенскомъ пути, и они въ тыхъ селѣхъ ночь ночуютъ, и опять зъ волости гонячы, и они другую ночь ночуютъ“¹³²¹⁾.—Въ упомянутомъ уже выше перечнѣ бояръ и слугъ Смоленской земли исчисляются между прочимъ „*Юрьевского путя* слуги пансырныи“. Центральнымъ селеніемъ этого путя, повидимому, было нынѣшнее сельцо Юрьево на рѣчкѣ Вымелѣ Рославльскаго уѣзда.—Отъ 1494 года дошелъ до насъ судебный листъ великаго князя Александра по дѣлу бояръ Тереховичей и Голосовича съ паномъ Петромъ Глѣбовичемъ, который поотнималъ у нихъ сельца ихъ, „которыи жъ,—гласитъ судебный листъ,—есмо имъ подавали и привилейемъ

¹³¹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 155—169.

¹³¹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 124.

¹³¹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 20.

¹³¹⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 78.

¹³²⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 308 309.

¹³²¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 96.

нашимъ подтвердили въ Смоленску *Мартиновскаго двора поспѣту на Молоховѣ*¹³²²).—Въ Краснинскомъ уѣздѣ на притокѣ Сожа Угощѣ находится въ настоящее время село Болваничи, указывающее на центр волости Болваницкой, о которой говорятъ акты изучаемаго времени. Въ 1499 году великій князь Александръ подтвердилъ вазначію Смоленскому князю Константину Федоровичу Крошинскому свою данину „у Смоленскомъ повѣтѣ дворъ на имя *Болваничи* на рѣцѣ на Сожи, и што въ томъ дворѣ есть чeledи неволное, а волость *Вьлицикую* и волость *Кремяциную*, а люди волости *Буйгородское* вмѣстѣ съ тѣми селами, которыя князь Крошинскій повупилъ у бояръ „у волостна въ *Болваницкой* а въ *Вьлицикой*“¹³²³).—Отъ того же 1508 года дошелъ подтвердительный привилей короля Сигизмунда, выданный дворянамъ Ивашку и Петру Стецковичамъ на людей въ Смоленскомъ повѣтѣ въ *Любавицкой волости* (на мѣстоположеніе этой волости указываетъ въ настоящее время деревня Любаничи Красненскаго уѣзда на рѣкѣ Еленкѣ?)¹³²⁴).—Въ томъ же 1508 г. сентября 1 король Сигизмундъ пожаловалъ смоленскому Спасскому монастырю двѣ службы людей „въ Смоленскомъ повѣтѣ въ *Каспльской волости*“¹³²⁵); нынѣшнее село Каспля (Зарѣчье) на р. того же имени въ Порѣчскомъ уѣздѣ указываетъ на центральный пунктъ старинной Каспльской волости.—Договорная грамота 1522 года, содержащая подтвержденіе договора 1503 года и послѣдующихъ, въ составѣ Смоленской земли, въ то время уже принадлежавшей Москвѣ, упоминаетъ, кромѣ того, слѣдующія волости: *Еловецъ* (нынѣ Яловецъ въ южной части Рославльскаго уѣзда), *Пустоселье* (нынѣ деревня Рославльскаго уѣзда на р. Острѣ почти на границѣ съ Мстиславскимъ), *Роминовское* (нынѣ деревня Краснинскаго уѣзда на р. Вехрѣ почти на границѣ съ Мстиславскимъ уѣздомъ), *Копотковичи*, *Звѣровичи* (сельцо въ западной части Краснинскаго уѣзда почти на границѣ съ Оршанскимъ уѣздомъ)¹³²⁶). Несомнѣнно, что эти волости существовали въ Смоленской землѣ и до 1514 года, если не какъ самостоятельныя волости, то какъ части волостей (см. напр. выше о Звѣровичахъ).

Въ 1494 году великій князь Московскій Иванъ Васильевичъ, включая перемиріе съ великимъ княземъ Литовскимъ Александромъ,

¹³²²) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 25.

¹³²³) Ibidem, V, л. 91, 92.

¹³²⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 290.

¹³²⁵) Акты Зап. Рос. II, № 23, II.

¹³²⁶) Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. XXXV, 637—641.

обязана не вступаться во всё его „великие княжества“, — ни въ Смоленскъ и во все Смоленская мѣста, ни въ *Любуцкы*, ни въ *Мичюскы*, ни въ *Добрянскы*, ни въ *Сарытскы* (западный городъ Мещовскаго уѣзда), ни въ *Лучина*, ни въ *Мосальскы*, ни въ *Дмитровы* (нынѣ село на р. Угрь Юхновскаго уѣзда Смоленской губерніи), ни въ *Жулины*, ни въ *Личино* (нынѣ село Мещовскаго уѣзда на р. Безвала), также и въ *Валюдовы*, и въ *Вышковицы* (нынѣ село въ северной части Мещовскаго уѣзда на рѣчкѣ Березинѣ, впадающей въ Угрю), и въ *Опачкы* (нынѣ село Апачково ниже города Юхнова на р. Угрь) по Угрю, ни во всё твои украинныя мѣста и что въ нихъ потягло не вступаться¹³²⁷⁾. Все упомянутыя здѣсь города въ смыслѣ пограничныхъ владѣній великаго князя Литовскаго, который литовскіе послы подкавали Московскимъ боярамъ во время переговоровъ о перемиріи, названы Смоленскими пригородами¹³²⁸⁾. По договору 1503 года всё эти пригороды были уступлены Москвѣ, а кромѣ того, волости: *Недологовъ* (нынѣ село Мещовскаго уѣзда на р. Тетѣ), *Мошны* (нынѣ село Мошны Юхновскаго уѣзда на р. Ресовѣ), *Дамена* (о рѣчкѣ того же имени, впадающей въ Угрю (теперь есть Опась-Дамениное въ западной части Мосальскаго уѣзда), *Городечкы* (нынѣ село на рѣчкѣ Городечкѣ, впадающей въ Ворону, притокъ Угры, Мосальскаго уѣзда), *Ухпереть* на р. того же имени, впадающей въ Угрю (въ Клянинскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи), *Опачкы* (нынѣ село на р. того же имени, впадающей въ Десну въ западной части Мосальскаго уѣзда), *Ковыля* (нынѣ село на р. Ковылянтѣ, притокъ Волвы, въ Мосальскомъ уѣздѣ, почти на границѣ съ Живдринскимъ); *Шуя* (нынѣ село Мосальскаго уѣзда на границѣ съ Клянинскимъ), *Лазаревъ-Городица*, *Вышковицы* (нынѣ село въ западной части Мосальскаго уѣзда), *Дубовы* (нынѣ с. на р. Каменѣ, впадающей въ Опачку въ Мосальскомъ уѣздѣ), *Даниловичы* (нынѣ село Рославльскаго уѣзда почти на границѣ съ Мосальскимъ), *Замоще* (село Мосальскаго уѣзда на рѣчкѣ Узати, лѣвомъ притокѣ Волвы), *Тухачевъ*, *Дена* по р. того же имени, притокъ Болвы (въ западной части Мосальскаго уѣзда), *Оеминичы* (нынѣ село въ северной части Живдринскаго уѣзда на р. Нецолоди, притокъ Болвы), *Погостице* (тамъ же на р. Болвѣ есть село Нюгостъ). — Большинство перечисленныхъ здѣсь городковъ и волостей является въ составъ Смоленской земли и по другимъ актамъ изучаемаго времени. Такъ, въ книгѣ земельныхъ раздачъ короля Казимира подъ оглавлен-

¹³²⁷⁾ Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 124—129.

¹³²⁸⁾ Ibidem, 118.

дѣлѣ „у Смоленскую“ читаемъ, между прочимъ: „Роману Александровичу *оу Мценску Вытегародъ*, а проловину *Орлеа*“ (имѣя село Орли Сѣвскаго уѣзда Орловской губерніи)¹³²⁹). Мценскъ и вмѣстѣ съ нимъ Любутскъ отдавались въ держанье особымъ *наместникамъ*¹³³⁰, изъ которыхъ нѣкоторые, въ актахъ прямо обозначаются боярами Смоленской земли, напр., Борисъ Семеновичъ, окольникій Смоленскій¹³³¹. — Особого *наместника* имѣлъ и *Дмитровскъ*, еяже это открывается изъ великокняжескаго привилея, выданнаго въ 1495 году царю Ивану Сопѣвичу на держанье Дмитрова до живота¹³³². — Въ перечнѣ бояръ и слугъ Смоленской земли 1492 года упоминаются между прочимъ слуги панцирные и щитные Опацкіе; *Опацка*, впрочемъ, въ большей части принадлежалъ панамъ Сопѣчамъ, и въ 1494 году имъ владѣлъ Василій Сопѣвичъ¹³³³; имъ принадлежала и *Щипонь* на р. Вороновѣ (имѣя село Федоровской волости Рославдскаго уѣзда). Сопѣги, какъ Смоленскіе землевладѣльцы, получали въ держанье волости въ Смоленской землѣ; напр., Мценскъ и Любутскъ¹³³⁴. — Въ 1496 году великій князь Александръ въ виду того, что большая часть Опацка, за Угрой, отходила въ сторону великаго князя Московскаго, пожаловалъ Василю Сопѣвичу два села пустошь въ *Моримини*, Шербиново и Свириново, которыхъ по приказанію великаго князя выбралъ для него наместникъ Смоленскій панъ Юрій Глѣбовичъ¹³³⁵. — Въ 1498 году тотъ же панъ Юрій Глѣбовичъ получилъ отъ великаго князя Александра листъ о пожалованіи князю Федору Федоровичу Мезоцкому *волости Городечны* „до води“ великаго князя¹³³⁶. — Въ 1447 году король Казимиръ пожаловалъ въ вотчину князю Федору Воротыньскому „у Смоленской державѣ“ дворъ Нѣмчиновскій и волости: „Городечна оу Калуговини, што было дано Ходницѣ Басичу, а *Ужепередъ*, што Царвакъ Полтавъ держалъ, а *Косыма*, а *Демяна съ Снопотцолъ*, што Гринько Миньковичъ держалъ“¹³³⁷. — Въ записяхъ земельныхъ жало-

¹³²⁹) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 35.

¹³³⁰) Акты Зап. Рос. I, № 58; Сбор. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 30, 28; 37, 55, 66, 104.

¹³³¹) Акты Зап. Рос. I, № 105.

¹³³²) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 62.

¹³³³) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 22.

¹³³⁴) Ibidem, л. 12 и др.

¹³³⁵) Ibidem, л. 56.

¹³³⁶) Ibidem, л. 76.

¹³³⁷) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 26.

важнѣй того же короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Григорью Михайловичу *волость Шюсе* до воли; князю Митху Всеволодовичу (Мосальскому) противъ (т. е. Шум) — *Горки* (нынѣ хуторъ Горки Ельнинскаго уѣзда на границѣ съ Мосальскими), да *Смокотокъ*“¹³²⁸).

Князь Федоръ Воротынский, кромѣ перечисленныхъ волостей; получилъ отъ короля Казимира въ вотчину: *Крайшимо* по обѣ стороны Висы рѣки (лѣвый притокъ Оки, впадающій въ нее ниже Перемышля; на этой рѣкѣ стоялъ и отнынѣ городъ князей Воротынскихъ — Воротыньскъ), *Ложинскъ*, *Озерскъ* (нынѣ село на р. Жыздрѣ Перемышльскаго уѣзда Калужской губерніи), *Перемышль* (нынѣ уѣздный городъ Калужской губерніи), *Кымы* (село Жыздринскаго уѣзда на р. Ресетѣ, впадающей въ Жыздру съ правой стороны)¹³²⁹, *Душна-Городъ*, „коли царь былъ на Угрь“¹³³⁰. Всѣ эти волости перешли по наслѣдству къ сыновьямъ князя Федора Львовича. Эти князья передъ отъѣздомъ ихъ на службу къ великому князю Московскому ишли, кромѣ того, массу пограничныхъ Смоленскихъ пригородовъ и волостей „въ держаньѣ“ отъ великаго князя. Мѣсто же этихъ пригородовъ и волостей были уже упомянуты выше; но кромѣ того, за княземъ Семеномъ Федоровичемъ были: *Пустой Мошкы* (нынѣ село на р. Ресетѣ, притокъ Угры, въ Юкновскомъ уѣздѣ), *Вышкына* (нынѣ село Вышкына на р. Перекшѣ, притокъ Рессы, Мосальскаго уѣзда), *Залоконье*, *Волста Ниожня* по р. того же имени (притокъ Угры съ лѣвой стороны), *Клитоно*, *Ньядилово* (нынѣ село Гибядилово на р. Деменѣ Ельнинскаго уѣзда), *Черляжичи*, *Горедеченскія волости*, — „волости князей Брошинскихъ“¹³³¹; князь Дмитрій Федоровичъ Воротынский держалъ между прочимъ слѣдующія волости: *Порыски*, *Порышкыныхъ* вотчину (теперь села Верхніе и Нижніе Порыски на рѣкѣ Рыскѣ, притокъ Жыздры, Козельскаго уѣзда); *верть Серены* (притока Жыздры) за *Серенскомъ* (нынѣ село Мещовскаго уѣзда на р. Серенѣ, а въ то время городъ); *Литицы* (теперь село Мещовскаго уѣзда), *Взыново* (нынѣ село Збуново къ югу отъ Мещовска?) — отчину Ивана Бабина, служившаго князю Дмитрію; *Душамъ* (нынѣ могоутъ на р. Серенѣ Мещовскаго уѣзда), *Мьстиловъ* и *Хвостовичи* (въ южной части Жыздринскаго уѣзда на р. Вельѣ, впадающей въ Ресету; притокъ Жыздры); князь Иванъ Михайловичъ Перемышльскій, внукъ Федора

¹³²⁸) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 38.

¹³²⁹) Акты Зап. Рос. I, № 57.

¹³³⁰) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, стр. 136.

¹³³¹) Ibidem, 3, 6, 7, 9, 115, 136; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 208.

Львовича, державъ *Тарбеевъ* (теперь деревня Козельскаго уѣзда на границѣ съ Перемишльскимъ), *Олеповъ* (теперь села Верхняя и Нижняя Алопоны Перемишльскаго уѣзда) ¹³⁴²).

Изъ духовной грамоты Ивана III узнаемъ, что въ этой мѣстности находились, кромѣ того, слѣдующія волости: *Людимскы* (нынѣ село Гришино-Людимскы на р. Березуѣ въ сѣверной части Перемишльскаго уѣзда), *Коробки* (на р. Серетѣ Козельскаго уѣзда), *Вырчи* (два села: Вырчи-Страховино и просто Вырчи въ южной части Диквинскаго уѣзда), на Вырѣ рѣчкѣ *волости Сынница да Сыннич* (на рѣкѣ Сетухѣ; притокъ Оки, Лихвинскаго уѣзда), *Выйма* (село на р. Вырѣ Козельскаго уѣзда), *Жеремины* (нынѣ село на р. Овѣ противъ устья Уды Лихвинскаго уѣзда), *Сыково* (на р. Овѣ Бѣларскаго уѣзда) да Издвельское Бабина село *Незнамово* ¹³⁴³). Всѣ эти волости, вмѣстѣ съ тѣми, которыя державъ князь Дмитрий Федоровичъ Вортыньскій, называли Козельскими; но это, очевидно, группировка ихъ уже Московская. Что касается самаго Козельска, то оно, какъ уже было сказано въ первомъ очеркѣ, на возвращеніи отъ Москвы было отдано въ державу князю Федору Львовичу Вортыньскому; кто державъ его послѣ князя Федора Львовича, — неизвѣстно.

Вотчинники владѣли князья Новосильскаго рода, также, видимо, считавшіяся смоленскими пригородами, тянули къ Смоленску, какъ къ военно-политическому средоточію, хотя вообще положеніе ихъ въ составѣ Литовско-Русскаго государства было особенное, какъ объ этомъ было уже сказано въ первомъ очеркѣ. — Къ Смоленской землѣ принадлежали и города *Мезческ* или *Мещоскск* (нынѣ уѣздный городъ Калужской губерніи). Въ запискахъ земельныхъ раздѣлъ Казимира „у Смоленску“ читаемъ между прочимъ: „Князю же Дмитрею (Всеславовичу) на отчину (его подтвержденіе, на Мещоскск и *Колмошчи* ¹³⁴⁴). Города Мезческ и *Аидиревск*, отнесены къ составу Смоленской земли и въ описаніи, подаваемомъ литовскими посланцами во время переговоровъ 1494 года о перемиріи, а равно и всѣ тѣ волости, которыя тянули къ этимъ городамъ и которыя пожалованы были въ разное время роду Менецкихъ князей. — Къ составу Смоленской земли принадлежалъ и *Карачевъ* (нынѣ уѣздный городъ Орловской губерніи), какъ это отъдается изъ записей земельныхъ раздѣлъ въ землѣ Смоленской, произведенныхъ Казимиромъ. Здѣсь мы читаемъ между прочимъ: „Гри-

¹³⁴²) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 136.

¹³⁴³) Собр. Госуд. Грам. и Догов. I, № 141.

¹³⁴⁴) Латов. Метрики. Записк. III, л. 21.

горевитомъ *Осевичи* и *Карачевъ*¹³⁴⁵). Великимъ княземъ Александромъ Карачевъ отданъ былъ кн. Семёну Можайскому сначала „до воли“, а потомъ „на вѣчность“¹³⁴⁶); по договору 1503 года онъ отошелъ къ Москвѣ. — Тогда же отошли къ Москвѣ слѣдующія Смоленскія волости, отчасти уже перечисленныя нами выше: *Паццы*, *Федоровское* (нынѣ село на р. Вороновѣ въ юго-западной части Рославльскаго уѣзда), *Осовитъ* и *Пожиничи* (нынѣ села Федоровской волости), *Сутарь* (нынѣ село Тюнинской волости того же уѣзда на рѣчкѣ Сутаркѣ), *Всеславъ*, *Вороничи*, *Жерынь* (нынѣ село на рѣчкѣ Приждѣ того же уѣзда) и, кромѣ того, городъ Брянскъ съ волостями.

Городъ Брянскъ былъ смоленскимъ пригородомъ только въ военномъ отношеніи. Въ судебно-административномъ онъ вмѣстѣ съ своими волостями составлялъ самостоятельный округъ, на подобіе новгородскаго, берестейскаго въ Троцкомъ воеводствѣ или Новгородскаго въ Виленскомъ, — округъ, въ которомъ всё дѣла вершилъ особый *наместникъ* вмѣстѣ съ придворными урядниками, оставшимися по упраздненіи Брянскаго удѣла, каковы были: *конюшій*, *ловчій*, *соколничій*, *попѣдничій*, *редничій* и *казначей*. Всѣ эти уряды вмѣстѣ съ Брянскими волостями раздавались въ извѣстной очереди брянскимъ боярамъ. Такимъ образомъ, въ записныхъ книгахъ князенья Александра читаемъ: „Богдану Григорьевичу *волость Пьяное* (нынѣ село Пьяное при рѣчкѣ Усожѣ Сѣвскаго уѣзда Орловской губерніи) на годъ послѣ Мизифора Иванова и Колонтаева; Степану Савичу и Будаю а Ивану Биевскому *Волкомескъ* (нынѣ село на р. Малой Локтѣ Дмитровскаго уѣзда); Федору Головни а Гриди, а Матеею Совиннымъ *конюшое* на три года послѣ Опанаса а Матеея; Енушу а Тегини Печеничиннымъ *редничое* на два года послѣ Иваша Жинева; Сеньку Биевскому а Федору Лопоту *попѣдничое* на два года; Семену Александровичу съ сыномъ его Михномъ *ловчое* на два года послѣ Бориса а Тимофея; Васку Мясоѣдову а Андрею Вволову, а Ивану Рябому, а Васку Пролыскому *соколничое* на четыре года послѣ Ждана Колонтаева“¹³⁴⁷). Что касается *казначей* Брянскаго, то о немъ мы находимъ упоминанье въ „выровѣ“, великаго князя Александра по дѣлу князей Трубецкихъ Андрея и Ивана Семеновичей съ дядею Иваномъ Юрьевичемъ: въ числѣ „дѣлчихъ“, которые были посланы великимъ княземъ

¹³⁴⁵) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 35.

¹³⁴⁶) Акты Зап. Рос. I, № 139, 167.

¹³⁴⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 281, 282.

дѣлать князей и вѣнчанъ, названъ казначей Брянскій Григорій Живень: ¹³⁴⁸). Намѣстниками Брянскими по автѣмъ изучаемаго времени являются: князь Дмитрій Путятичъ, которому король Казимиръ въ 1487 году велѣлъ дать дворянину Колонтаеву солище Митювщину въ Брянскомъ повѣтѣ согласно его показанію, „какъ тое солище пусто, а за слѣдѣа къ нему нѣтъ, а не данное, а ни талое, здавна боярское, а породу не шлодно“ ¹³⁴⁹); князь Семенъ Федоровичъ Соколинскій ¹³⁵⁰); князь Федоръ Ивановичъ Жеславскій, котораго великій князь Александръ въ 1498 году извѣщалъ о пожалованіи „до осмотра“ своего волости Волонска въ Брянскомъ повѣтѣ князю Андрею Кромскому ¹³⁵¹). Въ пожалованія въ Брянскомъ повѣтѣ въ записныхъ книгахъ помѣщаны обыкновенно среди пожалованій въ земли Смоленской, что служить косвеннымъ указаніемъ на принадлежность Брянска въ изучаемое время къ пригородамъ Смоленской земли.

Въ Брянскомъ повѣтѣ, вромѣ вельможнскихъ волостей, находились нѣкоторые крупныя частновладѣльческія имѣнія. Таковы были, напр.: *Трубчевскъ* отчинное владѣніе потомковъ Дмитрія Ольгердовича Брянскаго ¹³⁵²); *Почина* (нынѣ мѣстечко на р. Судостѣ въ Мглинскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи), который Казимиръ пожаловалъ пану Захарѣ (Трипѣ?) вмѣстѣ съ Сѣтолоскою, Бабинною землею и Шумромою „въ вотчину“ ¹³⁵³); судя по географическому положенію, — *Радюшица*, принадлежавшій пану Олехну, который держалъ въ немъ своего *маньстника* или *авсводну*, какъ выражаются московскіе акты ¹³⁵⁴); и наконецъ, быть можетъ, *Кромъ* или *Кромы*, владѣтели которыхъ, князья Кромскіе, въ актахъ фигурируютъ въ числѣ Брянскихъ землевладѣльцевъ ¹³⁵⁵) и др.

Княжество *Вяземское*, принадлежавшее также съ составу Смоленской земли, сколько можно судить по отрывочнымъ указаніямъ историковъ, занимало бассейнъ р. Вязмы, лѣвыхъ притоковъ Угры и Вазузы съ Гжатью, т. е. приблизительно нынѣшніе уѣзды Вяземскій, Сыновскій, Гжатскій и сѣверозападную часть Южновскаго. Изъ пере-

¹³⁴⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 117, 118.

¹³⁴⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 127.

¹³⁵⁰) Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. XXXV, 20.

¹³⁵¹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 76.

¹³⁵²) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 117, 118.

¹³⁵³) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 27.

¹³⁵⁴) Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. XXXV, 60.

¹³⁵⁵) Литов. Метр. кн. Запис. III л. 26.

говоромъ Московскаго правительства съ литовскими послами въ князьше Ивана III узнаемъ между прочимъ, что Вяземскихъ отчинъ держалъ князь Семень Воротинскій, поималъ у швѣдъ, какъ прибавилъ къ великому князю: *Великое село* (нынѣ Великополье на Угрь Юхновскаго уѣзда), да *Волста Вереман* по лѣвому притоку Угры — князя Васильева отчина Дерлутина, да *Слободка* (село въ сѣверо-западной части Юхновскаго уѣзда), да *Моциновичи* — Особавлевичевъ отчина, да *Середее* — Шолтыки князей отчина¹³⁵⁶). — Въ 1487 году посолъ Казимира жаловался великому князю Московскому Ивану Васильевичу на брата его Андрея Васильевича, что люди его разоряютъ имѣнья князя Михаила Вяземскаго, волости *Хлепенскія* (Бывшей городокъ Хлепень находился на р. Вазузѣ, почти подъ 55° шв. широты¹³⁵⁷); а послѣ того въ другой разъ волости его побрали: *Монимск* (по р. Мониленькѣ, впадающей въ Вору, притокъ Угры?), *Негодина* (Негозино въ западной части Вяземскаго уѣзда?) и *Мицени*; потому его жъ люди забрали волость *Орехову* (нынѣ село на рѣкѣ Истрѣ, впадающей въ притокъ Угры Вору, Медынскаго уѣзда); послѣ того дворъ его Дубровскій (нынѣ село Дуброво на р. Жижолѣ, притокѣ Угры, въ сѣверной части Юхновскаго уѣзда) и волость *Дубровскую* выбрали и увели съ собою намѣстника его; волость *Ждана* (Дзатъ-Гзатъ?) выбрали¹³⁵⁷); — волость пана Иванова сына *Рогачева* (Рогачевъ на р. Осугѣ Зубцовскаго уѣзда Тверской губ.) также забрали и истребовали. Съ своей стороны московское правительство представило послу жалобу гостей Тверской земли, что прежде того на *Волочкѣ* Вяземскомъ (село Волочекъ Сычевскаго уѣзда на границѣ съ Бѣльскимъ; здѣсь былъ волокъ изъ Вазузы въ Днѣпръ) брали мѣста съ судна товарнаго по два гроша, „а нынѣчи дей князь Михайло Вяземскій прибавилъ по три гроша съ судна“¹³⁵⁸). — Въ слѣдующемъ году посолъ Казимира передавалъ Московскому правительству жалобу князя Михаила Дмитріевича и всѣхъ князей Вяземскихъ, что люди великаго князя молодого изъ Тверской земли „пришли подъ городъ князя Михайла Дмитріевича подъ Хлепень войною и мѣсто выграбили и многи люди и головами звели и шкоды великіи починили; тежъ князя Борисову Дмитріевича волость *Труфоново* (нынѣ хуторъ на рѣкѣ Вязмѣ?) завоевали и огнемъ выжгли, а князя Василья Бывалицкаго

¹³⁵⁶) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 136.

¹³⁵⁷) См. Россійскій атласъ 1792 года, карта 18.

¹³⁵⁸) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 2, 3.

¹³⁵⁹) Ibidem, 9.

(*Бывалыи* или *Холмъ*—село на сѣверѣ Вяземскаго уѣзда) *волости Негомиръ*, а другую *Сочовки* (нынѣ уѣдныи городъ Сичевка?) такоже завоевали и выграбили и много шкодъ чинили¹³⁶⁰). — Къ Вяземскимъ же владѣніямъ принадлежало и *Козлово* (нынѣ деревня Вяземскаго уѣзда при озерѣ того же имени)—вотчина князей Козловскихъ, которые были „изъ старинны Вяземскіе, тнзуть къ Вязмѣ“¹³⁶¹). Князь Левъ Козловскій при королѣ Казимирѣ владѣлъ, кромѣ Козлова, *Каменицкѣ*, *Молотою* (нынѣ село Юхновскаго уѣзда на рѣчкѣ Молоткѣ, притокѣ Жижмы, впадающей въ Урру) и *Клиноцкѣ* (нынѣ деревня на рѣчкѣ Толбицѣ Юхновскаго уѣзда)¹³⁶²; *Глинки* (на верховьѣ Москвы въ Гжатскомъ уѣздѣ) — имѣніе многочисленнаго рода князей Глинскихъ, которымъ принадлежали, кромѣ того: *Шателма* (нынѣ деревня Шателъ на р. Ворѣ Юхновскаго уѣзда), *Судилово* (нынѣ деревня того же уѣзда) и *Турье*¹³⁶³; волости князей Ярошневскихъ, лежавшія по сосѣдству съ Можайскими: *Тришиновѣ*, *Сукромно*, *Олховецѣ*, *Лыла*, *Надславль* и *Отъздецѣ*¹³⁶⁴; *Жилинѣ* (нынѣ село Вяземскаго уѣзда)—родовое гнѣздо князей Жилинскихъ¹³⁶⁵) и т. д.

На сѣверѣ княжество Вяземское не доходило до Волги, отдѣляясь отъ нея владѣніями Тверскими (Зубцовскій и Холмскій удѣлы) и *Оминско-Березуйскимъ* княжествомъ, принадлежавшимъ Москвѣ. Въ концѣ XIV вѣка, когда Витовтъ впервые занялъ Смоленскъ, князь Оминскій (по родословнымъ — изъ удѣльныхъ Смоленскихъ) вмѣстѣ съ другими пограничными князьями „приложился“ къ Витовту¹³⁶⁶). Однако Литвѣ не удалось утвердить за собою княжество Оминское: въ 1449 году великій князь Московскій Василій Васильевичъ, заключая „вѣчное перемиріе“ съ королемъ Казимиромъ, однимъ изъ условій поставилъ: „а Федора Блудова и Александрова Борисова Хлепенского и князя Романова Оминского и ихъ братья и братаничовъ отчины, земли и воды—всѣ моѣ, великого князя Васильевы“¹³⁶⁷). То же условіе повторено и въ перемирной грамотѣ великаго князя Ивана Ва-

¹³⁶⁰) Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. XXXV, 16.

¹³⁶¹) Ibidem, стр. 151.

¹³⁶²) Литов. Метр. Запис. III, л. 36.

¹³⁶³) Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. XXXV, 20, 31, 37.

¹³⁶⁴) Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. XXXV, 3, 74. Срав. Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 208.

¹³⁶⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 307.

¹³⁶⁶) Карамзина V, пр. 165.

¹³⁶⁷) Акты Зап. Рос. I, № 50.

славянина съ великий княземъ Александромъ въ 1494 году ¹²⁶⁸). На мѣстоположеніе древняго Оминско-Березуйскаго княжества указываютъ въ настоящее время: село съ городищемъ Оминское при впадении Осуги въ Вазузу Зубцовскаго уѣзда Тверской губ. и погостъ Молодой Березуй на р. Вазузѣ того же уѣзда. Обладаніе означенными волостями должно было имѣть особенное значеніе для Москвы, такъ какъ отърывало ей прямое сообщеніе съ Ржевою, которая была въ „смѣсномъ“ владѣніи Москвы, Твери и Литвы, а черезъ Ржевскій уездъ съ Новгородскими владѣніями.

На сѣверо-западъ отъ княжества Вяземскаго лежало княжество *Бѣльское*, расположенное по притокамъ рѣки Межи-Обишѣ и Лучесѣ, а также по верховьямъ Днѣпра. Такъ можно заключать по тѣмъ указаніямъ на его территорию, которая даетъ перемирная грамота 1503 года. Король Александръ обязывается здѣсь между прочимъ не воевать и не заѣмлять ничьимъ „и *Бѣлье* съ волостями, и *Верховья* (нынѣ село на р. Обишѣ), и *Большова* (на верховьяхъ Днѣпра), и *Шоштова* (на р. Лучесѣ), и *Монидовы Слободы* и иныхъ волостей“ ¹²⁷⁰). Въ княжествѣ Бѣльскомъ судъ и управу чинили князья владѣтели и ихъ намѣстники до самаго присоединенія ея въ Москвѣ.

Въ округѣ Торопецкомъ, принадлежавшемъ, какъ было уже сказано въ первой главѣ, также къ составу Смоленской земли, судъ и управу чинилъ въ первые годы Казимира князьня *тывунъ* великаго князя ¹²⁷¹), переименованный въ концу Казимира правленія въ намѣстника ¹²⁷²). При Александрѣ мы встрѣчаемся уже только съ намѣстниками Торопецкими, хотя акты по старой памяти одновременно съ тѣмъ говорятъ о дворѣ тывунскомъ въ Торопцѣ, который должны были наряжать люди волости Торопецкой и другихъ, принадлежавшихъ въ Торопецкому повѣту ¹²⁷³). Въ актахъ изучаемаго времени упоминаются слѣдующія волости Торопецкаго повѣта: *Старцова*, въ которой повинностями и податями завѣдывалъ волостной старецъ; онъ же долженъ былъ и судить въ волости въ томъ случаѣ, еслибы Торопецъ великій князь отдалъ въ держанье „тамошнему или мѣщанину або волостному челоуѣку Торопецкому“ ¹²⁷⁴); затѣмъ волости:

¹²⁶⁸) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 124—129.

¹²⁷⁰) Ibidem: 398—408.

¹²⁷¹) Акты Эмп. Рос. I, № 39.

¹²⁷²) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 54, 55.

¹²⁷³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.

¹²⁷⁴) Ibidem.

Даньково (нынѣ село Холмскаго уѣзда въ Псковской губ. на рѣкѣ Тудрѣ, впадающей въ Ловать), *Любуны* (нынѣ есть нѣсколько селъ съ такимъ названіемъ въ восточной части Торопецкаго уѣзда), *Турь* (тамъ же), *Дубна* (на р. Западной Двинѣ въ сѣверо-восточной части Торопецкаго уѣзда), *Рожня* (нынѣ сельцо Рожня на Западной Двинѣ Бѣльскаго уѣзда), *Биберева* (нынѣ деревня Сопотской волости Бѣльскаго уѣзда), уступленная Москвѣ вмѣстѣ съ Торопцомъ по договору 1503 года; *Стольно* (нынѣ село въ южной части Холмскаго уѣзда), *Унцово*, *Наволокъ* (нынѣ деревня при озерѣ Кубинѣ Торопецкаго уѣзда), *Мирилово* (нынѣ деревня Холмскаго уѣзда при озерѣ Александровскомъ и Агафоновскомъ), *Сельцо* (на р. Ловати Холмскаго уѣзда), *Тяполово* (деревня Холмскаго уѣзда на р. Серожѣ, притокѣ Куней); *Мольсье*, *Воротилоры*, *Понизове* (село на р. Серожѣ Холмскаго уѣзда). Упомянутіе объ этихъ волостяхъ находимъ въ жалобѣ на пограничныя обиды, предъявленной посломъ короля Казимира въ Москвѣ въ 1489 году¹²⁷⁴). — Судя по этимъ историко-географическимъ даннымъ, Торопецкій повѣтъ занималъ нынѣшній Торопецкій уѣздъ за исключеніемъ юго-западной части, входившей, какъ сказано выше, въ составъ Витебской земли, Холмскій уѣздъ за исключеніемъ западной части по р. Ловать, сѣверо-западную часть Бѣльскаго уѣзда.

При такомъ протязеніи Торопецкаго повѣта становится понятнымъ, какимъ образомъ могли быть въ смѣненіи владѣній Литвы и Новгорода такія волости, какъ *Молвятчи* (нынѣ село Демянскаго уѣзда Новгородской губерніи на р. Шеберихѣ, впадающей въ правый притокъ Ловати Полу), *Березовецъ* (погостъ Березовецкій при озерѣ Селигерѣ Осташковскаго уѣзда?), *Кутскъ*, *Стерожъ* (погостъ при озерѣ Стерожѣ Осташковскаго уѣзда), *Морева* (село въ юго-западной части Демянскаго уѣзда), *Сымяно*, *Жабно* (нынѣ Большіе и Малыс Жабины на р. Старицѣ, впадающей въ Полу, того же уѣзда), *Лопастичи*, *Буйцы*, *Луки* (нынѣ Великіе Луки, уѣздный городъ Псковской губерніи на р. Ловати), *Любоково* и *Заклинье* (последнія волости лежали, впрочемъ, какъ кажется, на границахъ съ Полоцкою землею и Витебскою)¹²⁷⁵).

Итакъ, собственный Смоленскій повѣтъ въ изучаемое время окруженъ былъ со стороны Москвы своего рода поясомъ княжествъ и владѣній, отдававшихся въ держанье самостоятельнымъ въ судебномъ административномъ отношеніи намѣстникамъ, при чемъ всѣ эти кня-

¹²⁷⁴) Сб. Имп. Русск. Истор. Общ. XXV, 35, 36.

¹²⁷⁵) Акты Зап. Рос. I, № 39.

кства и владѣнія въ Смоленскѣ имѣли свое военно-политическое средоточіе. Смоленскъ сдѣлался центромъ военнаго округа, виставлявшаго передовую рать противъ самаго опаснаго врага Литовско-Русскаго государства—Москвы, а его намѣстникъ главнымъ начальникомъ этого округа, политическимъ агентомъ и уполномоченнымъ великаго князя въ области, наполненной разными неблагонадежными политическими элементами.

Впрочемъ, относительно Торопецкаго повѣта нельзя утверждать категорически, что связь его съ Смоленскою землею была вечною, когда Смоленскъ подпалъ подъ власть Литвы. Наше предположеніе основано на аналогіи и на заявленіи литовскихъ пословъ южовскимъ боярамъ въ декабрь 1491 года, что съ Торопца и его волостей дань шла „въ казну“ великаго князя, находившагося, какъ извѣстно, въ Смоленскѣ¹²⁷⁶). Но нельзя, конечно, ручаться за то, что это слово передано въ статейномъ Московскомъ спискѣ подлинно и не есть переводъ литовско-русскаго „скарба“. Этимъ предположеніемъ мы ограничились за отсутствіемъ другихъ опредѣленныхъ указаній.

Сопоставляя всѣ приведенныя данныя о Смоленской землѣ, какъ области великаго княжества Литовскаго, можно приблизительно такимъ образомъ очертить ея предѣлы: вѣстѣ съ княжествами и владѣніями, тянувшими въ Смоленску въ военно-политическомъ отношеніи, она обнимала нынѣшнюю Смоленскую губернію, захватывая къ ней часть Псковской губерніи (Торопецкій уѣздъ, за исключеніемъ южовпадной озерной части, и восточную часть Холмскаго уѣзда по р. Ловать), небольшую часть Тверской губерніи (западныя пограничныя мѣстности Осташковскаго уѣзда и южныя пограничныя мѣстности Зубцовскаго уѣзда), губернію Калужскую и западныя части Орловской и Тульской (съ бассейнами верхней Овы, Зуши и впадей Упы включительно). Съ 1503 года, съ отходомъ многихъ окранныхъ городовъ и волостей къ Москвѣ, Смоленскій повѣтъ занималъ приблизительно только Порѣчскій, Духовицанскій (по р. Воль), Смоленскій, Краснинскій, Ельнинскій и Рославльскій уѣзды нынѣшней Смоленской губерніи.

XX.

На восточной сторонѣ Днѣпра, къ сѣверу отъ перечисленныхъ выше Кіевскихъ волостей, лежали волости двухъ княжествъ, образовавшихся при Казимирѣ, Чернигово-Стародубскаго и Новгородъ-Сѣ-

¹²⁷⁶) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXIV, 35.

зерскаго. Первое, которымъ владѣли Иванъ Андреевичъ Можайскій и его сынъ Семень, состояло изъ городовъ *Чернигова, Гомеля и Стародуба*, а второе, которымъ владѣлъ внукъ Шемали, князь Василій Ивановичъ, — изъ *Новгородка Спеерскаго и Рыльскаго*.

Въ 1526 году по случаю жалобы Московскаго правительства на то, что литовскіе люди вступаютъ въ волости и села Черниговскія, Стародубскія, Мглинскія и Рославльскія, король Сигизмундъ приказалъ составить описаніе границъ и сель Черниговскихъ и границъ Мглинскихъ и Рославльскихъ. Это описаніе дошло до насъ въ кони Литовской Метрики¹³⁷⁷⁾, благодаря чему мы можемъ приблизительно очертить округи или повѣты городовъ, входившихъ въ составъ Черниговскаго княжества. Этому помогаютъ также перечни сель, гминувшихъ къ соедѣннымъ городамъ — Рѣчицѣ, Горволку, Стрѣшину, Чичерску, Прохойску и Кричеву; эти перечни находятся въ статейныхъ спискахъ переговоровъ, которые велись литовскими послами въ Москвѣ въ 1526—1531 г.¹³⁷⁸⁾

Въ составъ Черниговскаго повѣта входили: село *Дистовенъ* — „отъ Гомеля граница“ (нынѣ Городианскаго уѣзда на р. Чибрежѣ, впадающей въ Сновъ); села: *Горескъ, Боросинъ* (на р. Снови того же уѣзда) и *Домылинъ* (нынѣ Домоплинъ Сосницкаго уѣзда) — „отъ Стародуба граница“; села: *Волынчю* (нынѣ Волынка Сосницкаго уѣзда), *Козлиничю* (на р. Убѣди; впадающей въ Десну того же уѣзда) и *Сосница* (нынѣ уѣздный городъ) — „рубежь зъ Новымъ Городкомъ“; село *Патинъ* (?) — „рубежь съ Путивлемъ“, „то село: остановочное на границѣ у Сулы рѣку, а Сула у Днѣпръ ушла, а то на „полю“; село *Днѣвица* „обо сю сторону Сулы рѣки“ (нынѣ Великая и Малая Дѣвица на притокѣ Удая Галѣѣ Прилукскаго уѣзда Полтавской губерніи); село *Шиловичи* „обо сю сторону Сулы“ (нынѣ Нѣжинскаго уѣзда); село *Ситниковичи* „зверхъ Остри“, *Одарчиновъ* „на низъ Остри“, *Невѣстница* „на Остры жъ“ и *Нововелица* „на Остры жъ“; село *Моросескъ* „отъ устья Остриньскаго зъ мило у верхъ по Деснѣ“ (нынѣ Остерскаго уѣзда); *Бодиновка* на Деснѣ (того же уѣзда), *Смоленъ* на Деснѣ (того же уѣзда); села: *Лабинъ* (нынѣ Слабинъ), *Шерени*, *Шостовичи* (нынѣ Шестовица), *Переконъ* (при устьѣ Снови), *Радунъ*, *Авдѣевичи* (нынѣ Авдѣевка), *Гусовичи* (нынѣ Гусовка), *Колчовъ* (нынѣ Ковчинъ) — „зверхъ по Деснѣ (Черниговскаго уѣзда); села „зверхъ по Деснѣ“

¹³⁷⁷⁾ Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ III, л. 196—199.

¹³⁷⁸⁾ Сборн. Имп. Русск. Истор. Общества XXXV, 752.

Блистовичи (нынѣ Блистово), *Ушино* (нынѣ Ушия Сосницкаго уѣзда), — *Хороборъ* (нынѣ Коропъ, мѣстечко Кролевецкаго уѣзда ¹²⁷⁹); по р. Снови: *Клочковъ* (нынѣ Блочково Черниговскаго уѣзда), *Сновескъ*, *Куриловъ*, *Мокшинъ* (Городнянскаго уѣзда), *Омческъ* (того же уѣзда); затѣмъ въ составу Черниговскаго повѣта принадлежали: село *Великая Весъ* (Городнянскаго уѣзда на границѣ съ Черниговскимъ), *Малая Весъ* и *Листвинъ Малый* (тамъ же); *Сибрыжа* на р. Болависи (нынѣ Сибрежь Черниговскаго уѣзда) и *Мезорудъ* (нынѣ Рудка того же уѣзда). На западѣ Черниговскій повѣтъ соприкасался съ повѣтомъ города Любеча; на границѣ здѣсь лежали: селище *Плохово* (нынѣ Плеховъ Черниговскаго уѣзда на притожѣ Днѣпра Покули), половина котораго была любецкая, а половина черниговская; сельцо *Кувечичи* — любецкое (на р. Свишнѣ, притокѣ Бѣлоуса Черниговскаго уѣзда), *Мамый Листвинъ* — черниговское.

Округъ города Гомья, принадлежавшаго къ Черниговскому князю, очерчиваютъ слѣдующіе пункты: село гомейское *Дуровичи* (нынѣ Новозыбковскаго уѣзда Черниговской губ.), изъ за котораго въ 1483 году шла тяжба у намѣстника Полоцкаго Богдана Андреевича Саковича съ князьями Андреемъ и Семеномъ Ивановичами ¹²⁸⁰; села гомейскія *Марковичи* (нынѣ въ южной части Гомельскаго уѣзда) и *Яриловичи* (нынѣ въ сѣверной части Городнянскаго уѣзда) ¹²⁸¹; села Рѣчицкой волости *Михалково* (нынѣ деревня Михалки Гомельскаго уѣзда между Сожемъ и Днѣпромъ) и *Борховъ* (на р. Переспѣ, впадающей въ Днѣпръ, того же уѣзда); села Стрѣшинской волости на р. Узѣ, притокѣ Сожа: *Телешиновичи* (нынѣ Телеши), *Тереничи*, *Уваровичи*, *Липичи* (нынѣ всѣ Гомельскаго уѣзда) ¹²⁸²; гомейское село *Даниловичи* на р. Начаровѣ, притокѣ Сожа (нынѣ Гомельскаго уѣзда) ¹²⁸³; гомейскій дворъ *Халче* на р. Сожѣ (нынѣ село Хальчъ Гомельскаго уѣзда) ¹²⁸⁴; села Чечерской волости: *Залъсье* (на р. Сожѣ Рогачевскаго уѣзда), *Бабичи* (того же уѣзда), *Святиловичи* (того же уѣзда на р. Бесѣди, впадающей слѣва въ Сожъ) ¹²⁸⁵.

¹²⁷⁹) См. Д. Багача Исторія Сѣверской земли до половины XIV столѣтія, стр. 147. Кіевъ 1882.

¹²⁸⁰) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 111; V, л. 1.

¹²⁸¹) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ III, л. 182—187.

¹²⁸²) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 752.

¹²⁸³) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 111.

¹²⁸⁴) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 13.

¹²⁸⁵) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 752.

На востокъ Гомейскій повѣтъ сопривадался съ Стародубскимъ, который въ свою очередь граничилъ на сѣверѣ съ Мстиславскимъ княжествомъ, на востокъ съ округомъ города Брянска, а на югѣ съ княжествомъ Новгородъ-Сѣверскимъ. На границѣ съ Мстиславскимъ княжествомъ можно указать на слѣдующіе пункты: замокъ Мстиславскаго княжества *Попову Гору* на р. Бесѣди (нынѣ Суражскаго уѣзда Черниговской губерніи)¹³⁸⁶), *Дроковъ* (нынѣ село Старый Дроковъ на р. Инути Суражскаго уѣзда), центръ особой волости, которая при великомъ князѣ Александрѣ отдавалась въ держанье особымъ намѣстникамъ изъ руки великаго князя¹³⁸⁷), село *Руховъ* (въ сѣверной части Стародубскаго уѣзда), принадлежавшее въ повѣту Мглинскому, село *Разсуха* (въ южной части Мглинскаго уѣзда), принадлежавшее къ повѣту Стародубскому и т. д. Относительно княжества Новгородскаго намъ не удалось собрать историко-географическія данныя, которыя бы опредѣлялись его территорія. Но она приблизительно очерчивается по тѣмъ указаніямъ, какія мы имѣемъ относительно сосѣднихъ повѣтовъ: Черниговскаго, Стародубскаго, Брянскаго и Кіевскихъ волостей.

Такимъ образомъ, княжества Черниговское и Сѣверское занимали нынѣшнюю Черниговскую губернію за исключеніемъ большей части Остерскаго уѣзда, небольшой юго-западной части Черниговскаго и уѣздовъ Суражскаго и Мглинскаго, большую часть Гомельскаго уѣзда Могилевской губерніи (за исключеніемъ узкой западной полосы), сѣверную часть Путивльскаго и Рыльскаго уѣздовъ Курской губерніи. Судъ и управа въ нихъ принадлежали князьямъ-владѣтелямъ и ихъ намѣстникамъ до самаго присоединенія княжествъ къ Москвѣ по договору 1503 года. Сами князья не были въ присудѣ какого-либо великокняжескаго урядника и подчинялись въ этомъ отношеніи непосредственно самому великому князю и его родѣ. Правда, что въ извѣстномъ перечнѣ городовъ, помѣщенномъ въ Воскресенской лѣтописи, города Чернигово-Сѣверскіе поставлены въ числѣ Кіевскихъ; но связь ихъ съ Кіевомъ была только военная, если только была. Связь эта установилась, повидимому, въ то время, когда вся южная половина Литовско-Русскаго государства сгруппировалась вокругъ Свибригелла въ оппозиціи Сигизмунду Кейстутовичу, утвердившемуся на великокняжескомъ столѣ. По крайней мѣрѣ, та группировка городовъ, которую мы находимъ въ Воскресенской лѣтописи, и которая въ из-

¹³⁸⁶) Акты Зап. Рос. I, № 18; Слав. Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ III, л. 182—187.

¹³⁸⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 277, 278.

вѣстной мѣрѣ, отражаетъ современное ея составленію политическое дѣленіе, всего болѣе подходитъ къ времени 1432—1440 г. Намъ не удалось найти указаній на то, существовала ли эта связь позднѣе 1440 г.

XXI.

Все, сказанное въ этомъ очеркѣ, сводится къ слѣдующимъ положеніямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя найдутъ себѣ дальнѣйшее развитіе въ послѣдующихъ очеркахъ.

1. Органами общаго управленія въ областяхъ Литовско-Русскаго государства были первоначально намѣстники и тивуны.

2. Со времени сближенія съ Польшею намѣстники, чинившіе судъ и управу въ центрахъ бывшихъ удѣльныхъ княжествъ и вообще особцхъ владѣній, представлявшихъ цѣлыя группы связанныхъ между собою политически волостей, стали именоваться по польскому приѣру старостами.

3. Такимъ образомъ, названіе „староста“ утвердилось за главнымъ намѣстникомъ Жмудской земли, затѣмъ за намѣстникомъ Луцкимъ, а въ началѣ XVI в. за главными намѣстниками земли Берестейской и округъ Подляшья, бывшаго Гродненскаго княжества и Ковенскаго округа.

4. Это переименованіе не сопровождалось измѣненіями въ ихъ должностномъ значеніи; измѣненія происходили помимо и независимо отъ этого переименованія.

5. Въ концѣ изучаемаго времени названіе „староста“ стало переходить и на другихъ намѣстниковъ, которые *de facto* пользовались болѣею самостоятельностью, сравнительно съ другими, и подъ властью которыхъ были болѣе крупные округа, чѣмъ у другихъ.

6. Главные намѣстники въ бывшихъ княжествахъ: Виленскомъ, Троцкомъ, Киевскомъ, Полоцкомъ, Витебскомъ и Смоленскомъ переименованы были въ подражаніе Польшѣ въ воеводъ, при чемъ изъ Польши заимствована была и стала осуществляться въ жизни идея воеводы, какъ главы и представителя мѣстнаго шляхетства.

7. По отношенію къ Виленскому и Троцкому намѣстникамъ эта идея выразилась въ распространеніи значенія ихъ, какъ военачальниковъ, и на тѣ территоріи, которыя не состояли подъ властью ихъ, какъ главныхъ намѣстниковъ; при случаѣ для этихъ территорій они являлись даже и главными шляхетскими судьями. Но при этомъ они, какъ были, такъ и остались главными намѣстниками въ бывшихъ княжествахъ Виленскомъ и Троцкомъ, рѣзко отличаясь въ этомъ отношеніи отъ польскихъ воеводъ.

8. Составъ Виленскаго и Троцкаго воеводства въ общемъ опредѣлился тѣмъ военно-политическимъ дѣленіемъ собственной Литовской земли и тѣсно примыкавшихъ въ ней Руси литовской и Берестейско-Подляшской области, которое установилось при Ольгердѣ и Кейстутѣ и было вызвано жизненными потребностями Литовско-Русскаго государства; кромѣ того, между Виленскимъ и Троцкимъ воеводствами были распределены княжества и владѣнія въ Полѣсьѣ, которое съ половины XIII вѣка тѣсно примынуло къ собственной Литовской землѣ.

9. Такимъ образомъ, учрежденіе Виленскаго и Троцкаго воеводства только закрѣпило то военно-политическое дѣленіе, которое дано было исторіею Литовско-Русскаго государства въ XIV в.

10. По отношенію къ главнымъ намѣстникамъ земель Киевской, Полоцкой и Витебской идея польскаго воеводы закрѣпила только и оформила то значеніе, которое и безъ того перешло къ нимъ, по наслѣдству отъ удѣльныхъ князей.

11. Смоленскій намѣстникъ и до переименованія своего въ воеводу въ силу мѣстныхъ условій и обстоятельствъ сдѣлался политическимъ представителемъ и военачальникомъ округа, предѣлы котораго были гораздо шире его судебно-административнаго повѣта.

12. Въ Жмудской землѣ значеніе воеводы принадлежало старостѣ, который и назывался первоначально воеводою.

13. Въ Волынской землѣ политическое представительство и начальство надъ военными силами принадлежали по наслѣдству отъ удѣльнаго Волынскаго князя старостѣ Луцкому, при которомъ въ качествѣ помощника состоялъ маршалокъ земли Волынской, оставшійся отъ времени Свидригелла; обѣ эти должности часто находились въ однихъ рукахъ.

14. Правительственное единство Подольской земли утверждалось въ изучаемое время по большей части фактически, предоставленіемъ ея въ управленіе одному лицу.

15. Чернигово-Сѣверская земля подъ литовскимъ владычествомъ продолжала оставаться политически разбитою и не организовалась въ область съ однимъ правительственнымъ средоточіемъ.

16. Титулъ воеводы, данный намѣстнику Новгородскаго повѣта, не возвысилъ его въ области, гдѣ онъ былъ на положеніи намѣстниковъ-старостъ Берестейскаго, Гродненскаго и Ковенскаго, а повысилъ его въ радѣ великаго князя.

17. Званіе воеводы Подляскаго въ изучаемое время было титулярнымъ, давало не мѣсто въ области, а въ радѣ великаго князя.

18. Воеводы и старосты по наслѣдству отъ удѣльныхъ князей

получили высшую судебную-административную власть въ округахъ, которые въ удѣльное время были особыми владѣніями.

19. Въ пригородахъ и на волостяхъ этихъ владѣній судъ и управу чинили: во первыхъ, намѣстники воеводъ и старостъ до ихъ уподомочію; во вторыхъ, великокняжескіе намѣстники и тивуны изъ мѣстныхъ князей, пановъ и бояръ, назначенные государемъ по представленію воеводъ и старостъ (въ Жмудской землѣ тивуны по назначенію старосты) и подчиненные имъ, какъ высшей правительственной инстанціи.

20. Эти намѣстники и тивуны правили или неопредѣленное время, „до воли“ господара, или пожизненно, „до живота“ своего, или, наконецъ, по очереди по годамъ, „волею“, какъ бояре въ русскихъ областяхъ.

21. Составъ волостей, отдававшихся въ держаніе урядникамъ перечисленныхъ разрядовъ, былъ опредѣленъ обычаемъ и держался болѣе или менѣе устойчиво въ теченіе изучаемаго времени; годовые намѣстники чинили судъ и управу, повидному, въ такихъ волостяхъ, гдѣ не было собственнаго хозяйства великаго князя.

22. Великокняжескіе намѣстники и тивуны, державшіе волости „до воли“ великаго князя или „до живота“ своего, за исключеніемъ тивуновъ Жмудской земли, ко времени изданія Статута были переименованы болѣею частью въ державцевъ въ параллель польскимъ *tenutarii*; при этомъ тивуны были переименованы сначала въ намѣстниковъ, а потомъ на ряду съ другими въ державцевъ.

23. Это переименованіе не сопровождалось и не вызывалось какими-либо измѣненіями въ ихъ должностномъ значеніи.

24. Для обозначенія округовъ, которыми управляли воеводы, старосты, намѣстники-державцы и тивуны, употреблялось по старой памяти старинное русское слово „волость“, но гораздо чаще замѣствованное у поляковъ слово „повѣтъ“; изрѣдка въ этомъ значеніи употреблялось и слово „держава“.

25. Въ составъ Виленскаго воеводства входили: во первыхъ, судебную-административный округъ Виленскаго воеводы, заключавшій въ себя волости бывшаго Виленскаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ, изъ которыхъ многія въ изучаемое время принадлежали князьямъ, панамъ и церкви, и нѣкоторыя витебскія; во вторыхъ, судебную-административный округъ Новгородскаго намѣстника-воеводы, заключавшій въ себя волости бывшаго Новгородскаго княжества, въ числѣ которыхъ были также княжескія и панскія; въ третьихъ, удѣльныя княжества Слуцкое, Клецкое и Мстиславское, при чемъ нѣкоторыя волости этого послѣдняго въ изучаемое время были уже великокняжескими.

26. Территорія Виленскаго воеводства обнимала въ себѣ: нижніе Виленскій, Ошмянскій, Вилейскій и Свенцянскій уѣзды Виленской губерніи, западную часть Дисненскаго уѣзда (по р. Березвечь, впадающую въ Дисну, и Волгу, впадающую въ Западную Двину) и небольшую восточную часть Лидскаго уѣзда той же губерніи; Новоалександровскій и большую восточную часть Вилькомирскаго уѣзда Ковенской губерніи; восточныя пограничныя мѣстности Слонимскаго уѣзда Гродненской губерніи; губернію Минскую за исключеніемъ Пинскаго, Мозырскаго и большей южной части Рѣчицкаго уѣздовъ и сѣверной части (по Березину и ея притокъ Сергуть) Борисовскаго уѣзда; губернію Могилевскую за исключеніемъ небольшой сѣверо-западной части Могилевскаго уѣзда, большей части Сѣнинскаго, всего Оршанскаго и Горецкаго уѣздовъ и большей части Гомельскаго; и, наконецъ, Суражскій и западную часть Мглинскаго уѣзда Черниговской губерніи. Иначе говоря, Виленское воеводство въ изучаемое время заключало въ себѣ территоріи позднѣйшихъ воеводствъ Виленскаго, Новгородскаго, Минскаго, Мстиславскаго и часть Витебскаго.

27. Въ составъ Троцкаго воеводства входили: во первыхъ, судебно-административный округъ Троцкаго воеводы, заключавшій въ себѣ волости бывшаго Троцкаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ, изъ которыхъ многія принадлежали въ изучаемое время князьямъ и панамъ; во вторыхъ, судебно-административные округа намістниковъ-старостъ Ковенскаго, Городенскаго, Берестейскаго, Бѣльскаго, Дорогицкаго и Мельницкаго, которые нѣкогда были также отдѣльными владѣніями и въ составѣ которыхъ въ изучаемое время было много княжескихъ и панскихъ волостей; въ третьихъ, княжества Кобринское, Пинское, Городецкое и Туровское.

28. Территорія Троцкаго воеводства обнимала въ себѣ: нижній Троцскій и почти весь Лидскій уѣзды Виленской губерніи; восточныя части Ковенскаго и Поневѣжскаго уѣздовъ (по р. Неважу) и западную небольшую часть Вилькомирскаго уѣзда Ковенской губерніи; губерніи Сувальскую и Гродненскую (за небольшими исключеніями на востокѣ); сѣверную часть (по р. Лынь) Щучинскаго и Мазовецкій уѣзды Ломжинской губерніи; Соколовскій, Яновскій, Бѣльскій и Владавскій и восточную часть Венгровскаго, Сѣдлецкаго и Радвинскаго уѣздовъ Сѣдлецкой губерніи; Пинскій и сѣверо-западную большую часть Мозырскаго уѣзда Минской губерніи. Иначе говоря, Троцкое воеводство въ изучаемое время заключало въ себѣ территоріи позднѣйшихъ воеводствъ Троцкаго, Подляскаго и Брестскаго.

29. Правительственный округъ Жмудскаго старосты заключалъ въ себѣ: нижній Тельшовскій, Россіенскій, Шавельскій и тѣ части

Ковенскаго и Цоневѣжскаго уѣздовъ Ковенской губерніи, которые лежать на право отъ р. Невяжи.

30. Земля Волинская состояла изъ Луцкаго, Владимирскаго и Кременецкаго повѣтовъ, которые опредѣлены были удѣльными дѣленіемъ на княжества Луцкое, Владимирское и Кременецкое; большая часть Волинскихъ волостей въ изучаемое время принадлежала князьямъ и панамъ.

31. Волинская земля занимала приблизительно территорію нынѣшней Волинской губерніи безъ той ея части, которая лежитъ къ востоку отъ рр. Случи и Уборти, съ нѣкоторыми пограничными мѣстностями Цинскаго уѣзда Минской губерніи, Проскуровскаго и Литинскаго уѣздовъ Подольской губерніи, Тарнопольскаго и Бродскаго округовъ восточной Галиціи.

32. Правительственный округъ Кіевскаго воеводы опредѣляется составомъ волостей и владѣній, принадлежавшихъ Кіевскимъ князьямъ XIV и XV вв. съ исключеніемъ литовскаго Подоля.

33. Территорія его обнимала: восточную часть нынѣшней Волинской губерніи (по рр. Уборть и Случь); губернію Кіевскую безъ уѣздовъ Звенигородскаго, Уманскаго, Таращанскаго, Липовецкаго и южной половины Бердичевскаго; юго-восточную часть Мозырскаго и южную половину Рѣвизскаго уѣзда Минской губерніи; почти весь Остерскій уѣздъ Черниговской губерніи, почти все Посемье (до 1503 года), Посулье и бассейны Псела, Ворсклы и верхняго Донца до Оскола въ Полтавской, Харьковской и Курской губерніяхъ.

34. Въ составъ Смоленскаго воеводства входили: во первыхъ судебно-административный округъ Смоленскаго намѣстника-воеводы, заключавшій въ себѣ волости, которыя принадлежали послѣднимъ Смоленскимъ князьямъ, и изъ которыхъ многія въ изучаемое время перешли во владѣніе служилыхъ князей и пановъ; во вторыхъ (до 1503 года), судебно-административные округа Торопецкій, Брянскій, Мценскій и Любутскій, которые въ качествѣ отдѣльных владѣній вошли въ составъ Литовско-Русскаго государства не въ одно время съ собственнымъ Смоленскимъ повѣтомъ; въ третьихъ (до 1503 г.), княжество Бѣльское, Вяземское и верхнеокскія (Черниговскаго рода).

35. Территорія Смоленской земли съ ея пригородами до 1503 г. обнимала приблизительно всю нынѣшнюю Смоленскую губернію, захватывая къ ней Торопецкій уѣздъ Псковской губерніи (за исключеніемъ юго-западной, озерной части) и восточную часть Холмскаго (по р. Ловать), западныя пограничныя мѣстности Осташковскаго и южныя Зубцовскаго уѣзда Тверской губ., губернію Калужскую и западныя половины Орловской и Тульской съ бассейнами верхней Оки,

Зуши и нижней Уши включительно); съ 1503 г. по 1514 приблизительно только Порѣчскій, Духовщинскій, Смоленскій (по р. Вовь), Краснинскій, Ельнинскій и Рославльскій уѣзды Смоленской губерніи.

36. Витебское воеводство состояло изъ волостей и владѣній, принадлежавшихъ Витебскимъ князьямъ XIV в. (за небольшими исключеніями на югѣ) и изъ владѣній подручныхъ имъ князей Друцкихъ.

37. Территорія его въ наибольшемъ протяженіи обнимала: почти весь нынѣшній Витебскій уѣздъ, Городовскій уѣздъ за исключеніемъ небольшой полосы на западѣ (отъ р. Оболи); Велижскій и юго-западную часть Торопецкаго (до 1503 года); небольшую часть Порѣчскаго уѣзда Смоленской губ.; Оршанскій и Горецкій уѣзды, сѣверо-восточную часть (отъ р. Усвяды) и южную часть (отъ р. Бобра) Сѣнинскаго уѣзда и нѣкоторыя пограничныя мѣстности Могилевскаго уѣзда Могилевской губерніи.

38. Полоцкое воеводство состояло изъ волостей и владѣній, принадлежавшихъ удѣльнымъ Полоцкимъ князьямъ XIV вѣка, а также изъ волостей подручныхъ имъ князей Лукомскихъ.

39. Территорія его обнимала: нынѣшніе Себежскій, Дриссенскій, Помоцкій и Ленельскій уѣзды Витебской губерніи; юго-западную большую часть Витебскаго уѣзда, западную часть Сѣнинскаго уѣзда (по р. Усвяду, впадающую въ Западную Двину); сѣверную часть Борисовскаго уѣзда Минской губ. (по Березину и ея притокъ Сергутъ); сѣверо-восточную часть Дисненскаго уѣзда Виленской губ. (по Березвечъ, притокъ Дисны, и Волту, притокъ Западной Двины).

40. Между Смоленскимъ и Кіевскимъ воеводствами находились (до 1503 года) княжества Чернигово-Стародубское и Новгородъ-Сѣверское, обнимавшія нынѣшнюю Черниговскую губернію за исключеніемъ большей части Остерскаго уѣзда, небольшой юго-западной части Черниговскаго и уѣздовъ Суражскаго и Мглинскаго, почти весь Гомельскій уѣздъ Могилевской губерніи, сѣверную часть Путивльскаго и Рыльскаго уѣздовъ Курской губерніи.

41. Браславскій, Вѣницкій и Звенигородскій повѣты литовскаго Подолья обнимали: нынѣшніе Балтскій, Ольгопольскій, Ямпольскій, Брацлавскій и Винницкій уѣзды Подольской губерніи; уѣздъ Литвинскій той же губерніи за исключеніемъ сѣверной части (по р. Бугъ); южную часть Вердичевскаго и Сквирскаго (по р. Растваницу, впадающую въ Рось) уѣздовъ Кіевской губерніи, уѣзды Таращанскій, Звенигородскій, Уманьскій и Липовецкій Кіевской губерніи.

О ЧЕРКЪ Ш.

Составъ общества въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ и должностная дѣятельность сихъ послѣднихъ.

Задачи управленія намѣстниковъ-державцевъ. — Господарскіе дворы и дворцы въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ и дворныя земли и угодья. — Провожденіе этихъ пашень и угодій въ связи съ вопросомъ объ отношеніи господарской власти къ землевладѣнію вообще. — Членскіе повинности при господарскихъ дворахъ, какъ рабочая сила; ея содержаніе. — Тяглые господарскіе крестьяне и ихъ служба; дякло, новлава и другія подати эти, какъ дополненія къ тяглой службѣ; осадники изъ тяглыхъ крестьянъ и ихъ повинности. — Брестяне различныхъ специальныхъ службъ по господарскому хозяйству: бортички, боброньки, оочники, лопцы, псарцы, сокольники, свишули, рыболовы, конюхи, кобыльники, ройтиники, лоты, коловерницы, огородники, сторожа, новонники, кухаря, садовники и др.; ихъ частныя и общія повинности. — Брестяне, несшіе специальныхъ службъ по господарскому хозяйству сообразно съ своими особенными промыслами: кавалы, влещачи, росатинники, дойлады, сачники, бандары, судицы, крадцы, мурали, отрихари, желовники, гончары, ножоманы, стриженики, рыболовы, соляники, рудники, угольники, дегтари, млынары и др.; ихъ частныя и общія повинности (толона). — Данники; дань грешовая, медовая, бобровая, купчая, бѣловья, житная, пшеничная и другіе платимыя барщинныя повинности даншавъ; дулашники и ясачники. — Количественное преобладаніе даншавъ въ составѣ крестьянскаго населенія Подлянскихъ и Задвинскихъ волостей. — Служба; ея экономическое и юридическое положеніе въ составѣ сельского населенія Литовско-Русскаго государства. Разряды слугъ: путные, панцирные, щитные, досѣбные, кофные; ихъ частныя и общія повинности, военныя и крестьянныя. — Общія названія для всехъ крестьянъ, оставившихъ господарскую волость въ гѣшовыя земли. — Учасіе въ работахъ по господарскому хозяйству господарскихъ вѣщавъ и владѣльческихъ крестьянъ. — Дѣятельность и отчетность намѣстниковъ-державцевъ по веденію экономіи господарскихъ дворовъ въ Виленскомъ и Гродненскомъ повѣтахъ. — Слабое развитіе этой дѣятельности въ другихъ областяхъ великаго княжества въ связи со слабымъ развитіемъ самаго господарскаго хозяйства; причинами этого. — Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по обеспеченію

господарскаго хозяйства необходимымъ капиталомъ и крестьянскимъ трудомъ. — Вопросъ о прикрѣпленіи литовско-русскихъ крестьянъ въ литературѣ и неудовлетворительная постановка изслѣдованій. — Непохожіе люди въ господарскихъ волостяхъ; обязательственный характеръ прикрѣпленія. — Мнѣнія по вопросу о происхожденіи этого класса. Значеніе юридическаго принципа давности въ прикрѣпленіи господарскихъ крестьянъ; его историко-экономическія основы и ограниченія; особое положеніе крестьянъ въ Подиѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ. — Личный характеръ прикрѣпленія частновладѣльческихъ крестьянъ; влияние нѣмецко-польскаго шляхетскаго права. Принципы земской давности въ прикрѣпленіи частновладѣльческихъ крестьянъ. — Происхожденіе крестьянскихъ пустощинъ въ господарскихъ волостяхъ; борьба крестьянства съ нуждою въ капиталѣ и ея общинный исходъ. — Правительственная помощь крестьянству въ этой борьбѣ и ея недостаточность; продажа крестьянами своихъ земель и неправильныя сужденія по поводу ея въ литературѣ. — Вольные похожіе крестьяне въ Литовско-Русскомъ государствѣ; происхожденіе этого класса. — Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по осадѣ крестьянъ въ господарскихъ волостяхъ. — Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по организаціи крестьянскихъ службъ; старина крестьянскихъ повинностей, какъ принципъ въ этой дѣятельности. — Титуны на господарскихъ дворахъ, какъ помощники намѣстниковъ-державцевъ по распорядительной дѣятельности и надзору за работами; ихъ происхожденіе и прототипы. Титуны на мѣстоимѣніи намѣстниковъ-державцевъ; ихъ происхожденіе и прототипы; постепенная замѣна ихъ намѣстниками-державцами и ея причины. Титуны въ роли блюстителей господарскаго имущества и доходовъ. — Собственными крестьянскія власти въ различныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства: пристава, сотники, сорочники, десятники, приказники, старцы; ихъ происхожденіе и назначеніе въ ряду другихъ властей, въ частности — при намѣстникахъ-державцахъ. — Крестьянскія земли-единицы обложения службами и податями; ихъ происхожденіе, составъ, порядокъ владѣнія ими и пользованія. — Дворныя, семьяца или велица, жеребья и волоки, какъ единицы обложения; ихъ территориальное распространеніе. — Вопросъ объ общинномъ землевадѣніи литовско-русскихъ крестьянъ въ новѣйшей литературѣ; неправильность метода въ его рѣшеніи. — Порядокъ отбыванія въ господарскихъ волостяхъ крестьянскихъ повинностей; волостныя разметы и порубы; роль крестьянскихъ властей. — Намѣстники-державцы въ роли сборщиковъ податей съ господарскихъ крестьянъ. — Надати таварскаго происхожденія съ господарскихъ и частновладѣльческихъ крестьянъ: подымщина, воловщина, поголовщина, посохища, серебщина и ордынщина (съ мѣщанъ и крестьянъ); ихъ назначеніе и роль намѣстниковъ-державцевъ въ сборѣ ихъ. — Оброчныя статьи господарскаго хозяйства въ завѣдываньи намѣстниковъ-державцевъ. — Стажи и подводы, какъ общія повинности господарскихъ и частновладѣльческихъ крестьянъ; изъятія отъ этихъ повинностей; участіе намѣстниковъ-державцевъ въ ихъ сборѣ. — Общественное положеніе господарскихъ мѣщанъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ. — Ихъ барщинныя повинности, натуральныя и денежныя подати; административное участіе намѣстниковъ-державцевъ въ от-

правленіи мѣщанскихъ повинностей.—Торговья пошлины, промисловыя налоги и доходы съ регалій, собиравшіяся намѣстниками-державцами въ господарскихъ мѣстахъ: мостовое, помѣрное, вага или вѣсее, торговые пенсы съ кѣтокъ и сборы съ ятовъ мясныхъ, капщина, корчонныя пенсы, доходы съ воскобаенъ, и суконныхъ постригаленъ; отдача ихъ на откупъ частнымъ лицамъ и мѣщанскимъ обществамъ при дарованіи магдебургскаго права.—Мыто старое, восковыя и соляныя пензы; отдача ихъ къ вѣрной ругѣ или на откупъ.—Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по населенію мѣстъ и устройству мѣщанскаго землевладѣнія; правительственное содѣйствіе ихъ военнотруженику классу въ приобрѣтеніи недвижимой собственности въ мѣстахъ.—Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по устройству и ремонту крѣпостей, мостовъ и военныхъ дорогъ, по организаціи сторожи и погони за непріятелемъ; участіе во всемъ этомъ мѣстнымъ обществомъ.—Намѣстники-державцы въ роли начальниковъ мѣстныхъ военныхъ силъ; крестьяне, мѣщане, татары, казаки, бояре, земляне и ихъ почти въ составѣ этихъ силъ; хоружіе, какъ помощники намѣстниковъ-державцевъ.—Бояре и земляне, какъ общественный классъ; распредѣленіе ихъ по областямъ и происхожденіе; шляхетство.—Порядокъ обложенія военною повинностью въ Литовско-Русскомъ государствѣ; принципъ службы съ земли и его поправки въ изучаемое время.—Типы земельныхъ владѣній, съ которыхъ шла военная служба: вотчины, купли, выслуги до воли, до живота, до двухъ животовъ и на вѣчность; различія въ правѣ владѣнія ими.—Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по устройству военнотруженикаго землевладѣнія.—Обязанность личной военной службы для землевладѣльцевъ и изыятія изъ нея; составъ землевладѣльческихъ почтовъ.—Судебная дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ; общественныя классы, состоявшіе подъ ихъ присудомъ, и отличіе намѣстниковъ-державцевъ въ этомъ отношеніи отъ тивуновъ.—Ограниченія судебной дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ, вытекавшія изъ вотчинной юрисдикціи землевладѣльцевъ, мѣстской юрисдикціи по магдебургскому праву, юрисдикціи земскихъ судовъ.—Кругъ дѣлъ, подлежащихъ разбирательству намѣстниковъ-державцевъ; особыя суды при намѣстникахъ-державцахъ; ихъ происхожденіе и дѣятельность.—Штатъ должностныхъ лицъ, состоявшихъ при намѣстникахъ-державцахъ, и ихъ дѣятельность.—Судебно-административная дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по возбужденію отъ центрального правительства.—Доходы намѣстниковъ-державцевъ при отправленіи своей должности; доходы по заставнымъ листамъ и особымъ привилегіямъ.—Плата господарю, воеводамъ, старостамъ отъ намѣстничества и ея замѣна челоубитьемъ.—Сроки держаній и порядокъ ихъ отобранія; ограниченіе возрѣнія на намѣстничество, какъ на кормленіе.—Общія выводы.

I.

Въ 1499 году великій князь Александръ, разобравъ недоразумѣнія, возникшія между намѣстникомъ Минскимъ кн. Богданомъ Ивановичемъ Жеславскимъ и мѣщанами Минскими по поводу намѣстничьяго присуда и доходовъ, въ судномъ мѣстѣ писалъ между прочимъ: „та-

всѣмъ признавали есмь войту, бурмистромъ и радцамъ и всѣмъ мѣщаномъ, а жбы намѣстника нашего во всемъ послушны были въ нашихъ дѣлахъ по тому, какъ и самихъ насъ¹⁾. Такимъ образомъ, изъ устъ самаго правительства мы получаемъ опредѣленіе должности намѣстника-державцы, какъ представителя великаго князя въ данномъ округѣ, агента по его господарскимъ дѣламъ²⁾.

Дѣла эти были довольно разнообразны. Въ каждомъ данномъ округѣ обыкновенно велось собственное хозяйство великаго князя частью рабскимъ трудомъ, но большею частью трудомъ великокняжескихъ крестьянъ или „людей“. Великокняжескіе люди, кромѣ того платили своему господарю различныя подати съ своихъ земель деньгами и натурою и несли различныя повинности. Больше всего дѣлъ у великаго князя въ данномъ повѣтѣ или волости было именно по веденію своего хозяйства и по управленію крестьянскимъ обществомъ, т. е. по устройству крестьянскаго землевладѣнія и служебъ, по сбору податей и взысканію повинностей, по суду надъ крестьянами и т. д. Менѣе дѣлъ было по управленію торгово-промышленными людьми, жившими въ господарскихъ „мѣстахъ“, потому что эти люди были малочисленнѣе сельскаго земледѣльческаго населенія, и потому что многія „мѣста“ въ изучаемое время получили право самоуправленія. Сравнительно съ крестьянами мало давали правительственной работы и различныя военно-служилые люди, державшіе свои имѣнья „подъ господаремъ“, какъ, напримѣръ, бояре и земяне. Ихъ самихъ было, конечно, гораздо меньше, чѣмъ господарскихъ крестьянъ; повинности и платежи съ ихъ имѣній не были такъ многочисленны и разнообразны, какъ съ крестьянскихъ земель; людьми, жившими на ихъ земляхъ, они преимущественно управляли сами, такъ что приходилось главнымъ образомъ судить и рязать ихъ лично. Еще меньше приходилось имѣть дѣло съ владѣльцами и населеніемъ такихъ имѣній, которыя были пожалованы великимъ княземъ изъ состава волости или повѣта „со всимъ правомъ и панствомъ и власностью, ничего на себе не оставляючи“, или въ такомъ видѣ унаслѣдованы были частными лицами. Какъ показываетъ самая формула пожалованья, великій князь отрекался отъ всѣхъ своихъ правъ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, которыя онъ имѣлъ на всѣ имѣнья въ государствѣ въ качествѣ представителя верховной политической власти, что иногда и оговаривалось

¹⁾ Литов. Метр. кн. Занис. VI, л. 148.

²⁾ Справ. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № VII

прямо въ жалованной грамотѣ. Такимъ образомъ, напримѣръ, король Сигизмундъ въ 1513 году утвердилъ за паномъ Богушемъ Боговити-политчемъ и его братьею имѣнья ихъ отчужденныя, выслуженныя и купленныя, *nihil juris domini et proprietatis in eisdem bonis et hominibus pro nobis et successoribus nostris reservantes in perpetuum, jurebus nihilominus nostris ducalibus semper per omnia saecula permanentibus* ³⁾. Владѣльцы такихъ имѣній, бывшіе въ нихъ полными владѣльцами, несли съ нихъ только военную повинность, которую они выполняли своими боярами и слугами, городовую (по постройкѣ укрѣпленій) и дорожную (по устройству большакихъ дорогъ), для выполнения которыхъ они выгоняли своихъ крестьянъ; иногда, время того, должны были давать подводы проезжающему господарю или его посламъ и лонцамъ и т. д. Государское дѣло по отношенію къ такимъ имѣньямъ состояло главнымъ образомъ въ понужденіи ихъ къ выполненію лежащихъ на нихъ немногихъ государственно-земскихъ повинностей, а также въ обезпеченіи посредствомъ суда личнаго и имущественнаго правъ ихъ населенія отъ нарушенія сторонними лицами изъ мѣстнаго общества. Наконецъ, по отношенію къ церковнымъ имѣньямъ, которыя большою частью освобождены были отъ всякихъ повинностей, государственное дѣло состояло главнымъ образомъ въ защитѣ ихъ населенія отъ обидъ и притѣсненій со стороны востороннихъ людей, а также этихъ послѣднихъ отъ обидъ и притѣсненій со стороны церковныхъ людей, буде церковныя власти не давали надлежащаго удовлетворенія. По всемъ перечисленнымъ дѣламъ намѣстникъ-державца былъ представителемъ и агентомъ великаго князя въ своемъ округѣ или повѣтѣ.

II.

Начнемъ съ собственнаго хозяйства великаго князя. Въ каждомъ округѣ, которымъ управлялъ намѣстникъ-державца или тивунъ, находилось обыкновенно нѣсколько великокняжескихъ *дворовъ и дворцовъ*. Такъ назывались собственно усадьбы, въ которыхъ находились хоромы и клѣти для великокняжескихъ урядниковъ и челяди и разныя хозяйственныя постройки для храненія хозяйственныхъ припасовъ, какъ-то: подклѣти и погреба, свирни (амбары), клуни (риги) и гумна, стаи (хлѣва), околы и т. д. Въ нѣкоторыхъ дворахъ, которые находились на пути государскихъ проездовъ изъ Литвы въ Польшу

³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII л. 570—572.

посоветъ (путевна дрова) находились помещенія для великаго князя и царицы святыя⁴⁾. Тамъ же находились и дворянскія имѣнія. Такъ, Тамбурскія быдла живъ въ городахъ великокняжескихъ или замкахъ, или въ мѣстахъ, или въ селахъ, или, наконецъ, въ одиночку, на подобіе помещикъ или въ нѣкихъ хуторовъ. Такъ, напр., господарскій дворъ былъ въ замкѣ или городѣ Минскомъ. Въ 1499 году сидѣвшій въ этомъ городѣ наместникъ князь Борданъ Жеславскій жаловался великому князю, что какъ мѣщане не хотятъ мына городского справляти и требли сызати по давному⁵⁾, и затѣмъ: „которыя злодѣи съ полчиныи приводить до мѣста Мѣнскаго або которыя влечи або животина приоблудная, то войты все собѣ бирали, а ему, наместнику нашему, до и дѣла нашего ничого не давали“⁶⁾. Господарскій дворъ былъ и въ великомъ Каменецкомъ, какъ это открывается, напримѣръ, изъ листа выданнаго въ 1518 году пану Богуту Воговитуновичу на держанье въ „заставѣ“ Каменца со всѣми его доходами⁷⁾. При замкахъ или городахъ обыкновенно находились и поселенія торговопромышленныя людей или мѣста. Но иногда замка или города не было, былъ только господарскій дворъ и при немъ мѣсто. Такъ былъ, напримѣръ, дворъ Девали, который держалъ въ „заставѣ“ вмѣстѣ со всѣми доходами панъ Богутъ передъ тѣмъ, какъ получилъ въ „заставу“ Каменецъ⁸⁾. Господарскіе дворы находились и въ селахъ, какъ это видно изъ многочисленныхъ пожалованій дворовъ съ „людьми“, при чемъ иногда точно обозначается и количество ихъ. Такимъ образомъ, въ замкѣ или пожалованій Баашира читаемъ, напр.: „панъ Шедиборовой подлѣ Шариунъ дворъ панский а въ тому десять чоловѣковъ“; или: „у Гомея Гарману Радивоновичу дворъ Халче съ людьми и со всеми“⁹⁾. Такие дворы, впрочемъ, чаще всего назывались дворцами. Въ записи подтвержденій, сдѣланныхъ великимъ княземъ Казимиромъ въ Мстиславскомъ княжествѣ, которое онъ взялъ на себя послѣ крамолы и бѣгства князя Юрья Лингвеневиича, находимъ упоминаніе о селѣ Колодезяхъ и Красномъ, а позже съ этими названіями являютя уже дворцы Мстиславскіе¹⁰⁾. Акты иногда даютъ и прямыя указанія въ этомъ

⁴⁾ Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. I, № 17.

⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 143.

⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 593.

⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 593; Акты Запад. Рос. II, № 161.

⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 4, 13.

⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 23; Акты Зап. Рос. I, № 66, 82.

отрешеніи. Въ 1514 году король Сигизмундъ пожаловалъ Васку Бубну дворецъ въ Керновскомъ повѣтѣ, а повѣдиль передъ господаремъ, что въ томъ дворцѣ пять чоловѣковъ, а пашня дворная¹⁰⁾. Господарскіе дворцы находились иногда и отдѣльно отъ казого бы то ни было селенія. Такой дворецъ находился, напримѣръ, въ Кременецкомъ повѣтѣ, „миля отъ города“, какъ выражается, за неизвѣстнѣ другихъ обозначеній инвентаря „поданья“ Кременда, времени короля Казимира¹¹⁾.

При каждомъ господарскомъ дворѣ или дворцѣ, гдѣ бы онъ ни былъ выстроенъ, находились обыкновенно дворяныя земли и угодья, эксплуатировавшіяся непосредственно на господаря. Такимъ образомъ, напримѣръ, пашня дворная находилась при дворѣ Волковійскомъ, который былъ административнымъ центромъ всего повѣта Волковійскаго и находился въ мѣстѣ Волковійскомъ¹²⁾. Если господарскій дворъ находился въ городѣ или замкѣ, такая земля называлась не рѣдко, замковыми или городовыми¹³⁾. Пашни и угодья дворныя находившемся въ селѣ, какъ это видно изъ привилея на этотъ дворъ, даннаго въ 1505 году князю Василью Львовичу Глинскому¹⁴⁾. Подобное же указаніе даетъ и привилей короля Сигизмунда, выданный въ 1516 году князю Богушу Богоевтинвичу на дворѣ Жукова въ Луцкомъ повѣтѣ „съ челядью невольною, съ слугами пугачими и окрѣскими и дворными данными и тѣгачими, и съ конюхи, и со всеми иждѣ земляными и скотскими и дворяными, пашными и бортыми, и съ боры и съ лесомъ (ивей дуборами и т. д.)¹⁵⁾. Само собою разумѣется, что господарскіе дворяныя дворцы, лежащіе отдѣльно отъ селеній, потому и возникали, что въ данной мѣстности были земли и угодья, эксплуатировавшіяся непосредственно на господаря. Помимо этого соображенія, на подтвержденіе и ему можно привести и прямое свидѣтельство одного изъ старшихъ Василишскій князь Ядубъ Кунаровичъ, получивъ отъ воеводы Троцкаго князя Бовсташина Ивановича Острожскаго привилея, обыскавъ „земли Василишскомъ повѣтѣ восемь служебныхъ людей и три земли пустыи и дворяныя господарскаго Януша Богдановича Содѣлнана: по

¹⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 215.

¹¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 107—108.

¹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 648—651.

¹³⁾ Акты Зап. Рос. I, № 151; II, № 102, 114.

¹⁴⁾ Акты Зап. Рос. I, № 218.

¹⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 591, 592.

ровысавъ одной земли, взаимѣнъ ея далъ, какъ гласитъ привилей Сигизмунда отъ 8 сентября 1523 года, „поля нашего *дворного* на сорокъ бочокъ а сѣножатей на двѣ стертѣ на рѣцѣ на Невими, отъ двора нашего Василишскаго въ мили, а на томъ дей поли у двора паробокъ живаль, и воли на томъ поли жыто на насъ сѣivano, отъ того жыта етерегиваль“¹⁶⁾. Изъ этого видно, что нѣкоторыя господарскія дворныя пашни и угоды иногда переставали эксплуатироваться и въ такомъ случаѣ шли обыкновенно въ раздачу служилымъ людямъ наравнѣ съ другими „пустовскими“ землями. Относительно этого въ свою очередь можно привести еще болѣе опредѣленное указаніе источниковъ. Въ 1511 году дворянинъ Семень Ивановичъ, получивъ отъ короля на вѣчность село Тугановичи въ Новгородскомъ повѣтѣ Цѣринской волости, — просилъ въ насъ, — читаемъ въ привилей Сигизмунда, — земли наше дворное и сѣножати на имя Церевичча отъ Сервечи рѣки у верхъ по рѣцѣ Пѣтушовцѣ по Скитертичы, подлѣ тыхъ же своихъ людей, на пашню дворную; и повѣдилъ намъ, штоже дей та земля лежить пуста, а пашни дей *дворное* окромъ того досыть“¹⁷⁾.

III.

Собственное хозяйство великаго князя заводилось обыкновенно на такихъ земляхъ и угодахъ, которыми никто помимо него владѣть и не пользовался. Такія земли и угоды находились обыкновенно въ распоряженіи господара великаго князя, и никто не могъ занимать ихъ и пользоваться ими безъ разрѣшенія господара или его урядниковъ. Великіе князья литовскіе со временъ Явеля и Витовта въ своихъ грамотахъ, даяныхъ князьямъ, панамъ, боярамъ, землинамъ и мѣщанамъ, признавали за ними только отчины ихъ, т. е. имѣнія, которыя они унаслѣдовали отъ предковъ, вѣслуги и кушли, на которыя они имѣли листы или другія достаточныя доказательства, и не признавали права занимать самовольно и эксплуатировать какія либо другія земли и угоды, хотя бы и пустыя, не состоящія въ чьей-либо пользованіи¹⁸⁾. Такъ, напр., когда бояринъ Курлевскій Ганусъ „безъ призволеня“ господарскаго распахалъ пущу въ Ракишскомъ повѣтѣ

¹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 133, 134.

¹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 404.

¹⁸⁾ *Dzialynskiego Zbiór praw litewskich*, str. 7—20; Акты Зап. Рѣс. I, 61; Литов. Метр. кн. Запис. XIV, л. 3—9; 12—15; Литовскій статутъ 1529 год., раздѣлъ I, арт. 8.

и посадилъ за собою господарскихъ людей, а также и своихъ собственныхъ, в. князь Александръ отобралъ у него эти роспаши и велѣлъ ему свести оттуда своихъ людей, а обработанные имъ участки мѣстъ съ сидѣвшими на нихъ господарскими людьми пожаловалъ въ 1499 году пану Григорью Остиковичу ¹⁹⁾. Въ силу этого всѣ земли и угоды, всѣ имѣнья, оставшіяся почему-либо безъ владѣльцевъ, „спадали“ на господара. На господара спадали земли и угоды его крестьянъ, которые почему-либо повидали ихъ или вымирали, какъ это будетъ видно изъ многочисленныхъ примѣровъ въ послѣдующемъ изложеніи. Впрочемъ, крестьянскія земли и угоды, какъ увидимъ ниже, и безъ того считались господарскими и были скорѣе въ пользованіи крестьянъ, чѣмъ во владѣніи. На господара в. князя спадали и земли господарскихъ мѣщанъ, умершихъ безъ наслѣдка. Въ 1500 году 18 декабря великій князь Александръ пожаловалъ, напр., мынцарю своему Индрыху Шляегиру „вгрунты и сѣножати въ Ковенскомъ повѣтѣ въ мѣстьскомъ фридѣ и дѣсь промежи нивъ тыхъ и сѣножателей“, которыя спали на отца его короля Казимира, послѣ того какъ мѣщане ковенскіе, „господары тыхъ нивъ и сѣножателей и людей“, померли, „а наслѣдковъ въ нихъ ничего ся не осталось“ ²⁰⁾. На великаго князя спадали и землянскія имѣнья, какъ это видно, напр., изъ привилея короля Александра отъ 21 января 1506 года, выданнаго дворянину Ивану Хребтовичу на равныя имѣнья, между прочимъ на Портско, которое принадлежало землянину Луцкому Юхну Защитовскому, а по смерти его—брату его Михну: „и какъ тотъ Михно умеръ,—читаемъ въ этомъ привилей,—ино никого ближнихъ Юхновыхъ Защитовского къ тому имѣнью Портску не было, и на насъ, на господара, то спало“ ²¹⁾. Въ первомъ очеркѣ было указано на нѣсколько случаевъ, когда спадали на господара крупныя княжескія имѣнья, оставшіяся „безъ наслѣдковъ“, напр., Пинскъ, Кобринъ, Городецъ, Туровъ и др. Въ грамотѣ на права и вольности, выданной князьямъ, панамъ, боярамъ и землянамъ Киевской земли, находимъ на этотъ счетъ и общее опредѣленіе: „а дѣтей не будетъ, ино ближнему; а будетъ пустой челоуѣкъ, ни дѣтей, ни племени: ино на насъ (господара) то имѣнье“ ²²⁾. Такимъ путемъ въ распоряженіе господара переходили и населенныя земли и угоды, съ которыхъ ему должны были идти разныя службы

¹⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 145--147.

²⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 110.

²¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 248.

²²⁾ Акты Зап. Рос. II, № 30.

и доходы, и земли и угодья пустыя, не занятыя и не эксплуатируемыя. Эти послѣднія великій князь раздавалъ на разныхъ условіяхъ разнымъ людямъ или оставлялъ ихъ впустѣ, или же устраивалъ на нихъ собственное хозяйство. Такъ, напр., при великомъ князѣ Александрѣ „справленъ“ былъ дворецъ Кгойдутишки въ Мемижскомъ повѣтѣ на пустовскихъ земляхъ: Ляховой, Селивановой, Лутковой Черневича, Бутковой Кохновича и Гостиловой ²³⁾). Разумѣется, господарскіе дворы и дворцы справлялись иногда и на земляхъ, не тронутыхъ еще культурой, въ такъ называемыхъ „пущахъ“, т. е. глухихъ и дикихъ лѣсныхъ заросляхъ. Исключеніе изъ общаго порядка представляла только Жмудская земля, жители которой въ своихъ интересахъ добились отъ великаго князя (повидимому, Казимира) обѣщанія не расширять своего хозяйства на пустопорожнихъ земляхъ, не строить новыхъ дворовъ, кромѣ тѣхъ, которые существовали уже во времена Витовта ²⁴⁾).

Какъ и когда могло установиться такое право великаго князя на всѣ незанятые земли и угодья, исключившее право самовольнаго занятія ихъ и эксплуатаціи другими лицами? Чтобы могло установиться это право, нужно было: во-первыхъ, чтобы князь въ достаточной мѣрѣ овладѣлъ обществомъ; во-вторыхъ, чтобы обозначились предѣлы государственной территоріи, которая могла сама въ себѣ заселяться, и въ-третьихъ, чтобы земля получила экономическую цѣнность. Всѣ эти условія стали опредѣляться въ западной Руси и до литовскаго владычества подобно тому, какъ опредѣлились они въ то время и въ сѣверо-восточной Руси. Несомнѣнно, что и князья Рюриковичи въ западной Руси, особливо тамъ, гдѣ они прочно осѣлись, уже успѣли настолько овладѣть мѣстными обществами, чтобы всѣ незанятые еще земли и угодья взять въ свое распоряженіе и располагать ими по своему усмотрѣнію и въ своихъ интересахъ. Несомнѣнно также, что и предѣлы территорій княжествъ установились также до утвержденія литовскаго владычества. И, наконецъ, несомнѣнно также, что земли и угодья приобрѣли уже нѣкоторую экономическую цѣнность съ утвержденіемъ осѣлости, развитіемъ сельскаго хозяйства и ограниченіемъ предѣловъ княжествъ. Указанія на это можно найти и въ Русской Правдѣ, и въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, и въ немногихъ актахъ, уцѣлѣвшихъ отъ этого времени. Однимъ словомъ, уже до литовскаго владычества должна была выработаться и находить себѣ приложеніе въ жизни во многихъ мѣстностяхъ западной Руси идея, что всѣ незави-

²³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 358

²⁴⁾ Акты Зап. Рос. I, № 103.

тня земли и угодыя въ княжествѣ, никому не принадлежація, суть княжескія. Такимъ образомъ, литовскіе князья въ данномъ случаѣ вступали только въ права русскихъ князей Рюриковичей и затѣмъ въ свою очередь передали ихъ великому князю, соединившему въ своихъ рукахъ бывшія удѣльныя княжества.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что нѣтъ нужды выводить происхожденіе поземельной господарской собственности на Руси Литовской изъ завоеванія, какъ это сдѣлалъ Ярошевичъ и В. Б. Антоновичъ ²⁵⁾. Но съ другой стороны нельзя и отрицать значенія утвержденія литовскаго владычества въ исторіи землевладѣнія на Руси Литовской, какъ это сдѣлалъ г. Владимірскій-Будановъ ²⁶⁾. Съ литовскимъ занятіемъ снова высоко поднялся престижъ княжеской власти въ западной Руси, распатанный и поникшій въ смутную эпоху XIII вѣка. Вмѣстѣ съ этимъ должно было окончательно выясниться и утвердиться право князей на всѣ незанятія земли и угодыя въ предѣлахъ княжествъ, право, которое до этого времени врядъ ли повсюду въ западной Руси достаточно полно опредѣлилось и находило себѣ должное признаніе. Литовскіе князья должны были дорожить землею и угодыями въ большей степени, чѣмъ ихъ предшественники, князья Рюриковичи, въ особенности XI и XII в. в., такъ какъ эти земли и угодыя при подвижности тогдашняго крестьянскаго населенія, сбитаго съ своихъ насиженныхъ мѣстъ, съ полей и промысловыхъ „ухожаевъ“, въ смутную эпоху XIII в., давали возможность князьямъ устанавливать экономическую власть надъ прибывавшимъ крестьянствомъ, давали возможность развивать собственное сельское хозяйство и промыслы и такимъ образомъ эксплуатировать крестьянскій трудъ. Не лишено было при этомъ значенія и то обстоятельство, на которое указываетъ г. Антоновичъ, именно необходимость для литовскихъ князей подъ сильнымъ давленіемъ внѣшнихъ враговъ увеличивать военныя силы путемъ раздачи земельныхъ участковъ разнымъ людямъ съ обязанностью военной службы. Благодаря всему этому всѣ незанятія земли и угодыя очутились въ распоряженіи князей и *de jure* перестали быть объектомъ самовольнаго занятія и эксплуатаціи со стороны частныхъ лицъ. Такимъ образомъ, литовское занятіе западной

²⁵⁾ *Obraz Litwy pod względem jej cywilizacyi od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII. Część I, § 63—66. Wilno 1844; Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи, т. I, стр. 138 и слѣд.*

²⁶⁾ С. его „Помѣтное право въ древнюю эпоху Литовско-Русскаго государства“ въ III книгѣ Чтеній въ Обществѣ Нестора Лѣтописца стр. 63 и слѣд.

Руси, если не было источникомъ разсматриваемаго права, то все-таки было условіемъ или причиною, въ ряду другихъ, содѣйствовавшей его закрѣпленію и выясненію.

Есть нѣкоторые признаки, указывающіе на то, что идея княжеской собственности съ утвержденіемъ литовскаго владычества достигла даже большей степени въ своемъ развитіи, что князья считали своими собственными и земли занята и населенныя. Многія изъ этихъ земель заняты и населены были съ ихъ соизволенія подь условіемъ несенія извѣстныхъ повинностей. Эти земли князья естественно считали своими. Этотъ же взглядъ они переносили и на другія земли, заняты и населенныя безъ ихъ разрѣшенія, но также обязанныя извѣстными повинностями. Чѣмъ ниже былъ общественный классъ въ соціально-политической іерархіи, тѣмъ болѣе удалось имъ провести въ жизнь этотъ взглядъ.

Если уже въ эпоху Русской Правды смерды, по всѣмъ признакамъ, считались владѣльцами княжескихъ земель ²⁷⁾, то при литовскихъ князьяхъ это опредѣлилось уже вполне. Велюкому князю Витовту полюбилось одно мѣсто, гдѣ сидѣли люди Городенскаго повѣта Олексичи, „и онъ тыхъ людей своихъ Олексичъ,—какъ показывали в. князю Александру мѣстные старожилы,—съ того села ихъ звелъ и посадилъ ихъ на пуци, *на ихъ же отчинъ*, за Веретеею, гдѣ и теперь они сѣдятъ, а на ихъ селищахъ *справилъ себѣ дворъ*“ (Жорславку) ²⁸⁾. Великій князь Александръ пожаловалъ на вѣчность своему дворянину Сеньку Жеребятичу земли въ Путивльскомъ повѣтѣ, *куплю нѣкоторыхъ „людей“ Путивлянъ: „подъ Богданомъ Милковичемъ дву братьовъ куплю, а отца его Павла и дядка его Максима; а подь Дробышомъ, Жолвазскимъ сотникомъ, на имя Порозъ куплю; а подь Олтухомъ—Кгиреевскую куплю; а подь Ильинскимъ попомъ, што купилъ у Бобловича; а подь Орскекиничомъ Давыдомъ Городисское волости и тежъ Нехлѣбовскую куплю Жолвазское волости“*; владѣльцы земель вслѣдствіе этого пожалованья, какъ обыкновенно бывало, должны были или служить дворянину Жеребятичу, или идти съ своихъ земель прочь. Они выбрали было другой путь и затѣяли съ дворяниномъ Жеребятичемъ тяжбу предъ великимъ княземъ, жалуясь, штожь онъ тн ихъ земли отчинны въ насъ (в. князя) выпросилъ“. Великій князь

²⁷⁾ См. В. И. Сергѣевича Русскія юридическія древности, 173—176.

²⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 266.

оставилъ ихъ жалобу безъ послѣдствій и написалъ въ нововъ припискѣ, выданномъ по сему случаю Жеребятчу: „Имя, хотя бышло и тыи самыи люди наши данныи ему дали, то есть въ нашей воли господарской; тыхъ людей жалобы есмо выслушавши, и земель, тыхъ купель, въ Сѣнка есмо не отняли и еще есмо ему въ тому придали подъ Игнатовою на ния Бородавкою землю, кунлю ее, што она мужа своего Игната купила“²⁹⁾. Въ актахъ изучаемаго времени находимъ множество примѣровъ пожалованій великими князьими земель и угодій подъ своими господарскими „людьми“ или крестьянами, Тѣхъ, напр., въ книгѣ земельныхъ раздачъ короля Казимира читаемъ слѣдующую записъ: „Юрью у Видукляхъ подъ двѣма чоловѣки, подъ Диркселемъ и въ братомъ, земля, а самыхъ выгнати“; или: „пану Носутъ селища подъ бобровники, а бобровники согнати“³⁰⁾. Въ 1512 году король Сигизмундъ пожаловалъ писарю Михаилу Васильевичу село Свинуха съ людьми во Владимирскомъ повѣтѣ и приказалъ вѣстному старостѣ дать ему въ то „уязянье“. Но староста не хотѣлъ этого сдѣлать, потому что люди пожалованнаго села имѣли отъ короля особый листъ, въ которомъ онъ обѣщалъ не отлучать ихъ отъ замка Владимірскаго. Тогда король написалъ старостѣ: „которые въ томъ селѣ слуги путныи, въ которыхъ нашъ листъ будетъ, тыхъ Михаилу не дали есмыо: всхотятъ ли они по своей доброй воли ему служить, и они нехай ему служить; а не всхотятъ ли ему служить, и они, земли свои оставивши, мають поити прочь, гдѣ хочати, а Михаилу еобѣ тыи земли людьми осаживаетъ прыхожими; нежли, которые люди тамъ есть въ томъ селѣ и листу нашего не мають, тие мають ему служить“³¹⁾. Разумѣется, безъ нужды государь не дѣлалъ практическаго приложенія такого взгляда на крестьянскія земли и угодья, которыя поэтому de facto находились въ наследственномъ пользованіи крестьянъ, а съ точки зрѣнія поземельныхъ отношеній крестьянъ другъ къ другу и de jure. Но отсюда, какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, еще далеко до „полнаго права вѣчнаго и потомственнаго владѣнія ихъ землями наравнѣ съ землянами и боарамы“, которое признаетъ за ними г. Владимірекій - Будановъ въ своей статьѣ „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ го-

²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 152.

³⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 43, 67.

³¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 551, 552.

сударствѣ XVI вѣка³²⁾). Точно также нельзя согласиться съ нимъ и въ томъ, что вонецъ правамъ крестьянъ на землю положила будто бы волочная система: приведенныя указанія источниковъ говорятъ о томъ, что крестьяне не имѣли этого права и до введенія волочной системы.

Есть даже данныя и на то, что идея господарской собственности сдѣлала нѣкоторые успѣхи даже по отношенію къ землямъ и угодьямъ воинскаго класса. Въ эпоху Русской Правды землевладѣніе княжеской дружины по всѣмъ признакамъ не было въ такой зависимости, какъ въ XIV вѣкѣ, когда князья властвовали въ поземельныхъ отношеніяхъ боярѣ и слугъ, регулировали и направляли ихъ по своему и въ своихъ интересахъ, главнымъ образомъ—въ интересахъ военной службы, которая содержалась теперь съ земли. Среди постоянной вербовки служилыхъ людей и раздачи имъ помѣстій изъ княжескихъ земель (терминъ „помѣстье“ по старой памяти употреблялся въ теченіе всего изучаемаго времени³³⁾) затемнилось и отошло на задній планъ представленіе о свободной боярской земельной собственности и выдвинулось впередъ представленіе о землѣ, съ которой идетъ военная боярская служба князю, и которая, поѣтому, находится въ распоряженіи князя, есть въ извѣстномъ смыслѣ его господарская земля. Это представленіе не умирало и послѣ того, какъ права литовско-русскихъ боярѣ были обезпечены дарованіемъ имъ извѣстныхъ привилегій по образцу польскихъ шляхетскихъ³⁴⁾). Поѣтому великіе князья считали себя въ правѣ жаловать князьямъ и панамъ въ составѣ извѣстной волости или крупнаго имѣнья и земли, съ которыхъ шла боярская служба. Такъ, великій князь Александръ, подтвердилъ на вѣчность князю Василю Михайловичу Верейскому замокъ Любечъ и дворы Койдановъ, Рубежовичи, Усу, Старинки, Исlochъ, Воложино и Радошковичи съ волостями, данныя ему королемъ Казимиромъ; въ составѣ этихъ имѣній записалъ также и села боярскія со всѣми ихъ

³²⁾ Киевскій Сборникъ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая, стр. 357-358. Киевъ 1892.

³³⁾ См. *Владимірскаго-Буданова* „Помѣстное право въ древнюю эпоху литовско-русскаго государства“ въ Чтеніяхъ въ Обществѣ Нестора Литписца, кн. III, стр. 89; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, 160, 161; XVI, л. 136; о помѣстьяхъ говоритъ и извѣстная грамота Мендовга, кою онъ позволилъ литвинамъ записывать Ордену свои имѣнья отчинныя и левныя, *si a nobis teneantur in feudo*. *Jarozzewicza* *Obraz Litwy* I, § 63.

³⁴⁾ См. общеземскіе привилегіи 1413, 1457, 1492 гг. и областныя.

землями и угодьями, при чемъ разъяснилъ: „которымъ бояромъ своимъ подвѣдали князь Василей и его княгини и дѣти ихъ, то бояре мають держати, а съ того мають служить князю Василью и его княгини и дѣтемъ ихъ; и тежь, которые бояре отчичи тыхъ имѣней, тии имъ жо мають служить; а пакеъ ли бы зъ нихъ которые ихъ бояре прѣвѣдчи або отчичи тыхъ имѣней не хотѣли имъ служить, а они добровольно со всемъ своимъ мають понти отъ нихъ прочь, а тии имѣнья и люди маєт князь Василей и его княгиня и ихъ дѣти держати и на себе взяти“²⁵⁾. Подобныя же права давались и панамъ; такъ, напр., король Сигизмундъ утвердилъ за паномъ Яномъ Литаворомъ дворецъ Сверхно въ Новгородскомъ повѣтѣ со всеми селами и людьми, въ томъ числѣ и боярами: *et cum omnibus nobilibus ac bojaris, hactenus dictis bojaris Mieszwyczy et Liebiedziowicy, qui debent servire servicia nobilium; et si noluerint, extunc relictæ terra pro ipso Johanne Lithawor cum rebus suis mobilibus, quibuscunque poterint, quo voluerint migrare sine quovis aresto*“. Исключеніе изъ такого общаго порядка составляли только такія имѣнья, на которыя боярамъ давались спеціальныя привилегіи, что они никому не будутъ служить съ нихъ, кромѣ господаря²⁶⁾. Служба, лежавшая на боярскихъ земляхъ, несмотря на дарованіе боярамъ привилегій польской шляхты, вообще дѣлала боярское землевладѣніе въ извѣстной степени зависимымъ и условнымъ. Такъ, напр., несмотря на дарованіе права *vendendi, commutandi, alienandi, donandi*, боярамъ можно было продавать по частямъ или цѣликомъ свои имѣнья лишь при томъ условіи, если отъ этого не пострадаютъ интересы службы и во всякомъ случаѣ съ разрѣшенія господаря, а не только съ вѣдома его. Такъ, великій князь Александръ въ 1495 году позволилъ служебнику пана Юрья Пацовича Сеньку купить землю у бояръ Ейшишскихъ лишь потому, что „тии бояре опришныя земли мають, съ чого намъ службу земскую заступати“²⁷⁾. Въ 1499 году тотъ же великій князь Александръ утвердилъ за паномъ Яномъ Литаворомъ Хребтовича дворецъ, купленный имъ у тивуна Цѣринскаго Яцка по слѣдующему мотиву: „и тотъ Яцко повѣдилъ передъ нами, што жъ свупилъ въ бояръ Цѣринскихъ въ кого нивку, а въ кого сѣножатку, и дворецъ собѣ тамъ нарядилъ, а намъ съ тыхъ бо-

²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 90. Срав. Акты Зап. Рос. I, № 222.

²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 387—390; Акты Зап. Рос. I, № 139.

²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 52.

лрѣ служба сполна идетъ“³⁸⁾. Съ характеромъ болѣе независимой собственности являются только панскія имѣнья и княжескія, уступленныя господаремъ ихъ владѣльцамъ „со всемъ правомъ и панствомъ“. Конечно, и съ такихъ имѣній должна была идти военная служба, бывшая и по отношенію къ нимъ *conditio sine qua* под владѣніемъ, но, по крайней мѣрѣ, господарь не считалъ эти имѣнья своими и не передавалъ своей верховной власти надъ ними никому, потому что все, что онъ могъ передать изъ своей верховной власти частнымъ лицамъ, въ сущности было уже передано ихъ владѣльцамъ. Въ этомъ отличіе пановъ отъ простыхъ бояръ, отличіе, которое позволяетъ установить точный, юридическій смыслъ соціального термина „панъ“³⁹⁾.

Что касается земель мѣщанъ, то они находились въ одинаковомъ положеніи съ землями военно-служилаго класса (земскіе привилегіи, начиная съ привилегіи Казимира 1457 г., распространялись и на мѣщанъ). Такимъ образомъ, были мѣщанскія земли, съ которыхъ доходъ и службу господарь могъ передать частному лицу, и были такія, на которыхъ не распространялось это право. Такъ, король Александръ пожаловалъ дворянину Петрашку Епимаховичу мѣщанъ Полоцкихъ Оксерчинича съ его братьею, Ивана Козича съ братьею, Саву Микитинича съ братьею — Вшачанъ (Ушачанъ), Матѳея съ братьею и Исидора съ братьею Телитиничей съ ихъ землями, а король Сигизмундъ подтвердилъ своимъ листомъ „данину“ брата— „тымъ обычаемъ: если они ему всхотятъ служити по своей доброй воли тою службою, которою служили отцу и брату нашому, королемъ ихъ милости, и они нехай служить, а не всхотѣли ль бы ему служити, и они нехай идути, куда хотятъ, земли свои оставивши“⁴⁰⁾. Иногда великіе князья жаловали князьямъ и панамъ цѣлыя мѣста, какъ, напр., Сигизмундъ пожаловалъ князю Федору Михайловичу Чорторыйскому мѣсто Литовскъ во Владимирскомъ повѣтѣ или, напр., Яну бискупу Виленскому волость Шовленскую въ Жмудской землѣ „зъ бояры, зъ мѣщани и со всеми людьми Шовленскими“⁴¹⁾. Но были и такія мѣста и мѣщанъ-

³⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 160.

³⁹⁾ Срав. противоположное мнѣніе у И. Новицкаго въ его „Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи“, стр. 15. Кіевъ 1876.

⁴⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 10.

⁴¹⁾ Ibidem, л. 1, 2 кн. Запис. XII, л. 160, 161.

скія земли и угоды, которыя господарь не считалъ себя въ правѣ раздавать во владѣніе частнымъ лицамъ, и которыя въ этомъ отношеніи представляли аналогію панскимъ имѣніямъ. Вышеупомянутые мѣщане Полоцкіе, которые были пожалованы дворянину Петрашку Епимаховичу, откупили у него свои земли за четыреста копѣ грошей и, взявъ съ него листъ, „што жъ вѣо ихъ самихъ и ихъ земель не имаеъ помсеивать, а ни его жона и ихъ дѣти вѣчно“, били челомъ королю, прося подтвердить этотъ листъ. Король выдалъ имъ особый привилей (2 августа 1511 года), въ которомъ представилъ имъ полное право „тыи земли свои отдати, продати, замѣнити, росшырйти, прибавити и къ своему вжиточному и лѣпшому обернути, какъ сами наглѣдѣй розумѣючи“, прибавивъ съ своей стороны: „а мы вѣо не маемъ ихъ самихъ и ихъ земель никому отдавати, а маемъ ихъ держати, какъ и иныхъ мѣщанъ Полоцкихъ“⁴²⁾. Слѣдовательно, мѣщанъ Полоцкихъ и ихъ земли нельзя было отдавать никому въ частное владѣніе, какъ это и выражено прямо въ жалованныхъ грамотахъ, данныхъ Полоцкой землѣ и горду Полоцку⁴³⁾. Подобное же право признано было, какъ извѣстно, и за мѣщанами Витебскими⁴⁴⁾. Такимъ же правомъ пользовались, повидимому, и мѣщане другихъ крупныхъ мѣстъ въ великомъ княжествѣ, которыя лежали около древнѣйшихъ и важнѣйшихъ городовъ или замковъ, бывшихъ политическими центрами областей Литовско-Русскаго государства. Такія мѣста во время образованія Литовско-Русскаго государства и долгое время послѣ были видными политическими силами, и потому обезпечили за собою извѣстную самостоятельность и независимость. Эта самостоятельность и независимость при томъ же вполне совпадали съ интересами господара, которому невыгодно было дариться такими мѣстами.

Какъ бы то ни было, но дворянскія господарскія земли и угоды обыкновенно брались изъ числа тѣхъ, вторыми никто помимо не владѣлъ и не пользовался. Какъ же онѣ разрабатывались и эксплуатировались на господаря?

IV.

При всякомъ господарскомъ дворѣ была челядь невольная, великокняжескіе паробы съ рабами, которые и составляли прежде всего рабочую силу въ великокняжескомъ хозяйствѣ. Въ „уставѣ“, данной

⁴²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 10.

⁴³⁾ Акты Зап. Рос. II, № 61, 70.

⁴⁴⁾ Акты Зап. Рос. I, № 204.

державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ въ 1529 году, на этотъ счетъ находимъ слѣдующее прямое указаніе: „Тежь, аби кождый державца кождого двора, гдѣ есть челядь невольная, быди въ дворѣхъ нашихъ мѣлъ досыть и овшельки сохи дворныи, аби челядь невольная дворными сохами робыли, къ розмноженью пашни и дворовъ нашихъ“⁴⁵⁾. Работа челяди на дворной пашнѣ не была нововведеніемъ Сигизмундовой „уставы“, но исконнымъ фактомъ великобняжескаго хозяйства, который велъ свое начало отъ временъ русскихъ князей⁴⁶⁾. Кромѣ работъ по воздѣлыванью и уборкѣ пашень, челядь исполняла и разныя другія работы по дому и хозяйству господарскаго двора, напр., стерегла пашню, а женщины пряли ленъ и ткали полотна для господарыни королевы⁴⁷⁾. Жили челядинцы или на господарскомъ дворѣ, или внѣ его, на селѣ и въ своихъ домахъ, имѣя свой хозяйственный обиходъ и свою движимость—„бонду“, благодаря тому, что у нихъ были свои „приробки“ въ пустыхъ земляхъ⁴⁸⁾. Содержалась челядь невольная „мѣсячиною“, которая отпускалась ей съ господарскаго двора, при чемъ тѣ паробки, которые имѣли свои бонды и свои приробки, получали менѣе сравнительно съ тѣми, у которыхъ ничего не было⁴⁹⁾.

Въ исторической литературѣ была сдѣлана попытка различить паробковъ отъ челяди невольной, принявъ за паробковъ особый классъ невольныхъ людей, который служилъ связующимъ звеномъ между невольниками въ тѣсномъ смыслѣ и отчичами, крѣпостными людьми⁵⁰⁾. Паробки—это будто бы тѣ невольные люди, которые имѣли свои бонды и приробки и вообще пользовались нѣкоторыми гражданскими правами, напр., должны были являться „на сокъ“ (исканье слѣда преступника) вмѣстѣ „съ людьми“. Это де спеціальныя права паробковъ, нигдѣ не относимыя къ челяди, холопамъ, рабамъ (о нихъ прямо даже говорится, что „холопу и рабѣ вѣры не няти“). Но такое различеніе паробковъ отъ челяди невольной не имѣетъ подъ собою

⁴⁵⁾ Акты Зап. Рос. П, № 159, арт. 31.

⁴⁶⁾ См., напр., *М. Погодина* Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской Исторіи, т. VII, 49—56.

⁴⁷⁾ Акты Зап. Рос. П, № 159, арт. 7.

⁴⁸⁾ Акты Зап. Рос. П, № 159, арт. 2; ср. Судебникъ Казимира 1467 о кражѣ паробковъ.

⁴⁹⁾ Акты Зап. Рос. П, № 159, арт. 2.

⁵⁰⁾ *И. Новицкаго* Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи, стр. 49, 50.

въ дѣйствительности никакой почвы. Въ уставѣ Сигизмунда, данной державцамъ въ 1529 году, прямо говорится: „абы челяди невольной, которми мають приробки и бонды свои, по полторы копы жыта на рокъ давано“. Затѣмъ: обязанность паробковъ являться „на сокъ“ вмѣстѣ съ людьми могла существовать и при непризнаніи за ними права свидѣтельства, котормъ рѣшалось дѣло. И, наконецъ, недоразумѣніе устраняется прямыми указаніями источниковъ, изъ котораго видно, что слово „паробокъ“ относилось къ мужчинамъ изъ челяди, какъ и слово „холопъ“, а „раба“ — къ женщинамъ. Въ „инвентарѣ замку Ви-тебскаго“, составленномъ при Александрѣ, въ описаніи дворца Лу-жосенскаго читаемъ: „вляча робочая — одна, двѣ коровѣ а теля сего-лѣтнее, овецъ трынацать въ молодыми, возъ — осмъ въ молодыми, гусей — осмнадцать старыхъ и молодыхъ, вепрь — одинъ; а челяди не-вольное — паробковъ патнадцатъ, а жоновъ пять, а робать малыхъ пятеро“⁵¹⁾. Я не буду распространяться о томъ, откуда бралась эта челядь невольная, такъ какъ этотъ вопросъ достаточно выясненъ въ исторической литературѣ⁵²⁾.

V.

Кромѣ челяди невольной, рабочую силу въ господарскихъ имѣ-ныхъ составляли господарскіе люди или крестьяне разныхъ наимено-ваній и прежде всего — *тлеме*, иначе (въ Полоцкой землѣ) *прионные люди*.

Въ „уставѣ“ Сигизмунда для державцевъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣта находимъ довольно точное опредѣленіе тяглыхъ лю-дей и ихъ службы: „вси подданныи наши, которми суть повинни служ-бу уставичнѣ служить, то есть, люди тяглыи, тыхъ зоставляемъ для работъ нашихъ дворовъ, яко пашни и подводъ, по старому обычаю“. Итакъ, тяглыми людьми назывались тѣ крестьяне, которме обязаны были работать и ставить подводы на господарскомъ дворѣ или пашнѣ всегда, когда было нужно. Разумѣется, не всѣ они и не постоянно вслѣдствіе этого работали на господара. На крестьянскомъ участкѣ, съ котораго шла одна тяглая служба, живало обыкновенно по нѣскольбу крестьян-скихъ семей, имѣвшихъ нѣсколько рабочихъ рукъ и подводъ, изъ

⁵¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 261.

⁵²⁾ И. Новицкаю Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи, стр. 47, 48; В. Б. Антоновича Предисловіе къ II тому VI части Ар-хива Юго-Зап. Рос. стр. 11—13; О. Лосиновича Крестьяне юго-западной Россіи въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1863 г., № 10, отд. 2, стр. 16—21.

которыхъ часть всегда могла оставаться на крестьянскомъ хозяйствѣ. Господарское хозяйство не требовало постоянной работы отъ тяглыхъ людей и по тому, что, кромѣ тяглыхъ, въ разгаръ сельскохозяйственныхъ работъ сгонялись и другіе господарскіе люди, не служившіе тяглою службы, на толову: „три дни на паренину орати, три дни на жыто, а три дни серпомъ жыто жати, а три дни ярныи, а сѣно косити по старому“⁵³⁾. Зимкою и осенью, когда прекращались полевныя работы, тяглымъ людямъ было сравнительно мало дѣла на господарскомъ дворѣ. Вслѣдствіе всего этого экононый Сигизмундъ предписалъ державцамъ своихъ дворовъ „оставивши людей на дворныи потребности (тѣхъ, на што ся которые потребуютъ,) остатокъ людей тяглыхъ къ пожитку нашому осадити, то есть, або на бочцѣ пшеницы, або вепра будетъ повиненъ подданный нашъ кождый осадного двора нашого къ пожитку нашому дати“⁵⁴⁾.

Кромѣ работъ на господарской пашнѣ и дворѣ, тяглые люди платили господарю такъ называемое *дякло* и *мезлеву*, — подати натурою со всего, что уродилось и прибыло въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Терминъ „дякло“ обнималъ собою все, что уродилось и прибыло, за исключеніемъ скота, а „мезлева“ относился исключительно къ скоту. Такимъ образомъ, дякла были ржаныя или житныя, пшеничныя, овсяныя, сѣнныя, певтиничныя(?) и дровныя, а мезлева бралась яловицами, свиньями, баранами, курами и яйцами⁵⁵⁾. О томъ, что тяглые люди платили дякло и мезлеву, свидѣтельствуетъ, напр., привилей короля Александра, выданный окольнымъ Смоленскому Борису Семеновичу на волостку Рогово, состоявшую изъ 35 тяглыхъ челоуѣвъ, которыхъ король далъ „и зъ дяклы ржанныи и овсянныи, и сѣнныи, и со всеми платы и доходы, и зъ мезлевою, и съ службами“⁵⁶⁾. Вслѣдствіе этого и люди тяглые назывались иногда дявольными. Такъ, въ 1505 году король Александръ, желая дать имѣніе служилымъ татарамъ Банку и Адку, писалъ намѣстнику Марковскому: „што бы еси обыскалъ людей нашихъ тяглыхъ дякольныхъ, осмъ служобъ сполна а три земли пустовскихъ, и имъ бы еси далъ“⁵⁷⁾. Въ 1511 году король Сигизмундъ пожаловалъ пану Яну Немировичу четырехъ чело-

⁵³⁾ Акты Зап. Рос. I, № 159, арт. 14.

⁵⁴⁾ Ibidem, арт. 13.

⁵⁵⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 9, 10, 11, 12; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 218.

⁵⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 199

⁵⁷⁾ Ibidem, л. 206.

въ Ловецкаго: десятка въ Новгородскомъ повѣтъ, при чемъ напѣвалъ въ привилеѣ: „а повѣдалъ намъ, што то люди дяколыне туглые, а не данныя“³⁸⁾ и т. д. Эти подати перелажались иногда и на деньги, особенно дякла сѣнныхъ, пентичныхъ, дровныхъ и мезлева. Такими образомъ, въ записи расходовъ короля Сигизмунда отъ 1509 года читаемъ: „Воеводѣ Киевскому князю Юрью 2 поставы сунаа луньского въ Оврама (подомарбѣ); ему жъ 80 копъ съ сѣнныхъ пенязей Омицельскихъ“³⁹⁾. О пенязяхъ сѣнныхъ подякольныхъ упоминаетъ и устава короля Сигизмунда данная старостѣ Городенскому пану Юрью Радавловичу въ 1514 году⁴⁰⁾. Король Сигизмундъ ввелъ за привилею брать деньгами взаменъ дяколъ сѣнныхъ, пентичныхъ и дровныхъ, которыя неудобно было перевозить на мѣста или назначенія (съ пограничныхъ центральныхъ замковъ) и сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ предписанія державцамъ въ 1529 году⁴¹⁾. Такое же предписаніе сдѣлалъ онъ и относительно мезлевы⁴²⁾; хотя упоминанія о мезлевицѣ (мезлева, переложенная на деньги) встрѣчаются и въ болѣе раннихъ источникахъ⁴³⁾.—Туглые люди иногда платили и другія подати сверхъ дяколъ и мезлевы. Такъ, въ привилеѣ короля Сигизмунда, выданномъ 25 апрѣля 1513 года пану Ивану Зрновевичу на пять челоуѣвъ туглыкъ въ Троцкомъ повѣтъ „у Висманѣкъ“, читаемъ между прочимъ: „а повѣдалъ намъ, што жъ то люди туглые, и дякла намъ и тежъ што съ меду до ключа Троцкого даютъ“⁴⁴⁾.

Какъ бы то ни было, но дякло было главною податью туглыихъ людей, взимавшеюся едва ли не во всѣхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства. Кромѣ собственной Литвы мы встрѣчаемъ его, напр., въ землѣ Берестейской: въ 1525 году король Сигизмундъ подтвердилъ пану Андрею Борисовичу Лозкѣ имѣнія Добрынь и Пожежино, въ Берестейскомъ повѣтъ на вѣчность „и съ даями рожновыми и медоуыми, и бобровыми, и пуничными, и съ дякли оржаными и овсяными“⁴⁵⁾. Въ той части Берестейской землѣ, которая удержала названіе Подляшья, мы также встрѣчаемся съ дякломъ: въ 1512 году король

³⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 53.

³⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 432.

⁴⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 87.

⁴¹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159; арт. 41.

⁴²⁾ Ibidem, арт. 12.

⁴³⁾ См., напр., Акты Зап. Рос. II, № 69.

⁴⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 68.

⁴⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 271, 272.

Сигизмундъ пожаловалъ пану Ивашкѣ Сопѣгѣ два двора въ Бѣльскомъ повѣтѣ Кнориды и Березницю со всѣмъ и между прочимъ *cum datijs alias dzjaki*“⁶⁶⁾. Дякло вималось и въ княжествахъ Пинскомъ и Кобринскомъ, какъ это видно изъ многихъ актовъ, относящихся къ изучаемому времени и помѣщенныхъ въ „Ревизію пуць и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ“⁶⁷⁾. О взиманіи дякла въ Киевской землѣ свидѣтельствуесть, напр., правитель пану Альбрехту Гапшольду, въ силу котораго король Сигизмундъ пожаловалъ ему селище Жукино въ Киевскомъ повѣтѣ съ человекомъ, „который на томъ селищи сѣдитъ“, „и зъ даными грошовыми, и медовыми, и бобровыми, и муничными, и зъ дякла ржаными и овсяными“⁶⁸⁾. Съ дяклами же ржаными и овсяными утвердилъ король Сигизмундъ 28 іюля 1525 года за княземъ Александромъ Александровичемъ Сагунковичемъ и сыномъ его Федоромъ имѣнья Заледцы и Тяготинъ въ землѣ Волынской⁶⁹⁾. Въ 1526 году тотъ же король утвердилъ за землями brasлавскими Корутновичами имѣнья ихъ одязныя, дѣдизныя и матеряныя, на которыя у нихъ сгорѣли листы-твердости во время нападенія на Подолюе татаръ,—также съ дяклами ржаными и овсяными⁷⁰⁾. Наконецъ, о дяклахъ мы встрѣчаемъ упоминаніе и въ актѣ, относящемся до Жмудской земли: въ 1526 году 17 іюля король подтвердилъ „земенину земли Жомойтское“ Абраму Богдановичу имѣнья, полученныя имъ за женою, „у Биржевьскомъ тавуствѣ у Вешевьской волости, — Биржады и Коявны „со всимъ“, и между прочимъ съ дяклами ржаными и овсяными“⁷¹⁾.

Дякло было податью, взимающеюся сверхъ тяглоу службы, но оно не было главнымъ признакомъ тяглоу службы, какъ утверждаетъ г. Бершадскій⁷²⁾. Дякло платили и люди не тяглые или освобожденные отъ тяглоу службы. Такъ, напр., въ „реестрѣ двора Волковийского“ находимъ такія заявленія: „Сторожи Рудницкіе Волковийского повѣту, службы тяглое не служатъ, дякла даютъ, сѣно косать, на войну зъ державцею ходять... А дякоть даютъ 18, а по чотыре бочки жыта въ

⁶⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 560, 561.

⁶⁷⁾ Стр. 64, 74, 95, 108, 140, 194, 208, 238, 272, 274, 354, 362.

⁶⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 37.

⁶⁹⁾ Литов. Метр. кн. Зап. XII, л. 252, 253.

⁷⁰⁾ Ibidem, л. 313, 314.

⁷¹⁾ Ibidem, л. 306, 307.

⁷²⁾ См. его статью „Абрамъ Езофоничъ Ребичковичъ“ въ Киевской Старинѣ 1888 г., № 10, стр. 96—98.

дьякъ, по четыре овса⁷³; или: „А то бобровники, службы тяглые не служат, дьякло даютъ, сѣно косать, на толоку ходять“, и затѣмъ: „А то клепаши, службу служатъ клепацкую, дьякло даютъ, сѣно косать, на войну съ державцею ходять, а службы тяглые не служатъ“.⁷⁴ Ниже будутъ приведены и другіе примѣры того, что уплата дьякла не была главнымъ признакомъ тяглой службы. Здѣсь же достаточно будетъ указать на то, что акты упоминаютъ о людяхъ *тѣмныхъ дьякольныхъ*, каковая двойная характеристика была бы совершенно лишняя, если бы дьякло было действительно главнымъ знакомъ тяглой службы. Въ актахъ мы встрѣчаемъ и просто „тяглыхъ“ людей, безъ добавленія „дьякольныхъ“, и просто „дьякольныхъ“. Принимая во вниманіе необыкновенное разнообразіе крестьянскихъ повинностей въ Литовско-Русскомъ государствѣ⁷⁵), сообразовавшееся съ мѣстной производительностью и потребностями господарскаго хозяйства, а также съ различными привилегіями и изытіями, ведшими свое начало изъ старины; можно думать, что были тяглые люди, не платившіе дьякла, и дьякольные люди, не несшіе тягла. По крайней мѣрѣ, въ паневискихъ имѣньяхъ мы встрѣчаемъ тяглыхъ людей, не платившихъ дьякла⁷⁶), и по аналогіи можемъ заключать и о господарскихъ имѣньяхъ. Что касается дьякольныхъ людей, не служившихъ тяглой службы, относительно ихъ мы находимъ и прямыя указанія. Мѣщанину Городенскому Миклашу Дерличичу „спустилъ съ права въ пенязяхъ“... землю свою отчинную человекъ Городенскаго повѣта Миклашъ Довишевичъ передъ намѣстникомъ старосты Городенскаго пана Станислава Петровича Яноушъ Фучинскимъ, который выдалъ мѣщанину листъ, „иже маєть онъ съ тое земли Мартиновщины службу тяглую служити и дьякло давати по тому, какъ и тотъ Мартинъ служивалъ и дьякла даивалъ“. Но Миклашъ Дерличичъ повѣдалъ королю, „што жъ съ тое земли тотъ человекъ дрова на замокъ воживалъ и дьякла даивалъ, а иншихъ некоторыхъ служобъ не служивалъ и подачбекъ не даивалъ“. Король своимъ листомъ отъ 22 іюля 1511 года утвердилъ за нимъ землю: „и на казани есмо ему съ тое земли службы тяглойе служити, ижели онъ маєть съ тое земли службу въ мѣстомъ служити и дьякло сполна намъ давати по тому, какъ и тотъ Мартинъ даивалъ“⁷⁶). Поэтому и, въ тѣхъ случаяхъ, когда акты говорятъ о дьякольныхъ людяхъ, о дьякольной землѣ,

⁷³) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 648—651.

⁷⁴) Примѣръ см. въ Архивѣ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. II, № 1.

⁷⁵) Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. VII, № 10.

⁷⁶) Литов. Метр. кн. Зап. IX, л. 48, 49.

нельзя разумѣть непременно людей/тяглыхъ и ихъ земли⁷⁷⁾. Въ Новгородскомъ повѣтѣ были, напр., крестьяне, платившіе дьякло пшеницею, — *tributarii, ad tributum siliginis et avenae alias dziacla obligati*, — и называвшіеся поэтому *пшеничниками*⁷⁸⁾. Но эти пшеничники прямо отличены отъ тяглыхъ людей въ привилѣи, выданномъ дворянину Федору Колонтаеву въ 1508 году на дворъ Новгородскаго повѣта Подонку съ людьми⁷⁹⁾. Если нельзя, такимъ образомъ, считать дьякло главнымъ признакомъ тяглой службы, тѣмъ менѣе можно отождествлять тягло и дьякло, какъ сдѣлалъ это г. Горбачевскій⁸⁰⁾.

Итакъ, тяглая служба состояла въ обработкѣ и уборкѣ господарской пащи и къ разнообразныхъ работахъ на господарскомъ дворѣ, для которыхъ сгонялись всегда, когда было нужно, тяглые люди, именовавшіеся поэтому въ Полоцкой землѣ *пригонными*⁸¹⁾. Что пригонные люди Полоцкой земли — одно и то же съ тяглыми, видно, напр., изъ привилеи, выданнаго королемъ Сигизмундомъ полоцкому боярину Янку Саньковичу 19 августа, 1511 г. на четыре службы путныхъ людей. „Вѣдъ намъ челомъ, — читаемъ здѣсь, — бояринъ подоцкій Янко Саньковичъ о томъ, что есмо перво сего дали были ему людей нашихъ пригонныхъ у Полоцкомъ повѣтѣ на имя Лугиндовъ; и твоя милость (воевода Подоцкій панъ Станиславъ Глѣбовичъ) тыхъ людей ему не подалъ для того, иже оны къ двору нашому Бѣльчицкому наидню пащуть и вси потягла тянуть“⁸²⁾. Въ такомъ же смыслѣ определяется тяглая служба и въ судебномъ листѣ по дѣлу людей боярина мстиславскаго Клишка Радича съ ихъ владѣльцемъ — „о выдмованьѣ ему зъ держанья“. Дѣло это разбиралось судьями „высаконными“ отъ великаго князя Александра, при чемъ жена Клишка Радича, уполномоченная своимъ мужемъ говорила на судѣ людямъ: „свекоръ дей мой радца выслужитъ дѣдовъ и отцовъ вашихъ и братью вашу на князи Юрьи (Дингвельевичѣ) вѣчно, и свекру естемоему и мужу служити вы сами и отцы ваши, и братья ваши тяглаго службою: съ сохою и съ серпомъ, и съ кофю, и съ топоромъ,

77) См., напр., Литов. Метр. кн. Зап. V, л. 16; VI, л. 185, 219, 245, 246; VIII, л. 207, 208; IX, л. 187, 188 и др.

78) Литов. Метр. кн. Зап. VIII, л. 137—139; IX, л. 301.

79) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 218.

80) Словарь древняго актовaго языка Северо-Западнаго, Бран и Царствъ Польскаго, стр. 107. Вильна 1874.

81) Акты Зап. Рос. II, № 61. 147.

82) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 99.

и иную тягъ тзвучи по тому, какъ и иншіе селане“⁸³⁾. Дякло, взимающееся съ тяглыхъ людей, было только дополненіемъ въ ихъ службѣ, какъ служило оно дополненіемъ въ службѣ и повинностямъ другихъ разрядовъ людей.

Подать эта въ томъ видѣ, въ какомъ она взималась при Казимирѣ и его сыновьяхъ, возникла не на литовско-русской почвѣ, а на польской. Это—зер, отсыпной хлѣбъ или *appa ducalis*, составлявшая принадлежность *jus ducale* по польскому праву и взимавшаяся также рожью и овсомъ; кромѣ того, при ней брались *vassa*, *vos*, *rogus* и тому подобное, что обозначалось словомъ *pagaz* (литовская мезлева)⁸⁴⁾. Не нужно при этомъ думать, что дякло и мезлева были кореннымъ нововведеніемъ: подати натурою взимались и ранѣе, и литовское правительство, вводя дякло и мезлеву по польскому образцу, всего вѣроятнѣе только распространяло и приводило къ одному типу и нормѣ натуральныя подати, существовавшія и ранѣе въ литовско-русскихъ областяхъ. О существованіи въ древнее время натуральныхъ поборовъ мы находимъ прямыя свидѣтельства. Такъ, одинъ старожилъ Витебской земли панъ Василиій Микуличъ далъ такое письменное показаніе предъ королемъ Казимиромъ о людяхъ Грушанахъ и ихъ „пошлинахъ“: „я, государь, Олькирда не помню, помню князя великого Витовта, дядю твоего, и то, государю, помню: даывали пятьдесятъ куницъ княгини великой Витовтовой, въ дыма по куницы, а по три гроши житницы (взамѣнъ жита натурою), а въ кухню по курети и десяти яецъ (то же самое взималось впоследствии и при дяклѣ) и по полгроша“⁸⁵⁾. Въ Задвинскихъ волостяхъ взимались подати, напоминающія мезлещину, — *яловицина*, или плата за яловицы, и *коневщина*, замѣнявшія собою натуральныя подати, очевидно, давняго происхожденія; яловицина взималась также и въ Могилевской волости⁸⁶⁾.

Кромѣ тяглыхъ людей, на господарской пашнѣ и лугахъ работали и другіе разряды крестьянъ, которые тяглою службы не служили,

⁸³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 67.

⁸⁴⁾ *М. Владимірскаго-Буданова* Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ въ Журн. Минист. Народ. Просв. 1868, авг., стр. 477; *Stanistawa Smolki* *Mieszko Stary i jego wiek*, str. 147. Warszawa 1881. Срав. *Jaroszewicza* *Obraz Litwy I*. § 89, гдѣ дякло выводится изъ литовскаго *docle*, дань.

⁸⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 33. Срав. *Archivum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I*, № LXXI.

⁸⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 280, 281; *Акты Зап. Рос.* II, № 86.

но обязаны были ходить на толоку, или подмогу: „три дни на паренину орати, три дни на жыто, а три дни серпомъ жыто жати, а три дни ярыны, а сѣно косити по старому“. Старина эта была давняя; по крайней мѣрѣ, упомянутый уже панъ Василій Микуличъ, помнившій Витовтово время, показывалъ королю Казимиру о людяхъ Грушанахъ Витебской земли, что они изстари „къ жниву три дни, и на ярь жь три дни ходять, а сѣна четыре стырты ставять, а на Усоичи езь забивають“. Изъ этихъ крестьянъ, которые ходили на толоку и косили сѣно, на первомъ мѣстѣ можно поставить тѣхъ, которые выходили изъ среды тяглыхъ же людей. Бывало иногда, что количество тяглыхъ службъ превышало потребности господарскаго двора; въ такомъ случаѣ часть крестьянъ освобождалась отъ тяглой службы, взаменъ которой взимались съ нихъ деньги. Король Сигизмундъ еще въ 1514 году относительно этого сдѣлалъ такое распоряженіе намѣстникамъ-державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣта: „И ты, владникъ нашъ, маешь колько разумѣючи людей на пашню отставити, которыми бы еси мѣлъ достаточно пашню нашу запахати, а иншихъ маешь на пѣязехъ осадити, и съ каждого чоловѣка по копѣ грошей въ годъ (беручи), и тыи бы еси пенязи въ каждый годъ давалъ до скарбу нашего, а дякла до городничого нашего подлугъ давного обычая; иншии всякии доходы наши мають намъ тыи люди давати и на толоку въ волостью, какъ будетъ обычай, ходити“⁸⁷⁾). По инструкціи 1529 года державцы должны были осадить „остатокъ тяглыхъ людей“ на бочкѣ пшеницы, или же каждый подданный долженъ былъ дать „вепра“ въ пользу господара. „А то, въ небытности нашей,—продолжаетъ инструкція 1529 года,—державцы продавши, повинни будутъ пѣязи до скарбу нашего отдавати“⁸⁸⁾).

VI.

На толоку ходили и сѣно косили на господара и крестьяне, которые несли свои спеціальныя службы при эксплуатаціи различныхъ угодій на господара, каковы были: бортники, бобровники, осочники, псарцы, ловцы, сокольники, свинухи, конюхи, кобыльники, ройтиники, лейти и т. д.

⁸⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 33. Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583.

⁸⁸⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 13,

Бортниками назывались крестьяне, которые завѣдывали господарскими бортами и „подлазили“ ихъ на господара. Что специальная бортничья служба состояла именно въ этомъ, можно видѣть изъ акта по раздѣлу имѣній пана Ивана, городничаго Полоцкаго, съ братьями (отъ 7 августа 1533 года), гдѣ читаемъ между прочимъ: „А вѣды жъ есмо имѣнья промежы собѣ дѣлили, тогда все дерево бортное на себе выжили и мѣли есмо ни одному челоуѣку своему дерева бортного дати; одно мѣли подлазники и бортники наши дерево бортное завѣдати и на насъ ходити“⁸⁰⁾. Бортники отдавали медь ключникамъ, замѣняя иногда и денежною данью, такъ что въ этомъ отношеніи приближались въ разряду крестьянъ, которыхъ называли данниками⁸¹⁾. Кроме специальной службы, бортники несли и другія повинности на господарскій дворъ, напр., давали дякло, какъ это видно изъ одного судового листа великаго князя Александра по дѣлу людей бортевъ Петра Станковича и Петра Вилтуновича съ бортникомъ Яцекомъ Вешторговичемъ о землѣ⁸²⁾. Впрочемъ, бортники не вездѣ платили дякло. Въ инвентарѣ двора Волковыскаго о нихъ говорится, что они „службы тѣлоу не служатъ и дякло не даютъ“. Въ уставѣ 1529 года бортники поставлены въ числѣ тѣхъ крестьянъ, которые обязаны ходить на толоку и носить сѣно.

Бобровниками назывались крестьяне, которые гнали бобровъ на господара, какъ это видно изъ привилея, выданнаго князьямъ, панамъ и землянамъ земли Киевской. „А бобровъ,—читаемъ здѣсь,—по церковнымъ селамъ и по княвскимъ и по панскимъ и по боярскимъ не гонити; гонити нашимъ бобровникомъ по тымъ полосамъ, куда будутъ бобровницы гонивали великаго князя Витовтова, и нашимъ бобровникомъ по тымъ же полосамъ гонити“⁸³⁾. Въ качествѣ господарскихъ охотниковъ они получали кормы отъ мѣстныхъ крестьянъ, которые жили по близости отъ господарскихъ бобровыхъ гоноу. Сигизмундъ, подтвердивъ въ 1514 году 31 марта боярамъ витебскимъ Глѣбу и Андрею Шапкамъ двѣ службы людей въ Илемницкой волости Витебскаго повета, оговоривъ въ привилеѣ: „и вжо тѣ люди изъ не жають бобровниковъ кормити и житницы, и конюховыхъ овсоу, и порного, и

⁸⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 185.

⁸¹⁾ Археографич. Сборн., изд. въ Вильнѣ, т. 4, № 17. Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. II, № 1; Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 77.

⁸²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 36, 37.

⁸³⁾ Акты Зап. Рос. II, № 30. Срав. Акты Зап. Рос. I, № 55.

воротного давати, нижди, тыи люди со всеми ст. тыи мають нмъ служити“⁸²). Бобровники, какъ видно, изъ инвентаря замка Водовыйскаго, службы тяглою не служили, давали дядко, косили сѣно и ходили на толоку.

Аналогичную службу несли и *осочники*, которые стерегли господарскія пунци, чтобы никто безъ права и дозволенія не жегъ въ ней золы и не билъ звѣрей⁸³), а главное — выслѣживали, или сочили звѣря, вслѣдствіе чего они и называются въ латинскихъ актахъ *inquisitores feragum*⁸⁴). Земля осочническая въ актахъ отличается отъ тяглою; такъ, въ 1513 г. пану Якубу Кунцовичу даны двѣ земли въ Дорсунишскомъ повѣтѣ; тяглая на имя Катеевщина и осочническая на имя Андреевщина⁸⁵). Изъ этого видно, что осочники тяглою службой не служили, на что, впрочемъ, находится и прямое указаніе въ „уставѣ“ Сигизмунда; изъ нея видно, кромѣ того, что осочники вмѣстѣ съ боярами или слугами путными ходили на войну, косили сѣно и ходили на толоку.

Осочники подготовляли работу для господарскихъ *морнакъ*; вмѣстѣ съ ними участвовали въ охотѣ, которая производилась на господаря. Ловцы подобно осочникамъ не были тяглыми людьми; такъ въ 1521 г. февраля 19 король Сигизмундъ подтверждалъ на вѣчностъ пань Яновой Якубовича (Шитовича) Софья „у Василишкахъ десеть чоловѣковъ ловцовъ нашихъ Василишскихъ и тяглыхъ людей двадцать служобъ“ и земли пустошскія⁸⁶). Чѣмъ специально служили ловцы, это видно изъ привилея, выданнаго въ 1497 году „сентября 11“ во село Лопошь, Браново и Ревны въ Брянскомъ повѣтѣ, гдѣ тяглымъ между прочимъ: „а служобъ дей только одна шесть въ тыхъ Ревняхъ и теперъ тамъ сѣдять шесть чоловѣковъ, служба съ тыхъ людей идетъ ловецкая, *звѣрь сочатъ*“⁸⁷). Существовалъ, кромѣ того, особый классъ

⁸²) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 237. Срав. Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 145—147.

⁸³) Акты Зап. Рос. II, № 149, II.

⁸⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 60. Срав. Литов. Метр. кн. Запис. II, л. 92.

⁸⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 566.

⁸⁶) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 26, 27.

⁸⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 95. Срав. Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. VII, т. II, № 1.

крестьяне, которые служили в службе *картинной* (т. е. содержали в дворянском дворе охотную команду для господарской охоты), так же сочили звѣря⁹⁹⁾. По господарской охотѣ служили свои слуги и *околомѣты* по праву удельные въ вѣтахъ извѣстнаго времени¹⁰⁰⁾, а также: *кородеи*, *сантисы*, специально соичашие дичихъ свиней и по вѣтамъ, встраивающиеся въ нѣбныхъ, находившикоя въ Полесьѣ¹⁰¹⁾. По аналогии съ работниками можно заключить, что и эти разряды господарскихъ: *кородеи* служили тяглою службой, а дожили наиказову и впрямь (свое, отъ было общимъ правиломъ для вѣхъ; вообще *косячьихъ* вѣдъ¹⁰²⁾, вѣдъ: *околомѣты* и *кородеи* вѣдъ. Если въ господарскихъ думцахъ сочили звѣрянъ, господарско въ господарскихъ озерехъ, вольности невода, также за господаря *околомѣты* большая часть рыбы продавалась, а дельца *косячьихъ* (карбъ¹⁰³⁾. Ведочил невода разные крестьяне, но были *прошѣ* отого *косячьихъ* въ некоторыхъ это возложено было; вѣдъ: специальная повинность. Въ вѣдъ: земельныхъ раздѣлъ: короля: Казимира, члѣтаскы между, пречинны: *Пану* *Ондрѣ*: *Немировичу*: *озеро* *Черешло*: *да* *околомѣтаскы*, што въ тому *оверу* слушаскы¹⁰⁴⁾. Даже *околомѣты* (озера) *косячьихъ* иногда специальную повинность крестьянъ. Въ 1514 году (король: *Сигизмундъ* пожаловаль *пану* *Миколаю* *Миколаевичу* *Радивиловичу* *оверу* *Ори* *дъ* *повѣтъ* *тывацка* *Вилодана* *днѣ* *мѣ* *косячьихъ*, *свара* *ми* *того*, *озера*, *на* *ими* *Микола*: *Войшоволона* *дъ* *Степан* *дъ* *виденна*, *которы* *дома* *овер* (близко *того* *озера* *мають*¹⁰⁵⁾). Были *косячьихъ* *крестьяне*, специальная служба которыхъ состояла въ *околомѣты* невода для господарскаго двора. Въ 1594 году (декабрь) *король* *подалъ* *днѣ* *дѣ* *дѣ* *Василью* *Львовину* *Гайневому* *людей*; *околомѣты*, *днѣ* *невода* *къ* *Берштань* *дѣ* *мають*¹⁰⁶⁾.

При некоторыхъ господарскихъ озерехъ, гдѣ было *околомѣты* и *косячьихъ*, вольность большая: *околомѣты*, *околомѣты* и *косячьихъ* составляли специальную повинность: *околомѣты* *косячьихъ* крестьянъ: *косячьихъ* были: *косячьихъ*, *косячьихъ*, *косячьихъ* *косячьихъ* *косячьихъ*.

⁹⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 287.

¹⁰⁰⁾ См. напр. Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 297, отъ *косячьихъ* *косячьихъ*.

¹⁰¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 292, 293, отъ *косячьихъ* *косячьихъ*.

¹⁰²⁾ Акты Зап. Рос. П. № 159, арт. 14, отъ *косячьихъ* *косячьихъ*.

¹⁰³⁾ Ibidem, арт. 16, отъ *косячьихъ* *косячьихъ*.

¹⁰⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 49, отъ *косячьихъ* *косячьихъ*.

¹⁰⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 220, отъ *косячьихъ* *косячьихъ*.

¹⁰⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 305.

валъ дворянину Пустъ Пыщикову „жеребей зъ людьми въ Берестѣ-
 скомъ повѣтѣ у Збировъхъ, конюховъ... на имя Дровниковъ и зъ ихъ
 братьей и дѣтми ихъ... и со всеми тыхъ людей службами и податми,
 и зъ данью троповою и медовою, и куничною, и зъ дякы, и со всеми
 съ тымъ, какъ на насъ держаны“¹¹⁹). Конюшская служба бывала
 иногда только дополненіемъ къ тяглою; вследствие чего по актамъ не-
 рѣдко приходится встрѣчаться съ *тяглыми конюхами*. Тяглыхъ ко-
 нюховъ встрѣчаемъ, напр., въ числѣ крестьянъ, которыхъ король Си-
 гизмундъ утвердилъ на вѣчность въ концѣ мая и въ началѣ іюня 1511
 года за паномъ Якубомъ Кунцовичемъ¹²⁰). Но вообще конюшская
 служба освобождала отъ тяглою, и конюхи въ актахъ отличаются отъ
 тяглыхъ людей. Нѣкоторыхъ изъ слонимскихъ конюховъ, предки ко-
 торыхъ „передъ тымъ служивали службу конюшскую“, волостные люди
 Литовскаго десятиа привернули было къ себѣ въ тяглую службу. Но,
 когда конюхи слонимскіе Пропотчане „очависто“ передъ королемъ ихъ
 „за ся прискали къ себѣ въ конюшскую службу“, король Сигизмундъ
 освободилъ ихъ отъ тяглою службы и велѣлъ служить службу конюш-
 скую¹²¹). На этомъ основаніи и конюшская земля отличается отъ тя-
 глыхъ въ 1508 г. марта 5 король Сигизмундъ подтвердилъ дворянину
 Иванку Янковичу нѣкоторыхъ людей „въ Городенскомъ повѣтѣ въ
 Мокреци“, „а къ тому двѣ земли пустовскихъ тамъ жо: одну конюш-
 скую, а другую тяглую, на имя Талютевщину а Барсуковщину“¹²²).

Рядомъ съ конюхами въ актахъ упоминаются обыкновенно
конокоржцы и *ленти*, которые, повидимому, несли службу также по
 содержанию и уходу за господарскими конными стадами. Въ 1516 году
 января 5 король Сигизмундъ заставилъ пану Богусу Боговитиновичу
 дворъ Троцкаго повѣта Довкги, какъ влать заставной листъ, „зъ
 мѣстомъ и со всеми людьми нашими Довговскими данными и тяглыми,
 и съ конюхи, и зъ ленти, и съ конокоржцы и со всеми ихъ служ-
 бами“¹²³). 26 января того же года король заставилъ дворъ Троцкаго
 повѣта Жолудокъ вн. Василью Андреевичу Полубенскому также со
 всеми людьми „данними и тяглыми, и съ конюхи, и зъ ленти и со
 всеми ихъ службами“¹²⁴). Также же перечни мы встрѣчаемъ и въ за-

¹¹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 96, 97.

¹²⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 486—488; IX, л. 2—4.

¹²¹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 91.

¹²²) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 289.

¹²³) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 110.

¹²⁴) Ibidem, л. 114, 115.

старших листахъ, выданныхъ: пану Миколаю Станиславовичу, старостичу Жомойтскому, на дворъ Оникшты 7 января 1516 г.; пану Юрью Григорьевичу Остиковичу на тотъ же дворъ Оникшты 10 июля 1520 года ¹²⁴⁾; пану Якубу Кунцовичу на дворы Волынишки и Лепунь Троцкого повѣта 25 января того же 1516 года ¹²⁵⁾ и т.д. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что конокормцы и ленти по актамъ встрѣчаются только въ предѣлахъ собственной Литовской земли, гдѣ хозяйство великаго князя велось на болѣе широкую ногу, чѣмъ въ другихъ областяхъ. Конокормцы въ актахъ, писанныхъ на латинскомъ языкѣ, напр., въ привилей, выданномъ въ 1510 году пану Яну Литавору Хрестовичу, называются *equorum pabulatores* ¹²⁶⁾. Если съ этимъ сопоставить привилей короля Сигизмунда отъ 23 июня 1510 года, которымъ онъ утвердилъ на вѣчность за дворяниномъ Иваномъ Михайловичемъ Дубицкимъ людей конокормцевъ Неждунцовъ Опшненскаго повѣта „со всеми ихъ землями пашинными и бортиными и съ сѣножатями, и съ гал, и съ хворостники, и съ выгоны и съ паствами, и съ рѣками, и съ млины, и со всеми ихъ службами и съ податями“, можно прийти къ заключенію, что конокормцами назывались крестьяне, владѣвшіе хорошими выгонами и пастбищами и кормившіе на нихъ лошадей со своими и господарскихъ лошадей. На это послѣднее находимъ и прямое указаніе въ привилей, выданномъ великимъ княземъ Александромъ въ 1494 году татарамъ Тимирчичамъ на землю Трещинскую, съ которой „здавна кормивале три кони: Жбасъ коня кормивале, а Русилосъ съ Убочомъ коня кормивале, а Юватисъ съ братьєю коня кормивале“ ¹²⁷⁾. Это была ихъ специальная служба, замѣнявшая тяглою, вслѣдствіе чего и конокормцы отличаются обыкновенно отъ тяглыхъ людей. Въ 1523 году декабря 24 король пожаловалъ пану Юрью Ивановичу Ильичича четыре челоуѣка въ Троцкомъ повѣтѣ (волости) Балтроеева десятеа и двѣ земли пустовскихъ: „а повѣдалъ намъ, — гласитъ привилей, — што жъ тыи люди и земли пустовскихъ суть тяглыи, не ленти а ни конокормцы“ ¹²⁸⁾. Различеніе лентей отъ тяглыхъ людей также постоянно встрѣчается въ актахъ ¹²⁹⁾.

¹²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 156; X, л. 44, 45.

¹²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 157, 158.

¹²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 390.

¹²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 44.

¹²⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 68.

¹²⁹⁾ Акт. Зап. Ред. II, № 119; Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 26, 27 и др.

Въ чемъ состояла специальная лентная служба, разъяснить это намъ не удалось на основаніи изученнаго матеріала. Ленты, кромѣ специальной службы, платили и *дыкло*. Въ 1510 году король Сигизмундъ подтвердилъ нѣкому Янушкѣ пять человекъ лентевъ и три пустоши въ Ошменскомъ повѣтѣ на вѣчность: „нехай онъ и его сыры ведливны наслѣдвы тыи выписаныи люди а тыи три земли пустошскіи держать со всеми ихъ землями папными и бортными и обнужатьми и съ службами тѣхъ людей и зъ ихъ дѣлами и со всеми“¹³⁰⁾.

По уходу за господарскими лошадьми несли свою службу и *роитинники* („кони воживали“), хотя по актамъ не ясно, въ чемъ именно состояла эта служба¹³¹⁾. Но что это была специальная служба, видно изъ одной записи земельныхъ раздатъ короля Сигизмунда, дошедшей до насъ отъ первыхъ лѣтъ его внаженя: „Бортѣ а Янубу Ромашовичомъ дана земля пустая въ Ешишкахъ на имя Шуловщина: на ихъ отчизнѣ на роитиницкую службу“¹³²⁾. Земли роитиниковъ въ актахъ относятся обыкновенно къ числу крестьянскихъ („людей“), изъ чего видно, что и сами роитиники принадлежали къ составу крестьянскаго общества; такъ, въ числѣ крестьянскихъ пустошевскихъ земель пожалованныхъ королемъ Сигизмундомъ боярину жмудскому Станиславу Михайловичу „въ Жомонтской земли въ Росеневой волости“ упоминаются, между прочимъ: Ендросовщина роитиникова, Мицковщина роитиникова“¹³³⁾.

Кромѣ перечисленныхъ, были и другіе разряды крестьянъ, которые исполняли специальные обязанности по хозяйству великаго князя и не служили тяглою службой. Про нѣкоторыхъ изъ нихъ известно, кромѣ того, что они ходили на толову и косили сѣно. Въ инвентарѣ замка Волковийскаго читаемъ, напр.: „*Сторези* Рудницкіи Волковийскаго повѣту, службы тяглое не служатъ, дѣла даютъ, сѣно косятъ, на войну зъ державцею ходять“¹³⁴⁾. Упоминаются, кромѣ того, *повозники*, по латыни *vestigarii*¹³⁵⁾, специальную службу которыхъ, судя по названію, составлялъ „повозъ“—доставка на мѣсто назначенія разныхъ произведеній господарскаго хозяйства. Сюда же можно отнести и *кухарей*, въ составѣ господарскихъ „подданныхъ“ занимав-

¹³⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 349; 350.

¹³¹⁾ Н. Горбачевская Словарь древнито актоваго языка, стр. 317.

¹³²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 176.

¹³³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 567.

¹³⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 648—661.

¹³⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 567; VIII, л. 380.

шикъ среднее положенія между „людьми“ и боярами-пшиктою. Такъ, они сами владѣли иногда людьми: король Александръ пожаловалъ, а Сигизмундъ подтвердилъ 9 мая 1507 года кухарю Манку „землю пущу у Виленскомъ повѣтѣ у Судеревской волости на имя Грибовщины и человека, который на половницы тое земли сѣдѣлъ, на кухарскую службу“. Но, съ другой стороны, ихъ самихъ съ землями иногда отдавали во владѣніе частнымъ лицамъ наравнѣ съ другими крестьянами. Такъ, король Сигизмундъ въ 1520 году пожаловалъ князю Михаилу Козечичу три дворища во Владимирскомъ повѣтѣ „въ Турпейской волости“ и кухарей Пушеу съ братомъ и братаничами, которымъ принадлежали эти дворища ¹³⁶). Къ этому же разряду крестьянъ относится, повидимому, и *садовники*, двѣ службы которыхъ въ селѣ Рудовичакъ Новгородскаго повѣта король Сигизмундъ пожаловалъ дворянину Василію Богдановичу Чижу въ 1522 году вмѣстѣ съ двумя службами конюховъ ¹³⁷). Сюда же, какъ извѣстно, принадлежали и *огородники*, воздѣлывавшіе дворные огороды и собственные небольшіе участки ¹³⁸).

VII.

На толоку ходили и сѣно косили на господара и крестьяне, которые несли свои спеціальныя повинности сообразно съ особенными промыслами, которыми они занимались помимо земледѣлія. Таковы были, напр., *ковали*, или *кузнецы*. Въ инвентарѣ двора Волковскаго относительно ихъ находимъ такое указаніе: „А то ковали, даютъ рога къ двору, въ мѣстѣ живутъ, службы тяглое не служатъ и дьяла не даютъ, зѣ мѣстомъ подачи платять“ ¹³⁹). Такъ бывало не вездѣ, и ковали живали по селамъ среди крестьянъ, съ которыми и ходили на толоку и сѣнокосъ къ господарскому двору ¹⁴⁰). Но не всѣ ковали несли издѣльную повинность на господарскій дворъ. Король Сигизмундъ въ 1514 г. предписывалъ намѣстникамъ-державцамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ: „А ковалевъ также маешь съ потребу

¹³⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 155; XV, л. 106.

¹³⁷) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 84, 85.

¹³⁸) О нихъ см. *О. Леонтовича* „Крестьяне юго-западной Россіи по литовскому праву XV и XVI столѣтій“ въ Киевск. Университетск. Извѣстіяхъ 1863, № 11, стр. 28, 29. Срав. Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 315, 316.

¹³⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 648—651.

¹⁴⁰) Литы Зап. Рос. II, № 159, § 14.

на дворъ нашъ отставить, а иныхъ мѣшь на яростѣ осадити, и съ нихъ пензей съ каждого по конѣ грошей беручы, и до скарбу нашего давати“¹⁴¹). Однородную службу съ ковалями несли и *клячичи*, про которыхъ въ упомянутомъ уже инвентарѣ замка Волковийскаго сказано: „А то клячичи, службу служатъ клячацкую, дякло даютъ, сѣно косять, на войну зъ державцею ходять, а службы тѣлес не служатъ“. Въ Витебской землѣ были, кромѣ того, еще *рогатинники*, которые „робили на замокъ Витебскій по полтретяццати рогатинъ съ службы“¹⁴²).

Тяглою службы не служили и *дойлиды* (плотники), а именно дойдидскую, какъ это открывается изъ подтверждающаго привилея, выданнаго въ 1511 году 29 мая пану Якубу Кунцовичу на людей и земли разныхъ наименованій¹⁴³). Дойлиды, вромѣ своей специальной службы, платили дякло и, вѣроятно, ходили на толову и косили сѣно подобно другимъ нетяглымъ людямъ. Въ 1494 году великій князь Александръ пожаловалъ дойдидамъ Троцкимъ Немойку Крайцису и Татарину дѣльницу умершаго брата ихъ съ условіемъ: „надай они тую землю держать и съ того намъ службу служить и дякло даютъ по тому, какъ и братъ ихъ съ тое земли намъ служивалъ и дякло даивалъ“¹⁴⁴). Близкую къ дойдидской службу несли *санники*, *бондари*, *судники* и т. д. Среди записей земельныхъ раздачъ, произведенныхъ королемъ Сигизмундомъ въ первые годы его правленья, встречаемъ между прочимъ слѣдующую: „санникамъ Городенскимъ Симону Кононовичу, а Игнату Васильевичу и Ходюку Нелѣповичу дана земля пустая у-въ Одельску на санницеую службу Степещина“¹⁴⁵). Относительно санниковъ въ инвентарѣ замка Волковийскаго находится и слѣдующее замѣчаніе: „то санники Волковийскіе, службы тяглое не служатъ, толко толоку служатъ а сѣно косять а на войну ходять, а дякла не даютъ“. Бондари также не были тяглыми людьми, какъ это открывается изъ привилея, выданнаго 14 января 1517 г. князю Константину Ивановичу Острожскому на село въ Новгородскомъ повѣтѣ Онохово „зъ людьми данными и тяглыми, зъ бондари и зъ ихъ братьею, зъ землями пашными и бортными и съ пустошцинами того се-

¹⁴¹) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583.

¹⁴²) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 40, 41.

¹⁴³) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 486—488.

¹⁴⁴) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 17.

¹⁴⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 71.

да" ¹⁴⁶). О судниках находимъ упоминаніе въ подтвердительномъ прииделѣ, выданномъ въ сентябрѣ 1510 года пану Юрью Ивановичу Идвинича на людей и земли: „а въ Новгородскомъ повѣтѣ,—читаемъ здѣсь,—дали есмо ему людей Лучанъ судниковъ съ братьею ихъ“ ¹⁴⁷).

По актамъ мы встрѣчаемъ и много другихъ ремесленныхъ людей, принадлежавшихъ къ крестьянскому сословію, жившихъ въ сѣдлахъ и владѣвшихъ земельными надѣлами. Всѣ они несли свою специальную службу господарю сообразно съ своимъ ремесломъ, если только она требовалась. Въ 1524 году сентября 20 король Сигизмундъ подтвердилъ *кравцу* Сеньку Федоровичу боярскую землю, двѣ части которой онъ купилъ у боярина Городецкаго Юхна Семашевича, а третью часть, „дѣлница брата его Богушова, спала на него жъ по жонѣ его Кахнѣ, дочцѣ того Богуша“. Пожалованье мотивировано тѣмъ, „што онъ, будучи при насъ, уставичне кравецкою службою намъ служить, шаты на насъ и на послы робить“, и обставлено затѣмъ слѣдующею льготою: „а на службу нашу на войну, коли мы сами господарь своего парсуною не побдемъ, тогда онъ не маеть дѣ той земли на службу нашу самъ ѣздити, нивого режъ иншого посылати..., нишли маеть намъ служити службою кравецкою“ ¹⁴⁸). Конечно, съ этой земли, какъ съ бывшей боярской, кравецъ Сенько Федоровичъ не долженъ былъ и на толоку ходити, и сѣно косити, но это не было общимъ правиломъ, и кравцы, вѣроятно, подобно всѣмъ вообще нетяглымъ людямъ, должны были нести означенныя повинности.—Въ селѣ Волковичахъ Новгородскаго повѣта, которое выпращивалъ себѣ у короля Сигизмунда въ 1514 году дворянинъ Василій Вколдовъ, по его показанію, жили и люди конюхи и *мучники*, и *мурамы*, и *садовники*, и *пташечники* ¹⁴⁹). „Муралемъ Городецкимъ и *стрихаремъ* и *меловникомъ*“ король Сигизмундъ въ 1516 году 10 февраля пожаловалъ „у мѣстѣ Городецкомъ“ коряму вольную и заказалъ старостѣ, „абы канцисны съ нихъ не бралъ: нехай слушать теми службами, дакъ и передъ тѣмъ служивали“ ¹⁵⁰). Перечисленные ремесленники, повидимому, принадлежали къ составу того городского населенія, которое находилось въ городскомъ правѣ, а не въ мѣстскомъ, т. е. подъ присудомъ старосты. Но изъ вышеприведеннаго показанія

¹⁴⁶) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 157.

¹⁴⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, 386, 387.

¹⁴⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 138.

¹⁴⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 88, 89.

¹⁵⁰) Ibidem, л. 13.

дворянина Вюлова видно, что такіе же ремесленные люди жилали и по селамъ. Повидимому, всѣ вообще городскіе ремесленные люди, состоявшіе въ городскомъ или замковомъ правѣ, потому и находились въ такомъ положеніи, что коренное ихъ мѣстожителство было въ селѣ, а не въ „мѣстскомъ фридѣ“, какъ выражаются акты. — Изъ записей раздачи имѣній короля Казимира узнаемъ о существованіи въ селѣхъ *горничарей, лучниковъ, кожемяк*. Горничарь пожалованъ „у Красносельцѣхъ“ Яну Вготевичу ¹⁵¹⁾; Мишку Бородѣ пожаловано село лучниково Ожексѣйково ¹⁵²⁾; пану Ивашку Зеновьевичу пожалованы пять человекъ Журядовичи, кожемяки ¹⁵³⁾. Въ 1495 году великій князь Александръ пожаловалъ городничему Смоленскому Федору Полтевичу земли Колупаевщину и Иванову — „*стрыменниковъ* въ Смоленску у — въ Озариничохъ“: „а повѣдалъ намъ, — читаемъ въ привилеѣ, — што жъ толко съ тое земли хоживали намъ по десятиру *стрыжень*“ ¹⁵⁴⁾. — Въ 1510 году января 8 король Сигизмундъ пожаловалъ дьяку Андрею Милошевичу въ Городенскомъ повѣтѣ четыре службы людей *оробниковъ* „со всеми ихъ землями пашными и бортными и сѣножатями, и зъ дѣлами, и со всеми съ тымъ, какъ тии люди намъ служили въ замку нашому Городенскому“ ¹⁵⁵⁾.

Тяглою службы не служили, замѣняя ее спеціальною, и крестьяне, разработывавшіе на себя различныя мѣстныя угоды, свои собственныя и даже господарскія; нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ того, ходили и на толоку на господарскую дворную пашню и косили сѣно на господара. Таковы были, напр., *рыболовы, солмаики, рудники, уюльмины, дестляри, млынари* (мельники) и т. д. По инвентарю замка Волковѣйскаго рыболовы служили рыбою, дѣла не давали; изъ уставы, данной въ 1529 году державцамъ дворовъ Виленскаго и Тродскаго повѣтовъ, узнаемъ, что они обязаны были, кромѣ того, ходить на толоку и носить сѣно на господара. Въ чемъ состояла спеціальная служба рыболововъ, это видно, напр., изъ привилеѣ великаго князя Александра, выданнаго въ 1498 году дворянину Бокю на службу рыболововъ Ущитскихъ въ Брянскомъ повѣтѣ: „а повѣдалъ передъ нами, — читаемъ въ этомъ привилеѣ, — што жъ съ нихъ идетъ намъ даня по

¹⁵¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 8.

¹⁵²⁾ Ibidem, л. 19.

¹⁵³⁾ Ibidem, л. 6.

¹⁵⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 56.

¹⁵⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 334. Срѣв. Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. IV, т. I, № X.

днѣ бобрны: кады рыбы, а за орѣжи водены дають намъ король грошей¹⁵⁶⁾. Солданы въ Валувнѣскомъ повѣтѣ служили солью, а именно — давали по бочкѣ соли съ службы и по тысячѣ головачень бѣлой соли; кромѣ того, ходили на войну съ державцею, но службѣ тѣлой не служили и даней не давали. Тамъ, гдѣ солданы были побѣдны, съ нихъ шла одна только солданицкая служба. Тамъ, королю Сигизмунду въ 1511 году повѣдалъ солданивъ Городенскій Станко Юрьевичъ съ сыновьями, что жь они служили намъ солданицкою службою и давали въ каждый годъ по бочкѣ соли на замокъ Городенскій, и били челомъ, «обязано тебѣ соль на нихъ брата не велѣли и невали имъ службу службою панцерною¹⁵⁷⁾. Изъ этого видно, что солданы Юрьевскіе не несли двухъ службъ, какъ Волковскіе. Принадлежность солдандовъ въ составу крестьянскаго общества особенно ясно видно изъ подтверждательнаго привилея короля Сигизмунда, выданнаго въ 1509 году дворянину Ивану Есмановичу на дворѣ Тальковскій въ Слонимскомъ повѣтѣ со всеми селами этого двора „и людьми дворянскими и вадьями, в оленники, и съ челядью невольною“, со всеми землями, д. угольями этихъ людей, „и съ даными грошовыми и медовыми, и сѣмидыми, а бобровыми и лунными, и съ дѣлами ореховыми и овсяными, и съ службами тыхъ людей“¹⁵⁸⁾.

Аналогичную службу, по всей вѣроятности, несли и *рудники*, упоминаемые въ инвентарѣ замка Волковскаго. Здѣсь же упоминаются и *угольники*, которые служатъ службу угольницкую, а дѣла не даютъ, только даютъ по вепрю со службы. Въ чемъ состояла угольницкая служба, это видно изъ записи о пожалованіи королемъ Сигизмундомъ въ 1509 году пану Юрью Немировичу двухъ службъ людей въ Новгородскомъ повѣтѣ „у въ Углѣхъ“: „а тыи деи люди иное службы нѣкоторое не служатъ, только уголье дають въ замокъ Новгородскій“¹⁵⁹⁾. Въ записяхъ земельныхъ раздачъ короля Казимира встрѣчаются *двѣдирей*, которые, вѣроятно, служили службу дегтярскую и т. д.¹⁶⁰⁾.

Привилегированное положеніе среди крестьянъ этого разряда занимаютъ *мельники*, или мельники, которые, кромѣ своей специальной обязанности, обыкновенно не несли никакихъ другихъ. Въ чемъ со-

¹⁵⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 76.

¹⁵⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 167.

¹⁵⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 327.

¹⁵⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 239, 240.

¹⁶⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 48.

стояла или специальная служба; это видно прежде всего; напр., из судебного вирова короля Казимира (отъ 28 февраля 1488 года), когда онъ присудилъ „млинарское мѣсто“ на Ожѣ дочери бывшего млидаря Доротѣ и ея мужу: „а она имеетъ,—гласитъ вирокъ,— на томъ мѣстѣ живучи съ мужемъ своимъ, млынъ нашъ оправляти такъ, какъ отецъ ее млынъ нашъ справлялъ“¹⁶¹⁾. Получаемые на мельницѣ „мелки“ въ количествѣ двухъ третей шли обыкновенно на господара; а оставшая часть въ пользу самого млидаря. Такъ, король Сигизмундъ, утвердивъ въ декабрѣ 1518 г. за служебникомъ Васкомъ Болчовскимъ три млына подлѣ города Владимира, доставшіеся ему послѣдному по женѣ, бывшей въ первый разъ замужемъ за мельникомъ, оговорилъ въ привилей: „а што ея дотычетъ тыхъ мѣрокъ, што предъ него съ тыхъ млиновъ давали, тѣ мѣрки и теперь онъ имеетъ на замокъ двѣ мѣрки давати, а ему третя мѣрка“. Предъ, о которыхъ здѣсь говорится, давали двѣ мѣрки еще князю Свидригелю, который и пожаловалъ имъ эти млыны¹⁶²⁾. Млинарскія „мѣста“ состояли обыкновенно изъ усадебной земли и огородной. Въ декабрѣ 1516 года король Сигизмундъ пожаловалъ пану Яну Литавору Хребтовича „млынничю“ Нилевское въ Берестейскомъ повѣтѣ именно съ огородами¹⁶³⁾.

VIII.

Отъ только что перечисленныхъ разрядовъ крестьянъ естественный переходъ къ многочисленному классу *данниковъ*, которые производили свои уплаты господарю большею частью также изъ доходовъ, получаемыхъ отъ эксплуатаціи мѣстныхъ угодій. По крайней мѣрѣ это можно сказать относительно дачи медовой, бобровой и куничной, отличающейся натурою. Самихъ рыболововъ, соляниковъ, угольниковъ, рудниковъ и дегтярей можно назвать своего рода данниками; но въ каждомъ случаѣ не тяглыми людьми, какъ это дѣлаетъ г. Бершадскій, придавая слову „тяглый“ не свойственный ему по времени и мѣсту общій смыслъ¹⁶⁴⁾. Если уже обобщать значеніе слова „тяглый“, то скорѣе можно распространить его на тѣ разряды крестьянъ, которые

¹⁶¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 128.

¹⁶²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 22, 3. Срав. уставу на волости 1557 г. арт. 23.

¹⁶³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 411.

¹⁶⁴⁾ Кіевская Старина 1888, № 10, стр. 96—98. Срав. также И. Носовичаю Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи, стр. 13.

несли свою службу при эксплуатациі различныхъ угодій на господара каковы были: бортники, бобровники, конюхи и т. д. Лучше, однако, не дѣлать этого и держаться въ предѣлахъ словоупотребленія источниковъ, чтобы не вносить путаницы въ изображеніе различныхъ разрядовъ литовско-русскаго крестьянства. Данники не были тяглыми людьми, и вездѣ въ актахъ различаются отъ сихъ послѣднихъ. Такъ, въ 1511 году король Сигизмундъ пожаловалъ пану Яну Немировичу четырехъ человекъ въ Новгородскомъ повѣтѣ Ловецкаго десятиа и двѣ земли пустовскихъ согласно его заявленію, подтвержденному и воеводою Новгородскимъ, „што жъ то люди дякольные тяглые, а не данные, и тѣи земли пусты лежать, а наслѣдковъ къ нимъ никого нѣтъ“¹⁶⁵). Тѣмъ не менѣе, тамъ, гдѣ были господарскіе дворы и дворцы, данники подобно всѣмъ вообще нетяглымъ людямъ обязаны были ходить на телоку и косить сѣно на господара, а иногда несли и другія повинности. Такъ, король Александръ пожаловалъ въ Овруцкомъ повѣтѣ боярину кіевскому Яцку Мевю службу данниковъ, Ларивова и Янка Давыдовичей съ ихъ братьею и братаничами, при чемъ Яцко повѣдалъ королю, „што жъ тѣи люди служатъ намъ одною службою, а дають намъ дани тридцать и шесть ведеръ меду и къ замку нашему по три дни орати и жати и жыта возити и сѣна косити и молотити ходять, и ледъ колють, и огородъ городять и инныя службы къ замку нашему служатъ“¹⁶⁶). Повинности, лежавшія на данникахъ сверхъ дани, были неодинаковы, варьирясь сообразно съ потребностями господарскаго хозяйства, съ мѣстною производительностью и съ количествомъ дани. Такъ, великій князь Александръ пожаловалъ князю Дмитрію Путятичу данниковъ, село Положане въ Любчанской волости, о которомъ князь сообщилъ, „што жъ въ томъ селѣ толко одно десять чоловѣковъ, а служба съ нихъ—толко до Тршовъ съ косою ходять, а дани дей намъ съ нихъ идетъ полтора устава меду прѣсного, а сто грошей, а кунецъ шесть“¹⁶⁷). Въ 1503 году онъ же пожаловалъ „до воли“ князю Василью Полубенскому село Полюбичи въ Берестейскомъ повѣтѣ, „а тѣми разы, — гласитъ привилей короля,—съ того села дани намъ идетъ семь кунецъ, а семь ведеръ меду, а на службу нашу ходять съ серпомъ и косою“¹⁶⁸).

¹⁶⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 58. Срав. Акты Занад. Рос. I, № 218; II, № 69 и др.

¹⁶⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 196.

¹⁶⁷) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 92.

¹⁶⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 216.

Данники въ Каспльской волости Смоленскаго повѣта, кромѣ дани, тинули еще неводъ на господарскихъ озерахъ ¹⁶⁹⁾ и т. д. Точно такъ же, какъ повинности, варьировались по мѣстностямъ и различные натуральные „плати“, которые шли съ данниковъ, кромѣ дани. Такъ, данники волости Борисовской давали сѣно и овесъ господарскимъ лошадямъ, когда ихъ гнали въ Борисову на покормъ ¹⁷⁰⁾; данники Сытичь въ Брянскомъ повѣтѣ, котораго великій князь Александръ въ 1496 году пожаловалъ кн. Тимошеею Капустѣ, давалъ дани „кадъ меду а ведро ловчое и соколъ на городъ“ ¹⁷¹⁾; съ данниковъ, которыхъ Александръ пожаловалъ въ декабрѣ 1498 года князьямъ Ивану и Тимошеею Филипповичамъ Крошинскимъ въ Смоленскомъ повѣтѣ въ Дубровенскомъ пути, шла „кадъ меду а пятнадцать грошей, а посочица, а къ двору нашему (господарскому) къ Глушицы мѣра жита а насадва пива“ ¹⁷²⁾; человекъ Кіевскаго повѣта Дитятевичъ, котораго король Казимиръ пожаловалъ пану Роману, а Александръ подтвердилъ его сыну Горностаю въ 1493 году, давалъ господарямъ „дани четыре карамоны меду прѣсного а двѣ ведръ а двѣ кузи меду, а три копы грошей, а топоръ, а стого сѣна“ ¹⁷³⁾; въ Мстиславскомъ княжествѣ вмѣстѣ съ медомъ данники давали хмель ¹⁷⁴⁾ и т. д.

Какъ бы то ни было, но платежъ дани составлялъ главную службу этого разряда крестьянъ. Дань крестьяне платили обыкновенно грошовую, или серебряную, медовую, бобровую и вуничную. *Грошовая, или серебряная, дань* бралась собственно съ папныхъ земель, которыми владѣли данники, а натуральные съ ихъ угодій. Въ 1533 году король Сигизмундъ приказывалъ воеводѣ Виленскому пану Альбрехту Мартиновичу Гапшольду, державшему волость Бобруйскую, взимать дань сполна съ тѣхъ людей, которые держатъ земли пустовскія, папныя и бортныя: „если жъ бы кто зъ нихъ держалъ которое пустовщныя борти, а не пахалъ папни, тогда повиненъ будетъ только дань медовую платити; если бы кто не держалъ бортей, а держалъ землю папную, тогда будетъ повиненъ дань грошовую платити и иными доходы, што за грошовую данью идетъ“ ¹⁷⁵⁾. Грошовая, или серебряная, дань ¹⁷⁶⁾

¹⁶⁹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 23, II.

¹⁷⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 5.

¹⁷¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 88.

¹⁷²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 78.

¹⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 84, 85.

¹⁷⁴⁾ Акты Зап. Рос. I, № 66.

¹⁷⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 172—174.

¹⁷⁶⁾ Акты Зап. Рос. I, № 217.

по актамъ является почти постоянно податью данниковъ, которые по своимъ промысламъ едва ли не болѣе другихъ крестьянъ были въ состояніи ее платить ¹⁷⁷⁾). Впрочемъ, съ нашихъ земель данники платили иногда, кромѣ того, и житную дань, или джедо ¹⁷⁸⁾). Такъ, въ 1506 году 29 мая король Александръ пожаловалъ князю Петру Михайловичу село Рожанцы въ Берестейскомъ повѣтѣ, два жеребья служебныхъ и два сотныхъ, со всѣми людьми, ихъ землями и угодьями и податями, въ томъ числѣ — „зъ ихъ данми грошовыми и медовыми, и куничными, и зъ житными“ ¹⁷⁹⁾).

Бывало, впрочемъ, что платежи данниковъ ограничивались и одною натурою. Въ книгахъ земельныхъ раздачъ Казимира довольно часто встрѣчаются, напр., такія записи: „Яну Немировичу село Добромисль, што ко Блещку тягло, дани съ него идетъ тринадцать упатковъ прѣсною меду“; или: „Радивоновичу Васку 12 данниковъ съ лукомъ уставнымъ меду, на рѣцѣ Уалѣ“; или: „Войтку Шапцѣ — пять чоловѣковъ Заверяне, дають 20 пудовъ дани меду“; затѣмъ: „каптану Бѣлскому Ерониму два чоловѣки... двѣ ведерки меду прѣсного дають“; „у Баштахъ пану Кезьгайлу перво дали 60 чоловѣковъ, а нинѣ придали еще 30; ино то девяносто, дають 10 уставовъ дани меду; „Данилю — три чоловѣки, а дають дей пудовню меду, будетъ ли подобно“; „пану Наду, старостѣ Берестейскому, осмнадцать чоловѣковъ, Соховичъ племя да Глѣбовичъ, дають дани 2 колодѣ меду“ ¹⁸⁰⁾). Въ приведенныхъ примѣрахъ дань платилась исключительно прѣснымъ медомъ. Къ меду прибавлялись иногда кунницы, лисицы или бобры „шерстью“. Такъ, Казимиръ пожаловалъ въ Смоленскѣ Яну Черному чоловѣка Давыдка Мисанова, „а дасть дани пять пудовъ меду а кунницу“ ¹⁸¹⁾). Король Александръ, пожаловавъ пану Дмитру Александровичу село Романово въ Житомирскомъ повѣтѣ, состоящее изъ 18 людей данныхъ, тяглыхъ и двухъ носельскихъ слугъ, писалъ въ привилеѣ, согласно его же довланду: „а дани дей намъ съ того села дають

¹⁷⁷⁾ См., напр., Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 33; V, л. 78; VI, л. 9, 10, 187, 188; VII, л. 588, 591, 592; VIII, л. 194; X, л. 86—88; Акты Зап. Рос. I, № 39, 72.

¹⁷⁸⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXXI, CII; Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 9.

¹⁷⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 10, 11. Срав. *ibidem*, л. 241, 242.

¹⁸⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 1, 8, 10, 12, 16, 65 и др.

¹⁸¹⁾ *Ibidem*, л. 26.

сорокъ ведеръ меду прѣсного а дванадцать лисиць шерстью¹⁸²⁾. Даникъ, котораго пожаловалъ великій князь Александръ дворянину Васку Колонтаеву въ 1498 году, давалъ дани „одну кадъ меду прѣсного и бобра“¹⁸³⁾. *Бобровая и куничная дань* уплачивалась и отдѣльно отъ медовой, одна или же въ соединеніи съ какими-нибудь другими даними. Такъ, село Свилло, которое великій князь пожаловалъ боярамъ Сенковичамъ въ Полоцкомъ повѣтѣ, платило только три кунницы дани¹⁸⁴⁾; село Туринчевичи Четверской волости, которое король Сигизмундъ въ 1510 году пожаловалъ дворянину Костѣ Пищивову, платило дани девять копь грошей и три бобра¹⁸⁵⁾. Кромѣ бобровъ и кунницъ, въ дань шли, какъ мы уже видѣли, лисицы, а также бѣлки¹⁸⁶⁾, вслѣдствіе чего въ актахъ мы встрѣчаемся даже съ *блочною данью*. Такъ, панъ Семень Ѳедоровичъ Полозовича получилъ отъ короля Сигизмунда имѣнье Котчинъ, Деречинъ тожь, со всѣми его доходами и между прочимъ „съ данми грошовыми и медовыми, и куничными, и бѣлчн“¹⁸⁷⁾.

Взамѣнъ меда, бобровъ и кунницъ правительство и частныя владѣльцы принимали по уставной цѣнѣ и деньги, а иногда и сами назначали денежную плату. Такъ, князь Михайлъ и Ѳедоръ Мезецкіе и мать ихъ „отписали дани на церкви съ Ворошиловыхъ двѣ кади, а съ Дергны за кадъ меду копа грошей“¹⁸⁸⁾. Писарь господарскій Ивашко Яцковичъ, выбирая по порученію великаго князя дань съ Задвинскихъ волостей, взялъ „въ Мемежанъ 20 рублей, по двѣ копы (рубль), а полтора рубля яловщины, а 20 бобровъ грошны, по 40 грошей бобръ,—то 13 копь и 20 грошей, а три бобры шерстью, а осмдесятъ кунницъ шерстью“¹⁸⁹⁾ и т. д.

Даники, которые платили свою подать кунницами, носили специальное названіе *куничниковъ*, а земли ихъ назывались куничными. Въ древнѣйшей люстрации Кіевской земли (конца XV в.) въ описаніи села Терисеева на р. Роси читаемъ: „А куничниковъ три, по шести

¹⁸²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 3.

¹⁸³⁾ Ibidem. л. 108.

¹⁸⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 2.

¹⁸⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 403.

¹⁸⁶⁾ Акты Зап. Рос. I, № 39.

¹⁸⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 292, 293.

¹⁸⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 112.

¹⁸⁹⁾ Ibidem, л. 280, 281.

куницъ дають два нхъ, а третій куничникъ по три куницѣ" ¹⁰⁰). Въ 1523 году бояринъ бричевскій Василій Кипріяновичъ выпросилъ у короля Сигизмунда три селѣща куничныхъ въ Бричевскомъ повѣтѣ Оранново, Чуною, Бабичово ¹⁰¹). Не болѣе всего куничниковъ было въ Жмудской землѣ, гдѣ они составляли особый и многочисленный разрядъ крестьянства ¹⁰²), который отличался даже и отъ данниковъ въ собственномъ смыслѣ. Такъ, заново пожалованнн въ 1514 году боярину жмудскому Лавренту Петровичу людей въ Поюрской волости, гласить: „а то люди тяглы, не данники а ни куничны" ¹⁰³). Куничники въ времена изданнн перваго Статута платили свою подать уже не куницами „шерстью", а деньгами, по 16 и затѣмъ по 12 грошей, и хотя не были тяглыми людьми, но обязаны были наравнѣ съ другими крестьянами косить сѣно на господара ¹⁰⁴). Отъ другихъ работъ и „посѣдей" куничники были освобождены за плату сначала (въ 1527 году) въ 7½ грошей съ воловой сохи и въ 3¼ гроша съ конской, а потомъ (въ 1529 году) въ 30 грошей съ воловой сохи и въ 15 съ конской, вмѣстѣ со всеми вообще господарскими крестьянами, которыхъ государь хотѣлъ освободить отъ прѣисненнн мѣстныхъ урядниковъ, для чего жъ многи люди наши зъ отчизнѣ своихъ протѣ са рывили и земль пустыхъ много ся остало" ¹⁰⁵). Любопытно, что куницы даже и при пожалованн куничниковъ въ частное владѣнн оставались господаремъ въ свою пользу. Такъ, пожаловавъ въ 1522 году тивуну Ойрагольскому пану Миколою Володкевичу десять человекъ куничныхъ и пять земель пустошевскихъ куничныхъ же въ Тондакольской волости Жмудской земли, король написалъ въ своемъ привилеѣ: „А што ся догнеть съ тыхъ людей и земль пустыхъ куницъ, ино тыи вси люди мають намъ въ кождый годъ тыи куницы давати по тому, какъ и передъ тымъ съ тыхъ людей и земль куницы бывали" ¹⁰⁶). Въ томъ же году король Сигизмундъ пожаловалъ тивуну Ретовскому Войтеху Арвидовичу три службы людей и четыре пустошцины въ Поюрской и Пошилской волостяхъ Жмудской земли: „нижли, тотъ человекъ, который въ Поюрской волости, на имя Монивидъ въ братью и

¹⁰⁰) Архивъ Юго-Западной Россн, ч. VII, т. II, № 1.

¹⁰¹) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 125, 126.

¹⁰²) Акты Зап. Рос. II, № 149, 160.

¹⁰³) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 216.

¹⁰⁴) Акты Зап. Рос. II, № 160.

¹⁰⁵) Ibidem, № 149, 160.

¹⁰⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XII л. 1.

братаничи мають намъ кунциу давати, а ему службу служити" ¹⁹⁷).— Куничниками назывались, кроме того, всѣ люди, которые брали въ аренду землю „съ повесу пакати“ и платили въ древнѣйшее время кунци, позднѣе пенязи ¹⁹⁸). Быть можетъ даже, что это названіе произошло отъ „кунт“ въ смыслѣ денегъ.

Къ разряду данниковъ принадлежали, повидимому, и *ясичники* Кіевской земли, до актовъ встречающагося въ южныхъ частяхъ ея ¹⁹⁹). Очевидно, что такое названіе идетъ здѣсь со времени татарскаго владычества.

Данники составляли преобладающую массу крестьянства въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мало или вовсе не развито было собственное господское хозяйство, и гдѣ изстари уже крестьяне были на такомъ положеніи, благодаря прочно установившейся эксплуатаціи лѣсныхъ и рѣчныхъ угодій. Изъ всѣхъ мѣстностей Литовской Руси въ этомъ отношеніи выдѣлялись, особенно такъ называемыя Подляпскія и Задвинскія волости: акты говорятъ о крестьянствѣ этихъ волостей такъ, какъ будто бы оно состояло только изъ данниковъ. Благодаря такому составу мѣстнаго крестьянскаго населенія, волости эти занимали особое положеніе и въ отношеніи управленія. При Витовтѣ и Сигизмундѣ Кейстутовичѣ данники волостей Подляпскихъ и Задвинскихъ, т. е. съ Кридова, Припойска, Чедерска, Горволя, Рѣчицы, Брягина, Мозира, Бяча, Бобруйска, Свислони, Любошанъ, Усвята и Озерница сами, чрезъ своихъ старцевъ, собирали данъ и относили до скарба. При Казимирѣ, Александрѣ и въ первые годы владенія Сигизмунда въ эти волости посылались, кроме того, писаря „править недополнцовъ“, которымъ волости платили при этомъ ихъ „писарскій доходъ“, и которые также чинили судъ и управу данникамъ въ „ихъ обидныхъ дѣлахъ“ ²⁰⁰). По жадобѣ на различныя притѣсненія отъ этихъ писарей и ихъ слугъ король Сигизмундъ въ 1511 г. отменилъ обычай посылать въ волости писарей и предоставилъ волостямъ самимъ вносить всю данъ сполна въ установленные сроки, подъ угрозой взысканія „недополнцовъ“ за дѣлкомъ подскарбія, съ штрафомъ („виною господарскою“) и „дѣцкованьемъ“ ²⁰¹). Такой порядокъ, однако, оказался неудобнымъ,

¹⁹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 52.

¹⁹⁸) Архивъ Юго-Западной Россіи, я. 4У, т. I, № 10.

¹⁹⁹) Архивъ Юго-Западной Россіи; ч. VII, г. II, № 1; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 147.

²⁰⁰) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329. Писцовыя книги, изд. Имп. Русск. Географ. Обществомъ, ч. II, стр. 433, 434.

²⁰¹) Акты Зап. Рос. II, № 75.

и Сигизмундъ опять возвратился къ посылкѣ писарей. Въ 1538 году по жалобѣ людей волости Бобруйской Сигизмундъ снова предоставилъ имъ самимъ собирать дань, чрезъ своего старца, при которомъ долженъ былъ находиться вѣкъ отъ замковаго уряда²⁰²⁾; по видимому, такой же порядокъ былъ введенъ и въ остальные Подляпскія волости. Въ одинаковомъ положеніи съ перечисленными волостями находились волости Дроковская, Олучицкая и Могилевская (въ то время, когда ея владѣль непосредственно великій князь), которыя также можно отнести къ числу Подляпскихъ волостей²⁰³⁾. Въ Задвинскихъ волостяхъ, съ которыхъ собирали дань цесарю, кромѣ упомянутыхъ уже Озерницкой и Усватской, автъ доносятъ еще Тороневскія волости: Дубну, Рожну, Биберево, Лябути, и Туры, съ которыхъ великій князь Александръ въ 1496 году велѣлъ собрать дань писарю Ивану Яцковичу, а также Витебскія — Жименскую, Нежелскую, Плавецкую и Озерную²⁰⁴⁾; впрочемъ, эти волости оставались въ составѣ Литовско-Русскаго государства только до 1563 года.

IX.

Въ работахъ по господарскому хозяйству участвовали и крестьяне, носившіе названіе *слугъ*, главную повинность которыхъ составляла военная служба и ея снаряженіе. Слуги вербовались обыкновенно изъ зажиточныхъ тяглыхъ или какихъ-либо другихъ крестьянъ, такъ какъ съ отправленіемъ на войну связаны были расходы не подь силу обыкновенной крестьянской „службѣ“. Въ 1514 году королю Сигизмунду билъ челомъ слуга съ Кіева Лавринъ Станкевичъ и просилъ короля вызволить его отца и братьевъ отъ тяглой службы, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что „они дей люди достаточныи, могутъ намъ (т. е. королю) гораздо службу земскую заступовати“. „Ино мы, гласить привилей короля, — на его чоломбитѣ то вчинили, того его отца Станка и его братью Янка а Мартина съ тыхъ трехъ служобъ тяглыхъ вызволили и тыи дякла и вси дачки, што намъ и врандиномъ нашимъ даивали, имъ есмо отпустили; а они мають намъ съ того службу земскую заступовати у трехъ зброяхъ, и кони мають мѣти добрыи и зброи и брони такъ достаточне, какъ и инымъ подданымъ

²⁰²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, ч. 172—174.

²⁰³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, 277, 278; Археограф. Сбор., изд. въ Вильнѣ, т. III, № 1.

²⁰⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, ч. 280, 281.

цѣпимъ — шляхтъ расказали есмо въ службѣ нашей достачнее съ мѣти²⁰⁵⁾. Изъ тяглыхъ же зажиточныхъ крестьянъ попали въ слуги (путные) и господарскіе люди Полоцкаго повѣта Курнловляне. Господарь пожаловалъ было ихъ боярину колоцкому пану Михаилу, а потомъ кн. Богдану, но они отянулись отъ нихъ, не мало на то выложивши (откупивши), и затѣмъ били челомъ господарю: „аби его милость рачилъ насъ съ тяглое службы выволити, а мы быхмо его милости путною службою служили“, — на что и получили господарскій листъ²⁰⁶⁾. Слуги въ рядахъ крестьянства вообще занимали высшее мѣсто и въ экономическомъ, и въ юридическомъ отношеніяхъ, мѣсто, близкое къ боярству (позже они смѣшались съ низшимъ его слоемъ и стали именоваться боярами, тогда какъ высшіе слои боярства получили названія пановъ и земавъ-шляхты). Не всѣ они сами только, съ братьями, дѣтьми и компаньонами, обрабатывали свои земли, — какъ всѣ вообще крестьяне, — но были между ними и такіе, которые имѣли своихъ крестьянъ и вели барщинное хозяйство. Такъ, въ числѣ владѣльцевъ семи дворницъ, пожалованныхъ великимъ княземъ Александромъ Иванку Пашевичу въ селѣ Песочномъ Мельницкой волости Лучскаго повѣта, былъ слуга, который „и моди его на старосту, на замокъ нашъ Лучоскъ, день сѣно кошивали“²⁰⁷⁾. Въ 1525 году іюня 27 король Сигизмундъ подтвердилъ пану Яну Юрьевичу Глѣбовича и тетьѣ его Маринѣ Войтеховой Яновича имѣнье, которое они купили у слуги путнаго Новгородскаго повѣта Савостьяна Тишювича, — „всю отчину его въ Городечнѣ въ домоу и пашней дворною, и въ сѣножатни, и въ гаи“ и т. д.²⁰⁸⁾. Дворная пашня предполагаетъ существованіе пашни крестьянской („людей“), съ которой она соотносительное понятіе. Изъ этого въ свою очередь можно заключить, что слуги владѣли и бѣльшимъ количествомъ земли сравнительно съ обыкновенными крестьянами.

Профессоръ Бершадскій полагаетъ, что земли, съ которыхъ шла панцирная служба, по крайней мѣрѣ, разъ въ пять превосходили земли, съ которыхъ шла тяглая служба, основываясь на томъ, что по сѣновымъ установленіямъ ратникъ въ полномъ вооруженіи долженъ былъ выставяться минимумъ съ пяти крестьянскихъ службъ. Акты

²⁰⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 218.

²⁰⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 159.

²⁰⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 97.

²⁰⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 244, 245.

не уполномочиваютъ на такое заключеніе. Выше былъ приведенъ примѣръ иреращенія трехъ тяглыхъ службъ прямо въ три панцирныхъ людей, которые служили три-тяглыхъ службы, велѣно было служить „у трехъ зброяхъ“, на коняхъ и въ броне „такъ достаточне“, какъ предписано было являться на войну всей шляхтѣ. Еслибы панцирная служба требовала земельного надѣла разъ въ пять минимумъ больше по сравненію съ тяглой службой, врядъ ли бы король заставилъ тяглыхъ людей, несшихъ три службы и сообразно съ тѣмъ владѣвшихъ землею, служить тоже тремя панцирными службами, хотя бы она были и защитными людьми. Или вотъ еще примѣръ: соляникъ Городенскій Станко Юрьевичъ, служившій одною соляницкою службою и дававшій съ своей земли бочку соли на замокъ, по его просьбѣ переведенъ былъ въ разрядъ панцирныхъ слугъ и долженъ былъ нести одну панцирную службу „по тому, какъ и иные слуги наши (т. е. господарскіе) панцирныи посполъ въ боярами намъ служатъ“²⁰⁹⁾. Нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы считать землю, съ которой шла бочка соли на замокъ, по размѣрамъ своимъ въ пять разъ больше обыкновеннаго участка, съ котораго шла одна тяглая служба, и самъ г. Бершадскій приравниваетъ соляницкую службу къ обыкновенной тяглой. Принявъ положеніе г. Бершадскаго мы наталкиваемся еще на слѣдующія затрудненія. Въ числѣ владѣльческихъ крестьянъ были несомнѣнно панцирные слуги, которыхъ господарь нерѣдко жаловалъ панамъ и своимъ дворянамъ. Такъ, напр., въ 1498 году великій князь Александръ пожаловалъ пану Бгеу Александровичу человека Мартинца въ Овруцкомъ повѣтѣ и его двухъ братьевъ, Олешка и Садора, которые „одну панцирную службу служивали“²¹⁰⁾; въ слѣдующемъ году Александръ пожаловалъ дворянину Митку Семеновичу село въ Смоленскомъ повѣтѣ въ Еленской волости, въ которой жили четыре брата и служили одну панцирную службу²¹¹⁾ и т. д.) Еслибы ихъ участки разъ въ пять-восемь превосходили обыкновенные крестьянскіе участки, а служба ихъ равнялась бы пяти-восеми тяглымъ, тогда пришлось бы принять, что владѣльцы на основаніи сеймовыхъ постановленій панцирныхъ слугъ должны были выгонять на войну само собою, да, вромѣ того, съ восьми-пяти тяглыхъ службъ выставлять одного пахолва въ полномъ вооруженіи и на конѣ. Надѣлъ этого не было, и панцирные слуги шли не за себя только, а

²⁰⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 167.

²¹⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 109.

²¹¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 81.

и за другихъ крестьянъ владѣльца, при чемъ ихъ службы или въ общій счетъ крестьянскихъ службъ. Панцирную службу съ своихъ земель несли между прочимъ путные люди или слуги²¹²⁾. Вотъ что читаемъ о нихъ въ сеймовой „уставѣ“ 21 января 1529 года: „А што ся дотычетъ слугъ путныхъ, и данниковъ, и Подляшскихъ службъ волочныхъ, ты вси, кто будетъ ихъ сколько мѣти, въ тотъ же почетъ, съ людьми тяглыми восполнокъ, мають быти повинни въ службѣ земской, а аравнавшися вси, сполнѣ мають въ нихъ службу земскую служить, подлугъ уставы земскоѣ“²¹³⁾. Да иначе и быть не могло; въ противномъ случаѣ, частнымъ владѣльцамъ не за чѣмъ было бы и держать у себя особый разрядъ крестьянъ на панцирной службѣ. Можно только признать, что крестьяне, или слуги, несшіе панцирную службу, были важнѣе другихъ, могли вытanutъ больше обивновеннаго рядового крестьянина. Вѣроятно, и земель было у нихъ больше, но земель прибрѣтенныхъ не пожалованіемъ на панцирную службу. Въ актахъ, утверждающихъ купли-продажи земель, изъ всѣхъ „людей“ чаще всего фигурируютъ слуги разныхъ наименованій. На если они вообще были болѣе крупными землевладѣльцами, то этотъ фактъ былъ только послѣдствіемъ, а не первоначальной причиною ихъ зажиточности, былъ причиною, а не слѣдствіемъ ихъ служебнаго положенія. Мало того, у самихъ бояръ-шляхты часто земельные участки были не болѣе крестьянскихъ, и мѣстные крестьянскія власти, какъ увидимъ ниже, часто мѣшали ихъ съ простыми людьми и наметывали на нихъ разныя крестьянскія повинности или прискивали ихъ къ себѣ въ потяги предъ господаремъ и его намѣстниками.

Что касается правового положенія слугъ, то акты видѣляютъ ихъ изъ „простыхъ“ и „невольныхъ“ людей. Въ 1511 году королю Сигизмунду были челомъ „люди служебные“ Городенскаго повѣта Сенко Климовичъ и Мицута Ивановичъ, жалуясь на то, что король отдалъ ихъ дворянину Сенку Тверитину „за простыхъ людей“, „не вѣдаючи, што жъ то люди служебны наши (т. е. королевскіе), а наболѣй при дворѣ мѣшкають“. Король принялъ во вниманіе ихъ представленіе и приказалъ мѣстному старостѣ привернуть ихъ къ Городну съ ихъ „дѣльницами“²¹⁴⁾. Но „люди служебные“, по другимъ актамъ, были никто иные, какъ тѣ же слуги путные²¹⁵⁾. Эти слуги

²¹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 256, 257.

²¹³⁾ Акты Зап. Рос. II, № 161, арт. 5.

²¹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 141, 142.

²¹⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 10, 11; XII, л. 101.

путные были люди вольные, которыхъ лично великій князь не отдавалъ никому во владѣніе. Среди актовъ, внесенныхъ въ книги Литовской Метрики, находится множество привилеевъ, коими великіе князья жаловали разнымъ лицамъ въ составѣ имѣнья и путныхъ слугъ „на вѣчность“. При внимательномъ разслѣдованіи оказывается, что такія пожалованія надо понимать въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ и пожалованія частнымъ лицамъ бояръ на вѣчность, т. е. что жаловались при этомъ не слуги собственно и бояре лично, а только земли, которыми они владѣли, съ ихъ службами, при чемъ въ волю самихъ слугъ и бояръ было оставаться или нѣтъ на своихъ отчинахъ, служить или не служить новому господарю. Акты даютъ нерѣдко и прямыя разъясненія въ этомъ смыслѣ. Король Сигизмундъ въ ноябрѣ 1506 года разбиралъ тяжбу боярина полоцкаго Федора Ловейка съ дворяниномъ Петромъ Епимаховичемъ, который хотѣлъ оттягать у него земли съ путными слугами, утверждая, что эти земли и людей пожаловалъ ему король и великій князь на вѣчность за его выслугу. Но оказалось, что Ловейко купилъ земли у путныхъ слугъ ранѣе пожалованія ихъ Петру Епимаховичу и получилъ на нихъ подтвержденіе отъ короля Александра, при чемъ сами путные слуги остались на своихъ земляхъ и служили Федору Ловейку. Вслѣдствіе всего этого королю и панамъ-радѣ „видѣлося: если тые слуги путные тыи рады сидятъ дома своими на той жъ земли за Ловейкомъ, которую жъ ему продали, ино и нынѣ Петрашку ненадобѣ въ нихъ вступаться: то не слушная рѣчь, абы слуги путные мали кому въ неволю даны быти“. Въ концѣ суднаго листа, утвердившаго имѣнье за Федоромъ Ловейкомъ, снова встрѣчаемъ подтвержденіе вольности путныхъ слугъ: „а тые люди, што на Ловейковой земли сидятъ, всхотятъ ли по своей доброй воли Ловейку и сестренцу его Васку служить, а они нехай имъ служить; а не всхотятъ ли имъ служити, и они мають служити, кому хочачы“²¹⁶⁾. Подобныя же подтвержденія мы встрѣчаемъ очень часто въ привилеяхъ, коими жаловались слуги князьямъ, панамъ или боярамъ. Такъ, напр., въ привилеѣ отъ 16 іюля 1511 года, утвердившемъ дворъ Молодечко „у вотчину“ за княземъ Михаиломъ Ивановичемъ Мстиславичемъ, читается: „нѣжели, которые люди путные и иные люди вольные тамъ въ Молодечнѣ, тые и теперъ вольны: всхотятъ ли ему служити, и они мають ему служити; а не всхотятъ имъ служити, ино имъ пойти добровольно, гдѣ хочачи, землю оставивши“²¹⁷⁾ и т. д. Слуги, такимъ об-

²¹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 259, 260.

²¹⁷⁾ Акты Зап. Рос. II, № 69.

разомъ, въ правахъ своихъ были близки къ боярамъ и отличались отъ нихъ только тѣмъ, что съ своихъ земель несли многія крестьяскія повинности. Вслѣдствіе этого они и причислялись къ „людямъ“ и назывались нерѣдко „людьми“, напр., людьми путными, людьми служебными, вмѣсто слугъ путныхъ ²¹⁸⁾ и т. д.

Въ классѣ слугъ наиболѣе многочисленный разрядъ составляли слуги путные, названные такъ отъ того, что главною повинностью ихъ былъ „путь“, или „листовная служба“. Они ѣздили по разнообразнымъ порученіямъ великовняжескихъ намѣстниковъ - державцев, старостъ и воеводъ „до дворовъ, одному владови прилеглыхъ, а спенязми платовъ нашихъ (т. е. королевскихъ) до Вильни до скарбу и за кривдами подданныхъ, колеєю“ ²¹⁹⁾. Число ихъ съ теченіемъ времени превзошло служебныя потребности господарскихъ судебно-административныхъ центровъ, и задолго до извѣстной устави Сигизмунда-Августа о волокахъ мы замѣчаемъ выдѣленіе изъ среды путныхъ слугъ особаго разряда людей служебныхъ, несшихъ „службу служебную“. Такъ, напр., отъ 10 марта 1512 года мы имѣемъ листъ короля Сигизмунда до старосты Городенскаго пана Станислава Петровича, содержащій приказъ отдать часть земли Тимошевщины служебнику Городенскаго повѣта Юшку Глѣбовичу къ его землѣ Илковщинѣ: „нехай онъ тую Илковщину и Тимошевщину держитъ со всимъ, а намъ съ нее службу особную служебную при дворѣ нашемъ служить“ ²²⁰⁾. Выше было говорено о людяхъ служебныхъ Городенскаго повѣта Сенкѣ Климовичѣ и Мицугѣ Ивановичѣ, которые „наболѣй при дворѣ мѣшкають“. Такимъ образомъ, повидимому, уже ранѣе 1557 года производился тотъ выборъ „служекъ“ изъ всей массы путныхъ слугъ, который по уставѣ 1557 года долженъ былъ производиться королевскими ревизорами. Остававшіяся, такъ сказать, за штатомъ путные слуги не были бесполезными въ господарскомъ обиходѣ. Прежде всего, всѣ путные слуги служили военную службу, какъ объ этомъ прямо говоритъ устава, данная королемъ Сигизмундомъ державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ ²²¹⁾. Это подтверждается и многочисленными указаніями рѣшительныхъ актовъ. Такъ, окружная королевская грамота, разосланная въ 1514 году о снаряженіи на войну и выступленіи въ походъ по случаю занятія Москвою Смоленска, адресованная

²¹⁸⁾ Ibidem, № 69, 161. Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 101, 196, 197.

²¹⁹⁾ Памятники Бѣвск. Временной Коммиссіи т. II, отд. 2, № 1, арт. 1.

²²⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 60, 61.

²²¹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 14.

между прочимъ и въ слугамъ путнымъ ²²²⁾. Въ томъ же году марта 16 король Сигизмундъ пожаловалъ пану Григорью Станиславовичу Остиевичу человекѣа путнаго въ Мойшакгольскомъ повѣтѣ Миколая Милошевича, который, согласно докладу намѣстника, служилъ королю службою панцyrною ²²³⁾. Въ 1525 году іюня 28 король подтвердилъ дворянину Федору Романовичу Юлозу земли, купленные имъ „въ дозволенъемъ воеводы Витебскаго“ у нѣкоторыхъ слугъ путныхъ Витебскаго повѣта: „а съ тыхъ дѣй земель,—гласить подтвердительный призывей короля,—службы панцyrны бывали и дачокъ нѣкоторыхъ не давали“ ²²⁴⁾. Было почти общимъ правиломъ, что путные люди, отправлявшіе панцyrную службу, не несли никакихъ другихъ повинностей (кромя, быть можетъ, кошения сѣна). Въ 1524 году слуги путные Марковского повѣта Гринь Одинцовичъ, Кузьма Васковичъ, Борисъ Ходоровичъ жаловались, какъ на „кривды и тяжкости и новины“, на поползновенія Марковского намѣстника брать съ нихъ подводы, посылать ихъ на работы съ топоромъ въ лѣсъ, заставлять возить навозъ (гной) на путныхъ коняхъ, между тѣмъ какъ ранѣе этого они „тыхъ работъ не робливали и подводъ не давали“ и даже не вѣдали съ листами намѣстника. Король уважилъ ихъ жалобу и приказалъ намѣстнику оставить ихъ въ покоѣ: „нехай бы они намъ панцyrною жъ службою служили“ ²²⁵⁾. Такимъ образомъ, путные слуги, отправлявшіе панцyrную службу, въ сущности переставали уже быть путными (*servitores expeditionarii*, какъ ихъ называютъ латинскія грамоты ²²⁶⁾) и только по простой традиціи удерживали свое прежнее имя.

Панцyrная служба, какъ довольно тяжелая, вообще освобождала пещныхъ ее лицъ отъ всякихъ другихъ повинностей, хотя были и исключенія ²²⁷⁾. Такъ, напр., люди сельца Сквородина въ Смоленскомъ повѣтѣ въ Катанской волости, кромѣ панцyrной службы, сѣяли мѣру ржи въ двору Глушицѣ и мѣру овса, давали посощину въ казну Смоленскую, давали ночлегъ господарскимъ пастухамъ и стадамъ, когда ихъ гнали въ волость Дубровенскаго пута и обратно, и, нако-

²²²⁾ Акты Зап. Рос. II, № 88.

²²³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 149.

²²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 256, 257.

²²⁵⁾ *Ibidem*, л. 154, 155.

²²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 576, 577.

²²⁷⁾ „Авраамъ Езофовичъ Ребичковичъ“ въ Киев. Стар. 1888, № 10, 96—98.

нець, давали насадку пива къ двору Глушицкому ²²⁸⁾. Съ подобными же повинностями мы встрѣчаемся по актамъ, касающимся и путнымъ слугъ, тѣмъ болѣе, что путные слуги не всегда служили именно пивцырною службою, а отправляли военную службу и „водѣ возможности своею“. Люди Перелайской волости Троицкаго повѣта—Ямонтъ Мостевичъ, Станько Кгирдимонтовичъ, Яцко Беневичъ, Римкутъ Войнибутовичъ, Талкусъ Ринкгайловичъ при Александрѣ служили путною службою, во время войны ходили только въ заставы, и, сверхъ того, давали съ своихъ земель даяло ²²⁹⁾. Въ 1507 году 2 августа король Сигизмундъ подтвердилъ пану Ивашку Зеновевича различныя имѣнья и въ томъ числѣ „человѣка путного Антона Зеновевича зъ его братьемъ и съ тою бобровщиною, што они давали“ ²³⁰⁾. Слуги путные Полоцкаго повѣта, сидѣвшіе на землѣ Кохововской, по словамъ королевскаго подтвержденія этой земли землянину Федку Михайловичу Маслевича (отъ 10 мая 1508 года), „даютъ намъ (королю) бобровщиною вочу грошей, а службу путную служить, а ловчому панскому (воеводу) платять, а на рѣцѣ на Лиснѣ езь бьютъ, а шесть корцовъ ржи старое мѣри даютъ езовничому, езь забивши; а коли панъ воевода Полоцкій у-въ объѣздѣ поѣдетъ, и они людямъ нашимъ (королевскимъ) Блясачомъ у переиу помогаютъ, и сторожевицны два гроша даютъ“ ²³¹⁾. Люди Митрохановы Смоленскаго повѣта Дубровенскаго пута, которыхъ выпросилъ себѣ у короля Александра дворянинъ Михайло Данильевичъ за тяглыхъ людей, заявляли королю Сигизмунду въ бытность его въ Смоленскѣ въ сентябрѣ 1508 года, „што жъ они николи тяглою службою не служивали, только путною службою служить и дани наше даютъ вадъ меду прѣсного до погреба, въ замокъ нашъ (королевскій) Смоленскій а двѣ копѣ грошей“. Такъ какъ ихъ показаніе подтвердили приказаниѣ Дубровенскаго пута и вся волость Дубровенская, а также тивунъ Глушицкій, король не велѣлъ дворянину Михайлу Данильевичу вступаться въ этихъ людей, которые по-прежнему должны были служить къ замку Смоленскому ²³²⁾. Люди путные Полоцкаго повѣта села Кришчиичъ Захарья Ивановичъ, Окула Гридковичъ и Семень Гринковичъ давали коня, въ которомъ четвертая часъ шла на церковь св. Аѳанасія; люди путные Полоцкаго повѣта

²²⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 96.

²²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 75, 76.

²³⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 171, 172.

²³¹⁾ Ibidem, л. 209, 210.

²³²⁾ Ibidem, л. 284, 285.

Кублявцы, Вѣтривцы и Сушияды ходили на господарскіе лѣвы²³³⁾. Чаще всего встрѣчаемся по актамъ съ одною повинностью путныхъ людей—копенъемъ сѣна на господаря, о которомъ говоритъ и устава 1529 года. Такъ, напр., путные слуги Полоцкаго повѣта Лужане, которые продали свои земли пану Ивану Сопѣгѣ въ 1514 году; копижали сѣножать „обополь“ рѣки Мнютюцы, протекавшей подъ ихъ селомъ, на замокъ Полоцкій²³⁴⁾. Въ 1516 году 26 января король Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность различныя имѣнья, пожалованныя московскому выходцу Ивану Тимофеевичу Пдещеева-Юрлова, и въ томъ числѣ „пятнадцать слугъ путныхъ, которые на войну ходять и сѣно на дворъ Ясвоинскій косать“²³⁵⁾. По уставѣ 1529 года бояре путные обязаны были не только косить сѣно, но и ходить на толоку на господарскія пашии подобно всѣмъ вообще нетяглымъ людямъ.

Въ Полоцкой землѣ существовалъ разрядъ *сельскихъ путниковъ*, которые при ближайшемъ разслѣдованіи оказываются нѣкъмъ инымъ, какъ тѣми же путными людьми²³⁶⁾ но не тяглыми или пригонными, какъ утверждаетъ г. Новицкій²³⁷⁾. Любопытно, что классъ этотъ великимъ княземъ Александромъ былъ подданъ подъ магдебургское право наравнѣ съ мѣщанами. Объясненіе этому распоряженію находится въ томъ обстоятельствѣ, что большинство класса, служившаго путную службу, состояло изъ мѣщанъ, пріобрѣтшихъ имѣнья внѣ „мѣста“ покупкою у бояръ, сельскихъ путниковъ и пригонныхъ людей, и сельскіе путники, повидимому, были только небольшою частью, придаткомъ къ этому классу, его выдѣленіемъ. Сельскіе путники—это частію же мѣщане, которые отбились отъ „мѣста“ и пріобрѣли осѣдность въ селѣ. Въ 1500 году великій князь Александръ всѣмъ такимъ мѣщанъ, какъ и коренныхъ сельскихъ путниковъ, вернулъ подъ городскою присуду намѣстника; только серебщину они должны были платить по давному вѣстѣ съ мѣстомъ, а также отправлять военную службу и выполнять городовую работу²³⁸⁾. Военная служба и была тою „путною службою“, которую должны были согласно постановленію

²³³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 184, 185, 288.

²³⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 75.

²³⁵⁾ Ibidem, л. 114, 115.

²³⁶⁾ Акт. Зап. Рос. I, № 175.

²³⁷⁾ Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи, стр. 53

²³⁸⁾ Акты Зап. Рос. I, № 185.

в. кн. Александра пести всѣ мѣщане, купившіе себѣ земли за мѣстною чертою ²³⁹⁾).

Къ тому же разряду путныхъ слугъ, какъ кажется, относились и *слуги посельскіе*, упоминаемые въ актахъ, относящихся до Киевской земли, Волыни и Полѣсья. Въ книгѣ записей пожалованій Казимира читаемъ между прочимъ: „Слугамъ Пинскимъ посельскимъ усе отпущоно, што былъ увель на нихъ князь Иванъ Свяславовичъ, а мѣщаномъ по тому жъ“ ²⁴⁰⁾. Въ составъ села Романова, пожалованнаго королемъ Александромъ въ 1505 году пану Дмитру Александровичу входило восемнадцать человекъ данныхъ и таглыхъ и двое слугъ посельскихъ ²⁴¹⁾. Слуги посельскіе были въ числѣ „подданныхъ“ пана Щаснаго Якимовича, одного изъ крупныхъ Волынскихъ землевладѣльцевъ, который въ 1529 г. приносилъ жалобу старостѣ Луцкому на различные „квгалты“ и „кривды“, подѣланные ему въ мѣстнѣхъ кн. Дмитріемъ Буремскимъ ²⁴²⁾ и т. д.

Путные слуги, какъ мы видѣли, несли иногда панцирную службу, называясь только по старой памяти путными. Въ Смоленской землѣ и Витебской такіе слуги назывались и прямо *панцирными слугами*, позже—*панцирными боярами*. Въ спискѣ военно-служилыхъ людей Смоленской земли, составленномъ около 1492 года, встрѣчаемъ слугъ панцирныхъ Юрьевского пута, Пацынской волости, Светславскихъ, Мощинскихъ, Молоховскаго пута, Дубровенскаго, Онацкихъ ²⁴³⁾ и т. д. Слугъ панцирныхъ Витебскаго повѣта мы находимъ, напр., въ листѣ воеводы Витебскаго пана Яна Юрьевича Глѣбовича, выданномъ 21 октября 1532 года нѣкоторымъ изъ нихъ относительно ихъ повинностей. Изъ этого листа оказывается, что слуги панцирные въ Витебской землѣ никакихъ повинностей не несли, кромѣ военной службы, которую они отправляли „восполь въ бояря“. Предшественники пана Яна Юрьевича ввели было имъ „новину“, „казали дѣи имъ дванадцать толокъ въ годъ служить, сѣно косити, на ставы и въ лозы ходити, бобровщину, житыщину, закосное и яловицу давати съ подданными господарскими волости Любашковское“. Но Янъ Юрьевичъ, опросивъ мѣстныхъ бояръ относительно ихъ службы, оставилъ ихъ

²³⁹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 185. Срав. II, № 61.

²⁴⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 53.

²⁴¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 3.

²⁴²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 96.

²⁴³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 155—159.

при старинѣ и освободилъ отъ всякихъ повинностей, кромѣ военной службы „конемъ“ ²⁴⁴⁾. Въ Смоленской землѣ панцырные слуги иногда несли и другія повинности. Одинъ примѣръ тому уже приведенъ выше; можно подыскать въ добавленіе къ нему еще и другіе. Въ 1503 году король Александръ пожаловалъ дворянину Михаилу Олтуфьевичу Старому сельцо въ Смоленскомъ повѣтѣ Молоховской волости Ходневыхъ, одну службу панцырную: „а съ того дей села дають намъ коня на третій годъ и дань медовую къ монастыру св. Петра“ ²⁴⁵⁾. Человѣкъ панцырный Иванъ Пьянокъ, продавшій въ 1508 году свою землю слугамъ путнымъ Хролу Сергѣевичу и Максиму Федотовичу, несъ съ нея службу панцырную и давалъ на третій годъ корабельникъ ²⁴⁶⁾.

Вышеупомянутый списокъ военнослужилыхъ людей Смоленскаго повѣта, кромѣ панцырныхъ слугъ, называетъ еще слугъ *щитныхъ и до стышныхъ* Радщинскаго путя, Вержавскаго, Светславскихъ, Максимовскаго путя, Дубровенскаго путя, Опацкихъ, Еленскихъ. Съ этими же разрядами слугъ мы встрѣчаемся и по другимъ актамъ. Такъ, въ 1494 году великій князь Александръ пожаловалъ боярину смоленскому Тишку Дудину сельцо Кохановское, согласно его показанію, „што жъ тое селцо не тяглое, служба съ того щитная бывала“ ²⁴⁷⁾. Годомъ раньше тотъ же великій князь пожаловалъ Богдану Софѣвичу человѣка Василья съ братьею Щербиновыхъ въ Еленской волости Смоленскаго повѣта, которые, по показанію намѣстника Смоленскаго пана Юрья Глѣбовича, „даивали въ казну полтину грошей, а посошины шестнадцать грошей, а служба съ нихъ доспѣшная“ ²⁴⁸⁾. Слуги щитные, кромѣ своей спеціальной службы, иногда такъ же, какъ и доспѣшные, несли и другія повинности. Такъ, служба Конинныхъ въ Молоховскомъ пути платила по золотому на третій годъ; бывало иногда, что слуги щитные давали на третій годъ коня ²⁴⁹⁾ и т. д. Что касается работы на господарскомъ хозяйствѣ, то положительныхъ указаній на это намъ не удалось найти ни относительно щитныхъ, ни относительно доспѣшныхъ слугъ. Можно только предполагать, что въ отдѣльныхъ случаяхъ и эти слуги исполняли разныя работы на господаря, какъ это бывало съ людьми, несшими панцырную службу.

²⁴⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 69.

²⁴⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 124; Срав. IV, л. 169.

²⁴⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 233, 234.

²⁴⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 17.

²⁴⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 77.

²⁴⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 155—169; VIII, л. 285, 286.

Кромѣ путныхъ, панцирныхъ, щитныхъ и доспѣшныхъ въ разныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства существовали еще *слуги конные*. Въ составѣ крестьянъ Болваницкой волости, пожалованной кн. Крошинскому въ 1498 году, были и слуги конные Куприановы, которыхъ князь Михайло посадилъ на дворной пашнѣ, и которые подобно другимъ крестьянамъ Болваницкой волости были люди вольные, не платившіе никакихъ „дачей и пошлинь“ ²⁵⁰⁾. Но другіе слуги конные въ той же Смоленской землѣ сверхъ конной службы платили и различныя подати. Люди Дубровенскаго пута Холопо со братьею Скороходовы жаловались королю Сигизмунду на боярина смоленскаго Ивана Кимбарова, что онъ выпросилъ ихъ у короля Александра за тяглыхъ людей, а они служатъ въ дѣйствительности панцирную службу. Но Кимбаровъ представилъ самый листъ короля Александра, въ которомъ выписано, „што жъ служба зъ нихъ конная бывала, а къ тому давали тыи люди на третій годъ за конь по рублю грошей“. Вслѣдствіе этого Сигизмундъ, подтвердивъ данину брата, отдалъ Кимбарову этихъ людей до очищенья отчины его отъ непріятеля Московскаго ²⁵¹⁾. Слуги конные въ Бѣлицкой волости Смоленскаго повѣта вмѣстѣ съ другими вольными людьми этой волости платили „дани грошовое пять конь а одинадцать грошей, а меду три кади а два пуды“ ²⁵²⁾.—Слугъ конныхъ встрѣчаемъ и въ Киевской землѣ. Въ 1507 году декабря 3 Сигизмундъ выдалъ листъ армянину Филиппу на селище пустовское Лисаново „въ Киевскомъ повѣтѣ Бѣлогородскаго десятку“, съ котораго, по показанію Филиппа, „служба конная бывала“ ²⁵³⁾. Въ 1522 году король Сигизмундъ подтвердилъ вручанамъ Конону и Каленику Яковлевичамъ листъ Свидригелла, „ажъ предку ихъ Ларивону далъ землю бортную на имя Тенетилловщину и велѣлъ ему съ той земли конемъ служити“ ²⁵⁴⁾. Въ слѣдующемъ году королю Сигизмунду били челомъ слуги кievскіе Давидъ и Федько Петровичи, „ажъ она сами и отцы, и дѣды ихъ служывали предкомъ нашимъ (короля) конемъ у зброи, а иныхъ служобъ а ни подачокъ некоторыхъ не знали; и били намъ (королю) чоломъ, абыхмо казали имъ намъ служити и не отдавали бы ихъ никому“. Король, исполнивъ ихъ желаніе, выдалъ имъ листъ на имя воеводы Киевскаго, въ кото-

²⁵⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 112, 113.

²⁵¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 174, 175.

²⁵²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 112, 113.

²⁵³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 125.

²⁵⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 43, 44.

ромъ написавъ: „мають они намъ служыти конемъ водлугъ давного обычая“²⁵⁵). Къ этому же разряду конныхъ слугъ принадлежали и слуги, упоминаемые въ древнѣйшей люстраціи Кіевской земли. Нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ военной службы, давали подымщину на третій годъ, исключая тѣ случаи, когда ходили на войну; другіе, кромѣ того, косили сѣно, ходили на толоку и сыпали ставъ (со времени княженія Семена Олельковича); нѣкоторые сверхъ того давали медовую дань, болжуовщину (на прїѣздъ в. князя Витовта), ходили въ ловы, робили городъ²⁵⁶). И позже, при Александрѣ, мы встрѣчаемъ по актамъ въ Кіевской землѣ „служебныхъ людей“, отправлявшихъ разныя повинности сверхъ военной службы. Такъ, люди служебные сельца Трыполя, пожалованнаго въ 1500 году земанину кіевскому Данилу Дѣдковичу, до этого времени давали воеводѣ Кіевскому по двѣ лисицы и косили сѣно по пяти возовъ²⁵⁷). Какого либо общаго положенія относительно повинностей конныхъ слугъ въ Кіевской землѣ да, вѣроятно, и въ другихъ, не было, какъ не было таковаго и относительно повинностей путныхъ и панцырныхъ слугъ. Все зависѣло отъ величины и производительности земельныхъ участковъ, которыми владѣли конные слуги, отъ мѣстной „старинны“ и разныхъ льготъ и изъятій. Тѣ изъ кіевскихъ слугъ, которые обязаны были ходить съ послами въ орду²⁵⁸), назывались *ордынцами*. Такихъ слугъ по актамъ мы встрѣчаемъ въ повѣтахъ Путивльскомъ, собственномъ Кіевскомъ, Вруцкомъ, Каневскомъ и Червасскомъ²⁵⁹). Конныхъ слугъ встрѣчаемъ и въ землѣ Волынской: въ 1509 году князь Константинъ Ивановичъ Острожскій выпросилъ у короля Сигизмунда село Птичае въ Кременецкомъ повѣтѣ, — „а передъ тымъ съ того села, — гласитъ привилей короля, — служивано чотыри слуги на коняхъ“²⁶⁰). Наконецъ, слугъ конныхъ встрѣчаемъ по актамъ и въ предѣлахъ собственной Литовской земли. Въ 1508 году король Сигизмундъ пожаловалъ дьяку митрополита Кіевского Іоны Ваську Петровицу землю пустовскую въ Новгородскомъ повѣтѣ въ Сетаринѣ, которая, по его показанію, была „не даная, служебная конная“²⁶¹) и т. д.

²⁵⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 109, 110.

²⁵⁶) Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. VII, т. II, № I.

²⁵⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 161.

²⁵⁸) Акты Зап. Рос. II, № 30, 164.

²⁵⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 269, 279; Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. IV, т. I, № 1.

²⁶⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 319—321.

²⁶¹) Ibidem, л. 133.

Въ актахъ мы встрѣчаемъ нерѣдко и просто слугъ, безъ обозначенія ихъ специальной службы, такъ какъ и на дѣлѣ, какъ мы видѣли, специализация военной службы не всегда строго проводилась. Такъ, „слуги Деменскіе“ Смоленскаго повѣта Иванъ Широкий съ дѣтьми въ 1496 году получили отъ великаго князя подтвержденіе на село на Печкахъ, которое имъ пожаловалъ князь Ѳеодоръ и сынъ его Семень Воротынскіе ²⁶²⁾. Въ томъ же году „слуги Пьяновскіе“ Брянскаго повѣта жаловались великому князю на боярина Брянскаго Богдана Григорьевича, которому король Казимиръ пожаловалъ село ихъ Брасовское: „и онъ и самихъ ихъ не хотѣлъ отъ себя отпустить и зъ статки ихъ, и жито собѣ забралъ“. Великій князь, рассмотрѣвъ это дѣло, присудилъ село Брасовское Богдану Григорьевичу, а относительно слугъ постановилъ: „а они мають поити добровольно, буди всхотятъ, отъ него прочъ со всеми своими статки и зъ житомъ“ ²⁶³⁾ и т. д.

X.

Всѣ перечисленные разряды крестьянъ, объединенные до извѣстной степени мѣстомъ поселенія, общностью нѣкоторыхъ повинностей и административной организаціи, составляли господарскую *волость* въ тѣсномъ смыслѣ и назывались *волостными людьми* въ отличіе отъ господарскихъ мѣщанъ и бояръ, которые стояли отъ нихъ боже или менше особнякомъ въ этихъ отношеніяхъ. Отличіе волостныхъ людей отъ мѣщанъ и бояръ находимъ во множествѣ актовъ изучаемаго времени. Въ заставномъ листѣ, выданномъ въ 1518 году пану Богушу Боговитиновичу на дворъ Каменець, читаемъ между прочимъ: „А къ тому, коли платъ положимъ на все наше панство великое князство Литовское, тогда зъ *волостныхъ* людей маеть намъ серебщину давати, а зъ *мѣста* ордынщину, также и серебщину и который колье платъ положимъ. А онъ маеть тотъ дворъ нашъ держати въ мѣстомъ и зъ волостными людьми и съ слугами путными и данными, и бровники, и зъ осочники“ ²⁶⁴⁾... Въ противоположность мѣщанамъ, состоявшимъ въ магдебургскомъ правѣ, волостные люди называются иногда *городскими*, какъ состоящіе подъ городскимъ, или замковымъ,

²⁶²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 53.

²⁶³⁾ Ibidem, л. 54.

²⁶⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 593. Срав. Акты Зап. Рос. II, № 13.

присудомъ ²⁶⁵⁾. Волостные люди отличаются, кромѣ мѣщанъ, и отъ бояръ, напр., въ арендномъ листѣ на корчмы Полоцкія, выданномъ въ 1503 году дворянину Михаилу Скепьевскому, гдѣ читаемъ между прочимъ: „Такежъ которые будутъ владыка Полоцкій и бояре, и мѣщане Полоцкія и волостныи люди корчмы свои держати, тыи корчмы казали есмо ему на насъ забирати“ ²⁶⁶⁾. Волостные люди въ противоположеніе боярамъ и мѣщанамъ называются нерѣдко *мужами* и даже уменьшительно *мужиками*. Такъ, листъ короля Александра отъ 9 августа 1504 года объ отдачѣ Богупу Боговитиновичу корчмы Кричовской на годъ, адресованъ „намѣстнику Кричовскому Петрашку Епимаховичу и бояромъ Кричовскимъ, и старостѣ мѣста Кричовского и мѣщаномъ, и мужомъ“ ²⁶⁷⁾. Воевода Виленскій панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, получивъ жалобу отъ „людей волости Борисовской“, что у нихъ пропало трое коней, которыхъ они затѣмъ признали у служебника воеводы Васка Игнатовича и паробка Воложинскаго Станка, писалъ до намѣстника своего Воложинскаго Бальцера: „што бы еси у того Васка и у паробка опыталъ и достаточне ся довѣдалъ, откуль они тыи кони мають и якъ имъ досталися, и того певне по нихъ довѣдавшись, достаточне до насъ отписалъ, а тыи княчи, если будутъ тыхъ мужиковъ, казалъ имъ поворотати“ ²⁶⁸⁾.

Слуги или люди путные обыкновенно обнимаются въ соозначеніи названія людей волостныхъ. Кромѣ приведеннаго уже примѣра въ заставномъ листѣ на замокъ Каменецъ, это можно подтвердить и многими другими. Въ привилеѣ на замокъ Кобринь, выданномъ 6 апрѣля 1519 года пану Венцеславу Станиславовичу Костевича, читаемъ, что король пожаловалъ ему замокъ до живота „зъ бояры и мѣщаны Кобриньскими и со всеми людьми нашими (королевскими) путными и данными, и тяглыми Кобриньское волости“ ²⁶⁹⁾. Въ томъ же году король выдалъ листъ пану Альбрехту Мартиновичу на держаніе двора Утены въ заставѣ „зъ мѣстомъ и со всеми мѣщаны и зъ людьми всеми Утенское волости путными и данными, и тяглыми, и съ конюхи, и съ конокормцы, и зъ лейти, и съ псарцы, и ловцы“ ²⁷⁰⁾. Но

²⁶⁵⁾ Акты Зап. Рос, II, № 61.

²⁶⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 259. Срав. *ibidem*, л. 260; Акты Зап. Рос. II, № 86.

²⁶⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 288.

²⁶⁸⁾ Литов. Метр. кн. Коронныхъ Переписей XXIV, докум. 33.

²⁶⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 40.

²⁷⁰⁾ *Ibidem*, л. 38.

иногда путные слуги выдѣляются изъ состава волостныхъ людей, какъ люди не престои и притомъ мало связанные съ мѣстнымъ крестьянскимъ обществомъ своими повинностями. Такимъ образомъ, въ припискѣ на дворъ Молодечно, выданномъ въ 1511 году князю Михаилу Ивановичу Мстиславскому, читаемъ, что король пожаловалъ ему дворъ Молодечно „у вотчину, непорушно на вѣки, съ бояры и съ мѣщаны и съ Татараы тыми, которые на мѣстѣ Молодеченскомъ живутъ, и съ слугами путными, и со всеми людьми волостными и тяглыми, и данными, и съ конюхи, и съ рыболовы“²⁷¹⁾. Замокъ Бѣльскій выкупили у пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда, по словамъ королевскаго листа, „земляне-дцляхта и мѣщане и слуги путные и люди волостныя“ цювѣта Бѣльскаго.²⁷²⁾ Сказанное о путныхъ слугахъ справедливо и относительно слугъ другихъ наименованій

Волостные люди по старой памяти назывались иногда и *смердами*. Въ 1495 году великій князь Александръ, подтверждая пану Василью Хребтовичу имѣнья Конюхи, Запитовъ и Бѣлое Поле во Владимирскомъ повѣтѣ, писалъ: „Ино, коли онъ тое селцо купилъ въ земляхъ Володимерскихъ, вѣчно, а не въ смердокъ, и мы призволяемъ ему тое селцо Конюхи, а Запитовъ а Бѣлое поле купити и подтверждаемъ то ему симъ нашимъ листомъ“²⁷³⁾. Впрочемъ, это названіе, повидимому, прилагалось только къ массѣ рядового тяглаго крестьянства и не простиралось на высшіе разряды „ремесленныхъ“ крестьянъ, людей водяныхъ, служившихъ съ своихъ земель военную службу на ряду съ слугами и юридически имъ равноправныхъ²⁷⁴⁾. — Наконецъ, на Подляншѣ и Подольѣ, а изрѣдка и на Волыни волостные люди (кромя слугъ) назывались по польски *хлопами* или *кметями*²⁷⁵⁾.

ХІ.

Мѣщане, несмотря на то, что въ актахъ отличаются отъ волостныхъ людей, на дѣлѣ не вездѣ и не всегда были обособлены отъ нихъ, а тянули вмѣстѣ съ ними въ разныхъ повинностяхъ, въ томъ числѣ и въ работахъ по господарскому хозяйству. Такъ, мѣщане Чудновскіе всѣ ходили на толоку „жита жати и сѣна косити“²⁷⁶⁾. Мѣ-

²⁷¹⁾ Акты Зап. Рос. Ц, № 69.

²⁷²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 103, 104.

²⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 54.

²⁷⁴⁾ См. XV раздѣлъ Статута 1529, арт. 2.

²⁷⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 37; Акты Зап. Рос. I, № 198.

²⁷⁶⁾ Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. VII, т. II, № 1.

щане Кіевскіе косили одинъ день сѣно подъ боркомъ около Кіева, сыпали ставокъ подъ городомъ ²⁷⁷⁾. Мѣщане Минскіе обязаны были „млынъ городскій робити и оправлати и дерево на тотъ млынъ возити и греблю сыпати подлугъ давного обычая“ ²⁷⁸⁾. Мѣщане мѣстѣ Бѣльскаго повѣта съ своихъ земель должны были между прочимъ „одинъ день въ недѣлѣ службу тяглую служити“ ²⁷⁹⁾. Мѣщане Волковыйскіе должны были папшню господарскую толокою „два дни орати и два дни жати“, а также оправлатъ господарскій ставъ въ мѣстѣ, подъ дворомъ господарскимъ, на рѣкѣ Волковыѣ; до пожалованья же имъ королемъ Александромъ нѣмецкаго права они, кромѣ того, ходили на дворную работу съ сѣкирою, косили сѣно, ходили до Городна на работу „къ вапну“ ²⁸⁰⁾. Мѣщане Рѣчицкіе вмѣстѣ съ „волощанами“ забивали господарскіе езы на Двѣпрѣ, возили дрова на замокъ, поправляли хоромы въ замѣѣ и передъ замкомъ, городили и пахали огороды овощные, строили млынъ на р. Ведричѣ ²⁸¹⁾, и т. д. Необходимо замѣтить при этомъ, что всѣ эти издѣльныя повинности мѣщанъ были въ обратномъ отношеніи съ тѣми „платами“, которыя они давали на господаря. Чѣмъ богаче было мѣсто, чѣмъ болѣе платило оно господарю разныхъ податей и налоговъ, тѣмъ менѣе работали и мѣщане на господарскомъ хозяйствѣ. Мѣщане первовласныхъ мѣстѣ Литовско-Русскаго государства даже и совсѣмъ не участвовали въ дворныхъ тяглыхъ работахъ на господаря. Больше всѣхъ работали на господарскомъ хозяйствѣ мѣщане мѣстѣ бѣдныхъ, жившіе не столько промышленностью и торговлею, сколько земледѣліемъ.

Вмѣстѣ съ господарскими людьми на работу въ господарскимъ дворамъ выходили нерѣдко и „подданные“ церковныя, княжескія, панскіе, боярскіе или землянскіе. Жалованными грамотами 1387, 1413 и 1457 гт. князья, паны, бояре и земляне-шляхта, а также лица и учрежденія церковныя были освобождены отъ посылки людей съ своихъ имѣній на господарскія работы. Но при господствѣ въ Литовско-Русскомъ государствѣ системы „привилеевъ“, при преобладаніи частныхъ опредѣленій, льготъ и изъятій надъ общими нормами права, нерѣдко были случаи, когда и „подданные“ князей, пановъ или бояръ-шляхты

²⁷⁷⁾ Акты Зап. Рос. I, № 120.

²⁷⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 143.

²⁷⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 165, 166.

²⁸⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 13.

²⁸¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67; Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. IV, т. I, № X.

несли повинности на господарскомъ хозяйствѣ. Такъ, несмотря на то, что жалованная грамота 1457 года распространила польскія шляхетскія права на духовныхъ, князей, пановъ, бояръ и землянъ всѣхъ земель великаго княжества Литовскаго, въ Волынской землѣ до самаго 1501 года люди церковные, княжескіе, панскіе и землянскіе ходили на работу въ господарскимъ замкамъ и дворцамъ „орати и жати и сѣно косити“, и только въ этомъ году получили отъ короля Александра освобожденіе отъ этихъ повинностей²⁸²⁾. И въ другихъ областяхъ мы встрѣчаемся по актамъ съ изъятіями изъ общихъ опредѣленій „земскаго права“. Эти изъятія устанавливалъ самъ государь великій князь по тѣмъ или другимъ соображеніямъ при пожалованіи имѣнья въ частныя руки. Такимъ образомъ люди бояръ Котовичей вмѣстѣ съ людьми волости Свислоцкой обязаны были, какъ это открывается изъ суднаго листа великаго князя Александра отъ 29 февраля 1499 г., косить сѣно на господаря, возить житцину до замковъ господарскихъ „и всякую тягль мають съ ними тягнути и ни въ чомъ не мають ихъ выдати“; своимъ панамъ они обязаны были только платить дань²⁸³⁾.— Государь нерѣдко жаловалъ частнымъ лицамъ только дань съ своихъ людей (даже на вѣчность), которые всѣми другими повинностями, въ томъ числѣ и работами дворными, тянули къ мѣстному господарскому двору. Такъ, люди грезскіе платили дань панамъ Боговитновичамъ, но изъ нихъ только двое принадлежали имъ „со всѣми землями ихъ пашными и бортными“, были ихъ „подданные“, а остальные были люди господарскіе²⁸⁴⁾. Въ Бобруйской волости король Сигизмундъ подавалъ князьямъ, панамъ, боярамъ и дворянамъ только дань медовую съ нѣкоторыхъ людей, „а дань грошовую и бобры, и кундцы,—гласить листъ короля отъ 7 марта 1533 года,—и иншіи всякіи повинности велѣли есмо посполъ зъ волостью нашою Бобруйскою имъ на насъ давати“²⁸⁵⁾. Дань чаще всего жаловалась церквамъ или монастырямъ, при чемъ люди, обязанные платить дань, оставались господарскими „подданными“ и даже жаловались господаремъ частнымъ лицамъ. Такъ король Александръ пожаловалъ на вѣчность, а Сигизмундъ подтвердилъ въ 1523 году монастырю Св. Троицы въ Смоленскѣ кадь меду съ людей данниковъ Демида Майковскаго и его братьи; въ томъ же 1523 году король Сигизмундъ пожаловалъ Пустынскому

²⁸²⁾ Акты Южн. и Запад. Рос. I № 36.

²⁸³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 82, 83.

²⁸⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 311.

²⁸⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 102, 103.

монастырю въ Мстиславлѣ три рубля грошей дани съ села кричовскаго Лобковичей, которое всѣ другіе „поплатки“ по прежнему должно было платить господарю ²⁸⁶).

ХІІ.

Общее руководство и надзоръ за всѣми работами по господарскому хозяйству принадлежали намѣстникамъ-державцамъ, которые вообще вели экономію господарскихъ дворовъ и отвѣчали за нее, какъ за свою въ собственномъ смыслѣ правительственную дѣятельность. О хозяйственно-административной дѣятельности намѣстниковъ державцевъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ можно составить довольно полное представленіе по тѣмъ инструкціямъ, которыя даны были имъ королемъ Сигизмундомъ въ 1514 и 1529 годахъ и въ которыхъ большею частію была нормирована и упорядочена существовавшая практика ²⁸⁷). Это представленіе въ общемъ будетъ вѣрно и относительно намѣстниковъ-державцевъ (и тивуновъ) Жмудской и русскихъ земель великаго княжества.

По инструкціямъ короля Сигизмунда намѣстникъ-державца, подсчитавъ общее количество урожая, прежде всего выдавалъ десятины церковныя, гдѣ онѣ были, затѣмъ откладывалъ „въ копахъ“ такое количество „жита“, которое по его расчету нужно было для посѣва будущаго года, затѣмъ оставлялъ въ зернѣ и снопахъ „мѣсячину“ челяди дворной по расчету на цѣлый годъ; остальное составляло чистый доходъ, въ которомъ третья часть была „къ живности и пожитку“ намѣстника-державцы, а двѣ другія шли въ пользу господарскую. Эти двѣ части должны были лежать „въ копахъ“ до весны, когда съ поднятіемъ цѣны на хлѣбъ державцы должны были продавать ихъ на наличныя деньги или же „на боргъ, за слушнымъ рукоемствомъ заплаты“. При королѣ Казимирѣ, Александрѣ и въ первые годы Сигизмундова панованья эту рожь намѣстники-державцы должны были раздавать нерѣдко по господарскимъ „квитацеямъ“ разнымъ лицамъ взаимнѣ жалованья. Въ книгѣ пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Юндилу 30 бочокъ ржи у Волковійску зъ двора; сокольнику Миколаю 20 бочокъ ржи въ тивуна Виленскаго въ Лынгвенѣ“ и т. д. ²⁸⁸). Иногда господарь помѣщалъ въ томъ или другомъ

²⁸⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 237—239.

²⁸⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583; Акты Зап. Рос. II, № 150.

²⁸⁸) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 56, 67.

дворѣ безпомѣстнаго дворянина, назначая ему содержаніе изъ дворныхъ запасовъ, въ томъ числѣ и ржи. Такъ, король Сигизмундъ 28 октября 1510 г. назначилъ нѣкоему Тишѣ Радогощанину, пріѣхавшему къ нему въ Краковъ вмѣстѣ съ другими дворянами, которые не имѣли имѣній, „лежанье въ тивунствѣ Виленскомъ, стирта сѣна, 10 бочокъ жита, 10 бочокъ овса, въ винъ 3 рубли“²⁸⁹). Жито, отложенное на посѣвъ будущаго года, весною должно было, по инструкціи 1529 года, раздаваться „въ отсопъ“ господарскимъ подданнымъ, которые по полученіи новаго урожая за каждую копу жита платили бочку дворную; этимъ новымъ житомъ и засѣвались осенью господарскія пашни. Такимъ же приблизительно образомъ распоряжались намѣстники-державцы и относительно „яринъ“, въ которыхъ имъ до 1529 г. принадлежала также третья часть чистаго дохода, а позже—четвертая. Король Сигизмундъ поставилъ имъ въ обязанность сѣять достатокъ льна съ тѣмъ, чтобы отъ каждой „жоньи, которая мѣсячину беретъ“, онъ могъ дать поставъ (холстъ) полотна на каждый годъ. Такъ было уставлено въ 1529 г., а ранѣе, согласно инструкціи 1514 г., намѣстникъ-державца долженъ былъ давать королевѣ скатертей и полотна, сколько „выробять“.

По инструкціи 1529 г. державцы должны были вести точную отчетность по господарскому гумну и предъявлять ее писарямъ, которые для контроля должны были два раза въ годъ, весною и осенью, объѣзжать господарскіе дворы. Этотъ контроль и отчетность существовали и ранѣе, хотя и не были такъ организованы, какъ со времени уставы 1529 года. До насъ дошли инвентари нѣкоторыхъ господарскихъ замковъ и дворовъ отъ временъ короля Казимира²⁹⁰), Александра²⁹¹) и Сигизмунда до 1529 г.²⁹²), въ которыхъ въ числѣ разной наличности господарскаго замка или двора перечислены скирды ржи или яроваго хлѣба, стога сѣна и т. подоб. Эти инвентари составлялись обыкновенно дворянами, которыхъ государь посылалъ „увязывать“ въ держанье замковъ и дворовъ новыхъ намѣстниковъ²⁹³), вслѣдствіе чего они и назывались „инвентарями“ или „реистрами поданья“. Для центрального правительства они служили средствомъ про-

²⁸⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 465.

²⁹⁰) Архивъ Юго-Западной Россіи ч. VII, т. II, № 1; Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 107, 108.

²⁹¹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 217, 261, 279, 280, 282.

²⁹²) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 648—651; XV, л. 226 и др.

²⁹³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 261.

вѣрки прежнихъ намѣстниковъ-державцевъ и извѣстнымъ основаніемъ для контроля новыхъ. Этотъ контроль производился обыкновенно писарями, которыхъ государь ежегодно посылалъ по своимъ дворамъ и волостямъ ²⁹⁴). Поэтому и инвентари являются иногда вписанными въ книги Метрики, куда великовняжескіе писари кромѣ актовъ, выходящихъ изъ великовняжеской канцеляріи, вносили „на память“ и различные документы и замѣтки о собственной финансово-административной дѣятельности. Кромѣ того, хозяйственные инвентари государскихъ дворовъ держали у себя Виленскій и Троцкій воеводы, которымъ, повидимому, также принадлежалъ извѣстный надзоръ и контроль за веденіемъ господарскаго хозяйства. Когда передавался господарскій дворъ „въ заставу“, воевода обыкновенно посылалъ своего служебника „пописать“ „што будетъ на тотъ часъ въ томъ дворѣ жита, ярого и въ гумнѣ, и на поли посѣяного, и животины и иныхъ рѣчей“, и по этому списку принималъ дворъ, когда кончался срокъ заставы ²⁹⁵). Такіе же инвентари поступали къ воеводѣ, повидимому, въ тѣхъ случаяхъ, когда воеводѣ приходилось „увязывать“ кого-нибудь въ держанье замка или двора его повѣта, такъ какъ не всегда для этого посылался господарскій дворянинъ изъ столицы.

Согласно инструкціи 1529 года, державцы, кромѣ того, подлежали контролю конюшихъ дворныхъ: имъ они должны были представлять ежегодно вѣдомости о конскихъ стадахъ каждаго двора, въ которыхъ „каждую свирепу и жеребя мѣти въ регистрѣ на имя, шерстью... и тудѣжъ, што ся которого году примножить“. Державцамъ вѣнено было въ обязанность „въ опатрности мѣти, якобы отъ голоду або зъ зимна жеребята або свирепы не здыхали“, „мѣти пильность о копи стадныи, абы были добрѣ хованы“. За каждую павшую по недосмотру и нерадѣнію скотину державцы должны были платить „водлѣ уставы земское“. Лошади съ господарскихъ дворныхъ стадъ шли частью на продажу, составляя одну изъ доходныхъ статей господарскаго хозяйства, а частью въ раздачу разнымъ лицамъ взаменъ жалованія, какъ это видно изъ записей пожалованій короля Казимира, Александра и Сигизмунда.

Внѣ контроля и отчетности были только „огородныи речи“, которыя намѣстникамъ-державцамъ предоставлялось „суполно уживати и

²⁹⁴) См. земскій привилей великаго князя Александра 1492, арт. ХХХІІІ, в уставу 1514. Zbiór praw Litewskich, str. 58—67; Литов. Метр. кн. Запис. VII, 582, 583.

²⁹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 110, 113, 114, 156 и др.

въ пожитку своему оборочати^а. Только въ случаѣ прїѣздовъ господара державцы должны были доставлять на его кухню овощей „водлѣ шацунку и уставы кожного двора“.

XIII.

Въ другихъ областяхъ великаго княжества въ изучаемое время не установилось такой строгой отчетности и контроля по гумнамъ и амбарамъ господарскихъ дворовъ, о которой свидѣтельствуютъ уставы, данныя въ 1514 и 1529 гг. намѣстникамъ-державцамъ Виленскаго и Трочкаго повѣтовъ. Собственное хозяйство великаго князя не получило въ этихъ областяхъ такого широкаго развитія, какъ въ собственной Литвѣ, отчасти по положенію этихъ областей (особенно Волыни, Подолья, Кіевской земли) вдали отъ центра, въ сосѣдствѣ съ врагами, безпрестанно ихъ разоравшими, отчасти по трудности и даже невыгодности перевода на барщинныя повинности крестьянъ, платившихъ съ давнихъ временъ своимъ господарямъ дань, свывшихся со своими „пошлинами“ и привязанныхъ къ своей старинѣ (какъ это было особенно въ волостяхъ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ). Запаски при господарскихъ дворахъ въ этихъ областяхъ были небольшія, и собираемаго хлѣба большею частію хватало только для прокормленія административнаго и рабочаго персонала, жившаго на господарскихъ дворахъ, а къ господарскому „пожитку“ обыкновенно уже ничего не оставалось, а если что и оставалось, то мѣстные урядники обращали въ свою пользу, за что съ нихъ строго не взыскивалось.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ собственное хозяйство великаго князя не только не развивалось въ изучаемое время, но даже замѣтно падало. Въ 1545 году при замкѣ Владимирскомъ на Волыни оставался только одинъ дворецъ съ пашнею и сѣножатями, на которыхъ работали люди волости Смиденской въ количествѣ ста слишкомъ домовъ. Для такого обширнаго повѣта, какъ Владимирскій, этого было очень мало, и естественно, что королевскій комиссаръ Фальчевскій, производившій тогда ревизію, не нашелъ въ замкѣ никакихъ хлѣбныхъ запасовъ („наспижованья“) ²⁹⁶⁾. Въ замкѣ Луцкомъ комиссаръ также не нашелъ „не только збожа, муки и крупъ, мяса, медовъ прѣсныхъ въ спижарняхъ и въ погребѣхъ, але нигдѣ жадного зернети“. Князь староста при этомъ заявилъ, что онъ „не маєть тежъ не только зъ чого наспижованья чинити, але самому ку живности не до-

²⁹⁶⁾ Źródła dziejowe, tom. VI, str. 15, 16.

ставаетъ“. По его словамъ „одинъ дей дворець на Красномъ къ замку тягнетъ, въ которомъ дворцы пашни што впашетъ, то дей все на живность выходить и тымъ николи вытрати не можетъ, олижъ дей муситъ зъ имѣней своихъ всякую живность провадити, а иншые дей пожитки и доходы велми малые къ тому староству суть“. Въ такомъ же родѣ сдѣлалъ заявленіе и ключникъ Луцкій, по словамъ котораго къ ключу Луцкому тянулъ одинъ только дворець на Гнидавѣ ²⁹⁷⁾. Хотя въ этихъ заявленіяхъ было намѣренное преувеличеніе въ цѣляхъ самооправданія, тѣмъ не менѣ картина упадка господарскаго хозяйства выходить довольно ярко. Во всемъ Луцкомъ повѣтѣ на господарскомъ хозяйствѣ, да и то съ разными изытіями и льготами, работало только 124 дворища людей, 11 рыболововъ и 3 огородника, жившіе въ тринадцати селахъ ²⁹⁸⁾.

Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ, добытымъ и сообщеннымъ тѣмъ же комиссаромъ, при Казимирѣ, Александрѣ и Сигизмундѣ въ повѣтахъ Луцкомъ и Владимирскомъ роздано было сто пять сель, шесть замковъ и четыре двора, двѣ волости, шестнадцать дворищъ и четыре человекъ „окромѣ дворцовъ, што подъ мѣстомъ Луцкимъ и приселковъ, што къ иншому замку и дворомъ, колко ихъ прислухаетъ“ ²⁹⁹⁾. Такая щедрость, кромѣ другихъ причинъ, объясняется главнымъ образомъ бездоходностью господарскаго хозяйства въ окраинной области, вдали отъ надзора и контроля центра и при частыхъ посѣщеніяхъ татаръ. При замкѣ Кременецкомъ находились два фольварка и одинъ дворъ съ господарскими пашнями и сѣножатями, на которыхъ работало около 250 человекъ съ разными льготами (три дня въ году, орали „вешники“, три дня „паренины“, сѣяли, жали и свозили на дворъ жатву) и изытіями,—число, для цѣлаго повѣта не особенно большое и притомъ значительно меньшее по сравненію съ XV в., когда въ волости Кременецкой насчитывалось до 350 человекъ ³⁰⁰⁾.

На Подольѣ господарскаго хозяйства даже совсѣмъ не существовало, если не брать въ расчетъ мельницъ, съ которыхъ вымелки шли на замки. Левъ Потѣй, продолжавшій дѣло Фальчевскаго въ повѣтахъ Браславскомъ и Вѣницкомъ, въ своемъ отчетѣ о состояніи замка Браславскаго, писалъ: „А што ся дотычетъ наспижованья замкового, того жадного зернети нѣтъ ани мають одколь мѣти, бо не толко фол-

²⁹⁷⁾ Źródła dziejowe, tom. VI, str. 47.

²⁹⁸⁾ Ibidem, str. 76—78.

²⁹⁹⁾ Ibidem, str. 87.

³⁰⁰⁾ Ibidem, str. 104; Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 86, 87.

варку, але и пашни къ замку, ани одного челоуѣка не машь, окромъ млынъ на Богу, зъ того толко ровное поживленіе можетъ быть, бо повѣдаютъ, больши стоять, нижели мелеть“. При замѣѣ Вѣницеомъ, по его словамъ, также не было ни пашни, ни огородовъ, только два млына, на Бугѣ и въ Межиговѣ, но и тѣ, „коли великая вода, не мелють, а коли вода высохнетъ, тогда тежъ молоти не можетъ; зъ которыхъ дей млыновъ не толко самъ староста и зъ почтомъ своимъ выховатися, але и урядникъ его поживити ся чимъ не маеть“³⁰¹⁾. Потѣй объясняетъ и причину такого плохого состоянія господарскаго хозяйства на Подольѣ: со времени опустошенія Подолья отъ татаръ „не знати гдѣ господарское, а гдѣ землянское есть, вси селища и пожитки за земляны и мѣщаны и за козаки суть, нижели закрыты, и хотябы не вѣмъ какій пожитокъ зъ того собѣ брали, однакоже повѣдаютъ: ничего не маемъ, и повинностей замковыхъ не хочють тягнути и все въ пустѣ мянують“. Онъ предлагалъ отстроить вновь замокъ Звенигородскій и содержать въ немъ постоянный гарнизонъ, чтобы опезопасить население отъ нападений татаръ: тогда „и села замковы и вси иншы пожитки могутъ знайтися и выисканы были, зъ чого бы вже староста могъ поживленіе мѣти и на томъ бы скарбъ господарскій не шкодовалъ“³⁰²⁾. Кромѣ татарскихъ набѣговъ, немаловажнымъ препятствіемъ къ развитію барщиннаго хозяйства вообще, господарскаго и землянскаго, была близость Подолья, а также и Волини къ польской границѣ. Земляне Вѣницеаго повѣта заявляли Льву Потѣю, что съ ихъ людей службы и пожитковъ мало, „только въ году три дня служить, а кто не служить, тотъ по шести грошей даетъ, а въ томъ богатшы и пышнѣйшій мужикъ, нижели панъ“. „А то для того ся дѣеть,—объясняли они,—што жъ граница польская не далеко: какъ который челоуѣкъ всхочеть, завинить альбо не завинить, такъ идетъ прочь, а выданья и справедливости жадное не мають, и еще приходечы одтоль злодѣйство и шкочу чинять; за которымъ роспущенствомъ хлопскимъ, ижъ и самъ на себя ани на пана ничего не робить, а на болѣй вѣдаетъ дорогу, куды втевати“³⁰³⁾...

Все сказанное справедливо, хотя и не въ таковой степени, относительно Киевской земли, гдѣ господарское хозяйство въ изучаемое время также не развивалось, а падало. Такъ, въ концѣ XV в. при

³⁰¹⁾ Źródła dziejowe, tom VI, str. 113, 121.

³⁰²⁾ Ibidem, str. 122, 123.

³⁰³⁾ Ibidem, str. 116.

городъ Житомиръ было „сѣеное пашни досять“, т. е. въ количествѣ, достаточномъ для прокормленія административнаго и рабочаго персонала при замкѣ, а также и на случай осады; въ 1545 году, по донесенію Льва Потѣя, „наспижованья жаднаго зернети нѣтъ, а который дворець и паробки на замокъ передъ тымъ бывало, то все сгинуло“²⁰⁴).

Не въ блестящемъ видѣ рисуется господарское хозяйство и въ земляхъ Смоленской и Витебской. Господарскій дворянинъ, составлявшій „на память“ пану Миколаю Ильиничичу, назначенному въ 1499 году въ Смоленскъ, „списокъ речей позосталыхъ по пану Юрью Глѣбовичу“, предшественнику Ильинича, ни въ городѣ, ни въ дворцахъ не нашель никакихъ хлѣбныхъ запасовъ „ни у свирнѣхъ, ни у гумнѣхъ“. Количество скота въ этихъ дворцахъ такое, что ихъ можно поставить въ этомъ отношеніи на ряду съ крестьянскими дворами. Такъ, въ дворцѣ Красномъ дворянинъ нашель „4 вола, коровы 2, гусей 11 утичу 30, куровъ старыхъ 10 а молодыхъ 30, свиней 3“; на Глушицѣ—„вола 2, овецъ 4, свиней 16, куровъ 30 зъ молодыми, гусей 17 зъ молодыми, вляча одна“; во дворцѣ Ивановскомъ—„водовъ 8, коровъ, 3, овецъ 22, свиней 10, гусей старыхъ и молодыхъ 20 безъ одное, куровъ 16“ и т. д. Запашка при этихъ дворцахъ была такая: при Красномъ—„жита посѣяно 20 мѣръ, овса 20 мѣръ, пшеницы 5 мѣръ, ярицы 6 мѣръ, гречихи 4 мѣри; на Глушицѣ „жита посѣяно 17 четвертокъ, овса 22 мѣри, пшеницы 4 мѣри, ярицы 4 мѣри, ячменю мѣра, гречихи 3 мѣри“; въ Ивановскомъ—„жита посѣяно 70 мѣръ, ярицы 3 четвертки, пшеницы 8 мѣръ, ячменю 8 мѣръ, гречихи 3 мѣри, овса 41 мѣра, гороху полмѣри“. Эту запашку нельзя считать значительною и тогдашнюю мѣру нельзя отдалять черезчуръ отъ нынѣшней: пашня при Красномъ обрабатывалась исключительно дворными сохами, въ которыя впрягалось 4 вола. Если это такъ, и если при этомъ мы примемъ во вниманіе количество челяди, жившей на вышеупомянутыхъ дворахъ: 29 человекъ мужиковъ и женовъ на Красномъ, 28 на Глушицѣ, 63 въ Ивановскомъ, — тогда станетъ понятнымъ, почему не найдено было никакихъ хлѣбныхъ запасовъ ни въ свирняхъ, ни въ гумнахъ смоленскихъ дворцовъ. Очевидно, что запасы всѣ расходились на прокормленіе администраціи и челяди дворной, и господарское хозяйство, такимъ образомъ, было въ сущности хозяйствомъ господарскихъ дворцовъ, которое удовлетворяло

²⁰⁴) Архивъ Юго-Западной Россіи ч. VII, т. II, № 1; *Zmódla dziejowe*, tom VI, str. 138.

ихъ мѣстнымъ потребностямъ, не принося помимо того никакихъ выгодъ господарю. Отсюда—заброшенность этого хозяйства, отсутствие должнаго контроля, что, въ свою очередь, порождало небрежность и хищничество мѣстныхъ правителей. Если не самъ урядникъ, такъ его присные при отъѣздѣ съ уряда спѣшили попользоваться, чѣмъ могли. Въ отчетѣ, представленномъ пану Миколаю Ильичу въ 1499 г., есть нѣсколько въ этомъ отношеніи характерныхъ обмолвокъ. Такъ, на Глушицѣ „ѣдучи пани (жена Юрья Глѣбовича) взяла овецъ 4“, а въ Опецкомъ дворцѣ „дѣвкѣ пани взяла неволную тыми разы, безъ панскаго вѣдома“³⁰⁵). Получился, такимъ образомъ, своего рода кругъ причинъ и слѣдствій: слабо развившееся по извѣстнымъ географическимъ и историческимъ причинамъ господарское хозяйство не вызвало особенной заботливости о себѣ центральнаго правительства, что, въ свою очередь, обуславливало его застои и даже упадокъ. Въ такомъ же приблизительно видѣ рисуется господарское хозяйство и въ Витебской землѣ по инвентарю замка Витебскаго, „съ чымъ подано пану Ивану Сопѣгѣ“³⁰⁶).

Въ Жмудской землѣ господарское хозяйство не развивалось вслѣдствіе особенностей политическаго строя и положенія этой области въ составѣ Литовско-Русскаго государства. Король Казимиръ и его сыновья давали жителямъ Жмудской земли обязательство не строить новыхъ дворовъ въ ихъ землѣ: „одно оныя дворы мають быть направованы тыи, которыи были часу князя Витовта;“ всѣхъ людей, которые не ходили при Витовтѣ на замковыя (дворныя) работы и не косили сѣно, нельзя было, по привилею, заставлятъ работать. Господарскихъ дворовъ съ пашнями, сколько намъ извѣстно, было въ изучаемое время пять: Вилкея, Велена, Скерстомонь, Ясвойни и Шовли (последній незадолго до 1529 г. былъ пожалованъ Яну, бискупу Виленскому). Въ этихъ дворахъ и сидѣли намѣстники - державцы, получившіе въ 1529 году отъ короля приказъ „въ тыхъ дворѣхъ ридити и справовати, водлугъ уставы дворовъ нашихъ, которую уставили есьмо по Виленскому и Троцкому повѣту“³⁰⁷). Большинство же волостей Жмудской земли, въ которыхъ судъ и управу чинили староста и тивуны, назначавшіеся до 1527 года старостами Жмудскими, а съ 1527 года господаремъ³⁰⁸), не имѣли господарскихъ дворовъ съ

³⁰⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 279, 280.

³⁰⁶) Ibidem, л. 261.

³⁰⁷) Акты Зап. Рос. II, № 160. Срав. ibidem № 149, II.

³⁰⁸) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 80, 81; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 86.

пашнями, и мѣстные крестьяне работали не на господаря, а на старосту и тивуновъ, отъ чего были вызволены въ 1527 году и были обложены податью въ пользу господаря съ сохъ ³⁰⁹⁾. Въ этихъ волостяхъ за исключеніемъ луговъ, на которыхъ косили сѣно на господаря ³¹⁰⁾, существовали только оброчныя статьи господарскаго хозяйства, а именно: озера и рѣки съ езами, съ которыхъ платили извѣстный оброкъ „отъ ловенья рыбы“ и обязательную подать въ два гроша съ человѣка (такъ называемые пенязи неводничіе), хмелища, отдававшіеся также на оброкъ (пенязи хмелевые) и пущи, въ которыхъ господарь раздавалъ разнымъ лицамъ право разработывать лѣсъ, жечь золу, гнать деготь и смолу на сплавъ за границу и съ платежемъ со всѣхъ этихъ произведеній „мыта“ въ пользу господаря ³¹¹⁾.

Не нужно, конечно, представлять себѣ, чтобы и въ собственной Литовской землѣ великокняжеское хозяйство шло вполне удовлетворительно. Дворянинъ Войтехъ Костибальчичъ, при великомъ князѣ Александрѣ вводившій писаря Богуша въ держанье двора Перелай, далъ такой, не безъ чувства написанный, отчетъ о состояніи этого двора: „Людей волостныхъ 100 и 60 человѣковъ; у гумнѣ жита а ни овса, ни яринъ—жадного куса нѣтъ; на поли посѣяно девеносто бочокъ овса, а въ дворѣ ни одного вола, толко одна вляча старая, а въ дворѣ въ свирнѣхъ ничего нѣтъ“ ³¹²⁾. Не одному Костибальчичу приходилось, вѣроятно, писать такіе отчеты о состояніи господарскихъ дворовъ. Король Сигизмундъ въ 1514 году писалъ державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ: „какъ есьмо сѣли на отчизнѣ нашей, у великомъ князствѣ Литовскомъ, по тыи лѣта ты и иншыи вранники наши, которыи отъ насъ дворы держать, никоторыхъ доходовъ а ни пожитковъ съ тыхъ дворовъ нашихъ и до того часу не даютъ, и оборочаете каждый ку своему пожитку, а не къ нашему господарскому“ ³¹³⁾. Изъ этого видно, что въ собственной Литовской землѣ господарское хозяйство страдало главнымъ образомъ отъ недостатка надлежащаго контроля и отчетности, съ установленіемъ которыхъ оно могло давать хорошій доходъ великокняжескому скарбу. Къ установленію надлежащаго контроля и отчетности и направлены

³⁰⁹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 149, I; 160.

³¹⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 7.

³¹¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 542, 543; Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 3.

³¹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, 261.

³¹³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583.

были усилія короля Сигизмунда, а posteriori доказывающія, что господарское хозяйство могло быть здѣсь немаловажною доходною статьею. Въ собственной Литовской землѣ, поэтому, должна была получить наивысшее развитіе и хозяйственно-административная дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ, которые являются здѣсь въ большей степени съ характеромъ великовняжескихъ прикащиковъ, чѣмъ въ другихъ областяхъ, гдѣ эта роль ихъ сравнительно мало замѣтна и почти совсѣмъ закрыта ихъ государственною дѣятельностью. Эти замѣчанія необходимо имѣть въ виду для правильнаго пониманія и оцѣнки всего того, что читатель найдетъ въ предлагаемомъ очеркѣ относительно хозяйственно административной дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ. Очеркъ имѣетъ въ виду преимущественно намѣстниковъ-державцевъ Виленскаго и Троцкаго повѣта, хозяйственная дѣятельность которыхъ рѣзче, выпуклѣе выступаетъ по актамъ. Въ общемъ онъ будетъ справедливымъ и относительно хозяйственно-административной дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ и другихъ областей Литовско-Русскаго государства, хотя только въ общемъ; частности же могутъ встрѣтиться и особенныя, отличныя, но изслѣдованіе ихъ пока не могло еще войти въ задачу настоящаго труда. Итакъ, возвратимся къ хозяйственно-административной дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ.

XIV.

Эта дѣятельность въ идеѣ и до извѣстной степени на практикѣ направлена была къ поддержанію и развитію господарскаго хозяйства въ данномъ повѣтѣ. Интрукція 1529 года предписываетъ, „абы каждый державца двory наши (т. е. господарскіе) будовалъ, оправовалъ, огородилъ, ставы и млыны, гдѣ могутъ быти, абы были роблены“. По актамъ мы часто встрѣчаемся съ этою строительною дѣятельностью намѣстниковъ-державцевъ. Такъ намѣстникъ Минскій кн. Богданъ Ивановичъ Жеславскій оправлялъ „городской“ млынъ и сыпалъ для него греблю, какъ это отсрывается изъ жалобы его на мѣщанъ Минскихъ, не хотѣвшихъ участвовать въ этихъ работахъ ³¹⁴⁾. Намѣстнику Торопецкому писалъ великій князь Александръ о томъ, „что старецъ Старцовое волости и мужи мають дворъ тивунскій тыми разы въ городѣ послолъ съ Торопчаны нарадити, а потомъ, коли тотъ дворъ любо сгнѣтъ, а любо опадеть, а любо—Боже, того не дай—сгорить,

³¹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 143. Срав. XII, л. 154, 155.

тогда вже одинъ старецъ съ мужми тотъ дворъ тивунскій мають радити на вѣки“. Очевидно, что намѣстникъ распоряжался постройкою и ремонтомъ тивунскаго двора въ Торопцѣ, если великій князь сообщалъ ему, какую долю участія должна принимать въ этихъ работахъ Старцова волость ²¹⁵⁾. Въ Рѣчицкомъ повѣтѣ господарскіе подданные „съ росказаньешъ державцовымъ“ строили хоромы въ замкѣ и передъ замкомъ, мельницу на р. Ведричѣ, городили и пахали огороды овощные, „яво слушитъ на овощныи рѣчы“, забивали езь на Дятвирѣ на замокъ ²¹⁶⁾ и т. д. Поддержаніе земледѣльческаго инвентаря на господарскихъ дворахъ было также на обязанности намѣстниковъ-державцевъ. Король Сигизмундъ предписывалъ имъ: „тежъ, абы кождый державца кождога двора, гдѣ есть челядь неволяная, быдла въ дворѣхъ нашихъ мѣлъ досытъ, и овшельки сохи дворныи, абы челядь неволяная дворными сохами робили въ розмноженью пашни и дворовъ нашихъ“.

Заботясь о поддержаніи движимаго и недвижимаго капитала для сельскаго хозяйства великаго князя, намѣстникъ-державца долженъ былъ заботиться и о томъ, чтобы оно было опезпечено крестьянскимъ трудомъ, чтобы для потребностей его было должное количество крестьянскихъ службъ, тяглыхъ и специальныхъ. Эта забота находила себѣ примѣненіе въ равнообразныхъ случаяхъ. Такъ, пожалованія людей изъ состава волости рѣшались окончательно обыкновенно по заявленію намѣстника-державца. Получивъ просьбу о пожалованіи людей съ землями, великій князь спрашивалъ намѣстника - державцу прямо или черезъ воеводу, не будетъ ли это его двору шкодно, и только получивъ отрицательный отвѣтъ, утверждалъ имѣнье за просителемъ, а иногда предоставлялъ самому намѣстнику - державцѣ удовлетворить просьбу. Такъ, въ 1512 году король Сигизмундъ, пожаловавъ землянину кievскому Яцку Лозѣ село Теренковичи въ Мозырскомъ повѣтѣ, писалъ намѣстнику пану Юрью Миколаевичу: „и твоя бы милость ему въ то увязанье даль; пакъ ли бы тое село было замку нашему щкодно, и твоя бы милость, обравши гдѣ въ Мозырской же волости людей пять чоловѣковъ, што бы были замку нашему недалеце щкодно, и ему даль“ ²¹⁷⁾. Намѣстникъ - державца иногда suo motu отмѣнялъ господарское пожалованье на томъ основаніи, что оно будетъ двору

²¹⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.

²¹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

²¹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 65.

иногда, и замѣнялъ его другимъ или же дѣлалъ о томъ докладъ господарю. Такъ, напр., намѣстникъ Чечерскій князь Семенъ Чорторыйскій не далъ дворянину Гаврилѣ Тишкевичу села Золотаревичъ въ Чечерской волости, пожалованнаго ему королемъ, а далъ ему село Рудно въ той же волости, которое король и утвердилъ за нимъ на вѣчность 12 января 1525 г. Поэтому великій князь очень часто прямо или черезъ воеводу поручалъ намѣстнику державцѣ самому „обыскать“ известное количество людей съ землями для того или другого лица съ тѣмъ, чтобы это пожалованіе не было двору шенодно. Примѣровъ этого не мало было приведено во второмъ очеркѣ. При переходѣ крестьянскихъ земель въ руки лицъ другихъ сословій также не рѣдко должна была проявляться эта забота о полнотѣ крестьянскихъ служебъ при господарскомъ дворѣ. Такъ, намѣстникъ Довеговскій панъ Юрій Довойновичъ Якубовича не далъ боярину Михаилу Важевичу Заневскую землю и Совятишки, пожалованныя ему королемъ Александромъ, на томъ основаніи, „што жъ отчычи по одному чоловѣку въ тѣмъ землицамъ отозвались“. Намѣстникъ, такимъ образомъ, боялся потерять изъ состава господарской волости двѣ души, которыя слѣдовали за своими отчинами въ подданство къ боярину Михаилу Важевичу ³¹⁸). Въ тѣхъ случаяхъ, когда господарь жаловалъ земли подъ своими „людьми“, намѣстникъ-державца въ тѣхъ же видахъ прискивалъ для нихъ отмѣну въ „пустовскихъ“ земляхъ или „на сыромъ корени“. Такъ, намѣстникъ Олитскій Петръ Олехновичъ въ 1494 году долженъ былъ отвести земли „у Кузовѣ островѣ“ господарскимъ людямъ, пашни которыхъ великій князь пожаловалъ тивуну Троцюму Михну Ивановичу „къ пашни его Клейтинишской“ ³¹⁹). Когда господарскіе люди продавали свои отчины, намѣстникъ-державца разрѣшалъ эту продажу только при томъ условіи, если покупатели брали на себя и всѣ обязанности, связанныя съ данною землею. Намѣстникъ старосты Городенскаго Станислава Петровича Янъ Фучинскій дозволилъ „чоловѣку“ Городенскому Мартину Докшевичу „съ права“ спустить свою отчину „въ пенязѣхъ“ мѣщанину Городенскому Миклашу Дерличичу съ условіемъ, „ижь маеть онъ съ тое земли Мартиновщичи службу тяглую служити и дякло давати по тому, какъ и тотъ Мартинъ служивалъ и дякло даивалъ“ ³²⁰).

³¹⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 186.

³¹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 45.

³²⁰) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 48, 49.

Имѣя въ виду интересы господарскаго хозяйства и общую доходность своего держанья, намѣстникъ - державца „осаживалъ“ людьми пустые крестьянскіе участки. Какъ и въ какомъ направленіи могла развиваться эта послѣдняя дѣятельность намѣстниковъ - державцевъ, станетъ яснымъ только послѣ разсмотрѣнія юридическаго и экономическаго положенія крестьянъ, послѣ рѣшенія вопроса, какъ появлялись пустошцы среди крестьянскихъ земель и откуда брались люди, которыми можно было осаживать эти пустошцы. Для рѣшенія этого вопроса необходимо сдѣлать отступленіе въ настоящемъ изложеніи, которое безъ этого будетъ страдать неясностію и неполнотою.

XV.

Юридическое положеніе литовско-русскихъ крестьянъ въ достаточную эпоху до сихъ поръ не выяснено въ наличной исторической литературѣ. Исслѣдователи сравнительно мало имѣли подъ руками матеріала, да и изъ того, который былъ въ ихъ распоряженіи, не умѣли выдѣлать юридическаго элемента и принимали за нормы права казусы и факты. Кромѣ того, не мало вредила дѣлу и ненадлежащая постановка изслѣдованій, при которой господарскіе крестьяне не различались отъ частновладѣльческихъ, благодаря чему черты, свойственныя положенію первыхъ, переносились на вторыхъ и обратно. Между тѣмъ положеніе господарскихъ крестьянъ не могло не отличаться отъ положенія частновладѣльческихъ уже по тому одному, что они принадлежали такому крупному вотчиннику, какимъ былъ великій князь, имѣнія котораго разбросаны были по всему государству, вмѣщая въ себя чуть не половину всего литовско-русскаго крестьянства. Съ другой стороны, не могло быть безъ вліянія въ данномъ случаѣ и то обстоятельство, что великій князь былъ не простой панъ для своихъ подданныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государь, котораго они были подданными на ряду съ мѣщанами, боярами, панами и даже князьями; и это вліяніе, можно сказать, было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе будемъ отдаляться во времени назадъ. Хотя съ распространеніемъ польскаго шляхетскаго права на Литовской Руси, съ отчужденіемъ въ пользу владѣльцевъ разныхъ государственныхъ правъ, великій князь довольно близко подошелъ къ типу пана, но подошелъ все-таки не настолько, чтобы его волости можно было вполне отождествить съ панскими владѣніями. Положеніе крестьянъ въ господарскихъ имѣніяхъ все-таки во многомъ должно было различаться отъ положенія частновладѣльческихъ, и эту разницу, хотя бы *in posse*, полезно было бы

имѣть въ виду. Исслѣдователями, а не сбивать въ кучу всѣ факты, относящіеся до литовско-русскихъ крестьянъ вообще. Все здѣсь сказанное я и постараюсь подтвердить, насколько это будетъ согласоваться съ цѣлями изслѣдованія.

Первый вопросъ, который здѣсь предстоитъ рѣшить, это тотъ, какимъ образомъ являлись пустощины въ господарскихъ волостяхъ. Несомнѣнно, что пустощины являлись не потому только одному, что вымирали владѣвшіе земельными участками крестьяне. Обратившись за разрѣшеніемъ этого вопроса къ существующимъ сочиненіямъ, мы найдемъ въ нихъ указанія на существованіе въ Литовско-Русскомъ государствѣ двухъ разрядовъ крестьянъ: прикрѣпленныхъ къ землѣ или „непохожихъ“ и вольныхъ „покожихъ“³²¹⁾.—Къ первымъ де относились *отчичи* (иногда *отчичи прирожденные, дядичи*), „зависимость которыхъ обуславливалась обязанностью не сходить съ земли, которую они пользуются и платятъ господину работою и данью“; ко вторымъ *данники*, которые, „платя по условію съ владѣльцемъ извѣстныя дани, были свободны оставить земли, когда хотѣли, и перейти къ другому владѣльцу, предвзрительно рассчитавшись съ первымъ“³²²⁾. Выходитъ такимъ образомъ, что пустощины должны были являться естественно, разъ существовалъ классъ крестьянъ, пользовавшійся правомъ свободнаго перехода. Но заключеніе на основаніи вышеприведенныхъ положеній разбивается тотчасъ же, какъ скоро выйдетъ за кругъ фактовъ, на которыхъ эти положенія строились. Въ актахъ мы встрѣчаемъ указанія, говоряція противъ того, что данники были свободные люди, имѣвшіе право оставить свои земли, когда хотѣли. Въ 1496 году великій князь Александръ пожаловалъ князю Ивану Борисовичу „данника въ Черниговскомъ повѣтѣ, на имя Бутовича и село Смолино; а на томъ дей сельцы князь Александръ посадилъ былъ людъ волный прихожий, на того жъ Бутовича земли“. Изъ этихъ словъ выносятся впечатлѣніе, что данникъ Бутовичъ не былъ вольнымъ человѣкомъ, и это впечатлѣніе усиливается послѣдующею оговоркою: „нижыми тыи люди волныи, што князь Александръ посадилъ на той земли, вскотятъ, ему служатъ, а не вскотятъ ему слу-

³²¹⁾ *О. Леонтовича* „Крестьяне юго-западной Россіи по литовскому праву XV и XVI ст.“ въ *Біевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ* 1863, № 10, отд. 2, стр. 9, 10, 14, 24, 25.

³²²⁾ *В. Б. Антоновича* Предисловіе къ II тому VI части Архива Юго-Западной Россіи, стр. 13—17; *К. Бестужева-Рюмина* Русская Исторія, т. II, стр. 90; *Д. И. Иловайская* Исторія Россіи, томъ III, стр. 83.

жить, и онъ маеть ихъ отпустить добровольно со всеми ихъ статки²²³⁾. Про данника здѣсь нѣтъ и рѣчи, и не по тому, что его вольность разумѣлась сама собою, а потому, что онъ не имѣлъ права повинуть свою отчину. Въ актахъ мы встрѣчаемъ нерѣдко случаи, когда государь, жалуя пустовщины данниковъ, представлялъ владѣльцу ихъ право отыскать и самихъ данниковъ и водворить ихъ на прежнихъ ихъ земляхъ или даже приказывалъ намѣстнику осаживать насильно данниковъ на ихъ „отчины“. Такъ, великій князь Александръ, подтвердивъ боярину полоцкому Васку Сенковичу съ братьею село Свило, пожалованное ихъ дѣду и отцу королемъ Казимиромъ,— „а тое село давало дей только три вуницы *дани* его милости“,—написалъ въ подтвердительномъ привилеѣ: „нехай они тое село и тыи люди вси держать по тому, какъ отецъ нашъ, король его милость, отцу ихъ далъ и какъ въ листѣхъ его милости есть написано; и которми люди будутъ того села, ихъ отчины, отъ нихъ ся прочь розошли, а гдѣ они ихъ найдуть, ажъ бы вездѣ ихъ имъ выдавали со всеми ихъ статки, съ чимъ бы за кого будутъ пришли, а за ними бы не стояли“.—Въ 1533 году воевода Виленскій панъ Албрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, державшій волость Бобруйскую, состоявшую изъ данниковъ, получилъ отъ короля Сигизмунда приказъ: „которми земли пустовскія лежать впусѣ, а ихъ никто не держыть, на таковыхъ повинни будете ваша милость, отчичовъ отыскавши, и посади-ти²²⁴⁾. Такимъ образомъ, и данниковъ нельзя считать свободными людьми, и слову „отчичи“ придавать тотъ смыслъ, который ему приданъ, ибо и данники являются отчичами²²⁵⁾. Какъ же въ виду всего этого выйти изъ затрудненій и объяснить происхождение пустовскихъ земель въ господарскихъ волостяхъ?

XVI.

De jure господарскіе крестьяне - отчичи всѣхъ вообще служебъ, за исключеніемъ слугъ и высшихъ разрядовъ „ремесленныхъ“ людей, отправлявшихъ также военную службу и еще въ Русской Правдѣ отличае-мыхъ отъ смердовъ²²⁶⁾, не могли повидать своихъ отчинъ, потому что

²²³⁾ Акты Зап. Рос. I, № 133, I.

²²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 2; XV, л. 172—174.

²²⁵⁾ Срав. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CII; *И. Новицкаю* Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи, стр. 52, прим. 2.

²²⁶⁾ 2 арт. XI, раздѣла Статута 1529 г.; ст. 12 и 13 Русск. Правды по Баранз. списку.

съ этими отчинами переходила на нихъ и обязательная служба господарю. Такъ, когда человекъ тяглый Новгородскаго повѣта Лукьянъ Дороневичъ, „оставившы землю, отчизну свою“, зашолъ до мѣста Новгородскаго и сѣлъ на церковной землѣ, намѣстникъ воеводы Новгородскаго Новгородскій (т. е. собственной Новгородской волости) черезъ господарскаго „выводчого“ сталъ сводить его съ церковной земли и только по челобитью нареченнаго митрополита Іосифа и по представленью его, что этотъ человекъ жилъ на церковной землѣ въ покоѣ около 25 лѣтъ, а отчина его уже отдана другому, король Сигизмундъ особымъ листомъ отъ 17 октября 1522 года не велѣлъ выводить его съ церковной земли ²²⁷⁾. Въ Полоцкой землѣ былъ пограбленъ „у выводчомъ“ крестьянинъ боярина полоцкаго Андрея Михайловича Климьята, по донесенію тивуна Черсвятскаго, „ижь бы онъ былъ человекъ господарскій Черсвятскій Лодошлянинъ“. Климьята оправдался предъ воеводою (23 июня 1533 года) и остался въ „покоѣ“ лишь потому, что доказалъ, что у него нѣтъ подъ господаремъ отчины: „ачколвекъ есть въ Ладостна, але отецъ его еще за живота своего землю свою, его отчизну, продалъ старцу Лодошненскому Тетеря“. При этомъ Тетеря, подтвердивъ это, заявилъ, что онъ съ земли „службу господарю его милости служить, а тотъ Климьята иншою земли своею подъ господарю его милости не маеть“ ²²⁸⁾. Значить, въ противномъ случаѣ Климьяту не оставили бы въ покоѣ и водворили бы на его отчинѣ. Но изъ приведенныхъ примѣровъ видно вмѣстѣ съ тѣмъ, что крестьяне-отчичи не безусловно были прикрѣплены къ своимъ землямъ и могли покидать ихъ, если имъ удавалось посадить вмѣсто себя другихъ, соглашавшихся нести ту же службу. Господарю нужны были собственно не люди лично, а та служба, которую они несли, и онъ не могъ ничего имѣть противъ оставленія отчичемъ его участка, если съ него полнилась служба и впредь должна была полниться. Обыкновеннымъ, законнымъ путемъ для отчича оставить свой участокъ была продажа его „съ призоленья“ господаря или его урядника какому нибудь вольному „прихожему“ человеку, который соглашался исполнять лежавшую на участкѣ службу. Въ актахъ мы находимъ немало подтвержденій такого перехода крестьянскихъ участковъ отъ однихъ владѣльцевъ къ другимъ. Обработанная и годная для культуры земли при тогдашнихъ крестьянскихъ повинностяхъ, очевидно, нерѣдко об-

²²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 35.

²²⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 178.

задала такую цѣнностью, что многіе люди соблазнялись ея покупкою, несмотря на то, что съ этимъ связано было потомственное ограниченіе свободы передвиженія вслѣдствіе потомственного выполненія лежавшихъ на ней повинностей. Но иногда отчичи покидали и незаконнымъ путемъ свои участки, и тѣмъ не менѣе правительство не возвращало ихъ обратно за давностью лѣтъ и вслѣдствіе того, что участки ихъ тѣмъ временемъ успѣли превратиться въ отчины другихъ крестьянъ, которые сѣли на нихъ и несли съ нихъ службу. Таковой примѣръ былъ приведенъ выше. Вообще крестьяне-отчичи прикрѣплены были къ своимъ участкамъ лишь настолько, насколько пребываніемъ своимъ обусловливали исправность и полноту лежавшихъ на ихъ отчинахъ служебъ. Правительство не гонялось за лицомъ, а только за службою, и если эта служба была обезпечена трудомъ, то оно и не возвращало крестьянина на его отчину. Въ 1514 году 12 февраля король Сигизмундъ позволилъ дворянину Костѣ Пищикову принять къ себѣ на пожалованный ему жеребій пустой земли въ Берестейскомъ повѣтѣ въ Помуховскомъ десяткѣ двухъ господарскихъ крестьянъ, которые „отошедши отъ брата своее, колко лѣтъ ходили по людямъ по наймомъ“; „а тамъ, — мотивовалъ король свое рѣшеніе, — на той земли, гдѣ они передъ тымъ жили, четыре брата ихъ живутъ и службу супольно служатъ“²²⁹). — Такимъ образомъ, прикрѣпленіе къ землѣ отчичей въ господарскихъ имѣніяхъ носило не личный, а обязательственный характеръ: только тѣ изъ отчичей *de iure* не могли сойти съ своихъ участковъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ такъ или иначе не сложили съ себя и не переложили на другихъ лежавшія на нихъ обязательства. Поэтому нельзя говорить, что отчичь ни при какихъ условіяхъ не могъ получить права выхода, какъ утверждаетъ г. Новицкій²³⁰). Это было бы справедливо только при томъ условіи, если бы подъ отчичами разумѣлись не „люди“ господарскіе, а челядь, рабы.

XVII.

Сообразно съ этимъ и происхожденіе отчичей нѣтъ надобности относить насчетъ челядинцевъ, какъ дѣлаетъ это г. Антоновичъ, толкуя въ пользу этого термина „отчичи прирожденные“. Амплификація въ словоупотребленіи литовско-русскихъ актовъ — вещь обычная, когда они хотятъ что-нибудь подчеркнуть съ особою силою, на что-нибудь

²²⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 233.

²³⁰) Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи, стр. 52.

обратить особое вниманіе, и „отчичи прироженые“ были не кто иные, какъ тѣ же отчичи, т. е. крестьяне, родившіеся и возросшіе на вѣстныхъ земельныхъ участкахъ и получившіе ихъ отъ отца по наслѣдству вмѣстѣ съ обязательствомъ той или другой крестьянской службы. Что касается челядинцевъ, то они обыкновенно потомственно пребывали въ этомъ состояніи, живя при господарскихъ дворахъ и обрабатывая дворныя пашни; они, какъ мы видѣли, оставались въ этомъ званіи даже и тогда, когда имѣли свои „приробки“ въ дворныхъ же земляхъ. По источникамъ мы не замѣчаемъ ни фактовъ перевода челядинцевъ въ разрядъ отчичей, ни даже мотивовъ возможности такихъ фактовъ. Единственное, съ чѣмъ приходится встрѣчаться въ данномъ случаѣ, это выкупъ свободы самими челядинцами и послѣдующій добровольный переходъ ихъ въ разрядъ крестьянъ. Такъ, королева Елена пожаловала, а король Сигизмундъ въ 1514 году подтвердилъ своимъ листомъ боярину Бирштанскаго повѣта Богдану Миколаевичу „четыри чоловѣка у-въ Ониештенскомъ повѣтѣ, которыи передъ тымъ были паробки и откупились“, со всѣми ихъ землями пашными и бортными и службами, и дачками³³¹⁾. Производа „отчичей“ отъ челяди невольной, мы должны будемъ признать большинство литовско-русскаго крестьянства рабскимъ по происхожденію, должны будемъ признать непомѣрное развитіе рабства, которое самъ г. Антоновичъ отрицаетъ.

Но если нельзя выводить отчичей отъ челядинцевъ, то нельзя довольствоваться и тѣмъ объясненіемъ, которое предлагаетъ г. Иловайскій. „Первымъ шагомъ къ водворенію вѣрностнаго права или къ уравненію вольныхъ сельскихъ жителей (?) съ невольными,—говоритъ онъ,—былъ земскій привилей 1457 года, по которому Казимиръ IV запрещаетъ перезывать поселенцевъ съ частныхъ имѣній на велико княжескія и обратно“³³²⁾. Но если уже существовали невольные люди ранѣе 1457 года, значитъ и привилей 1457 года не былъ первымъ шагомъ къ водворенію вѣрностнаго права, какъ не былъ онъ первымъ шагомъ и къ уравненію вольныхъ сельскихъ жителей съ невольными, потому что онъ запрещалъ принимать изъ частныхъ имѣній на велико княжескія и обратно только людей невольныхъ и „непохожихъ“, а по другому списку „давныхъ (пожалованныхъ)“, извѣч-

³³¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 72, 73. Срав. Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 22, III.

³³²⁾ Исторія Россіи, т. III, стр. 84.

ныхъ селянитыхъ (отчичей), невольныхъ“³³³). Такихъ первыхъ шаговъ въ законодательствѣ вообще не дѣлалось, потому что законодательство только утверждало и оформляло уже сложившіяся социальныя отношенія.

Г. Леонтовичъ выводитъ происхождение класса „непохожихъ людей“ изъ экономическихъ условій, въ какихъ жило литовско-русское крестьянство. „Нуждаясь въ частыхъ пособіяхъ со стороны помѣщика, — говоритъ онъ, — и рѣдко имѣя возможность заплатить ихъ, похожій человекъ, долго прожившій на землѣ одного и того же владѣльца по неволѣ дѣлался неоплатнымъ должникомъ, подвергался всѣмъ невыгоднымъ послѣдствіямъ долговой зависимости. Бѣднякъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ жертвовать личною свободою, какъ единственною гарантіею долговыхъ отношеній“. — „Неоплаченныя обязательства перваго поселенца — свободнаго человека отзывались на зависимости его потомковъ. Ихъ привязывали въ мѣсту поселенія обязательства, сдѣланныя при первомъ поселеніи и обратившіяся при своей неоплатности въ наследственныя. Потомокъ вольнаго поселенца дѣлался такимъ образомъ старожиломъ, незамѣтно входилъ въ число людей отчизныхъ, наследственныхъ. Отсюда само собою образовалось въ жизни и перешло въ положительное законодательство правило, по которому похожіе люди, прожившіе долгое время на владѣльческой землѣ, должны считаться людьми „отчизными, отчичами“. Въ этой хозяйственной зависимости крестьянъ отъ землевладѣльцевъ нужно искать основную причину или, точнѣе говоря, ту *pochву* (sic!), на которой возникло укрѣпленіе сельскихъ жителей какъ въ юго-западной, такъ и въ восточной Руси. Укрѣпленіе вездѣ начиналось только съ классовъ, ставшихъ уже въ большую или меньшую зависимость; укрѣпляя ихъ для своихъ цѣлей, государство только пользовалось готовыми, установившимися отношеніями“³³⁴). Къ этому объясненію отнесся сочувственно и г. Владимірскій-Будановъ, говоря, что „на литовско-русскомъ правѣ всего лучше изучать постепенное бытовое прикрѣпленіе крестьянъ, какъ неизбѣжное послѣдствіе экономическихъ причинъ“. Но тутъ же онъ сдѣлалъ оговорку, какъ бы чувствуя неудовлетворительность объясненія: „тѣмъ не менѣе несомнѣнно громадное вліяніе нѣмецкаго права въ Литвѣ (а именно волочной системы хозяйства и строгаго отдѣленія городскихъ состояній отъ сельскихъ) на раннее и повсемѣстное прикрѣпленіе, а равно и на внутреннюю строгость этого

³³³) Zbiór praw litewskich, str. 28 — 35; Акты Зап. Рос. I, № 61.

³³⁴) Киевскія Университетскія Извѣстія 1863, № 10, отд. 2, стр. 18—21.

права“³²⁵). На нашъ взглядъ изъ объясненія г. Леонтовича можно извлечь только одно, что бѣдность вольныхъ „похожихъ“ людей, ихъ задолженность землевладѣльцамъ, вытекавшая изъ необходимости брать „запоможенье“ для перваго обзаведенія, содѣйствовали ихъ закрѣпощенію *въ силу давности*³²⁶). Не говоря уже о томъ, что факты противорѣчатъ этому, что „люди въ пенязѣхъ“, какъ увидимъ ниже, не становились старожилами, сколько бы лѣтъ ни прожили, и что статутъ 1529 года прямо выражаетъ, что „каждая застава (а въ томъ числѣ и личности) давности мети не может“ (арт. 5 десятаго раздѣла и 8 одиннадцатаго), но самое закрѣпощеніе въ силу давности, самый принципъ права объясненіе г. Леонтовича предполагаетъ уже даннымъ. Г. Леонтовичъ говоритъ только, что крестьяне благодаря своей задолженности часто становились старожильцами, людьми отчинными или отчичами, но онъ не объясняетъ, почему они становились людьми непохожими, предполагая это само собою. По настоящему, ему нужно было бы начать съ разъясненія этого послѣдняго положенія и такимъ образомъ вставить рядъ звеньевъ между понятіемъ „старожиловъ“, „отчинныхъ людей“, „отчичей“ и понятіемъ „непохожихъ“ людей, которыя сами по себѣ еще далеко отстоятъ другъ отъ друга. Правда, что, говоря о давности, какъ источникѣ невольничества, онъ замѣтилъ, что „здѣсь дѣйствовало общее начало средневѣковой жизни, въ силу котораго долговременная жизнь на одномъ мѣстѣ въ качествѣ временно-зависимаго человѣка, становилась для него актомъ укрѣпленія“. Но эта ссылка—не объясненіе, а только суммарное обобщеніе явленій извѣстной исторической эпохи, имѣвшихъ въ каждой странѣ и у каждаго народа свои собственные корни въ данныхъ его политическаго и экономическаго существованія. Эти данныя для Литовско-Русскаго государства и надо было бы выставить на видъ и освѣтить, а не ссылаться только на чужіе примѣры. Въ настоящемъ мѣстѣ мы и стараемся это сдѣлать, на сколько нужно для цѣлей нашего изслѣдованія.

Принципъ давности, старины, глубоко проникалъ во всѣ жизненныя отношенія Литовско-Русскаго государства въ первое время его существованія, находя примѣненіе и въ государственномъ, и въ гражданскомъ его быту. На немъ основывались отношенія великокняжеской власти къ областнымъ общественнымъ группамъ, къ отдѣльнымъ классамъ общества и отдѣльнымъ лицамъ, права и обязанности кото-

³²⁵) Христоматія по исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 31, прил. 15, Кіевъ 1880.

³²⁶) Ср. *И. Новикова* Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи, стр. 75.

рых опредѣлялись давностью, стариной. Нововведенія проникали въ жизнь и строй Литовско-Русскаго государства на первых порахъ только поверхъ и помимо старины, не трогая и не разрушая ея, и часто были только новой формой стариннаго содержанія. Такое господство принципа старины, давности въ сферѣ государственныхъ отношеній, какъ уже было сказано въ первомъ очеркѣ, имѣло свой корень въ обстоятельствахъ образованія Литовско-Русскаго государства. Изъ области государственныхъ отношеній принципъ этотъ перешелъ и въ область общественныхъ которыя нераздѣльно были связаны съ государственными, именно въ область землевладѣнія, а отсюда уже и въ область отношеній къ крестьянамъ, къ ихъ труду, который главнымъ образомъ обуславливалъ цѣнность „земскихъ маетностей“. Распространеніе и утвержденіе этого принципа въ разнообразныхъ областяхъ жизни должно было совершаться тѣмъ легче, что исторія не дала Литовско-Русскому государству правительства, которое бы мощно и энергично развивало свою дѣятельность по устройству внутреннихъ отношеній изъ центра, не выработала для этого правительства надлежащихъ учреждений, которыя бы давали ему возможность вѣдать внутреннія отношенія, властвовать въ нихъ и направлять въ своихъ интересахъ, обрекла его на дѣятельность по импульсамъ со стороны мѣстныхъ властей, обществъ и частныхъ лицъ, на утвержденіе и регулированіе отношеній, слагавшихся большею частью помимо его вѣдома и участія.

Ходъ прикрѣпленія крестьянъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Образовавшееся великое княжество Литовское захватило на княжескихъ земляхъ и частныхъ имѣніяхъ массу крестьянства (бывшихъ смердовъ), которая жила изстари на своихъ земельныхъ участкахъ, платя дани и различныя подати мѣстнымъ государямъ, неся различныя барщинныя повинности и платя поборы мѣстнымъ землевладѣльцамъ. Хозяйство частныхъ имѣній уже въ эпоху Русской Правды не было въ состояніи держаться на одномъ рабскомъ трудѣ, а требовало и наемныхъ рабочихъ. Быть можетъ, уже въ то время начался и переходъ къ веденію его барщиннымъ крестьянскимъ трудомъ, который въ XIII и XIV вв. получилъ всеобщее распространеніе и въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ, и въ собственномъ господарскомъ хозяйствѣ, при тогдашней бѣдности фивансовыхъ источниковъ сдѣлавшемся важною доходною статьею. При этомъ господарское хозяйство, какъ мы знаемъ, не обходилось только трудомъ крестьянъ, жившихъ на великокняжескихъ земляхъ, но пользовалось рабочими руками и съ частныхъ имѣній. Для правильнаго

веденія этого хозяйства требовалось извѣстное постоянство въ количествѣ рабочей силы, требовалось, чтобы оно было всегда обезпечено крестьянскимъ трудомъ въ размѣрахъ, по крайней мѣрѣ, не ниже прежняго. По этому литовскіе князья въ своихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ стали держаться правила, что крестьяне, прочно осѣвшіе въ извѣстномъ участкѣ или получившіе его по наслѣдству³³⁷⁾, не должны были покидать его, потому что съ уходомъ ихъ могла прекратиться и „служба“ съ этого участка. Конечно, если крестьяне какимъ-нибудь образомъ обезпечивали впредь службу съ даннаго участка, они могли и уходить съ него. Такое укрѣпленіе, долженствовавшее служить для князей нѣкоторою гарантіею не только правильнаго веденія ихъ хозяйства, но и правильнаго поступленія податей и налоговъ, не производило, однако, особенно на первыхъ порахъ, рѣзкой перемены въ положеніи крестьянъ и потому легко должно было утвердиться *de jure*. Многіе крестьяне обжились на своихъ „отчинахъ“, хорошо работали ихъ и сами по себѣ не имѣли никакихъ побужденій оставлять землю, которая пріобрѣла уже рентовую цѣнность и которая могла имѣть уже покупателей. Съ переходомъ на другой участокъ связанъ былъ для нихъ рискъ попасть въ худшія хозяйственныя условія. Кромѣ того, хотя и возникла идея, что всѣ „отчичи“ и „осѣлые“ люди должны быть „непохожими“, на практикѣ она не могла проводиться строго, и ея дѣйствіе подлежало большимъ ограниченіямъ. Административная практика не всегда возвращала крестьянина на его „отчину“, потому что онъ садился нерѣдко на другую господарскую пустошину, съ которой несъ господарю ту же службу, а иногда и бѣльшую. Притомъ же такимъ крупнымъ вотчинникамъ, какъ великій князь Литовскій и удѣльщикъ, даже и невозможно было часто удерживать крестьянъ на ихъ отчинахъ, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда они разорялись и не могли не только служить свою службу господарю, но даже и прокормить себя. Князья не могли поднимать такихъ крестьянъ, снабжать ихъ земледѣльческимъ инвентаремъ и такимъ образомъ или инымъ пользоваться ихъ трудомъ, потому что слишкомъ велика была княжеская вотчина, слишкомъ много набиралось такихъ крестьянъ. Естественно, слѣдовательно, если такіе люди бросали безпрепятственно свои отчины и шли по людямъ кормиться въ наймиты и закупы. Князья должны были мириться съ этимъ въ надеждѣ, что такіе „привбожавшіе“ крестьяне, поправившись на сторонѣ, возвратятся на свои отчины или на другіе земельные участки,

³³⁷⁾ Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 22, III.

буде ихъ отчины тѣмъ временемъ удастся „осадить“ прихожими людьми. Въ результатѣ всего этого выходило, что „отчины“, люди „непохожіе“, повинувъ свои отчины, съ теченіемъ времени, какъ увидимъ ниже, дѣлялись людьми вольными „похожими“, и таково было положеніе крестьянъ въ господарскихъ волостяхъ въ теченіе всего изучаемаго времени.

Къ этому необходимо прибавить еще нѣсколько словъ относительно самаго характера прикрѣпленія отчичей, чтобы объяснить, какимъ образомъ классъ отчичей, людей „непохожихъ“ отдѣлялъ отъ себя постоянно классъ людей вольныхъ и „похожихъ“. Этотъ характеръ мы лучше всего поймемъ, если уподобимъ литовско-русскую крестьянскую „службу“ московской черной волости, сведенной до предѣловъ большой семьи или равнаго ей крестьянскаго товарищества. Московскій государь обезпечивалъ себѣ исправный взносъ податей и отправленіе повинностей черными крестьянами тѣмъ, что эти подати и повинности налагалъ общемо суммою на черную волость, предоставивъ самимъ крестьянамъ справляться съ ними, какъ хотать и знаютъ, а въ случаѣ неисправности взыскивалъ съ наличныхъ членовъ волости. Но самый подборъ этихъ членовъ производила сама волость, вступавшая въ ряды съ прихожими крестьянами и сажавшая ихъ на пустыхъ участкахъ; государь не заботился ни о числѣ, ни о личности членовъ волости. Но въ Литовско-Русскомъ государствѣ за нѣкоторыми исключеніями не удержался правительственный обычай имѣть дѣло непосредственно только съ волостями и съ волостей требовать извѣстной общей суммы податей и повинностей. Наоборотъ, правительство здѣсь имѣло дѣло большей частью съ каждымъ отдѣльнымъ тягломъ или крестьянскою „службою“, съ которой оно чрезъ своихъ урядниковъ и крестьянскихъ властей и требовало извѣстныхъ податей и повинностей. При такомъ малочисленномъ составѣ отвѣтственнаго юридическаго лица правительство не могло уже не заботиться о личности и числѣ его членовъ, но опять таки заботилось лишь настолько, насколько требовали этого его хозяйственные и финансовыя интересы. Поэтому оно удерживало на данномъ участкѣ извѣстнаго ему „отчича“, являшагося передъ нимъ представителемъ „службы“, къ которому оно до этого времени предъявляло всѣ свои требованія съ „службы“, удерживало его дѣтей и братью или „потужниковъ“, безъ которыхъ онъ не могъ выполнять своихъ обязательствъ. Но оно не удерживало всѣхъ тѣхъ членовъ крестьянской семьи или товарищества, которые съ теченіемъ времени оказывались лишними безпрепятственно выпускались на сторону со службы своими преж-

ними „потужниками“. Вообще наличное количество членовъ „службъ“ могло уменьшаться, если часть ихъ „поднимались“ одни полнить господарскую службу; могло и увеличиться, если они сами или великокняжескiй урядникъ присаживали вольныхъ, „похожихъ“, людей въ потужники. Такимъ образомъ влассъ „непохожихъ“, „отчичей“, постоянно долженъ былъ выдѣлять изъ себя классъ вольныхъ „похожихъ“ людей, которые, садясь на пустовскихъ земляхъ и засаживая на нихъ давность, переходили въ разрядъ отчичей и т. д. Приврѣпленiе крестьянъ въ господарскихъ волостяхъ, слѣдовательно, не имѣло личнаго характера, а только обязательственный. Поэтому, что касается господарскихъ крестьянъ, нельзя говорить о внутренней строгости этого права, на чемъ, какъ мы видѣли выше, дѣлаеть ударенiе г. Владимiрскiй-Будановъ.

Точно также нельзя приписывать вмѣстѣ съ нимъ раннее и повсемѣстное приврѣпленiе крестьянъ въ Литовской Руси дѣйствию вѣмецкаго права, именно—волочной системѣ и строгому отдѣленiю городскихъ состоянiй отъ сельскихъ.

Приврѣпленiе крестьянъ было, во первыхъ, не повсемѣстное. Въ господарскихъ Поднѣпрскихъ волостяхъ, напр., которыя платили дань общему суммою, правительство не слѣдило за отдѣльными „службами“, потому что волость платила и за выбылыхъ, и за голтяевъ. Поэтому и „отчичи“ тамъ не были „непохожими“ людьми и могли свободно покидать ихъ. Такой порядокъ держался до конца изучаемаго времени, когда онъ долженъ былъ уступить мѣсто порядку, существовавшему въ большей части Литовско-Русскаго государства. Поднѣпрскiя волости, разоряемыя частью войнами, но большею частью „писарскими вѣздами“ за сборомъ даней и притѣсненiями другихъ великокняжескихъ урядниковъ, опустѣли настолько, что оставшіеся данники не могли осилить ни эксплуатаціи всѣхъ пахотныхъ земель и угодiй (бортной земли), ни платежа всей дани. Поэтому нѣкоторые изъ волостей стали бить челомъ объ освобожденiи ихъ отъ платежа дани съ пустовщинъ, которыми они не пользуются, и правительство удовлетворяло обыкновенно ихъ просьбамъ. Такъ, напр., въ 1523 году по челобитью старцевъ и всей волости Могилевской король Сигизмундъ пожаловалъ данниковъ этой волости такимъ листомъ: „не мають они съ тыхъ земель, которыя отъ нихъ подалеку и съ которыхъ они пожитовъ и входовъ своихъ не мають, никоторыхъ даней нашихъ намъ давати ни грошовое, а ни медовое, а ни бобровое, а ни куничное; нижили, которыя земли пустовскiи будутъ поблизь ихъ, которыя они будутъ пахати и вжитки съ нихъ мѣти, съ тыхъ они земля

иметь намъ давать подлугъ давного обычая²²⁸⁾. Благодаря особенному положенію Подлянскихъ волостей и по мѣрѣ того, какъ увеличивались финансовыя тягости ихъ, развивалось среди крестьянства этихъ волостей стремленіе въ избыванію отъ платежа дани и побороу. Объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство въ листѣ короля Сигизмунда, адресованномъ въ 1538 году воеводѣ Виленскому Альбрехту Мартиновичу Гаштольду, державшему волость Бобруйскую. „Довѣдали есмо,—гласитъ этотъ листъ,—иже люди по волостемъ нашимъ таковыи хитрыи обычаи взяли, иже, коли часъ приходитъ даня нашихъ выдввати, тогда они опустивши отчывни свои, а черезъ годъ жываши, и на томъ часъ отходить по инымъ волостемъ нашимъ, вывбывшии и пельсими; а какъ тотъ часъ оминеть, они зася къ своимъ домовъ приходять, а инныи, таки тамъ по инымъ волостемъ кѣшаччи, а отчывни держуть и земли пашуть, а борти лазять, а давей волыныи пугдѣ не джють, а въ томъ намъ шкода а тяжкости подданымъ нашимъ дѣють, иже они за тыхъ сами дань нашу платятъ“. Желая положить этому предѣлъ, король запретилъ мѣстнымъ державцамъ принимать людей въ свою волость изъ другихъ и предписалъ имъ возвращать упедшихъ изъ волости на ихъ „отчины“. Сосѣди такихъ крестьянъ должны были извѣщать державцу или его урядника объ ихъ уходѣ, въ противномъ случаѣ должны были платить за выбывшихъ дань. Этому же наказанію долженъ былъ подвергнуться урядникъ, который не выводилъ такихъ крестьянъ, будучи извѣщенъ объ ихъ уходѣ, а также и тѣ, кто принималъ въ себя такихъ крестьянъ и не выдалъ ихъ²²⁹⁾. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, и въ Подлянскихъ волостяхъ отчины должны были сдѣлаться людьми непохожими, какъ повсюду въ Литовско-Русскомъ государствѣ, и въ Подлянскихъ волостяхъ правительство стало имѣть дѣло непосредственно съ крестьянскою „службою“, а не съ волостью вообще.

Это послѣднее обстоятельство нельзя приписывать вліянію иѣмцаго права, въ частности волочной системы, потому что эта система, какъ будетъ сказано ниже, въ изучаемое время распространилась только на Подляшье и немного на Волини. Правительственный обычай—имѣть дѣло непосредственно съ крестьянскою „службою“ выросъ изъ данныхъ мѣстнаго историческаго развитія и привился къ мѣстнымъ потребностямъ. Онъ объясняется, на нашъ взглядъ, раннимъ

²²⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 105—106.

²²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 172—174.

и притомъ широкимъ развитіемъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ дворцоваго хозяйства, которое привлекало къ своимъ работамъ крестьянскія силы не по цѣлымъ волостямъ, а часто по деревнямъ и селамъ, выдѣляло изъ всей массы крестьянства спеціальныя „службы“ для удовлетворенія своихъ особыхъ потребностей или же пользовалось въ этихъ цѣляхъ существовавшими уже въ крестьянствѣ спеціалистами, выдѣляя ихъ опять таки изъ общей массы крестьянства въ особыя „службы“. Въ Подиѣпрскихъ волостяхъ, какъ было уже сказано, господарское хозяйство не получило большого развитія, а потому тамъ и удержался порядокъ платежа податей цѣлою волостью, и крестьяне не были прикрѣплены къ своимъ отчинамъ. То же самое было, повидимому, и въ нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ Литовской Руси, Витебской и Полоцкой земляхъ, гдѣ въ крестьянскомъ населеніи преобладали данники³⁴⁰⁾, что и подало поводъ г. Антоновичу неправильно всѣхъ данниковъ признать свободными крестьянами.

XVIII.

Что касается нѣмецко-польскаго права, то и оно имѣло въ изучаемое время значеніе для судьбы крестьянъ, но только не въ господарскихъ волостяхъ, а въ частныхъ имѣніяхъ, и притомъ не тѣми сторонами своими, на которыя указываетъ г. Владимірскій-Будановъ. Вліяніе нѣмецко-польскаго права на положеніе крестьянъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ было связано съ распространеніемъ тѣхъ шляхетскихъ правъ и привилегій, которыя г. Владимірскій-Будановъ вывелъ изъ нѣмецкаго „jus ducale“³⁴¹⁾. Эти шляхетскія права и привилегіи дѣйствительно сообщили крѣпостному праву „внутреннюю строгость“, какъ выражается г. Владимірскій-Будановъ, иначе говоря, сообщили прикрѣпленію крестьянъ въ частныхъ имѣніяхъ личный характеръ. Конечно, люди отчинные „непохожіе“ въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ были и ранѣе распространенія шляхетскихъ привилегій. То самое правило, которое дѣйствовало въ отношеніяхъ князей къ своимъ крестьянамъ, должно было одновременно утвердиться и въ отношеніяхъ бояръ къ крестьянамъ, жившимъ въ ихъ имѣніяхъ, потому что владѣніе этими имѣніями носило условный характеръ жалованья за службу. Боярскія имѣнія не противостояли еще рѣзко княжескимъ, господарскимъ, и крестьяне ихъ — крестьянамъ княжескимъ,

³⁴⁰⁾ См., напр., Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 73.

³⁴¹⁾ Журналъ Мин. Нар. Просв. 1868, № 8, стр. 473—523.

господарекимъ, съ которыми они сообща несли многія повинности и съ которыми вмѣстѣ находились подъ присудомъ князей и ихъ урядниковъ. Однимъ словомъ, были отчинные „непохожіе“ боярскіе люди, но не было еще панскихъ „подданныхъ“. Повинности частновладѣльческихъ крестьянъ были опредѣлены „старинкою“, обычаемъ, имѣвшимъ силу закона и дѣйствовавшимъ даже и послѣ, когда распространилось польское шляхетское право, особенно въ боярскихъ имѣньяхъ, которыя принадлежали ихъ владѣльцамъ не съ полнымъ „панствомъ и власностью“³⁴²). Самое прикрѣпленіе крестьянъ въ частныхъ имѣньяхъ въ виду всего этого мы должны представлять себѣ не въ большей степени, чѣмъ это имѣло мѣсто въ волостяхъ господарскихъ, такъ что и отъ отчинныхъ боярскихъ крестьянъ могли выдѣляться вольные похожіе люди. Нѣмецко-польское шляхетское право освободило владѣльческихъ крестьянъ отъ обязанности работать на господарскомъ хозяйствѣ и платить разные дворные поборы въ пользу господара и его урядниковъ, освободило ихъ отъ юрисдикціи сихъ послѣднихъ, замѣнивъ ее юрисдикціею владѣльца, и такимъ образомъ превратило ихъ въ „подданныхъ“ пановъ, бояръ-шляхты и другихъ владѣльцевъ. Вмѣстѣ съ этимъ кореннымъ образомъ должно было измѣниться отношеніе къ крестьянской личности. Разъ крестьяне сдѣлались подданными своихъ пановъ, изъ класса „отчичей“ частновладѣльческихъ почти уже не могъ отдѣляться классъ вольныхъ похожихъ людей. Паны имѣли теперь право не выпускать „власныхъ“ крестьянъ, оказавшихся лишними на данномъ участкѣ земли: если нельзя было осадить ихъ на другомъ участкѣ въ предѣлахъ даннаго имѣнья, то можно было перевести въ другое имѣнье свое или чужое, взявъ за это деньги или получивъ какую-нибудь другую выгоду. Примѣры всего этого встрѣчаются въ актахъ изучаемаго времени и опровергають утвержденіе г. Антоновича, что „зависимость отчичей отъ находившейся въ ихъ пользованіи земли, а не отъ личности владѣльца, и неотчуждаемость ихъ отъ этой земли доставляли имъ положеніе несравненно выше положенія польскихъ крестьянъ“³⁴³). Такъ, король Александръ въ 1501 году подтвердилъ влючнику Виленскому Станиславу людей и земли, купленные имъ у боярина Миколая Станковича и между прочимъ „и того мужика на имя Микову землю, которого жъ онъ перво сего купилъ въ него безъ земли“³⁴⁴). Г. Леонтовичъ спра-

³⁴²) См., напр., Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. VII, № 4, 6, 7.

³⁴³) Предисловіе къ II тому VI части Архива Юго-Зап. Россіи, стр. 18, 19.

³⁴⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 199.

ведливо указалъ на то, что нѣкоторыя выраженія Статута 1529 года указываютъ на право владѣльцевъ продавать своихъ крестьянъ безъ земли и вообще на личный характеръ прикрепленія владѣльческихъ отчинныхъ людей³⁴⁵). Этотъ личный характеръ вообще довольно рѣдко выступаетъ по актамъ XV и начала XVI вѣка, до 1529 года. Въ 1499 году татары Довлегіяръ и Бахтіяръ Сейтовичи смыскали „правомъ“ на паня Янъ Петровичъ людей своихъ отчинныхъ Скорбеевичей, которыхъ онъ забралъ было къ своему двору Княжичамъ, утверждая, что это его „прадѣдина“. Великій князь не только отдалъ татарамъ Скорбеевичей съ ихъ землями, но также написалъ въ своемъ судномъ листѣ: „Также, што который человекъ тыхъ же Скорбеевичевъ съидитъ на наша Яноа земли Княжичской, и мы и того человека казали съ тое земли звести и подати тымъ Сейтовичомъ“³⁴⁶). Очевидно, что паня Янъ Петровичъ, владѣя Скорбеевичами, взялъ отъ нихъ одного человека и посадилъ его на какой-нибудь пустошицѣ своего имѣнья. Но такъ какъ Скорбеевичи все должны были по суду отойти въ подданство къ татарамъ, то великій князь и велѣлъ его свести съ земли пана Яна Петровича. Въ томъ же году, присудивъ землю Саковскую панамъ Яну и Войтеху Юрьевичамъ Саковича, у которыхъ оттягивалъ ее служебникъ ихъ отца Родивонъ Трепадовичъ, великій князь написалъ въ своемъ судовомъ листѣ въ обезпеченіе правъ сего послѣдняго: „што будетъ тамъ мѣти у томъ своемъ дворцы на той земли людей своихъ непохожихъ и чеделя неволяре и домовыхъ статковъ, жита на поли сѣяного и яриа, копей и животины и иныхъ речей, тое все маеть собѣ побрати и выжити“³⁴⁷). Тотъ же великій князь Александръ въ 1499 году далъ пану Григорью Остивовичу одинъ дворець, который устроилъ бояринъ Ганусъ Куркевскій на новѣ въ пущѣ господарской безъ надлежащаго разрѣшенія. Но въ пожалованье пошли при этомъ только люди господарскіе, которыхъ бояринъ осадилъ за собою; „а што его люди были властныи,—писалъ король въ своемъ привилей пану Григорью Остивовичу,—и мы тые люди казали ему съ тое земли прочъ звести“³⁴⁸). Личный характеръ прикрепленія отчинныхъ людей сказывается и въ томъ, что при мѣнѣ имѣньями паны сводили ихъ съ земель и пере-

³⁴⁵) См. 8 и 15 артикулы I раздѣла, 8 и 14 артикулы V раздѣла, 20 и 21 арт. VIII-го и др.

³⁴⁶) Догв. Мейр. кн. Запис. VI, л. 130, 131.

³⁴⁷) Ibidem, л. 134, 135.

³⁴⁸) Ibidem, л. 145—147.

вѣдали въ другое имѣніе. Такъ, въ 1524 году панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ и князь Юрій Ивановичъ Дубровицкій, мѣняясь селами, „змову въ томъ вмыслили, иже которыми люди мѣли они на тыхъ селехъ своихъ, тыхъ людей своихъ мають они на обѣ стороны съ тыхъ селъ ввезти и каждый у своемъ селѣ мають ихъ за собою посадити, а тыхъ земель всихъ однихъ другому поступити са“. Любопытное побужденіе, которое заставило мѣнявшихся имѣніями такъ поступить: съ селъ князя Юрія шло данн двѣ полумѣрки меду прѣснаго, а съ селъ пана Гаштольда три полумѣрки ²⁴⁹⁾. Такимъ образомъ, приврѣпленіе крестьянъ приняло личный характеръ въ то самое время, когда новинности ихъ еще продолжали оставаться опредѣленными обычаями, старинной. Но когда, влѣдствие распространенія нѣмецко-польскаго шляхетскаго права, приврѣпленіе крестьянъ въ частныхъ имѣніяхъ приняло личный характеръ, тогда естественно должно было послѣдовать запрещеніе принимать въ господарскія волости изъ частныхъ имѣній всѣхъ людей „данныхъ, невѣчныхъ, селянскихъ“, каковое запрещеніе и содержится въ известномъ привилей 1457 года. Но это запрещеніе не было, такимъ образомъ, „первымъ шагомъ“ въ водворенію крѣпостнаго права, котораго оно не устанавливало, а только законодательнымъ выраженіемъ или санкціею тѣхъ послѣдствій, которыя вытекали сами собою изъ распространенія шляхетскаго права надъ крестьянами.

XIX.

По отношенію къ господарскимъ крестьянамъ это запрещеніе не имѣло и не могло имѣть равной силы, хотя привилей 1457 года и настаиваетъ на томъ, чтобы князья, паны, бояре-шляхта и мѣщане не принимали въ свои имѣнья господарскихъ людей, „котороѣ бы коли плоти были а любо достоинства“. Въ господарскихъ волостяхъ отъ класса „отчичей“ всегда отдѣлялся классъ вольныхъ „похожихъ“ людей, которые садились свободно въ частныхъ имѣніяхъ, несмотря на запрещеніе 1457 года.

Эти вольные „похожіе“ люди нерѣдко въ силу давности попадали въ разрядъ непохожихъ отчинныхъ людей владѣльцевъ. Объ этомъ можно заключить прежде всего изъ того, что въ силу давности закрѣплялись за частными владѣльцами имѣнья вообще, въ томъ числѣ и крестьяне съ землями. Земская давность, какъ принципъ укрѣпленія, дѣйствовала, вѣроятно, уже съ самаго образованія Литовско-Русскаго

²⁴⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 171.

государства, которое утверждало въ своихъ областяхъ всяческую старину; съ распространеніемъ польскаго шляхетскаго права дѣйствіе ея несомнѣнно. Она была признана въ Городельскомъ привилеѣ 1413 года, въ которомъ Ягелло и Витовтъ обѣщали панамъ и боярамъ литовскимъ потомственное владѣніе *отчинными* имѣніями, а также и въ привилеѣ короля Казимира, въ которомъ онъ гарантировалъ высшимъ сословіямъ вѣчное владѣніе имѣніями, принадлежавшими имъ при Витовтѣ и Сигизмундѣ Кейстутевичѣ, буде они докажутъ эту принадлежность или документами, или же просто „достаточнымъ а слышнымъ свидѣтельствомъ“. При Александрѣ принципъ земской давности дѣйствуетъ въ прямомъ своемъ выраженіи. Такъ, когда Волнины искали предъ великимъ княземъ своего села подъ бояриномъ смоленскимъ Андреемъ Сытымъ и хотѣли ему отложить его пенязи (село было у него въ „заставѣ“), а отчину взять себѣ, великій князь не лишилъ боярина права владѣнія „для того, шчо се то *вдавило*, и много онъ вшо на то село належилъ“, но утвердилъ за нимъ село на вѣчность³⁵⁰⁾. Подобно Волнинымъ при великомъ князѣ Александрѣ проигралъ свою тяжбу о половинѣ отчины кн. Семенъ Александровичъ Чорторыйскій въ пользу родственника своего кн. Федора Михайловича Чорторыйскаго же: отецъ князя Семенъ и онъ самъ не „вспоминали“ объ этой половинѣ, „а то такъ ся *вдавило*“, вслѣдствіе чего великій князь Александръ 8 іюня 1498 года и присудилъ эту половину кн. Федору³⁵¹⁾. Въ „правахъ“ короля Сигизмунда, изданныхъ имъ при вступленіи на великое княженіе и потомъ подтвержденныхъ въ статутѣ 1529 года, было „выписано“: „кто бы держалъ именье и люди и земли за Казимера Короля во впокои, а о томъ до Короля Александра будетъ ништо ся не припоминалъ бы и добре таковы листов на то не мѣлъ; тогда то впокои держати мает“. На этомъ основаніи княгиня Марья Ровенская въ началѣ Сигизмундова княженія (11 іюля 1507) выиграла процессъ у землянъ волинскихъ Джусичей „о имѣннъ, Квасиловъ а Корнино, а Колодное, а Бержаны, а Басое, а Ставъ, а Сливное, а Ростовъ у Волинской земли“³⁵²⁾. На основаніи давности же владѣнія король Сигизмундъ въ 1510 году возвратилъ боярамъ городенскимъ Жадену Олишковичу, Пареею Жуковичу и Сеньку Про-

³⁵⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 89.

³⁵¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 110.

³⁵²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 275, 276; Статутъ 1529, раздѣлъ I, арт. 15.

коповичу съ братьею землю Икутевщину, которую выпросилъ было себѣ подъ ними „одверный“ Чижъ. Въ листѣ, выданномъ по сему случаю боярамъ, читаемъ: „и мы подлугъ давности, ижъ ихъ предковѣ за великого князя Витовта и за Жигимонта и они сами за отца и брата нашего и за наше панованье тое земли въ держаньѣ были ажъ и до тыхъ часовъ и тежъ подлугъ того листа князя Александрова судового, ихъ есмо при той земли zostавили: мають они и напотомъ ихъ будучи тую землю Икутевщину и люди, которые на той земли сѣдятъ, держати вѣчно по тому, какъ первѣй того предки ихъ и они сами держали“ ³³³). Давность рѣшала дѣло и въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне „выламывались“ отъ службы или подданства своимъ панамъ, Люди Вилькейскаго повѣта Якубъ Кибейковичъ, Матей Торвидовичъ и Будко Кгорбейковичъ съ братьею хотѣли освободиться отъ подданства наслѣдникамъ боярина вилькейскаго Словика, утверждая, что Словикъ „впросилъ ихъ за тяглыхъ людей, а они суть бояре“, въ доказательство чего хотѣли „ся выводити“ ковенскими боярами. Но король съ панами радою, выслушавъ заявленія вдовы Словика, что этихъ людей дала мужу ея королева Елена въ то время, когда держала Вилькею, постановилъ такую резолюцію: „А такъ мы, съ паны радами нашими о томъ досмотрѣвши, и видѣло ся намъ: егдыжъ тыи люди *такъ долю*, почоншы отъ данины невѣстки наше, Словикю служили ажъ до сихъ часовъ, а того были въ молчаньи и въ томъ ся не выводили, присудили есмыо тыхъ людей Словиковой и ее дѣтемъ подлѣ данины невѣстки наше, Александровое королевое ея милости, и привилыя нашего“ ³³⁴). Въ 1531 году воеводѣ Витебскому Яну Юрьевичу Глѣбовича жаловался человекъ Яковъ Кузьминъ на господарню свою, боярню Олехнову Поддубенскаго Ульяну: „есми есть человекъ вольный, и зашодши за мужа ея, небожчика Олехна, и жилъ есми за нимъ добровольне, а теперъ она въ неволю мя вернуть и отъ себе мя отпустить не хочеть, не вѣдаю для чого“. Но боярня заявила, что еще дѣдъ этого человека Яковъ Павловичъ съ сыномъ Кузьмою достались „въ дѣлу“ мужу ея Олехну отъ брата, въ доказательство чего представила „дѣльчій листъ“, подтвержденный подписями Яцка Сушковича, маршалка прежняго воеводы Витебскаго Ивана Ходкевича, и боярина Ивана Олыфереевича, которые дѣлили ея мужа съ братьями „съ дозволенья ихъ самыхъ“ людьми и землею отчинною. Въ добавленіе къ этому она представила еще „дѣльчій“ листъ своего

³³³) ЛитовМетр. кн. Запис. VIII, л. 384.

³³⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 39, 40

мужа, который при жизни дѣлилъ своихъ дѣтей и жену, при чемъ Якова Кузьмина отписалъ своей женѣ. Въ виду всего этого воевода далъ такую резолюцію: „егда жъ того чоловіка дѣдъ и отецъ и онъ самъ за Поддубенскимъ мѣшкали ажъ до тыхъ часовъ, а ему въ дѣлу отъ братьи достались и съ того дѣлу отъ него николи ся не вымывляли, абы не были его отчичами, и вказали есмо его Поддубенской водлѣ тыхъ листовъ дѣльчихъ и тое давности, ижъ тотъ чоловікъ маеть за нею жити и ей служыти, яко чоловікъ отчизный, а она ему жадное образы и крывды не маеть чинити“³⁵⁵). Такимъ образомъ, крестьянинъ могъ потерять свободу для себя и потомковъ, не заявивъ при переходѣ имѣнья къ наследникамъ, что опъ чоловікъ вольный „похожій“. Вообще вольные „похожіе“ люди не должны были засиживаться на земляхъ владѣльца, ибо только „незасѣдѣлые“ могли уйти отъ него, „выходъ“ отдавши³⁵⁶). По статуту 1588 года достаточно было прожить на землѣ владѣльца десять лѣтъ, или земскую давность, чтобы попасть въ разрядъ отчинныхъ „непохожихъ людей“. Это правило, повидимому, дѣйствовало и ранѣе 1588 г.: по статуту 1529 года отчинные люди, бѣжавшіе отъ своего владѣльца къ другому, подлежали выдачѣ лишь въ томъ случаѣ, если не засиживали за новымъ владѣльцемъ десятилѣтней давности³⁵⁷), изъ чего можно заключить, что эта давность имѣла свою силу также и относительно вольныхъ похожихъ людей. Дѣйствовала ли она раньше, въ изучаемое время, на это не встрѣчается прямыхъ указаній въ актахъ, служившихъ матеріаломъ для составленія настоящихъ очерковъ. По всѣмъ признакамъ Статутъ 1529 года формулировалъ лишь только то, что и ранѣе дѣйствовало въ жизни. Разумѣется, земская давность не дѣйствовала въ такихъ случаяхъ, когда при осадѣ крестьянъ на владѣльческую землю составлялось условіе, что они могутъ уйти отъ владѣльца, отдавъ ему „выходъ“³⁵⁸).

Итакъ, въ извѣстномъ смыслѣ справедливо утвержденіе г. Леонтовича, что „сосредоточеніе поземельной собственности въ немногихъ рукахъ и возникшая отсюда хозяйственная зависимость крестьянъ отъ землевладѣльческихъ классовъ были первымъ и главнымъ основаніемъ укрѣпленія крестьянскаго сословія“ въ Литовско-Русскомъ государствѣ³⁵⁹)

³⁵⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 31

³⁵⁶) Памятники Временной Кіевской Комиссіи, т. I, отд. 2, стр. 1—7.

³⁵⁷) Раздѣлъ VII, арт. 28.

³⁵⁸) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XCII.

³⁵⁹) Кіевскія Университетскія Извѣстія 1863, № 10, стр. 21.

XX.

Послѣ всего сказаннаго о положеніи крестьянъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ можно представить себѣ, какимъ образомъ являлись крестьянскія пустоши въ господарскихъ волостяхъ, и какииъ людямъ могли осаживать эти пустоши намѣстники-державцы. Пустоши являлись потому, что многіе господарскіе крестьяне, обѣдѣвъ и не будучи въ состояніи служить съ своихъ земель службу государю и кормить себя, бросали земли и уходили кормиться по людямъ, отдавая себя въ наймиты или закупы или же сядя на землю къ кому нибудь въ долю или въ „певязѣхъ“³⁶⁰. Хотя они не имѣли права дѣлать этого, тѣмъ не менѣе правительство не возвращало ихъ на свои отчины за невозможностью поднять ихъ экономически и въ надеждѣ, что они сами поправятся и затѣмъ воротятся на свои отчины или сядутъ на другой господарской землѣ. Другими словами, пустоши были результатомъ несоотвѣтствія между количествомъ господарскихъ крестьянъ и количествомъ правительственныхъ средствъ эксплуатировать ихъ трудъ.

Акты изучаемаго времени даютъ намъ множество указаній на происхожденіе пустошинъ такимъ именно путемъ. Такъ, въ 1502 году король Александръ пожаловалъ пану Юрью Якубовичу пять земель пустыхъ въ Волковыйскомъ повѣтѣ, относительно которыхъ панъ повѣдалъ королю, „што жъ передъ тымъ съ тыхъ земель бывало пять службъ, а тыми разы пусты лежать, а отчыч сошли прочъ и, ходячи по людямъ, кормятся“³⁶⁰). Въ 1507 году король Сигизмундъ пожаловалъ боярину слонимскому Давыду Ивановичу Свитича землю Станевщину, относительно которой бояринъ повѣдалъ королю, „што жъ дей отчычъ тое земли Станевщины на имя Ломпа тыми разы живъ, а ходитъ по людямъ въ закупѣхъ“. Король выговорилъ о немъ въ привилеѣ: „а если отчычъ тое земли Станевщины придетъ на тую свою отчинную землю, а всочеть ему служыти, и онъ нехай ему служыть, а не всочеть ему служыти, и онъ кому хочеть, тому нехай служыть“³⁶¹). Король Сигизмундъ пожаловалъ городничему Виленскому Занку Ивановичу двѣ земли пустыхъ Станилевщину Молдетовича и Петрелевщину Куталансваго, согласно его показанію,

³⁶⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 202.

³⁶¹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 207, 208.

„што жъ отчичи тыхъ земель позапродавалися въ пенязѣхъ нѣкоторымъ людемъ, а иные не въ пенязѣхъ розошлися въ покормы“. Позже, въ 1511 году, король дозволилъ ему „тыхъ отчичовъ гдѣ знаподши и пенязи за нихъ отложивши, а которыи будутъ ся въ покормы розошли, побравши, и посажати за собою на тыхъ земляхъ, отчичнахъ ихъ“ ³⁶²). Что такое были „люди въ пенязѣхъ“, на это до известной степени указывать привилей, выданный въ 1513 году пану Якубу Кунцевичу на двѣ земли пустыхъ въ Дорсунишскомъ повѣтѣ, Ентеевщину тяглую и Андреевщину осочницеую. „А повѣдалъ,—читаемъ здѣсь,—и жъ давно пусты лежать, а службы нѣтъ, а отчичи дей розошлися и вормятся, а иные въ пенязѣхъ робять, по людемъ“ ³⁶³). Еще болѣе опредѣленныя указанія даетъ актъ мѣны имѣньями между паномъ Иваномъ Андреевичемъ, подскарбіемъ дворнымъ, и дворяниномъ Ленькомъ Оедоровичемъ Сасинымъ. Панъ подскарбій, уступая Сасину свое имѣнье Гнойницу, вывелъ съ собою челядь невольную, закуповъ, наймитовъ и двухъ бояръ, оставивъ ихъ земли Сасину, а въ имѣньѣ оставилъ своихъ крестьянъ и „людей въ пенязѣхъ“. „Люди въ пенязѣхъ“, слѣдовательно, не были закупы. Въ актѣ мѣны относительно ихъ условлено: „А которыи люди прихожии въ томъ имѣньи были за паномъ Иваномъ у пенязѣхъ, тыи люди мають Ленку служыти; а который бы человекъ не хотѣлъ ему служыти, и онъ маеть Ленку пенязи отложыти подлѣ запису своего и отъ него доброволне пояти прочь, а земли ихъ маеть Ленку держати“ ³⁶⁴). Итакъ, люди „въ пенязѣхъ“ были крестьяне, которые садились въ имѣнья къ частнымъ владѣльцамъ на крестьянскихъ участкахъ, взявъ у нихъ ссуду и обязавшись служить крестьянскою службою до уплаты долга. Часто это были задолжавшіе и разорившіеся на своихъ отчинахъ господарскіе крестьяне, которые новымъ займомъ и работою при новыхъ хозяйственныхъ условіяхъ надѣялись поправить свое матеріальное положеніе. Отъ этихъ людей „въ пенязѣхъ“ отличены, какъ мы видѣли, закупы, въ разрядъ которыхъ также могли попадать обѣднѣвшіе господарскіе крестьяне. Закупы работали вмѣстѣ съ челядью невольною на дворѣ владѣльца и его дворной пашнѣ, чѣмъ и погашали свой долгъ ³⁶⁵). Въ виду этого, если отъ фактовъ изучаемаго времени позволительно сдѣлать заключеніе и о прошломъ закупничества, нельзя принять тѣ

³⁶²) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 55.

³⁶³) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 566.

³⁶⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 184, 185.

³⁶⁵) Статутъ 1529 года, раздѣлъ XI, арт. 8.

объясненія этого института, какія даны у Бѣльева въ его сочиненіи о крестьянахъ древней Руси и у г. Владимірскаго-Буданова въ „Христоматіи по исторіи Русскаго права“, и скорѣе можно согласиться съ мнѣніемъ г. Сергѣевича, считающаго закупа наймитомъ, который погашалъ свой долгъ работою ³⁶⁶). Впрочемъ, наймитомъ его считать мнѣнъ нельзя: наймитъ не за долгъ работалъ, а за жалованье, которое ему выдавалось не впередъ, а по мѣрѣ или по окончаніи работы; наймитъ по этому и не былъ такъ связанъ съ господиномъ, какъ закупъ, который обращался въ раба, если уходилъ отъ господина, не заработавъ долга.

Хотя такія выраженія, какъ „позапродавались въ пенязѣхъ“, „ровношли въ покормы“, сами по себѣ достаточно характерны для объясненія причины появленія пустошинъ въ господарскихъ волостяхъ, тѣмъ не менѣе можно привести и точныя слова источниковъ, дающія подобное же указаніе. Въ 1511 году королю Сигизмунду билъ челомъ человекъ Городенскаго повѣта Иванъ Оленевичъ съ братьею и просилъ земли пустой, дядковщины его, заявляя, „што жъ дей дядковичъ его на имя Олекса Ходычичъ, не могучы зъ отчизны своее службы послужыти, и споль прочъ, и тыми дей разы тая земля; дядковщина ихъ, лежыть пуста“ ³⁶⁷). Такъ юридическое прикрѣпленіе крестьянъ въ господарскихъ волостяхъ развивалось факторами экономическими, которые de facto дѣлали господарскаго крестьянина свободнымъ и утверждали его таковымъ въ его собственной мысли. О томъ, что господарскіе крестьяне считали себя людьми вольными, мы имѣемъ прямыя свидѣтельства въ актахъ изучаемаго времени. Такъ, королю Сигизмунду около 1528 года жаловались крестьяне Полоцкаго повѣта Голомышской волости, люди путные, тяглые и слободичи, на пана Миколая Станиславовича о томъ, „што жъ бы люди были вольны, а онъ ихъ держалъ безъ данины наше“ (т. е. королевской). По разслѣдованіи оказалось, что волость Голомышская дана была королемъ еще отцу пана Миколая, Станиславу Глѣбовичу, со всѣми людьми и со всѣмъ правомъ и панствомъ, вслѣдствіе чего король далъ такой „вырокъ“; „мають ты люди вси волости Голомышское путные и служебные, и тяглые, и данные и съ слободичы ему и его потомкомъ служыти подлѣ того прывилья нашего, а отъ его и отъ его потомковъ не мають вжо черезъ тое отниматися“ ³⁶⁸). Если, такимъ обра-

³⁶⁶) Русскія юридическія древности, т. I. стр. 176—190.

³⁶⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 167.

³⁶⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 29, 30.

зомъ господарскіе крестьяне склонны были считать себя людьми вольными, то отсюда, въ свою очередь, должны были возникать не мало-важныя послѣдствія въ быту крестьянства, который правительство было не въ состояніи устроить и направлять вполнѣ по своему и въ своихъ интересахъ. Это убѣжденіе могло играть извѣстную роль и въ той рѣшимости, съ какою крестьяне бросали свои земли и уходили искать на сторону счастья. Эти переселенія принимали иногда не-важный характеръ въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянъ притѣснили великокняжескіе урядники, чиня имъ разные „взвѣды“ и „новини“. Въ 1511 году данники Поддѣпрскихъ и Задвинскихъ волостей заявляли правительству, что „съ великого драпейства и грабежу“ пясарей, которые вѣзжали къ нимъ править „недополнкою даней“, много данниковъ разошлось, „а тѣе, которые ся еще остались, не только сполна дани наше, але и половицы, отъ вольба лѣтъ вжо, въ каждый годъ не могутъ заплатити“³⁶⁹). Въ концѣ изучаемаго времени особенно много выселилось крестьянъ изъ Жмудской земли. Въ 1527 году король писалъ тивунамъ Жмудскихъ волостей, что изъ отчета, представленнаго его ревизорами о состояніи Жмудскихъ волостей, онъ уразумѣлъ, „иже въ тыхъ волостехъ подданнымъ нашимъ великимъ взвѣды и непомѣрныя тяжести вриадники тамошніи чинивали, для чого жъ многіи люди наши съ отчизнъ своихъ прочь ся розышли и земель пустыхъ много ся остало“³⁷⁰). Въ уставной грамотѣ, данной державцамъ и тивунамъ Жмудскихъ волостей въ 1529 году, правительство снова указывало на „великое утисненіе и обтяжливость“, которую чинили подданнымъ Жмудской земли староста и тивуны „многими и тяжкими работами и непомѣрными подачеи и взѣзды своими, чинячи собѣ на нихъ посѣди: для чого жъ тая земля Жомойтская, подданные наши, велико собѣ стосквули, и многіе люди съ мѣстецъ своихъ прочь ся розышли и земли многіе опустѣли“³⁷¹).

Впрочемъ, вообще господарскіе крестьяне неохотно бросали свои отчины, и только крайняя нужда заставляла ихъ покидать насиженныя мѣста. Въ актахъ изучаемаго времени сохранились слѣды борьбы ихъ съ этою нуждою и стремленья оставаться на своихъ отчинахъ, въ чемъ имъ оказывало извѣстное содѣйствіе и правительство. Самыи уходъ на сторону часто обусловливался этимъ побужденіемъ, и крестьяне нерѣдко возвращались на свои отчины. Фактами этого рода изо-

³⁶⁹) Акты Зап. Рос. II, № 75.

³⁷⁰) Ibidem, № 149, I.

³⁷¹) Ibidem, № 160.

блужают жалованья грамоты, потому что правительство старалось обыкновенно таких именно крестьянъ, оказавшихся слабосильными и мало полезными господарю, отдавать въ частное владѣніе (такое именно пожалованье было „двору господарскому не шкодно“). Приведемъ нѣкоторые примѣры. Въ 1495 году великій князь Александръ пожаловалъ тивуну Жолудскому Юрью Стирнелю землю съ людьми, относительно которой Стирнель повѣдалъ королю, „што жъ перво сего тая земля лежала пуста, и отчичи тое земли, сынове Билшевы на имя Нарейко и зъ братьею своею, ходили прочь и теми разы алижъ тое весны пришли къ той земли, отчинѣ своей, а иншые дей братья того Нарейка не пришли и до тыхъ часовъ“ ³⁷²). Тотъ же великій князь Александръ пожаловалъ войту мѣста Витебскаго Ѳедву Круничу и брату его Ивашку двѣ земли пустыхъ тяглыхъ двора Лужосенскаго, „на имя Мокеевщину а Шчетинскую“. Послѣ этого пожалованья „тое земли Мокеевщичны отчичи пришли на имя Филипо а Семень Мокеевичы“, вслѣдствіе чего Круничъ билъ вновь челомъ королю Сигизмунду, который и велѣлъ означеннымъ отчичамъ ему служить ³⁷³). Выдавая привилеи на пустошины, правительство почти всегда предполагало, что отчичи могутъ вернуться, и потому дѣлало о нихъ необходимыхъ оговорки. Такъ, король Сигизмундъ, подтверждая пану Гринку Громыкѣ двѣ земли пустыхъ Кузманскихъ въ тивунствѣ Виленскомъ, въ подтвердительномъ привилеѣ (отъ 24 іюля 1511 года) оговорилъ: „а естли отчичи тыхъ земель выищутся, а всхотятъ ли на отчинахъ своихъ жити, и они мають ему жъ съ тыхъ земель служить“ ³⁷⁴). Подтверждая боярину Ѳедву Игнатъевичу пустошины въ въ Бирштанскомъ повѣтѣ „водлѣ листу королевое ее милости Алены“, Сигизмундъ написалъ въ привилеѣ (отъ 19 мая 1513 года): „И естли бы знаплись наслѣдци тыхъ его земель пустыхъ и хотѣли бы тии земли свои мѣти, тогда мають, на тыхъ земляхъ своихъ сѣдши, ему служити по своей доброй воли“ ³⁷⁵) и т. д.

Крестьяне старались поправить свое матеріальное положеніе и не уходя съ своихъ отчинъ. Средствами для этого были долги у зажиточныхъ сосѣдей, долги, которые они погашали доходами своего хозяйства, работами, „заставою“, или „запродажею“, т. е. отдачею въ

³⁷²) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 39.

³⁷³) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 484, 485.

³⁷⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 140.

³⁷⁵) Ibidem, л. 68, 69.

пользованіе земель и угодій кредитору, и, наконецъ, продажею своихъ угодій или части своей отчины. Въ 1522 году королю Сигизмунду заявляли дворянинъ Павель Родивоновичъ Толоконскій съ пасынкомъ Ивахномъ, что человекъ господарскій Сомилишеской волости Войтко Олехновичъ „одолжалъ былъ людемъ многимъ пенязми и, не маючи чѣмъ тыхъ долговъ своихъ заплатити, просилъ ихъ, абы они дали ему осмь кошь грошей; и они тую осмь кошь грошей ему дали, а онъ мѣлъ имъ зъ землею своею служить за то до тыхъ часовъ, пока бы онъ тыи пѣнязи заплатилъ“. Эта сдѣлка состоялась съ разрѣшеніемъ воеводы Троцкаго пана Альбрехта Мартиновича Гапштольда, который выдалъ Толоконскому особый листъ, подтвержденный затѣмъ (10 ноября 1522 года) и самимъ королемъ ³⁷⁶⁾. Аналогичныя сдѣлки совершались иногда и безъ разрѣшенія начальства, если при этомъ нисколько не затрогивались интересы господарской службы. Въ 1512 году у короля Сигизмунда просилъ дьякъ Ивашко Горностаевичъ земли Яцковщины „въ Берестейскомъ повѣтѣ Бердичевскаго десятку у Сычковщакъ“, при чемъ повѣдалъ о ней, „што жъ дей отчичъ тое земли тотъ Яцко привбожалъ и, недужъ будучи намъ (господарю) съ тое земли служба служить, безъ дозволенья нашего сдать тую землю мѣщанину Берестейскому Кулипатцу, а самъ дей тамъ же, на той земли, за тымъ же мѣщаниномъ мѣшкаеть, а тотъ дей мѣщанинъ, тую землю его папучи, чѣсколко десять грошей на замокъ нашъ (господарскій) дасть“. Король отдалъ землю дьяву, при чемъ оговорилъ: „а если бы тотъ человекъ Яцко хотѣлъ на той земли за нимъ мѣшкати потому, какъ и теперъ тамъ мѣшкаеть, и онъ нехай на той земли за нимъ мѣшкаеть и ему добровольно служить“ ³⁷⁷⁾. Въ погашеніе долговъ господарскіе люди отдавали въ пользованіе кредиторамъ свои нивы и сѣнокаты, но результатомъ этого часто бывало то, что они совсѣмъ разорались и должны были бросать свои отчины. Въ 1514 году король Сигизмундъ пожаловалъ на вѣчность боярамъ витебскимъ Шапкамъ землю Коробейниковщину, „которое жъ дей земли отчичъ у мѣстѣ Витебскомъ живетъ, а тую землю повинулъ и иные нивы и сѣнокаты тое земли позапродавалъ людемъ въ пенязѣхъ“ ³⁷⁸⁾. Въ 1526 году королю заявлялъ бояринъ Янъ Вербило, „чѣзъ люди Пунское волости на имя Пацели съ товарищами своими заставили ему земли свои на имя Слековщину а Довшковщину, а иншіи поля

³⁷⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 41.

³⁷⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 61.

³⁷⁸⁾ Ibidem, л. 237.

и сѣножати тыхъ жо земля заставили были тыи люди инымъ людямъ, и што троха тое земли востало было въ нихъ, и съ того жадное службы не было къ двору нашему (господарскому) Пуньскому, какъ жо и сами тыи люди розошлися прочъ, толко былъ одинъ чоловѣкъ zostалъ на той земли на имя Пацелись, и съ того тежъ жадное службы къ двору нашему не было“. Въ виду всего этого, по словамъ боярина, князь Павель, бискупъ Луцкій и Берестейскій, отдалъ ему Пацелися съ „незапроданными“ землями и угодьями „до воли господарское“, а „запроданныя“ земля дозволилъ ему „выкупить“. Король утвердилъ расиоряженіе бискупа и пожаловалъ боярину все это уже „на вѣчностъ“²⁷⁹⁾. Въ данномъ случаѣ при пожалованіи земли были признаны и права кредиторомъ, ссужавшихъ отчичей земли, изъ чего можно заключить, что сдѣлка между ними состоялась съ вѣдома и разрѣшенья начальства. Въ противномъ случаѣ права кредиторомъ обыкновенно не признавались правительствомъ, которое крестьянскія земли считало господарскими. Въ 1522 году король Сягивмундъ, пожаловавъ боярину Францышу Карсовскому двѣ земли пустыхъ, Строкинишку и Янушишку, и, получивъ отъ него заявленіе, „што жъ дей тамъ обаполныи сусѣди, бояре и люди тягли, у вотчичовъ тыхъ земля поля и сѣножати покупили, а иншіи позакупали и розобрали безъ воли наше“ (господарское), писалъ тивуну Виленскому, въ повѣтѣ котораго лежали земли: „и ты бы тѣмъ прыказалъ, ажъ бы они въ тыи поля и сѣножати ничимъ ся не вступали, а певязей своихъ пехай бы на тыхъ исцѣхъ смотрѣли, кому будутъ ихъ давали“²⁸⁰⁾. Въ тѣхъ же цѣляхъ—извернуться въ пуждѣ—крестьяне нерѣдко отчуждали по частямъ свои земли или угодья, и эти сдѣлки ихъ разрѣшались мѣстными урядниками и утверждались самимъ господаремъ. Такъ, король Казимиръ позволилъ подкониюшему Виленскому Васку Дорошквичу „въ людей Бѣльскаго повѣта на имя въ Шемотичъ а въ Новоселцовъ, а въ Вервечичъ близко Орлеи прыкупити къ своему имѣнейцу, которое онъ тамъ маеть, въ кого на шесть, а въ иного на десеть бочокъ земли, а цѣлого жеребья и тежъ половины жеребья не дозволилъ его милость ему купити“²⁸¹⁾. Король Александръ въ 1505 году подтвердилъ городничему Городспскому Оедьку Гавриловичу Мелешковича его отчинныя и благопріобрѣтенныя имѣнья и между прочимъ зем-

²⁷⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 317, 318.

²⁸⁰⁾ Ibidem, л. 35, 36.

²⁸¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 141.

лицу, которую онъ купилъ у людей тяглыхъ городнянъ, у Олексѣя Ударича и его сына, третью часть земли Клецовщины, данную ему сторостою въ придачу къ его отчинѣ; „дубровку и два поля“ за селомъ Путрошкѣми, которыя онъ купилъ „въ Петька и въ его братья, въ Тимоны а въ Сенка Оворотвичовъ и въ ихъ жонъ, и въ ихъ дѣтей“; землю на тридцать бочекъ солянокъ подлѣ села Путрошекъ, которую онъ купилъ у людей господарскихъ Дубничанъ и т. д. ³²²⁾. Въ 1510 году король Сигизмундъ подтвердилъ своимъ листомъ боярамъ смоленскимъ Василью Митровичу съ братомъ Васкомъ Быховцемъ выслуженныя и благопріобрѣтенныя ими имѣнья и между прочимъ, „што жъ купили въ людей нашихъ (господарскихъ) тяглыхъ Дорсунишское волости на имя въ Доркужиса Имятовича и въ брата-нича его въ Бортка Николаевича одну часть земли ихъ за Нѣманомъ отчинное, поле и сѣножать, а въ Етка Тарьевича и въ его жоны и въ ихъ дѣтей часть земли ихъ отчинное и сѣножать и приробки ихъ старыи и новыи“ ³²³⁾. Такая продажа по частямъ земель и угодій подчасъ еще болѣе обезсиливала крестьянъ вмѣсто того, чтобы поднять ихъ, и бывала причиною того, что они совсѣмъ бросали свои уменьшившіяся отчины.

XXI.

Эта продажа крестьянскихъ земель и угодій, какъ и „запродажа“ ихъ, совершалась съ разрѣшенія начальства, которое въ этомъ случаѣ облегчало владѣльцамъ ихъ усилія выйти изъ затруднительнаго экономическаго положенія, и это разрѣшеніе было безусловно необходимо для законности сдѣлки. Выше владѣльческаго права крестьянъ стояло права господара, какъ дѣйствительнаго собственника крестьянскихъ земель, который не могъ безразлично относиться къ отчужденію угодій или частей крестьянскихъ земель, потому что съ количествомъ земли стояло въ тѣсной связи, юридической и фактической, и количество повинностей, шедшихъ ему съ крестьянской службы. Тѣмъ болѣе правительство не могло допустить свободной продажи цѣлыхъ крестьянскихъ участковъ, безъ своего контроля и разрѣшенія, потому что такая продажа могла бы въ концѣ концовъ вести къ уменьшенію повинностей и доходовъ съ крестьянскихъ земель, даже если бы покупатели и принимали вмѣстѣ съ землею лежавшія на ней обязательства

³²²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 245, 246.

³²³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 358, 359.

и на первых порахъ выполняли ихъ. Въ актахъ поэтому находимъ не мало случаевъ, когда правительство нарушало сдѣлки на крестьянскія земли, состоявшіяся безъ его разрѣшенія. Такъ, король Казимиръ отнялъ у земляника дорогицкаго Петраша Климчицкаго землю Голденскую, которую онъ купилъ „безъ призовенія“ королевскаго у людей Дорогицкаго повѣта Андрея Голедня, Люборозы и Шефана ³⁸³). Въ 1501 году король Александръ, пожаловавъ на вѣчностъ, горюничему Виленскому Занку челоуѣка Тѣшила Пучодевича съ братьею и землею, написалъ въ привилеѣ: „Тежъ, што будетъ тотъ Тѣшило и зъ братьею земли свои попродали або заставили кому въ пенязѣхъ а любо кому отдали, и мы и тыи ихъ земли дали Занку вѣчно, *зачѣмъ же людемъ нашимъ нельзя землю продавати ани запродавати безъ нашего призовенья*“ ³⁸⁴). Тотъ же король Александръ въ 1505 году подтвердилъ городничему Городецкому „фольварокъ мѣщанина Городецкого на имя Богданцовъ, который же фольварокъ тотъ Богданецъ збуовалъ на нашихъ земляхъ дяколныхъ, на Лукьяновой а на Яковлевоу Антоновича, а на Семенковича а Филиповыхъ Кожичъ полѣхъ а на иныхъ нашихъ дяколныхъ земляхъ, покупивши въ нихъ безъ нашего дозволенья“ ³⁸⁵). Король Сигизмундъ въ своихъ привилеяхъ неоднократно выражалъ: „неволно въ людей нашихъ земель безъ дозволенья нашего никому купити“, подтверждая такимъ образомъ порядокъ, котораго держались и его предшественники ³⁸⁶). Побужденіемъ для правительства разрѣшати поупку у крестьянъ цѣльныхъ земельныхъ участковъ, съ которыхъ шла полная служба, кромѣ благоволенія въ покупателю— „для его выслуги“, бывала обыкновенно и экономическая несостоятельность крестьянъ, ихъ безсиліе полнитъ господарскую службу, такъ что разрѣшеніе въ этомъ случаѣ равнялось пожалованію пустощины. Въ актахъ нерѣдко можно подмѣтить это побужденіе. Такъ, король Сигизмундъ въ 1510 году 21 іюня уважилъ просьбу боярина смоленскаго Семена Константиновича Жабы, который заявилъ, „што жъ поупилъ земли пашныи и сѣнжати въ людей на имя бортевъ Керновское волости въ Кельвенахъ на имя у Ворона, а въ Можейка Яновдовичовъ, а въ Дата, а въ Козорѣза, а въ Яна Коткуда, а въ Тункеля, а въ Наца и въ ихъ братьи и въ братаничовъ ихъ“, просидъ короля, „абыхмо останокъ тыхъ бортевъ, земель и ихъ самыхъ отчи-

³⁸⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 330—332.

³⁸⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 196.

³⁸⁶) Ibidem, л. 245, 246.

³⁸⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 125, 252.

човъ, тыхъ вышписанныхъ людей ему дали“³⁸⁸). Въ 1514 году королю Сигизмунду повѣдалъ панъ Иванъ Сопѣга, „што жъ чолвѣкъ нашъ (господарскій) Неменчинское волости на имя Юряга зъ братьею и зъ дѣтми своими для великихъ долговъ продають ему землю свою отчизную тую, на которой сами сидѣли“, и просилъ короля дозволить ему эту покупку и подтвердить своимъ листомъ. Король не только позволилъ ему, но и написалъ въ привилей: „Тежъ, естли бы тотъ Юряга зъ братьею своею хотѣли ему служити, ино мы ему дозволяемъ симъ нашимъ листомъ“³⁸⁹). Разрѣшая отчужденіе крестьянскаго участка цѣликомъ, правительство могло иногда расчитывать, что эта продажа поправитъ крестьянина, который съ капиталомъ можетъ сѣсть на пустощинѣ и будетъ исправнымъ тягломъ и плательщикомъ. Продажа крестьянскаго участка, такимъ образомъ, бывала иногда только перенесеніемъ капитала, затраченнаго на данный земельный участокъ, и капитализированной ренты этого участка на обработку другого, лежавшаго впускъ. Такое перенесеніе мало въ общемъ поправляло крестьянское хозяйство, если только поправляло. Тутъ были нужны другія, болѣе дѣйствительныя, мѣры, и правительство въ концѣ изучаемаго времени обратилось къ нимъ. Выше (стр. 361) мы видѣли, что король Сигизмундъ приказалъ намѣстникамъ-державцамъ ссужать крестьянъ сѣменами для посѣва и хлѣбомъ въ долгъ. Такая мѣра при надлежащемъ развитіи и приведеніи ея въ исполненіе могла бы оказать радикальную помощь крестьянскому хозяйству. Здѣсь пока нѣтъ надобности говорить о томъ, въ какой мѣрѣ эта помощь оказалась дѣйствительною.

Въ исторической литературѣ на основаніи фактовъ отчужденія крестьянами своихъ земель и угодій не разъ дѣлались заключенія, что землевладѣльческія права ихъ, по крайней мѣрѣ, въ изучаемую эпоху ничѣмъ не разнились отъ землевладѣльческихъ правъ боярско-шляхты. Въ недавнее время это мнѣніе было высказано г. Владимірскимъ-Будановымъ въ его статьѣ: „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ“, но особенно развито оно было у г. Новицкаго въ его „Очеркѣ исторіи крестьянскаго сословія въ юго-западной Россіи въ XV—XVII вв.“ „Спускаясь еще ниже въ сословной іерархіи, къ сельскому земледѣльческому населенію,—говорить г. Новицкій,—мы не только не находимъ какихъ либо особыхъ ограниченій относительно поземельныхъ правъ этого населенія, но

³⁸⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 359, 360.

³⁸⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 147, 148.

скорѣе имѣемъ основаніе заключать, что права эти ничѣмъ не отличались отъ такихъ же правъ высшихъ сословій“. Поселенцы на княжескихъ земляхъ, „люди господарскіе“, „волостные“ или „тяглые“, иногда не раздѣляемые отъ княжескихъ „слугъ“, какъ напримѣръ путники, владѣли поземельною собственностію тоже съ обязанностью службы, но только самая служба ихъ отбывалась въ иной формѣ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они пользовались и правомъ отчужденія своихъ земель, съ тѣмъ только, чтобы новый владѣлецъ отбывалъ ту же, приуроченную къ извѣстному земельному участку, повинность пугную или пригонную. Равно они могли покупать и земли у бояръ и мѣщанъ. Отчужденіе земель путниками постороннимъ лицамъ происходило на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и у бояръ, т. е. съ разрѣшенія князя или его намѣстника, и при соблюденіи этого условія признавалось верховною властью вполне законнымъ“. Окончательное заключеніе г. Новицкаго свелось къ тому, „что въ достатутный періодъ землевладѣніе, будучи одинаково условнымъ для всѣхъ частныхъ лицъ безъ исключенія, не составляло вмѣстѣ съ тѣмъ ничьей привилегіи; что всѣ свободныя сословія, а слѣдовательно и самое многочисленное изъ нихъ, крестьяне, пользовались въ этомъ отношеніи одинаковыми правами“. Онъ укоряетъ г. Леонтовича за то, что тотъ ошибочно распространяетъ положенія Статута и на болѣе раннее время“, считая землевладѣніе шляхетской привилегіею. „Законодательныя реформы эпохи Сигизмундовъ, выразившіяся въ изданіи статутонъ, и отчасти начатыя уже при Александрѣ, составляютъ,—по словамъ г. Новицкаго,—не формулировку установившихся общественныхъ отношеній, не кодификацію дѣйствовавшего уже права, а напротивъ, въ нихъ слѣдуетъ видѣть только отдѣльные факты той ломки, какой подвергались послѣдніе остатки старины, и попытку организовать дальнѣйшую историческую жизнь на новыхъ началахъ, несостоятельность которыхъ доказалъ печальный опытъ послѣдующихъ вѣковъ“³⁰⁰). Смыслъ этого заключенія о статутахъ можно поставить въ параллель только съ непродуманностью его, потому что ниже, на 46 стр. своего труда, г. Новицкій толкуетъ уже о томъ, что „первый Литовскій статутъ, изданный Жигимонтомъ въ 1529 году, объединилъ въ систему и формулировалъ сложившійся въ предшествующую эпоху феодальный порядокъ, преимущественно въ отношеніи высшихъ сословій“. Но что такое былъ этотъ „феодальный порядокъ“, о которомъ говоритъ г. Новицкій, какъ не тѣ же „общественныя отношенія“, фор-

³⁰⁰) Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія стр. 12, 13, 15, 29.

мулировкой которыхъ, однако, по его словамъ, не былъ статутъ 1529 года? Вообще, еслибы г. Новицкій въ данномъ случаѣ побольше обратилъ вниманія на тѣ данныя, которыя находятся въ напечатанныхъ литовско-русскихъ актахъ, то и литовскіе статуты не представились бы ему факсами въ ломкѣ старины, а сводомъ уже дѣйствовавшихъ нормъ права и законодательною формулировкой тѣхъ отношеній, которыя сложились въ Литовской Руси подъ дѣйствіемъ польскаго права. Мало того, еслибы его изученіе захватило архивный матеріалъ въ болѣе широкомъ объемѣ, чѣмъ тотъ, какой представляли издававшіеся подъ его редакціею акты (разумѣется, этого нельзя ставить ему въ вину), то, быть можетъ, онъ пошелъ бы и далѣе въ этомъ направленіи и призналъ, что ломки старины въ жизни Литовско-Русскаго государства собственно и не было, а былъ только мѣстный историческій процессъ, подготовившій такія общественныя и политическія отношенія, на которыя легко могло валожить свой штампъ, свою форму, польское право. Болѣе внимательное и обширное изученіе источниковъ точно также не даетъ права утверждать и того, что землевладѣльческія права крестьянъ были одинаковы съ правами высшихъ сословій.

Дѣйствительно, и боярское землевладѣніе было въ изучаемое время условнымъ, соединеннымъ съ обязанностью службы государю; справедливо и то, что отчужденіе боярскихъ земель происходило съ „приводенья“ государя или его намѣстника, и только при этомъ условіи признавалось законнымъ. Но на этомъ и кончается сходство крестьянскаго землевладѣнія съ боярскимъ. Могъ ли государь *de jure* лишать паца или боярина-шляхтича его отчины или выслуги? Привилеи, дававшіеся высшимъ литовско-русскимъ сословіямъ, начиная съ 1387 года, даютъ на это отрицательный отвѣтъ: государь могъ отбирать имѣнія у бояръ - шляхты только за какой-нибудь ихъ „выступъ“. Между тѣмъ крестьянина не только *de facto*, но и *de jure* государь могъ лишить его отчины и даже купли, безъ всякой вины съ его стороны, какъ это видно изъ примѣровъ, приведенныхъ въ началѣ очерка. Боярское землевладѣніе, какъ видно изъ многочисленныхъ указаній актовъ изучаемаго времени и затѣмъ изъ постановленій Статута 1529, выразившихъ дѣйствовавшее уже до него право, обставлено было многочисленными правилами, которыми обезпечивались интересы владѣльца, его родныхъ и близкихъ. Относительно же крестьянскаго землевладѣнія такихъ подробныхъ правилъ и установленій не было, вромѣ, развѣ, одного, что крестьянинъ могъ искать передъ государемъ и его намѣстникомъ подъ другими своей отчины.

Въ 1496 году человекъ Вилькейскаго повѣта Явкшисъ Миникгиловичъ хотѣлъ оттягать у боярина вилькейскаго Квинейта землю, доставшуюся ему изъ вторыхъ уже, впрочемъ, рукъ отъ человека вилькейскаго Петра, отчича этой земли. Но бояринъ заявилъ великому князю, что Явкшису „тая земля есть не отчина, нижи ее ищеть по близкости, а свою землю отчинную таки въ себѣ маеть“. Вслѣдствіе этого великій князь положилъ такую резолюцію: „Ино, коли тая земля ему не отчина, а онъ ее искалъ по близкости, мы въ томъ волни господарь, а человекъ тьялому близкости некотороѣ нить“²²¹⁾. Въ противоположность этому бояринъ, даже если бы у него была своя отчина, имѣлъ полное право отыскивать свою землю „по близкости“, на что можно найти многочисленныя указанія въ актахъ изучаемаго времени. Такъ, напр., въ 1528 году королю Сигизмунду жаловался дворянинъ Янъ Шметовичъ на князя Андрея Михайловича Санкгушовича, „штожь онъ купилъ имѣнья, близкостъ его, у пана Яна Яновича Довойновича два, дворища зъ людми у Деревку а у Иберизычохъ у въ Избянскомъ повѣтѣ за сто копъ грошей“, и просилъ, — гласить впрокъ короля, — „абыхмо рсказали князю Андрею пенязи въ него взяти, а тыхъ дворищъ ему ся поступити водлѣ его близкосты“. Князь Андрей остался во владѣнн дворищами лишь по тому, что доказалъ, что „панъ Янъ Довойновичъ посполъ зъ жоною своею Ганною и зъ дѣтми своими тми дворища ему продали на вѣчностъ первѣи, нижи и инни имѣнья свои попродавали, а продаючи мѣли то за третью часть, какъ жо и въ листѣ своемъ купчомъ то ему выписали“²²²⁾.

Боярское имѣнье только тогда спадало на господаря и тогда только онъ былъ въ немъ „воленъ“, когда не оставалось никого изъ ближнихъ послѣдняго владѣльца. Такъ, король Казимиръ привернулъ къ двору своему Турійску Владимирскаго повѣта село Сомино лишь послѣ того, какъ умерли владѣльцы его Казаринъ и его племянникъ Тишко „и послѣ нихъ ближнихъ никого ся не остало“²²³⁾. Паны и бояре-шляхта имѣли право записывать на своихъ имѣньяхъ известную сумму денегъ своимъ женамъ „въ вѣнѣ“, и это право было утверждено за ними еще въ Городельскомъ привилеѣ 1413 года. Въ силу этой записи родственники могли только тогда наследовать такое имѣние, когда уплачивали вдовѣ покойнаго записанную ей сумму. Вообще на

²²¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 78.

²²²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 38. Справ. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XCIV.

²²³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 93.

имѣнья боярскія падали всякія имущественныя взыскапія съ владѣльцевъ, даже и такія, которыя не вытекали вовсе изъ обязательствъ, заключенныхъ съ „приволенья“ господара или его урядниковъ. Такъ, напр., когда бояринъ Виленскаго повѣта Сурминъ обокралъ Станислава Гошейку, слугу воеводы Виленскаго пана Миколая Радивиловича, и долженъ былъ заплатить ему по суду 143 копы грошей, то за неимѣніемъ у него денегъ, великій князь Александръ отдалъ Гошейку „въ тыхъ его шеодахъ“ дворець Сурминовскій и 15 человекъ челяди невольной съ такимъ условіемъ: „А которыи бы того Сурмина ближніи хотѣли тотъ дворець въ него выкупити, и они нехай ему тую его шеоду заплатятъ, сто копъ и сорокъ копъ и три копы грошей, а тотъ дворець собѣ будутъ мѣти“³⁹⁴). Подобныя взыскапія, между тѣмъ, никогда не падали на земли крестьянъ, какъ не изъ собственность, а только на движимое имущество и личность преступника. Земля же поступала въ полное распоряженіе господара, который отдавалъ ее, кому хотѣлъ. Въ книгѣ земельныхъ раздѣлъ короля Казимира находится такая запись: „Тимирѣ, писарю татарскому, у Стравиникахъ земля татиная Тюдева (пожалована). А тотъ дей гать за татбу узать зъ жоною и зъ дѣтми“ (въ рабство)³⁹⁵) и т. д. Вообще, боярское землевладѣніе является несомнѣнно привилегированнымъ, по крайней мѣрѣ, со времени выдачи извѣстныхъ земскихъ привилегій 1387, 1413, 1457 гг. Привилегіи и обезпеченія, содержащіяся въ этихъ грамотахъ и вошедшія въ статутъ 1529 г. съ дополненіями и объясненіями, судя по даннымъ разныхъ подтвердительныхъ привилегій и судебныхъ листовъ, внесенныхъ въ книги Литовской Метрики, дѣйствовали чуть ли не съ самаго начала XV вѣка. Такимъ образомъ ошибается не г. Леонтовичъ, распространяя положенія Статута и на болѣе раннее время, а г. Новицкій, который ставитъ это ему въ вину.

Чтобы покончить о землевладѣльческихъ правахъ крестьянъ, укажемъ еще на неправильное толкованіе г. Новицкимъ 7 артикула IX раздѣла Статута 1529 года въ пользу землевладѣльческихъ правъ владѣльческихъ крестьянъ. Статья эта какъ разъ говоритъ противъ утвержденія г. Новицкаго. По его словамъ, „права крестьянъ на находящіяся въ ихъ владѣніи земли—если не въ силу положительнаго закона, то по обычаю—были болѣе или менѣе обезпечены и прочимъ;

³⁹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 9.

³⁹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 17.

такъ арт. 7 разд. IX предусматриваетъ случай отчужденія крестьянами бортовыхъ деревьевъ не только своимъ односельцамъ, но даже жителямъ другого села и другого владѣнія, путемъ продажи или отдачи въ приданое, и о подобныхъ случаяхъ говорится даже, какъ о весьма нерѣдкихъ³⁹⁶⁾. Между тѣмъ внимательное разсмотрѣнiе этой статьи приводитъ только къ одному заключенiю, что крестьяне могли отчуждать, да и то временно, только пользованiе своими угодьями. Статья гарантируетъ владѣльца отъ того, чтобы это пользованiе не переходило во владѣнiе: часто случается между мужиками, говоритъ она, что они заводятъ въ чужiя руки „борты або входы“, продаютъ пчелы „для недостатку дани“, либо въ приданое за дочерью отдаютъ дерево съ пчелами взято въ чужое село, а тѣ ставятъ свои знамена на этихъ деревьяхъ и за этими знаменами начинаютъ имѣть входъ въ пущу: въ такихъ случаяхъ, если возникаетъ тяжба между владѣльцами, тогда поступать такъ: „чи старшее уросльшее знамя будет; тому бортъ и входъ сказати мают, абы ся в тое не вступалъ“.

Г. Новицкiй указываетъ на то, что „крестьяне, поселенные на земляхъ частныхъ лицъ, имѣли такое же право отчужденiя земли, по разрѣшенiю владѣльца и съ передачею повинностей“, какое имѣли и господарскiе крестьяне³⁹⁷⁾. Но случай, на который онъ указываетъ, имѣлъ мѣсто въ церковныхъ владѣнiяхъ Галицкой Руси, а не Литовской, и притомъ онъ вовсе не указываетъ на какое-нибудь право отчужденiя земли, а на простой фактъ передачи за деньги пользованiя земельнымъ участкомъ вмѣстѣ съ обязательною службою владѣльцу. На право же, и притомъ не крестьянское, а владѣльческое, указываютъ, напр., такіе случаи, встрѣчающіеся намъ въ актахъ Литовской Метрики. Въ 1506 г. король Александръ подтвердилъ мѣщанину виленскому Богдану Онковичу, „штожь отецъ его Оноо и онъ за отца нашего, Казимера короля, и за насъ купили *сз бояръ* Виленского повѣта на имя у Андрушка а въ Богдана Ганусовичовъ сѣножатки *людей ихъ* на имя Явубишки а Кривишки, а Терешипки, а Пашкишки, а Ровишки“³⁹⁸⁾. Король Сигизмундъ въ 1507 году подтвердилъ пану Войтеху Яновичу между прочимъ челоуѣка „отчинного и дѣдинного“, котораго онъ купилъ у боярина Василія Окушковича и брата его Андрея „на имя Илью и зъ его сыномъ Савинцомъ и съ полови-

³⁹⁶⁾ Очеркъ исторiи крестьянскаго сословія, стр. 53, 54.

³⁹⁷⁾ Ibidem, стр. 14.

³⁹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 312.

номъ, земли, отчины Ильицы" ³⁹⁹). Въ 1522 году Сигизмундъ подтвердилъ боярину жмудскому Рымегайлу землицу, „что человекъ его Монько, будучи на земли своей купленной, лѣсу сырого проробилъ" ⁴⁰⁰) и т. д. Владѣльцы въ качествѣ настоящихъ собственниковъ вели иски не только о земляхъ и угодьяхъ своихъ крестьянъ, но даже и объ ихъ „входахъ" въ пуши. Такъ, напр., панъ Янъ Миколаевичъ, велъ передъ королемъ Сигизмундомъ тяжбу съ господарскими людьми волости Бчицкой, Хвойничанами, за право своихъ людей Рудобѣчанъ имѣть „вступитъ" въ одинъ островъ (лѣсной), гдѣ находились борты съ влеймами его людей. Эти борты составляли источникъ его доходовъ, потому что съ нихъ ему шла дань медовая, бобры и куниды, вслѣдствіе чего онъ и старался обезпечить ихъ за своими людьми, которые, кромѣ бортей, имѣли тамъ пашни и сѣножатъ ⁴⁰¹). Конечно, и крестьяне имѣли свои владѣльческія права, но эти права осуществлялись не въ ихъ отношеніи къ господарю или своимъ панамъ, а въ отношеніяхъ другъ къ другу и къ другимъ владѣльцамъ.

XXII.

Перейдемъ теперь къ вопросу, откуда брались вольные „похожіе" люди, которыми намѣстники-державцы могли осаживать пустощины въ господарскихъ волостяхъ, а князья, паны и бояре шляхта въ своихъ имѣньяхъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти уже подготовленъ во всемъ томъ, что говорилось здѣсь о прикрѣпленіи крестьянъ и о происхожденіи пустощинъ въ господарскихъ волостяхъ.

Вольные „похожіе" люди набирались прежде всего изъ тѣхъ лишнихъ людей, которыхъ выпускала отъ себя крестьянская служба. Какъ уже было сказано, влассъ этотъ отдѣлялся отъ господарскихъ крестьянъ-отчичей, потому что частные владѣльцы всегда имѣли возможность пристроить всѣхъ лишнихъ крестьянъ къ новымъ службамъ или же передать ихъ въ другія руки, а государь при обширности и разбросанности своей вотчины долженъ былъ предоставить устраиваться крестьянамъ самимъ. Кромѣ того, не могъ не дѣйствовать по традиціи и взглядъ на господарскаго крестьянина, какъ на свободного человека, прикрѣпленнаго къ землѣ обязательствомъ службы, при перенесеніи которой на чужія плечи, родныхъ или потужниковъ,

³⁹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 187—190. . .

⁴⁰⁰) Лит. Метр. кн. Запис. XII, л. 14. . . . .

⁴⁰¹) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 10, 11. Срав. кн. Запис. VI, л. 136, 137.

крестьянинъ могъ сойти съ участка. Въ 1533 году воевода Полоцкій Янъ Юрьевичъ Глѣбовича „оправилъ“ людей Пилимона и Кузьму, жившихъ за паномъ Томкомъ Кетголтовичемъ, и брата ихъ, жившаго за паньей Михайловою Сеньковича. Этихъ людей прискивалъ тивунъ Черевятскій съ псарцами Олешниничами въ потагъ. Но они заявили воеводѣ: „отцы наши, три брата, люди были прихожіи, пришли съ Оболецъ на туя землю (у-въ Олешниничохъ), и два брата, дядки наши, сѣли на той земли, а третему брату, отцу нашому, тое земли не достало, и онъ пошелъ прочь и сѣлъ у Величовичохъ за людьми королевскими путными на доли, а мы ся есмо въ тотъ часъ ещо были не родили“. Это показаніе было подтверждено другими людьми черевятскими, которые заявили, что „отецъ ихъ былъ человекъ прихожій и сѣлъ былъ зъ братьею своею на той земли псарецкой у-въ Олешниничохъ, и коли ся сталъ зъ братьею своею дѣлать, и онъ съ тое земли зыщолъ прочь ещо за пана Яна Заберезинскаго“ (воеводы Полоцкаго въ 1490—1496 гг.)⁴⁰²). Впрочемъ, бывали случаи, когда и отъ отчинныхъ частновладѣльческихъ крестьянъ отдѣлялись вольные „похожіе“ люди, и чѣмъ обширнѣе была частная вотчина, тѣмъ чаще возможны были такіе случаи. Такъ, воеводѣ Полоцкому Яну Юрьевичу Глѣбовича въ 1533 году жаловался человекъ боярыни Полоцкой паньи Михайловой Зеновьевича Опонасъ Семеновичъ, „што жъ за выводное пограбленъ“ неправильно. Онъ заявилъ воеводѣ, „къ не естъ человекъ Судиловскій двора господарского Черевятского, але прихожій, отчизна его за паномъ Иваномъ Глѣбовичемъ, городничимъ господарскимъ Полоцкимъ, у Загаты, низли, повѣдаль, икъ matka его, будучи удовою, якъ была за иншого мужа шла до Судиловичъ, такъ его съ собою маленького до Судиловичъ принесла“. Воевода оправилъ Опонаса и велѣлъ оставить его въ покоѣ: „волентъ онъ, кому хотя, служить“⁴⁰³). По настоящему, Опонасъ, какъ человекъ отчинный пана Ивана Глѣбовича, долженъ былъ бы служить ему; но за давностью лѣтъ онъ сталъ вольнымъ „похожимъ человекомъ“, при томъ же и отчина его тѣмъ временемъ, вѣроятно, передана была въ другія руки. Такимъ же путемъ появлялись вольные „похожіе“ люди и въ господарскихъ волостяхъ. За невозможностью прокормиться и нести службу господарю на своихъ отчинахъ крестьяне повидали ихъ и „волочились“ по людямъ по наймамъ, въ закупахъ и закладняхъ. Правительство долгое время не съискивало и не возвращало ихъ

⁴⁰²) Литов. Метр. кн., Запис. XVI, л. 177.

⁴⁰³) Ibidem, л. 178.

и не передавало никому изъ частныхъ лицъ право на это, и такимъ путемъ крестьяне за давностью лѣтъ становились вольными „похожими“ людьми. Призывая давность, какъ принципъ прикрѣпленія, правительство ео ipso должно было признать давность и какъ принципъ освобожденія: господарскій крестьянинъ, котораго долго не выводили, могъ „засидѣть“ за какимъ-нибудь паномъ, сдѣлаться его „непохожимъ“ человѣкомъ, или же осѣсть гдѣ нибудь въ господарской волости на пустошцинѣ или на долѣ съ людьми, а потому вообще по истеченіи извѣстнаго времени не подлежалъ сыску и возвращенію на свою родину въ господарскую волость. Конечно, за это время онъ могъ и не приврѣпиться нигдѣ, и такимъ образомъ становился вольнымъ „похожимъ“ человѣкомъ.

Въ актахъ находимъ не мало указаній въ этомъ смыслѣ. Въ 1502 году король Александръ пожаловалъ пану Юрью Якубовичу пять земель въ Волковійскомъ повѣтѣ, съ которыхъ, по его показанію, бывало передъ тѣмъ пять служебъ, „а тыми разы пусты лежать, а отчычы сошли прочь и, ходячи по людямъ, кормятся“. Относительно отчычей король написалъ въ привилеѣ: „А естли тыи люди, отчыч тыхъ земель, усхотятъ до него прійти, и они съ тыхъ своихъ отчыч мають ему служити“ ⁴⁰⁴). Король Сигизмундъ далъ радцѣ мѣста Виленскаго Богдану Онковичу двѣ земли пустыхъ, Юркелевщину и Ондросовщину, взаимѣнъ его земли, которую тивунъ Виленскій панъ Бутримъ привернулъ въ двору Швинтанскому. Послѣ этого обмѣна Богданъ доложилъ королю, „што жъ дей отчыч тыхъ земель Юркелевщичныи а Ондросовщичныи въ лихолѣтье отходили прочь; а тыми дей разы прышли въ нему на тьи земли свои, на имя Евнисъ а Ондрасъ зъ братомъ, и хотатъ ему служити“, и билъ челомъ королю, чтобы онъ дозволилъ ему принять этихъ людей и держать за собою, а земли подтвердилъ бы ему на вѣчность. Король исполнилъ его просьбу и выдалъ ему листъ (19 Октября 1510 года), въ которомъ написалъ между прочимъ: „и мы ему тыхъ людей, отчычовъ тыхъ земель, дозволили принять и держати за собою, если всхотатъ ему служити по своей доброй воли“ ⁴⁰⁵). Въ февралѣ 1511 года король Сигизмундъ пожаловалъ боярину Андрею Михновичу землю пустую въ Радунскомъ повѣтѣ Мицугишви и писалъ Радунскому намѣстнику: „А придуть ли отчыч тѣе земли, а всхотатъ ли ему служити по своей до-

⁴⁰⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 202.

⁴⁰⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 404.

брой воли, и они нехай служить, а не всхотятъ ли ему служить, и они мають понти, куда хотячы; а онъ маеть съ тое земли службу земскую заступовати⁴⁰⁶. Во всѣхъ такихъ случаяхъ нельзя разумѣть вольныхъ господарскихъ крестьянъ въ родѣ слугъ путныхъ, а всякихъ вообще крестьянъ. Въ 1514 году 2 февраля король подтвердилъ служебнику воеводы Виленскаго Николая Николаевича Андрею Прокоповичу двѣ земли мустыхъ *мямыль*, данныхъ ему въ Румшинской волости намѣстникомъ Румшинскимъ Авраомъ Езофовичемъ „до воли господарской“, при чемъ наидсалъ въ подтвердительномъ привилей: „А естли отчичи тыхъ земель придуть, а всхотятъ ли на тыхъ земляхъ сѣсти за нимъ, и они мають ему служить, а онъ маеть намъ съ того службу земскую заступовати“⁴⁰⁶). Слѣдовательно, и тяглые люди могли дѣлаться вольными „похожими“ людьми. Кромѣ давности, крестьяне могли дѣлаться вольными „похожими“ людьми и въ тѣхъ случаяхъ, когда съ разрѣшенія начальства продавали свои отчины, а сами не шли въ службу въ покупателю. Такими людьми стали, напр., господарскіе крестьяне „Враславскаго повѣта Укольское волости“ Михно и Юнчо Палевичи, братаничи ихъ Язубъ, Бартошь, Юшко и Юрьель съ своими дѣтьми, которые въ 1514 году съ разрѣшенія господаря продали на вѣчность пану Ивану Сопѣгѣ „землицу ихъ отчизную, на которой отецъ ихъ и они сѣдѣли и съ приеушниную, што отецъ ихъ и они сами прикупили въ дяковичовъ своихъ въ Наруша Римшевича а у Андрушеа Етовтовича и въ иныхъ“⁴⁰⁷). Очевидно, что этой „землицы“ было для нихъ недостаточно, не на чемъ было кормиться всѣмъ и не съ чего служить службу господарю, а земля была хорошо воздѣланная или просто удобная для пана Сопѣги, который давалъ за нее хорошія деньги. Поэтому крестьянская служба, состоявшая изъ родныхъ, и рѣшила продать, деньги подѣлить, а самимъ разойтись по людямъ.

Наконецъ, извѣстный процентъ въ разрядѣ вольныхъ „похожихъ“ людей долженъ былъ выдѣлять и классъ слугъ, которые сами по себѣ признавались вольными людьми. Въ перечнѣ личнаго состава путныхъ, панцырныхъ, доспѣшныхъ, щитныхъ и конныхъ слугъ Смоленской земли (состав. около 1492), мы довольно часто встрѣчаемъ отпѣтку касательно тѣхъ или другихъ членовъ службъ, что они не живутъ на мѣстѣ, а на сторонѣ „по службамъ“. Напримѣръ, въ числѣ мощинскихъ панцырныхъ слугъ были: „Павель Плюсковъ; дѣти его

⁴⁰⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 471; IX, л. 238.

⁴⁰⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 83.

Ивашко а Гришко тыи по службамъ, а третій сынъ его Степанъ съ нимъ живеть, а иные малы, негодны на службы; Янъ Путята Мелековъ, а три сыны его съ нимъ у дому: Глѣбъ а Ивашко, а Яковъ а иные по службамъ: Володко, Борисъ, Федько, Гришко, Ивашко; Заня Сенявичъ служилъ пану Мартину, братъ его Станя служилъ владыцѣ, а отецъ ихъ служилъ королю, а и оный служить королю“⁴⁰⁸⁾. Конечно, слуга на сторонѣ искали преимущественно такой же службы, которую они несли дома королю, и которая была ихъ главною профессіею, но могло случаться, что они попадали и въ тяглыя крестьяне, тѣмъ болѣе, что и дома они обрабатывали землю сами и были привычны въ этому занятію.

XXIII.

Послѣ всего сказаннаго можно ясно представить себѣ, какъ и въ какомъ направленіи могла развиваться дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по заселенію господарскихъ волостей. Намѣстники-державцы чрезъ господарскихъ „выводчихъ“ сводили съ чужихъ земель господарскихъ крестьянъ, ушедшихъ недавно изъ волости, буде возвращеніе такихъ крестьянъ представляло выгоду и интересъ, или же приглашали крестьянъ разными льготами добровольно вернуться на покинутыя ими участки. Особенно эта дѣятельность развивалась въ волостяхъ, опустѣвшихъ или отъ непріятельскаго разоренія, или отъ дурного управленія. Такъ, державца Рѣчицкій панъ Семень Полозовичъ при королѣ Сигизмундѣ собиралъ тамошнихъ господарскихъ подданныхъ, которые „отъ великаго нагабанья непріятелей... Москвитъ, Татаръ и Турковъ розышлись было розно прочъ“ и осадилъ ими мѣсто и волость Рѣчицкую. Король за эту дѣятельность наградилъ его держаньемъ Рѣчицкимъ „до живота“ на ососыхъ правахъ, въ возмѣщеніе тѣхъ расходовъ, которые онъ понесъ при постройкѣ замка Рѣчицкаго и собраніи волости⁴⁰⁹⁾. Державы, гдѣ особенно требовалась эта собирательная дѣятельность, обыкновенно отдавались „въ держанье“ до живота. Такъ, король Сигизмундъ въ декабрѣ 1510 года писалъ „во всемъ бояромъ и слугамъ путнымъ и мѣшчаномъ и людемъ волостнымъ Дорсунишскаго двора“, что онъ отдалъ этотъ дворъ съ волостью въ держанье пану Венславу Костевичу: „а онъ маєть тотъ дворъ справляти и люди садити, а мы, видячи его таковую послугу, тотъ дворъ Дорсунишскій

⁴⁰⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 155—169.

⁴⁰⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

ему есмо дали до его живота“ ⁴¹⁰). Намѣстники-державцы раздавали пустошныи безземельнымъ людямъ не только по собственной инициативѣ, но и по предписанію господаря. Последнее давалось обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда господарь, пожаловавъ кому-нибудь пустошныи, приказывалъ намѣстнику-державцѣ обыскать земли для отчичей пожалованныхъ пустошныи, буде они воротятся. Такъ, король Сигизмундъ въ 1519 году, пожаловавъ боярину Сопотку Стецьковичу землю пустошную Романовщину въ Городенскомъ повѣтѣ, предписалъ старостѣ Городенскому; „а если бы отчичи тыхъ земель пришли, и твоя бы милость напротивку того иншую пустошныи имъ далъ“ ⁴¹¹). Въ 1522 году, подтвердивъ боярину Францышку Карсовскому землю Строкинишну „въ Лычменское волости“ и Янушишку „въ Неменчинскомъ повѣтѣ“, данныи ему тивуномъ Виленскимъ Андреемъ Яновичемъ Завишича, король Сигизмундъ приказалъ послѣднему: „А если бы тыхъ земель отчичи хотѣли на тви земли свои прийти, и ты бы, иншии земли обыскавши, напротивку ихъ отчичныи имъ подавалъ, съ чего бы они мѣли намъ службу служыти и дачи давати“ ⁴¹²) и т. д.

Пустошныи раздавались иногда не только безземельнымъ людямъ, но также и такимъ, которые имѣли свои земли и несли съ нихъ службу. Очевидно, что это были или малоземельные крестьяне, разнужившіеся на извѣстномъ участѣ, который для нихъ сталъ малъ и тѣсенъ, или же зажиточные крестьяне съ капиталомъ, которые могли осилить не одинъ участокъ и не одну службу. Пустошныи раздавались такимъ людямъ обыкновенно „на особную службу“. Такъ, намѣстникъ Переломскій Андрей Олехновичъ въ 1494 году далъ господарскимъ подданнымъ Наровичамъ, Мартину съ братьею, „землю пустошную дякольную на имя Рямтишки Бортное волости на особную службу“, каковое распоряженіе и было утверждено великимъ княземъ ⁴¹³). Намѣстникъ Кревскій при королѣ Александрѣ Мишко Ганусовичъ далъ человѣку кривлянину Андрею Пышконтичу землю пустошную Туровщину, „которую жъ Костюкъ соволникъ держалъ“, „на особную службу“ ⁴¹⁴) и т. д. Но иногда намѣстники-державцы должны были придавать пустошныи къ отчичнѣ не на особную службу, а на одну и ту же, которая шла и съ отчины. Это былъ одинъ

⁴¹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 409.

⁴¹¹) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 34.

⁴¹²) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 35, 36.

⁴¹³) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 16.

⁴¹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 92.

изъ способовъ удержать въ волости людей, у которыхъ почему-нибудь отчины были малы. Въ актахъ мы имѣемъ записи о подобныхъ пожалованіяхъ самого государя, а по аналогіи можешь заключить о такихъ же раздачахъ и намѣстниковъ - державцевъ, тѣмъ болѣе что пожалованья государя сплошь и рядомъ являются только санкціей распоряженій мѣстныхъ правителей. Такъ, при королѣ Сигизмундѣ въ 1513 году „Бортву а Яеубу Ромашовичомъ дана земля пустая въ Ешишкахъ на имя Шушповщина къ нихъ отчинѣ на ройтницкую службу“ ⁴¹⁵).

Господарскіе крестьяне уходили изъ волостей часто не по малоземелью, а по многоземелью, если такъ можно выразиться, потому что не въ состояніи были по находившемуся въ нихъ распоряженіи капиталу и труду эксплуатировать весь земельный участокъ, съ котораго шла служба, и нести эту службу. Желая остаться на отчинѣ, обыкновенно они сами набирали себѣ вольныхъ похожихъ людей во временные „потужники“, которыхъ сажали на своей отчинѣ „на долѣ“. Такъ, напр., писарь воеводы Виленскаго Николая Радвильевича Сеньво Тереховичъ въ 1497 году показывалъ великому князю Александру о пожалованномъ ему селѣ Золотовичахъ „Дубровенскаго пута“: „А набѣ тыхъ отчинцовъ на томъ селци толко пять, а другая пять истобокъ прихожихъ людцей, долничковъ ихъ, а живутъ у-въ одномъ мѣстѣ на томъ же селци, а болши того ничего тамъ димовъ нѣтъ, а служба съ того селца идетъ одна, панцирвая“ ⁴¹⁶). Иногда вольные „прихожіе“ люди оставались на крестьянской отчинѣ даже и тогда, когда отчичи умирали или покидали свою землю. Въ 1507 году король Сигизмундъ пожаловалъ боярамъ вруцкимъ Федору и Грину Петрашевичамъ землицу Чегалаевскую въ Овруцкомъ повѣтѣ, относительно которой бояре заявили королю, „што жъ дей наслѣдковъ къ той земли никого не осталось, нижли дей человекъ прихожіи на имя Яковъ теми разы тую землю завѣдаетъ“ ⁴¹⁷). Но какъ мы видѣли уже выше, иногда вольныхъ „прихожихъ людей“ къ отчинамъ присаживали и намѣстники-державцы, спасая такимъ образомъ господарскую службу ⁴¹⁸). Въ этомъ случаѣ они дѣйствовали такъ же, какъ и частные владѣльцы, которые присаживали къ своимъ крестьянамъ вольныхъ похожихъ людей. Такъ, напр., панъ Альбрехтъ Мартино-

⁴¹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 176.

⁴¹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 89.

⁴¹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 160, 161.

⁴¹⁸) Акты Зап. Рос. I, № 133, I.

вичъ Гаштольдъ, получивъ отъ короля Сигизмунда два человѣка съ землями, Степана Милевича и Наменъа Мартиновича, посадилъ на ихъ земляхъ вольныхъ „похожихъ“ людей: на „Степана Милевича земли—Матей Рудила, а на Номейковшчынѣ Станька Скуковича зъ братьею, Андрей Ковали, Станъа Довнарновича, плебаньского человѣка, а Нарутея Мнитоновича“⁴¹⁹).

XXIV.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда количество наличныхъ крестьянскихъ службъ превышало потребности господарскаго двора, король Сигизмундъ предписывалъ намѣстникамъ-державцамъ лишнихъ людей „на воецѣ осадити“. Выше было приведено такое распоряженіе относительно тяглыхъ людей, но такъ же намѣстники-державцы должны были поступать и относительно другихъ службъ. „А колко будетъ соляниковъ въ томъ дворѣ напомъ,—читаемъ въ уставѣ 1514 года,—и ты маешь колко соляниковъ на дворъ нашъ отставити и соль съ нихъ брати подлѣ обычая, чимъ бы еси мѣлъ въ томъ дворѣ напомъ на годъ обойтися, а зъ иныхъ маешь соль пенязми брати и до скарбу нашего давати; а ковалевъ также маешь съ потребу на дворъ нашъ отставити, а иныхъ маешь на воецѣ осадити, и съ нихъ пенязей съ каждого по копѣ грошей беручы, и до скарбу нашего давати; и бобровниковъ такъ же, што бы было ихъ назвышь потребы ку службѣ бобровницвой“. Устава 1529 года распространяетъ это распоряженіе и на осочниковъ и рыболововъ; по аналогіи и формѣ самаго распоряженія, въ которомъ осочники рыболовы и ковали взяты только на примѣръ („яко осочниковъ, рыболововъ и ковалевъ“....), можно заключать, что оно относилось и ко всѣмъ крестьянскимъ службамъ вообще. Въ актахъ болѣе ранняго времени намъ не удалось найти указаній на эту ограничительную дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ въ отношеніи издѣльныхъ повинностей и натуральныхъ податей. Во владѣніяхъ удѣльныхъ и служилыхъ князей, спадавшихъ на господаря, мы встрѣчаемъ людей, сидѣвшихъ „на воецѣ“ и платившихъ съ своей земли опредѣленную подать взаменъ натуральныхъ повинностей, но это установилось, очевидно, по соглашенію съ самими оброчниками, когда они садились на пустошинахъ или на новомъ корню⁴²⁰).

⁴¹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 70.

⁴²⁰) Архивъ Юго-Западной Россіи ч. VII, т. II, № I; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 112.

Точно такъ же могли осаживать прихожихъ крестьянъ „на воецѣ“ и намѣстники-державцы господарскихъ замковъ и дворовъ. По крайней мѣрѣ, въ Торопецкомъ повѣтѣ при великомъ князѣ Александрѣ мы встрѣчаемъ особый классъ „оброчниковъ“, который могъ возникнуть такимъ образомъ ⁴²¹⁾. Въ Смоленской же землѣ король Казимиръ пожаловалъ „Родивону Бубнову *врочное серебро* на Мишулинѣ, а 3 кони грошей, полъ съ казны, а полъ зъ винъ, а ему жъ жереба“ ⁴²²⁾; „Глѣбу Александровичу *врочное серебро* въ Буйгородку а у Ветличахъ; Роману Охремееву *врочное серебро* на Катанѣ“. Въ юго-западныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства оброчная подать называлась чиншемъ; но о немъ будетъ сказано ниже.

Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по организаціи крестьянскихъ службъ вообще и въ частности по обезпеченію господарскаго хозяйства рабочими руками совершалась обыкновенно въ предѣлахъ, очерченныхъ фактами прошлаго, и была по большей части рутиной. Являясь въ волость, намѣстникъ-державца находилъ обыкновенно извѣстное число пустовскихъ земель „тяглыхъ“, т. е. такихъ, съ которыхъ шла издавна тяглая служба, „данныхъ“, съ которыхъ шла дань, „осочницкихъ“, съ которыхъ шла осочницкая служба и т. д. Осаживая эти пустовщины людьми, намѣстникъ-державца eo ipso возлагалъ на нихъ и ту самую службу, которая съ нихъ шла. Въ этомъ случаѣ онъ поступалъ, какъ приказчикъ, который старался хозяйничать при данныхъ, уже до него опредѣлившихся, потребностяхъ и порядкахъ господарскаго хозяйства, не внося въ нихъ коренныхъ измѣненій, которыя сопряжены были бы съ хлопотами и отвѣтственностью. Но такъ же часто поступалъ при своихъ пожалованіяхъ земель и самъ государь, уподобляясь хозяину, который ведетъ свое хозяйство заглазно и своими распоряженіями издали стѣсняется разрушать то, что заведено и налажено его приказчиками. Такъ, король Сигизмундъ пожаловалъ ловцу Тумашелису Богдановичу, который былъ челомъ, „што жъ дей отчизну подъ собою малу держитъ и не масть, съ чого намъ послужити“, землю Андреевщину, дядковщину его, по его просьбѣ: „а онъ маеть намъ,—писалъ король въ привалеѣ,—съ тое земли службою ловецкою служити, бо дей передъ тымъ съ тое земли тая жъ служба ловецкая бывала“ ⁴²³⁾. Александръ, пожаловавъ боярину коневскому Юргелису Некрашевичу землю конюшскую Яновщину

⁴²¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.

⁴²²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 55, 85.

⁴²³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 177.

въ Кожевскомъ повѣтѣ, обязать его служить съ нея службу конюшескую и давать дякло, и только король Сигизмундъ въ 1511 г. освободилъ его отъ этой службы и дякла и велѣлъ ему служить службою боярскою⁴²⁴⁾. Въ 1516 году король Сигизмундъ, подтвердивъ за мѣщаниномъ моголевскимъ Емельяномъ Вороновичемъ землю „данную“ Микулинщину въ Моголевской волости, пожалованную ему королевою Еленою, написалъ въ подтвержденіе: „нехай онъ тую землю Микулинщину держитъ и намъ съ нее службу служить и дань даетъ по тому, какъ и передъ тымъ съ тое земли хоживало“⁴²⁵⁾ и т. д. Извѣстная „старина“ въ данномъ случаѣ должна была утверждаться и сохраняться сама собою и въ интересахъ господарскаго хозяйства, которое при данныхъ потребностяхъ нуждалось въ извѣстной наличности тѣхъ или другихъ крестьянскихъ служебъ, и въ интересахъ самихъ крестьянъ, которые отъ перехода земельныхъ участковъ на другую службу нерѣдко должны были нести болѣе тяжелое бремя. Такимъ образомъ, еслибы, напр., тяглыя пустощины не раздавались на тяглую же службу, въ концѣ концовъ должна была бы сократиться и дворная папня, а для оставшихся тяглыхъ людей служба должна была сдѣлаться тяжелѣе, потому что на нихъ легли бы повинности, которыя прежде разбивались на большее количество рукъ, въ родѣ, напр., ремонта построекъ на господарскомъ дворѣ, воженья дровъ, сторожи и т. под. Еслибы осочницкія или ловецкія пустощины не раздавались на осочницкую или ловецкую службу, въ концѣ концовъ должны были бы произойти упущенія и въ господарскихъ „оступахъ“ и „ловахъ“ вмѣстѣ съ обремененіемъ наличнаго числа осочниковъ и ловцовъ. Но особенно тяжело было бы отъ этого такимъ общинамъ господарскихъ людей, какъ дашники Поддѣпрскихъ и Задвинскихъ волостей, которые платили свою дань сообща въ опредѣленномъ количествѣ⁴²⁶⁾. Положимъ, что имъ приходилось платить и за „голтяевъ“ и за „выблныхъ“ людей, но за то имъ предоставлено было и право пользоваться ихъ пустошскими землями, съ раздачею которыхъ для нихъ исчезалъ этотъ эквивалентъ. Вотъ почему они ревностно прискивали къ себѣ въ „погягли“ всѣхъ тѣхъ, кто получалъ отъ господара или захватывалъ самовольно волостныя земли⁴²⁷⁾. Здѣсь не осуществлялось какое-либо право волости на землю, какъ утверждаетъ г. Владимірскій-Будановъ,

⁴²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 51.

⁴²⁵⁾ Ibidem, л. 101.

⁴²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329; XII, л. 105, 106; XV, л. 172—174.

⁴²⁷⁾ См. напр. Акты Зап. Рос. I, № 91.

стараясь во что бы то ни стало отстоять излюбленную идею общиннаго владѣнія землею въ древней Руси ⁴²⁸⁾, а право волости брать съ своихъ членовъ подати и повинности въ общую сумму ихъ, положенную на волость. Пустые земельные участки волости эксплуатировались обыкновенно не всею волостью сообща, а отдѣльными членами ея, которые и платили слѣдующую съ нихъ дань ⁴²⁹⁾. Естественно поэтому, что и съ новыхъ владѣльцевъ такихъ участковъ волость требовала дани въ общую сумму, даже и не касаясь самаго вопроса о правѣ ихъ на землю. При такихъ условіяхъ и раздача пустовскихъ земель на другія службы, какъ и всякія другія измѣненія въ положеніи и бытѣ крестьянъ, совершалась исподоволь и по возможности безъ ощутительнаго обремененія наличныхъ крестьянскихъ службъ. Ложить извѣстный земельный участокъ много лѣтъ впустѣ, никто его не беретъ „на особную службу“, крестьяне привыкнувъ смотрѣть на него, какъ на совсѣмъ для нихъ потерянный, свыкнутся съ нѣкоторымъ прибавкомъ для нихъ службы, послѣдовавшимъ за опустѣніемъ участка, и тогда государь охотно жалуется ему тому, кто у него просить, хотя бы и на новую службу. Обыкновенный мотивъ пожалованья въ такихъ случаяхъ: „а повѣдалъ намъ, что жь дей твои земли давно пусты лежать, а наслѣдковъ къ нимъ никого нѣтъ и службъ дей съ нихъ не служатъ“ ⁴³⁰⁾. Эту раздачу земель съ переводомъ ихъ на другую службу производилъ обыкновенно самъ государь, но подготавливалъ часто и намѣстникъ-державца, который ходатайствовалъ за просителя передъ государемъ или удостоверялъ его показаніе относительно извѣстной земли, что она пуста, службы съ нея нѣтъ а отдать ее двору государскому не шедно. Бывало иногда, что намѣстникъ-державца въ такихъ случаяхъ даже давалъ самую землю „до воли и ласки государской“. Такъ, напр., державца Ейшишскій Андрей Язубовичъ Довойновича дозволилъ боярину смоленскому Яцку Иванову Голосовича „дѣвку поняти зъ землею тяглою, отчывною ее, на имъ Станиславовщыною“ и далъ ему особый „дозволенный“ листъ, который король Сигизмундъ и подтвердилъ своимъ листомъ отъ 25 января 1525 года ⁴³¹⁾.

Если при раздачѣ „пустовскихъ“ земель новымъ владѣльцамъ намѣстнику-державцѣ въ большинствѣ случаевъ приходилось руковод-

⁴²⁸⁾ Киевскій Сборникъ 1892 г., стр. 383.

⁴²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 172—174.

⁴³⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 567.

⁴³¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 206.

ствоятся только служебною стариною этихъ земель,—тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ руководствоваться этою стариною по отношенію къ повинностямъ наличныхъ крестьянъ, которыя онъ не видоизмѣнялъ и не увеличивалъ, хотя бы это и требовалось по условіямъ господарскаго хозяйства и вообще въ господарскихъ интересахъ. Предписанія Сигизмунда о переводѣ лишникъ служебъ съ издѣльныхъ повинностей и натуральныхъ податей на денежные было крупнымъ нововведеніемъ въ дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ, которые до этого времени въ отношеніи крестьянскихъ повинностей и податей придерживались и обязаны были придерживаться старины. Крестьянская „старина“ въ XV и началѣ XVI вѣка вообще уважалась литовско-русскимъ правительствомъ, которое не успѣло еще глубоко проникнуться воззрѣніемъ на крестьянина, какъ на безправнаго „хлопа“, и ему нерѣдко говорило то же, что и боярину, и мѣщанину: „мы старины не рушаемъ, а новинъ не уводимъ“⁴²²). Договорное начало, на которомъ основывалось и строилось Литовско-Русское государство, глубоко проникло въ его жизнь, касаясь даже народной массы, которая въ изучаемое время имѣла также свои права и вольности, хотя и не писанныя и не такія твердыя и прочныя, какъ у высшихъ классовъ. Достаточно указать, напр., на крестьянское землевладѣніе, въ которомъ на ряду съ ясно выраженнымъ правомъ господара на всѣ крестьянскія земли дѣйствовалъ принципъ наследственности земельныхъ участковъ, уважавшійся господаремъ, совершались торговые сдѣлки, возможные только при общей увѣренности въ постоянствѣ владѣнія и сопряженныхъ съ нимъ правъ и обязанностей. Сюда же можно присоединить и неизмѣнность крестьянскихъ повинностей, которыя по актамъ датируются обыкновенно со времени Витовта, утвердившаго и нормировавшаго, въ свою очередь, стародавніе порядки и обычаи⁴²³). На Витовтову старину крестьяне обыкновенно ссылаются, какъ на свое право, которое признается и самимъ правительствомъ. При такихъ условіяхъ намѣстники-державцы не могли переводить крестьянъ съ одной службы на другую, какъ не могли они вообще измѣнять крестьянскихъ повинностей, облегчать однихъ крестьянъ и отягощать другихъ. Въ противномъ случаѣ ихъ прежніе „допличники“ обыкновенно прискивали ихъ къ себѣ въ „супольную“ службу. Тамъ, когда

⁴²²) См., напр., Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 130; Акты Зап. Рос. I, № 127.

⁴²³) См., напр., Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 23; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 161 и др.

люди тяглые Литовскаго десятика Слонимскаго повѣта привернули къ себѣ въ тяглую службу нѣсколькихъ конюховъ, съ соизволенія, конечно, намѣстника-державцы, конюхи слонимскіе Кропотчане дошли до самаго господаря и „очивисто“ передъ нимъ принесли ихъ къ себѣ въ конюшскую службу, доказавъ, что предки этихъ конюховъ всегда служили службою конюшскою, на что и получили отъ короля Сигизмунда 17 іюля 1511 года „судовый“ листъ ⁴³⁴⁾.

XXV.

Что касается самыхъ работъ по господарскому хозяйству, то непосредственный надзоръ за ихъ правильностью и успѣшностью принадлежалъ съ одной стороны *тивоумамъ*, которые были вообще ближайшими помощниками намѣстниковъ-державцевъ въ ихъ хозяйственно-административной дѣятельности и оберегателями господарскихъ интересовъ, съ другой стороны—*приставамъ, приказникамъ, сотникамъ, сорочникамъ, десятникамъ и старцамъ*, которые выгоняли людей на работу, раскладывали повинности и платежи и вообще слѣдили за тѣмъ, чтобы съ каждаго земельного участка погнилась возложенная на него служба не менѣе и не болѣе, чѣмъ было должно, дѣйствуя такимъ образомъ не только въ интересахъ господаря, но и крестьянъ.

Тивуны, какъ сказано, были ближайшими помощниками намѣстниковъ-державцевъ по надзору за работами, пашнями и другими господарскими „пожитвами“ ⁴³³⁾. Они были обыкновенно при всѣхъ дворахъ и дворцахъ, которые находились въ повѣтѣ намѣстника-державцы и при которыхъ существовали господарскія дворныя пашни. Впрочемъ, на главныхъ дворахъ, гдѣ была резиденція самого намѣстника-державцы, въ качествѣ помощниковъ его бывали и не тивуны, а *поманьстники* изъ слугъ намѣстника-державцы ⁴³⁴⁾. Тивуны по инструкціи 1529 года должны были выбираться державцами изъ мѣстныхъ крестьянъ „лѣпшихъ службъ“. Но тивуны изъ мѣстныхъ крестьянъ не были нововведеніемъ инструкціи 1529 года и существовали ранѣе, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ нѣкоторыя указанія актовъ изъ недавняго времени. Такъ, при дворѣ Грезанахъ въ Киевскомъ повѣтѣ въ XV в. былъ тивунъ Ходыка изъ мѣстныхъ даниковъ, который держалъ землю Лазоревщину и давалъ съ нея дани копу грошей и по-

⁴³⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 91.

⁴³³⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 84.

⁴³²⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 21; № 160, арт. 1.

люди двѣ буицы ⁴³⁵). Между сельцами крестьянъ Болваницкой волости Смоленскаго повѣта было „сельцо Яковлево, што былъ тивуномъ за пана Ивана Вяжевича“ ⁴³⁶). Въ числѣ земель, которыя пожаловалъ король Александръ вѣроему Ходку Коревину въ Лидскоѣ повѣтѣ, была земля Юшнова, тивуна Лидскаго, и пустая тягла Довеговичина (слѣдовательно, первая земля не была тягла) ⁴³⁷) и т. д. Родоначальниками этихъ тивуновъ, очевидно, были тѣ вѣжкіе „сельские“ и „ратайные“ тивуны, о которыхъ говоритъ Русская Правда, полагая за нихъ виру выше обыкновенной крестьянской (12 гривенъ вмѣсто 6, платившихся за смерда).

Тивуны при Казимирѣ и Александрѣ назывались иногда и самими государемъ изъ молодыхъ нечиновныхъ дворянъ или пановъ, но эти тивуны были на самостоятельныхъ постахъ, дѣйствовали одни, безъ намѣстниковъ-державцевъ. По актамъ они обыкновенно выступаютъ въ той же правительственной роли, какъ и намѣстники-державцы, и даже называются иногда намѣстниками, параллельно съ собственнымъ званіемъ „тивунъ“ (тивунъ Радунскій Янушъ Костевичъ, Жолудскій Юрій Смирель и др.). Такъ, напримѣръ, тивунъ Кревскій Станько Дууурнъ разбираетъ дѣло о землѣ между боярами Николаемъ Будовичемъ и его дядьями съ одной стороны и вн. Андреемъ Лукомскимъ съ другой ⁴³⁸); тивунъ Керновскій-Водорадскій извѣщается великимъ княземъ Александромъ о пожалованіи въ его повѣтѣ 12 челоуѣкъ татарамъ Алъму и Ахметю Вруслановичамъ съ приказомъ дать „уязванье“ въ этихъ людей ⁴³⁹); тивунъ Виленскій Ганусъ при королѣ Казимирѣ даетъ свѣдѣніе объ одной пустой землѣ, которую просилъ мѣдвичанинъ Юшко Киргидовичъ, въ Неменчанской волости ⁴⁴⁰); тивунъ Перелайскій Михайло Вяжевичъ собираетъ дзекла и „грабитъ“ Княпцевичей за неуплату его ⁴⁴¹) и т. д. Тивуновъ съ такимъ значеніемъ мы встрѣчаемъ по источникамъ тѣмъ болѣе, чѣмъ далѣе отодвигаемся назадъ въ XV вѣкъ, и еслибы имѣлось побольше источниковъ отъ XIV вѣка, то мы, вѣроятно, насчитали бы ихъ еще больше, чѣмъ въ XV вѣкѣ. Русь, вошедшая въ составъ великаго княжества Ли-

⁴³⁵) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. II, № 1.

⁴³⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 112.

⁴³⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 295, 296.

⁴³⁸) Лит. Метр. кн. Запис. V, л. 94.

⁴³⁹) Литов. Метр. кн. Запис. л. 45 46.

⁴⁴⁰) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 10.

⁴⁴¹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 55.

товскаго, какъ кажется, тивуна поставила преимущественно предъ другими должностными лицами для суда и управы въ волостяхъ (отсюда для этого и особое слово „тивунити“⁴⁴²). Литва заимствовала эту должность у Руси, и первое время по пригородамъ и волостямъ ея сидѣли большею частью также тивуны⁴⁴³). Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ возрастали въ чистѣ и политическомъ вліяніи анатные роды бояръ, съ конца XIV вѣка называвшихся панами, великому князю Литовскому пришлось разсаживать по волостямъ все болѣе и болѣе знатныхъ и даже основныя людей, для которыхъ названіе „тивунъ“ было не подходящимъ. Въ этой должности, которая вела свое происхожденіе отъ „тіуна огнищана“ Вусовой Правды, до этого времени служили обыкновенно незначителные дворяне, мелкопомѣстные и дѣлавшіе себѣ карьеру. Что званіе „тивуна“ въ глазахъ высшаго класса не могло быть подходящимъ и приличнымъ, тому доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что ах офіціо тивуны не могли имѣть въ своемъ присудѣ шляхту-бояръ, которая обращалась къ его суду только добровольно, съ обоюднаго согласія сторонъ. Кромѣ того, быть можетъ, и самый доходъ тивуна былъ меньше по сравнению съ намѣстничьимъ доходомъ, такъ что и съ этой стороны должности тивуна не подходила для литовскаго панства. Владевніе всего этого мало-по-малу намѣстники замѣняли собой тивуновъ, особенно въ предѣлахъ Виленскаго и Тродскаго повѣтовъ, гдѣ волости должны были раздаваться преимущественно литовскимъ князьямъ и панамъ. Во второмъ очеркѣ было приведено не мало примѣровъ этой замѣны. Здѣсь можно еще присоединить къ нимъ указаніе на то, что тивуны сидѣли раньше намѣстниковъ-державцевъ и по волостямъ Модѣйпрскимъ и Задвинскимъ. О тивунахъ, державцахъ этихъ волостей, мы находимъ прямое упоминаніе въ грамотѣ короля Сигизмунда, данной имъ въ 1511 году на право самимъ собирать и вносить дани въ скарбъ и до ключей⁴⁴⁴). Тивуны въ качествѣ органовъ общаго суда и управленія сохранились только въ волостяхъ Жмудской земли, гдѣ старина вообще держалась прочнѣе и тверже, чѣмъ въ собственной Литовской землѣ, благодаря ея особому положенію. Въ Жмудской землѣ, кромѣ того, не было важнаго панства, для котораго должность тивуна могла бы быть низкою (за исключеніемъ, быть можетъ, двухъ-трехъ семей, изъ которыхъ выходили Жмудскіе старосты). Поэтому старосты Жмуд-

⁴⁴²) Лѣтон. по Ипат. списку, стр. 555;

⁴⁴³) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. I, т. VI, № 1.

⁴⁴⁴) Акты Зап. Рос. II, № 75.

скіе со времени Казимира и до самаго 1527 года „кому хотѣли съ подданныхъ нашихъ (т. е. королевскихъ), пановъ и бояръ земли Жомотское, тымъ тые тивунства давали“, а послѣ 1527 года тивунства раздавалъ самъ король “⁴⁴⁵⁾.

Впрочемъ, и въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ тивуновъ заступили намѣстники-державцы (напримѣръ, въ Мѣдницкой), мы при этихъ послѣднихъ встрѣчаемъ впослѣдствіи тивуновъ, какъ и при всѣхъ вообще намѣстникахъ - державцахъ, чинившихъ судъ и управу въ волостяхъ, гдѣ было развито господарское хозяйство “⁴⁴⁶⁾. Но это были уже не тѣ тивуны-правители, которые сидѣли въ волостяхъ раньше, безъ намѣстниковъ. Это были „сельскіе“ и вмѣстѣ „ратайные“ тивуны Русской Правды, помощники намѣстниковъ-державцевъ по хозяйственному управленію и надзору и оберегатели господарскихъ „пожитковъ“ противъ всѣхъ, въ томъ числѣ и самого намѣстника. По инструкціи 1514 года тивуны, состоявшіе при намѣстникахъ Виленскаго и Троцкаго повѣта, должны были беречь „жита и ярыны, который у гумнѣ на насъ (т. е. короля) двѣ части поставять, и тежъ вины малыи и великии завѣдати, и какъ писаря нашего пошлемъ, и тивунъ маеть ему то все повѣдити справедливе“. Вслѣдствіе этого намѣстникъ при разбирательствѣ каждаго дѣла обязательно долженъ былъ имѣть съ собою тивуна “⁴⁴⁷⁾. Инструкція 1529 года не повторяетъ предписанія о присутствіи тивуновъ на судѣ державцевъ, но подтверждаетъ общее положеніе, что тивуны должны стеречь „господарскихъ пожитковъ“.— Впрочемъ, и эти сельскіе тивуны, непосредственно имѣвшіе дѣло съ крестьянами, знавшіе ихъ повинности и наличность ихъ земель и угодій, разбирали поземельныя столкновенія крестьянъ и различныя мелкія ихъ тяжбы. Въ уставѣ 1529 года по этому поводу читаемъ: „Тежъ, егда подданный нашъ возметъ державцу на спорчизну якую, на судъ, о землю або о сѣножать, тогда поданный нашъ, который виненъ зо-станеть, маеть платити яловицу, або полкопы грошей, а врадникъ державцынъ выѣдетъ, тогда десять копъ грошей; а коли понамѣстничюкъ або тивунъ выѣдетъ, тогда пять грошей“ “⁴⁴⁸⁾.

Итакъ, исторія правителей литовско-русской волости свелась въ изучаемое время къ замѣнѣ тивуна (огнищнаго Русской Правды) на-

⁴⁴⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 80, 81.

⁴⁴⁶⁾ См., напр., Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXXVII.

⁴⁴⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583.

⁴⁴⁸⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 21.

мѣстникомъ державцею, при которомъ въ качествѣ помощника по хозяйственному управленію состоялъ тивунъ изъ мѣстной челяди дворной (3 арт. XI раздѣла Статута 1529 г.) или крестьянъ (сельскій или ратайный Русской Правды). Исключеніе въ данномъ случаѣ, какъ уже было сказано, представляла Жмудская земля, гдѣ въ качествѣ волостныхъ правителей удержались тивуны.

XXVI.

Собственныя крестьянскія власти, въ Литовско - Русскомъ государствѣ носили разныя названія, смотря по мѣстностямъ. Въ предѣлахъ Виленскаго и Троцкаго княжествъ и въ землѣ Жмудской, т. е. въ исконныхъ литовскихъ областяхъ, мы встрѣчаемъ по актамъ *приставовъ*. По инструкціи 1529 года приставовъ въ Виленскомъ и Троцкомъ повѣтахъ, какъ и тивуновъ, должны были „обирать“ изъ крестьянъ „лѣпшихъ служобъ“ державцы; такъ, повидимому, обстояло это дѣло и раньше. Въ Жмудской землѣ приставовъ по волостямъ „годныхъ, съ подданныхъ нашихъ“ (т. е. королевскихъ) назначалъ староста, которому они платили за это его „доходъ“ ⁴⁴⁹). Крестьянскія власти при отправленіи своихъ обязанностей, какъ и урядники собственно дворные, получали извѣстные доходы, напримѣръ, приставы Жмудскихъ волостей получали по 2 пенязя изъ рубля судебныхъ пошлинъ (очевидно, они присутствовали на судѣ державцевъ и тивуновъ, когда разбирались крестьянскія дѣла) и, кромѣ того, разныя другія „подачки“ съ крестьянъ, денежныя и натуральныя ⁴⁵⁰). Вотъ почему въ свою очередь они платили „доходы“ назначавшему ихъ на прибыльную должность лицу. Такъ было не въ одной Жмудской землѣ: старосты Городенскіе, напримѣръ, и ихъ урядники брали свои доходы съ сотниковъ, тивуновъ, приставовъ и сорочниковъ ⁴⁵¹); вѣроятно, и намѣстники - державцы Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ брали что-нибудь при назначеніи на должности приставовъ, хотя прямыхъ указаній на это намъ не удалось найти въ актахъ изучаемаго времени.

Пристава были двухъ разрядовъ, волостныя и поселскіе, при чемъ вторые были только помощниками первыхъ по отдѣльнымъ селамъ. Въ инвентарѣ двора Бирштанскаго, составленномъ при королѣ Але-

⁴⁴⁹) Акты Зап. Рос. II, № 149, I.

⁴⁵⁰) Ibidem. № 160, арт. 1, 9.

⁴⁵¹) Ibidem, № 87.

каздрѣ по случаю отдали его „до живота“ королевѣ Еленѣ, находимъ слѣдующій перечень крестьянскихъ службъ: „подъ *волоостнымъ* приставомъ Петромъ осмдесятъ службъ, подъ приставомъ *посельскимъ* Мацкомъ девеносто и три службы, подъ Римовиномъ сто службъ а нустовцинь тридцать и чотыры..., подъ Свинускимъ приставомъ подъ Мелкомъ тридцать и пять службъ“ ⁴⁵²⁾. Волостной приставъ, такимъ образомъ, какъ и посельскій, завѣдывалъ самъ непосредственно частью крестьянскихъ службъ, но въ то же время онъ былъ и главою другихъ приставовъ волости. На существованіе посельскихъ приставовъ, кромя этого, указываетъ дѣленіе волостей на „приставництва“. Такъ, король Сигизмундъ въ 1522 году пожаловалъ тивуну Дирвянскому Венцеславу Бартошевичу три службы людей въ Ковенскомъ повѣтѣ „у Шилойнѣхъ а въ Довгойнѣхъ приставництва Юрьева“ ⁴⁵³⁾. Посельскіе пристава назывались иногда *десятниками*, а ихъ округа „десятицтвами“. Такъ, державца Лидскій панъ Юрій Ивановичъ Ильича въ 1524 году далъ дворянину Федору Лебедевичу Чеху „до воли господарское“ въ повѣтѣ Лидскомъ „полчетверты земли пустыхъ: въ Живогладовѣ *десятицтво* на имя Кирвелевщину а Петковщину въ Мацковщину, а въ Оношскомъ *приставництво* на имя Горностаевщину а полземли на имя Милойковщины“ ⁴⁵⁴⁾. Десятниковъ встрѣчаемъ по актамъ и въ волости Ейпишской, а десятки въ качествѣ волостного подраздѣленія въ волостяхъ Дубицкой (Супонскій), Василишской (Заболотскій), Троцкой (Балтроевъ десятокъ) ⁴⁵⁵⁾ и др. „Приставництва“ и „десятки“ назывались или по именамъ приставовъ или десятниковъ, или же по именамъ мѣстностей, гдѣ жили составившія ихъ службы людей; въ последнемъ случаѣ названіе ихъ было постояннымъ, тогда какъ въ первомъ — временнымъ и случайнымъ.

Для характеристики дѣятельности приставовъ, кромя общаго указанія устава 1529 года, можно подобрать и нѣкоторыя подробности въ актахъ изучаемаго времени. Такъ, напримѣръ, приставъ Жижморскій выгонялъ волостныхъ людей въ „заставу“ къ Трокамъ для обереганья господарскаго „скарба“ и на кошенье сѣна, а также собиралъ съ нихъ даяла, которыя представлялъ городничему Троцкому; всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя не хотѣли выполнять этихъ повинностей

⁴⁵²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 217.

⁴⁵³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 51.

⁴⁵⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 182, 183.

⁴⁵⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 55; VIII л. 309, 310; л. IX, 217; XII, л. 68.

подъ тѣмъ предлогомъ, что они съ роду бояре-шляхта, прискивали къ волости „въ потягли“ предъ воеводою Троцкимъ ⁴⁵⁶⁾. Приставъ Немонойтскій въ качествѣ представителя волости прискивалъ нѣкоторыхъ бояръ Немонойтскихъ „посполь зъ собою сѣно косити“ сначала предъ воеводою Троцкимъ Петромъ Яновичемъ, а потомъ, когда воевода рѣшилъ дѣло не въ пользу волости, предъ самимъ великимъ княземъ Александромъ ⁴⁵⁷⁾. Приставъ Перелайскій „правилъ“ на волостныхъ людяхъ „мезлевщины и снижи“ и выгонялъ ихъ возить сѣно къ Трокамъ, изъ-за чего возникло у него цѣлое дѣло съ слугами путными Перелайскаго повѣта, которое разбирали сначала воевода Троцкій панъ Петръ, а потомъ и въ окончательной инстанціи великій князь Александръ ⁴⁵⁸⁾. Завѣдывая ближайшимъ образомъ повинностями волости, пристава точнѣе и лучше, чѣмъ сами намѣстники-державцы и ихъ урядники, знали какъ самый размѣръ и количество повинностей, лежавшихъ истари на волости, такъ и то, кто именно изъ волостныхъ людей и какую повинность обязанъ отправлять. И съ этой стороны они оказывали немаловажную помощь намѣстникамъ-державцамъ, которые во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ обращались къ наличнымъ и отставнымъ приставамъ. Такъ, когда дворникъ Олекно Федоровичъ Кривецъ въ 1525 году сталъ прискивать предъ королемъ Сигизмундомъ въ подданство себѣ нѣкоторыхъ людей Оникитенскаго повѣта, утверждая, что они „братья“ его людей Стерковичей, пожалованныхъ ему королемъ до очищенья его отчины отъ неприятеля, и когда король перенесъ это дѣло къ намѣстнику-державцѣ, послѣдній „опытывалъ о томъ приставовъ и всею волости Оникитеньское“ и до вѣдывавшись отъ нихъ, „ижъ тыи люди—братья его людей Стерковчовъ и службу зъ ними предъ тымъ адавна одну служили и дѣла посполь давали“, велѣлъ имъ служить Олекну и быть ему послушными ⁴⁵⁹⁾.

Въ той части собственной Литовской земли, которая не была исконною территоріею Литовскаго племени, и гдѣ населеніе было сѣшанное, т. е. въ тавъ называемой Черной Руси, мы встрѣчаемъ въ роли приставовъ—сотниковъ, сорочниковъ и десятниковъ, существовавшихъ тамъ едва ли не ранѣе самого Мендовга, который первый изъ литовскихъ князей, по нашимъ свѣдѣніямъ, имѣлъ всю Черную Русь

⁴⁵⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 26.

⁴⁵⁷⁾ Ibidem. л. 50.

⁴⁵⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 75, 76.

⁴⁵⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 218, 219.

подъ своею властію, и ко времени втораго, слѣдовательно, можно было бы относить одинаковыя для всей Черной Руси установленія. По крайней мѣрѣ, такое же волостное дѣленіе и тѣхъ же самыхъ сотниковъ и десятниковъ мы встрѣчаемъ и въ сосѣдней Берестейской землѣ и въ другихъ русскихъ земляхъ, напр., въ Киевской, Чернигово-Сѣверской и Полоцкой, изъ чего само собою выходитъ, что это были древнѣйшія русскія установленія (отъ которыхъ происходятъ и соціе съ десяцкими сѣверовосточной Руси). Сотниковъ въ Городенскомъ повѣтѣ назначалъ самъ государь „подлѣ давного обычая“ изъ мѣстныхъ крестьянъ, но доходы съ нихъ, равно какъ и съ тивуновъ, приставовъ (десятниковъ) и сорочниковъ шли въ пользу старосты ⁴⁰⁰⁾, который назначалъ этихъ послѣднихъ должностныхъ лицъ также изъ мѣстныхъ крестьянъ. Сотники, сорочники и десятники по автамъ выступаютъ съ совершенно тѣмъ же значеніемъ, какъ и пристава въ Литовской и Жмудской земляхъ. Такъ, напр., сотники и десятники Слонимскіе при королѣ Сигизмундѣ хлопотали о томъ, чтобы вернуть къ себѣ въ тяглую службу нѣкоторыхъ людей, которыхъ конюхи Кропотчане принесли себѣ въ конюшскую службу ⁴⁰¹⁾. Сотникъ и сорочники Городенскіе вмѣстѣ съ посланцами старосты Городенскаго Станислава Петровича отводили кн. Федору Мосальскому людей съ землями и пустошныя, пожалованныя ему королемъ Сигизмундомъ въ Жорославской волости ⁴⁰²⁾. Сорочникъ Жорославскій во главѣ всѣхъ волостныхъ людей давалъ показаніе великому князю Александру о томъ, кто до него владѣлъ дворомъ Жорославскою ⁴⁰³⁾. Сорочники Своротской волости, Невдевской и Цѣринской Новгородскаго повѣта должны были при судебномъ разбирательствѣ тяжбы о землѣ Жуковщинѣ показывать, „штожь тотъ Жуевъ звѣчный былъ человекъ городской (т. е. господарскій) и воротъ въ городъ стерегивалъ“ ⁴⁰⁴⁾. Сорочникъ Цѣринскій въ качествѣ представителя волости тягался съ мѣщанами Новгородскими два раза предъ намѣстниками Новгородскими Миколомъ Радивиловичемъ и Яномъ Юрьевичемъ, а въ третій разъ предъ самимъ государемъ Александромъ въ 1499 году, желая освободиться отъ обязанности „стеречь недѣли съ подводами въ Новѣгородѣ“ (на случай приѣзда господарскихъ пословъ или гонцовъ). Такъ какъ ве-

⁴⁰⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 87.

⁴⁰¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 91.

⁴⁰²⁾ Ibidem, л. 93, 94.

⁴⁰³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 266.

⁴⁰⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 73.

великій князь согласно съ своими намѣстниками оправиль мѣщанъ и велѣлъ Цѣринцамъ стеречь недѣли вмѣстѣ съ мѣщанами, „какъ бывало за великого князя Витовта и Жигимонта и за отца нашего, короля его милости“, то и сорочникъ Цѣринскій долженъ былъ выгонять подводы къ Новгороду. „А которми будутъ Цѣринцы боярится,—гласить судовой листъ великаго князя,—тѣхъ мають въ собѣ прискивати“, т. е. опять же сорочникъ въ качествѣ представителя волости ⁴⁶⁵).

Изъ приведенныхъ подробностей вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что сотники были главами крестьянства всего повѣта, сорочники—отдѣльныхъ волостей, входившихъ въ составъ повѣта (Новгородскій, Слонимскій, Волковыйскій и Городенскій повѣты, составлявшіе Черную Русь, какъ мы видѣли во второмъ очеркѣ, содержали въ своемъ составѣ по нѣскольку волостей), а десятники — отдѣльныхъ сель, подобно приставамъ поселскимъ. Десятники такъ прямо и называются иногда приставами. Мы выше видѣли, что въ Городенскомъ повѣтѣ нѣже сотниковъ и сорочниковъ не было десятниковъ, а были приставы. Въ инвентарѣ двора Волковыйскаго послѣ перечня тѣлыхъ службъ Иванова десятка, въ числѣ которыхъ упомянуть самъ *десятникъ* Иванъ, подведенъ такой общій итогъ: „Тою Иванова десятка тридцать службъ и 3 службы и съ теунды и съ *приставомъ*“ ⁴⁶⁶). Военно-вѣное такой лѣстницы крестьянскихъ властей, кромѣ группировки крестьянской осѣдлости, имѣетъ свое начало въ томъ, что крестьяне нѣкоторыми своими повинностями тянули къ центральному двору волости, въ которой они жили, а другими къ центральному двору повѣта и въ составѣ всѣхъ его волостей. Для отдѣльнаго села или группы ближнихъ деревень требовался десятникъ или приставъ, для цѣлой волости сорочникъ, а для всѣхъ волостей сотникъ, который долженъ былъ слѣдить за исправностью и полнотою службъ всѣхъ волостей и при случаѣ защищать и оберегать ихъ общіе интересы. Вотъ почему мы и не встрѣчаемъ сотни въ качествѣ подраздѣленія повѣтовъ Черной Руси, а только *срока* и *десятки*. Такъ, въ Новгородскомъ повѣтѣ акты называютъ *Осокии сорокъ*, въ которомъ великій князь Александръ пожаловалъ палу Мартину Хребтовичу четыре пустощины ⁴⁶⁷). Изъ десятковъ въ Новгородскомъ повѣтѣ упоминаются: *Осокии*, въ которомъ великій князь Александръ въ 1497 году пожаловалъ тому же

⁴⁶⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 161.

⁴⁶⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 648—651.

⁴⁶⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 69.

пану Мартину Хребтовичу двухъ человекъ съ ихъ женами и дѣтьми, съ ихъ землями и сѣножатями и со всѣми ихъ „дачками“ ⁴⁶⁸⁾; *Ловицкій*, въ которомъ король Сигизмундъ въ 1507 году пожаловалъ дьяку Федору Михайловичу Святошѣ пять служебъ людей Вязневичей „со всимъ съ тымъ, што въ тому селу здавна слухало“ ⁴⁶⁹⁾; *Своротскій* (по р. Своротѣ), въ которомъ король Сигизмундъ пожаловалъ боярину Новгородскому Радеу Яцковичу пустошину Сыропятовщину ⁴⁷⁰⁾ и др. Въ Слонимскомъ повѣтѣ чаще всего встрѣчаемъ по актамъ десятокъ *Литовскій*, о которомъ была рѣчь въ первомъ очеркѣ; въ Волковнѣйскомъ повѣтѣ: *Креманичскій* (по р. Кремницѣ), въ которомъ король Александръ пожаловалъ пану Миволаю Юндловичу людей и земли ⁴⁷¹⁾; *Лысковскій*, *Жомоитскій* и *Лопеничскій* (по р. Лопеницѣ), въ которыхъ тотъ же король пожаловалъ людей и земли пану Войтеху Яновичу ⁴⁷²⁾, и др.; въ Городенскомъ повѣтѣ, гдѣ вмѣсто десятниковъ были пристава, мы не встрѣчаемъ по актамъ и десятковъ.

Подобную же организацію мы видимъ въ Берестейской и другихъ русскихъ земляхъ. Берестейскій повѣтъ также дѣлится на десятии, изъ которыхъ акты упоминають, напр.: десятокъ *Подляшскій*, людей котораго великій князь Александръ въ 1495 году освободилъ отъ обязанности пасти скотъ дворца его Кіевецкаго ⁴⁷³⁾; *Поболотскій*, въ которомъ король Сигизмундъ пожаловалъ въ 1522 г. дворянину Лукашу Скирмину два жеребья пустыхъ, Ранцовскій и Беляжинскій ⁴⁷⁴⁾; *Бердичевскій*, въ которомъ тотъ же король пожаловалъ въ 1512 году дьяку Иванку Горностаеву землю Яцковщину „у Сычковцахъ“ ⁴⁷⁵⁾; *Помуховскій* (по Мухавцу), въ которомъ король Сигизмундъ въ 1511 году пожаловалъ дворянину Костѣ Пищикову жеребій пустой „въ Старомъ селѣ въ Помуховскомъ десятѣ“, а нѣсколько позже, въ 1515 году, и двухъ отчихей этого жеребья, которые пожелали воротиться на свое старое пепелище ⁴⁷⁶⁾, и др. Въ повѣтѣ Каменецкомъ мы встрѣчаемъ

⁴⁶⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 94.

⁴⁶⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 153.

⁴⁷⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 113.

⁴⁷¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 120, 121.

⁴⁷²⁾ Ibidem, л. 306, 307.

⁴⁷³⁾ Ibidem, л. 29.

⁴⁷⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 412.

⁴⁷⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 61.

⁴⁷⁶⁾ Ibidem, л. 96, 97, 233.

по актамъ *десятокъ Шостаковскій*, въ которомъ король Сигизмундъ въ 1512 году пожаловалъ жеребей Коленковскій сельца Войскаго и два жеребья пустыхъ, Русиловскій и Туровскій, кн. Тимоѣю Ивановичу Капустѣ ⁴⁷⁷⁾. Десятки предполагають существованіе десятниковъ, а такъ какъ повѣты Берестейскій и Каменецкій заключали въ своемъ составѣ по нѣскольку господарскихъ волостей, то естественно предположить и существованіе въ нихъ сотниковъ. Въ 1506 году король Александръ пожаловалъ князю Петру Михайловичу село Рожаницы въ Берестейскомъ повѣтѣ, которое состояло изъ двухъ жеребьевъ служебныхъ и четырехъ *сотныхъ*. Что такое сотные жеребьи, это явствуетъ изъ контекста жалованной грамоты: „со всеми того села людьми путными и данными и тяглыми, и зъ ихъ землями пашными и борными и со всеми тыхъ людей входы“ ⁴⁷⁸⁾. Сотные жеребьи, такимъ образомъ, — тѣ, которые заняты данниками и тяглыми людьми, а названы они такъ, очевидно, потому, что эти люди съ ихъ землями и повинностями были въ вѣдѣніи сотниковъ Берестейскихъ.

Въ той части бывшей Берестейской земли, которая въ изучаемое время удержала названіе Подляшья, и въ которой скорѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, привилось польское право и учрежденія, крестьянскія власти древне-русскаго происхожденія въ изучаемое время, одновременно съ ломѣромъ земель на волоки и введеніемъ нѣмецкаго сельскаго устройства, вытѣснились войтами нѣмецко-польскаго типа. Такъ, король Казимиръ далъ землянну мельницкому Петру Кунацкому войтовство въ селѣ Головчичахъ Мельницкаго повѣта „до его живота“ и тамъ же три волоки, а король Сигизмундъ въ 1514 году подтвердилъ ему это войтовство на вѣчность ⁴⁷⁹⁾. Король Александръ далъ писарю воеводы Троцкаго Еску Ивановичу войтовство на вѣчность въ Бѣльскомъ повѣтѣ на четырехъ жеребьяхъ Кошелевскихъ, на двухъ жеребьяхъ Вервечичскихъ и на дѣсѣ Топчывальскомъ. Еско долженъ былъ размѣрить эти жеребьи на волоки, осадить ихъ вольными прихожими людьми, которые должны были господарю „службу служити и дачи давати по тому, какъ и по инымъ мѣстамъ тамошнимъ люди зъ волокъ службу служить и подати даютъ“. Этыхъ людей судомъ и управою долженъ былъ вѣдать войтъ, которому жаловались каждая десятая волока изъ вымѣренныхъ имъ, третій грошъ съ судебныхъ штрафовъ (винъ) и мельницы. Войтъ вла-

⁴⁷⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 89.

⁴⁷⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 10, 11.

⁴⁷⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 213.

дѣль всѣмъ этимъ на правѣ земской собственности, которое онъ могъ передавать по наслѣдству и отчуждать по доброй волѣ, и, какъ съ земской собственности, долженъ былъ нести земскую службу „послѣдъ съ иными земанъ Бѣльскими водлѣ вставы и вхвалы земское“. Державцы Бѣльскіе, согласно выданному ему привилею, не должны были вступаться въ подначальныхъ ему людей, въ ихъ земли „и ни въ которыя платы и пожитки“, за правильнымъ поступленіемъ которыхъ господарю слѣдилъ и отвѣчалъ войтъ, замѣнившій собою, такимъ образомъ, не только сотниковъ и десятниковъ, но отчасти и самого державцу ⁴⁸⁰⁾. На такихъ же приблизительно условіяхъ пожаловалъ король Сигизмундъ въ 1525 году земянину мельницеому Томеу Хтобскому войтовство въ селѣ Шпакахъ Мельницкаго повѣта, въ 1528 году земянину Бѣльскому войтовство въ Крабовѣ Бѣльскаго повѣта ⁴⁸¹⁾ и т. д.

Сотниковъ и десятниковъ мы встрѣчаемъ по актамъ и въ земляхъ Кіевской, Чернигово-Сѣверской, частью въ Смоленской, а десятниковъ, кромѣ того, въ Полѣсьѣ и въ Полоцкой землѣ. Въ Кіевской землѣ въ качествѣ дѣленія Кіевскаго повѣта находимъ десятокъ Бѣлгородскій, въ которомъ король Сигизмундъ пожаловалъ въ 1507 году селу лице пустое Лисаново армянину Филиппу ⁴⁸²⁾. Десятокъ предполагають существованіе и десятника. Сотниковъ и притомъ въ качествѣ представителей отдѣльныхъ волостей мы встрѣчаемъ въ той частѣ Кіевской земли, которая нѣкогда входила въ составъ Сѣверской, а именно, въ повѣтъ Путивльскомъ ⁴⁸³⁾. Эти сотники были изъ мѣстныхъ крестьянъ, какъ это открывается изъ привилея, выданнаго въ 1499 году дворянину Сеньку Жеребятичу на нѣкоторыя земли въ Путивльскомъ повѣтѣ, которыя великій князь взялъ подъ своими людьми, въ томъ числѣ подѣ Дробышемъ, Жолвазскимъ сотникомъ ⁴⁸⁴⁾. Въ южныхъ окраинныхъ волостяхъ Кіевской земли, какъ и въ сосѣдней Подольской, въ качествѣ крестьянскихъ властей выступаютъ *атаманы*, установленные здѣсь еще татарами для завѣдыванія доходами ⁴⁸⁵⁾. По древнѣйшей люстраціи Кіевской земли атаманы были по селамъ изъ мѣстныхъ слугъ, которые на войну и въ ловы хоживали, но, кромѣ того, платили и подымщину, а со временъ князя Семена Олельковича

⁴⁸⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 165, 166.

⁴⁸¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 236, 402, 403.

⁴⁸²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 125.

⁴⁸³⁾ Акты Зап. Рос. I, № 178.

⁴⁸⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 152.

⁴⁸⁵⁾ К. *Stadmickiego Synowie Gedymina I, str. 121, nota 2.*

ходили на толоку, косили сѣно и несли разныя другія повинности ⁴⁸⁶). Позднѣе, при королѣ Сигизмундѣ, атамановъ встрѣчаемъ въ Черкасахъ въ качествѣ представителей не только крестьянъ, но и мѣщанъ, которые въ Черкасахъ несли многія повинности сообща съ волостными людьми ⁴⁸⁷); атаманы были крестьянскими волостями и въ селахъ сѣверныхъ волостей Кіевской земли, напр., въ селѣ Шенеличахъ на р. Припяти ⁴⁸⁸).

Кромѣ Путивльскаго, и другіе повѣты бывшей Чернигово-Сѣверской земли имѣли сотниковъ въ качествѣ крестьянскихъ властей и представителей. Отъ 1499 года сохранился судебный листъ великаго князя Александра по дѣлу *сотниковъ Брянскихъ* съ намѣстникомъ, княземъ Федоромъ Ивановичемъ Жеславскимъ „о кривды и повиннѣ. Сотники, очевидно, отъ лица волостей жаловались на князя: „долѣ вѣдѣть со Брянска на нашу (господарскую) службу або на свои потребности до своихъ имѣній, и беретъ дей въ насъ подводы и велитъ намъ на себе станы справляти и стацями поднимати, а здавна дей мы намѣстникомъ Брянскимъ подводѣ не даивали и становъ на нихъ не справлявали и стацями ихъ не поднимывали“. На судѣ, который производилъ по комиссіи отъ великаго князя канцлеръ панъ Миколай Радивиловичъ, все это подтвердилось показаніями брянскихъ бояръ, и великій князь оправилъ сотниковъ: „бо мы никому новины не вѣдимъ, а старины не рушаемъ“ ⁴⁸⁹). Сотники были также и въ повѣтѣ Любутскомъ: въ числѣ пустыхъ земель, розданныхъ здѣсь Казимиромъ, было и селище Михнево сотниково, которое пожаловано Бугаю калужанину и зъ бортною землею“ ⁴⁹⁰). По отдѣльнымъ селамъ Чернигово-Сѣверской, какъ и Кіевской земли, существовали десятники; по крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что въ Стародубской волости были Кривковъ десятокъ и Масловъ, а, слѣдовательно, и десятники ⁴⁹¹).

Въ Торопецкомъ повѣтѣ мы встрѣчаемъ соцкихъ, которые заглаживали повинностями крестьянъ собственной Торопецкой волости ⁴⁹²), а по селамъ въ собственномъ Смоленскомъ повѣтѣ десятниковъ изъ слугъ щитныхъ (напр., Ермола въ Березавскомъ пути и Степанко Мо-

⁴⁸⁶) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. II, № 1.

⁴⁸⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 86.

⁴⁸⁸) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. I, т. VI, № V.

⁴⁸⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 130.

⁴⁹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 33.

⁴⁹¹) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 709.

⁴⁹²) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.

лоховской ⁴⁸³) и других крестьянъ. Въ качествѣ же волостныхъ начальниковъ и представителей въ собственномъ Смоленскомъ повѣтѣ являются приказники изъ мѣстныхъ слугъ (напр., Филимонъ, слуга и приказникъ Рославскій) или вольныхъ крестьянъ (напр., приказникъ въ Бѣлицкой волости Ананка), а иногда и изъ бояръ ⁴⁸⁴). Роль приказниковъ по актамъ обрисовывается въ томъ же видѣ, какъ приставовъ, сотниковъ, и десятниковъ. Въ 1495 году великій князь Александръ, пожаловавъ писарю Ивашку Согѣжичу Дмитровъ въ держанье до живота, писалъ приказнику Дмитровскому и всемъ людямъ Дмитровцамъ: „и вы бы его во всемъ были послушны по тому, какъ и первыхъ намѣстниковъ нашихъ. А што тамъ въ васъ даны нашия идетъ намъ, тую дань взяли есмо ему, собираючи на васъ, и слати до сварбу нашего“ ⁴⁸⁵). Приказники, которымъ ближайшимъ образомъ адресованъ былъ этотъ листъ великаго князя, должны были заботиться о выполненіи крестьянами ихъ волости всѣхъ повинностей и бить въ этомъ отношеніи помощниками намѣстника, посредниками между нимъ и крестьянами. Они должны были точно знать всѣ владѣнія и повинности крестьянъ, вслѣдствіе чего къ нимъ обращалось и центральное правительство и мѣстные урядники за справками. Такъ, напр., когда бояринъ смоленскій Типко Дудинъ просилъ у намѣстника Смоленскаго Юрья Глѣбовича сельца пустого Кохановскаго въ Еленской волости на особую службу, при чемъ заявилъ „штожь тое сельцо не тяглое, служба съ того щитная бывала, а давно лежитъ пусто, а наслѣдка къ нему никого нѣтъ“, намѣстникъ „опытывалъ“ о томъ приказника Еленскаго и мужей, и только послѣ подтвержденія ими заявленія боярина выдалъ ему на сельцо листъ, который великій князь Александръ и подтвердилъ своимъ листомъ ⁴⁸⁶). Когда люди Дубровенскаго путя Митрохановы подали жалобу королю Сигизмунду на дворянина Михаила Данильевича въ томъ, что онъ выпросилъ ихъ у покойнаго короля Александра за тяглыхъ людей, а они издавна люди путные, то за разрѣшеніемъ этого дѣла обратились къ тивуну Глушицкому, который вѣдалъ дворную пашню и потому зналъ всѣхъ работавшихъ на ней людей, и къ приказнику и людямъ волости Дубровенской, которые и показали, „ижъ тые люди ниволи тяглою службою не служы-

⁴⁸³) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 155—169.

⁴⁸⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 112.

⁴⁸⁵) Ibidem., л. 62.

⁴⁸⁶) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 17.

вали, только путною службою служить и дань нашу (господарскую), кадь меда прѣсного, дають де цогреба нашего въ замокъ Смоленскій а двѣ копь грошей". Согласно этому заявленію король Сигизмундъ и оправилъ людей Митрохановыхъ, приказавъ имъ служить путною службою, а Михайлу не велѣтъ въ нихъ вступаться⁴⁹⁷). Любопытно, что приказникъ въ данномъ случаѣ явился на судъ по приглашенію людей Митрохановыхъ, очевидно, радѣя объ интересахъ всей волости, на которую дожились лишнія тяжести вслѣдствіе отхода ея членовъ въ подданство князей, пановъ или бояръ. Въ такихъ случаяхъ приказникъ съ мужами своей волости выступалъ иногда по собственной инициативѣ и въ качествѣ истца. Такъ, напр., приказникъ Рославскій съ мужами ждался въ 1495 году великому князю Александру на Бориса Семеновича (окольного Смоленскаго), „ревомо бы онъ забралъ за себе семь селъ ихъ волости безъ данины предковъ нашихъ (господарскихъ) и отца нашего“ и „отнял въ нихъ дуброву, выгонъ Городецкій“. Хотя это заявленіе не подтвердилось, такъ какъ Борис Семеновичъ представилъ на все нужные документы, тѣмъ не менѣе, самый искъ очень характеренъ для приказниковъ и ихъ дѣятельности по обереганію крестьянскихъ интересовъ. Приказники тѣхъ волостей, которые назывались путами, носили названіе путниковъ⁴⁹⁸). Въ этой должности мы видимъ изрѣдка и бояръ (напр., Семена Федькова Будина въ Вержавскомъ пути, Михалицу—въ Радщинскомъ), такъ какъ въ Смоленской землѣ бояре нѣкоторыми повинностями примыкали къ волостнымъ людямъ, и слугъ панцирныхъ (напр., Овдюха въ Молоховскомъ пути, Глѣба—въ Дубровенскомъ), которые еще болѣе, чѣмъ бояре связаны были съ волостями⁴⁹⁹). Путники въ Смоленской землѣ вовсе не были „приказчики изъ княжескихъ дворовыхъ (?), управляющіе княжескими имуществами или получившіе помѣстье за исправленіе извѣстныхъ обязанностей (почтовой гоньбы и т. п.)“, какъ утверждаетъ г. Владимірскій-Будановъ, мѣшая въ одно и приказчиковъ великокняжескихъ (которыми были только намѣстники и тивуны), и путныхъ слугъ, которые никогда не имѣли такого значенія⁵⁰⁰). Судъ по названію приказника въ Смоленской землѣ также назначались господаремъ или его намѣстникомъ, какъ и пристава, сотники, десятники, въ другихъ областяхъ. Волостные люди, если и принимали

⁴⁹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 284, 285.

⁴⁹⁸) Акты Зап. Рос. I, № 55.

⁴⁹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 155—169.

⁵⁰⁰) Христоматія по исторіи русскаго права, вып. II, стр. 21, прил. 5.

здѣсь какое-нибудь участіе, такъ развѣ только указывали, рекомендовали, кого имъ желательно было имѣть на этой должности ⁴⁰¹⁾.

О десятникахъ, какъ о крестьянскихъ властяхъ, упоминаютъ и акты, относящіеся въ Полѣсью ⁴⁰²⁾ и въ Полоцкой землѣ. Полоцкіе десятники вѣдали части волостей, которыя назывались здѣсь *станами*. Такъ, воеводѣ Полоцкому Яну Юрѣвичу Глѣбовичу жаловался десятиникъ Купликовский Иванъ Лопунъ „и въ иныхъ людехи господарскими, поплечными своими, стану Купликовского“ на людей монастыря Монашскаго, которые должны были тнуть вмѣстѣ съ Купликовцами на станъ и давать стаціи на господара и воеводу Полоцкихъ, но этого не исполняли ⁴⁰³⁾. Что станы были частями волостей Полоцкаго, на это не мало указаній можно найти въ актахъ изучаемаго времени. Такъ, напр., въ 1525 году 12 іюля король Сигизмундъ подтвердилъ дворянину Федору Путятѣ земли, которыя онъ купилъ у слугъ путныхъ Чероватской волости Суйскаго стану ⁴⁰⁴⁾. На станы дѣлились и тѣ волости Полоцкой землѣ, которыя въ изучаемое время отошли отъ нея и принадлежали въ Виленскому повѣту. Въ 1522 году Сигизмундъ подтвердилъ боярину Богдану Ивановичу Толоконскому двѣ земли пустыя „въ волости Браславской въ Добельскомъ стану“, Минютевичу и Жвирбевичу, которыя далъ ему державца Браславскаго повѣта Павелъ Ивановичъ Сошва ⁴⁰⁵⁾. Изъ этого видно, что дѣленіе на станы въ Полоцкой землѣ было очень давняго происхожденія, возникло еще до утвержденія въ ней литовскаго владычества, которое здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, не имѣло старинны.

Въ такъ называемыхъ Поддѣирскихъ и Задвинскихъ волостяхъ, которыя вносили свою дань прямо въ скарбъ и до ключей Виленскаго и Троцкаго, эту дань, какъ и другіе платжки и повинности, размѣщали на людяхъ и собирали старцы этихъ волостей ⁴⁰⁶⁾. По инструкціи, данной въ 1528 году державцамъ дѣровъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ, старцевъ, какъ и другихъ крестьянскихъ властей, должны были окредѣлять державцы. Но въ Поддѣирскихъ и Задвинскихъ волостяхъ старцы въ изучаемое время назначались самимъ го-

⁴⁰¹⁾ Срав. Акты Южн. и Зап. Рос. І, № 73.

⁴⁰²⁾ Ревизія пудъ и переходовъ звѣринскихъ, стр. 279.

⁴⁰³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 227, 228.

⁴⁰⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 249, 250.

⁴⁰⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 67.

⁴⁰⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329.

снодаремъ, которому они платили отъ своего „старченъа“, бывшего для нихъ доходною должностію. Такъ, въ 1482 году 30 ноября въ Трокяхъ старчене Рѣчицкое взяли Комаръ и далъ за него королю два корабельника (за намѣстничество Рѣчицкое король въ то же время получилъ восемь корабельниковъ); отъ Могилевскаго серебрянаго старченъа король въ то же время получилъ 13 коней, а отъ медоваго Андрейко далъ 4 кони грошей (въ Могилевской волости данниа также преобладали надъ другими разводами крестьянъ)⁵⁰⁷). Въ волости Олучицкой передъ 1529 годомъ находился старецъ волостной, собиравшій дань, которому старченство далъ самъ государь. Объ этомъ заявлялъ старецъ и люди Олучицкой волости, жаловавшіеся королю Сигизмунду на намѣстника Олучицкаго Нивифора Бобѣдова, который подымалъ имъ „кривды и драпежства великия“, а вышеупомянутаго старца велѣлъ „кромѣ жадное прычынъ“ повѣсить⁵⁰⁸). Дѣятельность и значеніе старцевъ по актамъ обрисовывается въ такомъ же приблизительно видѣ, какъ дѣятельность и значеніе перечисленныхъ выше крестьянскихъ властей. Такъ, старцы въ Бобруйской волости собирали дань грошовую, медовую, бобровую и вуничную и отвозили до смарбу и ключа⁵⁰⁹). Они же „меты метывали“ на волость, т. е. раскладывали и собирали деньги „на ихъ волостную потребу“. Но такъ какъ здѣсь обнаружались злоупотребленія съ ихъ стороны, то король Сигизмундъ въ 1533 году предписалъ, чтобы они собирали дань подъ надзоромъ и „свѣдомомъ“ вика мѣстнаго державцы, который долженъ былъ надзирать за раскладкою и другихъ влѣтжей, или „розметовъ“⁵¹⁰). Старцы Задвинскихъ волостей Озерницкой и Усвятской вѣдали и другія повинности волостныхъ крестьянъ, кромѣ даней и денежныхъ разметовъ, напр., выгоняли ихъ володить на господара озеро Вымно, строить тивунскій дворъ⁵¹¹), и т. д. Какъ представители волостей, старцы отъ лица ихъ вели искъ противъ намѣстниковъ-державцевъ и другихъ должностныхъ лицъ по поводу ихъ кривды и новинъ и т. д. Кромѣ Подиѣрскихъ и Задвинскихъ волостей старцевъ мы встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ волостяхъ, сосѣднихъ съ ними, но обыкновенно не при-

⁵⁰⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 87.

⁵⁰⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 531, 532.

⁵⁰⁹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329; XV, л. 172—174; Акты Зап. Рос. II, № 75.

⁵¹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 172—174.

⁵¹¹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 64.

числавшихся къ нимъ, напр., въ Борисовской ⁵¹²), Могилевской и Олучицкой, въ Завской волости Кіевскаго повѣта, съ которой шла дань до ключа Кіевскаго ⁵¹³), въ Марковской и Куренской волостяхъ ⁵¹⁴), въ княжествѣ Мстиславскомъ ⁵¹⁵) и, наконецъ, въ волостяхъ Полоцкихъ ⁵¹⁶). Это наводитъ на мысль, что старцы въ этой мѣстности въ качествѣ должностныхъ лицъ старѣ литовскаго владычества, что эта мѣстность издавна представляла особый экономическій и общественно-бытовой районъ. На это, впрочемъ, имѣются и прямыя указанія источниковъ, которые характеризуютъ этотъ районъ какъ область осѣдлости крестьянъ-данниковъ, платившихъ съ своихъ промысловъ гроши, медь, бобры и кунацы ⁵¹⁷).

Такимъ образомъ, г. Владимірскій-Будановъ совершенно правъ, считая старцевъ туземными русскими властями, но онъ не совсѣмъ правъ, утверждая существованіе старцевъ во всей Руси, бывшей подъ властью Литвы. Въ южныхъ и частью въ западныхъ областяхъ ея мы встрѣчаемъ крестьянскія власти по большей части съ другими названіями (сотники, сорочники, десятники), хотя также древнерусскихъ. Точно также и дѣленіе на сотни, сорока и десятки нельзя распространять на всю Литовскую Русь, какъ дѣлаетъ г. Владимірскій-Будановъ, ибо эти дѣленія были только тамъ, гдѣ были сотники, сорочники, десятники. Одинаково неправильно описалъ крестьянскія власти и г. Леонтовичъ, не различивъ тивуновъ отъ крестьянскихъ властей въ собственномъ смыслѣ (тивуновъ можно уподобить старостамъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, помощникамъ приказчиковъ; только въ Полоцкихъ волостяхъ, гдѣ были господарскіе дворы, на Полѣсьѣ и Волыни, тивуны, повидимому, совмѣщали это значеніе съ значеніемъ крестьянскихъ властей), а этихъ послѣднихъ по мѣстностямъ ⁵¹⁸).

⁵¹²) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 73.

⁵¹³) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 11.

⁵¹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 38, 39.

⁵¹⁵) Акты Зап. Рос. I, № 82, 217.

⁵¹⁶) Ibidem, I, № 174.

⁵¹⁷) Акты Зап. Рос. III, № 19, § 33.

⁵¹⁸) См. *Владимірскаго-Буданова*. „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ XVI в.“ въ Кіевскомъ сборникѣ 1892 г., стр. 380, 371; *О. Леонтовича* „Крестьяне юго-западной Россіи“ въ Кіевск. Университ. Извѣст. 1863, № 11, 18—22.

Крестьянскія власти имѣли отношеніе къ такимъ повинностямъ, которыя были болѣе или менѣе общими для всего крестьянскаго населенія волости, въ родѣ, напр., работъ на господарской пашнѣ, лугахъ, на рѣкахъ и озерахъ, въ лѣсу и на дворѣ; то же самое и въ отношеніи натуральныхъ и денежныхъ податей, въ родѣ, напр., дьяка и дани. Но они мало или даже вовсе не касались разныхъ специальныхъ повинностей нѣкоторыхъ крестьянъ своей волости, въ родѣ, напр., осочницевой, ловецкой, псарецкой, конюшской, дойлидской, ковальской, клепацкой, рогатинницкой и другихъ служебъ, за отправленіемъ которыхъ слѣдили главнымъ образомъ дворные урядники. Впрочемъ, гдѣ население села или волости состояло изъ крестьянъ одной специальной службы, тамъ и крестьянскія власти вѣдали эту службу. Въ Городенскомъ повѣтѣ, напр., встрѣчаемъ сотниковъ, сорочниковъ и десятниковъ разныхъ специальныхъ служебъ⁵¹⁹⁾. Для того, чтобы представить яснѣе дѣятельность крестьянскихъ властей и дворныхъ урядниковъ по взысканію съ крестьянъ лежавшихъ на нихъ податей и повинностей, необходимо изобразить тѣ условія, среди которыхъ она могла развиваться, т. е. дѣйствовавшую въ Литовско-Русскомъ государствѣ систему обложенія податями и повинностями и въ связи съ этимъ устройство крестьянскаго землевладѣнія.

XXVII.

Литовско-Русское государство для цѣлей обложенія воспользовалось тѣми земельными единицами, которыя въ теченіе времени даны были естественнымъ развитіемъ семейно-родовой кооперации и совладѣнія крестьянъ⁵²⁰⁾. Понятное дѣло, что эти земельныя единицы не могли быть равными ни по размѣрамъ своимъ, ни по доходности. Сообразно съ этимъ и повинности пали на нихъ неодинаковыя. Не нужно только представлять себѣ, чтобы онѣ чрезвычайно разнообразились по своимъ размѣрамъ и доходности: существовала извѣстная средняя величина ихъ, въ которой онѣ болѣе или менѣе приближались, и которая вытекала изъ самаго происхожденія ихъ. Поэтому и

⁵¹⁹⁾ Акты Вилен. Археогр. Комиссіи, т. XVII.

⁵²⁰⁾ Какъ долго просуществовали въ крестьянскомъ быту Малороссіи родовая кооперация и совладѣніе землею, объ этомъ см., напр., въ статьѣ *И. В. Луцкаго* „Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи“. Сѣверный Вѣстникъ 1889, № 1, стр. 76.

въ наложеніи повинностей оказалось возможнымъ соблюсти известное равенство и, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи издѣльныхъ повинностей сдѣлать эти земельные участки единицами обложенія, т. е. требовать съ нихъ по одному ратнику на войну или по одному работнику для господарскаго хозяйства. Отсюда явилась и возможность параллельно съ числомъ крестьянскихъ участковъ вести счетъ и числу тѣхъ или другихъ „службъ“, которыя шли съ этихъ участковъ. Нетр равенство земельныхъ участковъ уравнивалось обыкновенно тѣмъ, что крестьяне, владѣвшіе большими участками, чѣмъ другіе, несли одну и ту же службу, въ добавленіе къ этой службѣ платили еще что-нибудь съ своей земли деньгами или натурою. Выше, при перечисленіи разныхъ разрядовъ крестьянъ и ихъ повинностей, было приведено не мало указаній на это. Такъ, напр., тяглые люди сверхъ издѣльныхъ повинностей, даяла и мезлевы давали иногда „шточъ меду“ до ключей; бортники сверхъ своихъ издѣльныхъ повинностей и дани медовой платили иногда даяло; конюхи сверхъ своей спеціальной службы давали иногда даяло, иногда еще дань грошовую, медовую и куничную, а иногда служили и тяглую службу; слуги панцырные сверхъ своей службы платили иногда и дань медовую и т. д. Бывали случаи и обратные, когда крестьяне, несли известную службу, отпращивали ее не сполна, такъ какъ ихъ участки были меньше другихъ и по размѣрамъ, и по доходности, напр., не на всѣ толоки выходили не давали даяла, которое вообще бралось съ этой службы, и т. д. Г. Бершадскій до известной степени правъ, говоря, что „подъ именемъ службы разумѣлась въ Литвѣ совокупность самыхъ разнообразныхъ по мѣсту и времени обязанностей, лежащихъ на томъ или иномъ участкѣ земли“⁵²¹⁾. Не нужно только было сразу начинать съ этого опредѣленія и опускать совсѣмъ изъ вниманія той средней нормы, къ которой приближались крестьянскія повинности, и которая называлась въ собственномъ смыслѣ „службою“.

Крестьянскіе земельные участки, бывшіе единицами обложенія, въ большей части областей Литовско-Русскаго государства не имѣли никакихъ спеціальныхъ названій, а назывались просто „землями“ съ прибавленіемъ имени крестьянъ, бывшихъ владѣльцами или представителями службы въ данное или прежнее время, или же какого-нибудь другого, уже чисто географическаго прозвища. Въ записной книгѣ пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Римегайлу

⁵²¹⁾ Киевская Старина 1888, № 10, стр. 93.

земля пустая у Сомилишской волости, наследова нѣтъ, не вонокормская; служить ему опришнюю службою, какъ и первые служивали⁵²²⁾. Въ 1494 году великій князь Александръ подтвердилъ людямъ Переломской волости Наровичамъ „землю пустовскую дяволную на имя *Римтишки* Бортной волости на особную службу“, которую имъ далъ намѣстникъ Переломскій⁵²³⁾. Король Сигизмундъ въ 1514 году подтвердилъ челоуѣву кривлянину Пышконтичу „землю пустовскую на имя *Туровщину*, которую жъ Костюкъ соволикъ держалъ, на особную службу“⁵²⁴⁾. Въ 1511 году тотъ же король подтвердилъ челоуѣву Остринской волости Богдану Сѣрковичу землю *Зубейновщину* въ Гореденскомъ повѣтѣ, которую далъ отцу его Сѣрку панъ Янъ Насута по призыванью короля Казимира „на особную службу и дякло“⁵²⁵⁾. Въ актахъ мы находимъ упоминаніе о доляхъ земель, изъ чего слѣдуетъ, что „землями“ въ этихъ случаяхъ назывались земельные участки, бывшіе единицами обложенія службою. Въ 1494 году великому князю Александру заявилъ писарь воеводы Виленскаго Миколая Радивиловича Сенько Тереховичъ, „штожь купилъ (съ дозволенья в. князя) въ мѣщанина смоленскаго въ Артема Клекота землю пашную и бортную и сѣножать, куплю его въ Дубровенскомъ пути, двѣ доли, на имя *Тугощичи*“; въ этому онъ добавилъ, „што жъ на третьей части тое жъ земли Тугощичье сѣдять... чолоуѣкъ на имя *Михайль* и зъ дѣтми и зъ братаничи своими“, и просилъ великаго князя пожаловать ему на вѣчность „чолоуѣка того зъ дѣтми и зъ братаничи и зъ данью и зъ берегомъ *бобровымъ*“. Великій князь уважилъ его просьбу и выдалъ ему на то особый листъ⁵²⁶⁾. Въ 1524 году король Сигизмундъ подтвердилъ дворянину Федору Лебедевичу полчетверты земли пустыхъ въ Лидскомъ повѣтѣ: „въ *Жывоглядовѣ* десятницствѣ на имя *Кирвелещину* а *Петковщину* зъ *Мацковщиною*, а въ *Онюшскомъ* приставницствѣ на имя *Горностаевщину* а *полземли Милойковщины*“⁵²⁷⁾.

„Земля“ въ смыслѣ единицы обложенія состояла изъ пахотной земли и различныхъ угодій, относительно которыхъ акты изучаемаго времени даютъ множество указаній. Такъ, въ книгѣ пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Федку *Копылу* земля а *бе-*

⁵²²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 5.

⁵²³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 16.

⁵²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 92.

⁵²⁵⁾ Ibidem, л. 42.

⁵²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 86.

⁵²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 182, 183.

режонъ въ той же земли, а чоловѣкъ Пасомовичъ“⁵²⁸). Ясно, что бережокъ принадлежалъ къ крестьянской землѣ, что подтверждается, впрочемъ, и прямымъ указаніемъ, приведеннымъ выше относительно Тугощницкой земли. Въ 1504 году король Александръ подтвердилъ дворянину своему Отыяну Шембелю „заи сосновыи и съ полемъ, што около того гаю“, который онъ купилъ у людей господарскихъ городянъ Оедца Кричевича, братанича его Гринца Есиповича, ихъ жонъ и дѣтей“⁵²⁹). Въ 1499 году Александръ пожаловалъ пану Войтеху Кучуковичу въ Ейшишскомъ повѣтѣ восемь пустошницъ конюшскихъ: Сойдуташи, Мустовишки, Биликишки и т. д. „съ пашными землями и въ гаи, и съ сѣножатми, и съ болоты и со всемъ по тому, што здавна къ тымъ землямъ прислухало“⁵³⁰). Въ 1506 году король Александръ подтвердилъ дворянину Ивашку Богдановичу Гостскому въ Овруцкомъ повѣтѣ чоловѣка Мартинца съ братьею „и съ землею пашною и бортною и съ сѣножатми и со всемъ съ тымъ, што тыи люди здавна завѣдывали и въ держаньи были“⁵³¹). Король Сигизмундъ въ 1526 году подтвердилъ на вѣчность боярину Яну Вербилу двѣ земли пустыхъ, Слековщину и Довешовщину, „съ полемъ оренными и сѣножатми, съ гаи и съ лѣсы, и съ рѣками, съ кустовелью и со всемъ съ тымъ, какъ ся тыи двѣ пустошницы въ себѣ кѣли“⁵³²). Къ „землямъ“, съ которыхъ полнились крестьянскія службы, „прислухали“ и бортныя деревья, которыя „подлазили“ крестьяне въ господарскихъ пуцахъ, при чемъ права крестьянъ оставались ненарушенными даже и тогда, когда эти пущи переходили во владѣнье въ частнымъ лицамъ. Такъ, подтвердивъ въ 1513 году пану Богушу Боговетиновичу имѣнья Топчигалы и Кошели въ Бѣльскомъ повѣтѣ, король Сигизмундъ написалъ въ своемъ привилеѣ: „А которыхъ людей нашихъ и людей боярскихъ въ той его границы дерево бортное звѣчное, то мають люди наши и боярскіи, кромѣ иншихъ пожитковъ, завѣдати по давному“⁵³³). Крестьяне около этихъ бортныхъ деревьевъ иногда разрабатывали явны и сѣножати, на которыя обыкновенно также привнавалось ихъ право, сохранявшееся за ними и при переходѣ лѣса въ частное владѣнье. Въ 1516 году король Сигизмундъ

⁵²⁸) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 36.

⁵²⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 244.

⁵³⁰) Ibidem, л. 140.

⁵³¹) Ibidem, л. 252.

⁵³²) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 317, 318.

⁵³³) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 573 - 575.

далъ писарю Коптю Васильевичу въ обмѣнъ на его имѣнье Гоцково имѣнье Вейсея съ прибавкою двадцати служебъ людей въ Переможскомъ повѣтѣ „въ данью медовою и въ скуничною и бобровою и житоною, со всеми тыхъ людей цынши, съ поборы, съ службами, въ рѣботами и въ ихъ уходомъ, и въ землями бчелными въ нашихъ лѣсахъ и пановъ и бояръ нашихъ, въ которыхъ здавна уходы суть“⁵³⁴). И наоборотъ: крестьяне, становясь частновладѣльческими, продолжали сохранять свои права на бортные деревья и земли въ господарскихъ пущахъ или островахъ (лѣсныхъ) наряду съ господарскими⁵³⁵). Въ концѣ концовъ выходило иногда и такъ, что крестьяне одного владѣльца имѣли „бортные ухожан“ въ лѣсахъ другого, какъ, напримеръ, упомянутого выше пана Богуса Боговитиновича⁵³⁶). Кромѣ бортныхъ деревьевъ, нивъ и сѣножатей, крестьяне имѣли иногда и другіе „ухожан“ въ господарскихъ лѣсахъ, которые съ теченіемъ времени признавались за неотъемлемую принадлежность земель, съ которыхъ они служили свою службу, и не отходили отъ этихъ земель въ случаѣ пожалованій лѣса въ частное владѣніе. Такъ, людямъ господарскимъ Вязовчанамъ и людямъ пана Олехна Сирутевича (очевидно, бывшимъ нѣкогда господарскими) вольно было въ ловахъ имѣнья пана Яцыничя Яворска „дрова и лыка брати и бѣлки ловити послѣ ловеня звѣрю Яцынина по тую границу, по которую они дерево свое бортное мають“; ихъ старыя нивы и сѣножати оставались непосредственными въ этихъ ловахъ послѣ пожалованья ихъ Яцыничу, только больше они не имѣли права припахивать⁵³⁷). Господарь вообще дозволялъ крестьянамъ и даже боярамъ эксплуатировать богатства своихъ лѣсныхъ пущъ, имѣя въ виду и собственные флансовые и военно-служебные интересы. Постоянная эксплуатация и давность ея перешла известное право лицъ, которое связывалось нераздѣльно съ землею, съ которой они служили, и оставалось нетронутымъ, когда и эта земля и господарская пуща переходили въ частныя руки, въ руки новыхъ владѣльцевъ. Такъ создались тѣ запутанныя отношенія по владѣнію и эксплуатации угодій, которыя подавали поводъ къ постановленнымъ тяжбамъ и регулировать которыя пытался девятый раздѣлъ Статута 1529 года. Кромѣ лѣса, права эксплуатация утверждались и по отношенію къ водамъ, рѣкамъ и озерамъ. Такъ, въ 1522 году 1 октя-

⁵³⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 628.

⁵³⁵) Литов. Метр. кн., Запис. XV, л. 10, 11.

⁵³⁶) Ibidem, л. 12.

⁵³⁷) Ibidem, л. 60.

боя король Сигизмундъ по жалобѣ тивуновъ и бояръ шляхты Жмудской земли писалъ старостѣ Жмудскому: „ажбы твоя милость въ пушчахъ и озерахъ и рѣкахъ входовъ и пожитковъ ихъ звѣчистыхъ мѣти не заборонялъ, нижи бы твоя милость казалъ лововъ нашихъ боронити, гдѣ ловливалъ великій князь Витовтъ и инни предкове наши“⁵³⁸). Въ господарскія рѣки и озера несомнѣнно имѣли „вступъ“ и крестьяне, которые платили дань господарю рыбою и носили специальное названіе рыболововъ.

„Земли“ въ смыслѣ единицъ обложенія не только въ древнее, но и въ изучаемое время находились большею частью во владѣніи крестьянскихъ семей или родовъ, которые только въ случаѣ своей малочисленности принимали къ себѣ въ „потужнихи“ стороннихъ людей и сообща съ ними отправляли возложенную на нихъ службу. Семейно-родовая кооперація и совладѣніе не только дали Литовско-Русскому земельныя единицы для обложенія, но и продолжали быть живыми силами, которыя выполняли требованія государственнаго обложенія. Указаній на это въ актахъ безчисленное множество. Король Александръ въ 1505 году подтвердилъ пану Феду Гавриловичу Мелешковича между прочимъ „одну службу въ Слонимскомъ повѣтѣ на имя Игната и его братью Матвеея и Зана Махновичовъ“⁵³⁹). Король Сигизмундъ въ 1507 году пожаловалъ Спасскому монастырю въ Смоленскѣ двѣ службы людей въ Касильской волости „на имя Павла съ братьею Кастрычиныхъ, а Зенова съ братьею Малетинныхъ“⁵⁴⁰). Въ 1516 году онъ подтвердилъ подскарбію дворному пану Ивану Андреевичу купленнаго имъ у боярина сомилишскаго Якуба Довеговича „чоловѣка его отчизного на имя Кгона и зъ его братьею зъ Ромашкомъ а зъ Бурдемъ, а зъ Якубомъ, а зъ Мидомъ, одну службу, со всею землею тыхъ людей“⁵⁴¹). Тотъ же король пожаловалъ дворянину Олахну Федоровичу Кривцу людей Стерговичей въ Оникштенскомъ повѣтѣ. Но братья этихъ людей Данъ Войшвилловичъ, Буйквиль Кголомоневичъ, Романъ Данюшовичъ, Мартинъ Малжучевичъ и Бутко Держевичъ не хотѣли было ему служить и быть послушными. Тогда, по приказанью короля, державца Оникштенскій панъ Юрій Григорьевичъ опытивалъ о томъ приставовъ и волость Оникштенскую, которые и показали, „ижъ тые люди—братья его людей Стерговичовъ и службу

⁵³⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 82—84.

⁵³⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 245, 246.

⁵⁴⁰) Акты Зап. Рос. II, № 23, II.

⁵⁴¹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 187.

съ ними передъ тѣмъ здавна одну служили и дѣла посполъ давали⁶⁴², въ чемъ сознались и сами виновники опроса. Панъ Юрій „водлугъ свѣдѣства волостного и ихъ сознанья“, велѣлъ имъ служить Бривцу, а король своимъ листомъ отъ 4 апрѣля 1525 года подтвердилъ это распоряженіе⁶⁴³). Въ данномъ случаѣ землею владѣла и служила съ нею одну „супольную“ службу разросшаяся крестьянская семья, или родъ. Но въ актахъ попадаются случаи, когда землю на особную службу беретъ одинъ крестьянинъ, очевидно, капиталистъ или же имѣющій много сыновей. Такъ, въ маѣ того же 1525 года король подтвердилъ конюху дворному Остринской волости Михну Нарушевичу „землю пустовскую конюшескую на имя Игуневелевщину“, которую ему далъ мѣстный державца „на особную службу“⁶⁴⁴).

На ряду съ этимъ и гораздо чаще мы встрѣчаемъ случаи, когда семья или родъ не справляются съ службой и принимаютъ къ себѣ стороннихъ людей въ „потужники“. Такъ, въ 1512 году король Сигизмундъ пожаловалъ Никольскому на р. Словишнѣ монастырю (въ Мозырскомъ повѣтѣ) „человѣка на имя Малая и съ его потужникомъ со Опонасомъ и съ Кондратомъ — одну службу“⁶⁴⁵). Намѣстникъ Аинскій панъ Яцко Ратомскій по приказанью короля обыскалъ боярину смоленскому Ивану Федоровичу Казарину „на хлѣбкормленье“ три службы людей: „Александра съ дѣтми у Кошчычахъ, а въ Кошелевичахъ Паялка Моисеевича *зъ братьею и съ потужники его*, а Микитыну Карловича“⁶⁴⁶). Въ 1532 году король Сигизмундъ разрѣшилъ дворянину Петру Гриньковичу купить и держать до воли господарской дворецъ въ Городенскомъ повѣтѣ на Зиновщинѣ, который держалъ „зъ данины“ господарской городничій и хоружій Витебскій Романъ Гарасимовичъ. Дворецъ этотъ заключалъ въ себѣ четыре службы „на имя: Васцовичы зъ дѣтми и зъ дядевичы; а Тимошину зъ братомъ Василевичы; а Опанасовичы и Нежковича *и зъ дѣтми ихъ и ихъ потужники Нецуковичы*, съ Омельяновыми пасынки; а Ондрейца Моисеевича зъ дѣтми и зъ дядевичы, Гриньцомъ Ивановичомъ а съ Яцкою Богдановичомъ“⁶⁴⁷). Потужники вообще постоянно отличаются отъ „братья“ въ широкомъ смыслѣ (родственниковъ),

⁶⁴²) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 218, 219.

⁶⁴³) Ibidem, л. 229.

⁶⁴⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 145.

⁶⁴⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 178, 179.

⁶⁴⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 101.

изъ чего слѣдуетъ, что подъ этимъ именемъ разумѣются сторонніе люди, принятые въ товарищество по владѣнію землею и несенію съ нея повинностей. Такъ, король Александръ пожаловалъ пану Войтеху Яновичу въ 1504 году нѣсколько людей въ Волковійскомъ повѣтѣ „и зъ ихъ братьею и съ потужниками ихъ, съ суполными службами тыхъ людей“ ⁵⁴⁷⁾. Король Сигизмундъ въ 1523 году подтвердилъ на вѣчность дворянину Янушеу Богдановичу Сопѣжича восемь служебъ людей въ Василишскомъ повѣтѣ: „въ Бавштахъ Якова Прокориловича, Иваша Говеновича, Пацка Корейвича а Радка Риморовича, а въ Заболотьи люди—Сенка Кудиновича, Хилимона Купигоровича, Яца Старчевича, Давыда Кубельника и съ братьею и съ потужниками ихъ, которыми они тую осмь служебъ здавна служывали и дяколь тежъ осмь Троцкихъ, какъ передъ тымъ давали, такъ и теперъ даютъ, по полторы бочки жыта а по полторы овса“ ⁵⁴⁸⁾. Положеніе потужниковъ разъясняетъ одно судебное дѣло, разбиравшееся въ Полоцкой землѣ въ 1533 году. Воеводѣ Яну Юрьевичу Глѣбовича жаловался человекъ господарскій полоцкій изъ Сомина, Горасимко Ходотовичъ, на человека господарскаго Саву Денисовича, „што жъ онъ держитъ землю мою отчизную, а мнѣ ее поступитися не хочетъ“. Сава по этому поводу далъ такое объясненіе: „То земля не твоя отчизная, але зъ вѣковъ моя отчизна, нижли предки мои припустили къ той земли отца и дядка твоего Отрохима, ажбы имъ у службѣ помогали. Ино отецъ твой Ходотъ умеръ, а дядко твой Отрохимъ часу валеchnого съ тое земли пошолъ прочъ, и што онъ, на той земли живучы, земли розробилъ и дерева придѣлалъ, и я ему за то и посилье его, полтину грошей заплатилъ, и тую землю, отчизну мою, держу и службу съ нею суполную службу и поплатки плачу, якъ и передъ тымъ съ тое земли бывало“. На это объясненіе Горасимко возражалъ: „я того не вѣдаю, естли предки твои отца моего припустили къ той земли, одно я вѣдаю, што на той земли отецъ мой до живота своего жылъ, а я ее зъ отчизну ницу“. Но воевода однако оправилъ Саву Денисовича, показаніе котораго было подтверждено „мужами тамошними“, при чемъ въ мотивировкѣ своей резолюціи поставилъ особенное удареніе на томъ, что „предки того Савы добровольне были къ той земли отца его: припустили для помоганья собѣ службы, и якъ дядко его съ тое земли

⁵⁴⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V. л. 306 308.

⁵⁴⁸⁾ Лит. Метр. кн. Запис. XII, л. 133, 134. Срав. И. В. Лучинкало „Займанщина и формы замочнаго владѣнія въ Малороссіи“ въ Юридическомъ Вѣстникѣ, 1890, т. I, стр. 398, 399.

полю, и онъ и посилье его ему заплатилъ, а съ тое земли службу супосильную служить и поплаты платитъ“⁵⁴⁹). Значить, въ томъ случаѣ, когда потужниковъ присаживало къ отчичамъ начальство для помощи, когда безъ нихъ служба не могла полниться, и они долгое время, оцѣи и дѣти, засиживались на доли съ отчичами, то въ такихъ случаяхъ и потужники дѣлались совладѣльцами кореннымъ отчичамъ и сами становились отчичами. Вотъ почему нерѣдко жаловались они вмѣстѣ съ отчичами на вѣчность частнымъ лицамъ, какъ необходимая принадлежность той земли, на которой они осѣли. Кромѣ того, потужники могли дѣлаться владѣльцами и въ тѣхъ случаяхъ, когда по воле отчичей часть земли, съ которой шла одна служба, и въ силу этой покупки становилась потужниками. Но, какъ мы видѣли, потужники могли и не быть владѣльцами той земли, которую обрабатывали, а только пользователями ея въ известной долѣ. Не при такой ли крестьянской ассоціаціи и возникъ классъ крестьянъ-*господарей* въ Малороссіи⁵⁵⁰?

Приведенное судебное дѣло важно и въ томъ отношеніи, что даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію того, какимъ образомъ происходило иногда, что съ одной „земли“ шла не одна, а нѣсколько службъ. Такъ, королева Елена пожаловала боярину Яну Вербилу семь службъ людей въ Бяненской волости „и съ тими землями, на которыхъ тии люди сидятъ, на имя Котишки а Талейкишки“⁵⁵¹). Здѣсь на одну землю приходится среднимъ числомъ по три съ половиною службы. Очевидно, — судя по названію, — эти двѣ земли находились нѣкогда во владѣніи двухъ крестьянскихъ семей, которыя служили съ нихъ двѣ службы. Увеличиваясь численно естественнымъ путемъ или принимая къ себѣ потужниковъ, эти семьи все болѣе и болѣе разрабатывали пустой господарской земля, расширяя такимъ образомъ свои отчины. Правительство въ цѣляхъ поощренія земледѣльческой культуры долгое время не прибавляло имъ службы, подобно тому какъ давало оно „слободы“ всѣмъ вообще крестьянамъ, разрабатывавшимъ пущи и заводившимъ пашни на сыромъ корню. Когда же прошло достаточное время, хозяйство на расширенныхъ крестьянскихъ участкахъ установилось прочно и вмѣстѣ съ тѣмъ наличное количество рабочихъ рукъ стало многочисленнымъ, правительство, не развѣив

⁵⁴⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 214, 215.

⁵⁵⁰) О. Леонтовича „Крестьяне юго-западной Россіи“ въ Киевѣ. Университетскія Извѣстія 1868, № 10, стр. 27, 28.

⁵⁵¹) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 317, 318.

самихъ участковъ на болѣе мелкіе и принимая ихъ по прежнему за двѣ „земли“, наложило на нихъ болѣе служебъ, вмѣсто двухъ—семь. Въ актахъ, впрочемъ, встрѣчаемъ случаи и распаденія такихъ земель на самостоятельныя единицы обложенія. Такъ, въ записной книгѣ земельныя пожалованія короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Яцку Викгайловичу призволилъ (великій князь Казимиръ) земли половицу купити у Тричелевичохъ, а Тричелевичи и съ половины така имають намъ служити у Вилькійской волости, а Яцко и съ купли, и съ (той) половицы, также имають намъ служити опришчею службою, какъ и Тричелевичи“⁵⁵²). Такимъ образомъ, земля разбилась здѣсь на два самостоятельныхъ участка, съ которыхъ вмѣсто одной пошли двѣ службы. Такимъ же путемъ дробились на отдѣльныя службы крестьянскіе роды и семьи и въ частныхъ имѣніяхъ. Въ 1516 году король Сигизмунду заявлялъ панъ Богущъ Боговитиновичъ, что онъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ держалъ своихъ людей, пожалованныхъ ему королемъ Александромъ, такъ, какъ они къ Цунамъ служили; но такъ какъ эти люди, „служаши ему лѣсу его зъ его дозволеньемъ не мало розробили“, то онъ, „хотячи собѣ съ того пожатоу учинити и розширити подлѣ привилія короля Александра“, приказалъ, — „гдѣ волве въ которой службѣ будетъ колько братанчовъ або братовъ, або сыновъ жонатыхъ, и онъ казалъ тымъ подѣлится, на особныя службы казалъ поити“. Панъ на всякій случай, — еслибы люди захотѣли вымываться изъ его подданства, просилъ короля вписать ихъ имена въ подтвердительный листъ, который король и выдалъ ему⁵⁵³). Расширеніемъ отчины путемъ разработки прилегающей пустопорожней земли можно объяснить и тѣ случаи, когда крестьянская семья или родъ служить не одну, а нѣсколько служебъ. Такъ, король Александръ пожаловалъ „до своее воли“, а король Сигизмундъ въ 1508 году подтвердилъ „въ отчину“ дворянамъ Василью и Ивану Глѣбовичамъ Корсаковичамъ съ братьею „люди въ Полоцкомъ повѣтѣ на Порванѣ зъ имя Селивестра съ тремя сынами и пята братанчи его, съ которыми же людей идеть четыре службы“⁵⁵⁴). Впрочемъ, это могло произойти и отъ того, что сильная экономически крестьянская семья или родъ сверхъ своей отчины брали на „особную“ службу и другіе земельные участки, которые пустѣли по сосѣдству.

⁵⁵²) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 5.

⁵⁵³) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 122.

⁵⁵⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 203.

Что касается самой формы владѣнія и пользованія крестьянскими участками, съ которых шли „службы“ господарю, то она была различна. Крестьянскіе роды владѣли и пользовались своими папшинами и угодьями нерѣдко сообща. Въ 1513 году король Сигизмундъ пожаловалъ пану Ивану Зеновьевичу двухъ людей тиглыхъ „у Лепуньскомъ повѣтѣ у Прибанѣхъ“, Сенька Довшевича съ братьею и Монка Башиловича съ братьею. „А повѣдилъ намъ, — гласитъ привилей короля, — што жъ тыи люди въ братьею своею *недѣлены* и двѣ службы намъ служить и дякла намъ и тежъ штоось троха меду дають“⁵⁵⁵). Въ 1516 году король Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность тивуну Тондигольскому Миколаю Володеевичу, „што купилъ у слугъ путныхъ Тондигольскихъ на имя у Войдата Судимонтовича и въ его братаничовъ, у Пашка а въ Миклоша Юрьевичовъ, у въ Юрца Стеввиловича, а въ Нада Стевговича, землю отчизную *сумтскую*“⁵⁵⁶). Въ 1523 году король пожаловалъ тивуну Дирванскому Венцлаву Бартошевичу четыре службы людей таглыхъ „у Жомонтской земли Телешовской волости у Неворонахъ на имя Мицва Дырегайловича а Дрокгейтиса, а Петра Рогьотойтиса, а Кгендра *и изъ братьею недѣленною и въ сыни*“⁵⁵⁷). Въ томъ же году бояринъ Ейшишскаго повѣта Янъ Миколаевичъ выпросилъ у короля землю пустовскую Невѣровщину въ томъ же повѣтѣ, исторія которой, по словамъ королевской грамоты, была такова: „а одну службу намъ съ нее служили, а были дей между собою *недѣлмы*, а потомъ дей они змерли, а тая дей земля отъ волкосъ десять лѣтъ пуста лежить, а службы дей съ нее и дачи никоторее нѣтъ“⁵⁵⁸). Общее владѣніе и пользованіе землею не разрушалось иногда и въ томъ случаѣ, если крестьянская семья или родъ принимали въ свою среду сторонникъ людей, которые въ этомъ случаѣ назывались *сябрами*, какъ и другіе совладѣльцы-родственники. Что у крестьянъ бывали также сябры, какъ и у бояръ и у мѣщанъ, объ этомъ узнаемъ, напр., изъ подтверждательнаго привилея великаго князя Александра, выданнаго пану Юрью Зеновьевичу на землю Щолвенскую, которую онъ купилъ у людей Полоцкаго повѣта „въ Харпшыхъ дѣтей на имя въ Зенова и въ братьи его, у Василя а въ Янова—обель вѣчно“: „такежъ въ той его земли купленою Щолвенской,

⁵⁵⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 68.

⁵⁵⁶) Ibidem, л. 189.

⁵⁵⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 89.

⁵⁵⁸) Ibidem, л. 123.

—гласить листъ великаго князя,—сѣдять сябры тыхъ людей, што ему тыи земли продали, на имя Тречевичи: Кгренти зъ братомъ Матеємъ, а Докути, а Петръ, а Евнейко“. Любопытно, что великій князь подтвердилъ пану Юрью не только купленную имъ у Харинныхъ дѣтей землю, но и „сябры тыхъ людей Тречевичовъ“⁵⁵⁹). Доли сябровъ, умершихъ безъ наслѣдниковъ, какъ и доли родичей, переходили къ тѣмъ людямъ, съ которыми они были совладѣльцами. Въ 1495 году намѣстнику Витебскому князю Михаилу Ивановичу донесли на гостмирцовъ Ивана, Еска и Ивана, „што жъ они держать за собою служебную землю на имя Грицевщину опричь своее отчизное земли“. Намѣстникъ послалъ боярина витебскаго Илью Мостычина расслѣдовать дѣло на мѣстѣ. Гостмирцы заявили этому посланному: „нѣтъ, господине, подъ нами служебное земли, отчизну свою держимъ, а тотъ, господине, Гриць сябрь былъ отца нашего, на нашей отчизной земли жилъ“. „Свѣтви“, представленныя гостмирцами, повѣдали боярину также согласно съ этимъ заявленіемъ: „мы, господине, за Койцовича (намѣстникъ Витебскій въ пятидесятихъ годахъ XV столѣтія) помнимъ, а службы есмо не видали а ни слыхали съ тое земли“. Наконецъ, тивунъ старый Львовъ, котораго бояринъ также допрашивалъ по этому дѣлу, сказалъ: „я, господине, держалъ въ Любашковѣ тивунство съ шестьдесятъ лѣтъ, а съ тое Грицовщины не вѣдалъ есмо на службу ходечы“. Въ виду такихъ показаній намѣстникъ оправдалъ Гостмирцовъ, взялъ у нихъ пересудъ и землю имъ подалъ „тую Грицевщину, ихъ отчизну“⁵⁶⁰). Такимъ образомъ, г. Лучицкій совершенно правъ, выводилъ институтъ сябровства изъ родового или, какъ оны выражается, семейно-общиннаго землевладѣнія и приравнивая его саму послѣднему⁵⁶¹). Крестьянскіе сябры по актамъ встрѣчались намъ въ Витебской и Полоцкой земляхъ; г. Лучицкій доказалъ существованіе ихъ въ Чернигово-Сѣверской землѣ, такъ что можно предполагать существованіе ихъ и въ другихъ областяхъ великаго княжества.

Крестьянскіе семьи и роды владѣли своими отчинами иногда и раздѣльно и только сообща служили съ нихъ службу. Въ 1522 году король Сигизмундъ пожаловалъ боярину Ковенскаго повѣта Николаю Кннейтовичу землю пустовскую въ Ковенскомъ повѣтѣ Довятовщину: „а съ тое дей земли—читаемъ въ привилей короля,—одна служба и

⁵⁵⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 158.

⁵⁶⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 66.

⁵⁶¹) См. его статью „Сябры и сябриное землевладѣніе въ Мадорессіи“ въ Сѣверномъ Вѣстникѣ 1889, № 1 и 2.

дьяло бывало, нижели дей чотыры брата, отчичи тое земли, подѣляли были на четверь тую землю и однакъ таки съ тое земли одну службу служыли и дьяло одно давали⁵⁶²). Иногда такая подѣленная земля снова объединялась въ однихъ рукахъ, когда вымирали или отходили прочь съ своихъ дѣльницъ отчичи ея. Такъ, въ 1507 году король Сигизмундъ пожаловалъ тивуну Троцкому Михну Ивановичу землю пустовскую Волчковщину, исторія которой была такова: „Волчко мѣлъ чотыри сыны на имя Кгойлюша а Вешка, а Нацуса, а Петкуса; ино дей тые сынове его по животѣ отца своего роздѣлили были тую землю на четверо, а потомъ дей тры брата тыхъ вмерли, Вешкусъ а Нацусъ и Петкусъ, а тотъ дей четвертый братъ ихъ Кгойлюшъ одинъ таки тую землю держалъ, и затымъ и тотъ Кгойлюшъ вмеръ“⁵⁶³). Въ 1512 году королю Сигизмунду билъ челомъ служебникъ Городенскаго повѣта Юшко Глѣбовичъ, которому король ранѣе того далъ землю пустовскую Илковщину, и повѣдалъ, „ижъ дей дядко того Ила на имя Тимошъ сѣдѣлъ на нѣкоторое части тое земли и вжо дей тотъ Тимошъ давно умеръ, а дѣти дей его съ тое земли пошли прочь и тая дей земля тыми разы пуста лежить, а службы намъ съ нее нѣтъ“; вслѣдствіе этого Юшко просилъ короля дать ему землю Тимошевщину въ той его землѣ Илковщинѣ „на особную службу“, потому что это была прежде одна земля. Король уважилъ его просьбу, и такимъ образомъ раздѣленная земля снова объединилась во владѣніи одного хозяина⁵⁶⁴). Но слѣды дѣленія переживали иногда самую раздѣльность владѣній, сохраняясь въ названіяхъ отдѣльныхъ частей крестьянскаго участка. Въ 1511 году король Сигизмундъ подтвердилъ боярину жолудскому Гринку „землю пустовскую въ Жолудскомъ повѣтѣ на имя Ганцевщину а Миковщину“, данную ему до господарской воли намѣстникомъ Жолудскимъ: „а повѣдалъ намъ“,—гласить привилей королевскій,—што жъ то земля одна, нижели дей на ней два брата сидѣли и одну службу служили, а тую землю мѣли *недѣльну*“⁵⁶⁵). Сплошь и рядомъ, однако, дѣленіе устанавливалось прочно, хотя служба продолжала числиться и отправляться со всей земли сообща. Для такихъ частей земель существовало и особое названіе—*слѣдъ*. Въ 1475 году король Казимиръ пожаловалъ пану Михаилу Кезьгайловичу землю подъ Андрейвомъ, Наумовымъ братомъ, въ Новгородскомъ повѣтѣ, которую далъ этому

⁵⁶²) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 34.

⁵⁶³) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 180.

⁵⁶⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 60, 61.

⁵⁶⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 144. Срав. кн. Запис. XVI, л. 54—58.

Андрейку панъ Юшко Кгойцевичъ безъ воли господара. „А передъ тѣмъ таѣ земля,—читаемъ въ записи пожалованья,—одна была, а нинѣ подѣлена на пять слѣдовъ: подъ тѣмъ Андрейкомъ три слѣды а подъ Демяномъ и подъ Онципоромъ два слѣды“. Въ то же время король пожаловалъ пану Михаилу „путного человекѣ на имя Терениу зъ двѣма слѣды, а тѣе два слѣды далъ Терени великій князь Витовтъ противъ его отчины“ ⁵⁶⁶). Въ 1524 году король Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность пану Шимку Мацковичу земли пустовскія въ Остринскомъ повѣтѣ, которыя ему даны были уже раньше, и въ исторія увязалъ его панъ Александръ Ивановичъ Ходкевича, державца Остринскій, при чемъ въ подтвердительномъ привилеѣ помѣтилъ: а што ся дотычетъ тое земли Пацковщины, панъ Александръ тое Пацковщину и Головщину землю ему за одну землю далъ, для того, штожь дей то были два слѣды, а служба одна“ ⁵⁶⁷). Владѣльцы слѣдовъ, такимъ образомъ, несли не цѣлую службу, а только часть ея, помогали другимъ владѣльцамъ слѣдовъ той же земли нести лежащую на всей землѣ службу. Въ 1534 году воеводѣ Полоцкому жаловался человекѣ господарскій Корнило Якубовъ на Максима, попа церкви дворной въ Полоцкѣ св. Троицы, „изъ онъ слѣдъ Онаньинъ, который же есть близъ Кость-наша, держитъ, а въ службѣ намъ, которая съ тое земли бывала, помогати не хочеть“. Попъ заявилъ, что слѣдовъ этотъ пожалованъ на церковь еще королемъ Александромъ „на противку огорода тоежь церкви святое Троицы, который принятъ на вляшторъ святого Бернадина“, и съ тѣхъ поръ съ этого слѣда никакой службы не бывало, въ доказательство чего представилъ и листъ короля Александра. Но воевода, однако, не учинилъ конца дѣлу, а отложилъ его до господара: „маемъ его милости пытати,—написалъ онъ въ судебномъ протоколѣ: которые земли предки его милости и тежь его милость на деревни подавали, съ которыхъ передъ тѣмъ которые службы бывали, естли и теперъ съ тыхъ земль тежь службы по старому мають быти або на“ ⁵⁶⁸). Воевода былъ, очевидно, въ недоумѣнн въ виду дѣйствующаго права относительно слѣдовъ и королевскаго пожалованья. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно вмѣстѣ съ тѣмъ, что слѣды въ извѣстномъ отношенн становились земельными единицами, удерживая достойное названн и поступая даже въ раздачу стороннимъ владѣльцамъ. Крестьяне въ актахъ являются также нерѣдко со слѣдами,

⁵⁶⁶) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 30.

⁵⁶⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 145.

⁵⁶⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 237.

а не съ землями—службами. Такъ, отъ 1495 г. имѣемъ листъ великаго князя Александра, коимъ онъ утвердилъ за писаремъ своимъ Ивашкомъ Сопѣжичемъ имѣнье, полученное имъ въ обмѣнъ отъ Васка Сопѣжича,—половину Опакова „со всемъ съ тѣмъ, што ся ему въ дѣлу достало, коли дѣлился съ братьею своею людьми и данничи, зъ данни медовыми и грошовыми, и куничными, и слободичы, и съ посажаны, и литву, зъ ихъ землями пашными и бортными и зъ сѣножатми и со всеми ихъ *слѣды* и входы и пожитви и платы, и зъ торгомъ и зъ мытомъ Опаковскимъ“⁵⁶⁹). Изъ этого отрывка подтвердительной грамоты видно вмѣстѣ съ тѣмъ, что раздѣлу подлежали и угоды, которыя и соозначаются въ понятіи слѣда. На это, впрочемъ, можно найти и прямыя указанія: при Казимирѣ бояринъ Опшенской волости Ялубъ Милошевичъ продалъ Вежгайлу Ивашевичу „слѣдъ челоуѣка своего отчинного на рѣцѣ на Или, нивы и сѣножати и часчи, бобровне гоны по рѣцѣ по Или и рыба ловити“⁵⁷⁰). Конечно, нѣкоторыя угоды не могли въ собственномъ смыслѣ дѣлиться, и вмѣстѣ съ слѣдомъ передавалось только право на известную долю шедшихъ съ нихъ „пожитковъ“, на участіе въ ихъ эксплуатаціи.

Г. Владимірскій-Будановъ въ своей статьѣ „Помѣстья Литовскаго государства“ объяснилъ „слѣдъ“ такимъ образомъ: „Слѣдомъ называется участокъ, обрабатываемый силами одного челоуѣка; самое названіе происходитъ отъ обработки, составляющей признакъ (слѣдъ) присутствія и культурной дѣятельности челоуѣка“; „слѣдъ есть всегда участокъ одного челоуѣка“⁵⁷¹). Приведенныя выдержки источниковъ относительно слѣдовъ показываютъ, какъ мало подходитъ къ дѣйствительности такое опредѣленіе. Слѣдъ могъ быть участкомъ и не одного челоуѣка (разумѣя его даже въ смыслѣ семьи), а нѣсколькихъ, равно какъ и одинъ челоуѣкъ могъ владѣть нѣсколькими слѣдами. Это не постоянная кабая-нибудъ величина, а мѣняющаяся сообразно съ тѣмъ, на сколько отдѣльныхъ частей распалась земля, съ которой шла одна служба. Самое этимологическое объясненіе названія „слѣдъ“ слишкомъ искусственно у г. Владимірскаго-Буданова. Гораздо проще вывести это названіе изъ самаго процесса дѣлежа общей пашни или сѣнокоса, какъ онъ происходитъ у крестьянъ и по сіе время; крестьяне или проводятъ борозду, или же простой слѣдъ (на лугахъ) по

⁵⁶⁹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 24.

⁵⁷⁰) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 74.

⁵⁷¹) Читанія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. III, стр. 67, 68.

намѣченной глазомъ линіи. Что слово „слѣдъ“ указываетъ на дѣлежъ земли, объ этомъ можно заключить и по тому, что слово „слѣдъ“ употребляется иногда взаимѣнь слова „дѣльница“⁵⁷²⁾.

Въ Смоленской землѣ части „земель“ назывались *вытями*. Король Сигизмундъ, подтвердивъ въ 1510 году монастырю св. Троицы въ Смоленскѣ землю пашную и бортную, бобровые гоны и сѣножати, записанные монастырю однимъ изъ его старцевъ, Варсонофіемъ Гольцовымъ, а имъ въ свою очередь купленные „съ дозволеньемъ господарскимъ“ у одной мѣщанки смоленской, прибавилъ къ подтвержденью: „и што тежъ зъ иишихъ вытниковъ, которые жъ люди зъ ними туу землю мѣли и по той земли посполу бобровые гоны гонивали и давали до казны по дванадцати грошей, и то есмо имъ на церковь Божью къ тому жъ манастырю Святой Троицы пожаловали“⁵⁷³⁾.

Въ Волынской землѣ и Турово-Пинскихъ княжествахъ земельные участки, бывшіе единицами обложенія, назывались *дворищами*, указывая тѣмъ прямо на свое происхожденіе отъ той совокупности земель и угодій, доторая эксплуатировалась крестьянскою семьей или родомъ, жившимъ на одномъ дворѣ. О такомъ значеніи дворищъ, объ ихъ составѣ и формѣ владѣнія ими написана въ недавнее время обстоятельная статья г. Владимірскимъ-Будановымъ, помѣщенная въ „Кіевскомъ Сборникѣ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая“. Изъ этой статьи, къ которой мы и отсылаемъ читателя, съ полной ясностью можно убѣдиться въ томъ, что дворище представляетъ во всемъ аналогію съ описанною въ настоящемъ очеркѣ „землею“, какъ единицею обложенія. Типъ земельныхъ участковъ, служившихъ единицами обложенія, былъ во всѣхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства болѣе или менѣе одинаковъ, различаясь только особою терминологіею, смотря по мѣстностямъ. Въ Волынской землѣ и Турово-Пинскомъ Полѣсьѣ земельные участки крестьянскихъ семей и родовъ назывались дворищами. Такъ какъ г. Владимірскій-Будановъ привелъ въ своемъ изслѣдованіи факты, относящіеся преимущественно къ Полѣсью, то въ настоящемъ очеркѣ можно будетъ ограничиться свидѣтельствами источниковъ, показывающими, что дворища были единицами обложенія и въ Волынской землѣ. Въ 1495 году великій князь Александръ далъ дьяву Манцу Калусовскому три дворища „села Вербична у Володимирскомъ повѣтѣ въ Туриску“ съ людьми и со всѣми ихъ зейлями и угодыми, со всѣми ихъ повинностями и платежами, взаимѣнь той земли, которая взята была у

⁵⁷²⁾ Археографическій Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. II, № I.

⁵⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 336—338.

него подъ мѣсто Высокое въ Дорогичскомъ повѣтѣ и размѣрена на волоки ⁵⁷⁴). Въ 1498 году Александръ далъ землянину волинскому Олизару Петрашковичу Трескѣ „двѣ дворища въ Луцкомъ повѣтѣ въ Городени на имя Кракосовское а Лашовское вѣчно ему самому и его жонѣ, и ихъ дѣтемъ, и напотомъ будучимъ ихъ счадкомъ со всимъ по тому, што здавна къ тымъ дворищомъ слушало“ ⁵⁷⁵). Въ томъ же году пожаловано было дворянину Ивашку Пышневичу пять дворищъ въ Песочномъ въ Мельницкой волости Луцкаго повѣта: „а повѣдалъ намъ,—гласить привилей в. князя,—што жъ тыи дворища суть даннии, а давали намъ чотыри ведра меду прѣсного, а съ того пятого дворища служба путная служивана“ ⁵⁷⁶). Въ 1512 году король Сигизмундъ подтвердилъ князю Константину Ивановичу Острожскому „два дворища служебныхъ у Кремьяницкомъ повѣтѣ на имя Мокрое а Костенець“, данныхъ ему королемъ Александромъ ⁵⁷⁷). Въ 1524 году тотъ же король пожаловалъ дворянину Василью Семеновичу Нечаю четыре дворища пустыхъ въ Супуновѣ въ Кременецкомъ повѣтѣ ⁵⁷⁸). Въ 1532 году Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность князю Михаилу Ѳедоровичу Козечичу имѣние Мокрець въ Турійской волости Владимирскаго повѣта, въ которомъ было пять дворищъ съ людьми, а шестое пустое, „на имя: Бѣляговское, Ходоровское, Копелевское, Дегтеревское, Михновское, Борчмишское“, и кромѣ того придалъ ему два дворища бобровниговъ, „Васила а Игната, а Ивана зъ братьею ихъ и зъ ихъ службами и зъ землями“ тамъ же, въ Мокрець. Привилей подробно описываетъ и самый составъ дворищъ: „а дали есьмо ему тые вси вышечисанные дворища въ Мокрецы зъ людьми и зъ ихъ землями пашными и борными и сѣножатями, и зъ лѣсы: съ боры, зъ дубровами, зъ гая, зъ дубники, зъ лядищи, зъ паствами и выгоны, зъ ловы звѣрынными и съ пташьими, а съ соколы гнѣзды, и зъ ловищы, и зъ рѣвами и зъ рѣчками, съ потоки, ставы, ставищы, зъ млыны и ихъ вымелки, зъ бобровыми гоны и береги и зъ зеремены, зъ даннии грошовыми и медовыми, и куничными, бобровыми, съ цыншы, платы, повозы и поводы и со всеми иными доходы и поплаты, которыи и въ стародава съ тыхъ вышечисанныхъ дворищъ и людей и земль ихъ на насъ и на предковъ нашихъ шли“ ⁵⁷⁹).

⁵⁷⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 55.

⁵⁷⁵) Ibidem, л. 105.

⁵⁷⁶) Ibidem. л. 109.

⁵⁷⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 40.

⁵⁷⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 149.

⁵⁷⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 105, 106.

Терминъ „дворище“ употреблялся и въ другихъ мѣстностяхъ Литовско-Русскаго государства, но не въ томъ значеніи, какъ въ Волынской землѣ и Полѣсьѣ, а въ значеніи усадебной земли. Такъ, въ 1498 году великій князь Александръ пожаловалъ пану Юрью Зеновьевичу дворище и огородъ въ мѣстѣ Браславскомъ ⁵⁸⁰). Въ 1520 году, когда король Сигизмундъ пожаловалъ дворянину Федору Бакѣ сельцо Ясеновичое—двѣнадцать служебъ людей, войтъ, бурмистры и радцы мѣста Волковыйскаго заявили ему, „штожь дей нѣкоторые люди того сельца дома и дворища свои звѣчные въ мѣстѣ напомъ (господарсвемъ) Волковыйскомъ мають, а такъ дей въ селѣ земли собѣ позакупаи“ ⁵⁸¹). Изрѣдка, впрочемъ, слово „дворище“ въ томъ же значеніи, какое оно имѣло на Волыни и Полѣсьѣ, попадаетъ въ актахъ, относящихся къ соедѣней съ Полѣсьемъ области Черной Руси, т. е. къ повѣтамъ Новгородскому и Городенскому. Въ 1515 году королю Сигизмунду билъ челомъ князь Федоръ Михайловичъ Чорторыйскій и просилъ у него „людей и дворищъ въ Новгородскомъ повѣтѣ, слугъ путныхъ на имя: Миленевича а Михалковича, а Малышевича, а Ходоровича, а Горбачевича; а въ Кореличохъ Новгородскаго же *стязу* шести служебъ дворищъ татарскихъ: Юхна Мосыревича а Болота Кожича, а Разлуковичовъ, а Тулатовичовъ, а Великовичовъ, а Шиломановичовъ; а трехъ дворищъ Садовницкихъ съ людьми: Тереховичовъ а Коваречичовъ, а Медвѣдичовъ“. Король пожаловалъ ему всѣ эти дворища, выговоривъ только для татаръ право служить ему по доброй волѣ: „а всхотать ли съ тыхъ земель сойти прочъ, тогда онъ маєт ихъ съ тыхъ земель спустити, не гамуючы“ ⁵⁸²).

Въ Смоленской землѣ въ такомъ же значеніи, какъ дворище въ Волынской, выступаетъ по актамъ *сельцо* и *селище*. Очевидно, что населеніе разбросано было здѣсь преимущественно мелкими поселками въ два, три, пять, много десять дворовъ, въ которыхъ жили родственники или потужники, несшіе одну службу, вслѣдствіе чего и „сельцо“ является здѣсь равнозначащимъ „службѣ“, „землѣ“ и „дворищу“. Съ такимъ значеніемъ намѣчается сельцо даже по краткимъ записямъ пожалованій короля Казимира. Такъ, въ 1452 году въ Смоленской землѣ дано было Ивашку Юрову „сельцо Мордвиново на Вехрѣ; пусто дей, а онъ отчины не держитъ своее; ино, будеть-ли пусто, а не

⁵⁸⁰) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 77.

⁵⁸¹) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 34. Срав. кн. Запис. XVI, л. 175, 176.

⁵⁸²) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 200. Срав. кн. Запис. X, л. 85.

данное“⁵⁸³). Въ 1494 году писарь воеводы Виленскаго Сенько Тереховичъ выпросилъ у короля сельцо Золотовичи въ Дубровенскомъ пути, въ которомъ жили люди господарскіе Гридко Мартиновичъ и Жданецъ Антоновичъ съ братьею. Всего было въ сельцѣ десять избъ, изъ которыхъ пять принадлежали отчичамъ, а пять людямъ прихажимъ, дольничкамъ ихъ, и со всѣхъ нихъ шла одна панцирная служба⁵⁸⁴). Въ 1495 году великій князь Александръ пожаловалъ боярину смоленскому Ивану Федоровичу Плюскову два сельца въ Смоленскомъ повѣтѣ „въ двѣма службами“—Оняковыхъ и Скубятинныхъ⁵⁸⁵). Въ томъ же году великій князь пожаловалъ дворянина Васка Софѣжича „селцомъ въ Мощини на имя Дубровки съ однимъ человекомъ на имя Павелцомъ Кулаковымъ и съ землею пашною и бортною“⁵⁸⁶). Ему же великій князь пожаловалъ до очищенія отчины его отъ непріятеля Московскаго два сельца въ Дубровенскомъ пути, Хоминичи и Шишолово: „а повѣдалъ намъ,—гласить листъ великаго князя,—што жъ дей ты люди двѣма службами намъ служить, а дани намъ дають одну кадъ меду“⁵⁸⁷). Въ 1495 году великій князь пожаловалъ городничему Смоленскому Федору Полтевичу сельцо въ Смоленскомъ повѣтѣ Мавсимовской волости съ людьми и ихъ потуужниками, съ которыхъ „одна служба идетъ побережная“⁵⁸⁸). Король Сигизмундъ пожаловалъ боярину смоленскому Дробышу „сельца у Смоленскомъ повѣтѣ у-въ Опецкой волости—двѣ службы конюшскихъ, на имя Загѣсовыхъ и Огризково, а третью землю путную Терешкову“ на вѣчность ему самому, женѣ и дѣтямъ и будущимъ потомкамъ, а „особо“ одному Дробышу пожаловалъ землю пустую конюшскую Купріяновскую; въ 1514 году король пожаловалъ всѣ эти *сельца* дворянину Петру Стецковичу Хлюпича, который женился на вдовѣ Дробыша⁵⁸⁹) и т. д. Подобное же значеніе „сельцо“ имело и въ княжествѣ Мстиславскомъ, составлявшемъ нѣкогда часть Смоленской земли, и даже и въ сосѣднихъ волостяхъ Черниговской земли⁵⁹⁰). Послѣдній изъ приведенныхъ адѣсь примѣровъ показываетъ, что сельца пустыя въ Смоленской зем-

⁵⁸³) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 30.

⁵⁸⁴) Ibidem., л. 86, 89.

⁵⁸⁵) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 22.

⁵⁸⁶) Ibidem, л. 23.

⁵⁸⁷) Ibidem, л. 104.

⁵⁸⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 57.

⁵⁸⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 147.

⁵⁹⁰) Акты Зап. Рос. I, № 65, 133.

ли назывались просто „землями“ съ прибавленіемъ имени владѣльца. Но иногда удерживалось и названіе „сельцо пустое“ въ смыслѣ земной единицы обложенія. Такъ, въ книгѣ пожалованій короля Казимира находимъ между прочимъ слѣдующую запись: „Семену Кымбареву—три человекѣ у Дилѣ, а сельцо пустое Хотово,—хоживало полкади меду,—да бережокъ“⁵⁹¹⁾. Еще чаще въ такихъ случаяхъ употреблялось слово „селища“. Въ 1508 году королю Сигизмунду билъ челомъ дворянинъ кн. Василій Уваровичъ и просилъ „дву селещъ въ людми у Смоленскомъ повѣтѣ у Буйгородской волости, Воротишина а Дементьева, а селища муетого Хотиничъ, а у Вержавскомъ повѣтѣ другого селища пустого въ Корочина“. Король исполнилъ его просьбу и пожаловалъ ему сельца и селища „въ людми и въ бобровыми гоняи, и въ данью, и съ посощною, и съ поплатемъ грошовыми“⁵⁹²⁾.

Селище въ значеніи земли, давъ единицы обложенія⁵⁹³⁾, употреблялось и въ другихъ мѣстностяхъ Литовско-Русскаго государства, гдѣ неподобавали мелкодворныя поселенія. Съ селищами въ такомъ значеніи мы встрѣчаемся до актовъ въ княжествѣ Мстиславскомъ⁵⁹⁴⁾ и въ повѣтахъ Брянскомъ, Мценскомъ и Любутскомъ⁵⁹⁵⁾, которые въ недавнее время тѣсно примыкали къ Смоленской землѣ, въ повѣтѣ Кричевскомъ, входившемъ нѣкогда въ составъ Смоленской земли⁵⁹⁶⁾. Иерѣдка встрѣчаемъ „селища“ въ значеніи отдѣльнаго крестьянскаго участка и въ актахъ, относящихся къ землямъ Кіевской и Витебской. Такъ, въ 1507 году король Сигизмундъ пожаловалъ земанину кіевскому Васву Жеребятичу „въ Кіевскомъ повѣтѣ въ Милославчюкъ селища на имя Чотаново на одну соху“⁵⁹⁷⁾. Въ 1522 году Сигизмундъ пожаловалъ пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду „селища въ Кіевскомъ повѣтѣ на имя Жукино и съ человекомъ, который на томъ селища сѣдитъ“, на вѣчностъ⁵⁹⁸⁾. Король Казимиръ далъ Богдану Ощажичу „человѣка тяглого у Витебскомъ повѣтѣ на имя Ходотка Терешкова и съ землею, а селища три пустыи на имя Давыдцово, а Рад-

⁵⁹¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 38.

⁵⁹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 181.

⁵⁹³⁾ Для Смоленской земли см. особенно запись о Смоленской посощнѣ. Акты Зап. Рос. I, № 55.

⁵⁹⁴⁾ Акты Зап. Рос. I, № 82.

⁵⁹⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 26, 27, 32.

⁵⁹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 126, 126.

⁵⁹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 132. Срав. Акты Зап. Рос. I, № 158.

⁵⁹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 37.

цво, а Лопатино“; Богданъ представилъ великому князю Александру въ 1494 году и листъ короля, „што ему того одного челоуѣка его милость далъ и тѣ три земли пустовскіе“, и великій князь подтвердилъ ему ихъ своимъ листомъ отъ 6 апрѣля того же года⁶⁹⁹). Въ 1533 году воеводѣ Витебскому жаловался тивунъ княгини Жилинской Ганны Борисовны Туловскій по имени Артемъ на людей господарскихъ Витебскаго повѣта, на Костыа и на Степана Павлова, Ивана и Богдана Петрова Стугревъ, „што жъ они пашуть селище на имѣннѣ Отрохимовщину Туловскаго двора, и азъ ся тотъ челоуѣкъ Отрохимъ звелъ, и они съ того селища князю его милости долгу давали, а теперчи который годъ тое селище пашуть, а доли съ того не даютъ“. Судебное разслѣдованіе показало, что это дѣйствительно земля двора Туловскаго, а не людей Стугревъ, которые говорили: „слыхали есмо отъ предковъ своихъ, ижъ на томъ мѣстѣ передъ тымъ жилъ дядко нашъ Малышко и тую землю дядка нашего за одну отчизну держали“. Вслѣдствіе этого воевода „всказалъ“ землю княгинѣ Жилинской⁷⁰⁰). Слово „селище“ нерѣдко замѣняетъ собой въ актахъ „дворище“. Въ 1499 году великій князь Александръ подтвердилъ Ивану Пашкевичу семь дворищъ въ Лучскомъ повѣтѣ въ Мельницкой волости со всѣмъ, ничего на себя не оставляя, „зъ людьми и зъ ихъ землями пашными и зъ борными и зъ сѣножатями, и зъ данью грошевою и медовою и съ тою пошлиною, што на замокъ... Лучоскъ, старостѣ на полюдьѣ, на годъ даютъ по копѣ грошей, и зъ сторожовщиною, и што за дрова даютъ на городъ по дванадцати грошей, и жито, и овесъ, и сѣно даютъ; тажежъ съ тыхъ селищъ слуга и люди его на старостѣ на замокъ... Лучоскъ день сѣна кошивали“⁷⁰¹). Въ 1508 году король Сигизмундъ пожаловалъ землянамъ вѣнцкимъ—Левону Берендею, Антону, Юладу, Вакулѣ, Павлу „селище пустое“ въ Кременецкомъ повѣтѣ на рѣкѣ Случи и на Борчаевѣ—Кузмино, при чемъ написалъ въ привилеѣ: „А што будетъ первѣй сего братъ нашъ Александръ король его милость альбо мы вжо того жъ дворища Кузмина кому далъ, тѣ нехай теперъ тое держать подлѣ первого данья“⁷⁰²).

Подобно „дворищу“ слово „селище“ обозначаетъ нерѣдко и простое мѣсто бывшаго поселка, усадебную и огородную землю. Въ 1496

⁶⁹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 12.

⁷⁰⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 64, 65.

⁷⁰¹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 97.

⁷⁰²) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 185.

году великому князю Александру жаловался панъ Войтехъ Яновичъ на бояръ волковыйскихъ Пашковичей: „тыя Пашковичи держать подь собою селища мои, поля и сѣножати земли моее Малковщины, што ваша милость; господарю нашъ, мене пожаловали землю Малковщиною“⁶⁰³). Въ 1503 году король Александръ подтвердилъ пану Миколаю Юндилевичу въ Волковыйскомъ повѣтѣ Кремяницкаго десятиа „селища и поле подь Дубою Челеевичовъ надь рѣкою Кремяницкою, гдѣ они сами сидѣли, на имя Иваново, а Полуяново, и Тишово, а Демьяново, а Лаврово, а Андреево Дмитровичовъ,— всѣхъ тыхъ селищъ и съ тымъ полемъ надь Дубою на полтретьядцать бочекъ ратушныхъ и сѣножати тыхъ же Дмитровичовъ, што ниже его пруда“⁶⁰⁴), и т. д.

Въ частяхъ бывшей Берестейской земли, т.-е. въ повѣтахъ Берестейскомъ, Каменецкомъ, Кобринскомъ, Бѣльскомъ, Мельницкомъ и Дорогичномъ, для обозначенія крестьянскихъ земельныхъ участковъ установилось слово „жеребій“. Въ книгѣ пожалованій короля Казимира читаемъ, напр.: „У Берестыи Левону Шоломичу два жеребьи пустыхъ, а на третемъ два чоловѣка, дають сорокъ грошей а три ручки меду; а жеребьемъ имя: Вороновъ, Быковъ, Блювиничи“⁶⁰⁵). Панъ Ходковичъ Александръ съ дозволенія короля Казимира далъ брату своему Тишку выслугу свою въ Каменецкомъ повѣтѣ, что выслужилъ на в. кн. Сигизмундѣ „четыри чоловѣки на имя Григорьевичи а Мишуличи, а три жеребьи пустыхъ: Дремлевскій а Брязковскій, а Левовскій“⁶⁰⁶). Въ 1510 году у короля Сигизмунда просилъ дворянинъ Щастный Ощеричъ „жеребья въ Каменецкомъ повѣтѣ въ Долгой на рѣдѣ на Льснѣ на имя Постолювскаго“.—„А повѣдалъ намъ,—гласить привилей короля,—што жъ дей тотъ жеребей тыми разы пустъ, а не динный, низли дей только идетъ съ него по шести грошей на годъ“⁶⁰⁷). О жеребьяхъ, какъ земельныхъ единицахъ обложенія въ Кобринскомъ повѣтѣ, упоминаетъ инвентарь Кобринскаго монастыря св. Спаса, выдержки изъ котораго напечаталъ г. Владимірскій-Будановъ въ своей статьѣ „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ XVI вѣка“⁶⁰⁸). Въ 1514 году у короля Си-

⁶⁰³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 60, 61.

⁶⁰⁴) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 120, 121.

⁶⁰⁵) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 33.

⁶⁰⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 638; VI, л. 140, 141.

⁶⁰⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 372.

⁶⁰⁸) Бѣвскій Сборникъ, стр. 370, 371. Срав. Акты Вилен. Археограф. Комиссиі VI, отд. 4-е, № 2.

Гизмунда просилъ дворянинъ Миклашъ Плонскій „земль пустошскыѣ, чотырехъ жеребьевъ у Бѣльскомъ повѣтѣ на имя Кудовщины а Жолкутевщины, а Чирщины, а Вароничинщины“. „И повѣдалъ передъ нами, — гласить жалованная грамота короля, — што жъ дей тыи жеребы здавна лезать пусты, а службы намъ съ нихъ нивоторое нѣтъ, нижи дей одинъ жеребий Скудовщинный ляхъ Варуйтехъ держать съ дозволеньемъ старость Бѣльскихъ, а другій дей жеребий Чирщину держитъ Миклашъ Боровнй, а съ того дей жеребья бочку еоли дастъ на замокъ нашъ“⁶⁰⁹). Въ томъ же году король подтвердилъ бобровничьему Подляшскому Павлу Смирновицу „жеребий въ Дорогичевомъ повѣтѣ въ Буяцахъ на имя Козловскій“⁶¹⁰). Въ 1525 году король Сигизмундъ пожаловалъ купцу Федору Данильевичу два жеребья въ Бѣльскомъ повѣтѣ, Шумки и Гаврильчици: „и повѣдалъ намъ, — читаемъ въ привилей короля, — што жъ на тыхъ двухъ жеребьяхъ по два чашевъки: на Гаврильчицкомъ — Иванъ Рунца а братъ его Федко, а на Шумковскомъ Еремей а Андрей Чунорновичи; а съ нихъ двѣ службы тыглыкъ съ вѣвовъ до замку нашого бывало, а тыи двѣ жеребы не естъ широти“⁶¹¹). Последняя фраза характерна въ томъ отношеши, что указываетъ на неодинаковую величину жеребьевъ и на ихъ естественное прелехжденіе, такое же, какъ „земель“, „дворянцѣ“ и „селницѣ“, вопреки утверженью г. Владимірскаго-Буданова⁶¹²). Въ исполненіе въ этому указанію можно привести еще слѣдующее. Намѣстникъ Мельницкій Немира Грималичъ размѣрилъ на волоки три жеребья въ селѣ Шпакахъ Мельницкаго повѣта и вымѣрилъ изъ нихъ цѣлыхъ пятьдесятъ воловъ. Чтобы судить о размѣрахъ этихъ жеребьевъ, даже не переводя ихъ на современные земельныя мѣры (всею около 950 десятинъ), нужно принять во вниманіе, что крестьяне, которые пожелаали бы сѣсть на этихъ воловахъ должны были платитъ „по полушню (30) грошей циншу, кромѣ овецъ, куръ и ишихъ рѣчей“ съ каждой волоки⁶¹³). Между тѣмъ бывало иногда, какъ мы видѣли, что съ цѣлаго жеребья платилось только по сорока грошей а даже по шести. Неравенство жеребьевъ въ Берестейской землѣ выступаетъ даже гораздо рѣзче, чѣмъ неравенство „земель“ и „дворянцѣ“. Нѣкоторые жеребья были совершенно подъ силу одной крестьянской

⁶⁰⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 173.

⁶¹⁰) Ibidem, л. 232.

⁶¹¹) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 281.

⁶¹²) Бѣвскій Сборникъ, стр. 369.

⁶¹³) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 236.

селянъ. Такъ, въ 1507 году король Сигизмундъ подтвердилъ дворянину Мартину Заравновичу „въ Берестейскомъ повѣтѣ жеребій пустошскій у Воини на имя Баратышевскій, на которомъ же жеребьи сѣдѣлъ чолѣвъ нашъ (господарскій) Ильяшъ“¹¹⁴). Но на ряду съ этимъ бывали такіе жеребьи, какъ, напр., жеребей воюховъ Дровиковъ въ селѣ Збирозахъ того же Берестейскаго повѣта, на которомъ жили: Василій, Евфимъ и Левонъ Дробышевичи, Омель, Павелъ и Евфимъ Хоцковичи, Осташиво Оливьевичъ, Петрашъ и Неврашъ Пашковичъ съ сыномъ Прокопомъ, Келюхъ Цилишовичъ съ сыномъ Костенемъ, Омель Байловичъ съ братанцемъ Маркомъ, Андрей, Оверко, Трушъ, Лазриецъ и Хильцъ Осподаревичи, Лащъ и Мацко Лучевичи съ братанцами Паршемъ и Вацшемъ Коховичами, Свиридъ съ братанцемъ Жукомъ—всего 26 взрослыхъ и, вѣроятно, женатыхъ мужчинъ¹¹⁵). Сообразно съ этимъ и количество службы, податей и повинностей, было неодинаково, и жеребьи еще меньше были опредѣленными и равными единицами обложения, чѣмъ „земли“ и „дворища“. Въ 1509 году король Сигизмундъ подтвердилъ дворянину Степану Андреевичу „въ Каменецкомъ повѣтѣ въ Тристанецкой волости на рѣцѣ на Леснѣ село на имя Демалѣвичи, а въ томъ же селѣ четыре жеребьи: Нословскій а Чеберевскій, а Поддубовскій, а Лосновскій, а на тыхъ же четырехъ жеребьихъ людей самъ служобъ на имя: Богданъ Кадолъ съ сини своими а Андрей Чеберековичъ, а братъ его Жувъ Чеберековичъ съ братомъ, а Демидъ съ братомъ же, а Левко Чеберекевичъ, а Андрей Носковичъ, а братъ его Кузма Носковичъ“¹¹⁶). Такимъ образомъ, на каждый жеребій въ данномъ случаѣ приходилось почти по двѣ службы; болѣе всего служобъ, очевидно, лежало здѣсь на Чеберевскомъ жеребьѣ.

Послѣ всего сказаннаго нельзя говорить объ „искусственномъ“ происхожденіи берестейско-подляскаго жеребья. Очевидно, что это земельная единица такого же происхожденія, какъ и перечисленныя выше, данная естественнымъ развитіемъ семейно-родовой крестьянской кооперации и совладѣнія. Государство ваяло ее за единицу обложения въ той величинѣ ея, которая чаще всего встрѣчалась, а тѣ жеребьи, которые по своей величинѣ рѣзко отклонялись отъ другихъ, облагало двойною, тройною и вообще большаю службою. Жеребій вообще представляетъ полную аналогію „землѣ“ и „дворищу“ не только

¹¹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 168.

¹¹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 96, 97.

¹¹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 468; VII, л. 566, 567.

по значенію своему, но и по составу и формѣ владѣнія имѣ. Въ составъ жеребья входили не только пахотныя земли, но и угодья. Такъ, король Александръ въ 1506 году пожаловалъ дворянину Навлу Разковичу въ уплату долга въ 400 золотыхъ людей Митковичей въ Мельницкомъ повѣтѣ, сидѣвшихъ на двухъ жеребьяхъ, „зъ ихъ платы грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными, и зъ ихъ службами, и зъ дякы, и зъ землями папными и бортными, и зъ ихъ входъ и зъ лѣсы, и зъ сѣножатями, и зъ ловы, и зъ ловищи звѣринными и пташными, и съ ставы, и съ ставищи, и зъ млыны и зъ ихъ вымерками“⁶¹⁷⁾. Всѣми этими землями и угодьями крестьянскія семьи или роды владѣли и пользовались или сообща, или раздѣльно; последнее чаще всего встрѣчалось на большихъ жеребьяхъ, гдѣ сидѣли разрешіеся крестьянскіе роды или принявшіе къ себѣ потужниковъ. Отдѣльныя части жеребьевъ нерѣдко усваивали особыя названія. Такъ, въ 1506 году королю Александру билъ челомъ дякъ писаря Богуса Боговитиновича Михайловичъ и просилъ „жеребья одного пустовского въ Каменецкомъ повѣтѣ въ Городищи на имя Кобылицинского а Вахновского, а Мординского; а повѣдалъ намъ, „што жъ тотъ жеребей пусть, а службы намъ съ него нѣтъ“⁶¹⁸⁾. Въ 1516 году король Сигизмундъ подтвердилъ пану Юрью Ивановичу Ильинича „половицу жеребья въ Каменецкомъ повѣтѣ Рыжковщину и люди, котори на той половици жеребья сидѣли, на имя Дениса а Артема, а Яца Пелищичовъ“⁶¹⁹⁾. Тотъ же король Сигизмундъ пожаловалъ землянамъ Бѣльскимъ Андрею Брезньскому и Войтку Петровичу „осмь земель у Бренской волости на имя Луцевщину а Левенщину, а Коштюновичину, а Млендюковщину, а Мишковщину, а Сеневщину, а Юрковщину, а Оцовщину, а тыхъ земель осми только два жеребья“⁶²⁰⁾ и т. д.

Въ Берестейско-Подляшской землѣ дѣленіе на жеребья все болѣе и болѣе вытѣснялось въ изучаемое время искусственнымъ дѣленіемъ на равныя земельныя единицы—волоки. Земельныя единицы, даннымъ естественнымъ развитіемъ крестьянской семейно-родовой кооперации и совладѣнія въ такой странѣ, какъ Подляшье, гдѣ было множество пустыхъ земель, дикихъ зарослей и болотъ, слишкомъ разнообразились по своей величинѣ и потому не могли служить удобными объектами обложенія. Вслѣдствіе этого, а также благодаря географической близости

⁶¹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 249; срав. л. 207.

⁶¹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 253.

⁶¹⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 115, 116.

⁶²⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 113, 114.

и этнографическому сродству этой области съ Польшею сюда рано проникла дѣйствовавшая въ Польшѣ волочная система вмѣстѣ съ нѣмецко-польскимъ крестьянскимъ устройствомъ и стала вводиться исподволь въ частныхъ имѣньяхъ, а также и въ господарскихъ волокахъ. Въ послѣднихъ вводилъ уже ее великій князь Витовтъ, когда созывалъ и осаживалъ „кметей“ на пустыхъ земляхъ: „теды 14 дни пресь еденъ рожь впелкій кмѣть въ волоки роблять въ повѣтѣ“⁶²¹). При королѣ Казимирѣ, когда садили мѣсто Высокое въ Дорогицкомъ повѣтѣ, то между прочимъ „помѣрили на волоки“ землю дьяка Манца Калусовскаго, которую онъ купилъ въ Лутовѣ, и взамѣнъ которой великій князь Александръ пожаловалъ ему въ 1495 году три дворища села Вербична въ Турійской волости Владимирскаго повѣта⁶²²). Король Александръ пожаловалъ Еску Ивановичу, писарю воеводы Троцкаго Николая Миволаевича, „войтовство въ Бѣльскомъ повѣтѣ на чотырехъ жеребѣхъ Копелевскихъ, а на другихъ двухъ жеребѣхъ земли Вербичскихъ, а на лѣсѣ Топчикальскомъ, которые жъ земли и лѣсъ онъ поднялся его милости на волоки розмѣрати и мѣсто людьми осадити прихожими вольными“. Эти люди, высидѣвшіе волю „подлѣ обычая тамошняго“ должны были „давати плату съ каждое волоки на годъ по золотому а по два борцы овса, а по гусяти, а по двюи куровъ, а по тридцати яницъ, а одинъ день въ недѣлю службу тяглую служити“, платити и служить такъ, какъ платили и служили съ волокъ и по инымъ мѣстамъ тамошнимъ. Войтъ получилъ право выдѣлать себѣ изъ всѣхъ волокъ десятую къ одной сторонѣ и брать въ свою пользу „третій пенязъ съ присуда“ и вымелки съ мельницы, за что въ свою очередь, кромѣ управленія всѣми крестьянами, посаженными на вымѣренныхъ имъ волокахъ, долженъ былъ „службу земскую заступовати по тому, какъ иные войтове мѣсть нашихъ (господарскихъ) тамошняго края службу земскую заступуютъ“⁶²³). Въ 1514 году король Сигизмундъ приказалъ старостѣ Бѣльскому пану Альбрехту Мартиновичу Гангольду мѣсто „новосадити“ на рѣкѣ Нарвѣ, для котораго велѣлъ отмѣрить триста волокъ. Выданный по сему случаю привилей короля гласитъ: „Нехай они, мѣсто наше, на тыхъ волокахъ сидятъ и ихъ папуть и вживають. А не мають они нивоторыхъ служобъ служити а ни подводъ давати подъ насъ, господаря, и подъ послы и гонцы чужоземцы, которые къ намъ будутъ ѣздити, и подъ наши, а

⁶²¹) Акты Зап. Рос. I, № 189.

⁶²²) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 55.

⁶²³) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 165, 166.

нѣкоторыхъ податокъ и стацей и иныхъ давати: только мають они въ каждый годъ на рокъ, на день святого Мартина, давати намъ съ каждое въртмы по волотому черленому капщины, а циншу вровичного съ волоки по полуволю грошей литовское монеты а по двое курозъ, по двѣ бочцѣ овса, а по возу сѣна; и коли приѣдемъ до того мѣста нашего, тогда масть насъ темъ быти поднимано, а вромѣ того не мають жадныхъ стацей намъ а никому давати. И мають ся справовати и рядити во всехъ членкахъ такъ звычайно и достаточне, какъ у мѣстѣ нашомъ коруны Польское у Хелмѣ справують“⁶²⁴). Размѣреніе на волоки производилось и для мѣста Милейчицкаго, которое король Сигизмундъ приказалъ садитъ въ 1516 году въ Берестейскомъ повѣтѣ⁶²⁵), и для мѣстечка Воини въ томъ же повѣтѣ въ 1519 году⁶²⁶). Около 1525 года староста Мельницкій Немира Грыгалитъ размѣрилъ на волоки три жеребья въ селѣ Шпанахъ Мельницкаго повѣта и, сдѣлавъ войтомъ на этихъ жеребьяхъ землинна мельницкаго Томка Хибовскаго, велѣлъ ему „люди осаживати на циншу“, „по полуволю грошей“ съ волоки, вромѣ овса, куръ и другихъ платежей; „и къ тому войтовству придалъ ему три волоки въ каждомъ поли и ставомъ въ млыномъ и третій грошъ съ вождое вини“, за что онъ долженъ былъ служить службу земскую „на воли съ цитомъ“⁶²⁷). Въ 1528 году король Сигизмундъ велѣлъ „волю новую садити“ въ повѣтѣ Бѣльскомъ „въ лѣсѣ на имя у Крабовѣ“ и быти войтомъ землинну Марку Залѣсскому, которому онъ пожаловалъ десятую волю, третій пенязъ съ каждой вини, корчму волюную „и инни вси доходи войтовскіи“⁶²⁸) и т. д. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что волочное измѣреніе въ Берестейско-Подляцкой землѣ вводилось постепенно на сиромъ корню или же на опустѣвшихъ жеребьяхъ, и что на ряду съ нимъ существовало и было въ силѣ старинное дѣленіе на жеребья. После этого нельзя говорить о раннемъ распространеніи волочной системы „въ Бѣлорусіи и Полъсѣ“, какъ дѣлаетъ это г. Иловайскій, слѣдуя въ этомъ отношеніи г. Владиміренскому-Будажскому (въ послѣднее время, впрочемъ, значительно измѣнившему свой взглядъ на этотъ предметъ)⁶²⁹).

⁶²⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 85.

⁶²⁵) Ibidem, л. 124, 125.

⁶²⁶) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 17. Срав. XI, л. 62; XIII, л. 1—7.

⁶²⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 236.

⁶²⁸) Ibidem, л. 629.

⁶²⁹) Исторія Россіи, т. III, стр. 85; Бѣлорусскій Сборникъ, стр. 258.

XXVIII.

„Вслѣдствіе этой (волочной) системы,—говоритъ г. Иловайскій,—тамъ (въ Бѣлоруссіи и Полѣсьѣ) рано разрушилось общинное крестьянское землевладѣніе, и образовалась чрезвычайная дробность поселеній, такъ что село состояло иногда изъ двухъ или трехъ дворовъ“. Изъ приведенныхъ въ настоящемъ очеркѣ фактовъ, относящихся до крестьянскаго землевладѣнія XV и начала XVI вѣка, видно, что волочная система нисколько не повинна въ томъ, въ чемъ обвиняетъ ее г. Иловайскій. Раздѣльное владѣніе землею и дробность поселеній (напр., въ Смоленской землѣ, гдѣ крестьянскіе участки назывались „селищами“) вытекли изъ мѣстныхъ данныхъ историческаго развитія, а не были дѣломъ какихъ нибудь правительственныхъ заимствованій со стороны. Съ другой стороны и объ общинномъ землевладѣніи, какъ о дѣйствительномъ факторѣ экономической и общественной жизни литовско-русскаго крестьянства, можно говорить, только принимая его въ предѣлахъ крестьянской семьи, рода или товарищества, выполнявшаго одну „службу“ господарю. Но такое общинное землевладѣніе существовало въ изучаемую эпоху на ряду съ раздѣльнымъ, иногда уступая мѣсто этому послѣднему, а иногда замѣняя его. При этомъ, какъ увидимъ ниже, оно вовсе не составляло спеціальной особенности крестьянскаго быта, но въ равной мѣрѣ имѣло мѣсто и въ быту военнослужаго класса. Исслѣдователи, впрочемъ, и не разумѣютъ это общинное землевладѣніе. „Земли всего села, говоритъ г. Владимірскій-Будановъ въ своей статьѣ о формахъ крестьянскаго землевладѣнія,—нѣкогда состояли въ распоряженіи цѣлаго села, которое уже потомъ дѣлитъ ихъ на дворища, а нѣкоторыя оставляетъ въ общемъ владѣніи, и что эта послѣдняя (?) можетъ состоять не только въ угодьяхъ (лѣсныхъ входахъ, бортахъ, правѣ охоты и др.), но и въ обработанныхъ участкахъ; обработка ея совершается сообща“²²⁰). Но тѣ данныя источниковъ, на которыя онъ опирается въ этомъ утверженіи, на нашъ взглядъ вовсе не говорятъ въ его пользу. Справедливо, что село, заключавшее въ себѣ одно дворище или развившееся изъ одного дворища, могло владѣть и обрабатывать нѣкогда землю сообща, и до этихъ поръ можно слѣдовать за г. Владимірскимъ-Будановымъ. Но у насъ нѣтъ никакихъ серьезныхъ данныхъ для утверженія, что село,

²²⁰) Кіевскій Сборникъ, стр. 377.

состоявшее изъ многихъ, чуждыхъ другъ другу, семей или родовъ и захватившее своею культурою большое пространство земли, нѣкогда владѣло и разрабатывало его сообща. Г. Владимірскій-Будановъ указываетъ на то, что „повсюду въ селахъ (въ лѣсной полосѣ особенно часто) остается земля, не подѣленная на дворища и составляющая общую собственность села“. Но такія земли могли возникнуть и при частномъ владѣніи землею и не быть остаткомъ общиннаго владѣнія. Ходъ дѣла можно представить себѣ такимъ образомъ. Поселившись въ извѣстномъ мѣстѣ и образовавъ село, крестьянскія семьи принимались за разработку нови подъ пашню. Земля, разработанная каждою семьею, лугъ, скошенный ею, разъ на всегда дѣлался ея достояніемъ, входилъ въ составъ его дворища или жеребья; въ составъ послѣдняго входили также бортные и другіе „ухожая“ въ сосѣдней лѣсной пушчѣ или степи. Съ увеличеніемъ количества членовъ села расширялось и пространство, захваченное ихъ культурою, пока оно не доходило до предѣловъ, до которыхъ доходила соха и топоръ сосѣднаго села, или до такихъ мѣстъ, которыя недоступны были для культуры. Такъ опредѣлялась граница села, т. е. всѣхъ земельныхъ участковъ, принадлежавшихъ отдѣльнымъ крестьянскимъ семьямъ или родамъ, пушчѣ и степнымъ пространствамъ, въ которыхъ они имѣли свои входы и которыми въ извѣстномъ смыслѣ пользовались сообща. Въ этой границѣ могли находиться и различныя пустопорожня земли, которыя были обойдены по своему плохому качеству при первомъ насажденіи культуры. Съ опредѣленіемъ пространственныхъ границъ экономической культуры села само собой должно было установиться общее владѣніе и пользованіе всѣми землями и угодьями, которыхъ еще не коснулся частный трудъ крестьянской семьи или рода. Частному лицу нельзя было теперь захватывать эти земли и угодья, не становясь въ привилегированное положеніе по отношенію къ своимъ односельчанамъ и не нанося имъ извѣстнаго имущественнаго ущерба, если не въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Конечно, на первыхъ порахъ, когда въ предѣлахъ экономической культуры села оставалось еще много незанятыхъ земель и угодій, нѣкоторое время могла свободно еще продолжаться разработка ихъ и захватъ отдѣльными лицами. Но здѣсь вопросъ только во времени: рано или поздно, но должно было утвердиться право всего села на незанятые въ его чертѣ земли и угодья ⁶³¹⁾. Здѣсь въ миньютюрѣ долженъ былъ совершаться

⁶³¹⁾ См. факты, приведенные г. Лучицкимъ въ его статьѣ „Займанщина и формы заночнаго владѣнія въ Малороссіи“ въ Юридическомъ Вѣстникѣ 1890, т. I, стр. 395—397, 400, 401, 408—413.

тотъ же процессъ, который совершался en grand въ цѣломъ государствѣ и приводилъ къ появленію въ чертѣ государства особыхъ „государственныхъ“ земель.

Г. Владимірскій-Будановъ утверждаетъ, что права сельской общины сохранялись даже и на тѣ земли и угодья, которыя находились въ частномъ владѣніи дворищъ. Въ доказательство онъ указываетъ на то, что сельчане сообща жаловались въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-нибудь занималъ крестьянскій участокъ безъ пожалованья князя, или когда крестьяне сосѣдняго села захватывали ихъ земли. Все это, по его мнѣнію, „лишь слабые остатки той тѣсной солидарности сель, имущественной и личной, какая господствовала раньше“. Но на ряду съ этимъ онъ утверждаетъ, что „общинныя права цѣлаго села на земли, занятыя дворищами и частными лицами (?) тѣсно связаны съ повинностями крестьянъ къ князю“. „Какое основаніе для жалобы ихъ?“ спрашиваетъ г. Владимірскій-Будановъ по поводу крестьянскихъ процессовъ отъ имени всего села. „Очевидно, что члены сельской общины заинтересованы въ томъ, чтобы каждый членъ общины занималъ землю на опредѣленныхъ правахъ, чтобы потомъ не возникало недоразумѣній при общемъ отправленіи повинностей. Отсюда права сельскихъ общинъ участвовать въ раздачѣ свободныхъ участковъ“¹²⁾. Последнія объясненія на нашъ взглядъ ближе къ истинѣ, хотя и не подходятъ въ ней совсѣмъ, потому что въ нихъ опять таки замѣнены общинныя права села на земли отдѣльныхъ крестьянскихъ семей. Крестьяне могли вести процессы о захватѣ пустыхъ земель „безъ господарской данины“, вовсе и не касаясь вопроса о правѣ своемъ на захваченную землю, но только приписывая себѣ въ тягло новаго владѣльца. Выше было указано, что выходъ изъ состава крестьянскихъ земель извѣстнаго участка могъ отразиться обремененіемъ крестьянъ лишнимъ тягломъ, въ особенности въ издѣльныхъ повинностяхъ, а тамъ, гдѣ существовало общее обложеніе волости, и въ денежныхъ и натуральныхъ податяхъ. Крестьяне вели процессъ не за землю, а за право свое требовать съ даннаго участка извѣстнаго количества повинностей и податей въ общую сумму, приходившуюся съ нихъ. О землѣ дѣло шло тогда, когда захвачена была стороннимъ лицомъ или сосѣднимъ селомъ общая земля всего села. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда односельчане хлопотали за одного изъ своихъ сочленовъ, у котораго захвачена была земля, связывалось не право

¹²⁾ Киевскій Сборникъ, стр. 379.

ихъ на захваченную землю, а простая сосѣдская и повинностная солидарность. Цѣлымъ селомъ легче было отстоять на судѣ права крестьянина, чѣмъ ему одному лично, а отстоять было необходимо, потому что съ отходомъ земли отъ села труднѣе стало бы служить службу господарю. Что касается права сельскихъ общинъ участвовать въ раздачѣ свободныхъ участковъ, то г. Владимірскій-Будановъ не приводитъ для этого утвержденія данныхъ источниковъ. Въ актахъ, служившихъ матеріаломъ для составленія настоящаго очерка, намъ не попадалось ни малѣйшихъ признаковъ этого участія. Пустовскія земли раздаетъ обыкновенно намѣстникъ-державца или тивунъ волости, а утверждаетъ на вѣчность часто самъ господарь великій князь; даже во временное пользованіе на годъ, на два или на нѣсколько лѣтъ раздаютъ земли великокняжескіе урядники. Единственно, что можно допустить въ данномъ случаѣ, это право волостей, платившихъ дань общему суммою (Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ) раздавать пустошники во временное пользованіе съ условіемъ платить лежавшія на нихъ дани и отбывать повинности. Но и тутъ дѣятельную роль играли мѣстные намѣстники-державцы, какъ это видно изъ листа короля Сигизмунда къ пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду, державшему волость Бобруйскую⁶³³).

Г. Владимірскій-Будановъ не ограничивается констатированіемъ права общиннаго землевладѣнія сель, но утверждаетъ таковое и для волостей, въ составъ которыхъ входило по нѣскольку сель. Аргументація его въ данномъ случаѣ отчасти такая же, какъ и въ предыдущемъ: солидарность волости въ отношеніи повинностей будто бы есть „слѣдъ общеволостныхъ правъ въ отношеніяхъ имущественныхъ“, какъ будто бы эта солидарность не могла установиться и при господствѣ частнаго землевладѣнія. Но особенно сильнымъ орудіемъ въ рукахъ г. Владимірскаго-Буданова являются порядки, существовавшіе на окраинахъ государства. „На окраинахъ государства,—говоритъ онъ,—и именно южныхъ, общинное владѣніе землею цѣлыхъ волостей съ центральнымъ городомъ во главѣ уцѣлѣло до половины XVI столѣтія почти во всей своей первобытной непосредственности, основанной на томъ, что частная собственность на землю здѣсь является еще и ненужною, и даже невозможною (въ виду постоянныхъ опасностей отъ татаръ). Тамъ „пашутъ (черкашане) мѣщане и бояре въ полѣ, гдѣ хотять“; земля (въ Каневскомъ повѣтѣ) по полямъ издавна была свободна, пока кн. Путивльскій не ввелъ десятины; тамъ (въ Барѣ) „пои

⁶³³) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 172—174.

покупать не нужно, но кто имѣеть плугъ и воловъ, можетъ орать, сколько хочеть“. Жители тамошнихъ волостей говорили: „своего не маемъ, одно Божіе, да господарское“⁶³⁴). Спрашивается, гдѣ тутъ какое-либо *владѣніе*, хотя бы и общинное? Самъ г. Владимірскій-Будановъ понимаетъ, что тутъ владѣнія въ собственномъ смыслѣ нѣтъ. „Хотя такое общее пользованіе первоначально возникаетъ не изъ принадлежности правъ какой-либо группѣ населенія (*vis*), а изъ отсутствія чьихъ-либо правъ; хотя пустыня рассматривается, какъ *res nullius*, или по древне-русскому воззрѣнію, какъ земля Божья да государева, но, въ концѣ концовъ, такой порядокъ проникается уже юридическимъ сознаниемъ: члены общины, мѣщане и бояре, защищаютъ его судомъ противъ своихъ старостъ“. Что защищаютъ мѣщане и бояре противъ старостъ? Вѣдь не исключительное свое право пахать и сѣять на земляхъ, которыя были *res nullius*, пустынею, съ исключеніемъ отсюда старостъ? Я думаю, что г. Владимірскій-Будановъ не рѣшится утверждать этого, и не это онъ, повидимому, хотѣлъ сказать, хотя логически выходитъ изъ его утвержденія именно это заключеніе. Мѣщане и бояре защищаютъ свои права только на ту землю, которая для нихъ ограничилась или естественнымъ путемъ, или въ силу пожалованія, какъ это видно изъ тѣхъ фактовъ, которые приводитъ самъ же г. Владимірскій-Будановъ (на 384 стр.). Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы эта ограниченная земля вся находилась въ общемъ владѣніи и пользованіи волости. Для этого г. Владимірскому-Буданову нужно было бы доказать, что въ чертѣ ея не было участковъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, переходившихъ по наслѣдству, покупаемыхъ, или, по крайней мѣрѣ, что выше частнаго права надъ участками стояло право общины. Но онъ не только не доказываетъ этого, а утверждаетъ какъ разъ противное. „Владѣя огромными пространствами свободной земли, община-волость нисколько не заинтересована ограниченіемъ правъ на имущество тѣхъ лицъ, которыя своею личною предприимчивостью образуютъ экономическіе культурные оазисы среди лѣсовъ и степей, заводятъ пасѣвы, хутора и проч. Наоборотъ, община скорѣе заинтересована въ пользу этихъ частныхъ предприятий, которыя въ цѣломъ даютъ ей большую экономическую силу. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда подобная частная оккупация идетъ во вредъ цѣлой общины или другихъ частныхъ лицъ, наступаетъ необходимость ограниченій. Словомъ, подъ обширною сферою цѣлой волости свободно

⁶³⁴) Кіевскій Сборникъ, стр. 383.

могутъ развиваться и всѣ прочіе виды землевладѣнія (территориальныхъ и родовыхъ общинъ и частныхъ семействъ)^а. Итакъ, частное землевладѣніе въ общинномъ, т. е. два въ сущности противоположные юридическіе института одинъ въ другомъ! Г. Владимірскій-Будановъ оговаривается, что „подходить къ изученію этихъ пестрыхъ явленій съ нынѣшними формальными понятіями гражданскаго права почти нѣтъ возможности^б. Подходить къ изученію съ формальными понятіями, разумѣется, не слѣдуетъ, но не нужно и гоняться за тѣмъ неумовимымъ призракомъ, который представляетъ изъ себя первоначальное общинное землевладѣніе, какъ его понимаетъ г. Владимірскій-Будановъ и нѣкоторые другіе изслѣдователи.

Явленія сельской и волостной солидарности и даже общиннаго владѣнія съ нѣкоторыми угодьями и пахатными землями объясняются и безъ предположенія, что вся земля нѣкогда состояла во владѣніи и пользованіи села или волости, исключая, конечно, тѣ случаи, когда село возникло вслѣдствіе естественнаго размноженія одной семьи— (такихъ случаевъ на западной Руси было множество, какъ показываютъ патронимическія названія многочисленныхъ сель). Формальные понятія въ изученіе предмета внесены именно тѣми изслѣдователями, которые подобно г. Владимірскому-Буданову усердно разыскиваютъ первоначальное общинное землевладѣніе въ древней Руси. На нашъ взглядъ извѣстный интересъ имѣетъ только изученіе семейно-родового или равнаго ему товарищескаго общаго владѣнія землею, потому что только это землевладѣніе было *дѣйствительнымъ факторомъ* народной эконоомической и общественной жизни. На ряду съ этимъ интереснымъ является и то, какъ среди частнаго, семейно-родового или товарищескаго крестьянскаго землевладѣнія возникаетъ общинное владѣніе и пользованіе *нѣкоторыми* землями и угодьями цѣлыхъ сель, состоящихъ изъ разныхъ родовъ, являясь *результатомъ развитія эконоомической культуры села и его тягло-податной исторіи*, а не какимъ-нибудь остаткомъ неизвѣстной старины. Интересныя данныя по этому вопросу сгруппированы въ статьѣ И. В. Лучицкаго о заиманціи и формахъ заимочнаго владѣнія въ Малороссіи. Но, къ сожалѣнію, эти данныя не получили и здѣсь настоящаго толкованія, ибо и г. Лучицкій приписалъ стариннымъ исконнымъ воззрѣніямъ и привычкамъ въ средѣ землевладѣнія то, что объясняется состояніемъ эконоомической культуры и условіями колонизаціи Малороссіи за то время, къ которому его данныя относятся. Какія явленія возникали въ средѣ крестьянскаго землевладѣнія подъ влияніемъ тягло-податной системы, на это указываетъ, напр., слѣдующій любопытный фактъ,

который при желаніи можно, пожалуй, также принять за остатокъ древняго общиннаго землевладѣнія волости: воеводѣ Полоцкому пану Яну Юрьевичу Глѣбовича въ 1538 году, били челомъ „люди вси волости Госплянское и Гостиловское (принадлежавшей ему), абы его милость дозволилъ имъ вси земли ихъ пашные и бортные и дань медовую и грошовую на ровныи части межи нихъ поровновати и по службамъ подѣлити“. Панъ воевода „то имъ дозволилъ передъ вранникомъ своимъ сее весны вчинити и, якъ вчинять, о томъ кавалъ его милость до себе имъ отписать“⁶³⁵). Здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ общинномъ землевладѣніи волости; крестьяне до 1538 года владѣли своими участками порознь, порознь же продолжали владѣть ими и послѣ 1538 года; если они производили въ 1538 году передѣлъ, то только въ цѣляхъ болѣе удобнаго и справедливаго отбыванія повинностей, и притомъ съ разрѣшенія и подъ надзоромъ своего пана, настоящаго собственника ихъ земли.

XXIX.

Послѣ всего сказаннаго о системѣ обложенія податями и повинностями и объ устройствѣ крестьянскаго землевладѣнія въ Литовско-Русскомъ государствѣ, можно довольно ясно представить себѣ дѣятельность крестьянскихъ властей и дворныхъ урядниковъ по взысканію податей и повинностей. Такъ какъ эти подати и повинности для каждаго отдѣльнаго крестьянскаго участка, полнившаго „службу“, были опредѣлены стариною и обычаемъ, то имъ болѣею частью не приходилось ломать голову надъ раскладкою ихъ по отдѣльнымъ крестьянскимъ хозяйствамъ. Нужно было только хорошо знать тягло-податную старину каждаго участка и въ предѣлахъ ея предъявлять требованія, когда было нужно, къ старшему въ крестьянской семьѣ или въ родѣ, представителю службы, а равно оказывать ему помощь въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не справлялся съ своею братьею и потужниками. Крестьянскія власти, конечно, должны были принимать всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, чтобы на волости не было недоимковъ; но если бы таковыя оказывались, и если урядникъ дворный не могъ или не считалъ нужнымъ взыскать ихъ посредствомъ „грабежа“, т. е. конфискаціи движимости, то онъ такъ и оставался недоборомъ господарскаго двора. Исключеніе представляли только волости Подпѣрскія, которыя должны были платить и за выбылыхъ, и за голтяевъ. Великій князь Александръ

⁶³⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 283.

въ 1500 году писалъ въ Поднѣпрскія волости: „А которые будутъ у васъ земли пустовскіе або люди голтайные, абы то по себѣ *роскинули* на большого болшей, а на меншого меншей, *какъ здавна бывало*, абы ни одинъ грошъ дани наше на васъ не осталъ“ ⁶³⁶). Въ Поднѣпрскихъ волостяхъ, такимъ образомъ, дѣло крестьянскихъ властей усложнялось „розметами“, которые они налагали на членовъ волости для покрытія недоимокъ. Они плохо справлялись съ этою задачею, и правительство ежегодно посылало къ нимъ писарей своихъ „править недоимковъ“, которые своими „въздами“ еще болѣе увеличили недоимки волостей. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, не безупречна была и дѣятельность самихъ крестьянскихъ властей. Королю Сигизмунду жаловались всѣ люди Бобруйскіе, „ижъ старцы частыи меты мечуть на волость, а ты пенязи беручы на свои потребности оборочають“. Вслѣдствіе этого король предписалъ мѣстному державцѣ: „старцы тыхъ розметовъ сами вжо не мають на волости метати; нижли, коли на ихъ потребу волостную пенязей потреба вважеть, тогда они мають, зволывшыся вся волость и весположъ съ старцы, объявити то враднику твоей милости, а врадникъ маеть имъ прыдати вижа, передъ которымъ они вижомъ мають на всю волость розметъ кинути такъ, якъ бы сума не превышала, одно толко, колко бы имъ на тую потребу пенязей ввазывало“ ⁶³⁷).

Разметы приходилось дѣлать, какъ видно изъ приведенной выдержки листа короля Сигизмунда, не только для пополненія недоимковъ дани, но и на равныя другія „волостныя потребности“. Такъ, освобождая Старцеву волость отъ обязанности сообща съ Торопецкою волостью „поднимать“ стаціями (кормами) и подводами писаря, възжавшаго за сборомъ дани, великій князь Александръ писалъ въ своемъ листѣ: „мають они особно свои стацыи и проторы въ свою волость сами розметывати“ ⁶³⁸). Разметы приходилось дѣлать крестьянскимъ властямъ вообще при отправленіи экстраординарныхъ повинностей, ложившихся цѣликомъ на всю волость, въ родѣ, напр., подводной или городской работы. Король Сигизмундъ въ 1511 году подтвердилъ замаянину бѣльскому Николаю Петрыковскому двѣ земли пустовскихъ въ Бѣльскомъ повѣтѣ, Пухмовщину и Гриневщину, данныхъ ему до воли господарской намѣстникомъ Бѣльскимъ Миколаемъ Миколаевичемъ Радивиловича еще при королѣ Александрѣ, съ такими

⁶³⁶) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329.

⁶³⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 172—174.

⁶³⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107; Акты Зап. Рос. I, № 146.

условіями: „а съ того маєть *порубы* до гаевника давати и куницу, и дань медовую, и обѣдъ нашъ зъ иншими людьми поднимати, а службы тяглое и дяла, и *порубовъ* подводныхъ, и иныхъ тяглыхъ по:ачою не надобно ему съ тое земли платити подлугъ листу пана Миколая“ ⁶³⁹). Люди господарскіе волости Непоротовской, Остапко со своими плечниками, жаловались въ 1533 году воеводѣ Полоцкому на людей волоцкой боярыни Ульяны Михайловой Сеньковича Войлю и его товарищей Могильяны: „которая городня (стѣна въ замкѣ Полоцкомѣ) положона на насъ робити, и мы есмо межн собою для наймованія плотниковъ ву работѣ тое городни *пометъ* положили, а они того помету не хотять намъ помочи платити, а намъ однимъ самымъ съ тяжестью его заплатити“ ⁶⁴⁰) и т. д. Впрочемъ, и отправленіе экстраординарныхъ повинностей во многихъ волостяхъ было до извѣстной степени опредѣлено и упорядочено, такъ что крестьянскимъ властямъ и тутъ приходилось дѣйствовать въ установленныхъ рамкахъ и границахъ. Такъ, напр., въ отношеніи подводной повинности волость дѣлилась на „недѣли“, и каждая такая часть должна была ставить въ извѣстномъ пунктѣ и держать на готовѣ подводы въ ожиданіи господара или его пословъ и гонцовъ. Такъ, напр., королю Сигизмунду въ 1528 году повѣдалъ князь Юрій Ивановичъ Гольшанскій, „ижь мы, — гласить привилей короля, — первѣй сего дали ему село въ Бобруйской волости на имя Балашевичи; леть тыхъ двухъ сель, *што въ той же недѣли Балашовской, Приваличи и Ивановичи*, ему есмо не дали“; князь просилъ короля подтвердить ему село на вѣчность и вызволить его „отъ работъ замковыхъ, то есть Кіевского и Бобруйского и иныхъ замковъ нашихъ (господарскихъ), и отъ *недѣли* Бобруйское, и отъ подниманья стацей пословъ и гонцовъ, и отъ всякихъ иныхъ служобъ и поплатковъ нашихъ (господарскихъ) и тежъ вранниковъ нашихъ“, — что и было исполнено королемъ ⁶⁴¹). Въ поясненіе къ тому, что значило освободить отъ недѣли Бобруйской, можно привести жалобу старца и всѣхъ людей Бобруйской волости Виленской половины, принесенной въ 1529 году на людей пана Венцлава Костевича Зубаревичей и Колчичанъ. „Здавна, за отца нашего Казимира короля его милости, — гласить судебный листъ Сигизмунда, — *недѣли подвода по:слоу зъ ними стерживали*, и города и мосты робливали, и въ

⁶³⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 44. Срав. Ревизию пущъ и переходовъ звѣринныхъ, стр. 272, 335, 343, 344, 352, 353.

⁶⁴⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 125, 126.

⁶⁴¹) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 393.

подачкахъ и во всякихъ розметѣхъ имъ помогивали, а теперь имъ въ томъ ни въ чомъ помогати не хотять“⁶⁴²).

XXX.

Крестьянскія власти помогали намѣстникамъ - державцамъ не только въ надзорѣ и распоряженіяхъ по дворнымъ работамъ, но и по сбору съ господарскихъ крестьянъ разныхъ натуральныхъ и денежныхъ податей и платежей, которые намѣстники - державцы передавали въ скарбъ великаго князя или въ центральный городъ области. Одною изъ самыхъ распространенныхъ натуральныхъ податей было, какъ мы уже видѣли выше, *дьякло*, взимавшееся рожью (иногда пшеницею), овсомъ, сѣномъ и дровами съ прибавкою куръ и яицъ, и *мезлева*, взимавшаяся живностью: яловицами, баранами, свиньями, курами и яйцами. Относительно дьяколъ король Сигизмундъ въ инструкціи 1529 года предписывалъ державцамъ жито и овесъ собирать натурою „о светомъ Симонѣ Іюдѣ“ и „суполно“ отдавать городничимъ, „которое жыто и овесъ городничии наши, въ каждомъ повѣтѣ каждого году мають водлѣ торгу продавати, а пѣнязи до скарбу нашего отдавати“. Куръ и яйца король оставлялъ для кухни своей, а въ небытности его державцы должны были брать за курицу и десять яицъ грошъ и отдавать деньги въ скарбъ⁶⁴³). Что касается сѣна, дровъ и пентниковъ (?), то державцы, по инструкціи 1529 года, должны были собирать ихъ „пѣнязьми“ и по старому отдавать „на врьдъ замковый“, т. е. городничему. *Городничіе* существовали въ центральныхъ замкахъ областей, бывшихъ главными базами ихъ обороны. Должность ихъ состояла въ надзорѣ за исправностью укрѣпленій, въ снабженіи ихъ всѣхъ необходимымъ, въ надзорѣ и руководствѣ постройкою и починкою укрѣпленій. Хлѣбъ и овесъ, который они собирали, предназначался собственно на содержаніе „залогі“, или гарнизона, и продавался ими только въ тѣ годы, когда не было надобности содержать гарнизоны въ крѣпостяхъ. По актамъ городничіе въ предѣлахъ собственной Литовской земли являются въ Вильнѣ, Трокахъ, Новгородкѣ, Городнѣ и Ковнѣ; на такъ называемой Руси литовской—въ Мицкѣ⁶⁴⁴); на Подляшѣ — въ Берестѣ и Каменцѣ⁶⁴⁵); затѣмъ — въ

⁶⁴²) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 22.

⁶⁴³) Арт. 9 и 10 уставы 1529 года.

⁶⁴⁴) Лит. Метр. кн. Запис. VIII, л. 115.

⁶⁴⁵) *Bonieskiego* Poczet rodów. Spis urzędników i dygnitarzy, str. IX.

Полоцкѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ, Кіевѣ, Луцкѣ ⁶⁴⁶⁾, Владимирѣ ⁶⁴⁷⁾ и Бременцѣ ⁶⁴⁸⁾. Намѣстники - державцы по общему правилу должны были доставлять дьяла городничимъ тѣхъ замковъ, въ которыхъ ихъ волости вообще тянули судомъ и управою. Но за дальностью разстоянья бывали и исключенія; такъ, напр., державца Волковыйскій отдавалъ дьяла и колодину городничему Городенскому, а не Троцкому ⁶⁴⁹⁾. Точно такъ-же и въ военное время направленіе дьявольнаго хлѣба мѣнялось по распоряженію центральной власти. Такъ, въ 1535 году долженъ былъ идти дьявольный хлѣбъ въ Кіевъ: 500 бочекъ съ Городна, съ Мельника 100 бочекъ, съ Каменца тоже 100, съ Слонима 200 ⁶⁵⁰⁾. Намѣстники - державцы и до 1529 года собирали дьяла и, какъ это видно изъ записной книги пожалованій короля Казимира, даже расходовали его по господарскимъ „квитацеямъ“, или ассигновкамъ, до сдачи городничему ⁶⁵¹⁾. вмѣстѣ съ дьяломъ городничему шла и *колодина*, о которой упоминаютъ многочисленные заставные листы короля Сигизмунда ⁶⁵²⁾. Судя по названію, колодиною называлась повинность представлять для замковыхъ укрѣпленій колоды или же платить за нихъ деньгами. Иногда вмѣстѣ съ дьяломъ шла и *линные пезязи*, какъ напр. съ Перелайской волости собиралось „жито дьявольное и овесъ и сѣно подьявольное, а полтина глинная“ ⁶⁵³⁾. Глинные пезязи брались, очевидно, взамѣнъ обязанности доставлять глину на постройку укрѣпленія. — Въ Поднѣпрскихъ волостяхъ и Задвинскихъ, состоявшихъ изъ данниковъ, дьялу соответствовала *житицина*, взимавшаяся и деньгами, и натурою. Относительно Задвинскихъ волостей приведено было свидѣтельство источниковъ въ началѣ очерка, а относительно Поднѣпрскихъ волостей такое же свидѣтельство находимъ въ судебномъ листѣ великаго князя Александра по дѣлу волости Свислоцкой съ людьми бояръ Котовичей о воженьѣ житицины до замковъ господарскихъ ⁶⁵⁴⁾.

⁶⁴⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 31.

⁶⁴⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 220.

⁶⁴⁸⁾ *Воніежскаго* *Rozzet godów*, str. IX.

⁶⁴⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 23, 24.

⁶⁵⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 202—206; 295.

⁶⁵¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 49, 82, 83.

⁶⁵²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 110, 113, 114, 156, 230, 281; X, л. 13, 14, 16, 17, 23, 24, 47, 48.

⁶⁵³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 63. Срав. X, л. 81.

⁶⁵⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 82, 83.

Что касается *мезлевы*, то инструкція 1529 года предписывает собирать ее деньгами: за яловицу тридцать грошей, за курицу и десять яицъ одинъ грошъ. Ранѣе мезлева взималась намѣстниками-державцами натурою. Въ 1516 году король Сигизмундъ, заставивъ дворъ Довгеи пану Богушу Боговитиновичу въ 600 копахъ грошей, выговорилъ себѣ: „маеть онъ съ того двора нашего въ каждый годъ намъ давати по шестидесять бочокъ жита а по шестидесять бочокъ овса, а по шестидесять возъ сѣна (слѣдовательно, это было дѣяло), а мезлева сполна, *яловицы и ветри и инши речи*, маеть съ тоей волости намъ давана быти каждый годъ подлугъ давного обычая“⁶⁵⁵). Подобное же условіе встрѣчаемъ въ заставномъ листѣ, выданномъ въ томъ же году ен. Василью Андреевичу Полубенскому на дворъ Жолудокъ⁶⁵⁶). Въ заставномъ листѣ на дворъ Оникшты, выданномъ въ томъ же году пану Миколаю, старостичу Жомойтскому, находимъ и объясненіе этой натуральной подати. „Маеть онъ,—читаемъ здѣсь,—съ того двора нашего въ каждый годъ намъ давати по сту бочокъ жита и по сту бочокъ овса, а *спижю великоденную и колядную*, яловицы и борани и иншия речи мають съ того двора на насъ даваны быти въ каждый годъ по давному“⁶⁵⁷). Итакъ, мезлева — своего рода праздничное приношеніе, которымъ обязаны были крестьяне по отношенію къ своему государю. Мезлева, впрочемъ, не всегда при „заставахъ“ дворовъ шла государю, а часто и его кредитору. Въ 1517 году король заставилъ пану Явубу Кунцевичу въ 400 копахъ грошей дворы Троицкаго повѣта Волканики и Лешунъ съ ихъ волостями, при чемъ въ условіяхъ заставы между прочимъ поставилъ: „и коли прїедемъ до тыхъ дворовъ нашихъ тогда маеть онъ насъ стаціями поднимати и *мезлевою*, бо есмо тую мезлеву дали бу его рукамъ для того: коли мѣнкаемъ въ тыхъ дворѣхъ нашихъ для лововъ, абы онъ насъ тою мезлевою поднималъ“⁶⁵⁸). Приведенныя выдержки заставныхъ листовъ косвеннымъ образомъ указываютъ и на то, что дѣяла и мезлева собирались намѣстниками - державцами, которые были, такъ сказать, передаточными инстанціями для этихъ податей между крестьянскими властями съ одной стороны, городничимъ и самимъ господаремъ съ другой. Терминъ „мезлевщина“, встрѣчающійся въ жалованной грамотѣ, выданной въ 1511 году князю Михаилу Ивановичу Мстиславскому на

⁶⁵⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 110.

⁶⁵⁶) Ibidem., л. 113, 114.

⁶⁵⁷) Ibidem, л. 156.

⁶⁵⁸) Ibidem, л. 158.

дворъ Молодечно съ волостью, указываетъ, повидимому, на то, что въ отдаленныхъ отъ центра волостяхъ государства мезлева, кажется, уже ранѣе 1529 года взималась деньгами, а не натурой. Впрочемъ, это пока одна только догадка. Особую, сходную съ мезлевою, подать, именно *яловищину*, плату за яловицы, вносили деньгами волости Витебской земли ⁶⁵⁹), при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ эту подать собиралъ намѣстникъ - державца ⁶⁶⁰). Нѣкоторые изъ Витебскихъ волостей вмѣсто яловищины платили *коневщину*, т. е. плату за коней, которыхъ они въ былое время давали господарю ⁶⁶¹).

Бъ натуральнымъ податямъ, которыя собирали намѣстники-державцы и тивуны, относились и дани: медовая, бобровая, куничная и др. Въ 1495 г. великій князь Александръ, извѣщая приказника и мужей волости Дмитровской въ Смоленскомъ повѣтѣ объ отдатѣ ей „въ держанье до живота“ писарю Ивашку Сопѣжичу, писалъ между прочимъ: „А што тамъ въ васъ дани наше идетъ намъ, грошей и меду, и бобровъ, и куницъ, тую дань казали есмо ему, збираючи на васъ, и слати до скарбу нашего“ ⁶⁶²). Меду данные, бобры и куницы и въ уставѣ 1529 года являются въ числѣ тѣхъ дворныхъ доходовъ, которые должны были собирать державцы, и въ которыхъ они обязаны были давать отчетъ предъ господарскими писарями-ревизорами два раза въ годъ, весною и осенью ⁶⁶³); то же самое и въ уставѣ, данной въ 1529 году державцамъ и тивунамъ Жмудскихъ волостей ⁶⁶⁴). Исключеніе въ этомъ случаѣ, какъ мы видѣли, составляли только волости Подняпрскія и Задвинскія, которыя сами отправляли дань до скарба и ключей Виленскаго и Троцкаго, а „недонимковъ править“ приѣзжали къ нимъ писари. Впрочемъ, бывали случаи, когда сборъ дани и въ этихъ волостяхъ поручался мѣстнымъ державцамъ. Въ 1529 году король Сигизмундъ взялъ изъ рукъ дворянина Никифора Бобоѣдова волость Олучицеую за то, что онъ въ ней „нерядне ся справовалъ“, велѣлъ „кромъ жадное прычины“ повѣсить старца волостного, которому далъ старченье самъ король, а волости подѣлалъ „брывды и драпежства великии“. Вмѣстѣ съ тѣмъ король написалъ державцѣ Кричевскому кн. Василью Семеновичу Жилинскому, „изъ бы онъ

⁶⁵⁹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 12; VI, л. 280, 281.

⁶⁶⁰) Акты Зап. Рос. II, № 86

⁶⁶¹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 280, 281.

⁶⁶²) Литов. Метр. кн. Зап. VI, л. 62.

⁶⁶³) Арт. 26, 32.

⁶⁶⁴) Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 2, 3, 12.

тую волость въ замку нашему Крычовскому держалъ и тую дань, тридцать копъ грошей, всю сполна въ каждый годъ выбравши, до скарбу нашего отсылалъ“⁶⁶⁵). Въ данномъ случаѣ державца собирали дань денежную, которую только и платила волость; но есть примѣры участія намѣстниковъ-державцевъ въ сборѣ и натуральной подати съ Поднѣпрскихъ волостей. Въ 1533 году король Сигизмундъ, освободивъ волость Бобруйскую отъ вѣзда писарей за собираніемъ дани, писалъ мѣстному державцѣ: „старцы сами посполъ въ вижомъ вранника твоей милости, подѣ свѣдомомъ его, мають сполна вси дани наши, якъ гроши, такъ и медъ и бобры и кунницы, vybrati и меду посполъ съ тымъ вижомъ отвозити до влюча нашего на рокъ, на Божье Нароженье, а пенязи на запусы великии до скарбу нашего“⁶⁶⁶). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно также, что и денежная дань въ большинствѣ случаевъ собиралась намѣстниками-державцами.

Кромѣ дани и дѣла, бывшаго своего рода данью, намѣстники-державцы собирали съ крестьянъ и разные другіе платежи натурою, какъ напр., солью (съ соляниковъ), рыбою (съ рыболововъ), углемъ (съ угольниковъ), рудою (съ рудниковъ), льномъ, хмелемъ (въ Жмудской землѣ шли пенязи льняные и хмелевые)⁶⁶⁷), саями, рогатинами и т. д., смотря по спеціальнымъ службамъ крестьянъ, описаннымъ въ началѣ настоящаго очерка.

Намѣстники-державцы, по инструкціямъ 1514 и 1529 годовъ, собирали съ крестьянъ и *осадное*, т. е. тѣ денежные оброки, которыми замѣнялись издѣльные повинности крестьянъ по распоряженію самихъ намѣстниковъ-державцевъ или по распоряженію высшей власти⁶⁶⁸). Въ этому разряду можно отнести и *подать съ сохъ*, которую установилъ король Сигизмундъ въ Жмудской землѣ въ 1527 году. Види разореніе крестьянъ отъ дѣйствовавшей въ этой землѣ системы податей и повинностей, король вызволилъ ихъ „отъ всѣхъ посадей и платовъ и доходовъ“ господарскихъ и предписалъ: „мають они намъ давати съ сохи воловоѣ по пятнадцати грошей, а съ конскоѣ сохи по поль-осма гроша; а хто не маєть воловъ а ни клячи, ино отъ земли пять грошей; а куничники мають намъ давати кунницы водѣ давного обычая, а отъ сохъ ихъ воловыхъ по поль-осма гроша, а отъ конь-

⁶⁶⁵) Лит. Метр. кн. Зап. VII, л. 531, 532.

⁶⁶⁶) Лит. Метр. кн. Зап. XV, л. 172—174.

⁶⁶⁷) Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 3.

⁶⁶⁸) Лит. Метр. кн. Зап. XII, л. 142.

снихъ по половици того“ ⁶⁶⁹⁾. Въ 1529 году эта подать была увеличена вдвое, но за то куничникамъ была дана льгота—вмѣсто 16 грошей вносить за кунцу 12 грошей и 3 пенязя державцамъ и тивунамъ, „кто будетъ выбирать куничные пѣнязи“ ⁶⁷⁰⁾. Платы съ сохъ выбирали также державцы и тивуны, которымъ король, посылая въ 1530 году ревизора въ Жмудскую землю, писалъ: „А кто будетъ съ васъ платъ нашъ пѣнязный, отъ сохъ и за кныи позжитки уставленныи, того году до скарбу нашего не отдашь, того всего казали есьмо ему достаточнѣ довѣдаться“ ⁶⁷¹⁾. Къ „платамъ вровичнымъ“, которые собирали намѣстники-державцы, относился и *чинши*, который давали господарскіе подданные съ волокъ чрезъ своихъ войтовъ ⁶⁷²⁾. Чиншъ въ западныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства брался не только съ волокъ, а и съ земель неразмѣренныхъ, соотвѣтствуя „вроку“ или „оброку“ въ восточныхъ областяхъ. Такъ, въ 1505 году король Александръ подтвердилъ пану Мивитѣ Чапличу село Радоховку въ Жуковской волости Луцкаго повѣта между прочимъ „съ чиншы“ ⁶⁷³⁾. Король Сигизмундъ въ 1508 году, заставивъ пану Федору Янушевичу замокъ Владимиръ со всѣми его дворами, фольварками и волостями, въ числѣ доходныхъ его статей обозначилъ и „чинши“ ⁶⁷⁴⁾. Въ 1511 году онъ подтвердилъ пану Григорью Станиславовичу Остиковича дворъ Ккеггужинъ въ Троцкомъ повѣтѣ съ дворцами, при чемъ въ числѣ доходныхъ статей этого имѣнья опять-таки обозначены „чинши“ ⁶⁷⁵⁾. Въ инструкціи, данной державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣта, поэтому въ числѣ доходовъ, которые должны были собирать державцы, являются и „пенязи чиншевыи“ (арт. 37).

Взамѣнъ издѣльныхъ повинностей брались и разныя другія подати, мелкія, соотвѣтствовавшія той или другой повинности въ частности, въ собираніи которыхъ намѣстники-державцы также принимали извѣстное участіе. Такъ, въ 1499 году великій князь Александръ подтвердилъ Ивашку Пашкевичу семь дворищъ въ Мельницкой волости Луцкаго повѣта „съ данью грошевою и медовою, и съ тою пошлиною, што на замокъ нашъ Лучоскъ, старостѣ на полюдьѣ, на годъ дають

⁶⁶⁹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 149, 1.

⁶⁷⁰⁾ Ibidem, № 160, арт. 2, 4.

⁶⁷¹⁾ Ibidem, № 149, II.

⁶⁷²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 131.

⁶⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 288.

⁶⁷⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 199.

⁶⁷⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 549, 550

по кофѣ грошей, и *зъ сторожовщиною*, и што за дрова дають на городъ по дванадцати грошей, и жито и овесъ и сѣно дають“⁶⁷⁶). Сторожовщина бралась и по волостямъ Полоцкой земли на содержанье перевоза на Двинѣ близъ города Полоцка⁶⁷⁷) и вообще на содержанье городскихъ сторожей⁶⁷⁸). Въ Поднѣпрскихъ волостяхъ взымалась *дубасчина* или *дубасное*, судя по названію, — взаимныя обязанности ставить барки, или дубасы, на Днѣпрѣ для казенныхъ надобностей⁶⁷⁹).

XXXI.

По отдѣльнымъ мѣстностямъ намѣстникамъ - державцамъ приходилось собирать и разныя другія подати и налоги съ крестьянъ. Такъ, въ землѣ Киевской и Подольской они собирали *подымщину* (обыкновенно на третій годъ черезъ два) съ крестьянъ не только господарскихъ, но и владѣльческихъ, пока государь не предоставилъ права владѣльцамъ собирать подымщину съ своихъ крестьянъ въ свою пользу. Распоряженіе это въ Киевской землѣ состоялось въ 1529 году, а въ Подольской еще въ 1507 г.⁶⁸⁰).

Въ землѣ Волынской намѣстники собирали съ господарскихъ и владѣльческихъ крестьянъ *волощину*, пока владѣльцы не получили ее въ свою пользу⁶⁸¹). Волощину собирали намѣстники - державцы также и въ нѣкоторыхъ повѣтахъ Киевской земли, а именно: въ Зыгольскомъ, Житомирскомъ, Чудновскомъ и Мозырскомъ, а также и въ повѣтѣ Свислоцкомъ, который нѣкогда входилъ въ составъ Киевской земли. Въ книгѣ денежныхъ и хлѣбныхъ раздачъ короля Казимира находится между прочимъ слѣдующая записъ: „пану Сенюшу Романовичу (намѣстнику—Житомирскому) и бояромъ житомирскимъ 100 копѣ и полъ 65 копѣ *волощинныхъ*“⁶⁸²). Въ 1505 году король Александръ пожаловалъ дворянину Счасному Полозовичу село Жаховичи въ Мозырскомъ повѣтѣ, съ котораго шло на короля: дани шесть копѣ грошей, три полуколоды и ведро меду, четыре бобра и двѣ ку-

⁶⁷⁶) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 97. Срав. *Źródła dziejowe*, tom. VI, str. 100.

⁶⁷⁷) Акты Зап. Рос. I, № 175; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 209, 210.

⁶⁷⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 219, 220.

⁶⁷⁹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 82, 83; XV, л. 18, 65—67.

⁶⁸⁰) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. II, № 1; Акты Зап. Рос. II, № 26, 30, 164.

⁶⁸¹) Акты Запад. Рос. I, № 201; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 36.

⁶⁸²) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 27.

визы; воловщины — тринадцать грошей, помѣрнаго — два гроша, доводничаго, тивуницны и данничаго полтретя ведра меду и двадцать грошей⁶⁸³). Въ 1506 году король Сигизмундъ вѣдалъ князю Константину Ивановичу Острожскому слѣдующій привилей: „которые люди его и тежъ люди бояръ его у-въ Островѣ и въ Полономѣ, и въ Дубиѣ, и съ *Этлм*, и съ *Чудновъ*, и съ *Туровъ*, и въ Зѣтелѣ, въ тыхъ его замкахъ и въ иныхъ его дворѣхъ, которые онъ гдѣ маєтъ у отчинѣ нашей, великомъ князствѣ Литовскомъ, завжды, за предковъ нашихъ, *волощинну* даивали, мы въ особливое ласки наше и тежъ для его службы *волощинну* людемъ его и тежъ людемъ бояръ его отпустили: яко отъ тыхъ часовъ люди его и тежъ люди бояръ его воловщины не мають давати намъ и нашимъ наслѣдомъ вѣчно“⁶⁸⁴). Изъ этого видно, что до 1508 года воловщину съ Звягля и Чуднова собиралъ и отдавалъ великому князю вн. Острожскій; но Звягль и Чудновъ были нѣкогда великокняжескими волостями, и въ это — то время воловщину собирали съ нихъ великокняжескіе намѣстники. Король Сигизмундъ отпустилъ людемъ князей Вишневецкихъ и пановъ Хотовичей въ Свислочьскомъ повѣтѣ, „старши пошлины: дубасщину, *волощинну*, сѣнничое, што тые люди ихъ хоживали къ Рудомниѣ сына восити“⁶⁸⁵) и т. д.

Въ Брянскомъ повѣтѣ аналогичная съ подымщиною и воловщиною подать называлась *поголовщиною* (объектомъ обложенія былъ здѣсь рабочій человекъ). Въ книгѣ пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Князю Дмитрею Путатичу на вождый годъ по двадцати копъ грошей съ мыта Браньского и съ корчомъ, поки Браньскъ держитъ, а ему жъ по тринадцати вадей меду прѣсного съ дани на вождый жо годъ, а по двадцати вопъ грошей съ поголовщины на вождый жо годъ, поки Браньскъ держитъ“⁶⁸⁶). Въ 1496 году великій князь Александръ, пожаловавъ князю Тимошею Капустѣ дворъ Лопашъ въ Брянскомъ повѣтѣ съ четырьмя людьми и одного человека данника по имени Сытича, написалъ въ привилей: „а поголовщину съ тыхъ людей отпустили есмо ему“⁶⁸⁷). Ясно, такимъ образомъ, что поголовщина была прямая подать въ Брянскомъ повѣтѣ, собиравшаяся съ крестьянъ намѣстниками въ пользу господаря.

⁶⁸³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 4.

⁶⁸⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 319—321.

⁶⁸⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 18.

⁶⁸⁶) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 26.

⁶⁸⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 88.

Къ числу такихъ же податей принадлежала и смоленская *посощина*, взимавшаяся со всѣхъ тѣхъ селитъ, съ которыхъ не шла боярская служба⁶⁸⁸). Военная служба слугъ не освобождала отъ посощины: Такъ, великій князь Александръ въ 1498 году пожаловалъ Богдану Сопѣвичу „дву чоловѣковъ у Смоленскомъ повѣтъ у Еленской, волости на имя Гридка бортника зъ братьею Нефедьвовичовъ а Василя зъ братьею Щербиновыхъ“, при чемъ намѣстникъ Смоленскій писалъ о нихъ: „тотъ Гридко зъ братьею данный чоловѣкъ, давалъ намъ кадъ меду прѣстного, а тотъ Василь зъ братьею давали въ казну нашу (господарскую) полтину грошей, а посощина шестнадцать грошей, а служба съ нихъ досѣшная“⁶⁸⁹). Посощина въ Смоленской землѣ взималась съ крестьянъ не только государскихъ, но и владѣльческихъ, и шла въ смоленскую казну, пока владѣльцы по земскому привилею 1457 года не получили ея въ свою пользу. По крайней мѣрѣ, при Александрѣ и Сигизмундѣ владѣльцы крестьянъ собираютъ ее уже въ свою пользу. Въ 1502 году король Александръ подтвердилъ князьямъ Ивану и Тимоюею Филиповичамъ Крошинскимъ имѣнья ихъ отчины въ Смоленской землѣ со всѣми людьми—данныками, слободичами и куничниками, со всѣми ихъ землями и угодьями „и зъ данymi грошовыми и медовыми, и куничными, и бобровыми, и *посощинами*, и съ серебряными, и всякими иными поплатами и податями“⁶⁹⁰). Посощина въ Смоленской землѣ древнѣе литовскаго владѣчества: она существовала и въ тѣхъ частяхъ, которыя отторгнуты были отъ ней ранѣе окончательнаго утвержденія литовскаго господства, напр., въ княжествѣ Мстиславскомъ⁶⁹¹).

Всѣ эти подати, повидимому, унаслѣдованы Литвою отъ временъ татарскаго ига, и различныя названія обозначаютъ различныя стadi въ процессѣ обложенія татарскою данью. Въ Брянскомъ повѣтъ, отъ котораго неподалеку имѣли свое мѣстопребываніе татарскіе баскаки, сохранился чисто татарскій способъ обложенія — поголовщина; въ Киевской землѣ и на Подольѣ, гдѣ татары нѣкогда жили въ перемежку съ русскимъ населеніемъ; но гдѣ дань на татаръ собирали русскіе атаманы, установлена была подать, болѣе соответствовавшая платежнымъ силамъ населенія, но съ сохраненіемъ любимаго татарами числа—подымщина; въ Волынской землѣ и Смоленской подать эта, собира-

⁶⁸⁸) Акты Зап. Рос. I, № 55.

⁶⁸⁹) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 77.

⁶⁹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 208.

⁶⁹¹) Акты Зап. Рос. II, № 27.

шая мѣстными князьями, еще болѣе приближалась въ действительнымъ платежнымъ силамъ населенія, будучи взимаема съ воловьего плуга или конской сохи, но опять таки съ сохраненіемъ числа. Объекты обложенія, впрочемъ, и въ одной мѣстности бывали различны: такъ что на ряду съ посочиною или воловщиною существовала и подымщина; такая вариация была естественна при разнообразіи занятій и имущественной наличности. Такимъ образомъ, напр., въ княжествѣ Мстиславскомъ крестьяне платили посочицу и подымщину, и какую-то тамщину (ямщину?) ⁶⁹²⁾, на Волыни воловщину и подымщину ⁶⁹³⁾, въ Кіевской землѣ, какъ мы видѣли выше, подымщину и воловщину. Подымное или подымщина взималась также и въ Берестейско-Подляшской землѣ какъ съ мѣщанъ, такъ и съ волостныхъ людей ⁶⁹⁴⁾, между тѣмъ съ Полѣсья, примыкавшаго къ Волыни, взималась, какъ мы видѣли выше, воловщина.

Всѣ эти унаследованныя отъ временъ татарскаго ига подати, по крайней мѣрѣ, въ идеѣ предназначались на военныя издержки, на оборону отъ татаръ. Освободивъ въ 1509 г. князей, пановъ и землянъ Волынской земли отъ уплаты съ своихъ крестьянъ воловщины, король Сигизмундъ вписалъ въ привилей Волынской земли слѣдующее обязательство: „низъли, коли панове рада наша великого князства Литовскаго для котороу великою потреби земскоу звать который платъ съ своихъ людей дати; тогда князи и панове и вся шляхта Волыньскоу земли мають намъ такожъ тотъ платъ съ своихъ людей двати“ ⁶⁹⁵⁾. Посочица въ Смоленской землѣ вносилась въ мѣстную казну, которая расходовалась областнымъ начальствомъ также на военныя издержки, пушкарямъ и другимъ служилымъ людямъ.

Въ самой Литовской землѣ, на Руси, въ землѣ Жмудской, Витебской и Полоцкой правительство для военныхъ цѣлей собирало подать со всѣхъ крестьянъ и мѣщанъ, которая называлась *серебщиною*; съ отнѣною воловщины и подымщины подать эта стала собираться и въ Кіевской землѣ, и на Волыни. Серебщина въ Литовско-Русскомъ государствѣ до половины XV вѣка была постоянною или, по крайней мѣрѣ, периодическою податью, которая взималась не только съ государственныхъ крестьянъ и мѣщанъ, но и съ княжескихъ, панскихъ и боярскихъ „подданныхъ“. Очевидно, это была та самая подать (*tributum*),

⁶⁹²⁾ Акты Зап. Рос. I, № 82; II, № 27.

⁶⁹³⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXLVI.

⁶⁹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 387—390, 448; XI, л. 31, 32.

⁶⁹⁵⁾ Акты Зап. Рос. II, № 54.

платить которую обязаны были по Городелъскому привилею 1413 года паны и бояре на ряду съ другими военными повинностями, постройкою и починкою замковъ, мостовъ и дорогъ. На военное назначеніе этой подати указываетъ латинское названіе ея въ земскомъ привилеѣ 1457 года—*contributio*. Едва ли она и не произошла отъ татарскаго *серебра*, которое ввимаюсь съ русскихъ областей въ XIV вѣкѣ⁶⁹⁶): Литва, найдя эту подать въ русскихъ областяхъ и взявъ ее въ свое распоряженіе, распространила ее и на тѣ земли, которыя не уплачивали дани татарамъ, въ цѣляхъ общей борьбы съ татарами и другими врагами Литвы и Руси. На такое происхожденіе серебщины намекаетъ и то обстоятельство, что въ Смоленской землѣ и оторванномъ отъ нея Мстиславскомъ княжествѣ слово „серебщина“ было именемъ нарицательнымъ, замѣнявшимъ собою и подымщину, и посощину⁶⁹⁷). По земскому привилею 1457 года князья, паны, бояре и мѣщане были освобождены „отъ вытѣгненія серебщины“ постоянной, и то же самое было подтверждено земскимъ привилеемъ 1492 г.⁶⁹⁸). Но тѣмъ не менѣе государь по совѣту и согласію пановъ рады, на „важныхъ соймахъ“, на которые съѣзжалась военнослужилая знать государства, опредѣлялъ сборъ *серебщины* „для великое земское потребы“ со всѣхъ имѣній: государскихъ, духовныхъ, княжескихъ, панскихъ, боярскихъ,—съ мѣсть и волостей. Особенно часто серебщина стала назначаться въ эпоху напряженной борьбы, которая велась съ Московскимъ государствомъ въ первые годы Сигизмундова княженія и потребовала большихъ издержекъ отъ правительства. Серебщина, такимъ образомъ, превратилась во временную подать, которая собиралась во время приготовленій къ войнѣ или въ теченіе самой войны, и при томъ въ количествѣ, требовавшемся войною, а не въ определенной нормѣ. Такъ, напр., въ 1507 году князь-бискупъ, паны-рады, воеводы, князья, земляне, вдовы и вси вообще шляхта, бывшіе на сеймѣ въ Вильнѣ,—„зволили его милости господарю зъ людей своихъ на тотъ годъ серебщину дати съ воловоѣ сохи по шести грошей, а съ коньскоѣ сохи по три грошы; а хто землю держитъ подъ собою, а воловъ и княчъ не маєтъ, а въ земли пошину маєтъ, тотъ однакъ три грошы маєтъ дати“⁶⁹⁹). Такъ было постановлено въ февралѣ 1507 г., но уже въ мартѣ того же года король, будучи на сеймѣ въ Городѣ

⁶⁹⁶) Акты Зап. Рос. I, № 4.

⁶⁹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 208; Акты Зап. Рос. I, № 43, 82.

⁶⁹⁸) Акты Зап. Рос. I, № 61; *Zbiór praw litewskich*, str. 58—67.

⁶⁹⁹) Акты Зап. Рос. II, № 12.

съ панами-радою, духовными и свѣтскими, и со всѣми землями, для своей и земской великой нужды положилъ на всю отчину свою, великое княжество Литовское и даже на украинные города серебщину въ такомъ размѣрѣ: „отъ вождоѣ сохи воловоѣ по пятнадцати грошей, а отъ коньскоѣ по польсма гроша, а отъ челоуѣка, который сохъ не маєть, отъ земли по шести грошей, а отъ огороднива по три гроши“⁷⁰⁰⁾. Въ 1585 году серебщина собиралась въ размѣрѣ 12 грошей съ воловой сохи, шесть съ коньской и т. д.⁷⁰¹⁾. Въ виду этого довольно странно читать у г. Ясневскаго въ его примѣчаніяхъ къ сводному тексту уставныхъ грамотъ Литовско-Русскаго государства, что де „подать эта въ различное время взималась въ размѣрѣ 3 или 5 грошей“⁷⁰²⁾.

На мѣста подать эта налагалась господаремъ съ „порадою“ пановъ-рады общюю суммою. Такъ, король Казимиръ, подтвердивъ Константину греку купленное имъ въ Новгородскомъ мѣстѣ „мѣстце“, съ котораго „не было никоторое потагли зъ мѣстомъ“, написалъ въ своемъ подтвердительномъ листѣ отъ 12 мая 1483 года: „И мы ему отпустили зъ мѣстомъ нивоторое потагли не тягнути и службы не служити: и подводь не давати, и серебщину малое и великое не платити ему и его дѣтемъ и ихъ щатвомъ“⁷⁰³⁾. Великій князь Александръ, отдавъ въ 1493 году землю подъ мѣстомъ и въ мѣстѣ Смоленскомъ для владѣнн съ правомъ имѣть тамъ опредѣленное количество дворовъ, писалъ въ своемъ листѣ: „а тыхъ его людей нашему намѣстнику Смоленскому, а ни околичимъ не судити, а ни рядити, а нивоторыхъ пошлениъ съ нихъ не брати на себе: *никожи, коли положимъ серебщину на асе мѣсто*, тогда посполу зъ мѣстомъ мають тые его люди намъ давати поборъ и иные подачки, по тому, какъ первѣй сего, издавна люди владѣнны, которые есмо взяли на насъ, даивали намъ“⁷⁰⁴⁾. Въ волостяхъ Поддѣпрскихъ и Задвинскихъ серебщину сообща съ мѣстами платили и люди волостные, господарекіе и частновладѣльческіе, при чемъ серебщина взималась здѣсь черезъ два года на третій, приближаясь такимъ образомъ къ постоянной подати, хотя размѣръ ея опредѣлялся по усмотрѣнію центрального правительства. Въ уставной

⁷⁰⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 17.

⁷⁰¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 200.

⁷⁰²⁾ Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства, стр. 138, пр. 167. Бѣвъ 1889.

⁷⁰³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 114.

⁷⁰⁴⁾ Акты Зап. Рос. I, № 144; I. Справ. *ibidem*, № 185; II, № 13, 70.

грамотѣ, данной около 1498 года Старцевой волости Торопецкаго повѣта, читаемъ между прочимъ: „А Торопчаномъ и соцкимъ Торопецкимъ не надобѣ въ нихъ вступатися, завѣдати ихъ старцу, и дань, и *серебщину*, и тивунщину збирати самимъ, опрочъ Торопчанъ“ ⁷⁰⁵). Изъ этого видно, что въ собственной Торопецкой волости Торопчане, т. е. мѣщане, собирали серебщину сообща съ соцкими волостныхъ крестьянъ. Въ волости Могилевской бояре, мѣщане и люди данники давали сообща серебщину „завжды на третій годъ, колько имъ господарь на нихъ положимъ“, какъ выражается уставная грамота короля Сигизмунда отъ 1514 года ⁷⁰⁶). То же было, напр., и въ волости Бобруйской, какъ это видно изъ заявленія людей этой волости обѣихъ половинъ, Виленской и Троцкой, поданнаго королю Сигизмунду въ 1533 г. ⁷⁰⁷).

Разумѣется, въ тѣхъ случаяхъ, когда серебщина платилась сообща мѣстнымъ обществомъ, намѣстникамъ-державцамъ было мало дѣла по сбору ея: нужно было только побуждать мѣщанскія и крестьянскія власти къ собираию ея и доставленію въ срокъ и въ полномъ количествѣ. Дѣло ихъ значительно усложнилось тамъ, гдѣ серебщина собиралась по сохамъ или земельнымъ участкамъ, и гдѣ имъ приходилось имѣть дѣло не съ цѣлымъ обществомъ, а съ частями его и даже съ отдѣльными плательщиками. Въ 1507 году, напр., король съ панами-радою „росказали тую серебщизну брати, тымъ обычаемъ: державцы наши мають тую серебщизну избирати, безъ всякого умѣшканы, кождый у своемъ повѣтѣ, зъ нашихъ людей; а хоружій кождый у своемъ повѣтѣ маеть избирати зъ людей боярскихъ и дворанскихъ и вдовѣихъ и татарскихъ подъ свѣдомомъ кожного державцы нашего; а князей и пановъ радъ нашихъ зъ ихъ имѣней намѣстники ихъ мають обирати и до скарбу нашего отдавати и присѣгу чинити, потому жъ, какъ и наши вранники, передъ подскарбимъ земскимъ, што справедливе избирали, ни одноѣ сохи и ни одного грона не втакли и до скарба нашего сполна отдали“ ⁷⁰⁸). При такомъ условіи намѣстники-державцы должны были принимать дѣятельное участіе въ сборѣ серебщины и контролировать ея вниманіе даже съ отдѣльных плательщиковъ.

⁷⁰⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.

⁷⁰⁶) Акты Зап. Рос. II, № 86.

⁷⁰⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 102, 103.

⁷⁰⁸) Акты Зап. Рос. II, № 17.

Однородною съ серебряною была подать, известная подъ именемъ *ордынщины* и взимавшаяся едва ли не на уплату пенниновъ Крымскому хану. Кромѣ названія, на это указываетъ и то обстоятельство, что подать эта взималась большею частью натурою, соболями и сунами ⁷⁰⁹⁾. Подать эта раскладывалась общею суммою по мѣстамъ ⁷¹⁰⁾ и по волостямъ Поднѣпрскимъ, которыя платили ее сообща съ мѣстами, какъ и серебрянину. Такъ, великій князь Александръ въ 1499 г. постановилъ такую резолюцію по дѣлу волости Свислонецкой съ людьми бояръ Котовичей: „тыя люди Котовичевъ Горане а Бродчане, а Максимовичы съ людьми нашими Свислонецкое волости мають всякую тягль тянути: и города рубити, и ордынщину давати, и дубащину платити, и пословъ и гонцовъ поднимати, и недѣли стеречи съ подводами у Свислочи на городищи и на рѣцѣ на Березини и на броду, и мосты мають съ ними мостити, и въ Руднивахъ сѣно косити, и жыщину до замковъ нашихъ возити, и всякую тягль мають съ ними тягнуты и ни въ чомъ не мають ихъ выдати“ ⁷¹¹⁾. Изъ инструкции, данной въ 1533 г. пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду, державшему волость Бобруйскую, узнаемъ, что Поднѣпрскія волости въ тѣ годы, когда платили ордынщину, не платили серебрянины. „А што ся тыеть серебрянины и ордынщины,—писалъ король,—мы до подскарбего земского пана Горностая писали, естли будетъ сего року ордынщина съ нихъ выбрана, абы серебрянины съ нихъ брати не велѣлъ и казалъ имъ въ томъ дати покой“. Изъ этой инструкции видно также, что и въ Бобруйской волости въ платежѣ ордынщины участвовали частновладельческіе крестьяне, которые обязаны были платить своимъ панамъ только дань, а во всемъ остальномъ тянуть вмѣстѣ съ волостью ⁷¹²⁾. Кромѣ волостей Поднѣпрскихъ, мы нигдѣ еще не встрѣчаемъ прижировъ совмѣстнаго платежа ордынщины мѣстомъ и волостью, и утверждение г. Леонтовича, что ордынщина платилась городами съ цовѣтами является, такимъ образомъ, слишкомъ широкимъ обобщеніемъ ⁷¹³⁾.

Такъ какъ ордынщина платилась сообща, общею суммою, то и сборъ ея составлялъ внутреннее дѣло мѣщанскихъ обществъ, которыя уплачивали ее нерѣдко изъ своихъ общественныхъ доходовъ. Намѣстники - державцы были только передаточною инстанціей между

⁷⁰⁹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 193.

⁷¹⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 13, 61, 70, 168.

⁷¹¹⁾ Литов. Мѣтр. кн. Запис. V, л. 82, 83.

⁷¹²⁾ Литов. Мѣтр. кн. Запис. XV, л. 102, 103.

⁷¹³⁾ Киевскія Университет. Извѣстія 1863 г. № 11, стр. 33 и слѣд.

плательщиками и скарбомъ. Какъ бы то ни было, но ближайшимъ образомъ государь возлагалъ обязанность сбора и отвѣтственность за него на намістниковъ - державцевъ. Въ заставномъ листѣ, виданномъ въ 1518 году королемъ Сигизмундомъ пану Богусу Вотопиновичу на замокъ Каменецъ съ повѣтомъ читаемъ: „моли платъ положимъ на все панство великое князство Литовское, тогда съ востныхъ людей маеть намъ серебщину давати, а съ шѣста ордынщину, также и серебщину и который колые платъ положимъ“ ⁷¹⁴).

XXXII.

Кромѣ податей натуральныхъ и денежныхъ, получившихъ въ изучаемое время (за исключеніемъ серебщины и ордынщины) значеніе помѣщичьихъ доходовъ, благодаря тому, что частнымъ владѣльцамъ предоставлено было право взимать ихъ съ крестьянъ въ свою пользу, — намістники - державцы собирали государскіе доходы и съ разныхъ хозяйственныхъ оброчныхъ статей. Здѣсь на первомъ планѣ можно поставить земли пустовскія, которыя по инструкціи 1529 года державцы должны были „наймовати на пѣнзи або на меду“, т. е. сдавать ихъ въ аренду. Примѣры этой сдачи встрѣчаются и ранѣе 1529 года, такъ что инструкція подтверждаетъ то, что уже было и не только въ государскихъ, но и въ княжескихъ и боярскихъ вѣнцяхъ. Такъ, уже въ инвентарѣ двора Грезанъ, составленномъ въ моментъ перехода Кіевской земли подъ управленіе великокняжескихъ намістниковъ, читаемъ: „Левонъ держитъ землю Ратовищину, а съ тѣе земли хоживало семь ведеръ меду, а полюды ведро меду, а две кунци, а ловчому чотыри гроши, бобровнику три гроши; ино тая земля много лѣтъ залегла пуста, ничего с нее не хоживало; въ сій же годъ Левону дали изъ третину дань давати, што бы тая земля пуста не лежала“ ⁷¹⁵) и т. д. Князья Одоевскіе въ Бѣлицкой волости Смоленской земли продали боярину Мартину Болваницкому землю данную съ бобровыми гонами въ селѣ Чепаничахъ, а бояринъ отдалъ ее „изъ трети“ челоуку Онофрейцу, который и сталъ ему даватъ дани вадъ меду и двадцать грошей ⁷¹⁶). Въ княжествѣ Мстиславскомъ пустыя селища отдавали крестьянамъ пахать „съ поземя“, за опредѣ-

⁷¹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 593; XI, л. 7.

⁷¹⁵) Архивъ Юго-Зап. Россіи ч. VII, т. II, № 1.

⁷¹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 57.

лишнее количество грошей⁷¹⁷⁾. „Съ лезему“ брали пахать пустошщины и въ господарскихъ волостяхъ Витебской земли, какъ это видно изъ одного завѣщанья намѣстника Лужосаяскаго Молодена воеводѣ Витебскому Яну Юрьевичу Глѣбовича, при чемъ таковой порядокъ существовалъ, но словамъ листа воеводы, „за отца нашего (быль намѣстникомъ въ Витебскѣ въ 1503—1508 г.г.) и за первыхъ воеводъ“⁷¹⁸⁾. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ пустошщины было мало, земля была хорошая, намѣстникамъ - державцамъ удавалось иногда раздавать пустошщины во временное пользованіе съ тѣмъ, чтобы съ нихъ шла полная служба. Такъ, напр., въ Бѣльскомъ повѣтѣ землю Бакуновищину въ 1511 году держалъ одинъ крестьянинъ, служившій съ нея службу и платившій всѣ подати, имѣя въ то же время подъ собою свою отчину⁷¹⁹⁾. Но зато бывало иногда, что намѣстники - державцы раздавали крестьянамъ пустошщины за подарки, „съ поклона“, не требуя съ нихъ ничего въ пользу господарскую. Въ 1513 году у короля Сигизмунда просилъ землинъ Берестейскій Сидоръ Федоровичъ жеребей Говановскій въ Берестейскомъ повѣтѣ: „а повѣдиль передъ нами, — читаемъ въ залованной грамотѣ Сигизмунда, — што жъ дей тотъ жеребей пустъ, а отчича къ нему нѣтъ, вижли дей тими рази нѣкотори люди наши Берестейское жъ волости тотъ жеребей шапуть безъ данины нашею, съ поклоновъ, а служби намъ съ него нѣтъ“⁷²⁰⁾. Земли, раздававшіяся съ поклоновъ, такъ и назывались *поклонными*. Такъ, намѣстникъ Кричевскій князь Василій Семеновичъ Жилинскій далъ, а король Сигизмундъ подтверждалъ въ 1523 году своимъ листомъ, боярину кричевскому Василю Киприяновичу съ братаничами два селенца пустыхъ, одно вуничное Случаковское, а другое поклонное Васильевское⁷²¹⁾. Точно такъ же и въ Жмудской землѣ „отмети“ съ пустыхъ земель державцы и тивуны брали въ свою пользу, и только въ 1529 году король запретилъ имъ пользоваться этимъ доходомъ: „тежь отмети, которые бирала державцы и тивуны съ пустыхъ земель, того видо тивуны не мають на себе брати: то привлацаемъ на насъ, абы тими рыхлѣй тые земли людьми были осажены“⁷²²⁾. Въ 1530 году, просила въ Жмудскую землю писаря Андрея Мядковича, король поручилъ

717) Акты Зап. Рос. I, № 82.

718) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 48, 49.

719) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 13.

720) Ibidem, л. 212.

721) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 126.

722) Акты Запис. Рос. II, № 160, арт. 2.

чить ему между прочимъ раздавать пустошины и выбирать съ нихъ „мѣдницы медовъ прѣсныхъ“ ⁷²³⁾.

За пользованіе лѣсными господарскими или крестьянскими пустошиными угодьями (бортами и ловами) намѣстники - державцы собирали „пенязи куничные и поборные“ ⁷²⁴⁾. Что эти деньги взимались за пользованіе лѣсными угодьями, на это намекаетъ то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ обширныхъ повѣтахъ деньги эти собирались гасниномъ. Въ 1512 году король писалъ старостѣ Берестейскому пану Юрью Ивановичу Ильинича: „мовили намъ подскарби наши, штожъ дей гаснивъ Берестейскій Оудько—пьяница и того врану не пилентъ, и которые дей пенязи поборные на людехъ собралъ, тне дей пенязи попроивалъ: и они на тотъ вранъ гаскицтво обрали дворянина вѣшого Чержевского“ ⁷²⁵⁾. Куничные и поборные пенязи упоминаются и въ заставномъ листѣ, выданномъ въ 1518 году пану Богусу Боговитиновичу на дворъ Каменецъ, на ряду „съ гасництвомъ“, „бобровничетвомъ“ и „лѣсничимъ“ ⁷²⁶⁾. — Не маловажную статью господарскихъ доходовъ составляли „буды“ или „купы“ въ пушчахъ. Уставъ 1529 года гласитъ о нихъ: „Тежъ при воторомъ - вольвекъ дворъ нашомъ суть пожитки съ кучовъ въ лѣсѣ, то есть смолы, ванчосъ, клеши, попелъ, тое суполно на насъ оставуемъ“. Обыкновенно эта хозяйственная статья сдавалась въ аренду — на откупъ, — такъ что намѣстники-державцы, кромѣ надвора за правильностью ея эксплуатаціи, не имѣли въ ней никакого отношенія. Такъ, напр., въ 1515 году король Сигизмундъ отдалъ на откупъ нѣмцу Ганусу Бѣлому четыре буды въ Пушской, Дорсунинской, Бригтанской и Вилькейской пушчахъ съ такимъ условіемъ: „масть отъ тамъ дерево на ванчусъ и клеши робити и попелъ жечи, а намъ масть отъ того давати двѣстъ копъ грошей на годъ... а мыто намъ масть платити по тому, какъ и инни платятъ.“ ⁷²⁷⁾ Прямѣровъ непосредственной эксплуатаціи будъ, чрезъ господарскихъ крестьянъ, намъ не встрѣчалось въ актахъ юрчашаго времени, если только на такую эксплуатацію не указываютъ господарскіе доттары, упоминавшіеся выше.

Наконецъ, намѣстники-державцы и тивуны должны были распоряжаться ловлею рыбы въ господарскихъ рѣкахъ и озерахъ, при чемъ

⁷²³⁾ Акты Зап. Рос. II, № 149, II.

⁷²⁴⁾ Арт. 37 устава 1529 года.

⁷²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 35.

⁷²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 593; XI, л. 7.

⁷²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 219.

дѣ части улова должны были продавать, а деньги отдавать въ скарбъ, а третью брали себѣ ⁷²⁸⁾; ранѣ этого намѣстники - державцы брали рыбы, сколько имъ было „на пожитокъ слушного“ ⁷²⁹⁾. Въ нѣкоторыхъ областяхъ господарскія рыбныя ловли отдавались на откупъ за деньги, какъ напр., въ Жмудской землѣ ⁷³⁰⁾.

XXXIII.

Намѣстники - державцы въ качествѣ главныхъ приказчиковъ въ господарскихъ имѣньяхъ не только должны были заботиться о поддержаніи и развитіи господарскаго хозяйства, о сборѣ и доставленіи доходовъ съ него госнодарю, но и обязаны были принимать и кормить господара съ его свитою въ случаѣ пріѣзда ихъ въ данное имѣнье, а равно господарскихъ пословъ и гонцовъ, поднимать ихъ „стаціями“, какъ говорилось въ то время, и доставлять имъ подводы для переѣзда до слѣдующаго имѣнья. Въ 1529 году король Сигизмундъ, отправляя послами къ великому князю Московскому пановъ Матея Войтеховича и Василія Богдановича Чижа съ дьякомъ Андреемъ Мацкевичемъ, писалъ державцамъ дворовъ, которые находились на пути въ Москву: Мѣдницкому, Ошменскому, Кревскому, Красносельскому, Мѣнскому, Борисовскому и Рошскому: „И вы бы пану Матею и слугамъ его давали на каждомъ стану яловицу а десятеро куръ; въ постныи дни рыбъ и хлѣба и иныхъ стравныхъ речей съ потребу, а вшатовъ меду, а бочку пива въ три вшаты; а на кони его сѣна съ потребу и овса пять бочокъ, а къ тому паству на кони; тежъ давали бы есте ему жъ дванадцать подводъ въ возы и съ проводники вездѣ по дорожѣ, почопши отъ насъ тою дорогою по тымъ дворомъ выщеписаннымъ и до границы Московской, и оттолъ зася до насъ тою жъ дорогою, ни гдѣ ничымъ не мѣшая“ ⁷³¹⁾. Относительно стацій самому госнодарю въ уставѣ 1514 года находимъ слѣдующее предписаніе, обращенное къ намѣстникамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣта: „маешъ насъ всякими стацеями поднимати, какъ было за отца и брата нашего, королевъ ихъ милости; а коли быхмо казали тобѣ стацею, давати намъ до Вильни або гдѣ индѣ, або на войну за нами везти, тогда ты, вранникъ нашъ, маешъ тую стацею до насъ проводить безъ замѣ-

⁷²⁸⁾ Арт. 16 устavy 1529 года.

⁷²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583.

⁷³⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 160. арт. 3.

⁷³¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 495.

пканья по тому, по чому будетъ и передъ тымъ здавна за предковъ нашихъ тоѣ стацен давано, и какъ со всихъ людей нашихъ у волости... будетъ" ⁷²²⁾). Стаціи и подводны намѣстники-державцы должны были давать господарю даже и тогда, когда дворы у нихъ были „въ заставѣ“. Такъ, король Сигизмундъ, заставивъ въ 1516 году дворъ Оникшты пану Миколаю, старостичу Жмудскому, обязалъ его между прочимъ: „какъ приѣдемъ до Оникшты онъ маєт насъ стацеями поднимати и подводны подъ насъ зъ мѣста и зъ волости давати подлугъ давного обычая“ ⁷²³⁾). Въ 1520 году король отдалъ пану Яну Яновичу Заберезенскому на четыре года дворъ Меречъ на выбирать пеньезей его, 1000 копей грошей; панъ Заберезенскій долженъ былъ собирать въ свою пользу всѣ доходы съ двора Мереча и пользоваться всѣмъ, „нижли,—гласитъ выданный ему листъ короля,—коли мы будемъ тамъ у Меречи, тогда онъ маєт насъ стацеями и иными речми поднимати подлѣ давного обычая“ ⁷²⁴⁾). Стаціи державцы давали не изъ своихъ доходовъ, а собирали ихъ съ тѣхъ же волостныхъ людей, какъ это видно изъ только что приведенныхъ выдержекъ актовъ; въ дополненіе къ нимъ можно указать на уставу, данную въ 1529 году державцамъ и тивунамъ Жмудскихъ земель, гдѣ читаемъ: „егда ся больвекъ намъ пригодитъ тамъ до которого двора, або до земли Жо-мойтскоѣ приѣхати, тогда отъ каждого человекъ намъ повинни будутъ давати вси стацею, яко: яловиць, воловъ, гусей, куровъ, барановъ, вепровъ, овса и сѣна, меду и пива; а того на иншій часъ не повинни будутъ давати, одно, коли быхмо сами персуною своею тамъ приѣхали“ ⁷²⁵⁾). О томъ, что подводную повинность отправляли господарскіе волостные люди, было говорено выше.

Въ стаціяхъ и подводахъ господарскимъ крестьянамъ помогали мѣщане, какъ увидимъ ниже, и крестьяне частныхъ владѣльцевъ, если не были освобождены отъ того спеціальными привилеями. Земскій привилей 1457 года оставилъ стаціи на всѣхъ вообще частныхъ имѣньяхъ; земскій привилей, данный великимъ княземъ Александромъ при вступленіи на престолъ, подтвердилъ эту обязанность владѣльцевъ. Что касается подводной повинности, то земскій привилей короля Сигизмунда отъ 1506 года даетъ относительно этого такое разъясненіе: *Et licet kmethones ipsorum Baronum et Nobilium a dandis*

⁷²²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583.

⁷²³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 156.

⁷²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 29.

⁷²⁵⁾ Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 6.

podwodys nobis, et successoribus nostris liberavimus; nihilominus tamen pro Oratoriis nunciisque et Cursoribus tam nostris quam etiam ad nos, et undecunque venientes debent Podwodae ipsi dari et custodiri cum solito numero equorum in locis solitis et consuetis ⁷²⁶⁾). Акты изучаемаго времени еще болѣе разъясняютъ дѣло о подводной повинности владѣльческихъ крестьянъ, въ томъ именно смыслѣ, что владѣльческіе крестьяне не обязаны были доставлять подводы только для хозяйственной надобности государскихъ дворовъ, но должны были поднимать какъ стациями, такъ и подводами преѣзжающаго государя со свитою, пословъ и гонцовъ. Такъ, напр., въ 1499 году великій князь Александръ пожаловалъ дворянину Богдану Коломтаеву данника Олейка съ братьею и съ землею въ Пьяновѣ Брянскаго повѣта, при чемъ написалъ въ своемъ привилеѣ: „въ того его чоловѣка сотникомъ не надо ся вступати и ни розметовъ на нихъ жетати; нѣжли, коли мы сами государь будемъ во Брянску або послове наши, тогда и на того его чоловѣка мають розметы покладати такъ, какъ и на иныхъ нашихъ людей“ ⁷²⁷⁾. Въ Волынской землѣ мѣстные князья и паны давали подводы подъ государскихъ пословъ и гонцовъ, какъ это видно изъ судебного дѣла между княземъ Иваномъ Корецкимъ и паномъ Богданомъ Гостьскимъ „о неотмѣниванъѣ подводъ Корецкихъ въ Гоци“, разбиравшагося великимъ княземъ Александромъ ⁷²⁸⁾. Въ Кіевской землѣ, какъ это видно изъ ея привилеѣ, люди княжескіе, панскіе и боярскіе стерегли недѣли въ Чернобыли ⁷²⁹⁾. Для Виленскаго повѣта можно указать на примѣръ двора и волости Молодеченской, пожалованной въ 1511 году князю Михаилу Ивановичу Мстиславскому со всемъ правомъ и панствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ такою обязанностью: „нѣжли, коли мы сами государь прїѣдемъ до того двора Молодечна, тогда мають насъ стацею поднимати, какъ здавна бывало, тежъ пословъ нашихъ великихъ; а подводы подъ послы и гонци наши мають давати по давному“ ⁷³⁰⁾. То же было и въ землѣ Полоцкой, какъ это видно изъ жалобы пана Пугаты Оедковича, предъявленной въ 1532 году воеводѣ Полоцкому Яну Юрьевичу Глѣбовича на городничаго Полоцкаго Ивана Глѣбовича, „ижъ передъ

⁷²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 12—15; Zbiór praw litewskich, str. 95—99.

⁷²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 82.

⁷²⁸⁾ Ibidem, л. 1, 2.

⁷²⁹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 30.

⁷³⁰⁾ Ibidem, № 69.

тѣмъ съ стародавнихъ люди его съ Усомья да зъ Гомья на стану Суйскомъ господара короля его милости и чинавъ воеводъ Полоцкихъ посіоловъ зъ людьми его поднимывали, а теперъ поднимати и въ томъ имъ помочни быти не хотять“. Городничій выигралъ дѣло, потому что представилъ привилей короля, которымъ „рачилъ его милость тѣхъ людей его отъ того стану вызволити“⁷⁴¹⁾. Дѣйствіе системы частныхъ вѣзятій при общихъ нормахъ права проявлялось и здѣсь съ полною силою. Такъ, великій князь Александръ въ 1493 году освободилъ людей волости Кремяной и Буйгородцевъ (одну службу) Смоленскаго повѣта, принадлежавшихъ князю Константину Крошницкому „отъ давняиъ стацїи и отъ чинавья становъ“ на самого господара и его пословъ, мотивировавъ это пожалованье такъ: „бо то есмо ему давали за его службу“⁷⁴²⁾. Въ 1508 году король Сигизмундъ пожаловалъ на вѣчность пану Богдану Семеновичу Софїгѣ волость Ельную въ Смоленскомъ повѣтѣ „зо всимъ на все на вѣчность“, при чемъ оговорилъ: „а подвождъ намъ и врандикомъ нашимъ тѣи люди его съ тое волости не мають давати; и тежъ стацїи на врандики наши Смоленскїи не мають готовити и давати, ни жили, коли мы сами господаръ будемъ у Смоленску, тогда они мають намъ на нашъ приѣздъ стацею давати по давному, какъ и передъ тѣмъ даивали; а подвождъ кадеъ намъ, такъ и врандикомъ нашимъ Смоленскимъ, не мають давати“⁷⁴³⁾. Въ 1510 году король Сигизмундъ пожаловалъ дьяку село Тулеговичи въ Мозырскомъ повѣтѣ, при чемъ оговорилъ: „и не мають тѣи люди его въ Мозыры службъ нѣкоторыхъ на насъ служити, не дѣли на мають стеречи и подводы и стацею на врандика нашего Мозырского и на пословъ и гонцовъ не мають давати“⁷⁴⁴⁾. Чаще всего владѣльческіе крестьяне освобождались отъ стацїи и подвождъ на пословъ и гонцовъ, но обязаны были поднимать всѣмъ этимъ господаря въ случаѣ приѣзда его въ мѣстность. Такъ, въ 1506 г. король Александръ пожаловалъ князю Ивану Федоровичу Полубенскому путныхъ и тяглыхъ людей въ Полоцкомъ повѣтѣ Ловожскаго стаи съ такимъ условїемъ: „А што перво сего тѣе люди его воеводъ Полоцкихъ и пословъ и гонцовъ нашихъ на томъ стану Ловожскомъ стацїями и подводами поднимывали, того вжо тѣмъ людямъ его ничего не надобѣ знати; ни жили, коли мы сами господаръ тою дорогомъ

⁷⁴¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 168.

⁷⁴²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 90,

⁷⁴³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 296, 297.

⁷⁴⁴⁾ Ibidem, л. 409, 410.

повѣдемъ, тогда они насъ мають поднимати подлѣ давного обычая, какъ передъ тымъ бывало, а большей того не мають никому стацей и подводъ давати“ ⁷⁴⁵). Въ 1516 году король пожаловалъ дворянину Матеею Заморенку село Коптевичи въ Бчицкой волости Мозырскаго повѣта между прочимъ съ такимъ правомъ: „а подводами тыи люди его пословъ и гонцовъ нашихъ не мають поднимати и стацей давати“ ⁷⁴⁶). Въ 1529 году это право распространено было на всѣхъ землевладѣльцевъ Киевской земли. Въ подтвердительномъ привилеѣ, выданномъ въ этомъ году Киевской землѣ, читаемъ: „А што люди церковныи, и князьскіи и паньскіи и боярскіи стерегивали недѣли въ въ Чернобыли, и подводы давали воеводамъ и посломъ и гоньцомъ нашимъ и Татарскимъ: мы ииъ и людемъ ихъ, въ маски нашею, то вѣчно отпустили“ ⁷⁴⁷). Принимали-ли намѣстники-державцы административное участіе въ сборѣ стацій и подводъ съ владѣльческихъ крестьянъ (разумеется, тѣхъ имѣній, которыя находились въ ихъ повѣтахъ), на это намъ не удалось найти указаній въ источникахъ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, хотя такое участіе болѣе, чѣмъ вѣроятно.

Терминъ „стація“ заимствованъ отъ Польши ⁷⁴⁸), но пованность, обозначаемая этимъ терминомъ, по всѣмъ признакамъ, происхожденія русскаго: давать стаціи и подводы значило *рядити стацъ* на господара, воеводу, пословъ и гонцовъ ⁷⁴⁹). На югѣ, въ Киевской землѣ; стація въ актахъ XV вѣка обозначается особымъ именемъ, не встрѣчающимся въ актахъ, относящихся до другихъ земель, — „болкуновщина“, которая давалась на пріѣздъ Витовта ⁷⁵⁰).

XXXIV.

Резюмируя все, что сказано было до сихъ поръ о дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, ихъ можно назвать главными приказчиками въ господарскихъ имѣньяхъ и сборщиками податей и разныхъ господарскихъ доходовъ въ своихъ округахъ, короче—хозяй-

⁷⁴⁵) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 315.

⁷⁴⁶) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 120, 121.

⁷⁴⁷) Акты Зап. Рос. II, № 164.

⁷⁴⁸) М. Владимірскаго-Буданова „Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ“ въ Журн. М. Н. Пров. 1868 г., августъ, стр. 477.

⁷⁴⁹) Акты Зап. Рос. II, № 164.

⁷⁵⁰) Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. II, № 1.

ственно-финансовыми агентами великаго князя. Это заключеніе составляетъ на основаніи дѣятельности намѣстниковъ - державцевъ и тивуновъ въ обществахъ господарскихъ крестьянъ, или волостныхъ людей; но оно остается въ силѣ и послѣ разсмотрѣнія дѣятельности ихъ въ мѣстахъ, среди мѣщанъ. Да и иначе быть не могло, если мы примемъ во вниманіе, что такое были мѣста вообще въ Литовско-Русскомъ государствѣ и въ частности мѣста въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ.

„Мѣстами“ въ Литовско-Русскомъ государствѣ по польскому примѣру стали называться поселенія, гдѣ установился торгъ, существовали товарные склады и лавки, винныя, пивныя и медовыя корчмы и другія торговныя и промышленныя учрежденія. Этими именемъ обозначались, такимъ образомъ, и большіе старинныя русскіе и литовскіе города, и промышленныя села, которыя издавна были судебнo-административными центрами волостей и резиденціями волостныхъ правителей ⁷⁵¹⁾. Поэтому и классъ мѣщанъ состоялъ изъ довольно разнообразныхъ общественныхъ элементовъ. Въ составѣ его были люди, исключительно занимавшіеся торговлею (иногда крупною, вишнею и внутреннею) или разными ремеслами, какъ это было большею частью въ старинныхъ литовско-русскихъ городахъ, и люди, занимавшіеся торговлею и ремеслами только въ придачу къ земледѣлю, какъ это было большею частью въ торгово-промышленныхъ поселеніяхъ, группировавшихся вокругъ господарскихъ дворовъ, гдѣ жили намѣстники-державцы и тивуны великаго князя. Какъ на типъ такихъ торгово-промышленныхъ селъ можно указать, напр., на мѣстечко Перемиль, находившееся при замкѣ Перемильскомъ, гдѣ до 1511 года сидѣлъ особый намѣстникъ великаго князя. Въ 1511 году король Сигизмундъ пожаловалъ это мѣстечко князьямъ Вишневскимъ Федору и Ивану Михайловичамъ за ихъ службу на вѣчность „съ торгомъ и съ ярморкомъ, съ мыты старыми грошовыми и соляными и съ промытомъ, и съ правомъ майтбарскимъ, которое жъ право тое мѣстечко съ стародавна имеетъ, и съ войтовствомъ Перемильскимъ, и со всеми людьми и платы мѣстскими, и съ корчмами и съ капщинами, и чинши, и доходы и вжитки, и съ городищемъ (замокъ, очевидно былъ въ разрушеніи), и съ землями церковными, которыя земли прислушаютъ здавна къ костелу нашего римского закону, — и на тыхъ земляхъ костелъ имеетъ

⁷⁵¹⁾ Намекъ на это уже даютъ 27 и 29 статьи Русской Правды (по Брагинскому списку).

збудовати и каплана съ своео руки тамъ мѣти, — съ фолваря и зъ землями мѣстскими пашными и бортными, съ пасѣвами и съ огородами, и съ хлѣбными“⁷⁵²). Сообразно съ этимъ мѣщане разныхъ мѣстъ занимали и неодинаковое положеніе въ социальнo-политической іерархіи Литовско-Русскаго государства. Въ то время, какъ мѣщане старинныхъ большихъ городовъ, какъ напр., Полоцка, Витебска, Кіева, Вильны, Троля и др., рѣзко обособились отъ волостныхъ людей и стояли на положеніи, которое дѣлало ихъ своего рода высшимъ сословіемъ въ государствѣ, мѣщане по небольшимъ мѣстечкамъ едва отдѣлились отъ волостныхъ крестьянъ, съ которыми они сообща работали на господарскомъ хозяйствѣ, сообща несли разныя повинности и платили подати. Затѣмъ: въ то время, какъ мѣщане такихъ городовъ, какъ Полоцкъ и Витебскъ, были обеспечены политически настолько, насколько князья и цари, т. е. не могли быть отданы господаремъ въ подданство частнымъ лицамъ, мѣщане небольшихъ городовъ и селеній считались только поселенцами въ господарскихъ имѣньяхъ и жаловались нерѣдко вмѣстѣ съ этими имѣньями частнымъ лицамъ наряду съ крестьянами. Намѣстникамъ-державцамъ приходилось по большей части имѣть дѣло съ такими именнo мѣщанами. Въ чемъ же состояло это дѣло?

XXXV.

Мѣщане нѣкоторыхъ мѣстъ, какъ выше было указано, помогали крестьянамъ въ различныхъ работахъ по господарскому хозяйству, въ которыхъ инициатива, общій надзоръ и руководство принадлежали намѣстникамъ-державцамъ. Значитъ, то дѣло, которое выполнялъ намѣстникъ-державца или тивунъ по отношенію къ крестьянамъ, выполнялъ онъ и по отношенію къ мѣщанамъ, и даже едва-ли не въ большей степени, потому что мѣщане, жившіе въ самой резиденціи волостнаго правителя, были, такъ сказать, всегда подъ его глазомъ. Во многихъ мѣстечкахъ мы не замѣчаемъ даже никакихъ особыхъ мѣстскихъ властей, которыя въ данномъ случаѣ были бы посредниками между великокняжескимъ урядникомъ и мѣщанами, изъ чего можемъ заключить, что великокняжескій урядникъ непосредственно или чрезъ своихъ слугъ вѣдалъ мѣщанъ въ ихъ повинностяхъ. Впрочемъ, въ русскихъ земляхъ сплошь и рядомъ одни и тѣже власти были и у крестьянъ, и у мѣщанъ. Такъ, напр., атаманы въ Кіевской землѣ, какъ уже выше было указано, вѣдали повинности и были представителями

⁷⁵²) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 45, 46.

не только крестьянъ, но и мѣщанъ; соціе въ Торонцѣ вѣдали не только волостныхъ людей, но и мѣщанъ Торонецкихъ, которые сообща съ волостными людьми строили и поправляли тивунскій дворъ, поднимали подводами и стаціями писаря, который прѣзжалъ править недополнновъ даней, платили серебщину и поднимали стаціями и подводами сборщиковъ серебщины ⁷⁵³⁾ и т. д.; старцы въ волостяхъ Подѣбрскихъ, гдѣ мѣщане сообща съ волостными людьми платили серебщину и ордынщину и отправляли повинности, повидимому, также были не только крестьянскими, но и мѣщанскими властями. Исключеніе представляла волость Кричевская, отторгнутая отъ Смоленской земли и имѣвшая особаго *старосту мѣста* Кричевскаго (на подобіе того, который былъ и въ самомъ Смоленскѣ ⁷⁵⁴⁾). Кроме того, мѣста съ малдебурскимъ правомъ имѣли свое особое начальство, которое и отвѣчало передъ намѣстникомъ - державцею за исправность мѣста въ отправленіи повинностей, въ томъ числѣ и работъ по господарскому хозяйству, буде мѣсто было въ этому обязано. Такими селами-мѣстами какъ извѣстно, завѣдывали *воиты* ⁷⁵⁵⁾.

Въ числу мѣщанскихъ повинностей принадлежали и повсемельныя подати, которыя въ разныхъ мѣстностяхъ носили разные названія, и которыя шли къ господарю опять-таки черезъ руки намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ. Такъ, мѣщане чудновскіе, которые пахали землю, платили (около 1471 года) по 20 грошей съ человека ⁷⁵⁶⁾. „Платъ“ этотъ былъ то же самое, что и дань или ясакъ; поэтому и въ средѣ мѣщанъ Кіевской земли были ясачные люди ⁷⁵⁷⁾. Въ предѣлахъ собственной Литовской земли мѣщане платили со всѣхъ земель дяки и пенязи, которые за дякломъ идутъ ⁷⁵⁸⁾. Въ землѣ Берестейско-Полышской мѣщане платили подымное. Въ записяхъ пожалованій короля Сигизмунда, сдѣланныхъ имъ въ началѣ его княженія, читаемъ между прочимъ: „Олеша Животову 6 локоть суена лунского зъ восковъ Берестейскихъ; ему жъ 6 вопь въ Тункеля зъ подымныхъ“ ⁷⁵⁹⁾; въ 1518 году Сигизмундъ заставилъ пану Яну Николаевичу Радивиловича замокъ Дорогичинъ „зъ мѣстомъ и зо всеми людьми повѣту Дорогицого,

⁷⁵³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.

⁷⁵⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 288.

⁷⁵⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 165, 166.

⁷⁵⁶⁾ Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. II, № 1.

⁷⁵⁷⁾ Акты Зап. Рос. I, № 120.

⁷⁵⁸⁾ Акты Зап. Рос. II, № 13.

⁷⁵⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 448.

и съ ворчонными пенязми, и съ *подымщиною*, и зъ мытомъ Дорогичкѣ, и со всеми доходами и зъ винами⁷⁶⁰; судя по контевстѣ заставного листа подымщина взималась именно съ мѣщанъ⁷⁶⁰). Мѣщане берестейско-подляшскихъ мѣстъ, владѣвшіе размѣренными на волоки участками, платили съ нихъ опредѣленный чинить деньгами и натурою. Такъ, мѣщане мѣсть Бѣльскаго повѣта давали „плату съ каждое волоки на годъ по золотому а по два ворцы овса, а по гусяти, а по двою куровъ, а по тридцати яиць“ и одинъ день въ недѣлю службу тяглую служили. На такихъ условіяхъ король Сигизмундъ приказалъ въ 1507 году писарю воеводы Троцкаго Есѣу Ивановичу садить мѣсто въ Бѣльскомъ повѣтѣ на четырехъ жеребьяхъ Кошелевскихъ и на двухъ Вервечичскихъ, которые онъ долженъ былъ размѣрить на волоки, при чемъ относительно мѣщанъ прибавилъ, что они, высвѣдвши волю, должны были „съ каждое волоки службу служити и дачни давати по тому, какъ и по инымъ мѣстамъ наннимъ тамошнимъ людѣ въ волокъ службу служить и подати дають“⁷⁶¹). Мѣщане Нарвскаго мѣста, которое поручено было садить старостѣ Бѣльскому Альбрехту Мартиновичу Гаштольду въ 1514 году, должны были давать ежегодно „диншу врочметого зъ волоки по полукопью (30) грошей литовское монеты а по двое куровъ, по двѣ бочкѣ овса а по вору еѣна“⁷⁶²). Мѣщане Кляцкельские Бѣльскаго повѣта давали съ каждой волоки по полукопью грошей литовской монеты (по 10 пенязей въ грошѣ) и по бочкѣ соланиѣ овса трясенаго⁷⁶³). Мѣщане мѣста Милейчицкаго въ Берестейскомъ повѣтѣ, пользовавшіеся разными льготами и привѣтіями, должны платити ежегодно: „зъ волоки—по золотому черленому; а хто маєть поволоки, тотъ маєть давати по ползолотому; а хто третъ волоки, тотъ третъ золотого; а хто не маєть волоки, тольке одно дворищо; тотъ маєть давати тольке шесть грошей“ (это, очевидно, вышеупомянутая подымщина). Кроме того, король постановилъ: „а воли мы сами нерсоною нашою панскою приѣдемъ до Милейчичъ, тогда мають они на нашу приѣздъ давати зъ дому по полчетверти овса а по курати, а по сполу вси вору гусей а четыре камени лою на свѣчи; а которого року мы у Милейчичахъ не будемъ, ино имъ того овса и куровъ, и гусей; и лою невадобѣ давати, а некоторыхъ иныхъ дачоѣвъ окромѣ того не

⁷⁶⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 31, 32; кн. Запис. VIII, д. 387—390.

⁷⁶¹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 165—166.

⁷⁶²) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 85.

⁷⁶³) Акты Зап. Рос. II, № 123.

мають давати и служобъ низкихъ не служити и подводъ не давати“⁷⁶⁴). Въ 1519 году король Сигизмундъ установилъ съ мѣщанъ Воинскихъ Берестейскаго повѣта слѣдующій платъ: „мають намъ давати съ тыхъ трехъ волокъ на годъ по золотому черленому або по полукопью и по шести грошей плоскихъ, а по корду овса, а по буряти, а по десети яецъ; а въ кого будетъ двѣ волоки, тотъ маеть дати на годъ по двѣ доли золотого а тыхъ речей; а который одну волоку будетъ мѣть, тотъ маеть на годъ давати золотого и тыхъ речей третью часть; а въ двора и въ огорода вердунокъ на годъ; а къ тому со всего мѣста мають намъ въ каждый годъ давати копу гусей а два камени лоя съ броваровъ мѣстскихъ, и съ сохачокъ платъ маеть тежъ въ каждый годъ на дворъ нашъ даванъ быти;... зася плебану Воинскому маеть въ волоки давати на годъ по копѣ жита а по два гроша коледи“⁷⁶⁵). Въ 1531 году чиншъ Воинскихъ мѣщанъ былъ измѣненъ сообразно съ нѣкоторыми новыми льготами, которыя имъ были даны: мѣщане съ каждаго трехъ полуволочковъ должны были давати „по двадцати грошей а по курети, а по десети яецъ, а по полкорци овса; а съ дву полуволочковъ чотырнадцать грошей; а въ одного полуволочка семь грошей; а кто полуволочковъ не маеть, лечъ на самыхъ огородахъ мѣшкаеть, съ таковыхъ домовъ по шести гроши, а большей того ничего не мають давати“⁷⁶⁶). —Поземельныя подати вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими „податками“ и повинностями при пожалованіи магдебурскаго права замѣнялись нерѣдко общею суммою, которую должно было уплачивать мѣсто. Такъ, очевидно, бывало въ тѣхъ случаяхъ когда повемельныя платежи мѣщанъ не составляли важной статьи господарскихъ доходовъ съ мѣста. Мѣщане Волковыйскіе, напр., при пожалованіи имъ магдебурскаго права вызволены были отъ платежа дяколь и пенязей, которые за дякломъ идутъ, отъ подводъ на урядника Волковыйскаго и его слугъ, отъ сторожи на дворѣ, исключи случаи приѣзда въ Волковыйскъ самого господаря, отъ хожденья на работу съ топоромъ, отъ кошенья сѣна, отъ хожденья на работу до Городна „къ вапну“; но за то они обязаны были давати ежегодно по 30 золотыхъ всѣ вмѣстѣ⁷⁶⁷). Мѣщане Новгородскіе „для добровольства“, которое имъ дано было вмѣстѣ съ пожалованьемъ магдебурскаго права, должны были платити ежегодно въ скарбъ господарскій по ш-

⁷⁶⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX л. 124, 125.

⁷⁶⁵) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 17, 18; XIII, л. 1—3.

⁷⁶⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XIII, л. 3—4.

⁷⁶⁷) Акты Зап. Рос. II, № 13.

тдесять золотых угорских⁷⁶⁸⁾ и т. д. Поземельный платъ съ волокъ, какъ мы уже знаемъ, шелъ въ скарбъ чрезъ руки мѣстныхъ великовняжескихъ урядниковъ, напр., съ мѣщанъ Лосицкихъ собиралъ его намѣстникъ Мельницкій и Лосицкій Немира-Грималичъ⁷⁶⁹⁾; вѣроятно, и другіе поземельныя подати мѣщанъ уплачивались также чрезъ намѣстниковъ-державцевъ подобно всемъ другимъ платамъ.⁷⁷⁰⁾

Кромѣ поземельной подати, на всѣхъ мѣщанъ, какъ было уже выше сказано, валагались чрезвычайныя подати въ видѣ *серебщины* и *ордынщины*, которыя шли, какъ мы видѣли, также чрезъ руки намѣстниковъ-державцевъ. Серебщина въ Подиѣпрскихъ волостяхъ валагалась на мѣщанъ и волостныхъ людехъ периодически, чрезъ два года на третій, а въ остальныхъ мѣстахъ безъ срока; по мѣрѣ надобности, какъ это видно изъ грамоты короля Сигизмунда, выданной въ 1511 году мѣщанамъ Новгородскимъ на магдебургское право⁷⁷¹⁾. Система частныхъ изъятий и привилегій дѣйствовала и въ данномъ случаѣ; и въ актахъ мы находимъ не мало примѣровъ освобожденія отъ платежа серебщины и ордынщины отдѣльныхъ мѣстъ и даже отдѣльныхъ мѣщанъ. Такъ, въ 1524 году королю Сигизмунду были челомъ мѣщане Троицкіе и повѣдали, „што жъ отъ частыхъ серебщины и отъ ордынщины и отъ иныхъ платовъ нашихъ зъубожали велики, а иныхъ деи многие мѣщане наши прочъ ся для того разошли“; вслѣдствіе этого мѣщане просили короля дать имъ „на колко лѣтъ воли“ отъ платежа всѣхъ податей и налоговъ. Король далъ имъ волю на три года, исключивъ только жидовъ, а тѣмъ, которые бы пожелали вновь поселиться въ мѣстѣ, далъ волю на шесть лѣтъ отъ всѣхъ платовъ, кромѣ корчонныхъ пенязей⁷⁷²⁾. Въ слѣдующемъ году дана была такая же льгота на десять лѣтъ мѣщанамъ Берестейскимъ „во случаю оутошнителяго пожара, уничтожившаго „доми ихъ вси со всеми статки и купичи ихъ на корень“⁷⁷³⁾. Король Александръ освободилъ отъ платежа серебщины домъ Ивашковой Вулгаковича и ее сына Ивана; а король Сигизмундъ въ 1514 году подтвердилъ эту привилегію⁷⁷⁴⁾.

768) Акты Зап. Рос. II, № 71.

769) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 131.

770) Акты Зап. Рос. II, № 71.

771) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 190.

772) Ibidem, л. 225; 226.

773) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 213.

XXXVI.

Черезъ руки намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ шли и разныя косвенные налоги, собиравшіеся на господаря въ мѣстахъ въ видѣ торговыхъ пошлинъ и промысловыхъ налоговъ. Изъ инструкцій, данныхъ въ 1529 году державцамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ, державцамъ и тивунамъ Жмудской земли, можно заключить, что намѣстники-державцы и тивуны собирали мыта рѣчные, перевозъ, галщины, куничное отъ домовъ, гдѣ пиво и медъ варятъ, пенязи торговые, помѣрные и поборные и т. д. ⁷⁸⁴⁾ Это заключеніе подтверждается и частными свидѣтельствами актовъ изучаемаго времени, изъ которыхъ видно, вмѣстѣ съ тѣмъ, что не исключительно намѣстники-державцы и тивуны собирали косвенные налоги въ мѣстахъ, и что существовавшая относительно этого практика была довольно разнообразная.

Въ 1486 году король „продалъ“ на два года за 140 золотыхъ *местовое* Городенское и *бочечное помѣрное* Мерецкое жидамъ городенскимъ Еньку Яцковичу съ сыновьями. Согласно арендному листу доходы эти должны были уже собирать жидъ Енько и сыновья его Ицхакъ и Мошка. Но раньше этого *местовое* Городенское и *бочечное помѣрное* Мерецкое собирались тамошними намѣстниками черезъ ихъ слугъ. Одновременно съ извѣщеніемъ объ отдачѣ въ аренду *местового* въ Городнѣ и *бочечнаго помѣрнаго* въ Мереци король писалъ намѣстникамъ Городенскому и Мерецкому: „А што вы собрали отъ того року до тыхъ часовъ отъ *местового* Городенскаго а отъ *бочечнаго* Мерецкаго, и ты, княже (Александръ Юрьевичъ, намѣстникъ Городенскій), прислажь къ намъ Туньвалемъ сорокъ грошей безъ двугрошей, и ты, пане Михайло (намѣстникъ Мерецкій), дажь намъ двѣ копѣ грошей безъ осми грошей, ино то насъ дошло, а остановъ тилъ грошей, што есте потомъ собрали до тыхъ часовъ, ажбы есте то вы отдали“ ⁷⁸⁵⁾. И впоследствии мы встрѣчаемся по актамъ съ отдачею въ аренду „мыта *местового*“ Городенскаго, при чемъ намѣстнику называется отъ великаго князя не вступаться ничѣмъ въ это мыто и защищать откупщика отъ обидъ ⁷⁸⁶⁾.—Впрочемъ, „*местовое*“ и перевозъ“ были собственно платежами за пользование *местомъ* и перевозомъ, вмѣстѣ съ которыми взималось и мыто въ собственномъ смыслѣ.

⁷⁸⁴⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 25, 27, 37; № 160, арт. 3.

⁷⁸⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 19, 20.

⁷⁸⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 165.

Что это было такъ, на это указываетъ, напр., привилей, выданный въ 1514 году жиду берестейскому Михаилу Езофовичу. Король Сигизмундъ дозволилъ ему построить „за его пенези“ мостъ на р. Бугѣ въ Дорогичинѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ перевозъ, и предоста-вилъ ему право „на томъ мосту, кто черезъ мостъ поѣдетъ, мостового брати отъ купецкого возу по полугрошу, а отъ животнымъ продаваемое по два пенязи для поправления мостового, коли его вода скавитъ“. „А окромъ купцовъ,—гласитъ королевскій листъ, выданный Микелею Езофовичу,—не маеть оиъ ни въ ного, хто вольве черезъ мостъ тотъ поѣдетъ, мостового ничого брати, ни жили, которыи люди наши и земинскіи Дорогичинскаго повѣта здавна давали на перевозъ збожа, то мають ему потому жъ на томъ мосту давати. Также, которыи купци будутъ лѣтъ у бродъ, а зимѣ на ледѣ ѣздити, а же на мостъ, тми не мають ему того мостового платити. А мѣщане Дорогичинскіи мають въ каждый годъ, давши ему съ каждымъ дому по грошу, добровольне и иного не-которого мостового не даючи, черезъ тотъ мостъ и съѣздорникии своими, которыи въ нихъ мѣщанье въ домѣхъ наймуютъ, ѣздити, а то, если будутъ передъ тымъ на перевозъ въ дому по грошу дѣйвали. А на которое мыто здавна на насъ тамъ жезивало съ возу по грошу, то е и нынѣ мають намъ къ мыту нашему съ воза давати“⁷⁸⁷⁾. По-этому и мостовое Городецкое, хотя и называется иногда мытомъ, отличается отъ мыта въ собственномъ смыслѣ. Въ 1504 году король Александръ продалъ войту Троцкому Никелею мыто и мостовое Городецкое на годъ за сто золотыхъ⁷⁸⁸⁾. Такимъ образомъ, мостовое и перевозъ не были торговыми пошлинами въ настоящемъ смыслѣ; но такъ какъ они собирались съ купецкихъ возовъ въ количествѣ необходи-маго сравнительно съ другими подводами, то до известной степе-ни приближались къ торговымъ пошлинамъ и имѣли значеніе кос-венныхъ налоговъ.

Такое же значеніе имѣло и бочечное помѣрное, взимавшееся на торгу при перемѣрѣ продаваемаго зерна. „Каждый человекъ въ томъ мѣстѣ нашемъ Рѣчицы,—гласитъ устава, данная въ 1529 году державцѣ Рѣчицкому Семену Полозовичу,—маеть збожьемъ всякое прода-вати и купити въ бочку мѣры Мозырское и Бобруйское и иныхъ замковъ нашихъ тамошнихъ, и цомѣрного мають давати по два пе-язи“⁷⁸⁹⁾. Помѣрное при пожалованіи магдебургскаго права отдава-

⁷⁸⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 78, 79.

⁷⁸⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 263.

⁷⁸⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

лось обыкновенно „на потребности мѣстныя“ вмѣстѣ съ другими велико-княжескими доходами въ мѣстахъ. Такъ, король Сигизмундъ въ 1507 году для дѣйствительнаго подтвержденія и помноженія мѣста Волковийскаго и мѣщанъ всихъ, далъ и даровалъ пререченному мѣсту вся клятва и ятки мясные, которые нынѣ суть и напотомъ могутъ причинены быти, въ пользу мѣстному, со всеми пожитки и доходы, и воскобойно на забиванье воску, и вагу, и помѣрное, и тежъ пострыганье суконъ, сколько ихъ можетъ быти въ мѣстѣ; тежъ зложенье и шинкованье нива и между и вина, которое въ Нѣмецкимъ языкомъ зовется протарство, и помѣрное медовое, што зовется ведро, чимъ медъ мѣрять подлѣ обычая тамошняго, и шинкованье вина торѣлого⁷⁹⁰). Теже доходы великокняжескіе были уступлены въ мѣсту Кіевскому при пожалованіи ему магдебургскаго права⁷⁹¹), а равнѣ и мѣсту Полоцкому, Брестскому⁷⁹²) и др., и въ числѣ ихъ *польза мѣстныя*⁷⁹³). Отъ платежа на мѣстномъ иногда освобождались люди княжескіе и палскіе, напр., въ Дупей, гдѣ эта пошлина взымалась въ пользу мѣста только съ мѣщанъ и гостей⁷⁹⁴).

Однакоже съ „поземнымъ“ значеніемъ имѣла и *вага* или *важос* (важос), отгнчавъ отъ него только объектомъ обложенія. Вага также обыкновенно собиралась наместниками-державцами въ пользу господара. Въ уставѣ, данной въ 1529 году державцѣ Рѣчицкому Семелу Подравичу, читается между прочимъ: „а вага тежъ маєт быти въ томъ мѣстѣ нашемъ, въ которую медъ и воскъ вазити, а важого ему отъ замена меду и воску по два пенни“⁷⁹⁵). При пожалованіи мѣста магдебургскаго права вага отдавалась обыкновенно „на мѣстныя потребности“, какъ это мы видѣли на примѣрѣ мѣста Волковийскаго⁷⁹⁶); впрочемъ, бывали случаи, какъ, напр., въ Кіевѣ, когда вага шла на господара и при дѣйствіи магдебургскаго права⁷⁹⁷). Вага отдавалась иногда и въ аренду подобно другимъ доходнымъ статьямъ и вмѣстѣ съ ними; такъ въ 1486 году король Казимиръ продалъ жидамъ Кіевскимъ Мордечѣ Годавичу и Перку Юдичичу „мыто и подужное Брав-

⁷⁹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 77, 78.

⁷⁹¹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 77, 78.

⁷⁹²) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 229.

⁷⁹³) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 229.

⁷⁹⁴) Акты Зап. Рос. II, № 54.

⁷⁹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

⁷⁹⁶) Срав. Акты Зап. Рос. II, № 71 и др.

⁷⁹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 77, 78.

ское, и корчму, и перевозъ, и вачочье“ на три года за 360 копъ грошей ⁷⁹⁹). Великій князь Александръ въ 1498 году продалъ кракованину Лерину Геришу мыто Луцкое и вагу на три года за 500 копъ грошей ⁷⁹⁹). Что касается подужнаго или *подужчины* то она взималась и въ Рѣчицѣ мѣстнымъ державцею на господара вмѣстѣ съ мытомъ и, вѣроятно, также и въ другихъ мѣстахъ. Повидимому, это была пошлина, взимавшаяся съ пустыхъ подводъ, ѣхавшихъ на торгъ за покупками ⁸⁰⁰).

По инструкціямъ 1529 года намѣстники-державцы должны были собирать въ пользу господара *торговые пенязи* въ мѣстахъ. Торговые пенязи взимались съ лавокъ или „клѣтовъ“; „а торговлю хто-коль-векъ чымъ торгуеть,—читаемъ въ привилеѣ мѣстечку Клещелявамъ на магдебургское право,—хлѣбомъ, солью, лоемъ, або иными рѣчьми, маеть давати по грошу; а въ ятокъ мясныхъ маеть давати кождый рѣзникъ и кождого торгу по плечу мяса бараньего на дворъ нашъ“ ⁸⁰¹). Клѣтки и ятки мясные, какъ мы видѣли выше, уступались иногда „на мѣстскіе потребности“ при пожалованіи магдебургскаго права. Съ ятокъ мясныхъ бралась иногда и другая плата взаменъ мяса натурою, которое, очевидно, потреблялось административнымъ персоналомъ господарскихъ дворовъ. Такъ, въ мѣстѣ Высокомъ мѣщане съ ятокъ должны были платить господарю „по каменю лоу (сала) а по полуфунту перцу“ ⁸⁰²).

Кромѣ перечисленныхъ доходовъ, при пожалованіи магдебургскаго права „на потребности мѣстскіе“ уступался нерѣдко и тотъ великокняжескій доходъ, который въ инструкціи 1529 года названъ „куничнымъ отъ домовъ, гдѣ пиво и медъ вярять“, и который собирался также намѣстниками-державцами; кромѣ того, уступался и платъ съ шинкованья вина горѣлаго ⁸⁰³), что все называлось однимъ именемъ *капцмны* ⁸⁰⁴). Эта уступка не была общимъ правиломъ, и въ мѣстахъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, эти налоги шли сплошь и рядомъ въ пользу господара. Такъ, въ грамотѣ на магдебургское право,

⁷⁹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 19, 20.

⁷⁹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 326.

⁸⁰⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

⁸⁰¹) Акты Зап. Рос. II, № 123.

⁸⁰²) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 217, 218.

⁸⁰³) Акты Зап. Рос. II, № 13, 73; Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 77, 78;

XII, л. 96 и др.

⁸⁰⁴) Акты Зап. Рос. II, № 73.

данной Новгородку Литовскому въ 1511 году, читаемъ: „тежъ зъ вина горѣлого платъ даемъ на замокъ нашъ, подлѣ давного обычая“⁸⁰⁵); мѣщане Клеццелазскіе, получившіе хелмское право, должны были платить господарю между прочимъ „капцизны, хто пиво варить, полбоны грошей, а хто медъ сытитъ, полбоны жъ грошей... а хто кольвекъ будетъ виномъ шинковати, тотъ маеть отъ вина дати по десети грошей“⁸⁰⁶); въ мѣстечкѣ Воини, получившемъ въ 1522 году нѣмецкое право, платъ „зъ броваровъ мѣстскихъ“ долженъ былъ идти на дворъ господарскій, въ количествѣ трехъ грошей отъ четырехъ солянокъ (бочекъ) солоду⁸⁰⁷) и т. д.

Пиво и медъ подлежали обыкновенно одному обложенію—капцинѣ и при производствѣ, и при торговлѣ ими, такъ какъ оба эти занятія по большей части сосредоточивались въ однихъ рукахъ⁸⁰⁸). Поэтому, напр., въ жалованной грамотѣ на хелмское право, данной мѣщанамъ Клеццелазскимъ въ 1523 году читаемъ между прочимъ: „А што ся дотычетъ тыхъ людей которые хотѣли бы сѣсти на волокахъ проробленныхъ, тымъ тежъ даль его милость (воли на два годы отъ цыншу, а высѣдѣвши два годы, такожь мають цыншъ давати: але, если бы хто корчму мѣлъ пивную або медовую, або торгу вживалъ, таковой передъ ся маеть давати платъ водлѣ уставы вышеписаной“⁸⁰⁹). Эта вышеписанная устава состояла въ томъ, что всякій, кто варилъ пиво или сытилъ медъ, долженъ былъ платить полбоны грошей⁸¹⁰). Но иногда торговля ими подлежала особому обложенію, а торговля виномъ горѣлымъ почти всегда. Такъ, король Сигизмундъ, пожаловавъ мѣсту Волковыйскому „зложеніе и шинкованіе пива и меду и вина, которое жъ нѣмецкимъ языкомъ зовется шротарство“,—„платъ корчомный велѣлъ его милость имъ давати въ кождый годъ, водлѣ давного обычая“⁸¹¹).

Корчомные пенязи, по инструкціямъ 1529 года и по другимъ актамъ изучаемаго времени, шли въ господарскій скарбъ черезъ руки намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ. Такъ, въ записяхъ денежныхъ раздачъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: „пану Солтану Але-

⁸⁰⁵) Акты Зап. Рос. II, № 71.

⁸⁰⁶) Ibidem, № 123.

⁸⁰⁷) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 17, 18.; XIII, л. 1—4.

⁸⁰⁸) См. Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 155.

⁸⁰⁹) Акты Зап. Рос. II, № 123.

⁸¹⁰) Срав. Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 124, 125 и др.

⁸¹¹) Акты Зап. Рос. II, № 13.

ксандровичу 20 копъ грошей съ корчомъ Слонимскихъ и Молчадскихъ въ него жъ“⁸¹²⁾. Въ уставѣ, данной въ 1529 году пану Семену Полозовичу по случаю отдачи ему въ держаніе до живота волости Рѣчицкой, читаемъ между прочимъ: „а корчмы въ томъ нашомъ мѣстѣ Рѣчицы медовыи и пивныи и винныи державца нашъ маєт на замокъ нашъ держати“⁸¹³⁾. Иногда „выбирать“ корчомные пенязи господарь посылалъ особыхъ дворянъ. Великій князь Александръ, позволивъ въ 1499 году пану Ивашу Сопѣгѣ завести корчму въ домѣ, который онъ купилъ въ мѣстѣ Браславскомъ, съ тѣмъ, чтобы вся капщина медовая и пивная шла съ нея на Иваженскую церковь св. Духа, написалъ въ выданномъ по сему случаѣ привилеѣ: „А наши намѣстники Браславскіе я тежъ дворяне наши тыи, которыхъ посылаемъ поплатъ корчомный выбирать до Браслава, съ того дому зъ его корчмита не мають некоторое капщины брати“⁸¹⁴⁾. Такимъ образомъ, дворяне въ данномъ случаѣ были помощниками намѣстниковъ-державцевъ. Такой способъ сбора корчомныхъ пенязей практиковался и при Сигизмундѣ, какъ это видно изъ привилея, выданнаго въ 1518 году пану Юрью Глѣбовичу на держанье двора Волковыйскаго съ его волостями до живота, при чемъ Юрій Глѣбовичъ получалъ въ свою пользу и нѣкоторые великокняжескіе доходы: „и тежъ дворяне наши,—читаемъ здѣсь,—которые коли будутъ корчомныи пенези правити, въ тые корчомныи пенези и въ свои доходы не мають ни во што вступати“⁸¹⁵⁾. Сборъ корчомныхъ пенязей намѣстниками-державцами, тивунами и господарскими дворянами предполагаетъ существованіе частныхъ корчомъ, которыя устраивались и содержались частными лицами на свои средства подъ условіемъ платежа въ пользу великаго князя извѣстной суммы, взимавшейся за цѣлый годъ. Но иногда свобода частныхъ лицъ ограничивалась въ данномъ случаѣ тѣмъ, что господарь предоставлялъ кому-нибудь за деньги исключительное право держать корчмы въ данномъ мѣстѣ или, какъ говорилось въ то время, продавалъ корчмы. Такъ, въ 1487 году король Казимиръ продалъ корчмы Вруцкія мѣстнымъ мѣщанамъ за 36 копъ и 40 грошей въ годъ съ условіемъ: „а мають толко жъ корчомъ мѣти, колко передъ тымъ было, а большеи имъ корчомъ не мѣти“. Въ 1489 году король возобновилъ контрактъ, при чемъ, извѣщая объ этомъ намѣстника Вруцкаго пана Горностая Ро-

⁸¹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 75.

⁸¹³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

⁸¹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 131, 132.

⁸¹⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 23, 24.

мановича, наказывалъ ему: „прото жь, што бы еси ихъ отъ крикъ боронилъ и не далъ бы еси тамъ иному никому корчмы варити“⁸¹⁶⁾. Въ 1488 году король продалъ жидамъ луцкимъ Израилю, Еску и Юдѣ мыто и корчму Звягольскую на три года за 15 копѣ, при чемъ писалъ намѣстнику Звягольскому: „и корчмы бы еси своей не держалъ въ мѣстѣ и заповѣдалъ бы еси слугамъ своимъ и мѣщанамъ, што бы корчмы въ мѣстѣ не варили и по селомъ, ни жили бы нехай только мѣли два разы або три въ году склады, а и складовъ большей того не казалъ бы еси варити въ мѣстѣ и по селомъ“⁸¹⁷⁾. Подъ складами разумѣются здѣсь пиво и медъ, которые варились въ складчину передъ большими праздниками, и которые могли, слѣдовательно, наносить ущербъ торговлѣ корчмы. Доходы съ корчомъ были регалиемъ, которую частныя лица пользовались временно или потомственно только по спеціальному привилею, полученному отъ великаго князя. Отсюда и могли возникать такія распоряженія, какія мы находимъ въ арендномъ листѣ великаго князя Александра на корчму Вруцкую отъ 18 августа 1501 года. „А мѣти имъ (отвупщикамъ),—писалъ великій князь,—тую корчму только въ дву домѣхъ, а въ тыи три годы не надобѣ тамъ никому корчомъ держати: княземъ и паномъ, и бояромъ, и дворяномъ нашимъ; а естли бы хто хотѣлъ тамъ опричь ихъ корчмы держати, въ томъ закладаемъ на насъ вины наше сто рублевъ грошей“⁸¹⁸⁾. Въ томъ же году великій князь, продавъ корчму Бобруйскую на годъ за 40 копѣ грошей, писалъ намѣстникамъ обѣихъ половинъ Бобруйской волости, Виленской и Троцкой: „а въ тотъ годъ не надобѣ тамъ въ Бобруйску никому корчомъ держати: княземъ и паномъ, и бояромъ, и писаромъ, и дворяномъ нашимъ, которыхъ коли шлемъ до Бобруйска для нашихъ потребъ а тежь для ихъ доходовъ“⁸¹⁹⁾. Писари и дворяне, посылавшіеся съ правительственными порученіями въ волости, проживая въ нихъ подолгу, старались извлечь для себя побольше выгодъ изъ своего пребыванія въ мѣстности и заводили у себя корчмы, рассчитывая на всѣхъ тѣхъ, кто пріѣзжалъ или приходилъ къ нимъ по дѣламъ. Повидимому, это было злоупотребленіе, вошедшее въ обычай, съ которымъ мирилось правительство.

Впрочемъ, это могло быть со стороны правительства своего рода жалованьемъ на службу. Въ 1503 году король Александръ, уступивъ

⁸¹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 21, 25.

⁸¹⁷⁾ Ibidem, л. 23.

⁸¹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 179.

⁸¹⁹⁾ Ibidem, л. 181.

Ивану Новокрещеному корчму Минскую въ пожизненную аренду съ платою по 200 копъ грошей въ годъ, писалъ намѣстнику Минскому: „А хотя бы которые князи и панове, и бояре, и дворяне наши, и мѣщане листы наши теми разы на корчмы волныи мѣли; и ты бы листы въ нихъ отнималъ и корчомъ имъ не казалъ держати. Такжежъ; естли быхмо и напопомъ кому, запаметавши того, корчму волную дали, ино тыи ниhto тамъ у мѣстѣ Мѣнскомъ корчомъ своихъ не мають мѣти, нижили толко одно его корчмы тамъ мають быти“⁸²⁰⁾. Въ актахъ находимъ и еще болѣе прямыя указанія на то, что корчмы давались великимъ княземъ въ видѣ жалованья за службу. Такъ, въ 1507 году король Сигизмундъ писалъ Смоленскимъ правителямъ: „Приняли есмо пушваря на замокъ нашъ Смоленскъ Саву и зъ братьею его, Остаповыхъ дѣтей, а на поживенье дали есмо имъ корчму волную тамъ мѣти. И вы бы въ тую ихъ корчму не казали никому вступатися: нехай они тамъ корчму держати и поживенье собѣ съ нее мають дотолѣ, поки они на томъ замку нашомъ будутъ намъ служити“⁸²¹⁾. Въ 1516 году король пожаловалъ мураламъ Городенскимъ, стрижарямъ и желовникамъ корчму вольную въ мѣстѣ Городенскомъ и приказалъ мѣстному старостѣ не брать съ нихъ капщины: „нехай служить теми службами, какъ и передъ теми служивали“⁸²²⁾. Корчмы вольныя жаловались иногда господаремъ, какъ и имѣнья, на поправленіе отъ непріятельскаго разоренія. Такъ, въ 1507 году король Сигизмундъ пожаловалъ князю Семену Ямонтвичу Подберезскому корчму Борисовскую на годъ „для его службы и великого впаду, который же стался ему въ имѣньяхъ его отъ поганства татаръ“⁸²³⁾. Въ 1511 году пожалована была городничему Минскому Волчку Шепелевичу корчма вольная въ мѣстѣ Минскомъ на годъ и въ одномъ домѣ — „мѣстскіи корчмы особно, а его особно одна“, — по просьбѣ его, мотивированной тѣмъ, что онъ „зъ Божьего допущенья отъ поганства татаръ у шкоды великіе попалъ и не маеть ся теми разы чимъ поживити“⁸²⁴⁾. Убытки, понесенные на войнѣ, также вознаграждались иногда пожалованіемъ корчмы вольной. Такъ, король Сигизмундъ въ 1508 году пожаловалъ корчму Рошскую „для поживенья“ князю Федору Андреевичу Прихабскому, кото-

⁸²⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 224, 225.

⁸²¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 170.

⁸²²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 113.

⁸²³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 170.

⁸²⁴⁾ Ibidem, л. 115.

рый на службѣ господарской имѣлъ тридцать коней „и тамъ нѣ шкоти великіе попалъ“⁸²⁵⁾.

Но наряду съ этимъ при Сигизмундѣ, какъ и при его предшественникахъ, практиковалась отдача корчемъ въ аренду, часто вмѣстѣ съ другими регаліями. Такъ, въ 1523 году король продалъ мытнику Берестейскому Михелю Езофовичу на три года „корчмы Могилевскіи медовыи и пивныи, и винныи, и зѣ воскобойнею, и зѣ вѣсовымъ, и со всимъ съ тымъ, што еъ тому зѣсовому прыслухало“, за 1000 копъ грошей. Въ эти три года никто не имѣлъ права сытити медъ, варить пиво и держать горѣлое вино; въ противномъ случаѣ все это конфисковалось, и половина шла на господаря, а половина на откупщика. Исключеніе составили только праздничные склады: „а складовъ тамъ у кождый годъ по праздникомъ маеть сычено быти дванадцать, а кождый складъ маеть купити меду за рубль грошей, а сытити передъ его (откупщика) слугой и важыть“⁸²⁶⁾. Часто корчмы отдавались господаремъ своимъ кредиторамъ на извѣстное число лѣтъ „ди выбиранья пенязей ихъ“, которое, такимъ образомъ, связывалось для нихъ съ извѣстнымъ рискомъ въ случаѣ недобора. Такъ, въ 1508 году Сигизмундъ отдалъ рядцѣ Смоленскому Богдану Онковичу корчмы Бобруйскую и Свислоцкую на девять лѣтъ за долгъ въ 472 копи грошей, которыя задолжалъ еще отцу его король Александръ. Въ арендномъ листѣ король оговорилъ однако: „а если бы хто хотѣлъ намъ повысити плату нашего за тые корчмы, ино тотъ маеть за всю тую деветь лѣтъ пенези его ему заплатити, а корчмы тые къ своей руцѣ мѣти“⁸²⁷⁾. Изъ этого видно, что аренда погашала весь долгъ господарскій, такъ что кредиторъ бралъ ее на свой рискъ и страхъ. Въ 1511 году Сигизмундъ отдалъ на шесть лѣтъ корчму Рошскую медовую, пивную и винную поляку Явубу Боболецкому, которому король Александръ остался долженъ за его службу 347 копъ грошей. „А онъ маеть, — писалъ король въ арендномъ листѣ, — въ тую шесть годовъ тые пенези свои триста копъ и сорокъ копъ и семь копъ грошей съ тое корчмы собѣ заплатити“⁸²⁸⁾ и т. д. — Съ отдачею корчемъ въ аренду всѣ лица, имѣвшія или производившія хмельные напитки, должны были продавать ихъ откупщикамъ. „А хто бы зѣ иного города

⁸²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 101.

⁸²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 85, 86.

⁸²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 100.

⁸²⁸⁾ Ibidem, л. 115; IX, л. 12.

либо мѣста,—читаемъ въ арендномъ листѣ великаго князя Александра на корчмы Смоленскія,—вино горѣлое до Смоленска привезъ, тотъ маеть вздоймомъ тое вино продати тымъ же корчмитомъ нашимъ, а иному никому не маеть его продавати мимо нихъ, а ни шинковать имъ нарочно“⁸²⁹⁾. Что касается платежа арендной суммы, то она обыкновенно вносилась самими откупщиками въ скарбъ великокняжеской сполна или только въ остаткѣ, который получался по уплатѣ денегъ по господарскимъ „квитацеямъ“, или ассигновкамъ. Откупщики, впрочемъ, не любили этихъ ассигновокъ, которыя падали на нихъ часто не во время и вносили путаницу въ ихъ расчетъ со скарбомъ, а потому иногда выпрашивали себѣ право вносить деньги въ скарбъ целою суммою сразу или въ опредѣленные сроки. Въ 1498 году великій князь Александръ, продавъ корчмы Врудкя на годъ мѣстнымъ мѣщанамъ, написалъ поэтому въ арендномъ листѣ: „а мають понези сами отдати, а въ нихъ господаръ не маеть давати никому“⁸³⁰⁾. Передавали ли откупщики корчмомъ деньги въ скарбъ черезъ руки мѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, на это намъ не удалось найти указаній въ источникахъ, хотя такіе случаи были возможны.

При пожалованѣ магдебурскаго права въ пользу мѣщанскихъ обществъ господаръ уступалъ обыкновенно *воскобойню и суконную постримальню*, которыя также были его доходными статьями въ мѣстахъ. Такъ, въ 1507 году король Сигизмундъ пожаловалъ мѣщанамъ Волковыйскимъ „воскобойню на забиваніе воску“ и „пострыганье суконъ, сколько ихъ можетъ быти въ мѣстѣ“, „для лѣпшого подтверженья и помноженья мѣста Волковыйского и мѣщанъ всихъ“⁸³¹⁾. Мѣсту Новгородскому въ 1511 году король пожаловалъ также воскобойню: „и воски топлени мають печатью своею мѣстскою знаменовати, а съ того пожитки къ посполитому доброму мѣстскому мають заховати“⁸³²⁾. Общественныя воскобойни возникли въ Литовской Руси по требованіямъ фиска и вмѣстѣ съ тѣмъ торговаго интереса, такъ какъ онѣ гарантировали и должный вѣсъ, и чистоту „каменей“ воска, бывшаго одною изъ главныхъ статей внутренней и влѣшной отпускной торговли. Мѣсту Берестейскому при пожалованѣ магдебурскаго права также даны были „пострыгальня и забой восковый“⁸³³⁾. Мѣсту Кіев-

⁸²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 171, 172.

⁸³⁰⁾ Ibidem, л. 174. Срав. Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 443 и др.

⁸³¹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 13.

⁸³²⁾ Ibidem, № 71.

⁸³³⁾ Ibidem, № 173.

скому также предоставлено было право „постригочовъ мѣти, како можетъ быти“ и воскобойню „на забиванье воску“ „со всѣми пожитки и доходы“⁸³⁴⁾. Какимъ образомъ собирались эти доходы на господаря, на это намъ не пришлось найти указаній въ актахъ изучаемаго времени, но по аналогіи съ корчмами можно предположить, что право сбивать воскъ и стричь сукна предоставлялось частнымъ лицамъ за плату, которая, какъ и корчомные пенязи, шла въ скарбъ черезъ руки мѣстныхъ правителей.

XXXVII.

Изъ торговыхъ пошлинъ *мыто* въ собственномъ смыслѣ, которому подлежали товары привозимые и продаваемые въ мѣстахъ или только провозимые, не собиралось намѣстниками-державцами и тивунами. Литовско-Русское государство держалось въ данномъ случаѣ порядка, который установился издавна въ западной Руси, гдѣ по источникамъ еще въ XI и XII вв. встрѣчаемъ особыхъ *мытниківъ*⁸³⁵⁾. Да иначе и быть не могло, такъ какъ хлопотливыя обязанности сборщика мыта требовали для выполненія своего специальныхъ должностныхъ лицъ. Конечно, намѣстники-державцы и тивуны могли отряжать для этого своихъ слугъ, но такой способъ сбора мало обезпечивалъ государскій интересъ. Поэтому великіе князья Литовскіе подобно русскимъ своимъ предшественникамъ поручали сборъ мыта особымъ лицамъ „къ вѣрной рудѣ“. Такъ, великій князь Александръ въ 1496 году въ бытность свою въ Берестѣ разсчитывался съ ключникомъ Берестейскимъ Левкомъ Боговитиновичемъ и Немирою, „што держали отъ его милости мыто Берестейское къ вѣрной рудѣ“⁸³⁶⁾. Отъ 1499 года въ записяхъ Литовской Метрики дошла до насъ „квитація зъ учинены личбы“, выданная ключнику Кіевскому Сеньку Полозовичу и мытникамъ Кіевскимъ Сеньку и Михаилу Цыбулѣ, которые держали мыто Кіевское отъ великаго князя „къ вѣрной рудѣ“⁸³⁷⁾. Впрочемъ, иногда мыто отдавалось „къ вѣрной рудѣ“ и мѣстному державцѣ, какъ, напр., это было въ Рѣчицѣ въ 1529 году. Отдавая замокъ Рѣчицкій съ волостью въ пожизненное держаніе пану Семену Полозовичу, король

⁸³⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 77, 78.

⁸³⁵⁾ Н. Аристова Промышленность древней Руси, стр. 221, 222. С.-Петербургъ 1866.

⁸³⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 171.

⁸³⁷⁾ Ibidem, л. 275.

Сигизмундъ написалъ въ грамотѣ, выданной ему по сему случаю: „А што съ дотычетъ мыта Рѣчыцкаго сухимъ путемъ и водою и подужчыны, тое мыто и подужчыну маеть онъ на замокъ нашъ брати по тому, какъ у первомъ привилѣи нашомъ ему выписано: а хто купитъ коня або вола, або корову, або овцу и козу, мають мыто давати отъ коня по чотыры грошы, а отъ вола по два гроши, а отъ коровы по грошу, а отъ овцы и козы по полугрошью“⁸³⁸⁾ и т. д. Мытники за свой трудъ получали „доходець“, который назывался „обѣсткою“, „узвѣсткою“ и „обѣсчимъ“, таеъ какъ взимался съ купцовъ при объявленіи ими своихъ товаровъ⁸³⁹⁾.

Но большею частью мыто отдавалось на откупъ частнымъ лицамъ, и эта практика была господствующею въ теченіе изучаемаго времени. Такъ, въ записяхъ пожалованій короля Казимира отъ первыхъ лѣтъ его княженія читаемъ: „Берестейское мыто Бенку Шаневичу вѣчно на кождый годъ по триста копь грошей, а коли мыто полѣпшиться, ему повышати, а подъ нимъ никому не подкупати“⁸⁴⁰⁾. Въ 1486 году король Казимиръ продалъ мыто Путивльское на три года за тысячу сто копь грошей жидамъ Рабею, Симшину сыну, и ихъ товарищамъ⁸⁴¹⁾. Въ 1495 году великій князь Александръ продалъ мыто Минское на три года мѣстнымъ мѣщанамъ за 120 копь грошей въ годъ, при чемъ запретилъ намѣстнику Минскому вмѣшиваться въ мыто и промыту, судить и рядить откупщиковъ и давать на нихъ дѣцкихъ: „кому бы до нихъ было дѣло, ино мы маемъ о томъ межи нихъ смотрѣти въ тотъ часъ, пока выдержатъ мыто наше“⁸⁴²⁾. Тогда же слано было на откупъ и мыто Кричевское на три года съ платою по 35 копь грошей въ годъ, а въ 1499 году этотъ контрактъ былъ возобновленъ, при чемъ великій князь наказывалъ намѣстнику, старцу и вѣмъ мужамъ: „што бы есте ихъ въ мытныхъ речахъ не судили, ни рядили и дѣцкихъ своихъ не давали“⁸⁴³⁾. Мѣстнымъ правителямъ поручалось только оборонять мытниковъ отъ обидъ и притѣсненій со стороны. Въ 1495 году великій князь Александръ, сдавъ на откупъ мыто и корчму Путивльскія на три года за 800 копь грошей, писалъ своему намѣстнику въ Путивль: „кому коли въ нихъ подаемъ пенязи на квитаци-

⁸³⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

⁸³⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 98, 99.

⁸⁴⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 63.

⁸⁴¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 21, 22.

⁸⁴²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 166.

⁸⁴³⁾ Ibidem, л. 177.

яхъ зъ мыта нашего, и ты бы нехай року ждали, а до року бы ихъ не габали и силою квитацей на нихъ не наметывали и модно пеназей въ нихъ не брали“; намѣстникъ долженъ былъ оберегать откупщиковъ отъ всѣхъ этихъ насилій и самъ не вступаться въ мыто и промыту, не судить ихъ и не рядить ⁸⁴⁴). Кроме того, мѣстные правители должны были оказывать мытникамъ содѣйствіе и помощь противъ тѣхъ, кто захотѣлъ бы уклоняться отъ платежа мыта. Въ арендномъ листѣ на мыто Луцкое, выданномъ въ 1505 году королею Александромъ, читаемъ между прочимъ: „Естли бы хто хотѣлъ тое мыто наше объѣзжати иными дорогами, мыта намъ не заплативши, ддя того они мають слугъ своихъ положить по тымъ мѣстомъ, гдѣ первыхъ мытниковъ слуги то стерегивали: и которыи купцы будутъ тое мыто проѣзжати иными дорогами, мыта нашего не заплативши, въ тыхъ мають они товаръ ихъ на насъ забирати. И ты бы (староста Луцкій и Каменецкій вн. Семень Юрьевичъ) имъ не таковыхъ помощень былъ“ ⁸⁴⁵). Въмѣстѣ съ мытомъ отдавались на откупъ иногда и другія пошлины, которыя брались одновременно съ мытомъ. Такъ, въ 1486 году король Казимиръ продалъ жидамъ вѣвскимъ Мордечѣ Годзевичу и Перку Юдиловичу мыто и подужное Брянское, и перевозъ, и важочье, и ворчму на три года за 360 копъ грошей широкихъ, при чемъ наказалъ своему намѣстнику Брянскому оборонять ихъ отъ притѣсненій, не позволять купцамъ новыми дорогами объѣзжать мыто Брянское, а также наметывать на нихъ до срока расплаты „квитацей“ ⁸⁴⁶). Въ 1494 году великій князь Александръ сдалъ жидамъ берестейскимъ на три года за 700 копъ грошей „мыто Берестейское и Дорогицкое, и Городенское, и Бѣльское „съ перевозки и зъ вагами и со всеми доходы“ ⁸⁴⁷). Въ 1498 году онъ сдалъ на три года мыто и вагу Луцкія за 500 копъ грошей въ годъ ⁸⁴⁸); въ 1504 году король сдалъ войту Троцькому Никелю мыто и мостовое Городенское на годъ за сто золотыхъ: „нехай онъ тое мыто и мостовое и промыту завѣдаетъ по давному, какъ первыи мытники завѣдывали“ ⁸⁴⁹) и т. д. Кроме того, какъ мы видѣли, вмѣстѣ съ мытомъ отдавались на откупъ и другія доходныя статьи, какъ, напр., ворчмы и др.

⁸⁴⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 168.

⁸⁴⁵) Ibidem, л. 259, 260.

⁸⁴⁶) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 19, 20.

⁸⁴⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, 165.

⁸⁴⁸) Ibidem, л. 174.

⁸⁴⁹) Ibidem, л. 263.

Особую доходную статью составляло мыто, которое бралось съ воска и соли—*восковые и соляные пенязи*, которые въ актахъ обыкновенно отличаются отъ „мыта“. Купцы, привозившіе воскъ и соль, предъявляли ихъ въ особия „коморы“, гдѣ и взималась съ нихъ пошлина деньгами или натурою (солью). Вслѣдствіе этого и самыя мыта восковое и соляное назывались *коморами восковыми и соляными*. Въ 1518 году король Сигизмундъ сдалъ на Восемь лѣтъ пану Авраму Езофовичу „мыто Берестейское со всеми мыты старыми, какъ было за отца нашего Казимира короля его милости, зъ Городенскимъ а Дорогицкимъ, зъ Бѣлскимъ, съ Каменецкимъ, зъ Мелницкимъ“, што по дорогамъ и на перевозѣ суть, которые передъ тымъ здавна, за отца нашего къ тому мыту Берестейскому прислухали и тежъ комору Берестейскую восковую и соляную“⁸⁵⁰⁾. Что коморы восковыя и соляныя были не что иное, какъ мѣста сбора мыта съ воска и соли, на это указаніе получаемъ въ арендномъ листѣ короля Сигизмунда, выданномъ въ 1529 году жидамъ на тѣ же мыта и коморы „и съ коморами Луцкими, Володымирскими восковыми и соляными и со всеми мыты по дорогамъ и по перевозомъ сухимъ путемъ и водою“. „А естли бы хто,—читаемъ здѣсь,—которые хотѣли *мыта* наши старыи и новыи, восковыи и соленыи, прождчати безъ цеховъ и бѣзъ квить ихъ съ товары або зъ воски и съ солью, мыта або восковничого и соленичого имъ не заплативши, и они мають таковыхъ въ промѣтѣ забиратьъ, и половина промыты маеть быти на насъ, а не на старость нашихъ, а на нихъ половина“⁸⁵¹⁾. Воскъ былъ едва ли не главнымъ предметомъ вывоза за границу, а соль—главнымъ предметомъ ввоза изъ за границы⁸⁵²⁾, такъ что восковые и соляные пенязи были пошлиною и вывозною и ввозною. Съ камня ($\frac{1}{2}$ пуда) воску въ изучаемое время взималось обыкновенно по шести грошей, а съ мѣха соли 4 гроша или: отъ лашта (15 бочекъ) по 45 грошей, отъ бочки по 3 гроша. Такъ, въ первый годъ княженя Сигизмунда всего воску было пропущено за гравницу черезъ Полоцкъ 14411 камней, а пенязей взято съ него 1441 копа и 6 грошей; на другой годъ воску было пропущено 4812 камней, а пенязей взято было 481 копа и 12 грошей. Соли черезъ Полоцкъ было пропущено 19375 мѣховъ, а пенязей взято 1291 копа 40 грошей, а на другой годъ 10850 мѣховъ, а пенязей было

⁸⁵⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 28.

⁸⁵¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 163—165.

⁸⁵²⁾ Акты Зап. Рос. II, № 149, II.

взято 723 копы и 20 грошей ⁸⁵³). Въ 1522 году Ганузь Судорманъ чинилъ „личбу“ съ коморъ восковыхъ и соляныхъ Виленской, Ковенской, Техоновской и Тыкотинской за три года, при чемъ показали: чрезъ коморы Ковенскую, Техновскую и Тыеотинскую прошло сол^н 12454 лашта и 14 бочекъ, а мыта собрано 9301 копа и 12 грошей, по 45 грошей отъ лашту; чрезъ Виленскую комору прошло 15387 камней, а приходу отъ воску 6538 копь и 42 гроша, „отъ камня по шести грошей“ ⁸⁵⁴). Такъ какъ все это были мыта старья, которыя Сигизмундъ сдавалъ на откупъ, „какъ бывало здавна, за отца нашего Казимира и брата нашего Александра, королей и великихъ князей ихъ милости“, то отсюда можно заключить, что вышеуказанная норма восковой и соляной пошлины оставались неизмѣнною въ теченіе изучаемаго времени.

Восковые и соляные пенязи собирались „въ вѣрной рукѣ“ особыми должностными лицами (обыкновенно изъ торговаго класса), которые назывались *восковничими* и *соленичими*. Такъ, король Сигизмундъ въ 1507 году поручилъ завѣдать воски „въ вѣрной руцѣ“ въ мѣстѣ Городенскомъ бурмистру Оедку, мѣщанамъ Андреяну и Станку Бутевичу, писарю мѣстскому Ганусу и двумъ жидамъ городенскимъ, Игудѣ и Лазарю: они должны были брать отъ каждаго камня воску по шести грошей и, кромѣ того, себѣ „за працу“ по грошу съ каждаго шести каменей ⁸⁵⁵). Иногда должности восковничаго и соленичаго соединялись въ однѣхъ рукахъ, иногда были въ различныхъ; между восковничими и соленичими разныхъ мѣстъ устанавливались нерѣдко іерархическія отношенія. Такъ, король Сигизмундъ въ 1509 году далъ право восковничему и соленичему Берестейскому Михаилу Ребичковичу (брату извѣстнаго пана Аврама Езофовича) „брать личбу и пенязи“ у восковничихъ и соленичихъ Луцкихъ, Владимирскихъ, Дорогичскихъ и Бѣльскихъ. „А Михель вжо,—гласить при этомъ королевскій листъ,—маеть тыми пенязьми отбывати князей и пановъ и дворей нашихъ тыхъ, кому будемъ въ него давати жалованья нашего на вѣтацеяхъ“. Михелю дана была и половина „обѣстки“, которая взиалась восковничими и соленичими отъ воска и соли въ свою пользу (очевидно, это и была вышеупомянутая плата „за працу“), но Михель за то долженъ былъ отъ себя посылать и ѣздить самъ въ господарю по надобностямъ своей должности, избавляя отъ этого подчиненныхъ

⁸⁵³) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 105.

⁸⁵⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XI л. 88—90. Срав. Акты Зап. Рос. II, № 149, II

⁸⁵⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 95.

восковничихъ и соленичихъ ⁸⁵⁶). Въ данномъ случаѣ существовала полная аналогія съ мытниками, между которыми также существовали иногда іерархическія отношенія, такъ какъ мыта извѣстныхъ мѣстъ „прислухали“ къ одному „головному“ мыту, напр., мыто Дорогичское „прислухало“ къ мыту Берестейскому ⁸⁵⁷). Но, кромѣ сбора „къ вѣрной рупцѣ“, коморы восковая и соляная отдавались иногда и на откупъ, хотя и рѣже, чѣмъ другія доходныя статьи великокняжескаго скарба, такъ какъ самый предметъ обложенія облегчалъ правительству учетъ лицъ, собиравшихъ эти пошрины „къ вѣрной рупцѣ“. Такъ, въ 1531 году король сдалъ комору восковую и соляную Полоцкую за 300 копѣ грошей ⁸⁵⁸); выше былъ приведенъ случай сдачи въ аренду коморъ восковыхъ и соляныхъ въ землѣ Берестейско - Подляшской и Волынской и т. д. Коморы восковая и соляная сдавались иногда господаремъ своимъ кредиторамъ „до выбиранія пенязей“ ихъ. Это бывало обыкновенно тогда, когда мытники по господарскимъ ассигновкамъ переплачивали болѣе, чѣмъ собирали съ восковъ и соли. Такъ, въ 1509 году король Сигизмундъ, разсчитавшись съ Аврамомъ Езофовичемъ и оставшись у него въ долгу въ 5630 копахъ грошей, отдалъ ему комору соляную въ Ковнѣ, восковую и соляную въ Полоцкѣ „къ вѣрной рупцѣ“ до тѣхъ поръ, пока онъ выберетъ весь свой долгъ ⁸⁵⁹). Что касается намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, то они не участвовали въ сборѣ восковыхъ и соляныхъ пенязей, какъ и старыкъ мытъ, такъ какъ эти пошрины собирались въ большихъ городахъ, бывшихъ обыкновенно резиденціями воеводъ и старостъ, или изъ этихъ городовъ—мытниками, восковничими и соленичими или откупщиками.

Въ Кіевѣ собиралось отдѣльно, кромѣ того, *мыто оргишове* (съ скота, пригонявагося изъ степей?). Это оргишове мыто въ 1508 году король Сигизмундъ отдалъ „къ вѣрной рупцѣ“ мытнику Кіевскому Шамаку, при чемъ половина сбора должна была идти въ скарбъ, а половина мытнику въ уплату 660 копѣ грошей, которые ему задолжалъ король. Мыто должно было собираться такимъ образомъ: какъ придетъ оргишъ до Кіева, Шамакъ обязанъ былъ извѣстить короля и не брать мыта до тѣхъ поръ, пока не пріѣдетъ отъ короля дьякъ и не перепишетъ вмѣстѣ съ Шамакомъ оргишъ ⁸⁶⁰).

⁸⁵⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 109.

⁸⁵⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 118 и др.

⁸⁵⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 167.

⁸⁵⁹) Ibidem, л. 108.

⁸⁶⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 101. Срав. XV, л. 65 -- 67.

Мыта, восковые и соленые пенязи расходовались, какъ мы видѣли, подобно другимъ господарскимъ доходамъ на мѣстѣ, по ассигновкамъ, или „квитациямъ“, которыя налагались на сборъ или на откупную сумму; въ скарбъ вносился только излишекъ, если только онъ получался. Кромѣ денегъ, съ мыта, восковъ и соли жаловались сукна, шубы, соль, шелковыя матеріи и т. д., изъ чего можно заключить, что пошлины уплачивались нерѣдко самими товарами. Особенно много такихъ пожалованій встрѣчаемъ въ записяхъ Казимира князя. Это наводитъ на мысль, что система сбора торговыхъ пошлинъ натурою въ XV вѣкѣ дѣйствовала полнѣе, чѣмъ въ XVI-мъ, а въ XIV, быть можетъ, полнѣе, чѣмъ въ XV в.

Необходимо въ заключеніе указать на то, что торговыя пошлины и сборы Литовско-Русское государство унаслѣдовало отъ древнихъ русскихъ княжествъ, вошедшихъ въ его составъ. Лѣтописи и немногіе дошедшіе до насъ акты XII и XIII в. говорятъ о сборѣ мыта въ западной Руси, перевоза, мостовщины, помѣрнаго, вѣсчаго, вощанаго вѣса, пошлины отъ соли и т. д. ⁸⁶¹⁾.

Въ пользу господара вимались по отдѣльнымъ мѣстамъ налоги и подѣ другими названіями, напр., *верховицнныя пенязи* во Владимірѣ, *чижовое* въ Ковнѣ и т. д. Въ записяхъ пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Старостѣ Луцкому пану Петру Яновичу 20 копѣ зъ мыта Луцкого, ему жъ двадцать копѣ зъ мыта Берестейскаго, ему жъ 10 копѣ *верховицнныя* у Володимира“ ⁸⁶²⁾. Въ 1498 году передъ великимъ княземъ Александромъ Оедько писарь положилъ „на личбѣ“ между прочимъ „Володимирскихъ капныхъ пенязей и *верховицнны* а циншовыхъ Литовижскихъ пятьдесятъ копѣ и четыре копы и полтретьяцать грешей“ ⁸⁶³⁾. Въ 1495 году дьякъ Зенько положилъ „на личбѣ“ передъ господаремъ въ Вильнѣ 291½ копу, 140 золотыхъ и одинъ „золотой корабельникъ“; тогда же и Аврамъ, городничій Ковенскій, далъ „чижоваго“ 47 копѣ (Зенько давалъ отчетъ по прошлымъ сборамъ ⁸⁶⁴⁾). Какое значеніе имѣли эти налоги, и въ какомъ отношеніи они находились къ перечисленнымъ выше, на это намъ не удалось найти соответствующихъ указаній въ источникахъ, равно какъ и на то, кто собиралъ эти налоги.

⁸⁶¹⁾ Н. Аристова Промышленность древней Россіи, стр. 220—228.

⁸⁶²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 28.

⁸⁶³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 173.

⁸⁶⁴⁾ Ibidem, л. 165.

XXXVIII.

Итакъ, намѣстники-державцы и тивуны въ мѣстахъ были сборщиками государскихъ доходовъ и финансовыми агентами великаго князя, хотя здѣсь, какъ мы видѣли, они должны были раздѣлять это значеніе съ разными другими должностными лицами. Какъ и въ селахъ намѣстники-державцы должны были вмѣстѣ съ тѣмъ заботиться и о возможной полнотѣ платежныхъ силъ, принимать мѣры къ устройству мѣстъ и замѣщенію пустыхъ мѣщанскихъ участковъ прибылыми людьми. Если въ селахъ, гдѣ жили государскіе непохожіе люди, часто появлялись пустовщины, тѣмъ болѣе должны были онѣ появляться въ мѣстахъ, гдѣ населеніе по свойству своихъ занятій было болѣе подвижное, чѣмъ въ селахъ, и de jure не было привѣрено къ мѣсту поселенія. По отношенію къ мѣщанамъ большихъ и старинныхъ городовъ, какъ Витебскъ и Полоцкъ, объ этомъ имѣются прямые свидетельства актовъ ⁸⁶⁵). Но то же самое по нѣкоторымъ выраженіямъ и указаніямъ актовъ мы можемъ заключать и о мѣщанахъ небольшихъ мѣсть. Такъ, король Александръ, получивъ отъ войта Порозовскаго Давида Турчина увѣдомленіе, „што жъ многіе мѣщане Порозовскіе разошлись съ Порозова прочь“, приказалъ ему „тыхъ мѣщанъ и иныхъ зыывать“ (не „выводити“) и осаживать ими мѣсто, давая имъ волю, „а волю высѣдѣвши, и они мають намъ и поплаты мѣстскіи, какъ передъ тымъ съ тыхъ мѣстецъ полаты мѣстскіи даваны“ ⁸⁶⁶). Въ 1525 году король Сигизмундъ по случаю большого пожара, истребившаго замокъ и мѣсто Берестейское, „не хочачи, — какъ гласитъ его листъ, — иажбы тыи мѣщане наши для таковое пригоды и впаду своего отъ насъ господара зъ мѣста нашего Берестейского разошлись“, освободилъ ихъ отъ всякихъ платежей на десять лѣтъ ⁸⁶⁷). Мѣщане великаго княжества Литовскаго въ отношеніи своихъ „земскихъ“ правъ были сравнены съ высшими сословіями, князьями, панами и боярами-шляхтою ⁸⁶⁸), а, слѣдовательно, подобно имъ имѣли и право свободного передвиженія, не ограниченнаго въ финансовыхъ и повинностныхъ

⁸⁶⁵) Акты Зап. Рос. I, № 204, II, № 70.

⁸⁶⁶) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 301, 302.

⁸⁶⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 225, 226. Срав. Акты Зап. Рос. II, № 123.

⁸⁶⁸) Акты Зап. Рос. I, № 61; Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 61; XVI, л. 276, 277.

интересахъ господара. Господарь поэтому льготами старался удержать населеніе своихъ мѣсть, которое почему либо стремилось покидать ихъ. „Осаживать“ мѣсто поручалось обыкновенно „мѣстскому“ начальству, буде мѣсто пользовалось магдебургскимъ правомъ. Выше былъ приведенъ примѣръ такого порученія, даннаго войту Порозовскому. Въ добавленіе къ этому можно привести еще свидѣтельство источниковъ относительно мѣста Волковыйскаго. Въ 1523 году королю Сигизмунду повѣдалъ старый бурмистръ мѣста Волковыйскаго Олишко Черневичъ, „иже войтъ Волковыйскій и бурмистръ дали ему двѣ полоски земли мѣстское пустовское Опимаховщины къ его земли отчизной для того, што жъ въ него земля отчизная мала и не мѣлъ съ чого служби нашею служити и дачою мѣстскихъ давати“, — и былъ челомъ, чтобы король подтвердилъ ему землю своимъ листомъ ⁸⁶⁹⁾. Такимъ образомъ, войтъ и бурмистръ, раздавая землю въ мѣстахъ, дѣйствовали только, какъ агенты господарскіе. Всѣ вообще пустыя земли, въ томъ числѣ и мѣстскія, считались господарскимъ достояніемъ, во владѣніе которымъ можно было вступить только съ утвержденія господара. На этомъ основаніи и всѣ выморочныя недвижимыя имущества мѣщанъ спадали на господара; примѣръ тому приведенъ былъ въ началѣ настоящаго очерка. Въ мѣстахъ безъ магдебурскаго устройства пустыя „мѣстца“ раздавали обыкновенно намѣстники-державцы и тивуны. Такъ, державца Рѣчицкій панъ Семень Полозовичъ при королѣ Сигизмундѣ осаживалъ не только волость, но и мѣсто Рѣчицкое ⁸⁷⁰⁾. Въ 1510 году король приказалъ намѣстнику Слонимскому Яну Николаевичу „уважать“ дворянина Федора Волошина въ дворъ Рябовскій въ мѣстѣ Слонимскомъ, который спалъ на господара, и къ которому не было никого близкихъ, „нижли дей тотъ дворъ держитъ мѣщанинъ слонимскій безъ данины нашею, але зъ дозволеньемъ намѣстнича твоего Слонимского“ ⁸⁷¹⁾. Даже мѣста съ магдебургскимъ правомъ господарь поручалъ иногда осаживать намѣстникамъ-державцамъ, особенно вновь. Такъ, король Сигизмундъ поручилъ державцѣ Волковыйскому пану Матю Войтеховичу садить мѣсто въ Волковыйскомъ повѣтѣ на Свислочи на магдебурскомъ правѣ ⁸⁷²⁾ и т. д.

⁸⁶⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 71.

⁸⁷⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

⁸⁷¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 382.

⁸⁷²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 134, 135. Срав. Акты Зап. Рос. Ц. № 123.

Нашѣственники-державцы, кромѣ того, регулировали поземельныя отношенія мѣщанъ, разрѣшали судебныя тяжбы о землѣ, утверждали купли-продажи, дарственные акты и духовныя завѣщанія на тѣхъ основаніяхъ, какъ и по отношенію къ шляхетскому землевладѣнію, съ которымъ мѣщанское землевладѣніе представляло полную аналогію. Устраивая осѣдлость въ мѣстахъ, они дѣйствовали, какъ представители господаря, на которомъ лежала обязанность охранять интересы мѣстнаго населенія, и у котораго связанъ былъ съ этимъ собственный финансовый интерес. Осѣдлость въ мѣстахъ, около и внутри городскихъ стѣнъ, устраивалась, кромѣ того, и въ цѣляхъ военныхъ, для осаднаго сидѣнья на случай нападенія непріятеля. Князья, паны и бояре-шляхта, имѣвшіе свои усадьбы или „дворы“ въ селахъ, обыкновенно выпрашивали себѣ у господаря пустыя усадьбы въ городахъ и мѣстахъ, гдѣ и устраивали себѣ осадные дворы, или покупали таковыя у мѣщанъ, испрашивая себѣ освобожденіе отъ мѣстскихъ „служобъ и дачокъ“. Такъ, дворянинъ Сурина Путятичъ выпросилъ себѣ у короля Александра „мѣстечко въ мѣстѣ Кіевскомъ въ Сколнвохъ домохъ собѣ нарадити для пригоды отъ поганства татаръ“. Но такъ какъ по случаю смерти воеводы кн. Димитрія Путятича ему не было дано „уязанье“, то Сигизмундъ приказалъ преемнику кн. Путятича, пану Юрью Михайловичу Монтовтовича, дать ему это „уязанье“⁸⁷³⁾. Въ мѣстѣ Полоцкомъ также были такіе дворы князей, пановъ и бояръ, какъ это видно изъ подтвердительнаго привилея, даннаго Полоцкой землѣ королемъ Сигизмундомъ въ 1511 году⁸⁷⁴⁾. Дворы эти были необходимою принадлежностью княжескихъ, панскихъ и боярскихъ имѣній и разсматривались, какъ ихъ составныя части. Панья Ѳедора, дочь Пашка Дохновича, записала по смерти своей мужу своему Василью Хребтовичу „имѣнье свое отчизное, на имя Яблонное, а дворъ свой у замку у-въ окольнемъ Луцку“, а панъ Василій Хребтовичъ въ свою очередь отписалъ все это зятю своему князю Андрею Михайловичу Саньгупшовича⁸⁷⁵⁾. Въ 1514 году король Сигизмундъ пожаловалъ князю Ѳедору Ѳедоровичу Четвертинскому имѣнья во Владимирскомъ повѣтѣ Уйму и Цевеличи „со всеми людьми и зъ дворомъ городскимъ и мѣстцкимъ у Володимири, *которыи къ тымъ имѣньямъ прислухаютъ*“⁸⁷⁶⁾ и т. д. Если у князя, пана или боярина не было дома въ

⁸⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 155. Сравни. Акты Зап. Рос. II, № 164.

⁸⁷⁴⁾ Акты Зап. Рос. II, № 70.

⁸⁷⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 175.

⁸⁷⁶⁾ Ibidem, л. 214.

городѣ, онъ старался часто приобрѣсти его покупкою или въ приданое за женою. Такъ, землянинъ браславскій Ивашко Красносельскій купилъ подворье въ мѣстѣ Луцеюмъ „для убѣжища поганства татаръ“; король Сигизмундъ утвердилъ за нимъ эту покупку и отпустилъ ему съ этого подворья „службу и дачи мѣстскія вси“⁸⁷⁷). Бояринъ Гродненскаго повѣта Петръ Гриньевичъ приобрѣлъ за женою домъ въ мѣстѣ Берестейскомъ недалеко отъ рынка и билъ челомъ королю возволить этотъ домъ „отъ службы и отъ подводъ и отъ всякихъ платежей мѣстскихъ и отъ присуду мѣстскаго“. Король исполнилъ его просьбу и 11 октября 1523 года выдалъ ему на то особый листъ, въ которомъ между прочимъ написалъ: „а который подворникъ отъ него будетъ въ томъ дому мѣшвати, маєть его староста Берестейскій судити“⁸⁷⁸). Князья, паны и бояре держали въ городахъ и мѣстахъ свои дома не для одного осаднаго сидѣнья, а и на случай прїѣздовъ и жительства въ городѣ по дѣламъ, какъ это должно было часто бывать въ центральныхъ городахъ областей. По нѣкоторымъ признакамъ, высшіе классы военнослужаго сословія Литовско-Русскаго государства причастны были и въ торговому обороту, совершавшемуся въ мѣстахъ. По крайней мѣрѣ, съ увѣренностью можно утверждать это о боярствѣ земель Полоцкой и Витебской⁸⁷⁹). Хозяйственные интересы, такимъ образомъ, также побуждали служилыхъ людей приобрѣтать недвижимыя имущества въ мѣстахъ. Служилые люди, если не сами торговали въ мѣстахъ, держали на своихъ подворьяхъ слугъ и людей, которые „ся обыходили купецтвомъ або ремесломъ“ и платили своимъ господамъ „поземъ“⁸⁸⁰). Въ приобрѣтеніи недвижимой собственности въ городахъ и мѣстахъ служилые люди несомнѣнно пользовались правительственнымъ посредничествомъ намѣстниковъ - державцевъ и тивуновъ, подобно тому, какъ пользовались они имъ въ приобрѣтеніи своихъ земскихъ имѣній вообще.

XXXIX.

До сихъ поръ мы видѣли намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ въ роли приказчиковъ въ господарскихъ имѣньяхъ и сборщиковъ податей, налоговъ и разныхъ господарскихъ доходовъ съ крестьянъ господарскихъ и владѣльческихъ и мѣщанъ. Этими, однако, не ограни-

⁸⁷⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 71.

⁸⁷⁸) Ibidem, 118.

⁸⁷⁹) Акты Зап. Рос. II, № 61, 70.

⁸⁸⁰) Ibidem, № 70, 164.

чивалось правительственное значеніе намѣстниковъ - державцевъ по отношенію къ поименованнымъ классамъ общества. Намѣстники-державцы были вмѣстѣ съ тѣмъ и комендантами мѣстныхъ крѣпостей, которые ихъ строили и снабжали провіантомъ и, наконецъ, военачальниками, которые выводили вооруженныя силы на ратное поле. Въ этомъ направленіи также развивалась ихъ дѣятельность по отношенію къ названнымъ классамъ общества. Начнемъ съ постройки и ремонта укрѣпленій, военныхъ дорогъ и мостовъ.

Эта постройка и ремонтъ входили въ число обычныхъ обязанностей намѣстниковъ - державцевъ (замки были, впрочемъ, далеко не во всѣхъ резиденціяхъ намѣстниковъ - державцевъ). Поэтому король Сигизмундъ, заставивъ въ 1518 году пану Богушу Боговитиновичу дворецъ Каменецъ, написалъ въ заставномъ листѣ: „А што онъ, будущи тамъ замокъ нашъ, пенязей своихъ наложить, то маемъ ему заплатить“⁸⁸¹⁾. Объ этой дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ встрѣчаемъ и другія извѣстія въ источникахъ изучаемаго времени. Такъ, король Сигизмундъ въ началѣ своего княженія ассигновалъ пану Дмитру Александровичу, намѣстнику Житомирскому, „на оправу“ замка Житомирскаго сто вопъ грошей съ недополнковъ дани волостей Подіпрскихъ⁸⁸²⁾, изъ чего видно, что содержаніе этого замка въ боевой готовности и исправности было на обязанности мѣстнаго намѣстника. Державца Рѣчицкій панъ Семенъ Полозовичъ, по словамъ королевскаго листа, выданнаго ему на держанье замка Рѣчицкаго „до живота“, „на пустомъ мѣстѣ на насъ господаря замокъ збудоваль и оборонами всякими за свои властныи пенязи тотъ замокъ нашъ воспомогъ“⁸⁸³⁾ Впрочемъ, господарь и намѣстники-державцы своими пенязями только помогали строить и ремонтировать замки, такъ какъ это лежало собственно на обязанности мѣстнаго населенія. Относительно этого и въ памятникахъ общаго законодательства, и въ частныхъ привилеяхъ находимъ множество указаній и подробностей. Такъ, Ягелло освобождая въ 1387 году литовскихъ бояръ отъ всѣхъ работъ на господаря, оговорилъ въ своемъ привилеѣ: nisi dum ad castrî novi constructionem tota terra Lithuanica vocaretur; extunc quivis ad faciendum laborem pro constructione aut reformatione castrî antiqui sit astrictus⁸⁸⁴⁾. Въ 1413 году Ягелло и Витовтъ, пожаловавъ ли-

⁸⁸¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 591, 592.

⁸⁸²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 449.

⁸⁸³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

⁸⁸⁴⁾ Zbiór praw litewskich, str. 1, 2.

товскимъ князьямъ, панамъ и боярамъ права и вольности польской шляхты, опять оговорили, что паны по старому обычаю должны будутъ строить (своими людьми) замки и военныя дороги (vias expeditionales) ⁸⁸⁵). По земскому привилею 1457 года, подданные князей, пановъ, бояръ - шляхты и мѣщанъ также освобождались отъ всѣхъ работъ на господаря, „выимуючи роботы на будованье городовъ нашихъ новыхъ потребныхъ а старыхъ поправленія“, а также „мостовъ новыхъ чиненія, старыхъ поправленія“. ⁸⁸⁶). То же самое подтверждено въ земскихъ привилеяхъ в. князя Александра 1492 года и короля Сигизмунда 1506 ⁸⁸⁷), а также и въ первомъ Литовскомъ Статутѣ 1529 года ⁸⁸⁸). Въ привилеяхъ, выданныхъ отдѣльнымъ областямъ великаго княжества, также встрѣчаемся съ обязанностью людей церковныхъ, княжескихъ, панскихъ и боярскихъ строить укрѣпленія. Такъ, въ привилеѣ Киевской земли читаемъ: „А города Киевскіе по старому: дѣлати города кождому надобѣ“ ⁸⁸⁹). То же самое находимъ и въ грамотахъ, выданныхъ частнымъ лицамъ. Въ 1499 году великій князь Александръ по жалобѣ бояръ полоцкихъ, Богдана и Гѣба Остафьевичей, Михайла и Ивашка Зеновьевичей, на намѣстника Полоцкаго, который ввелъ имя „новину“, именно заставилъ ихъ рубить восемь городенъ въ замкѣ Полоцкомъ вмѣсто двухъ, писалъ намѣстнику Полоцкому: „мають они тыи свои двѣ городни робити по старому подлугъ давного обычая; а тобѣ, намѣстнику нашему, и городничему Полоцкому посокирщины зъ ихъ людей не надобѣ брата“ ⁸⁹⁰). Въ томъ же году великій князь Александръ выдалъ „вырокъ“ по дѣлу людей Свислоцкой волости съ людьми бояръ Котовичей, коиъ онъ присудилъ послѣднимъ „всякую тягль тянути“ съ людьми Свислоцкой волости и между прочимъ „города рубити“ ⁸⁹¹). Панскіе люди Бобруйскаго повѣта, какъ это видно изъ заявленія, поданнаго королю Сигизмунду въ 1529 году старцемъ и людьми волости Бобруйской, „недѣли подводъ посполу зъ ними стерегивали и города и мосты робливали, и въ подачкахъ городовыхъ, и во всякихъ розметѣхъ имъ помогивали“ ⁸⁹²).

⁸⁸⁵) Zbiór praw litewskich, str. 7—20.

⁸⁸⁶) Акты Зап. Рос. I, № 61.

⁸⁸⁷) Zbiór praw litewskich, str. 58—67; 95—99.

⁸⁸⁸) Раздѣлъ I, арт. 22.

⁸⁸⁹) Акты Зап. Рос. II, № 30, 164.

⁸⁹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 152.

⁸⁹¹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 82, 83.

⁸⁹²) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 22.

Въ 1528 году іюня 10 король присудилъ людямъ князей Вишневецкихъ и пановъ Котовичей „города наши Свислочь и Кіевъ и инми, которыхъ будетъ потребъ, посполъ зъ нашими людьми Свислочанъ робити и мосты мостити по тому, какъ передъ тымъ бывало“⁸²³). Подъ людьми Свислочанами здѣсь разумѣются и мѣщане, которые со-обща вели процессъ противъ людей кн. Вишневецкихъ и пановъ Котовичей. Объ участіи мѣщанъ въ постройкѣ городскихъ укрѣпленій говоритъ и листъ великаго князя Александра по дѣлу мѣщанъ и мужей Торопецкихъ съ людьми волости Старцовой, въ которомъ читаемъ между прочимъ: „а городъ имъ съ Торопчаны рубити и сторожу давати на городъ по давцому“⁸²⁴). Итакъ, замки и дороги строили и ремонтировали мѣщане и люди волостные господарскіе, княжескіе, панскіе и боярскіе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда князьми, панамъ и боярамъ - шляхтѣ было недостаточно подмоги господарскихъ подданныхъ, правительство отпускало известную сумму денегъ на нѣмъ вольныхъ рабочихъ рукъ. Такъ, король Александръ ассигновалъ земьянамъ Вѣницеямъ 30 копъ грошей „на оправленіе города“⁸²⁵). Общій надзоръ и руководство при работахъ принадлежали намѣстникамъ-державцамъ, которымъ въ этомъ помогали *городничіе*, существовавшіе въ значительныхъ замкахъ, бывшихъ въ держаньи намѣстниковъ-державцевъ, какъ, напр., въ Минскѣ, Каменцѣ, Кременцѣ⁸²⁶).

Кромѣ постройки и починки укрѣпленій, намѣстники - державцы принимали и другія мѣры по организаціи мѣстной обороны. Въ окраинныхъ замкахъ, напр., подъ ихъ „осмотрѣніемъ“ снаряжалась мѣщанами и волостными людьми „польная сторожа“. Такъ, въ инструкціи, данной въ 1529 году державцѣ Рѣчицкому пану Семену Полозовичу, король писалъ: „што съ дотычетъ сторожы полное ото всякихъ непрятелей нашихъ, яко отъ Москвичъ, такъ и отъ Татаръ и отъ Турковъ, мають вси подданныи наши тамошніи Рѣчицкіи и зъ мѣста, и зъ волости, и тежъ князьскіи и паньскіи, и боярскіи люди, тую сторожу полную тымъ обычаемъ заступовати: они вси Рѣчычане мають выправляти на тую сторожу полную два чоловѣки добрыхъ а годныхъ на добрыхъ конѣхъ подъ осмотрѣніемъ державцы нашего, а держав-

⁸²³) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 13.

⁸²⁴) Литовс. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.

⁸²⁵) Ibidem, 277, 278 и т. д.

⁸²⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 115; *Bonickiego Poczet rodów. Spis dygnitarzy i urzędników*, str. IX.

да нашъ Рѣчыцкій панъ Семень маєть на тую сторожу полную посполъ зъ ними своими пенязми третего челоуѣка выправляти⁸⁹⁷⁾. Въ случаѣ вторженія татарскихъ загоновъ или другихъ непріятельскихъ шаекъ державцы собирали мѣстныхъ жителей и вели ихъ въ погоню. Это была всеобщая повинность, лежавшая на всѣхъ классахъ общества, какъ и польная сторожа: ею обязаны были не только бояре, но всѣ мужчины, способные носить оружіе. Объ этомъ узнаемъ изъ привилея 1387 года, который говоритъ о погонѣ, какъ о старинной всеобщей повинности. То же самое подтверждаетъ, напр., и привилей короля Сигизмунда, выданный въ 1514 году Кіевскимъ мѣщанамъ. „Тежъ мають они,—читаемъ здѣсь,—сторожу мѣти въ поли отъ татаръ кожного часу подлѣ давного обычая тамъ, гдѣ передъ тымъ стерегивали; и тежъ, воли бы было потребъ, колко разовъ до року зъ нами або зъ нашими подданными потегнути въ погоню за татары, они мають конне а збройне, кождый своею головою подлѣ своего статку, такъ, какъ на войну слушать, безъ кожного умѣшканы и ослушанья, какъ мы имъ або врадникъ нашъ роскажетъ тагнути“⁸⁹⁸⁾.

XL.

Если въ погоню по горячимъ слѣдамъ непріятеля намѣстники-державцы выводили всѣхъ способныхъ носить оружіе, поголовно, то на театръ военныхъ дѣйствій или въ сборный пунктъ войска они выводили изъ своихъ новѣтовъ только военнообязанныхъ. Этими военнообязанными были прежде всего, какъ мы видѣли выше, многіе крестьяне, напр., соленики, угольники, савники, клепахи, садовники, кухари, кравцы, сторожа, сокольники, осочники⁸⁹⁹⁾, а въ особенности—многочисленный разрядъ слугъ разныхъ наименованій. Военнообязанные крестьяне выправляли съ намѣстниками-державцами ратника съ каждой службы. Мѣщане также принадлежали къ этимъ военнообязаннымъ, но отправляли службу со всего мѣста „водлѣ уставы“. „А мѣщаномъ Волковыйскимъ,—читаемъ въ подтвердительномъ привилеѣ короля Сигизмунда, данномъ въ 1507 году мѣсту Волковыйскому на магдебургское право,—велѣлъ его милость на службу свою, на войну, ходити, водлѣ уставы, какъ и изъ иныхъ мѣсть“⁹⁰⁰⁾.

⁸⁹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67. Срав. Акты Зап. Рос. I, № 210.

⁸⁹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 78, 79.

⁸⁹⁹⁾ См. Литов. Метр. кн. Публич. дѣль I.

⁹⁰⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 13.

Кромѣ того, мѣщане часто владѣли земскими имѣньями не въ мѣстскомъ „Фридѣ“, съ которыхъ они должны были нести „опришнюю“ военную службу.

Въ актахъ мы находимъ множество примѣровъ такого владѣнья. Такъ, великій князь Витовтъ далъ мѣщанину полоцкому Ѳедору Свищову „селцо въ Полоцкомъ повѣтѣ въ Сквороповичохъ на Корвайни“; потомки его покупали земли „на Оупи и на Ухвици“ у своей братьи-мѣщанъ, у бояръ и людей господарскихъ Полоцкаго повѣта въ разныхъ мѣстахъ, а король Александръ въ 1502 году подтвердилъ все это за ними своимъ листомъ ⁹⁰¹⁾. Въ записяхъ „земельныхъ раздачъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Еску, мѣстичу смоленскому, земля Онтипина а съ нее четыре пуды меду“ ⁹⁰²⁾. Еску пожалована была земля и вмѣстѣ съ тѣмъ дань съ нея, которая, очевидно, была замѣнена военною службою. Въ 1487 году король Казимиръ пожаловалъ мѣщанину виленскому Степану Ршанину двухъ конюховъ въ Виленскомъ повѣтѣ, Демковыхъ сыновей, со всею ихъ землею отчиною „вѣчно ему и его жонѣ и его дѣтемъ“ ⁹⁰³⁾. Онъ же дозволилъ писарю Ѳедку Григорьевичу купить село Всяю у мѣщанина полоцкаго Кунцы Евлашковича Кожича ⁹⁰⁴⁾. Великій князь Александръ пожаловалъ мѣщанину виленскому Богдану Онковичу челоуѣка въ Неменчинской волости Юргеля Римевича съ его землею ⁹⁰⁵⁾. Въ 1497 году тотъ же великій князь дозволилъ писарю воеводы Виленскаго и канцлера пана Миколая Миколаевича Радивиловича Сеньку Тереховичу купить два села въ Смоленскомъ повѣтѣ, Рѣпинское и Шустово, у мѣщанина смоленскаго Васька Децива ⁹⁰⁶⁾. Онъ же пожаловалъ мѣщанину виленскому Андрею Миколаевичу четыре служби людей въ Рудоминской волости Виленскаго повѣта; король Сигизмундъ въ 1507 году подтвердилъ ему данину предшественника своимъ листомъ ⁹⁰⁷⁾. Въ 1510 году король Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность мѣщанину мерецкому Григорью Андрушовичу имѣнья, купенныя имъ у бояръ мерецкихъ, съ условіемъ: „а намъ маеть съ того службу земскую заступвати“ ⁹⁰⁸⁾. Въ 1522 бурмистръ мѣста Виленскаго Ер-

⁹⁰¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 109, 110.

⁹⁰²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 36.

⁹⁰³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 128.

⁹⁰⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 150.

⁹⁰⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 312.

⁹⁰⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 88.

⁹⁰⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 126.

⁹⁰⁸⁾ Ibidem, л. 405.

мола: Слотовичъ получилъ отъ короля Сигизмунда челоуѣка татлаго въ Виленскомъ повѣтѣ въ Рокоптишской волости Юрѣя Юхновича съ братьею, съ которыхъ шла одна служба; въ слѣдующемъ году онъ получилъ землю въ Ловарипшахъ Андрушовщину, „а у Мемижской волости въ Дилусахъ землю Юшковщину а челоуѣка Юшмеля, конюха съ братьею и съ землею ихъ“ и, кромѣ того, землю пустовскую Янкову Войдиловича, „а въ Неменчынской волости Жнивяньского повѣту двухъ братьевъ рожоныхъ землю, Михайловщину а Станкелевщину“⁹⁰⁹⁾. Въ 1522 году король подтвердилъ подконюшему Виленскому Шимку Мацковичу куплю его у свирнаго Виленскаго Станка Ивашевича, „дворецъ, его выслугу, на рѣцѣ на Рѣши съ пашнею дворною и съ сѣножатми, и зъ гаи, и зъ дубровами, и съ хоромами, и съ челоуѣкомъ купленнымъ, на имя Янелемъ Ждановичемъ, и его женою и зъ дѣтми, котораго челоуѣка купилъ онъ у мѣщанина Виленскаго Яна въ Янчулевича, и зъ другимъ челоуѣкомъ волнымъ, на имя зъ Кгирдѣемъ, и его коромани“⁹¹⁰⁾ и т. д. Развитіе мѣщанскаго землевладѣнія внѣ мѣстской черты и на „земскомъ правѣ“ можно констатировать и не одними частными примѣрами, а и нѣкоторыми общими указаыями актовъ. Нѣкоторый намекъ на это даетъ уже земскій привилей 1457 года, который предполагаетъ для мѣщанъ владѣніе крестьянами⁹¹¹⁾. Но это владѣніе можно еще приурочивать въ фольварочному хозяйству, въ хуторахъ, которые находились по близости отъ мѣста и на мѣстевой землѣ. Вполнѣ определенное и точное указаніе на мѣщанское землевладѣніе внѣ мѣстской черты даетъ грамота, выданная въ 1510 году мѣщанамъ Полоцкимъ, въ которой читаемъ между прочимъ: „Такожь, што мѣщане повуцили земли у бояръ Полоцкихъ, або въ сельскихъ путниковъ, або въ данныхъ, або въ притонныхъ людей: ино тыи мѣщане мають съ тыхъ земель служити намъ военной службою“⁹¹²⁾. Привилей, подтвержденный Полоцкой землѣ Сигизмундомъ въ 1511 г., приравниваетъ мѣщанъ въ правахъ землевладѣнія боярамъ⁹¹³⁾. Въ листѣ короля Сигизмунда, посланномъ въ 1528 году дѣржанцамъ и тивунамъ Жмудской земли по поводу переписи крестьянъ въ имѣньяхъ для опредѣленія военной повинности съ нихъ, читаемъ между прочимъ: „писали есмо о томъ до старости Жомонтского

⁹⁰⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 66, 73.

⁹¹⁰⁾ Ibidem, л. 58.

⁹¹¹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 61.

⁹¹²⁾ Акты Зап. Рос. II, № 61.

⁹¹³⁾ Ibidem, № 70.

пана Станислава Станиславовича Яновича, абы его милость вамъ всѣмъ, тивуномъ нашимъ, росказалъ и обралъ у кождомъ тивунствѣ по два землянины, годныхъ вѣры, и до васъ и тыхъ земель приста- вить дьяка своего и казалъ всихъ бояръ нашихъ шляхту, дѣльныхъ братью и недѣльныхъ, и ихъ имѣнья и люди службами, колко въ которой службѣ домовъ, тежъ люди плебаньскіе и мѣщанскіе, имѣнья земскіе, фольварки отчизныи и выслуженныи и бунленныи, и колко въ которого чловѣка сохъ воловыхъ и коней, и маеность всю кождого чловѣка понисати; а землянинъ кождый и мѣщанинъ, пописавши имѣнья свои—и люди, и сохи ихъ, мають передъ вами, тивуны нашими, и пе- редъ теми двѣма землянины нашими обранныи и дьякомъ пана ста- ростиннымъ присягу вдѣлати на томъ, ижъ гѣрне а справедливе все пописали, а ничего не втаили отъ васъ, а плебани мають то передъ вами повѣдати подъ духовенствомъ своимъ" ¹¹⁴⁾. Итакъ, въ Жмудской землѣ мѣщане являются землевладѣльцами въ селахъ на ряду съ бо- рами шляхтою, съ которыми вмѣстѣ и отправляютъ военную службу. Подобное же указанье, наконецъ, находимъ мы и въ самомъ Ста- тутѣ 1529 г. ¹¹⁵⁾.

Въ числѣ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, которыхъ выпра- вляли на войну намѣстники - державцы, были и *татары*. Извѣстно, что Витовтъ по возвращеніи изъ похода на Донъ въ 1397—1398 г. поселилъ множество плѣнныхъ татаръ по Вилии, Вагѣ и Лососнѣ въ Троцкомъ, Лидскомъ, Опмянскомъ, Новгородскомъ, Каменецкомъ и Брестскомъ повѣтахъ, обязавъ ихъ нести одну только военную службу. Кромѣ плѣнныхъ, не мало прибыло въ Литву и добровольныхъ ви- ходцевъ изъ татаръ, особенно вслѣдствіе домашнихъ распрій и междо- усобій ¹¹⁶⁾. Первые извѣстія о литовскихъ татарахъ вполне подтвр- ждаются свидѣтельствами актовъ изучаемаго времени. Наиболѣе пол- нныя извѣстія о татарахъ получаемъ изъ „пописа“ военнослужилаго класса и его службы, составленнаго въ 1528 году. Татары по этому „попису“ являются искомѣщенными, преимущественно въ разныхъ мѣ- стахъ Троцкаго воеводства (между прочимъ на Вагѣ и на Лососнѣ), также и въ Новгородскомъ повѣтѣ. Многіе изъ нихъ владѣльцы кре- стьянъ, вслѣдствіе чего ѣздить на войну самъ-другъ, самъ-третей, самъ- шесть и т. д.; но многіе „казаки, што людей не мають“, а нѣкоторые

¹¹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 23—25.

¹¹⁵⁾ 22 арт. I разд.; 1 арт. II разд.; 7 арт. III разд. и др.

¹¹⁶⁾ *Jarogzewicisa* Obraz Litwy II, § 49; *А. Барбашева* Витовтъ и его политика до Гривальденской битвы, стр. 95, прил. 67. С.-Петербургъ 1885.

даже „на огородѣхъ сѣдять, пашни не мають“. Татары дѣлятся на стязи, которыми командуютъ хоружіе тоже изъ татаръ, а казаки ставятся подъ начальство хоружихъ своими атаманами ¹⁷⁾. Въ актахъ находимъ множество и частныхъ указаній въ такомъ родѣ. Такъ, великій князь Александръ въ 1496 году присудилъ татаркѣ Бактышѣ имѣнье Гнѣдовичи, которое хотѣли у ней оттягать ея тетки; при этомъ великій князь мотивировалъ свое рѣшеніе тѣмъ, что „князь Исупъ, отецъ ихъ, даючи ихъ замужъ, подавалъ имъ люди ихъ, съ того имѣнья вывѣновалъ“ ¹⁸⁾. Въ 1498 году Александръ присудилъ татарамъ Сеитовичамъ, Довлихтіару и Бахтіару, людей Сворбеевичей, которыхъ отнялъ было у нихъ панъ Янъ Петровичъ, воеводичъ Троцкій,—присудилъ на томъ основаніи, что это—люди ихъ отчинные, выслуга отца ихъ на королѣ Казимирѣ ¹⁹⁾. Онъ же въ 1494 году пожаловалъ татарамъ Алыму и Ахметю Вруслановичамъ 12 человекъ Бридянцевъ въ Керновскомъ повѣтѣ ²⁰⁾. Въ 1502 году Александръ пожаловалъ писарю татарскому Абрагиму Тимирчичу пять служебъ людей и три пустощины въ Роготной въ Бѣлицкомъ повѣтѣ; татарамъ Исаку и Легимбердею—девять служебъ людей и три пустощины въ Красносельскомъ повѣтѣ; Банку и Аду—восемь служебъ людей и три пустощины въ Марковскомъ повѣтѣ ²¹⁾ и т. д. Татары - землевладѣльцы состояли при тѣхъ-же самыхъ правахъ, какъ и бояре-шляхта. Такимъ образомъ, напр., великій князь жаловалъ ихъ вмѣстѣ съ имѣньями въ частное подданство, оставляя неприкосновенною ихъ личную свободу. Такъ, король Сигизмундъ въ 1515 году пожаловалъ князю Ѳедору Михайловичу Чорторыйскому въ Новгородскомъ повѣтѣ людей и земли, между ними шесть служебъ дворницъ татарскихъ: Юхна Мосыревича, Болота Рожича, Разлуковичей, Тулатовичей, Великовичей, Шиломоновичей, при чемъ написалъ въ привилеѣ: „которые татарове на тыхъ дворницахъ сидать, естли бы они хотѣли, на тыхъ земляхъ своихъ будучи, ему служити, и они нехай князю Ѳедору служить; а всхотятъ-ли съ тыхъ земель сойти прочь, тогда онъ маеть ихъ съ тыхъ земель спустити, не гомуючи ничимъ“ ²²⁾. Въ распоряженіяхъ своими имѣньями татары подчинялись

¹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Публичн. Дѣлъ I, л. 108 117.

¹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 58.

¹⁹⁾ Ibidem, л. 70.

²⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 45, 46.

²¹⁾ Ibidem, л. 205, 206.

²²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 200.

общимъ установленіямъ земскаго или шляхетскаго права. Такимъ образомъ, напр., татаринъ Муратъ Мамтиновичъ умирая отписалъ племяннику своему Сеяну Айдаровичу третью часть отчины своей въ Кричинѣ, „а двѣ части тое жъ земли, отчизны своее, отписалъ инымъ близкимъ своимъ“ ⁹²³). Въ 1525 году дворянинъ Василій Вколовъ, купивъ у татарина Майка Богдановича Таутовича службу людей отчинныхъ въ селѣ Бронницахъ, взялъ съ его родственниковъ листъ „выреченный, изъ близкимъ того Майка Васко а Легушъ Собачковичи тое близкости своее, которую тотъ Майко ему продалъ, выреклись“ ⁹²⁴) и т. д.

Хотя татарскіе стяги выводили на войну татарскіе хоружіе, но они, какъ и всѣ хоружіе вообще, были въ данномъ случаѣ только помощниками намѣстниковъ - державцевъ, дѣйствовали подъ ихъ надзоромъ и отвѣтственностью. При томъ же во многихъ повѣтахъ татары были въ незначительномъ числѣ, не составляли цѣлаго стяга и выправлялись на войну вмѣстѣ съ другими военнослужилыми землевладѣльцами намѣстниками - державцами. Кромѣ Троцкаго и Виленскаго воеводствъ, татары по актамъ встрѣчаются и въ другихъ областяхъ великаго княжества въ качествѣ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ. Князья Кіевскіе Олелько и Семень, напр., роздали села и селища, тянувшія къ Остру, боярамъ, слугамъ, сокольникамъ и *татарамъ кіевскимъ* ⁹²⁵).

Въ Черкасскомъ повѣтѣ Кіевской земли въ составѣ мѣстнаго военнаго люда мы встрѣчаемъ, кромѣ того, *русскихъ казаковъ*, — классъ, который возникъ и развился по всѣмъ признакамъ едва-ли не изъ татарскаго ядра. По всей вѣроятности, казаками первоначально въ Черкасскомъ повѣтѣ назывались испомѣщенные татары, мелкіе землевладѣльцы, не имѣвшіе крестьянъ, сами обрабатывавшіе свои поля и вѣдавшіеся въ отношеніи повинностей своими атаманами. Въ такомъ видѣ, по крайней мѣрѣ, являются передъ нами по описи 1528 года казаки Новгородскіе. Казаки Новгородскіе частью обрусѣли, какъ это видно изъ перечня ихъ именъ; по всей вѣроятности, то же самое случилось и съ Черкасскими казаками. Съ теченіемъ времени, въ ихъ составъ стали входить и русскіе, которымъ правительство давало земли на военную службу. Это были тѣ же самые люди, которые въ другихъ повѣтахъ назывались слугами (въ Кіевской землѣ они являются

⁹²³) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 209.

⁹²⁴) Ibidem, л. 223.

⁹²⁵) Акты Зап. Рос. I, № 77.

подъ начальствомъ атамановъ); но въ Черкасскомъ повѣтѣ они приняли въ готовому уже татарскому контингенту казаковъ и усвоили названіе казаковъ. На это намекаетъ и одинъ изъ древнѣйшихъ документовъ о черкасскихъ казакахъ, именно—„списанье речей, у казаковъ Черкасскихъ отобранныхъ черезъ Сенька Полозовича“. Казаки дѣлятся, по этому документу, на роты, при чемъ начальникомъ одной изъ ротъ является какой-то князь Дмитрій; они имѣютъ своихъ *бурникозъ*, стало быть, владѣютъ землею, съ которой и несутъ военную повинность ²²⁶⁾. Г. Антоновичъ въ предисловіи къ I тому III части Архива Юго-Западной Россіи (стр. XXVI) принимаетъ упоминаемаго здѣсь князя Дмитрія за кн. Дмитрія Вишневецкаго. Но это врядъ ли такъ: князь Вишневецкій дѣйствовалъ въ качествѣ казацкаго предводителя позже Евстафія Дашковича, старосты Черкаскаго и Каневскаго, въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія; упоминаемый въ „списаньѣ речей“ (около 1503 г.) князь Дмитрій является не казацкимъ предводителемъ вообще, а начальникомъ роты казацкой. Скорѣе всего, это былъ вращенный татарскій князекъ на подобіе тѣхъ, которые держали татарскія хоругви по описи 1528 г.; самыя имена казаковъ—Душбекеничъ, Мандрика намекаютъ на нерусское происхожденіе ихъ, хотя на ряду съ ними стоятъ и чисто русскія имена.—Черкасскіе казаки являются землевладѣльцами на ряду съ боярами и мѣщанами и по королевской грамотѣ 1528 года, выданной Пустыньскому монастырю на уходы данные, бобровые гоны, ставленье сѣтокъ, рыбныя ловли по озерамъ ²²⁷⁾. Съ такимъ же значеніемъ встрѣчаются по актамъ и казаки въ землѣ Полоцкой: въ 1522 году Сигизмундъ пожаловалъ „до воли“ казаку полоцкому Артему Яковлевичу землю пустовскую въ Полоцкомъ повѣтѣ—Ситны, съ которой давно не было никакихъ службъ и дачекъ ²²⁸⁾. Въ грамотѣ нѣтъ обычнаго прибавленія, что владѣлецъ долженъ служить съ земли прежнюю службу; слѣдовательно, земля давалась на службу казацкую, т. е. военную.

Но основной контингентъ ополченія, которое выходило изъ повѣтовъ намѣстниковъ - державцевъ, составляли бояре, земляне и слуги. Поэтому бояре (и земляне) и слуги обыкновенно и фигурируютъ въ актахъ, гдѣ говорится объ отправленіи военной службы. Такъ, въ оброчномъ королевскомъ посланьѣ, адресованномъ къ державцамъ

²²⁶⁾ Архивъ Юго-Запад. Рос., ч. III, т. I, № 1.

²²⁷⁾ Акты Зап. Рос. II, № 153.

²²⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 21.

относительно сбора земскаго ополченья къ Минску, читаемъ: „Прото жъ приказуемъ тобѣ, ажбы еси со всеми своими бояри и со всеми слугами конне а збройне подлѣ уставы и ухвалы земское бхаль на службу нашу до Мѣнска и на тотъ рокъ положенный тамъ бы есте воеводѣ Троцкому, гетману нашему навышшому, князю Костентину его милости на тотъ рокъ у Мѣнску ся овазали и въ реестра се его милости написали“⁹²⁹⁾.

Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что ополченье бояръ и землян не смѣшивалось съ крестьянскимъ и выправлялось подъ начальствомъ своихъ *хоружихъ*, которые соответствовали польскимъ каштелянамъ⁹³⁰⁾. Чинъ хоружаго является на Литовской Руси одновременно съ польскою илеєю шляхетства, которая обособила боярина или землянина отъ „простаго“ челоуѣка. Даты его восходятъ повѣтому до княженья Витовта. Въ 1527 году королю Сигизмунду билъ челомъ бояринъ дорсунишскій Андрей Моисеевичъ и повѣдалъ, „што жъ дей ещо прадѣдъ и дѣдъ, и отецъ его, почонъ отъ дяди нашего великаго князя Витовта и за отца и брата нашего, славное памяти королей ихъ милости, и съ данины ихъ милости хоружое Дорсунишское (держали), и николи дей съ домовъ ихъ тотъ врадъ не выхоживалъ“⁹³¹⁾; бояринъ повѣтому просилъ короля утвердить его въ этой должности, что и было исполнено⁹³²⁾. Въ актахъ изучаемаго времени находимъ множество упоминаній о хоружихъ, при чемъ они являются какъ въ повѣтахъ державцевъ, такъ и въ повѣтахъ старостъ и даже воеводъ. Такимъ образомъ, встрѣчаемъ, напр., хоружаго Сомвишскаго⁹³³⁾, Жижморскаго⁹³⁴⁾, Остринскаго⁹³⁵⁾, Керновскаго⁹³⁶⁾ и др.; хоружаго Луцкаго и Владимирскаго⁹³⁷⁾, Городенскаго⁹³⁸⁾, Берестейскаго, Дорогицкаго⁹³⁹⁾ и др.; хоружаго Полоцкаго, Новгородскаго, Троцкаго⁹⁴⁰⁾ и др. Хоружіе

⁹²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 76.

⁹³⁰⁾ 2 и 10 арт. II разд. Статута 1529 г.

⁹³¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 341, 342.

⁹³²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 235.

⁹³³⁾ Ibidem, л. 113; XV, л. 97, 98.

⁹³⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 43.

⁹³⁵⁾ Ibidem, л. 335.

⁹³⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 62, 76; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXV, CXCVII.

⁹³⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 236.

⁹³⁸⁾ *Bonińskiego* Poczet rodów. Spis dygnitarzy i urzędników, str. IV.

⁹³⁹⁾ Ibidem, str. V, VI; Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 114, 115.

дѣйствовали подъ надзоромъ и руководствомъ намѣстниковъ - державцевъ и были только ихъ помощниками. Намѣстники-державцы за неисправное исполненіе обязанностей отставляли ихъ отъ должности и замѣняли другими лицами „до воли господарской“. Король Сигизмундъ далъ хоружое Лидское боярину Богдану. Но мѣстный державца панъ Юрій Ивановичъ Ильинича, „бачачи того Богдана, ижъ онъ неслухие а нерадне ся справуеть“, отнялъ у него должность и отдалъ Мицку Нарковичу, написавъ въ то же время королю, „ижъ тотъ Мицко есть годнѣйшій, нижели тотъ Богданъ“. Король своимъ листомъ отъ 12 февраля 1524 года утвердилъ распоряженіе державцы³⁴⁰⁾. Хоружіе помогали намѣстникамъ - державцамъ главнымъ образомъ въ томъ, что слѣдили за полнотою и исправностью отбыванія военной службы боярами и землянами, чтобы никто не оставался дома и служилъ сообразно величинѣ своего имѣнья съ даннымъ числомъ людей, „абы тыи почти водлѣ попису ку службѣ были выправованы и што бы ни въ чомъ оный почетъ людей не былъ уменьшенъ“³⁴¹⁾. Кромѣ того, хоружіе „подъ свѣдомомъ“ державцевъ выбирали серебцину съ людей боярскихъ, дворянскихъ, вдовьихъ и татарскихъ³⁴²⁾. Вслѣдствіе этого и отвѣтственность возлагалась не на хоружихъ только, а и на державцевъ. Вышеупомянутая окружная грамота короля Сигизмунда грозитъ конфискаціею имѣній за утайку землянъ по домамъ державцамъ и хоружимъ совмѣстно³⁴³⁾.

ХЛІ.

Ополченіе бояръ выправлялось изъ большинства повѣтовъ Литовско-Русскаго государства. Что касается *землянъ*, то они выправлялись изъ нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ Польшею областей, гдѣ они занимали то же общественное положеніе, какъ и бояре-шляхта въ другихъ областяхъ великаго княжества. „Попись“ 1528 года помѣщаетъ бояръ въ предѣлахъ собственной Литвы, Жмуди и въ русскихъ областяхъ, за исключеніемъ Берестейско-Подляшской земли и Волынской³⁴⁴⁾. Это общее указаніе подтверждается и дополняется многочисленными частными указаніями актовъ изучаемаго времени. Не касаясь свидѣтельствъ

³⁴⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 187.

³⁴¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 202—206.

³⁴²⁾ Акты Зап. Рос. II, № 17, 161.

³⁴³⁾ Срав. 10 арт. II разд. Статута 1529 года.

³⁴⁴⁾ Литов. Метр. кн. Публич. дѣль I, л. 100, 101; 117—201.

о боярахъ, которые попадаютъ на каждомъ шагу, приведемъ нѣкоторыя свидѣтельства о землянахъ.

Въ записяхъ о денежныхъ, хлѣбныхъ и другихъ раздачахъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: „землянамъ берестейскимъ Гриньку и Пацку 10 копъ грошей зъ мыта Берестейского“ ⁹⁴⁵⁾. Земляне Берестейскіе коллективно въ 1499 били челомъ великому князю Александру о томъ, чтобы онъ по старинѣ раздавалъ имъ волости Берестейскія въ держанье по очереди, по годамъ „колесею“ ⁹⁴⁶⁾. *Зем. нинѣ каменецкій* Дорошей Макаровичъ въ 1514 году продалъ пану Юрью Ивановичу Ильинича дворець свой Макаровщину на р. Лсьнѣ въ Каменецкомъ повѣтѣ ⁹⁴⁷⁾. *Земляне дорогицкіе* Нагорка и Шпица въ 1489 году отвѣчали передъ королемъ по жалобѣ на нихъ пана Литавора Хребтовича, будто бы они забрали земли его имѣній „и дворы собѣ порадили и пашни роспахали“ ⁹⁴⁸⁾. Въ „выровѣ“ великаго князя Александра (отъ 24 іюня 1495 года) по дѣлу землянъ дорогицкихъ Водынскихъ съ землянами Погорѣльскими „о вгрунты и границы“ упоминаются въ качествѣ „свѣтковъ“ тяжущихся „люди добрые земляне, Лахове и Русь“ ⁹⁴⁹⁾. Король Казимиръ пожаловалъ *землянину мельничюму* Петру Крнацкому войтовство въ селѣ Головчичахъ и три волоки земли ⁹⁵⁰⁾.—*Землянамъ Бѣльскимъ* великій князь Александръ въ 1501 году пожаловалъ тѣ же права, какія даны были уже землѣ Дорогицкой ⁹⁵¹⁾. Въ жалованной грамотѣ, выданной въ 1507 году королевѣ Еленѣ на замокъ Бѣльскъ съ его повѣтомъ, вмѣсто землянъ являются уже бояре Бѣльскіе ⁹⁵²⁾, что служить указаньемъ на тождество этихъ общественныхъ классовъ. Относительно этого можно привести и еще болѣе прямое свидѣтельство. Въ 1528 году король Сигизмундъ подтвердилъ *землянину* бѣльскому Григорью Тимошеевичу землю Рѣчювщину, которую ему далъ староста Бѣльскій панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ съ условіемъ служить съ этой земли службу „по тому, какъ и иншіе бояре Бѣльскіе служатъ“ ⁹⁵³⁾.

⁹⁴⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 61.

⁹⁴⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 140.

⁹⁴⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 42.

⁹⁴⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 134.

⁹⁴⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 37, 38.

⁹⁵⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 213.

⁹⁵¹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 189.

⁹⁵²⁾ Акты Зап. Рос. II, № 8.

⁹⁵³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 393.

О землянахъ въ землѣ Волынской мы встрѣчаемъ первыя опредѣленные свидѣтельства уже въ актахъ Свидригелла. Въ 1445 году Свидригелло пожаловалъ шляхетнымъ Федору Жуку и Ходору имѣны Рычеговъ, при чемъ написалъ въ привилеѣ: „а съ того намъ имають служити и нашимъ намѣстникомъ двумя стрѣльцема на зоволаную войну, яко инѣи земляне служать“⁵⁵⁴). Ранѣе того и въ землѣ Волынской, какъ и въ другихъ областяхъ великаго княжества, военнотружальныя землевладѣльцы назывались боярами. Въ 1392 году король Ягелло пожаловалъ права земли Львовской *baronibus, militibus, bojarinis, pobillilus et clientibus* земли Луцкой⁵⁵⁵). Даже въ записяхъ Казимира княжества упоминаются бояре въ землѣ Волынской: „Олешку, боярину володимирскому,—читаемъ въ нихъ,—село Олизарово Шиловича Горюховъ у Луцку до воли“⁵⁵⁶). При Казимирѣ, впрочемъ, чаще всего встрѣчаемся по актамъ съ землянами Волынскими. *Земляниномъ* лудкимъ названъ, напр., панъ Олизаръ Шиловичъ, которому король Казимиръ въ 1450 году пожаловалъ имѣнья въ Луцкомъ повѣтѣ⁵⁵⁷). Въ 1488 году король позволилъ войту Владимирскому Федку Иванову съ войтовства Владимирскаго и Литовижскаго „на войну не ходити до его живота ни съ однимъ старостою Луцкимъ, а ни съ маршалкомъ Волынской земли, а ни съ намѣстникомъ Володимирскимъ, а ни съ *земляны* Волынской и Володимирской земли“⁵⁵⁸). Земле слѣдуютъ послѣ князей и пановъ и въ привилеяхъ, коиими великіе князья Александръ и Сигизмундъ подтверждали права, данныя Волынской землѣ королемъ Казимиромъ⁵⁵⁹).

Кромѣ Луцкаго, Владимирскаго и Кременецкаго повѣтовъ Волынской земли⁵⁶⁰), земляны мы встрѣчаемъ по актамъ въ Браславскомъ и Вѣницкомъ повѣтахъ литовскаго Подоля и въ сосѣднихъ съ Волынью повѣтахъ Кіевской земли. Въ записяхъ денежныхъ, хлѣбныхъ и другихъ раздачъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Федку Дашковичу, *землянину браславскому*, 10 копъ съ мыта Кіевского; „на Вѣницу дано 100 бочекъ жыта въ ключника Луцкаго а 60 копъ

⁵⁵⁴) Акты Зап. Рос. I, № 45.

⁵⁵⁵) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XIII.

⁵⁵⁶) Литов. Метр. кн. Запас. III, л 65.

⁵⁵⁷) Акты Зап. Рос. I, № 53. Срав. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LII.

⁵⁵⁸) Акты Зап. Рос. I, № 92.

⁵⁵⁹) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 36; Акты Зап. Рос. II, № 54.

⁵⁶⁰) Акты Зап. Рос. I, № 321.

гршей въ скарбу, 30—намѣстнику пану Кмитѣ а 30 копъ земляномъ“²⁶¹⁾ Въ 1505 году король Александръ подтвердилъ землянину brasлавскому Оедьну Дашковичу различныя имѣнья, на которыя у него пропали листы твердости: „а то дей звѣдомо земляномъ Brasлавскимъ оемъ, што жъ тие имѣнья и селища—его дѣдина и отчина“²⁶²⁾. Въ 1507 году король Сигизмундъ не велѣлъ намѣстнику Brasлавскому вн. Михайлу Васильевичу Збаражскому брать подымщину съ людей землянь Brasлавскихъ²⁶³⁾ и т. д. Землянъ встрѣчаемъ въ Житомирскомъ и Вруцкомъ повѣтахъ Кіевской земли наряду съ боярами, при чемъ акты употребляютъ иногда одно названіе вмѣсто другого. Въ запискѣ пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „землянину житомирскому Пирхалу 5 копъ зъ мыта Володимирского; ему жъ 7 копъ въ мыта Кіевского“. Нѣсколько ниже тотъ же Пирхало по случаю пожалованья ему волости Олевской въ держанье называется бояриномъ кіевскимъ²⁶⁴⁾. Въ 1499 году великій князь Александръ, отдавъ на откупъ корчму Вруцкую мѣстнымъ мѣщанамъ, приказалъ намѣстнику Вруцкому князю Григорью Борисовичу Глинскому оборонять ихъ „отъ землянь Вруцкихъ“²⁶⁵⁾. Въ „вырокѣ“ короля Сигизмунда отъ 18 августа 1510 г. по дѣлу бояръ Вруцкаго повѣта Вилавскихъ съ дворяниномъ Суринымъ, который выпросилъ было ихъ себѣ у короля за простыхъ людей, читаемъ между прочимъ: „а они повѣдїи передъ нами, што жъ они звѣчныи бояре Вилавскїи, и сослалися о томъ на *осихъ бояръ Вруцкихъ*; ино панъ Яцко Мезъ и Костюшко Митковичъ и иншіи *земляне и мѣщане Вруцкіи* писали къ намъ, повѣдаючи, што жъ они *бояре звѣчныи*, а служатъ намъ посполь зъ *нашими земляны Вруцкими*“²⁶⁶⁾. Встрѣчаемъ землянь и въ собственномъ Кіевскомъ повѣтѣ. Въ 1496 году великій князь Александръ освободилъ людей *землянина кіевскаго* Андрея Пряжовскаго Шершневичей въ Завской волости отъ платежа ведра меду до влюча Кіевского²⁶⁷⁾. Король Сигизмундъ въ 1507 году далъ землянину кіевскому Васку Жеребятичу селище Чоботово въ Милославичахъ въ Кіевскомъ повѣтѣ²⁶⁸⁾. Въ 1524 тотъ же король подтвердилъ землянину кіевскому

²⁶¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 28, 80.

²⁶²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 5.

²⁶³⁾ Акты Зап. Рос. II, № 26.

²⁶⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 28, 36.

²⁶⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 178.

²⁶⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 379.

²⁶⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 77.

²⁶⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 132.

Тяжку Проскурѣ въ Кіевскомъ повѣтѣ село Колдыревичи, землю пустую Пасынковщину на Тетеревѣ, а другую Серновщину въ Завской волости ⁹⁶⁹⁾. Земле кіевскій и *путыльскій* написаны въ числѣ свидѣтелей въ грамотѣ на село Гатное съ угодьями, выданной кн. Борисомъ Теодоровичемъ Глинскимъ Николо-Пустынскому монастырю въ 1500 г. ⁹⁷⁰⁾. Поэтому и при перечисленіи военнoслужилыхъ землевладѣльцевъ Кіевской земли упоминаются обыкновенно и земле. Такъ, король Казимиръ пожаловалъ въ 1489 г. 150 копѣ гр. на подѣлъ „паномъ и княземъ, и бояромъ, и земляномъ всимъ Кіевскимъ“ ⁹⁷¹⁾. Король Сигизмундъ подтвердилъ въ 1507 году „право добровольное хрестіанское“ князьямъ, панамъ, боярамъ и землянамъ—всей шляхтѣ Кіевской ⁹⁷²⁾.

Спорадически земле встрѣчаются и въ другихъ повѣтахъ Литовско-Русскаго государства, куда они проникли, по всей вѣроятности, изъ западныхъ областей. Такъ, въ 1495 году великій князь Александръ разбиралъ тяжбу писара Федва Любича съ землянами *клекими* Федкомъ и Васкомъ Олизаровичами объ имѣннѣ Грицевичахъ „на рѣцѣ на Ланѣ у Клецкомъ повѣтѣ“ ⁹⁷³⁾. Въ подтвердительнои привилеѣ, выданномъ въ 1510 году пану Войтеху Яновичу на его имѣнья, читаемъ между прочимъ „а землянинъ *вожковскій* Андрей, Пашковъ сынъ Опменцовича, продалъ ему два челоуѣка своихъ отчинныхъ и дѣдинныхъ въ Доргичанѣхъ“ ⁹⁷⁴⁾ и т. д. Въ 1514 году король Сигизмундъ пожаловалъ землянину василишскому Юхну Яновичу Богоматичу двѣ земли пустыхъ, Конютишки и Можиринши, въ Ейшишскомъ повѣтѣ ⁹⁷⁵⁾ и т. д. Впрочемъ, въ подобныхъ случаяхъ названіе „землянинъ“ могло просто замѣнять собою названіе „бояринъ“. Чѣмъ ближе ко времени изданія Статута 1529 года, тѣмъ чаще встрѣчаемся съ подобною замѣною, а въ Статутѣ 1529 года названіе „бояринъ“ уже совершенно вытѣснено названіемъ „землянинъ“, хотя въ другихъ современныхъ и позднѣйшихъ актахъ онъ еще въ полномъ употребленіи и землянами называются только военнoслужилые люди

⁹⁶⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 141.

⁹⁷⁰⁾ Акты Зап. Рос. I, № 178.

⁹⁷¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 80.

⁹⁷²⁾ Акты Зап. Рос. II, № 30. Сравн. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. I т. VI, № IX.

⁹⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 285.

⁹⁷⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 187, 190.

⁹⁷⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 213.

перечисленныхъ выше западныхъ областей Литовско-Русскаго государства. Впрочемъ, даже и здѣсь, напр., въ Подольѣ названіе „бояре“ по старой памяти употреблялись иногда вмѣсто названія „земляне“²⁷⁶⁾.

Г. Антоновичъ въ своей статьѣ о Кіевской землѣ съ XIV по XVI столѣтіе различаетъ землянъ и бояръ не географически, а по общественному положенію и ставитъ бояръ ниже землянъ, считая бояръ классомъ переходнымъ отъ землянъ къ сословіямъ мѣщанскому и крестьянскому. „Они отличались отъ землянъ тѣмъ, — говоритъ онъ, — что служба ихъ, гораздо болѣе тяжелая, не находилась въ зависимости отъ количества земли, бывшей въ ихъ пользованіи, но возлагалась на нихъ въ силу того, что они принадлежали къ боярскому сословію“²⁷⁷⁾. Ниже будутъ приведены доказательства того, что это послѣднее утвержденіе г. Антоновича для даннаго времени не имѣетъ подъ собою никакихъ основаній. Да и вообще все его различеніе землянъ и бояръ не что иное, какъ перенесеніе фактовъ и отношеній позднѣйшаго времени, когда названіе „землянинъ“, какъ *болѣе опредѣленный* социальный терминъ, замѣнило собою названіе „бояринъ“, оставшееся за низшимъ разрядомъ военнослужаго класса, называвшагося въ изучаемое время боярствомъ. Бояръ въ изучаемое время нельзя строго различать отъ землянъ: тѣ люди, которые въ западныхъ областяхъ великаго княжества назывались землянами, въ другихъ областяхъ назывались боярами-шляхтою, и оба эти названія нерѣдко взаимно замѣняютъ другъ друга. Исторически извѣстно, кромѣ того, что названіе „землянинъ“ замѣнило собою названіе „бояринъ“ въ западныхъ областяхъ. Какая-же была тому, однако, причина? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ возможность видѣть, что землянъ можно отдѣлять до извѣстной степени отъ бояръ и въ изучаемое время, но не въ томъ смыслѣ, какъ это сдѣлано у г. Антоновича.

Въ то время, когда Литовско-Русское государство завязало тѣсныя сношенія съ Польшею и стало подвергаться воздѣйствію ея гражданственности, боярство этого государства представляло уже классъ довольно сложнаго общественнаго происхожденія и состава. Въ составѣ его были прежде всего крупныя землевладѣльцы, составлявшіе правительственный классъ удѣльныхъ княжествъ и стоявшіе на общественной лѣстницѣ выше рядовыхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ.

²⁷⁶⁾ *Źródła dziejowe*, tom VI, str. 125.

²⁷⁷⁾ Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи, томъ I, стр. 249, 250. Срав. *Владимірскаго-Буданова* Христоматію по исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 24, прим. 3.

Этихъ послѣднихъ удѣльные князья въ своихъ грамотахъ на вѣрность королю, примѣняясь къ польскимъ фактамъ и отношеніямъ, называютъ нерѣдко *землянами* въ параллель польскимъ землянамъ; бояре въ такихъ случаяхъ стоятъ выше землянъ. Такимъ образомъ, напр., въ присяжной записи кн. Дмитрія-Корибута Новгородъ-Сѣверскаго, выданной въ 1388 г. на вѣрность королю, королевѣ и коронѣ Польской, читаемъ, что онъ выдалъ эту записъ „доброю радюю вапихъ бояръ и всѣхъ землянъ и нашею доброю волею“⁹⁷⁸⁾. Въ 1448 году кн. Оедоръ Львовичъ Воротынскій, получивъ въ держанье отъ короля Козельскъ, въ своей присяжной записи, выданной по сему случаю королю, написалъ между прочимъ: „А бояромъ Козелевцямъ и земляномъ, и мѣстичомъ, и всимъ Козличомъ ѣдити къ господарю нашему Казимиру, королю Польскому и великому князю Литовьскому, о чомъ имъ будетъ надобѣ“⁹⁷⁹⁾. Съ другой стороны, въ предѣлахъ собственной Литовской земли, въ Жмудской и другихъ областахъ великаго княжества боярами называются не только высшій правительственный классъ⁹⁸⁰⁾, но и простые военнотружильные землевладѣльцы. Въ привилеѣ Ягелла, выданномъ Литовскому боярству въ 1386 году, слово „бояринъ“ переводится просто латинскимъ *armiger*⁹⁸¹⁾. Въ Городельскомъ же привилеѣ 1413 г. высшій правительственный классъ отдѣляется отъ боярства особыми именами: *barones,obiles, p̄oseres*; то же самое и въ земскомъ привилеѣ короля Казимира 1457 года.⁹⁸²⁾ Этотъ военнотружильный классъ, по всей вѣроятности, отложился при высшемъ правительственномъ классѣ бояръ подобно тому, какъ въ княжествахъ сѣверо-восточной Руси отложился классъ дѣтей боярскихъ. Но уже въ то время классъ этотъ былъ наполненъ различными элементами изъ простонародья. Панъ Юрій Миколаевичъ Радивиловичъ, получивъ отъ короля Сигизмунда дворъ Жорославу Городенскаго повѣта, хотѣлъ было привернуть къ волости Жорославской Жадина Олишковича съ братьями, Сеньба Проконевича, Важа Пареевичя, Шулгу Андреевича и Радка Мацковича съ братьями. Но лица эти были чедомъ королю „што жъ они съ давнихъ часовъ... служатъ службою боярскою посполъ зъ бояры Городеньскими“. Въ доказательство они представили разные документы, свидѣтельствовавшіе объ

⁹⁷⁸⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № X.

⁹⁷⁹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 48.

⁹⁸⁰⁾ Codex epistolaris Vitoldi, № CLXXIX.

⁹⁸¹⁾ Zbiór praw litewskich, str. 1, 2.

⁹⁸²⁾ Ibidem, str. 7—20; 28—35.

этой службѣ ихъ самихъ и предковъ ихъ при Александрѣ и Казимирѣ, и, кромѣ того, листъ Витовта, „што жъ великій князь Витовтъ еще дѣдовъ ихъ отъ тяглое службы вызволилъ а казалъ имъ служити службою военною“ ³⁸³). Бояринъ опшменскій Михайло Рышковичъ прибилъ Яна Ганцевича и присужденъ былъ къ уплатѣ ему шляхетскаго безчестья, т. е. 12 рублей грошей. Но онъ не хотѣлъ платить этихъ денегъ, утверждая, что Янъ Ганцевичъ не шляхтичъ. Янъ Ганцевичъ представилъ въ опроверженіе этого показанья листъ пана Станьда Наруповича, въ которомъ было написано, „што жъ, коли великій князь Жыггимонтъ ко Бранску тагнулъ, тогда съ тяглое службы предва его вызволилъ, а велѣлъ ему боярскою службою служити“ ³⁸⁴). Въ 1443 году князь Александръ Владимировичъ Кіевскій пожаловалъ слугу своего Ларіона Валевскаго, — не велѣлъ ему съ слугами служить службу, платить подати и пошлыны и стеречь недѣли въ Чернобыли, но велѣлъ служить съ боярами ³⁸⁵). Это наполненіе боярскаго класса людьми изъ простонародья, которые переводились на боярскую службу, продолжало совершаться и въ изучаемое время, какъ тому были приведены примѣры выше ³⁸⁶). Въ концѣ изучаемаго времени боярами стали называться даже слуги путные, какъ это видно, напр., изъ уставы короля Сигизмунда, данной въ 1529 году державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ.

Наполненіе боярскаго класса элементами изъ простонародья имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что при уравниніи литовско-русскаго военнослужащаго класса въ правахъ съ польскою шляхтою не всѣ бояре были признаны въ достоинствѣ этой шляхты, а только бояре доказаннаго благороднаго происхожденія, — которые и стали называться поэтому боярами-шляхтою. Правда, что въ актахъ изучаемаго времени попадаются случаи признанія шляхетскаго достоинства за лицами, которыя сами и ихъ предки служили боярскою службою ³⁸⁷). Но на ряду съ тѣмъ мы встрѣчаемъ и категорическое заявленіе со стороны правительства, что боярская служба сама по себѣ еще не даетъ шляхетства, — такъ что должны признать, что и въ первыхъ случаяхъ доказательства шляхетства обставлялись какими нибудь другими подробностями. Вышеупомянутый Янъ Ганцевичъ не получилъ

³⁸³) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 209.

³⁸⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 4, 5.

³⁸⁵) Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. IV, т. I, № 1.

³⁸⁶) См. еще, напр., *ibidem*, № II, X.

³⁸⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 73, 74, 82; XII, л. 209, 210.

съ Михайла Рымковича шляхетскаго безчестья и не признанъ былъ королемъ Сигизмундомъ шляхтичемъ, на томъ основаніи, что, хотя великій князь Сигизмундъ и велѣлъ его предку служить боярскою службою, но „шляхетства не далъ“. Король присудилъ Маханла Рымковича къ уплатѣ Яну Ганцевичу, „какъ которому путному слугѣ, безчестья въ рубль грошей“⁸⁸⁸). Въ Жмудской землѣ образовался даже цѣлый классъ *бояръ посѣднихъ*, служившихъ боярскую службу, но не признававшихся шляхтою. Грамота короля Сигизмунда, посланная въ 1528 году къ державцамъ и тивунамъ Жмудскихъ волостей о народной переписи, отдѣляетъ бояръ посѣднихъ отъ шляхты Жмудской и ставитъ ихъ на ряду съ крестьянами. Шляхту, ея имѣнья и людей, а также людей плебанскихъ и мѣщанскихъ должны были по этой грамотѣ „пописать“ тивуны вмѣстѣ съ дьякомъ пана старосты и съ двумя выборными землянами. „А што ся дотычетъ,—гласитъ королевская грамота,—во всихъ тивунствахъ нашихъ бояръ посѣднихъ и слугъ путныхъ, и мѣщанъ по мѣстомъ, и людей тяглыхъ всихъ, и куничныхъ, мы тыхъ бояръ посѣднихъ и слугъ путныхъ, и мѣщанъ, и всихъ людей нашихъ службами, и колко въ которой службѣ дымовъ, и ихъ сохи воловыи, и кони, и маемость кожного человѣка, и земли пустошкія.... рассказали есмы секретарю нашему пану Скопу и дворянину нашему Яну Овирдовичу пописать“⁸⁸⁹). Къ крестьянамъ приближаетъ названныхъ бояръ и самое названіе ихъ посѣдными, ибо *посяди невозможны* были повинности крестьянскаго населенія въ Жмудской землѣ⁸⁹⁰).— Съ теченіемъ времени установилось правиломъ признавать шляхетство только за тѣми людьми, служившими боярскую службу, которые могли подтвердить его *клейнотами*, т. е. какими либо документами или свидѣтельствами объ ихъ благородномъ происхожденіи. Бояре доказывали свое шляхетство, напр., документами, свидѣтельствовавшими, что предки ихъ волости держивали. Въ 1509 году бояре смоленскіе Досуговы, которыхъ у короля Александра выпросилъ было за щитныхъ людей бояринъ смоленскій Федко Мирославичъ, выводили свое шляхетство листами великаго князя Сигизмунда и пана Ивана Гапшольдовича, изъ которыхъ видно было, что предки ихъ въ Смоленской землѣ волости держивали. Кромѣ того, окольничіе Смоленскіе показали о Досуговыхъ, „ижъ они люди добрыи, бояре“⁸⁹¹). Доказательствомъ

⁸⁸⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 4, 5.

⁸⁸⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 23—25.

⁸⁹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 174; Акты Зап. Рос. II, № 149.

⁸⁹¹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 285, 286.

шляхетства служило и находенье „братья“, т. е. родни въ числѣ бояръ-шляхты. Такъ, когда при великомъ князѣ Александрѣ приставъ и волость Немонйтская прискивали нѣкоторыхъ бояръ „посполъ съ собою сѣна косити“, послѣдніе представили листъ воеводы Троцкаго пана Петра Яновича, который судилъ уже ихъ по новоду этого и нашелъ правыми. Но, когда великій князь, не удовольствовавшись этимъ, спросилъ у нихъ клейноты, — „ижъ бы есте зъ вѣка были бояре“, — бояре указали, какъ на свою братью, на бояръ ейшишскихъ Новкуновцевъ. Великій князь поручалъ намѣстнику Ейшишскому спросить Новкуновцевъ, дѣйствительно ли эти бояре имъ братья, и имѣются ли у нихъ самихъ клейноты на шляхетство. Новкуновцы подтвердили показанье бояръ и представили о своемъ шляхетствѣ судебный листъ пана Радивила, въ которомъ прямо было сказано, „што жъ они зъ вѣка бояре шляхта суть“. На основаніи всего этого великій князь выдалъ таковой вырокъ: „не надобѣ имъ сѣна зъ волостью косити и иныхъ служобъ служити, нехай они службу намъ служить боярскую, какъ иншіи котори бояре - шляхта“³⁹²). Дѣло о шляхетствѣ рѣшалось иногда и простымъ показаніемъ бояръ одноповѣтниковъ. Такъ, когда дворянинъ Суринъ выпросилъ у короля Сигизмунда бояръ Вруцкаго повѣта Вилавскихъ за простыхъ людей, тѣ сослались на всѣхъ бояръ Вруцкихъ, которые вмѣстѣ съ намѣстникомъ Вруцкимъ Яковомъ Меземъ и мѣщанами Вруцкими подтвердили королю, „штожъ они бояре звѣчные, а служатъ намъ посполъ зъ иными земями Вруцкими“. Король Сигизмундъ въ такомъ смыслѣ выдалъ имъ свой листъ 18 августа 1510 года, и этотъ листъ сталъ ихъ клейнотомъ³⁹³).

Если такъ, то понятнымъ становится, почему названіе „землянинъ“ замѣнило собою въ западныхъ областяхъ названіе „бояринъ“, стало на его мѣсто. Въ среду боярства въ этихъ областяхъ былъ несомнѣнный приливъ польскихъ землянъ³⁹⁴). Эти земляне въ виду шаткаго, не вполне опредѣленнаго, соціально - политическаго смысла названія „бояринъ“ удерживали свое названіе „землянинъ“, которое было для нихъ гарантіею противъ того, чтобы ихъ считали за простыхъ людей. Мало по малу и туземные военнотружильные землевладѣльцы, претендовавшіе на благородство своего происхожденія и приравнивавшіе себя къ землянамъ, принимали это названіе, которое въ Поль-

³⁹²) Литов. Метр. кн. Запис. V л. 50.

³⁹³) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 379.

³⁹⁴) Относительно Волыни см. Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI, № 1.

шѣ обозначало шляхту и, слѣдовательно, должно было отдѣлится и от простых людей, несшихъ одинаковую съ ними службу. Такъ было несомнѣнно въ Берестейско-Подляшской области и въ западныхъ повѣтахъ Кіевской земли; такъ было, по всей вѣроятности, на Волини и Подольѣ. На Волини само правительство пошло на встрѣчу этому стремленію военнослужаго класса, вызванному наплывомъ въ него земянъ изъ польскихъ областей. Извѣстно, что Ягелло въ 1432 году даровалъ Волинскому боярству права львовскихъ земель; Свидригелло, княжившій на Волини въ качествѣ польскаго ленника и во всемъ подражавшій Польшѣ, такъ прямо и называлъ волинскихъ бояръ панями и земянами. Но несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ онъ шелъ за теченіемъ, выходившимъ изъ среды самого общественнаго класса, который даже въ этимологической конструкціи своихъ фамилій сталъ подражать полякамъ⁹⁹⁵). Итакъ, земянами въ западныхъ областяхъ назывался тотъ классъ, который въ другихъ областяхъ великаго княжества назывался *боярами-шляхтою*.

XLII.

Каждый бояринъ и земянинъ съ даннаго земельнаго участка, съ котораго установилась одна боярская служба, долженъ былъ лично и на свой счетъ выѣзжать на войну. То же самое правило дѣйствовало и относительно другихъ военнослужившихъ землевладѣльцевъ: слугъ, мѣщанъ, татаръ и т. д. Размѣръ такихъ земельныхъ участковъ, съ которыхъ ѣхалъ ратникъ на войну, не былъ строго опредѣленнымъ, какъ и размѣръ земельныхъ участковъ, съ которыхъ полнились крестьянскія службы. Все зависѣло здѣсь отъ обстоятельствъ, при которыхъ совершалось пожалованье и принятіе земли, и отъ повинностей, которыя оставались на данномъ участкѣ помимо военной службы, отъ зажиточности лица, принимавшаго землю на военную службу и т. д. Въ автахъ мы часто встрѣчаемъ случаи пожалованья и принятія обывновенныхъ крестьянскихъ участковъ на боярскую службу. Такъ, великій князь Казимиръ пожаловалъ Юшку Кирвидовичу на боярскую службу землю Дробовщину въ Неменчинской волости, которая была прежде ловецкою землею⁹⁹⁶). Король Александръ въ 1506 г., по челобитью дьяка пана Богуса Боговитиновича—Михайловича Каменецкаго, пожаловалъ ему въ Городищѣ въ Каменецкомъ повѣтѣ зе-

⁹⁹⁵) Źródła dziejowe, tom. VI, str. LVIII, LXXI.

⁹⁹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 10.

ребій пустой, съ котораго прежде шла плату шесть грошей,—на земскую службу⁹⁹⁷⁾. Король Сигизмундъ въ 1511 г., по просьбѣ боярина коневскаго Юргелиса Некрашевича, вызволилъ его отъ конюшской службы и даяла съ земли конюшской Яновщины, которую онъ получилъ отъ короля Александра на конюшскую службу,—велѣлъ ему служить съ нею боярскую службу, „на войну ѣхати посполъ зъ бояры Коневскими“⁹⁹⁸⁾. Въ 1512 году король Сигизмундъ пожаловалъ боярамъ ейшишскимъ Станку Ондровичу и брату его Матею землю пустую тяглую Равклевщину „на особную службу боярскую“⁹⁹⁹⁾. Въ 1525 году король разрѣшилъ боярину смоленскому Яцку Ивановичу Голосовича „у Ейшишскомъ повѣтѣ дѣвку поняти зъ землею тяглою, отъязною ее, на имя Станиславовщною“, съ условіемъ служить съ этой земли службу земскую, т. е. боярскую¹⁰⁰⁰⁾. Но на ряду съ этимъ мы встрѣчаемъ случаи пожалованья на боярскую службу земель въ размѣрѣ большемъ сравнительно съ однимъ крестьянскимъ участкомъ. Такъ, великій князь Александръ въ 1494 году пожаловалъ дворянину своему Сенку Плѣшину *три сельца*, т. е. крестьянскихъ участка, въ Смоленскомъ повѣтѣ въ Дубровенскомъ пути, Швининское, Радивоновское и Селивестровское, съ такимъ условіемъ: „не надобѣ ему и его жонѣ, и ихъ дѣтемъ, и ихъ щадкомъ съ тыхъ селець дани давати и служобѣ тятлыхъ служити; ни жили маєт намъ онъ съ тыхъ селець боярскую службу служити, какъ иншіи бояре Смоленскіе“¹⁰⁰¹⁾. Тотъ же великій князь Александръ пожаловалъ боярину смоленскому Занку Ивановичу Шеневича „сельцо въ Смоленскомъ повѣтѣ на Вхини на имя Евановское“; король Сигизмундъ придалъ ему „землю пустовскую тяглую въ Катаньской волости въ Тюрбовѣ на имя Евановскую“ и написалъ въ привилеѣ, выданномъ боярину 7 августа 1511 года: „а намъ съ того сельца Евановского, што на Иванѣ - водѣ, и зъ земли Евановское пустое службу земскую заступаеть“¹⁰⁰²⁾. Вообще въ размѣрахъ земель, съ которыхъ шли боярскія службы, по всеѣмъ признакамъ, было еще больше разнообразія, чѣмъ въ размѣрахъ земель, съ которыхъ шли крестьянскія службы. Эти послѣднія тяготѣли въ нѣкоторой средней нормѣ, опре-

⁹⁹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 253.

⁹⁹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 51.

⁹⁹⁹⁾ Ibidem, л. 86.

¹⁰⁰⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 206.

¹⁰⁰¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 43.

¹⁰⁰²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 11.

дѣлавшейся возможностью эксплуатаціи для большой крестьянской семьи. Боярскіе же участки создавались болѣе искусственно: иногда бояринъ получалъ землю, равнявшуюся по размѣрамъ нѣсколькимъ крестьянскимъ участкамъ, въ видѣ особой милости или по соображенію, что боярская служба по тяжести далеко превосходитъ крестьянскія службы; иногда важноточный бояринъ выпрашивалъ одну крестьянскую землю на особную боярскую службу, находя это выгоднымъ для себя и надѣясь вытянуть съ нея военную службу съ лихвою для себя и своей семьи; наконецъ, бывало иногда, что разбогатѣвшій мужикъ, желавшій выйти изъ „простыхъ“ людей, билъ челомъ государю на панцирную службу съ своего земельного участка. Такъ крестьяне, служившіе службу конною и збройно вмѣстѣ съ боярами, съ теченіемъ времени попадали въ бояре, но болышею частію въ слуги разныхъ наименованій: панцирные, конные, путные и т. д. Такіе бояре, мелкіе землевладѣльцы, не всегда имѣли крестьянъ и часто сами, своими семейными силами, обрабатывали свои земли. Въ „пописѣ“ коней, т. е. конныхъ ратниковъ, которыхъ должны были представлять военнотружильные землевладѣльцы согласно сеймовому постановленію 1528 года, часто попадаются такіе обозначенія: „То—бояре, которые людей своихъ не мають, только сами головами своими повинны на службу ѣхати“¹⁰⁰³). Въ сеймовой „ухвалѣ“ 1529 года относительно этихъ бояръ-землевладѣльцевъ находимъ такое постановленіе: „А што ся дотычетъ убогоѣ шляхты, господарскихъ подданныхъ тыхъ, которые ся убого мають въ домаехъ своихъ, а ни одного человека своего не мають: съ тыхъ кождый маеть служити и ѣхати самъ, водѣ возможности своеѣ“, т. е. на конѣ и въ вооруженіи по средствамъ своимъ, а не по сеймовой „установѣ“¹⁰⁰⁴).

Бояре, земляне, татары, мѣщане получали отъ государя и такіе земельные участки, съ которыхъ они должны были не только сами ѣхать на войну, но и выводить съ собою опредѣленное количество вооруженныхъ слугъ. Свидѣтельства объ этомъ встрѣчаются въ актахъ еще удѣльной эпохи. Такъ Свидригелло Ольгердовичъ въ 1445 году „съ королевскимъ приказаньемъ“ далъ имѣнне Рычеговъ шляхетнымъ Ѳедору, Жуку и Ходору съ братомъ Игнаткомъ на вѣчность, при чемъ оговорилъ: „а съ того намъ имають служити и нашимъ намѣстникомъ двумя стрѣльцема на заволаную войну, яко инія земляне слу-

¹⁰⁰³) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ I, л. 11—19 и др. Срав. 1 арт. II раздѣла Статута 1529 г.

¹⁰⁰⁴) Акты Зап. Рос. II, № 161.

жати" ¹⁰⁰⁵). Казимиръ въ 1446 году (индикта 9) подтвердилъ нѣкоему Пузу дѣльницу брата его съ условіемъ „двѣ службы ему служить“ ¹⁰⁰⁶). Количество службъ, возложенное на имѣнье при пожалованіи его, оставалось обыкновенно безъ измѣненія и при увеличеніи числа владѣльцевъ. Въ спискѣ бояръ и слугъ Смоленской земли, составленномъ въ самомъ концѣ княженія Кизимира, часто встрѣчаются примѣры отправленія двухъ службъ тремя, напр. братьями, у которыхъ имѣются взрослые дѣти. Вотъ наиболѣе характерный въ этомъ отношеніи примѣръ, касающійся бояръ Радщинскаго путя: „Матвѣй Шестаковъ, въ него сыновъ осмь, одинъ сынъ у роздѣль; Данила Шестаковъ, братъ его, въ него сыновъ шесть; пять съ нимъ живутъ, одинъ у службѣ, а три малыхъ; Рыба Шестаковъ, братъ ихъ, въ него сыновъ семь, три по службамъ, три малыхъ; Иванъ Шестаковъ, братъ же ихъ, въ него сыновъ шесть, два по службамъ, а чотыри малыхъ; Милешъ Шестаковъ, братъ же ихъ, въ него три сыны—два молодца, а третій малъ; Оливарова жена Богдана, брата ихъ удова, въ нее сыновъ чотыри а вси малы;—а вси тми Шесшаковы дѣтма службами служатъ“ ¹⁰⁰⁷). Указанье на отправленье военной службы въ опредѣленномъ количествѣ *съ земли* встрѣчаемъ и въ актахъ княженця Александра и Сигизмунда. Такъ, въ 1495 году великій князь Александръ отдалъ въ опеку дочерей пана Яна Мишковича Яковича женихамъ ихъ Яну Котовичу и Миколаю Завишичу съ имѣньемъ, которое онѣ унаслѣдовали отъ отца, при чемъ оговорилъ: „а они мають намъ съ тыхъ имѣней службу земскую заступати по осми коней у зброяхъ; а коли ся они съ тыми дѣвками поймутъ, и они тогда тые имѣнья межи собою подѣлять“ ¹⁰⁰⁸). Въ 1523 году королю Сигизмунду били челомъ бояре пинскіе Андрушко, Сенько, Василевскій и Богдановичъ и заявили, „што жъ дей братья ихъ чотыры, а имѣньцо мають вельми убогое и тыми дей разы то имѣньцо на чотыри части роздѣлили и не мають съ чого вси чотыри братья службы земское послужити, гдѣ жъ дей передъ тымъ толко два брата на службу земскую ѣжывали; нишли дей небощыкъ князь Федоръ Ерославича придалъ имъ къ тому имѣньцо чотыры дворища зъ людьми, а три земли пустовскихъ, они дей съ того приданья третего коня у зброи на службу... выправляють“. Бояре просили, чтобы имъ дозволено было

¹⁰⁰⁵) Акты Зап. Рос. I, № 45.

¹⁰⁰⁶) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 29.

¹⁰⁰⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 155—169.

¹⁰⁰⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 53.

„по два брата на перемѣну въ отчины ихъ на службу нашу (т. е. господарскую) и земскую ѣздити, а съ тыхъ земель, што имъ князь Федоръ Ярославовича придалъ, третего коня мѣти“; въ этомъ смыслѣ они и получили отъ короля листъ ¹⁰⁰⁹⁾. Въ данномъ случаѣ особымъ королевскимъ листомъ на землѣ оставлялось то же количество службъ, которое было и ранѣе, изъ чего можно заключить, что при раздѣлахъ боярскихъ имѣній и вообще при переходахъ къ новымъ владѣльцамъ количество службъ могло и измѣняться.

Это обстоятельство на ряду съ другими соображеніями экономическаго характера и родственными чувствами заставляло бояръ-шляхту и землянъ очень часто владѣть имѣніями безъ раздѣла. Въ актахъ встрѣчается такъ много примѣровъ совмѣстнаго владѣнія родственниковъ-бояръ и землянъ, что приводитъ ихъ нѣтъ никакой надобности; на нихъ можно натолкнуться чуть-ли не въ любомъ сборникѣ актовъ. Статутъ 1529 года, считаясь съ распространеннымъ среди шляхты фактомъ совмѣстнаго землевладѣнія, постановлялъ между прочимъ: „А коли бы было колео братьи неделное тогда с нихъ годнѣйшии зымена ихъ сумесного одинъ межи ними маетъ войну служити тымже обычаемъ какъ выше поставлено“ ¹⁰¹⁰⁾. Имѣніями могли владѣть совмѣстно даже лица, не состоявшія между собою въ отношеніяхъ родства, какъ это видно изъ 32 артикула VI раздѣла того же Статута; они называются здѣсь *сѣбрами*. Бояре-шляхта и земляне, сообща отправлявшіе военную службу, назывались обыкновенно *бурсниками* ¹⁰¹¹⁾. Такимъ образомъ, военная служба и боярское землевладѣніе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ имѣли много сходства съ службами и землевладѣніемъ крестьянъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Этимъ положеніемъ ограничивается и доля истины, содержащейся въ приведенныхъ выше утвержденіяхъ нѣкоторыхъ изслѣдователей о полной будто бы аналогіи крестьянскаго и боярскаго землевладѣнія въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ изучаемое время. Нѣкоторыя добавленія къ этому замѣчанію читатели найдутъ ниже въ предлагаемомъ очеркѣ.

Съ начала XVI вѣка, когда борьба Литовско-Русскаго государства съ сосѣдями сдѣлалась особенно напряженною, правительство, оставляя въ силѣ старинную организацію отправленія военной службы съ земли, внесло въ нее нѣкоторыя поправки и улучшенія въ цѣляхъ большей боеспособности своего войска и болѣе равномернаго распре-

¹⁰⁰⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 90.

¹⁰¹⁰⁾ 1 арт. II раздѣла.

¹⁰¹¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 77.

дѣленія тягостей военной службы. На „вальныхъ сеймахъ“, собиравшихся довольно часто, постановлялось обыкновенно, чтобы землевладельцы съ даннаго числа крестьянскихъ служебъ выставляли ратника въ вооруженіи и на конѣ „водлугъ вставы и ухвали сейма“. Вслѣдствіе этого, напр., въ 1507 году на Виленскомъ сеймѣ было постановлено, чтобы паны, княжата, земляне, вдовы и вся шляхта подъ присягою переписали своихъ людей и списки подали господарю. „А то для тоѣ причины тымъ обычаемъ уставлено, — гласитъ сеймовое постановленіе, — абы господарь его милость вѣдалъ, какъ хто его милости зъ имѣнья служити будетъ, подлѣ списковъ тыхъ, на которыхъ будутъ люди всихъ его милости подданныхъ пописаны; албо тежъ, што ся будетъ господарю его милости въ томъ видѣти, его милость роскажетъ, хто какъ маєтъ съ своего имѣнья служити“¹⁰¹²). Въ настоящемъ случаѣ распредѣленіе военной службы принадлежало пока еще самому господарю, но позднѣе мы встрѣчаемъ уже прямыя постановленія сеймовъ относительно этого. Такъ Виленскій сеймъ въ 1528 г. мая 1-го постановилъ, „и жъ хто-вольвееъ маєтъ людей своихъ въ имѣньяхъ своихъ, тотъ повиненъ съ кождыхъ осми служебъ людей ставити пахолка, на добромъ кони, во зброні, зъ древомъ, съ прапоромъ, на которомъ бы былъ панцеръ, прылбица, мечъ або кордъ, сукья двѣтвая, пареза и остроги двѣ“¹⁰¹³). Въ сеймовомъ постановленіи 21 января 1529 года находимъ разъясненіе, что самъ владѣлецъ имѣнья шелъ въ счетъ „пахолковъ добрыхъ“, которые выставились съ кождыхъ восьми служебъ, и, кромѣ того, слѣдующую статью: „А хто бы зъ шляхты не мѣлъ осми служебъ суполныхъ, а мѣлъ бы людей своихъ шесть або пять служебъ, або мнѣй; однако жъ и тотъ повиненъ самъ ѣхати къ службѣ земской, на таковомъ кони и въ таковой зброні, не водлугъ уставы, але водлѣ возможности своее“¹⁰¹⁴). Отъ военной службы не избавлялись, какъ выше было сказано, и убогіе шляхтичи, не имѣвшіе совсѣмъ крестьянъ. Изъ актовъ и 2 артикула II раздѣла Статута 1529 года видно, что количество крестьянскихъ служебъ, съ которыхъ долженъ былъ выправляться на войну „добрый пахолко“, не было постояннымъ и не предназначалось въ намѣреніяхъ правительства таковымъ, но — „якъ на тотъ часъ будетъ потреба указывати“, такъ и долженъ былъ установить сеймъ. Сеймовыя постановленія, слѣдовательно, не разрушали старинной органи-

¹⁰¹²) Акты Зап. Рос. II, № 12.

¹⁰¹³) Ibidem, № 152.

¹⁰¹⁴) Ibidem, № 161, арт. 4.

заці въ отправленіи военной службы съ земли, а имѣли въ виду въ массѣ войска держать отборный контингентъ, измѣняя его количество сообразно съ потребностями времени и экономическими силами военно-служилого сословія.

XLIII.

По Статуту 1529 года военнoслужилые землевладѣльцы должны были отправлять свою службу съ имѣній какъ отчинныхъ, такъ и купленныхъ и выслуженныхъ. Эти три рода владѣній выступаютъ во многихъ артикулахъ Статута 1529 года, и при томъ каждый съ особенными, ему только свойственными, чертами. Различаются они и въ актахъ, изданныхъ ранѣе Статута, съ самаго конца XIV вѣка. Въ чемъ же состоятъ ихъ различія?

Подъ именемъ *отчинъ* разумѣются имѣнія, переходившія по наследству отъ отца къ дѣтямъ; если это наследство шло отъ дѣда, имѣнья назывались *отдинами* ¹⁰¹⁵⁾ и даже *прадодинами* ¹⁰¹⁶⁾, а владѣтели ихъ отчинами и дѣдичами. Этотъ типъ земельныхъ владѣній несомнѣнно существовалъ въ западной Руси еще до утверждения въ ней литовскаго владѣчества ¹⁰¹⁷⁾. По всей вѣроятности, и въ предѣлахъ собственной Литвы онъ возникъ еще прежде, чѣмъ стало образовываться Литовско-Русское государство. По крайней мѣрѣ, у Прусскихъ *nobiles*, по свидѣтельству нѣмецкихъ лѣтописцевъ XIII в., была *hereditas paterna* — замки или укрѣпленныя усадьбы, гдѣ у нихъ было много рабовъ, коней, охотничьихъ собакъ и птицъ, разной домашней утвари и одежды ¹⁰¹⁸⁾; даже крестьяне были наследственными владѣльцами своихъ участковъ ¹⁰¹⁹⁾. Извѣстная грамота Мендого 1259 года, кою онъ уступилъ ордену Жмудъ и призналъ право рыцарей владѣть имѣньями на Литвѣ, полученными по завѣщанію, предполагаетъ существованіе въ предѣлахъ Литовской земли двухъ родовъ земельныхъ имѣній, отчинныхъ и полученныхъ на ленномъ правѣ, *jure rheodali* ¹⁰²⁰⁾. Существованіе отчинныхъ имѣній предполагается и

¹⁰¹⁵⁾ Акты Зап. Рос. I, № 84, II. Такъ же и въ Польшѣ; см. *R. Hube* *Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego*, str. 123. Warszawa 1881.

¹⁰¹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 130.

¹⁰¹⁷⁾ См. напр., Лѣтопись по Ипат. списку, стр. 485, 493.

¹⁰¹⁸⁾ *Н. Дашкевича* Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства, стр. 17, пр. 3.

¹⁰¹⁹⁾ *Ibidem*, стр. 24, 25 пр. 1.

¹⁰²⁰⁾ *Scarbiec dyplomatów I*, № 181.

въ извѣстномъ привилеѣ, выданномъ литовскому боярству Владиславомъ Ягелломъ въ 1387 году и въ позднѣйшихъ земскихъ привилеяхъ ¹⁰²¹⁾).

Въ этихъ земскихъ привилеяхъ великіе князья обѣщали князьямъ, панамъ и боярамъ не отнимать у нихъ отчины; то же самое обѣщали они и въ привилеяхъ, данныхъ различнымъ землямъ отдѣльно ¹⁰²²⁾. Изъ этого, по справедливому замѣчанію г. Владимірскаго-Буданова, нельзя дѣлать вывода, что ранѣе 1387 года не существовало права наслѣдства, и всѣ имѣнья по смерти ихъ владѣльцевъ спадали на господара, изъ рукъ котораго и получали ихъ наслѣдники ¹⁰²³⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и ограничиться утверженіемъ, что земскіе привилеи „подтверждаютъ существовавшіе извѣка обычаи, предупреждая отрицательною формою своихъ постановленій ихъ нарушеніе“. Право наслѣдства несомнѣнно существовало, но оно дѣйствовало при такихъ условіяхъ и такъ часто нарушалось, что торжественныя подтверженія его въ земскихъ привилеяхъ были далеко не простою формальностью. Значить, весь вопросъ сводится въ настоящемъ случаѣ къ тому, почему и какъ могли отходить у военно-служилаго класса отчины. Въ актахъ изучаемаго времени можно получить относительно этого не мало указаній, ибо, не смотря на дарованіе военнослужилому классу привилегій польской шляхты и въ томъ числѣ права неотъемлемаго владѣнія отчинами, отчины нерѣдко отбирались, въ особенности у бояръ „посполитыхъ“ ¹⁰²⁴⁾, мѣщанъ, татаръ и имъ под. служилыхъ людей.

Выше было уже указано на то, что великіе князья до извѣстной степени считали себя собственниками земель, съ которыхъ шла военная боярская служба, и жаловали боярскія отчины князьямъ и панамъ, предоставляя владѣльцамъ или служить князю или пану, или уйти съ земли. Такъ было въ то время, когда литовско-русскому боярству даны были привилегіи польской шляхты. Въ XIII и XIV вѣкахъ князья, вѣроятно, еще менѣе церемонились съ боярскими отчинами и въ случаѣ надобности прямо отбирали ихъ у владѣльцевъ, въ особенности, если это были мелкіе рядовые бояре. Примѣры такой

¹⁰²¹⁾ Срав. Записъ о Смоленской посолницѣ, которая говоритъ о боярскихъ отчинахъ до Витовта. Акты Зап. Рос. I, № 55.

¹⁰²²⁾ *М. Ясинскаго* Уставныя грамоты Литовско-Русскаго государства, стр. 160—162. Кіевъ 1889.

¹⁰²³⁾ Христоматія по исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 28, прим. 11, Кіевъ 1880.

¹⁰²⁴⁾ Выраженіе Статута 1529 г.

правительственной практики встрѣчаются даже и въ изучаемое время. Въ 1508 году королю Сигизмунду заявляли земляне вѣницкіе Тарасовичи, Берендей съ братьею, „што жъ дей.... Александръ король его милость отнял въ нихъ имѣнье ихъ отчинное у Вѣницкомъ повѣтѣ на имя Воначыно, а далъ Остафью Дашковичу“; они просили короля воротить имъ отчину, что и было исполнено ¹⁰²⁵⁾. Впрочемъ, простой произволъ въ такихъ случаяхъ едва ли имѣлъ много мѣста. Отчины отнимались скорѣе всего потому, что правительство смѣшивало ихъ съ имѣньями, которыя отдавались только во временное владѣніе; и скорѣе всего съ тѣми, которыя давались „до воли господарской“.

Обычай раздавать имѣнья во временное владѣніе, „до воли господарской“, существовалъ едва ли не съ самаго образованія Литовско-Русскаго государства. Въ теченіе изучаемаго времени онъ былъ въ полной силѣ, и въ актахъ мы находимъ множество примѣровъ пожалованій имѣній „до воли господарской“. Въ записяхъ земельныхъ раздачъ Казимира читаемъ между прочимъ: „пану Дявгирду *чоловѣкъ* Нетишка до воли;.... у Красноселцѣхъ Яну Кготевичу *землица* Лейпуновая пустая, безъ наслѣдка, до воли;.... у Любошанѣхъ Андрею Немировичу село Молодиловичи и зъ данью до воли;.... князю Митку Всеволодичю Антоново Косого селцо да Кулибакино селцо, да Мицнево село до воли;... Жаку конюху *земля* у Новѣгородку Охремцова до воли“ ¹⁰²⁶⁾. Подобные же случаи встрѣчаемъ на каждомъ шагѣ при чтеніи актовъ княженъ Александра и Сигизмунда. Такъ, великій князь Александръ въ 1498 году пожаловалъ кн. Федору Федоровичу Мецецкому волость Городечну „до воли“, а еще ранѣе того, въ 1496 году, кн. Семену Ивановичу Можайскому Карачевъ ¹⁰²⁷⁾. Въ 1496 году онъ пожаловалъ до воли пану Василью Хребтовичу имѣнье Горухово во Владимирскомъ повѣтѣ; въ 1499 году кн. Богдану Федоровичу данника въ Кіевскомъ повѣтѣ въ Завской волости; въ 1503 году князю Василью Полубенскому село Полюбичи въ Берестейскомъ повѣтѣ ¹⁰²⁸⁾ и т. д. Король Сигизмундъ въ 1509 году пожаловалъ толмачу Рамадану людей въ Радуньской волости и двѣ пустошны „до воли“; въ томъ же году онъ пожаловалъ старостѣ мѣста Смоленскаго пану Абраму Езофовичу *чоловѣка* Сомилишской волости Некраша Бутевича и

¹⁰²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 225.

¹⁰²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 2, 8, 9, 21, 51.

¹⁰²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 76; Акты Зап. Рос. I, № 139.

¹⁰²⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 68, 154, 216 и др.

землицу пустовскую Петрашовщину, принадлежавшую прежде брату Некраша: „нехай онъ того чоловѣка и пустовщину держать до наше воли“¹⁰²⁹⁾. Въ 1527 году Сигизмундъ подтвердилъ бурмистру мѣста Виленскаго Ермолѣ Слотовичу землю пустовскую Юрковщину въ Межижской волости до воли¹⁰³⁰⁾ и т. д. Имѣнья, данныя до воли, иногда отбирались у ихъ владѣльцевъ и отдавались другимъ. Такъ, король Сигизмундъ въ 1508 году далъ пану Юрью Глѣбовичу имѣнье Клевицу, которое онъ передъ тѣмъ пожаловалъ было до воли своей дворянину Федору Колонтаеву¹⁰³¹⁾. Въ 1511 году король Сигизмундъ пожаловалъ князю Константину Ивановичу Острожскому замокъ Степанъ съ мѣстомъ и съ волостями „и тую третью часть замку Степана и мѣста, и всихъ волостей Степанскихъ, которая жъ спала была на дѣлу на князя Юрья Ивановича Дубровицкаго“. При этомъ король мотивировалъ такимъ образомъ свое пожалованье: „бо тое имѣнье Степанъ далъ былъ отецъ нашъ король и великій князь Казимиръ князю Юрью Ивановичу до свое воли; а што волье отецъ нашъ король Казимиръ кому далъ до его милости воли, то есть въ нашей воли; кгдажъ тотъ замокъ Степанъ есть въ нашей воли, мы вземши его въ нашей руцѣ, зъ особливое ласки наше дали есмо и вѣчне даровали, записуемъ и вѣчне записали симъ нашимъ привилеємъ князю Константину Ивановичу Острожскому“¹⁰³²⁾ и т. д. Но вмѣстѣ съ тѣмъ бывало иногда, что имѣнья, данныя до воли господаря, переходили къ наслѣдникамъ первыхъ владѣльцевъ и отбирались уже у нихъ. Такъ, великій князь Александръ, утверждая въ 1501 году три дворища съ людьми „Жуковского повѣта у Клевани“ за княземъ Федоромъ Михайловичемъ Чорторыйскимъ, написалъ въ привилеѣ: „дали были есмо ты дворища первѣй сего воеводѣ Троцкому, небожчику пану Петру Яновичу, и послѣ пана Петра сынъ его панъ Янъ ты дворища держалъ, а листы нашими того есмо имъ были не подтвердили на вѣчность“¹⁰³³⁾. Король Сигизмундъ далъ путивльскимъ боярамъ Пашѣ и Якиму людей въ Ейшишскомъ повѣтѣ „не на вѣчность“. По смерти Якима Паша одинъ держалъ этихъ людей и умирая оставилъ на своемъ имѣньѣ жену съ сыномъ; жену понялъ за себя го-

¹⁰²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 305—307.

¹⁰³⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 135.

¹⁰³¹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 40.

¹⁰³²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 500, 501.

¹⁰³³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 194.

сподарскій дворянинъ Михайло Овцынъ и часть Якимову держалъ безъ господарской данины. Въ 1522 году Сигизмундъ распорядился съ этимъ имѣньемъ такимъ образомъ: „коли жъ тыи люди даны были тымъ путивльцомъ двумъ братомъ не на вѣчность, а тотъ Паша часть брата своего безъ данины нашею держалъ, а тыми разы по нихъ наслѣдокъ одинъ ся осталъ, а тотъ тежъ Михайло тыи вси люди держалъ безъ данины нашею, мы зъ ласки нашею половицу тыхъ людей дали дворянину нашему Василью Тишкевичу, а пры другой половицы тыхъ людей zostавили есмо сына того Пашы путивльцова“¹⁰³⁴). Косвеннымъ указаніемъ на то, что имѣнья, данныя до воли господарской, переходили нерѣдко къ дѣтямъ и родственникамъ лицъ, получавшихъ ихъ, служить тотъ артикуль земскаго привилея в. князя Александра, которымъ имѣлось въ виду предохранить эти имѣнья отъ превращенія въ частныя вотчины. *Item donationes et concessiones olim genitoris nostri,—читаемъ здѣсь,—quas alicui donavit aut providit, et cum hoc literis suis confirmavit, perpetue tenebimus; sed cui idem genitor noster dedit aliquid ad arbitrium et voluntatem suam, illud et nos pro arbitrio et voluntate nostra et dominorum consilii nostri reservamus; nostras etiam donationes faciemus et dabimus ad arbitrium nostrum. Et si alicui voluerimus confirmare ad perpetuitatem, istud etiam est in voluntate nostra*¹⁰³⁵).

При такомъ потомственномъ владѣніи помѣстьями и при тогдашнемъ состояніи государственной регистратуры, естественно, должны были случаться довольно часто отобранія отчинъ у наслѣдниковъ. Акты изучаемаго времени, особенно записи пожалованій короля Казимира, переполнены примѣрами подтвержденій разнымъ лицамъ отчинъ, при чемъ нерѣдко эти подтвержденія прямо обозначаются, какъ возвращенія отчинъ; напримѣръ: „у Дорогичинѣ Миколайку.... вернулъ отчину его Купятинъ, што Несвѣдскій держалъ“; или: „у Луцку Сачку лужанину село Свищовъ да Лычино и што къ тому селу слушаетъ, какъ за Бѣликомъ было: занюжъ за нимъ были села Несвидскихъ, и то опять отчиномъ вернули,—противъ того“¹⁰³⁶). Въ 1496 году великій князь Александръ по суду вернулъ околичному Смоленскому Ивашу Бривцу, Яну, Павлу и Михаилу Басичамъ и Андрею Свиридову имѣнье Погоновичи, которое онъ далъ было пану Богдану Сопѣгѣ, не зная

¹⁰³⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 3.

¹⁰³⁵) Zbiór praw litawskich, str. 58—64.

¹⁰³⁶) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 34, 64.

что оно отчужда Басичей, перешло къ нимъ отъ отца ихъ Басы, которому пожаловалъ король Казимиръ на вѣчность¹⁰²⁷⁾. Очевидно, слѣдовательно, отобранія отчинъ были нерѣдки, и обѣщанія не отнимать имѣній, если они окажутся отчинными (такой смыслъ по контексту земскихъ привилеевъ имѣютъ обѣщанія не отнимать отчинъ), были вовсе не простою формальностью, а имѣли реальное, жизненное значеніе, возвышали, если не новое право, то новую политику, и съ нѣкими правами могли быть вставлены въ число привилеевъ.

Великіе князья старались обставлять свои обѣщанія нѣкоторыми указаніями на то, какія имѣнія они будутъ признавать отчинными. Самое опредѣленное указаніе на этотъ счетъ дано въ земскомъ привилееѣ короля Сигизмунда отъ 1506 года: *Quicumque subditorum nostrorum in praedictis terris Magni Ducatus Lithuaniae similiter suis bonis immobilibus haereditariis, litteras aut immunitates non habent sufficientes, tum fidedignorum testimonio probaverint; bona hujusmodi tempore Magnorum Ducum Lithuaniae Withowdi vel Sigismundi aut divi Casimiri, parentis nostri, si vel suos legitimos parentes, aut praedecessores pacifice possedisse*¹⁰²⁸⁾. Подобныя же указанія находимъ и въ Статутѣ 1529 года: „кто бы держалъ имѣнье и люди и земли за Казимера короля во впокои, а о томъ до короля Олександра будетъ ниято ея не привпоминаль бы и добре таковы листовъ на то не мель; тогда то во впокои держати мает и волную моць мает имѣнья своего третью частъ продати даровати и в пожитки добровольные привести¹⁰²⁹⁾. Итакъ, имѣнье считалось отчиною, если оно находилось въ рукахъ даннаго владѣльца и его предковъ, по крайней мѣрѣ, при двухъ послѣднихъ господахъ. Принципъ десятилѣтней земской давности, опредѣлявшій права владѣнія въ тяжбахъ между собою частныхъ лицъ, не дѣйствовалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда истцомъ являлось правительство.

Хотя отчинность владѣнья можно было доказывать свидѣтельскими показаніями, но землевладѣльцы, естественно, предпочитали документы и во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ старались выхлопывать у господаря подтвержденія на отчины. Такихъ подтвержденій, какъ уже сказано, встрѣчается множество въ актахъ изучаемаго времени. Эта заботливость объ укрѣпленіи отчинныхъ владѣній служитъ косвеннымъ указаніемъ на постоянныя опасности для этихъ владѣній, на легкую

¹⁰²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 58.

¹⁰²⁸⁾ *Zbiór praw litewskich*, str. 95—99.

¹⁰²⁹⁾ Раздѣлъ I, арт. 15. Срав. арт. 19.

возможность ихъ утраты. Приведемъ нѣкоторые характерные примѣры подтвержденій отчинъ. Въ записяхъ земельныхъ раздатъ королемъ Казимира читаемъ между прочимъ: „Хребтовичомъ всимъ дано ихъ отчизну и со всимъ по тому, какъ отецъ ихъ держалъ, и по тому, какъ небожикъ панъ Олехно Довойновичъ держалъ“ ¹⁰⁴⁰). Хребтовичи хлопотали себѣ подтвержденье, очевидно, потому, что отчина ихъ была недавняго происхожденія и могла попасть въ разрядъ помѣстій, которыя давались „до живота“ или „до воли господарской“. Подтверждены на отчины обыкновенно давались и въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ увеличивались новыми пожалованьями или куплями. Въ тѣхъ же записяхъ пожалованій короля Казимира читаемъ: „Михайлу Ромболтовичу семь человекъ у Вилькомири, его жъ отчина; а къ тому придалъ ему три человекъ княжихъ людей у Вилькомири“ ¹⁰⁴¹). Иногда подтвержденье выдавалось наследникамъ лица, отчина котораго увеличивалась пожалованьемъ. Такъ, въ 1499 году великому князю Александру былъ челомъ вдова пана Миколая Шеметовича съ сыновьями своими Яномъ и Станиславомъ „о мужа своего небожника пана Миколаевы имѣмъ отчинныи, што въ Жмойти дворъ на имя Шовезьяны и тежъ въ томъ дворѣ въ Шовезьянѣхъ, што дали есмо были небожнику пану ее торкъ мѣти и двѣ корчмы, и другія двory—Лидованы и Кореляны въ Жмойти жъ, и Гнѣзна и Нетеча въ Троцкомъ повѣтѣ“; великій князь исполнилъ ея просьбу и выдалъ ей свой листъ ¹⁰⁴²). Въ 1511 году король Сигизмундъ подтвердилъ землянину Вѣницкому Ивашку Супруновичу „имѣнейца отчинныи у Вѣницкомъ повѣтѣ на рѣцѣ на Згарѣ Микулинцы а Почапинцы и половину Мезекова“ и, кромѣ того, селце Супруново, данное ему по его челобитью и по ходатайству кн. Константина Ивановича Острожскаго ¹⁰⁴³). Чаще всего подтверждены на отчины съ выслугами и куплями брались у новыхъ господарей. Хотя новые господа обѣщали обыкновенно не отнимать отчинъ и выслугъ, но служилые люди предпочитали этимъ обѣщаніямъ подтвердительные частные привилеи на имѣнья. Въ записяхъ земельныхъ пожалованій короля Казимира находимъ много подтвержденій отчинъ въ княжествѣ Мстиславскомъ, когда оно отнато было у кн. Юрья Лигвеневиича, въ землѣ Волинской, когда она спала на великаго князя

¹⁰⁴⁰) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 51.

¹⁰⁴¹) Ibidem, л. 72.

¹⁰⁴²) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 151.

¹⁰⁴³) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 5.

по смерти Свиригелла ¹⁰⁴⁴); точно такъ же много подтвержденій на отчины встрѣчаемъ и въ тѣхъ книгахъ Литовской Метрики, которыя составлялись въ первые годы Сигизмундова княженія. Желаніе документомъ закрѣпить владѣніе отчиною иногда прямо выражалось въ челобитныхъ просителей. Такъ, въ 1498 году у великаго князя Александра просилъ подтвержденія на отчину Рутчичи „въ Ятвезкомъ“ бояринъ Тихно Ясенскій, выставляя мотивомъ просьбы неизмѣные документы на отчину ¹⁰⁴⁵).

Закрѣпляя документами владѣніе отчинами, служилые люди имѣли, впрочемъ, въ виду не столько правительство, сколько свою же братью—князей, пановъ и бояръ, которые могли подпросить подъ ними отчинныя имѣнья. Правительство по собственной инициативѣ, вѣроятно, рѣдко отнимало у кого отчины. Если же это бывало, то обыкновенно по винѣ разныхъ челобитчиковъ, которые выпрашивали себѣ имѣнья, „не повѣдаючи отчиновъ“, какъ пустыя, оставшіяся „безъ наслѣдковъ“, или какъ имѣнья, данныя настоящимъ владѣльцамъ ихъ „до воли господарской“. Неудовлетворительное состояніе государственной регистраціи благопріятельствовало этому, такъ какъ правительство не имѣло подъ руками такихъ списковъ и описей, которыя бы давали ему возможность быть въ курсѣ и легко ориентироваться въ фактахъ и отношеніяхъ военнотрудового землевладѣнія. Правда, что уже въ изучаемое время велись книги великокняжеской канцеляріи и по главнымъ городамъ книги городскія или замковныя, но составъ ихъ былъ случайный: въ нихъ попадали только разные привилеи и подтвержденія на имѣнья, а также судовыя листы, содержащія рѣшенія великаго князя или его урядниковъ по тяжбамъ объ имѣньяхъ. Здѣсь не было систематическихъ и полныхъ списковъ даже на подобіе тѣхъ, которые стали составляться уже при Сигизмундѣ Августѣ, и образцомъ которыхъ можетъ служить, напр., сборникъ документовъ на владѣнія пинскихъ землевладѣльцевъ, составленный въ 1551 году, а также ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, составленная въ 1559 году. Литовско-Русское государство, внутренняя политика котораго съ самаго образованія его глубоко была проникнута индифферентнымъ консерватизмомъ, не выработало ни въ своей столицѣ, ни въ областныхъ центрахъ учреждений, которыя бы энергически и *suo motu* развивали свою дѣятельность по устройству общественныхъ отношеній. Общественныя отношенія складывались болѣею частью сами собою, и

¹⁰⁴⁴) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 23, 24, 55, 56.

¹⁰⁴⁵) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 68.

учрежденія дѣйствовали преимущественно по возбужденію отъ частныхъ лицъ и общественныхъ группъ.—Такъ было и въ дѣлѣ устройства военно-служилого землевладѣнія. Правительство сплошь и рядомъ жаловало имѣнья на основаніи показаній челобитчиковъ, не провѣряя ихъ и только въ жалованныхъ грамотахъ оговаривая: „если будетъ такъ, какъ повѣдали“. Предварительныя справки объ имѣньяхъ у мѣстныхъ урядниковъ наводились обыкновенно только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти имѣнья принадлежали къ составу господарской волюсти въ тѣсномъ смыслѣ. Если же это были имѣнья, находившіяся въ частномъ владѣніи, правительство легко поступалось ими и отдавало приказъ мѣстнымъ урядникамъ ввести во владѣніе или дать „указанье“, оговаривая только: „ажъ не будетъ наслѣдковъ, ажъ будетъ пусто“ и т. д. Такихъ условныхъ пожалованій находимъ множество въ актахъ изучаемаго времени. Въ записяхъ земельныхъ раздачъ короля Казимира читаемъ, напр.: „князю Сонегушиновичу двѣ селци у Берестыи, Романово Горбачевича да Ивашково Букитно, ажъ будетъ подобно, ажъ се будетъ годити, не будетъ ли наслѣдковъ; Курмѣ Волошину земля пустая у Кремянецкомъ повѣтѣ на имя Березгъ: а наслѣдка не будетъ, ино ему, съ рѣкою и съ бобровыми гоны; волошину Андрею Борзодому сельцо Дрибово, ажъ будетъ пусто, а наслѣдка не будетъ“¹⁰⁴⁶). Въ 1498 году великій князь Александръ пожаловалъ Васку Колонтаеву землю Звонкову боярскую „у Пьяновѣ“ въ Брянскомъ повѣтѣ, если окажется справедливымъ показаніе Колонтаева, „што жъ тая земля давно лежить пуста, а наслѣдка въ нее никого нѣтъ.“¹⁰⁴⁷). Но мѣстные урядники не всегда имѣли охоту и даже возможность провѣрять показанія челобитчиковъ и давали имъ прямо „указанье“, предоставляя наслѣдникамъ, буде таковыя оказались бы, доходить своей отчины или близости „правомъ“. Поэтимъ, слѣдовательно, что служилые люди стремились обставить по возможности большимъ количествомъ „листовъ-твердостей“ свои владѣнья.

Отчины отбирались и передавались во владѣніе постороннимъ лицамъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы ихъ не служили съ нихъ и не могли исправно служить военную службу. Такъ, великій князь Александръ въ 1498 году отдалъ татарину князю Майку Асачуковичу „семь служебъ въ людми Кумеляны а землю боярскую Богдана Некрашевича въ Кревскомъ повѣтѣ вѣчностью“, при этомъ свое пожалованіе онъ мотивировалъ такимъ образомъ: „тотъ Богданъ

¹⁰⁴⁶) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 1, 32.

¹⁰⁴⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 108.

отчину свою всю распродавъ, а самъ въ си жъ годъ не былъ съ нами на службѣ нашей“ ¹⁰⁴⁸). Служилые люди, бывшіе не въ состояніи отправлять съ своихъ имѣній военную службу, нерѣдко и сами бросали свои отчины. Эти отчины иногда возвращались ихъ наследникамъ, но не какъ отчины, а какъ данины, что и выражалось прямо въ грамотахъ. Такъ въ листѣ короля Казимира, писанномъ 12 марта 1467 года намѣстнику Смоленскому, Любуцкому и Мценскому пану Николаю Немировичу, читаемъ: „Билъ намъ чоломъ Ярмо Шиловичъ о свою дѣдину и отчину Олотова, а повѣдалъ намъ, што жъ дей ни за нимъ, не отдали есмо ниѣму. И мы ему дали дѣдину его отчину со всемъ, какъ отецъ и дѣдъ его держалъ, а онъ намъ масть съ того службу служить“ ¹⁰⁴⁹). Очевидно, что отецъ Ярма Шиловича покинулъ свою отчину, не будучи почему-нибудь въ состояніи служить съ нея, и она спала на короля, который въ видѣ милости и пожалованья воротилъ ее Ярму. Въ такомъ же смыслѣ надо понимать и слѣдующую запись отъ времени княженья того же Казимира: „Ивашку Ортюшковичу стародубцю земляца бортная Коренщина, отчина его, а повѣдалъ: пусто, а не королева, а не данная“ ¹⁰⁵⁰). Близкій къ этимъ случаямъ представляетъ и слѣдующее возвращеніе отчины: „Грималовичомъ король вернулъ отчину ихъ, што былъ испросилъ Невѣдскій, коли отчимъ ихъ къ Ляхомъ возилъ, бояся Болщковны“ ¹⁰⁵¹). Очевидно, что отчина Грималовичей спала на короля, какъ скоро они покинули ее и перестали служить съ нея, чѣмъ и воспользовался для себя Невѣдскій.

Приведемъ въ параллель къ этому слѣдующіе случаи. Въ 1451 году король Казимиръ пожаловалъ княгинѣ Михайловой съ сыномъ Юшкомъ „село подъ Игнатомъ Юряжичомъ Меньшое на Цедрѣ, занюжь вже Игнать не можетъ служить; а Игнату далъ былъ король же“ ¹⁰⁵²). Среди записей пожалованій того же короля Казимира находятся и слѣдующія: „Мунчи на отчѣну подъ Микиткою Досуговичомъ боярское помѣстье, ажъ будетъ изгожо, ино дати“ ¹⁰⁵³). Въ 1496 году великій князь Александръ пожаловалъ „вѣчно и непоручно“ писарю Ивашку Сопѣгѣ сельцо Смолинъ Конецъ въ Болваницкой волости

¹⁰⁴⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 113.

¹⁰⁴⁹) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 35.

¹⁰⁵⁰) Ibidem, л. 31.

¹⁰⁵¹) Ibidem, л. 39.

¹⁰⁵²) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 33.

¹⁰⁵³) Ibidem, л. 39.

Смоленскаго повѣта, которое выслужилъ на королѣ Казимирѣ бояринъ болваницкій Мартинъ, и землю данную съ бобровыми гонами, которую тотъ же бояринъ Мартинъ купилъ у князей Одоевскихъ въ Чепиничахъ Бѣлицкой волости. „И тотъ Мартинъ,—читаемъ въ листѣ в. князя Александра,—тое село и съ людьми съ сема службами и съ тою бѣлицкою Чепиничкою землею держалъ и до сихъ часовъ, а вже при старости, а жены и дѣтей не маєт“ ¹⁰⁵⁴). Очевидно, что вмѣстѣ съ тѣмъ и служба перестала идти исправно съ этого имѣнья, если господарь счелъ себя въ правѣ отобрать его у владѣльца и отдать другому лицу. Дворянинъ Сенько Володковичъ выслужилъ на королѣ Казимирѣ имѣнье Гостомль въ Кіевскомъ повѣтѣ и владѣлъ имъ нѣсколько лѣтъ, но потомъ отѣхалъ въ Мстиславль „мѣшкати“. Тогда князь Иванъ Дашковичъ, пріѣхавъ къ великому князю Александру, донесъ, „што жъ онъ мѣшкаеть во Мстиславли, а съ того имѣнья зъ бояры Кіевскими службы... не служить“, и выпросилъ имѣнье для себя. Сенько началъ было съ нимъ тяжбу, но рѣшеніемъ великаго князя 24 іюля 1496 года имѣнье было утверждено за Дашковичемъ ¹⁰⁵⁵). Мѣщанинъ дорогицкій Пидайко, держа въ заставѣ въ 100 копахъ грошей имѣнье Милковичи въ Дорогицкомъ повѣтѣ, „близкость“ земанъ Горбовскихъ, не выѣхалъ съ него на службу господарскую. По донесенію гетмана, король Сигизмундъ 31 августа 1522 года отобралъ у него имѣнье и отдалъ Станиславу Горбовскому, который долженъ былъ внести 100 копъ въ скарбъ, а не Пидайку, такъ какъ король „за выступъ“ Пидайка взялъ эти деньги къ своимъ рукамъ ¹⁰⁵⁶).

Изъ всего этого видно, что съ точки зрѣнія службы отчины не отличались отъ другихъ родовъ земельныхъ владѣній и одинаково обставлены были ею, какъ необходимымъ условіемъ владѣнія. Эта обусловленность отчиннаго владѣнія въ нѣкоторыхъ случаяхъ стѣсняла и право отчужденія отчинъ. Извѣстно, что для отчужденія отчинъ требовалось „призволенье“ господаря или его урядниковъ, какъ требовалось оно и для отчужденія имѣній, купленныхъ и выслуженныхъ ¹⁰⁵⁷). По отношенію къ имѣньяамъ крупныхъ землевладѣльцевъ, князей и пановъ, это „призволенье“ было только необходимою формальностью для

¹⁰⁵⁴) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 57.

¹⁰⁵⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 81.

¹⁰⁵⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 21.

¹⁰⁵⁷) См. земскіе привилеи 1413, 1457, 1492, 1506 и 15 арт. I раздѣла Статута 1529 года.

укрѣпленія имѣнья за новымъ владѣльцемъ и для врученія правительству свѣдѣній, съ кого требовать впредь военной службы съ данныхъ имѣній. Иное дѣло по отношенію къ мелкимъ землевладѣльцамъ,—боярамъ, земянамъ, мѣщанамъ, татарамъ, которые считались, какъ было уже сказано, потомственными владѣльцами государственныхъ земель на условіи военной службы. Для нихъ „приволеніе“ на отчужденіе отчинъ цѣликомъ или по частямъ могло быть и не пустою формальностью, въ виду того, что это отчужденіе тѣсно сопряжено было съ вопросомъ объ исправности военной службы. И тѣ, кто отчуждали отчины (въ особенности по частямъ), и тѣ, кто приобрѣтали, не были относительно этого внѣ сомнѣній, и потому „приволеніе“ правительства было въ такихъ случаяхъ настоящимъ разрѣшеніемъ, которое иногда могло быть и не дано.—По крайней мѣрѣ, въ актахъ изучаемаго времени попадаются намеки на это, въ родѣ, напримѣръ, тѣхъ, которые приведены на стр. 311 и 312 настоящаго очерка.

Г. Владимірскій-Будановъ считаетъ проявленіемъ обусловленности отчиннаго владѣнія и ограниченіе въ правѣ отчужденія отчинъ, которое въ изучаемое время дозволялось только въ размѣрѣ третьей части ихъ. „Типъ полнаго вотчиннаго права,—говоритъ онъ,—значительно пониженъ передъ неполнымъ въ эпоху литовскаго владычества (XIV—XV вв.); даже послѣ привилегіи Казимира, въ 1-мъ Статутѣ (Р. I, арт. 15 и 16), позволяется отчуждать только 3-ю часть имѣнья; 2-й Ст. въ Р. III, арт. 33-мъ уничтожилъ это ограниченіе; но относительно выслуженныхъ имѣній—„выслуги“ постановлено, что они могутъ быть отчуждаемы только съ согласія государя; эти жалованныя земли даются или „леннымъ правомъ або до *животемъ* або до *воли* и ласки наше господарское (см. арт. 34)“. Однако и полное вотчинное право никогда не исчезало вполне¹⁰⁵⁸⁾. Едва ли, однако, можно согласиться съ тѣмъ смысломъ, который приданъ въ этомъ объясненіи ограниченію владѣльцевъ въ правѣ распоряжаться своими отчинами. Это ограниченіе, какъ увидимъ ниже, не было безусловнымъ, и отчинники могли въ извѣстныхъ случаяхъ и цѣликомъ отчуждать свои отчины. Эти случаи какъ нельзя ясно показываютъ, что въ ограниченіи права отчужденія отчинъ на вѣчность проявлялось не право великаго князя на отчины военно-служилаго класса, дѣлавшее отчинное право неполнымъ, а право семьи и рода. Можно развѣ одно только удержать изъ объясненія г. Владимірскаго-Буданова—именно,

¹⁰⁵⁸⁾ Христоматія по исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 28, прилѣч. 10.

что ограниченіе въ правѣ распоряженія отчинами въ интересахъ семьи и рода оказывалось и въ интересахъ господаря, когда семьи и рода не было, и когда ихъ мѣсто заступалъ господарь.

Изъ памятниковъ общаго законодательства объ этомъ ограниченіи впервые говорить болѣе или менѣе опредѣленно Статутъ 1529 года. Шестнадцатый артикулъ его перваго раздѣла гласитъ: „Телъ дозволили есмо третью часть имени (по контексту съ 15 арт., отчиннаго) продати на вѣчностъ. А внакже есми бѣ была потреба на службу нашу земскую пенезен тосды можеть и тые две части заставити въ толку, за нитобы тые части стояли одножь надъ вышъ того не маеть брати ани телъ вечно отъ ближнихъ можеть отдалити“. Латинскій текстъ поясняетъ, почему нельзя было брать и давать въ долгъ въ такихъ случаяхъ больше стоимости двухъ третей имѣнья: *nam propter quod eius redimendo non tenebuntur solvere plus, nisi quantum valeant*. Итакъ, категорическія заявленія Статута ясно говорятъ, кого имѣло въ виду ограниченіе права отчужденія отчинъ третью частью ихъ. „Ближніе“, а не государь, являются заинтересованною стороною и во всѣхъ актахъ изучаемаго времени, гдѣ говорится объ отчужденіи отчинъ. — Необходимо при этомъ замѣтить, что правило объ отчужденіи только трети отчинныхъ имѣній является дѣйствующимъ уже по актамъ Казимира князенья; между тѣмъ какъ въ памятникахъ общаго законодательства оно выступаетъ ясно впервые только въ статутѣ. Правда, что земскій привилей 1492 года говорить о правѣ выкупа родственниками отчинъ, но на ряду съ этимъ ничего не говорить о томъ, что можно было отчуждать совсѣмъ третью часть отчины¹⁰⁵⁹). Между тѣмъ въ жизни это правило было уже въ полной силѣ. — Отъ 1484 года дошелъ до насъ декретъ короля Казимира по дѣлу дочерей Олексы Андрощевича Алжбеты и Олены съ дядею своимъ Сенюмъ Андрощевичемъ „о имѣнья и статки дядка ихъ небожника Товтка Андрощевича“. Сеню положилъ передъ королемъ testamentъ брата своего Товтка Андрощевича, „ижь ему отписалъ въ тастаментѣ третью часть имѣнья своего, а тые двѣ доли имѣнья и челяди и статковъ своихъ отписалъ ему жъ, а съ того ему жъ велѣлъ долги свои полатити и душу свою поминати“. Но король рѣшилъ „поддѣ права земского, какъ уставено“: „што записалъ Сенюу братъ его Товтко третью часть имѣнья своего и челяди и статковъ, то онъ маеть держати поддѣ права; а тые двѣ доли имѣнья и челяди и статковъ присудилъ есмо Сенюу и зъ братаннами его зъ Алжбетоу и зъ Оленюу на полн

¹⁰⁵⁹) Zbiór praw litewskich, str. 58—67.

подѣлити; а братанни его мають ему третью долю тыхъ долговъ запла-
тити, што онъ платилъ за своего брата, а за ихъ дядка за Товтка¹⁰⁶⁰⁾.
Итакъ, даже брату можно было завѣщать только третью долю отчин-
наго имѣнья, если были на лицо другіе братья или ихъ прямые на-
слѣдники. Точно такъ же ранѣе 1492 года дѣйствовало и право выкупа
отчины. Въ 1487 году королю Казимиру жаловался землянинъ Луцкій
Оношко на зятя своего Ивашка и его братью Семашковичей, „што
жъ купилъ имѣнье въ Луцкомъ повѣтѣ въ отца ихъ Зденижъ вѣчне,
а Семашковичи въ тое имѣнье увезалися моцью, а его съ того имѣнья
вошь выгнали“. При разслѣдованіи оказалось, что имѣнье—отчина Се-
машковичей, вслѣдствіе чего и староста Луцкій, ранѣе разбиравшій
это дѣло, „тое имѣнье, отчизну ихъ, имъ присудилъ и далъ имъ въ
тое имѣнье увязанье и казалъ имъ дать Оношку тридцать копъ гро-
шей“. Король утвердилъ судъ пана старосты и только обязалъ Се-
машковичей уплатить Оношку еще шесть копъ „за его наклады“ на
имѣнье¹⁰⁶¹⁾. Въ данномъ случаѣ король разсматривалъ продажу от-
чиннаго имѣнья, какъ заставу, а потому и обязалъ наслѣдниковъ за-
платить покупателю его деньги. Впрочемъ, Оношко, еслибы захотѣлъ,
могъ удержать третью часть имѣнья Зденижа, такъ какъ отчичъ могъ
свободно продать третью часть отчины отъ ближнихъ, а родственники
имѣли право на выкупъ только двухъ третей имѣнья. Въ 1494 году
великому князю Александру жаловался землянинъ кievскій Кузьма
Григорьевичъ на намѣстника Звягольскаго Яцка Мезинца, „рекомо
бы онъ держитъ островъ дядка его Ивашковъ Ковылинскаго, на имя
Конячий“. Яцко заявилъ, что этотъ островъ онъ купилъ у Ивашка
Ковылинскаго за шесть копъ грошей. Вслѣдствіе этого великій князь
присудилъ островъ Яцку Мезинцу: „бо дядко можетъ отъ братани-
човъ своихъ и отъ сестренцовъ третью часть имѣнья своего продать,
кому бы хотѣлъ, а то еще меншій, нижли третья часть, какъ же и
самъ Кузма тотъ передъ нами вызналъ“¹⁰⁶²⁾. Въ томъ же году вели-
кому князю жаловался судья Мельницкій съ братомъ Николаемъ Сер-
нацкимъ на землянъ дорогичевыхъ Свяшка и Мартина Абрамовичей,
„што жъ предокъ того Мацка а Миколая запродавъ ихъ предку землю
свою отчинную у пенязѣхъ, на имя Горбачовскую“; эту землю они де
хотѣли у нихъ выкупить, но земляне денегъ не брали. Абрамовичи за-

¹⁰⁶⁰⁾ Литов. Метр. вѣд. Запис. IV, л. 119.

¹⁰⁶¹⁾ Ibidem, л. 129, 130.

¹⁰⁶²⁾ Литов. Метр. вѣд. Запис. V, л. 11, 12.

явили, „што жъ предокъ ихъ тую землю въ ихъ предка купилъ еще за великого князя Жыкгимонта, а они передъ тымъ о тую землю упоминанья никоторого не мѣли“. Великій князь присудилъ Серняцкии только двѣ трети земли Горбачовской, не входя даже въ разсмотрѣнне того, была ли земля продана въ дѣйствительности или только запро- дана, а третью часть присудилъ Абрамовичамъ „подлугъ купленны предка ихъ“ ¹⁰⁶³). Примѣровъ въ такомъ родѣ можно сколько угодно набрать въ актахъ изучаемаго времени; приведемъ еще нѣкоторые изъ наиболѣе характерныхъ. Князь Андрей Семеновичъ Мосальскій, умирая бездѣтнымъ, взялъ себѣ племянника своего кн. Ѳедора Ивановича Мосальскаго „за сына мѣсто на вдѣлъ свою“ (sic) и записалъ ему имѣнья свои: „а мѣлъ онъ мѣшкати на его имѣньяхъ съ княгинею своею, дядиною своею, до живота ее“. Князь Ѳедоръ хотѣлъ было одинъ держать имѣнья дяди и не давалъ въ нихъ дѣльницъ братьямъ своимъ Дмитрію и Семену. Но великій князь Александръ, разбиравшій это дѣло 11 апрѣля 1496 года, рѣшилъ такимъ образомъ: „нелзѣ было дядку его князю Андрею одному тыхъ имѣней своихъ отписывати, иншое братьи его отъ того отдаляючи; нижи такъ право вказуетъ: можетъ третюю часть имѣней своихъ отписать, кому бы хотѣлъ по своее доброе воли“. Вслѣдствіе этого в. князь допустилъ кн. Ѳедора „на тыхъ имѣньяхъ дядка своего мѣшкати съ дядиною его, княгинею Андреевою, до живота ее“; послѣ же онъ долженъ былъ „тymi всеми имѣньи дядка его зъ братьею своею подѣлитися и поровнати“ ¹⁰⁶⁴). Въ 1497 году великій князь утвердилъ за паномъ Миколаемъ Радивиловичемъ треть имѣній боярина Богдана Рачевича, которую тотъ, умирая бездѣтнымъ, записалъ ему „подлѣ обычая права земсого отъ ближнихъ своихъ“ ¹⁰⁶⁵). Князь Василій Львовичъ Глинскій купилъ у боярина Божана Дашковича имѣнье Заболотье „въ третьей части“. Но племянники Божана Заранко и Сидоръ по смерти дяди начали искъ передъ королемъ Сигизмундомъ о свою дядковщину, утверждая, что дядя ихъ Божанъ уже ранѣе продажи Заболотья пораспродавъ третью часть своихъ имѣній или даже болѣе. Король, разбиравшій это дѣло 5 января 1507 года, далъ имъ „дѣльчихъ“, которые должны были выѣхать на мѣсто и дождаться, дѣйствительно ли Божанъ продалъ третью часть имѣній своихъ въ Волковѣйскомъ повѣтѣ. Если это оказалось бы справедливымъ, „тогда, — постановалъ

¹⁰⁶³) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 21.

¹⁰⁶⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 74.

¹⁰⁶⁵) Ibidem, л. 84.

король, — князь Василій маеть того имѣнья въ Заболотья поступити, а пенязи свои тридцать рублевъ грошей, што дядку ихъ Божану далъ и тежъ на што доводъ слушный князь Василей вчынити, колко будетъ на тое имѣнье наложилъ, кромѣ тыхъ тридцати рублевъ грошей, то Дашковичы тежъ мають платити; а паки будетъ нижей третее части тамъ у Волковыйску продано, тогда тая третая часть маеть бяти наполнена зъ Заболотья и на томъ, чимъ онаия первая продажа будетъ наполнена, князь Василей остати маеть, а остатоу того имѣнья Заболотья вжо Дашковичы къ своей руцѣ будутъ мѣти¹⁴⁶⁶⁾. Въ 1524 году король подтвердилъ пану Ивану Андреевичу Сопѣгѣ, „што жъ жона его, дочка князя Ѡедора Михайловича Четвертеньского, пани Богдана, записала ему на вѣчность третью часть во всехъ имѣньяхъ своихъ отчывныхъ: у Вышковѣ, въ Лукомѣ, у Четвертни, у Навозѣ, у Годомичохъ, у Копыляхъ, у Суску, у Славожычохъ, у Пасачевичохъ, у-въ Олишковичохъ, и въ тому вси речы свои рухомыи и статокъ домовый весь, отдаляючи отъ того всю братью свою и сестры и вси ближнѣи свои¹⁴⁶⁷⁾ и т. д.

Прямые и боковые наслѣдники могли и потерять право выкупа своей отчины или близкости. Въ 1498 году великому князю Александру жаловался Левъ Шудовичъ на Богдана Вараксича, что онъ продалъ селцо на Петеша, принадлежавшее его дядѣ Григорью Симоновичу, писарю воеводы Виленскаго Сеньку Тереховичу, „насъ не обсылаючи, а мы естъ къ тому близше“. Богданъ заявилъ великому князю: „тое селцо на Петеша дядко мой Сенко Дичко, ещо будучи ключникомъ Троцеимъ, купилъ въ Григорья Симоновича-за отца моего влостные пенязи и тое селцо дядко мой Сенко Дичко за отца моего влостные пенязи мѣ спустилъ обѣлъ вѣчно. А коли дядко мой Сенко Дичко тое селцо у Григорья Симоновича купилъ, тогда Григорій Симоновичъ, дядко ихъ, усихъ тыхъ ближнихъ своихъ обсылалъ, аби они тое селцо окупили, не хотачи мимо ближнихъ своихъ иному никому продати, и они не хотѣли у него того селца окупити“. Это показанье подтвердилъ и Ѡедко Ромашковичъ, старшій племянникъ Григорья Симоновича, добавивъ съ своей стороны: „и мы не мѣли пенязей, чимъ тое селцо откупити, а дядко нашъ Григорій зъ нашимъ призволеньемъ, усихъ насъ, тое селцо продалъ Сенку Дичку обѣлъ вѣчно“. Великій князь спросилъ Льва Шудовича: „было ль пакъ тобѣ второе упоминанье Сенку Дичку, ижъ бы онъ того селца иному никому не про-

¹⁴⁶⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VШ, л. 264.

¹⁴⁶⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 189.

давалъ мимо васъ ближнихъ за отца нашего, короля его милости¹⁰⁶⁸⁾. Такъ какъ Левъ на то доводу никакого не далъ, великій князь отправилъ Богдана и присудилъ сельцо на Петени писарю Сеньку Терехевичу¹⁰⁶⁹⁾. Бояринъ смоленскій Андрей Сытый отказалъ Пречистой Богоматери Смоленской село Волнинныхъ въ Смоленскомъ повѣтѣ. Волнины стали искать подъ нимъ это село, отчину ихъ, и хотѣли ему отложить его пѣязи (село было имъ, стало быть, куплено), а отчину себѣ взять. Но великій князь Александръ, разбиравшій это дѣло 29 марта 1499 года, отказалъ въ искѣ Волниннымъ „для того, что се то вдавнило“¹⁰⁶⁹⁾. При королѣ Сигизмундѣ по тому же самому потеряли право выкупить свою отчину бояре ошменские Михайло и Янъ Милошевичи и Матей Юшковичъ. Вдова пана Станка Довженяча, которая продала ихъ отчину служебнику пана Григорья Станиславовича Остиковича Сеньку Звягѣ, заявила на судѣ, „какъ пажъ се тыи люди и земли купилъ тежъ вѣчне и держалъ дей то во впоко ажъ до смерти своее отъ тридцати лѣтъ або и далѣй; и вмираючи то мнѣ отписалъ, а и я дей тежъ то держала послѣ пана своего во впоко до тыхъ лѣтъ, пови еси Сеньку Звягѣ то продала, а вѣдоманы дей еси о томъ жадного ня отъ кого не мѣла“. Король вслѣдствіе этого не велѣлъ означеннымъ боярамъ вступаться въ свою отчину¹⁰⁷⁰⁾. Статутъ 1529 года постановилъ, что всякій, кто не бралъ „приупоминанья“, т. е. не вчиналъ иска о движимомъ и недвижимомъ имуществомъ въ теченіе десяти лѣтъ, тратилъ его и долженъ былъ вѣчно молчать¹⁰⁷¹⁾. Эта „устава давности земское“ имѣла силу и относительно отчинъ¹⁰⁷²⁾.

Съ согласія родныхъ владѣлецъ могъ продать на вѣчность болѣ трети своей отчины и даже всю, и покупатель въ такомъ случаѣ былъ гарантированъ отъ выкупа имѣній. Король Александръ въ 1501 году подтвердилъ влючнику Виленскому Станиславу имѣнье въ Добутои, которое онъ купилъ у боярина Виленскаго повѣта Николая Станковича, „дѣлницу отчины его, отъ дву братьевъ третюю часть, съ приволеньемъ братьи его и ближнихъ его“¹⁰⁷³⁾. Въ 1507 году король Сигизмундъ подтвердилъ дворянину Юрью Юрьевичу Немировича, „што жъ купилъ въ боярина новгородскаго въ Гриня Петрушковича Шубчи

¹⁰⁶⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 88.

¹⁰⁶⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 89.

¹⁰⁷⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 381, 382.

¹⁰⁷¹⁾ 27 арт. I раздѣла.

¹⁰⁷²⁾ 12 арт. V раздѣла.

¹⁰⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 199.

и въ его жоны и въ ихъ дѣтей дворъ отчинный того Гриня въ Купицку... со всемъ съ тымъ, съ чымъ ему на дѣлу достался тотъ дворъ отъ брата его, Ѳедкова сына Шубича, на имя отъ Ѳедка". Въ купчёмъ листѣ, который представилъ Юрій Юрьевичъ Немировича, было написано; „што жъ тотъ Гринь Шубичъ, который ему тотъ вышписанный дворъ продалъ передъ тыми людьми добрыми, которые жъ въ томъ листѣ купчомъ выписаны, опытывалъ дядиное свое Ѳедковое Шубича и ее сына Ѳедка, того вышереченого брата своего, если бы они хотѣли за тотъ дворъ тми пенязи отложить, за которые онъ тотъ дворъ продалъ; и они ея съ того вырекли тымъ обычаемъ, ижъ пенязей не мають, чимъ того двора окупити, и вѣчно его отступился" ¹⁰⁷⁴). Въ 1526 году король подтвердилъ дворянину Ивану Богусевичу Боговитиновича, „што жъ братъ его стрячный Боговитинъ Львовичъ далъ и даровалъ и доброволне ему записалъ имѣнье свое на имя Вортоль со всемъ, ничего на себе и на братью и ближнихъ своихъ не оставляючи, какъ жо и братья его рожоная, пана Львовы сыны Иванъ а Богданъ, съ того имѣнья Вортоля выреклися". Иванъ Богусевичъ представлялъ королю „и того выреченья ихъ листы вышписаны и тежъ листъ записный того самого Боговитина" ¹⁰⁷⁵). Въ 1529 году король подтвердилъ на вѣчность пану Шимку Мацкевичу дворець Кгервидане въ Виленскомъ повѣтѣ, куплю его у бояръ Вуйковичей. Въ подтвердительномъ листѣ король писалъ: „Бояры наши Юрій а Станиславъ Вуйковичи, будучи у молодости своей и не доросши дѣтъ своихъ, и посылаючи съ того имѣнейца своего на службу вашу земскую и платячи долги отца своего, впали въ накладъ и долги великій и въ головщины, и не могучи съ того имѣнья службы земское заступовати и видячи то, ижъ тми, которымъ они винни въ долѣбахъ, ихъ за шью водать, и для того хотячи тое имѣнье свое за большую суму на вѣчность продати, обсылали всякъ ближнихъ своихъ, абы хто въ нихъ тотъ дворець за большую суму, ижъ въ чомъ заставенъ былъ, на вѣчность купитъ. Ино никто въ ближнихъ въ нихъ того дворца купити не хотѣлъ; гдѣжъ тми бояре наши Вуйковичи, пришедши обличне передъ насъ господара, то оповѣдили и били намъ чоломъ, абыхмо дозволили имъ тотъ дворець отъ ихъ ближнихъ кому иному продати" ¹⁰⁷⁶).

¹⁰⁷⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 168; 169.

¹⁰⁷⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 311.

¹⁰⁷⁶) Ibidem, л. 422, 423.

Итакъ, ограниченіе въ правѣ отчужденія отчинъ имѣло въ виду интересы семьи и рода и не можетъ быть признано проявленіемъ обусловленности отчиннаго владѣнія со стороны господарскаго права. Съ согласія родственниковъ владѣлецъ могъ цѣликомъ продать свою отчину на вѣчность; даже и не прибѣгая въ соглашенію съ родными онъ могъ „заставить“ ее безъ намѣренія выкупа въ суммѣ ея стоимости, и родственники могли осуществить свое право на отчину или близость лишь настолько, насколько имѣли въ рукахъ матеріальныхъ средствъ для выкупа.

Обычай, предоставлявшій кровнымъ и близкимъ преимущественное право покупки отчиннаго имѣнья, а въ случаѣ отчужденія его въ чужой родъ — право выкупа, едва ли перешелъ на Литовскую Русь только вмѣстѣ съ польскимъ шляхетскимъ правомъ ¹⁰⁷⁷⁾. По нѣкоторымъ признакамъ, онъ существовалъ и на Руси, не бывшей подъ властью Литвы ¹⁰⁷⁸⁾, такъ что и корни его надо искать въ данныхъ историческаго развитія именно русской общественной жизни. Очевидно, этотъ обычай выросъ на почвѣ, гдѣ господствовало родовое совладѣніе землею, и былъ выраженіемъ тѣхъ чувствъ и воззрѣній, которыя были порождены этимъ родовымъ совладѣніемъ, и которыя обыкновенно его переживали. Въ западной Руси, какъ мы видѣли выше, родовое совладѣніе господствовало издавна въ крестьянскомъ быту, господствовало оно и въ быту военно-служилыхъ классовъ, которые были выдѣленіемъ отъ народной, крестьянской массы. Г. Лучицкій въ своей статьѣ „Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи“ собралъ данныя, указывающія на живучесть этой формы землевладѣнія даже въ XVIII вѣкѣ. Но еще болѣе живучимъ, чѣмъ сама эта форма, какъ оказывается изъ этихъ же данныхъ, былъ вышеупомянутый обычай, въ силу котораго родичи и близкіе имѣли преимущественное передъ чужеродцами право покупки отчиннаго имѣнья и даже выкупа, обычай, вѣрно державшійся даже безъ законодательной поддержки ¹⁰⁷⁹⁾. Въ изучаемое время онъ нашелъ себѣ поддержку и въ судебной практикѣ, и въ законодательствѣ, которыя приняли за правило, что отчинникъ безъ согласія родныхъ можетъ отчуждать только третью часть отчины, а остальные двѣ трети кровные и близкіе могутъ выкупить. Это правило является дѣйствующимъ въ послѣдніе годы правленія на Руси Литовской Казимира.

¹⁰⁷⁷⁾ *R. Hube* Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego, str. 124, 125; 194.

¹⁰⁷⁸⁾ *К. А. Неволмина* Полное собраніе сочиненій, т. IV, стр. 159—161; V, 60—75.

¹⁰⁷⁹⁾ Сѣверный Вѣстникъ, 1889, № 1, стр. 78—88.

И въ порядкѣ наслѣдованія отчинъ проявлялась та же тенденція въ удержанію ихъ въ данномъ родѣ, какъ это было и въ Польшѣ. Возьмемъ сначала тотъ случай, когда отчинникъ умиралъ безъ дѣтей. Въ такомъ случаѣ его жена могла оставаться на имѣннѣ мужа „до живота своего“ или до тѣхъ поръ, пока сидѣла на вдовьемъ столцѣ, т. е. до выхода за мужъ, послѣ чего имѣнье переходило къ близкимъ мужа. Такъ опредѣлено въ земскихъ привилеяхъ 1387, 1457, 1495 и 1506 года ¹⁰⁸⁰). Статутъ 1529 года измѣнилъ положеніе бездѣтныхъ вдовъ, принимая во вниманіе „иъ которые вдовы пустые сядятъ на вдовемъ столцы, много ся от нихъ шкѣды делаетъ речи посполитой, а то тымъ, иъ не бывають службы служоны такъ якъ бы мели быти, и тежъ ближнихъ много имена утрачаютъ“. Вслѣдствіе этого было постановлено, что бездѣтная вдова должна „только на вене осести“, т. е. на той части имѣнья, которую записалъ ей мужъ въ вѣнѣ, „совито“, т. е. вдвойнѣ, противъ ея „внесеня“ въ домъ, и держать эту часть до живота или до выхода замужъ, а остальные части должны были „на ближние спасти“; еслибы мужъ не записалъ ей ничего въ вѣнѣ, тогда она должна была осѣсть на третьей части и держать ее пожизненно, „до живота“, или до выхода замужъ, послѣ чего и эта часть спадала на ближнихъ ¹⁰⁸¹). Мужъ имѣлъ право записать женѣ въ вѣнѣ не болѣе третьей части имѣнья своего отчиннаго, и то не на вѣчность, а „въ сумѣ пенязей“. Такое правило установилось, повидимому, не задолго до изданья Статута. Въ 1507 году бояринъ Сомилпискаго повѣта Станко Довгяловичъ, взявъ за женою 30 копъ грошей „въ монетѣ великаго князства Литовскаго и хотячи ей за то досыть вчинити“, записалъ ей шестьдесятъ копъ грошей на *половинѣ* имѣнья своего отчиннаго, „на дворцу и селѣ, которое лежитъ подлѣ озера Олеса“ ¹⁰⁸²). Въ уставной грамотѣ, данной Кіевской землѣ, говорится только о томъ, что мужъ долженъ записать вѣно женѣ не на всемъ имѣннѣ, а на одной „подобной“ части ¹⁰⁸³). Но уже въ 1526 году князь Александръ Федоровичъ Збаражскій, получивъ по женѣ „посагу зъ выривою и со всемъ триста гривенъ грошей“, „и противку того вѣновалъ ей на *третьей части* имѣней своихъ отчизныхъ, на имя на Середнемъ Порыцку, а на другомъ на Гриковичахъ со всеми доходы, какъ ся тыи двѣ имѣнья здавна въ собѣ мають, шестьсотъ гривенъ

¹⁰⁸⁰) Срав. *R. Hube* Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego, str. 110, 118, 121.

¹⁰⁸¹) 3 арт. IV раздѣла.

¹⁰⁸²) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 181.

¹⁰⁸³) Срав. *R. Hube* Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego, str. 115, 188.

грошей¹⁰⁸⁴). Вѣно, записанное покойнымъ мужемъ, ближніе должны были непременно уплатить вдовѣ при выходѣ ея замужъ, если желали получить сполна всю близкостъ свою, въ томъ числѣ и ту часть, на которой было записано вѣно¹⁰⁸⁵). Такъ, панъ Станиславъ Кондратовичъ, отписавъ около 1506 года своей женѣ Маринѣ дворъ Дявигото до живота ея, „если бы она сидѣла на вдовьемъ столцѣ“, оговорилъ въ записи: „а пошла ль бы за мужъ, тогда ближніи мають отложить ей полтораста копъ грошей широкыхъ, а тотъ дворъ Дявигото къ своей руцѣ взяти“¹⁰⁸⁶). Князь Александръ Федоровичъ Збаржскій, предоставивъ женѣ держать записанныя ей въ вѣнѣ имѣнья до живота, также оговорилъ: „а если бы она похотѣла по его смерти замужъ пойти, тогда братья его мають шестьсотъ гривенъ грошей вѣна ей отложить, а ты двѣ имѣнья къ своимъ рукамъ взяти“. Вдова могла отписать свое вѣно кому хотѣла, и ближніе мужа должны были расчитаться съ указаннымъ въ завѣщаніи вдовы лицомъ, какъ съ нею самою. Панъ Андрей Волотовичъ, умирая бездѣтнымъ, записалъ своей женѣ на отчинномъ имѣньѣ Звинячей вѣна 600 копъ грошей. Казимиръ, на котораго спала Звинячая, пожаловалъ ее на вѣчность князю Александру Санкгушковичу, женившемуся, на вдовѣ Волотовича. По смерти кн. Александра вдова его записала триста копъ грошей вѣна, полученнаго отъ перваго мужа, пасынку своему князю Андрею Александровичу; а другія триста копъ сестричнѣ своей, женѣ князя Юри Четвертенскаго. Великій князь Александръ, подтвердивъ Звинячую князю Андрею, обязалъ его заплатить княгинѣ Четвертенской триста копъ¹⁰⁸⁷). Король Сигизмундъ, подтвердивъ въ 1524 году вѣновную запись кн. Семена Чорторыйскаго, выданную имъ женѣ Ульянѣ на имѣнье Спорово, написалъ въ своемъ листѣ: „А если бы она за другого мужа пошла, а похотятъ ли дѣти або близкіи князя Семенови тое имѣнье Спорово къ своей руцѣ мѣти, и они мають первѣй ту сумму шесть сотъ копъ грошей княгини Ульянѣ або тому, кому она по животѣ своемъ то отпишетъ, отложить, тажъ мають тое имѣнье зъ ихъ моцы вынати“¹⁰⁸⁸).—Такъ было до Статута 1529 года; Статутъ, со своей стороны, постановилъ, что если вдова просидѣла „до

¹⁰⁸⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 312.

¹⁰⁸⁵) См. земскіе привилегіи 1457, 1492 и 1506 гг. и уставную грамоту Полоцкой земли 1511 года въ Актахъ Зап. Рос. II, № 70.

¹⁰⁸⁶) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 319, 320.

¹⁰⁸⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 162, 163.

¹⁰⁸⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 152.

живота“ своего на имѣнѣ, записанномъ ей въ вѣнѣ, она не имѣетъ права завѣщать свое вѣно кому-либо полностью, т. е. свое внесеніе и „привѣнокъ“, или „оправу“ мужа. Вдова въ такомъ случаѣ могла отказывать только „внесеніе“ свое, т. е. ту сумму денегъ, которую она внесла въ домъ мужа въ видѣ приданаго. Уплата этого „внесенія“ для ближнихъ мужа была *conditio sine qua non* входа во владѣніе его имѣніемъ ¹⁰⁸⁹).

Возьмемъ затѣмъ тотъ случай, когда по смерти отчинника оставалась жена съ сыновьями. По Статуту 1529 года, если умершій поручилъ опеку надъ дѣтьми и имѣніями кому-нибудь изъ пріятелей своихъ, хотя бы и чужому, жена его должна была оставаться на вѣнѣ своемъ, точнѣе—на той части, которая записана ей въ вѣнѣ. Еслибы она пошла замужъ, тогда опекунъ не долженъ былъ выкупать у нея эту часть, а только сыновья его, когда „доростутъ лѣтъ своихъ“. Сыновья должны были сами рѣшить, выкупать ли имъ часть отчины, записанную въ вѣнѣ матери, или взять ее безъ выкупа со смертію матери. Если умершій отчинникъ не поручилъ никому опеки, тогда жена должна была беречь дѣтей и сидѣть на вдовьемъ столцѣ во всемъ имѣніи мужа до тѣхъ поръ, пока не вырастутъ сыновья. Когда сыновья доросли до своихъ лѣтъ, тогда вдова должна была „осести только на вене своемъ“, а сыновья должны были вступить во владѣніе всѣми имѣніями и скарбами отцовскими и служить съ нихъ службу земскую. Если жена не имѣла отъ мужа вѣнковой записи, тогда она получала во всемъ равную съ сыновьями часть, „у скарбахъ и у именахъ рухонихъ и лежачихъ“, и должна была владѣть ею пожизненно, а по смерти ея эта часть шла „въ дѣль“ сыновьямъ; еслибы вдова захотѣла пойти замужъ, эта часть спадала на сыновей, которые не обязаны были дать ей вѣнца (*crinile*), разъ отецъ ничего не записалъ ей въ вѣнѣ. Когда по смерти отчинника оставался только одинъ сынъ, невѣнванная жена получала третью часть до живота, а двѣ трети получалъ сынъ, доросшій до своихъ лѣтъ ¹⁰⁹⁰). Эти опредѣленія Статута, если не во всѣхъ подробностяхъ, то въ главныхъ основаніяхъ своихъ были нечѣмъ инымъ, какъ формулировкой порядка, дѣйствовавшего издавна на Руси и въ Польшѣ ¹⁰⁹¹).

¹⁰⁸⁹) 1 арт. IV раздѣла.

¹⁰⁹⁰) 2, 4, и 7 арт. IV раздѣла.

¹⁰⁹¹) См. 106 и 111 ст. Русской Правды по Карамзинскому списку. СРАВ. R. *Hube* *Ustawodawstwo* *Kazimierza* *Wielkiego*, str. 121.

Теперь возьмемъ тотъ случай, когда по смерти отчинника оставались одни сыновья безъ матери и сестеръ. Если они были малолѣтніе, тогда ими опекались или лица, назначенныя отцомъ, или „стршеве або ближніе“, при неимѣніи которыхъ или паньрада поставляли опекуномъ „кого обчого доброго чловѣка“¹⁰⁹²⁾. Всѣ предписанія Статута относительно опекуновъ, конечно, направлены къ тому, чтобы обезпечить за малолѣтними ихъ имѣнья, и отчины въ особенности. Когда сыновья подростали, они вступали во владѣніе своею отчиною и держали ее или „сполне“ или „въ дѣлу“, который производился между ними на основаніи равенства¹⁰⁹³⁾. Если одинъ изъ братьевъ умиралъ бездѣтнымъ, то оставшіеся въ живыхъ дѣлили между собой также поровну его дѣльницу¹⁰⁹⁴⁾. Умирающій братъ могъ отписать свою дѣльницу одному изъ братьевъ, но съ правомъ для другихъ выкупить свои части въ этой дѣльницѣ, точно такъ же, какъ могъ записать онъ „въ пенязѣхъ“ свою „дѣльницу“ и всякому постороннему чловѣку. Панъ Богданъ Андреевичъ Сологубовича записалъ свою часть въ отчинныхъ имѣньяхъ: Ивенцѣ, Кіевцѣ, Косичахъ, Гребени, Кобыличахъ, Теляковѣ и Повидишкахъ, своему брату Юрью, „будучи зъ Божьяго допущенья у хоробѣ и по тьи лѣта видечи отъ него ласку и прыязнь и наклады его ку собѣ и почестность тую, которую въ той его немocy онъ къ нему мѣлъ и данину пенязьми и иными речьми и тежъ службы земскіи, которыи жъ за него онъ своими наклады чотыри кротъ заступовалъ“. В. князь Александръ въ 1500 году утвердилъ эту запись съ слѣдующею оговоркою: „а если бы нѣкако братъ его панъ Миколай Андреевичъ хотѣлъ дѣльницу мѣти въ части пана Богдановы у-въ отчинѣ, и онъ маеть брату своему пану Юрью за вси тьи вышейписаные наклады, за данину и за истраву и тежъ, што чотыри кротъ за него службу земскую намъ заступовалъ, пенязи отложить подлѣ признанья и привилья брата ихъ пана Богданова“¹⁰⁹⁵⁾.

Въ томъ случаѣ, когда по смерти отчинника оставались сыновья и дочери, сыновья обязаны были выдать своихъ сестеръ замужъ и дать за ними приданое, „посагъ“ или „выправу“. „Посагомъ“ въ Польшѣ назывались наличныя деньги („готововизна“) или недвижимыя имущества, которыя давались въ приданое за дѣвками и служили для

¹⁰⁹²⁾ 7 арт. IV раздѣла.

¹⁰⁹³⁾ 24 арт. VIII раздѣла.

¹⁰⁹⁴⁾ См., напр., Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 121, 122.

¹⁰⁹⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 100.

нихъ, такъ сказать, основнымъ капиталомъ, постояннымъ обеспеченіемъ ихъ имущественной самостоятельности въ новой семейной ассоціаціи; при „посагѣ“ давалась и „выправа“ изъ одеждъ, драгоценностей и денегъ на расходы ¹⁰⁹⁶⁾. Впрочемъ, понятіе „посага“ обнимало иногда и то, что называлось собственно „выправою“, такъ что для обозначенія приданого употреблялось и одно слово „посагъ“ ¹⁰⁹⁷⁾. Въ литовско-русскихъ актахъ изучаемаго времени, какъ мы видѣли выше, также различаются посагъ и выправа, хотя также не всегда. Статутъ 1529 года говоритъ о „внесенѣ“ жены, о „выправѣ“ дочерей, о „посагѣ“, употребляя послѣдній терминъ въ общемъ смыслѣ приданого (dos). Но онъ строго различаетъ отъ этихъ понятій „вѣно“, которое слагалось изъ „посага“, или „внесеня“, жены въ домъ мужа и „оправы“, или „привѣна“ (dotalitium), записаннаго противъ этого внесеня мужемъ на своемъ имѣннѣ. Въ актахъ, впрочемъ, вѣномъ называется иногда и посагъ или выправа ¹⁰⁹⁸⁾, а вмѣсто глагола „выправить“, дать „посагъ“, употребляется, „вывѣновать“ ¹⁰⁹⁹⁾. Размѣръ „посага“ или „выправы“ опредѣлялся или родительскою волею, или закономъ. Братья должны были выдать своихъ сестеръ такъ, „якъ отецъ або matka записали“. Если родители не сдѣлали относительно этого никакого распоряженія, тогда братья должны были дать сестрамъ, по скольку отецъ съ матерью дали дочерямъ, уже выданнымъ замужъ. Наконецъ, еслибы братьямъ пришлось впервые выдавать сестеръ замужъ, или еслибы они не въ состояніи были выдать ихъ такъ, какъ отецъ съ матерью выдали первыхъ дочерей, тогда судьи должны были оцѣнить все имѣнье ихъ, „и за што,—гласить статутъ 1529 года,—станетъ четвертая часть, хотя много сыновъ, а одна дочка, тогда маетъ дати тое выправы, чого четвертая частъ имения стоитъ, а хотя тежъ одинъ сынъ а много сестеръ, тогда тежъ на вси сестры четвертая часть шацунку розделить, и кождой выправу ровную с тое четвертое части маеть дати“ ¹¹⁰⁰⁾. Впрочемъ, эта „дѣвичья четвертка“ едва ли не впервые установлена Статутомъ 1529 года, потому что и въ Польшѣ quartalatio puellaris только около того же времени входитъ къ обычай, а въ законодательство даже и позже ¹¹⁰¹⁾. До этого же времени на Литвѣ, какъ и

¹⁰⁹⁶⁾ *R. Hube* Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego, str. 114—117.

¹⁰⁹⁷⁾ *Ibidem*, str. 190, 191.

¹⁰⁹⁸⁾ См., напр., Акты Зап. Рос. I, № 189.

¹⁰⁹⁹⁾ См. выше, стр. 530.

¹¹⁰⁰⁾ 8 арт. IV раздѣла.

¹¹⁰¹⁾ *Tadeusza Czackiego* O litewskich i polskich prawach, tom II, str. 7. Kraków 1861.

въ Польшѣ дѣйствовало право, въ силу котораго братья должны дать сестрамъ надлежащее приданое — *partem competentem*, какъ выражаются польскіе статуты ¹¹⁰²⁾, „посагъ слушный“, какъ выражаются акты литовско-русскіе. Размѣръ этого приданого опредѣлялся обычаемъ. Король Казимиръ присудилъ боярину слонимскому Талку Некрашевичу по смерти двухъ братьевъ его всю отчину его съ такимъ условіемъ: „масть мачоху свою въ той чести держати, какъ при отци его была и домоу володѣла; а невѣсткамъ своимъ масть дать за вѣна одной тридцать гривенъ, а другой сорокъ гривенъ, а заплативши имъ тые пенязи, масть имѣнье взять все къ своей руцѣ, отчизну свою;... а будетъ ли сестрамъ его посагъ не добре данъ и не гораздо будетъ ихъ замужь выправено, не такъ, какъ на нихъ слушать, и онъ масть имъ еще што придать, какъ на нихъ слушать подлѣ обычая, какъ есть обычай писанъ“ ¹¹⁰³⁾. Въ Польшѣ этотъ писанный обычай опредѣлялъ, чтобы за дочерью воеводъ давалось посагу 100 гривенъ (*centum marcas*), за дочерью простыхъ шляхтичей 40; если же братья наслѣдники не въ состояніи были дать такой посагъ, тогда имѣнье оцѣнивалось, и изъ него выдавалась достаточная часть (*pars contingens*) ¹¹⁰⁴⁾. Въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ изучаемое время мы встрѣчаемся по большей части съ приданнымъ въ 300 гривенъ для дочерей знатныхъ пановъ; бояре и земляне-шляхта даютъ посагу за дочерями 20, 30 и 40 гривенъ.

Въ качествѣ посага на Литвѣ, какъ и въ Польшѣ ¹¹⁰⁵⁾, давалась иногда и часть отчиннаго недвижимаго имѣнья, которая переходила къ дѣтямъ получившей, а при неимѣніи таковыхъ возвращалась въ родъ. Въ 1496 году великому князю Александру жаловались земляне Владимирскіе Андрей Тириковичъ и сестренцы его Богданъ и Кондратъ Гринковичи (Андрей былъ, повидному, ихъ опекуномъ) на землянина Богданца, „што жъ дали ему были по сестрѣ своей двориче на имя Давыдовское,—ино тая сестра ихъ, за нимъ будучы, вмерла, а дѣтей съ нимъ не мѣла, и онъ имъ и того дворича не хотѣлъ поступити“. Богданецъ оправдывался тѣмъ, что жена его записала ему дворець въ 14 копахъ грошей, и представилъ листъ намѣстника Владимирскаго пана Василья Хребтовича, которымъ двориче присуждалось ему. Но великій князь рѣшилъ: „коли тая сестра ихъ, за нимъ

¹¹⁰²⁾ *R. Hube* Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego, str. 190, 191, XLIII.

¹¹⁰³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 129.

¹¹⁰⁴⁾ *R. Hube* Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego, str XLIII.

¹¹⁰⁵⁾ *Ibidem*, str. 115.

будучы, а дѣтей не мѣла, не могла отчины ихъ мужу своему записывать отъ нихъ отъ ближнихъ" ¹¹⁰⁶). Посагъ, полученный женщиною въ видѣ части отчиннаго недвижимаго имущества, рассматривался, какъ ея отчинная дѣльница, и въ распоряженіи имъ она должна была подчиняться общему правилу объ отчужденіи отчинъ. Въ 1503 году король Александръ присудилъ пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольдѣ имѣнья и скарбы, посагъ сестры его, бывшей замужемъ за паномъ Яномъ Радивиловичемъ, которому она отписала было ихъ, умирая бездѣтною „не подлугъ того, какъ же есть обычай у правѣхъ христіанскихъ“. Король „зламалъ“ ея тестаментъ на томъ основаніи, что не только въ великомъ княжествѣ, но и въ коронѣ Польской—таковъ обычай: „коли дѣвка будетъ выдана замужъ, а вмреть, дѣтей не маючи, тогда тотъ посагъ, который будетъ за нею данъ, маеть зася отданъ быти въ тотъ же домъ, съ котораго дому тая дѣвка будетъ выдана“ ¹¹⁰⁷). Любопытно, что представленіе о посагѣ, какъ объ отчинной дѣльницѣ, переносилось иногда и на посагъ, полученный женщиною деньгами и разною движимостью. Кромѣ только что приведеннаго случая, можно указать на постановленіе привилея, выданнаго Бѣльскою землѣ въ 1501 году. Здѣсь, впрочемъ, вдовѣ предоставляется на добрую волю возвратить или не отдавать посагъ обратно въ домъ отцовскій: въ послѣднемъ случаѣ она теряетъ „право близкости и тежъ часть отцовску“, еслибы она ей приходилась ¹¹⁰⁸). Возрѣніе на посагъ, какъ на дѣльницу отчины, проявлялось, однако, лишь въ томъ случаѣ, если получившая посагъ женщина умирала бездѣтною; въ противномъ случаѣ дѣти ея дѣлили свою материзну поровну, сыновья и дочери. Необходимо, кромѣ того, замѣтить, что посагъ въ видѣ части общаго недвижимаго имущества брата не обязаны были выдавать сестрѣ: съ отчиннаго имѣнья она имѣла право получить только деньги „готовизною“, одежды и украшенія, однимъ словомъ—„выправу“, какъ выражается Статутъ 1529 года ¹¹⁰⁹); если же посагъ давался частью отчины, то на то была добрая воля родителей или братьевъ. Основная тенденція земскаго права въ данномъ случаѣ была та же, что и въ предыдущихъ, т. е. сохраненіе отчины въ родѣ. Эта тенденція не была навѣяна извнѣ, а велась изстари: „аже будетъ сестра

¹¹⁰⁶) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 59.

¹¹⁰⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 225, 226.

¹¹⁰⁸) Акты Зап. Рос. I, № 189.

¹¹⁰⁹) 3 арт. IV раздѣла.

въ домоу,—гласить Русская Правда,— то тои задници не имати, но отдадяти ю братіа за моужь, како си могоуть“.

Какъ поступалось въ томъ случаѣ, когда по смерти отца не было сыновей, а только дочери?—

Великопольскій статутъ, составленный при Казимирѣ Великомъ, исключаетъ въ этомъ случаѣ дочерей изъ наслѣдованія отчины: стрыечные братья (*fratres patruales*) вступаютъ во владѣніе своею близостью и обязуются выдать своихъ двоюродныхъ сестеръ замужъ съ обычною „выправою“ ¹¹¹⁰). И только король, принаравливая великопольское узаконеніе къ Вислицкому Статуту, приписалъ артикулъ, въ силу коего стрыечные братья, если хотѣли имѣть близость свою, въ теченіе года должны были выплатить наслѣдникамъ за имѣны деньги по оцѣнкѣ стороннихъ людей, въ противномъ случаѣ имѣны удерживали дочери-наслѣдницы ¹¹¹¹). Возрѣніе, что дочь не наслѣдница отчины, иногда проявляется и въ судебно-административной практикѣ литовско-русскаго правительства. Король Казимиръ въ 1489 году позволилъ боярину брянскому Ивану Евлахову понять за себя жену покойнаго Ивашка Курова съ его имѣнями—Городцомъ, Олешною и Молвотиномъ и съ обязанностью выдать съ этихъ имѣній замужъ двухъ дочерей Курова, „какъ они лѣтъ своихъ dorostуть“ ¹¹¹²). Дочерямъ, такимъ образомъ, предоставлено было въ данномъ случаѣ то, на что онѣ могли рассчитывать при братьяхъ. Но въ большинствѣ случаевъ по литовско-русскимъ актамъ мы встрѣчаемся съ наслѣдованіемъ дочерью отцовскихъ имѣній при немѣнни сыневей. Бояринъ путивльскій Сенько Жеребятичъ, женившись на вдовѣ Ивашка Разчинича, у котораго осталось двѣ дочери, Опроня и Ульяна, хотѣлъ было присвоить себѣ его имѣнья Везень и Бѣловѣжки „съ селищи и съ пашными землями и зъ бортными“ и озеро Любимно и Опросо, и всѣ „входы и приходы“, и купли. По жалобѣ Ивана Новокрещенаго, женатаго на Опронѣ, великій князь Александръ 28 апрѣля 1498 года далъ такой „вырокъ“: „ты имѣнья Ивановой женѣ Опронѣ а свести его Ульянѣ отчизна, а Сеньку ничимъ ани женѣ его не придуть“ ¹¹¹³). Здѣсь, такимъ образомъ, мы имѣемъ случай какъ разъ обратный тому, который приведенъ выше. Въ актахъ мы находимъ иже жество „призволеній“ господарскихъ „понять“ дѣвку съ имѣньемъ, ея

¹¹¹⁰) *R. Hube* Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego, str. 191, XLIII.

¹¹¹¹) *Ibidem*, str. 193, LIII.

¹¹¹²) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 131, 132.

¹¹¹³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 103.

отчиною. Такъ король Казимиръ въ 1484 году позволилъ Юхну Зеновьевичу взять замужъ дочь Андрея Денисовича съ имѣньемъ Вельгоромъ, котораго она была единственной наслѣдницей. вмѣстѣ съ этимъ король сдѣлалъ распоряженіе, чтобы опекуны дѣвицы, ея дѣдъ Ивашко Бабинскій и дядя Сенко Денисовичъ, „поступили ся“ своей опеки, и послалъ дворянина Сенька Полозовича ввести Юхна во владѣніе имѣньемъ¹¹¹⁴⁾. Иногда подобное распоряженіе дѣлалось въ пользу жениховъ, присватавшихся къ несовершеннолѣтнимъ наслѣдницамъ. Въ 1495 году великому князю Александру заявили Янъ Котовичъ и Миколай Завишичъ, „што жъ змовили за себе дочки пана Яновы Мишковича Яковича, старшую змовилъ Миколай Завишичъ, а меньшую змовилъ Янъ Котовичъ, нижли дей еще тые дѣвки лѣтъ не доросли, а имѣнья ихъ опекается дядко ихъ Станько Юрьевичъ“. Паны просили великаго князя дать имъ въ опеку эти имѣнья „до тыхъ мѣсть, пока ся они съ тыми дѣвками поймутъ“. Великій князь исполнилъ ихъ просьбу съ условіемъ: „а они мають намъ съ тыхъ имѣней службу земскую заступати по осми коней у зброяхъ“; въ заключеніе своего дозволенья прибавилъ: „а коля ся они съ тыми дѣвками поймутъ, и они тогда тые имѣнья межи собою подѣлятъ“¹¹¹⁵⁾. Благодаря тому, что дочери наслѣдовали отчинныя имѣнья, великіе князья принимали участіе въ устройствѣ ихъ замужества въ интересахъ правильнаго отбыванія военной службы. Это участіе переходило нерѣдко въ принужденіе, особенно въ XIV и первой половинѣ XV вѣка, такъ что и тѣ статьи земскихъ привилеевъ, гдѣ говорится о правѣ свободной выдачи дочерей и родственницъ замужъ, можно разсматривать, какъ дѣйствительную привилегію. Въ этихъ статьяхъ гарантируется право родителей, родныхъ, опекуновъ устраивать бракъ; 18 артикуль IV раздѣла Статута 1529 года гарантируетъ уже прямо право женщины, вступающей въ бракъ: „маемъ мы самы и потомки наши княгинь и паней и вдовъ и княженъ и паненъ и девокъ заховати при волностяхъ ихъ, а квалтомъ ни за кого ихъ не маемъ давати безъ ихъ воли, нижли каждой з нихъ с порадою приятелей ихъ, за кого хотя, за того волно пойти“. Такое обезпеченіе, равно какъ и самое вмѣшательство великихъ князей, объясняется именно тѣмъ, что женщины наслѣдовали недвижимыя имущества, съ которыхъ шла военная служба господарю. Но несмотря на предоставленіе права родителямъ и роднымъ выдачи

¹¹¹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 120.

¹¹¹⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 53.

замужъ дѣвицъ *juxta beneplacitum eorum, principe irrequisito*, въ актахъ изучаемаго времени мы постоянно встрѣчаемся съ призовленіями великаго князя, которое брали даже сами родители на право принять зятя къ дочери въ имѣнье, котораго она единственная наследница. Такое призовленіе занесено, напримѣръ, въ записи земельныхъ раздачъ Казимира въ такой формѣ: „Дровмутисъ принялъ Пузоса за сына мѣсто къ дочкѣ, а по Дровмутевѣ животѣ ино Пузосу тое, што онъ держалъ, а ему служити, какъ Дровмутисъ служилъ“ ¹¹¹⁶). Если оставались двѣ дочери, имѣніе могло перейти къ той, которая первая выходила замужъ, при чемъ ея сестрѣ должно было выдать только выправу съ отчины. У стараго татарина Исупа умеръ его единственный сынъ наследникъ, оставивъ жену и двухъ дочерей. Король Казимиръ разрѣшилъ Исупу выдать внуку за сына татарина Сеитя и далъ Сеитю такой листъ: „Ино, коли вжо тотъ Исупъ старъ, а дѣтей въ него ничего нѣтъ, только двѣ внуки а невѣстка вдова, и мы ему дозволили одну внуку его за сына своего поняти и имѣнье тое Тупалы а Гнѣдьовичи сыну его тому дали на особную службу, которій внуку его пойметъ, а другую внуку его казали есмо ему выправити замужъ, какъ есть обычай; а тотъ Исупъ и его невѣстка маеть въ томъ имѣннѣ жити до своее смерти; а естли тая невѣстка его всхочеть замужъ пойти, ино ему ее выправити подлѣ обычая“ ¹¹¹⁷). — Такія распоряженія дѣлались правительствомъ преимущественно относительно мелкихъ имѣній, отъ дробленія которыхъ могла пострадать господарская служба; крупныя же панскія и княжескія имѣнья обыкновенно дѣлились между сестрами, какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ. — При неимѣннѣ сыновей отчины переходили даже къ замужнимъ дочерямъ, получившимъ уже свою выправку. Великій князь Казимиръ утвердилъ за нѣкіимъ Петромъ Малеву гору въ Берестейскомъ повѣтѣ „по женѣ“ ¹¹¹⁸). Великій князь Александръ по жалобѣ боярыни Бириштанскаго повѣта Ивашковой на зятя своего Яцка Тимутевича, „што жъ ее выгоняеть зъ имѣннѣ мужа ее“, урядилъ такимъ образомъ: „маеть она въ томъ имѣннѣ мѣшкати до смерти своее, на чомъ же мужъ ее оставилъ, а по его животѣ тогда мають тне зятеве ее тое имѣнне собѣ взять по жонахъ своихъ“ ¹¹¹⁹).

¹¹¹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 60.

¹¹¹⁷) Литов. Метр. кн. Запис IV, л. 70.

¹¹¹⁸) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 63.

¹¹¹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 18.

Зятья брали по жонамъ своимъ имѣнья не въ собственность себѣ, а только въ фактическое пользованіе. Настоящими владѣльцами считались ихъ жены и дѣти, которыя въ распоряженіи такими имѣньями должны были соблюдать общія правила, касающіяся отчинныхъ имѣній. Сообразно съ этимъ въ 1481 году жена пана Ивана Ильинича Анна Довкирдовна записала мужу своему „имѣней своихъ, отчины своее, третью долю“, дворъ Лынтупы съ людьми и съ землями „и съ всеимъ, што къ тому двору слушаетъ издавна“, дворець Едупи съ землею и съ людьми, земли слугъ своихъ: Станькову, Мацкову, Жеребилову, Богданову Колотовтовича, Миколаеву и Маркову, съ людьми и съ землями „и со всеимъ по тому, какъ они держали“. „А повѣдала намъ,—гласить подтвердительный привилей короля,—же то есть третина отчины ее во всемъ имѣньи, въ земляхъ и въ людѣхъ и во всемъ“¹¹²⁰⁾. Подобную же запись сдѣлала въ 1528 году землянка Софья Александровна въ пользу своего мужа Миколая Мировскаго, „отдаляючи отъ тое третее части всехъ близкихъ своихъ“¹¹²¹⁾. Если такой записи не было, мужъ совершенно исключался изъ наследованія, и имѣние поступало въ равный дѣль между сыновьями и дочерьми владѣтельницы. Въ 1484 году король Казимиръ, выслушавъ жалобу пана Михна Доргевича на пана Яна Довойновича, который женился на матери Михна и по смерти ея хотѣлъ было завладѣть ея отчиною, постановилъ такое рѣшеніе: „И^с досмотрѣвши есмо о томъ, и присудили ти имѣнья ее Ольбяза и Любешова и Бискупичи и Росное и иншия села, што къ тому слушаютъ, Михну и сестрѣ его Кахнѣ, а пана Яновымъ дѣтемъ Андрею а Яну, а сестрамъ ихъ Альбетѣ а Ядвигѣ, а Ганнѣ а Малегоретѣ—всеимъ имъ по дѣльницамъ тые имѣнья роздѣлити на осмеро, какъ жо право земское уставено“¹¹²²⁾. „Материзна“ вообще дѣлилась поровну между всеми дѣтьми обоого пола. Въ 1503 году жена пана Олехна Малышковича Настасья жаловалась королю Александру на своихъ родныхъ братьевъ князей Михаила, Андрея и Александра Петьковичовъ и на сестеръ: Ядвигу, жену пана Некрапа Володковича, Александру, жену пана Григорья Станковича, Людмилу, жену пана Юрья Сологубовича, Авдотью, жену пана Немира, и Софью, жену пана Кезегайла Яновича, „што жъ они не хотятъ ей, сестрѣ своей дѣлу дати въ имѣньяхъ материзныхъ на имя у Свиранѣхъ, а у Ворнянѣхъ, а у Строяной, а у Ясени, а у Трокинивохъ,

¹¹²⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 113, 114.

¹¹²¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 383, 384.

¹¹²²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 118.

а у Бесѣдахъ“. Братъ и сестры „отбывали“ ее заявленіемъ, „што жъ матка ихъ, отходя съ сего свѣта, отписала имъ, сыномъ и дочкамъ своимъ, тыи имѣнья свои по дѣльницамъ роздѣлити, а ей, сестрѣ ихъ паней Настасы, не казала въ тыхъ своихъ имѣньяхъ дѣльницы дати, нижи казала имъ всимъ съ тыхъ имѣней дати ей сто вошь грошей“. Но король, разсмотрѣвъ это дѣло съ панами - радюю, нашель, „же тотъ тестаментъ наряднымъ а неслушнымъ обычаемъ матка ихъ писала“, и присудилъ „тыи имѣнья, материзну ихъ, вси на мѣсто змішавши, имѣнья бояръ ихъ и людей боярскихъ, то межи ними подѣлити и поровнати по дѣльницамъ, какъ одному брату, такъ и другому, а сестрамъ всимъ потому жъ дѣльницы таковыи жъ ровно зъ братью мають быти“¹¹²³). Статутъ 1529 года, формулируя дѣйствовавшее уже до него право, постановилъ: „А естли бы имене пришло которми колвек спадкомъ материстое; тогда сестра промежи брати ровную дѣльницу того именя маеть мети, а зъ отчизного выправа“¹¹²⁴). Въ этомъ случаѣ литовско-русское право, повидимому, значительно уже отклонилось отъ стариннаго русскаго права, нашедшаго себѣ выраженіе въ Русской Правдѣ. Русская Правда гласитъ: „А материя часть дѣтемъ не надобѣ но кому мати въсхощеть, тому дастъ: дастъ ли всѣмъ, и всѣмъ раздѣлять; безъ языка ли оумреть, то оу кого ли боудеть на дворѣ была и мертва и кто ю кормилъ, тому взяти“¹¹²⁵). Въ изучаемое время мать могла свободно распорядиться только движимымъ имуществомъ, а недвижимымъ въ томъ только случаѣ, если это не была ея отчина; изъ отчины же могла отписать, кому угодно, только третью часть. Въ 1499 году князья Одинцевичи Дмитрій, Богданъ и Григорій, искали „правомъ“ на братѣ своемъ Иванѣ скарба матери своей. Князь Иванъ повѣдалъ предъ великимъ княземъ Александромъ, „што жъ матка ихъ вси скарбы свои и челядь отписала дочцѣ своей, а сестрѣ ихъ, княжѣ Марѣ; и тая сестра ихъ мѣшкала въ брата своего въ князя Ивана ажъ и до смерти своее и вмираючи тыи вси скарбы и челядь, материзну свою, отписала князю Ивану, брату своему, въ духовници“. Великій князь рѣшилъ дѣло въ пользу князя Ивана“¹¹²⁶). Тотъ же великій князь 29 марта 1495 года подтвердилъ княгинѣ Михайловѣ Васильевича Татьянѣ имѣнье, записанное ей мужемъ, исторія котораго была такова: „свекрови ее виегини Васильевой Аннѣ дѣти се

¹¹²³) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 222, 223.

¹¹²⁴) 13 арт. VI раздѣла.

¹¹²⁵) Ст. 114 по Карамзинскому списку.

¹¹²⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 133.

князь Семенъ а Михайло, а Федоръ Васильевичи, вынемши со всео отчизны своео, дали и записали ей вѣчно село Посконъ а Гребино зъ Якимкомъ даниномъ... и дозволили ей листомъ своимъ по ее животѣ все тоо кому хотя отдати и записати; ино дей свекровь ее, княгиня Василебая, отходячи сего свѣта, тоо село со всемъ отписала въ духовницы сыну своему, мужу ее князю Михаилу, кромѣ иныхъ дѣтей¹¹²⁷⁾. Но отчинными имѣньями, какъ мы уже видѣли, женщина не могла такъ произвольно распорядиться.—Наслѣдники, получившіе материзну, въ распоряженіи ея должны были слѣдовать тѣмъ же предписаніямъ земскаго права, какія имѣли виду относительно отчинъ¹¹²⁸⁾.

При неимѣніи прямыхъ наслѣдниковъ мужскаго пола женщины получали не только отчину, но и „близкостъ“. Въ 1495 году великій князь Александръ утвердилъ за женою землянина волынскаго Богдана Холоневскаго „половицу имѣнья Варковичъ, близкостъ ее“, по смерти брата ея Олехна, у котораго изъ близкихъ болѣе никого не осталось¹¹²⁹⁾. Тотъ же великій князь въ 1494 году присудилъ имѣнье умершаго боярина Минскаго повѣта Миклаша малолѣтней дочери его, также покойнаго, брата Петраша: жена Петраша, мать наслѣдницы, должна была только уплатить съ имѣнья вѣно, записанное Миклашомъ своей женѣ Ганѣ¹¹³⁰⁾ и т. д. Такимъ образомъ литовско-русское право въ отношеніи наслѣдованія женщинъ держалось старинной традиціи русскаго права, согласовавшейся и съ малопольскимъ правомъ, въ силу коей при неимѣніи братьевъ наслѣдовали сестры¹¹³¹⁾.

Если у умершаго отчинника не оставалось ни дѣтей, ни родственниковъ, въ такомъ случаѣ имѣнье спадало на господаря, который вступалъ въ право и обязанности рода и могъ въ свою очередь передать эти права и обязанности частнымъ лицамъ. Такимъ образомъ напр., если у покойнаго оставалась вдова, господарь давалъ ей прожитокъ, кормилъ ее на имѣньѣ покойнаго ея мужа или же возлагалъ эту обязанность на того, кому жаловалъ имѣнье. Въ записяхъ пожалованій Казимира читаемъ: „Федеу Вязевичу село Дмитреево Непролеево на Словажи, а жона Дмитреева кормити ему до смерти а дер-

¹¹²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 29.

¹¹²⁸⁾ См., напр., 17 артикулъ V раздѣла и др.

¹¹²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 21, 22.

¹¹³⁰⁾ Ibidem, л. 20.

¹¹³¹⁾ См. 104 Русской Правды по Барамзинскому списку.

жати за матку" ¹¹³³). Въ 1500 году великій князь Александръ пожаловалъ князю Василью Мосальскому имѣнья въ Смоленскомъ повѣтѣ въ Пацннской волости—Жолтоносовичи, Колюхалово, Жуково и Настаганцы за Днѣпромъ съ обязанностью кормить до живота вдову Ивана Протасьева, которому принадлежали эти имѣнья ¹¹³⁴). Если умершій отчичникъ отписалъ женѣ на имѣньѣ пекязи, эти пекязи долженъ былъ выплатить ей тотъ, кому доставалось имѣнье по господарскому данью. Точно такъ же господарь или тотъ, кому онъ жаловалъ имѣнье, долженъ былъ уплатить долги, лежавшіе на имѣньѣ ¹¹³⁵). Сплошь и рядомъ переходъ такихъ имѣній къ частнымъ лицамъ совершался посредствомъ браковъ ихъ съ вдовами, оставшихся на имѣньяхъ. Эти браки въ изучаемое время заключались съ „приволеныя“ господаря, который особымъ листомъ утверждалъ за женихомъ имѣнье, на общемъ основаніи всѣхъ пожалованій. Въ 1483 году королю Казимиру докладывалъ конюшій Новгородскій, тивунъ Воложинскій, Зеньку Евлашковиць о томъ, „што хочеть за него новти Ивашкова жена Ольгишевича Овдотья“, „и просилъ насъ, — гласить листъ короля, — абыхмо приволили ее понять ему съ тымъ имѣньемъ на имя Тихинци, што дали были есмо небожыку Ольгышу, свекру ее“. Король приволилъ Зеньку этотъ бракъ и утвердилъ за нимъ имѣнье со всѣмъ, „какъ держалъ Ольгышъ а сынъ его Ивашко“, для котораго оно было отчиною ¹¹³⁶). „Неякій Микита“ въ 1495 году „понялъ вдову съ имѣньемъ (въ Черкасскомъ повѣтѣ) на имя Федюкову Рачковича, а къ тому дей имѣнью ближнихъ никого нѣтъ“, и просилъ великаго князя Александра дозволить ему держать имѣнье и нести съ него службу. Великій князь дозволилъ и выдалъ ему надлежащій листъ ¹¹³⁷) и т. д. Всѣ подобныя дозволенья нельзя разсматривать, какъ простыя подтвержденья мужнихъ отчинъ жонамъ, — а какъ пожалованья господаремъ имѣній, спадавшихъ на него, новымъ мужьямъ этихъ жонъ. Жоны не были наследницами мужнихъ отчинъ даже при немѣнн дѣтей и близкихъ у ихъ мужей; единственно, на что онѣ имѣли право, это на пожизненное пользованіе отчинами мужей. Относительно этого прямое указаніе даетъ привилей Кіевской земли ¹¹³⁷); о томъ же см.

¹¹³³) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 23.

¹¹³⁴) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 99.

¹¹³⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 248, 249.

¹¹³⁶) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 114, 115.

¹¹³⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 51.

¹¹³⁷) Акты Зап. Рос. II, № 30, 164.

дѣтельствуютъ и частные акты изучаемаго времени. Жена пана Станислава Вешторговича Софья „зостала на вдовьемъ столцу на тыхъ имѣньяхъ, которые предки мужа ее на Казимери короли его милости выслужили“. Король Сигизмундъ выдалъ ей листъ, „иже она на тыхъ имѣньяхъ маєт быти до живота своего, а по смерти ее тые имѣнья мають на насъ прійти“. Въ 1521 году она заявила королю, — „што жъ ей, будучы на вдовьемъ столцы въ тыхъ имѣньяхъ, кривды и втиски великіе дѣють, а она, будучы вдовою, не можетъ отъ тыхъ кривдъ оборонити“, и била челомъ, чтобы король позволилъ ей замужъ пойти, „за кого будетъ ей воля“ и не „рушалъ“ ее съ имѣній до ея живота. Король далъ свое согласіе и въ этомъ смыслѣ выдалъ ей привилей¹¹²⁸⁾. Со стороны короля въ данномъ случаѣ была особая милость, такъ какъ обыкновенно отчины мужей отбирались у ихъ жонъ, какъ скоро онѣ переставали сидѣть на вдовьихъ столахъ.

Право господара заступать мѣсто родныхъ въ наслѣдованіи отчины простиралось до того, что умиравшій безъ дѣтей и близкихъ отчинникъ не могъ завѣщать свое имѣнье или продать его цѣликомъ въ чужія руки подобно тому, какъ не могъ онъ этого сдѣлать и при имѣніи дѣтей или близкихъ. Великій князь Александръ пожаловалъ Скандирю имѣнья пана Миколая Жингимонтовича. Но оказалось, что покойный отписалъ одно имѣнье, именно Ольжово, на церковь и, кромѣ того, пану Андрею Сирутевичу третью часть „со всихъ имѣній своихъ“. Тогда в. князь съ панами-радою урядилъ такъ: „што онъ небожчикъ отписалъ имѣнье на церковь и пану Андрею Сирутевичу, то одна маєт быти третья часть“¹¹²⁹⁾. Такая строгость въ ограниченіи права распоряженія отчинами едва ли была наслѣдиемъ отъ древней Руси и, по всѣмъ признакамъ, установилась только въ изучаемую эпоху. Акты изучаемаго времени сохранили не мало слѣдовъ борьбы, которая велась противъ правительственнаго возрѣнія на право распоряженія отчинами, не мало фактовъ распоряженія отчинами вопреки этому возрѣнію, изъ чего можно заключить, что возрѣніе это не было исконнымъ на Руси Литовской. Косвеннымъ указаніемъ на это служатъ и обѣщанія великихъ князей не отдавать боярствахъ жонъ самою замужъ: очевидно, что имѣнья мужей первоначально не отбирались у ихъ вдовъ, но князья въ интересахъ военной службы понуждали вдовъ къ вторичному замужеству. Самъ государь дѣлалъ часто уступку старинному возрѣнію и дозволялъ бездѣтнымъ отчинникамъ

¹¹²⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 69.

¹¹²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 71.

брать постороннихъ людей „за сына (или дочь) мѣсто“ и отписывать имъ имѣнья на вѣчность. Въ 1493 году в. князю Александру близъ челомъ воевода Виленскій панъ Миколай Радивиловичъ и просилъ имѣнья Судереви близъ Вильны, которое держалъ Войтко Шехиборовичъ Швенторогъ. Воевода представилъ и листъ Войтка, „которымъ ему, отходя сего свѣта, тое имѣнье записалъ вѣчно не маючи никого ближнихъ роду своего“. — „Ино тое имѣнье, — гласить подтвердительный листъ в. князя, — мяло было на насъ на господара спасти, коли ближнихъ къ тому нѣтъ: прото мы зъ ласки наше тое имѣнье выше писаное дали пану Миколаю *поданъ запису отчича того имѣнья*; а дали есмо вѣчно ему и его жонѣ и ихъ дѣтемъ и потомъ будущимъ ихъ счадкомъ“¹¹⁴⁰). Подобныхъ подтвержденій встрѣчается множество въ актахъ изучаемаго времени, изъ чего слѣдуетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ простыми вазусами, а съ нѣкотораго рода порядкомъ, обычаемъ, который ограничивалъ дѣйствующее право. Отступленія отъ предписаній этого права разрѣшались особенно охотно въ пользу родныхъ, которые не были наследниками. Король Казимиръ и его преемникъ в. князь Александръ подтвердилъ князю Петру Михайловичу Мосальскому имѣнья въ Черниговскомъ повѣтѣ: Новую Слободку, Шереповъ, Зарудь и сельцо на Боловѣсѣ, которыя достались ему такимъ образомъ: „Тетка его, мати его сестра рожоная, была за Ивашкомъ Григорьевичомъ, бояриномъ черниговскимъ, и плоду съ нимъ дѣтей не мѣла, и по смерти мужа взяла его собѣ за сына мѣсто и записала ему имѣнья мужа своего“¹¹⁴¹). Въ 1495 году великій князь Александръ подтвердилъ Микулѣ Радичу имѣнье Нѣмковичи, которое досталось ему такимъ образомъ: „отець нашъ вороль Казимиръ его милость, призволилъ дадиной его Гринковой Микулѣ Свонѣ его за сына мѣсто взяти, а велѣлъ ему опекатися ею въ томъ имѣньи въ Нѣмковичохъ до ее живота, ... а по дадиной его животѣ отецъ нашъ король тое имѣнье Нѣмковичи далъ ему у вотчину со всемъ съ тымъ, што къ тому имѣнью слушало“¹¹⁴²). — Господарь, раздававшій панамъ, боярамъ и мѣщанамъ собственныя дворныя земли съ людьми на военную службу, тѣмъ охотнѣе поступался такими имѣньяи, которыя спадали на него за неимѣвиемъ кровныхъ и близкихъ умершаго владѣльца. Въ 1499 году в. князь Александръ подтвердилъ боярину брянскому Семену Колонтаеву имѣнье Стрышевичи въ Брянскомъ повѣтѣ.

¹¹⁴⁰) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 78.

¹¹⁴¹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 61, 62.

¹¹⁴²) Ibidem, л. 50.

которое ему и дѣтямъ его записалъ отчимъ жены его за неимѣниемъ дѣтей и близкихъ ¹¹⁴³⁾ и т. д.

Ни въ чемъ такъ рѣзко не проявлялось различіе купленныхъ имѣній отъ отчинъ, какъ въ правѣ свободного распоряженія ими: „куплю“ можно было отдать въ приданое за дочь, продать или отказать кому угодно цѣликомъ, не спрашиваясь родныхъ, которые не имѣли на нее никакого права. „Купля“ приравнивалась въ этомъ отношеніи движимому имуществу, деньгамъ, которыя она собою замѣнила ¹¹⁴⁴⁾. Въ данномъ случаѣ литовско-русское право вполне сходилось съ польскимъ, которое держалось такого же принципа въ отношеніи къ купленнымъ имѣніямъ ¹¹⁴⁵⁾. Хотя изъ памятниковъ законодательства впервые только Статутъ 1529 года ясно говорить о купленныхъ имѣніяхъ, но изъ частныхъ актовъ изучаемаго времени видно, что Статутъ формулировалъ только дѣйствовавшее право ¹¹⁴⁶⁾. Полная свобода въ правѣ распоряженія купленными имѣніями была старинною традиціею русскаго права, которая держалась и на Руси сѣверо-восточной ¹¹⁴⁷⁾. Имѣнья, купленные безъ явн. государю или его уряднику не считались законною собственностью пріобрѣтшихъ ихъ лицъ. Правительство обусловило куплю-продажу имѣній, равно какъ мѣну ими и дареніе, своимъ „дозволеньемъ“: *postro tamen consensu ad hoc specialiter accedente*, — гласитъ Городельскій привилей 1413 года. Это „дозволенье“ давало возможность правительству слѣдить за передвиженіемъ земельной собственности и отчасти регулировать его какъ въ интересахъ военной службы, такъ и въ интересахъ частныхъ лицъ, права которыхъ оно должно было защищать. Кромѣ того, оно было источникомъ дохода для государя и его урядниковъ, которые брали за „листы дозволенные“ пошлины (по Статуту 1529 года „отъ чловѣка по два гроши, а отъ десяти возъ сеножати по грошу“ ¹¹⁴⁸⁾). Сдѣлки, состоявшіяся безъ „дозволенья“ правительства, могли быть разрушены по почину или самого правительства, или частныхъ лицъ. Великому князю Александру жаловались мѣщане новгородскіе Маць и Иванъ Носовичи на татарина Богдана Собачку, который выпросилъ у в. князя землю Чигиревщину, между тѣмъ какъ эта земля куплена ими на

¹¹⁴³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 82.

¹¹⁴⁴⁾ См. 18 арт. V разд. Статута 1529 г.

¹¹⁴⁵⁾ *R. Hube* Ustawodawstwo kazimiezza Wielkiego, str. 190, XLIII.

¹¹⁴⁶⁾ См., напр., Акты Зап. Рес. II, № 107.

¹¹⁴⁷⁾ *К. А. Невомна* Полное собраніе сочиненій, т. IV, стр. 171, 172.

¹¹⁴⁸⁾ 15 арт. I раздѣла.

вѣчность у татарина Чигиря. В. князь приказалъ имъ положить предъ нимъ „листы дозволены“ короля Казимира, „призволилъ ли его милость тую землю имъ купити“. Такъ какъ мѣщане не представили этихъ листовъ, в. князь присудилъ землю татарину Собачкѣ и написалъ въ своемъ „вырогѣ“: „завѣже не могутъ татарове земль своихъ продавати вѣчно безъ призволенья отца нашего“; мѣщанамъ онъ предоставилъ: „тыхъ пенязей своихъ они не замай смотреть на томъ, кому будутъ давали“¹¹⁴⁹⁾. Впрочемъ, какъ было уже сказано, правительственное „дозволенье“ далеко не для всѣхъ имѣло одинаковое значеніе: для низшихъ разрядовъ военнослужаго класса оно было часто настоящимъ разрѣшеніемъ, тогда какъ для высшихъ только необходимою формальностью, автоматъ укрѣпленія. Судѣла купли - продажи часто совершалась и безъ предварительнаго разрѣшенія господара или его урядниковъ. Покупатель представлялъ купчій листъ господарю и выхлопывалъ отъ него подтвержденіе, которое имѣло такимъ образомъ значеніе „дозволенья“, выданнаго, такъ сказать, заднимъ числомъ. Такихъ подтвержденій купленныхъ имѣній находится безчисленное множество въ актахъ изучаемаго времени, хотя на ряду съ ними попадаются и въ собственномъ смыслѣ „дозволены листы“ какъ самого господара, такъ и его урядниковъ. Оба эти типа документовъ существовали несомнѣнно уже при королѣ Казимирѣ, какъ это видно изъ записей его земельныхъ пожалованій, вератцѣ передающихъ содержаніе выданныхъ имъ листовъ. Здѣсь читаемъ между прочимъ: „У Новѣгородцѣ пану Михаилу, воеводѣ Виленскому, призволилъ король купити имѣнницу у Янеа Билейковича обель у вотчину“; „Левону Шоломичу призволили есмо Невѣрово село держати, што у Невѣра купилъ за сто копъ, а съ того села служити ему, какъ и Невѣръ намъ служилъ“¹¹⁵⁰⁾. В. князь Александръ въ 1498 году подтвердилъ князю Константину Ивановичу Острожскому имѣнье Шепле, купленное имъ у землянъ волынскихъ Миколая Бернатовича и брата его Юхна“¹¹⁵¹⁾. Въ слѣдующемъ году тотъ же великій князь выдалъ подтвержденіе боярину смоленскому Василю Мирославичу, который представилъ ему купчій листъ на двѣ сѣножати по рѣкѣ Нерадѣ: „и вина въ томъ на насъ на господара выписана, — гласитъ подтвержденіе в. князя, — если бы Василій Данильевичъ а любо братъ его Федоръ, а любо жони

¹¹⁴⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 48.

¹¹⁵⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 31, 33.

¹¹⁵¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 103.

ихъ, або дѣти ихъ тыхъ сѣножатей на Васильи Мирославичи и на его дѣтѣхъ поимчивалъ“¹¹⁵²). Значить, сдѣлка состоялась ранѣе „дозволенья“ великаго князя, который утверждалъ ее, а не разрѣшалъ. Впрочемъ, какаго либо различія по сущности дѣла здѣсь не было, и подтвержденье разсматривалось, какъ „дозволенье“, и наоборотъ. Владыка Смоленскій Иосифъ купилъ у Оедка Шостова имѣние Ярковичи въ Смоленскомъ повѣтѣ; тѣмъ не менѣе онъ просилъ в. князя Александра, „абыхмо призволили ему тое имѣние у Оедка купити и подтвердили ему то нашимъ листомъ“. Этотъ листъ, выданный великимъ княземъ 6 октября 1498 года, былъ такимъ образомъ въ одно и то же и дозволеньемъ и подтвержденьемъ¹¹⁵³). Иногда, впрочемъ, подтвержденье давалось особо и послѣ дозволенья на покупку имѣнья. Королю Сигизмунду въ 1510 году билъ челомъ дворянинъ Андрей Лозка, прося подтвердить ему особымъ листомъ на вѣчность имѣние, которое онъ „въ дозволеньемъ“ короля купилъ у вѣмца Гануса Гейниша въ Берестейскомъ повѣтѣ въ Милейчицахъ, жеребій Казикайловскій, „которую жъ землю... Александръ король его милость тому вѣмцу далъ и привидьемъ своимъ подтвердилъ“. Лозка выхлопывалъ себѣ сначала дозволенье на покупку, а потомъ подтвержденье, очевидно, на всякій случай, чтобы, такъ сказать, прочѣе закрѣпить за собою имѣние, которое по происхожденію своему было господарскою данною и могло дать поводъ къ претензіямъ на него со стороны правительства или частныхъ лицъ.

Перейдемъ теперь къ выслуженнымъ имѣньямъ. Имѣнья эти жаловались господаремъ или во временное владѣние съ обязательствомъ нести съ нихъ военную службу, или „обель вѣчно“, „у вотчину“, и также, разумѣется, съ обязанностью нести съ нихъ военную службу. Для обозначенія перваго рода имѣній акты употребляютъ иногда слово „помѣстье“, которое въ XIV вѣкѣ едва ли не было обычнымъ названіемъ для имѣній, жалованныхъ во временное владѣние. — Въ записяхъ пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Мунчи на отѣну подъ Мивиткою Досуговичомъ боярское помѣстье, ажъ будетъ изгожо, ино дати“; „Тишке Реватичу помѣстье, што Сава держалъ“¹¹⁵⁴). Изъ этихъ записей видно, что помѣстьемъ называлось имѣние, данное во временное владѣние, и при томъ на неопредѣлен-

¹¹⁵²) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 119.

¹¹⁵³) Акты Зап. Рос. I, № 160.—Срав. Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 533, 534; IX, л. 70, 71; 95, 96; 227.

¹¹⁵⁴) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 39, 53.

ный срокъ, „до воли господарской“. — Съ такимъ же характеромъ выступаетъ помѣстье и въ актахъ Сигизмундова княженя. Въ 1507 году король Сигизмундъ, извѣщая намѣстника Вруцкаго пана Сенька Романовича о томъ, что бояре вруцкіе Ѳеодоръ и Гринь Петрашевичи просили у него землю пустую Чегалаевскую въ Овруцкомъ повѣтѣ, написалъ ему: „И самъ писалъ еси о томъ къ намъ, повѣдаючи, иже они намъ слуги добрые, абыхмо ихъ *помѣстьемъ* какиимъ осмотрѣли. Ино, будетъ ли къ той землицѣ наслѣдка никого не осталось, а человекъ прихой ей завѣдаетъ, и мы имъ тую землицу дали со всеми съ тымъ, што здавна къ той землицы прислухало, а они мають намъ съ тое земли земскую службу заступовати“¹¹⁵⁴). Въ этомъ листѣ нѣтъ ни слова о томъ, что земля дается боярамъ до живота или на вѣчность, изъ чего слѣдуетъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собой пожалованье „до воли господарской“. Изъ другихъ актовъ изучаемаго времени мы знаемъ, что какъ скоро въ грамотѣ нѣтъ упоминанья о пожалованьѣ имѣнья до живота или на вѣчность, такое пожалованье надо разсматривать, какъ данину до воли господарской¹¹⁵⁵). На такое значеніе „помѣстья“ намекаетъ и то, что терминъ этотъ какъ и тотъ, отъ котораго онъ былъ произведенъ, именно „мѣсто“, употреблялся въ актахъ иногда въ приложеніи къ крестьянскимъ участкамъ, которые de jure были своего рода даньемъ до воли господарской или панской ихъ владѣльцамъ. Въ 1533 году воевода Полоцкій Янъ Юрьевичъ Глѣбовича производилъ судебное слѣдствіе по поводу того, что нѣкій Охромей, очевидно, бояринъ, осадилъ за собою бѣглеца изъ зарубежья, не объявивши о томъ предварительно „въ городѣ“, „якъ есть обычай“ (относительно всякой находки). „А Ѳеодоръ Полоцкій,—читаемъ въ актѣ слѣдствія,—слуга Охромеевъ, повѣдилъ: тогда былъ у-въ имѣнья пана своего, якъ тые люди зъ заграничья къ нему пришли, иже имъ въ дворѣ пана своего далъ ѣсти и пити и животину покормити, и до пана своего сына того человекъ Исая на имя Ѳедьва послалъ черезъ слугу Охромеевого жъ Семена, абы панъ его тыхъ людей за собою осадилъ и имъ *помѣстье* далъ, а до замку ихъ обявитися первѣй не послалъ“¹¹⁵⁶). Такимъ образомъ, помѣстьями назывались и крестьянскіе участки, и боярскіе. Въ обоихъ случаяхъ употребляется и первообразное „мѣсто“. Въ записяхъ земельныхъ пожалованій Казимира читаемъ: „У Смоленску Семену Кимбарову *мѣсто*

¹¹⁵⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л.

¹¹⁵⁵) Акты Зап. Рос. I, № 133, 139.

¹¹⁵⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 136.

на имя Хотеево да человекъ Мерзлякъ“; „Ивану Рудаку за Мезоцкомъ мѣсто пустое Збуново“; „у Кледку Петрицу зъ братомъ Мирашово мѣсто да люди Леоновичи до воли“; „Рачку Строчевичу Грицево мѣсто у Радуні: а Вештортолисъ держаль половину тое земли, ино то ему жъ, а къ тому индѣ обыскати“; „пани Кезыгайловой земля конюхова и брата его у Керновской волости, а тому конюху у Лявянской волости конюское мѣсто, а тому конюху индѣ обыскати“; „Пашку Войниловичу Хядисово мѣсто а Плетушино, а къ тому три человекъ“; „Роману Семеново мѣсто а пашня а человекъ Войшвилевича“¹¹⁵⁷⁾ и т. д. „Мѣстцами“ называются крестьянскіе участки и въ уставной грамотѣ, выданной въ 1529 году державцамъ и тивунамъ Жмудскихъ волостей¹¹⁵⁸⁾.

Изъ всего этого позволительно сдѣлать слѣдующее заключеніе. Мѣстами и помѣстьями на Руси, вошедшей въ составъ великаго княжества Литовскаго, назывались первоначально участки княжескихъ (или владѣльческихъ) земель, на которыхъ осаживались крестьяне, и которыми они владѣли до тѣхъ поръ, пока угодно было князю (или частному владѣльцу). Въ эпоху напряженной военной дѣятельности, какая развивалась въ XIII и XIV вв., множество крестьянъ переводилось съ крестьянскихъ повинностей на военную службу, поступало въ разрядъ слугъ разныхъ наименованій, при чемъ правовое основаніе ихъ землевладѣнія оставалось безъ измѣненія. Такъ возникъ типъ владѣній, которыя находились въ частныхъ рукахъ до воли господарской и съ условіемъ военной службы. Послѣ этого правительство стало уже вновь осаживать вольныхъ людей на своихъ земляхъ на такихъ условіяхъ, и термины „мѣсто“ и „помѣстье“ перешли изъ сферы крестьянскаго землевладѣнія въ сферу военнослужилаго, хотя, какъ видно, изъ вышеприведенныхъ примѣровъ они удержались и въ сферѣ крестьянскаго землевладѣнія.

Если такъ, то понятно, почему терминъ „помѣстье“ съ теченіемъ времени долженъ былъ исчезнуть изъ официальнаго языка Литовской Руси въ приложеніи къ военнослужилому землевладѣнію и замѣниться описательнымъ наименованіемъ „данины“ или „выслуги до воли господарской“. Какъ слово, обозначающее собственно крестьянскую, мужицкую землю, терминъ этотъ былъ неудобенъ для военнослужилаго класса, начинавшаго все болѣе и болѣе проникаться гоноромъ и амбиціею польской шляхты. Еще въ приложеніи къ боярскимъ

¹¹⁵⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 22, 26, 33, 40, 46, 60.

¹¹⁵⁸⁾ Акты Зап. Рос. II, № 160.

землямъ слово „помѣстье“ изрѣдка попадается въ актахъ изучаемаго времени, но мы ни разу не встрѣтили его въ приложеніи къ землямъ, пожалованнымъ князьямъ и панамъ. Между тѣмъ и князья и паны подобно простымъ боярамъ сплосъ и рядомъ получали отъ господари имѣнья до воли его. Примѣровъ тому сколько угодно можно подискать въ актахъ изучаемаго времени. Въ записяхъ пожалованій Казимира читаемъ: „Пану Раговъ Явничу десеть человекъ, — лукъ меду дають, — до воли“; „князю Митьку Всеволодичу Онтонowo Косого селцо да Кулибакино селцо да Мицнево село до воли“; „у Черниговъ князю Борису Глинскому дворъ Домыслинъ до воли“; пану Яну Немировичу 8 человекъ коноворницевъ на Городишчи до воли“¹¹⁵⁹). Великій князь Александръ въ 1492 году пожаловалъ пану Григорью Остиковича до воли „людей Дуриничовъ, што тамъ посполъ зъ его людьми, трехъ человекъ, на имя Чуприяна а Ивана, а Андрея“, „се всемъ по тому, какъ намъ (господарю) служили и дань давали“¹¹⁶⁰). Въ 1498 году Александръ пожаловалъ до воли цѣлую волость Городечню въ Смоленскомъ повѣтѣ вк. Федору Федоровичу Мезецкому¹¹⁶¹). Онъ же пожаловалъ пану Василью Хребтовичу имѣнье Герухово во Владимирскомъ повѣтѣ до воли¹¹⁶²); князю Василью Андреевичу Полубенскому село Полюбичи въ Берестейскомъ повѣтѣ также „до воли“¹¹⁶³) и т. д. Король Сигизмундъ въ 1519 году пожаловалъ до воли пану Николаю Николаевичу Радивиловича дворець Городенскаго повѣта Молявицу¹¹⁶⁴); въ 1524 году подтвердилъ также до вол бурмистру мѣста Виленскаго Ермолъ Слотовичу землю пустошную Юрковщину въ Мемижской волости, данную ему воеводою Великимъ¹¹⁶⁵) и т. д.

Примѣровъ пожалованій на неопредѣленное время, „до воли господарской“, находится великое множество въ актахъ изучаемаго времени, гораздо больше, чѣмъ примѣровъ пожалованій „до живота“, „до дву животовъ“ или до какого-нибудь другого срока. Это служитъ указаніемъ на то, что форма пожалованья „до воли“ была, такъ сказать, болѣе жизненною, чѣмъ другія, и болѣе древнею. Повидимому, в к-

¹¹⁵⁹) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 9, 21, 28, 50.

¹¹⁶⁰) Ibidem, л. 76.

¹¹⁶¹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 76.

¹¹⁶²) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 68.

¹¹⁶³) Ibidem, л. 216.

¹¹⁶⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 29, 30.

¹¹⁶⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 135.

вѣстная грамота Мендовга подъ именемъ ленныхъ владѣній обозначаетъ имѣнья, данныя до воли господарской, помѣстья. Хотя де юге между литовско-русскимъ помѣстьемъ и феодальнымъ леномъ была большая разница, но на дѣлѣ она уменьшалась. Выше было указано на то, что множество имѣній, данныхъ господаремъ „до воли“ переходило по наследству. Въ добавленіе къ этому можно указать на то, что такія имѣнья даже подлежали иногда куплѣ-продажѣ: такъ велика была увѣренность въ обладаніи ими. Городинчій и хоружій Витебскій Романъ Гарасимовичъ имѣлъ „въ данины господарской“ дворець въ Городенскомъ повѣтѣ на Зиновщинѣ, „посполите“ съ имѣніемъ дворянина Петра Гринковича. Живя въ сосѣдствѣ, оба владѣльца „шведы и навлады, межы собою са справуючы, великіи на обѣ стороны приняли“ Романъ Гарасимовичъ, не хотя быть въ такомъ „сусѣдствѣ“, хотѣлъ было „спустить дворець и людей сусѣдомъ“. Но Петръ Гринковичъ, опасаясь еще большихъ „шведъ и навладовъ“, купилъ у него дворець и „втекъ“ до господара, прося его допустить въ куплѣ. Король Сигизмундъ 15 декабря 1532 года далъ ему дозволеніе и подтвердилъ куплю „до воли наше господарское“ ¹¹⁶⁶⁾.

Имѣнья жаловались и на опредѣленное время, хотя срокъ владѣнія и ни рассчитывался заранѣе.

Къ такимъ пожалованьямъ нужно отнести прежде всего имѣнья, отдавшіяся частнымъ лицамъ въ пожизненное владѣніе, „до живота“. Въ 1501 году король Александръ пожаловалъ боярину кievскому Яцку Мешю одну службу людей въ Овруцкомъ повѣтѣ, Ларивона и Янеа Давыдовичей съ братьею и братаничами, „до живота его“ ¹¹⁶⁷⁾. Король Сигизмундъ въ 1507 году подтвердилъ дворъ Трыстанцу пану Андрею Александровичу, намѣстнику Лидскому, „до его живота“ ¹¹⁶⁸⁾. Въ 1523 году онъ пожаловалъ боярину Шимку Митковичу десять службъ людей куничниковъ „въ земли Жомойтской у Веленскомъ повѣтѣ у Жосецкой волости“ и четыре земли пустовскихъ „межы тыми жъ людьми“ ¹¹⁶⁹⁾. Иногда „до живота“ жаловались или подтверждались имѣнья, данныя прежде „до воли господарской“. Въ 1522 году королю Сигизмунду билъ челомъ дворянинъ панъ Дмитрій Богдановичъ Остафевича „и повѣдилъ передъ нами,—гласить листъ короля,—иже мы первѣи сего дали ему осмь службъ людей въ Полоцкомъ повѣтѣ,

¹¹⁶⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 103, 105.

¹¹⁶⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 196.

¹¹⁶⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 154.

¹¹⁶⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 73.

сельцо на имя Полошовичы, въ людяхъ Угольницкаго стану, а у Кривицахъ семь земель пустовскихъ и человѣка Мартинка Рыбку, и на то онъ листъ, данину нашу первую, съ подписью руки нашею и тежъ листъ уважчій всеводы Полоцкаго, старосты Дорогицкаго, пана Петровъ Станиславовича передъ нами взыскавалъ и билъ намъ чоломъ, абыхмо ему на то дали нашъ листъ*. Король пожаловалъ все это ему до живота его: „а по его животѣ тыи земли верхуменены мають зася въ наши руки господарскіи прыти; и волень онъ тамъ прибавити и росширити и къ своему лѣпшому и вжиточному обернути, каеъ самъ найлѣпѣй разумѣючы“¹¹⁷⁰). Акты дають намъ примѣры пожалованій „до дву животовъ“, т. е. отцу и сыну въ пожизненное владѣніе. Тотъ же король Сигизмундъ въ 1522 году пожаловалъ князю Константину Ивановичу Острожскому дворъ Смолнаны „до дву животовъ, его милости до живота и сыну его милости князю Ильи тежъ до живота“¹¹⁷¹). Въ 1523 году онъ пожаловалъ пану Юрью Миколаевичу Радивиловича „остатокъ людей всихъ и земель пустовскихъ“ двора Городенскаго повѣта Жорославки, не розданныхъ еще въ частное владѣніе, „до дву животовъ, его милости до живота и сыну его милости пану Миколаю до живота“¹¹⁷²) и т. д.

Къ этому же типу владѣній подходятъ имѣнья, которыя господарь жаловалъ „на поживенье“ или „у хлѣбокормленіе“ подданнымъ своимъ, которые лишились своихъ отчинъ вслѣдствіе непріятельскаго захвата. Имѣнья эти давались господаремъ „до очищенья отчинъ“ этихъ подданныхъ. Такихъ пожалованій особенно много дошло до насъ отъ конца XV и начала XVI вв., эпохи крупныхъ территориальныхъ уступокъ, сдѣланныхъ литовско-русскимъ правительствомъ въ пользу Москвы. Большинство военно-служилыхъ землевладѣльцевъ въ уступленныхъ областяхъ перешло на службу къ Московскому государю, но нѣкоторые нашли болѣе выгоднымъ для себя остаться на службѣ у прежняго государя, который, цѣня ихъ вѣрность, обыкновенно вознаграждалъ ихъ потери пожалованіемъ имѣній. Но такъ какъ территориальныя уступки, сдѣланныя Москвѣ, считались временными, и правительство надѣялось воротить утраченныя на востокъ области, то и имѣнья оно жаловало служилымъ людямъ изъ этихъ областей только „до очищенья ихъ отчинъ“. Въ 1500 году в. князь Александръ пожаловалъ дворянину Василью Семеновичу Сопѣжичу два сельца въ

¹¹⁷⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 29.

¹¹⁷¹) Акты Зап. Рос. II, № 118.

¹¹⁷²) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 76.

Дубровенскомъ пути Смоленскаго повѣта, Хоминичи и Шишолово, до очищенья отчины его отъ непріятеля Московскаго ¹¹⁷³). Въ томъ же году Александръ пожаловалъ окольникему Смоленскому, намѣстнику Молодеченскому, Ивану Кошкѣ, дворець Годутишскій Виленскаго повѣта въ Мемижской волости „до тыхъ часовъ,—гласить листъ великаго князя,—поки отчину его одыщемъ отъ непріятеля нашего великаго князя Московскаго“ ¹¹⁷⁴). Казначей Смоленскій князь Константинъ Брошинскій по случаю занятія его отчины Москвою получилъ сначала „на хлѣбкормленіе“ дворъ Побоево Волковыйскаго повѣта. Въ 1503 году онъ билъ челомъ королю о томъ, что „не маеть ся гдѣ съ жонкою и зъ дѣтми своими подѣтца“, такъ какъ на дворѣ Побоевѣ „не маеть чимъ поживить“, и просилъ короля осмотрѣть его какимъ-нибудь инымъ „хлѣбкормленьемъ“. Король пожаловалъ ему дворъ Дубно въ Городенскомъ повѣтѣ „до тыхъ часовъ, поки отчину ихъ очистимъ“ ¹¹⁷⁵). Дворъ Побоево король пожаловалъ въ томъ же году князю Ивану Семеновичу Глинскому, который также лишился своей отчины, въ хлѣбкормленіе ¹¹⁷⁶). Въ томъ же году королю билъ челомъ и князь Мстиславскій о томъ, „штожь тотъ замокъ его Мстиславль скажонъ отъ Москвичъ и отъ Татаръ; а съ чого передъ тымъ собѣ поживенье мѣлъ, съ другого замку своего со Мглина, ино тотъ замокъ осѣлъ непріятель нашъ великій князь Московскій“; князь просилъ короля, „абыкмо его пожаловали имѣнницомъ, съ чого бы собѣ поживенье мѣлъ“, и получилъ волостку Спегляны Кревскаго повѣта. Жалованная грамота, выданная королемъ князю Мстиславскому 14 окт., гласить: „Маеть онъ тую волостку держати со всимъ, по тому какъ на насъ держана до тыхъ часовъ, поки, дастъ Богъ, тотъ его замокъ Мглинъ зъ рукъ непріятельскихъ вземши и ему подадимъ; а естли надъ княземъ Михайломъ Божья ся воля станетъ, Богъ душу его съ того свѣта возьметъ: ино мы не маемъ внего ни его и дѣтей ихъ съ тоѣ волости рупити, до тыхъ же часовъ, поки тотъ замокъ Мглинъ зъ рукъ непріятельскихъ вземши и имъ подадимъ“ ¹¹⁷⁷). Въ 1506 году король Александръ далъ „на поживенье“ Михаилу Гагину „въ Жолудку дворець Можейковскій съ челядью и зъ животиною и зъ людьми“ ¹¹⁷⁸);

¹¹⁷³) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 104.

¹¹⁷⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 155.

¹¹⁷⁵) Акты Зап. Рос. I, № 202.

¹¹⁷⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 228.

¹¹⁷⁷) Акты Зап. Рос. I, № 205.

¹¹⁷⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 252.

король Сигизмундъ въ 1508 году подтвердилъ ему это имѣнье съ дворцомъ Бинкушскимъ „до очищенья его имѣней въ Кіевѣ и въ Путивлѣ“¹¹⁷⁹⁾. Тотъ же король пожаловалъ боярину смоленскому Нагишеѣ пять служебъ людей и двѣ пустошцины „у Браславскомъ повѣтѣ у-въ Увольской волости“ на хлѣбкормленіе, такъ какъ отчину его забралъ великій князь Московскій; въ 1523 году онъ подтвердилъ его сыну Богдану свою данину „до тыхъ часовъ, пока отчину его очистимъ“¹¹⁸⁰⁾. Въ изучаемое время великому князю Литовскому не удалось отвоевать земли, забранныя Москвою, такъ что и пожалованныя имъ „до очищенья отчины“ имѣнья переходили по наслѣдству отъ отца къ сыну и т. д. По актамъ, впрочемъ, можно встрѣтить примѣры отобрания имѣній данныхъ „до очищенья отчины“. Такъ, въ 1509 году король Сигизмундъ отобралъ у вышеупомянутаго околынича Смоленскаго Ивана Кошки дворъ Гойдугишки на томъ основаніи, что „тymi дей разы вжо тыи имѣнья его вси въ нашей сторонѣ“, и пожаловалъ князю Василью Семеновичу Жилинскому за его службу „и тежъ за его отчину, которую жъ онъ мѣлъ у Вязмѣ“¹¹⁸¹⁾. Необходимо замѣтить, кромѣ того, что выраженіе „на хлѣбкормленіе“ не имѣло спеціальнаго значенія, и по актамъ мы встрѣчаемъ пожалованья „у хлѣбкормленіе“ и „до воли господарской“, и до „живота“, а не только „до очищенья отчины“. Въ записяхъ пожалованій Казимира читаемъ: „князю Юрью Пронскому дано село Комоности, што панъ Римовидъ держалъ, у хлѣбкормленье; а просили князь бискупъ и вса рада панове“¹¹⁸²⁾. Въ 1512 году король Сигизмундъ пожаловалъ землянину Андрею Мицковичу, писарю старосты Жюмоитскаго, десять человекъ и четыре пустошцины въ Жмудской землѣ „на поживенье“¹¹⁸³⁾. Тотъ же король далъ околыничему Смоленскому Михаилу Басѣ дворъ Перелаю „на кормленье“ и выдалъ ему листъ, „иже онъ тотъ дворъ нашъ Перелаю маеть держати со всимъ до своего живота; а по животѣ его, естли бы намъ господарю потреба всказывала тотъ дворъ къ нашей рущѣ мѣти, тогда, не давши жонѣ и дѣтемъ его имѣны до очищенья отчины ихъ, не мѣли есьмо того двора зъ рущѣ ихъ выймовати“¹¹⁸⁴⁾ и т. д. Такимъ образомъ, имѣнья у „хлѣбкормленья“

¹¹⁷⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VШ, л. 133.

¹¹⁸⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII л. 81.

¹¹⁸¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VШ, л. 307.

¹¹⁸²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 12.

¹¹⁸³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 36.

¹¹⁸⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 529, 530.

давались вовсе не однимъ князьямъ, какъ предполагаетъ г. Владимирскій-Будановъ на основаніи двухъ-трехъ примѣровъ, взятыхъ изъ записей пожалованій Казимира. Точно такъ же совершенно нельзя согласиться съ нимъ, что хлѣбвормленіе давалось въ вознагражденіе за личную обязанность служить военную службу, такъ какъ на отчинахъ будто бы „не лежало прямой обязанности службы“¹¹⁸⁵⁾. Выше мы видѣли, какъ мало такое утвержденіе приложимо къ дѣйствительности изучаемаго времени.

Имѣнья, данныя до воли господарской „на хлѣбвормленіе“ или „на поживеніе“, а равно такъ же и въ пожизненное владѣніе, подтверждались часто въ вѣчное и потомственное владѣніе, „у-въ отчину“. Такъ, король Казимиръ далъ „до свое воли“ волость Ужицу боярамъ смоленскимъ Борису, Нивифору, Андрею и Митку Семеновичамъ, а великій князь Александръ подтвердилъ имъ на вѣчность. „И мы тыхъ листовъ, — гласитъ привилей, выданный в. княземъ въ 1492 году, — гораздо осмотрѣли и тую волость Ужицу Борису Семеновичу и его братья за ихъ службу зъ ласки наше даемъ и подтверждаемъ симъ нашимъ листомъ, вѣчно и непорушно, имъ самимъ и ихъ жонамъ, и ихъ дѣтемъ, и напотомъ будущимъ ихъ счадомъ, со всимъ по тому, какъ и отецъ ихъ держалъ“¹¹⁸⁶⁾. Въ 1496 году великій князь Александръ подтвердилъ на вѣчность князю Ивану Путятичу два дворища Мосори въ Мельницкомъ повѣтѣ, данныхъ ему прежде „до воли господарской“¹¹⁸⁷⁾. Въ 1509 году король Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность, въ потомственное владѣніе, пану Авраму Езофовичу дворець Гринковскій и двѣ пустощины, Костеневскую и Бутевщину, данныя ему прежде въ пожизненное владѣніе, „до живота его“¹¹⁸⁸⁾. Въ томъ же году король далъ „у отчину“ дворянамъ Василью и Ивахну Глѣбовичамъ Корсаковичамъ, „што жъ его милость братъ нашъ (король Александръ) далъ отцу ихъ Глѣбу Остафьевичу люди въ Полоцкомъ повѣтѣ на Горбахъ, на имя Селивестра съ тремя сынами а пятма братаничы его, до свое воли“¹¹⁸⁹⁾. Въ томъ же году онъ пожаловалъ на вѣчность дворянину Тризнѣ съ братьею Карповичамъ двѣ части двора Полонки Вольвовыйскаго повѣта, данныхъ королемъ Александромъ „противъ ихъ отчины, до тыхъ часовъ, пои бы отчину ихъ всю сполна

¹¹⁸⁵⁾ Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. III, стр. 88.

¹¹⁸⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 64.

¹¹⁸⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 87.

¹¹⁸⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 303, 304.

¹¹⁸⁹⁾ Ibidem, л. 203.

очистилъ, которую жъ ихъ отчину непріятель нашъ великій князь Московскій забралъ и посѣлъ у-во Брянску“¹¹⁹⁰⁾. Въ 1516 году Сигизмундъ пожаловалъ на вѣчность пану Ивану Тимоѣевичу Плещеева Юрлову, московскому выходцу, шестьдесятъ человекъ въ Дорсунинскомъ повѣтѣ, данныхъ ему первоначально „на хлѣбокормленье“¹¹⁹¹⁾. Въ слѣдующемъ году онъ подтвердилъ на вѣчность боярину Якову Кузмину село Борюхъ въ Луцкомъ повѣтѣ и двориче пустое Черняковское въ селѣ Колкѣ, пожалованныя ему прежде только „на пожалованье“¹¹⁹²⁾ и т. д.

Имѣнья жаловались часто во временное владѣніе лишь потому, что правительство не имѣло относительно нихъ точныхъ свѣдѣній и не могло сразу рѣшить, будетъ ли пожалованье ихъ въ вотчину „не шкодно“. Такия пожалованья въ актахъ обозначаются, какъ даннии „до осмотра“ господарскаго, иногда „до лѣпшого осмотра“¹¹⁹³⁾. Выше уже было указано на то, какъ мало литовско - русское правительство находилось въ курсѣ внутреннихъ отношеній областей, какъ мало сравнительно знало оно наличность и состояніе какъ государственныхъ, такъ и частныхъ имѣній. Въ своихъ пожалованьяхъ имѣній оно, какъ мы видѣли, часто руководилось показаніями просителей, предоставляя своимъ мѣстнымъ органамъ провѣрять эти показанія и чинить исполненія по его распоряженіямъ лишь въ томъ случаѣ, буде это будетъ „двору господарскому не шкодно“. Другою гарантіею противъ убыточности пожалованій была отдача просимыхъ имѣній предварительно только во временное владѣніе. Королю Казимиру въ 1487 году билъ челомъ дворянинъ Оедько Колонтаевъ, прося пожаловать ему селище Митковщину „во Браньску“, при чемъ повѣдалъ, „што жъ дей тое селище пусто, а наслѣдка къ нему нѣтъ, а здавна дей тое было село боярское, а не данное, а ни тяглое, а городу не шкодно“. Хотя все это подтвердилъ своимъ письмомъ къ королю намѣстникъ Бранскій кн. Дмитрій Путятичъ, тѣмъ не менѣе король пожаловалъ селище до своего „осмотра“¹¹⁹³⁾. Великому князю Александру билъ челомъ дворянинъ Васко Сопѣжичъ и просилъ сельцо Стригинныхъ въ Смоленскомъ повѣтѣ. Великій князь написалъ намѣстнику пану Юрю Глѣбовичу, чтобы онъ гораздо довѣдался, не будетъ ли это замку Смоленскому шкодно. Намѣстникъ отписалъ великому князю, „што жъ

¹¹⁹⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 215.

¹¹⁹¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 114, 115, 158.

¹¹⁹²⁾ Ibidem, л. 158.

¹¹⁹³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 127.

тое сельцо слушаетъ въ двору нашему (господарскому) Ивановскому, а коли быхмо то ему отдали, тогда бы двору нашему шведно было“; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ дать Васку Сопѣжичу сельцо въ Мощни Дубровки съ однимъ человекомъ, которое держалъ бояринъ князя Семена Воротынскаго Семень Капуста. „И мы ему тое сельцо,—писалъ в. князь намѣстнику,—дали до нашего осмотра, до тыхъ часовъ, поки въ насъ самъ будешь и о томъ намъ достаточно повѣдишь“ ¹¹⁹⁴). Въ 1494 году великій князь Александръ пожаловалъ пану Федку Богдановичу Хребтовича имѣнье Сѣнно въ Новгородскомъ повѣтѣ „до воли, до лѣпшого довѣданья“ ¹¹⁹⁵). Въ 1508 году король Сигизмундъ изъ Кракова писалъ панамъ-радѣ о пожалованѣ дворянину Федору Колонтаеву двора Клевицы, что князь Василій Глинскій держалъ, „до нашего лѣпшого осмотра“ ¹¹⁹⁶) и т. д.

Такой порядокъ, конечно, не всегда соблюдался при пожалованіи имѣній, и иногда государь жаловалъ съ перваго же раза имѣнье на вѣчность въ потомственное владѣніе, или въ вотчину. Такъ было во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда правительство хорошо знало имѣнье и увѣрено было въ пользы и выгоды пожалованья. Поэтому наряду съ подтвержденіями имѣній въ вотчину мы имѣемъ и прямыя пожалованья въ вѣчное, потомственное владѣніе. Великій князь Казимиръ пожаловалъ пану Довегирду дворъ княжій Ловариски „во вотчину“; пану Петрашу Сенежичи „у вотчину“; князю Федору Воротынскому въ 1447 году пожаловалъ „три волости: Городечна съ Калуговичи, што было дано Ходыцѣ Басичу, што Павелъ Полтевъ держалъ, а Ковылна а Деяна съ Снопотцомъ, што Гринко Мишковичъ держалъ, у вотчину“; Ванку Ситковичу король далъ Луганъ „у отчину“ (въ Смоленской землѣ); „пану Кгастовту, воеводѣ Троцкому, у Луцку Полона, што Окуна держалъ, у вотчину“ ¹¹⁹⁷) и т. д. Великій князь Александръ въ 1495 году пожаловалъ „у вотчину“ Зенку Евлашовичу, намѣстнику Торопецкому, „два братениа въ Новгородскомъ повѣтѣ у Полужьи, людей Любецкихъ“. „А повѣдалъ намъ,—читаемъ въ листѣ великаго князя до намѣстника Новгородскаго,—што жъ съ нихъ одна служба и дякло одно, а и ты о томъ самъ передъ нами повѣдилъ, што жъ съ нихъ служба и дякло одно“ ¹¹⁹⁸). Ясно, такимъ образомъ,

¹¹⁹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 23.

¹¹⁹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 47.

¹¹⁹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 206.

¹¹⁹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 3, 11, 26, 36, 64.

¹¹⁹⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 48.

что эти крестьяне непосредственно передъ пожалованіемъ ихъ Зенку Евлашовичу находились въ господарскомъ владѣніи.

Но было бы ошибочно думать, что имѣнье, пожалованное въ отчину, сразу пріобрѣтало всѣ свойства отчины. Для перваго владѣльца оно было выслугою, въ распоряженіи которою онъ не былъ подчиненъ тѣмъ стѣсненіямъ, какъ въ отношеніи къ отчинѣ. Панъ Оедко Чапличъ умирая бездѣтнымъ, записалъ своимъ братанчичамъ Микитѣ и Иванку имѣнье Глупонинъ, которое онъ выслужилъ на великомъ князѣ Свидригеллѣ, „тежъ и другое имѣнье на имя Русивль, отчинное, своо дѣльницу, записалъ имъ вѣчно“. По смерти его вѣяне Иванко Охремовичъ и Михно Омельянскій, женатые на племянницахъ его, стали искать на Микитѣ и Иванкѣ Чапличахъ „дядковщину“ жонъ своихъ. Великій князь Александръ, разбиравшій это дѣло, 20 марта 1494 года выдалъ такой „вырѣкъ“: „мають они тое имѣнье отчинное на имя Русивль съ сестрами своими зъ Ивашковою жоною Охремовича а зъ Омельянского на полы дѣлити по близкості послѣ дядиное свое Оедковое жывота (бо не могъ онъ того вчинити, ихъ, братаненъ своихъ, отъ того отдалити); а тое имѣнье Глупонинъ, выслугу дядка ихъ, мають они таки держати вѣчно подлугъ запису дядка своего Оедка Чаплича, какъ имъ то записалъ“¹¹⁹⁹). Великій князь, издавая эту резолюцію, стоялъ, очевидно, на той точкѣ зрѣнія, что жены истцовъ должны были имѣть посагъ съ своей близкості, какъ и съ отчины; Глупонинъ, какъ выслуга ихъ дяди, не былъ для нихъ близкостью, а потому онъ и оставленъ былъ за племянниками, согласно волѣ записателя. Король Александръ далъ нѣкому Ходку (Коревичу землю Юшковщину въ Лидскомъ повѣтѣ, которая принадлежала тивуну Лидскому, и землю пустую тяглую Довеговскую тамъ же и подтвердилъ ему своимъ листомъ „на вѣчность“. „И тотъ Ходко, вмираючи, тии земли вышеписаны а въ тому землицу Сенковщину, што держалъ тотъ же Юшко, со всеми землями купленными и мѣновными и закупленными записалъ жонѣ своей Алжбетѣ Богдановнѣ, отдаливши всѣхъ ближнихъ своихъ“. Алжбета вышла въ третій разъ замужъ за дворянина короля Сигизмунда Павла Довегирдовича и записала ему свои имѣнья, полученные отъ Ходка, „отдаливши дочку свою первого мужа Венславу“¹²⁰⁰). Привилей, выданный Кіевской землѣ, относительно права свободнаго распоряженія выслугами гласитъ: „А князи и панове, которые выслуги держать, а кому подтвердимъ листы нашими, въ

¹¹⁹⁹) Лито . Метр. кн. Запис. V, л. 4.

¹²⁰⁰) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 235, 236.

томъ волни, по души къ церкви дати, замѣнити и продати, и отдать, зъ нашимъ призоуеньемъ" ¹²⁰¹⁾). Выслуга приобрѣтала всѣ свойства отчины съ того момента, когда она обычнымъ путемъ, не по завѣщанію, переходила къ законнымъ наслѣдникамъ, и съ того момента она и называлась отчиною. Въ записяхъ земельныхъ пожалованій Казимира читаемъ: „У Жомойти у Росейняхъ Довьялюсь мѣнилъ и зъ быскупомъ Жомойтскимъ на его вулю а *своею отчиною, што отецъ сю выслужилъ на Витовтъ*: потому имъ и держати, какъ мѣнили" ¹²⁰²⁾). Въ 1498 году в. князь Александръ подтвердилъ татарамъ Довлихтіяру и Бахтіяру Сеитовичамъ, имѣнье, которое отнялъ было у нихъ воеводичъ Троцкій панъ Янъ Петровичъ, „люди ихъ *отчинными* Скорбеевичи, *выслуку отца ихъ*, которыхъ же отецъ ихъ выслужилъ" на королѣ Казимирѣ ¹²⁰³⁾ и т. д. Здѣсь дѣйствовало то же правило, какое дѣйствовало и относительно купленныхъ имѣній, которыя также становилось отчинами, какъ скоро по закону переходили къ наслѣдникамъ купившихъ ихъ лицъ ¹²⁰⁴⁾).

Г. Владимірскій-Будановъ въ своей статьѣ „Помѣстья литовско-русскаго государства" толкуеть пожалованья „на вѣчность", какъ пожалованья до живота. Это толкованіе онъ основываетъ на слѣдующихъ записяхъ пожалованій Казимира: „Берестейское мыто Бенку Шаневичу вѣчно на каждый годъ по триста копъ грошей, а коли мыто полепшится, ему повышати, а подъ нимъ никому не подкупати" ¹²⁰⁵⁾; „што Мивита на насъ выслужилъ и на што листы нашпмасть, тое бы таки писарь нашъ Мивита держалъ вѣчно до своего живота". Это послѣднее выраженіе: „вѣчно до своего живота, — говорить г. Владимірскій-Будановъ, — уясняетъ намъ, что значила „вѣчность" въ официальномъ языкѣ грамотъ; она обозначаетъ вѣкъ — жизнь человѣка, какъ и въ приведенномъ выше случаѣ пожалованія Шаневичу Берестейскаго мыта „вѣчно" ¹²⁰⁶⁾). На нашъ взглядъ слово „вѣчно" въ обоихъ случаяхъ употреблено въ цѣль выразить постоянство, неизмѣнность факта, — есть простой отгѣнокъ въ выраженіи мысли, а не самое выраженіе ея, которое заключено въ словахъ: „а подъ нимъ никому не подкупати", „до живота". Поэтому и въ актахъ оно часто

¹²⁰¹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 30.

¹²⁰²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 29.

¹²⁰³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 70.

¹²⁰⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 78, 79.

¹²⁰⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 63.

¹²⁰⁶⁾ Чтенія въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца, кн. III, стр. 91.

соединяется съ словомъ „непорушно“, которое есть его синонимъ, и эта амплификація, очевидно, рассчитана на то, чтобы яснѣе, точнѣе формулировать характеръ пожалованья. И въ настоящее время слово, „вѣчно“ употребляется иногда, какъ синонимъ выраженіемъ: постоянно, неизмѣнно, всегда, очень часто. На такое толкованіе, какое дано у г. Владимірскаго-Буданова, не уполномочиваютъ другія указанія, которыя можно найдти въ актахъ изучаемаго времени. Въ нихъ вездѣ пожалованья на вѣчность сопровождаются перечисленіемъ: „ему самому и его жонѣ, и ихъ дѣтемъ, и напотомъ будущимъ ихъ счадкомъ“, и замѣчаніемъ: „воленъ онъ и его справедливыя наслѣдья то продати, замѣнати, по души дати и къ своему пожиточному а лѣпшому обернуши, какъ самъ наилучшій ровумѣючи“. Если такъ, то сами собой падаютъ и тѣ разсужденія, которыя г. Владимірскій - Будановъ ведетъ касательно значенія пожалованій „у вотчину“, отправляясь отъ недозаваннаго положенія, что слово „вѣчно“ означаетъ въ литовско-русскихъ актахъ „до живота“. Пожалованье въ отчину означало пожалованье въ потомственное владѣніе, съ правомъ передать имѣнье не только дѣтямъ, но и дальнѣйшимъ нисходящимъ; пожалованье же съ правомъ передачи только дѣтямъ называлось пожалованьемъ „до дву животовъ“.

Намъ поневолѣ пришлось, быть можетъ, дольше, чѣмъ слѣдуетъ, остановиться на различныхъ видахъ землевладѣнія въ Литовско-Русскомъ государствѣ отчасти именно въ виду статьи г. Владимірскаго-Буданова „Помѣстья литовско-русскаго государства“. Статья эта, интересная по темѣ, написанная по неизданному архивному матеріалу, уже успѣла произвести извѣстное впечатлѣніе, успѣла повліять на взгляды ученыхъ въ своемъ направленіи. Между тѣмъ ея научная цѣнность не находится въ уровнѣ ни съ этимъ впечатлѣніемъ, ни съ ея вліаніемъ. Г. Владимірскій - Будановъ взялъ только одну книгу записей (и при томъ сокращенныхъ) Литовской Метрики, относящихся во времени Казимирава правленья, произвелъ анализъ и толкованіе этихъ записей, уединивъ ихъ отъ актовъ не только позднѣйшихъ, но и современныхъ, изданныхъ уже въ разныхъ сборникахъ, и построилъ на основаніи всего этого рядъ выводовъ. Благодаря этому ему не удалось ни толкованія, ни выводы въ той мѣрѣ, какая требовалась важностью и интересомъ затронутаго вопроса, и статья его, такимъ образомъ, оказалась съ характеромъ произведенія, преждевременно попавшаго изъ ученаго портфеля въ печать.—Въ виду этого авторъ настоящихъ очерковъ, нисколько не претендуя на то, чтобы исчерпать вопросъ, который ждетъ еще будущихъ изслѣдованій, счелъ нужнымъ внести

необходимым поправкамъ къ статьѣ г. Владимірскаго - Буданова, единственной въ своемъ родѣ и потому могущей оказывать ненадлежащее вліяніе на ходъ и направленіе научныхъ работъ въ данной области, особенно по напечатаннымъ источникамъ. Для цѣлей настоящаго изслѣдованія изображеніе основныхъ чертъ военно-служилаго землевладѣнія на Руси Литовской, какъ онѣ сложились въ силу мѣстныхъ историческихъ условий и факторовъ и подъ дѣйствіемъ польскаго „земскаго права“, имѣетъ значеніе и какъ фактическая иллюстрація основнаго положенія, его проникающаго, какъ доказательство, что мѣстный историческій процессъ на Руси Литовской подготавливалъ тѣ гражданскія и государственныя отношенія, на которыя налагала свои формы польская гражданственность.

XLIV.

Въ устройствѣ военно-служилаго землевладѣнія намѣстникамъ-державцамъ до 1529 года принадлежала дѣятельная роль. Акты сохранили множество указаній на раздачу намѣстниками-державцами мѣстнѣй разнымъ лицамъ съ обязанностью военной службы „до воли господарской“. Врядъ ли эта раздача обуславливалась только личными отношеніями мѣстныхъ правителей въ этимъ лицамъ, „поклонами“ этихъ послѣднихъ; по всемъ признакамъ, она вызывалась заботою о пополненіи военно-служилаго контингента даннаго повѣта или воеводства и объ исправности военной службы. Къ такому заключенію приводятъ постоянныя подтвержденія, которыя выдавало центральное правительство лицамъ, получившимъ имѣнья отъ мѣстнаго правителя „до воли господарской“. Приведемъ нѣкоторые примѣры. Великій князь Александръ въ 1499 году подтвердилъ пану Ивашку Сопѣжичу землю пустую въ повѣтѣ Браслава Литовскаго, при чемъ написалъ въ подтвердительномъ привилеѣ: „клялъ передъ нами листъ намѣстника Браславскаго пана Юрья Зеновьевича, што жъ онъ далъ ему пустовщину у Браславскомъ повѣтѣ близко озера Икажна на имя Земцову“¹²⁰⁷). Въ 1506 году тому же Александру билъ челомъ землянинъ кремянецкій Олекса Сквородка и повѣдалъ, „што жъ намѣстники Кремянецкіи, князь Андрей Александровичъ далъ ему селищю пустое на имя Бобыльню, а панъ Юрьи Монтовтовичъ далъ ему село пустое въ Кузминскомъ повѣтѣ на имя Лановцы, и тежъ придалъ ему, въ его отчинѣ Вязовцомъ, рогъ Кузминскаго лѣсу“; Олекса положилъ предъ

¹²⁰⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 130, 131.

королемъ и листы этихъ намѣстниковъ и просилъ пожаловать его „тymi селищи и рогомъ“, что король и исполнилъ ¹²⁰⁸). Въ 1508 году королю Сигизмунду билъ челомъ о подтвержденъ пяти пустошней въ селѣ Путрошичахъ конюшій Городенскій Богданъ Гринкевичъ; „а повѣдилъ намъ,—гласить подтвердительный листъ короля, — што жъ дей вжо тыи земли держыть съ призволенъемъ маршалка нашего, намѣстника Волковыйскаго, пана Яна Яновича Заберезенскаго“. Король подтвердилъ земли съ условіемъ: „а намъ съ того службу земскую заступаетъ“ ¹²⁰⁹). Очевидно, что съ этимъ условіемъ далъ пустошнини и намѣстникъ Волковыйскій. Въ 1514 году король писалъ намѣстнику Жолудскому: „Билъ намъ чоломъ подбонюшій Виленскій Шимко Мядковичъ и повѣдилъ передъ нами, што жъ дей ловчій нашъ, намѣстникъ Ожскій и Переломскій, панъ Миколай Юрьевичъ Пацевичъ, какъ отъ насъ Жолудокъ держалъ, далъ ему землю пустошную лентскую въ Жолудскомъ повѣтѣ на имя Можейковщину до наше воли, а онъ дей тое земли въ держаніи ажъ и до тыхъ часовъ; ино и самъ панъ Миколай передъ нами повѣдилъ, ижъ тую землю ему далъ держати до наше воли; и онъ билъ намъ чоломъ, абымо ему на то нашъ листъ дали. И мы ему на то сесь листъ нашъ дали: нехай онъ тую землю Можейковщину держитъ со всимъ съ тымъ, што къ ней здавна прислухало, а намъ съ того службу земскую заступаетъ; а хоти бы отчичи тое земли выискалися, и мы ему дозволили тыхъ отчичовъ на тую землю приняти“ ¹²¹⁰). Здѣсь, такимъ образомъ, мы имѣемъ опять случай отдачи пустошнини на земскую службу. По формѣ жалованной грамоты не видно, чтобы земля подтверждена была королемъ на вѣчность. Но бывали и такіе случаи. Въ томъ же году король подтвердилъ на вѣчность дворянину Михну Ивановичу двѣ земли пустошскихъ въ Лидскомъ повѣтѣ, Караковщину и Семеновщину, которыя далъ ему до господарской воли намѣстникъ Лидскій панъ Юрій Ивановичъ Ильинича ¹²¹¹). Въ томъ же году королю заявилъ служебникъ воеводы Виленскаго, канцлера пана Миколая Миколаевича Радзивловича, Андрей Прокоповичъ, что подскарбій земскій, намѣстникъ Румшишскій, панъ Аврамъ Езофовичъ далъ ему двѣ земли пустошскихъ тяглыхъ въ Румшишской волости, Нарейковщину и Мицовщину, до господарской воли. Андрей представилъ и листъ намѣстника и билъ

¹²⁰⁸) Акты Зап. Рос. I, № 221.

¹²⁰⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 232, 233.

¹²¹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 93, 94.

¹²¹¹) Ibidem, л. 146.

челомъ королю, „абыхмо его съ того не рушили“. Король выдалъ ему въ этомъ смыслѣ свой листъ, добавивъ: „А естли отчичи тыхъ земель придуть, а всхотятъ ли на тыхъ земляхъ сѣсти за нимъ, и они мають ему служить, а онъ маеть намъ съ того службу земскую заступовати“ ¹²¹²). Въ 1522 году король подтвердилъ боярину Бирштанскаго повѣта Оедьку Игнатьевичу, „што жъ державца Бирштанскій князь Матей Микитиничъ далъ ему чотыры земли пустыхъ у Бирштанскомъ повѣтѣ, на имя Петковщину а Мацовщину, а Кивинощину, а Якубовщину до воли“ ¹²¹³). Въ 1523 году королю били челомъ служебные Матей Рымковичъ и Шимко Юшковичъ „и повѣдили передъ нами, — гласить листъ короля, — што жъ конюшій нашъ дворный и Троцкій, державца Василишскій, Лепунскій, Воленицкій и Стоклишскій, панъ Якубъ Кунцовичъ далъ отцомъ ихъ землю у Лепунскомъ повѣтѣ, на имя Михнову Оедевича, къ ихъ землицѣ Кгинейтовщинѣ для того, ижъ они отчизну свою мѣли малу и не мѣли намъ съ чого послужити, и казалъ имъ съ тыхъ обѣюхъ земель одну службу намъ служить; и били намъ челомъ, абыхмо имъ на то дали нашъ листъ“. Король исполнилъ ихъ просьбу ¹²¹⁴). Приведенная выдержка изъ королевскаго листа ясно указываетъ на то, что, раздавая пустыя земли, намѣстники-державцы руководились интересами господарской службы. Разумѣется, здѣсь было много мѣста злоупотребленіямъ съ ихъ стороны, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они придавали пустыя земли къ отчинамъ военно-служилыхъ землевладѣльцевъ подъ тѣмъ предлогомъ, что отчины эти малы, не съ чего служить ихъ владѣльцамъ. Этимъ объясняется распоряженіе короля Сигизмунда, внесенное въ уставу, данную державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣта въ 1529 году: „Тежъ уставляемъ и грозно приказуемъ, абы паны воеводове, такъ тежъ старосты и вси державцы наши, черезъ то, никому, какого будь стану, не смѣли земель пустовскихъ давати, яво въ воеводствахъ, такъ и въ староставахъ, такъ тежъ и во всихъ дворѣхъ нашихъ, до наше воли господарскоѣ. А хто бы за таковою даниною отъ пановъ и за листомъ ихъ которыи земли наши пустовскіи держалъ, рассказали есмо тымъ писаремъ нашимъ, у таковыхъ тыи земли наши отбрати и зася къ тому двору нашему привлащати, въ которомъ дворѣ тыи земли будутъ найдены“ ¹²¹⁵).

¹²¹²) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 233.

¹²¹³) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 88.

¹²¹⁴) Ibidem, л. 70, 71.

¹²¹⁵) Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 36.

Несмотря на это грозное приказанье, намѣстники державцы продолжали раздавать имѣнья „до воли и ласки господарское“, и правительство было настолько непослѣдовательно, что признавало и подтверждало их распоряженія. Въ книги Литовской Метрики записанъ листъ, выданный державцею Бирштанскимъ 1 мая 1532 года, въ которомъ читаемъ: „Билъ мнѣ чоломъ бояринъ господарскій Михайло Оедоровичъ Семичовъ и просилъ въ мене людей въ повѣтъ Бирштанскомъ, на имя Довьята Оедевича и зъ братьею и зъ братаничомъ, а Якуба Ивашковича и зъ братьею, а Богдана Димъятровича зъ братьемъ, а Янеля Виеговича, которыи жъ люди суть вбоги, службы супольной здавна не могутъ супольно послужити господарю, а пустовщынъ собѣ на пашню дворную на имя... И я на его чоломбѣтѣ вчинилъ и далъ есмы тыи люди ему чотыры службы... а пустовщынны, якъ ся тыи люди и земли въ собѣ мѣли и казъ на господаря держано, до воли и ласки господарское“¹²¹⁶).

Но и кромѣ такой раздачи имѣній, намѣстники-державцы должны были принимать участіе въ устройствѣ военнотружлага землевладѣнія и другими способами, частью по возбужденью отъ центрального правительства, которое требовало отъ нихъ справокъ о жалуемыхъ имѣньяхъ и утверждало ихъ за просителями только по полученіи этихъ справокъ, поручало имъ „обыскивать“ земли для просителей, давалъ имъ „увязанье“ въ нихъ и т. д.; частью по возбужденью отъ самихъ военнотружлыхъ землевладѣльцевъ, которые черезъ нихъ выпрашивали себѣ имѣнья у господаря, обращались къ нимъ за разрѣшеньемъ продать-купить имѣнье, записать кому-нибудь, помѣняться и т. д.

Выше (на стр. 371, 372) было приведено нѣсколько примѣровъ обращенія центрального правительства къ намѣстникамъ-державцамъ за справками относительно жалуемыхъ имѣній и съ порученіемъ прискаты людей и земли для пожалованья разнымъ лицамъ. Приведемъ въ добавленье къ нимъ еще нѣсколько примѣровъ того и другого рода. Бояринъ брянскій Иванъ Васильевичъ выслужилъ на великомъ князѣ Сигизмундѣ имѣнье Жирятинъ въ Брянскомъ повѣтѣ. По смерти его князь Иванъ Андреевичъ, державшій Брянскъ изъ рукъ короля Казимира, отнял у брата покойнаго боярина, Карпа, Жирятинъ. Смы этого Карпа Еня билъ челомъ великому князю Александру „о своѣ близкостѣ“. Тогда великій князь поручилъ намѣстнику Брянскому вк. Оедору Ивановичу Жеславскому „опытать“ мѣстныхъ бояръ, дѣлѣ

¹²¹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 104, 105.

ствительно ли имѣнье Жирятинъ дядьковщина Ени Карповича, и, когда получилъ отъ намѣстника утвердительный отвѣтъ, велѣлъ ему дать Енѣ „увязанье“: „нехай онъ тое имѣнье самъ держить, а намъ съ того службу служить“¹²¹⁷). Король Сигизмундъ, у котораго воевода Тродъкій панъ Григорій Станиславовичъ Остиковича просилъ въ Мойшавгольскомъ повѣтѣ челоуѣка путнаго Миколая Милошевича съ его братаничами и двухъ земель пустовскихъ, Кганусишекъ и Кгинтишекъ, писалъ о томъ намѣстнику Мойшавгольскому, приказывая довѣдаться, „вакій то есть челоуѣкъ, а што за служба съ него, и земли тми пусты аль не пусты“. Получивъ отвѣтъ, согласный съ показаніемъ просителя, король пожаловалъ ему людей и земли на вѣчность и приказалъ намѣстнику: „и ты бы его милости у нихъ увязанье далъ“¹²¹⁸). Въ 1522 году, извѣщая державцу Волковыйскаго пана Юрья Глѣбовича о пожалованіи дворянину Ѳедору Багѣ двѣнадцати служебъ людей въ селѣ Ясеновичакъ, король писалъ ему: „нижли здѣся войтъ мѣста Волковыйскаго и бурмистры и радцы повѣдили передъ нами, што жъ дей нѣкоторые люди того сельца дома и дворнища свои звѣчные въ мѣстѣ нашомъ Волковыйскомъ мають, а таки дей въ селѣ земли собѣ позакупали въ людей нашихъ: прото жъ, што бы еси о томъ ся довѣдалъ, естли то суть люди мѣщане Волковыйскіе, а тамъ земли собѣ позакупали и тыхъ имена ажбы еси къ намъ отписалъ“¹²¹⁹) и т. д. Въ 1514 году король Сигизмундъ писалъ державцѣ Бряславскому пану Ивану Семеновичу Сопѣгѣ, „абы, обыскавши у Бряславскомъ повѣтѣ чотыри челоуѣки а двѣ земли пустовскихъ, и ему (боарину Кгетовту Калениковичу) далъ“. Державца исполнилъ приказъ короля, который и утвердилъ людей и земли за боариномъ на вѣчность¹²²⁰). — Намѣстники-державцы по просьбѣ разныхъ лицъ ходатайствовали предъ господаремъ о пожалованіи имъ имѣнья. Такъ, намѣстникъ Вруцкій панъ Сенько Романовичъ ходатайствовалъ предъ королемъ Сигизмундомъ за бояръ Ѳедора и Гриня Петрашевичей и писалъ королю, по словамъ жалованной грамоты, „ижъ они намъ слуги добрые, абыхмо ихъ помѣстьемъ какимъ осмотрѣли“¹²²¹). Съ вѣдома и разрѣшенья намѣстниковъ державцевъ происходили и различныя сдѣлки и пере-

¹²¹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 19.

¹²¹⁸) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 149.

¹²¹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 94.

¹²²⁰) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 117, 118.

¹²²¹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 160, 161.

имѣны въ сферѣ какъ военнотружлага, такъ и крестьянскаго землевладѣнія. Въ подтвердительномъ привилеѣ, выданномъ въ 1506 году боярину Митку Федоровичу на людей и земли въ Браславскомъ повѣтѣ, читаемъ между прочимъ: „повѣдилъ передъ нами, што жъ купилъ двѣ земли въ Браславскомъ повѣтѣ, на имя Девкутевицину и Кубовицину, съ дозволеньемъ пана Юрья Зеновьевича въ тотъ часъ, какъ онъ отъ насъ Браславль держалъ“¹²²²⁾. Королю Сигизмунду билъ челомъ бояринъ Слонимскаго повѣта Давыдъ Сытичъ „и повѣдалъ передъ нами,—гласить королевскій листъ,—и жъ онъ мѣнялъ огороды и селищи съ людьми нашими Слонимское волости съ Богданомъ а съ Мартиномъ Пацевичи,... какъ же и маршалокъ земскій, державца Слонимскій, небощыкъ панъ Янъ Миколаевичъ о томъ ся доведывалъ, и жъ то есть безъ шкюдного нашего господарского, и дозволилъ ему съ тыми людьми нашими тыми огороды и селищи мѣняти и листъ свой дозволенный на то ему далъ;... и тотъ онъ листъ небощыка пана Яновъ дозволенный и тежъ листъ мѣновный тыхъ людей нашихъ на тую мѣну свою передъ нами ввазывалъ и билъ намъ челомъ, абыхмо ему на то дали нашъ листъ“,—что король и исполнилъ¹²²³⁾ и т. д. Такимъ образомъ, предписаніе земскихъ привилеевъ 1457, 1492, 1506 г.г. продавать, мѣнять, отчуждать и дарить имѣнья передъ господаремъ или передъ намѣстниками (по другому списку „врадники“, лат. officiales) имѣло въ виду не однихъ только намѣстниковъ главныхъ городовъ областей, но и второстепенныхъ. Статутъ 1529 года предоставилъ князьямъ, панамъ и землянамъ-шляхтѣ „продати и променати и отдати и записати“ „приходши обличне передъ насъ господаря, а безъ бытности нашего панов воевод и маршалковъ нашихъ земского и дворного и старост наших, въ которомъ повѣтѣ хто з нихъ будетъ“¹²²⁴⁾. Повидимому, число правительственныхъ мѣстъ, гдѣ можно было получить дозволеніе на отчужденіе или приобрѣтеніе имѣнья, здѣсь ограничено было столицей и главными городами областей. Но принимая во вниманіе, что ко времени изданья Статута 1529 г. терминъ „староста“ сталъ прилагаться нерѣдко къ мѣстнымъ правителямъ, имѣвшимъ свою резиденцію въ пригородахъ областей, нельзя допустить такое ограниченіе, а пропускъ державцевъ нужно отнести къ простой редакціонной неисправности закона.

¹²²²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 311.

¹²²³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 222.

¹²²⁴⁾ 15 арт. I раздѣла.

XLV.

Въ частныхъ случаяхъ люди, владѣвшіе земскими маестностями и не принадлежавшіе къ крестьянскому сословію, освобождались иногда отъ обязанности военной службы. Такъ, великій князь пожаловалъ какому-то Васку смолянину привилей— „войну не ходити а ни подводъ давати, зъ городомъ не тягнути“¹²²⁵). Онъ же продалъ нѣкоему Ивану Луду войтовство Владимирское и Литовижское „вѣчно ему и дѣтемъ его, и потомъ будучимъ щадкомъ ихъ, зъ землями пашными и съ сѣножатями, и зъ озера, и зъ млыны, и со всеми платы и вжитки, которыя здавна къ тымъ войтовствамъ Володимерскому а Литовижскому слушаютъ“. Войты съ своихъ имѣній по общему порядку должны были отбывать земскую службу, но Казимиръ Ивана Луда особымъ листомъ „вызвалилъ съ тыхъ обѣихъ войтовствъ на войну не ходити до его живота зъ старостою Лудцимъ и зъ намѣстникомъ Володимерскимъ, и зъ маршалкомъ Волинскоѣ земли, и съ князи и съ паны Волинское земли“. Въ 1494 году великій князь Александръ подтвердилъ сыну Оедеу „тыя войтовства и на войну нехоженъ“¹²²⁶). Въ 1498 году онъ пожаловалъ ему двориче Зчарки близъ Литовижа и отпустилъ „ему а его жонѣ, и ихъ дѣтамъ, и потомъ будучимъ ихъ сцадкомъ съ того дворича на войну не ходити, ни иное никоторое службы не служити“¹²²⁷). Но подобныя изыятія были сравнительно рѣдки, и всѣ владѣльцы земскихъ имѣній должны были нести съ нихъ военную службу, выставлять извѣстное количество конныхъ ратниковъ.

Въ числѣ этихъ ратниковъ должны были быть непременно сами землевладѣльцы своею „парсуною“. Отъ этой обязанности они освобождались только за старостью или болѣзнью (форобою*) и въ такомъ случаѣ должны были выставить за себя родственника или слугу. Въ 1523 году королю Сигизмунду билъ челомъ тивунъ Поюрскій, „што жъ онъ самъ старъ и недужъ на службу нашу на войну вѣдити для старости своей, а сына дей въ собѣ одного маеть“, и просилъ короля освободить его отъ службы „парсуною“. Король исполнилъ его просьбу и выдалъ ему листъ до гетмана наивысшаго кн. Константина Ивановича Острожскаго, въ которомъ писалъ: „маеть онъ сына своего и съ своими слугами на службу нашу на войну посылати; а

¹²²⁵) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 21.

¹²²⁶) Ibidem, л. 83. Срав. Акты Зап. Рос. I, № 92, 121.

¹²²⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 103.

если бы сына его при немъ не было, и онъ маеть которого добраго челоуѣка на свое мѣсто посылати водлѣ ухвалы земское" ¹²²⁸). По Статуту 1529 года даже и здоровый челоуѣкъ, имѣвшій годнаго къ военной службѣ сына, могъ замѣниться имъ. Для этого онъ долженъ былъ представиться съ нимъ гетману и получить отъ него разрѣшеніе ¹²²⁹). Старые бездѣтные землевладѣльцы, которыхъ некому было замѣнить, чтобы не оказаться неисправными въ господарской службѣ, принимали къ себѣ родственниковъ или чужихъ „за сына мѣсто" и записывали имъ свои имѣнья съ „призволенья" великаго князя. Такихъ записей и господарскихъ подтвержденій находится множество въ записяхъ Литовской Метрики. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ записей, въ которыхъ ясно выражены мотивы принятія „за сына мѣсто". Въ 1501 году великому князю Александру билъ челомъ дворянинъ Олехно Васильевичъ Хребтовича и повѣдалъ, „што жъ бояринъ слонимскій Сенько Толтиггиновичъ, будучи при старости *для нашего* (господарское) *службы* взялъ его собѣ за сына мѣсть и записалъ ему дворецъ, выслугу свою, на Грывдѣ и землю пустовскую на имя Пилиповщину, со всею землею пашною и дворною и зъ людьми, какъ самъ держалъ"; Олехно просилъ великаго князя утвердить все это за нимъ на вѣчность, что и было исполнено ¹²³⁰). Въ 1522 году королю Сигизмунду билъ челомъ свирный Станько Ивашковичъ и повѣдалъ, „и жъ бояринъ Виленского повѣту Войтко Петковичъ Жудвей и зъ жоною своею Доротою, будучи при старости, а дѣтей въ себѣ не маючы, и *не могучы службы наше и земское заслуповати*, взяла его за сына мѣсть и имѣнейцо свое у Рубнѣ ему записали"; свирный просилъ короля дать ему на это имѣнье листъ, который и былъ выданъ 3 октября ¹²³¹) и т. д. Чаще всего бездѣтные военнoслужыме землевладѣльцы записывали свои имѣнья (разумеется, съ соблюденіемъ закона, дѣйствовавшаго относительно отчинъ) своимъ ближнимъ или дальнимъ родственникамъ, которые обязывались держать ихъ въ чести, беречь въ покоѣ и заступать за нихъ земскую службу. Въ 1495 году, напр., великому князю Александру билъ челомъ бояринъ минскій Дашко Сенковичъ и, доложивъ, „што жъ вжо самъ старъ, дѣтей не маеть", просилъ дозволить ему „тотъ его дворецъ и того челоуѣка на имя Ермака Хомича записати по своемъ животѣ сестрен-

¹²²⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 118.

¹²²⁹) 2 арт. II раздѣла.

¹²³⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 202.

¹²³¹) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 30

цомъ его, Яну Кореичу и его братья⁴. Великій князь дозволилъ и выдалъ листъ, въ которомъ написалъ: „и имъ то подтверждаемъ симъ нашимъ листомъ вѣчно подлугъ листу отца нашего и его милости данины (имѣнье было выслужено Дашкомъ на королѣ Казимирѣ): не хай они тотъ дворець и того человекъ держать, а намъ съ того службу служить. по тому, какъ и первѣй того служба наша шла, а того дядя своего мають они до смерти ховати и въ чѣсти его держати“⁴²³³). Бояринъ Опшенскаго повѣта Петръ Матясовичъ повѣдалъ королю Сигизмунду, „ижъ дядю его Адамъ Петрашовичъ весположь зъ женою, будучи при старости и не маючи дѣтей въ себе, а выдачы, ижъ онъ вже недужъ службы наше (господарское) и земское служить, и для тое причины взяли его собѣ, яко то близскаго, за сына мѣсто и записали ему третюю часть имѣнья своего отчизного..... и ку тому купленину свою и што тежь позакупалъ, на имя Тамашовщину, и иншии земли,..... а рухомыхъ речей: коней, быдла и челяди невольное, што маеть у дому своемъ, то пакъ же все ему записалъ, а онъ до смерти его маеть за него службу нашу земскую заступовати; а тотъ Адамъ съ того имѣнья своего на службу нашу какъ кони, такъ и зброями и всякими речми, што на то прислуша, маеть выправовати; и того имѣнья мають они оба вживати ажъ до своего живота; а по животѣ того Адама тотъ Петръ маеть третюю часть имѣнья его, купленину и што тежь тотъ Адамъ позакупалъ, ото всихъ близскихъ держати“; Петръ Матясовичъ представилъ королю и листъ записной дяди „подъ печатми людей добрыхъ“ и просилъ подтвердить ему все это на вѣчность, что король и исполнилъ. Изъ условія этой записи и принятыя „за сына мѣсто“ ясно видно, что въ подобныхъ случаяхъ имѣлось въ виду избавиться отъ личной службы, замѣнить свою „парсуну“ приемнымъ сыномъ. Впрочемъ, Петръ Матясовичъ выхлопоталъ себѣ у короля льготу. „И въ тому повѣдилъ передъ нами,—читаемъ въ подтвердительномъ листѣ короля отъ 17 февраля 1527 года,—ижъ онъ мѣшкаеть у мѣстѣ нашомъ Виленскомъ и торгомъ ся обходитъ для пожитку своего, и если бы коли для оmeshканыя не поспѣлъ на службу нашу съ того имѣнья ѣхати, абыхмо дозволили ему на свое мѣсто такъ доброго, яко онъ, на службу нашу послати“. Король далъ ему разрѣшеніе: „не маеть онъ самъ съ того имѣнья на службу нашу и земскую ѣздити, нижи маеть человекъ доброго съ того имѣнья на службу нашу и земскую послати,

⁴²³³) Литов. Метр. ии. Запис. V, л. 28.

какъ онъ самъ, съ тѣмъ почтомъ людей, который тотъ Адамъ съ того имѣнья служилъ" ¹²³³). Но если бы это разрѣшеніе не было дано, Петръ Матвѣевичъ непремѣнно долженъ былъ бы лично выѣзжать на войну, по смыслу того обязательства, которое онъ принялъ на себя предъ дядею своимъ Адамомъ Петраповичемъ.

Отъ личной службы не освобождались и бояре, въ имѣньяхъ которыхъ не жило такого количества крестьянъ, съ какового, по сеймовымъ „ухваламъ“, выставлялся ратникъ въ полной амуниціи, не освобождались даже и тѣ, которые не имѣли ни одного человѣка и сами пахали свою землю ¹²³⁴). Вслѣдствіе этого и въ упоминавшемся уже не разъ „пописѣ шляхты и ихъ людей“ 1528 г. часто находимъ тѣя оглавленія: „То—бояре, которые людей своихъ не мають, только сами головами своими повинни на службу ѣхати“ ¹²³⁵). Но такіе бояре выѣзжали на войну на конѣ и въ амуниціи „не воддугъ устави, але водѣ возможности своее“ ¹²³⁶). Въ тѣхъ случаяхъ, когда военнослужилый человѣкъ владѣлъ нѣсколькими имѣньями въ разныхъ повѣтахъ, онъ долженъ былъ лично выѣзжать на войну съ своего отчиннаго „головаго“ имѣнья. Такъ постановлено въ Статутѣ 1529 года ¹²³⁷); но это, по всѣмъ даннымъ, давній порядокъ, существованіе котораго подтверждаютъ самыя исключенія изъ него. Такъ, напр., въ 1507 году король Сигизмундъ выдалъ привилей боярину кіевскому Ивашку Полозовичу: „самъ онъ головою своею маеть службу нашу и земскую зъ имѣней Пинскихъ заступовати, а съ Кіевскихъ имѣней казали есмо ему слугами своими службу служити поддугъ нынѣшнее ухвалы земское.....; а по его животѣ дѣти его сами головами своими мають съ Кіевскихъ имѣней службу нашу заступовати“ ¹²³⁸). Правило относительно личной службы землевладѣльцевъ, которые держатъ имѣнья свои подъ господаремъ, проведено въ Статутѣ 1529 года съ полною строгостью. „Хочемъ теж и приказуемъ грозно,—гласить 2 арт. II раздѣла,—абы вси подданные наши военную службу повинни не инде бы ся пиховали ани ся инде становили парсонами своими толко под

¹²³³) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 342—344.

¹²³⁴) Акты Зап. Рос. II, № 161.

¹²³⁵) Литов. Метр. кн. Публич. Дѣлъ I, л. 11—19 и др. Срав. 1 арт. II раздѣла Статута 1529 года.

¹²³⁶) Акты Зап. Рос. II, № 161; 1 арт. II раздѣла Статута 1529 г.

¹²³⁷) 2 арт. II раздѣла.

¹²³⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 290, 291.

хоругвою своею поветовою, в котором повете сѹт осели, кроме особнаго расказанья гетманскаго. А естли бы который с нихъ службу мел въ вѣвоторого пана рад нашихъ або вранниковъ або тежъ въ кого иного, тотъ будетъ повиненъ местце свое подле пана своего, которому прислухает, кимъ инымъ войны неповиннымъ осадити, а местца своего хоругвоннаго яко повиннейшого жадною мерою опустити и омешкати не смелъ подъ страченемъ имени своего..... И тежъ которые слуги князские и панские маючи подъ князми и паны имени, а другіе именья подъ Господаремъ покупили, тогда в часъ потреби оставивши пана своего маютъ ся подле хоругове становити для тыхъ именей своихъ, которые подъ Королемъ покупили“.

По Статуту 1529 года военную службу должны были отправлять и „вдова также и каждый сирота, лета суполные маючи або не маючи, и всякій оный человекъ, именье маючи“. Статутъ и въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, лишь подтверждаетъ то, что уже и ранѣе имѣло силу закона. Въ земскомъ привилеѣ короля Александра 1492 года находимъ, напр., такой артикулъ: *Item, viduae quae remanserint in bonis haereditariis post mortem maritorum, ad servitia terrestria et bellicas expeditiones juxta facultatem possessionum obligantur* ¹²³⁹). Разумѣется, женщины и малолѣтніе избавлены были отъ личной обязанности являться въ войско и должны были высылать только свои „почты“ подъ начальствомъ „добрыхъ“ слугъ. Но ответственность ихъ за исправность военной службы была такая же, какъ и совершеннолѣтнихъ мужчинъ. Это заставляло многихъ женщинъ даже на старости лѣтъ выходить замужъ, чтобы имѣть во главѣ своихъ „почтовъ“ надежныхъ людей, которые могутъ довести эти почты въ сборный пунктъ и держать ихъ въ войскѣ въ полномъ составѣ. Многія женщины съ этою цѣлью записывали имѣнья родственникамъ или чужимъ или продавали ихъ, предпочитая жить съ движимаго капитала, чѣмъ съ имѣній, которыя за неисправность военной службы отбирались. Бывали даже случаи, когда женщины бросали имѣнья за невозможностью нести исправно съ нихъ военную службу. Такъ, въ 1529 году король Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность земляину Бѣльскаго повѣта Григорью Тимофеевичу землю Рѣчвовщину, исторія которой, по словамъ королевскаго листа, была такова: „которое жъ земли отчича Корицкій забилъ, и только на той земли вдова сидѣла, а дѣтей не мѣла, а намъ отъ нея службы нивоторое не было; и при-

¹²³⁹) Zbiór praw litewskich, str. 58—67.

подшы передъ его милость (старосту Бѣльскаго пана Альбрехта Мартиновича Гапштольда) самодобровольно тую землю спустила (Григорью Тимошеевичу), на што жъ его милость и листъ ему свой далъ,.... въ которомъ же листѣ стоить выписано, какъ розказалъ его милость ему съ тое земли намъ службу служить по тому, какъ и иншии бояре Бѣльскіе служатъ“¹²⁴⁰). За исправностью военной службы съ имѣній несовершеннолѣтнихъ владѣльцевъ слѣдили опекуны, которые и отвѣчали предъ владѣльцами, если тратили ихъ имѣнья по случаю несправности въ отбываніи военной службы¹²⁴¹).

Военная служба шла и съ тѣхъ имѣній, которыя принадлежали духовнымъ лицамъ и церковнымъ учрежденіямъ. Въ ряды духовенства вступали иногда люди, владѣвшіе земскими частностями, съ которыхъ они по прежнему должны были нести военную службу, такъ какъ эти имѣнья составляли ихъ личную собственность. Статутъ 1529 г., подтверждая уже дѣйствовавшее право, категорически говорить о томъ, что съ имѣній землевладѣльцевъ, вступившихъ въ духовное званіе, должна была идти военная служба, а ихъ „парсоны“ были „въ ласцѣ господарской“, т. е. отъ воли господаря зависѣло вызвать ихъ лично на войну или дозволить имъ поставить на свое мѣсто „добротого слугу“. Но еслибы духовное лицо приняло въ залогъ имѣнье, съ такого „завупного“ имѣнья оно обязано было непремѣнно лично выѣзжать на войну“¹²⁴²). Санъ не препятствовалъ литовско - русскому духовенству даже пріобрѣтать земскія имѣнья въ личную собственность, вследствие чего, естественно, должна была падать на него и обязанность военной службы. Въ 1498 году владыка Смоленскій Іосифъ купилъ у дворянина Фадка Шостова имѣнье Ярковичи въ Смоленскомъ повѣтѣ. Великій князь подтвердилъ это имѣнье владыкѣ съими: „нижели, не маєт того имѣнья владыка въ церкви привлачати, а ни записати, а маєт намъ съ того имѣнья земскую службу отиравати, такую, какъ и передъ тымъ съ того имѣнья служба бывала“¹²⁴³). Изъ этого видно, что собственныя церковныя имѣнья, принадлежавшія церкви, какъ учрежденію не несли военной службы. Изъ другихъ актовъ изучаемаго времени видно, что и собственныя церковныя имѣнія далеко не всѣ освобождены были отъ обязанности военной службы. Извѣстная налиц-

¹²⁴⁰) Литов. Метр. кн. Запис XII, л. 393.

¹²⁴¹) 1 и 8 арт. V раздѣла Статута 1529 года.

¹²⁴²) 2 и 3 арт. II раздѣла Статута 1528 г.

¹²⁴³) Акты Зап. Рос. I, № 160. Срав. Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 74. Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 154.

ность такихъ имѣній несомнѣнно была, именно—имѣнія, пожалованныя церкви великими и удѣльными князьями литовскими, прибрѣтенныя церковью въ давнія времена и освобожденныя князьями отъ военной службы (сюда могли принадлежать и имѣнья, прибрѣтенныя церковью еще въ тѣ времена, когда военная служба не связана была тѣсно съ землевладѣніемъ). Известно, напр., что Ягелло въ 1387 году выдалъ католическому духовенству на Литвѣ привилей, коимъ онъ освободилъ его имѣнья отъ всякихъ повинностей¹²⁴⁴⁾. Удѣльные князья съ своей стороны, жалую церквамъ и монастырямъ имѣнья, освобождали ихъ отъ всякихъ повинностей¹²⁴⁵⁾. То же дѣлали съ дозволенья господара и князья служилые, паны, бояре и другіе землевладѣльцы¹²⁴⁶⁾. Но на ряду съ этими имѣнья съ теченіемъ времени церкви стали принадлежать и земельныя имущества, съ которыхъ она должна была нести военную службу. Князья, паны, бояре-шляхта и мѣщане, получивъ право записывать и продавать церкви свои имѣнья, не получили вмѣстѣ съ тѣмъ права очищать эти имѣнья отъ военной и другихъ государственныхъ повинностей, которыя и падали часто на церкви вмѣстѣ съ имѣньями. Въ 1508 году, напр., королю Сигизмунду повѣдалъ владѣеа Луцкій Кирилль, „што жъ маршалокъ... староста Володимерскій панъ Федоръ Янушевичъ, зъ волею паней своеѣ пани Фенны, посполитою рукою дали и записали въ церкви Божьей къ Святому Іоанну Богослову, въ Луцку, имѣнья свои отчизные, въ Луцкомъ повѣтѣ, на имя Колодеси а Жабче,... на память души своеѣ и предковъ своихъ“,—и просилъ подтвердить особымъ листомъ. Король исполнилъ эту просьбу и написалъ въ своемъ листѣ: „а владѣеа Кирилль и по немъ будучи епископи мають съ тыхъ имѣней людей своихъ на службу земскую посылати, посполу съ князи и паны и земляни, противъ всякого непріятеля нашего, подлугъ уставы и ухвалы земли Волыньскоѣ“¹²⁴⁷⁾. Службу земскую съ своихъ имѣній несли и монастыри, напр., Кіево-Печерскій монастырь при Сигизмундѣ выставилъ десять человекъ „на конѣхъ у зброяхъ“¹²⁴⁸⁾. Разумѣется, господарь, подтверждая церкви записанныя имѣнья, могъ освобождать ихъ отъ военной повинности. Статутъ 1529 года сдѣлалъ общимъ прави-

¹²⁴⁴⁾ Scarbiec dyplomatów I, № 540.

¹²⁴⁵⁾ См., напр., Акты Зап. Рос. I, № 43, 82, 177.

¹²⁴⁶⁾ См., напр., Археографическій сборникъ, изданный въ Вильнѣ т. I, № 10 и 11.

¹²⁴⁷⁾ Акты Зап. Рос. II, № 82.

¹²⁴⁸⁾ Ibidem, № 112.

домъ, чтобы съ имѣній, записанныхъ на церковь православными и католиками, отправлялась военная служба. „Хто бы хотелъ куплю на церковь записать, — гласить 18 артикулъ V раздѣла, — маєт записатьъ тымъ обычаемъ, который колѣе духовны тое имене будетъ держати, толю маєт с того именя службу земскую конно а збройно служити воде уставы и уфалы земское, юж от чого часу уставуем. Иж хто бы записалъ имене на костел, тогда с того именя также маєт служба быти яко и первой была“. Конечно, съ такихъ имѣній духовные должни были не лично отправлять военную службу, а только посылать добрыхъ слугъ съ „почтами“.

Изъ кого же состояли эти „почты“, которые выводили на войну военнотружильные землевладѣльцы? Князья и паны, получившіе по вѣдѣдству или отъ господара цѣлыя волости и вообще крупныя имѣнья, имѣли въ составѣ ихъ своихъ бояръ и землянь, которыми и „заступовали“ земскую службу. Эти бояре и земляне находились на такомъ же положеніи, какъ бояре и земляне, державшіе свои имѣнья подъ господаремъ. Они могли владѣть своими земельными участками вѣчно и непорушно, но съ непремѣнною обязанностью служить владѣльцу имѣнья, въ составу котораго принадлежали ихъ имѣнья. Такъ, княгиня Марья, жена кн. Василья Михайловича Верейскаго, пожаловала „боярина своего Мицка Коробку землю на имя Вязевщиною вѣчно и верухомо ему и его дѣтемъ, помы онъ самъ служить моимъ дѣтемъ, и дѣти его внучатомъ моимъ, и со всеми съ тымъ, што в той земли по татлю изъ старины“¹²⁴⁹). Владѣльцы не могли согнать своихъ бояръ съ имѣній, если это были отчины ихъ или выслуги на вѣчность, подобно тому, какъ самъ господарь не могъ по закону отбирать у своихъ бояръ отчины ихъ и выслугъ на вѣчность. Въ 1499 году великому князю Александру жаловалась боярыня мстиславская Кахна, вдова Ивана Ольгишевича, на князя Михаила Ивановича, что онъ, пріѣхавъ къ Мстиславу, отнял у нея имѣнье Хвостово съ приселками, которое пожаловалъ свекру ея Василью Ольгишевичу покойный князь Юрій Лингвеневиць „вѣчно“. Боярыня представила и привилей князя Юрія, послѣ чего великій князь съ панами радою присудилъ возвратити ей имѣнье и ея ребенка, съ которымъ она осталась по смерти мужа: „нижи она и дитя ее мають съ того имѣнья служити князю Михаилу Мстиславскому“¹²⁵⁰). Но если владѣльцы не могли произвольно и-

¹²⁴⁹) Литов. Метр. кн. Борон. Переп. XXIV, док. 28.

¹²⁵⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 156.

шать своих бояръ и землян земель, тѣмъ не менѣ эти имѣнья признавались неотъемлемою принадлежностью, составными частями княжескихъ и панскихъ волостей и раздѣляли вмѣстѣ съ ними ихъ судьбу. Такъ, въ томъ же 1499 году великій князь Александръ, присудивъ Слуцкъ и Копыль князю Семену Михайловичу, подтвердилъ ему ихъ на вѣчность „со всеми князи и бояры...., и въ ихъ имѣнья“¹²⁵¹). Поэтому, когда въ 1528 году боярыня Матруна, владѣвшая въ княжествѣ Слуцкомъ имѣньемъ Скепьевомъ, стала было выламываться изъ подданства князю Юрью Семеновичу, король Сигизмундъ присудилъ ея имѣнье къ Слуцку. Боярыня указывала на то, что Скепьево и дворецъ Ходковскій въ Турцѣ пожаловалъ прежде ея мужа Митеу Гуцѣ кн. Александръ Владимировичъ на вѣчность, съ правомъ „тѣхъ имѣнья отдати и продати и замѣнити и къ своему лѣвшому и жыточному обернути“, въ доказательство чего представила и самый привилей кн. Олелька. Но князь Юрій Семеновичъ заявилъ королю, „вѣкъ предокъ его князь Александръ тѣхъ имѣнья Митеу Гуцѣ далъ, але отъ себе ихъ не вызволилъ, же бы малъ съ тѣми имѣньи кому иному добровольне служити“; кромѣ того, король Александръ присудилъ отцу его кн. Семену Слуцкъ и Копыль съ дворами и волостями, въ томъ числѣ и Скепьевомъ, „и отъ тѣхъ часовъ отецъ и matka его и онъ самъ держали то во впокон и съ того дворца Ходковского тотъ истый Василій Скепьевскій и по немъ тая жена его Матруна были слугами предкамъ его и ему самому, а о томъ припоминая жадного отъ нихъ не было ажъ и до тѣхъ часовъ“¹²⁵²). Лично бояре и земляне, какъ и въ господарскихъ имѣньяхъ, были, конечно, свободны и при желаніи могли оставить свои земли и служить, кому хотѣли. Такъ, король Сигизмундъ, подѣливъ отчинными и материнскими имѣньями вдову пана Яна Николаевича и брата ея пана Петра Станиславовича, написалъ въ „дѣльчемъ листѣ“: „а бояре съ obu сторонѣ, земли оставивши, кому хотать, тому мають служити, а одинъ въ другому маеть ихъ пустити со всеми ихъ статьи домовыми, а съ челядью купленою, и со всеми рухомыми речъми, и зъ житомъ и яринами, што у гумнѣ, и што въ земляхъ посѣяно, а ничимъ не мають гамованы быти“¹²⁵³). Въ 1528 году тотъ же король писалъ князю Михаилу Ивановичу Мстиславскому: „што есьмо смотрѣли тебе съ бояры тетериньскими Ивановъ Борисовичемъ а съ Ѳедкомъ Нестеровичомъ, котори имѣнья

¹²⁵¹) Акты Зап. Рос. I, № 163.

¹²⁵²) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 51, 52.

¹²⁵³) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 86—8.

держали въ Тетеринскомъ повѣтѣ Костюковичи а Ногоевичи, и тѣмъ имѣнья присудили тобѣ въ Тетерину; а што ся дотычетъ статей ихъ, пенязей и коней, быдла и збожья, и сѣна и рухомыхъ иныхъ речей, и ихъ накладовъ, съ тѣмъ со всимъ казали есьмо имъ съ тѣмъ имѣнней *повыпровадитись*, а тобѣ есьмо очевисте рассказали добровольне ихъ оттолъ со всимъ выпустити“ ¹²⁵⁴). Бояре и земляне частновладѣльческіе лишь въ томъ случаѣ могли перейти на службу къ другому лицу съ имѣннемъ, если оно записано было имъ съ правомъ служить, кому хотять. О такихъ записяхъ довольно часто упоминають авты изучаемаго времени, большею частью подтвержденья господарскія этихъ записей. Такъ, напр., панъ Миколай Жиегимонтовичъ при Казимирѣ или въ началѣ княженья Александра записалъ слугѣ своему Шямку Яновичу людей и земли „тѣмъ обычаемъ, што жъ онъ то воленъ отдати и продати *и съ тѣмъ служити, кому бы хотѣлъ*“ ¹²⁵⁵). Панъ Александръ Ивановичъ Ходкевича пожаловалъ Степану Чаплину, „вбачивши его вѣрную а пильную службу, которую жъ онъ ся заховалъ, служацы отцу а матцѣ его ажъ до смерти ихъ и ему з дѣтства его до ускованья лѣтъ его“, „дворецъ свой отчинный въ Берестовицкомъ повѣтѣ на имя Павлишеня, который жо держалъ бояринъ его Богданъ Старыщинъ, и зъ людьми, и съ челядью невольною, и зъ статьи домовыми, и зъ землями пашными и бортными“ и, кромѣ того, нѣкоторыя другія имѣнья; при этомъ онъ выдалъ Степану, его женѣ и дѣтямъ привилей: „мають со всею его тою даниною по своей доброй воли служити намъ (королю) або кому похотять“. Король Сигизмундъ въ 1508 году подтвердилъ всѣ эти имѣнья Степану Чаплину въ потомственное вѣчное владѣніе ¹²⁵⁶). Панъ Янъ Станиславовичъ Глѣбовича записалъ, а король Сигизмундъ въ 1518 году подтвердилъ дворянину Яну Стецковичу Ростросовича имѣнье Дудичи на Исколте; „а въ томъ листѣ пана Яновомъ стоитъ, ижъ онъ воленъ съ тѣмъ имѣннемъ служить намъ господару або кому будетъ его добрая воля“ ¹²⁵⁷). Въ 1523 году королю Сигизмунду билъ челомъ бояринъ Матей и повѣдалъ, „ижъ князь Янъ Талимонтовичъ далъ ему и его жонѣ и ихъ дѣтемъ за его службу челоуѣка своего на имя Феда Ктладышовича и зъ его сынии зъ Бартошомъ и Стецомъ и Матейцомъ, и зъ землею ихъ, и со всимъ съ тѣмъ, какъ ся тотъ челоуѣкъ

¹²⁵⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 33.

¹²⁵⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 144.

¹²⁵⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 219, 220.

¹²⁵⁷) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 15.

здавна въ собѣ маеть, и казалъ ему по своему животѣ и по животѣ жоны своее съ тымъ чоловѣкомъ служыти кому его воля“. Бояринъ представилъ королю и листъ — данину князя Яна и просилъ подтвердить на вѣчность, что король и исполнилъ ¹²⁵⁸). Въ 1529 году королю билъ челомъ бояринъ Сенько Михайловичъ и повѣдалъ, „што жъ державца Бирштанскій князь Матеей Микитиничъ, узнавши его въ собѣ вѣрную службу, и зъ ласки своее далъ ему сельцо имѣнья своего Головчынскаго на имя Овсековское Иванковичовъ, въ которомъ жо сельцы передъ тымъ три чоловѣки, а на тотъ часъ одинъ чоловѣкъ, на имя Никифоръ, въ томъ сельцы остался, а два сошли прочъ,—и въ тому сельцу далъ ему три земли пустовскихъ и его жонѣ, и ихъ дѣтемъ, и на потомъ будущимъ ихъ щадкомъ вѣчно и на вѣки непо-рушно,..... ничого на себе и на дѣти, и потомки, и на ближніи свои не оставляючи, и дозволилъ ему съ тымъ имѣнейцомъ пры своему животѣ и по смерти своей кому хотя служыти и то отдати, продати и замѣнити и къ своему лѣпшому и вжыточному обернути, какъ самъ наилѣпѣй разумѣючи“ ¹²⁵⁹). По просьбѣ его король подтвердилъ ему сельцо и земли, какъ и въ предыдущемъ случаѣ. Такія имѣнья выходили уже совершенно изъ состава даннаго княжескаго или панскаго владѣнія, становились такою же свободною собственностью, какъ и то цѣлое, часть котораго они прежде составляли, и которымъ владѣльцы пользовались „съ полнымъ правомъ и панствомъ“. Разумѣется, и съ такихъ имѣній должна была идти военная служба, какъ вообще съ княжескихъ и панскихъ, но эти имѣнья не считались „подъ господаремъ“, и господарь не могъ de jure отдать ихъ владѣльцевъ снова въ частное подданство. Бояре съ такими имѣннями иногда били челомъ на службу господарю, который, такимъ образомъ, пріобрѣталъ на эти имѣнья тѣ же права, какія имѣлъ на имѣнья своихъ собственныхъ бояръ. Князь Семень Романовичъ Кобринскій пожаловалъ своему боярину Данилу Кгирдеевичу село Пришихвосты „вѣчно ему и его жонѣ, и дѣтемъ ихъ, и напотомъ будущимъ ихъ щадкомъ“; сынъ его, князь Иванъ Семеновичъ, съ матерью „тое село Пришихвосты и жеребей въ Городци Киршовскій и въ Ходлинѣ зеремя подтвердили ему своимъ листомъ“. Въ 1509 году сынъ Данила Кгирдеевича Еско билъ челомъ королю Сигизмунду, „хотячы намъ съ тымъ имѣньемъ служыти“, какъ гласитъ листъ короля Сигизмунда,—

¹²⁵⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 70.

¹²⁵⁹) Ibidem, л. 420, 421.

на что король изъявилъ свое согласіе и далъ ему особый листъ ¹²⁶⁰). Иногда такіе землевладѣльцы записывались съ имѣньями на службу къ князьямъ, панамъ и другимъ землевладѣльцамъ, и въ такомъ случаѣ ихъ имѣнья входили въ составъ владѣній этихъ послѣднихъ. Но тѣ военнoслужилые землевладѣльцы, которые имѣли свои имѣнья подъ господаремъ, не могли записываться съ ними на службу къ частнымъ лицамъ. Они могли, конечно, передать ихъ въ другія руки, но тотъ, кто принималъ эти имѣнья, принималъ вмѣстѣ съ тѣмъ и лежавшія на нихъ обязательства служить съ нихъ непосредственно господарю. Служба, которую несъ бояринъ непосредственно господарю, какъ увидимъ ниже, не отождествлялась и не приравнивалась службѣ, которую могъ нести тотъ же бояринъ въ „почтѣ“ князя или пана. Поэтому господарь уничтожалъ записи своихъ бояръ и землянъ, по которымъ они обязывались кому-нибудь служить съ своими имѣньями. Въ 1522 году королю Сигизмунду жаловался землянинъ Янъ Славскій съ сыномъ своимъ Станиславомъ на вдову пана Миколая Миколаевича Алжбету и ея сыновей Яна и Станислава: „отнялъ дей у мене отецъ ихъ, небожчыкъ панъ воевода Виленскій, имѣнья моего властного Микитинского землю“. Паны воеводичи отвѣчали: „отецъ дей нашъ тое земли въ него не отнималъ, нишли онъ самъ съ тымъ имѣньемъ своимъ отцу нашему на вѣчность служыти поддался и привилей свой, который на тое имѣнье въ собѣ мѣлъ, отцу нашему отдалъ и отецъ нашъ къ тому имѣнью прыдалъ ему земли иншого имѣнья своего и свой привилей ему на тьи земли далъ“. Славскій возразилъ на это: „тьи дей земли, которыи мнѣ отецъ ихъ, небожчыкъ панъ воевода, далъ, суть здавна моего жъ имѣнья земли Микитинскіи, и хочу дей то перевести людьми добрыми“. Судя по всему этому, покойный воевода захватилъ эти земли у мелкопомѣстнаго сосѣда, постоянно притѣснялъ его и довель его до того, что онъ счелъ за лучшее, чтобы избавиться отъ этихъ притѣсненій и воротить свои земли, податься на службу всесильному пану. По смерти его Славскій, опираясь на то, что онъ не имѣлъ въ сущности права записываться съ имѣньемъ на службу къ пану, и подалъ вышеприведенную жалобу королю. Послѣдній, отложивъ рѣшеніе о земляхъ, приданныхъ покойнымъ воеводою Славскому, до судебнаго разбирательства на мѣстѣ, велѣлъ воеводичамъ вернуть Славскому его привилей на имѣнье ¹²⁶¹). Значитъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда бояре и слуги записывались съ имѣнья-

¹²⁶⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 315, 316.

¹²⁶¹) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 65—63.

ми на службу къ князьямъ или панамъ, и господарь не нарушалъ ихъ записей, — имѣнья ихъ были свободною маенностью, которую они не держали подъ господаремъ. Эти имѣнья могли приобрѣтаться не только по дарственной записи, но и покупкою отъ князей, пановъ и другихъ владѣльцевъ, державшихъ ихъ съ полнымъ правомъ и панствомъ. Такъ, въ 1541 году служебникъ вдовы пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда Ѳедоръ Петеля, получивъ отъ нея три службы людей въ Койдановѣ, записался ей на службу со своими людьми купленными. „А такъ я тежъ, — читаемъ въ его записи, — што маю въ себе куплѣнныхъ людей, што отецъ мой небожчикъ купилъ въ Станислава а въ Мартина Шимковичовъ Скиндеревичовъ людей и земль ихъ за пятьдесятъ копъ грошей, а въ Яна Андреевича Скиндиревича жъ также людей и земль ихъ за тридцать копъ грошей — имена ихъ Суетицого, которыхъ людей осмъ служебъ, — а такъ и съ теми людьми моими купленными маю ей милости, паней моей милостивой, я самъ и потомъи мои службу военную конно а збройно служити, такъ, якъ и инши бояре ее милости шляхта, — ей милости и потомкомъ ее милости на вѣчность“¹²⁶³). Изъ приведенной записи видно, что побужденіемъ бояръ и землянъ записываться съ своими имѣньями на службу господарю, князьямъ и панамъ было желаніе увеличить свои имѣнья придачею со стороны тѣхъ, къ кому они записывались на службу. Кромѣ того, къ этому могли склонять и притѣсненія, чинившіяся имъ могущественными сосѣдями, какъ было, напр., въ вышеприведенномъ случаѣ съ земляниномъ Славскимъ. Корни разсматриваемаго явленія на Руси Литовской, слѣдовательно, были тѣ же, что и корни комментаціи въ западно-европейскихъ государствахъ въ эпоху возникновенія феодальныхъ отношеній.

Точно такъ же и система частнаго подданства была на Руси Литовской сложная, какъ и въ западно-европейскихъ государствахъ. Бояре частныхъ владѣльцевъ могли получать отъ своихъ пановъ также крупныя имѣнья, съ которыхъ они должны были не лично только, но съ извѣстнымъ числомъ вооруженныхъ слугъ выѣзжать на войну. Такъ, панъ Войтехъ Монивидовичъ, подстолий великаго княжества и намѣстникъ Новгородскій (въ 1471—1475 гг.), далъ слугѣ своему Пашку Коцеевичу землю, „брата его дѣльницу Мишкову, и съ сѣножатъми, со всимъ, што братъ его Мишко держалъ“, и сверхъ того человекъ Грица Нефедевича съ братею и ихъ землею: „а Пашко маеть со всего того, — писалъ

¹²⁶³) Литов. Метр. кн. Корон. Перепис. XXIV, док. 41.

онъ въ своей жалованной грамотѣ, — служить ми (двѣ) ма службами“ ¹²⁶³). Панъ Григорій Григорьевичъ Остиковича далъ нѣбому Николаю Войтеховичу имѣнье въ Мусникахъ „и мѣлъ ему тое имѣнье въ цѣлости захвати, на што жъ и привилей свой подъ завѣснстыми печатями на парегаменѣ далъ, а службу съ него пану своему въ трехъ конѣхъ служить конно и збруйно мѣлъ“ ¹²⁶⁴). Про бояръ господарскихъ и говорить нечего: они сплошь и рядомъ владѣли такими имѣньями, съ которыхъ должны были выѣзжать на войну самъ-другъ, самъ-третей и т. д., какъ это видно изъ „описа“ ихъ, произведеннаго въ 1528 году. Списокъ господарскихъ бояръ Смоленской земли конца XV вѣка показываетъ, что въ такихъ случаяхъ бояре выѣзжали на войну съ взрослыми сыновьями, племянниками и другими родственниками; по аналогіи можно предполагать то же самое и относительно княжескихъ и панскихъ бояръ. Но могли быть случаи, когда господарскіе и частновладѣльческіе бояре въ этихъ случаяхъ отправляли военную службу съ своими боярами. Относительно господарскихъ бояръ существуютъ прямыя и опредѣленныя указанія въ источникахъ изучаемаго времени. Господарскій бояринъ Малхеръ Яновичъ Войковича записалъ женѣ своей Ганнѣ по своему животѣ третью часть имѣній отчинныхъ „зъ бояры, съ слугами путными, зъ людьми тяглыми и челядью неволною, и зъ землями пашными и бортными, и сѣножатми, зъ гай и лѣсы“ и т. д.; король Сигизмундъ въ 1524 году подтвердилъ Ганнѣ и ея второму мужу, дворянину Николаю Андреевичу, записанныя имѣнья на вѣчность ¹²⁶⁵). Бояре господарскіе могли получать въ подданство бояръ вмѣстѣ съ имѣньями, которыя имъ доставались какимъ нибудь путемъ. Такъ, бояринъ господарскій Митя Ивановичъ помѣнялся съ паномъ Альбрехтомъ Мартиновичемъ Гаштольдомъ имѣньями: ему далъ имѣнье Сырчинъ, выслуженное у королевы Елены, а отъ него получилъ Пузыришки „со всеми бояры того имѣнья и слугами путными и зъ людьми данными и тяглыми и зъ ихъ землями“ ¹²⁶⁶). Эти боярскіе бояре состояли въ такомъ же отношеніи подданства къ своимъ „господарямъ“, или „панамъ“, въ какомъ эти послѣдніе находились въ отношеніи къ господарю великому князю или къ князьямъ и панамъ. Въ 1542 году воеводѣ Виленскому жаловалась боярыня Виленскаго повѣта Дороменова Милохна на боярина

¹²⁶³) Литов. Метр. кн. Корон. Перепис. XXIV, док. 29.

¹²⁶⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 126, 127.

¹²⁶⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XII л. 187, 188.

¹²⁶⁶) Ibidem, л. 84.

того же повѣта Ивана Савича: „*бояринъ ево, на имя Мисюта, перехо-
вывалъ баробка моего, который въ мене втекъ, черезъ заказъ, а онъ
ми справедливости вчинити не хотѣлъ*“. Воевода постановилъ „о па-
робка маеть въ него на того боярына права просити; а естли бы
права не даль, повиненъ будетъ его передъ нами поставити“ (1267).
Итакъ, бояре могли даже судить своихъ бояръ, какъ и другихъ под-
данныхъ.

Кромѣ князей, пановъ и крупныхъ землевладѣльцевъ изъ бояръ-
шляхты, бояре были и у духовныхъ лицъ и учрежденій, напр., у вла-
дыки Смоленскаго (1268), у Киево-Печерскаго монастыря (1269) и т. д.

Въ составѣ землевладѣльческихъ „почтовъ“, кромѣ бояръ, выхо-
дили на войну такъ же, какъ и изъ господарскихъ волостей, слуги
разныхъ наименованій, а за недостаткомъ ихъ крестьяне другихъ на-
именованій. О существованіи слугъ въ имѣньяхъ князей, пановъ и
другихъ крупныхъ землевладѣльцевъ приведено не мало свидѣтельствъ
на предшествующихъ страницахъ настоящихъ очерковъ. Эти свидѣ-
тельства, можно сказать, попадаются на каждомъ шагѣ при чтеніи
актовъ изучаемаго времени, и потому нѣтъ никакой надобности оста-
навливаться на нихъ въ настоящемъ мѣстѣ. Приведемъ только нѣсколько
фактовъ, касающихся слугъ бояръ и вообще мелкихъ землевладѣль-
цевъ. Такіе слуги часто жаловались имъ господаремъ, при чемъ вла-
дѣльцы не имѣли права требовать съ нихъ другой службы, кромѣ той,
которую они служили и господарю. Въ 1506 году король Александръ
пожаловалъ дворянину Стефану людей путныхъ въ Полоцкомъ повѣтѣ
Шоловиничей съ такимъ условіемъ: „а мають тые люди ему служити
не мѣй, нишли тою службою, какъ и намъ самому господарю слу-
жили; а всхотятъ ли отъ него прочъ поити для нѣкоторое его налоги,
и они мають со всеми своими статки поити отъ него прочъ добро-
вольно гдѣ хотя, нишли Стефанъ и его жона и ихъ дѣти мають землю
ихъ держати вѣчно со всимъ, какъ тая земля ихъ здавна въ своихъ
границахъ маеть са“ (1270). Король Сигизмундъ въ 1511 году пожало-
валъ боярамъ невельскимъ Полоцкой земли Михаилу и Ивану людей
путныхъ въ Кубличахъ „на имя: Ивана Матѣева, Охрема, Ермола,
Давида, Рыся, Ѳедота, Макара, Ивана Ермоловича, Оѳонаса, Нефедья,
Матшака“, и написалъ въ своемъ привилеѣ: „исхай они служить имъ

1267) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XI, л. 42.

1268) Акты Зап. Рос. I, № 148.

1269) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI, № VII.

1270) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 313, 314.

потому, какъ на насъ служили были“ ¹²⁷¹⁾ и т. д. Наконецъ, известная запись о Смоленской посадинѣ прямо говоритъ о томъ, что бояре въ своихъ имѣньяхъ осаживали верѣдко на земляхъ слугъ ¹²⁷²⁾.

Откуда набирались бояре и слуги частновладѣльческіе? По всѣмъ даннымъ, классъ этотъ того же происхожденія, что классъ бояръ и слугъ государскихъ. Литовская Русь получила по наслѣдству отъ древней Руси классъ бояръ и слугъ, военнотруженическихъ землевладѣльцевъ, лично свободныхъ, которые при нежеланіи нести службу своему госнодарю могли повидать его и переходить къ другому. Этотъ классъ литовско-русскіе князья пополняли элементами изъ простонародья и пришлыми. Пока существовала на Руси Литовской удѣльная система, бояре и слуги переходили отъ одного князя къ другому. Удѣльными князьями смѣнили крупные землевладѣльцы, князья и паны, получившіе свои имѣнья частью отъ господаря съ княжескими правами и властью надъ обществомъ, жившимъ въ ихъ имѣньяхъ, обязанные предъ госнодаремъ правительственнымъ сотрудничествомъ („радою“), военною службою и нѣкоторыми другими повинностями, связанными съ обязанностью защищать страну отъ непріятелей. На это же положеніе перешли и удѣльные князья, удѣльшіе при утвержденіи единодержавія, и перешли, надо сказать, легко, такъ какъ и удѣльный строй Литовской Руси не много разнился отъ того, который его замѣнилъ. Самъ госнодарь съ своими имѣньями занялъ среди этихъ землевладѣльцевъ, положеніе самаго крупнаго и вліятельнаго собственника, пожалованью котораго обязаны были своимъ происхожденіемъ многіе имѣнья этихъ землевладѣльцевъ. Теперь понятно, какимъ образомъ могли появиться частновладѣльческіе бояре и слуги. Многіе изъ нихъ достались по наслѣдству, — именно бояре и слуги князей; многіе перешли въ частное подданство вслѣдствіе пожалованія госнодарскаго; князья, паны и другіе крупные землевладѣльцы могли пополнить ихъ контингентъ переводомъ въ бояре и слуги крестьянъ различныхъ службъ. И, наконецъ, бояре и слуги, въ теченіе всего изучаемаго времени не тервшіе личной свободы, доставшейся имъ по наслѣдству отъ древней Руси, могли поступать на службу къ частнымъ владѣльцамъ, уходившимъ отъ госнодаря. Между госнодаремъ съ одной стороны, князьями, панами и другими крупными землевладѣльцами — съ другой, въ настоящемъ случаѣ дѣйствовалъ тотъ же уговоръ, хотя и не писанный, ка-

¹²⁷¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 168.

¹²⁷²⁾ Акты Запад. Рос, I, № 69.

кой заключали между собой князья сѣверо-восточной Руси въ XIV и XV в.: „а бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля“. Въ актахъ изучаемаго времени сохранились указанія на переходъ господарскихъ бояръ на службу къ частнымъ владѣльцамъ. Такъ, напр., при Казимирѣ вѣкій Андрей Пыруленовъ, получивъ „мѣсто у Смоленску у Валѣхъ“, нѣкоторое время служилъ господарю, а потомъ перешелъ на службу къ владыкѣ Смоленскому Михаилу ¹²⁷³). Извѣстный уже списокъ господарскихъ бояръ и слугъ Смоленской земли, перечисляя всѣхъ членовъ ихъ семей, сплошь и рядомъ ставитъ при нѣкоторыхъ изъ нихъ отмѣтку: „по службамъ“. Разросшія семьи и роды бояръ и слугъ обыкновенно отпускали лишнихъ членовъ на сторону, такъ какъ всѣмъ на отчинѣ часто не съ чего было и не было надобности служить. Ушедшіе поступали на службу къ частнымъ владѣльцамъ и служили имъ либо „съ сукна“, либо съ имѣній, которыя получали отъ нихъ во временное, пожизненное или потомственное владѣніе. Часто они даже и не бросали своихъ имѣній подъ господаремъ, являясь подданными и военнообязанными слугами двухъ владѣльцевъ. Съ другой стороны, частновладѣльческіе бояре и слуги пріобрѣтали нерѣдко имѣнья подъ господаремъ. Въ записяхъ земельныхъ раздачъ короля Казимира читаемъ: „У Смоленску сельцо Антипино Устейского—слугѣ пана Контолтову Николаю, што держалъ Еско, и того дей Еска въ животѣ не стало, а съ того дей селца намъ службы нѣтъ; ино, будетъ ли такъ, какъ онъ намъ повѣдалъ,—и мы ему дали, а ему намъ особная служба служить“ ¹²⁷⁴). Король Александръ далъ, а Сигизмундъ подтвердилъ своимъ листомъ въ 1507 году боярину пана Алексадра Ивановича Ходковича „два чоловѣки Волвовыйского повѣта, на имя Шовяля а Микулу, и зъ ихъ землею отчиною Козловщиною вѣчно ему, его жонѣ и ихъ дѣтемъ“ ¹²⁷⁵). Въ 1514 году король подтвердилъ служебнику воеводы Виленскаго пана Миволая Николаевича Андрею Прокоповичу двѣ земли пустовскихъ, Нарейковщину и Мицовщину, которыя ему далъ намѣстникъ Румшишскій панъ Аврамъ Езофовичъ до господарской воли: „а онъ маеть,—писалъ король,—намъ съ того службу земскую заступати“ ¹²⁷⁶). Такъ создавались довольно запутанныя отношенія по службѣ, которыя Статутъ 1529 года разрѣшалъ такимъ образомъ: всѣ должны становиться „парсонами своими толко под

¹²⁷³) Литов. Метр. кн. Запис. IV л. 129.

¹²⁷⁴) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 34.

¹²⁷⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 144.

¹²⁷⁶) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 233.

хоруговою своею повѣтовою, в которомъ повете сут осели“. „А естли бы который с нихъ службу мел в некоторого пана рад нашихъ або вранниковъ або тежъ в кого иного, тотъ будетъ повиненъ местце свое подле пана своего, которому прислушает, ким иным войны не повинным осадити, а местца своего хоруговного яко повиннейшого жадною мерою опустити и омешвати не смелъ подь страченем имени своего“. „И тежъ которые слуги князские и панские маючи под князми и паны имена, а другие именья подь Господаремъ покупали, тогда в часъ потребы оставившы пана своего мают ся подле хоругове становити для тых именей своих, которы подь Королемъ покупали. А естли бы хто таковой подь хоруговью подь которою имене купил стати не хотел, тогда тот имене на Господара тратит“ ¹²⁷⁷).

Что бы покончить съ вопросомъ о военной службѣ, укажемъ въ заключеніе на то, что всѣ военнослужилые землевладѣльцы должны были на свой счетъ отправлять военную службу, „своими наклады“. Объ этомъ уже говорить привилей, выданный Ягелломъ литовско-русскому боярству въ 1387 году. *Ad expeditionem autem, dum incubuerit,—читаемъ здѣсь,—juxta vetustam consuetudinem transitum teneantur facere damnis propriis et expensis.* Господарь давалъ только иногда „вспоможенье“ деньгами или натурою (панцырями, сукнами, конями, провіантомъ), какъ это видно изъ приходо-расходныхъ записей ¹²⁷⁸). Но эти раздачи не были введены въ систему, и постояннымъ жалованьемъ пользовались только дворяне, которые не имѣли подь собою имѣній; вообще же чаще всего получали жалованье лица, близко стоявшія къ двору. Литовско-русское правительство мало заботилось объ облегченіи тягостей военной службы для среднихъ и мелкихъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, и это обстоятельство въ ряду другихъ подготовляло почву, на которой выросли и крѣпли симпатіи этого класса къ политическому строю Польши, его стремленья къ участию въ управленіи государствомъ,—стремленья, ясно обнаружившіяся съ первыхъ же лѣтъ правленья Сигизмунда-Августа.

XLVI.

Намѣстники-державцы были не только управителями господарскихъ имѣній, сборщиками податей и налоговъ, комендантами крѣпостей и начальниками мѣстныхъ военныхъ силъ, но и главными судьями надъ господарскими подданными, которые имѣли земли въ ихъ повѣ-

¹²⁷⁷) 2 арт. II раздѣла.

¹²⁷⁸) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 1—85; VIII, л. 413—466.

тахъ. Судъ былъ одною изъ главныхъ связей, которыя соединяли людей, жившихъ въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ, и дѣлали изъ этихъ повѣтовъ областныя подраздѣленія, мелкія областныя единицы. Кто же подлежалъ юрисдикціи намѣстниковъ-державцевъ?

Въ 1516 году король Сигизмундъ, отдавъ въ заставу пану Богушу Боговитиничу дворъ Довьги съ волостью, данный ему прежде въ держанье, написалъ въ заставномъ листѣ: „А што ся дотычетъ бояръ повѣта Довьговского, онъ маеть ихъ судити *по давному*“; что касается людей, т. е. крестьянъ Довьговскаго повѣта, то они всецѣло были поставлены подъ юрисдикцію пана Богуша, и воеводѣ Троцькому запрещено было всылатъ дѣцехъ въ волость и судить волостныхъ людей ¹²⁷⁹⁾. Подобное же указаніе мы встрѣчаемъ и въ другихъ заставныхъ листахъ короля Сигизмунда, напр., въ листѣ, выданномъ въ томъ же году пану Якубу Кунцевичу на дворы Волкиники и Лепунь, данные ему прежде также въ держанье. „А бояръ нашихъ повѣту Яепуньского и Волкиницкого маеть онъ судити, какъ и *передъ тымъ*“, читаемъ въ этомъ листѣ ¹²⁸⁰⁾. По заставному листу, выданному въ 1518 году тому же Якубу Кунцевичу на дворъ Васишики съ волостью, король предоставлялъ ему: „А бояръ и осомниговъ Васишискихъ маеть онъ судити и рядити по тому, какъ и первые вранники наши“ ¹²⁸¹⁾. Такое же право предоставлялъ онъ ему и по заставному листу на дворъ Стоклишки, выданному въ 1521 году: „А бояръ и осомниговъ Стоклишскихъ маеть онъ судити и рядити по тому, какъ и первые намѣстники суживали и ряживали“ ¹²⁸²⁾.—Итакъ, намѣстники-державцы судили не только мѣстныхъ господарскихъ крестьянъ, но и бояръ-шляхту. Заставной листъ, выданный въ 1519 году князю Василью Семеновичу Жилинскому, присоединяетъ сюда и мѣщанъ. Ему былъ заставленъ „замокъ Крычовъ зъ мѣстомъ и зъ мѣщчаны мѣста Крычовского, и зъ мѣщчаны посельскими, и тежъ со всеми людьми волости Крычовское, и зъ ихъ службами, и зъ мытомъ, и съ борчмами, и съ *присудомъ* и зъ винами, и со всеми иными доходы, которыи здавна на намѣстниковъ Крычовскихъ хоживали“ ¹²⁸³⁾. Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, въ мѣстахъ съ магдебургскимъ устройствомъ мѣщчане имѣли свой особый судъ, а намѣстники-державцы судили ихъ въ рѣд-

¹²⁷⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 110.

¹²⁸⁰⁾ Ibidem, л. 157—158.

¹²⁸¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 19.

¹²⁸²⁾ Ibidem, л. 41—42.

¹²⁸³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 44.

нихъ и исключительныхъ случаяхъ. „А которыхъ князи и панове, и земяне, и духовные, — читаемъ въ заставномъ листѣ короля Сигизмунда на замокъ Каменецъ, — имѣнья свои мають въ Каменецкомъ повѣтѣ, тыхъ онъ маеть судити и радити подлугъ того, какъ первшии державцы Каменецкіи“¹²⁸⁴). И такъ, намѣстники-державцы, судили князей, пановъ и духовныхъ, владѣвшихъ имѣньями въ ихъ повѣтахъ.

Въ актахъ изучаемаго времени можно найти не мало и частныхъ указаній относительно присуда намѣстниковъ - державцевъ, которые подтверждаютъ только что приведенныя. Такъ, панъ Федейо Хребтовичъ въ бытность свою намѣстникомъ въ Бѣлицѣ судилъ панью Николаеву Шеметовича съ княземъ Иваномъ Львовичемъ Глинскимъ „о землю Марковщину и о Петрашовщину, которіи земли держать люди ее, и тежъ о сѣножати, и о половину лѣса и пропаша, и о поле конюха бѣлицкого Павла Нарейковича“. Онъ „тамъ на тии земли выѣздилъ и того смотрѣлъ и водлѣ свѣдоцтва стороннихъ свѣтцовъ панее Митлаевое людемъ тии земли и сѣножати и половину лѣса и пропаша и поле того конюха присудилъ“. Король Александръ, которому князь Глинскій жаловался на вдову Николая Шеметовича, оправилъ ее и предоставилъ князю „тамъ судьи вести“ и того всего на пану Федеу правомъ искати“¹²⁸⁵). Панъ Мартинъ Хребтовичъ въ бытность намѣстникомъ Жолудскимъ судилъ Мацея Андрушковича, которому великій князь Александръ пожаловалъ землю Трещевщину, съ братничими Треща—Терехомъ, Жилоною и Хомою и присудилъ землю Мацку¹²⁸⁶). Державца Переломскій и Радунскій п. Янушъ Костевичъ судилъ бортина Переломской волости Янушка Мелковича и его братья Петра и Петрашка съ конюхами Радунской волости Матеємъ Ронтовичемъ и его братьею Михайломъ и Петкомъ Якубовичами и Стекомъ Довкяловичемъ „о землю дядковщину ихъ, на имя Мейровщину, и того Янушка и въ его братьею въ томъ панъ Янушъ правыхъ имшомъ и тую землю Мейровщину имъ присудилъ, и листъ свой судовой на то имъ далъ“. Король Сигизмундъ 19 ноября 1518 года подтвердилъ этотъ судъ пана Костевича своимъ листомъ¹²⁸⁷) и т. д.

Въ тѣхъ повѣтахъ, гдѣ не было намѣстниковъ - державцевъ, и мѣсто ихъ заступали тивуны, судъ находился въ рукахъ этихъ послѣднихъ. Въ числѣ пожалованій короля Казимира встрѣчаются и ассигновки на полученіе денегъ съ винъ, т. е. судебныхъ пеней, /

¹²⁸⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 593.

¹²⁸⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 9.

¹²⁸⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 297, 298.

¹²⁸⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 19.

того или другого тивуна. Такъ, дана была Михаилу Бѣлоусовичу „полтина грошей азъ вини въ тивуна Немонюйтского и Олитского у Олехна Нетевича; Фодьку — три рубли у тивуна Виленского азъ винъ“¹²⁸⁸) и т. д. Судебные нени находились въ рукахъ тивуновъ именно потому, что они творили судъ¹²⁸⁹). Такъ, тивунъ Кревскій Станько Дукурнъ судилъ князя Андрея Лукомскаго съ бояриномъ Миколаемъ Будковичемъ и его дядьями о землю пашную и бортную на Жеренѣ и о „лгвалты“, которые онъ имъ подѣлалъ, и присудилъ на немъ за эти лгвалты въ пользу Будковича и его дядей 40 копъ грошей¹²⁹⁰). Тивуны въ Жмудской землѣ, какъ видно изъ устава, данной имъ въ 1529 году, „всякіе sprawy и суды“ отправляли¹²⁹¹) и т. д. Ко времени изданія Статута 1529 г., какъ уже сказано было выше, тивуны болѣею частью переименованы были въ державцевъ, но эти державцы не имѣли права привлекать къ суду „шляхту и бояръ“, которые могли передъ ними становиться только добровольно: ихъ имѣли право судить воеводы, маршалки дворные и старосты. Такъ какъ это ограниченіе касалось только „новыхъ державцевъ“, то отсюда само собой слѣдуетъ, что старые державцы, давно носившіе это имя и переименованные изъ намѣстниковъ, имѣли право привлекать къ своему суду и шляхту-бояръ, и что тивуны такого права не имѣли.

XLVII.

Однако, старинное начало подсудности въ судоустройствѣ Литовско-Русскаго государства изучаемаго времени подверглось уже значительнымъ ограниченіямъ и сильно видоизмѣнилось. Прежде всего подвергся ограниченіямъ принципъ территориальности. Отдѣльныя лица часто получали изытія отъ суда намѣстниковъ - державцевъ и право судиться только господаремъ. Такъ, великій князь Александръ, пожаловавъ князю Тимошею Капустѣ сельца въ Брянскомъ повѣтѣ Лопощъ, Брачово и Ревны, освободилъ его отъ суда намѣстниковъ Брянскихъ: „его самого и его людей не мають судити; кому будетъ до него або до людей его которое дѣло, ино мы господарь маемъ сами судити або нашимъ враннивомъ прыкажемъ, а и дѣцвимъ намѣстникомъ Брянскимъ на его людей не потреба давати“¹²⁹²). Чаще всего освобожда-

¹²⁸⁸) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 17, 58.

¹²⁸⁹) Судебникъ Базимира 1467 года въ Актахъ Зап. Рос. I, № 67.

¹²⁹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 94.

¹²⁹¹) Акты Зап. Рос. II, № 160.

¹²⁹²) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 93—94. Справ. 8 арт. VI раздѣла Статута 1529 года.

лись отъ суда намѣстниковъ-державцевъ откупщики мытъ, корчмъ и другихъ государскихъ доходныхъ статей съ тою цѣлью, чтобы поставить ихъ въ независимое положеніе по отношенію къ мѣстнымъ правителямъ и избавить отъ притѣсненій какъ самихъ откупщиковъ со стороны мѣстныхъ урядниковъ, такъ и жителей со стороны мѣстныхъ откупщиковъ. Великій князь Александръ, напр., отдавъ въ 1495 году на откупъ мыто въ Минскѣ мѣстными мѣщанамъ, писалъ намѣстнику своему: „и што бы еси ихъ не судилъ, а ни рядилъ, и дѣцкихъ бы еси своихъ на нихъ не давалъ, а и намѣстникъ бы твой тежъ на нихъ дѣцкихъ своихъ не давалъ: кому бы до нихъ было дѣло, ино мы маемъ о томъ межи ними смотрѣти въ тотъ часъ, пока выдержатъ мыто нашо“¹²⁹³). Въ 1501 году тотъ же великій князь по случаю отдачи въ аренду мыта и корчмы Мозырской нѣкоторымъ мѣщанамъ писалъ намѣстнику Мозырскому и старцу, и мѣщанамъ мѣста Мозырскаго, и всѣмъ мужамъ волости Мозырской: „а ихъ бы есте не судили, а ни рядили и во всемъ имъ дали вповой: кому будетъ до нихъ которое дѣло, ино мы сами господарь о томъ ихъ маемъ смотрѣти“¹²⁹⁴). Въ 1511 году король Сигизмундъ, отдавъ корчму медовую, пивную и винную въ Оршѣ поляку Ягубу Боболецкому на шесть лѣтъ въ уплату 346 вошь грошей, которыя задолжалъ ему еще покойный король Александръ, писалъ своему намѣстнику Рошскому князю Федору Ивановичу Жеславскому: „Тежъ бы еси его и тыхъ людей его, которымъ онъ тую корчму отъ себе полецилъ завѣдати, ни судилъ, ни рядилъ и дѣцкихъ своихъ не давалъ: кому до него дѣло будетъ, тотъ нехай намъ на него жалуетъ; ино мы сами господарь въ томъ ему съ ними справедливость вчинимъ“¹²⁹⁵) и т. д.

Но, кромѣ случайныхъ изъятій изъ намѣстничьяго присуда, были постоянныя изъятія нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ, для которыхъ въ мѣстности появился свой собственный судъ. Начало подсудности такимъ образомъ, оставаясь по прежнему территориальнымъ, одновременно съ тѣмъ приобрѣло сословный характеръ. Юрисдикція намѣстниковъ-державцевъ ограничилась прежде всего правомъ суда, которое получили землевладѣльцы надъ людьми, жившими въ ихъ имѣньяхъ. Это право ранѣе другихъ, даже ранѣе литовскаго владѣтельства, приобрѣла православная церковь. Литовскіе же князья какъ

¹²⁹³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 166.

¹²⁹⁴) Ibidem, л. 179.

¹²⁹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 12.

въ своихъ общихъ грамотахъ, которыми они подтверждали права православнаго духовенства ¹²⁹⁶), такъ и въ частныхъ жалованныхъ грамотахъ постоянно признавали за духовенствомъ право суда надъ церковными людьми. Такъ, напр., князь Юрій Лингвеневицъ Мстиславскій, пожаловавъ въ 1443 году Онуфріевскому монастырю село Голочино и Колесниковское, написалъ въ жалованной грамотѣ: „и тыхъ людей монастырскихъ нашимъ намѣстникомъ и тивуномъ и всемъ нашимъ заказникомъ не судить, а ни рядить“ ¹²⁹⁷). Князь Михаилъ Ивановичъ Мстиславскій, предоставивъ въ 1500 году Пустынскому монастырю Пречистой Богоматери садить людей на новѣ на церковной землѣ, счелъ нужнымъ прибавить въ своемъ листѣ: „А кого коли они за себе людей призовуть и на ново за собою посадятъ, ино нашимъ намѣстникомъ и тивуномъ и инымъ нашимъ урядникомъ не надобѣ у тыхъ ихъ людей вступать, судити, ни рядити и некоторыхъ пошлинѣ намъ на тыхъ людехъ не брати, ни службы имъ нашей некоторой не знати“ ¹²⁹⁸). Супруга князя Михаила, княгиня Ульяна, пожаловавъ въ 1537 году храму св. Троицы въ Мстиславлѣ человека тяглаго съ его землею и угодьями, написала въ жалованной грамотѣ: „масть тотъ человекъ верхуписанный тымъ священникомъ служить и податки вси давати, какъ намъ служывалъ и податки даывалъ. А намъ самымъ и потомкамъ нашимъ, и нашимъ намѣстникомъ, и нашимъ врадникомъ ни во што того человека не вступатися, ни судити, а ни рядити и детскихъ не посылати“ ¹²⁹⁹). Въ 1522 году король Сигизмундъ по просьбѣ священника церкви св. Іоанна Богослова въ Витебскѣ пожаловалъ ему землю подлѣ церкви, „гдѣ жъ бы собѣ мѣлъ священникъ своею человекомъ посадить для церкви Божей, изъ тая церковь Божая на поли стоять за мѣстомъ, а велми зубожена отъ неприятелей“. При этомъ въ жалованной грамотѣ король оговорилъ: „А кому будетъ дѣло до тыхъ людей церковныхъ, ино священники мають сами тии свои люди и рядити и ими справовати водлугъ данины наше господарское“ ¹³⁰⁰). Вообще юрисдикція православнаго духовенства надъ людьми, жившими въ его имѣньяхъ, въ изучаемое время была уже общераспространеннымъ фактомъ ¹³⁰¹). По привилею

¹²⁹⁶) Акты Зап. Рос. II, № 65.

¹²⁹⁷) Акты Зап. Рос. I, № 43.

¹²⁹⁸) Археогр. Сборн., изд. въ Вильнѣ, т. II, № 3.

¹²⁹⁹) Ibidem, № 14.

¹³⁰⁰) Археогр. Сборн., изд. въ Вильнѣ, т. I, № 11.

¹³⁰¹) Акты Зап. Рос. I, № 118, 144, 145, 174, 209; II, № 30; Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 112 и др.

Игелла отъ 22 февраля 1387 года освобождены были отъ суда и винъ урядниковъ великокняжескихъ всѣ люди, жившіе въ нѣмныхъ католическаго духовенства ¹³⁰²). Что касается частныхъ владѣльцевъ, то до сближенія съ Польшею, если и давалась кому нибудь право суда, то только въ отдѣльности, по особымъ грамотамъ, какъ это было на Руси сѣверо-восточной ¹³⁰³). Послѣ сближенія съ Польшею, отъиришаго широкій путь вліянію нѣмецко-польскаго права, право вотчиннаго суда мало по малу распространилось на всѣхъ землевладѣльцевъ свободныхъ состояній. Такъ, по Городельскому привилею 1413 года право вотчиннаго суда дано было панамъ и благороднымъ боярамъ, принявшимъ католицизмъ, такъ какъ права ихъ всецѣло было сравнены съ правами польской шляхты, которая въ то время пользовалась уже правомъ вотчинной юрисдикціи. Привилей 1457 года распространилъ это право на всѣхъ вообще князей, пановъ, бояръ - шляхту и мѣщанъ.

По новоду привилея 1457 года г. Новицкій утверждаетъ, „что изъятіе отъ подсудности княжескимъ судамъ и отъ требованія въ суду чрезъ дѣтскихъ здѣсь еще не безусловно, а грамотою только опредѣляется, что ему должно предшествовать требованіе отъ владѣльца удовлетворенія путемъ представленія виновнаго въ судъ“. „Такимъ образомъ, — заключаетъ г. Новицкій, — привилеію землевладѣльца составляло пока только перенесеніе на его лицо правительственной судебной функціи дѣцкаго, представлявшее финансовую выгоду, каковою была также и передача владѣльцу права на полученіе гражданскаго взыскапія; но самая юрисдикція, опредѣленіе вины, оставлена пока за судомъ“. По мнѣнію г. Новицкаго, о вотчинномъ судѣ въ собственномъ смыслѣ говорить только Судебникъ 1468 года ¹³⁰⁴). Но если такъ, то какъ же можно говорить о томъ, что уже Городельскій привилей 1413 года далъ право вотчиннаго суда всѣмъ землевладѣльцамъ-католикамъ? А между тѣмъ г. Новицкій утверждаетъ и этотъ фактъ ¹³⁰⁵). Или, быть можетъ, привилей 1457 года относился только къ православнымъ землевладѣльцамъ? Этого, конечно, г. Новицкій утверждаетъ не будетъ. Въ своемъ толкованіи онъ ссылается на русскій текстъ грамоты 1457 года и на уставную грамоту, выданную въ 1507 г. Кіевской землѣ. Русскій текстъ грамоты 1457 года содержитъ обща-

¹³⁰²) Scarbiec dyplomatów I, № 540.

¹³⁰³) В. И. Сергеевича Русскія юридическія древности, стр. 328—333.

¹³⁰⁴) Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-запад. Россіи, стр. 19.

¹³⁰⁵) Ibidem, стр. 18.

нѣ великаго князя не давать дѣцкихъ на подданныхъ „князятъ, рыцаревъ, шляхтичовъ, бояръ, мѣстичовъ“: „оли жъ бы первѣй отъ пана, которому жъ тотъ подданъ, который кривду вчинилъ, правда пожадана была; ачъ бы онъ на рокъ не хотѣлъ къ праву поставити, тогда нанъ дѣцкѣй, а любо нашихъ заказниковъ иматъ быти посланъ; а виноватѣй, который вину заслужилъ, пану своему, а не иному, будетъ обязанъ заплатити“. То же самое приблизительно говорить и уставная грамота, выданная въ 1507 году жителямъ Киевской земли: „А на церковные люди и на князские и на боярские дѣцкихъ не давати, первѣй обослати листомъ, што бы къ праву сталъ, а любо человекъ поставилъ; а не станетъ, а любо человекъ не поставитъ, до кого дѣло будетъ: ино тогда дѣцего дати, а вину государю осуженую заплатити, чий будетъ человекъ“¹³⁰⁶). Но такъ ли нужно понимать эти мѣста грамотъ, какъ понимаетъ г. Новицкѣй? Обращаясь къ латинскому тексту грамоты 1457 года, мы находимъ категорическое утверждение вотчиннаго суда: *Item non debemus concedere ministeriales alias Dzieckie super subditos praedictorum ducum, baronum, nobilitaque, donec fuerit prius apud dominum cuius subditus injuriam fecerit justitia postulata. Et si ipsi (e), in certo termino justiciam non fecerit, tunc ministerialis noster aut officialium nostrorum mitti debet, ut reus qui mulctandus fuerit, hujusmodi mulctam domino suo et non alteri luere tenebitur*¹³⁰⁷). Что касается Киевской земли, то подтвердительная грамота, выданная въ 1529 году, включая въ себѣ вышеприведенное постановленіе, на ряду съ этимъ говорить: „А людей ихъ (церковныхъ, княжескихъ, панскихъ и боярскихъ), которые въ мѣстѣ нашемъ мѣщкають, не мають они (мѣщанскія власти) судити, а ни радити: судити тыхъ людей *господаремъ ихъ*, хто кому служитъ“¹³⁰⁸). Такимъ образомъ, вышеприведенныя мѣста общеземскаго привилея 1457 года и Киевской уставной грамоты 1507 года нельзя понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ ихъ г. Новицкѣй, не сопоставивъ ихъ съ указаніями другихъ источниковъ.

Ключъ къ ихъ уразумѣнію даетъ Судебникъ Казимира, на который ссылается г. Новицкѣй, отчасти грамота великаго князя Александра, адресованная въ 1495 году къ намѣстнику Черкасскому Кмитѣ Александровичу, и, наконецъ, Статутъ 1529 года. По Судебнику господарскіе люди и частновладѣльческіе должны были искати на людяхъ

¹³⁰⁶) Акты Зап. Рос. I, № 61; II, № 30.

¹³⁰⁷) Zbiór praw litewskich, str. 28—35.

¹³⁰⁸) Акты Зап. Рос. II, № 164.

княжескихъ, панскихъ и боярскихъ предъ ихъ господарями, которыхъ господарскіе намѣстники или тивуны должны были въ такихъ случаяхъ обсылать. Если владѣлецъ станетъ отводить и не дастъ суда, тогда можно было брать на него дѣцкаго у господаря или у воеводу. Если же владѣлецъ своимъ судомъ не удовлетворялъ истца, тогда назначался „общій“ судъ. Такъ поступалось и въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжба шла между людьми разныхъ владѣльцевъ: „а не удѣлаеть ли права ино общій судъ, рокъ положивъ со obu сторонъ“. Но и помимо этого интересы истца обезпечивались до известной степени присутвіемъ на судѣ представителя его пана. Грамота, писанная великимъ княземъ Александромъ въ намѣстнику Черкасскому въ 1495 г., говоря о тяжбахъ между господарскими и частновладѣльческими поданными, даетъ слѣдующее предписаніе: когда княжескіе, панскіе или боярскіе люди искали на господарскихъ, судъ долженъ былъ чинить намѣстникъ *съ судьей* владѣльца; *vice versa* отсюда можно заключать, что въ случаѣ иска господарскихъ людей къ частновладѣльческимъ, судилъ владѣлецъ *съ представителемъ* намѣстника. „Мы на то вамъ право нашо дали,—гласить эта грамота,—всей земли Кіевской, што вранднѣи нашъ не маеть слугъ и людей князьскихъ, паньскихъ и боярьскихъ ни судити, ни рядити, а ни винъ и ни пересудовъ на нихъ брати; нижьли коли *зъ нашимъ челоукомъ* пригодиться князьскому або паньскому чоловѣку, а любо боярьскому право мѣтъ, ино тогда вранднѣи нашому судити его чоловѣка *зъ его судьей*: а коли будетъ нашъ чоловѣкъ виненъ, ино *зъ него* намъ вина; а коли князьскій або паньскій чоловѣкъ, а любо боярьскій чоловѣкъ будетъ виненъ, ино вина тому *чій чоловѣкъ*“¹³⁰⁹). Статутъ 1529 года дѣлаеть къ этому еще слѣдующія дополненія, которыя окончательно разъясняютъ дѣло: „Теж естли бы была кривда которому подданому нашему землянину або чловеку от слуг албо от людей князских албо панских, *кроме квалту або неезды домовое*, а о иншые вси жалобы ни мы ани воеводы наши не люди князские або панские не маем дѣцких давати, олиж первой обслати того пана чие люди сут, приказуючы ему абы учинил справедливость *перед вижом нашим або перед врандовымъ*. А естли оный разы два на обсылане справедливости чинити не хотел; тогда въ чием повете оного пана тот подданный седитъ, то воземшы дещего от воеводы або от старосты, и тамже въ том повете перед правои поставити маеть; а оный маеть тамъ права доводити передъ повѣтовни

¹³⁰⁹) Акты Зап. Рос. 1, № 130.

судью. Если ж оны подданный панскій зостанет виновен оному, хто на нем ищетъ; тогда много ни чого не мает платити толко тое, в чомъ зостанет виновен, а тому децкому, который по него ездилъ, децкованое. А што ся дотычетъ вины хотя бы он вину прометную або бы заказаная вина на немъ была; тогда не мает его никто тою виною карати толко его власный панъ. А што ся дотычетъ земли; тогда не маетъ позывати ни слуги ани человека только самого пана¹³¹⁰⁾. Такимъ образомъ, и вышеприведенныя мѣста земскаго привилея 1457 года и Кіевской уставной грамоты 1507 года надо понимать, какъ процессуальныя подробности, касающіяся тѣхъ только случаевъ, когда стороннимъ лицамъ приходилось княжескихъ, панскихъ и боярскихъ подданныхъ или ихъ владѣльцевъ вызывать на судъ господарскихъ урядниковъ. Это бывало тогда, когда владѣльцы отказывали въ судѣ. Кромѣ того, какъ видно изъ уставной грамоты, данной землѣ Волынской, прямо передъ мѣстнымъ господарскимъ урядомъ вчинались иски противъ частновладѣльческихъ подданныхъ по дѣламъ о разбоѣ съ поличнымъ (приличнымъ), квалтѣ, шляхетской ранѣ, поджогѣ, „абы ся злодѣйство не множило“¹³¹¹⁾. На Подляшѣ, гдѣ дѣйствовало польское право, разбой или грабежъ на большой дорогѣ, нападеніе на домъ, изнасилованіе женщинъ и поджогъ были также старостинскими артикулами¹³¹²⁾. Статутъ 1529 года „квалтъ“ и „наѣзду“ домовую также ставитъ на разборъ мѣстныхъ урядниковъ, и при томъ въ видѣ правила, общаго для всего государства.—Изъятія изъ вотчинной юрисдикціи уголовныхъ дѣлъ первостепенной общественной важности подсызвалось самою жизнью и, конечно, не можетъ быть всецѣло отнесено на счетъ вліянія Польши. Извѣстно, что и на Руси сѣверо-восточной судъ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ не отдавался въ руки вотчинниковъ. Польское право вліяло въ данномъ случаѣ на подробности, на опредѣленіе круга дѣлъ, изъятыхъ изъ вотчинной юрисдикціи, такъ какъ самая вотчинная юрисдикція въ своихъ положительныхъ чертахъ, въ качествѣ и количествѣ, установилась подъ его вліяніемъ.

Итакъ, вотчинный судъ несомнѣнно существовалъ уже въ 1457 году. Изъ его подробностейъ нужно отмѣтить прежде всего, что господарскіе люди подавали жалобу обыкновенно своему начальству, въ томъ числѣ и намѣстникамъ-державцамъ и тивунамъ, которые обсылали

¹³¹⁰⁾ 10 арт. VI раздѣла.

¹³¹¹⁾ Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 86; Акты Зап. Рос. II, № 54.

¹³¹²⁾ Акты Зап. Рос. I, № 189; II, № 64.

уже отъ себя владѣльца и посылали своего судью или вижа для присутствованья на судѣ владѣльца. Указанія памятниковъ общаго законодательства подтверждаются и частными свидѣтельствами актовъ. Въ 1531 году мѣщанинъ господарскій витебскій Микула Опонасовъ жаловался воеводѣ Витебскому Яну Юрьевичу Глѣбовича на одного изъ бояръ князя Дмитрія Романовича Сѣнскаго на Васка Ходанова сына „о томъ, што жъ въ него на добровольней дорожѣ, не доѣзжаючи села въ дву верстѣхъ, на Сукремѣ, отнял полтредцать копъ грошей широкое личбы и сорокъ кунницъ, а пятсотъ бѣлки доброе, а трыста локоть сукна бѣлого, а трыдцать шапокъ хвольдровыхъ, а пять литръ цолку“.—„И князь Дмитрей,—гласитъ запись, внесенная въ воеводскую замковую книгу,—самъ положилъ ему рокъ въ пятницу предъ масленицою запусъ русскихъ, на который же рокъ маеть ему безъ каждое отволоки на того боярына своего право дати“¹³¹³). Итакъ, господарскіе подданные подавали жалобу мѣстному господарскому уряду, который отъ себя ужъ обращался къ владѣльцу съ требованіемъ для нихъ суда и управы. До Статута эта обсылка совершалась одинъ разъ, и если владѣлецъ не давалъ суда, тогда можно было брать на него дѣцкаго отъ господара или пановъ-рады. Статутъ постановилъ, что господарскій урядникъ долженъ былъ обсылать владѣльца два раза, и вотъ примѣръ такой вторичной обсылки. Боярыня господарская Дороменовая Милохна жаловалась въ 1542 году воеводѣ Виленскому на боярина Виленскаго повѣта Ивана Савича: „бояринъ его на ны Мисюта переховывалъ баробка моего, который отъ мене втевъ, черезъ заказъ, онъ ми справедливости вчинити не хотѣлъ“. Воевода постановилъ: „а о паробка маеть въ него на того боярына права просити, а естли бы права не далъ, повиненъ будетъ его передъ нами поставити“¹³¹⁴). Изъ этого видно также, что владѣльцы судили и свободныхъ людей, находившихся у нихъ на службѣ, бояръ-шляхту, а не однихъ только крестьянъ и паробковъ. Владѣльцы судили и своихъ урядниковъ, или намѣстниковъ, по жалобамъ на нихъ постороннихъ людей. Панъ Мартинъ Шеметь съ матерью заявлялъ въ томъ же году воеводѣ Виленскому въ тяжбѣ съ сыновьями пана Миколая Будны Юрьемъ и Станиславомъ: „Отецъ ихъ, небожчикъ панъ Миколай Будило, за листы и за вижомъ небожчика пана Олбрахта Мартиновича выдалъ мнѣ паробка моего Матейца Дѣдечка, а потомъ зъ нимъ

¹³¹³) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 41.

¹³¹⁴) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XI, л. 48.

моего съ онымъ паробкомъ семеро челяди, пять паробковъ, а двѣ жонки, выведено; въ тотъ часъ стало ми ся шводи о полтредьдцать копъ грошей. Я того паробка засталъ на имѣньи отца ихъ Свирскою и намѣстнику отца ихъ Свирскому, на имя Воярину, приручилъ зъ жонкою и зъ дѣтми самого шостого¹²¹⁵. Сынвья Будила въ отвѣтъ на это заяви: „тотъ намѣстникъ намъ служить; если ему кривда дѣвется отъ него, мы зъ нимъ на имѣньи вчинимъ справедливость“¹²¹⁶). Княжескіе, панскіе и боярскіе подданные въ свою очередь, когда имъ приходилось вести тяжбу съ людьми господарскими, обращались къ своимъ панамъ, которые и искали для нихъ права у господарскихъ урядниковъ и сплшь и рядомъ отъ лица ихъ вели самый процессъ. Такъ, напр., бояринъ Виленскаго повѣта Миколай Богдевичъ предъ воеводою Виленскимъ Альбрехтомъ Мартиновичемъ Гаштолдомъ искалъ на бояринѣ Янѣ Кулузѣ „за квалтъ и бой“ своихъ людей и за головщину жонки 40 копъ грошей. Кулузъ, „подлѣ суда пана воеводина“, „переедналъ“ своего противника восьмью копами грошей¹²¹⁷). Въ тѣхъ случаяхъ, когда начиналась тяжба между подданными разныхъ владѣльцевъ, князей, пановъ и бояръ, судъ чинилъ также панъ или господарь отвѣтчика; если же онъ „отводилъ“ судъ, тогда можно было брать на него дѣцкаго у господаря или воеводѣ (пановъ-рады), и онъ долженъ былъ, заплативъ дѣцкованье, или лично являться въ судъ, или поставить своихъ людей. Этотъ судъ по Статуту долженъ былъ производиться на первомъ „сойме“, назначенномъ господаремъ или панами-радою для всей земли. Еслибы позванный не явился и на этотъ судъ, тогда онъ долженъ былъ стать предъ панами-радою „на тые роки, которые есмо паном радою вождаго року положили збиратися до Вилни: будуть вси дѣла тые судити и имъ до сыт чинити нерозежчаючися“¹²¹⁸). Гдѣ производился этотъ судъ до 1529 года, на это намъ не удалось найти прямыхъ указаній въ актахъ. Всего вѣроятнѣе, предъ мѣстными господарскими урядниками, въ при-судѣ которыхъ были князья, паны и бояре лично, или же предъ господаремъ и панами радою¹²¹⁹).

Кромѣ подданныхъ князей, пановъ, бояръ и другихъ землевладѣльцевъ, намѣстники-державцы не судили господарскихъ мѣщанъ, состоявшихъ въ магдебургскомъ правѣ, и крестьянъ, садившихся на во-

¹²¹⁵) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ, л. 59, 60.

¹²¹⁶) Ibidem, л. 22, 23.

¹²¹⁷) 6 и 10 арт. VI раздѣла.

¹²¹⁸) Сравни. Акты Зап. Рос. I, № 145.

люди и состоявшихъ подъ присудомъ своего войта. Такъ, король Александръ, пожаловавъ мѣсту Волковыйскому магдебургское право, далъ право мѣщанамъ „о дѣлѣхъ великихъ и малыхъ, о злодѣйство и о розливанье крови, мужобойства, отнятыя члонковъ и о иныхъ всихъ проступкахъ“ отвѣчать только передъ своимъ войтомъ „А въ дѣлѣхъ ихъ всихъ вышеписанныхъ далъ его милость войту суполную мощу судити и осудити, карати, и стинати, и на вола бити, потопляти, якожь то право Нѣмецкое Майтборское во всихъ своихъ роздѣлѣхъ и члонкахъ держитъ и жадаеть“. „А зъ мощи и судовъ вранника Волковыйского ихъ его милость вызволялъ: низъли, што ся дотычетъ егвалту, пожоги, розбою, всилства, то его милость на себе взялъ и на вранники свои“. Такимъ образомъ, и въ собственной Литовской землѣ за намѣстниками при изытіяхъ изъ ихъ присуда оставлялись нѣкоторыя уголовныя дѣла, обыкновенно тѣ же, какія въ Польшѣ составляли „старостинскіе артикулы“. Въ случаяхъ тяжбы мѣщанъ съ господарскими волостными людьми, равно также и съ боярами, устанавливался смѣсный судъ: „А которому мѣщанину дѣло будетъ до волостного чловѣка, ино маеть державца Волковыйскій, або намѣстникъ его, въ нашомъ дворѣ зъ войтомъ судити, а которому чловѣку волостному дѣло будетъ до мѣщанина, ино войтъ маеть зъ намѣстникомъ на ратуши судити подлѣ ихъ права“¹³¹⁹). Таково было общее правило; но бывали и исключенія, въ силу которыхъ войтъ не могъ судить ни одного дѣла не въ присутствіи намѣстника или его представителя. Такъ, напр., великій князь Александръ, пожаловавъ мѣсту Минскому магдебургское право, два гроша съ винтъ, которые по общему порядку, наблюдавшемуся въ такихъ случаяхъ, должны были идти на господаря, предоставилъ собирать въ свою пользу намѣстнику Минскому кн. Богдану Ивановичу Жеславскому и написалъ въ своей грамотѣ: „войту намѣстника его при собѣ мѣти при малыхъ судѣхъ и при великихъ, а безъ него не мають кожного дѣла судити; зъ великое вины мають намѣстнику нашему давати два гроши, а войту третій грошъ, а зъ малое вины намѣстнику два пенязи, а войту третій пенязъ“¹³²⁰). Конечно, участіе на войтовскомъ судѣ намѣстника или его представителя было здѣсь чисто пассивное: намѣстникъ смотрѣлъ здѣсь только за своимъ прибыткомъ. Войты въ селахъ, сажившихся на нѣмецкомъ правѣ, также имѣли юрисдикцію, которая ограничивала юрисдикцію господарскихъ намѣстниковъ. Вообще не было

¹³¹⁹) Акты Зап. Рос. Ц, № 13.

¹³²⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 143.

разницы между этими селами и мѣстами, находившимися около резиденціи господарскихъ намѣстниковъ низшаго ранга ¹³²¹⁾.

На Подляшѣ судебная дѣятельность всѣхъ вообще господарскихъ намѣстниковъ въ изучаемое время ограничивалась со стороны земскихъ шляхетскихъ судовъ, которые составлялись изъ судьи, подсудка и писаря, выбираемыхъ землянами-шляхтою. О введеніи этихъ судовъ было уже сообщено выше, на стр. 19 и 20 перваго очерка. Дѣятельность ихъ распросгранялась на князей, пановъ и землянъ-шляхту цѣлыхъ „земель“, изъ которыхъ состояло Подляшье, т. е. повѣтовъ Бѣльскаго, Дорогицкаго и Мельницкаго. Но каждая изъ этихъ земель, какъ мы видѣли во второмъ очеркѣ, подраздѣлялась на нѣсколько мелкихъ судебно-административныхъ округовъ, или волостей. Часть этихъ волостей находилась въ держаньѣ особыхъ намѣстниковъ-державцевъ, такъ что предѣлы дѣйствія земскихъ судовъ были гораздо шире судебныхъ округовъ намѣстниковъ-державцевъ. Земскіе суды на Подляшѣ судили шляхту по всѣмъ дѣламъ, кромѣ старостинскихъ артикуловъ ¹³²²⁾. Кромѣ того, всѣ тяжбы о землѣ разбирались господарскими намѣстниками-старостами сообща съ судьей и подсудкомъ. „А што ся дотычетъ на землю выѣзжаныя для границъ,—читаемъ въ наказѣ короля Сигизмунда отъ 2 іюля 1511 года,—тамъ маєть выѣзжати староста съ судьей и съ подсудкомъ, а свѣтки маєть пописовати и листы судовые давати писарь старостинъ“ ¹³²³⁾. По частнымъ свидѣтельствамъ актовъ, земельныя тяжбы также разбираются такимъ именно общимъ судомъ. Такъ, при королѣ Казимирѣ намѣстникъ Дорогицкій панъ Якубъ Довойновичъ съ судьей, подсудкомъ и землянами Дорогицкими разбиралъ тяжбу землянина Людвика Яновича съ Петромъ, Яномъ и Миколаемъ Немириничами о землю „Нѣмыи“ и тѣсъ, присудили все это Людвику „и въ книги земскіе то ввели и листъ судебный ему на то дали“ ¹³²⁴⁾. При Александрѣ намѣстникъ Бѣльскій панъ Миколай Миколаевичъ Радивиловича съ подсудкомъ Бѣльскимъ Лубою разбиралъ тяжбу о землю землянъ Брезинскихъ съ Брозками и Пашковичемъ ¹³²⁵⁾ и т. д. Судья, подсудокъ и писарь въ земельныхъ дѣлахъ дѣйствовали безъ старосты лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось нотаріальнымъ порядкомъ заверѣплять имѣнья

¹³²¹⁾ См., напр., Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 402, 403.

¹³²²⁾ Акты Зап. Рос. I, № 189, арт. 7, 8; II № 64.

¹³²³⁾ Акты Зап. Рос. II, № 64.

¹³²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 6.

¹³²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 106, 107.

до окончательнаго утвержденія ихъ со стороны господаря. Такъ, напр., панъ Станиславъ Соколовскій, не имѣя наслѣдниковъ и близкихъ въ своимъ имѣньямъ „зъ ласки братерское“, записалъ ихъ на вѣчность пану Станиславу Петровичу предъ судьей Дорогицкимъ и подсудкомъ, оставивъ „про живность свою“ въ пожизненномъ владѣніи имѣнья Соколово и Купятино. Въ своемъ листѣ, который былъ вписанъ въ книги земскія Дорогицкія, онъ „вырекъ ся, ижъ и тыхъ имѣней Соколова а Купятина не маеть ни въ чомъ вщербляти а никому даровати, ани записывати, але во всемъ ихъ маеть въ цѣлости закавати до своего живота“. Король Сигизмундъ своимъ листомъ отъ 4 февраля 1508 г. утвердилъ эту запись пана Соколовскаго, „бачачи, ижъ тые имѣнья панъ Станиславъ Соколовскій ему слупнымъ а раднымъ обычаемъ записалъ, и тежъ маючи взглядъ на высокую пораду и пыльную знаменитую, накладную а вѣрную службу вельможного пана Станислава Петровича“¹³²⁶⁾. Въ томъ же году королю заявилъ панъ Янъ Стецковичъ, „што жъ земянинъ дорогицкій Станиславъ Соколовскій никимъ не принузонъ а ни отъ кого не намовенъ, летъ самъ своею доброю волею, съ порадою добрыхъ пріятелей своихъ, продалъ и записалъ ему имѣнье свое въ Дорогицкомъ повѣтѣ на ии Рогово со всимъ по тому, какъ самъ держалъ, и пришедши передъ судью и подсудка Дорогицкого остаточне на вѣчность резыкгновалъ и въ книги земскія увелъ“. Панъ Янъ представилъ и „выписъ съ книги подъ печатями судьи и подсудка Дорогицкого“ и билъ челомъ королю подтвердить ему имѣнье своимъ листомъ, что и было исполнено¹³²⁷⁾. Въ 1524 году король подтвердилъ земянину дорогицкому пану Григорью Дмитровичу Лазовскому вымѣненные имъ селща и огороды и половину имѣнья Лазовскаго, куплю его, мотивируя свое подтвержденье такимъ образомъ: „и на тую онъ мѣну и на куплю свою выписъ съ книги земскихъ Дорогицкихъ подъ печатью судьи Дорогицкого и подсудка передъ нами вказывалъ и билъ намъ чоломъ, абыхмо на то дали ему нашъ листъ“¹³²⁸⁾.

XLVIII.

Въ предѣлахъ, ограниченныхъ перечисленными изъятіями, вѣмѣстники-державцы чинили судъ и управу по всевозможнымъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, и компетенція ихъ въ этомъ отношеніи

¹³²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 204.

¹³²⁷⁾ Ibidem, л. 205.

¹³²⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 168.

закономъ почти не была ограничена. Правда, что Судебникъ Казимира дѣла о насильственномъ захватѣ земель и наѣздахъ на имѣнья переносить на судъ господара. „А которые бы сами собою,—гласить онъ,—порубы дѣлали а любо наѣзды чинили: ино кому сталася кривда, тотъ имать ся намъ жаловати; а паеъ ли не пригодится насъ у великомъ князьствѣ Литовскомъ, и онъ имаеъ паномъ радѣ нашей жаловати; и паномъ воеводамъ нашимъ по того посылати и велѣти предѣ собою мощно поставити, а и досмотрѣти, будетъ ли то таеъ чинилъ, а всадити его у казнь и держати до нашего щасного приѣханья: бо тотъ изъ права земского выступилъ а надъ право сянгулъ, каеъ у верху писано. Мы паеъ, снемся съ паны радою нашою великого князьства Литовскаго, осмотримъ того, какою казнью казнити“¹²²⁹). Но, сопоставляя это законоположеніе съ указами другихъ источниковъ, мы придемъ къ заключенію, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ ограниченіемъ судебной компетенціи мѣстныхъ правителей, но съ предоставленіемъ потерпѣвшимъ жаловаться въ такихъ случаяхъ прямо господарю и панамъ-радѣ, минуя мѣстныхъ правителей. Но, если потерпѣвшіе обращались къ мѣстнымъ правителямъ, послѣдніе судили дѣла и о насильственныхъ захватахъ земель, и о нападеніяхъ на имѣнья (кввалтъ), равно каеъ и другія важныя уголовныя дѣла. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ земляхъ они не могли приводить въ исполненіе своихъ рѣшеній по этимъ и другимъ важнымъ уголовнымъ дѣламъ, касавшимся шляхты, до указа господара. „А коли проступитъ бояринъ,—читаемъ въ уставной грамотѣ Кіевской земли,—ино намѣстнику нашому осудивъ и за поруку давши до насъ отложить; мы паеъ, волни будемъ въ той винѣ, взяти и отпустити“¹²³⁰). Въ уставной грамотѣ Волынской земли читаемъ: „А князей и пановъ и землянь, старостѣ нашому злыми словы не соромитити, у казнь и у вѣжу ихъ не сажати; а естли бы который ся провинилъ въ чомъ, князь, або панъ, або землянинъ, ино старостѣ насъ обослати: каеъ мы его научимъ нашимъ листомъ, або посломъ нашимъ, што бы мѣлъ съ тымъ вчинити, ино ему подлѣ науки нашою то вчинити“¹²³¹). Изъ другихъ, почти одновременныхъ Судебнику, источниковъ узнаемъ, что въ важныхъ дѣлахъ предоставлялось отзываться отъ суда мѣстныхъ правителей прямо до господара. Вотъ почему и князь Федоръ Львовичъ Воротынскій, получивъ въ 1448 году „въ намѣстничество“ городъ

¹²²⁹) Акты Зап. Рос. I, № 67.

¹²³⁰) Акты Зап. Рос. II, № 30.

¹²³¹) Ibidem. № 54.

Козельскъ, писалъ въ своей присяжной записи: „А бояромъ Козельскимъ, и земляномъ, и мѣстичомъ, и всимъ Козличомъ ѣздити къ господарю нашему Казимиру, королю Польскому и великому князю Литовскому, о чомъ имъ будетъ надобъ“¹³³²). Въ 1496 году великій князь Александръ по случаю жалобъ бояръ Ясвоинскихъ на Мартина, бискупа Жмудскаго и намѣстника Ясвоинскаго, писалъ ему: „Такожь, воли о которомъ великомъ дѣлѣ они отзовутся до насъ до господаря, и ты бо имъ того не заборонялъ; а о посполитыхъ дѣлѣхъ можешь и самъ досмотрати межи ними и справедливость чинити“¹³³³). Такимъ образомъ, судебная компетенція намѣстниковъ-державцевъ ограничивалась главнымъ образомъ фактически, желаніемъ тяжущихся, которые въ великихъ дѣлахъ отзывались отъ суда мѣстныхъ правителей до господаря. Намѣстники-державцы, какъ и другіе правители, не имѣли права ставить такіа рѣшенія, коими рѣшался вопросъ о чьемъ либо шляхетствѣ, такъ какъ нобилитаци была исключительнымъ правомъ господаря. Но самыя дѣла, вызывавшія этотъ вопросъ, могли возбуждаться передъ ними, разбираться и даже рѣшаться, если не было никакихъ сомнѣній въ шляхетствѣ; въ противномъ случаѣ намѣстники переносили дѣло на судъ къ господарю. Поэтому и общеземскій привилей великаго князя Александра, говоря о дѣлахъ, кои приходится рѣшать господарю, упоминаетъ и дѣла о шляхетствѣ; кромѣ того, въ числу дѣлъ, восходящихъ на судъ къ господарю, онъ присоединяетъ тяжбы объ отчинныхъ имѣньяхъ. *Item si quando aliquorum causae graves, — гласитъ онъ, — super bonis hereditariis, vel fama seu honoris derogatione, coram nostram serenitatem venerint, omnibus justiciam facere debemus.* Привилей устанавливалъ четыре „рока“ въ годъ для разбирательства такихъ дѣлъ на тотъ случай, если господарь будетъ занятъ спѣшными неотложными дѣлами (*negotiis arduis*) и общалъ на послѣднемъ давать рѣшеніе немедленно, безъ отволоки¹³³⁴). Статутъ 1529 года, оставляя въ силѣ эту статью касательно дѣлъ о шляхетской чести, всѣ остальные дѣла перенесъ на судъ пановъ радныхъ, которыми король опредѣлилъ съ этой цѣлью сѣзжаться два раза въ годъ въ Вильнѣ. „Теж уставуемъ для кривдъ шляхты, которые ся от пановъ деють або урядниковъ нашихъ и панскихъ *в земляхъ въ крабежохъ у квал-*

¹³³²) Акты Зап. Рос. I, № 48.

¹³³³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 78.

¹³³⁴) *Zbiór praw litewskich*, str. 58—67.

теж и головицинах, або теж и межи паны самими и их подданными; для чого ж уставуем на зъехане таковых делъ два роки на годъ на которые панове повинни будутъ зъезжчати на местце положонное до Вилни, а жаден ся не мает ничимъ вымовляти кром одной хоробы, о семой суботе а о светом покрове на которых же речах (рокахъ?) яко на завитых кождый панъ одинъ одному мает быти правъ; и теж кому дадутъ вину иж бы был сужон не водлуг прав, маеть каждому отказывати, и на тых же речах (рокахъ) мает быти прав. Вшакже тые суды нигде инде мает сужоны быти одно на палацу нашом господарском у Вилни¹³³⁵). Такимъ образомъ, къ важнѣйшимъ дѣламъ, въ которыхъ можно было жаловаться прямо господарю, кромѣ вышеупомянутыхъ, принадлежали безправный „грабежъ“ и убійство (головицны). До установленія судныхъ комиссій изъ пановъ-радимыхъ дѣла эти рѣшались господаремъ съ панами-радою. Когда учреждены были эти комиссії, они получили значеніе господарскаго суда. „Если бы кто,—гласить 8 артикулъ VI раздѣла Статута,—мел листы наши таковыя, абы его никто не судил кромѣ насъ господара; тогда таковы не маеться перед правомъ тыми листы нашими закривати и до насъ отзывать, але мает перед паны радами нашими права достояти на томъ земскомъ року, бо мы *з рamenti нашего господарского оставляемъ комисарми панов рад нашихъ*, абы справедливостъ подданнымъ нашимъ чинили“. Необходимо, кромѣ того, замѣтить, что до господара можно было отзывать отъ суда мѣстныхъ правителей не только низшаго ранга, но и отъ намѣстниковъ главныхъ городовъ земель, отъ воеводъ и старостъ. Въ привилеѣ, выданномъ Кіевской землѣ королемъ Сигизмундомъ, читаемъ: „А хто бы не вступаая у право, передъ нашимъ воеводою отозвался на насъ на господара, того пустати передъ насъ, а призвавши ихъ, обоихъ сутяжцовъ, передъ собою дати имъ рокъ подобный передъ нами имъ стати: а который бы зъ нихъ на тогъ рокъ передъ нами къ праву не сталь, вымѣняя службы наше, або (боже уховай!) немоцы, а отволокая правомъ; тогда воевода нашъ маеть мощно передъ собою его къ праву поставити, безъ каждого отзыванья передъ насъ, и справедливостъ тому вчинити на обѣ стороны“¹³³⁶). Въ привилеѣ великаго князя Александра, данномъ землѣ Волынской, было выписано: „который князь, або панъ, або землянинъ, стоячи у правѣ передъ старостою, або передъ намѣстники отзовется до насъ господара на вышшее право: ино старостѣ и на-

¹³³⁵) 5 арт. VI, раздѣла Статутъ 1529 г.

¹³³⁶) Акты Зап. Рос. II, № 30.

мѣстникомъ нашимъ того имъ не забороняти и въ намъ ихъ пускати, рокъ положивши, коли мають передъ нами стати“¹³³⁷⁾.

Г. Ясинскій въ примѣчаніяхъ къ изданному имъ сводному тексту уставныхъ грамотъ Литовско-Русскаго государства утверждаетъ, что будто бы переносъ дѣла на судъ господарскій возможенъ былъ только въ гражданскихъ искахъ, а по дѣламъ уголовнымъ судъ долженъ былъ производиться въ предѣлахъ земли. Въ доказательство своего утверженія онъ ссылается на извѣстныя статьи Витебской и Полоцкой уставныхъ грамотъ: „Такожь, который ся отъ насилія жаловати будетъ намъ Витблянинъ на Витблянина жъ, пріѣхавъ въ Литву: и безъ истца намъ на него дѣцкаго зъ Литвы не слати, давати ему нашъ листъ къ нашему воеводѣ, *хотя бы о смертной винѣ*“¹³³⁸⁾. Но развѣ эта статья говоритъ о томъ, что судъ по уголовнымъ дѣламъ могъ производиться только въ предѣлахъ земли? Статья устанавливаетъ только порядокъ судопроизводства во избѣжаніе волокиты и лишннихъ расходовъ отвѣтчика, говоритъ о томъ, что господарь не будетъ вызывать чрезъ дѣцкаго къ своему суду отвѣтчика по жалобѣ, поданной прямо ему, помимо воеводы, даже еслибы дѣло шло о смертной винѣ, и будетъ судить лишь тогда, когда истецъ самъ представить отвѣтчика. Самъ г. Ясинскій долженъ былъ признать это и согласиться, что и уголовныя дѣла въ такихъ случаяхъ могли разбираться господаремъ внѣ предѣловъ земель¹³³⁹⁾. Съ другой стороны, даже и въ такомъ видѣ правило это едва ли можетъ быть признано общимъ для всего государства, а только мѣстною привилегією земель Витебской, Полоцкой и Жмудской, которыя вообще удержали изъ своей политической старины больше, чѣмъ другія земли. Приведенныя выше статьи Судебника, уставныхъ грамотъ Кіевской и Волынской земель прямо говорятъ о томъ, что дѣла могли восходить на судъ господара и разбираться имъ по желанію одной стороны. Что это не были гражданскія только дѣла, на это выше также приведены были достаточныя свидѣтельства.

Стороны могли отзываться до господара, „не вступуя въ право“, въ противномъ же случаѣ должны были отказывать одна другой „права достояти аже до конца“, „абы въ томъ волокиты не было“¹³⁴⁰⁾.

¹³³⁷⁾ Акты Зап. Рос. II, № 54.

¹³³⁸⁾ Акты Зап. Рос. I, № 204; II, № 70.

¹³³⁹⁾ Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства, стр. 121. примѣч. 79.

¹³⁴⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 30; 2 арт. VI раздѣла Статута 1529 г.

Выраженіе „не вступя въ право“ не надо понимать въ томъ смыслѣ, что отзываться до господаря можно было только до начала судебного состязанія. Какъ видно изъ частныхъ свидѣтельствъ актовъ, стороны отзывались до господаря и во время самаго судоговоренія. Судопроизводство на Руси Литовской въ изучаемое время носило строго-формальный характеръ, и дѣла рѣшались не убѣжденіемъ судей, а чисто вѣшними средствами, которыми располагали стороны, въ родѣ, напр., письменныхъ документовъ, показаній „свѣтковъ“ и т. д. Стороны могли отзываться отъ судей до господаря, не принимая отъ противника послѣдняго доказательства, которое должно было рѣшить дѣло. Великому князю Александру жаловались земляне дорогицкіе Погорѣльскіе на землянина Водынскаго „о землю ихъ властную“. Великій князь выслалъ на мѣсто „тамъ того межы ними смотрѣти“ намѣстника Лидскаго пана Станислава Петровича и намѣстника Дорогицкаго пана Якуба Довойновича. „И они,—гласить судебный листъ в. князя,—тамъ выѣздили и того межы ними смотрѣли. Погорѣльскіе дали пятьдесятъ свѣтковъ, землянь дорогицкихъ и людей нашихъ Дорогицкого повѣту; и Водынскій тымъ свѣткомъ не хотѣлъ вѣрити и о то позвался передъ насъ. И мы того сами межы ними смотрѣли и рассказали есмо Водынскому съ тыхъ свѣтковъ осмонадцать челоуѣковъ vybrати, кого бы онъ межы ними хотѣлъ, а тыи мѣли свѣтки присягнувши свѣтчати. И тамъ казали есмо на тое дѣло выѣхати намѣстнику Дорогицкому пану Якубу Довойновичу и намѣстнику Мелницкому, судьи Бѣлскому, пану Рачку Пучицкому слухати присяги тыхъ свѣтковъ и конецъ тому промежу нихъ вчинити, и на чомъ бы тыи свѣтки присягнули, то мѣли и завеста и потолѣ имъ границы положыти“¹³⁴¹⁾.

При строго-формальномъ характерѣ судопроизводства судъ господарскихъ урядниковъ былъ обыкновенно окончательнымъ. Поэтому, если недовольная сторона послѣ суда возбуждала вновь дѣло предъ господаремъ, противной сторонѣ обыкновенно достаточно было сослаться на бывшій уже судъ, чтобы выиграть тяжбу. Господарь въ такихъ случаяхъ предоставлялъ недовольной сторонѣ вѣдаться съ судьей и на немъ искать своихъ убытковъ. Такъ, напр., въ вышеприведенной тяжбѣ землянь Погорѣльскихъ съ Водынскимъ господарь, рѣшивъ дѣло въ пользу Погорѣльскихъ, написалъ въ судебномъ листѣ: „нехай они тую землю держать по тому, какъ имъ панъ Якубъ а панъ Рачко ограничили, а Водынскому если будетъ о томъ которое дѣло, и онъ

¹³⁴¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 38.

того нехай на судьяхъ нашихъ ищеть, а не на нихъ, коли они его будутъ негораздо судили“. При королѣ Сигизмундѣ панъ Левъ Боговитиновичъ искалъ имѣнья Вортоля на панѣ Юрьѣ Ивановичѣ Ильинича. Высланные королемъ на мѣсто судьи присудили имѣнье пану Юрью Ивановичу, и король съ панами радою на великомъ сеймѣ въ Берестѣ, выслушавъ судъ этихъ судей, утвердилъ имѣнье на вѣчность за паномъ Юріемъ Ивановичемъ. „И потомъ панъ Левъ Боговитиновичъ,—гласить позднѣйшій судебный листъ короля,—въ тотъ же часъ по сказаньи нашомъ, опустившы пана Юрья Ильинича, искалъ на тыхъ судьяхъ передъ нами того имѣнья, ижъ они тое имѣнье въ него отсудили безъ присяги свѣтковъ, не водлугъ обычая права земского“. Король приказалъ судьямъ собрать вновь свѣтковъ, чтобы они вторично обвели границы имѣній тажущихся и дали присягу, и послалъ на мѣсто отбирать ихъ показанія и присягу пановъ Ивана Семеновича Сопѣгу и Немиру Грималича. „И тые свѣтки передъ ними по тымъ же границамъ земли завели и чотыры ихъ присягнули, а три присягати не хотѣли“. По докладу объ этомъ, король „за тое имѣнье за Вортоль, которое судьи ихъ отъ пана Льва отсудили, на всихъ тыхъ судьяхъ, которые тамъ межы ними съ obu сторонъ были, толко жъ земли *зъ ихъ имѣній*“ пану Льву присудилъ. Но судъ ихъ король оставилъ въ полной силѣ и выдалъ вторично пану Юрью Ивановичу подтвержденье на имѣнье Вортоль. Когда сыновья пана Льва Боговитиновича хотѣли было вернуть Вортоль и снова возбудили о немъ дѣло предъ королемъ, Сигизмундъ выдалъ такой „вырокъ“, помѣченный 3 августа 1522 года: „Ино мы, выслушавши суда и привилія пана Юрья Ивановича Ильинича, и не видѣлося намъ того нашего суда и привилія пану Юрью ломати,—оставили есмо пана Юрья Ильинича при томъ имѣнии Вортולי водлѣ привилія нашего первого“¹³⁴²). Таковъ былъ старинный порядокъ, державшійся и въ изучаемое время. Необходимо, однако, замѣтить, что онъ все болѣе и болѣе подвергался ограниченіямъ и вырождался въ порядокъ апелляціонно-кассационный. Онъ уже не удовлетворялъ юридическаго сознанія ни общества, ни правительства, вслѣдствіе чего и частныя лица обращались къ суду господарскому съ исками противъ лицъ, уже оправленныхъ судомъ мѣстныхъ господарскихъ урядниковъ, а господарь не всегда довольствовался этимъ судомъ, но считалъ нужнымъ произвести новыя разслѣдованія, а въ судѣ дѣлалъ измѣненія и дополненія. Такъ, напр., королю Ка-

¹³⁴²) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 77, 78.

змиру въ 1487 году жаловался земанинъ Луцкій Оношко на зятя своего Ивашка и его братьевъ Семашковичей, „што жъ купилъ имѣнье въ Луцкомъ повѣтѣ въ отца ихъ Зденижъ вѣчне, а Семашковичи въ тое имѣнье увезалися мощно, а его съ того имѣнья вонъ выгнали“. Жалоба эта подана была королю, не смотря на то, что объ этомъ Оношка съ Семашковичами уже судилъ староста Луцкій, при чемъ присудилъ имѣнье Семашковичамъ съ обязанностью уплатить тридцать копъ грошей Оношку „за его наклады“. Король, выслушавъ судъ пана старосты, описанный въ его судовомъ листѣ, представленномъ Семашковичами, хотя не нарушилъ суда старосты, но велѣлъ Семашковичамъ приплатить еще десять копъ грошей ¹³⁴³). Такимъ образомъ, король въ данномъ случаѣ исправлялъ судъ своего урядника, не дѣлая его, однако, отвѣтственнымъ за нѣкоторый убытокъ, нанесенный Оношку. Въ 1496 году предъ великимъ княземъ Александромъ приставъ Немонйтскій и волость прискивали бояръ Юрья Динкгайлловича, Юпка Николаевича, Наца Айнаревича, Мацка Бутримовича и Радивила Немировича „посподь зъ собою сѣна косити“. Не смотря на заявленье бояръ, „што жъ ихъ о томъ смотрѣлъ воевода Троцкій, маршалокъ земскій, панъ Петръ Яповичъ и въ томъ ихъ правыхъ нашолъ и листъ свой судовый имъ на то далъ“,—заявленье, подтвержденное представленіемъ самого судебного листа, великій князь „надто“ спросилъ бояръ: „маете ль вы клейноты свои, ижъ бы есте зъ вѣка были бояре?“ „И они,—гласить далѣе господарскій судовый листъ,—повѣдили братью свою бояръ у Ейшишскомъ повѣтѣ на имя Новкуновцовъ. И мы писали до подморего нашего, намѣстника Ейшишского, пана Петрашка Радивилловича, ажъ бы тыхъ Новкуновцовъ опыталъ, братья ли имъ есть они, тежъ бы ся и того довѣдалъ тыхъ Новкуновцовъ, зъ роду бояре ль суть.... И того всего довѣдавшы, панъ Петрашко и къ намъ отписалъ, и мы подлугъ листа пана воеводина и его суда и подлугъ тыхъ Новкуновцовъ свѣдоцтва, тыхъ бояръ Немонйтскихъ въ томъ есмо правыхъ наши: не надобѣ имъ сѣна зъ волостью косити и иныхъ служобъ служити, нехай они службу намъ служатъ боярскую, какъ и иншіи которые бояре-шляхта“ ¹³⁴⁴). Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ мы опять имѣемъ вторичный искъ передъ господаремъ противъ оправленныхъ судомъ мѣстнаго правителя лицъ и дополнительное разслѣдованье со стороны господара. Приведенное дѣло вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что старинный порядокъ, предписывавшій искать

¹³⁴³) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 129, 130.

¹³⁴⁴) Литов. Метр. кн. Запис V, л. 50.

предъ высшимъ судомъ убытковъ не на противной сторонѣ, а на судѣ, не могъ во многихъ случаяхъ имѣть даже приложенія, какъ, напр., въ тяжбахъ объ отпращиваніи государственныхъ повинностей, тѣсно связанныхъ съ сословнымъ положеніемъ тяжущихся. Тотъ же великій князь рассматривалъ тяжбу князя Ивана Корецкаго съ паномъ Богданомъ Сенковичемъ Гостыскимъ, который не хотѣлъ обвинять въ Гощѣ подводу Корецкихъ, „гдѣ жъ здавна мѣниваны были“. Не смотря на то, что объ этомъ ихъ судилъ уже по порученію короля Казимира панъ Петръ Яновичъ въ бытность своего старостою Луцкимъ „и въ томъ князя Ивана оправилъ и листъ ему на то судовой далъ“, великій князь счелъ нужнымъ съ своей стороны довѣдаться достаточно и только тогда „оправилъ“ князя Корецкаго¹³⁴⁵⁾. Сами урядники господарскіе позволяли иногда тяжущимся отзываться до господара уже послѣ своего суда и назначали обѣимъ сторонамъ срокъ для явен на судъ господара. Такъ, поступилъ, напр., староста Луцкій князь Семень Юрьевичъ. Землянинъ Кирдей хотѣлъ было вывести съ мѣста Луцкаго гнѣвого Луку съ братомъ, какъ своихъ отчинныхъ людей. Но Лука и братъ его подали жалобу старостѣ Луцкому князю Семену Юрьевичу, утверждая: „отецъ дей нашъ служилъ его отцу пану Ванку по доброй воли, и послѣ отца нашего мы, ему челомъ вдаривши, и пошли до мѣста Луцкаго и тамъ есмо мешкали....., а панъ Ванко, отецъ его, и онъ не габали насъ ничимъ“. Такъ какъ это послѣднее показанье подтвердили всѣ мѣщане Луцкіе, староста оправилъ Луку съ братомъ. „И Кирдей дей,—гласитъ судовой листъ в. князя Александра,—былъ о томъ отоввался до насъ, и рокъ имъ староста положилъ, што жъ мѣли стати передъ нами о Покровѣ Пречистое и листъ о томъ до насъ писалъ“. И такъ, дѣло и послѣ суда старосты вторично должно было разбираться господаремъ. Такъ какъ Кирдей въ назначенный срокъ не сталъ предъ господаремъ, послѣдній оправилъ Луку съ братомъ и написалъ старостѣ, чтобы онъ ихъ ни въ какомъ случаѣ не выдавалъ Кирдею: „мають они вже отъ Кирдея во всемъ въ повои быти, не маеть ихъ ничимъ габати“¹³⁴⁶⁾. Статутъ 1529 года остался на старинной точкѣ зрѣнія только касательно тѣхъ случаевъ, когда судьи судили „не podle права писаного“, т. е. не по Статуту. „А естли бы ся видело,—гласитъ 2 арт. VI раздѣла,—подле всказана которой сторонѣ кривда, а бачила бы сторона ижъ ей не podle права писаного свазывано; тогда маеть листа просити в судей сказаня своего, которимъ

¹³⁴⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 1.

¹³⁴⁶⁾ Ibidem, л. 92.

обычаемъ всказали на немъ, а суди повинни будутъ ему листъ дати под печатю своею, а онъ маетъ зъ оними судьями передъ нами або передъ паны радами нашими на первомъ соймѣ говорити и листъ тыхъ судей вказати“. „А естли бы оного судью узвано,—гласить 1 арт. того же раздѣла,—и жъ не подле права писаного всказалъ маетъ ему шкоды и накладъ оправити а тотъ судъ ни во што обернути; а кому будетъ судъ присудилъ або на комъ што узято, то маеть ему вернути безъ доводу, а што бы шкодовалъ въ накладехъ и у стравахъ, на што доводъ слушный учинитъ або присягнетъ, то маетъ ему судья заплатити“. Порядокъ иска на судьяхъ Статутъ опредѣляетъ такимъ образомъ: „А вшакже который бы зъ державецъ нашихъ таковою речью былъ обвиненъ, таковой каждый маетъ припозванъ быти передъ воеводу повету своего, и будетъ повиненъ судъ свой оказывати. А естли бы кто с пановъ радъ нашихъ воеводъ и старостъ, которые не суть въ поветехъ, также обвиненъ мелъ быти, тогда такъ же маетъ на первомъ сойме то отказывати або на року земскомъ“. Здѣсь нѣтъ пока еще въ собственномъ смыслѣ апелляціи отъ низшаго суда къ высшему, но практика, какъ можно видѣть изъ вышеприведенныхъ случаевъ, шла впереди закона. Поэтому и установленіе апелляціи по Статуту 1566 ¹³⁴⁷⁾ не было нововведеніемъ, а только законодательною формулировкой того, что дѣйствовало уже въ жизни.

Дѣла, восходившія на разбирательство къ самому господарю, иногда возвращались обратно въ мѣстность къ намѣстникамъ-державцамъ, которымъ господарь поручалъ собрать всѣ дашныя, касающіяся дѣла на мѣстѣ. Король Александръ взялъ у подблочаго Виленскаго Богдана Павловича людей и землю въ Русотинѣ и далъ пану Станиславу Петровичу, а Богдану Павловичу взаимѣнь далъ сельцо въ Марковскомъ повѣтѣ на Узлѣ. Но люди этого сельца—Крюкъ, братаничъ его Степанъ, Воронъ, Сенько, жаловались королю Сигизмунду на Богдана Павловича, будто бы онъ забралъ ихъ безъ листовъ и данины короля Александра. „И мы,—гласить привилей короля Сигизмунда, выданный Богдану Павловичу 9 ноября 1507 года,—писали до намѣстника Марковского до Мордаса Мишкевича, абы ся о томъ достаточно довѣдалъ и къ намъ отписалъ. И панъ Мордасъ, довѣдавши ся того достаточно, писалъ къ намъ, повѣдаючи, и жъ Богданъ Павловичъ гораздо тые люди держитъ подлѣ данины брата нашего Александра короля его милости“ ¹³⁴⁸⁾. Въ данномъ случаѣ король напра-

¹³⁴⁷⁾ 61 арт. IV раздѣла.

¹³⁴⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 183, 184.

вилъ слѣдствіе въ намѣстнику потому, что одною изъ сторонъ были господарскіе люди, и намѣстникъ легко могъ узнать все, что до нихъ касается. Но обыкновенно данные по земельнымъ тяжбамъ собирали на мѣстѣ *вздоки*, которыхъ тяжущіеся брали у господара „съ своею рукою“. Судебникъ Казимира по поводу этого предписываетъ: „А такожь кому будетъ до кого какое дѣло, будетъ земное дѣло, ино вѣдоки по-брати; а будутъ иныи которыи дѣла, ино судьи брати, и искати правомъ“. Впрочемъ, вѣдоки посылались иногда, повидимому, и господаремъ, независимо отъ желанія сторонъ. Воевода Троицкій, маршалокъ земскій, панъ Янъ Юрьевичъ отнялъ у писаря Громыки Исаевича имѣніицо отчинное подлѣ Минска, сельца—Онцыпоровское, Гридьковское и Брачину Ораньковщину, на томъ основаніи, „изъ бы тое имѣнейцо его звѣчное было Волменское“. „И мы,—гласить судебный листъ короля Александра,—перво сего послали тамъ писара нашего небощыка пана Фадва Грыгорьевича а пана Богдана Корейвича а Каспора Гармановича и казали имъ достаточне о томъ довѣдатися и тамошнихъ бояръ и людей околичныхъ опытати, куда здавна тое имѣнейцо прysłухало. И они, тамъ выѣздивши и тамошнихъ бояръ и людей околичныхъ опытавши и достаточне о томъ довѣдавшися, намъ отвезали, што жъ тое имѣнейцо отчына и дѣдина его, а здавна къ Мѣнску прysłухаетъ“¹³⁴⁹). Въ данномъ случаѣ вѣдоки посылались по выбору господара, чтобы вѣрнѣе обезпечить правосудіе въ тяжбѣ писаря съ вліятельнымъ паномъ. Отсюда видно, кромѣ того, что вѣдоки посылались собственно для собранія на мѣстѣ данныхъ, на основаніи которыхъ господарь долженъ былъ постановить свое рѣшеніе. Въ 1496 году іюля 25 въ Вильнѣ панъ Янъ Заберезинскій „розмовлялъ передъ господаремъ его милостью съ паномъ старостою Жомотскимъ о сѣножатѣхъ на прудѣхъ: панъ Янъ рекъ, ажъ бы панъ староста звѣчныи сѣножати Каменецкіи покосилъ, а панъ староста мовилъ, абы то были сѣножати звѣчныи Налибоккіи“. Оба пана „сѣ слали на околичныхъ бояръ и людей со ста рублевъ грошей“, т. е. бились объ закладъ въ пользу господара. Дѣло это могло быть рѣшено, конечно, только путемъ опроса мѣстныхъ бояръ и людей, вслѣдствіе чего господарь великій князь постановилъ: „мають собѣ на тое дѣло вѣдоки взяти“¹³⁵⁰). Но особенно хорошо значеніе вѣдоковъ выясняется изъ дѣла, разсказаннаго въ судебномъ листѣ воеводы Полоцкаго Яна Юрьевича Глѣбовича отъ 26 ноября 1533 года. Воеводѣ

¹³⁴⁹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 119.

¹³⁵⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 384.

жаловался бояринъ Семенъ Ваньковичъ изъ Освея на господарскаго челоуѣка Полоцкаго повѣта Лисненской волости Захарью: „которую землю Городиловскую Оношвову панъ мой мнѣ далъ, ино онъ тое земли сѣножать мою, которая жъ есть межи озера Лисна и рѣки Нечерчицы того лѣта повосиль“. Захарья на это возразилъ: „то сѣножать мнѣ съ нимъ цоговая, тое сѣножати ему прійдется половица, а мнѣ другая“. Но Семенъ настаивалъ, „и жъ въ тую сѣножать нѣтъ ему жадного вступу“. Оба они просили воеводу дать имъ „тому праву рокъ“ и ѣздоковъ на сѣножать. Воевода выслалъ на „рокъ“ ѣздоковъ со стороны Захарьи боярина полоцкаго Клыма Ловейковича и службника своего Ленарта, а съ Семеновою стороны выѣхалъ намѣстникъ Освейскій пана Петра Станиславовича Волкъ, „и тамъ передъ ними о тую сѣножать съ obu сторонъ доводъ чинили и свѣтки ставили“. Ѣздоки, выслушавъ ихъ „и вождого свѣтва свѣдоцтво на реистръ выписавши, къ намъ принесли подъ печатью дворянина господарскаго Васка Черкаса, который тамъ при нихъ былъ, яко сторона, и тую речъ до насъ имъ на нашъ (воеводинъ) розсудокъ дали“¹³⁵¹). Итакъ, дѣло ѣздоковъ состояло въ отобраніи показаній тяжущихся и ихъ свидѣтелей, въ составленіи протокола своего слѣдствія и сообщеніи его господарю или судьѣ для постановленія окончательнаго рѣшенія.

Такъ бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло исключительно о землѣ и могло быть рѣшено издали на основаніи документовъ на владѣніе и протоколовъ опроса мѣстныхъ жителей. Но земельныя тяжбы часто осложнялись взаимными исками, которые возникали на мѣстѣ, во время судебного слѣдствія, „о бояхъ, наѣздахъ, квалтахъ, татбахъ“ со стороны тяжущихся землевладѣльцевъ и ихъ подданныхъ. Для такихъ дѣлъ, требовавшихъ присутствія на мѣстѣ слѣдствія самого судьи, либо господарь посылалъ отъ себя судей съ полномочіемъ изречать „вырокъ“, либо тяжущіеся брали у него судей „съ своею руки“. Въ 1475 году 8 мая король Казимиръ изъ Трокъ писалъ пану Михаллу Кезьгайловичу, воеводѣ Виленскому, пану Ивану Ходковичу, намѣстнику Витебскому, и пану Яну Кучуку, намѣстнику Лидскому: „жаловала намъ княгини Семеновая Трабская, што жъ дей князь Иванъ Юрьевичъ и зъ братьею кривду ей чинять у земли и у иныхъ речѣхъ. Прото жъ, што бы есте имъ рокъ подобный положили и, на тотъ рокъ выѣхавши, о томъ досмотрѣйте и справедливо то учините,

¹³⁵¹) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 225, 226.

какъ бы имъ о томъ вриды не было. А до князя Ивана и до братья его писали жъ есмо, што бы передъ вами конечно к праву стали и права бы были послушны“ ¹³⁵²). Король Александръ пожаловалъ пану Михну Ивановичу, тивуну Троцкому и Езненскому, островъ въ Олитскомъ повѣтѣ на имя Куковъ. „И въ томъ островѣ въ Куковѣ, — гласить королевское подтвержденье, выданное пану Михну 11 сентября 1504 г., — почаль былъ ему вриды дѣлати плебанъ Пунскій князь Янъ въ земли и сѣножатѣхъ, и въ рѣки того острова, на нихъ въ Петруну а въ Воду, вступался и езы на нихъ билъ. Ино въ *росказахъ нашего* смотрѣли межи ними намѣстникъ Пунскій панъ Александръ Ходковичъ а конюшій нашъ дворный, намѣстникъ Жолудскій, панъ Мартинъ Хребтовичъ, а намѣстникъ Волвиницкій и Лепунскій панъ Якубъ Кунцевичъ и въ томъ во всемъ пана Михна правого знашли, а тыи земли и сѣножати въ томъ островѣ въ Куковѣ ему отѣхали и ограничили“ ¹³⁵³) и т. д. Гораздо чаще по актамъ въ такихъ случаяхъ мы встрѣчаемъ судей, взятыхъ „зъ рамена господарского“ тяжущимися, каждымъ „съ своее руки“, судей „полюбовныхъ“, „прошорныхъ“. Въ 1499 году великому князю Александру жаловался владыка Смоленскій Юсифъ на князей Горскихъ: „што жъ дей они ему велики вриды подѣлали въ имѣнью его въ церковномъ въ Чуриловичохъ въ Горахъ, въ земли, черезъ судъ пана Якуба Раловича, што перво сего отецъ нашъ, король его милость, казалъ того ему досмотрѣти съ предкомъ его, съ владыкою Смоленскимъ Мисаиломъ; и тогда панъ Якубъ того межи ними смотрѣлъ, и во всемъ наполю владыку правого, въ земли и въ ловѣхъ, и листъ ему свой судовый далъ; и они хотѣли тотъ судъ пана Якубовъ ни за што мѣти, для того, ижъ послѣ того ся на владыку жаловали королю его милости“. Великій князь въ принципѣ рѣшилъ дѣло въ пользу владыки и урядилъ между ними такъ, „што жъ они мають держатися суда пана Якубова, подлѣ листа его судового“. Но при этомъ приказалъ имъ „судби побрати, што бы они тамъ выѣхали и то поправили, хто будетъ черезъ тыи грани нереступилъ, и о *иныхъ* дѣла, о которыя жъ жаловалъ намъ владыка, казали есмо имъ всего того межи ними наконецъ досмотрѣти“. Князья взяли у господара „съ своее руки судьями“ намѣстника Смоленскаго пана Юрья Глѣбовича и князей Дмитрія и Богдана Одинцевичей, а владыка „съ своее руки“ взялъ пана Доброгоста Нарбутовича, окольничаго Смоленскаго князя Олехна Глазынича, казначея Смоленскаго

¹³⁵²) Литов. Метр. кн. Корон. Перепис. XXVII, л. 7.

¹³⁵³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 243, 244.

князя Константина Крошинскаго и конюшаго Смоленскаго Василія Полтева. „И они на тотъ рокъ тамъ выѣхали и того межѣ ними смотрѣли, што ся дотыкало суда пана Якубова и иныхъ дѣлъ, и въ томъ во всемъ нашли владыку правого и листъ свой судовой на то ему далъ“. Судьи произвели и самое разграниченье, „имъ грани покляли и тесьни потесали“, и господарь приказалъ князьямъ чрезъ эти грани ни во што ся вступати. Князья Горскіе не хотѣли было судиться передъ этими судьями съ владыкою, „што они ему иные кривды тамъ же починили, опрочъ суда пана Якубова, у гонѣхъ бобровыхъ и въ земляхъ и въ иныхъ дѣлѣхъ“. Тогда судьи, сообразно съ инструкціею великаго князя, дали владыкѣ увязанье въ бобровые гоны и въ земли. Но владыка затѣмъ жаловался великому князю, что князья отняли у него эти гоны и земли „моцно“. Князья отвѣчали предъ великимъ княземъ: „мы ся теперѣ въ тое не вступуемъ, ни жьли о томъ намъ суда не было съ нимъ, а ни съ предки его“. Тогда великій князь урядилъ между ними такимъ образомъ: „если будетъ княземъ того жаль, и они владыцѣ мають заплатить тыи шкеры, што ему на томъ розвѣздѣ сталися, и тамъ судьи повести“¹³⁵⁴).

Иногда полюбовные судьи брались и не у господаря, но приводились тяжущимися сторонами на „рокъ“ по уговору, и судъ ихъ имѣлъ такую же обязательную силу, какъ и судъ судей, взятыхъ „зъ рамена господарскаго“. Князь Федоръ Михайловичъ уговорился съ княземъ Юрьемъ Ивановичемъ Дубровицкимъ „справедливость вчинити“ о кривдахъ, которыя подѣланы были имъ и его подданными князю Дубровицкому и его подданнымъ, и „о показеньѣ границъ“ между имѣньями Дубровицкими и Чорторыйскими. Князья „и судей на то зъ обусторонъ межѣ собою взяли, и жь мѣли ихъ тамъ на рокъ вывести“, при чемъ князь Чорторыйскій далъ князю Дубровицкому на себя листъ, въ которомъ написалъ: „если бы онъ самъ не сталъ и судей своихъ на тотъ рокъ тамъ не вывелъ або тыхъ людей своихъ, до которыхъ будетъ дѣло....., не поставилъ, тогда тыи права свои тратить“ и кромѣ того платить вины господарю 500 копъ грошей и князю Дубровицкому столько же; „а тые судьи, которое бы стороны тамъ выѣхали, мѣли предъ ся судити и всказъ учинити“. Князь Дубровицкій на „рокъ“ выѣхалъ съ своими судьями и подданными, но князь Чорторыйскій не явился. Тогда судьи князя Дубровицкаго, выслушавъ показанья его свѣтковъ, „усказъ вчинили и границы показоны поправили, и шкеры

¹³⁵⁴) Акты Зап. Рос. I, № 145.

подданнымъ его, на што они доводъ слушный передъ ними учинили, на его людѣхъ усказали“. Когда князь Чорторыйскій „подлѣ умови и запису своего досыть чинити“ не хотѣлъ, князь Дубровицкій пожаловался королю Сигизмунду. Только извиненіе „форобокъ“ спасло князя Чорторыйскаго отъ проигрыша дѣла. Король 20 декабря 1528 года постановилъ, чтобы они снова вывели судей „на рокъ подѣ страченемъ права у трехъ недѣляхъ по семай субботѣ“. Князь Дубровицкій взялъ у короля судьями „съ своее руки“ старосту Пинскаго пана Ивана Михайловича, чашника пана Николая Андриушковича и городничаго Городенскаго пана Мартина Мелешковича, а князь Чорторыйскій кн. Семена Одинцевича и кн. Ивана Андреевича Полубенскаго. Король присоединилъ къ своему приговору еще слѣдующую статью: „Што ся дотычетъ тыхъ шкодъ князя Юрьевыхъ, которые онъ на тую копу въ странныхъ речахъ наложилъ, князь Чорторыйскій маєтъ ему то напервѣй права заплатити, на чомъ на тыхъ странныхъ речахъ вриадники его присягу вчинять, а што будетъ тымъ судьямъ або свѣткомъ своимъ пенезми и иными речми далъ, того ему не повиненъ платити“¹³⁵⁵). Такъ какъ при разбирательствѣ земельныхъ тяжбъ и различныхъ столкновеній приходилось „вести копу“, т. е. выспрашивать въ опросу мѣстныхъ жителей, бояръ и людей, то и суды эти назывались обыкновенно *копными*. Возникновеніе такого названія объясняется тѣмъ, что судебное слѣдствіе въ то время не раздѣлялось строго отъ суда, считалось самымъ судомъ, такъ какъ въ сущности рѣшало дѣло. Что названіе копнаго суда прилагалось къ судамъ, производившимся на мѣстѣ судьями, которыхъ стороны брали „съ своее руки“, на это прямое указаніе можно получить, напр., „въ выроекъ“ по дѣлу князя Андрея Лукомскаго съ паномъ Ѳеодоромъ Богдановичемъ Сопѣжича. „И Ѳеодоръ Сопѣжичъ повѣдилъ передъ нами,—читаемъ здѣсь,—изъ онъ тыхъ слугъ своихъ на его имѣнье не насылалъ, нижи дей *судимъ помобовнымъ* присудили людемъ моимъ на его людѣхъ иѣоторыи шкочи за пчолы. Ино люди мои неоднократно о томъ князю Андрею жаловали, абы то казалъ людемъ своимъ *подлѣ суда копного* платити. И онъ тыхъ сужонныхъ речей людемъ моимъ заплатити не казалъ, и люди мои сами за тыи свои присужонныи шкоды намѣстничва его на дорожѣ поимали и ко мнѣ привели, и я его въ томъ обсылалъ, абы его на рукоемство взялъ, и онъ его взяти не хотѣлъ, и тыхъ его людей слуги мои не имали, а шкодъ не дѣлали“¹³⁵⁶).

¹³⁵⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 51.

¹³⁵⁶) Ibidem, л. 26, 27.

Приведемъ еще нѣкоторыя данныя изъ актовъ, характеризующія дѣятельность судей, вятыхъ сторонами „съ своею руки“. Писарь земскій Дорогицвй Янъ Свирка, задолжавъ воеводинѣ Троцкой, женѣ пана Григорья Станиславовича, „початокъ заплаты тымъ пеняземъ ей учинилъ, а о бранѣ достолн ихъ у право городовое Дорогицкое ее позывалъ“. Но она не явилась и заочно взяла „увязанье“ въ его имѣнье. По жалобѣ писаря, король Сигизмундъ 20 марта 1531 года писалъ старостѣ Дорогицкому, судѣ и подсудку: „Мы казали съ obu сторонъ комисарей, прятелей своихъ обравши, на то посадити, котрыи жъ комисары мають межн ними яко о тыхъ пенязѣхъ, такъ и о всыхъ шкодахъ слушное *розознанье* и конецъ вчинити. Естли жъ тми ихъ прятелн высажонны межн ними въ томъ навонецъ справедливости вчинити не могли, и вы бы казали имъ передъ собою стати и въ томъ имъ розсудкомъ своимъ сказыанье вчинили вадлѣ Статуту права вашего земли Дорогицкое; пакъ ли жъ бы и передъ вами конечная справедливость имъ не могла ся сточыти, и вы бы ихъ отослали зася до насъ господаря: мы сами хочемъ о томъ межн ними досмотрѣти и справедливость тому вырокомъ нашимъ навонецъ вчинити“¹²⁵⁷⁾. Изъ этого видно, что и отъ суда „прятелей“ дѣла могли отходить къ суду мѣстныхъ правителей, какъ и отъ послѣдняго къ суду господаря либо по желанію тяжущихся, либо по желанію судей, затруднявшихся найти и приложить законъ къ данному случаю. Плебанъ Крошинскій князь Войтехъ жаловался панамъ-радѣ на дворянина господарскаго Алексѣя Овсяника, „ижъ бы ему отъ него кривды великн ся стали въ земляхъ, въ квалтѣхъ, въ грабежѣхъ, въ наѣздахъ и въ ивпихъ речѣхъ“. Паны-рада велѣли имъ взять судей на мѣсто. Но судьи Овсяника съ судьями плебанскими споръ учинили, „хотачы Овсянику на плебанѣ квалтъ присудити за то жъ, ижъ плебанъ мутвицу Овсяникову съ своею греблю зметалъ“. Тогда судьи плебана обратились къ панамъ-радѣ за разрѣшеніемъ спора, и паны дали имъ науку: „кто бы въ земли былъ правъ, тотъ и въ квалтѣхъ“. Но судьи Овсяника съ „права“ съѣхали и конца дѣлу не учинили. Не обращая на это вниманія судьи плебана „подлѣ розказыанья пановъ-радѣ“, такъ сказали: на чомъ плебанъ и люди присягнуть, то Овсяникъ маеть платити“. Но Овсяникъ, очевидно, и не думалъ платити, потому что плебанъ долженъ былъ жаловаться на него самому господарю. Господарь приказалъ „о томъ межн ними досмотрѣти и справедливость

¹²⁵⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 77.

тому вчинити“ судьямъ дворнымъ: маршалку князю Андрею Михайловичу Санегушковичу, маршалку и державцѣ Волковыйскому пану Матю Войтеховичу, тивуну и подконюшему Виленскому пану Шмику Мацковичу и дворянину пану Богдану Довегирдовичу. Но судьи, выслушавъ судебный листъ судей плебана затруднились въ рѣшеніи этого довольно сложнаго дѣла и „отказали“ то господарю и панамъ-радѣ и „самихъ ихъ очивисто ставили“. Господарь съ панамъ-радою, одобривъ въ принципѣ судъ плебанскихъ судей, приказалъ плебану присягнуть на третій день въ своихъ „шкѣдахъ“, что и было исполнено. „Водѣ присяги“ плебана господарь приказалъ судьямъ дворнымъ „тую сто копъ грошей на Овсянику сказати и роки трои заплатѣ положить по двадцати дней отъ дня святого Авгуштына“. Господарь, кромѣ того, постановилъ: „чого судьи не судили, мы казали имъ съ obu сторонъ знову тамъ судьи вывести и о томъ межы собою росправитися; а што ся дотычетъ боевъ и грабежовъ и шкѣдъ людей плебанскихъ, то есьмо тежъ людемъ его дали на присягу и рокъ есьмо той присезѣ положили на светого Авгуштына за чотыри недѣли: на чомъ тыи люди плебанскіи передъ двораниномъ нашимъ Иваномъ Мостыкою у церкви въ Крошнѣ у своей паравои присягу вчиняте, то Овсяникъ маєт имъ платити“¹³⁵⁸). Приведенное дѣло характерно въ томъ отношеніи, что указываетъ на участіе высшаго суда въ дѣятельности низшихъ судовъ въ теченіе самого процесса, на сліянiе низшихъ судовъ съ высшимъ въ одномъ судопроизводствѣ. Въ этомъ отношеніи характерно также и слѣдующее дѣло. Панья Алжбета, жена воеводы Виленскаго и канцлера пана Миколая Миколаевича, жаловалась панамъ - радѣ на судовомъ „рокѣ“ на вдову князя Михаила Ивановича Мстиславскаго, „же бы князь Михайла небощывъ Мстиславскій, а по смерти его она, всю пущу ее спустошили и звѣрь побили а грабежи невымовныи имѣню ее милости Селищамъ, Груздову, Маньковскому, Смыцкому подѣлали“, и на то представила „реистръ шкѣдъ своихъ“. Княгиня Мстиславская съ своей стороны жаловалась на панью, „якобы ее милость пущу властную Молодеченьскую отнимала и грабежи имѣню ее Молодечыну а Ожуничомъ подѣлала“, и также представила „реистръ шкѣдъ своихъ“. Пань, выслушавъ эти реистры, „взяли то, ижъ ростыри и грабежи межы ихъ милостью ни съ чого ся иного не стали, толко о пущу, и на томъ то zostавили, же ихъ милость *пэдоковз* маюте вести, и рокъ *копъ* завитый положили“. Панья взяла „съ своео руки

¹³⁵⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 30, 31.

судьями* князей Василья и Ивана Андреевичей Полубенскихъ и паны Станислава Довиґирда, а княгиня—пановъ Шимеа Мацековича и Кмиту Кунцевича и князя Тимоѳея Ивановича Пузыну. Паны-рада, извѣстивъ объ этомъ выпрошенныхъ судей и приказывая имъ выѣхать на „рокъ“ на мѣсто, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщили имъ и свое рѣшеніе, къ которому они пришли въ принципѣ по этому дѣлу: „кто въ пуцы будетъ винеатъ, тотъ и въ грабежахъ“. Этимъ „вырокомъ“, присланнымъ подъ печатью пановъ, судьи должны были руководиться и ни въ чемъ отъ него не отступать въ дѣлѣ о пуцѣ, которое они должны были разсмотрѣть сначала, прежде другихъ дѣлъ, „кому бы межы подданныхъ ихъ милости до кого дѣло было“. Панья и княгиня съ своими судьями пріѣхали въ назначенный день на мѣсто, куда съѣхались господарскій дворянинъ и „не мало землянъ“. Судьи нашли, что княгиня первая должна вести границу своихъ владѣній. Княгиня стала вести, но „неслушне“,—„все по чужой земли великою дорогою Полоцкою вела, а границы ни одной а некоторого знаку къ граниченью не вказала и еще за великій логъ перешла, чого жъ ся сама передъ паны ихъ милостью вырекла“. Панья послѣ этого просила судей, „абы сказанье вчинили и пры властности, отчынѣ и дѣвзнѣ ее, пры пуцы зоставили“. Но судьи княгини съ судьями паньи „въ томъ ся не згожали“, на томъ основаніи, что „въ статутахъ правъ писанныхъ того artykuла нѣтъ, яко бы то мѣло сужено быти, хто по чужымъ землямъ ведеть, а границъ не вказуетъ и свою помененую границу переходить“. Судьи разѣхались, не учинивъ конца дѣлу, и отослали тяжущихся къ панамъ-радѣ. „Ваша милость,—писали они 15 ноября 1531 года,—вѣдаете, которымъ обычаемъ межы ихъ милостью розсудокъ вашей милости господарскій вчинити“¹³⁵⁹). Благодаря такому сліянію высшаго суда съ низшимъ, благодаря неопредѣленности компетенціи судей, чинившихъ судъ на мѣстѣ, не всегда можно различить ѣздоковъ отъ судей, и въ актахъ они иногда смѣшиваются. Судьи по настоящему дѣлу называются то ѣздоками, то судьями; не всегда различаются они и въ Статутѣ 1529 года.

Судьи для производства суда на мѣстѣ брались тяжущимися не только отъ господара, но и отъ воеводъ. Въ 1534 году воеводѣ Полоцкому Яну Юрьевичу Глѣбовича жаловался дворянинъ господарскій Иванъ Служичъ на мѣщанина полоцкаго Грыдка Буцьковича, что онъ „въ нѣскольку мѣсцохъ границы его властные звѣчыстые показялъ и моцью вгвалтомъ, перешодши границу земли его, допахалъ“.

¹³⁵⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 94, 95.

Воевода приказалъ „на то собѣ съ obu-сторонъ судей побрати“. Панъ Иванъ, —гласить судовой листъ воеводы, —взялъ въ насъ съ своео руки судьями князя Андрея Андреевича Лукомского и намѣстника нашего Черевятского Яна Лося, а Будько взялъ съ своео руки судьями боярина господарского Полоцкого Андрея Михайловича, и рокъ собѣ съ obu-сторонъ тому праву передъ нами очивисто приняли подъ страченьемъ права, окромѣ форобы а службы господарское“. Судьи вѣхали на мѣсто и произвели опросъ „свѣткамъ“, выставленнымъ тою и другою стороною; въ числѣ этихъ „свѣтковъ“ были слуги и крестьяне самихъ тяжущихся и подданные сосѣднихъ землевладѣльцевъ князя Ильи Константиновича Острожскаго, паньи воеводиной Виленской и т. д.; но не учинивъ конца дѣлу, предоставивъ его на рѣшеніе воеводѣ вмѣстѣ со спискомъ показаній „свѣтковъ“ ¹³⁶⁰). Но иногда „копа“ рѣшала дѣло, и воеводѣ приходилось только привести въ исполненіе ея рѣшеніе. Тотъ же воевода посылалъ, напр., коморника своего Ивана Волница дѣцкимъ „справить“ на людяхъ итумени Полоцкой Упачанахъ полторы копы грошей для князя Богдана Глинскаго, „што на нихъ копа присудила“ ¹³⁶¹).—Брались ли судьи тяжущимися отъ намѣстниковъ-державцевъ? И на этотъ вопросъ придется отвѣчать утвердительно. Господарскіе крестьяне въ тяжбахъ между собою о землю, сѣнокосы и т. под. брали обыкновенно или „врядника“ намѣстника-державцы, или „понамѣстника“, или тивуна ¹³⁶²). Ихъ „спорчизны“ разрѣшались обыкновенно „копнымъ правомъ“ предъ этими лицами. Король Сигизмундъ по жалобѣ людей Куренской волости Марковскаго повѣта писалъ державцѣ Марковскому: „и вжо черезъ то намѣстникъ твой на волость къ нимъ уѣзжати и слугъ своихъ усылати и стацен на нихъ правити не маеть, кромѣ того, естли который мужъ на копу намѣстника твоего подойметъ, и тежъ кромѣ дѣцкихъ, естли кто на кого дѣцкаго озметъ, тогда намѣстникъ твой маеть на копу ѣздити и дѣцкихъ давати, кому будетъ потреба“ ¹³⁶³). Бояре и другіе привилегированные землевладѣльцы брали, вѣроятно, судей „съ своео руки“ у намѣстника-державцы и также вели копу. Впрочемъ, такихъ случаевъ, вѣроятно, было сравнительно мало, потому что привилегированные землевладѣльцы въ земельныхъ тяжбахъ и взаимныхъ обидахъ, которыми онѣ осложнялись, обыкно-

¹³⁶⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 234.

¹³⁶¹) Ibidem, л. 171, 172.

¹³⁶²) Акты Зап. Рос. II, № 159. арт. 21.

¹³⁶³) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 5, 6.

венно обращались къ суду господаря, а съ другой стороны и сами намѣстники-державцы при незначительности разстояній въ такихъ случаяхъ нерѣдко выѣзжали лично на мѣсто и чинили судъ.

Обращеніе къ полюбовному третейскому суду было очень обычно на Руси Литовской въ изучаемое время и должно было въ значительной степени уменьшать судебную дѣятельность господарскихъ урядниковъ. Это обращеніе часто совершалось даже безъ ихъ посредничества, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдствіе недовольства рѣшеніемъ вотчиннаго суда устанавливался „общій“ судъ, рекомендовавшійся, какъ мы выше видѣли, самимъ закономъ. Этотъ „общій“ судъ отправляли судьи полюбовные, которые выбирались сторонами, и рѣшеніе ихъ имѣло такую же силу, какъ и рѣшеніе господарскихъ урядниковъ. Въ 1534 году 1 марта на судѣ воеводы Полоцкаго княгиня Феда Ротницкая на жалобу князя Яна Вяземскаго, будто бы она приказала повѣсить его человѣка „нѣтъ вѣдома для чего“, чинила такой отказъ: „мнѣ на томъ человѣку судьи полюбовные князь Андрей Мелешковскій и зъ иными судьями двадцать копъ грошей присудили за шкгоды мои и роки были ему ку заплатѣ мнѣ отъ него тыхъ пенезей положили, а князь Янъ его мнѣ въ тыхъ пенязѣхъ выдалъ, а тые роки какъ вжо минули, а мнѣ тое заплаты водлѣ суда тыхъ судей тотъ злодѣй а ни князь Янъ за него платити не хотѣлъ, и я, стерегучися того, абы ми ся отъ того злодѣя большая шкгода не стала, естли быхъ его выпустила, и казаламъ его обѣснѣти“. Князь Янъ сталъ было утверждать, что она повѣсила его, „того року, отъ тыхъ судей ку заплатѣ положоного, не дождавши“, но не могъ доказать этого, и воевода оправиль княгивю Ротницкую ¹³⁶⁴).

Судебная дѣятельность господарскихъ урядниковъ уменьшалась и со стороны копныхъ судовъ, отправлявшихся безъ ихъ участія въ тѣхъ случаяхъ, когда потерпѣвшіе отъ преступленія собирали окольныхъ жителей искать преступника, „на совъ“. Отказаться отъ этого нельзя было подѣ страхомъ быть обвиненнымъ копою. Когда владыка Смоленскій Іосифъ пожаловался в. князю Александру на князей Горскихъ, „што жъ которыи ся татбы становятъ отъ людей ихъ, и они (люди владыки) на совъ людей ихъ зовуть и они не ходятъ“, великій князь урядилъ между ними, „што жъ мають съ обу сторонъ на совъ людей своихъ и паробковъ посылати тамъ, гдѣ ся шкгода станеть, а хто не выйдеть, тотъ безъ суда виновать“ ¹³⁶⁵). Вотъ образчикъ та-

¹³⁶⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 247, 248.

¹³⁶⁵) Акты Зап. Рос. I, № 145.

кого копнаго суда, описанный въ судебномъ „вырокѣ“ воеводи Полоцкаго Яна Юрьевича Глѣбовича: „которая шкода сталася была людемъ пана Троцкога, старосты Жомойтского, пана Петра его милости Станиславовича Селедцовскимъ, и они дей о томъ копу збирали, и съ копы тые вси шкоды присудили на челоуѣцѣ пана Глѣба Есмановича на имя на Павлѣ на Куріяннову для того, ижъ дей тое ночи, которое ся тая шкода стала, ночоваль въ него въ дому тогъ чолоуѣкъ наш дубровенскій Ятко, ижъ онъ того Ятка на копѣ не поставилъ“¹³⁶⁶). Копы собирались потерпѣвшими и въ тѣхъ случаяхъ, когда у нихъ было на кого вибудь подозрѣніе. Если подозрѣваемый не явился на копу, его обвиняли безъ суда. Воеводѣ Полоцкому 17 іюля 1535 года жаловался городничій Полоцкій Иванъ Глѣбовичъ съ Грицкомъ Юрьевскимъ на Стася, слугу господарскаго подданнаго Полоцкаго Васка Ракусы, по поводу того: „што жъ въ людей пана городничого у Ходора Трыбуха а у Курыла Быстры украденъ конь и свирѣпа, а въ челоуѣка Грыдкова у Петра такежъ конь; ино дей тые люди ихъ для того копу збирали, и копнымъ дей обычаемъ за тые два кони и за третего—свирѣпу присужоно тымъ людемъ ихъ на томъ служѣ Ракусиномъ Стасю за вождого коня по рублю грошей на узкую личбу, но Стась денегъ не заплатилъ. Вызванный на судъ къ воеводѣ господинъ Стась Ракуса заявилъ „ижъ того слугу своего на копѣ ставилъ, нишли дей отъ того права отозвался до насъ (воеводы)“. „И мы,—пшеть воевода въ судовомъ листѣ,—казали пану городничому и Юрьевскому съ тыхъ копниковъ сколько старшихъ мужей передъ нами поставити *ку отказу того суда* и положили есмо имъ роуѣ *ку постановенью тыхъ копниковъ передъ нами въ пятницу по святой Малгоретѣ*“. Ракуса ни самъ не сталъ въ назначенный день, ни слугу своего не поставилъ, между тѣмъ какъ городничій и Юрьевскій поставили предъ воеводою пять челоуѣкъ: Тараса, челоуѣка пана Ивана Зеновьевича, Ходора съ Болотницы, челоуѣка жены пана Ивана Зеновьевича, Нестера Луковку, челоуѣка пана Глѣба Зеновьевича, и людей Грицка Юрьевскаго Андрея Сосну и Самсона Мальцевича. Копники показали: „трыкротъ для тое шкоды копу збирали, и Ракуса на тые роки на оную копу самъ не становился а ни того слуги своего не ставилъ, и для того дей есмо тую шкоду на томъ служѣ его Стасю тымъ людемъ пана городничого и Юрьевскаго присудили, и въ той шкодѣ взялъ дей его Ракуса на свои руки“. „И мы,—гласить вырокъ

¹³⁶⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 224.

воеводы,—водлѣ отказу суда тыхъ копниковъ тую шкodu полтретья рубля грошей тымъ людемъ пана городничого и Юрьевского казали на томъ служѣ Ракусиномъ отправить“¹³⁶⁷⁾. Если власти приводили въ исполненіе рѣшенія копныхъ судовъ, то съ другой стороны и мужи копники были отвѣтственны за неправый судъ, какъ и другіе судьи. Передъ воеводою Полоцкимъ Яномъ Юрьевичемъ Глѣбовича жаловался дворянинъ Тиша Быковскій на князя Богдана Глинскаго: „ты у пана его милости взял на люди игуменины Вчановцы, которые суть въ мене у-въ опецѣ дѣцкогo, и люди моя въ томъ не мало шкoduютъ, а тобѣ ничего винни не были“. Князь Богданъ отвѣчалъ: „мнѣ копа указала на людѣхъ твоихъ полторы копы грошей“, и представилъ воеводѣ листъ, „въ которомъ копа описуетъ, што тые люди игуменины Вчановцы не вышли на копу, и они присудили на нихъ ему полторы копы грошей: за яловицу полконы грошей, а за двои пчолы копу грошей“. Тиша возразилъ: „тые люди не ходятъ на тую сторону рѣки на копу, а съ тое стороны также не ходятъ люди на сю сторону рѣки, нижи обсылаютъ ва обѣ стороны, ажбы промежи себе винного искали, коли на которой сторонѣ которая ся шкода станетъ“. Воевода остановился на томъ: „маеть князь Богданъ тую свою копу предъ нами постановити отъ сего дня, которая суббота есть, на завтра Матки Божее Внебовзятъя за двѣ недѣли, и кгда тую копу поставитъ, и если тая копа узмовитъ, мы тую полтора копы грошей князю на нихъ присудили, яко въ листѣ копномъ описано, тогда онъ маеть быти въ томъ правъ, а люди пана Тишины мають собѣ съ копою говорити; пакъ ли жъ оная копа къ тому листу ся знати не будетъ а узмовитъ: мы князю Богдану тое полторы копы грошей на нихъ не присудили, тогда князь маеть быти въ томъ виноватъ и будетъ повиненъ оные шкоды оправляти, ижъ неслушне бралъ дѣцкогo, а съ копою маеть о томъ мовити; а естли бы тежъ на тотъ ровъ копы не поставилъ, тогда предъ ся маеть въ томъ виненъ быти“¹³⁶⁸⁾.

Копные суды въ этомъ видѣ были не чѣмъ инымъ, какъ дальнѣйшимъ развитіемъ и видоизмѣненіемъ той дѣятельности, которая въ эпоху Русской Правды совершалась въ такъ называемыхъ „вервахъ“. Извѣстно, что въ то время искали по верви разбойника, поджигателя, коневаго тата, клѣтнаго (домоваго), ето крадь чужихъ бобровъ, пчель и т. д. Точно такъ же и въ изучаемое время копа собиралась тогда,

¹³⁶⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 264, 265.

¹³⁶⁸⁾ Ibidem, л. 188, 189.

когда нужно было въ мѣстности разыскать преступника, разбойника, поджигателя, тата, покрывшаго лошадей, сѣно или хлѣбъ съ гуна, бобровъ и птицъ изъ чужихъ ловушекъ и сѣтей, медь изъ борти и т. д. Этотъ розыскъ естественно долженъ былъ превратиться въ судъ, такъ какъ въ древнее время представленіе доказательствъ, нахожденіе преступника, уже рѣшало дѣло, и „вырокъ“ судьи былъ уже простою формальностью, а съ другой стороны, при отысканіи преступника, копѣ приходилось оцѣнивать доказательства виновности и невинности. Даже въ частностяхъ можно видѣть сходство копнаго процесса съ тѣмъ, что дѣлалось въ старину въ верви. Такъ, напр., если слѣдъ тата приводилъ разыскивающихъ въ село, село должно было или найти тата въ себѣ, или платить за воровство, если не удавалось отвести, „отсчитать“ отъ себя этотъ слѣдъ ¹³⁶⁹). Итакъ, копный судъ возникъ на почвѣ круговой отвѣтственности мѣстныхъ обществъ за своихъ членовъ и вытекавшей отсюда власти ихъ надъ ними. Эта круговая отвѣтственность и власть, ведшія свое начало изъ незапамятной старины, оказались наиболѣе крѣпкими связями, которыя продолжали соединять жителей въ мѣстныхъ общества въ то время, когда другія связи были между ними уже порваны, когда они считались даже подданными разныхъ „господарей“, когда по управленію и суду вступили въ новыя сообщничества. Даже въ 1588 году правительство предписывало: „на руси и инѣде где здавна копы бывали тамъ мають быти и теперъ копы отпрованы на старыхъ коповищахъ тымъ обычаемъ яко первой того бывало“. Мало того, оно распространяло это живое учреждение даже и по тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ его не было, и предписывало: „а если бы уквивжонный злодействомъ хотель шкоды своею доходити копою, тогда вси въ той околицы въ околѣ на мило со всихъ чотырехъ сторонъ мають казати подьданнымъ своимъ на копу сходитися, а то ся маеть розумети в передъ на тые мѣста гдѣ до сихъ мѣсть копы не бывали, которые коповища каждый подьморий въ повете своемъ назначити и села тыхъ хто ся тамъ ставити будеть описати маеть“ ¹³⁷⁰). Предѣлы этихъ копныхъ „околицъ“, такимъ образомъ, устанавливались чисто искусственнымъ путемъ, по соображенію условій сосѣдства. Готовыя, установившіяся уже дѣленія на волости и ихъ подраздѣленія, не принимались въ расчетъ. Отсюда позволительно сдѣлать заключеніе, что и границы копныхъ околицъ,

¹³⁶⁹) См. 88 Русской Правды по Баранз. списку; 6 арт. XIV раздѣла Статута 1566 и 9 арт. XIV раздѣла Статута 1588.

¹³⁷⁰) 9 арт. XIV раздѣла Статута 1588.

установившіяся естественнымъ путемъ, не совпадали съ предѣлами волостей и извѣстныхъ намъ подраздѣленій ихъ или, по крайней мѣрѣ, не всегда совпадали. Судя по тому, что и названіе „вервь“ имѣетъ чисто специальное и узкое значеніе и не употребляется для обозначенія мѣстныхъ обществъ въ широкомъ смыслѣ подобно названію „волость“, можно думать, что и верви Русской Правды были дѣленіемъ, не совпадавшимъ съ волостнымъ. Верви, повидимому, были первымъ общественнымъ сдѣпленіемъ, которое вышло изъ узкихъ рамокъ кровнаго союза. Послѣ нихъ образовывались болѣе крупные общественные союзы—волости, княженія и земли, поглощавшія въ себѣ по нѣскольку вервей, но жизнь въ этихъ послѣднихъ не прекращалась совершенно. Онѣ остались въ качествѣ мѣстныхъ обществъ, обязанныхъ круговою отвѣтственностью за преступленіе, совершенное въ ихъ предѣлахъ, съ властью разыскивать преступника и произносить приговоръ о виновности своего сочлена. На сѣверовостокѣ Руси верви исчезли, и съ значеніемъ ихъ позднѣе являются волости. Но дѣло въ томъ, что самыя волости на сѣверовостокѣ Руси, повидимому, не были дальнѣйшимъ шагомъ въ группировкѣ мѣстныхъ обществъ, не пошли въ своемъ объемѣ далѣе того, что обнимали верви.

Кромѣ тѣхъ случаевъ, когда приходилось искать преступника, копы собирались и производили судъ по нѣкоторымъ гражданскимъ правонарушеніямъ, которыя случались между сосѣдями. Но такіе копыне суды были особымъ видомъ полюбовныхъ разбирательствъ, признаннымъ, впрочемъ, обязательнымъ. Такъ, напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда у кого нибудь совершалась потрава, потерпѣвшій собиралъ окольныхъ людей, свидѣтельствовалъ ее и затѣмъ вызывалъ владѣльца скота на копу: во что оцѣнивала копа потраву, то владѣлецъ скота и долженъ былъ выплатить ¹³⁷¹⁾. По составу своему такія копы, вѣроятно, были однородны съ тѣми, которыя собирались тяжущимися, когда разбирали ихъ споръ полюбовные суды, т. е. состояли изъ однихъ окольныхъ жителей, бывшихъ свидѣтелями потравы.

Не смотря на то, что благодаря обращенію тяжущихся къ суду господарскому, суду полюбовныхъ судей и копному, масса дѣлъ отвлекалась отъ разбирательства намѣстниковъ-державцевъ, послѣдніе не справлялись со всею правительственною работою, которую задавала имъ ихъ судебная обязанность. Паны, державшіе волости, отвлекались постоянно какъ своими собственными дѣлами, по имѣньямъ, въ которыхъ они были господарями, такъ и „справами господарскими и зем-

¹³⁷¹⁾ 2 арт. XII раздѣла Статута 1529 года.

скими¹³⁷², потому что они были обыкновенно придворными сановниками, членами рады великаго княжества и, кромѣ того, часто господарскими намѣстниками въ другихъ волостяхъ (знатные паны постоянно держали по нѣскольку господарскихъ дворовъ съ волостями). Обыкновенно они поручали вести все управленіе, чинить судъ и управу въ волостяхъ, своимъ слугамъ, которые назывались ихъ *намѣстниками*. Но такой порядокъ съ теченіемъ времени въ примѣненіи къ шляхтѣ, которая все болѣе и болѣе росла какъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ правительства, долженъ былъ оказаться неподходящимъ. Поэтому и король Сигизмундъ въ Статутъ 1529 года постановилъ: „воеводы и старосты и державцы наши маюгъ кажды у своемъ повете обрати двоухъ земяниновъ людей добрыхъ а годныхъ веры и ку присязе привести, а встановити тымъ обычаемъ: коли пан воевода и староста и державца нашъ коли за некоторыми справами нашими або земскими не поспешны будутъ которыхъ правъ судити; тогда тые два земянины весполокъ в намѣстники и маршалки тыхъ пановъ врадниковъ нашихъ маюгъ того смотрети и то справовати водле тыхъ писаныхъ правъ, которыхъ есмо усей земли дали; и писари присязные тыхъ пановъ воевод и старост и державецъ нашихъ маюгъ также при нихъ быти и то все пописывати и в тому вин нашихъ и тежъ вин и иныхъ доходовъ пановъ своихъ смотрети; а безъ тыхъ пановъ земянъ присязныхъ, если бы обоухъ не было, тогда не маюгъ намѣстникове ани маршалкове судити, нежли бы одинъ с тыхъ земянинъ вставичне при нихъ мелъ быти“¹³⁷³). Эти судьи, впрочемъ, по всѣмъ даннымъ, не участвовали въ разбирательствѣ дѣлъ, касавшихся исключительно крестьянъ, такъ что и учрежденіе ихъ можно разсматривать, какъ прелюдію ко введенію шляхетскихъ земскихъ судовъ. Генеалогію же ихъ надо выводить отъ тѣхъ ассистентовъ, которыхъ господарскіе намѣстники обязательно должны были имѣть при себѣ во время разбирательства дѣлъ, касающихся князей, пановъ, бояръ и земянъ шляхты. Въ уставной грамотѣ Волинской земли по поводу этого читаемъ: „а князя и пана и земянина старостѣ и *намѣстникомъ* нашимъ одному ихъ не судити: маеть при собѣ посадити князей и пановъ и земянъ, тежъ маеть его судити“¹³⁷³). Впрочемъ, такой сословный характеръ судебныхъ присутствій въ свою очередь былъ производнымъ, возникъ подъ дѣйствіемъ польской шляхетской идеи, на Волини проявившимся равнѣ

¹³⁷²) 3 арт. VI раздѣла Статута 1529 г.

¹³⁷³) Акты Зап. Рос. II, № 54.

и сильнѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ (за исключеніемъ, конечно, Подляшья). Первоначальныя же судебныя присутствія при литовско-русскихъ намѣстникахъ, данныя собственно русскою исторіею, не имѣли такого сословнаго характера. Выше было упомянуто, что великій князь Александръ, освобождая откупщиковъ мыта и корчмы въ Мозырѣ отъ намѣстничьяго суда, писалъ о томъ не только намѣстнику, но и старцу Мозырскому, мѣщанамъ и всѣмъ людямъ волости Мозырской. Такая форма обращенія объясняется не тѣмъ только, что великій князь доводилъ до всеобщаго свѣдѣнія объ увольненіи откупщиковъ отъ мѣстнаго суда и о подачѣ впредь жалобъ на нихъ самому господарю, но и тѣмъ, что старецъ и отдѣльныя лица изъ мѣщанъ и волостныхъ людей присутствовали на судѣ намѣстника и имѣли въ немъ извѣстную долю участія: „а ихъ бы есте не судили, а ни радили“,—обращается къ нимъ господарь въ своей грамотѣ. Даже на судѣ намѣстниковъ, сидѣвшихъ въ центральныхъ городахъ областей и имѣвшихъ при себѣ бояръ и должностныхъ лицъ по наслѣдству отъ удѣльныхъ князей, встрѣчаемъ мѣщанъ. „А ему (воеводѣ), — читаемъ въ уставной грамотѣ Витебской земли,—судити по цѣлованью, нашимъ судомъ, *досмотрѣвши права съ князи и съ бояры, и съ мѣщаны, и осудивши его казнити у Витебску по ихъ праву*“¹²⁷⁴). Въ уставной грамотѣ Полоцкой земли находимъ то-же самое: „А воеводѣ нашему Полоцкому мѣщанъ одному не судити, судити его съ бояры и мѣщаны; а осудивши его, въ Полоцку жъ казнити виноватого, по ихъ праву, съ Полочаны по испросу“¹²⁷⁵). Впрочемъ, объ этомъ подробнѣе будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

XLIX.

Намѣстники-державцы и бывшіе на ихъ положеніи тивуны пріѣзжали въ свои резиденціи съ своими слугами, которые помогали имъ въ управленіи. Изъ среды этихъ слугъ выходили разныя должностныя лица, и прежде всего *намѣстники* намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ. Эти намѣстники были такими же уполномоченными, какъ сами намѣстники-державцы и тивуны были уполномоченными господарскими. Великій князь Александръ, славъ въ 1494 году на откупъ корчмы въ Минскѣ, писалъ намѣстнику Минскому пану Миколаю Ильиничу: „што бы еси самъ и намѣстнику своему приказалъ, ажбы

¹²⁷⁴) Акты Запад. Рос. I, № 204.

¹²⁷⁵) Акты Зап. Рос. II, № 70.

еси въ мѣстѣ нашомъ Мѣнскомъ никто корчомъ не мѣлъ, выменя тыхъ, которымъ есмо продали“. Въ слѣдующемъ году в. князь, отдавъ на откупъ на три года мыто Минское, вмѣстѣ съ запрещеніемъ вступаться въ мыто и промыту писалъ намѣстнику: „и што бы ихъ не судилъ а ни рядилъ, а дѣцкихъ бы еси своихъ на нихъ не давалъ, а и намѣстникъ бы твой тежъ на нихъ дѣцкихъ не давалъ: кому бы до нихъ было дѣло, ино мы маемъ о томъ межн ними смотрѣти въ тотъ часъ, пови выдержать мыто нашо“ ¹³⁷⁶). Въ 1501 году великій князь, утверждая старину Пинскихъ мѣщанъ относительно подводной повинности, писалъ: „и великій князь Жигимонтъ и отецъ нашъ, король его милость, писали до нихъ, штожъ имъ только дати намѣстникомъ Пинскимъ гребцовъ по двенадцати, до первого села, до обмѣны, коли поѣдетъ до Клубова, або до Нобля рѣкою; а намѣстникомъ ихъ, коли пойдутъ дворовъ Пинскихъ осматривати, по чотыри гребцы, а слузѣ его по два гребцы, а вышей того имъ не казано дати“ ¹³⁷⁷). Въ привилеѣ, выданномъ тѣмъ же господаремъ кравцу Давиду Турчину на войтовство въ Порововѣ, читаемъ между прочимъ: „а державцамъ нашимъ Волковѣйскимъ, нынѣшнему а потомъ будущому, и ихъ намѣстникомъ не надобѣ въ тое войтовство и въ ставокъ и млынъ и суды и пересуды и во вся его суды и доходы войтовскіе вступати се“ ¹³⁷⁸). Король Сигизмундъ, получивъ жалобу отъ конюховъ слонимскихъ на сотника и десятниковъ Слонимскихъ, которые стали привертывать ихъ къ себѣ въ тяглую службу, вопреки суду госполарскому, и даже по этому поводу ихъ „разграбили“, писалъ (17 іюля 1511 года) намѣстнику Слонимскому пану Яну Милолаевичу, „а не будетъ его самого на тотъ часъ, ино его намѣстнику: „приказуемъ тобѣ, абы еси сотнику и десятникомъ приказалъ подъ виною нашою, абы имъ въ томъ дали впокой: нехай они служатъ намъ съ тыми конюхи нашими съ Кропотчаны конюшскую службу подѣ суда нашего“ ¹³⁷⁹). Изъ этого листа видно, что намѣстники намѣстниковъ-державцевъ замѣняли ихъ на время отсутствія. Но даже и тогда, когда намѣстники-державцы присутствовали въ волостяхъ, лица, замѣнявшія ихъ, находились при нихъ и помогали имъ въ управленіи повѣтомъ. Какъ нужна была помощь намѣстникамъ-державцамъ, на это указываетъ между прочимъ фактъ существованія при нихъ „пова-

¹³⁷⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 163, 166.

¹³⁷⁷) Акты Зап. Рос. I, № 190.

¹³⁷⁸) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 302, 303.

¹³⁷⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 91.

мѣстничковъ“, которые выѣзжали, напр., разбирать тяжбы между крестьянами о землѣ ¹³⁸⁰⁾, несмотря на то, что при нихъ были, какъ выше было сказано, тивуны и даже *подтивуны* ¹³⁸¹⁾. Кроме того, подобно господарю, они держали иногда въ своихъ резиденціяхъ маршалковъ, которые по ихъ порученію чинили судъ по отдѣльнымъ дѣламъ.

Слуги намѣстниковъ-державцевъ ѣздили отъ нихъ *отцими*, когда кого нибудь приводомъ нужно было представить на судъ намѣстника-державцы или его намѣстника, когда, затѣмъ нужно было произвести полицейскимъ порядкомъ имущественное взысканіе (движимостью) по суду ¹³⁸²⁾. Они получали за свой трудъ „дѣцванье“, которымъ, впрочемъ, дѣлились съ своимъ паномъ. Изъ среды нихъ выходили и *шюки* намѣстниковъ-державцевъ, на обязанности которыхъ лежало официальное засвидѣтельствованіе различныхъ правонарушеній и удовлетвореній по нимъ и вообще обезпеченіе частныхъ лицъ „урядовымъ“ свидѣтельствомъ въ цѣляхъ полученія правосудія ¹³⁸³⁾. Посылка вижей давала возможность мѣстнымъ правителямъ, не выѣзжая изъ своей резиденціи, чинить правосудіе по дѣламъ, требовавшимъ знакомства съ правонарушеніемъ на мѣстѣ. Воеводѣ Полоцкому Яну Юрьевичу Глѣбовича жаловались опекунъ игуменьи Полоцкой Тина Быковскій и бояринъ полоцкій Томко Кгетолтовичъ на бояръ полоцкихъ Путату и Семена Оедьковичей, „што жъ дей они зъ имѣнья своего Ульскаго церковныя звѣчистыя земли квалтомъ моцью, на имя Яновскую а Василевскую, пашныя и бортныя, и сѣновати за себе позабирали и на деревѣ бортномъ клейна свои поелали и новыя грани въ тыхъ же земляхъ софѣ починили,... и въ тыхъ дей земляхъ церковныхъ борть пана Томкову забрали“. Они „подняли“ на разбирательство этого дѣла самого воеводу, который выѣзжалъ на мѣсто и разбиралъ дѣло о земляхъ. „А што ся тынетъ дерева бортного скажонного,—гласить выроекъ воеводы,—на то дали есмо тымъ людямъ церковнымъ и пану Томку вижомъ служебника нашего Сироту, который маєт того дерева кажонного осмотрѣти и переписати, а якъ перепис-

¹³⁸⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 21.; № 160, арт. I.

¹³⁸¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 222.

¹³⁸²⁾ Акты Зап. Рос. I, № 204; II, № 70, 159, 160; 34 и 36 арт. VI раздѣла Статута 1529 г.; Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 171, 172.

¹³⁸³⁾ 8 арт. V разд., 10, 31, 34, 36. арт. VI разд., 2, 13, 15, 19 арт. XII разд. Статута 1529 г.; Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 207—210, 253—254.

петь, такъ маемъ на томъ съ паны бояры земли Полоцкое състи и того съ obu сторонъ межи ними досмотрѣти и конецъ тому вчинити" ¹³⁸⁴). Воевода Виленскій разбиралъ въ 1542 году сентября 22 жалобу пана Августина Фурса на боярыню Виленскаго повѣта Олену, вдову Михы Ревутевича, „о потравенъе збожыя и побранъе быдла и починенъе многихъ шкодъ на земляхъ имѣнья Городилова“. Фурсъ представилъ воеводѣ и документъ въ доказательство своего иска, по поводу котораго объяснилъ: „што жъ обводилъ вижомъ, зъ двора Марковского взятымъ, Юхномъ Олехновичомъ, — тотъ вижъ зъ людьми сторонними, ошачовавши шкodu мою на тыхъ поляхъ, на реистръ подъ печатью своею мнѣ далъ“ ¹³⁸⁵). Вижамъ, которыхъ частныя лица брали отъ господарскихъ урядниковъ, платилось *вижовое* сообразно съ рангомъ мѣстныхъ правителей ¹³⁸⁶); повидимому, они не сиолна пользовались имъ, какъ и дѣцкіе дѣцваньемъ. Дѣятельность вижей давала возможность обходиться во многихъ случаяхъ безъ послыки судей на мѣсто и, такимъ образомъ, уменьшала и ограничивала дѣятельность копныхъ судовъ, совершавшихся на мѣстѣ, при участіи судей, посланныхъ отъ господара или уряда, или взятыхъ сторонами „съ своею руки“. Но по отношенію къ копнымъ судамъ, отправлявшимся безъ участія этихъ судей, учрежденіе вижей было однимъ изъ благопріятныхъ условий. Приглашеніе вижей въ качествѣ достовѣрныхъ свидѣтелей, третьей стороны, сообщало большую силу и законность ихъ рѣшеніямъ ¹³⁸⁷), а, слѣдовательно, и располагало частныхъ лицъ доходить своего копнымъ правомъ. Необходимо замѣтить, кромѣ того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ приглашеніе вижей давало возможность произвести имущественное взысканіе безъ посредства дѣцкихъ, такъ что вижи отчасти замѣняли собою дѣцкихъ. „Теж естли бы што кому судьби обчми присудили, — гласить 31 арт. VI раздѣла Статута 1529 года, — и рокъ заплачѣ положили, а оный бы на тые роки того платити не хотель; тогда тые судьи мають взяти вижа у дворе нашемъ, который колвекъ наближе будетъ, и при ономъ вижи мають того пограбити, и тотъ грабежъ дати тому, кому што присудать, и рокъ виноватому положити подъ утраченьемъ того грабежу, иж бы тотъ грабежъ выкупилъ“. Это постановленіе Статута 1529 года, очевидно, имѣетъ

¹³⁸⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 253, 254.

¹³⁸⁵) Литов. Метр. кн. Судн. Дѣль XI, л. 43—45.

¹³⁸⁶) 34 арт. VI раздѣла Статута 1529 года.

¹³⁸⁷) 35 арт. VI раздѣла Статута 1529.

въ виду сокращеніе волокиты. Обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда не производился платежъ по судебному рѣшенію (какихъ судей—все равно), брался дѣцкій у господара или мѣстныхъ правителей. Статутъ предоставилъ взысканіе самимъ судьямъ, которые должны были производить его предъ вижемъ урядовымъ ¹³⁸⁸). Но еще болѣе, чѣмъ къ дѣцкому, приближался вижъ въ *увазчому*, который вводилъ во владѣніе имѣніями, присужденными кому нибудь по суду „за долгъ або за которую колвекъ иншую причину“ ¹³⁸⁹).

Дѣцкими, вижами и увазчними посылались, по всѣмъ признакамъ, не одни и тѣ же лица, которымъ это належало по должности, но разные, такъ что отправленіе этихъ обязанностей носило характеръ исполненія отдѣльныхъ порученій. Въ противоположность этому *писарями* и *дьяками* при мѣстныхъ правителяхъ были постоянно извѣстные лица, специалисты своего дѣла, которыхъ привозили и увозили съ собою ихъ паны. При намѣстникахъ-державцахъ по актамъ встрѣчаемъ обыкновенно дьяковъ. Такъ, король Сигизмундъ въ 1508 году пожаловалъ Алексѣю Леоновичу, дьяку намѣстника Слонимскаго пана Яна Миколаевича, трехъ человекъ въ селѣ Мелкіновичахъ въ Литовскомъ десятиѣ Слонимскаго повѣта ¹³⁹⁰). При воеводахъ и старостахъ, кромѣ дьяковъ, встрѣчаемъ и писарей въ качествѣ начальниковъ надъ дьяками, такъ какъ и канцелярское дѣлопроизводство при воеводахъ и старостахъ было болѣе обширнымъ и сложнымъ, чѣмъ при намѣстникахъ-державцахъ, но объ этомъ еще будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ

Намѣстники-державцы поручали иногда своимъ слугамъ и отдѣльные отрасли управленія. Такъ, напр., державца Марковскій панъ Явъ Миколаевичъ при королѣ Сигизмундѣ установилъ своихъ лѣсничихъ для господарской пущи, находившейся въ его повѣтѣ ¹³⁹¹) и т. д. Но кромѣ должностныхъ лицъ, выходившихъ изъ среды слугъ намѣстниковъ-державцевъ, при нихъ находились и нѣкоторые должностныя лица, назначавшіяся изъ мѣстнаго общества, главнымъ образомъ изъ среды военнослужалаго класса. Таковыми были, кромѣ упоминавшихся уже *хоружихъ*, *кородничіе*, которые назначались господаремъ для важныхъ замковъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые были въ держаніи намѣстниковъ-державцевъ. Ихъ обязанности были наложены выше (на

¹³⁸⁸) Срав. 36 арт. VI раздѣла.

¹³⁸⁹) 17 арт. VIII раздѣла Статута 1529 г.

¹³⁹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 230.

¹³⁹¹) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 5, 6.

стр. 474, 475); здѣсь умѣстно будетъ прибавить, что они распоряжались подъ вѣдѣніемъ и руководствомъ намѣстниковъ-державцевъ, были ихъ помощниками въ своемъ дѣлѣ, а не самостоятельными должностными лицами. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключать по аналогіи съ тѣмъ положеніемъ, которое они занимали при намѣстникахъ главныхъ городовъ земель. Великому князю Александру жаловались бояре полоцкіе Богданъ и Глѣбъ Остафьевичи, Михаилъ и Иванко Зеновьевичи на то, что намѣстникъ Полоцкій ввелъ имъ новину, обязавъ ихъ рубить 8 городень, тогда какъ они рубили обыкновенно двѣ городни. Великій князь „вдѣлалъ по старому: мають они тыи свои двѣ городни робити по старому, поддугъ давного обычая; а тобѣ, намѣстнику нашему, и городничому Полоцкому посокирщины зъ ихъ людей не надобѣ брати“¹³⁹²). Должность эта унаслѣдована Литовско-Русскимъ государствомъ отъ древней Руси, которая имѣла, какъ извѣстно, городниковъ, получавшихъ свои „оуроци“¹³⁹³). Была ли это въ древнее время постоянная должность, или же она замѣщалась лишь только тогда, когда было нужно, сказать трудно по недостатку данныхъ. Должность городничаго въ изучаемое время на Руси Литовской была постоянною, хотя существовала и не во всѣхъ городахъ, а только въ наиболѣе важныхъ. Впрочемъ, и тутъ бывали исключенія. Король Казимиръ въ 1460 году писалъ намѣстнику Полоцкому пану Олехну Судимонтовичу: „говорили намъ бояре Полоцкіе и мѣщане и все посполство, што жъ дей городничого въ нихъ здавна не бывало у Полоцку, а коли дей надобѣ городъ Полтескъ робити, намѣстникъ нашъ, который городъ Полтескъ отъ насъ держитъ, тотъ дѣло городовое рассказываетъ дѣлата нашимъ людямъ, которые наши люди зъ волостей нашихъ Задвинскихъ Полтескъ робливали издавна, и пригономъ Полоцкимъ и инымъ волостемъ, которые издавна городъ Полтескъ рубливали. И били намъ чоломъ, абыхмо вчинили по старому, приказали быхмо тобѣ, абы ты рассказывалъ городъ Полтескъ рубити, коли будетъ его надобѣ рубити. И мы ихъ пожаловали, *городничого не надобѣ намъ имъ давати*: коли ся пригодитъ дѣло городовое, ино ты, намѣстникъ нашъ, а либо иной, который потомъ будетъ отъ насъ городъ Полтескъ держати, маєтъ приказывати а роздавати дѣло волостемъ Задвинскимъ и Полоцкимъ пригономъ и инымъ волостемъ, которые будутъ издавна городъ Полтескъ рубливали; недей будетъ такъ, какъ и будетъ издавна, при

¹³⁹²) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 152.

¹³⁹³) Ст. 108 Русской Правды по Карамз. списку.

дяди нашоу при великомъ князѣ Витовтѣ и Жигимонтѣ" ¹³⁹⁴). Но уже при великомъ князѣ Александрѣ мы снова по актамъ встрѣчаемъ городничихъ въ Полоцкѣ. Изъ замковъ, дававшихся въ держанье на-мѣстникамъ-державцамъ, городничихъ, какъ было уже сказано выше, имѣли, напр., Минскъ, Каменецъ.

Въ Браславлѣ Литовскомъ встрѣчаемъ *подкомтшаго* Васка, у котораго панъ Ивашко Сопѣга купилъ домъ въ мѣстѣ Браславскомъ, въ которомъ онъ съ дозволенія великаго князя Александра устроилъ корчму пивную и медовую съ тѣмъ, чтобы доходъ съ нея шелъ на церковь Св. Духа на Иказнѣ ¹³⁹⁵). Не былъ-ли Браславль когда-нибудь стольнымъ городомъ, такъ какъ конюшихъ и подеонюшихъ мы встрѣчаемъ по актамъ въ такихъ именно городахъ?

При нѣкоторыхъ на-мѣстникахъ-державцахъ, въ повѣтахъ которыхъ находилось много лѣсовъ съ господарскими бортными деревьями и звѣриными гонами, встрѣчаемъ особыхъ должностныхъ лицъ, которые завѣдывали эксплуатациею лѣсныхъ пуцъ, именно: гаевниковъ, лѣсничихъ, бобровничихъ. Король Сигизмундъ въ 1518 году заставилъ пана Богущу Боговитиновичу замокъ Каменецъ „въ мѣстомъ и въ волостными людьми, и съ слугами путными и данными, и бобровники, и въ осочники, и зъ гаевницствомъ и бобровничствомъ, и зъ лѣсничымъ, и зъ дякы оржаными и овсяными, и съ пашнею, и съ куничными пенязми и поборными и съ иными всякими платы и доходы, которыя передъ тымъ на насъ на господаря и на врадниковъ нашихъ хоживали“. Должности гаевника, бобровничаго и лѣсничаго выясняются изъ дальнѣйшаго текста вставнаго листа. „А што передъ тымъ,—читаемъ здѣсь,—на нашъ приѣздъ гаевникъ Каменецкій давалъ кони, того вже онъ не маеть давати. А зъ дани медовое маеть брати собѣ третью часть, а намъ маеть давати двѣ части. А бобровны гонны вси мають на насъ быти. А пуцу нашу Каменецкую всю маеть завѣдати и строжу добрую мѣти, абы звѣру нашоу шкоды не было; а отъ кого бы намъ шкода была, того намъ маеть объявити; а самъ звѣру налого въ той пуцы ловити не маеть, нижли маеть ловити по тымъ мѣстомъ, гдѣ первыи на-мѣстники Каменецкїи ловливали, и то кромѣ зубровъ“ ¹³⁹⁶). Итакъ, гаевникъ завѣдывалъ въ господарскихъ пуцахъ бортными деревьями, которыя крестьяне „подавили“ или на господаря, или на себя подъ условїемъ платежа опредѣленной дани медомъ; бо-

¹³⁹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 14.

¹³⁹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 131, 132.

¹³⁹⁶) Литов. Метр. кн. Запис VII, л. 592, 593.

бровничій завѣдывалъ бобрими гонами, надзираетъ и руководитъ битьемъ бобровъ на господаря, а лѣсничій оберегалъ господарскія пушчи отъ браконьеровъ. Эти должностныя лица по своимъ вѣдомствамъ были, однако, только помощниками намѣстниковъ - державцевъ. Косвеннымъ указаніемъ на это служитъ самый фактъ отдачи гаевничества, бобровничаго и лѣсничаго пану Богусу Боговитиновичу имѣсть съ намѣстничествомъ въ Каменѣ. Очевидно, что должностная дѣятельность гаевника, бобровничаго и лѣсничаго находилась въ зависимости отъ руководства и надзора державцы, была только дополненіемъ къ его собственной дѣятельности. Для болѣе успѣшнаго обереганія своихъ „пожитковъ“ и для предоставленія дохода большому числу лицъ, господарь назначалъ особыхъ гаевниковъ, бобровничихъ и лѣсничихъ, не слагая, однако, при этомъ, заботы о своихъ пушкахъ и доходахъ съ нихъ съ намѣстника - державцы, старосты или воеводы, въ чьемъ повѣтѣ находились пушчи. Поэтому, и распоряженія, касающіяся до пушекъ и доходовъ съ нихъ, обыкновенно адресовались не только гаевникамъ, бобровничихъ и лѣсничихъ, но и намѣстникамъ. Такъ, напр., въ 1493 году великій князь Александръ, пожаловавъ плебану Дорогицкому „шесть ручокъ меду прѣсного“ изъ дани своей „до воли“, писалъ объ этомъ намѣстнику Дорогицкому пану Якубу Довойновичу и гаевнику Дорогицкому¹³⁹⁷⁾. Намѣстники въ силу этого съ своей стороны часто дѣлали распоряженія, касающіяся вѣдомства гаевниковъ, бобровничихъ и лѣсничихъ. Такъ, напр., панъ Миколай Миколаевичъ Радвильовича въ бытность свою намѣстникомъ въ Бѣльскѣ далъ землянину Миколаю Петрыковскому двѣ земли пустошскихъ, Пухмовщину и Гриневщину, „и казалъ ему съ тое земли порубы и куницу и дань медовую *до гаевника дати*, а обѣдъ нашъ (господарскій) послему съ иными людьми поднимати“¹³⁹⁸⁾. Очевидно, что и земли тѣхъ людей, которые „подлазили“ бортные деревья въ господарскихъ пушкахъ, были въ вѣдѣніи гаевниковъ. Панъ Миколай Юрьевичъ въ бытность намѣстникомъ въ Дорогичинѣ отвелъ землянину Михаилу Косевскому двѣ земли, въ Сморглевичахъ Моршковскую и въ Чорной Куповскую, согласно пожалованью короля, и написалъ въ листѣ „увязчемъ“, что это замку господарскому будетъ не шведно. „И вжо тими рачи, — гласитъ королевское подтвержденье, — казали есмо о томъ достаточесе до вѣдати воеводѣ Новгородскому, маршалку нашому, старостѣ До-

¹³⁹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 2, 3.

¹³⁹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 94.

рогицкому пану Яну Яновичу Заберезенскому, если бы то было такъ подѣ листу уважчого пана Миколая. И панъ Янъ, опытавши писаря и *касенника Дорогицкою*, намъ отказалъ, и жъ то замку нашему не шкодно и листъ свой на то ему далъ“¹³⁹⁹). Подчиненное положеніе гаевника по отношенію къ старостѣ Дорогицкому проявляется и въ томъ, что судъ гаевника былъ низшею инстанціею по отношенію къ суду старости. „А што ся тычетъ того, — читаемъ въ наказѣ короля Сигизмунда, — коли ся шкода станетъ дереву нашему бортному, тогда на тое дѣло мають выѣхати гаевникъ, а вижъ городскій, а два коморники, судьянъ и подсудковъ, а писарь городскій, и мають тую рѣчь судити и конецъ вчинити; а если бы они не могли тому конца вчинити, абы бы кому видѣла ся кривда: тогда они мають то отказати передъ старостою и судьею и подсудкомъ, и они мають тому конецъ вчинити“¹⁴⁰⁰). Итакъ, гаевникъ является правительственнымъ сотрудникомъ старости Дорогицкаго; по аналогіи можно заключить то же самое и о гаевникахъ, находившихся при намѣстникахъ-державцахъ. Такое же положеніе, по всѣмъ даннымъ, занимали и бобровничіе съ лѣсничими. Необходимо замѣтить, что эти должности не всегда сосуществовали, такъ что и гаевниковъ мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ повѣтахъ безъ лѣсничихъ и бобровничихъ, и послѣднихъ безъ гаевниковъ и поровня другъ отъ друга. Какого либо однообразія въ данномъ случаѣ не было, и должности учреждались сообразно мѣстнымъ особенностямъ въ господарскомъ хозяйствѣ и мѣстнымъ потребностямъ въ управленіи. Такимъ образомъ, въ Саражской волости Бѣльскаго повѣта встрѣчаемъ гаевника и не встрѣчаемъ лѣсничаго и бобровничаго¹⁴⁰¹); въ Бирштанскомъ и Дорсунишскомъ повѣтахъ встрѣчаемъ гаевниковъ и т. д. Въ 1518 году король Сигизмундъ заставилъ князя Матеею Микитиничу, намѣстнику Бирштанскому, дворъ Бирштаны Троцкаго повѣта „зъ бояры и зъ мѣстомъ, и со всеми людьми того двора нашего путными и данными, и тяглыми, и съ конюхи, и конокормцы, и зъ лейти, и зъ ловцы, и царцы и зъ ихъ всякими службами, и зъ даньми грошовыми и медовыми, и бобровыми, и вуничными, и зъ пенязми корчомными, и зъ дяблы оржаными и овсяными, и зъ сѣномъ подявольнымъ, и зъ лѣсничымъ *Бирштанскимъ*, и со всемъ тымъ, какъ тотъ дворъ на насъ держанъ былъ; и тежъ дозволили есмы въ каждый годъ въ пуци нашей Бирштаньской звѣру

¹³⁹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 170.

¹⁴⁰⁰) Акты Зап. Рос. II, № 64.

¹⁴⁰¹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 144.

на себе бити по чотыры олени, а по чотыры вепры, а сернь што потреба" ¹⁴⁰²). Въ 1524 году король пожаловалъ воеводѣ Виленскому, канцлеру, старостѣ Бѣльскому и Мозырскому Альбрехту Мартыновичу Гаштольду дворъ Дорсунишки въ держанье до живота „зъ лѣсничимъ и зъ мытомъ, и зъ езомъ, и съ перевозомъ Дорсунишскимъ" ¹⁴⁰³). При иныхъ намѣстникахъ-державцахъ вовсе не встрѣчаемъ этихъ должностныхъ лицъ, и пущами господарскими они завѣдуютъ сами. Такъ, въ заставномъ листѣ короля Сигизмунда, выданномъ въ 1516 году намѣстнику Волкиницкому и Лепунскому пану Ямбу Буяповичу на дворы, находившіеся въ его держаньи, читаемъ: „а пущу нашу Волкиницкую и Лепунскую маєть панъ Ямбу отъ насъ завѣдати, какъ и передъ тымъ" ¹⁴⁰⁴). Но съ другой стороны, встрѣчаемъ гаевника, лѣсничаго и бобровничаго въ округѣ, который по значенію своему равнялся части повѣта, какимы завѣдывалъ намѣстникъ-державца. Какъ было уже сказано въ первомъ очеркѣ, въ Берестейскомъ повѣтѣ существовалъ десятокъ Подляшскій, люди котораго пасли животину въ Берестейскомъ дворцѣ Кіевцѣ ¹⁴⁰⁵). Изъ другихъ указаній источниковъ узнаемъ о существованіи пущи въ мѣстности, гдѣ былъ этотъ десятокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ гаевника, лѣсничаго и бобровничаго Подляшскихъ. Въ 1511 году король Сигизмундъ писалъ старостѣ Берестейскому пану Юрью Ивановича: „Дали есмо *гаевнитство Подляшске* земанину Берестейскому Яну Копытовскому со всемъ по тому, какъ и первыи гаевники держивали, и ты бы ему въ то узванье далъ" ¹⁴⁰⁶). *Лѣсничій Подляшскій* панъ Андрей Борисовичъ Лозка является въ числѣ судей, которые выѣзжали на мѣсто разбирать тяжбу пана Лым Боговитиновича съ старостою Берестейскимъ паномъ Юрьемъ Ивановичемъ Ильнича объ имѣньи Вртолѣ ¹⁴⁰⁷). Въ 1514 году Сигизмундъ подтвердилъ *бобровничему Подляшскому* Павлу Скирминвичу жерей Козловскій въ селѣ Буяцахъ Дорогицкаго повѣта ¹⁴⁰⁸) и т. д.

Въ Каменецкомъ повѣтѣ, какъ и въ другихъ округахъ Берестейско-Подляшской земли встрѣчаемъ по актамъ *подкоморихъ*, учрежденныхъ по польскому образцу для разграниченья земель и разбиратель-

¹⁴⁰²) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 6, 7.

¹⁴⁰³) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 133.

¹⁴⁰⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 157, 158.

¹⁴⁰⁵) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 29.

¹⁴⁰⁶) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 6.

¹⁴⁰⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 77, 78.

¹⁴⁰⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 232.

ства земельных тяжбъ на мѣстѣ ¹⁴⁰⁹⁾, затѣмъ, въ Берестейско-Подлянской землѣ и въ Городенскомъ повѣтѣ—*сойскалз*, установленныхъ также по примѣру Польши ¹⁴¹⁰⁾; въ чемъ состояла эта должность, намъ не удалось найти указаній. Болѣе подробныя размысленія откроютъ, быть можетъ, существованіе по разнымъ мѣстностямъ и другихъ должностныхъ лицъ при намѣстникахъ-державцахъ.

L.

Несмотря на существованіе особыхъ должностныхъ лицъ для заведыванья отдѣльными отраслями управленья, намѣстники-державцы были органами общаго управленья въ своихъ повѣтахъ, такъ какъ и дѣятельность этихъ особыхъ должностныхъ лицъ совершалась не безъ ихъ участія, общаго руководства и надзора. Къ такому же заключенію приводитъ и разсмотрѣніе судебно-административной дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ по возбужденію отъ центрального правительства. Ихъ приходилось исполнять разнообразныя правительственныя порученья, которыя не ограничивались какимъ либо однимъ родомъ дѣлъ и не касались какихъ либо отдѣльныхъ классовъ. По требованію центрального правительства намѣстникъ-державца наводилъ, напр., справку о той или другой землѣ, объ имѣннѣ, на которое являлись просители у господаря, и отсылалъ эту справку по назначенію. Примѣры тому были приведены выше, когда шла рѣчь объ условіяхъ пожалованья пустыхъ и населенныхъ земель (стр. 371—372). Иногда господарь поручалъ наведеніе справокъ дворянину, котораго посылалъ къ намѣстнику-державцѣ, а послѣднему приказывалъ не препятствовать ему. Такъ, напр., король Сигизмундъ въ 1522 году, извѣщая державцу Ожскаго и Переломскаго пана Януша Станиславовича о томъ, что панъ Иванъ Сопѣга просилъ тридцать службъ людей въ Переломскомъ повѣтѣ къ своему имѣнью Лепунамъ, писалъ ему: „Ино мы для того послали тамъ дворянина нашего и казали ему тыхъ людей доведатися и пописати, колько съ тыхъ людей дачокъ и служобъ, а которые службы и дачки намъ съ нихъ идуць, и намъ отказать. И твоя бы милость тому дворянину нашему тыхъ людей попи-

¹⁴⁰⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 296; *Boniewskiego Poczet rodów. Spis dygnitarzy i urzędników*, str. XXI.

¹⁴¹⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 87; IX, л. 209; XII, л. 271, 272 IV, л. 131, 134 *Boniewskiego Poczet rodów. Spis dygnitarzy i urzędników*, str. XLVIII, XLIX.

совати не забороняль“¹⁴¹¹). Въ случаѣ пожалованья кому либо людей и земель намѣстникъ-державца, по порученью центрального правительства, вводилъ во владѣніе или давалъ „увазанье“. Въ 1442 году великій князь Казимиръ королевичъ писалъ намѣстнику Клецкому пану Ивашку Рогатинскому: „Просилъ въ насъ панъ Оедко Немровичъ данниковъ у Клецкой волости на имя Огаревичи. И мы ему дали тые люди противъ тыхъ селъ Туровскихъ, и ты бы его увезалъ въ тые люди и у село у Огаревичи“¹⁴¹²). Въ 1473 году, извѣщая намѣстника Минскаго о пожалованьи писарю Васку Любичу села въ Минскомъ повѣтѣ и двухъ человекъ, Климовичей и Чолятичей, король писалъ ему: „и ты бы его *велѣлъ* во все тое увязати“¹⁴¹³). Въ 1484 году Казимиръ, пожаловавъ сокольнику Заньку землю въ Лидскомъ повѣтѣ по женѣ, дочери сокольника же Грѣды, извѣщалъ объ этомъ для соответствующихъ распоряженій намѣстника Лидскаго и писалъ: „нехай онъ тую землю держитъ по тому, какъ и тотъ Грѣда держалъ, а намъ съ тое земли службу служить, какъ и первѣй того намъ съ тое земли служба шла“¹⁴¹⁴). Намѣстники-державцы вводили во владѣніе имѣніями не только пожалованными, но и купленными и вѣнченными. Тотъ же король Казимиръ писалъ намѣстнику Каменецкому пану Ивашку Рогатинскому: „Просилъ у насъ Александръ Ходкевичъ и братъ его Тишко, што жъ быхмо призолили Александру продать Тишку брату своему чотыре человека на имя Григорьевичи а Микульчычи и тры жеребьи пустыи: Дремлевскій, а Бряковскій, а Невовскій, противъ данья великого князя Жикгимонта, дяди нашего. И ты бы тымъ людямъ велѣлъ слухати Тишка потому жъ, какъ слухали брата его Александра“¹⁴¹⁵). Великій князь Александръ въ 1486 году приказалъ намѣстнику Вруцкому князю Григорью Борисовичу Глинскому отобрать у землянки Ленковой монастырь св. Праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны и дать въ него „увазанье“ княгинѣ Дашковой¹⁴¹⁶). Король Сигизмундъ въ 1507 году, пожаловавъ дворянину Ивашку Мотову дворъ въ мѣстѣ Мозырскомъ, велѣлъ „увязать“ его намѣстнику Мозырскому пану Якубу Ивашенцовичу¹⁴¹⁷). Въ томъ же

¹⁴¹¹) Литов. Метр. кн. запис. X, л. 70, 71.

¹⁴¹²) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 34.

¹⁴¹³) Ibidem, л. 47.

¹⁴¹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 120.

¹⁴¹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 633.

¹⁴¹⁶) Акты Зап. Рос., I, № 140.

¹⁴¹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 131.

году, извѣщая намѣстника Опшненскаго о пожаловани конюху дворному Петру Войтовичу пустой земли тяглою Совкиновщины, король писалъ: „а онъ имеетъ намъ съ тое земли службу служить конюшскую при дворѣ нашемъ; а ты бы ему въ то увязанье даль“¹⁴¹⁸). Въ 1514 году король писалъ намѣстнику Мозырскому пану Юрью Николаевичу Радивиловичу: „Билъ намъ чоломъ писарь нашъ, намѣстникъ Перевальскій, панъ Федко Михайловичъ Светоша и вказывалъ передъ нами листъ сестренца своего, дворянина нашего небожчика Ивана Булатова, што жъ онъ осталъ ему виненъ нѣкотороку сумою пеньзей и, отходячи того свѣта, отписалъ ему имѣнейцо свое, што на насъ былъ выслужилъ въ Мозырскомъ повѣтѣ, село на имя Новоселки, и поручилъ ему душею своею оцевати. И билъ намъ чоломъ писарь нашъ Федко Светоша, абыхмо того отъ него имѣнейца не отдавали, а тымъ быхмо таки его пожаловали.—И твоя бы милость въ то ему увязанье даль и не казалъ былъ твоя милость иному никому въ тое село уступатись, и стацей и подводъ, и розметовъ недѣльныхъ и иныхъ всякихъ податей съ тыхъ людей его не казалъ бы твоя милость брати, и казалъ бы твоя милость имъ во всимъ дати впокой“¹⁴¹⁹). Изъ этого видно, что самыя порученія, которыя возлагало центральное правительство на намѣстниковъ-державцевъ по вводу во владѣнїе, обусловливались значеніемъ ихъ, какъ органовъ общаго управленія которые вѣдали: государственныя повинности и гражданскія отношенія людей, жившихъ въ ихъ повѣтахъ. Иногда намѣстникамъ-державцамъ поручалось не только ввести кого либо во владѣнїе, но и ограничить пожалованное имѣнїе. Въ томъ же 1514 году сварбному Троцкому Вацлаву Сенковичу выданъ листъ до намѣстника Стоклишскаго Бгетовта, содержаніе котораго записъ Литовской Метрици передаетъ такимъ образомъ: „Дано сѣножати на имя Дожнишии на рѣцѣ на Виркии напротивку его сѣножати; казано, абы отсѣрилъ тое сѣножати толко, колко и его было, и ему увязанье даль“¹⁴²⁰). Въ 1522 году король приказалъ намѣстнику Чернобыльскому пану Михалу Павшѣ „подать“ челоува путяга въ Чернобыльскомъ повѣтѣ въ Бѣлгородской волости Мартина Земьковича дворянину Матееку Заморенку „и зъ землею Крывскою, на которой тотъ челоувъ сѣдитъ“¹⁴²¹) и т. д.

¹⁴¹⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 176.

¹⁴¹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 232, 233.

¹⁴²⁰) Ibidem, л. 233.

¹⁴²¹) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 44.

Такъ какъ „увязчїе“ получали доходъ за свою „працу“, то господарь посылалъ часто вводить во владѣніе кого-нибудь изъ своихъ дворянъ. Доходы отъ „увязаній“ въ имѣнья не были непременною принадлежностью намѣстниковъ-державцевъ, и если они пользовались ими, то единственно въ силу отдѣльныхъ распоряженій господара. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда прїѣзжалъ дворянинъ изъ столицы „увязывать“ въ имѣнье, намѣстникъ-державца долженъ былъ иногда ex officio принимать нѣкоторое участіе въ актѣ ввода во владѣніе. Такъ бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда вводъ во владѣніе совершался по суду. Намѣстникъ Дорогицкій панъ Якубъ Довойновичъ, разобралъ на мѣстѣ по порученію великаго князя Александра, тяжбу между земанами дорогицкими Станиславомъ Патрикосскимъ и Максимомъ Колоцкимъ о третьей части имѣнья Патрикось, присудилъ ее Колоцкому. Но Патрикосскій послѣ суда выгналъ Колоцкаго изъ имѣнья, „люди ему перебилъ и пограбилъ“. Колоцкій пожаловался великому князю, и послѣдній, утвердивъ за нимъ имѣнье, кромѣ того, присудилъ ему на Патрикосскомъ „бгвалту“ 12 рублей грошей, столько же „вини“ въ свой скарбъ, а „шкоды и грабежи“ Колоцкому. Все это великій князь велѣлъ „мощно справити“ дворянину своему Михаилу Падейковичу, а намѣстнику Дорогицкому приказалъ, если понадобится, дать дворянину помощь, „съ нимъ бы онъ то на немъ справилъ“¹⁴²²⁾ и т. д.

По порученію изъ центра намѣстникъ-державца прїискивалъ людей и земли для пожалованья разнымъ лицамъ. Въ 1502 году король Александръ, пожаловавъ татарамъ Исаву и Легимбердею Кеневичамъ девять служебъ людей и три пустоущины въ Красносельскомъ повѣтѣ, писалъ намѣстнику Красносельскому пану Ивану Земомевичу: „И ты бы обыскалъ имъ три земли пустоускихъ и въ тѣхъ люди и въ земли пустоускихъ имъ бы еси увязанье далъ: нехай они на техъ собѣ домки збудуютъ, а намъ съ того служить“¹⁴²³⁾. Король Сигизмундъ, по просьбѣ боярина Клетовта Калениковича, писалъ державцѣ Браславскому пану Ивану Семеновичу Сопѣгѣ, „абы, обыскавши у Браславскомъ повѣтѣ чотыри чоловѣки а двѣ земли пустоускихъ, и ему далъ“. „И панъ Сопѣга,—гласить подтвержденье короля отъ 26 октября 1514 года,—подлугъ писанья листу нашего чотыри чоловѣки а двѣ земли пустоускихъ намѣрилъ и ему далъ на имя“¹⁴²⁴⁾ и т. д.

¹⁴²²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 42.

¹⁴²³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. 17 л. 205.

¹⁴²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 217, 218.

Выше было указано, что намѣстники-державцы по порученію отъ господаря производили судебныя слѣдствія на мѣстѣ. Иногда имъ давались даже такія порученія, какъ постройка костела. „Маршалокъ и цисарь нашъ,—читаемъ въ одномъ листѣ короля Сигизмунда отъ 3 августа 1511 года,—намѣстникъ Довеговскій панъ Богунъ Боговиничъ, какъ отъ насъ Жижмори держалъ, поставилъ костель въ Жижморахъ нашего Римскаго закона святого Жижимонта съ нашего росказа¹⁴²⁵⁾ и т. д. Можно въ актахъ понабрать и еще много другихъ примѣровъ разнообразныхъ правительственныхъ порученій, дававшихся намѣстникамъ-державцамъ, но и приведенныхъ достаточно для характеристики ихъ значенія, какъ органовъ общаго управленія.

ЛІ.

При отправленіи своей должности намѣстники-державцы получали разные доходы, которые разсматривались, какъ жалованье за ихъ службу господарю вообще, а не только за ту, которую они выполняли въ качествѣ мѣстныхъ правителей. Намѣстничества разсматривались, какъ кормленья, какъ одно изъ средствъ содержанія высшаго слоя военнослужаго класса, и такой взглядъ былъ не только у господаря, но и въ самомъ этомъ словѣ, такъ что намѣстничества сдѣлались своего рода общимъ достоинствомъ этого высшаго общественнаго слоя, источникомъ его доходовъ, который долженъ былъ обязательно ему принадлежать. Какъ мы уже выше видѣли, великіе князья въ своихъ грамотахъ, выданныхъ русскимъ областямъ, постоянно подтверждали, что города и волости они будутъ раздавать въ держанье мѣстнымъ боярамъ (въ томъ числѣ, конечно, и князьямъ). Того же правила, какъ это достаточно можно было видѣть изъ фактовъ, собранныхъ во второмъ очеркѣ, они держались и въ отношеніи намѣстничествъ и тивунствъ въ собственной Литовской землѣ и Жмудской, раздавая ихъ мѣстнымъ служилымъ князьямъ и панамъ (знатымъ и родовитымъ боярамъ). Побужденіемъ, которымъ они руководились въ отдѣльныхъ случаяхъ при раздачѣ держаній, были заслуги и исполнительность того или другого лица; судебно-административныя способности стояли на второмъ планѣ. *Item morte obeunte tenulario, aut villico quocumque,—гласить общеземскій привилей великаго князя Александра,—in viltensi, aut trocensi districtibus, viltensis et trocensis palatini in suis districtibus tenutas a nobis secundum exigentiam*

¹⁴²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 50.

*meritorum, vel obsequiorum, et qui etiam videbuntur nobis idonei, illis petant, seu impetrent Et eodem modo fiat in omnibus aliis districtibus.*¹⁴²⁶⁾ Мало того, намѣстничества раздавались иногда прямо на пропитаніе, когда служилый человѣкъ почему-нибудь терялъ свое „поживленье“. Такъ, король Сигизмундъ по челобитью князя Михаила Осовицкаго о томъ, „иже отчина его вся отошла въ сторону непріателя Московскаго, далъ ему „въ державьѣ“ дворъ Ясвойни до тѣхъ поръ, пока отчина его не будетъ очищена. Папы-рада просили короля взять у него дворъ Ясвойни и дать Ивану Тимофеевичу Юрлову, который повѣдалъ, „иже имѣше бы липное имѣнье Михаила Микулино съ стороны непріателя нашего къ его рукамъ пришло, а къ тому князя Богдана Путивльскаго имѣнья, онъ у своей мощи держитъ“. Король отобралъ было у князя Осовицкаго дворъ Ясвойни и отдалъ Юрлову, но князь Осовицкій представилъ королю листъ его, въ которомъ онъ писалъ, „иже, не очистивши отчины его, не маемъ его съ того двора нашего Ясвойни рупати“, и, кромѣ того, относительно Микулина и имѣній князя Богдана заявилъ, „иже съ того не маемъ се чимъ поживити и на чомъ мешкати, бо Микулинъ—волостка мала, а отъ непріателя нашего Московскаго скажона, а ты имѣнья князя Богдановы у Кіевскомъ повѣтѣ отъ поганства татаръ спустошомъ“. Вслѣдствіе этого король выдалъ ему 10 ноября 1526 года новый листъ на державьѣ двора Ясвойни, въ которомъ написалъ: „Ино, ачкожекъ были есмо Ивану Юрлову тотъ дворъ нашъ подъ нимъ дали, однако жъ, паметуючи на вѣрныя заслуги его, иже онъ, оставивши отчину свою, замки и волость у непріателя нашего Московскаго, а самъ пріѣхалъ къ намъ господару своему прирождоному, а зваща не маемъ ся на чомъ теперь поживити, а намъ безъ причины слушное не годится листовъ нашихъ никому ломати, на его чолобитѣ то вчинили есмо, тотъ дворъ нашъ Ясвойни ему есмо заса держати дали, со всимъ съ тымъ, што здивна на державецъ нашихъ прихожизало, и какъ передъ тымъ онъ отъ насъ самъ держалъ, и не маемъ его съ того двора нашего рупати а ни подъ нимъ кому дати, а ни заставляти до его живота“¹⁴²⁷⁾. Возрѣніе на „держави“, какъ на кормленья, приводило иногда къ тому, что лица, державши замки и волости, передавали ихъ съ согласья великаго князя своимъ роднымъ и близкимъ людямъ. Такъ, князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, получивъ отъ великаго князя Александра за свою служ-

¹⁴²⁶⁾ Zbiór praw litewkich, str. 58—67.

¹⁴²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 338.

бу замки Браславъ, Вѣницу и Звенигородъ „до живота“, въ 1517 году при личномъ свиданіи съ королемъ Сигизмундомъ повѣдалъ ему, „иже маемъ еолоу тии замки наши (т. е. господарскіе) спустити сестренцу своему князю Роману Андреевичу Александровича Сенягушѣвичу“, и просилъ короля о дозволеніи это сдѣлать. „Ино мы, — гласитъ королевскій листъ, — зъ ласке нашихъ на жаданье его милости, для службы князя Романа, и тии замки наши Браславъ и Вѣницу и тежъ Звенигородъ князю Роману дали отъ насъ держати до его живота со всемъ по тому, какъ князь Костентинъ его милость держалъ. А естли бы ся намъ его на тыхъ замкохъ нашихъ мѣти не видѣло, мы тии замки наши маемъ, въ него вземши, никому иному не маемъ ихъ отдавати, нижи маемъ ихъ зася дати князю Костентину его милости“¹⁴²⁸). Взглядъ на „держанья“, какъ на кормленья, ясно обнаруживается и въ обычай давать до нѣскольку держаній въ разныхъ мѣстахъ государства, вслѣдствіе чего мѣстные правители должны были поручать вести управленье за себя своимъ слугамъ. — Какіе же доходы получали намѣстники державцы?

Здѣсь было большое разнообразіе по отдѣльнымъ областямъ и даже повѣтамъ отчасти вслѣдствіе разнообразія доходовъ самого господара, которые шли чрезъ руки намѣстниковъ-державцевъ, отчасти въ силу установившихся мѣстныхъ обычаевъ и, наконецъ, въ силу особыхъ привилегій и „уставъ“, которыя давались намѣстникамъ-державцамъ и съ теченіемъ времени приобретали значеніе прецедента; обычая. Нѣкоторыя статьи были, впрочемъ, болѣе или менѣе общими для всѣхъ намѣстниковъ-державцевъ.

Выше было указано на то, что собственное хозяйство великаго князя достигло наибольшаго развитія въ собственной Литовской землѣ, и что намѣстники-державцы здѣсь рѣже всего выступаютъ съ характеромъ великовнѣшескихъ приказчиковъ. Этимъ приказчикамъ въ видѣ жалованья господарь уступалъ часть урожая, и намѣстники-державцы, какъ было уже выше сказано, получали третью часть съ жита и ярицы, а съ 1529 года съ ярицы только четвертую. „Огороднии речы“ имъ предоставлено было „суполно уживати и къ пожитку своему оборочати“; за исключеніемъ случаевъ прѣзда господара, когда намѣстники-державцы должны были доставлять овощей „водѣ шапцунку и уставы кожного двора“. Въ тѣхъ повѣтахъ, гдѣ производился ловъ рыбы на господара, намѣстникамъ-державцамъ предоставлено

¹⁴²⁸) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 158, 159.

было брать третью часть улова въ свою пользу. На такомъ же положеніи были и намѣстники-державцы въ дворахъ Жмудской земли Вилькѣй, Волонѣ, Скерстомоннѣ и Ясвоинѣ¹⁴⁸⁹). Доходами съ разныхъ статей господарскаго хозяйства намѣстники-державцы пользовались и въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства. Такъ, напр., въ Камонецкомъ повѣтѣ, входившемъ иногда въ составъ Подлішны и лежалшемъ въ дѣсной области, по сосѣдству съ Билевѣжскою пущею, намѣстники-державцы могли ловить на себя по известнымъ мѣстамъ звѣрей¹⁴⁹⁰). Въ Рѣницкомъ повѣтѣ державцы волно было бить звѣрей въ пуцахъ господарскихъ людей и высылать съ этою цѣлью стрѣльцовъ. Городовымъ рыболовамъ волно было всегда ловить рыбу въ Днѣпрѣ на державцу; мѣщане и волостные люди должны были забивать одинъ есъ на Днѣпрѣ „на замокъ“, и, кромѣ того, тѣ изъ нихъ, которые имѣли свои езы на Днѣпрѣ и на другихъ господарскихъ рѣкахъ, рѣчкахъ и озерахъ, должны были отдавать на замокъ державцѣ десятую рыбу. Державца пользовался огородами, и мѣщане съ волостными людьми должны были эти огороды „городити и пахати такъ, яко слушать на овощовны речы“¹⁴⁹¹). Что касается господарскаго хлѣбопашества и животноводства внѣ предѣловъ собственной Литвы, то эти статьи, какъ уже сказано было, существовали почти исключительно для провормленія мѣстнаго административнаго и рабочаго персонала, и часть ихъ продуктовъ шла несомнѣнно въ пользу намѣстниковъ-державцовъ и тивуновъ. Въ волостяхъ Жмудской земли, которыя находились въ державѣ старосты и тивуновъ, господарскія пахатныя земли эксплуатировались даже всецѣло въ пользу старосты, считались принадлежностью ихъ урядовъ, такъ что господарскихъ дворовъ въ собственномъ смыслѣ не было, а были дворы старостинъ и тивуцкіе. Мѣстные крестьяне работали на нихъ; но такъ какъ староста и тивунъ стали черезчуръ обременять и угнетать ихъ этими работами, чѣмъ вызвали усиленную эмиграцію изъ Жмудской земли, то король Сигизмундъ въ 1527 году освободилъ Жмудскихъ крестьянъ отъ барщинныхъ повинностей и платежей въ пользу старосты и тивуновъ и замѣнилъ все это податью съ сохъ и кормили¹⁴⁹²). Устава 1529 года, данная державцамъ и тивунамъ Жмудскихъ волостей, начинается съ подтвержденія этого освобожденія. На

¹⁴⁸⁹) Акты Зап. Росс. II, № 160, арт. 13.

¹⁴⁹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 593.

¹⁴⁹¹) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

¹⁴⁹²) Акты Зап. Рос. II, № 149.

первѣй, вси работы, которые подданные наши чинили *въ дворахъ и въ пашняхъ* небожичку пану *старостъ и тивуномъ* и доходы ему и всимъ тивуномъ, и намѣстникомъ ихъ давали, и посѣди чинили: то людемъ нашимъ все отпускаемъ“ ¹⁴³³).

Продукты, которые намѣстники - державцы получали для своего прокормленья съ господарскаго сельскаго хозяйства, имѣли значеніе и отчасти замѣнили собою тѣ кормы, которые шли намѣстнику въ старину отъ мѣстныхъ непривилегированныхъ жителей. Эти кормы удержались только тамъ, гдѣ не было дворныхъ господарскихъ пашень и гдѣ намѣстникъ-державцы даже иногда и не жили постоянно, а только въѣзжали „на полюдь“. Въ составъ повѣтовъ, въ которыхъ чинили судъ и управу намѣстники-державцы, входило иногда по нѣскольку волостей, при чемъ нѣкоторыя изъ этихъ волостей не имѣли совершенно господарскихъ дворовъ. Намѣстники-державцы въѣзжали въ эти волости для суда и управы въ извѣстное время, и мѣстные жители должны были давать имъ при этомъ выѣстѣ съ „полюдемъ“ и кормы. Въ 1509 году королю Сигизмунду били челомъ старецъ и вся волость Бчицкая о томъ, „што жъ имъ намѣстники Мозырскіи кривды почали дѣлати и новины уводити: въ той волости Бчицкой намѣстника своего держать, а они дей того намѣстника его поднимають стацею и иными речьми, а въ томъ дей имъ кривда и тяжкость великая ся дѣеть, а здавна дей намѣстники Мозырскіи въ той волости Бчицкой намѣстниковъ своихъ не держивали, нижили дей, коли бывало намѣстникъ Мозырскій пріѣдетъ въ году по полюдь свое, и они на него сывивали носатку меду, а по лисицѣ давали съ кожного дыму“. Король подтвердилъ старину волости Бчицкой и приказалъ намѣстнику Мозырскому не нарушать ее ни въ чемъ ¹⁴³⁴). Волость Бчицкая, какъ извѣстно, состояла изъ данниковъ, господарскаго двора съ пашнею не имѣла, и потому старина въ отношеніи къ ней должна была прочнѣе удержаться. Кормы мы встрѣчаемъ и въ другихъ Поднѣпрскихъ и сосѣднихъ съ ними волостяхъ, состоявшихъ изъ данниковъ. Въ 1526 году король Сигизмундъ по жалобѣ волости Кричевской писалъ державцѣ Кричевскому князю Василью Семеновичу Жилинскому, чтобы онъ не бралъ съ мѣщанъ и людей волостныхъ „стацію“ всю сполна по прежней „уставѣ“, а только половину, какъ о томъ ему было приказано ранѣе. „А то тымъ обычаемъ,—разъяснялъ король въ своемъ

¹⁴³³) Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. I.

¹⁴³⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 324.

листвѣ,—иже они теперъ мають намѣстникомъ Крычовскимъ въ каждый годъ за страву давати пенези по петинадцать копѣ грошей узскихъ а по пети яловицъ, а за яловицу по полукопью грошей узскихъ, а по пети полтей мяса, а полоть по десети грошей узскихъ; а пятьдесятъ бочокъ жыта солянокъ, а пятьдесятъ бочокъ овса солянокъ же, а полтретья ста возовъ сѣна, а за возомъ сѣна пенязей некоторыхъ не давати; а дровъ на недѣлю лѣтъ по пяти возовъ, а зимѣ по десети возъ“¹⁴³⁷⁾. Вообще изъ всѣхъ областей Литовско-Русскаго государства такъ называемая Русь едва ли не болѣе другихъ сохранила старинные порядки и установленья относительно намѣстниковъ-державцевъ, часто даже въ формѣ переживанья. Такимъ образомъ, напр., державца Могилевскій панъ Юрій Зеновьевичъ, несмотря на то, что получилъ Могилевъ въ держанье не на одинъ годъ, по „уставѣ“, данной ему королемъ Сигизмундомъ, долженъ былъ получать доходы, которые прежде шли годовымъ намѣстникамъ. „А державца нашъ панъ Юрь,—читаемъ въ этой „уставѣ“,—маеть съ нихъ брати въ каждый годъ: *узгъзду* своего пятьдесятъ копѣ грошей, а полкудованья, коли у волость не поѣдетъ, пятьдесятъ же копѣ грошей“¹⁴³⁸⁾ и т. д. Въ концѣ изучаемаго времени кормы были установлены для державцевъ и тивуновъ Жмудской земли. „А што ся дотычетъ на выхованье державцовъ и тивуновъ,—читаемъ въ уставѣ 1529 года,—тые рѣчи такъ уставуемъ: каждому державцу и тивуну отъ каждоѣ службы людей нашихъ маеть дано быти пять грошей, каждого году, а зъ дву службъ одна бочка овса, або за тую бочку два грошы, а зъ дву службъ одинъ возъ сѣна, або за возъ сѣна грошь, а по двоѣ куръ, або за нихъ грошь; а съ чотырехъ службъ одна бочка пива, которая жъ вышей не маеть быти шацована пѣнязьми, одно за пять грошей, въ тотъ обычай: если бы которые не дали бочки пива, тогда мають дати грошей пять, або мнѣй, ако могутъ упросити заплавити, што ся имъ въ томъ лѣпѣй видѣти будетъ; а съ одноѣ службы маеть дати каждый по одному бохону хлѣба таковому, ако бы бохонъ стоялъ за полгроша“¹⁴³⁹⁾. Установленье кормовъ послѣдовало въ Жмудской землѣ послѣ освобожденья господарскихъ крестьянъ отъ барщинныхъ работъ на старосту и тивуновъ, изъ чего слѣдуетъ, что и этими барщинными работами выполнялась прежде обязанность крестьянъ кормить госпо-

¹⁴³⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 530, 531.

¹⁴³⁸⁾ Акты Зап. Рос. II, № 87.

¹⁴³⁹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 11.

дарскихъ урядниковъ. Отсюда прямой выводъ, что часть продуктовъ, которую получали съ господарскаго хозяйства въ свою пользу намѣстники-державцы въ другихъ областяхъ, и которая получалась также барщиннымъ трудомъ мѣстныхъ крестьянъ, а иногда и мѣщанъ, имѣла значеніе кормовъ, выдаваемыхъ имъ со стороны мѣстнаго населенія. Нѣкоторые разряды мѣстнаго населенія и при этомъ давали кормы намѣстникамъ-державцамъ натурою. Такъ, напр., мясники давали имъ часть мяса съ своихъ „ятокъ“. Но это „мясное“, впрочемъ, имѣло значеніе торговой пошлины и замѣняло собою торговые и поборные пени, которые платили другіе торговцы намѣстникамъ-державцамъ. При томъ же намѣстники-державцы не всегда пользовались этими доходами, какъ объ этомъ было уже сказано на стр. 505 настоящаго очерка. Такое же значеніе, повидимому, имѣли и *сохачи*, платившіяся господарскимъ урядникамъ каждую субботу въ мѣстахъ Берестейскаго повѣта торговыми людьми ¹⁴⁴⁰).

Установленіе такого порядка, при которомъ намѣстники-державцы получали свои кормы изъ продуктовъ мѣстнаго господарскаго хозяйства, было вполне естественно. Выше было уже указано на то, что намѣстники-державцы по большей части замѣнили собою тивуновъ въ господарскихъ дворахъ съ правительственными полномочіями, прототипомъ которыхъ были еще тивуны огнищные Русской Правды. Должность эта была очень распространена въ Западной Руси и на Литвѣ въ XIII и XIV вв., такъ какъ соотвѣтствовала правительственнымъ требованіямъ, вызваннымъ широкимъ развитіемъ дворцоваго княжескаго хозяйства. Тивуны, принадлежа въ числу дворныхъ княжескихъ слугъ, или дворянъ, а иногда даже къ числу челяди, естественно, должны были получать содержаніе изъ княжескаго же двора, изъ продуктовъ княжескаго хозяйства. На такое же положеніе стали и намѣстники-державцы, которыхъ государь сталъ назначать хозяйничать, чинить судъ и управу въ своихъ дворахъ вмѣсто тивуновъ. Кормы съ мѣстнаго непривилегированнаго населенія въ ихъ пользу стало неумѣстно собирать и потому, что это населеніе теперь работало на пашняхъ и угодьяхъ господарскаго двора и давало такимъ образомъ содержаніе всѣмъ, кто жилъ на этомъ дворѣ. Но какъ скоро населеніе переставало почему-нибудь такимъ путемъ давать содержаніе мѣстнымъ правителямъ, такъ восстанавливались и древніе кормы, какъ мы видѣли на примѣрѣ Жмудской земли. Любопытно, что вмѣстѣ съ установленіемъ кормовъ въ Жмудской землѣ было отмѣнено и постоянное пребываніе

¹⁴⁴⁰) Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 29; Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67; IX, л. 124, 125.

на волостяхъ ея тивуновъ, которые въ старину жили обыкновенно постоянно въ мѣстности; слѣдовательно, въ данномъ случаѣ тивуны вступили въ то положеніе, въ которомъ мы видимъ нѣкоторыхъ намѣстниковъ въ русскихъ волостяхъ, напр., въ Бчицкой, Куренской и др. По уставѣ 1529 года имъ предоставлено было выѣзжать въ свои волости только два раза въ годъ, — „первый разъ на свято Божьего Нароженья, а другій о послѣдней Матцѣ Божьей“, — и оставаться каждый разъ не болѣе трехъ недѣль, а въ общей сложности не болѣе шести недѣль. Въ теченіе этого времени они должны были собирать господарскіе и свои собственные доходы „и всякіе sprawy и суды справовати“, а намѣстниковъ и слугъ послѣ себя не имѣли права оставлять. Такимъ образомъ, реформа мѣстнаго управленія Жмудской земли въ извѣстномъ смыслѣ была возстановленьемъ древне-русской старины на новой почвѣ.

Кромѣ продуктовъ съ господарскаго хозяйства и равныхъ имъ по значенію кормовъ съ мѣстныхъ жителей, намѣстники - державцы получали разнообразныя доходы при отправленіи своей судебной-административной дѣятельности. Здѣсь на первомъ планѣ надо поставить судебныя пошлины и другіе доходы, шедшіе имъ, какъ судьямъ. Въ пользу ихъ шелъ *пересудъ*, который взимался въ гражданскихъ искахъ съ истцовъ, выигравшихъ дѣло въ извѣстномъ процентѣ съ суммы иска ¹⁴⁴²). Пересудъ едва ли не былъ дальнѣйшимъ развитіемъ и видоизмѣненіемъ *помочнаго*, которое по Русской Правдѣ платилось оправданнымъ отвѣтчикомъ. Въ изучаемое время „помочнее“ платилось въ Бѣльскаго землѣ на Подляшѣ судѣ и подсуду въ количествѣ пяти грошей оправданнымъ отвѣтчикомъ ¹⁴⁴³). До 1509 года и пересудъ въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства платился оправданнымъ отвѣтчикомъ, и только послѣ изданной на этотъ счетъ „уставъ“ 1509 г. пересудъ сталъ взиматься единственно съ истца, доискавшаго своего ¹⁴⁴⁴). — Намѣстники-державцы и тивуны получали въ свою пользу и *повинное*, т. е. извѣстный процентъ съ „винъ“ или штрафовъ, которые шли въ пользу господара ¹⁴⁴⁵). Изъ „винъ“ только

¹⁴⁴¹) Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 12.

¹⁴⁴²) Акты Зап. Рос. II, № 52, 86; 159, арт. 22; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 530, 531; Статутъ 1529 г., раздѣлъ VI, арт. 11.

¹⁴⁴³) Акты Зап. Рос. I, № 189.

¹⁴⁴⁴) Акты Зап. Рос. II, № 52.

¹⁴⁴⁵) Ibidem, № 86, 160, арт. 9; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 536.

малыя шли въ пользу намѣстниковъ - державцевъ въ Виленскомъ и Троцкомъ повѣтахъ Въ 1514 году Сигизмундъ взялъ на себя всякія вины, малыя и великія; но въ 1529 году вины не свыше 50 грошей были отданы въ пользу намѣстниковъ-державцевъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ повинное было отмѣнено ¹⁴⁴⁶⁾. Въ Жмудской землѣ наоборотъ: *полтина повинная* (вины въ 50 грошей?) была отмѣнена, и тивуны взамѣнъ ся должны были получать повинное въ видѣ 10% съ господарскихъ винъ ¹⁴⁴⁷⁾. Вмѣстѣ съ повиннымъ акты называютъ обыкновенно еще *выметное*, которое шло въ пользу мѣстныхъ правителей-судей, въ томъ числѣ и намѣстниковъ-державцевъ ¹⁴⁴⁸⁾. Выметное платилось намѣстнику-державцѣ тогда, когда „кто ся на него чимъ выкинетъ“. Что означало „выкинуться“ на кого-нибудь, это ясно видно изъ слѣдующей записи одного судебного дѣла, разбиравшагося при великомъ князѣ Александрѣ въ 1495 г. „Панъ Литаворъ маршалокъ, — читаемъ въ этой записи, — а панъ Юрій Ильиничъ передъ великимъ княземъ его милостью *у стола выкинулися его милости со ста рублевъ* на томъ, што жъ взяли собѣ ѣздовковъ съ obu сторонъ о сѣножати и о землю бортную, што на Миранцѣ рѣцѣ отъ Свержня. Панъ Юрій рекъ: естли я не дошлуса съ obu сторонъ Мири рѣки сѣножатеи а борти судеревное отъ Свержня, и я дамъ великому князю сто рублевъ грошей, а тымъ доводомъ, што жъ предки дей мои въ Мири за великого князя Витовта а Жыкгимонта тые сѣножати съ obu сторонъ тое рѣки Мири держали, а борть за рѣчкою отъ Свержня судеревъ. А панъ Литаворъ рекъ: естли дей я на то доводу не вчиню, што жъ отъ Свержня на Мири сѣножати здавна звѣчныи Сверженскіи, ино дей я дамъ его милости сто рублевъ грошей“ ¹⁴⁴⁹⁾. Итакъ, „выкинуться“ на кого-нибудь значило побиться объ закладъ въ пользу третьяго, обыкновенно господаря, воеводу или намѣстника-державцу. Символическимъ выраженіемъ этого дѣйствія было приставленіе шапокъ тяжущихся (предполагалось, что въ шапкахъ находится сумма заклада, который и долженъ быть взятъ изъ шапки проигравшаго дѣла), такъ что вмѣсто выраженій: „выкинуться“, „выдаться“ со столько то рублей ¹⁴⁵⁰⁾ употреблялось иногда „ставить шапку“. Упомянутые панъ Литаворъ и панъ Юрій Ильиничъ въ январѣ 1498 года тягались предъ

¹⁴⁴⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583; Акты Зап. Рос. II, № 159.

¹⁴⁴⁷⁾ Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 9.

¹⁴⁴⁸⁾ Ibidem, № 86, 87.

¹⁴⁴⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 51.

¹⁴⁵⁰⁾ Акты Зап. Рос. I, № 148.

великимъ княземъ въ Городнѣ „о ловы межѣ Мирянки и Иници“. И панъ Литаворъ,—читаемъ въ судовомъ листѣ великаго князя Александра,—давалъ доводы и *шапку ставилъ*, што предковѣ его тых лововъ въ держаньи были и онъ самъ. И панъ Юрей Ильиничъ на свѣтки ся не слалъ а шапки не приставилъ. И мы приказали пану Литавору тые ловы держати межѣ Мирянки и Иници, а панъ Юрій Ильиничъ нехай собѣ права ищеть“¹⁴⁵¹⁾. Если такъ, то и выраженіе „вергнуть шапку“, которое встрѣчается въ другихъ актахъ, не надо понимать въ смыслѣ бросанья шапокъ вверхъ, какъ толкуеть г. Владимірскій-Будановъ и по его слѣдамъ г. Ясинскій¹⁴⁵²⁾, а въ смыслѣ бросанья шапокъ на столъ предъ судьей (отсюда выраженіе „выкинуться у стола“). Ставленье шапокъ происходило при особыхъ обстоятельствахъ, когда тяжущіеся „посваряться“, и потому естественно превращалось въ бросанье ихъ на столъ. „Выметное“ платилось, конечно, въ томъ случаѣ, когда пари принимали обѣ стороны; въ противномъ случаѣ, непринявшая пари сторона проигрывала искъ, но не платила „выметнаго“. „А коли о чемъ посваряться,—читаемъ въ уставной грамотѣ Витебской земли,—и выдадутся въ колпѣ оба, то вина на насъ; а выдасться одинъ, а другій не выдасть ся, за то ихъ намъ не казнити“. Уставная грамота Смоленской земли выражается относительно „выдавки“ еще опредѣленнѣе: „што одинъ выдасть ся, тутъ вина итъ; а коли оба выдадутъ ся, ино судомъ дошодъ, на виновномъ вина взяти“¹⁴⁵³⁾. Выметное платилось обыкновенно господарю; во отъ воли тяжущихся зависѣло „выкинуться“ и на мѣстнаго господарскаго урядника, вслѣдствіе чего въ числѣ доходовъ намѣстниковъ-державцевъ обозначается обыкновенно и ихъ „выметное“. О „выметномъ“ въ пользу намѣстниковъ-державцевъ говорить, напр., устава, разосланная намѣстникамъ-державцамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ въ 1514 году.—Въ пользу намѣстниковъ-державцевъ могли поступать и нѣкоторыя *заклады или заруки*, которые большею частью шли, однако, въ пользу господаря. Что такое заклады или заруки, и откуда вытекалъ этотъ источникъ доходовъ для господаря и мѣстныхъ правителей, ясно можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ фактовъ, записанныхъ въ книгахъ Литовской Метрики. „Што ся правовали,—читаемъ

¹⁴⁵¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 70.

¹⁴⁵²⁾ Христоматія по исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 49, прил. 10; Уставная земскія грамоты Литовско-Русскаго государства, стр. 189, пр. 375.

¹⁴⁵³⁾ Акты Зап. Рос. I, № 204, 213. М. Ясинскаго Уставная земскія грамоты Литовско-Русскаго государства, стр. 189.

въ записяхъ княженя Александра,—предъ великимъ княземъ его милостью панъ Станиславъ Бартошевичъ съ тивуномъ Троцкимъ Жданомъ о тыхъ земляхъ и о людѣхъ, што въ Жомойти имъ господарь король его милость далъ и тежъ великій князь, ино его милость вавалъ межи ними досмотрѣти пану старостѣ Жомонтскому, а дотолѣ никто бы зъ нихъ не сягнулъ ни на чіего чоловѣа *подъ закладамъ ею милости подъ сту рублій*“¹⁴⁵⁴). Или: „Жаловали великому князю земляне дорогицѣи Жадло Глуховскій а Станиславъ братъ его зъ Глуховичъ же на пана Станислава Корчевского, што жъ имъ кривды великіи и грабежы подѣлалъ и имъ на горло отповѣдаетъ. *Заручилъ* его милость господарь великій князь Станиславу Корчевскому *подъ виною своею двѣсть рублевъ грошей*, ажбы имъ не отповѣдалъ, и о томъ до него имъ листъ свой его милость далъ, подъ тою жъ своею виною ему заручаючи“¹⁴⁵⁵). Итакъ, закладомъ или зарукою на господаря называется штрафъ, которымъ господарь послѣ принятія жалобы угрожалъ одной изъ тяжущихся сторонъ или обѣимъ съ цѣлью пріостановить до окончательнаго разбирательства дальнѣйшія обиды и правонарушенья. „Вину“ на господаря залагалъ иногда мѣстный судья съ цѣлью остановить дальнѣйшія правонарушенья послѣ своего разбирательства. Такъ, намѣстникъ Ковенскій Станько Костевичъ, разобравъ тяжбу тивуна Квекгужинскаго Михна Ивановича и бояръ Леницкихъ съ людьми Курмекгольцами по поводу перевоза и признавъ неосновательною претензію послѣднихъ на сборъ мыта съ гостей, по словамъ листа великаго князя Александра, постановилъ: „а естли бы они хотѣли черезъ то перевозъ мѣти подъ своимъ селомъ, и онъ на насъ заложилъ вины дванадцать рублевъ грошей“¹⁴⁵⁶). Но иногда сами частныя лица, уладивъ взаимныя недоразумѣнія и помирившись, скрѣпяли свое „еднанье“ зарукою или закладомъ на господаря. Князья Горскіе, на которыхъ владыка Смоленскій Іосифъ собирався бить челомъ великому князю Александру, пріѣхавшему въ 1497 году въ Смоленскъ, не допуская его до великаго князя, „перееднали“, „и такъ съ нимъ вмовили: што забороняли ему двора собѣ ставити въ Чуриловичохъ на Горахъ, ино вжо маеть владыка тамъ собѣ дворъ ставити, на своей земли, гдѣ всхочеть, и люди маеть садити, а имъ лововъ своихъ не мѣти во владычней земли..., а и шкодъ некоторыхъ двору и людемъ его не мають чинити; и запись свой на то владыцѣ

¹⁴⁵⁴) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 28.

¹⁴⁵⁵) Ibidem, л. 36.

¹⁴⁵⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 102.

дали, штожь вжо имъ съ того вряду своего не выступити подъ закладомъ нашимъ (господарскимъ) сто рублевъ грошей“¹⁴⁵⁷⁾. Зклады или зарука устанавливались и въ пользу мѣстныхъ господарскихъ урядниковъ. Бояринъ Василишскаго повѣта Васко Михайловичъ, завявъ деньги у Игната, писаря короля Александра, далъ ему на себя запись, „ижь мѣлъ ему тыи его пенязи и золотыи на рокъ заплатити своими властными пенязми и золотыми; а естли бы на рокъ ему тыи его пенязей и золотыхъ не заплатилъ, тогда мѣлъ его дѣльницу Игнать на вѣчность мѣти“. „И вину на насъ на господаря,—гласитъ листъ короля Александра отъ 13 іюля 1503 года,—и на врядика нашего Василишскою тотъ Васко и съ сыни своими въ томъ своемъ листѣ записалъ, ижь не мѣлъ того дѣла взрушавати“¹⁴⁵⁸⁾. Панъ Индрихъ съ дозволенья воеводы Полоцкаго пана Станислава Глѣбовича купилъ у своей жены и ея дѣтей отъ перваго мужа Андрея и Ивана уголь земли и взялъ съ нея запись, въ которой она обязалась за себя, своихъ сыновей и потомковъ не подыскивать подъ нимъ земли: „а если бы кто изъ нихъ мѣлъ тое земли подъ нимъ поискывати, описала въ томъ же листѣ, ижь тотъ маеть на городъ *воеводѣ Полоцкому зриену золота заплатити*“¹⁴⁵⁹⁾.—По уставѣ 1529 года въ пользу намѣстниковъ-державцевъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ должна была идти въ количествѣ двѣнадцати грошей и мировая пошлина, которая въ земляхъ Витебской и Полоцкой называется *змирщиномъ*. Змирщина въ Витебской и Полоцкой земляхъ шла въ пользу господаря. Уставныя грамоты этихъ земель гласять: Тежь, которыи Витбляне межи собою побьются, а за дѣцкимъ поеднаются, ино намъ вунница шерстью зьмирщины“; а которые Полочане межъ собою побьются, а за дѣцкимъ простаться, ино намъ вунница шерстью змирщины“¹⁴⁶⁰⁾. Но на Подляшьѣ эта пошлина въ количествѣ пяти грошей шла въ пользу судьи и подсудка¹⁴⁶¹⁾. Въ собственной Литовской землѣ она была предоставлена въ пользу намѣстниковъ-державцевъ, какъ сказано, по уставѣ 1529 г., но при томъ только съ однихъ крестьянъ, „мужикъ съ мужикомъ вгды ся побьеть“¹⁴⁶²⁾.—Намѣстники-державцы брали въ свою пользу *поколодное* или *повежное* съ тѣхъ, кого сажали въ

¹⁴⁵⁷⁾ Акты Зап. Рос. I, № 146, I.

¹⁴⁵⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 233.

¹⁴⁵⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 250, 251.

¹⁴⁶⁰⁾ Акты Зап. Рос. I, № 204, II, № 70.

¹⁴⁶¹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 189.

¹⁴⁶²⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 24.

володу или въ вежу. Король Сигизмундъ, по жалобѣ людей Куренской волости Марковскаго повѣта на „кривды“ и „новины“ со стороны державцы пана Яна Николаевича, писалъ ему между прочимъ: „а коли дей которого челоувѣа хотя не за вину врадникъ твой у володу усадить, и опъ дей беретъ на нихъ *поколодного* по дванадцати грошей, а передъ тымъ дей *поколодного* они давали по грошу“¹⁴⁶³⁾. Въ уставѣ, данной державцѣ Рѣчицкому пану Семену Полозовичу въ 1529 году, читаемъ: „а который бы чолоувѣкъ былъ осажонъ въ казнь нашу замковую, маеть давано быти державцы *повежного* по чотыри грошы“¹⁴⁶⁴⁾. На Подляшѣ *повежное* платилось „сторожовѣ вежи, вежнему“, по два гроша, исключая тѣ случаи, когда кто-нибудь посаженъ былъ въ тюрьму по старостинскимъ артикуламъ: тогда всѣ „вины“ шли на старосту¹⁴⁶⁵⁾.

Тамъ же платилось *ротное* судѣ и подсудку, когда они снимали съ кого-нибудь присягу. Платилось ли *ротное* въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, на это намъ не удалось найти указаній; быть можетъ, *взамѣнъ* его платилось *вижовое*, когда отъ мѣстнаго господарскаго уряда посылался *вижъ* для слушанья присяги. За выѣздъ на землю для разбирательства возникшей изъ-за нея тяжбы *намѣстники-державцы* получали известную плату съ проигравшаго дѣло; устава, данная державцамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ въ 1529 году, опредѣляетъ за этотъ трудъ въ пользу державцы яловицу или 30 грошей¹⁴⁶⁶⁾

Впрочемъ, такія пошлыны, какъ *поколодное*, *повежное*, *ротное* нельзя назвать судебными въ собственномъ смыслѣ. Онѣ представляютъ переходный типъ по сравненію съ пошлынами судебными въ собственномъ смыслѣ и доходами отъ административной дѣятельности. Дальнѣйшимъ шагомъ въ этомъ направленіи являются *вижовое*, *дмикованье* и *увязчее*, и въ особенности послѣднее, которое платилось иногда за трудъ ввода во владѣнье и не по суду, а въ силу пожалованья господаря. Хотя эти доходы платились слугамъ мѣстныхъ правителей, но несомнѣнно вмѣстѣ съ тѣмъ, что и паны ихъ получали часть изъ этихъ доходовъ. Къ такому заключенію относительно *намѣстниковъ-державцевъ* Виленскаго и Троцкаго повѣта приводитъ слѣдующій артикулъ данной имъ въ 1529 году уставы: „Такъ же

¹⁴⁶³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 5, 6.

¹⁴⁶⁴⁾ Ibidem. 65—67.

¹⁴⁶⁵⁾ Акты Зап. Рос. I, № 189.

¹⁴⁶⁶⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 21.

дѣлованье, тое маеть быти держано черезъ державецъ нашихъ во-
длѣ Статуту земского, то есть, помилное¹⁴⁶⁷⁾. Что касается увязчаго,
то вѣроятность пользованія имъ со стороны намѣстниковъ-державцевъ
вытекаетъ изъ того, что „увязывать“ государь поручалъ собственно
намѣстникамъ-державцамъ, а тѣ посылали уже отъ себя слугъ или
дворянъ, жившихъ при нихъ. Естественно, что и доходъ шелъ въ
пользу намѣстниковъ-державцевъ, а слуги получали часть уже изъ
ихъ рукъ.

Доходы, получавшіеся намѣстниками-державцами при отправленіи
ихъ административной дѣятельности, сильно разнообразились по от-
дѣльнымъ мѣстностямъ, сообразно съ особенностями въ экономической
производительности отдѣльныхъ мѣстностей, общественномъ составѣ и
тѣхъ задачахъ, которыя въ силу всего этого падали на мѣстное управ-
леніе. Такимъ образомъ, въ собственной Литовской землѣ, гдѣ госпо-
дарское дворцовое хозяйство достигло наибольшаго развитія, и гдѣ
намѣстники-державцы болѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ являются съ
характеромъ государственныхъ приказчиковъ, въкоторые доходы шли имъ
именно, какъ дворцовымъ приказчикамъ. Они получали, напр., *по-*
клоны при раздачѣ мѣстнымъ крестьянамъ зерна изъ государственныхъ
житницъ „въ отсопъ“ или „на пенязи“, при раздачѣ пустовщинъ во
временное пользованіе (въ Жмудской землѣ этотъ послѣдній доходъ
назывался *отметями*) и т. д. Въ другихъ мѣстностяхъ выступаютъ
на видъ по актамъ другіе доходы, какъ напр., *обвѣстки*, которыя
платились въ Могилевѣ купцами, увязавшими торговать на сторо-
ну¹⁴⁶⁸⁾ и т. д. Вообще въ Литовско-Русскомъ государствѣ, какъ и въ
древней Руси, чуть ли не каждая отрасль административной дѣятель-
ности вызвала особые сборы въ пользу административнаго персо-
нала. Крестьяне платили, напр., *вымончое* тѣмъ лицамъ, которыя вы-
говяли ихъ въ главнымъ замкамъ областей для починки или построй-
ки вновь укрѣпленій, *посъкерцину* тѣмъ, кто надзиралъ за работа-
ми¹⁴⁶⁹⁾ и т. д. Намѣстникамъ-державцамъ, какъ органамъ общаго
управленія, приходилось выполнять разнообразную административную
дѣятельность, а, слѣдовательно, получать и разнообразные доходы.
Болѣе или менѣе общими были доходы съ крестьянскихъ властей при
назначеньѣ ихъ или утвержденьѣ (гдѣ эти власти выбирались во-

¹⁴⁶⁷⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 23.

¹⁴⁶⁸⁾ Ibidem, № 86, 147.

¹⁴⁶⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 451; XV, л. 102, 103.

лостью) и *выводныя кунницы*, которыя брались съ жениховъ, выводившихъ невѣсть изъ мѣста или волости на сторону ¹⁴⁷⁰).

Кромѣ собственно намѣстничьихъ или волостельскихъ доходовъ, намѣстники - державцы по особому пожалованью отъ господаря получали иногда разные сборы, которые въ старину шли особымъ должностнымъ лицамъ, а въ изучаемое время большею частью господарю. Эти сборы обыкновенно переживали самыя должности, къ которымъ они были прежде приурочены, и собирались господаремъ на себя или же раздавались имъ, какъ „волости“ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и намѣстникамъ-державцамъ. Такимъ образомъ въ записяхъ денежныхъ и разныхъ другихъ раздачъ короля Казимира читаемъ: „Хоружому Луцкому Даману 15 копъ въ мыта въ Луцку, ему жъ *данничое* въ Мозыри на годъ послѣ первыхъ; Лазору — *тивунцизна малая* въ Мозыри на годъ послѣ первыхъ“ ¹⁴⁷¹). Немного ниже въ той же книгѣ находимъ слѣдующія записи: „Волинцомъ въ Люблинѣ: Михаилу Маскевичу *тивунцизна великая* Мозырская на годъ послѣ Киселя; Оедьку Линевскому *тивунцизна малая* на годъ послѣ Порцого; Роману Михайловичу *бобровцизна* на годъ послѣ Олехна Охремовича; Михаилу Головичу *ловчое* на годъ послѣ Оедька Шелововского“; писарю Оедьку Гавриловичу Казимиръ пожаловалъ въ 1489 году *тивунцину Брагинскую* на годъ послѣ первыхъ ¹⁴⁷²). Всѣ эти пожалованья имѣютъ характеръ простыхъ ассигновокъ на получение жалованья и не связаны съ отправленьемъ соотвѣтствующей должности. Вышеупомянутые сборы вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими того же типа чаще всего встрѣчаемъ по актамъ въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ, при чемъ они являются положенными въ опредѣленномъ количествѣ на крестьянскіе участки, собираются крестьянскими властями на ряду съ данью и передаются вмѣстѣ съ нею въ скарбъ непосредственно или же черезъ руки мѣстныхъ урядниковъ, а также писарей, которые приѣзжаютъ править недополнковъ. Слѣдовательно, тѣ, кто получали эти сборы въ свою пользу, получали ихъ въ изучаемое время не за отправленье соотвѣтствующей должности. Эти сборы до такой степени сроднились съ обыкновенною данью, что при пожалованьѣ сель передавались вмѣстѣ съ нею въ пользу частныхъ лицъ. Въ подтвержденье всему этому можно привести слѣдующія данныя источниковъ. „А Торопчаномъ и содкимъ Торопец-

¹⁴⁷⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 217, 218.

¹⁴⁷¹) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 64.

¹⁴⁷²) Ibidem, 79, 80.

кимъ, — читаемъ въ приговорѣ в. князя Александра мужамъ Старцовой волости, — не надобѣ въ нихъ вступати ся; завѣдати ихъ старцу и дань, и серебцину и тивунцину збирати самимъ, опрочъ Торопчань“ ¹⁴⁷³). Писарь Ивашко Якубовичъ, получивъ приказанье отъ в. князя Александра собрать дань на людяхъ волостей Задвинскихъ, писалъ въ своемъ отчетѣ отъ 21 марта 1496 года: „Въ Дубничъ взялъ есми дани 15 рублевъ, а рубль по двѣ копѣ, а 100 грошей коневщины, а тивунцины 2 рубли, отослалъ до подскарбега;... въ Туранъ 7 рублевъ по двѣ копы, а яловщины копу, тивунцины рубль“ и т. д. И затѣмъ: „До Вильни Зенько прислалъ индикъ 14 мѣсяца іюля 16 день 4 ста копѣ безъ рубля грошей съ шести волостей: съ Торопецкое а зъ Биберовское, съ Озерецкое, съ Нежелское, съ Озерицское а Усватицкое; а куничныхъ грошей прислалъ 7 копѣ, а шерстью куниць 9; а тивунцины Жижецкое 2 рубли грошей, а яловщины 20 копѣ и полкопы грошей; а отъ намѣстництва (Торопецкаго?) князю великому двѣ копѣ, а воеводѣ копу, а писаремъ копу“ ¹⁴⁷⁴). Въ 1505 году король Александръ пожаловалъ дворянину Счасному Полозовичу село Жуховичи въ Мозырскомъ повѣтѣ съ людьми и со всѣми доходами съ нихъ, которые шли прежде на господара: „а повѣдалъ намъ, — читаемъ въ привилеѣ короля, — што жъ дей съ того дани на насъ идетъ шесть копѣ грошей а три полуколодки меду и ведро меду, а чотыри бобры, а двѣ куницы, а тринадцать грошей воловщины, а два гроша намѣрного, а доводничого и тивунцины и данничого полтретья ведра меду а двадцать грошей“ ¹⁴⁷⁵). Король Сигизмундъ въ 1507 году подтвердилъ ему село „и зъ даньми грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными, и съ тивунциною и зъ данничимъ, и съ соколичимъ, и съ доводничествомъ, и со всеми иными поплатами и податями, которымъ колве именемъ могутъ названы або менены быти“ ¹⁴⁷⁶). Король Сигизмундъ подобно своимъ предшественникамъ, отцу и брату, раздавалъ эти сборы въ видѣ жалованья, и въ записяхъ денежныхъ, хлѣбныхъ и другихъ пожалованій его читаемъ между прочимъ: „Князю Ивану Путятичу а Петрушку Мухатичу тивунщина Мозырская на два года, всихъ отодвинувши подлугъ первыхъ листовъ его милости;... Остафью Дашковичу тивунщина Рѣчицкая и Чечерская в Горвольскы на сюю осень; земенину киевскому Михайлу Павшы тивунщина

¹⁴⁷³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.

¹⁴⁷⁴) Ibidem, 280, 281.

¹⁴⁷⁵) Ibidem, л. 4.

¹⁴⁷⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 178, 179.

Бобруйская послѣ князя Ивана Сенского; князю Володеу Ивановичу тивуншчына Любошанская на годъ послѣ первыхъ“¹⁴⁷⁷⁾ и т. д. Всѣ эти сборы жалуются господаремъ на раду съ другими доходами, и тутъ же встрѣчаемъ, напр., такія записи: „Писару Оедеу Святоши на 8 копь грошей (выдана кватиця) съ недополнковъ дани въ Громьки, за дубу лисью отгѣна; Торопчаномъ двадцать корцовъ жита въ намѣстника Витебского; Миклушу Чеху, пушкарю, 10 копь грошей зъ восковыхъ пенязей Полоцкихъ; князю Василью Полубенскому 50 копь грошей у мѣшчанъ Дорогицкихъ, што мѣли чоломбитя дати“¹⁴⁷⁸⁾ и т. д. На то, что пожалованье тивунщины, данничаго, доводичаго, сокольничаго и бобровщины въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ было простымъ жалованьемъ дохода, прямое указанье даетъ заставной листъ короля Сигизмунда, выданный 20 марта 1519 года пану Альбрехту Мартыновичу Гаштольду на замокъ Мозырь. Король отдалъ ему до уплаты долга въ 1500 копь грошей замокъ Мозырь „зъ мѣстомъ и зъ волостью Мозырскою и Пчыцкою, и со всеми данными грошовыми и бобровыми, и куничными, и съ корчонными пенязьми (медовая дань по прежнему должна была идти до ключа), и зъ мѣстомъ, и зъ рѣчкою Туромъ и съ платомъ, который съ тое рѣчки на насъ хоживалъ, и съ езы на рѣцѣ на Прыпяти и на Пчычы, и тежъ съ тивуншчыною, и зъ данничымъ, и *иными доходы, што коли зъ данными нашимъ бояре або дворяне наши бирали*, и со всеми иными платы и доходы“¹⁴⁷⁹⁾. Но иногда эти доходы отдавались намѣстникамъ-державцамъ; такъ, напр., державца Могилевскій по уставѣ, данной ему королемъ Сигизмундомъ, получалъ половину тивунщины, а другая половина въ количествѣ 40 копь грошей шла въ скарбъ¹⁴⁸⁰⁾. Въ виду этого и названіе тивунъ, которое прилагается иногда къ лицамъ, ссбивавшимъ тивунщину, имѣетъ переносный, а не прямой и буквальный смыслъ. Въ 1499 году великій князь Александръ, отдавъ на откупъ корчму въ Чечерскѣ мѣстному мѣщанину,—написалъ въ своемъ листѣ: „А и тивуномъ нашимъ, которые будутъ въ Чичерску тивунщину брати, мимо нашу корчму не надобѣ иныхъ корчомъ сытити“¹⁴⁸¹⁾. Тивуномъ здѣсь названъ, очевидно, тотъ, кому пожалована тивунщина, а не какой либо дѣйствительный тивунъ. Дѣйстви-

¹⁴⁷⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VШ, л. 426, 431, 444, и др.

¹⁴⁷⁸⁾ Ibidem, л. 426, 427.

¹⁴⁷⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 37.

¹⁴⁸⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 86.

¹⁴⁸¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 270.

тельные тивуны, равно какъ и данничіе, ловчіе, сокольничіе, доводничіе отправляли свою должность и собирали доходы въ Подвѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ въ старину ¹⁴⁸²), а въ изучаемое остались только одни сборы ихъ. Такія же переживанья попадаютъ и въ другихъ повѣтахъ русскихъ областей. Король Казимиръ пожаловалъ *данничное* въ Каменцѣ Василю Малышевичу; Сигизмундъ пожаловалъ пану Сенку Полозовичу замокъ Вручій „зъ мѣстомъ и зъ людьми, и съ *тивунствомъ* Врудкямъ держати по тому, какъ первыи владниши наши держивали до его живота“ ¹⁴⁸³).

Намѣстники - державцы по особому пожалованью или особой „уставѣ“, которая съ теченіемъ времени получала значеніе прецедента или обычая, получали въ свою пользу и часть собственныхъ господарскихъ доходовъ. Господарь въ такихъ случаяхъ руководился или тѣмъ, что намѣстничьи доходы въ данномъ повѣтѣ были очень малы, или заслугами лицъ, или же, наконецъ, тѣмъ, что намѣстники-державцы принимали на себя нѣкоторыя лишнія обязательства, которыя не связаны были съ ихъ должностью. Такимъ образомъ, напр., въ городѣ Вѣницѣ при Казимирѣ намѣстнику шелъ корчомный платъ съ 15 корчомъ, по 15 грошей съ корчмы ¹⁴⁸⁴). Въ 1486 году тотъ же король Казимиръ пожаловалъ князю Дмитрію Путатичу „на каждый годъ по двадцати копъ грошей зъ мыта Браньского и съ корчомъ, пока Браньскъ держитъ“ ¹⁴⁸⁵). Великій князь Александръ, пожаловалъ мѣщанамъ Минскимъ магдебургское право, взялъ на себя два невязы (двѣ части) „зъ винъ мѣстскихъ“ и отдалъ ихъ намѣстнику Минскому князю Богдану Ивановичу Жеславскому ¹⁴⁸⁶) Король Сигизмундъ при отдачѣ замка Вручаго въ держанье пану Сенку Полозовичу въ 1507 г. пожаловалъ ему и корчмы Врудкія: „а онъ намъ подвезался съ тилъ корчомъ сторожу въ поли отъ поганства татаръ завжды держати и тежъ пушкара на замку нашомъ Врудкомъ своимъ накладомъ хомти“ ¹⁴⁸⁷). Въ 1518 году король отдалъ пану Юрью Глѣбовичу дворъ свой Волковыйскъ въ держанье „до живота“ „съ пенезми корчомными и зъ дякы оржаными и овсяными, и съ сѣномъ подягольнымъ, и бо-

¹⁴⁸²) Срав. Акты Зап. Рос. I, № 39.

¹⁴⁸³) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 79; VIII, л. 406, 407.

¹⁴⁸⁴) Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. II, № 1.

¹⁴⁸⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 26.

¹⁴⁸⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 143.

¹⁴⁸⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 406, 407.

лодиною, и съ всеми доходами владниковъ и дворянъ... съ мѣсть и съ волостей Волковийское и Порозовское и Новодворское". Такое пожалованье объясняется тѣмъ, что король вынужденъ былъ взять у него дворъ Меречь, отданный ему въ держанье до живота съ обѣщаніемъ не отнимать его, и, кромѣ того, — гласить королевскій листъ, — „паметуючи на его вѣрную службу во отцу и брату нашему, королемъ ихъ милости, и къ намъ, и тежъ для сказы имѣнья его на его чоломбитѣ то вчинили“ ¹⁴⁸⁸). Въ томъ же году король отдалъ князю Семену Чорторыйскому волости Чечерскъ и Пропойскъ со всѣми данями и господарскими доходами. „А онъ слюбилъ намъ, — гласить привилей короля, — у Пропойску замокъ тамошними людьми нашими Пропойчичаны и Чычеряны а въ тому своимъ накладомъ збудовати“ ¹⁴⁸⁹). При отдачѣ волости Олучицкой въ держанье дворянину Никифору Бобоѣдову Сигизмундъ далъ людямъ этой волости „уставу“, „и жъ мѣли они въ каждый годъ до скарбу нашего по двадцати копъ грошей дани давати, а тому державцы ихъ Бобоѣдову по десяти копъ грошей“; но когда король отнялъ у Бобоѣдова Олучицкую волость (въ 1529 г.), то написалъ державцѣ Кричевскому князю Василью Семеновичу Жилинскому, „и жъ бы онъ тую волость къ замку нашему Кричовскому держалъ и тую дань, тридцать копъ грошей, всю сполна въ каждый годъ выбравшы, до скарбу нашего отсылалъ“ ¹⁴⁹⁰). Въ нѣкоторыхъ волостяхъ намѣстники-державцы получали часть господарскихъ доходовъ въ свою пользу уже по обычаю. „А шіось дотычетъ дани наше, грошовое и медовое и тивуицины, — читаемъ въ уставѣ короля Сигизмунда, данной въ 1529 году державцѣ Рѣчицкому, — то они мають давати на замокъ нашъ державцы нашему *подль стародавнего обычая*“ ¹⁴⁹¹).

Наконецъ, намѣстники-державцы получали всѣ или большую часть господарскихъ доходовъ съ своихъ повѣтовъ въ силу обязательствъ, данныхъ со стороны господаря. Такими были прежде всего такъ называемыя „заставы въ сумѣ пенязей“, т. е. отдача господарскихъ доходовъ въ видѣ процентовъ на занятую господаремъ сумму и до уплаты этой суммы, и пожалованья господарскихъ доходовъ на известное число лѣтъ „для выбиранья пенязей“, взятыхъ въ долгъ господаремъ. Отдача замковъ и дворовъ съ волостями въ заставу

¹⁴⁸⁸) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 23, 24.

¹⁴⁸⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 33.

¹⁴⁹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 532, 532.

¹⁴⁹¹) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

„въ сумѣ пенязей“ или „на выбиратье пенязей“ особенно часто стали практиковаться королемъ Сигизмундомъ, который въ этомъ нашелъ одно изъ средствъ для покрытія текущихъ расходовъ, превышавшихъ доходы. Литовско-Русское государство уже съ конца XV в., съ начала напряженной борьбы съ Москвою, жило въ кредитъ своихъ подданныхъ, откупщиковъ мытъ и корчомъ, выходившихъ по большей части изъ евреевъ, и богатыхъ пановъ, которые, ссужая правительство деньгами, получали замки, дворы и мѣста съ волостями съ правомъ для покрытія процентовъ по ссудѣ, а иногда и долга, получать въ свою пользу не только намѣстничьи, но и великокняжескіе доходы цѣликомъ или частью. Чаше всего замки, дворы и мѣста съ волостями получали на этихъ условіяхъ князья и паны, уже державшіе ихъ въ качествѣ намѣстниковъ-державцевъ. Король Сигизмундъ далъ пану Богущу Боговитиновичу дворъ Довеги „у держанье“ и далъ ему маетъ, въ которомъ обѣщаль не рушать его съ того двора до живота. „Нижли тыми разы,—писалъ король 5 января 1516 года,—будучи намъ съ паны радами нашими на соймѣ Берестейскомъ, взяли есмо въ него шестьсотъ копѣ грошей, которыми жѣ пенязми служебнымъ платили есмо имъ за ихъ службу, и въ тыхъ пенязѣхъ заставили есмо ему тотъ же дворъ нашъ Троцкого повѣту Довеги въ мѣстомъ и со всеми людьми нашими Довеговскими данными и тяглыми, и съ конюхи, и зъ лейти, и съ конокормцы, и со всеми ихъ службами, и зъ даными грошовыми и медовыми, и съ корчомными пенязми, и зъ дякы съ оржаными и овсяными, и зъ сѣномъ подякольнымъ, и съ пентиники, и съ колодиною, и ставы и зъ млыны, и съ озеры, и со всеми иными полаты и пожитки, которые зъ мѣста и зъ волости Довеговское на насъ хоживали“. Король выговорилъ только въ свою пользу слѣдующее: „нижли маеть онъ съ того двора нашего въ кождый годъ намъ давати по шестидесять бочокъ жита а по шестидесять бочокъ овса, а по шестидесять возѣ сѣна, а мезлева сполна—яловицы, вепри и иныи речи—маеть съ тосей волости намъ давана быти кождый голъ подлуги давного обычая; а коли прѣдемъ до Довеговъ, онъ маеть насъ поднимати стацыми подлѣ давности и подводы подъ насъ зъ мѣста и зъ волости давати по давному“. Панъ Богущъ Боговитиновичъ долженъ былъ держать на этихъ условіяхъ дворъ Довеги до уплаты ему занятыхъ господаремъ 600 копѣ грошей, при чемъ и послѣ того господарь обѣщаль не рушать его съ того двора до живота, согласно первому привилею. „Нижли по той заплатѣ нашей,—писалъ король,—маеть онъ тотъ дворъ нашъ отъ насъ къ нашей рудѣ держати по тому, какъ и первѣй сего, а тыи платы и доходы верхуписаные вжо

мають на насъ быти. А естли Божья воля станеть надъ нимъ, а мы ему тыхъ пенязей не заплатимъ, ино жона и дѣти его мають тотъ дворъ держати дотолѣ, пока тежъ ты пенязи мы имъ заплатимъ; а не отдавши тыхъ пенязей, не маемъ въ нихъ того двора нашего зъ рукъ выимати“ ¹⁴⁹²). Итакъ, часть господарскихъ доходовъ съ мѣста и волости Довеговской, отданная по заставному листу пану Богущу Боговитиновичу, имѣла значеніе процентовъ, которые господарь уплачивалъ ему по своему долгу. Эта часть разнообразилась, смотря по величинѣ долга и доходности заставленныхъ дворовъ. Въ слѣдующемъ году король отдалъ „въ заставѣ“, до уплаты 400 копъ грошей, конюшему дворному и Троцкому, намѣстнику Волкиницкому и Лепуньскому, лѣсническому Городенскому, пану Явубу Кунцовичу дворы Волкиники и Лепунь со всѣми доходами, выговоривъ для себя только стацію: „и коли прїѣдемъ до тыхъ дворовъ нашихъ, тогда маеть онъ насъ стаціями поднимати и мезлевою, бо есмо тую мезлеву дали ку его рукамъ для того: коли мешкаемъ въ тыхъ дворѣхъ нашихъ для лововъ, абы онъ насъ тою мезлевою поднималъ“ ¹⁴⁹³). Тотъ же панъ Явубъ Кунцовичъ получилъ въ 1518 г. новый заставной листъ на дворъ Василишки, въ которомъ король писалъ: „А што онъ мѣлъ съ того двора нашего стацей давати по сту бочокъ жыта а по сту возъ сѣна, тое стацей вжо не маеть онъ намъ давати“ ¹⁴⁹⁴). Въ 1518 году король отдалъ пану Богущу Боговитиновичу замокъ Каменецъ со всѣми доходами до уплаты взятыхъ у него 1000 копъ грошей, а въ свою пользу выговорилъ слѣдующее: „А съ Каменца доходовъ и платовъ выняли есмо на насъ на господаря съ тое заставы корчомныи пенязи а двѣ доли дани медовое, а бобровыи гоны вси. А коли мы господарь сами прїѣдемъ до Каменца, тогда онъ маеть насъ одинъ день стацею поднимати. А къ тому, коли платъ положимъ на все наше панство, великое князьство Литовское, тогда зъ волостныхъ людей маеть намъ серебщину давати, а зъ мѣста ордынщину, также и серебщину и который кольве платъ положимъ“ и т. д. ¹⁴⁹⁵).

Наряду съ заставами, какъ сказано, практиковалась отдача замковъ и дворовъ со всѣми или частью доходовъ съ нихъ на известное число лѣтъ „на выбиранье суммы пенязей“. Въ 1520 году король Сигизмундъ отдалъ на такомъ основаніи князю Василью Ивано-

¹⁴⁹²) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 110.

¹⁴⁹³) Ibidem, л. 157, 158.

¹⁴⁹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 19.

¹⁴⁹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VII л. 592, 593.

вичу Соломерецкому замокъ Могилевъ съ волостью на три года со всѣми доходами. „Нижели одно дань медовую на насъ выймуемъ,— писалъ король въ своемъ листѣ: а какъ тая три годы выйдеть, и ми зъ ласки наше тоть замокъ нашъ Могилевъ даемъ ему отъ насъ въ держанье, а дани и доходы вси мають зася на насъ быти по тому, какъ и передъ тымъ бывало“ ¹⁴⁹⁶). Отдача замковъ и дворовъ со всѣми доходами „на выбиратье пенязей“ въ теченіе извѣстнаго количества лѣтъ имѣла значеніе отдачи на откупъ господарскихъ доходовъ и, повидимому, сопряжена была для покупателей съ извѣстнымъ рискомъ. Однако, на дѣлѣ таваз операція часто оказывалася прибыльною, и мы нерѣдко встрѣчаемъ по актамъ случаи принятія извѣстнаго замка или двора, заставленныхъ „въ сумѣ пенязей“, „на выбиратье“ этихъ пенязей въ теченіе извѣстнаго количества лѣтъ. Въ этомъ же 1520 году король позволилъ пану Яну Яновичу Заберезинскому отложить 1000 копъ грошей наследникамъ пана Станислава Григорьевича и взять изъ ихъ рукъ дворъ Меречь, заставленный въ этой суммѣ, а затѣмъ въ теченіе четырехъ лѣтъ выбирать свои пенязи изъ доходовъ этого двора, послѣ чего держать его „въ держаньѣ до живота“. Король выговорилъ себѣ только право пользоваться стаціей съ этого двора во время пребыванья своего въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и, вромѣ того, въ пользу людей своихъ сдѣлалъ слѣдующую оговорку: „А маеть онъ зъ людей нашихъ служби и платы мѣти, которіе передъ тымъ на насъ бывали, а вышей того служобъ и платовъ . некоторыхъ не маеть онъ на людѣхъ нашихъ собѣ примышлати“ ¹⁴⁹⁷). Изъ привилея, выданнаго въ слѣдующемъ году пану Юрью Миколаевичу на тотъ же дворъ Меречь, ясно видно, что въ такихъ случаяхъ прельщало покупателей: прельщала не надежда выбрать дѣйствительно свои пенязи въ урочные года съ лихвою, а право держать потомъ „въ держаньѣ до живота“ замокъ или дворъ, которое могло съ избыткомъ возмѣститъ всякіе убытки. Панъ Юрій Миколаевичъ выпросилъ у короля позволенье отложить Яну Яновичу Заберезинскому 1000 копъ грошей за дворъ Меречь, спустилъ королю и даровалъ еще 1000 копъ съ дворовъ Городенскихъ, бывшихъ у него въ заставѣ, и взамятъ всего этого взялъ у него дворъ Меречь „въ держанье до живота“. Въ привилеѣ, выданномъ ему на дворъ Меречь, король написалъ: „А платы и доходы наши, которіе передъ тымъ зъ мѣста и зъ волости Мерецкое на насъ хоживали, тые платы

¹⁴⁹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 27, 28.

¹⁴⁹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 39.

и доходы все мають намъ даваны быти подлѣ давного обычая; а оны тѣ доходы маєт на себе брати, которіе передъ тѣмъ на владниковъ нашихъ хоживали. И ачбы была которая великая потреба наша и земская тотъ дворъ нашъ въ которой сумѣ заставити, однакожь мы не маемъ того двора нашего никому въ заставу въ держанье давати а ни его съ того двора рушати до его живота“ ¹⁴⁹⁸). Итакъ, отпущая господарю долгъ или принимая замокъ или дворъ со всеми доходами „на выбиранье пенязей“ въ теченіе известнаго количества лѣтъ, его кредиторы въ большинствѣ случаевъ совершали замаскированную сдѣлку покупки пожизненнаго прибыльнаго намѣстничества, иначе говоря, давали господарю отъ этого намѣстничества „чоломбитье“. Въ тѣхъ случаяхъ, когда отдача замка или двора, или мѣста съ волостью „на выбиранье пенязей“ не соединена была съ дальнѣйшимъ „держаньемъ до живота“, и условія „выбиранья пенязей“ были далеко не тѣ, что въ первомъ случаѣ. Въ 1522 году король Сигизмундъ позволилъ пану Григорью Григорьевичу Остиковича выкупить дворъ Бирштаны у князя Матееа Микитинича и затѣмъ „до выбиранья суммы своео держати, вытручаючи по сту копѣ на рокъ“ ¹⁴⁹⁹). Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ дворъ Бирштаны былъ отданъ въ аренду за 100 копѣ грошей въ годъ—плюсъ тѣ проценты, которые должны были итти на внесенную паномъ Григорьемъ Остиковичемъ выкупную сумму.

Кредитныя сдѣлки, объектомъ которыхъ служило держанье господарскихъ замковъ, дворовъ и мѣстъ съ волостями и со всеми доходами, господарскими и намѣстничьими, служатъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ выраженій преобладающаго воззрѣнія на правительственные должности, какъ на источники доходовъ господара и его урядниковъ. Эти сдѣлки заключались не только между господаремъ и панами, но и между панами, которые передавали другъ другу взятые отъ господара „въ заставу“ замки и дворы съ волостями. Такъ, напр., въ 1522 году король дозволилъ пану Яну Яновичу Заберезинскому „спустить“ своему братаничу пану Николаю дворъ Ошмену, который онъ держалъ въ 700 копахъ грошей, послѣ чего вошелъ въ новыя условія съ паномъ Николаемъ: послѣдній „спустилъ“ ему 400 копѣ грошей, а король въ своей стороны отдавалъ ему дворъ Ошмену по уплатѣ оставшихся 300 копѣ грошей въ держанье „до живота“ ¹⁵⁰⁰). Иногда паны перекупали другъ у друга „заставы“, и господарь разрѣшалъ тому

¹⁴⁹⁸) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 40, 41.

¹⁴⁹⁹) Ibidem, л. 31.

¹⁵⁰⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 64, 65.

или другому лицу выкупить дворъ у того, кто его держалъ въ заставѣ, хотя бы этотъ послѣдній самъ и не желалъ отступаться отъ своей „заставы“.

Въ заключеніе о заставахъ и объ отдатѣ замковъ и дворовъ „на выборанье пенязей“ необходимо прибавить, что отдавались не только господарскіе доходы, но и доходы другихъ урядниковъ, буде таковыя собирались съ волости. Такимъ образомъ, и въ заставномъ листѣ, выданномъ пану Богушу Боговитиновичу на дворъ Довеги, читаемъ: „а панъ воевода Троцкій не маеть въ тую волость дѣцкихъ своихъ вслати, а ни тежь тое волости повѣта Довеговского людей не маеть судити; и вжо врадники наши Троцкіе: городничій, тивунъ и ключникъ, не мають ни по што у волость того двора нашего вслати и доходовъ нашихъ и своихъ тежь не мають правити“. То же самое находимъ и въ заставныхъ листахъ, выданныхъ пану Якубу Кунцовичу на дворы Волкиники и Лепунъ и позже на дворъ Васишки. Панъ Богушъ Боговитиновичъ получилъ замокъ Каменецъ въ заставу между прочимъ „зъ гаевництвомъ и бобровничествомъ, и зъ лѣсничимъ“ Каменецкимъ. „На выборанье пенязей“ замки и дворы обыкновенно отдавались также съ доходами всѣхъ господарскихъ урядниковъ. Въ листѣ, выданномъ пану Яну Яновичу Заберезинскому „на выборанье пенязей“ съ двора Мереча въ теченіе четырехъ лѣтъ, читаемъ: „И въ тую чотыри годы не маеть панъ воевода Троцкій въ тую волость дѣцкихъ своихъ вслати и людемъ судити и радити; также врадники наши Троцкіе: городничій, лѣсничій, тивунъ, конюшій, ключникъ, подключій, не мають въ тую волость сами въѣждчати и слугъ своихъ вслати и доходовъ нашихъ и своихъ некоторыхъ не мають правити“. То же самое находимъ и въ листѣ, выданномъ пану Григорью Григорьевичу Остиковича на держанье двора Бирштанъ съ условіемъ ежегоднаго погашенія 100 копъ грошей изъ суммы, которую ему задолжалъ король.

Застава замка, двора и мѣста съ волостью и отдача ихъ „на выборанье пенязей“ обыкновенно соединялись съ отдачею ихъ въ держанье или намѣстничество. Но такъ бывало не всегда, и господарь иногда отдавалъ „на выборанье пенязей“ одни свои доходы, а намѣстничество само собою и отдѣльно. Король Сигизмундъ заставилъ пану Яну Яновичу Заберезинскому замокъ Дорогичинъ съ мѣстомъ и со всѣми доходами до уплаты ему 900 копъ грошей. „Ино,—гласитъ королевскій листъ отъ 4 марта 1516 года,—судья Дорогичкій Мнѣолай Водынскій со всеми земьянами Дорогичскими били намъ чоломъ, абыхмо дозволили имъ и тые пенязи девять сотъ копъ грошей пану

Яну отложить, а имъ быхмо дали на пять годъ тыи пенязи выбирати съ платовъ *нашихъ* Дорогицкихъ, съ которыми были есмо пану Яну тотъ замокъ нашъ заставили, а какъ тая пять годовъ выйдеть, тогда тыи вси платы зася до скарбу нашего мають браны быти по тому, какъ передъ тымъ бираны были“. Король согласился на это предложеніе и выдалъ землянамъ Дорогицкимъ соотвѣтствующій листъ ¹⁵⁰¹⁾. Но намѣстникомъ, или старостою, Дорогицкимъ по прежнему остался, конечно, панъ Янъ Яновичъ, и тѣ доходы, которые шли на его „врядъ“, онъ по прежнему собиралъ въ свою пользу.

III.

Мы уже видѣли, что господарскіе кредиторы часто поступались своими деньгами въ пользу господаря, лишь бы получить отъ него замокъ или дворъ съ волостью въ держанье до живота. Эта уступка, какъ уже было сказано, имѣла характеръ челобитья, которое въ изучаемое время платилось господарю отъ намѣстничества и другихъ урядовъ. Въ записяхъ приходовъ короля Казимира (1482 г.) читаемъ между прочимъ: „Рѣчицкое намѣстничество взялъ Ивачъ, королю отъ того далъ 8 корабельниковъ; а старченье Рѣчицкое взялъ Комаръ, королю далъ два корабельника. У Вилни дано намѣстничество Могилевское Митву Стародубцу, королю далъ шестьдесятъ золотыхъ вгорскихъ; отъ серебряного старченья Могилевского Юрко далъ 13 копъ; отъ медового старченья Андрейко далъ 4 копы; отъ Велижского намѣстничества Ходоръ далъ три копы; отъ Озерецкого намѣстничества Грisha далъ три корабельника“ ¹⁵⁰¹⁾. Намѣстничества и другіе уряды въ XV вѣкѣ, повидимому, прямо иногда продавались господаремъ тѣмъ, кто больше дастъ, при чемъ не всегда господарь обращалъ вниманье на принадлежность лица къ правящему классу. Намекъ на это даютъ безвѣстныя имена лицъ, которые получили въ 1482 году намѣстничества; едва ли они не были изъ среды мѣстныхъ мѣщанъ или волостныхъ людей. Что такіе случаи были возможны, на это прямое указаніе находимъ въ „вырокѣ“ великаго князя Александра въ тяжбѣ Старцовой волости съ Торопецкою. „А коли дамо отъ насъ Торопець держати,—читаемъ здѣсь,—тамошнему ихъ *мѣщанину* або *волостному чоловѣку Торопецкому*, тому ихъ не надобѣ судити ни радити: маеть ихъ судити и радити ихъ старецъ“ ¹⁵⁰²⁾. Впрочемъ, это

¹⁵⁰¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 118.

¹⁵⁰²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 87.

¹⁵⁰³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.

едва ли не простой отголосокъ старины, не примѣнявшейся уже на дѣлѣ. Подобный порядокъ вещей не могъ быть пріятенъ тому классу, который считалъ намѣстничества и уряды своимъ достояніемъ. Въ угоду ему и, быть можетъ, уступая даже его настояніямъ, великій князь Александръ въ общеземскомъ привилеѣ 1492 года обѣщалъ не требовать ничего съ назначенія на должности, развѣ только кто что дастъ по доброй волѣ и по чести; того же правила должны держаться воеводы и старосты, по представленію которыхъ государь раздавалъ державы. *A provisione autem ac donatione seu collatione, — гласитъ общеземскій привилей 1492 года, — spiritualium et secularium dignitatum, tenutarum et officiorum quorumcumque, nihil debemus postulare, neque etiam domini palatini et capitanei, ab officialibus et tenentariis, quicquid recipere, aut exigere debent, solum quod per aliquem nobis, vel ipsis, pro honestate sua, libere condonatum fuerit.* Разумѣется, такое обѣщаніе по существу дѣла мало къ чему обязывало, и государь могъ по прежнему продавать намѣстничества, если не перѣвѣшивали другія соображенія, напр., желанье пожаловать кого-либо за службу державою или дать кормленье.

Во всякомъ случаѣ и при Александрѣ, и при Сигизмундѣ мы встрѣчаемся по актамъ съ *челобитьемъ*, которое давали государю намѣстники-державцы при полученіи своего уряда. Среди записей различныхъ листовъ короля Александра послѣ привилея, выданнаго въ 1495 году писарю Ивашу Сопѣжичу на держанье Дмитрова въ Смоленскомъ повѣтѣ, находимъ слѣдующую замѣтку: „А далъ его милость на прозбу пана воеводы Виленского тотъ Дмитровъ Ивашу Сопѣжѣ до его живота, а отъ того въ него взялъ пятьдесятъ золотыхъ“ ¹⁵⁰⁴). Въ записяхъ приходовъ великаго князя Александра читаемъ между прочимъ: „Намѣстникъ Дроковскій далъ отъ намѣстничества 4 копы грошей; намѣстникъ Брягинскій — 2 копы грошей; намѣстникъ Мозырскій далъ 12 копъ грошей великому князю; старецъ Мозырскій далъ 4 копы грошей“ и т. д. ¹⁵⁰⁵). Король Сигизмундъ, пожаловавъ въ 1510 году пану Юрью Ивановичу Ильинича старостою Берестейское съ ключомъ послѣ того, какъ умеръ князь Александръ Юрьевичъ, державшій тогда Берестье, взялъ отъ него авансомъ и челобитье, въ чемъ и росписался въ выданномъ на староство листѣ: „а онъ вжо намъ отъ того чолобитья далъ сто золотыхъ“ ¹⁵⁰⁶). Не

¹⁵⁰⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 62.

¹⁵⁰⁵) Ibidem, л. 277, 278.

¹⁵⁰⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 346.

обходимо замѣтить, что „чоломбиты“ платилось господарю а при пожалованьи имѣній ¹⁵⁰⁷⁾, и иногда большое. Панъ Костевичъ, напр., за пожалованье ему замка Кабрина до живота далъ королю „чолобиты“ 1000 копъ грошей ¹⁵⁰⁸⁾. Самъ господарь въ своихъ привилеяхъ на имѣнья свидѣтельствуеъ, что ему платилось не малое челобитье. Король Сигизмундъ пожаловалъ было служебнику пана Станислава Яновича, старосты Жмудскаго, Шимку Митровичу десять службъ людей и четыре земли пустовскихъ въ Жосецкой волости Веленскаго повѣта. Но получивъ донесеніе отъ державцы Веленскаго, что это будетъ двору господарскому шкодно, онъ взялъ назадъ свое пожалованье и написалъ старостѣ: „Ино мы, зъ ласки наше на его чоломбиты а въ тому обачышы, ижъ онъ намъ отъ того перво сего не малое чоломбиты далъ, дали есьмо напротивъ тыхъ людей и земель нныхъ десять службъ людей тяглыхъ а ни куничныхъ, а чотыры земли пустовскихъ“ и т. д. ¹⁵⁰⁹⁾.

ЛІІІ.

Сроки, на которме въ изучаемое время раздавались волости „въ держанье“, были различны. Изъ фактовъ, сгруппированныхъ во второмъ очеркѣ, видно, что въ русскихъ областяхъ великаго княжества, именно въ земляхъ Киевской, Смоленской, Витебской и Полоцкой, держался еще старинный обычай раздавать намѣстничества мѣстнымъ боярамъ на годъ, хотя дѣйствіе этого обычая было уже ограничено немногими волостями. Кромѣ того, и соблюдался онъ не строго, такъ что вмѣсто одного года волости давались на два, на три года и болѣе. Въ листѣ короля Сигизмунда, данномъ пану Ивану Полозу 31 марта 1527 года, читаемъ: „дали есьмо имъ, всимъ бояромъ Киевскимъ, у жалованье Чернобыль заробити и по годомъ держати для успоможенья ихъ, съ чого бы они мѣли намъ службу служыти; якожь вже тотъ замокъ нашъ Чернобыль держали напервѣй Павша небожыкъ а Крыштофъ, а Дмитръ Ивашенцовичъ по два годы, а теперь дали есьмо тотъ замокъ нашъ на два жъ годы держати дворянину нашему Заморенку; для чого жъ онъ билъ намъ чоломъ, абыхмо ему по выдержаньи Заморенковъ тотъ замокъ нашъ Чернобыль дали на два годы держати“ ¹⁵¹⁰⁾. „Билъ намъ чоломъ дворянинъ нашъ Грышко

¹⁵⁰⁷⁾ Акты Зап. Рос. II, № 28, 112.

¹⁵⁰⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 40.

¹⁵⁰⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 111, 112.

¹⁵¹⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 77, 78.

Ивановичъ,—читаемъ въ другомъ листѣ того же короля Сигизмунда (отъ 10 августа 1508 года),—и просилъ насъ, абыхмо дали ему волость нашу Велижскую держати отъ насъ на кольцо годовъ. И имъ ему тую волость нашу дали отъ насъ держати въ держанье на три годы и на то есмо дали ему сесь нашъ листъ и зъ нашою печатью“ ¹⁵¹¹). Чаще волости давались на неопредѣленное время, „до воли господарской“, и еще чаще „до живота“; послѣднее, впрочемъ, иногда и нарушалось, но не во вредъ намѣстниковъ-державцевъ, которыхъ государь жаловалъ болѣе выгоднымъ „врядомъ“ или „державою“ и во всякомъ случаѣ равнымъ ¹⁵¹²). Какъ уже было сказано выше, князья и паны, державшіе господарскіе замки и дворы съ волостями, старались укрѣпить за собою держанья пожизненно, и этому стремленью, какъ можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, не противорѣчилъ и господарскій интересъ. „Билъ намъ чоломъ,—читаемъ, напр., въ листѣ короля Сигизмунда отъ 12 декабря 1523 года,—почашый нашъ, державца Василишскій и Марковскій, панъ Янъ Николаевичъ Радивиловича о томъ, што есмо перво сего дали ему дворъ нашъ Марково въ держанье,—ино онъ повѣдалъ передъ нами, што жъ тотъ дворъ нашъ былъ спустошонъ, и пашня наша за первыиъ вранниковъ нашихъ залегла была, и онъ, хотачы ся намъ пану своему въ томъ заховати, и за своего держанья пашни наше больше прибавилъ, и дворъ нашъ своимъ накладомъ и ставы, и сажавен на насъ справуетъ, и выстерегаючыся того, абыхмо того двора нашего подъ нимъ кому иному не дали або его у пенязѣхъ не заставили, билъ намъ чоломъ, абыхмо тотъ дворъ нашъ Марково въ держанье ему дали до его живота“ ¹⁵¹³). Король въ виду собственной пользы, конечно, удовлетворялъ просьбу челобитчика. Выше было упомянуто о пожалованнѣ князю Семену Александровичу Чечерска и Пропойска, которые были уже у него въ держаннѣ, въ держанье до живота вслѣдствіе того, что онъ обѣщалъ королю отстроить замокъ Пропойскъ. Привилеевъ на держанья до живота находится множество въ актахъ изучаемаго времени, хотя на ряду съ ними попадаются и такіе, въ которыхъ срокъ не обозначенъ, напр., привилей, выданный въ 1527 году: князю Петру Тимоѣевичу Масальскому—на держанье волости Любошанской „по животѣ пана Юрья Немировича, державца Любошаньского“, князю Ивану Михайловичу Вишневецкому—на дер-

¹⁵¹¹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 280.

¹⁵¹²) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 371.

¹⁵¹³) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 128, 129.

жанье замка Рѣчицкаго „по животѣ пана Семена Полозовича, державцы Рѣчицкаго“, пану Яну Аврамовичу—на держанье двора Уте-ны ¹⁵¹⁴⁾ и т. д. Въ пожизненное держанье раздавались преимущественно волости, гдѣ велось собственное хозяйство великаго князя, гдѣ намѣстники-державцы дѣйствовали на правахъ господарскихъ приказчиковъ, получая въ пользу часть доходовъ съ этого хозяйства. Энергичное и заботливое веденіе этого хозяйства со стороны господарскихъ урядниковъ, конечно, возможно было только при увѣренности, что имъ долго придется пользоваться своимъ процентомъ изъ его доходовъ. Краткіе сроки держаній въ данномъ случаѣ могли повести только къ хищничеству съ ихъ стороны, на что нѣкоторыя указанія были приведены выше. Такимъ образомъ, и собственный интересъ господара, и интересъ мѣстныхъ правителей приводилъ къ установленію обычая раздавать волости съ господарскими дворами и дворцами въ держанье „до живота“. На неопредѣленный же срокъ, до воли господарской, раздавались преимущественно такія волости, гдѣ не было или гдѣ было слабо развито собственное господарское хозяйство; таковы же были и волости, раздававшіяся на года.

Въ связи съ возникновеніемъ правительственнаго обычая раздачи урядовъ и державъ „до живота“ стоитъ, очевидно, и возникновеніе особаго закона, который предусматривалъ, за что и какимъ порядкомъ могли отбираться уряды и державы у должностныхъ лицъ. Обще-земскій привилей великаго князя Александра на этотъ счетъ опредѣлялъ, что всякій, кто окажется расточителемъ и „шкодникомъ“ господарскихъ „добръ“, лишается своей державы; отобраніе державы производится по совѣту господара съ панами-радою и по выслушаніи обѣихъ сторонъ, обвинителя и отвѣтчика. *Officia vero omnia,—* читаемъ здѣсь,—*et tenentur, sine consilio nostrorum consiliariorum, per nos, non debent cuique auferri. Si quis autem officialium tamquam dissipator, et damnificator nostrorum bonorum apud nos delatus fuerit, utraque pars coram nobis debet personaliter constitui, auditaque causa reus secundum demerita puniendus erit: sed absque culpa officia auferre non debemus* ¹⁵¹⁵⁾). Статутъ 1529 года почти буквально повторяетъ этотъ артикулъ общеземскаго привилея 1492 г.: „Теж державцы дворовъ нашихъ и тивунове на причины заочные черезъ насъ не маютъ быти никому отниманы. Але коли бы который з урядниковъ, яко роспрошитель а шкодникъ двора нашего в насъ

¹⁵¹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 347—349, 357.

¹⁵¹⁵⁾ *Zbiór praw litewskich*, str. 58—67.

был обвиненъ; обоя сторона маеть перед нами очивисто стати, а выслушавши тую речъ винный подле заслуги маеть каранъ быти, але без вины держане отнимати не будемъ¹⁵¹⁶⁾. Устава, данная въ томъ же году державцамъ и тивунамъ Жмудской земли, расширяеть понятие вины, за которую господарь могъ отнять держанье, и выдвигаетъ на видъ не только хозяйственный интересъ господаря, но и общественный. „Тежь тивуновъ,—читаемъ здѣсь,—не отдаляемъ отъ ихъ держаней, выимуючы, за слушною причиною и за кривдою подданныхъ нашихъ; а естли быхмо которого собѣ съ нихъ въ томъ непожиточного дознали, тогда такового тогожь часу зъ уряду отдалимъ я иному вѣрнѣйшому его отдадимъ, кому будетъ наша воля господарская“¹⁵¹⁷⁾. Интересъ общественный долженъ былъ выступить въ данномъ случаѣ по тѣсной связи его съ господарскимъ, такъ какъ отъ обидъ и притѣсненій управителей пустѣли господарскія волости. На это обыкновенно ссылаются и мѣстные жители въ своихъ жалобахъ на господарскихъ урядниковъ, указывая, что не они только страдаютъ, но и самъ господарь. Такъ въ 1529 году королю Сигизмунду жаловались на намѣстника Олучицкаго Никифора Бобоѣдова старецъ и вся волость Олучицкая, что онъ „кромъ жадное прычины“ приваля повѣситъ старца волостного, „имъ самымъ кривды и драпежства великия подѣлалъ, для которыхъ же дей драпежствъ многи люди наши (т. е. господарскіе) съ тое волости прочъ разошлися“, и просили короля ввать ихъ изъ рукъ Бобоѣдовыхъ и привернуть къ замку Кривчевскому. Король исполнилъ ихъ просьбу¹⁵¹⁸⁾. Такимъ образомъ, грубая идея „кормленья“ въ своемъ послѣдовательномъ развитіи и дѣйстви въ жизни должна была найти себѣ предѣлы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызвать въ правительственномъ сознаниіи противоположную идею государственной должности, хотя пока въ смутномъ и неясномъ очертаніи.

LIV.

Резюмируя все сказанное въ настоящемъ очеркѣ и сопоставляя отчасти съ тѣмъ, что содержится въ первыхъ двухъ, приходимъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Въ большинствѣ повѣтовъ, въ которыхъ судъ и управу чинили намѣстники-державцы, велось собственное господарское хозяйство,

¹⁵¹⁶⁾ 5 арт. III раздѣла.

¹⁵¹⁷⁾ Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 19.

¹⁵¹⁸⁾ Лятов. Метр. кн. Запис. VII, л. 581, 582.

разрабатывались на господаря пахатныя земли и эксплуатировались различныя угодыя.

2. Но особенно развито было господарское хозяйство въ собственной Литовской землѣ; здѣсь было наибольшее количество господарскихъ дворовъ и дворцовъ съ дворными пашнями и угодыями.

3. Повидимому, уже отъ удѣльной эпохи этихъ дворовъ и дворцовъ съ пашнями и угодыями господарь получилъ въ собственной Литовской землѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ.

4. На это предположеніе наводитъ тотъ фактъ, что въ собственной Литовской землѣ господарь замѣнилъ собою болѣе многочисленныхъ, но болѣе мелкихъ князей, чѣмъ въ другихъ областяхъ, князей, для которыхъ собственное хозяйство было однимъ изъ главныхъ средствъ содержанія.

5. Первоначальное возникновеніе княжескаго дворцоваго хозяйства въ собственной Литовской землѣ, какъ и въ русскихъ земляхъ, стоитъ въ связи съ развитіемъ рабства и захватомъ князьями пустыхъ земель и угодій въ свое распоряженіе: дворцовое хозяйство явилось первоначально средствомъ эксплуатаціи рабскаго труда въ приложеніи къ этимъ землямъ и угодыямъ.

6. Въ дальнѣйшемъ развитіи дворцовое княжеское и потомъ господарское хозяйство сдѣлалось однимъ изъ средствъ эксплуатаціи труда вкрестыянскаго населенія Литовской земли. Это населеніе въ теченіе XIII и XIV вѣковъ увеличилось выходцами изъ Пруссіи, Жмуди и Руси, такъ что въ XV и началѣ XVI вѣва собственная Литовская земля была самою населенною областью великаго княжества. Обиліе рабочихъ рукъ при сравнительной густотѣ населенія дало возможность примѣнить ихъ къ разнообразнымъ потребностямъ дворцоваго хозяйства, расширить само это хозяйство и вмѣстѣ съ тѣмъ взять съ вкрестыянъ барщиннымъ трудомъ то, что не всегда можно было получить деньгами или натурою.

7. Въ изучаемое время господарь съ семьєю, съ своими придворными сановниками и урядниками и со всею прислугою проживалъ обыкновенно въ собственной Литовской землѣ; здѣсь же онъ часто проѣзжалъ во время своихъ переѣздовъ въ Польшу и обратно въ великое княжество, здѣсь же и охотился. Естественно, слѣдовательно, что и дворцовое хозяйство, имѣвшее цѣлью удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей господаря натурою, должно было подерживаться и вестись болѣе всего именно въ Литовской землѣ.

8. Послѣ униі съ Польшею и разгрома силъ Ордена въ Грюнвальденской битвѣ собственная земля Литовская оказалась въ луч-

шихъ условіяхъ, тѣмъ другія области, относительно внѣшней безопасности, что также было благоприятнымъ условіемъ для поддержанія и развитія господарскаго хозяйства преимущественно на Литвѣ.

9. Наконецъ, въ собственной Литовской землѣ гораздо болѣе, тѣмъ въ другихъ областяхъ, возможенъ былъ надзоръ и контроль по веденію господарскаго хозяйства.

10. Въ русскихъ областяхъ великаго княжества дворцовое княжеское хозяйство возникло еще ранѣе литовскаго владычества, какъ средство эксплуатаціи рабскаго труда.

11. При литовскихъ князьяхъ оно велось уже не только рабскимъ трудомъ, но и барщиннымъ трудомъ крестьянскаго населенія; но переходъ къ этому начался едва ли не ранѣе литовскаго владычества.

12. Въ изучаемое время господарское хозяйство въ русскихъ областяхъ великаго княжества не только не шло далѣе того, чего достигло въ удѣльное время, но замѣтно падало.

13. Причины тому—отчасти положеніе этихъ областей въ объединенномъ Литовско-Русскомъ государствѣ, затруднявшее контроль и надзоръ изъ центра, отчасти разоренія и опустошенія со стороны внѣшнихъ враговъ, при которыхъ поддержка и веденіе хозяйства становились часто не подъ силу даже собственной энергіи и заботливости частныхъ владѣльцевъ, а тѣмъ болѣе господарю, который велъ хозяйство заглавно и издалека, черезъ своихъ приказчиковъ (намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ).

14. Наименьшаго развитія господарское хозяйство достигло въ такъ называемыхъ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ и нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ ними, крестьянство (и мѣщанство) которыхъ состояло изъ данниковъ.

15. Благодаря промысловому приволью, которое представляли для здѣшняго, сравнительно немногочисленнаго населенія лѣса, рѣки и озера, крестьяне (и мѣщане) этихъ волостей долгое время оказывались въ состояніи уплачивать дань общему суммою, положенною на ихъ волости, и для господаря не было расчета переводить ихъ на барщинныя повинности, заводить собственное хозяйство, тѣмъ болѣе, что и окраинное положеніе этихъ волостей не благоприятствовало этому.

16. Въ Жмудской землѣ господарское хозяйство не дѣлало успѣховъ по сравненію съ удѣльною эпохою вслѣдствіе особаго политическаго положенія этой области: привилей Жмудской земли гарантировалъ ее отъ приумноженія господарскихъ дворовъ и дворцовъ и

оставилъ господара только при тѣхъ дворахъ и дворцахъ, которые существовали при Витовтѣ.

17. Господарское хозяйство полностью велось только въ четырехъ или пяти волостяхъ Жмудской земли; въ остальныхъ дворныхъ господарскихъ пашни сдѣланы достояніемъ старосты и тивуновъ, которые до 1527 года разработывали ихъ въ свою пользу барщиннымъ трудомъ мѣстныхъ господарскихъ крестьянъ, а за господаремъ оставались только сѣножатъ и оброчныя статьи: рѣки, озера, хмелища, пуши и т. д. Въ 1527 году барщинныя повинности Жмудскихъ крестьянъ въ пользу старосты и тивуновъ были отменены и замѣнены податью съ сохъ въ пользу господара и кормами въ пользу мѣстныхъ правителей.

18. Рабочую силу въ господарскомъ хозяйствѣ въ изучаемое время, какъ и въ предшествующее, составляла прежде всего господарская челядь невольная, паробки и жонки.

19. Челядь невольная получала свое содержаніе съ господарскаго двора въ видѣ такъ называемой мѣсячины; тѣ паробки, которые имѣли свои домки и „бонду“, а въ поляхъ „приробки“ получали и мѣсячины меньше.

20. Юридическое положеніе обоихъ разрядовъ дворной челяди было одинаковое, вопреки утвержденію г. Новицкаго.

21. Кромѣ челяди невольной, на господарской пашнѣ и дворѣ работали всегда, когда было нужно, господарскіе тяглые люди, называвшіеся въ Полоцкой землѣ пригонными.

22. Этотъ барщинный трудъ составлялъ главное содержаніе и признакъ тяглой службы, но не уплата дьякла, какъ думаетъ г. Бершадскій.

23. Дьякло платили и не тяглые крестьяне, и наоборотъ: тяглые люди не всегда платили дьякло.

24. Дьякло и мезлева въ томъ видѣ, въ какомъ они взимались при Казимирѣ и его сыновьяхъ, сильно напоминаютъ аналогичныя подати польскихъ крестьянъ и едва ли не были заимствованы литовскимъ правительствомъ у Польши.

25. Натуральные поборы, изъ которыхъ слагались дьякло и мезлева, по нѣкоторымъ признакамъ, существовали въ западной Руси и ранѣе сближенія съ Польшею; литовское правительство, вводя дьякло и мезлево по польскому примѣру, всего вѣроятнѣе, только распространило и приводило въ одному типу и нормѣ уже существовавшія натуральныя подати.

26. На подмогу челяди дворной и тяглымъ людямъ въ разгаръ сельскохозяйственныхъ работъ, т. е. во время пахоты, косьбы сѣна и жнитва выходили и другіе господарскіе крестьяне и даже мѣщане небольшихъ мѣстъ.

27. Эта повинность, называвшаяся толокою, варьировалась по мѣстностямъ и сообразно съ количествомъ другихъ повинностей, лежавшихъ на господарскихъ крестьянахъ и мѣщанахъ; чаще всего толока брала у крестьянской службы двѣнадцать дней въ году на пахоту и жнитво, не включая сюда сѣновозу, на который крестьяне и мѣщане также обязаны были ходить.

28. Кромѣ толоки, нетяглые господарскіе крестьяне и мѣщане въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, выполняли и разныя другія экстренныя работы по господарскому хозяйству.

29. По отдѣльнымъ мѣстностямъ и въ силу изыятій изъ общаго правила на толоку и на нѣкоторыя экстренныя работы по господарскому хозяйству выходили и частновладѣльческіе крестьяне, вообще отъ всего этого освобожденные.

30. При эксплуатаціи различныхъ угодій господарское хозяйство пользовалось трудомъ особыхъ разрядовъ крестьянъ, которые появились вмѣстѣ съ развитіемъ этой эксплуатаціи и по большей части занимали отдѣльное отъ тяглыхъ людей положеніе.

31. Эксплуатація лѣсныхъ угодій на господаря создала особые разряды господарскихъ бортниковъ, бобровниковъ, осочниковъ, лосцовъ, псарцовъ, сокольниковъ и т. д.

32. Эксплуатація пастбищъ вызвала къ жизни конюховъ, кобыльниковъ, ройтниковъ, коновормцевъ и лейтей.

33. Были особые разряды крестьянъ, которые несли свою службу по эксплуатаціи рѣкъ и озеръ на господаря.

34. Различныя спеціальныя потребности господарскаго хозяйства вызвали къ жизни и другія крестьянскія службы, какъ напр., сторожей, кухарей, садовниковъ, огородниковъ и т. д.

35. Всѣ эти разряды господарскихъ крестьянъ, несшіе свою службу по спеціальнымъ потребностямъ господарскаго хозяйства, имѣли свои земли и угодья, которыя разрабатывали въ свою пользу.

36. Кромѣ спеціальныхъ повинностей, всѣ они обыкновенно ходили на толоку, въ отдѣльныхъ случаяхъ и на другія работы по господарскому хозяйству, платили затѣмъ дякло, дань грошовую, медовую, бобровую, куничную, хотя общаго правила въ данномъ отношеніи не было.

37. Повинности и подати, составлявшія прибавленіе къ главной и специальной службѣ этихъ крестьянъ, сильно разнообразились сообразно съ тяжестью главной и специальной службы, съ величиною крестьянскихъ участковъ и мѣстною производительностью.

38. То же самое справедливо и въ отношеніи къ господарскимъ крестьянамъ другихъ наименованій и службѣ.

39. Нѣкоторые изъ разрядовъ господарскихъ крестьянъ, несшихъ специальную службу по эксплуатаціи угодій на господаря, занимали по сравненію съ тяглыми людьми высшее положеніе и экономическое, и юридическое. Это видно, напр., изъ того, что они обязаны были ходить на войну и оплачивались болѣе высокою головщиною. Таковы были, напр., осочники, псарцы, совольники и т. д.

40. Для своихъ потребностей господарское хозяйство пользовалось, кромѣ того, специалистами и ремесленниками, существовавшими среди крестьянъ и мѣщанъ независимо отъ этихъ потребностей; таковы были, напр., ковали, клепачи, рогатинники, дойлиды, санники, бондари, судники, вравцы, муралы, стрихари, меловники, гончары, кожемяки, лучники, стрыменники и т. д.

41. Эти специалисты и ремесленные люди платили господарю или трудомъ по своей специальности, или же издѣліями (напр., рогатинники и стрыменники); кромѣ того, они ходили на толоку и несли, какъ уже сказано, и другія повинности, а также и подати.

42. Экономическое и юридическое положеніе „ремесныхъ“ людей было высшее по сравненію съ положеніемъ тяглыхъ людей, такъ какъ они обыкновенно подлежали военной повинности, и головщина ихъ была выше головщины простыхъ мужиковъ, или тяглыхъ людей.

43. Такое положеніе ихъ обозначилось уже ранѣе литовскаго владычества, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Русская Правда.

44. Изъ этого слѣдуетъ, что тяглые люди вели свое происхожденіе по прямой линіи отъ того класса сельскаго населенія, который обозначенъ въ Русской Правдѣ подъ именемъ смердовъ и отъ котораго также отличены „ремесльняники“.

45. Кромѣ тяглыхъ людей, отъ „смердовъ“ вели, по всѣмъ даннымъ, свое происхожденіе данники, которые въ актахъ ивучаемаго времени отличаются обыкновенно отъ тяглыхъ людей.

46. Этими именемъ обозначаются обыкновенно крестьяне, платившіе дань грошовую или серебряную, медовую, бобровую и куничную натурою или деньгами.

47. Данники называются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ куничниками, а въ южныхъ повѣтахъ Кіевской земли ясачниками.

48. Къ этому же разряду близко подходят, хотя и не называются именемъ данниковъ, люди дякольные, пшеничники, рыболовы, солоники, угольники, дегтари и млынари, платившіе подати произведеніями своего хозяйства и промысловъ.

49. Господарскіе данники и другіе близко стоящіе къ нимъ разряды крестьянъ, кромѣ даней и другихъ податей, обыкновенно ходили на толоку, косили сѣно на господаря и исправляли нѣкоторыя другія работы по господарскому хозяйству, хотя не всѣ и не во всѣхъ мѣстностяхъ Литовско-Русскаго государства.

50. На толоку ходили и сѣно косили на господаря даже и господарскіе слуги разныхъ наименованій, отправлявшіе военную службу и вербовавшіеся изъ зажиточнаго крестьянства.

51. По своему экономическому и юридическому положенію слуги представляли классъ переходный между крестьянами и боярами. Хотя они были сами землевладѣльцами, но часто владѣли такими имѣньями, которыя давали имъ возможность имѣть челядь и крестьянъ; лично они были всегда свободны и могли, когда хотѣли, сойти съ своихъ земель, не были, слѣдовательно, „невольными селянскими людьми“ или, какъ иначе выражаются акты, „непохожими“.

52. Хотя имѣнья слугъ обыкновенно превышали своими размерами участки тяглыхъ и другихъ крестьянъ, но въ данномъ случаѣ не было какаго либо общаго правила, въ силу котораго слуги обязательно имѣли земли, въ нѣсколько разъ превышавшія участки обыкновенныхъ, рядовыхъ крестьянъ, вопреки утвержденію г. Бершадскаго.

53. Въ слуги попадали люди тяглые и крестьяне другихъ службъ, отличавшіеся зажиточностью; если слуги бывали болѣе крупными землевладѣльцами, то этотъ фактъ, очевидно, былъ послѣдствіемъ, а не первоначальной причиною ихъ зажиточности, причиною, а не слѣдствіемъ ихъ служебнаго положенія.

54. Наиболѣе многочисленный разрядъ слугъ составляли слуги или люди путные, спеціальною новинностью которыхъ былъ „путь“ или „листовная служба“, т. е. разъѣзды по разнообразнымъ порученіямъ мѣстнаго уядника.

55. Число ихъ въ изучаемое время превышало служебныя потребности господарскихъ судебно-административныхъ центровъ, и изъ нихъ сталъ выдѣляться особый разрядъ люлей „служебныхъ“, а за остальными названіе путныхъ слугъ удерживалось по простой традиціи.

56. Главная повинность путныхъ слугъ въ изучаемое время, можно сказать, была военная.

57. Путные слуги въ Полоцкой землѣ назывались сельскими путниками; повидимому, и слуги поселскіе, встрѣчающіеся по актамъ въ Полѣсьѣ, Волини и Кіевской землѣ были то же, что и путные слуги.

58. Кромѣ путныхъ слугъ, по разнымъ мѣстностямъ Литовско-Русскаго государства существовали слуги господарскіе панцырные, щитные, доспѣшные и конные.

59. Эти названія, указывающія на родъ вооруженія и снаряженія на войну, удерживались часто по простой традиціи, а на дѣлѣ специализація военной службы проводилась не строго.

60. Всѣ перечисленные разряды господарскихъ крестьянъ составляли обыкновенно господарскую волость въ тѣсномъ смыслѣ и называются въ актахъ людьми волостными въ противоположность мѣщанамъ и боярамъ, мужами и мужиками.

61. Слуги, впрочемъ, иногда не входятъ въ соозначеніе волостныхъ людей и отличаются отъ нихъ, такъ какъ и своими повинностями они не всегда были связаны съ волостью (когда служили одну военную службу).

62. Въ Полоцкой землѣ въ разряду путныхъ слугъ близко подходили мѣщане, купившіе земли у бояръ, сельскихъ путниковъ, данниковъ и пригонныхъ людей: они должны были служить съ этихъ земель путную, или военную, службу.

63. Въ другихъ областяхъ великаго княжества съ земель, приобрѣтенныхъ за мѣстскою чертою, мѣщане обязывались служить ту же службу, какая и прежде шла съ этихъ земель; однако, какъ зажиточные люди, мѣщане часто переводились съ крестьянскихъ службъ на военную.

64. Объектами обложенія барщяннымъ трудомъ, военной повинностью и податями въ Литовско-Русскомъ государствѣ служили тѣ земельныя единицы, которыя даны были въ теченіи времени естественнымъ развитіемъ семейно-родовой коопераціи и совладѣнія крестьянъ.

65. Эти земельныя единицы состояли изъ пахотныхъ земель, сѣножатей и различныхъ угодій; съ ними неразрывно связаны были различныя „ухожан“, „входы“ или „вступы“ въ общественныхъ крестьянскихъ, господарскихъ и частновладѣльческихъ лѣсахъ, рѣкахъ и озерахъ.

66. Въ собственной Литовской землѣ, въ Жмуди, въ земляхъ Полоцкой и Витебской эти земельныя единицы по актамъ называются обыкновенно просто „землями“ съ прозвищемъ, произведеннымъ отъ

имени владѣльца, или же съ прибавленіемъ собственнаго имени географическаго урочища.

67. Въ Волынской землѣ и Полѣсьѣ эти земельныя единицы назывались „дворищами“; въ Смоленской землѣ и въ повѣтахъ ея пригородовъ, а также въ повѣтахъ, входившихъ въ составъ Смоленской земли ранѣе литовскаго владычества, — „сельцами“ и „селищами“; въ Берестейско-Подляшской области — „жеребьями“. Селищами въ актахъ называются иногда крестьянскія земельныя единицы также и въ земляхъ Витебской и Кіевской; названіе „селище“ замѣняетъ собою иногда въ актахъ терминъ „дворище“.

68. Названіе „дворище“ указываетъ на то, что эта земельная единица дана была коопераціею и совладѣніемъ крестьянской семьи или рода, жившаго на одномъ дворѣ.

69. Названіе „селище“ указываетъ на разбросанность и дробность поселеній крестьянскихъ семей или родовъ, жившихъ другъ отъ друга особнякомъ и составлявшихъ особыя сельца.

70. Такимъ образомъ, разбросанность и дробность поселеній, которую можно замѣтить въ нѣкоторыхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства въ изучаемое время, не были послѣдствіемъ введенія волочной системы, вопреки утвержденью г. Иловайскаго.

71. Волочная система въ изучаемое время вводилась исподоволь на Подляшьѣ, преимущественно на опустѣвшихъ земляхъ или же на новѣхъ, и пока еще не вытѣснила стариннаго дѣленія крестьянскихъ земель на жеребья.

72. Названіе „жеребей“ указываетъ на первоначальный дѣлежъ земли, производившійся между крестьянскими семьями или родами, селившимися вмѣстѣ; но получавшіеся при первоначальномъ дѣлежѣ удобной земли участки съ теченіемъ времени увеличивались нивами, которыя разрабатывали крестьянскія семьи въ сосѣдней пущѣ, и различными „входами“, которые онѣ также приобрѣтали по сосѣдству на незанятыхъ угодьяхъ, и жеребья становились разнообразными и по размѣрамъ, и по доходности.

73. За исключеніемъ волокъ, и всѣ остальные крестьянскія земельныя единицы не были равны ни по своимъ размѣрамъ, ни по доходности, такъ какъ онѣ не были результатомъ искусственной разверстки земель а результатомъ первоначальнаго захвата или дѣлежа и дальнѣйшихъ разработокъ и приобрѣтеній со стороны крестьянскихъ семей или родовъ.

74. Впрочемъ, по отдѣльнымъ районамъ существовала известная средняя величина, къ которой вышеуказанныя земельныя единицы бо-

лѣ или менѣе приближались, что и дало возможность сдѣлать ихъ единицами обложенія барщиннымъ трудомъ и военною повинностью.

75. Эта средняя величина вытекла также изъ самаго происхожденія этихъ земельныхъ единицъ, обусловилась тѣмъ среднимъ количествомъ членовъ, которыхъ могла содержать въ себѣ при тогдашнихъ условіяхъ хозяйственная, семейно-родовая ассоціація крестьянъ.

76. Неравенство тягостей, которое возникало при обложеніи крестьянъ, владѣвшихъ не вполне равными участками, барщиннымъ трудомъ и военною повинностью, уравнивалось тѣмъ, что одни крестьяне платили лишнія подати, а другіе—наоборотъ: не доплачивали вполнѣ того, что полагалось платить ихъ разряду, или же не несли нѣкоторыхъ барщинныхъ повинностей.

77. Подати, которыя шли съ крестьянскихъ земельныхъ единицъ, опредѣлены были стариною, обычаемъ, и еще болѣе разнообразились въ своихъ размѣрахъ, чѣмъ барщинныя и разныя другія повинности, хотя и тутъ по отдѣльнымъ районамъ можно подмѣтить извѣстную среднюю величину ихъ для болѣе или менѣе значительнаго количества крестьянскихъ единицъ.

78. Семейно-родовая кооперация и совладѣніе крестьянъ не только дали Литовско-Русскому государству земельныя единицы для тягло-податнаго и военнаго обложенія, но продолжали быть живыми силами, которыя въ изучаемое время выполняли требованія этого обложенія: вышеуказанныя земельныя единицы находились по большей части во владѣніи и пользованіи крестьянскихъ семей и родовъ, которые и несли съ нихъ сообща разнообразныя службы государю (или пану).

79. Крестьянскія семьи и роды владѣли и пользовались землями и угодьями или сообща, или раздѣльно, но службу служили сообща; общее владѣніе и раздѣльное существовали рядомъ и часто заступали одно другое.

80. Части подѣленныхъ земельныхъ единицъ со всѣми ихъ угодьями и „ухозяями“ назывались „слѣдами“, а въ Смоленской землѣ „вытями“.

81. Крестьянскія семьи или роды въ тѣхъ случаяхъ, когда были не въ состояніи осилить эксплуатаціи всей земли и угодій и служить съ нихъ полностью службу, принимали въ себѣ въ долю постороннихъ людей, которые пользовались извѣстною частью земли и угодій и соотвѣтственно съ тѣмъ помогали имъ въ службѣ, были ихъ „чотужниками“.

82. Посторонніе люди, которыхъ крестьянскія семьи или роды добровольно принимали къ себѣ въ долю, не были владѣльцами въ этой долѣ.

83. Потужники становились владѣльцами въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ присаживало къ крестьянскимъ семьямъ и родамъ правительствомъ, или когда ихъ доли были слѣды, приобретенные ими покупкою у крестьянъ „отчичей“.

84. Потужники могли становиться и „сябрами“ крестьянъ отчичей, когда приобретали не выдѣленные части земель и угодій, а право общаго пользованія въ извѣстной долѣ: посторонніе люди въ такихъ случаяхъ становились членами товарищества, сообща владѣвшего и пользовавшагося землею и угодьями.

85. Паи сябровъ въ общемъ пользованіи не были равны, такъ какъ опредѣлялись числомъ преемниковъ у каждаго изъ сябровъ предшественниковъ.

86. Такимъ образомъ, и сябринное владѣніе нельзя назвать общиннымъ въ собственномъ смыслѣ.

87. Крестьянскія семьи и роды, и замѣнявшія ихъ товарищества, составлявшія село, владѣли нѣкоторыми землями и угодьями сообща и сообща пользовались ими.

88. Нѣкоторыя угодья сдѣлались общимъ достояніемъ села въ силу своей естественной недѣлимости. Таковы выгонъ около села, озеро, рѣка, лѣсъ съ бортными деревьями.

89. Общественныя пашни и сѣножати возникли или въ лѣсахъ, бывшихъ общимъ достояніемъ, или въ мѣстахъ, обойденныхъ при первомъ насажденіи культуры, при захватѣ и разработкѣ земель и угодій отдѣльными семьями или родами.

90. Появленіе ихъ относится къ тому моменту, когда опредѣлялась пространственная граница экономической культуры села, и когда для отдѣльных семей и родовъ являлась надобность обратиться къ разработкѣ незанятыхъ земель и угодій внутри этой границы.

91. Такой процессъ совершался не только въ давнопрошедшія времена, но и въ изучаемое время, потому что экономическая культура и въ изучаемое время не переставала расширяться, не переставала захватывать дѣйствительныя пущи и степи.

92. Такимъ образомъ, и общинное владѣніе селъ нѣкоторыми семьями и угодьями не было остаткомъ общиннаго владѣнія всѣми землями и угодьями, существовавшего будто бы въ отдаленныя времена, но простымъ результатомъ развитія экономической культуры и тягло-поданной исторіи селъ.

93. Такимъ же образомъ могли возникнуть общественныя земли и угодыя цѣлыхъ волостей.

94. Солидарность крестьянъ волости въ отношеніи повинностей могла установиться и при частномъ крестьянскомъ землевладѣніи и не есть слѣдъ общеволостныхъ правъ въ отношеніяхъ имущественныхъ, вопреки утверженью г. Владимірскаго-Буданова.

95. По крайней мѣрѣ, въ изучаемое время въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ, платившихъ дань общемо суммою, по раскладѣ на наличныхъ членовъ волости всей дани, приходившейся съ выбылыхъ и голтаевъ, господствовало частное землевладѣніе крестьянскихъ семей, родовъ и товариществъ.

96. Солидарность крестьянъ волости въ отношеніи повинностей, по всѣмъ даннымъ, есть результатъ политической исторіи крестьянства, а не исторіи землевладѣнія.

97. Эта солидарность въ изучаемое время сохранялась всего болѣе въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ, гдѣ мало развито было дворцовое хозяйство.

98. Крестьянство (и мѣщанство) этихъ волостей тяготилось, однако, солидарностью въ платежѣ дани, и правительство сдѣлало ему облегченіе, освободивъ отъ платежа дани съ пустошинъ, лежавшихъ далеко отъ селеній и мало разбиравшихся въ пользованіе.

99. Въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, гдѣ развилось дворцовое княжеское и потомъ господарское хозяйство, и гдѣ по волостямъ постоянно находились дворцовые урядники, крестьяне сообща, по раскладѣ на наличныхъ членовъ волости, несли немало повинностей. Таковы были подводная повинность, стаціи господарю, его посламъ и гонцамъ, городовыя и мостовыя работы и нѣкоторыя другія повинности.

100. вмѣстѣ съ дворцовымъ княжескимъ и потомъ господарскимъ хозяйствомъ долженъ былъ вырости правительственный обычай имѣть дѣло не съ волостью, а съ отдѣльными крестьянскими службами, или тяглами: дворцовое хозяйство привлекало къ своимъ работамъ крестьянскія силы не по цѣлымъ волостямъ, а по селамъ и деревнямъ, выдѣляло изъ массы крестьянства многочисленныя спеціальныя службы для удовлетворенія своихъ особыхъ потребностей или же пользовалось въ этихъ цѣляхъ существовавшими уже въ крестьянствѣ ремесленными людьми, выдѣляя ихъ опять таки изъ общей массы крестьянства въ особыя службы.

101. Такое же дѣйствіе оказывала и развивавшаяся параллельно съ тѣмъ раздача земель съ жившими на нихъ крестьянами, съ ихъ службами и податями, во владѣніе частнымъ лицамъ.

102. Съ утвержденіемъ правительственнаго обычая имѣть дѣло не съ цѣлыми волостями, а съ отдѣльными службами, или тягами, возникло и прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ.

103. Это прикрѣпленіе не коснулось, однако, высшаго слоя земледѣльческаго населенія—„слугъ“ и нѣкоторыхъ разрядовъ „ремесленныхъ“ людей, отправлявшихъ военную службу и представившихъ классъ полугородской и полусельскій.

104. Въ отношеніи ихъ и въ изучаемое время сохранялась старинная традиція, рассматривавшая ихъ, какъ людей „вольныхъ похожихъ“.

105. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ въ господарскихъ волостяхъ не было, однако, безусловнымъ, а носило обязательственный характеръ: крестьяне были прикрѣплены къ землѣ настолько, насколько пребываніемъ своимъ обусловливали исправность лежавшей на землѣ службы.

106. Вслѣдствіе этого отъ класса людей „непохожихъ“ отделились постоянно люди „вольные похожіе“. Это были крестьяне, продавшіе свои земли съ разрѣшенія господара другимъ, которые принимали на себя и ихъ обязательства, или выпущенные на волю своими родичами и потужниками, которые брались колнить за нихъ службу.

107. Обработанная и годная для культуры земля съ угодами обладала въ то время такую цѣнность, что такіе случаи были возможны, какъ о томъ свидѣлствуютъ и акты изучаемаго времени.

108. Но и помимо этого, въ силу экономическихъ причинъ, прикрѣпленіе крестьянъ въ господарскихъ волостяхъ, не могло быть строгимъ.

109. Прикрѣпленные de jure къ землѣ крестьяне, объидѣвъ и не будучи въ состояніи служить службу господарю, покидали свои отчины, расходились по людямъ кормиться или отработывать свой долгъ, или же присаживаться къ кому-нибудь въ долю.

110. Таковы были наймиты, закупы, люди въ пенязѣхъ, дольнички и потужники.

111. Правительство рѣдко возвращало ушедшихъ крестьянъ на ихъ отчины въ надеждѣ, что они со временемъ вернуться на покинутыя земли, и за невозможностью поднимать ихъ экономически.

112. Такая политика находила себѣ поддержку и въ стремленіяхъ самого крестьянства возвращаться на покинутыя отчины и вообще удерживать ихъ въ свдемѣ владѣніи.

113. Средствомъ для этого была также продажа и запродажа (сдача на аренду) крестьянами своихъ земель и угодій по частямъ.

114. Правительство разрѣшало эти сдѣлки въ надеждѣ, что они помогутъ крестьянамъ вывернуться изъ нужды и исправно отбывать свою службу.

115. Объединѣвшіе и обезсилившіе крестьяне съ разрѣшенія правительства продавали и цѣликомъ свои отчины.

116. Продажа и запродажа крестьянами земель и угодій не можетъ служить доказательствомъ, что землевладѣльческое право крестьянъ было то же, что у другихъ сословій, что утверждаетъ г. Новицкій.

117. Эта продажа и запродажа совершалась подъ контролемъ и разрѣшеніемъ правительства и столько же въ интересахъ послѣдняго, сколько въ интересахъ самихъ продавцовъ.

118. Крестьянское землевладѣніе не было обставлено такими гарантіями, какъ шляхетское-боярское и мѣщанское, и государь могъ отбирать земли у крестьянъ, когда ему было угодно, чего не могъ онъ дѣлать въ отношеніи бояръ-шляхты и мѣщанъ.

119. Землевладѣльческія права крестьянъ существовали не въ ихъ отношеніи къ государю, а въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу и къ землевладѣльцамъ другихъ сословій.

120. Крестьяне, долгое время не возвращавшіеся на свои отчины, въ силу давности и вслѣдствіе того, что отчины ихъ тѣмъ временемъ могли быть осажены прихожими людьми, становились вольными похожими.

121. Обязательственный характеръ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ въ господарскихъ волостяхъ, стремленіе крестьянства къ удержанію своихъ отчинъ, сильныя ограниченія прикрѣпленія со стороны экономическихъ факторовъ даютъ право предполагать, что прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ *de jure* должно было легко и незамѣтно установиться, на почвѣ административной практики, ибо это прикрѣпленіе не производило, въ особенности на первыхъ порахъ, рѣзкихъ измѣненій въ быту и положеніи крестьянства.

122. Сообразно съ этимъ, и общеземскій привилей 1457 года не былъ первымъ шагомъ къ водворенію крѣпостнаго права на Руси Литовской,—вопреки утвержденію г. Иловайскаго,—ибо онъ предполагаетъ уже существованіе людей навѣчныхъ селянитыхъ, или непохожихъ.

123. За вышеупомянутыми исключеніями, непохожими людьми стали признаваться всѣ крестьяне „отчичи“, т. е. получившіе землю по наслѣдству отъ отцовъ, и люди „засѣдѣлые“, пробывшіе на сво-

нихъ земляхъ долгое время (по нѣкоторымъ даннымъ, свыше десяти лѣтъ).

124. Такое утвержденіе права на крестьянскій трудъ въ силу давности не было единичнымъ фактомъ, но однимъ изъ частныхъ проявленій общаго принципа литовско-русскаго права, въ силу котораго давность, старина была источникомъ права.

125. Задолженность крестьянства не способствовала прикрѣпленію его въ силу давности, вопреки утвержденію г. Леонтовича: она создавала такія формы зависимыхъ отношеній крестьянъ (закупы, люди въ пѣнзѣхъ), которые исключали дѣйствіе принципа давности.

126. Сообразно съ тѣмъ характеромъ, который имѣло прикрѣпленіе къ землѣ крестьянъ-отчичей, ихъ происхожденіе нельзя отнести вмѣстѣ съ г. Антоновичемъ насчетъ челядинцевъ.

127. Для такого предположенія, кромѣ того, нѣтъ никакихъ фактическихъ основаній въ источникахъ.

128. Точно также нельзя съ г. Антоновичемъ противопоставлять отчичей даннымъ, ибо и данники были отчичами и людьми непохожими.

129. Съ другой стороны, въ Подиѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ, платившихъ дань общемою суммою, отчичи, которые были данниками, не были людьми непохожими.

130. Такъ продолжалось въ теченіе изучаемаго времени; вскорѣ послѣ изданія Статута 1529 года и данники Подиѣпрскихъ волостей стали людьми непохожими, такъ какъ правительство въслѣдствіе разныхъ причинъ и здѣсь принуждено было имѣть дѣло съ отдѣльными крестьянскими службами.

131. Вышеприведенными положеніями опровергается также и утвержденіе г. Владимірскаго-Буданова, что будто бы „несомнѣнно громадное вліяніе нѣмецкаго права въ Литвѣ (а именно волочной системы хозяйства и строгаго отдѣленія городскихъ состояній отъ сельскихъ) на равнее и повсемѣстное прикрѣпленіе, а равно и на внутреннюю строгость этого права“. Волочная система хозяйства, какъ выше было указано, распространялась въ изучаемое время не только на Подляшѣ, прикрѣпленіе крестьянъ было не повсемѣстное, а о внутренней строгости права въ отношеніи къ господарскимъ крестьянамъ не можетъ быть пока и рѣчи.

132. Нѣмецко-польское право имѣло вліяніе на судьбу крестьянъ и въ изучаемое время, но только не господарскихъ, а частновладѣльческихъ, и притомъ не тѣми сторонами, на которыя указываетъ г. Владимірскаго-Будановъ.

133. Его вліяніе тѣсно связано съ распространеніемъ тѣхъ шляхетскихъ правъ и привилегій, которыя г. Владимірскій-Будановъ вывелъ изъ нѣмецкаго *jus ducale*.

134. Эти права и привилегіи и сообщали прикрѣпленію частновладѣльческихъ крестьянъ „внутреннюю строгость“, иначе говоря — личный характеръ, такъ какъ почти совершенно прѣрвали связь частновладѣльческихъ крестьянъ съ господаремъ.

135. Обязательства частновладѣльческихъ крестьянъ по отношенію къ господарю состояли въ подводной повинности и стаціяхъ на господара, пословъ и гонцовъ, въ городской и мостовой работѣ и, наконецъ, въ платежѣ серебщины и другихъ, равныхъ съ нею по значенію, податей на военныя издержки; но по отношенію ко всѣмъ этимъ повинностямъ господарь имѣлъ дѣло не съ крестьянами частновладѣльческими непосредственно, а съ ихъ владѣльцами.

136. Въ силу изъятій изъ общаго правила частновладѣльческіе крестьяне освобождались даже и отъ этихъ повинностей; впрочемъ, въ видѣ исключеній изъ общаго правила, они несли по отдѣльнымъ мѣстностямъ и разныя другія повинности въ пользу господара, между прочимъ и по господарскому хозяйству.

137. На Руси, вошедшей въ составъ великаго княжества Литовскаго, для управленія дворцовымъ княжескимъ хозяйствомъ, для суда и управы и для сбора различныхъ княжескихъ доходовъ назначались по волостямъ большею частью „тивуны“.

138. Прототипомъ ихъ были тивуны огнищные Русской Правды.

139. Литва заимствовала эту должность у Руси, и первое время послѣ соединенія съ Русью по пригородамъ и волостямъ ея также сидѣли большею частью тивуны изъ молодыхъ и незначительныхъ княжескихъ дворянъ.

140. Но съ теченіемъ времени, когда возрасли въ числѣ и политическомъ вліяніи знатные бояре, съ конца XIV вѣка именовшіеся панами, не надобилось сажать на мѣста тивуновъ знатныхъ лицъ, для которыхъ названіе „тивунъ“ было неподходящимъ, и которые стали именоваться намѣстниками, позже державцами.

141. Однако, въ центрахъ волостей, гдѣ было развито господарское хозяйство, и послѣ того встрѣчаемъ тивуновъ. Но это были уже тивуны, назначавшіеся намѣстниками-державцами изъ челяди дворной или мѣстныхъ крестьянъ для надзора за барщинными работами и для береганія господарскаго добра; такіе тивуны были и въ другихъ дворахъ и дворцахъ, существовавшихъ въ данной волости или повѣтѣ.

142. Прототипомъ ихъ были тивуны сельскіе или ратайны Русской Правды.

143. Къ концу изучаемаго времени тивуны въ качествѣ самостоятельныхъ волостныхъ правителей остались только въ Жмудской землѣ.

144. Намѣстники - державцы, заступавшіе собою волостныхъ тивуновъ тамъ, гдѣ было развито господарское хозяйство, тѣмъ самымъ дѣлались главными дворцовыми приказчиками.

145. Разъ созданъ такой типъ намѣстника, онъ легко могъ распространяться всюду, гдѣ существовало господарское хозяйство, и значеніе дворцовыхъ приказчиковъ могли получать и намѣстники, не имѣвшіе въ качествѣ предшественниковъ тивуновъ.

146. Древній типъ намѣстника лучше всего сохранился въ волостяхъ, гдѣ не было господарскаго хозяйства, и крестьянское населеніе состояло изъ данниковъ.

147. Таковы были волости, раздававшіяся въ русскихъ земляхъ мѣстнымъ боярамъ въ держанье по годамъ.

148. Въ большинствѣ же волостей намѣстники вышеуказаннымъ путемъ получили значеніе дворцовыхъ приказчиковъ и близко подошли въ этомъ къ польскимъ старостамъ.

149. Такое сближеніе было, слѣдовательно, результатомъ мѣстнаго историческаго процесса и не вызвано было вліяніемъ идей польскаго устройства мѣстнаго управленія.

150. Значеніе намѣстниковъ-державцевъ, какъ дворцовыхъ приказчиковъ, всего рѣзче выступаетъ по аетамъ, въ собственной Литовской землѣ.

151. Въ качествѣ дворцовыхъ приказчиковъ намѣстники-державцы вели экономію и отчетность по гумнамъ и житницамъ господарскихъ дворовъ и дворцовъ.

152. Учитывать намѣстниковъ-державцевъ на мѣстѣ посылались два раза въ годъ писари; общій учетъ писарямъ и намѣстникамъ-державцамъ по Виленскому и Троцкому повѣтамъ производили воеводы Виленскій и Троцкій съ подскарбіемъ земскимъ и маршалкомъ дворнымъ.

153. Извѣстный надзоръ и контроль по господарскому хозяйству въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ принадлежалъ и воеводамъ.

154. Средствомъ для контроля служили между прочимъ инвентари, составлявшіеся при отдачѣ господарскаго двора съ волостью въ держанье или „въ заставу“.

155. По содержанію господарскихъ конныхъ заводовъ и табуновъ намѣстники - державцы Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ поставлены были подъ контроль конюшихъ дворныхъ.

156. Хозяйственные постройки и ремонтъ на господарскихъ дворахъ и дворцахъ производились по распоряженіямъ и подъ главнымъ надзоромъ намѣстниковъ-державцевъ.

157. На ихъ же обязанности было и поддержаніе земледѣльческаго и всякаго другого инвентаря на господарскихъ дворахъ.

158. Кромѣ того, на ихъ заботѣ лежало и обезпеченіе господарскаго хозяйства необходимымъ крестьянскимъ трудомъ въ формѣ тяглыхъ и специальныхъ службъ.

159. Поэтому пожалованья крестьянъ изъ состава господарской волости рѣшались окончательно по заявленью намѣстниковъ - державцевъ, что пожалованье двору господарскому „не шкодно“.

160. Поэтому же намѣстники-державцы отмѣняли иногда пожалованья господаря и замѣняли ихъ другими или же дѣлали докладъ господарю о томъ, что пожалованье двору господарскому шкодно.

161. При пожалованьѣ земель и угодій подъ господарскими крестьянами намѣстники - державцы давали оставшимся безъ земель крестьянамъ пустощины въ предѣлахъ своего повѣта.

162. Крестьянамъ, у которыхъ отчины были почему-нибудь малы, намѣстники-державцы придавали земель и угодій либо изъ пустощинъ, либо изъ пущъ, чтобы они исправно могли служить свою службу господарю.

163. Наоборотъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне не могли справиться со всею своею землею и служить съ нею полностью службу господарю, намѣстники-державцы присаживали къ нимъ въ „дольнички“ вольныхъ похожихъ людей, становившихся ихъ „потужниками“.

164. Въ интересахъ господарскаго хозяйства и вообще получения наибольшаго количества доходовъ намѣстники - державцы осаживали пустощины вольными похожими людьми или же раздавали ихъ крестьянамъ, уже имѣвшимъ отчины, на особную службу.

165. Эти крестьяне большею частью принимали на себя и тѣ обязательства, которыя прежде лежали на землѣ.

166. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣ или другія издѣльные повинности не требовались по условіямъ мѣстнаго господарскаго хозяйства, крестьяне принимали землю на оброкъ или „на вроцѣ“.

167. Этотъ оброкъ въ западныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства назывался чиншемъ.

168. Иногда, по требованіямъ господарскаго хозяйства или же по другимъ соображеніямъ, намѣстники-державцы раздавали пустощины и на новую службу, не ту, которая шла прежде съ этихъ земель.

169. Но большею частью дѣятельность намѣстниковъ-державцев по организаціи крестьянскихъ службъ при раздачѣ пустошницъ совершалась въ предѣлахъ, очерченныхъ фактами прошлаго.

170. Извѣстная „старина“ въ данномъ случаѣ должна была утверждаться и сохраняться сама собою какъ въ интересахъ мѣстнаго господарскаго хозяйства, требовавшаго извѣстнаго постоянства повинностей съ волости, такъ и въ интересахъ самихъ крестьянъ, на которыхъ вслѣдствіе раздачи пустошницъ на новыя службы могли падать лишнія тягости.

171. Крестьянская „старина“ въ XV и началѣ XVI вѣка ужалась литовско-русскимъ правительствомъ, которое не успѣло еще проникнуться глубоко возрѣніемъ на крестьянина, какъ на безправнаго хлопа.

172. Намѣстники - державцы не могли измѣнять крестьянскихъ повинностей, облегчать однихъ крестьянъ и отягощать другихъ, и этии они должны были руководствоваться и при раздачѣ пустошницъ.

173. Распоряженія Сигизмунда I о переводѣ на оброкъ крестьянъ тяглыхъ и специальныхъ службъ, оказавшихся лишними для мѣстнаго господарскаго хозяйства, были крупною новостью въ политикѣ литовскаго правительства въ отношеніи къ крестьянству, такъ какъ ранѣе всѣ измѣненія въ сферѣ крестьянскихъ повинностей производились исподоволь и путемъ частныхъ мѣропріятій.

174. Распоряженія Сигизмунда вызваны были, вѣроятно, увеличеніемъ расходовъ скарба, которое стояло въ связи съ войнами и которое заставляло какъ можно болѣе брать съ крестьянъ и трудомъ, и податями.

175. Быть можетъ, оказалось при этомъ нѣкоторое несоотвѣтствіе между наличнымъ количествомъ тяглыхъ и специальныхъ крестьянскихъ службъ и дѣйствительными потребностями господарскаго хозяйства, происшедшее отъ сокращенія сего послѣдняго или несоразмѣрнаго съ его расширеніемъ приращенія тяглыхъ и специальныхъ крестьянскихъ службъ.

176. Во всякомъ случаѣ, приведеніе ихъ въ исполненіе должно было увеличить тяжесть крестьянскихъ службъ, не переведенныхъ на оброкъ, а, быть можетъ, и переведенныхъ.

177. Въ интересахъ господарскаго хозяйства и доходовъ намѣстники-державцы сводили съ частныхъ имѣній и возвращали на отчины господарскихъ непохожихъ людей.

178. По изложеннымъ выше причинамъ эта дѣятельность ихъ, однако, не получила большого развитія.

179. Гораздо большіе успѣхи имѣла дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по возвращенію крестьянъ на отчины разными льготами.

180. По работамъ, которыя производились на господарскомъ хозяйствѣ, намѣстникамъ-державцамъ принадлежало только общее руководство и надзоръ.

181. Непосредственное руководство и надзоръ принадлежали тивунамъ, которые назначались намѣстниками-державцами изъ челяди дворной или крестьянъ лучшихъ служебъ и находились по всѣмъ дворамъ и дворцамъ даннаго повѣта.

182. Эти тивуны были ближайшими помощниками намѣстниковъ-державцевъ по хозяйственно-административной дѣятельности и оберегателями господарскаго двора отъ покушеній на него всѣхъ, въ томъ числѣ и самого намѣстника-державцы.

183. Вслѣдствіе этого они обязаны были вѣдать всю наличность господарскихъ дворовъ и количество судебныхъ пошлинъ, и ихъ показанія были средствомъ для контроля самихъ намѣстниковъ-державцевъ.

184. Въ нѣкоторыхъ дворахъ помощниками намѣстниковъ-державцевъ были „понамѣстники“, стоявшіе выше тивуновъ, въ другихъ „подтивуны“, стоявшіе ниже.

185. На работы выгоняли крестьянъ собственныя крестьянскія власти, носившія по разнымъ мѣстностямъ Литовско-Русскаго государства разныя названія.

186. Въ собственной Литовской землѣ и Жмудской эти власти являются подъ именемъ „приставовъ волостныхъ и поселскихъ“; поселскіе пристава называются въ актахъ и „десятниками“.

187. Существованіе разныхъ степеней крестьянскихъ властей, кромѣ группировки крестьянской осѣдлости, объясняется тѣмъ, что повинностями крестьяне тянули и къ центральному двору волости или повѣта и къ мѣстнымъ дворамъ и дворцамъ.

188. Въ повѣтахъ, такъ называемой Черной Руси, слившейся въ изучаемое время съ собственною Литовскою, землею крестьянскія власти являются подъ именемъ „сотниковъ, сорочниковъ и десятниковъ“.

189. Сотники вѣдали крестьянъ всего повѣта, сорочники отдѣльныхъ волостей, десятники — подраздѣленій волостей, называвшихся „десятками“; въ Городенскомъ повѣтѣ вмѣсто десятниковъ по актамъ являются пристава.

190. Подобныя же крестьянскія власти существовали и въ Берестейско-Подляшской области; въ собственномъ Подляшѣ въ изучаемое время они замѣнялись войтами нѣмецко-польскаго типа.

191. Сотники и десятники существовали и въ земляхъ Кіевской и Чернигово-Сѣверской; въ нѣкоторыхъ повѣтахъ Кіевской земли со временъ татарскаго владычества въ качествѣ крестьянскихъ властей существовали „атаманы“.

192. Въ Смоленской землѣ волостные крестьянскіе старшины назывались „приказниками“ и „путниками“ (въ волостяхъ, называвшихся „путями“), а частями волостей завѣдывали десятники; въ Торопецкомъ повѣтѣ въ качествѣ волостныхъ властей были и „соцкіе“, и „старецъ“.

193. Въ волостяхъ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ и нѣкоторыхъ другихъ, состоявшихъ изъ данниковъ, волостныя власти назывались „старцами“.

194. Въ качествѣ низшихъ крестьянскихъ властей по волостямъ Полоцкимъ и на Полѣсь встрѣчаются десятники; въ качествѣ высшихъ, повидимому, тивуны, которые здѣсь совмѣщали значеніе низшихъ великокняжескихъ приказчиковъ и крестьянскихъ старшинъ; такъ же было, кажется, и на Волыни.

195. Крестьянскія власти въ изучаемое время назначались или самимъ господаремъ, какъ, напр., сотники въ Городенскомъ повѣтѣ, старцы въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ, или главнымъ правителемъ въ области, какъ, напр., пристава по волостямъ Жмудскимъ, назначавшіеся старостою, или же намѣстниками-державцами, какъ, напр., пристава въ волостяхъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ.

196. Крестьянскія власти при отправленіи своей должности получали различные доходы, вслѣдствіе чего подобно другимъ должностнымъ лицамъ платили тому, кто ихъ назначалъ, „челобитье“.

197. Сами крестьяне не выбирали своихъ должностныхъ лицъ; единственно, что можно утверждать, это—рекомендацію со стороны крестьянъ господарю или его урядникамъ, которые назначали изблѣнныхъ крестьянами лицъ.

198. Тѣмъ не менѣе, крестьянскія власти выступали передъ господаремъ или его урядниками представителями крестьянъ и поборниками ихъ интересовъ всякій разъ, когда эти интересы такъ или иначе нарушались, напр., когда мѣстные урядники вводили крестьянамъ различныя „новины“ и дѣлали различныя „кривды“, когда отъ крестьянъ „отнимались“ тѣмъ или другимъ путемъ ихъ „попечники“. несшіе одинаковыя съ ними повинности, вслѣдствіе чего остававшіися тяжелѣе было служить службу господарю и т. д.

199. Специализація крестьянскихъ службъ повела въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и къ специализаціи крестьянскихъ властей, которыя шли подъ собою крестьянъ только одной данной службы; таковы были, напр.,

сотники, сорочники и десятники въ повѣтахъ такъ называемой Черной Руси.

200. Но вообще крестьянскія власти имѣли подъ собою крестьянъ всѣхъ или нѣсколькихъ разрядовъ, существовавшихъ въ данномъ повѣтѣ или волости.

201. Впрочемъ, они вѣдали ихъ преимущественно въ отношеніи повинностей, бывшихъ болѣе или менѣе общими и мало, а быть можетъ, и вовсе не касались нѣкоторыхъ специальныхъ повинностей, которыми завѣдывали особые дворцовые урядники, напр., подконюшіе, гаевники, лѣсничіе, бобровничіе, сокольничіе, ловчіе, несшіе свои обязанности по эксплуатаціи угодій на господаря, или же слуги намѣстника-державцы, или же самъ онъ непосредственно.

202. Кромѣ выгона крестьянъ на работы, крестьянскія власти помогали намѣстникамъ державцамъ и въ сборѣ въ пользу господаря натуральныхъ и денежныхъ податей съ крестьянъ волости.

203. Эта обязанность легла на намѣстниковъ-державцевъ именно въ силу того, что въ этой должности слился древнерусскій намѣстникъ съ тивуномъ.

204. Одною изъ самыхъ распространенныхъ натуральныхъ податей было дябло, взимавшееся рожью (иногда пшеницей), овсомъ, сѣномъ, дровами и пентиниками (?) съ прибавкой куръ и яицъ; въ изучаемое время уже начался переводъ послѣднихъ статей (сѣна, дровъ, пентиниковъ, куръ и яицъ) на деньги.

205. Въ сборѣ дябла намѣстники-державцы были передаточною инстанціею между крестьянскими властями и городничимъ центральнаго замка области, куда поступало дябло на содержаніе „залогѣ“, или гарнизона.

206. Въ военное время дябло направлялось и въ замки другихъ областей; если же не было надобности содержать въ замкахъ залогѣ, дябловая рожь и овесъ продавались городничими, и деньги отсылались въ скарбъ.

207. Разумеетсяъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда резиденціею самого намѣстника-державцы былъ значительный замокъ, дябло не вывозилось изъ предѣловъ его повѣта.

208. Намѣстники-державцы до сдачи дябла городничему и сами городничіе расходовали дябловый хлѣбъ по господарскимъ ассигновкамъ.

209. вмѣстѣ съ дябломъ городничіе получали съ нѣкоторыхъ волостей еще „колодину“ и „глинныя пенязи“.

210. На ряду съ дьяломъ намѣстники-державцы собирали и отсылали до господара мезлеву яловицами, баранами, свиньями, курами и яйцами; въ отдѣльныхъ случаяхъ мезлева взималась и деньгами, а въ силу устава 1529 года это сдѣлалось общимъ правиломъ.

211. Въ Подиѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ взимались взаимѣнъ дьякла и мезлевы житщина и яловщина; аналогичною податью была и коневщина.

212. Къ числу натуральныхъ податей, собиравшихся намѣстниками-державцами въ пользу господара принадлежали и дань медовая, которую они отправляли до ключей центральныхъ городовъ областей, бобровая, куничная и бѣлочья, которую они отправляли въ скарбъ, поборы солью, рыбою, углемъ, рудою, льномъ, хмелемъ, санями, рогатинами и т. д., что по большей части шло на удовлетвореніе нуждъ мѣстнаго господарскаго хозяйства; взаимѣнъ натуры взимались и деньги по уставной цѣнѣ.

213. Намѣстники-державцы собирали и дань денежную для отсылки прямо въ скарбъ или же главному правителю области—воеводѣ.

214. Исключеніе представляли въ данномъ случаѣ только волости Подиѣпрскія, Задвинскія и нѣкоторыя другія, состоявшія изъ данниковъ.

215. За сборомъ дани въ эти и другія волости, гдѣ не было дворцоваго княжескаго хозяйства, въ старину вѣзжали данничіе.

216. При Витовтѣ Подиѣпрскимъ и Задвинскимъ волостямъ предоставлено было собирать дань чрезъ своихъ старцевъ и отсылать медовую дань до ключей центральныхъ городовъ Литовской земли (Витебской и Смоленской?), а остальную въ скарбъ.

217. Впослѣдствіи въ Подиѣпрскія и Задвинскія волости стали посылаться для взыскапія недоимокъ писари.

218. Съ освобожденіемъ Подиѣпрскихъ волостей отъ вѣзда писарей намѣстникамъ-державцамъ вѣнены въ обязанность надзоръ и контроль по сбору дани крестьянскими властями.

219. Намѣстники-державцы собирали въ пользу господара и оброки, которые установлены были взаимѣнъ разныхъ издѣльныхъ повинностей: осадное въ Виленскомъ и Троцкомъ повѣтахъ, платъ съ сохъ въ Жмудской землѣ, чиншъ въ западныхъ областяхъ, „врокъ“ или оброкъ“ въ восточныхъ, „сторожовщину“ и др.

220. Всѣ перечисленныя подати взимались большею частью въ опредѣленномъ, хотя и неравномъ количествѣ съ каждаго крестьянскаго участка, съ котораго шла служба господарю.

221. Исключеніе представляли волости Поди́прскія и Задви́нскія, съ которыхъ дань шла общео суммою, и въ которыхъ на наличныхъ плательщиковъ раскладывались всѣ недоимки съ отдѣльныхъ крестьянскихъ участковъ.

222. Такимъ образомъ, и дѣло крестьянскихъ властей усложнялось здѣсь „разметами“ этихъ недоимокъ по наличнымъ крестьянскимъ службамъ.

223. Натурою или деньгами собирали намѣстники-державцы и доходы съ различныхъ оброчныхъ статей господарскаго хозяйства: пенязи или медь съ крестьянскихъ пустощинъ, разбивавшихся въ пользованіе различными лицами „съ позему“ (въ Жмудской землѣ эти пенязи и меды назывались „отметями“), „куницы“, собиравшіяся ва то же самое, „пенязи куничные и поборные“, собиравшіяся за пользование господарскими лѣсными угодьями (въ нѣкоторыхъ повѣтахъ эти пенязи собирались особыми должностными лицами—гаевниками и лѣсничими), пенязи отъ ловленья рыбы въ господарскихъ рѣкахъ и озерахъ и т. д.

224. Такъ какъ оброчныя статьи господарскаго хозяйства сдавались въ аренду разнымъ лицамъ безъ различія сословій, то и крестьянскія власти едва ли помогали намѣстникамъ-державцамъ въ сборѣ этихъ доходовъ.

225. При помощи крестьянскихъ властей намѣстники-державцы собирали съ господарскихъ людей подати на военныя нужды.

226. Въ землѣ Кіевской и Подольской подать эта называлась „подымщиною“, въ землѣ Волинской, Подѣсьѣ и въ западныхъ повѣтахъ Кіевской земли „воловщиною“, въ Брянскомъ повѣтѣ „поголощинною“, въ Смоленской землѣ „посощиною“.

227. Эти названія заимствованы отъ различныхъ объектов первоначальнаго обложенія; при разнообразіи занятій и имущественной наличности и въ одной и той же области объекты первоначальнаго обложенія были различны, такъ что на ряду съ посощиною встрѣчаемъ, напр., подымщину (въ княжествѣ Мстиславскомъ), на ряду съ подымщиною—воловщину (на Волыни, въ Кіевской землѣ, въ Берестейско-Подляшской области).

228. Съ теченіемъ времени, однако, эти подати, какъ и всѣ другія, ложились на землю, такъ что по актамъ изучаемаго времени мы встрѣчаемъ воловщину, посощину и подымщину шедшими съ крестьянскихъ земель въ опредѣленномъ количествѣ.

229. Подымщина, воловщина и посощина были постоянными

податями и взимались сначала не только съ господарскихъ, но и частновладѣльческихъ крестьянъ.

230. Частные владѣльцы получили эти подати въ свою пользу сначала въ силу привилеевъ, дававшихся отдѣльнымъ лицамъ, а потомъ въ силу привилеевъ общихъ.

231. Въ Смоленской землѣ частные владѣльцы освобождены были отъ платежа господарю посочины съ своихъ крѣстьянъ въ силу земскаго привилея 1457 г., въ Подольѣ—отъ платежа подымщины въ 1507 г., въ Волынской землѣ—отъ платежа воловщины въ 1509 г., въ Кіевской землѣ—отъ платежа подымщины въ 1529 году.

232. Подати эти, по всѣмъ признавамъ, унаслѣдованы были Литовско-Русскимъ государствомъ отъ временъ подчиненія вышеупомянутыхъ областей татарамъ.

233. Въ другихъ русскихъ областяхъ Литва также, повидному, нашла дань, платившуюся татарамъ, или серебро, а затѣмъ, взявъ эту дань въ свое распоряженіе, распространила ее подъ именемъ серебряины и на собственную Литовскую землю, и на Жмудскую.

234. Подать эта расходовалась на оборону отъ татаръ и на другія военныя издержки, равно какъ и вышеупомянутыя равнозначительныя ей подати.

235. Со времени изданія общеземскаго привилея 1457 года серебряина изъ постоянной подати превратилась во временную, которая собиралась во время войнъ съ господарскихъ и частновладѣльческихъ крестьянъ по рѣшенію государя съ панами - радою на „вальныхъ соймахъ“.

236. Количество ея опредѣлялось всякій разъ сообразно съ нуждами по особой „уставѣ“.

237. Объектами обложенія были сохи воловыя и конскія; съ людей, не имѣвшихъ сохъ, но пользовавшихся землею или огородами серебряина взималась въ размѣрѣ меньшемъ, чѣмъ съ сохъ.

238. Изъ этого видно, что серебряина въ сущности была то же, что и воловщина, посочиная, подымщина и поголовщина.

239. Поэтому та же переменная, которая произошла съ 1457 года въ областяхъ, платившихъ серебряину, произошла нѣсколько позднѣе и въ другихъ областяхъ: хотя государь освободилъ частныхъ владѣльцевъ отъ платежа посочины, подымщины, воловщины, но за то они обязаны были платить теперь серебряину во время войнъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и владѣльцы въ областяхъ, издавна платившихъ серебряину.

240. Въ сборѣ серебщины съ частновладѣльческихъ крестьянъ намѣстникамъ-державцамъ помогали хоружіе; князья и паны, не служившіе военную службу подъ хоруговою повѣтовою, представляли серебщину въ скарбъ чрезъ своихъ намѣстниковъ.

241. На мѣста серебщина налагалась общею суммою, по совѣту пановъ-рады.

242. Общею суммою платили серебщину и крестьяне господарскіе и частновладѣльческіе въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ, сообща съ мѣщанами, и при томъ періодически на третій годъ.

243. На мѣста общею суммою налагалась и „ордынщина“, взиравшаяся едва ли не на уплату поминковъ Крымскому хану.

244. Господарскіе и частновладѣльческіе крестьяне Поднѣпрскихъ волостей платили ордынщину сообща съ мѣщанами въ тѣ года, когда не платили серебщины.

245. Намѣстники-державцы были передаточными инстанціями между мѣщанскими и крестьянскими властями и скарбомъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда серебщина и ордынщина взиравались общею суммою, и принимали извѣстное участіе въ сборѣ этихъ податей.

246. Кромѣ серебщины и равнозначительныхъ ей податей, частновладѣльческіе крестьяне на ряду, а иногда и сообща съ господарскими, давали „стаціи“ и подводы господарю, посламъ и гонцамъ.

247. Освобождались они отъ этихъ повинностей только въ силу частныхъ привилеевъ, пожалованныхъ господаремъ тому или другому владѣльцу.

248. Доставлять стаціи и подводы господарю, посламъ и гонцамъ было на обязанности намѣстниковъ-державцевъ.

249. Но собирались стаціи съ крестьянъ ихъ властями, которыя разметывали ихъ по волости, таеъ каеъ стаціи падали на волость общею суммою.

250. Эти разметы падали иногда и на крестьянъ частновладѣльческихъ, которые обязаны были помогать въ этомъ крестьянамъ господарскимъ; въ сборѣ стацій съ нихъ намѣстники-державцы, вѣроятно, должны были принимать большее участіе, чѣмъ въ сборѣ съ крестьянъ господарскихъ.

251. Отправленіе подводной повинности также вызывало „порубы“ и „пометы“, но большею частью не по всей волости, а только по частямъ ея, которыя держали подводы на готовѣ въ опредѣленныхъ пунктахъ по недѣлямъ.

252. Поэтому и для обозначенія подводной повинности употре-

блялось выраженіе „стеречь недѣли“, и самыя части волости, сообща отправлявшія подводную повинность, назывались „недѣлями“.

253. Это дѣленіе обнимало и частновладѣльческихъ крестьянъ.

254. Черезъ руки намѣстниковъ-державцевъ шли государю и поземельныя подати, собиравшіяся съ мѣщанъ ихъ мѣстскими властями или непосредственно самими намѣстниками-державцами.

255. Исключеніе представляли мѣщане Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостей, платившіе дань сообща съ волостными людьми: эту дань собирали съ нихъ общія власти мѣщанъ и крестьянъ—старцы (въ Торопецкомъ повѣтѣ соцкіе), которые и отправляли ее въ скарбъ и до ключей центральныхъ городовъ.

256. Кромѣ этихъ старцевъ, общими властями мѣщанъ и крестьянъ были атаманы въ Черкасскомъ повѣтѣ Кіевской земли.

257. Отдѣльныя мѣстскія власти появились въ Литовско-Русскомъ государствѣ вмѣстѣ съ распространеніемъ въ мѣстахъ магдебурскаго права.

258. Только старосты мѣстъ въ Смоленской землѣ и нѣкоторыхъ частяхъ ея, отдѣлившись отъ нея подъ литовскимъ владычествомъ, были плодомъ національнаго русскаго развитія.

259. Быть можетъ, прежде такіе старосты мѣстъ существовали и въ мѣстахъ другихъ русскихъ областей великаго княжества, вѣд свое происхожденіе отъ градскихъ старцевъ первоначальной мѣстописи, но въ изучаемое время старосты по актамъ встрѣчаются только въ мѣстахъ вышеупомянутыхъ.

260. Въ мѣстахъ, не получившихъ магдебурскаго права, мы либо совсѣмъ не видимъ особыхъ властей, кромѣ резидирующихъ въ нихъ господарскихъ урядниковъ и ихъ слугъ, либо встрѣчаемъ одні и тѣ же власти у крестьянъ и мѣщанъ.

261. Къ поземельнымъ податямъ мѣщанъ, кромѣ дани, относились: ясакъ, платившійся мѣщанами Кіевской земли, дякло и пенязи за дякломъ, которые давали мѣщане литовскихъ мѣстечекъ, подымщина въ Берестейско-Подляшской землѣ, и, наконецъ, чиншъ, который мѣщане платили деньгами и натурою съ размѣренныхъ волокъ въ той же Берестейско-Подляшской области.

262. При пожалованіи магдебурскаго права поземельныя подати вмѣстѣ съ другими „податками“ и повинностями замѣнялись иногда общею суммою, которую должно было уплачивать мѣсто.

263. Руками намѣстниковъ-державцевъ правительство собирало часто и второстепенные косвенные налоги.

264. Таковы были мыто „мостовое“ и „перевозъ“ (мыта рѣчныя), „помѣрное бочечное (съ продававшася на торгу зерна) и медовое“ (съ продававшася прѣснаго меда), „вага“ или „вѣсече“, „торговые пенязи“ (съ лавою), „куничное“ отъ домовъ, гдѣ пиво и медъ варятъ; или „капщина“, платъ съ шинкованья вина горѣлаго.

265. Сборъ всѣхъ этихъ пошлинъ иногда сдавался въ аренду, иногда уступался въ пользу мѣстской казны при пожалованьи мѣстамъ магдебурскаго права.

266. Намѣстники-державцы собирали и „корчомные пенязи“ съ корчомъ, существовавшихъ въ мѣстѣ, и отсылали ихъ въ скарбъ; впрочемъ, выбирать корчомные пенязи посылался иногда и дворянинъ изъ центра.

267. Корчомныхъ пенязей не платили тѣ лица, которымъ господарь въ видѣ жалованья за службу жаловалъ право имѣть корчмы вольныя.

268. Право держать корчмы въ данномъ мѣстѣ часто продавалось господаремъ частнымъ лицамъ, какъ монополія, на известное число лѣтъ; въ такомъ случаѣ корчомные пенязи вносились обыкновенно самими откупщиками въ скарбъ.

269. Продажа корчомной монополіи была однимъ изъ средствъ погашенія государственныхъ долговъ.

270. Въмѣстѣ съ корчомною монополіею продавались иногда и другія регалии, какъ, напр., воскобойни и суконныя постригальни; при пожалованьи мѣстамъ магдебурскаго права доходы съ нихъ обыкновенно уступались въ пользу мѣста.

271. Намѣстники-державцы ex officio не были сборщиками великихъ или старыхъ мытъ.

272. Эти мыта деньгами и товарами собирали на господаря особыя довѣренныя лица, или мытники, которымъ господарь давалъ держать мыто „въ вѣрной рудѣ“, и которые за свой трудъ собирали съ купцовъ „доходець“, называемый въ актахъ „обѣствою, узвѣствою, обѣсчимъ“.

273. Иногда, въ видѣ исключеній, господарь поручалъ собирать мыто „въ вѣрной рудѣ“ тому или другому намѣстнику-державцѣ.

274. Большею частью, однако, мыта сдавались на откупъ частнымъ лицамъ или цѣлымъ компаніямъ преимущественно изъ евреевъ, которые также назывались мытниками.

275. Сборъ мыта съ воска, главнаго предмета отпускнуой торговли, и съ соли, главнаго предмета привоза, производился деньгами

и товаромъ въ особыхъ, коморахъ, восковыхъ и соляныхъ, и отдѣльно отъ мыта съ другихъ товаровъ.

276. Этотъ сборъ производился „въ вѣрной руцѣ“ особыми должностными лицами, которые назывались „восковничими“ и „соленичими“, и которые за свой трудъ также получали „обѣстку“.

277. Иногда восковая и соляная коморы съ ихъ доходами сдавались на откупъ частнымъ лицамъ или компаніямъ преимущественно изъ евреевъ, иногда — „на выбиратье пенязей“ восковничимъ и соленичимъ, которые переплатили по господарскимъ ассигновкамъ болѣе, чѣмъ собрали.

278. Для сбора мыта на главныхъ дорогахъ и въ главныхъ мѣстахъ остановки купеческихъ каравановъ были устроены мытныя заставы, объѣзжать которые купцы не смѣли подъ страхомъ платежа „промыта“.

279. За этимъ слѣдили слуги мытниковъ, которые въ случаѣ надобности обращались къ мѣстнымъ урядникамъ, въ томъ числѣ и намѣстникамъ-державцамъ, и тѣ обязаны были оказывать имъ содѣйствіе и помощь.

280. Мытники на торговыхъ дорогахъ были обыкновенно подчинены главному мытнику, находившемуся въ городѣ, гдѣ эти торговые пути сходились или пересѣкались.

281. Такая организація существовала въ изучаемое время независимо отъ судебно административнаго и военнаго дѣленія областей.

282. Подводя итогъ тому, что сказано о значеніи и дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ въ господарскихъ мѣстахъ, ихъ можно назвать сборщиками господарскихъ доходовъ и финансовыми агентами господара, хотя это значеніе и дѣятельность получили здѣсь меньше развитія, чѣмъ въ волостяхъ.

283. Это значеніе перешло къ намѣстникамъ-державцамъ, всего вѣроятнѣе, отъ тивуновъ, которыхъ они замѣнили.

284. Въ силу этого значенія они обязаны были заботиться о полнотѣ платежныхъ силъ въ мѣстахъ, принимать мѣры къ устройству мѣстъ и замѣщенію пустыхъ мѣщанскихъ земель прибылыми людьми.

285. Эта дѣятельность должна была развиваться тѣмъ болѣе, что населеніе мѣстъ по свойству своихъ занятій было болѣе подвижное, чѣмъ въ селахъ, и de jure не было прикрѣплено къ землѣ.

286. Въ мѣстахъ съ магдебургскимъ устройствомъ мѣщанъ „осаживали“ войтъ и бурмистры, дѣйствуя и какъ агенты господарскіе, и

какъ агенты мѣста, которому отъ того легче становилось выплачивать разныя подати, взимавшіяся съ мѣста общею суммою.

287. Осѣдлость въ мѣстахъ устраивалась и въ цѣляхъ военныхъ: таковы были осадныя дворы, которые устраивали себѣ въ мѣстахъ, расположенныхъ около замковъ и огороженныхъ стѣнами, князья, паны, бояре и земляне на мѣщанскихъ усадьбахъ, приобрѣтенныхъ покупкою или въ силу пожалованья государемъ мѣщанскихъ пустовщинъ.

288. Кромѣ того, военнотружильные люди держали дворы въ мѣстахъ и на случай своихъ прїѣздовъ по дѣламъ.

289. Хозяйственный расчетъ также заставлялъ ихъ приобрѣтать дворы въ мѣстахъ: на подворьяхъ своихъ они держали слугъ и людей, которые занимались купечествомъ и ремесломъ и платили своимъ государямъ „поземъ“.

290. Въ приобрѣтеніи недвижимой собственности въ городахъ и мѣстахъ военнотружильные люди пользовались правительственнымъ посредничествомъ между прочимъ и намѣстниковъ-державцевъ, которые разрѣшали ихъ сдѣлки съ мѣщанами и дѣлали нужныя представленья и сообщенья государю.

291. Возведеніе и ремонтъ укрѣпленій въ резиденціяхъ намѣстниковъ державцевъ производились по распоряженіямъ и при надзорѣ намѣстниковъ-державцевъ.

292. Укрѣпленія, равно какъ и военныя дороги, строились и ремонтировались государскими и частновладѣльческими мѣщанами и крестьянами.

293. Укрѣпленія и дороги строились и ремонтировались обыкновенно по частямъ, по разверсткѣ между отдѣльными группами обязанныхъ къ тому мѣщанъ и крестьянъ.

294. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ правительство отпускало деньги на наемъ вольныхъ рабочихъ рукъ для постройки или ремонта укрѣпленій и дорогъ.

295. Намѣстники-державцы расходовали при этомъ и свои деньги, за что государь обыкновенно жаловалъ имъ какой либо изъ своихъ доходовъ или выдавалъ имъ привилей на держанье замка до живота.

296. Въ значительныхъ замкахъ, бывшихъ резиденціями намѣстниковъ-державцевъ, помощниками ихъ по постройкѣ укрѣпленій были городничіе.

297. Прототипомъ городничихъ были, очевидно, городники Русской Правды.

298. На обязанности намѣстниковъ-державцевъ была и организація „польной“ и замковой „сторожи“, каковую повинность несли мѣщане и крестьяне господарскіе и частновладѣческіе.

299. Въ окраинныхъ мѣстностяхъ на обязанности намѣстниковъ-державцевъ было и снаряженіе погони за непріателемъ, къ чему обязаны были всѣ мужчины, способные носить оружіе.

300. На войну намѣстники-державцы выводили изъ состава крестьянства слугъ и крестьянъ нѣкоторыхъ специальныхъ службъ, стоявшихъ и экономически, и юридически выше простыхъ мужиковъ, по ратнику съ каждой службы.

301. Кромѣ крестьянъ, на войну съ намѣстниками-державцами выходили и мѣщане со всего мѣста и „водлѣ уставы“.

302. Мѣщане, владѣвшіе земскими имѣньями внѣ мѣстской черты, независимо отъ этого отправляли военную службу на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и бояре-шляхта и земляне.

303. Одинаковымъ обязанностямъ соотвѣтствовали и одинаковыя землевладѣльческія права мѣщанъ, бояръ-шляхты и землянъ.

304. То же самое справедливо и относительно служившихъ татаръ.

305. Въ Черкасскомъ повѣтѣ Кіевской земли на войну съ намѣстниками-державцами ходили и землевладѣльцы—казаки.

306. Классъ этотъ, равнозначительный слугамъ, отложился здѣсь, по нѣкоторымъ признакамъ, вокругъ татарскаго ядра, т. е. составилъ изъ татаръ-казаковъ, не имѣвшихъ крестьянъ и съ теченіемъ времени обрусѣвшихъ, и русскихъ зажиточныхъ крестьянъ.

307. Высшій разрядъ военно-служившихъ людей, выходившихъ на ратное поле изъ повѣтовъ намѣстниковъ-державцевъ, составляли бояре и земляне.

308. Земляне существовали въ повѣтахъ Берестейско-Подляской области, въ землѣ Волинской и на Подольѣ, въ западныхъ повѣтахъ Кіевской земли, а спорадически и въ другихъ повѣтахъ Литовско-Русскаго государства.

309. Названіе землянъ постепенно усвоивали и бояре, существовавшіе въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, и въ Статутѣ 1529 года названіе „земянинъ“ уже почти совершенно вѣтѣснило названіе „бояринъ“.

310. Изъ актовъ изучаемаго времени видно, что и въ западныхъ областяхъ названіе „земянинъ“ замѣнило собою названіе „бояринъ“, которое по старой традиціи, впрочемъ, употребляется иногда и въ актахъ изучаемаго времени.

311. Поэтому для изучаемаго времени нельзя строго различать землянь и бояръ и утверждать вмѣстѣ съ г. Антоповичемъ, что земляне были выше бояръ, которые представляли классъ переходный отъ землянь къ сословіямъ мѣщанскому и крестьянскому.

312. Доля истины, заключающаяся въ утвержденъ г. Антоповича, состоитъ въ томъ, что земляне по общественному положенію были выше того низшаго слоя боярства, который не входилъ въ соизначеніе бояръ-шляхты.

313. Классъ литовско-русскихъ бояръ во времени сближенія Литовско-Русскаго государства съ Польшею былъ довольно сложнаго общественнаго происхожденія и состава.

314. Въ составѣ боярства былъ, вопервыхъ, высшій правительственный классъ, существовавшій въ собственной Литовской и русскихъ земляхъ въ удѣльное время; со времени сближенія съ Польшею классъ этотъ получилъ въ большей части названіе пановъ.

315. Названіе бояръ удерживалъ, кромѣ того, и военнотрудовой классъ, отложившійся при этомъ правительственномъ классѣ и называвшійся на Руси сѣверо-восточной дѣтьми боярскими.

316. Къ этому классу применили многіе изъ простолюди, которыхъ князья великіи и удѣльные перевели съ крестьянскихъ службъ на боярскую, т. е. на военную, и которые также стали называться боярами.

317. Этотъ низшій слой боярства остался въ шляхетства, идея котораго съ ея практическими послѣдствіями перешла въ Литовско-Русское государство изъ Польши.

318. Въ составъ бояръ-шляхты попали только тѣ, которые имѣли „клейноты“, т. е. документы, свидѣтельствующіе о принадлежности ихъ предковъ къ упомянутымъ высшему и среднему разрядамъ бояръ, или вообще какимъ нибудь образомъ могли доказать благородство своего происхожденія.

319. Въ западныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, куда приливали земляне изъ Польши, и русскіе бояре-шляхта мало по малу усвоили названіе землянь, какъ терминъ, болѣе опредѣленнымъ образомъ выражавшій ихъ общественное положеніе.

320. Всѣ военнотрудовые землевладѣльцы отправляли свою службу лично и съ извѣстнымъ количествомъ вооруженныхъ слугъ, сообразно съ размѣрами своихъ имѣній.

321. Хотя съ большаго количества земли должно было идти и больше ратниковъ на войну, но точнаго расчета въ данномъ случаѣ не было.

322. Точно такъ же разнообразились въ своихъ размѣрахъ и тѣ земельные участки, съ которыхъ владѣльцы отправляли боярскую службу только лично, ибо создавались болѣе искусственно, чѣмъ крестьянскіе участки.

323. Земли, съ которыхъ шли боярскія службы, обыкновенно находились въ общемъ или раздѣльномъ владѣніи семей и родовъ, которые служили съ нихъ службу сообща.

324. Бывали случаи, что землю сообща владѣли и отправляли съ нея военную службу и люди, не состоявшіе въ родствѣ другъ съ другомъ; съ точки зрѣнія землевладѣнія они были по отношенію другъ въ другу сыбрами, а съ точки зрѣнія военной службы бурсниками.

325. При королѣ Сигизмундѣ издавались сеймовыя постановленія, имѣвшія въ виду внести поправки и улучшенія въ старинную организацію отправленія военной службы съ земли.

326. Въ силу этихъ постановленій военнослужилые землевладѣльцы, имѣвшіе крестьянъ, должны были съ извѣстнаго количества крестьянскихъ служебъ выставлять ратника въ полномъ вооруженіи согласно сеймовой „уставѣ“.

327. Эти постановленія не разрушали, однако, стариннаго принципа службы съ земли, а имѣли въ виду въ массѣ войска создать отборный контингентъ, измѣняя его количество сообразно съ потребностями времени и экономическими силами военнослужаго класса.

328. Всѣ землевладѣльцы, имѣвшіе крестьянъ меньше установленнаго minimum'a или же не имѣвшіе ихъ вовсе, должны были все равно отправлять военную службу „водлѣ возможности своеѣ“.

329. Военная служба обязательно должна была идти со всякаго рода имѣній: съ отчинъ или дѣдинъ (прадѣдинъ), съ купленныхъ имѣній и пожалованныхъ до воли господарской, до живота и на вѣчность.

330. Съ этой стороны право владѣнія всѣми имѣньями было одинаково условнымъ, такъ какъ по закону всякій, кто переставалъ служить военную службу, терялъ свое имѣнье, каково бы у него ни было.

331. Различіе въ правѣ владѣнія перечисленными родами имѣній, вытекавшее изъ самого происхожденія ихъ, касалось времени владѣнія, а также распоряженія имѣньями.

332. Отчинами назывались имѣнья перешедшія по наслѣдству къ дѣтямъ отъ отца; если это наслѣдство шло отъ дѣда и прадѣда, отчины назывались также дѣдинами и прадѣдинами.

333. Этотъ типъ имѣній несомнѣнно существовалъ въ западной Руси еще до утвержденія въ ней литовскаго владычества; и въ са-

мой Литовской землѣ, по нѣкоторымъ даннымъ, онъ возникъ прежде, чѣмъ стало образовываться Литовско-Русское государство.

334. Обѣщанія Ягелла не отнимать у бояръ отчинныхъ имѣній, содержащихся въ земскихъ привилеяхъ 1387 и 1413 г., не устанавливали впервые права наследства отчинъ.

335. Тѣмъ не менѣе эти привилеи и послѣдующіе имѣли въ виду дать не простое формальное подтвержденіе того, что существовало изстари, а нѣкоторую дѣйствительную гарантію.

336. Есть основанія думать, что князья въ прежнее время непрерывно отбирали отчины у бояръ, такъ какъ считали боярскія земли, какъ и крестьянскія, своими.

337. Такое возрѣніе утвердилось вмѣстѣ съ обязанностью военной службы съ боярскихъ земель, съ переводомъ многихъ крестьянъ на боярскую службу и съ раздачею княжескихъ земель съ обязанностью этой службы.

338. Даже и въ изучаемое время, послѣ дарованья литовско-русскимъ боярамъ правъ польской шляхты, государь считалъ себя въ правѣ, не отнимая отчинъ у бояръ прямо, жаловать ихъ въ составѣ волостей князьямъ и панамъ: бояре въ такихъ случаяхъ должны были или повинуть свои отчины, или же служить новымъ панамъ.

339. Только такія имѣнія, которыя принадлежали ихъ владѣльцамъ съ полнымъ правомъ и панствомъ, составляли въ данномъ случаѣ исключеніе: государь не считалъ себя въ правѣ передавать свои права на нихъ частнымъ лицамъ, потому что все, что онъ могъ передать изъ своихъ правъ, было de facto и de jure уже передано владѣльцамъ этихъ имѣній.

340. Въ этомъ отличіе „пановъ“ отъ простыхъ бояръ, которое позволяетъ установить точный юридическій смыслъ соціального термина „панъ“.

341. Такое положеніе занялъ высшій правительственный слой литовско-русскаго боярства, состоявшій изъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

342. По существу дѣла появленіе землевладѣльцевъ съ полнымъ правомъ и панствомъ было ни чѣмъ инымъ, какъ перенесеніемъ правъ удѣльныхъ и служилыхъ князей на землевладѣльцевъ, не носившихъ княжескаго титула.

343. Такое перенесеніе въ единичныхъ случаяхъ могло совершаться и независимо отъ польскаго вліянія, напр., въ силу покупки имѣній у князей или наследованія имъ.

344. Кромѣ того, если вѣрить генеалогическимъ преданіямъ, нѣкоторыя панскія фамиліи прямо вели свое происхожденіе отъ князей

345. Такимъ образомъ, и контингентъ панства, и самый его типъ были даны мѣстнымъ литовско-русскимъ развитіемъ, а польское вліяніе распространило этотъ типъ и дало ему извѣстную окраску и названіе.

346. Среднему и низшему слою военнослужаго класса польское вліяніе дало только гарантію неотъемлемости отчинныхъ имѣній при исправности военной службы, но не измѣнило самыхъ основъ владѣнія этими имѣніями, которыя de jure продолжали быть господарскою собственностью.

347. Кромѣ возрѣнія на боярскія отчины, какъ на княжескія земли, находящіяся въ потомственномъ пользованіи бояръ съ условіемъ военной службы, къ отобранію отчинъ у бояръ даже въ изучаемое время приводило нерѣдко смѣшеніе ихъ съ имѣніями, данными до воли господарской.

348. Обычай раздачи имѣній до воли господарской въ изучаемое время примѣнялся, въ широкихъ размѣрахъ, а въ прежнее время, по видимому, еще болѣе.

349. Имѣнья, данныя до воли господарской, очень часто не отбирались у ихъ владѣльцевъ и переходили къ дѣтямъ и дальнѣйшимъ потомкамъ; при такомъ условіи и при тогдашнемъ состояніи регистратуры ихъ легко было смѣшивать съ отчинами, и наоборотъ: отчинъ легко было смѣшивать съ имѣніями, данными до воли господарской.

350. Великіе князья въ земскихъ привилеяхъ признавали отчинами тѣ имѣнья, которыя находились въ рукахъ даннаго владѣльца или его предковъ, по крайней мѣрѣ, при двухъ послѣднихъ господаряхъ.

351. Хотя отчинность владѣнья можно было доказывать свидѣтельскими показаніями, но владѣльцы естественно предпочитали документы и очень часто выхлопывали подтвержденія на свои отчины отъ господара.

352. Для отчужденія отчинъ требовалось разрѣшеніе господара или его урядниковъ.

353. По отношенію къ имѣніямъ князей и пановъ „призволенье“ было только необходимою формальностью для укрѣпленія имѣнья за новымъ владѣльцемъ и для врученія правительству свидѣній, съ коимъ впредь требовать военной службы.

354. По отношенію къ мелкимъ военнослужилымъ землевладѣльцамъ это „призволенье“ имѣло болѣе дѣйствительное значеніе, такъ какъ съ отчужденіемъ имѣнья или его части могъ связываться тѣсно вопросъ объ исправности съ него военной службы.

355. Но владѣльцы лично могли отчуждать только треть своей отчины.

356. Въ этомъ ограниченіи проявлялось, однако, не право господара на отчины, дѣлавшее вотчинное право владѣльцевъ неполнымъ, какъ думаетъ г. Владимірскій-Будановъ, а право семьи и рода.

357. Съ согласія кровныхъ родныхъ и близкихъ владѣльцы могли и цѣликомъ отчуждать свои отчины.

358. Съ другой стороны кровные и близкіе имѣли только преимущественное предъ чужеродцами право покупки двухъ третей отчины или близости и право выкупа этихъ двухъ третей въ случаѣ продажи ихъ въ чужой родъ, которая поэтому до поры до времени носила характеръ „запродажи“ или „заставы“.

359. Не будучи въ состояніи купить или выкупить эти двѣ трети, кровные и близкіе теряли на нихъ право.

360. Обычай, предоставлявшій кровнымъ и близкимъ преимущественное предъ чужеродцами право покупки отчины и близости и право выкупа, выросъ на почвѣ родового совладѣнія землею, которое господствовало въ западной Руси и въ быту крестьянъ; и въ быту военнослужившихъ классовъ, и былъ выраженіемъ юридическихъ воззрѣній, порожденныхъ этимъ совладѣніемъ и обыкновенно его переживавшихъ.

361. Но если корни этого обычая надо искать въ данныхъ историческаго развитія русской общественной жизни, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что польское земское право, вліявшее на судебную практику и законодательство, въ значительной степени способствовало его укрѣпленію.

362. Тоже самое справедливо и относительно порядка наследованія отчинъ, въ которомъ проявлялась таже тенденція къ удержанію ихъ въ данномъ родѣ.

363. Въ силу этой тенденціи жена не наследовала бездѣтному мужу въ его отчинѣ, а имѣла право оставаться на отчинѣ мужа „на вдовьемъ столцѣ“, т. е. пожизненно или до выхода замужъ.

364. Статутъ 1529 года въ интересахъ военной службы постановилъ, чтобы вдова по смерти бездѣтнаго мужа оставалась не на всей его отчинѣ, а только на той части, которая записана ей въ вѣнѣ; или же на третьей части, если мужъ ничего не записалъ ей въ вѣнѣ.

365. Съ точки зрѣнія шахішн'а это было одно и то же, такъ какъ незадолго до изданія перваго Статута установилось, а Статутомъ 1529 года было подтверждено, правило записывать женамъ въ вѣнѣ не болѣе одной трети отчины.

366. Вдовы могли завѣщать свое вѣно кому угодно и распорядиться имъ, какъ хотѣли; Статутъ 1529 года внесъ сюда ограниченіе въ томъ смыслѣ, что вдовы, просидѣвшія на вдовьемъ столцѣ до живота, могли завѣщать кому угодно только „внесеніе“ свое, а не „привѣнокъ“ или „оправу“ мужа.

367. Кровные или близкіе мужа должны были выплатить сумму, записанную въ вѣнѣ, въ противномъ случаѣ утрачивали ту часть отчины или близкости, которая была записана въ вѣнѣ.

368. При малолѣтнихъ сыновьяхъ, которымъ умирающій отецъ не назначилъ опекуна, вдова оставалась на всей отчинѣ мужа до совершеннолѣтія дѣтей, послѣ чего садилась на вѣнѣ своемъ, т. е. на той части отчины мужа, которую онъ записалъ ей въ вѣнѣ.

369. Не выкупая у матери эту часть при жизни ея, сыновья получали ее безъ выкупа послѣ смерти (только „внесеніе“ матери они должны были выплатить тому, кому она его завѣщала).

370. Вдова, не имѣвшая отъ мужа вѣнковой записи, получала во всемъ равную съ сыновьями часть и пользовалась ею пожизненно или до выхода замужъ, послѣ чего эта часть шла „въ дѣль“ сыновьямъ.

371. Тенденція къ удержанію отчины въ родѣ проявлялась и въ распредѣленіи наслѣдства между сыновьями и дочерьми.

372. При братьяхъ дочери по смерти отца имѣли право только на полученіе „посага“ или „выправы“ деньгами, одеждами, украшениями и вообще разною движимостью.

373. Размѣръ „посага“ или „выправы“ опредѣлялся обычаемъ; Статутъ 1529 года установилъ, что братья не обязаны выдавать за своими сестрами, одною или нѣсколькими, въ общей сложности болѣе того, чего стоила четвертая часть ихъ отчины.

374. Въ качествѣ посага отецъ или братья могли, но не обязаны были, давать дѣвицамъ недвижимое имѣніе, которое разсматривалось въ такомъ случаѣ, какъ ихъ отчинная дѣльница, и въ распоряженіи которымъ онѣ должны были подчиняться общимъ правиламъ объ отчинахъ.

375. Впрочемъ, возвращеніе на отчинное имѣніе, полученное въ посагѣ, какъ на дѣльницу отчины, проявлялось во всей строгой послѣдовательности лишь въ томъ случаѣ, если получившая таковой посагъ женщина умирала бездѣтною, въ противномъ же случаѣ имѣніе отходило въ новый родъ, дѣлилось между сыновьями и дочерьми умершей поровну.

376. При неимѣніи сыновей отчину наслѣдовали и дочери.

377. Однако, право это не установилось твердо и не выяснилось настолько, насколько право сыновей.

378. Господарь иногда отдавалъ отчину кому-нибудь помимо прямыхъ наслѣдницъ съ обязанностью выдать ихъ за мужъ, такъ что дочери получали въ такомъ случаѣ лишь то, на что они имѣли право при братьяхъ.

379. Иногда имѣнье получала одна изъ сестеръ, бывшая замужемъ, съ обязанностью выдать остальныхъ замужъ.

380. Но большею частью отчинныя имѣнья дѣлились между сестрами поровну.

381. Мужья брали по жонамъ своимъ имѣнья не въ собственность себѣ, а только въ фактическое пользованіе: настоящими собственниками были ихъ жоны.

382. Въ распоряженіи отчинными имѣньями, женщины подчинялись общимъ предписаніямъ земскаго права относительно отчинъ, съ тѣмъ ограниченіемъ, однако, что дѣти ихъ обоого пола наслѣдовали имъ въ равной долѣ.

383. Сыновья, получившіе „материзну“, въ распоряженіи ея должны были слѣдовать уже вполне предписаніямъ земскаго права относительно отчинъ.

384. Если у умершаго отчинника не оставалось ни дѣтей, ни кровныхъ и близкихъ одного съ нимъ рода, имѣнье его спадало на господаря, который вступалъ въ права и обязанности рода и въ свою очередь могъ передать эти права и обязанности частнымъ лицамъ.

385. Право господаря заступать мѣсто родичей въ наслѣдованіи отчинъ простиралось до того, что отчинникъ, умиравшій безъ законныхъ наслѣдниковъ, не могъ завѣщать свое имѣнье, продать его или подарить дѣлкомъ чужеродцу.

386. Въ такой строгости право это едва ли было результатомъ развитія юридическаго сознанія общества въ западной Руси, а скорѣе всего логическимъ выводомъ изъ родоваго права, который подсказанъ былъ литовско-русскому правительству его матеріальнымъ интересомъ.

387. Авты изучаемаго времени сохранили множество слѣдовъ борьбы общества съ этимъ правительственнымъ воззрѣніемъ, множество примѣровъ распоряженія отчинами вопреки этому воззрѣнію.

388. Само правительство, считаясь съ воззрѣніемъ общества, на дѣлѣ не осуществляло строго своего права на выморочныя имущества, а позволяло отчинникамъ при жизни усыновлять чужеродцевъ и передавать имъ отчины.

389. Купленные имѣнья разсматривались, какъ эквивалентъ движимаго имущества, и въ частности денегъ, которыя они собою замѣнили; поэтому владѣльцы имѣли право свободного и неограниченнаго распоряженія ими.

390. Полная свобода въ правѣ распоряженія купленными имѣньями была старинною традиціею русскаго права, которая держалась одновременно и на Руси сѣверо-восточной.

391. Сдѣлки купли - продажи, равно какъ мѣна имѣньями и дареніе, хотя и совершались съ дозволенія господаря или его урядниковъ, но это дозволеніе имѣло большею частью формальный характеръ.

392. Тѣмъ не менѣе, сдѣлки, состоявшіяся безъ этого дозволенія, могли быть и разрушены, какъ незаконныя.

393. Дозволеніе господаря и его урядниковъ на отчужденіе имѣній давало возможность правительству слѣдить за передвиженіемъ земельной собственности и отчасти регулировать его въ интересахъ военной службы (по отношенію къ мелкимъ боярскимъ имѣньямъ), а кромѣ того, было источникомъ дохода для господаря и его урядниковъ.

394. Этимъ объясняется и обязательность этого дозволенія, которое на дѣлѣ давалось, впрочемъ, часто и заднимъ числомъ, въ формѣ подтвержденія актовъ купли-продажи, мѣны или даренія.

395. Для обозначенія имѣній, которыя давались съ обязательствомъ военной службы на неопредѣленное время, „до воли господарской“, въ актахъ изучаемаго времени употребляется иногда терминъ „помѣстье“; въ XIV, а быть можетъ и въ XIII в., этотъ терминъ едва ли не былъ обычнымъ и общеупотребительнымъ.

396. Терминъ этотъ, равно какъ и тотъ, отъ котораго онъ произведенъ, — „мѣсто“, въ актахъ изучаемаго времени употребляются также и для обозначенія крестьянскихъ участковъ, бывшихъ *de jure* своего рода даниною до воли господарской или панской ихъ владѣльцамъ.

397. Это значеніе „мѣста“ и произведеннаго отъ него „помѣстья“, повидимому, было первоначальнымъ.

398. Термины „мѣсто“ и „помѣстье“, вѣроятно, перешли въ область военнослужаго землевладѣнія вмѣстѣ съ переводомъ крестьянъ на боярскую, т. е. на военную, службу.

399. Путемъ такого перевода создавался, повидимому, и самый типъ владѣнія до воли господарской съ условіемъ военной службы; позже по этому типу устраивалось землевладѣніе и независимо отъ перевода съ крестьянской службы на военную.

400. Какъ слово, обозначающее не только боярскую, но и мужицкую землю, терминъ „помѣстье“ съ теченіемъ времени пересталъ употребляться въ приложеніи къ имѣньямъ военнослужаго класса, какъ не подходящій для земель благородныхъ, не „простыхъ“ людей, и замѣнился описательнымъ названіемъ „выслуги до воли господарской“.

401. Это описательное названіе составлено по примѣру Польши, гдѣ существовалъ такой же типъ земскихъ имѣній, въ изучаемое время все болѣе и болѣе исчезающій.

402. Въ Литовско-Русскомъ государствѣ и въ изучаемое время практиковалась въ широкихъ размѣрахъ раздача имѣній на военную службу до воли господарской.

403. Къ тому же типу владѣній подходятъ и имѣнья, дававшіяся „на поживенье“ или „у хлѣбокормленье“ до очищенья отчины, занятой непріятелемъ.

404. Въ хлѣбокормленіе до живота, до воли господарской и до очищенья отчины имѣнья давались не однимъ только князьямъ, вопреки утвержденью г. Владимірскаго-Буданова.

405. Эти имѣнья съ точки зрѣнія обязанности военной службы нельзя противопоставлять отчинамъ, какъ дѣлаетъ г. Владимірскій-Будановъ, утверждающій, что имѣнья въ хлѣбокормленіе давались за личную обязанность военной службы, тогда какъ на отчинахъ будто бы не лежало прямой обязанности службы.

406. Имѣнья, данныя до воли господарской или до живота, не рѣдко подтверждались „въ вотчину“.

407. Во многихъ случаяхъ имѣнья жаловались до воли господарской лишь потому, что правительство не имѣло нужныхъ свѣдѣній объ имѣньѣ, по полученіи которыхъ подтверждало его въ вотчину.

408. Иногда имѣнья жаловались „до осмотрѣнья господарского“, съ явно выраженнымъ намѣреніемъ подтвердить ихъ впоследствии въ вотчину.

409. Пожалованье въ вотчину обозначало пожалованье въ вѣчное и потомственное владѣніе.

410. Для перваго владѣльца пожалованное въ вотчину имѣнье носило характеръ выслуги, благопріобрѣтеннаго имѣнья, и въ распоряженіи имъ оное не было стѣснено предписаніями земскаго права относительно отчинъ: эти предписанія имѣли силу только для его наследниковъ.

411. Точно такъ же отчинами для дѣтей становились и другія благопріобрѣтенныя отцомъ имѣнья.

412. Для обозначенія пожалованья въ вотчину употреблялось и выраженіе „на вѣчность“.

413. Это выраженіе нельзя считать, вмѣстѣ съ г. Владимірскимъ-Будановымъ, равнозначительнымъ выраженію „до живота“: въ источникахъ, на которые онъ ссылается въ доказательство своего утвержденья, выраженіе „вѣчно“ употреблено, какъ синонимъ „непорушно“, а не какъ синонимъ „до живота“.

414. Въ устройствѣ военнослужаго землевладѣнія принимали извѣстное участіе и намѣстники-державцы: центральное правительство въ своихъ пожалованьяхъ часто подтверждало лишь только распоряженья намѣстниковъ-державцевъ.

415. Особенно часто намѣстники-державцы раздавали пустовскія земли на земскую, т. е. на военную, службу.

416. При этомъ замѣтно они руководились интересами этой службы, хотя здѣсь было и широкое поле для злоупотребленій и корыстныхъ побужденій съ ихъ стороны.

417. Вслѣдствіе этого устава 1529 г. запретила намѣстникамъ-державцамъ раздавать пустыя земли до воли господарской.

418. Но и помимо этого, намѣстники-державцы участвовали въ устройствѣ военнослужаго землевладѣнія, давая справки центральному правительству о различныхъ имѣньяхъ, которыя оно намѣревалось пожаловать, посылая ходатайство за челобитчиковъ вмѣстѣ съ справками и, наконецъ, разрѣшая различныя сдѣлки на имѣнья.

419. Отъ личной военной службы съ имѣній освобождались отдѣльныя лица въ силу особыхъ привилеевъ, полученныхъ ими.

420. Кромѣ того, за старостью или болѣзнью землевладѣльцы могли ставить вмѣсто себя сына, родственника или слугу.

421. Бездѣтные землевладѣльцы принимали къ себѣ на имѣнье чужихъ или родственниковъ „за сына мѣсто“, и эти лица заступали за нихъ земскую службу.

422. Статутъ 1529 г. представилъ право и здоровымъ людямъ замѣняться сыномъ, годнымъ къ службѣ.

423. Въ тѣхъ случаяхъ, когда служилый человекъ владѣлъ имѣньями въ нѣсколькихъ повѣтахъ, лично онъ долженъ былъ выѣзжать на войну съ главнаго имѣнья и становиться подъ хоругвою того повѣта, въ которомъ находилось это главное имѣнье, а съ остальными выправлять „почты“, т. е. отряды слугъ.

424. Женщины и малолѣтніе отправляли съ своихъ имѣній „почты“ (за малолѣтнихъ распоряжались опекуны).

425. Поступленіе въ духовное званіе не освобождало отъ личной обязанности военной службы: отъ воли господара зависѣло призвать или не призвать землевладѣльцевъ, принявшихъ духовный санъ, на службу; „почты“ же съ своихъ имѣній они обязательно должны были выправлять.

426. Духовные, принимая земскія имѣнья „въ наставу“, должны были обязательно нести съ нихъ военную службу лично.

427. Имѣнья, принадлежавшія изстари церковнымъ учрежденіямъ, не несли военной службы.

428. Но имѣнья, записанныя на церковь въ XV и началѣ XVI вѣка военнослужившими землевладѣльцами, далеко не всѣ освобождены были отъ военной службы, и церковныя учрежденія посылали съ нихъ на службу господарскую „почты“.

429. Статутъ 1529 г. принялъ за общее правило, чтобы съ имѣній, записанныхъ православными и католиками на церковь, отправлялась военная служба.

430. Въ составѣ „почтовъ“ крупныхъ землевладѣльцевъ входили между прочимъ ихъ бояре; по актамъ боярь встрѣчаемъ у князей, пановъ, высшихъ духовныхъ лицъ, у церковныхъ учреждений и даже у боярь-шляхты.

431. Этотъ классъ составился различнымъ образомъ: князья унаслѣдовали своихъ боярь отъ удѣльнаго времени, а отъ князей въ свою очередь унаслѣдовали ихъ многіе паны; князья, паны, высшія духовныя лица и церковныя учрежденія, кромѣ того, получили боярь вслѣдствіе пожалованія господаремъ боярскихъ земель въ составѣ имѣній; и наконецъ, крупные землевладѣльцы по примѣру господара раздавали въ своихъ имѣньяхъ земли на боярскую службу пришлымъ людямъ, преимущественно боярскаго же званія, или же переводили на боярскую службу крестьянъ.

432. Бояре по традиціи, перешедшей отъ древней Руси, считались де jure людьми свободными и могли переходить на службу отъ господара къ частнымъ владѣльцамъ и обратно.

433. Разросшія семьи и роды боярь обыкновенно отпускали лишнихъ членовъ на сторону, и тѣ поступали на службу къ частнымъ владѣльцамъ и служили имъ либо „съ сукна“, либо съ имѣній, которыя получали отъ нихъ во временное, пожизненное и потомственное владѣніе.

434. Такіе бояре часто не теряли своихъ отчинъ и подъ господаремъ, являясь подданными и военно-обязанными слугами двухъ владѣльцевъ.

435. Но отбывать военную службу лично они должны были непременно господарю, а частнымъ владѣльцамъ—черезъ своихъ замѣстителей; частнымъ владѣльцамъ лично они служили по управленію ихъ имѣньями.

436. Участки частновладѣльческихъ бояръ бывали иногда такъ велики, что они отправляли съ нихъ военную службу не лично только, а съ извѣстнымъ числомъ слугъ.

437. Бояре и земляне частныхъ владѣльцевъ находились приблизительно въ такомъ же положеніи, какъ и бояре, державшіе свои имѣнья подъ господаремъ.

438. Владѣльцы по закону не могли произвольно лишать ихъ отчины и выслугъ на вѣчность, какъ не могъ дѣлать этого и самъ господарь по отношенію къ своимъ боярамъ.

439. Но за то ихъ имѣнья признавались неотъемлемою принадлежностью, составными частями княжескихъ и панскихъ волостей, и раздѣляли вмѣстѣ съ ними ихъ судьбу; вслѣдствіе этого бояре обязательно должны были служить въ „почтъ“ того, къ кому переходили во владѣніе эти волости.

440. Если они не хотѣли служить, то могли уйти, покинувъ свои земли, такъ какъ лично были свободны.

441. Бояре и земляне частновладѣльческіе лишь въ томъ случаѣ могли перейти на службу къ другому владѣльцу или къ господарю съ своимъ имѣньемъ, если оно было записано имъ съ правомъ служить, кому хотять.

442. Такія имѣнья выходили уже совершенно изъ состава данной княжеской или панской волости и становились такою же свободною собственностью, какъ и то цѣлое, часть котораго они прежде составляли, и которое владѣльцы держали съ полнымъ правомъ и панствомъ.

443. Разумѣется и съ такихъ имѣній должна была идти военная служба, какъ и вообще съ княжескихъ и панскихъ, но эти имѣнья не считались „подъ господаремъ“, и господарь не могъ *de jure* отдать ихъ владѣльцевъ снова въ частное подданство.

444. Такимъ путемъ создавался классъ военнотружениковъ землевладѣльцевъ, занимавшій среднее мѣсто между панамъ и господарскими боярами.

445. Эти землевладѣльцы силою и рядомъ съ своими имѣньями записывались на службу къ господарю или частнымъ владѣльцамъ.

446. Побужденіемъ было желаніе ихъ увеличить свои имѣнья придачею со стороны тѣхъ, къ кому они записывались на службу; къ

этому могли склонять и притѣсненія, чинившіяся имъ могущественными и вліятельными сосѣдами.

447. На имѣнья, съ которыми владѣльцы были челомъ на службу господарю, князьямъ и панамъ, господарь, князья и паны приобрѣтали такія же права, какъ и на имѣнья своихъ собственныхъ бояръ и землянъ.

448. Бояре, державшіе имѣнья подъ господаремъ, не могли записываться съ ними на службу къ частнымъ владѣльцамъ, и служба, которую они несли непосредственно господарю, не отождествлялась и не приравнивалась службѣ, которую они могли нести въ „почтъ“ князя или пана.

449. Кромѣ бояръ, въ составѣ частновладѣльческихъ „почтовъ“ выходили на войну и слуги разныхъ наименованій.

450. Происхожденіе частновладѣльческихъ слугъ было-то же самое, что и происхожденіе бояръ.

451. Изъ имѣній частныхъ владѣльцевъ направлялись на войну и военнообязанные крестьяне, какъ и изъ господарскихъ волостей.

452. Бояре, земляне и слуги господарскіе и частновладѣльческіе, обязанные отправлять военную службу не лично только, а съ „почтомъ“, также выводили на войну своихъ крестьянъ.

453. Мелкими землевладѣльцами изъ князей и пановъ, которые держали свои имѣнья въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ, боярами и землянами предводительствовали особые хоружіе.

454. Должность хоружихъ появилась на Руси Литовской едва ли не вмѣстѣ съ польскою идеею шляхетства, которая рѣзко обособляла боярина и землянина отъ простаго человѣка.

455. Впрочемъ, происхожденіе этой должности можно объяснить и инымъ образомъ, именно тѣмъ, что по волостямъ, гдѣ развивалось военнослужилое землевладѣніе, въ качествѣ правителей долгое время находились лица, не облеченныя военною властью и командованіемъ, именно тивуны; вслѣдствіе этого и возникла надобность создать особыхъ должностныхъ лицъ, на обязанности которыхъ было выводить военнослужилыхъ людей на ратное поле или въ сборный пунктъ.

456. Хоружіе слѣдили за исправностью и полнотою военной службы, что бы нието изъ бояръ, землянъ и другихъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, бывшихъ подъ ихъ хоруговью, не оставался дома и служилъ сообразно съ величиною своего имѣнья; въ этомъ случаѣ они дѣйствовали, какъ помощники намѣстниковъ-державцевъ.

457. Кромѣ того, „подъ свѣдомомъ“ намѣстниковъ-державцевъ хоружіе выбирали серебщину съ людей боярскихъ, дворянскихъ, вдо-

вѣхъ и татарскихъ. Отвѣтственны за все это были въ равной мѣрѣ какъ хоружіе, такъ намѣстники-державцы.

458. Всѣ военнослужилые землевладѣльцы на свой счетъ снаряжались на войну и содержали себя и свои „почты“ „своими накладѣ“.

459. Господарь давалъ иногда только „вспоможенье“, но эти раздачи не были введены въ систему; чаще всего получали жалованье лица, близво стоявшія къ двору или имѣвшія протекцію.

460. Кромѣ того, господарь на постоянномъ жалованьи содержалъ безземельныхъ дворянъ, которые выполняли различныя порученія при дворѣ, а также ѣздили и на войну.

461. Въ своемъ присудьи намѣстники-державцы имѣли господарскихъ крестьянъ, мѣщанъ, не состоявшихъ въ правѣ магдебурскомъ, и всѣхъ военнослужимыхъ землевладѣльцевъ, имѣнья которыхъ находились въ ихъ повѣтахъ.

462. Только тѣ державцы, которые переименованы были изъ тивуновъ, не имѣли права судить шляхту-бояръ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда тяжущіеся добровольно становились предъ ними; то же самое справедливо, конечно, и относительно самихъ тивуновъ.

463. Отдѣльныя лица, въ особенности князья и паны, получали изъятія отъ суда намѣстниковъ-державцевъ и право судиться только господаремъ.

464. Отъ суда намѣстниковъ-державцевъ освобождались обыкновенно откупщики мыта, корчомъ и другихъ господарскихъ доходныхъ статей во избѣжаніе притѣсненій со стороны мѣстныхъ правителей.

465. Крестьяне, мѣщане и даже бояре частныхъ владѣльцевъ въ изучаемое время находились въ присудьи сихъ послѣднихъ.

466. Ранѣе другихъ владѣльцевъ, даже ранѣе литовскаго владѣнства, право это приобрѣла православная церковь.

467. Учрежденія католической церкви пользовались этимъ правомъ съ самаго начала распространенія католицизма на Литвѣ.

468. До сближенія Литвы съ Польшею, вѣроятно, и отдѣльныя лица изъ бояръ получали право суда надъ людьми, жившими въ ихъ имѣньяхъ, подобно тому, какъ это было и на Руси сѣверо-восточной; служилые князья въ силу своего званія пользовались правомъ вотчиннаго суда.

469. На всѣхъ землевладѣльцевъ Литовско-Русскаго государства эта привилегія распространилась вмѣстѣ съ дарованіемъ имъ правъ польской шляхты.

470. Ранѣе другихъ получили право вотчиннаго суда паны и бояре Литовской земли, принявшіе католицизмъ; привилей 1457 года

сравнивалъ съ ними въ этомъ отношеніи пановъ, бояръ и даже мѣщанъ-землевладѣльцевъ русскихъ областей.

471. По иску господарскихъ крестьянъ, мѣщанъ и бояръ на крестьянахъ, мѣщанахъ и боярахъ частнаго владѣльца судъ производилъ послѣдній, но вчивался искъ обыкновенно предъ господарскимъ урядникомъ (намѣстникомъ), который обсылалъ затѣмъ владѣльца съ требованіемъ дать судъ и управу и посылалъ своего вижа или судью для присутствованія на судѣ владѣльца.

472. Если владѣлецъ, несмотря на требованіе господарскаго урядника (по Статуту 1529 года, вторичное), не давалъ суда и управы, тогда можно было просить на него дѣцкаго у господаря или пановъ рады, или у воеводы.

473. Вызванный чрезъ дѣцкаго долженъ былъ, заплативъ дѣцкованье, лично отвѣчать по дѣлу своихъ подданныхъ или поставить ихъ самихъ предъ судомъ.

474. Судъ этотъ до 1529 года производился, повидимому, мѣстными господарскими урядниками, въ присудѣ которыхъ частные владѣльцы были лично, или же господаремъ и панами-радою.

475. По Статуту 1529 года этотъ судъ долженъ былъ производиться на первомъ сеймѣ, который назначить господарь или панъ-рада для всей земли; еслибы позванный не явился и на этотъ судъ, онъ долженъ былъ стать предъ судебною комиссіею изъ пановъ-рады, которой опредѣлено было съѣзжаться два раза въ годъ въ Вильнѣ.

476. Въ тѣхъ случаяхъ, когда начиналась тяжба между подданными разныхъ владѣльцевъ, князей, пановъ, бояръ или духовныхъ, судъ долженъ былъ производить также „господарь“ или панъ, отвѣтчика, котораго обсылалъ съ требованіемъ дать судъ и управу „господарь“, или панъ, истца, послывшій на судъ и своего представителя; „господарь“, или панъ, истца могъ и лично быть на этомъ судѣ.

477. Если „господарь“, или панъ, отвѣтчика не давалъ суда, тогда дѣло шло тѣмъ же порядкомъ, какъ и при искахъ господарскихъ подданныхъ на подданныхъ частнаго владѣльца.

478. Владѣльцы, однако, не судили своихъ подданныхъ во дѣлахъ о разбоѣ съ поличнымъ, „квалтѣ“, поджогѣ, изнасилованіи женщинъ и, кромѣ того, о шляхетской ранѣ.

479. Исключеніе, повидимому, представляли лишь удѣльные князья и равнозначительные имъ владѣльцы, не состоявшіе въ присудѣ господарскихъ урядниковъ.

480. Изъятіе изъ вотчинной юрисдикціи уголовныхъ дѣлъ первостепеннаго общественнаго интереса подсказывалось самою жизнью и

не можетъ быть всецѣло отнесено на счетъ вліянія польскаго права, которое могло сказаться только на подробностяхъ, на опредѣленіи круга дѣлъ, изъятыхъ изъ вотчинной юрисдикціи.

481. Дѣла, изъятые изъ вотчинной юрисдикціи, разбирались мѣстными правителями, въ томъ числѣ и намѣстниками-державцами.

482. Кромѣ подданныхъ частныхъ владѣльцевъ, намѣстники-державцы не судили и господарскихъ мѣщанъ, состоявшихъ подъ магдебургскимъ правомъ и судившихся своимъ мѣстскимъ судомъ, за исключеніемъ, однако, перечисленныхъ выше уголовныхъ дѣлъ.

483. Намѣстники-державцы присутствовали на мѣстскомъ судѣ или посылали своихъ представителей на этотъ судъ, когда разбирались дѣла по искамъ на мѣщанахъ со стороны господарскихъ волостныхъ людей, и на оборотъ: на судѣ намѣстниковъ-державцевъ присутствовали войты, когда разбирались дѣла по искамъ на господарскихъ волостныхъ людяхъ со стороны мѣщанъ, состоявшихъ въ правѣ магдебургскомъ.

484. На Подляшѣ мѣстные господарскіе урядники не судили князей, пановъ и земянъ, за исключеніемъ опять таки перечисленныхъ выше уголовныхъ дѣлъ; по всѣмъ остальнымъ дѣламъ князья, паны и земяне лично судились въ земскихъ судахъ.

485. Эти суды слагались изъ судьи, подсудка и писаря, назначаемыхъ господаремъ по выбору и представленію мѣстной шляхты, а иногда и помимо этого.

486. Земельные тяжбы на Подляшѣ разбирались намѣстниками-старостами сообща съ судьей и подсудкомъ,—такъ что намѣстники-старосты въ этихъ случаяхъ были предсѣдателями земскихъ судовъ.

487. Въ предѣлахъ, ограниченныхъ перечисленными изъятіями, намѣстники-державцы чинили судъ и управу по всевозможнымъ дѣламъ, гражданскимъ и уголовнымъ, и компетенція ихъ въ этомъ отношеніи закономъ почти не была ограничена.

488. Она ограничивалась главнымъ образомъ фактически, желаніемъ тяжущихся, которымъ предоставлено было въ великихъ дѣлахъ отзываться отъ суда мѣстныхъ правителей до господаря, т. е. переносить дѣло на его судъ.

489. Къ этимъ великимъ дѣламъ относились: насильственный захватъ имѣнья, нападеніе на домъ, или „квалтъ“ домовый, безправный „грабежъ“, убійство, тяжба объ отчинномъ имѣньѣ, о шляхетской чести и нѣкоторыя другія.

490. Для разбирательства всѣхъ этихъ дѣлъ, восходившихъ до господаря отъ суда мѣстныхъ правителей, въ 1529 году была учре-

жана судебная комиссия из панов и радных, которая должна была съезжаться два раза в годъ въ Вильнѣ и рѣшать дѣла безапелляціонно, какъ и самъ государь.

491. Стороны имѣли право отзываться до господаря, „не вступая въ право“, т. е. не принимая окончательнаго доказательства, коимъ рѣшалось дѣло.

492. Но въ перечисленные „великія“ дѣла могли разбираться и рѣшаться намѣстниками-державцами, буде стороны не заявляли желанія судиться у господаря; намѣстники-державцы, какъ и другіе мѣстные правители, не имѣли права постановлять только такія рѣшенія, которыми рѣшался вопросъ о чести либо шлехетствѣ; такъ какъ по конституціи была исключительнымъ правомъ господаря: такіе дѣла они должны были переносить на окончательное рѣшеніе господаря.

493. Мѣстными правителями въ силу привилегій пожалованныхъ некоторымъ землямъ, не могли приводить въ исполненіе своихъ рѣшеній; по важнымъ уголовнымъ дѣламъ безъ указа на этотъ счетъ отъ господаря.

494. При строго-формальномъ характерѣ судопроизводства суды господарскихъ урядниковъ были обыкновенно окончательнымъ; потерпѣвшій отъ несправедливаго суда долженъ былъ вѣдаться съ судьбою и на немъ лежать вся тяжесть убытковъ.

495. На намѣстниковъ-державцевъ можно было въ такихъ случаяхъ жаловаться воеводѣ того повѣта, въ которомъ находились ихъ державы; и воевода долженъ былъ дать на нихъ судъ и управу.

496. Такой порядокъ, однако, уже не удовлетворялъ юридическаго сознания ни общества, ни правительства, все болѣе и болѣе подвергался ограниченіямъ и вырождался въ порядокъ апелляціонно-кассационный: въ глазахъ находится не мало примѣровъ того, что и частныя лица обращались въ суду господарскому съ исками противъ лицъ, уже оправданныхъ судомъ мѣстныхъ правителей, и государь не довольствовался этимъ судомъ, но считалъ нужнымъ произвести новыя разслѣдованія, а въ судѣ дѣлать измѣненія и дополненія, не дѣлая судей ответственными за некоторыя упущенія.

497. Поэтому установленіе апелляціи по Статуту 1566 года не было кореннымъ нововведеніемъ, а только законодательною формулировкой того, что издавна подготавливалось и уже дѣйствовало въ судебной практикѣ.

498. Въ земельныхъ тяжбахъ государь поручалъ иногда намѣстникамъ-державцамъ собирать на мѣстѣ дачныя, по которымъ онъ постановлялъ свое рѣшеніе.

499. Но чаще всего дѣлныя по земельнымъ тяжбамъ собирали на мѣстѣ особые „ѣздоки“, которыхъ либо господарь самъ отъ себя посылалъ съ этою цѣлью, либо брали у него тяжущіеся, каждый съ своей стороны.

500. Ѣздоки посылались въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло исключительно о землѣ и могло быть рѣшено господаремъ заглазно, на основаніи документовъ на владѣніе и протоколовъ опроса мѣстныхъ жителей.

501. Если земельныя тяжбы осложнились или грозили осложниться взаимными исками сторонъ „о божьхъ, наѣздахъ, вгвалтахъ, головицнахъ и татьбахъ“ и поэтому требовали присутствія на мѣстѣ слѣдствія самого судьи, господарь обыкновенно либо отъ себя посылалъ судей („комисарей“) съ полномочіемъ изречь прѣговоръ на мѣстѣ, либо давалъ таковыхъ судей („пропонныхъ, полюбовныхъ“) тяжущимся, каждому съ его стороны.

502. Иногда полюбовныя судьи брались и не у господаря, но приводились тяжущимися „на рокъ“ по взаимному уговору, и судьи имѣли такую же обязательную силу, какъ и судьи судей, взятыхъ „въ рамена господарскаго“.

503. Отъ суда полюбовныхъ судей дѣла могли восходить на судъ господаря и пановъ рады либо по желанію тяжущихся, либо по желанію самихъ судей, затруднявшихся найти и приложить законъ къ данному случаю.

504. Господарь съ панами radoю часто въ такихъ случаяхъ, не принимая дѣла на свое разбирательство, давали судьямъ необходимыя частныя разъясненія, такъ что въ одномъ судопроизводствѣ сливались дѣятельность и высшаго, и низшихъ судовъ.

505. Благодаря такому сліянію высшаго суда съ низшимъ и благодаря также неопредѣленности компетенціи судей, чинившихъ судъ на мѣстѣ, не всегда по актамъ можно различать ѣздоковъ отъ судей, какъ смѣшиваются они и въ самомъ Статутѣ.

506. Ѣздоки и судьи для разбирательства дѣлъ на мѣстѣ брались тяжущимися не только отъ господаря, но и отъ мѣстныхъ правителей, въ томъ числѣ и отъ намѣстниковъ-державцевъ.

507. Обращеніе къ суду полюбовныхъ судей было очень распространено на Руси Литовской въ изучаемое время и должно было значительно уменьшать количественно судебную дѣятельность господаря, пановъ-рады и мѣстныхъ правителей.

508. Такъ какъ при разбирательствѣ на мѣстѣ земельныхъ тяжбъ и различныхъ столоновеній тяжущимся приходилось „вести волу“,

т. е. представлять для опроса окольных жителей, то и суды эти называются иногда „копными“.

509. Возникновение такого названія объясняется тѣмъ что судебное слѣдствіе въ старину не раздѣлялось строго отъ суда, считалось самымъ судомъ, такъ какъ рѣшало дѣло.

510. Этой особенності древняго права въ извѣстной степени обязаны были своимъ происхожденіемъ и копные суды, отправлявшіеся безъ участія судей, взятыхъ сторонами у господаря или мѣстнаго урядника или приведенныхъ по взаимному уговору.

511. Эти суды отправлялись въ тѣхъ случаяхъ, когда потерпѣвшіе отъ преступленія собирали окольных жителей искать межъ себя преступника, „на сокъ“.

512. На сокъ обязаны были выходить все жители данной копной „околицы“, и никто не смѣлъ уклоняться отъ этой повинности подъ страхомъ быть обвиненнымъ въ преступленіи.

513. Такъ какъ нахожденіе преступника по различнымъ признакамъ уже рѣшало дѣло, и „вырокъ“ судьи былъ простою формальностью, такъ какъ, съ другой стороны, при отысканіи преступника копѣ приходилось выслушивать и оцѣнивать доказательства виновности и невинности, то и копный розыскъ естественно превращался въ судъ.

514. Копные суды въ этомъ видѣ были ничѣмъ инымъ, какъ водозамѣненіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ (а быть можетъ, и простымъ продолженіемъ) той дѣятельности, которая въ старину происходила въ „вервахъ“.

515. Эти суды возникли на почвѣ круговой отвѣтственности мѣстныхъ обществъ за своихъ членовъ и вытекавшей отсюда власти надъ ними.

516. Эта круговая отвѣтственность и власть, ведшія начало изъ глубокой старины, оказались наиболѣе крѣпкими связями, которыя продолжали соединять жителей въ мѣстныя общества послѣ того, какъ другія связи были между ними порваны, послѣ того какъ они сдѣлались подданными разныхъ „господарей“, вступили въ новыя общества по несенію повинностей и по судебно-административному подчиненію.

517. Границы копныхъ околицъ не совпадали съ предѣлами волостей и извѣстныхъ намъ подраздѣленій волостей или, по крайней мѣрѣ, не всегда совпадали; въ копныхъ околицахъ заключались сплошь и рядомъ села разныхъ владѣльцевъ.

518. Судя по тому, что и названіе „вервь“ имѣетъ спеціальное значеніе и не употребляется для обозначенія мѣстныхъ обществъ въ широкомъ смыслѣ, подобно названію „волость“, можно думать, что и

„верви“ Русской Правды были дѣленіемъ, которое не совпадало съ волостнымъ.

519. Верви были, повидимому, первыя общественныя сдѣленіемъ, которое вышло изъ узкихъ рамокъ кровнаго союза.

520. Послѣ нихъ образовывались болѣе крупныя общественныя союзы — волости, княженія и земли, жгущавшія по нѣскольку и по многу вервей, но жизнь въ этихъ послѣднихъ не превращалась оцѣ остались въ качествѣ жѣстныхъ обществъ, связанныхъ круговою отвѣтственностью за преступленіе, совершенное въ ихъ предѣлахъ, съ властью разсуживать преступника и произносить приговоръ о виновности своего сочлена.

521. Это учрежденіе оказалось настолько жизненнымъ, что оно не только дожило до изучаемаго времени въ видѣ копилыхъ судовъ, но продолжало существовать долгое время и послѣ и даже искусственно насаждено было тамъ, гдѣ его не было.

522. Копы собирались и производили судъ даже по нѣкоторымъ гражданскимъ правонарушеніямъ, которыя случались между сосѣдями, напр., по дѣламъ о погравѣ.

523. Такіе копныя суды были особымъ видомъ полюбовнаго разбирательства, признаннымъ по закону, впрочемъ, обязательнымъ.

524. По составу своему такія копны, вѣроятно, были однородны съ тѣми, которыя собирались тѣмущимися, когда ихъ споръ разбирали полюбовныя суды, т. е. состояли изъ ближайшихъ въ мѣсту правонарушенія жителей.

525. Эти жители собирались собственно для освидѣтельствованія правонарушенія и его размѣровъ и для оцѣнки убытковъ потерпѣшаго; такъ какъ все это рѣшало дѣло, то особое судебное разбирательство признано было излишнимъ, и копны, такимъ образомъ, выполняли судебную функцію.

526. Несмотря на то, что благодаря обращенію тяжущихся къ суду господаря, полюбовныхъ судей и военному масса дѣлъ отпадала отъ разбирательства намѣстниковъ — державцевъ, послѣдніе лично не справлялись со всею работою, которую вѣдавала имъ ихъ судебная обязанность.

527. Князья и паны, бывшіе намѣстниками — державцами, постоянно отвлекались какъ своими собственными дѣлами, по нѣтъямъ въ которыхъ они были „господарями“, такъ и „справами господарскими и земскими“, такъ какъ они были придворными урядниками, членами рады великаго князя и, кромѣ того, часто намѣстниками — державцами въ другихъ повѣтахъ.

528. Поэтому они поручали отъ себя чинить судъ и управу въ своихъ державахъ своимъ намѣстникамъ и маршалкамъ.

529. Статутъ 1529 года опредѣлялъ, что бы державцы избирали двухъ земанъ въ своемъ повѣтѣ для производства суда вмѣстѣ съ намѣстниками державцевъ въ ихъ отсутствіе.

530. Учрежденіе этихъ „присяжныхъ земанъ“, повиданому, имѣло въ виду интересъ военнослужаго класса и можетъ быть разсматриваемо, какъ прелюдія въ учрежденію шляхетскихъ земскихъ судовъ во всемъ государствѣ.

531. Но и прежде суды намѣстниковъ-державцевъ, какъ и всѣхъ вообще мѣстныхъ правителей, отправлялись обязательно въ присутствіи лицъ изъ мѣстнаго общества: Статутъ 1529 года сдѣлалъ изъ судебныхъ ассистентовъ постоянную должность, далъ имъ больше участія въ судѣ и сообщилъ имъ сословный характеръ.

532. Последнее, впрочемъ, замѣчается уже и въ земскихъ грамотахъ, данныхъ землѣ Волынской: старосты въ силу этихъ грамотъ обязательно должны были съзывать съ собою князей, пановъ и земанъ при разбирательствѣ дѣлъ, касающихся кого либо изъ нихъ сословій.

533. Намѣстники намѣстниковъ-державцевъ выходили обыкновенно изъ среды ихъ слугъ; большою частью — бояръ, и близкими же уполномоченными лицами, какъ сами намѣстники-державцы были уполномоченными господарскими.

534. Изъ среды слугъ намѣстниковъ-державцевъ выходили ихъ „дѣцкіе“, „виши“ и „укъзчіе“, „писари“ и „дьяки“.

535. Дѣцкіе посылались въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было полицейскимъ порядкомъ вызвать кого-нибудь въ судъ или произвести имущественное взысканіе (движимостью).

536. Они получали за свой трудъ „дѣцкованье“, которымъ, вѣроятно, дѣлились съ намѣстниками-державцами: дѣцкованье принадлежало къ уряду намѣстниковъ-державцевъ, которые отдавали его уже отъ себя своимъ слугамъ.

537. На обязанности вижей лежало официальное засвидѣтельствованіе различныхъ правонарушеній и удовлетвореній по нимъ и вообще обезпеченіе частныхъ лицъ „урядовымъ“ свидѣтельствомъ въ цѣляхъ полученія правосудія.

538. Посылка вижей давала возможность мѣстнымъ правителямъ, не выѣзжая изъ своей резиденціи, чинить правосудіе по дѣламъ, требовавшимъ знакомства съ правонарушеніемъ на мѣстѣ.

539. Вижи часто приглашались на копные суды въ качествѣ достовѣрныхъ свидѣтелей, третьей стороны, и это приглашеніе сообщало

большую силу и законность ихъ рѣшеніямъ и располагало частныхъ лицъ доходить своего „копнымъ правомъ“.

540. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вижи замѣняли собою дѣцкихъ; но еще болѣе подходили они иногда по значенію къ увязчимъ.

541. Увязчіе вводили во владѣніе имѣніями, пожалованными или присужденными по суду.

542. Вижи и увязчіе получали за свой трудъ „вижовое“ и „увязчее“, которымъ они, повидимому, дѣлились съ назначившими ихъ на должность мѣстными правителями.

543. Письмоводствомъ при намѣстникахъ-державцахъ завѣдывали дьяки; писари въ качествѣ начальниковъ надъ дьяками попадаютъ, по актамъ, при старостахъ и воеводахъ, канцелярское дѣлопроизводство которыхъ было болѣе обширнымъ и сложнымъ.

544. Своимъ слугамъ намѣстники-державцы поручали, кромѣ того, отдѣльныя отрасли управленія, напр., ставили ихъ лѣсничими при господарской пущѣ.

545. Кромѣ должностныхъ лицъ, выходившихъ изъ среды слугъ намѣстниковъ-державцевъ, при этихъ послѣднихъ находились въ нѣкоторыхъ большихъ повѣтахъ и должностныя лица, назначавшіяся господаремъ изъ мѣстнаго военнослужаго класса.

546. Кромѣ упоминавшихся уже хоружихъ и городничихъ, къ нимъ принадлежали: „подконюшіе“ (въ повѣтѣ Браслава Литовскаго) „гасвники“, „бобровничіе“ и „лѣсничіе“ и др.⁶

547. Гаевники завѣдывали бортными деревьями въ господарскихъ лѣсахъ, которыя господарскія бортники „подлазили“ или на господаря, или на себя подъ условіемъ платежа определенной дани медомъ; бобровничіе завѣдывали бобровыми гонами и руководили битьемъ бобровъ на господаря; лѣсничіе оберегали господарскія пущи отъ браконьеровъ.

548. Но всѣ эти должностныя лица состояли въ подчиненіи, были подъ надзоромъ и руководствомъ намѣстниковъ-державцевъ и имѣли значеніе ихъ помощниковъ.

549. Въ повѣтахъ Берестейско-Подляшской области при намѣстникахъ господарскихъ состояли, кромѣ того, „подкоморіа“, учрежденные по польскому образцу для разграниченія земель и разбирательства земельныхъ тяжбъ на мѣстѣ.

550. Изъ всего вышесказаннаго о намѣстникахъ-державцахъ явствуетъ, что они были органами общаго управленія въ своихъ повѣтахъ.

551. Къ такому же заключенію приводитъ и разсмотрѣніе судебно-административной дѣятельности намѣстниковъ - державцевъ по возбужденію отъ центрального правительства: имъ приходилось исполнять разнообразныя правительственныя порученія, которыя не ограничивались какимъ либо однимъ родомъ дѣломъ или какимъ либо однимъ классомъ общества.

552. При отпращиваніи своей должности намѣстники - державцы получали разные доходы, которые разсматривались, какъ жалованье за ихъ службу государю вообще, а не только за ту, которую они несли въ качествѣ мѣстныхъ правителей; самыя намѣстничества разсматривались, какъ „кормленья“, какъ одно изъ средствъ содержанія высшаго, правительственнаго, слоя военнослужаго класса.

553. Такой взглядъ былъ не только у правительства, но и въ самомъ этомъ слоѣ военнослужаго класса.

554. Въ силу этого взгляда великіе князья Литовскіе въ привилеяхъ, выданныхъ русскимъ землямъ, постоянно подтверждали, что города и волости они будутъ раздавать въ держанье мѣстнымъ князьямъ и боярамъ; того же правила они держались и въ отношеніи намѣстничествъ и тивунствъ въ собственной Литовской землѣ и Жмудской.

555. Побужденіемъ, которымъ руководились великіе князья въ отдѣльныхъ случаяхъ при раздачѣ держаній были военныя и другія заслуги, дѣйствительныя или мнимыя, того или другого лица; мало того, намѣстничества давались иногда прямо на пропитаніе разнымъ лицамъ, терявшимъ почему-нибудь свои имѣнья.

556. Возрѣніе на держанья, какъ на кормленья, приводило иногда въ тому, что лица, державшія замки и волости, передавали ихъ съ согласія государя своимъ родственникамъ и близкимъ людямъ.

557. Возрѣніе на держанья, какъ на кормленья, ясно обнаруживается и въ обычаѣ давать по нѣскольку держаній, и при томъ въ разныхъ мѣстахъ государства, вслѣдствіе чего мѣстные правители должны были замѣняться часто своими намѣстниками.

558. Доходы намѣстниковъ - державцевъ сильно разнообразились по отдѣльнымъ областямъ и даже повѣтамъ отчасти вслѣдствіе разнообразія доходовъ, которые шли самому государю черезъ ихъ руки, отчасти въ силу особыхъ „уставъ“ на этотъ счетъ, которыя съ теченіемъ времени приобрѣтали иногда значеніе прецедента, обычая.

559. Въ собственной Литовской землѣ и въ части Жмудской, гдѣ господарское хозяйство достигло наибольшаго развитія, намѣстники-

державцы получали часть урожая овимаго хлѣба и яроваго, овощи съ огородакъ, часть улова рыбы, который производился на господаря, и т. д.

560. Старосты и тивуны Жмудской земли эксплуатировали въ свою пользу пахотныя земли, принадлежавшія дворамъ, которые были ихъ резиденціями; такъ продолжалось до 1527 года.

561. Въ другихъ областяхъ великаго княжества хлѣбопашество и скотоводство при господарскихъ дворахъ и дворцахъ велись почти исключительно для прокормленія административнаго и рабочаго персонала этихъ дворовъ и дворцовъ, и часть ихъ продуктовъ шла несомнѣнно въ пользу намѣстниковъ-державцевъ.

562. Въ нѣкоторыхъ повѣтахъ намѣстникамъ-державцамъ предоставлялась эксплуатация господарскихъ угодій (частью) въ свою пользу.

563. Продукты, которые намѣстники-державцы получали съ господарскаго сельскаго хозяйства, имѣли значеніе и отчасти замѣнили собою тѣ „кормы“, которые шли въ старину намѣстникамъ отъ непривилегированныхъ жителей.

564. Поэтому въ изучаемое время кормы намѣстникамъ-державцамъ встрѣчаемъ по актамъ лишь въ такихъ волостяхъ, гдѣ не было господарскихъ дворныхъ пашень, и гдѣ намѣстники-державцы даже иногда и не жили постоянно, а только вѣзжали „на полюдь“.

565. Поэтому и въ Жмудской землѣ, какъ скоро отмѣнены были барщинныя работы крестьянъ на старосту и тивуновъ, установлены были и кормы въ пользу старосты и тивуновъ.

566. Установленіе такого порядка, при которомъ намѣстники-державцы стали получать свои кормы изъ продуктовъ господарскаго хозяйства, ближайшимъ образомъ объясняется тѣмъ, что намѣстники-державцы въ мѣстномъ управленіи были преемниками тивуновъ.

567. Тивуны, принадлежа къ числу дворныхъ княжескихъ слугъ, а иногда даже къ челяди дворной, и управляя дворцовымъ хозяйствомъ, естественно, должны были получать и содержаніе съ княжескихъ дворовъ.

568. На такое же положеніе стали и намѣстники-державцы, которыхъ господарь сталъ назначать хозяйничать, чинить судъ и управу въ своихъ дворахъ вмѣсто тивуновъ.

569. Въ концѣ концовъ и объясненіе вышеуказанному порядку лежитъ въ развитіи дворцоваго хозяйства по волостямъ.

570. Но отъ пользованія частью продуктовъ съ господарскаго хозяйства, отъ эксплуатаціи нѣкоторыхъ господарскихъ угодій (частичной) далеко еще до владѣнія государственными имуществами, которое г. Владимірскій-Будановъ, слѣдуя Даниловичу, приписалъ намѣстни-

камъ-державцамъ, изучаемаго времени (въ Христоматіи по исторіи русскаго права, вып. II, стр. 33, прим. 19).

571. При отправленіи суда намѣстники-державцы получали въ свою пользу: извѣстный процентъ съ суммы иска, называвшійся „пересудомъ“, съ истца, доискавагося своего, а до 1509 г. и съ оправданнаго отвѣтчика; „повинное“, или извѣстный процентъ съ „вины“, т. е. судебныхъ штрафовъ, шедшихъ въ пользу господаря, а иногда взаимнѣ этого „вины малая“ (не свыше 50 грошей); „выметное“, т. е. деньги, которыя условливались платить намѣстнику-державцѣ тяжущіеся, державшіе между собою судебное пари; „завлады“ или „заруки“, которыя тяжущіеся устанавливали по обоюдному соглашенію въ пользу намѣстника-державцы съ цѣлью пресѣчь дальнѣйшія правонарушенія; „поволодное“ или „повежное“ съ тѣхъ, кого выпускали изъ колоды и тюрьмы; наконецъ, повидимому, часть „вишоваго“, „дѣцкованья“ и „увязчого.“

572. Доходы, получавшіеся намѣстниками-державцами отъ ихъ административной дѣятельности, сильно разнообразились по отдѣльнымъ мѣстностямъ, какъ разнообразилась и самая административная дѣятельность ихъ.

573. Таковы были, напр., „поклоны“, которые они получали при раздачѣ крестьянамъ сѣмянъ изъ господарскихъ житницъ „въ отсопъ“ или „на пенязи“ и при раздачѣ пустовщинъ, „обвѣтки“ съ купцовъ и т. д.; болѣе или менѣе общими доходами были доходы съ крестьянскихъ властей при ихъ назначеніи или утвержденіи и „выводныя кунцы“ съ жениховъ, выводившихъ невѣсть изъ мѣста или волости на сторону.

574. По особому пожалованью отъ господаря намѣстники державцы получали иногда разные сборы, которые въ старину шли особымъ должностнымъ лицамъ, а въ изучаемое время, переживъ ихъ, собирались господаремъ въ свою пользу, какъ обыкновенныя подати, или же раздавались частнымъ лицамъ въ видѣ жалованья.

575. Таковы были „тивунщина великая и малая“, „бобровщина“, „ловчое“, „ловодничое“, „данничое“ и „соколничое“ въ Педвѣпрскихъ, Задвинскихъ и нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ.

576. По особому пожалованью или „установѣ“ отъ господаря намѣстники-державцы получали иногда и часть собственныхъ господарскихъ доходовъ или за свои особыя заслуги, или за то, что принимали на себя нѣкоторыя обязательства, которыя прямо не связаны были съ ихъ должностью.

577. „Въ заставу“ или „на выбиратье пенязей“ намѣстники-державцы получали и всѣ или большую часть господарскихъ доходовъ въ своемъ повѣтѣ.

578. При „заставѣ“ господарскіе доходы шли въ видѣ процентовъ на занятую господаремъ у намѣстника-державцы суммы до уплаты этой суммы.

579. Часть господарскихъ доходовъ, шедшая въ такихъ случаяхъ намѣстникамъ-державцамъ, разнообразилась по величинѣ сообразно съ суммою долга и доходностью повѣта.

580. Въмѣстѣ съ господарскими доходами уступались при этомъ обыкновенно и доходы другихъ урядниковъ, мѣстныхъ и центральныхъ.

581. При отдачѣ замка или двора съ повѣтомъ „на выбиратье пенязей“ господарскіе доходы и доходы другихъ урядниковъ шли въ погашеніе господарскаго долга съ процентами.

582. Это погашеніе совершалось или въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ, или въ опредѣленномъ количествѣ денегъ каждый годъ.

583. Такимъ образомъ отдача господарскихъ замковъ и дворовъ съ волостями „на выбиратье пенязей“ имѣла характеръ отдачи на откупъ или въ аренду всѣхъ доходовъ съ нихъ.

584. Съ отдачею замка или двора съ волостью „на выбиратье пенязей“ въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ соединялась обыкновенно отдача его послѣ того „въ держанье до живота“, такъ что для откупщика при этой сдѣлкѣ было мало риска.

585. До какой степени выгодны были пожизненные державы, или намѣстничества, видно изъ того, что господарскіе кредиторы отступались часто совсѣмъ отъ своего долга, лишь бы получить отъ господаря привилей на держанье замка или двора съ волостью „до живота“.

586. Застава замка, двора и мѣста съ волостью и отдача ихъ „на выбиратье пенязей“ обыкновенно соединялись съ отдачею ихъ въ намѣстничество, но не всегда: бывали случаи, когда господарь отдавалъ „на выбиратье пенязей“ одни свои доходы, а намѣстничество само собою и отдѣльно.

587. Тѣмъ менѣе можно повторять за Даниловичемъ, что литовско-русскіе намѣстники eo ipso были и арендаторы великовнѣзскихъ имуществъ: если они и бывали таковыми, то случайно, вслѣдствіе долговыхъ обязательствъ господаря.

588. Отдача замковъ и дворовъ съ волостями „въ заставу“ и „на выбиратье пенязей“ особенно часто стала практиковаться при королѣ Сялизмундѣ, который нашелъ въ ней одно изъ средствъ для

покрытія чрезвычайныхъ расходовъ; вызванныхъ напряженною борьбою съ Москвою.

589. Намѣстники-державцы, какъ и другіе урядники при назначеньѣ на должность платили господарю „челобитье“.

590. Въ XV вѣкѣ назначенье на должности часто имѣло характеръ настоящей продажи ихъ, вслѣдствіе чего и намѣстничества отдавались иногда состоятельнымъ людямъ изъ мѣщанъ и волостныхъ людей.

591. Великій князь Александръ въ общеземскомъ привилеѣ 1492 года обѣщаль не требовать ничего съ назначелья на должности и довольствоваться тѣмъ, кто что дастъ по доброй волѣ.

592. Такое обѣщаніе по существу дѣла мало къ чему обязывало, а потому и послѣ того встрѣчаемся по актамъ съ „челобитьемъ“, которое платилось господарю при назначеньѣ на должности, при чемъ, конечно, могла имѣть мѣсто и конкуренція лицъ, добивавшихся должности.

593. Челобитье получали также воеводы и старосты, по представленью которыхъ господарь раздавалъ дворы съ волостями за исключеніемъ окраинныхъ замковъ.

594. Въ земляхъ Кіевской, Смоленской, Витебской и Полоцкой въ изучаемое время все еще держался старинный обычай раздавать намѣстничества на годъ, хотя дѣйствіе этого обычая простиралось уже на немногія волости, и соблюдался онъ не строго (намѣстничества давались на два, на три и болѣе лѣтъ).

595. На годъ раздавались въ держанье такія волости, гдѣ не было собственнаго хозяйства великаго князя.

596. Намѣстничества раздавались также и на неопредѣленное время, „до воли господарской“; но преобладала раздача намѣстничества „до живота“.

597. Въ пожизненное держанье раздавались преимущественно волости, гдѣ велось собственное хозяйство великаго князя, гдѣ намѣстники-державцы дѣйствовали на правахъ господарскихъ приказчиковъ, получая часть доходовъ съ этого хозяйства.

598. И собственный интересъ господаря, и интересъ его приказчиковъ приводилъ къ установленію обычая раздавать такія волости въ пожизненное держанье: краткіе сроки держаній вели только къ расхищенію господарскаго добра; надлежащая энергія и заботливость со стороны урядниковъ возможны были только при увѣренности, что имъ долго придется пользоваться ихъ плодами.

599. Господарь, однако, отбиралъ иногда волости, данныя въ держанье до живота съ тѣмъ, чтобы замѣнить ихъ болѣе прибыльными.

600. Державы отбирались и въ тѣхъ случаяхъ, когда урядники оказывались „роспрошителями и шводниками“ господарскаго хозяйства и когда своими притѣсненіями и „кривдами“ разгоняли населеніе, отъ чего страдали господарскіе доходы.

601. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ по тѣсной связи съ господарскимъ долженъ былъ выступить и общественный интересъ.

602. Вообще же грубая идея кормленья въ своемъ послѣдовательномъ развитіи и дѣйствіи въ жизни должна была найти себѣ предѣлы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызвать въ сознаніи правительства и общества противоположную, хотя пока и смутную идею государственной должности.

ОЧЕРКЪ IV.

Правительственная дѣятельность и значеніе въ областяхъ воеводъ и старостъ.

Воеводы и старосты въ роли мѣстныхъ правителей въ волостяхъ, не раздававшихся въ особое державье; способъ ихъ управленія (преимущественно при помощи слугъ).—Связь съ этими волостями въ отношеніи барщинныхъ и другихъ повинностей волостей, раздававшихся въ особое державье; подчиненіе и этихъ послѣднихъ волостей вѣдѣнію и власти воеводъ и старостъ.—Государственныя повинности крупныхъ княжескихъ и панскихъ имѣній, не входившихъ въ составъ повѣтовъ намѣстниковъ-державцевъ, тивуновъ и другихъ мѣстныхъ правителей; изыятія отъ этихъ повинностей.—Воеводы и старосты, какъ главные администраторы и высшіе судьи по дѣламъ о выполненіи барщинныхъ на господаря и государственно-земскихъ повинностей.—Отношеніе къ нимъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ по дѣламъ господарскаго дворцоваго хозяйства и сбору податей и пошлинъ.—Господарскіе урядники по отдѣльнымъ отраслямъ управленія при воеводахъ и старостахъ: окольникіе (въ Смоленской землѣ), казначей (въ Смоленской землѣ и Брянскомъ повѣтѣ), городничіе, конюшіе и подконюшіе, тивуны, влючники и подвлючіе, данничіе, ловчіе, бобровничіе, сокольничіе, гаевники, лѣсничіе и др.; происхожденіе, права и обязанности этихъ должностныхъ лицъ и отношеніе ихъ къ воеводамъ и старостамъ.—Воеводы и старосты, какъ высшіе военачальники въ областяхъ, и подчиненіе имъ другихъ мѣстныхъ правителей въ ихъ военныхъ округахъ; значеніе маршалка Волынской земли при старостѣ Луцкомъ.—Дѣятельность воеводъ и старостъ по устройству военно-служилого землевладѣнія въ качествѣ главныхъ правителей областей; намѣстники-державцы и тивуны, какъ ихъ органы въ этой дѣятельности.—Воеводы и старосты, какъ главные и высшіе судьи въ областяхъ; подчиненіе ихъ юрисдикціи намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, а также крупныхъ землевладѣльцевъ, не состоявшихъ въ присудѣ сихъ послѣднихъ; изыятія изъ юрисдикціи воеводъ и старостъ.—Судебно-административныя „рады“ при воеводахъ и старостахъ; ихъ происхожденіе.—Судебная дѣятельность воеводъ и старостъ на областныхъ съѣздахъ, или „сеймахъ“; происхожденіе этихъ сеймовъ.—Избраніе

должностныхъ лицъ и законодательная дѣятельность на областныхъ сеймахъ.— Воеводы и старосты, какъ политическіе представители областей.— Общія заключенія.

I.

Какъ видно изъ фактовъ, сгруппированныхъ во второмъ очеркѣ, тивуны и замѣнившіе ихъ намѣстники-державцы были типичными и наиболѣе распространенными мѣстными правителями въ собственной Литовской землѣ, въ такъ-называемой Руси, тѣсно къ ней примыкавшей, въ землѣ Жмудской и отчасти въ Кіевской. Въ этихъ областяхъ намѣстники-державцы и тивуны, можно сказать, выполняли большую часть текущей правительственной работы. Въ другихъ областяхъ также встрѣчается правителей того же типа, но немногихъ: текущее управленіе въ нихъ сосредоточено главнымъ образомъ въ рукахъ намѣстниковъ, переименованныхъ въ воеводъ и старостъ; кромѣ того, по отдѣльнымъ волостямъ въ земляхъ Витебской, Полоцкой и Смоленской встрѣчаемъ годовыхъ намѣстниковъ изъ мѣстныхъ бояръ. Но и въ тѣхъ областяхъ, гдѣ намѣстники-державцы и тивуны преобладали въ составѣ мѣстной администраціи, на долю воеводъ и старостъ приходилась значительная часть правительственной работы. Прежде всего, какъ уже было указано во второмъ очеркѣ, воеводы и старосты вѣдали судомъ и управою извѣстный контингентъ волостей, не раздававшихся въ особое держанье и составлявшихъ воеводства и староства въ тѣсномъ смыслѣ. Часть этихъ волостей попала въ управленіе къ воеводамъ и старостамъ, какъ къ намѣстникамъ извѣстныхъ городовъ области, а часть—какъ къ лицамъ, замѣнившимъ собою удѣльных князей. Отъ удѣльных князей воеводы и старосты получили извѣстную долю правительственной власти и значенія по отношенію къ областямъ въ полномъ ихъ составѣ, такъ какъ не всѣ функціи удѣльных князей государь перенесъ на себя непосредственно, какъ не уничтожилъ онъ совершенно и политической личности и самостоятельности областей. Въ качествѣ преемниковъ и замѣстителей удѣльных князей воеводы и старосты выполняли также не мало правительственной работы.—Разсмотримъ сначала дѣятельность ихъ, какъ правителей извѣстныхъ волостей въ областяхъ.

Эта дѣятельность вырисовывается по актамъ совершенно въ томъ же видѣ, какъ и дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ. Воеводы и старосты являются привязчиками по дворцовому хозяйству, сборщиками податей и пошлинъ, комендантами крѣпостей, распоряжающимися ихъ постройкою и ремонтомъ и завѣдывающими обо-

роною повѣта, начальниками мѣстныхъ военныхъ силъ, завѣдывающими ихъ организаціею и устройствомъ военнослужаго землевладѣнія, и общими для всѣхъ жителей судьями по нѣкоторымъ дѣламъ и въ извѣстныхъ случаяхъ. Отъ всей этой дѣятельности воеводы и старосты получаютъ тѣ же доходы обычные и экстраординарные, какъ и намѣстники-державцы; такъ же, какъ и послѣдніе, они получаютъ свои воеводства и староства большею частью „до живота“ или „до осмотра дѣлшимъ а пожиточнѣйшимъ вѣдомъ“.

На страницахъ 303, 320, 364—368 третьяго очерка уже приведены были нѣкоторыя данныя относительно того, что при замкахъ, служившихъ резиденціями воеводъ (Кіевскаго, Смоленскаго, Полоцкаго и Витебскаго) и старостъ (Луцкаго, Владимирскаго и Кременецкаго, Брагславскаго и Вѣницкаго) велось господарское хозяйство. Нѣкоторыя данныя о томъ, что воеводамъ и старостамъ приходилось завѣдывать господарскимъ хозяйствомъ можно почерпнуть, кромѣ того, въ подробностяхъ втораго очерка. Тамъ, напр., указаны господарскіе дворы и дворцы въ волостяхъ Роконтяшской, Межижской, Ловаряшской и Рудоминской, находившихся въ держанѣ воеводства Виленскаго (стр. 108—110); господарскіе дворы Остапинъ, Негнѣвичи и др., которые были держаны въ замку Новгородскому (стр. 128—132); указано на существованіе господарскаго хозяйства въ собственной Троцкой волости, находившейся въ держанѣ воеводства Троцкаго (стр. 140), на существованіе господарскаго хозяйства при замкѣ Городенскомъ, бывшемъ резиденціею намѣстника-старосты (стр. 179), при замкѣ Берестейскомъ, бывшемъ также резиденціею намѣстника-старосты (стр. 183), при замкѣ Мельницкомъ (стр. 189) и, наконецъ, при замкѣ Брянскомъ (стр. 282). Въ дополненіе приведемъ здѣсь подобныя же указанія относительно другихъ намѣстниковъ-старостъ. Въ 1507 году король Сигизмундъ пожаловалъ невѣсткѣ своей, королевѣ Еленѣ, въ пожизненное владѣніе замокъ Бѣльскъ съ мѣстами Саражемъ и Брянскомъ „и со всеми боярами и слугами путными и людьми тяглыми и данники Бѣлскаго повѣта“¹⁾. Существованіе тяглыхъ людей въ Бѣльскомъ повѣтѣ даетъ основаніе предполагать, что въ немъ велось собственное хозяйство великаго князя. На это, впрочемъ, можно привести и прямыя указанія источниковъ. Тамъ существовалъ, напр., дворъ господарскій Клещелязи, при которомъ панъ Миколай Миколаевичъ по порученію короля Сигизмунда оса-

¹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 8.

диль мѣсто²⁾); существовалъ дворъ Саражъ, къ которому староста Бѣльскій панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаптольдъ привернулъ землю Беюковскую съ тремя человѣками, принадлежавшую боярину смоленскому Григорью Жабѣ, давъ ему взаменъ Янка и брата его Петра Кгелейковичей съ землею ихъ³⁾ и т. д. д. Воевода Полоцкій, староста Дорогицкій, панъ Петръ Станиславовичъ получилъ отъ короля въ заставу замокъ Дорогичинъ „со всеми людьми нашими (т. е. господарскими) повѣту Дорогичного путными и данными, и тѣлыми, и зъ илъ всеми службами, и зъ даными грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными, што передъ тымъ на насъ и на вранниковъ нашихъ хоживали, и съ подымщиною, и зъ волчосомъ, и съ ставы, и зъ мины“⁴⁾... Здѣсь мы опять встрѣчаемъ тяглыхъ людей, а слѣдовательно и дворные господарскіе пашни съ угодьями; отдѣльныя статьи господарскаго хозяйства, впрочемъ, прямо указаны въ заставномъ листѣ.

Итакъ, въ волостяхъ, находившихся подъ управленіемъ воеводъ и старостъ, несомнѣнно велось хозяйство на господарскихъ дворныхъ пашняхъ и угодьяхъ. Воеводы и старосты такъ же, какъ и наместники-державцы, должны были получать нормы съ этого хозяйства, а излишекъ составлялъ господарскій доходъ, который шелъ или на прокормленіе гарнизона, буде онъ находился въ резиденціи воеводы или старосты, или въ раздачу въ видѣ жалованья, или въ продажу (само собою разумѣется, что и челядь дворная содержалась на счетъ же доходовъ господарскаго хозяйства). На такое распределеніе доходовъ господарскихъ дворовъ и дворцовъ, находившихся въ распоряженіи воеводъ и старостъ, были даны нѣкоторыя указанія уже въ третьемъ очеркѣ (стр. 364—368). Приведемъ въ дополненіе еще нѣкоторыя другія. Король Александръ пожаловалъ костелу Витебскому десятину „съ фольварковъ и зъ дворовъ нашихъ (господарскихъ), къ Витебску слушающихъ, то есть Витебско, Любошкovo, Тулово, Лужесна, Леница, со всякого зерна осѣвковаго, зъ ярыны и озимины, и со всего овощу огородного“⁵⁾. Въ уставѣ, данной въ 1514 году старостѣ Городенскому пану Юрью Миколаевичу Радивиловича, читаемъ между прочимъ: „такъ же и жыта, которыми ся сѣють по тымъ дворомъ нашимъ Городенскимъ, напередъ какъ пожонши жыто маеть, староста отдати челяди нашей невольной мѣсячину на весь годъ, а потомъ съ

²⁾ Ibidem, № 123.

³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 224, 225.

⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 92.

⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 296, 297.

жыта и зъ яринъ всякихъ выймуемъ на насъ двѣ части, а на старосту третья часть маеть быги; и тыи двѣ части, которыи выймуемъ на насъ, мають быти ставлены въ гумнахъ нашихъ, а не маеть то рушано быти безъ нашего вѣдома господарского“ ⁶⁾. Господарь или раздавалъ этотъ хлѣбъ по частямъ на мѣстѣ, или бралъ его цѣликомъ, для чего посылался иногда особый дворянинъ, или же, наконецъ, приказывалъ продать этотъ хлѣбъ, а деньги внести въ скарбъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно предположить по аналогіи съ тѣмъ, что мы знаемъ относительно намѣстниковъ-державцевъ. На то, что господарь посылалъ иногда отбирать свои хлѣбные запасы цѣликомъ, имѣемъ и прямое указаніе. Король Сигизмундъ 29 февраля 1511 года принималъ отчетъ отъ Васка Хитраго, о которомъ въ записи его приходовъ читаемъ: „взялъ, повѣдаеть, отъ пана Станислава Петровича, старосты Городенского, шесть сотъ полубочковъ жыта безъ девяти; а отъ городничого Городенского пана Ѳедка Гавриловича триста и двадцать и чотыри полубочки жыта, а 16 поставовъ сукна луньского, кождый поставъ по 10 копъ личачи“ ⁷⁾. Ясное дѣло, что у старосты былъ взять хлѣбъ, уродившійся на господарскихъ дворныхъ пашняхъ, а не собранный съ крестьянъ: послѣдній находился и взять былъ у городничаго Городенскаго. Въ военное время старосты, какъ и намѣстники-державцы, иногда отправляли господарскій хлѣбъ въ украинные замки, которымъ наиболѣе грозила опасность, и въ которыхъ содержались наиболѣе многочисленныя залогы. Среди актовъ и документовъ 1535 года встрѣчаетъ между прочимъ запись „о жыта разсыланье по украиннымъ мѣстомъ“. „До Кіева жыто,—читаемъ здѣсь,—маеть послано быти: на первѣй панъ Виленскій, староста Городенскій, обѣцалъ передъ господаремъ и передъ всеми паны радами дати до Кіева жыта зъ Городна пять сотъ бочокъ: сто бочокъ маеть отослати до Слуцка своими подводами (это едва ли не было его собственное жыто), а подъ чотыреста бочокъ солянокъ мають быти подводы зъ дворовъ господарскихъ до Слуцка, коли попишуть дворы. А къ тому до Кіева зъ Берестья 100 бочокъ жыта, зъ Мельника 100 бочокъ жыта, съ Каменца, 100 бочокъ, Слонима 200 бочокъ“ ⁸⁾. Изъ приведенныхъ фактовъ съ достаточною ясностью обнаруживается, что воеводы и старосты хозяйничали не на себя только, но и на господаря. Исклю-

⁶⁾ Акты Зап. Рос. II, № 87.

⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 114.

⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 235.

ченіе въ данномъ случаѣ за старостою Жмудскимъ, который обрабатывалъ дворныя пашни всецѣло на себя, такъ что и господарскіе тяглые люди и другіе вѣрстьяне несли барщинныя повинности на старосту; объ этомъ, впрочемъ, была уже рѣчь на стр. 369 и 680 третьяго очерка.

Луга и пастбища, рѣки, озера и лѣсныя угодыя въ волостяхъ воеводъ и старостъ такъ же, какъ и въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ, эксплуатировались большею частью на господара. „А озера вси у повѣтѣ Городеньскомъ,—читаемъ, напр., въ вышеупомянутой уставѣ старостѣ Городенскому,—и ѣзы по рѣкамъ, то тежъ масть быти къ нашому пожитку господарскому“. Король Александръ въ составѣ десятины пожаловалъ востелу Витебскому десятую часть улова рыбы на замокъ Витебскій ⁹⁾, изъ чего видно, что рыба ловилась здѣсь на господара. Объ эксплуатаціи другихъ угодій на господари будетъ еще рѣчь впереди. Впрочемъ, несомнѣнно, что отчасти и воеводы, и старосты эксплуатировали господарскія угодыя на себя, какъ это мы видѣли и въ отношеніи намѣстниковъ-державцевъ. Такъ, напр., Кіевскіе воеводы ѣздили въ пущи господарскіе въ ловы и въ степь съ соколами, для чего держали при себѣ особыхъ сокольниковъ ¹⁰⁾; воеводы Витебскіе, Смоленскіе и Полоцкіе также ѣздили въ ловы ¹¹⁾ и даже имѣли собственныхъ ловчихъ, которые завѣдывали охотою на нихъ и отличались отъ „господарскихъ“ или „земскихъ“ ловчихъ, завѣдывавшихъ господарскою охотою ¹²⁾. Такъ какъ и ловлею рыбы въ господарскихъ озерахъ и рѣкахъ Витебской земли завѣдывали урядники Витебскаго намѣстника-воеводы, то отсюда позволительно заключить, что намѣстникъ-воевода пользовался частью улова. Въ 1497 году великому князю Александру жаловался намѣстникъ Витебскій на волости Озерицскую и Усвятскую, „што жъ они не хотять волоčiti озера Вымна, а здавна дей, за первыхъ намѣстникъ Витебскихъ, тое озеро они волочывали“. На это старцы Озерицскій и Усвятскій и мужи возразили: „правда есть, волочывали есмо тое озеро, але то намъ первыи намѣстники Витебскіе новину учинили, привернули насъ мощно къ тому озеру“. Въ доказательство они представили листы Витовта, Сигизмунда и короля Казимира, по

⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, 296, 297.

¹⁰⁾ Акты Зап. Рос. I, № 120.

¹¹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 204, 213; II, № 70.

¹²⁾ Акты Зап. Рос. I, № 213; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 209, 210; XVI, л. 24, 47.

тамъ не было ничего не написано въ ихъ пользу, а глухо было только сказано, что имъ озера господарскія волочить, а *неводничимъ намѣстниковъ Витебскихъ* грошей съ нихъ не брать. Намѣстникъ Витебскій сталъ доводить на нихъ князьями и боярами земли Витебской, и въ концѣ концовъ они сознались, что издавна озеро Вымно волочивали. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ расширеніемъ рыболовства, какъ повинности крестьянъ, которое произвели намѣстники Витебскіе, пользуясь неопредѣленностью на этотъ счетъ волостныхъ грамотъ. Такъ поступили они, очевидно, не въ интересахъ только господаря, а и въ своихъ собственныхъ, подобно тому, какъ и господарскія пашни дворныя они расширяли отчасти и въ своихъ собственныхъ интересахъ. Тогда же намѣстникъ Витебскій жаловался великому князю на всю волость Озерицкую, „што жъ они не хотятъ на рѣцѣ на Лужеснѣ лубъ косити и езовъ забивати подѣ Сваридовичы а подѣ Лихочовымъ: издавна они тыи луби копывали, а езы забивывали подѣ Сваридовичы а подѣ Лихочевичы, а и *езовничими державцовъ Витебскихъ* передѣ тымъ на тыхъ езѣхъ лежывали“. Старецъ и мужи сначала было утверждали то же самое, что и по поводу озера Вымна, но потомъ, уличаемые „князьми и бояры“, сознались, что это была исконная ихъ повинность. Езовничихъ мы встрѣчаемъ и въ землѣ Полоцкой и, повидимому, также въ качествѣ урядниковъ воеводы ¹³⁾. Старосты Городенскіе держали на себя мельницы на Нѣманѣ и другихъ рѣкахъ своего повѣта ¹⁴⁾ и т. д. Впрочемъ, какаго либо общаго правила въ этомъ отношеніи не было, и въ каждомъ воеводствѣ или староствѣ были свои порядки, которые велись изстари и выработались при разнообразныхъ условіяхъ и вліяніяхъ.

Въ отдѣльныхъ волостяхъ своихъ держаній воеводы и старосты по веденію господарскаго хозяйства, по сбору различныхъ податей и налоговъ, по суду и управѣ среди крестьянъ и по другимъ мелкимъ, но многочисленнымъ дѣламъ, обыкновенно замѣнялись своими намѣстниками. Во второмъ очеркѣ было указано, напр., что воевода Виленскій держалъ своихъ намѣстниковъ въ волостяхъ Мемижской, Рудоминской и Быстрицкой, бывшихъ въ держаніѣ его воеводства (стр. 109, 110); воевода Витебскій держалъ намѣстниковъ въ волостяхъ Лужосенской и Илемницкой (стр. 248); намѣстникъ - воевода Смоленскій въ Вопецкой волости или пути (стр. 270) и т. д. Мало того, даже волости, въ которыхъ находились самыя резиденціи воеводъ и

¹³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 64; VIII, л. 209, 210.

¹⁴⁾ Акты Зап. Рос. II, № 87.

старость, поручались ими въ управленіе намѣстникамъ. Такимъ образомъ, акты упоминаютъ о намѣстникѣ Виленскомъ воеводы Виленскаго, о намѣстникѣ Троецкомъ воеводы Троецкаго, о намѣстникѣ Новгородскомъ воеводы Новгородскаго ¹⁵⁾ и т. д. Этѣхъ послѣднихъ намѣстниковъ, судя по ихъ названію, надо различать отъ тѣхъ урядниковъ, которыхъ воеводы и старосты оставляли въ своихъ резиденціяхъ вмѣсто себя во время своихъ отъѣздовъ. Такимъ образомъ, въ актахъ княженя Александра встрѣчаемъ Богдана Кевлу, намѣстника воеводы Виленскаго, и Богдана Войдиловича, Виленскаго намѣстника воеводы Виленскаго ¹⁶⁾, при Сигизмундѣ—Бойдена, намѣстника воеводы Новгородскаго Яна Яновича Заберезинскаго и Новгородскаго намѣстника того же воеводы—Холмовскаго ¹⁷⁾ и т. д. Правители областей назначали своихъ намѣстниковъ въ нѣкоторыя волости иногда только временно, на опредѣленный срокъ. Такимъ образомъ, напр., староста Луцкій давалъ отъ себя слугамъ своимъ „въ жалованье“ ярмарки въ Жидичинѣ и Дорогобужѣ, „намѣстничество по годомамъ держати“. Этѣ слуги судили и рядили всѣхъ людей, съѣзжавшихся на ярмарки, въ томъ числѣ и подданныхъ князей, пановъ и земянъ ¹⁸⁾. Въ волостяхъ, гдѣ не было господарскаго хозяйства и гдѣ населеніе состояло изъ данниковъ, воеводы и старосты обыкновенно не держали своихъ намѣстниковъ, подобно тому, какъ не держали своихъ намѣстниковъ въ такихъ волостяхъ своихъ повѣтовъ и намѣстники-державцы. Какъ мы видѣли въ третьемъ очеркѣ намѣстники-державцы вѣзжали въ такія волости на полюдье, для суда и управы и сбора своихъ доходовъ. Воеводы и старосты въ изучаемое время большею частью уже не имѣли права вѣзжаться въ такія волости на полюдье, а должны были судить и рядить на городѣ. „А на Черствяти,—читаемъ въ привилеѣ Полоцкой земли,—воеводинымъ слугамъ не судити, судити тивуну по старой пошлинѣ; также на Невлѣ судѣ не быти и по всей волости Полоцкой, судити воеводѣ Полоцкому на городѣ“. Выше въ томъ же привилеѣ сказано: „А по волости нашей воеводѣ нашему Полоцкому не ѣздити; а поѣдетъ ли коли въ ловы, ино по станомъ не дарити“ ¹⁹⁾. Изъ этого ясно, какой объѣздъ запрещенъ воеводѣ: запрещено полюдье, объѣздъ для суда и управы и полученія дохода. То же самое гласитъ

¹⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 35, 45, 259; Акты Зап. Рос. II, № 128.

¹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 35, 85; VI, л. 70.

¹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 37, 38; 152.

¹⁸⁾ Акты Зап. Рос. II, № 54.

¹⁹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 70.

и привилей Витебской земли ²⁰⁾. Привилей, данный королемъ Александромъ Смоленской землѣ, говоритъ объ объѣздѣ воеводою *дворовъ Смоленскихъ* и о ѣздѣ на ловы въ такой формѣ, которая даетъ основаніе думать, что по волостямъ, гдѣ не было господарскихъ дворовъ, воевода не ѣздилъ: „панъ Миколай Радивиловичъ, — читаемъ здѣсь, — воевода Виленскій, канцлеръ нашъ, какъ отъ его милости (короля Казимира) Смоленскъ держалъ, хотѣлъ имъ новины вводити тые: коли зъ города Смоленска ѣздивалъ по дворомъ Смоленскимъ або въ ловы, тогда въ нихъ подводы биривалъ зъ мѣста подъ себе и подъ свои рѣчи“ ²¹⁾ и т. д. Здѣсь нѣтъ ни слова о выѣздѣ на полюдь, хотя волости, состоявшія исключительно изъ данниковъ, были въ землѣ Смоленской, и въ нихъ ѣздили выбирать дань, какъ увидимъ ниже, особые данничіе. Такія же волости были въ изучаемое время, хотя и въ остаткахъ, и въ землѣ Волынской, при чемъ населеніе ихъ давало полюдь старостѣ на замокъ, изъ чего видно, что самъ староста уже не въѣзжалъ въ нихъ на полюдь. Такъ, напр., великій князь Александръ въ 1499 году подтвердилъ Ивашку Пашкевичу „въ Луцеомъ повѣтъ у Мелницкой волостцѣ у Песочномъ семь дворницъ зъ людьми и зъ ихъ землями папными и зъ бортными, и зъ сѣножатями, и зъ данью грошовой и медовою, и съ тою пошлиною, што на замокъ нашъ Лучоскъ, *старость на полюдь*, на годъ дають по копѣ грошей, и зъ сторожовщиною, и што за дрова дають на городъ по дванадцати грошей, и жито, и овесъ, и сѣно дають“ ²²⁾. Въ общемъ такихъ волостей въ держаньяхъ воеводъ и старостъ было сравнительно мало, а потому и управленіе въ своихъ держаньяхъ воеводы и старосты вели преимущественно при помощи своихъ намѣстниковъ. Въ распоряженіи и подъ начальствомъ этихъ послѣднихъ состояли тивуны дворные и собственныя крестьянскія власти, о которыхъ достаточныя свѣдѣнія были уже даны въ третьемъ очеркѣ.

Воеводы и старосты принимали, конечно, и личное дѣятельное участіе въ управленіи ввѣренными имъ повѣтами, подобно тому, какъ и самъ государь, поручая чинить судъ и управу въ областяхъ своимъ намѣстникамъ, судилъ и рядилъ обращающихся къ нему по различнымъ дѣламъ областныхъ жителей и давалъ различные указы и распоряженія мѣстнымъ правителямъ. Личная дѣятельность воеводъ и

²⁰⁾ Акты Зап. Рос. I, № 204.

²¹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 213. Срав. Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 209, 210 объ объѣздѣ воеводы Полоцкаго.

²²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 97.

старость имѣла мѣсто, конечно, болѣе всего въ ихъ резиденціяхъ и волостяхъ, ближайшихъ къ ней. Въ актахъ встрѣчаемся съ распорядительною дѣятельностью воеводъ и старость даже по устройенію господарскаго хозяйства. „Такожь,—читаемъ въ привилеѣ Смоленской земли, и тую новину панъ Миколай ввелъ было имъ (мѣщанамъ Смоленскимъ): велѣлъ имъ со всего мѣста люди выгонати на Ессую прудовъ сыпати, а здавна того мѣщане не дѣлывали, ни жили тягле люди пруды сыпывали“²³⁾. Впрочемъ, такіа указанія сравнительно рѣдко попадаются въ актахъ, потому что эту дѣятельность выполняли преимущественно намѣстники и другіе урядники воеводъ и старость.

Но за то довольно много встрѣчаемъ въ актахъ указаній на дѣятельность воеводъ и старость по устройству крестьянскаго землевладѣнія и служебъ. Воеводы и старосты такъ же, какъ и намѣстники-державцы, осаживали крестьянъ на пустощинахъ или на сыромъ корню на ту или другую службу, выводили господарскихъ непохожихъ людей изъ мѣстъ или съ имѣній частныхъ владѣльцевъ и т. д. Такимъ образомъ, напр., намѣстникъ-староста Городенскій Янъ Насутичъ, державшій Городно отъ короля Казимира, далъ „человѣку“ Сѣрку землю Зубковщину въ Скидельской волости (тогда принадлежавшей къ старостству Городенскому) „на особную службу и дякло“²⁴⁾. Панъ Станиславъ Петровичъ, бывшій старостою Городенскимъ при королѣ Сигизмундѣ, далъ человѣку Городенскаго повѣта Ивану Оленевичу съ братьею землю Моисейковщину „на особную службу и дякло“. Король 15 іюля 1511 года подтвердилъ Ивану Оленевичу съ братьею землю и писалъ старостѣ: „нехай они тую землю Моисейковщину держать, а намъ съ нее службу особную служить и дякло дають по тому, какъ и передъ тымъ съ тое земли служба и дякло шло“. Король, кромѣ того, писалъ старостѣ. „И тежь повѣдилъ передъ нами, што жъ дей дяковичъ его на имя Олекса Ходычичъ, не могучи зъ отчизны своее службы послужити, и шполь прочъ, и тими дей разы тая земля дяковщина ихъ лежитъ пуста; и били намъ чоломъ, абыхмо то придали имъ къ ихъ отчизнѣ, бо дей въ нихъ земли отчизное велми мало, не мають намъ службы суполное послужити. Прото, абы твоя милость того достаточне ся довѣдалъ, естли будетъ то намъ не шводно, и твоя бы милость имъ приволилъ тую Ходыковщину пахати дотоль, поки тотъ дяковичъ ихъ на тую отчизну

²³⁾ Акты Зап. Рос. I, № 213. Срав. *ibidem*, № 153.

²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л 42.

свою прійдетъ“²⁵⁾. Такимъ образомъ, староста Городенскій, какъ и намѣстники-державцы, и suo motu устраивалъ крестьянское землевладѣніе и службы, получая утвержденіе своимъ распоряженіямъ отъ господаря, и былъ также исполнителемъ распоряженій и указаній по этой части, полученныхъ отъ господаря. Староста Жмудскій придавалъ земли господарскимъ крестьянамъ, отчины которыхъ были малы: въ 1507 году король Сигизмундъ подтвердилъ боярину вгедройтскому Балтромею Станьковичу 20 человекъ пожалованныхъ ему королемъ Александромъ въ Дирвянской волости Жмудской земли, „зъ ихъ братьею и зъ братаничы, и зъ сынами, и со всеми ихъ землями пашными, и съ придаными, што имъ будетъ панъ староста Жомойтскій придалъ“²⁶⁾. О дѣятельности воеводъ по возвращенію господарскихъ непохожихъ людей на ихъ отчины нѣкоторыя свидѣнія были уже даны въ третьемъ очеркѣ (стр. 376).

При раздачѣ господаремъ пустыхъ и населенныхъ земель военно-служилымъ людямъ и духовенству воеводы и старосты давали справки о жалуемыхъ имѣньяхъ и стерегли за тѣмъ, чтобы отъ этой раздачи не терпѣло господарское хозяйство. Король Казимиръ писалъ намѣстнику Новгородскому пану Мартину Гаштольдвичу: „Здѣсе просилъ у насъ панъ Иванъ Ходковичъ, маршалокъ нашъ, намѣстникъ Лидскій, сѣножать, што у Подстарини, верхъ Мышчцовъ, и повѣдалъ намъ, што жъ дей тая сѣножать близко его людей. И мы и тебе о тую сѣножать пытали, абы намъ тая сѣножать не была шгодна, и ты намъ повѣдалъ, што жъ тая сѣножать близко пана Ивановыхъ людей, а намъ не есть шгодно. Прото жъ, если будетъ такъ, какъ ты намъ повѣдалъ, и мы тую сѣножать маршалуку пашому пану Ивану Ходковичу дали есмо“²⁷⁾. Въ 1482 году августа 15 Казимиръ писалъ намѣстнику Смоленскому: „Билъ намъ чоломъ князь Андрей Вдача и просилъ въ насъ трехъ селець у Смоленску пустыхъ, на имя Вележининова а Шовырино, а Тереховское, а и ты намъ повѣдалъ, же то годно ему дати, таковское. Ино мы ему тые три сельца дали, Вележининова а Шовырино, а Тереховское“. Обязанность воеводъ и старостъ блюсти въ такихъ случаяхъ интересы господарскаго хозяйства еще яснѣе обнаруживается въ листѣ Казимира къ тому же намѣстнику Смоленскому Миколаю Радивиловича отъ 2 сентября того же года. „Билъ намъ чоломъ,—читаемъ здѣсь,—казначей Смоленскій князь

²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 167.

²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 185.

²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 12.

Костентинъ Крошинскій и просилъ въ насъ селца на рѣцѣ на Гати, гдѣ живутъ псарци наши, на имя Захарья Корниловъ зъ братьею а Сава Пилиповичъ зъ братьею, а Ѳедорецъ Митиничъ Синяковъ, а повѣдалъ намъ, што жъ съ того селца одна намъ служба псарецкая и деть. И мы тебе о томъ пытали, и ты намъ повѣдалъ, ижъ годно ему тое дати, не велико есть, а служба одна съ того сельца псарецкая, и инялся еси тымъ псарцемъ индѣй гдѣ обыскавши землю дати противъ того такову жъ. И мы князю Костентину тое сельцо дали со всимъ, какъ ты псарци держали, а ты бы тымъ псарцемъ, индѣй гдѣ обыскавши землю, и далъ имъ противъ того, а жбы они намъ службу служыли, какъ и съ тое земли первое служывали²⁵⁾. Хотя въ приведенныхъ отрывкахъ актовъ говорится о намѣстникахъ Новгородскомъ и Смоленскомъ, но позднѣйшіе воеводы Новгородскіе были не это иные, какъ тѣ же намѣстники, съ новымъ только титуломъ, и все, что справедливо относительно намѣстниковъ, справедливо и относительно заступившихъ ихъ воеводъ и наоборотъ. То же самое нужно сказать и относительно другихъ намѣстниковъ, переименованныхъ въ воеводы и старосты. По представленью воеводъ а старость о томъ, что пожалованье будетъ двору господарскому шкодно, господарь отказывалъ челобитчикамъ или давалъ имъ други имѣнья. Въ 1510 году король Сигизмундъ писалъ старостѣ Городенскому пану Станиславу Петровичу: „Што перво сего билъ намъ челомъ дьякъ нашъ Андрей Милошевичъ и просилъ въ насъ пуца наше въ Городенскомъ повѣтѣ на двѣ версты верхъ рѣчки Слон, и мы о томъ писали до твоей милости, абы еси, того довѣдавшися, ели бы то намъ не шкодно было, и къ намъ отписалъ. И твоя милость отписалъ до насъ, повѣдаючи, што тое пуца шкодно намъ ему дати, и пишешъ твоя милость за нимъ, абыхмо его чимъ иншимъ осмотрѣли и пожаловали“. Андрей Милошевичъ просилъ у короля людей Городенскаго повѣта оребниковъ, четыре службы: Андрея Носевича, Чудина Крощина, Сенька Бологовича и Маня Гавриловича, и пустой земли Митрошевщины. „Маршалокъ и секретарь нашъ,—писалъ король старостѣ,—намѣстникъ Витебскій и Браславскій панъ Иванъ Сопѣга передъ нами повѣдилъ, што твоя милость писалъ до него о тыи люди оребники, ижъ то намъ не шкодно. Ино мы зъ ласки наше за его службу тымъ его пожаловали, тыи чотыри службы людей нашихъ оребниковъ и землю пустую Митрошевщину есмо дали

²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 115, 116.

со всеми ихъ землями пашными и бортными, и сѣножатми, и зѣ дякы, и со всемъ тымъ, какъ тыи люди намъ служили и замку нашому Городенскому. И твоя бы милость ему въ тыи люди и въ землю пустую увязанье даль²⁹⁾. Оребниковъ и землю пустовскую, очевидно, приискалъ дяку староста Городенскій взамятъ пущи. Руководился ли онъ при этомъ дѣйствительно хозяйственными интересами господаря или же поступилъ такъ на руку дяку, для насъ въ данномъ случаѣ безразлично: заявлялъ онъ радѣніе во всякомъ случаѣ о господарскомъ интересѣ. Иногда воеводы и старосты такъ же, какъ и намѣстники-державцы, собственною властью отмѣняли шкодное господарскому двору пожалованье господаря и замѣняли его тѣмъ, что отдать было не шкодно, разумѣется, съ окончательнаго утвержденья господаря. Король Сигизмундъ, пожаловавъ въ 1518 году дворянину Лукашу Гринковичу три земли пустовскихъ въ Городенскомъ повѣтѣ „у Виртилишскомъ селѣ“—Дробышевщину, Куриловщину и Кудовщину, писалъ старостѣ Городенскому пану Юрью Николаевичу Радивиловича, чтобы онъ, „довѣдавшись, если бы тыи земли пусты были, и ему въ то увезанье даль“. „И онъ повѣдилъ передъ нами,—писалъ король вторично старостѣ,—и жъ твоя милость водлугъ росказанья нашего того ся довѣдалъ, и жъ тые земли пусты лежать, и ему въ одну землю въ Куриловщину увезанье даль, а въ тые двѣ, у Дробышовщину а Кудовщину, не даль для того, и жъ есть промежку людьми нашими и имъ на переказѣ, а потомъ твоя милость, обыскавши двѣ земли пустовскихъ, на имя Малышовщину Масленчича а Моисеевщину Туровищъ, и ему напротивку того даль; какъ же онъ первшій листъ данину нашу и тежъ листъ твоей милости увязчій передъ нами вказывалъ, и билъ намъ чоломъ, абыхмо на тые три земли дали нашъ листъ“³⁰⁾. И самъ господарь, извѣщая воеводу или старосту о пожалованьѣ кому-нибудь людей съ землями или земель, приказывалъ прежде, чѣмъ ввести лицо во владѣніе ими, довѣдаться, не будетъ ли это ему, господарю, шкодно, и, если окажется дѣйствительно шкодно, обыскать другихъ людей. Король Сигизмундъ, пожаловавъ землянину дорогицкому Михаилу Косинскому двѣ земли пустыхъ въ Дорогицкомъ повѣтѣ въ Сморглевичахъ, Дулевскую и Мошковскую, писалъ старостѣ Дорогицкому пану Николаю Юрьевичу: „если бы то замку нашому не шкодно, абы ему въ тыи двѣ земли увязанье даль“. „Ино онъ (Косинскій) тыми разы,—писалъ король въ своемъ листѣ отъ 8 февраля 1514 года,—покла-

²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 335.

³⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. л. XI, 27.

далъ передъ нами листъ увязчій пана Николаевъ, тамъ пишетъ, што ся тычетъ тоей земли Дулевской, въ то ему увязанье не далъ для того, ижъ то замку нашему шкодно, а однакже, зъ *росказанья* *нашою* обравши двѣ земли тамъ же въ Сморглевичохъ, на имя Моршковскую а въ Чорной Куновскую, и его въ то увезалъ". Провѣривъ это распоряженье черезъ новаго старосту, пана Яна Яновича Заберезинскаго, который показалъ, что это замку господарскому не шкодно, король выдалъ Косинскому листъ-подтвержденье ²¹⁾. Иногда господарь, не имѣя свѣдѣній о томъ, какихъ людей и какія земли можно пожаловать безъ „шкоды“, прямо поручалъ воеводамъ и старостамъ „обьскать“ такихъ людей и такія земли. Такъ, король Казимиръ писалъ до пана Ивана Вяжевича, державшаго отъ него Смоленскъ, „ажбы далъ Мисайлу владыцѣ земли пустовскоѣ городскоѣ на двадцать челоувѣковъ, на чомъ бы могъ ихъ посадити, и дворы бы тии люди могли себѣ збудовати зъ огороды; и панъ Иванъ, столько земли обьскавши, далъ“ ²²⁾. Король Сигизмундъ по просьбѣ дворянина Лукаша Скирмина писалъ старостѣ Берестейскому князю Александру Юрьевичу, „ажбы обьскалъ у Берестейскомъ повѣтѣ два жеребы пустыхъ и ему далъ“. Староста исполнилъ приказанье короля „обьскалъ въ Берестейскомъ повѣтѣ въ Поболотскомъ десятку два жеребы пустыхъ, на имя Ранцовскій а Веляжинскій, и его въ то увезалъ“; король подтвердилъ эту данину своимъ листомъ отъ 2 іюля 1512 года ²³⁾. Воеводы и старосты, какъ и намѣстники-державцы, слѣдили за тѣмъ, чтобы крестьянскія земли не выходили изъ службы двору господарскому. Великій князь Александръ далъ было пану Григорью Остиковичу дворъ Кгекгужинъ, „што первѣй того держалъ панъ Мордасъ и сынъ его панъ Стасъ, со всимъ по тому, какъ они держалъ“. Но панъ Станько Костевичъ, намѣстникъ-староста Ковенскій, отвалъ у него нѣкоторыхъ людей дворца Кгекгужинскаго и привернулъ къ Ковну. На судѣ передъ великимъ княземъ онъ оправдывалъ свое дѣйствіе такимъ образомъ: „коли небожчикъ отецъ вапое милости король далъ дворець Жейменскій, што слушалъ къ Кгекгужинамъ, цара Шидихматову сыну зъ двадцатма чолоувѣки и зъ дворною папнею, а тии люди Кгекгужинскіи были прилучоны къ тому двору“ ²⁴⁾. Хотъ великій князь не принялъ въ соображеніе этотъ фактъ и отдалъ лю-

²¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, 170.

²²⁾ Акты Зап. Рос. I, № 118.

²³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л 463.

²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 101, 102.

дей пану Григорью Остиевичу, тѣмъ не менѣ самый поступокъ пана Станька соответствовалъ его обязанности, какъ господарскаго намѣстника. Поэтому и всѣ сдѣлки на крестьянскія земли должны были совершаться съ вѣдома и разрѣшенья воеводъ и старостъ, въ силу котораго обыкновенно утверждалъ эти сдѣлки и самъ господарь. Въ 1496 году передъ великимъ княземъ Александромъ тягались о землю люди Корничаны съ бобровникомъ Левонемъ. „И тотъ Левонъ,—читаемъ въ судовомъ листѣ великаго князя,—повѣдилъ передъ нами, што жъ тую землю купилъ въ иншого берестянина, на имя въ Ещичны, съ произволеньемъ пана Яна Насутича, какъ отъ отца нашего, короля его милости, Берестей держалъ, и съ тое земли службу особную служить и дань давалъ ажъ и до тыхъ часовъ“. Великій князь на основаніи всего этого оправилъ Левона и отъазалъ въ искѣ Корничанамъ³⁵⁾. Король Сигизмундъ въ 1507 году подтвердилъ пану Пвашку Зеновьевичу различныя имѣнья, въ томъ числѣ и земли, купленныя у людей Полоцкаго повѣта, мотивировавъ свое подтвержденье такимъ образомъ: „и на вси на тьи люди и земли данину-листы брата нашего ѿ листы дозволены его жъ милости *и державецъ Полоцкихъ*, и тежъ листы купчы, и запись панее Явубовое, тещи своее,... передъ нами вказывалъ“³⁶⁾. Староста Ковенскій панъ Юрій Ивановичъ Ильевича разрѣшилъ престарѣлому челоуѣку ковенскому Юшке Кинбутовичу взять боярина ковенскаго Балтромея Яновича „за сына мѣсто“—и передать ему землю съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ служилъ съ нея ту же службу, какъ и Юшко. Король 8 ноября 1523 г. подтвердилъ разрѣшеніе старосты и укрѣпилъ землю за бояриномъ³⁷⁾. Не иначе, какъ съ разрѣшенія воеводъ и старостъ и съ окончательнаго утвержденья господаря, господарскіе крестьяне могли мѣняться своими землями съ князьями, панами, боярами или земянами. Земли ихъ считались достояніемъ господаря, и потому воеводы и старосты должны были блюсти за тѣмъ, чтобы этою мѣною не нанесенъ былъ косвенно убытокъ господарю. При какихъ условіяхъ разрѣшались такіе обмѣны, можно видѣть, напр., изъ подтвердительнаго листа короля Сигизмунда, выданнаго въ 1525 году боярину смоленскому Григорью Софоновичу Денисова Жабѣ. „Тежъ повѣдилъ передъ нами,—читаемъ здѣсь,—што жъ люди наши Суражское волости (Бѣльскаго повѣта)—Бутко а сынъ его Степанъ, а Богданъ, а Мико-

³⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 74.

³⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 171, 172.

³⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 128.

лай Рачковичи, а Нарко зъ братомъ своимъ Гринемъ и зъ сынами своими Сидоромъ а Федемъ, а зъ Малапомъ мѣли поля и сѣножати свои промежи его земль Клевиновское а Кгелейковское, а онъ также промежи тыхъ людей земль мѣлъ свои земли, поля и сѣножати; и зъ дозволеньемъ пана воеводы его милости Виленьского (Альбрехта Мартиновича Гаптольда, бывшаго старостою Бѣльскимъ) тыми полями и сѣножатыми и съ тыми людьми нашими вышеириченными мѣнили тымъ обычаемъ: котормы поля и сѣножати люди наши мѣли межн тыхъ его земль, тыхъ поль и сѣножатей они ему ся поступили; а котормы поля и сѣножати онъ мѣлъ межн земль тыхъ людей нашихъ, онъ также тыхъ поль и сѣножатей нашимъ людемъ ся поступилъ, какъ жо зъ росказанья пана воеводы Виленьского намѣстникъ его Суражскій Лавринъ Унучковичъ тамъ выѣдчалъ и ровности тыхъ обоихъ поль и сѣножатей осмотривалъ и тыхъ людей нашихъ омытывалъ, естлибы имъ тая мѣна съ тымъ Григорьемъ была ровна, а не шкодна,—ижъ передъ нимъ повѣдили, ижъ тая мѣна ровна, а шкгоды никоторое въ томъ не мають³⁸⁾ и т. д.

Въ устройствѣ крестьянскаго землевладѣнiя и служебъ воеводи и старосты преслѣдовали интересы господарскаго хозяйства и возможно большее получение доходовъ и господарскихъ, и своихъ собственныхъ. Подобную же дѣятельность и, очевидно, въ тѣхъ же видахъ развивали они и въ господарскихъ мѣстахъ. Правда, что мѣста при резиденцiяхъ воеводъ и старостъ въ изучаемое время пользовались уже правомъ самоуправленья, и устройствомъ мѣщанскаго землевладѣнiя въ нихъ уже завѣдывало мѣстское начальство³⁹⁾, но въ держаньѣ воеводъ и старостъ были, кромѣ того, мелкiя мѣстечки, не пользовавшiяся правомъ самоуправленья, и въ нихъ-то они и распоряжались, какъ въ селахъ. Таково было, напр., мѣстечко Воинь, находившееся въ центрѣ волости Воинской, въ которой судилъ и рядилъ намѣстникъ старосты Берестейскаго; это мѣстечко получило магдебургское право только въ 1522 году⁴⁰⁾. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣстечекъ даже происхожденiемъ своимъ обязаны были организаторской дѣятельности разсматриваемыхъ правителей. Такъ мѣстечко Клецелязи осадилъ на землѣ Бѣльскаго повѣта панъ Миколай Миколаевичъ въ бытность свою старостою Бѣльскимъ. Но такъ какъ онъ привернулъ мѣщанъ въ тяглыя работы въ паши дворной Кле-

³⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 224, 225.

³⁹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 71.

⁴⁰⁾ Литов. Метр. кн. Записе. XIII, л. 1—4.

щелязской, то ихъ не мало разошлось прочь. Тогда король Сигизмундъ, видя, что это шкодно пожиткамъ господарскимъ велѣлъ снова осаживать мѣсто воеводѣ Виленскому, старостѣ Бѣльскому, пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольдъ. „Ино панъ воевода, — гласить подтвердительный листъ короля, данный мѣстечку Клеццелязамъ 22 марта 1523 года, — водлѣ розказанья нашего, *хотячи тое мѣсто наше Клеццелязи розширити къ пожитку нашому господарскому*, далъ имъ право хелмское, по которому праву они мають ся справовати и радити, и на то имъ листъ свой далъ“ ⁴¹⁾ и т. д. Въ мѣстахъ, находившихся при резиденціяхъ воеводъ и старостъ, были и дворы князей, пановъ, боярь и землянь, даже татаръ ⁴²⁾. Воеводы и старосты принимали извѣстное участіе въ устройствѣ этого владѣнія; напр., намѣстникъ-воевода Смоленскій Иванъ Вяжевичъ далъ нѣкоему Андрею Пыруленку мѣсто „у Валѣхъ“ ⁴³⁾. Но это участіе было собственно однимъ изъ видовъ дѣятельности ихъ по устройству военнослужаго землевладѣнія, о чемъ будетъ еще рѣчь впереди.

Воеводы и старосты такъ же, какъ и намѣстники-державцы, за вѣдывали сборомъ въ своихъ держаньяхъ разнообразныхъ податей и пошлинь. Въ записяхъ расходовъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Ивашку Кривцу 2 кади меду прѣснаго въ пана Ивана Ильинича зъ дани Смоленское“ ⁴⁴⁾. Великій князь Александръ, пожаловавъ плебану Дорогицкому князю Андрею шесть ручекъ меду прѣснаго изъ дани Дорогицкой „до воли“, выдалъ ему листъ до намѣстника-старосты Дорогицкаго пана Якуба Довойновича и гаевника Дорогицкаго, состоявшаго подъ его начальствомъ по сбору дани съ бортниковъ, имѣвшихъ входы въ господарскихъ пущахъ. Въ 1494 году тотъ же великій князь писалъ воеводѣ Кіевскому князю Дмитрію Путьгичу и ключнику Кіевскому Сенку Полозовичу: „Били намъ чоломъ старецъ Завскій и со слугами путными и со всеми людьми волости Завское и повѣдили передъ нами, што жъ по вси тые лѣта поганство-татарове ихъ бирывали, и того году брали ихъ шестинадцати чоловѣковъ, а иныхъ не брали. Ино, которыхъ будутъ того году поганство-татарове брали, тымъ есмо дань нашу отпустили, медовую и грошовую, на два года для ихъ сказы отъ поганства. И вы бы въ

⁴¹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 123.

⁴²⁾ Ibidem, № 70, 164; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 155, 293—294, 341—344; IX, л. 175, 222; XII, л. 71, 90, 118, 217—218 и др.

⁴³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 129.

⁴⁴⁾ Ibidem, л. 19.

тыя два года тое дани на нихъ съ шестнадцати чоловѣковъ не брали; и какъ тыя два года выйдуть, и они мають зася тую дань всю сполна намъ давати по давному, какъ и передъ тымъ даивали“⁴⁵⁾.—Медовую дань принималъ и хранилъ ключникъ, находившійся, впрочемъ, въ подчиненіи у воеводы, а грошовую дань принималъ, очевидно, уже самъ воевода. Приведенный листъ великаго князя Александра указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ отношеніи повинностей мѣстнаго населенія воевода имѣлъ компетенцію, одинаковую съ компетенціею намѣстника-державцы, т. е. не имѣлъ права измѣнять повинностей. Поэтому и волость Завская обратилась съ просьбою объ облегченіи для нѣкоторыхъ своихъ членовъ непосредственно къ самому государю. Вѣроятно, и при организаціи крестьянскаго землевладѣнія и служебъ воеводы и старосты руководились въ отношеніи вложенія повинностей стариною, такъ же, какъ и намѣстники-державцы, хотя разумѣется, здѣсь было болѣе для нихъ свободы.—Подати съ волокъ на Подляшѣ шли также черезъ руки мѣстныхъ старостъ и во всякомъ случаѣ собирались подъ ихъ вѣдѣніемъ и надзоромъ. Король Александръ придалъ плебану Лосицкому „на поживеньє ку костелу“ „платъ за воловъ людей лядскихъ и русскихъ, по шести грошей съ каждое волоки съ русское, за грошъ по десети пенезей або по два полугрошеи монеты великаго князства Литовского, въ каждый годъ на светого Мартина день“. Король Сигизмундъ, подтвердивъ данье своего брата, сообщилъ объ этомъ въ свѣдѣнію намѣстнику-старостѣ Мельницкому и Лосицкому Немирѣ Грималичу⁴⁶⁾. Утвержденіе, что намѣстники-старосты на Подляшѣ завѣдывали сборомъ господарскихъ доходовъ, по видимому, опровергается листомъ короля Сигизмунда отъ 29 мая 1523 г., даннымъ пану Петру Станиславовичу на держанье замка Дорогичина. Обозначивъ права старосты, король писалъ: „нижли онъ въ доходъ нашъ и вридниковъ нашихъ, што намъ съ повѣту и зъ мѣста Дорогицкогго прыходить, не маеть ничимъ вступатися: мають тыи вси доходы вридники наши на насъ выбирати отъ мала до велика и до скарбу нашего отдавати водлугъ давного обычая, леть онъ маеть доходовъ своихъ смотрѣти, што на старосту Дорогицкогго прыходять“. Последняя фраза даетъ ключъ къ пониманію всего приведеннаго мѣста: король не устраняетъ старосту отъ завѣдыванья своими доходами, а лишь запрещаетъ ему брать въ свою пользу господарскіе доходы, такъ какъ съ этого момента онъ держитъ замокъ Дорогичинъ

⁴⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 2—3, 11.

⁴⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 131.

„не заставнымъ обычаемъ, *але какъ державца*“ ⁴⁷⁾. До этого же времени панъ Петръ Станиславовичъ держалъ замокъ Дорогичинъ въ заставѣ въ 1000 копахъ грошей и получалъ въ свою пользу всѣ доходы: и господарскіе, и старостинскіе, и доходы другихъ урядниковъ господарскихъ. Урядники, собиравшіе господарскіе доходы на Подляшѣ, какъ мы уже видѣли выше состояли въ вѣдѣніи и подчиненіи старосты и дѣйствовали, какъ ихъ помощники. Вѣроятно, и сборъ различныхъ натуральныхъ податей съ крестьянъ въ державныхъ воеводствъ и старостъ совершался подъ вѣдѣніемъ ихъ. По крайней мѣрѣ, прямое указаніе въ этомъ смыслѣ имѣемъ относительно старосты Городенскаго. „Билъ намъ чоломъ,—писалъ король старостѣ Городенскому 18 іюня 1511 года,—тотъ соляникъ Городенскій на имя Станко Юрьевичъ и зъ сынами своими Стацомъ а съ Петромъ, а зъ Мартиномъ, што жъ они служили намъ соляницкою службою и давали въ каждый годъ по бочцѣ соли на замокъ нашъ Городенскій, и били намъ чоломъ, абыхмо тое соли брати на нихъ не велѣли и казали имъ служити службою панцерною. Ино мы имъ въ томъ ласку нашу вчинили, тую соль имъ есмо отпустили; и твоя бы милость вже тоя соли на нихъ брати не велѣлъ: нехай они намъ служатъ панцерною службою, на войну ходя, по тому, какъ и иные слуги наши панцерныи посполъ зъ боярами намъ служатъ“ ⁴⁸⁾.

Что касается промысловыхъ налоговъ и торговыхъ пошлинъ, то о порядкѣ ихъ сбора и о томъ участіи, которое принимали въ немъ воеводы и старосты даны были нѣкоторыя свѣдѣнія уже въ третьемъ очеркѣ (стр. 502—518), попутно съ данными относительно намѣстниковъ-державцевъ. Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ приведемъ здѣсь нѣкоторыя данныя относительно воеводъ Кіевскаго и Смоленскаго, характеризующія положеніе, которое они занимали въ дѣлѣ сбора торговыхъ пошлинъ и промысловыхъ налоговъ. Московскій посолъ Еропейнъ, ѣздившій въ Литву въ 1488 году подавалъ отъ имени своего правительства такую жалобу: А се на Московскіе земли на гостехъ пошлинъ прибавили въ Литовской землѣ: напередъ того имали въ Кіевѣ тридцатое одно да съ воза по 30 грошей, да Вышегородскаго съ саней по два гроша. А какъ княгини Настасья въ черници постриглася, и княгини Настасья да князь Семень прибавили: хто ся перевезетъ въ суднѣ черезъ Нѣпръ, съ того имали другое тридцатое въ Кіевѣ Вышегородское; а хто переѣдетъ ледомъ Нѣпръ, иного съ

⁴⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 92, 93.

⁴⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 167.

того другою тридцатого не имали; а какъ наѣхалъ на Кіевъ Иванъ Хотковичъ, и онъ и зимѣ оставилъ другое тридцатое въ Кіевѣ Вышегородское, да по третьему грошу съ воза Вышегородского же прибавилъ. А какъ Мартынъ на Кіевъ наѣхалъ, и онъ прибавилъ тридцатое въ Чернобылѣ. А въ Кіевской волости въ Чернобылѣ напередъ того имали по три гроши съ воза“⁴⁹⁾. Итакъ, воеводы, замѣтившіе удѣльныхъ князей и облеченные, въ особенности на первыхъ порахъ, ихъ властью устанавливали новыя мыта „къ пожитку господарскому“, а, быть можетъ, также и собственному: упомянутые въ жалобѣ московскаго посла воеводы (1470—1484)⁵⁰⁾ едва ли не собирали мыто чрезъ своихъ слугъ. Въ 1486 году король Казимиръ продалъ мыто Кіевское и Вышегородское и Житомирское жидамъ кіевскимъ и троцкимъ—Симхѣ, Рабчику, Садку и Шоману Даниловичамъ, Самодыгѣ и Рижку на три года, за 950 копъ широкихъ грошей въ годъ. Извѣщая объ этомъ воеводу Юрья Пацевича, король наказывалъ ему оборонять арендаторовъ отъ тѣхъ, кто бы сталъ наметывать на нихъ данни господаремъ „квитацей“, или ассигновки, „до року“. „А и самъ бы еси имъ ни въ чомъ кривды не чинилъ и въ мыто бы еси нашо и въ промыту не вступался, а и инымъ никому тежъ не надобѣ въ мыто и въ промыту вступати: нехай мыто и промыто вѣдають они, мытники наши, по давному, какъ издавна было за великого князя Витовта и за Жижимонта. Такожъ гостиного товару не надобѣ никому печатать, нехай они, мытники наши, гостиный товаръ печатають по старому. А и ты бы, пане воеводо, въ мытное дѣло нашо не вступался ни во што, а и намѣстнику своему тежъ бы еси не велѣлъ вступатися: нехай мыто вѣдають мытники наши по давному“⁵¹⁾. Этотъ листъ короля Казимира ссылкой на порядки при Витовтѣ и Сигизмундѣ Кейстутевичѣ подтверждаетъ нашу догадку, что при Казимирѣ, послѣ упраздненія удѣльнаго стола въ Кіевѣ, сборомъ мыта завѣдывали нѣкоторое время воеводы. Впрочемъ, уже при воеводѣ Иванѣ Хотковичѣ „до исказы Кіевской“, случившейся, какъ извѣстно, въ 1484⁵²⁾, мыто Кіевское держали жиды Симха и Рабей⁵³⁾. Съ 1486 г. мыто Кіевское отдавалось обыкновенно на откупъ, и воеводы Кіевскіе

⁴⁹⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. XXXV, стр. 60.

⁵⁰⁾ *Wolffa Senatorowie i Dygnitarze W. Ks. Litewskiego*, стр. 19

⁵¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 20; *С. А. Бернадскаю Документи и регесты къ Исторіи литовскихъ евреевъ*, т. I, № 10.

⁵²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. VIII, 215.

⁵³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 20.

болѣе не вступались въ мытное дѣло. Это не значитъ, однако, что они не собирали никакихъ торговыхъ пошлинъ. Изъ привилей, выданнаго великимъ княземъ Александромъ мѣщанамъ Кіевскимъ въ 1494 г., узнаемъ, что „осмнникъ“ воеводы собиралъ съ мѣщанъ Кіевскихъ „корговщину“, съ комаги, т. е. судна, по три гроша, когда суда ихъ шли на низъ; когда же приходили изъ Черкасъ съ рыбою, тогда онъ бралъ „десятое“ на городъ; если суда приходили съ рыбою сверху, тогда бралъ мыто свое съ рыбы на торгу. Воеводѣ мѣщане платили и капщину, давали „отъ капи съ корчмы по полтрети копы грошей, а писчого грошъ“, а если не уплачивали къ сроку, платили капщину „съ дѣцёваньемъ“. Воеводы же собирали, повидимому, и торговые пенязи съ лавокъ, какъ это видно изъ слѣдующей статьи: „А въ которомъ дому сами войтове живутъ, съ того дому капи не давати; а што коморы торговые у нихъ въ тыхъ же домѣхъ, съ того плату тежъ не давати“. Мясники давали воеводамъ яловицы на Петровъ день; это привозилъ въ городъ продавать медъ, съ того брали медовое помѣрное: „съ посудыны съ вѣса съ полугрошку, а отъ колоды меду—грошъ, а за носатку меду два грошъ“³⁴⁾. Листъ великаго князя Александра, данный тѣмъ же мѣщанамъ Кіевскимъ въ 1499 году о томъ, какіе уряды должны раздавать отъ себя воеводы и какія пошлины собирать на городъ, въ перечисленномъ выше сборамъ присоединяетъ еще „обѣсчье“. „Коли котори купцы,—читаемъ въ этомъ листѣ,—а любо казаки приходять до Кіева, а въ которого мѣщанина стануть на подворьи, тотъ мѣщанинъ маеть ихъ обѣстити воеводѣ Кіевскому, або намѣстнику его, *подлузъ давнего обычая*; а если бы который въ васъ мѣщанъ не хотѣлъ купца або казака воеводѣ обѣстити, на томъ воеводѣ Кіевскому дванадцать копъ грошей вѣны“. Этотъ же листъ даетъ новое указаніе на то, что воевода чрезъ осмника собиралъ торговые пенязи. „Такожь,—читаемъ въ немъ,—котори перекупники на ряду сѣдять, и хлѣбы продають и ияны ярины, тыи вси мають давати осмнику воеводину, въ каждую субботу, отъ товару по дензѣ; а который человекъ похочеть новотный на ряду сѣсти и тыми стравными рѣчями торговати, тотъ маеть дати осмнику куницю, дванадцать гро-

³⁴⁾ Акты Зап. Рос. I, № 120. Упомянутый здѣсь „вѣкъ“ разъясняетъ немного, что такое были „вѣчники“, упоминаемые въ записныхъ книгахъ Казимира правленья. Въ нихъ читаемъ между прочимъ: „Селявѣ—три челядины Добротича и дворъ Губинъ, вѣчниковъ“; „Елву—Исирно село, вѣчниково“ и т. д. (Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 22, 36). Вѣчники были либо бортники, либо крестьяне-мастера, приготовлявшіе посуду для меда.

шей“ (срав. стр. 505 и 683 третьяго очерка). Воевода собиралъ и городѣ нѣкоторые налоги на мѣщанскія ремесла: лучники должны были давать ему луки „къ Великодню и къ Божьему Нароженью, какъ и передъ тѣмъ давали“, ковали и чеботари—топоры и чоботы, „подлугъ давнего обычая“⁵⁵⁾. Всѣ эти вещи шли на военные и хозяйственныя потребности господарскаго замка и двора, гдѣ жилъ воевода. При королѣ Сигизмундѣ воеводы завѣдывали въ мѣстѣ Киевскомъ тѣми же сборами, какъ и при Казимирѣ и Александрѣ⁵⁶⁾. Въ Смоленскѣ рѣдичіе намѣстниковъ-воеводъ Смоленскихъ взимали „взвѣстку на Москвичехъ, на Тверичехъ и на иныхъ купцахъ чужоземцахъ“⁵⁷⁾. Этотъ доходъ былъ господарскій, и потому господарь предоставлялъ иногда частнымъ лицамъ собирать его въ свою пользу, устраняя, такимъ образомъ, рѣдичаго намѣстника-воеводу отъ сбора этого дохода. Такъ, король Александръ далъ мѣщанину смоленскому Олисею Лисневу, доходецъ въ мѣстѣ Смоленскомъ, взвѣстку брата, за тѣе пенязи, што онъ отъ староства давалъ“ ему самому „и вридникомъ его милости“; но спустя нѣкоторое время онъ „зася взялъ то на себе, а рекъ Лисневу на иномъ мѣстцу вказати заплату тѣмъ пеняземъ“ (Лисневъ, очевидно, заплативъ королю челобитье, скоро смѣщенъ былъ со староства Смоленскаго)⁵⁸⁾. Относительно Смоленска необходимо имѣть въ виду, что, такъ какъ отъ удѣльной эпохи въ немъ осталось болѣе должностныхъ лицъ, чѣмъ гдѣ либо, то и торговыя пошлины съ промысловыми налогами, собиравшіяся въ другихъ городахъ воеводами или старостами при помощи своихъ слугъ, здѣсь собирались разными господарскими урядниками. Такимъ образомъ, напр., „съ рѣзничихъ, которые въ мѣстѣ живутъ и мяса продають, тотъ доходъ окольнічій бирали“⁵⁹⁾; платъ съ корчомъ въ тѣ года, когда кормы не сдавались господаремъ на откупъ, собирали „къ вѣрной рущѣ“ окольнічіе и назначей⁶⁰⁾ и т. д. Сопоставляя все, сказанное здѣсь о порядкѣ сбора косвенныхъ налоговъ, съ тѣмъ, что было уже дано относительно этого въ третьемъ очеркѣ, приходимъ къ выводу, что въ сборѣ косвенныхъ налоговъ воеводы и старосты принимали не большее, если не меньшее участіе, чѣмъ намѣстники-державцы. Они собирали обыкновенно

⁵⁵⁾ Акты Зап. Рос. I, № 170.

⁵⁶⁾ Акты Зап. Рос. II, № 3; Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 73.

⁵⁷⁾ Акты Зап. Рос. I, № 213.

⁵⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 98, 99.

⁵⁹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 213.

⁶⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 98, 99.

нѣкоторыя рѣчныя мыта, „взвѣстку“ или „обѣсчее“, помѣрное, торговые пенязи, платъ съ ятокъ мясныхъ (натурою), иногда капщину и корчомные пенязи. Но такъ же, какъ относительно намѣстниковъ-державцевъ, это не было общимъ и твердымъ правиломъ. Такимъ образомъ, напр., воевода Виленскій собиралъ чрезъ своихъ слугъ капщину съ корчомъ въ мѣстахъ второстепенныхъ, находившихся въ держаннѣ его воеводства, а въ Полоцкѣ господарь давалъ мѣстнымъ боярамъ на годъ волостку—собирать „варными вунници“ ⁶¹⁾ и т. д.

Дѣятельность воеводъ и старостъ, какъ финансовыхъ агентовъ господаря развивалась и еще въ одномъ направленіи, помимо прямого сбора косвенныхъ налоговъ. Въ изучаемое время право осаживать новыя мѣста въ государствѣ, заводить въ нихъ или селахъ корчмы, учреждать новыя торги и мыта принадлежало исключительно господарю, и если это дѣлали частныя владѣльцы, то только съ разрѣшенія господаря. Такихъ разрѣшеній, данныхъ лицамъ разныхъ сословій, въ актахъ изучаемаго времени находится большое количество. Приведемъ нѣкоторыя, наиболѣе характерныя, примѣры. Въ 1495 году великій князь Александръ писалъ старостѣ Жмудскому пану Станиславу Яновичу: „Билъ намъ чоломъ панъ Миколай Сиревичъ и просилъ насъ, абыхмо дозволили ему торгъ мѣти въ имѣнью его въ Жакгорѣхъ, а повѣдиль передъ нами, што жъ торгомъ по дворомъ нашимъ Жмонитскимъ не шкодно есть. Ино, естли будетъ торгомъ по нашимъ дворомъ не шкодно, и мы ему тотъ торгъ въ имѣнью его въ Жакгорѣхъ дали мѣти“ ⁶²⁾. Значить, если бы учрежденіе торга въ Жакгорѣхъ оказалось шкоднымъ для торговъ по господарскимъ дворамъ, староста долженъ былъ воспрепятствовать приведенію въ исполненіе господарскаго дозволенья. Въ 1499 году тотъ же великій князь Александръ, пожаловавъ пану Григорью Остиковичу „обрубъ пуци“ на нѣмецкой границѣ на р. Сюсяѣ, писалъ въ своемъ привилеѣ: „Тежъ зъ особное ласки наше даемъ и даруемъ и дозволили есмо ему мѣсто собѣ садити въ той пуци людьми прихожими и замовъ збудовати, гдѣ ся ему будетъ видѣти и которымъ именовемъ найменовати и назвати, и торгъ и ярмарки въ томъ мѣстѣ мѣти и со всеми пожитви ярмарскими и съ торговыми, и со всеми ихъ платы, и тамъ складъ купцомъ мѣти, и корчмы и платы корчомныя; а которыя гости и купцы чужоземцы будутъ приѣжчати съ товари своими до того его мѣста, съ тыхъ

⁶¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 137; VIII, л. 428.

⁶²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 42.

онъ маеть собѣ мыто брати отъ воза по два гроши; а который тежъ человекъ чужоземець прійдетъ до того его мѣста, маеть обѣститися ему самому або его намѣстнику“⁶³⁾. Около 1503 года король Александръ дозволилъ писарю своему Левшѣ Боговитиновичу „въ его имѣнни у Вортели замокъ збудовати на старомъ городищи на островѣ“, а мѣстечку его, „которое жь подъ тымъ его замкомъ“, пользоваться правомъ магдебургскимъ; кромѣ того, дозволилъ въ этомъ мѣстечкѣ „торгъ мѣти въ недѣлю, а ярмарокъ въ каждый годъ на часъ, который онъ собѣ обереть; и тежъ гостемъ добровольно бы со всихъ панствъ нашихъ и мѣстъ ѣздити до того его мѣстечка до Левкова и торговати въ камень и въ фунтъ подлѣ Виленское ваги, а въ воршинѣ Берестейскій; тежъ мѣщаномъ бы его Левковскимъ волно торговати вездѣ по великому князеству Литовскому со всякою куплею по тому, какъ и иныхъ паньскихъ мѣстъ мѣщане торгуютъ по нашимъ мѣстомъ у великомъ князествѣ Литовскомъ“⁶⁴⁾. Король Сигизмундъ, подтвердивъ въ 1507 году князю Константину Ивановичу Острожскому имѣнье Звяголь въ Киевскомъ повѣтѣ, данное ему на вѣчность королемъ Александромъ, писалъ въ подтвердительномъ листѣ: „а къ тому, зъ особливоу ласки наше дозволяемъ ему и дозволиа есмо въ томъ его имѣнью Звягли замокъ справити, и мѣсто садити, и торгъ во всякую недѣлю мѣти и ярмарокъ въ каждый годъ на святого Дмитрея день; а мыто на него маеть брано быти со всихъ тыхъ купцовъ, которые-коллежъ будутъ тамъ приѣзжати съ купцами своими, отъ копы по полугрошу, и подтверждаемъ то снмъ нашимъ листомъ вѣчно на вѣки вѣкомъ“⁶⁵⁾. Въ томъ же году королю заявилъ дворянинъ Мартинъ Вѣковичъ, что въ его имѣнѣ Лягѣхъ, которое онъ имѣеть въ Жмуди въ Видукльской волости, стекается много народа, и билъ челомъ о дозволенѣ „въ томъ его имѣнни въ Лягѣхъ мѣсто садити и торгъ справити, и корчмы держати“. Король разрѣшилъ ему это подъ условіемъ: „если будетъ нашимъ мѣстомъ и торгомъ не шкодно“⁶⁶⁾. Въ слѣдующемъ году, подтвердивъ пану Богдану Семеновичу Сопѣгѣ волость Ельную Смоленскаго повѣта, король дозволилъ ему „и городъ зарубити, и мѣсто садити, и корчмы мѣти, и дворы собѣ будовати, и ставы и млыны справити, и къ своему

⁶³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 145—147.

⁶⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 300, 301.

⁶⁵⁾ Акты Зап. Рос. II, № 29, III.

⁶⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 223.

лѣпшому а вѣщочному обернути, какъ самъ налѣпѣй розумѣ-
ючы“⁶⁷⁾. Въ 1509 году Сигизмундъ разрѣшилъ князю Юрью Ива-
новичу Дубровицкому имѣть вторую армарку въ имѣньѣ его Дуб-
ровицѣ „на день Святого Креста, то есть на Воздвиженъѣ Честнаго
Креста“; въ томъ же году онъ дозволилъ пану Николаю Минолаевичу
Радивиловичу въ его имѣньѣ Ваневѣ „мѣсто садити съ корчмами и
зъ иными вѣштей, какъ онъ самъ налѣпѣй будетъ розумѣти, подѣ
правомъ ходмскимъ“, а на томъ мосту, „который онъ своимъ людьми
черезъ рѣку Наровъ тамъ въ томъ своемъ имѣньѣ збудовалъ“, брать
мыто въ слѣдующемъ размѣрѣ: „отъ бочки товару отъ одное по грошу,
а отъ коня по грошу, отъ великого быдла—отъ вола або отъ яловицы
по полгроша, а отъ малого быдла по бѣлому пенязю, отъ пѣшого че-
ловѣка по пенязю“⁶⁸⁾. Въ 1510 году выхлопоталъ себѣ право брать
мыто въ своемъ имѣньѣ Дряжневѣ панъ Немира Грималичъ: „зъ быд-
латы, которую будутъ проводить, по два пенязи брати, а зъ воза по
полугрошью, а отъ плота, которые плоты рѣкою Бугомъ проводятъ,
по грошу“. Онъ мотивировалъ свое челобитье королю тѣмъ, „што жъ
дей многіе люди и купцы быдло гонять на продажу чрезъ имѣньѣ его
Дряжнево, и многіе купцы вѣзять на армарки черезъ тое жъ имѣньѣ
его на гребли его, которые жъ онъ гребли зъ великою трудностью а
працею оправляетъ, и они тыи гребли его казати, и тежъ многіи люди
тою рѣкою Бугомъ, которая подѣ тымъ его имѣньемъ бѣжить, плоты,
дрова провадять и езы его, которые онъ по той рѣцѣ маеть, розбиваютъ
и казати, и въ томъ дей ему шкода ся дѣеть“⁶⁹⁾. Отъ 1511 года такъ
же имѣемъ королевскій привилей такого же рода. Панъ Мордасъ Ми-
шкевичъ повѣдалъ королю, „што жъ онъ въ имѣньѣ своемъ отчинномъ,
на имя въ Жодишкахъ, замокъ зарубилъ и мѣсто осадилъ, а наши
дей (т. е. господарекіе) торги отъ того имѣньѣ его далеко“, и про-
силъ короля дозволить ему „въ томъ его имѣньѣ торгъ и корчмы мѣти“.
„Ино, — писалъ король въ своемъ листѣ, — естли то будетъ нашимъ
торгомъ не шкодно, и мы зъ ласки наше за его къ намъ вѣрную
службу дозволили есмо ему въ томъ его имѣньѣ въ Жодишкахъ въ
понедѣлокъ торгъ и корчмы держати безъ всякое переказы“⁷⁰⁾. Послѣ
того, какъ панъ Мордасъ записалъ Жодишки пану Григорью Стани-
славовичу Остиковичу, котораго онъ взялъ „за сына мѣсто“, король

⁶⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 296, 297.

⁶⁸⁾ Ibidem, л. 328, 329, 355.

⁶⁹⁾ Ibidem, л. 365, 366.

⁷⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 94, 95.

подтвердилъ послѣднему право имѣть торгъ и держать корчмы и кромѣ того, дозволилъ ему имѣть четыре ярмарки каждый годъ: „первый ярмарокъ на день Матки Божьей первое, другій ярмарокъ на Святое Гаянны день, а третій ярмарокъ на день Святого Николая, четвертый ярмарокъ на Святого Яна день“; „и ездъ на рѣцѣ Вельи подѣ тмѣ вышписаннымъ дворомъ и городомъ Жодишскимъ дозволили есмо ему мѣти и съ каждого плоту дерева рубленого и зъ дровъ, и съ каждого судна великого и малого, которые съ куплею пойдуть, по грошу мыта брати“⁷¹⁾.—Даже корчмы вольныя, т. е. не подлежащія уплатѣ государственнаго налога, въ частнымъ имѣньяхъ дозволялось заводить не иначе, какъ съ разрѣшенія господарскаго. Такъ, въ 1512 году королю Сигизмунду билъ челомъ бояринъ жмудскій Станиславъ Михайловичъ, и просилъ, что бы ему было дозволено имѣть корчму вольную въ его имѣньѣ Сейсахъ. Король дозволилъ ему это и писалъ старостѣ Жмудскому пану Станиславу Яновичу: „нехай онъ собѣ тамъ корчму держать и платъ съ нее на себе беретъ; и твоя бы милость не заборонялъ ему тамъ корчмы мѣти до наше воли“⁷²⁾. Корчмы вольныя давались и на вѣчность, при чемъ получившія ихъ лица могли отчуждать ихъ, какъ и имѣнья. Такъ, напр., сыновья пана Петра Олехновича, которому король Сигизмундъ далъ право имѣть корчму вольную въ имѣньѣ его Колошанахъ, спустили эту корчму боярину опшескому Богдану Пикилевичу, отдали ему господарскій привилей на эту корчму и, кромѣ того, свой особый листъ. По челобитью боярина король 1 окт. 1522 года подтвердилъ ему корчму вольную: „нехай онъ тую корчму на своей земли отчизной маєт подѣ великой дороги, подлугъ первое данины и листа нашего небощыку пану Петру Олехновичу и листу сыновъ его, который они на то ему далъ“⁷³⁾ Учрежденіе повыхъ торговъ, мытъ и корчомъ въ частныхъ имѣньяхъ такъ или иначе затрогивало матеріальные интересы господаря; кромѣ того, оно порождало для владѣльцевъ право собирать пошлины и косвенные налоги съ людей, не состоявшихъ въ ихъ подданствѣ. Поэтому и санкція господаря въ такихъ случаяхъ была безусловно необходима, и ее добивались даже такіе князья, какъ Острожскій. Въ 1522 году князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, купивъ у пана Яна Яновича Довойновича имѣнье Сатшевъ въ Луцкомъ повѣтѣ Волынской земли и выхлопавъ у короля подтвердительный листъ на это имѣнье, билъ челомъ о дозволеніи

⁷¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 102, 103.

⁷²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 568.

⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 29.

„въ томъ имѣнни замокъ збудовати и мѣсто осадити и торгъ на каждой недѣли въ четвергъ мѣти“; король исполнилъ его просьбу и въ этомъ смыслѣ написалъ ему подтвердительный привилей ⁷⁴⁾; въ 1526 году король разрѣшилъ ему строить замокъ, осаживать мѣсто, завозить корчмы и собирать мыто на р. Уллѣ въ купленномъ имъ имѣннѣ Нязголовѣ въ Полоцкомъ повѣтѣ ⁷⁵⁾; въ 1529 году князь Острожскій выхлопоталъ у господаря право при замкѣ Чернеховѣ садить мѣсто на магдебургскомъ правѣ, завести въ немъ корчмы, имѣть торгъ въ пятницу на каждой недѣлѣ и ярмарку „на Обрѣзанье Господне, то есть на новое лѣто“, брать мыто „отъ накладного воза по два гроша“ ⁷⁶⁾ и т. д. Даже въ своемъ родовомъ и исконномъ владѣннѣ, въ городѣ Острогѣ, князь Острожскій имѣлъ торги, если не въ силу пожалованья, то въ силу подтвержденья господарскаго. Въ 1527 году онъ представлялъ королю листы Казимира, Александра и самого Сигизмунда на торги „въ замкохъ и мѣстѣхъ своихъ Волынскихъ: *у-въ Острогъ* два торги, одинъ въ недѣлю, а другій въ пятницу, *а въ Дубинь* въ субботу, въ *Ровномъ* въ пятницу, *въ Дорогобужи* въ среду, въ *Сятневѣ* въ четвергъ“. При этомъ онъ просилъ короля запретить всѣмъ другимъ князьямъ, панамъ и земанамъ Волынской земли имѣть торги въ своихъ имѣннѣхъ по тѣмъ же днямъ, есылаясь на то, что „въ томъ тымъ его милости торгомъ сказа и шеода великая дѣветъ“; и перенести ихъ торги на другіе дни. Король выдалъ ему въ этомъ смыслѣ привилей 1 апрѣля 1527 года ⁷⁷⁾.

Изъ этого ясно видно, что господарское соизволеніе было источникомъ права частныхъ владѣльцевъ на корчмы, торги и мыта, и въ этомъ отношеніи князья стояли въ одномъ ряду съ боярами. Это право подвергалось ограниченіямъ и видоизмѣненіямъ по распоряженью господаря. Примѣръ тому мы видѣли въ только что приведенномъ распоряженнѣ короля Сигизмунда о перенесеннѣ торговъ въ княжескихъ, панскихъ и землянскихъ имѣннѣхъ на дни, не совпадающіе съ днями торговъ по имѣннѣмъ князя Острожскаго. Освобождая отдѣльныхъ лицъ изъ торговаго класса или мѣщанъ извѣстныхъ городовъ отъ платежа мыта, господарь относилъ свое распоряженіе не только къ лицамъ, собиравшимъ мыто на него, но и къ частнымъ владѣльцамъ, собиравшимъ мыто въ свою пользу. Такъ, великій князь Александръ въ 1497 году, по случаю упадка бла-

⁷⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 22.

⁷⁵⁾ Ibidem, л. 374.

⁷⁶⁾ Ibidem, л. 414.

⁷⁷⁾ Ibidem, л. 347.

госостоянія Кіевскаго мѣста отъ ежегодныхъ нападеній кримскихъ татаръ, освободилъ мѣщанъ Кіевскихъ отъ платежа мыта и въ своей привилеѣ написалъ: „ино у которыхъ мѣщанъ Кіевскихъ зъ ратуша Кіевскаго будетъ листъ подъ ихъ печатью мѣстскою, тымъ мѣщаномъ мыта не надобѣ давати нигдѣ, по нашимъ мытомъ, и по князьскимъ и по панскимъ и по боярскимъ, и по духовнымъ и по свѣтскимъ, и сухимъ путемъ и водою“ ⁷⁸⁾. Въ 1500 году Александръ далъ такую же льготу мѣщанамъ Смоленскимъ на пятнадцать лѣтъ ⁷⁹⁾; въ 1511 году король Сигизмундъ отпустилъ мыто по всей своей державѣ мѣщанамъ Полоцкимъ ⁸⁰⁾; въ 1524 году Сигизмундъ выдалъ купцу Нисану Сямшичу листъ, вызволявшій его „отъ плаченья мыта старого, кромѣ восковничого и соленичого, по всему великому князству Литовскому, по мытомъ нашимъ (господарскимъ) и князьскимъ, и паньскимъ, и духовнымъ, и боярскимъ“ ⁸¹⁾ и т. д. Что владѣльцы должны были безусловно выполнять господарскія распоряженія объ освобожденіи купцовъ отъ платежа мыта, это съ полною ясностью открывается между прочимъ изъ судебного листа короля Сигизмунда по дѣлу мѣщанъ Владимирскихъ съ дворяниномъ Петрашкою Калусовскимъ. Этотъ листъ свидѣтельствуетъ также и о томъ, что владѣльцы сами ни въ какомъ случаѣ не могли устанавливать мыто въ своихъ имѣньяхъ, даже въ видѣ мостовой пошлины, а могли сдѣлать это только съ соизволенія господара, и такой порядокъ существовалъ уже при Витовтѣ. Мѣщане жаловались королю на Калусовскаго, „што жъ бы онъ имъ кривды дѣлалъ и новину уводилъ, мыто на нихъ на добровольной дорозѣ бралъ по грошу а по сту головажень соли, гдѣ дей здавна мыто николи не бывало“. Калусовскій въ свое оправданіе представилъ привилей великаго князя Витовта, „што жъ бы великій князь Витовтъ далъ якомусь жиду, на имя Шаю, тое имѣнье Калусово и его потомкомъ со всемъ, зъ землями нашими и борными и зъ мытомъ гребельнымъ и мостовымъ“. Но мѣщане съ своей стороны, представивъ привилей в. князя Сигизмунда и королей Казимира, Александра и Сигизмунда на то, „што жъ имъ мыта не давати во всемъ повѣтѣ Володимирскомъ“, заявили: „а на томъ дей мѣстцы, гдѣ Петрашко Калусовскій мыто беретъ, ни мосту а ни гребельнѣтъ, и мыта тамъ не давали на томъ мѣстцы, нишли дей пою

⁷⁸⁾ Акты Зап. Рос. I, № 149; II, № 3.

⁷⁹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 182.

⁸⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 70.

⁸¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 192.

мыто тамъ встановилъ“. Калусовскій и самъ признался, что ни моста, ни гребли тамъ нѣтъ. Король оправилъ мѣщанъ и мотивировалъ свое рѣшеніе прсжде всего тѣмъ, что мѣщане освобождены отъ платежа мыта, между тѣмъ какъ Калусовскій бралъ съ нихъ мыто; если что онъ и имѣлъ право брать, такъ мыто мостовое и гребельное; но въ имѣньѣ его ни мосту, ни гребли нѣтъ, а слѣдовательно, онъ произвольно установилъ мыто, на что не имѣлъ права ⁸²⁾). Любопытно, что право собирать въ свою пользу мыто соляное и восковое, наиболѣе доходное, обыкновенно не уступалось владѣльцамъ на вѣчность. Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій собиралъ по всѣмъ имѣньяамъ мыто восковое и соляное на себя; по послѣ его смерти это мыто въ составѣ другихъ господарскихъ мытъ Волынской земли пошло въ аренду королевѣ Бовѣ ⁸³⁾).

Послѣ всего сказаннаго, понятно, какое отношеніе могли имѣть воеводы и старосты въ разсматриваемымъ источникамъ господарскихъ доходовъ, помимо участія въ сборѣ самихъ доходовъ. Какъ господарскіе агенты, обязанные блюсти его интересъ, они должны были слѣдить за тѣмъ, что бы пожалованьемъ частному владѣльцу права на сборъ мыта или на учрежденіе торга не нанесенъ былъ ущербъ господарскимъ доходамъ. Недаромъ господарь выдавалъ такія пожалованья часто условно: „если намъ не будетъ шкодно“; очевидно, онъ имѣлъ въ виду то разслѣдованіе, которое долженъ былъ произвести воевода или староста, и его докладъ по этому поводу. Акты сохранили и прямыя свидѣтельства, что воеводы и старосты въ такихъ случаяхъ выступали финансовыми агентами господаря. Король Сигизмундъ дозволилъ было дворянину своему Мартину Николаевичу Вѣковича „въ имѣньѣ его, которое маеть у Троцкомъ повѣтѣ у Опицкой волости, на имя у Кгружахъ, торгъ и корчмы мѣти и мѣстечко садити“. „Ино дей,—читаемъ въ листѣ короля отъ 14 окт. 1524 года,—воевода Троцкій, маршалокъ нашъ дворный, небощыкъ панъ Григорій Ставиловичъ Остиковича того торгу ему не далъ мѣти; и на то онъ листъ, данину нашу первую, передъ нами ввазывалъ и билъ намъ чоломъ, абыхмо ему дали тотъ торгъ мѣти у другомъ его имѣньѣ отчизномъ на рѣцѣ на Ликмели и на Круи, а повѣдалъ намъ, ижъ торгомъ нашимъ не шкодно“ ⁸⁴⁾ и т. д. Въ этомъ направленіи, конечно, развивали свою дѣятельность и намѣстники-державцы, но гораздо менѣе,

⁸²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 475.

⁸³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 168.

⁸⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 285.

чѣмъ воеводы и старосты. Намѣстники-державцы имѣли дѣло большею частью съ средними и мелкими землевладѣльцами, которые не получали отъ господара права строить замки, осаживать мѣста, заводить корчмы, учреждать торги и т. д.

Подобно намѣстникамъ-державцамъ воеводы и старосты должны были поднимать пріѣхавшаго господара стацею. Напр., въ уставѣ, данной старостѣ Городенскому Юрью Миколаевичу Радивиловича въ 1514 году королемъ Сигизмундомъ, читаемъ: „воли будемъ мѣшкати въ Городнѣ, тогда староста Городенскій маєть насъ со всихъ тыхъ дворовъ всякими стацеями поднимати, такъ, какъ было за отца и брата нашего, королей ихъ милости; а воли быхмо не мѣшкали въ Городѣ, а казали быхмо ему стацею давати намъ до Вилни, або гдѣ-кольвекъ, а любо на войну за нами вести, тогда панъ староста маєть ту стацею намъ давати, подлѣ давного обычая“⁸⁵⁾. Вѣроятно, и другіе старосты и воеводы обязаны были давать стаціи господарю съ дворовъ, находившихся въ ихъ держаннѣ, хотя прямыхъ указаній въ источникахъ на этотъ счетъ автору не удалось найти въ источникахъ, бывшихъ въ его распоряженіи. Мѣста при резиденціяхъ воеводъ и старостъ также давали стаціи господарю. „Тежъ стацей, — читаемъ въ подтвержденнѣ короля Сигизмунда, данномъ мѣщанамъ Полоцкимъ въ 1510 году „на право майдеборское и иншіе вольности ихъ“, — не мають они посломъ нашимъ и инымъ никому не давати, *только омиж на нашъ пріѣздъ мають стацею давати*“⁸⁶⁾ и т. д. Впрочемъ, такъ какъ мѣста, находившіяся при резиденціяхъ воеводъ и старостъ, въ изучаемое время пользовались правомъ самоуправленія, то и стаціи собирались, вѣроятно, мѣстскимъ начальствомъ и отсылались по назначенію, а воеводы и старосты знали только волостныхъ людей.

Подобно намѣстникамъ-державцамъ воеводы и старосты были и комендантами мѣстныхъ крѣпостей, которые распоряжались ихъ постройкою и ремонтомъ и завѣдывали охраною и обороною вѣрренныхъ имъ территорій. На стр. 524 и 568 третьяго очерка были приведены данныя относительно этого, касающіяся намѣстника-воеводы Полоцкаго. Приведемъ еще нѣкоторыя въ дополненіе къ нимъ. Хотя при Александрѣ и Сигизмундѣ и существовалъ въ Полоцкѣ городничій, помогавшій воеводѣ по городовому дѣлу, тѣмъ не менѣе воевода поручалъ надзоръ за работами и своимъ слугамъ. Въ листѣ воеводы Полоцкаго, излагающемъ разбирательство тяжбы мѣста Полоцкаго съ

⁸⁵⁾ Акты Зап. Рос. II, № 87.

⁸⁶⁾ Ibidem, № 61.

волостями по поводу „сыпанья горы замковое и роботы обѣихъ островъ“, читаемъ между прочимъ: „И мы спытали того служебника нашего; которому есмо роботу острожную приказали, естли которая работа роблена съ тыхъ дворищъ“⁸⁷⁾ и т. д. Въ 1522 году король Сигизмундъ писалъ къ воеводѣ Кіевскому по поводу жалобъ мѣщанъ Кіевскихъ на его „новины“ и „кривды“: „А ценники и рядовники мають жито и ярины жати подлѣ давного обычая; а серповщичъ они не мають никоторыхъ давати. А ты а ни врадники твои не мають ихъ судити и рядити, кромѣ войтъ, бурмистри и радци. А *острогъ* мѣщане наши свои дѣлницы мають робити; а князьскіе и паньскіе, и духовные люди по тому жъ дѣлницы свои мають оправляти“⁸⁸⁾. Король писалъ обо всемъ этомъ воеводѣ, очевидно, потому, что воевода завѣдывалъ всѣмъ этимъ. Въ 1545 году королевскому ревизору, осматривавшему главные замки Волинской земли, князья, паны и земляне заявляли по поводу запущеннаго состоянія Луцкаго замка: „И къ тому дей князь староста и городничій сами своими особами а ни врадники ихъ обещне въ замку не мѣшвають и того не пригледають, и урядниковъ уставичныхъ не ховають, не только дей до году абы одинъ врадникъ у старосты стрывалъ, але часомъ и на одной недѣли два перемѣняются“; и далѣе: „*передъ тымъ городничій особливый и мостовничій особливый бывали, подъ справою и дозрѣніемъ старостинымъ, кождый своего владу смотрѣлъ и стерегъ, и завжды добрая справа яко въ замку, такъ и на мѣстѣ бывала*“⁸⁹⁾. Итаетъ, комендантомъ Луцкой крѣпости былъ староста; въ его распоряженіи и подъ его надзоромъ были городничій и мостовничій, завѣдывавшіе постройкою, ремонтомъ и содержаніемъ въ исправности замка и моста. Городничій и мостовничій слѣдили за тѣмъ, что бы князья, паны, земляне и господарскія волости строили и мостили свои городни. Но нѣкоторыя части господарскихъ замковъ строились на господарскіе доходы, получавшіеся въ повѣтъ, напр., въ замкѣ Володимирскомъ вежи, въ замкѣ Луцкомъ часть деревяннаго парка⁹⁰⁾ и т. д. Эти части строились воеводами и старостами, которые отряжали на работы своихъ слугъ для распоряженія и надзора за наемными рабочими. Воеводы и старосты воздвигали иногда замки на окраинахъ своихъ повѣтовъ въ помощь главному замку;—такимъ образомъ, напр., панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ въ бытность

⁸⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 194—198.

⁸⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 72.

⁸⁹⁾ Źródła dziejowe, tom VI, str. 44.

⁹⁰⁾ Ibidem, str. 6, 32.

старостою Бѣльскимъ построилъ на р. Нарвѣ замокъ того же имени ²¹⁾. Въ вѣдѣніи воеводъ и старостъ, какъ главныхъ начальниковъ, которымъ вѣрены были охрана общественнаго спокойствія и безопасности отъ вѣшнихъ непріятелей находилась и замковая, и полевая сторожа. Князья, паны и земане Волынскіе, указывая королевскому ревизору, пріѣхавшему въ 1545 году въ Луцкъ, на нерадѣніе старосты о замкѣ, на то, что онъ не живетъ въ немъ, говорили: „А теперь дей каждый собѣ старшій, и за тымъ жадное радности и справы доброе нѣтъ, и сторожи тежъ, которыи суть у воротъ, по своей воли хочуть стерегти, а не хотять, и они въ мѣстѣ пьютъ и ночуютъ, а ворота и въ ночи и въ день никому не заборонены; а хотя бы кому боронили, и отъ свыволныхъ стерегли, и леда кого въ замокъ не пустили, ино ихъ бьютъ и гвалтомъ ходять, а того никто прысмотрѣты не хочеть“ ²²⁾. Въ 1522 году, выслушавъ жалобы мѣщанъ Кіевскихъ на „кривди“ и „вовини“, починенные имъ воеводою Андреемъ Немировичемъ, и признавъ ихъ только отчасти основательными, король писалъ воеводѣ: „въ томъ мѣщаномъ очевисте росказали, ажбы какъ наши мѣщане, такъ князскіе, панскіе и духовные вси посполу стерегли (на полѣ татаръ); если бы коли Богъ помогъ твоей милости татаръ поразити, нехай бы они ихъ чергами стерегли“. Изъ этого же королевскаго листа узнаемъ, что воевода снаряжалъ и погоню за татарами, въ которой должны были принимать участіе всѣ жители, имѣвшіе лошадей. „Коли дей который мѣщанинъ,—писалъ король, излагая жалобу мѣщанъ,—кони не маеть, и ты дей кажешъ имъ зъ собою на погоню ходити, а передъ тымъ таковыи пѣшіи мѣщане въ замокъ хожывали; и тежъ дей въ мѣщанъ нашихъ кони на поли и зброи отнимаешъ и слугамъ своимъ даешъ; и татаръ дей пойманыхъ велишъ имъ стеречи и водити“ ²³⁾ и т. д.

Воеводы и старосты подобно намѣстникамъ-державцамъ сами выводили или выправляли на войну князей, пановъ, бояръ и земиятъ съ ихъ „почтами“, мѣщанъ и военно-обязанныхъ крестьянъ, владѣвшихъ землями въ повѣтахъ ихъ державій. Въ 1488 году король Казимиръ далъ привилей войту Владимирскому Федку Иванову—зъ войтовства Володимерьскаго и Литовижьскаго на войну не ходити, до его жывота, ни съ однимъ старостою Луцкимъ, а ни зъ маршалкомъ Волынское земли, а ни зъ намѣстникомъ Володимерскимъ,

²¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 107, 108.

²²⁾ Źródła dziejowe, tom VI, str. 44.

²³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 62. Срав. Акты Зап. Рос. I, № 203.

а ни съ земляны Волинскоѣ и Володимерскоѣ земли“⁹⁴⁾. Въ грамотѣ, данной въ 1522 году Кіевопечерскому монастырю, читаемъ между прочимъ: „А коли служба наша и земская бываетъ, ино они мають посылати на службу нашу съ паномъ воеводою Кіевскимъ десять человекъ, на конѣхъ у зброяхъ“⁹⁵⁾. Въ 1524 году, извѣщая старосту Городенскаго пана Юрья Миколаевича о готовящемся нападеніи на украину царя Перекопскаго съ вспомогательными силами Турокъ, король писалъ ему: „А про то жedaемъ твоей милости, яко пана а рады наше, абы твоя милость рачилъ собратися со всеми слугами своими и быти на одномъ мѣстцу поготову, конно а збройно: а какъ другимъ листомъ нашимъ вашу милость обошлемъ, ажъ бы ваша милость рачили тамъ до Берестья ѣхати. А и княземъ и паномъ, и бояромъ, и дворяномъ нашимъ всимъ, которые имѣнья свои мають у повѣтѣ твоей милости Городенскомъ, также бы твоя милость казалъ имъ поготову быти, коннѣ а збройнѣ, и съ собою на тотъ рокъ, ... до Берестья ѣхати“⁹⁶⁾. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ староста Городенскій, является главнымъ начальникомъ военныхъ силъ всего Городенскаго повѣта, въ томъ числѣ и тѣхъ округовъ его, которые находились въ держанѣ особыхъ намѣстниковъ-державцевъ (стр. 176—177 втораго очерка); но, во всякомъ случаѣ, онъ выводилъ военныя силы и староства Городенскаго въ тѣсномъ смыслѣ слова. Подобный же листъ былъ адресованъ въ 1533 году воеводѣ Виленскому Альбрехту Мартиновичу Гаштольду по случаю донесенія старосты Черкаскаго о томъ, что царь Перекопскій самъ своею головою и съ большимъ войскомъ перешелъ Днѣпръ и стоитъ въ тринадцати миляхъ отъ Черкасъ, намѣреваясь идти далѣе разорять государство. Король писалъ воеводѣ: „А про то, што бы твоя милость въ воеводствѣ и повѣтѣхъ своихъ (воевода былъ старостою Бѣльскимъ и Мозырскимъ), всимъ хоружимъ, княземъ и паномъ, и княгинямъ и панямъ вдовамъ, и бояромъ и дворяномъ, и всимъ подданнымъ нашимъ грозно приказалъ, ажъ бы они того часу, ничего не мѣшкаа, къ той ся службѣ нашей справили и зпарядили, конно и збройно, и были бы вси поготову съ тымъ почтомъ, водлѣ уставы нашоѣ и ухвалы земскоѣ; и якъ мы другимъ листомъ нашимъ обошлемъ, а на который рокъ, на которомъ мѣстцы кажемъ имъ быти, и они бы нехаѣ вжо вси на тотъ рокъ, на томъ мѣстцы, конно и збройно тамъ были, безъ всякоѣ вымовы и безъ

⁹⁴⁾ Акты Зап. Рос. I, № 92.

⁹⁵⁾ Акты Зап. Рос. II, № 112.

⁹⁶⁾ Ibidem, № 129.

каждого сплошества, и такъ бы ся къ той послузѣ поспѣшили, чымъ нарыхлѣи въ отпору тому неприятелю нашему тягнули, яко на квалтъ прислушнить“⁹⁷⁾. И въ данномъ случаѣ, королевское распоряженіе касалось воеводы, очевидно, какъ главнаго начальника военныхъ силъ воеводства въ широкомъ смыслѣ. Но воеводы выступаютъ иногда по актамъ и въ роли непосредственныхъ начальниковъ того ополченія, которое собиралось въ повѣтахъ ихъ держаній, въ воеводствахъ въ тѣсномъ смыслѣ. Въ описи Овруцкаго замка 1545 года читаемъ между прочимъ: „Папове киевские, которые въ повѣте Овруцкомъ имѣни свои к тому замку и вмѣстѣ дворы свои мають, суть подѣ присудомъ воеводы киевского, винни ехати на послугу господарскую при воеводѣ киевскомъ, якъ ихъ обошлетъ, а при старостѣ овруцкомъ ездити не винни, кромѣ свое доброе воли“⁹⁸⁾. Такимъ образомъ, воеводы были одновременно и главнокомандующими въ цѣлыхъ областяхъ, и командирами извѣстной части областного ополченія, которую они лично вели или выправляли на войну, и подѣ своею личною отвѣтственностью.

Эту отвѣтственность раздѣляли вмѣстѣ съ ними хоружіе повѣтовъ, находившихся въ ихъ держаньѣ; эти хоружіе были подѣ рукою воеводъ и старостъ точно такъ же, какъ были хоружіе и подѣ рукою намѣстниковъ-державцевъ. Объ этомъ была уже рѣчь въ третьемъ очеркѣ (стр. 533, 534). Въ дополненіе къ тому, что уже было сказано въ третьемъ очеркѣ, укажемъ здѣсь, что въ Волынской землѣ сверхъ хоружихъ повѣтовыхъ—Луцкаго, Владимирскаго и Кременецкаго существовалъ еще общій хоружій Волынской земли, заступавшій собою временно маршалка земли Волынской⁹⁹⁾. Урядъ хоружихъ былъ не только почетный, но и доходный. Доходы хоружимъ шли главнымъ образомъ при выбораніи серебряныя съ боярскихъ, дворянскихъ, вдовьихъ и татарскихъ крестьянъ. Въ Полоцкой землѣ хоружій получалъ жалованье съ нѣкоторыхъ волостей по особой „установѣ“, которая получила силу обычая. Въ 1533 году воеводѣ Полоцкому жаловался хоружій господарскій Полоцкій панъ Федоръ Епимаховичъ на подданныхъ господарскихъ, „на всю волость Собезскую и Ольбецкую, што жъ они передъ тымъ съ стародавнаго обычая хоружимъ Полоцкимъ, предкомъ моимъ, и мнѣ самому плачивали по десети копъ грошей“, а теперъ платить не хотятъ. На это волостные уполномоченные

⁹⁷⁾ Акты Зап. Рос. II, № 173.

⁹⁸⁾ Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. IV, т. I, № X.

⁹⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 65; XV, л. 95, 96; *Źródła dziejowe*, tom VI, str. 151—153.

отвѣчали: „Мы якъ тогда, такъ и теперь ку тому ся знаемъ, што десять копъ грошей хоружимъ платимъ, нижи теперь вжо только семь копъ платимъ, а трохъ копъ не доходить за тымъ, што господарь его милость подлечниковъ нашихъ, которые зъ нами плачивали, паномъ бояромъ роздалъ“. Хоружій возражалъ: „я о томъ ничего не вѣдаю, одно—якъ передъ тымъ платили десять копъ грошей сполна, такъ и теперь мнѣ платите“. Но воеводѣ „ся то не видѣло, ижъ бы они мѣли платити и за тые, которые суть розданы“, а потому онъ положилъ такую резолюцію: „одно мають они, тые волости Собезская и Ольбецкая, семь копъ грошей платити, колько передъ тымъ который зъ нихъ будетъ плачивалъ“ ¹⁰⁰⁾. Хоружихъ назначалъ обыкновенно самъ господарь или по челобитью лица, или по представленью воеводы или старосты, которые назначали то или другое лицо на этотъ урядъ „до воли господарской“; при этомъ они руководились иногда желаньемъ мѣстной шляхты. Король Сигизмундъ далъ было хоружство Городенское дворянину своему Марку Гринковичу. Но бояре Городенскіе не пожелали имѣть его хоружимъ, и староста, по ихъ желанью, отдалъ хоружство боярину Яну Николаевичу Толонковича „до воли господарской“. При свиданіи съ королемъ въ Варшавѣ староста ходатайствовалъ за Толонковича, въ чемъ его поддержали и нѣкоторые бояре Городенскіе; король утвердилъ хоружство за Толонковичемъ и выдалъ ему на то листъ 12 сентября 1526 г. ¹⁰¹⁾.

Въ устройствѣ военнотружлага землевладѣнія въ повѣтахъ своего держанья воеводы и старосты принимали такое же участіе, какъ и намѣстники-державцы. Воеводы и старосты собственною властью давали иногда имѣнья, въ особенности пустовскія земли, на земскую службу. Такія раздачи, впрочемъ, имѣли силу только „до воли господарской“, и если господарь не подтверждалъ имѣнья своимъ листомъ, оно могло отойти отъ владѣльца. Панъ Юрій Пацевичъ въ бытность свою воеводою Кіевскимъ далъ дворянину Сенку Володковичу имѣнье Гостомль, на которое владѣлецъ, однако, не получилъ подтвержденья короля Казимира. Князь Иванъ Дашкевичъ Глинскій выпросилъ это имѣнье для себя у великаго князя Александра, и когда Сенко Володковичъ хотѣлъ было оттягать имѣнье судомъ, то проигралъ дѣло, потому что Юрій Пацевичъ показалъ, что имѣнье онъ далъ ему собственною властью, но не по распоряженью короля. Великій князь

¹⁰⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 114, 115.

¹⁰¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 321.

Александръ, разбиравшій это дѣло, постановилъ: „коли Сенько листу отца нашего на то не мѣлъ, а панъ Юрей Пацевичъ далъ былъ ему тое имѣнье Гостомль безъ воли отца нашего, короля его милости, присудили есмо тое имѣнье Гостомль князю Ивану Дашкевичу Глинскому, по тому, какъ перво есмо ему тое имѣнье дали: нехай онъ тое имѣнье держать, а намъ съ того служить“ ¹⁰²⁾. Вслѣдствіе этого воеводы и старосты обыкновенно только на время давали имѣнья, „до воли господарской“, что и отмѣчали въ своихъ листахъ. Такъ, воевода Новгородскій Янъ Яновичъ Заберезинскій далъ нѣкому Андрею Мацковичу двѣ земли пустыхъ въ Новгородскомъ повѣтѣ, Малыковщину и Текуновщину, „до воли господарской“; король Сигизмундъ своимъ листомъ отъ 30 августа 1522 года подтвердилъ эти земли Андрею Мацковичу ¹⁰³⁾. Староста Бѣльскій панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ позволилъ Андреевой Бородчиной спустить землянину Бѣльскаго повѣта Алексѣю Есифовичу и дѣтямъ его землю въ Годышовѣ, „полслужбы люди жеребья Перкова“, такъ какъ они не могли съ нея служить службу и давать подачьи, „а къ тому нѣкоторыи земане тое земли ее не мало розобрали, а она оборонитися имъ не могла“. Дозволенье старосты, однако, имѣло только временное значеніе, потому что Алексѣй Есифовичъ нарочно долженъ былъ обращаться къ королю за подтвержденьемъ, каковое и получилъ 12 февраля 1529 года ¹⁰⁴⁾.—Не имѣя права раздавать населенныя и пустыя земли на вѣчность, воеводы и старосты часто ходатайствовали предъ господаремъ за челобитчиковъ, и ходатайства ихъ, какъ лицъ знакомыхъ съ мѣстными условіями и потребностями, обыкновенно уважались господаремъ. Въ 1487 году король Казимиръ писалъ воеводѣ Кіевскому пану Юрью Пацевичу: „што писалъ еси до насъ, што тамъ держалъ землю Карпъ Лупандичъ, а далъ былъ ему землю тую ещо небошикъ князь Семень, а потомъ тотъ Карпъ Лупандичъ побѣгъ до Волохъ, а тая земля пуста зостала, а службы намъ съ нее не было, и ты тую землю далъ Тишке; и тыми разы пишешь до насъ, просячи насъ, абыхмо таки того Тишья при той земли оставили. Но нехай онъ тую землю держать, а намъ съ той земли служить службъ по тому, какъ и передъ тымъ намъ съ тое земли служба шла. А какъ дастъ Богъ, будемъ у вотчинѣ нашей у великомъ княжествѣ Литов-

¹⁰²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 71, 72. Срав. Акты Зап. Рос. II, № 38, 95.

¹⁰³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 21.

¹⁰⁴⁾ Ibidem, л. 412, 413.

свомъ, а ты тогда при насъ жо будешь, и мы тогда, довѣдавшись гораздъ о томъ, и тому дѣлу конецъ вчинимъ, а до тыхъ мѣсть не хай онъ тую землю держить“ ¹⁰⁵). Въ слѣдующемъ году Казимиръ писалъ подобный же листъ воеводѣ Виленскому Олехну Судимонтовичу: „Што еси просилъ въ насъ подкоморему нашему Юшку Стирнелю земли въ Кревскомъ повѣтѣ конокормское, што передъ тымъ Мингалъ держалъ, а потомъ Карель Индриховичъ Нушъ,—данину, и мы на твое милости прозбу тую ему землю дали со всимъ по тому, какъ Мингалъ держалъ и потомъ Карель Индриховичъ. И твоя бы милость въ тую землю далъ ему увязанье“ ¹⁰⁶). Отъ 1511 года имѣемъ листъ короля Сигизмунда до воеводы Полоцкаго пана Станислава Глѣбовича, въ которомъ король писалъ: „Били намъ чоломъ бояре Полоцкіе Михайло и Иванъ Невельскіе и просили въ насъ людей нашихъ путныхъ Полоцкаго повѣту въ Кубличахъ, на имя Ивана Матоева, Окрема, Ермола, Давыда, Рыся, Федота, Макара, Ивана Ермоловича, Овонаса, Нефедья, Матшана, а повѣдали намъ, што жъ отчина ихъ отошла въ сторону великаго князя Московскаго и не мають ся на чомъ поживити, а тыхъ дей людей только двѣ службѣ путныхъ; ино и твоя милость намъ о томъ повѣдилъ такимъ же обычаемъ и жедалъ насъ за ними, абыхмо ихъ тымъ пожаловали противъ ихъ отчины. И мы имъ въ томъ ласку нашу вчинили, тымъ люди имъ есмо дали; твоя бы милость велѣлъ ихъ въ то увязати: нехай они намъ служить потому, какъ на насъ служили были“ ¹⁰⁷). Воеводы и старосты ходатайствовали предъ королемъ за челобитчиковъ, даже и не указывая точно предметъ пожалованья, а просто прося „чимъ осмотрѣть и пожаловать“. Въ такомъ смыслѣ староста Луцкій вн. Константинъ Ивановичъ Острожскій писалъ королю Сигизмунду „за земьяномъ Волынскимъ Ивашкомъ Чапличомъ“, указывая на его разоренье, „изъ, какъ замокъ Ровный горѣлъ, онъ въ томъ замку мѣлъ все свое скванье, и што-кольве мѣлъ статку своего, пенязей, зброн и иныхъ речей,—то все погорѣло, праве ни при чомъ зосталъ“. Чапличъ просилъ у короля „сельца въ Луцкомъ повѣтѣ въ Жуковской волостцѣ, на имя Гуменниковъ“; „а повѣдалъ намъ,—писалъ король старостѣ,—што жъ въ томъ сельци только пять чоловѣковъ, а то дей люди не данны а ни служебныи, нежли дей только на роботу ходять къ Жукову, а замку нашему то дей не шкодно“. „Прото,—при

¹⁰⁵) Литов. Метр. вн. Запис. IV, л. 135.

¹⁰⁶) Литов. Метр. кн. Корон. Перепис. XXVII, л. 8.

¹⁰⁷) Литов. Метр. вн. Запис. IX, л. 168.

казывалъ король старостѣ,—абы твоя милость о томъ ся довѣдалъ, естли бы было такъ, какъ онъ намъ повѣдалъ; будетъ ли замку нашему не вельми швидко, мы на твоее милости писанье и на его челобитье и для его вѣрное службы то вчинили, то сельцо Гуменниковъ ему есмо дали; и твоя бы милость ему въ то увязанье далъ, а къ намъ бы еси о томъ отписалъ“¹⁰⁸⁾).

Но чаще всего воеводы и старосты принимали участие въ устройствѣ военнотружлага землевладѣнія по возбужденію центральной власти, которая передавала имъ свои распоряженія и поручала привести ихъ въ исполненіе. Господарь поручалъ имъ обыскивать людей и земли для челобитчиковъ въ своихъ державахъ. Въ записяхъ земельных пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „у Рудомиנסку пану Товтвилу Монтовтовичу—земля подъ Войштовтомъ и подъ братомъ его Корюшомъ, а имъ воеводѣ обыскати иная така жъ, съ чого бы могли послужити“¹⁰⁹⁾. Въ 1496 великій князь Александръ по челобитью дворянина Васка Согѣжича объ осмотрѣніи его какимъ-нибудь имѣньемъ,—такъ какъ де отчина его отошла къ великому князю Московскому,—поручилъ намѣстнику Смоленскому пану Юрью Глѣбовичу обыскать ему и дать какое нибудь село. Юрій Глѣбовичъ далъ ему два села пустовскихъ въ Моцини, Щербиново и Свирково, и „землицу бортную съ селищемъ Безменовскимъ“; великій князь подтвердилъ все это Васку Согѣжичу¹¹⁰⁾. Король Сигизмундъ по челобитью дворянина Лукаша Свирмина писалъ старостѣ Берестейскому князю Александру Юрьевичу, „ажбы обыскалъ въ Берестейскомъ повѣтѣ два жеребья пустыхъ и ему далъ“. Староста отискалъ два жеребья, Ранцовскій и Беляжинскій, и далъ въ нихъ дворянину „увязанье“ и отписалъ объ этомъ королю, который и утвердилъ своимъ листомъ его распоряженье¹¹¹⁾. Въ 1514 году тому же королю билъ челомъ дворянинъ Василій Уволовъ о томъ, „што жъ отчину его всю неприятель нашъ князь Московскій забралъ во Брянску, и которого села половину въ Новгородскомъ повѣтѣ, на имя Негневичи, отцу его дано, и онъ зъ братьею и зъ маткою своею самъ четвертъ не можетъ ся на томъ поживити и намъ съ чого послужити“; Уволовъ просилъ короля, „абыхмо дали ему сколько человекъ, а къ тому земль пустовскихъ въ Новгородскомъ повѣтѣ въ селѣ, на имя у Вой-

¹⁰⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 375.

¹⁰⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 3, 5.

¹¹⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 56.

¹¹¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. л. VIII, 412.

жовичохъ; а повѣдалъ намъ,—гласить королевскій листъ,—што жъ въ томъ селѣ у Волковичохъ есть люди конюхи и мучники, и муралы, и садовники, и пташечники“. „Прото,—писалъ король воеводѣ Новгородскому Яну Яновичу Заберезинскому,—што бы твоя милость, пане воеводо, обыскалъ въ томъ селѣ у Волковичохъ какихъ людей семь человекъ служобъ а три земли пустовскихъ тамъ же, або индѣ гдѣ, и ему въ то увязанье даль“¹¹²⁾. Но обыкновенно челобитчики въ своихъ просьбахъ уже обозначали то или другое имѣнье, опредѣляя его составъ и состояніе въ данный моментъ. Въ этихъ случаяхъ господарь посылалъ за справками къ воеводамъ и старостамъ, буде просимыя имѣнья находились въ ихъ державахъ, съ цѣлью провѣрить показанія челобитчиковъ, а также узнать, не будетъ ли пожалованье этихъ имѣній „шведнымъ“ господарскому замку или двору. Приведемъ здѣсь нѣкоторые примѣры этихъ обращеній въ дополненіе къ тѣмъ, которые были уже изложены выше. Нѣкто Ивашко Русиновичъ просилъ у великаго князя Александра села Сомина во Владимирскомъ повѣтѣ. „И мы о томъ,—писалъ великій князь въ жалованной грамотѣ,—сами очевидно опытывали намѣстника Володимерскаго пана Василья Хребтовича, какое то есть село, и што намъ съ него плату идеть. И онъ передъ нами повѣдилъ, што жъ тое село вышайписаное Сомино держалъ Козарынъ, а опослѣ того Козарына держалъ братаничъ Козарыновъ Тишко, и того Тишка тыи жъ люди Соминцы забили, и послѣ нихъ ближнихъ никого ся не остало, и отецъ нашъ король его милость тое село прывернулъ къ Володимеру къ двору нашому Турейску; и тежъ повѣдилъ передъ нами, што жъ съ того села Сомина хоживало намъ чотыры колоды овса, а чотыры бочки пива, и съ корчомъ хоживало плату по сороку грошей, а за аловица або за вепра по двадцати грошей, и тежъ тыи люди Соминцы на роботу хоживали къ двору нашому Турейску“. Получивъ эти свѣдѣнія, великій князь утвердилъ Сомино за просителемъ¹¹³⁾. Въ привилеѣ, выданномъ королемъ Александромъ землянину Михну Верещачичу на имѣнье Затурцы въ Луцкомъ повѣтѣ, читаемъ: „Повѣдилъ передъ нами, што жъ дядько его, отца его у первыхъ братъ, Олехно Глѣбовичъ держалъ имѣнье въ Луцкомъ повѣтѣ на имя Затурцы и потомъ умеръ, а жоны и дѣтей въ себе не мѣлъ, хто бы къ тому имѣнью его близкій мѣлъ быти, выменяя онъ одинъ близкій есть. И перво сего просилъ насъ, абыхмо его къ тому имѣнью дядка его по близости допу-

¹¹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 88, 89.

¹¹³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 93.

стили, а повѣдилъ намъ, што жъ то ему есть дѣдина и отчина. И ми въ той речи писали до старосты Луцкого, маршалка Волынской земли, намѣстника Каменецкого, князя Семена Юрьевича, абы ся того до-вѣдалъ, близкій ли онъ есть къ тому имѣнью дядка своего чиль не близкій, и о томъ до насъ отписалъ. И князь Семень здѣсе передъ нами очевисто повѣдилъ, иже въ той речи опытывалъ всякъ князей и пановъ, и земанъ Волынской земли, и они передъ нимъ повѣдили, иже тое имѣнье дядка его ему есть дѣдина и отчина, и близкого иного никого къ тому нѣтъ, вымѣняя онъ къ тому имѣнью близкій есть“¹¹⁴). Но обыкновенная процедура въ такихъ случаяхъ бывала короче и проще: государь жаловалъ имѣнье согласно показанью объ немъ челобитчика и извѣщалъ о томъ воеводу или старосту, приказывая ввести челобитчика во владѣнье имѣньемъ, если въ дѣйствительности все окажется такъ, какъ онъ показалъ. Въ 1489 году король Казимиръ пожаловалъ старцамъ Николо-Пустынского монастыря селище пустое Княжичи за двѣ мили отъ Кіева за Днѣпромъ. „А повѣдали намъ,—писалъ король воеводѣ Кіевскому Юрью Пацовичу,—штожь дей то селище пусто еще за великого князя Витовта, а къ тому дей селищу нѣтъ ничего, только одно озеро; а намъ дей съ того селища ничего плату нѣтъ. Про тожь, естли то будетъ такъ, какъ они намъ повѣдали, и мы имъ тое селище дали, до наше воли: и ты бы имъ въ томъ селищи дозволилъ папшю пахати“¹¹⁵). Въ 1512 году король Сигизмундъ писалъ старостѣ Жмудскому пану Станиславу Яновичу; „Билъ намъ чоломъ боярынъ Жомойтскій Станиславъ Михайловичъ и повѣдилъ передъ нами, што жъ дей ихъ братьи пять, а отчину малу мають и не мають дей намъ съ чого послужити,—и просилъ въ насъ пять земель пустыхъ въ Жомойтской земли въ Росенской волости, на имя Шедужовщину Визьгайловича а Мейнартовщину Висяговича, а Ендросовщину ройтиниковы, а Монтовидовы Шендговича повозниковы, а Мацковщину ройтиниковы; а повѣдилъ передъ нами, што жъ дей то земли не данные и не куничные. Ино, естли будетъ такъ, какъ онъ намъ повѣдалъ, и мы ему тие двѣ земли дали. И твоя бы милость ему въ то увязанье далъ“¹¹⁶). Разумѣется и въ тѣхъ случаяхъ, когда пожалованье было безусловно, воеводы и старосты получали извѣщеніе о немъ и приказъ дать „увязанье“.

¹¹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 222.

¹¹⁵) Акты Зап. Рос. I, № 39. Справ. II, № 9.

¹¹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 567.

„Увязывать“, впрочемъ, не всегда поручалось воеводамъ и старостамъ, какъ не всегда поручалось это дѣло и намѣстникамъ-державцамъ. Въ 1507 году, извѣщая намѣстника-воеводу Смоленскаго Юрья Андреевича о пожалованнѣ княгини Опронѣ Мезецкой пяти служебъ людей въ Вѣжкахъ въ Смоленскомъ повѣтѣ въ Дубровенскомъ пути, король писалъ ему: „а вязати ее въ тые люди послали есмо дворянина нашего Мишка Крыжина“ ¹¹⁷). Въ 1509 году король Сигизмундъ, пожаловавъ князю Ѳедору Мосальскому село Алексѣичичи въ Городенскомъ повѣтѣ съ нѣкоторыми службами въ другихъ селахъ, писалъ старостѣ Городенскому Станиславу Петровичу: „И для того послали есмо тамъ дворянина нашего Занка Еловича и казали есмо ему его въ тое село и въ люди тые и въ земли пустовскіе увязати. И твоя бы милость съ тымъ нашимъ дворяниномъ послалъ которого служебника своего, и казалъ обрати людей съ одного всихъ сумою пятьдесятъ человекъ съ службами и съ тыми людьми што въ томъ селѣ, а къ тому четыре земли пустовскихъ ему подати“ ¹¹⁸). Въ 1516 году князю Константину Ивановичу Острожскому „дано шесть служебъ людей въ Новгородскомъ повѣтѣ, сельцо на имя Охоново, какъ же за нимъ воевода Новгородскій писалъ, а увезати его милость въ то послано дворянина князя Василья Пузыну“ ¹¹⁹). Чаше всего особые „увязчїе“ посылались изъ центра въ тѣхъ случаяхъ, когда ввѣдъ въ имѣнїе совершался по суду, хотя и это не было общимъ правиломъ, такъ что и по суду вводить во владѣнїе приходилось иногда воеводамъ и старостамъ. Въ 1499 году великій князь Александръ, присудивъ имѣнїя Варевцы, Берновъ и Кокотовъ Михайлу Павшичу и Ивашку Семеновичу, у которыхъ отгивали эти имѣнїя князья Полубенскіе, Иванъ и Левъ, приказалъ совершить ввѣдъ во владѣнїе воеводѣ Кіевскому вн. Дмитрію Путятичу ¹²⁰). Разумѣется, воеводы и старосты не лично „увязывали“ въ имѣнїя, а посылали своихъ слугъ или „увязчїихъ“, которые, прїѣхавъ въ имѣнїе вмѣстѣ съ новымъ владѣльцемъ, собирали крестьянъ и постороннихъ „добрыхъ людей“, при которыхъ и объявляли о томъ, что имѣнїе принадлежитъ отнынѣ такому-то, а крестьянамъ приказывали слушаться новаго владѣльца; къ крестьянамъ посылалась обыкновенно объ этомъ особая грамота отъ господара ¹²¹).

¹¹⁷) Акты Зап. Рос. II, № 9.

¹¹⁸) Ibidem, № 56.

¹¹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 227.

¹²⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI л. 270.

¹²¹) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 163—165.

Съ вѣдома и разрѣшенья воеводъ и старостъ, какъ и намѣстниковъ-державцевъ, происходили различныя сдѣлки и переходъ имѣній въ средѣ военнослужилаго класса, хотя окончательное утверждение и здѣсь было за господаремъ. Панъ Миколай Радивиловичъ въ бытность свою воеводою въ Смоленскѣ разрѣшилъ служebníку своему Андрею Ивашковичу купить у господарскихъ людей Волниныхъ село службное, съ котораго шла одна служба панцирная, съ условіемъ служить тремя панцирями. Но за окончательнымъ утвержденіемъ Андрей Ивашковичъ все таки обратился къ королю Казимиру, каковое и получилъ 23 января 1487 г. ¹²²⁾. Въ 1507 году король Сигизмундъ подтвердилъ подсудку Бѣльскому Станиславу Малиновскому „зрунтыхъ и сѣножатей“, купленные имъ у мѣщанъ Бронскихъ. „И на то листъ дозволенный,—читаемъ въ королевскомъ подтвердительномъ листѣ,—воеводы Троцкого пана Миколая Миколаевича передъ нами вказывагъ, который же листъ ему панъ Миколай далъ ещо въ оный часъ, какъ Бѣлескъ держалъ отъ брата нашего Александра, короля его милости, и въ томъ листѣ выписано, што жъ тые Андрейковичи тую землю свою передъ войтомъ Бронскимъ вѣчно Малиновскому здали и въ книги мѣстскіе то записали“ ¹²³⁾. Челобитчики при просьбѣ о подтвержденіи представляли иногда даже „увязчіе листы“ воеводъ и старостъ, а не только „дозволеніе“; очевидно „увязаніе“ воеводы и старосты давали въ тѣхъ случаяхъ, когда въ подтвержденіи господаря не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, и оно выхлопывалось только для формы, какъ листъ-твердость на случай претензій на имѣніе со стороны частныхъ лицъ. Въ 1514 году королю Сигизмунду бояринъ Жмудской земли Адамъ Ганусовичъ представилъ листъ старосты Жмудскаго Станислава Яновича, „въ которомъ жо листѣ пишеть тымъ обычаемъ, што жъ бояринъ нашъ (госполарскій) Петрашъ Ямонтовичъ зъ сыни своими зъ Миколаемъ и зъ Лукашомъ, приподши передъ пана старосту очевисто, сами вызнанье вчинили, ижъ тотъ Петрашъ зъ дозволеніемъ брата своее рожное, Довегирдовымъ и Петковымъ, и ближнихъ, продалъ (Адаму Ганусовичу) дворъ свой властный, всю свою дѣльницу, выимокъ матки ихъ, который же дворъ тому Петрашу и брату его Довегирду наполю въ дѣлу достался послѣ матки ихъ, на имя дворъ Кгирдишки, а потомъ братъ того Петраша, на имя Довегирдъ Ямонтовичъ, продалъ ему дворець, свою часть, которую жъ

¹²²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 126.

¹²³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 145.

мѣлъ, также Кгирдишки жъ, вѣчно“. Въ силу этого листа, названнаго „увязчимъ“, король подтвердилъ имѣнье Адаму Ганусовичу своимъ листомъ ¹²⁴⁾. Въ подтвердительномъ листѣ Сигизмунда, выданномъ въ 1523 году дворянину Андрею Мацковичу на разные имѣнья, читается между прочимъ: „Также повѣдилъ, што жъ купилъ въ боярина Новгородского повѣта Радка Яцковича, съ дозволеньемъ воеводы Новгородского пана Яна Яновича Заберезеньского, дворець на рѣцѣ на Свотровѣ у Новгородскомъ повѣтѣ, который дворець тотъ бояринъ справилъ собѣ на пустовщынѣ Сыропятовщынѣ, которую жъ землю пустовскую мы ему дали Своторовского десятеу“ ¹²⁵⁾. Такимъ образомъ, и известное постановленіе Статута 1529 года о томъ, что продавать-покупать имѣнья, мѣняться ими и дарить ихъ можно только предъ господаремъ, а въ его отсутствіе предъ маршалками дворнымъ и земскимъ, или въ повѣтахъ предъ воеводами и старостами, было только простою формулировкой дѣйствовавшаго права. По Статуту право воеводъ и старостъ на разрѣшеніе сдѣлокъ на имѣнья ограничивалось только имѣньями отчинными. „А што ся дотычетъ данныи наше господарское,—читаемъ въ 15 арт. I раздѣла,—тогда не маеть продано быти, а ни отдано перед паны радами и маршалки и старосты нашими, ни жили перед нами Господаремъ з волею нашою господарскою“. И это ограниченіе врядъ ли было нововведеніемъ Статута 1529 года: при существованіи разныхъ видовъ пожалованій,—до воли господарской, до живота, до двухъ животовъ, на вѣчность, оно само собою должно было выдвинуться въ жизни и, вѣроятно, ранѣе 1529 года.—Предъ воеводами и старостами совершались нерѣдко дѣлежи отчинными имѣньями, которые вписывались въ замковыя книги подобно всѣмъ актамъ, совершавшимся „на врядѣ“ воеводъ и старостъ. Такъ, напримѣръ, предъ воеводою Витебскимъ паномъ Яномъ Юрьевичемъ Глѣбовича въ 1530 году 3 сентября подѣлился съ братьями отчиннымъ имѣньемъ бояринъ витебскій Иванъ Зеленуга. „А если бы который зъ нихъ,—читаемъ въ „дѣльчемъ“ актѣ, утвержденномъ воеводою,—хотѣлъ другому которую въ тыхъ имѣньяхъ шкodu або наѣзду вчинити, або одинъ безъ другого мѣлъ въ братьи ихъ части купити, то на такомъ заруки маеть быти на господаря по десять копъ грошей, а на пана воеводу Витебского десять ру-

¹²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 171, 172.

¹²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 113.

блекъ" ¹²⁶⁾. Если дѣлежъ имѣніями былъ сложенъ, тогда отчинники брали отъ воеводъ судей „дѣльчихъ“, которые и производили разверстку на мѣстѣ ¹²⁷⁾. Воеводы и старосты устанавливали и опеку надъ малолѣтними дѣтьми. „А опеку тыхъ дѣтей Ивашовыхъ,—читаемъ въ одномъ „вырокѣ“ воеводы Виленскаго отъ 11 августа 1542,—присудили есмо Кмитѣ, яко брату старшему: маеть Кмита ихъ зъ имѣнемъ и зъ статками въ опецѣ своей мѣти до лѣтъ ихъ; и кгда лѣта мѣти будутъ, маеть имъ имѣнье и статокъ отца ихъ Кмита все въ цѣлости подавати“ ¹²⁸⁾. По смерти духовныхъ лицъ, завѣдывавшихъ церковными имѣніями, воеводы и старосты назначали „справцу“ для этихъ имѣній, который управлялъ ими впредь до прибытія преемника умершему; напр., по смерти архіепископа Полоцкаго Наѳанила воевода Полоцкій назначилъ „справцею“ архіерейскихъ дворовъ боярина господарскаго Охромею Орефича, который и чинилъ судъ и управу въ этихъ имѣніяхъ до того времени, пока не вступилъ на кафедру Полоцкую слѣдующій архіерей — Мисаилъ; Охромею Орефичу были подчинены и „дворные“ архіерейскіе урядники, намѣстники и тивуны ¹²⁹⁾.

Въ повѣтахъ своихъ держаній воеводы и старосты являются по актамъ такими же судьями, какъ намѣстники-державцы въ своихъ повѣтахъ, съ такими же правами и компетенціею. Какъ и намѣстники-державцы, воеводы и старосты не могли только произносить приговоры, коими рѣшался вопросъ о чьемъ-либо шляхетствѣ: такіа дѣла они должны были переносить на окончательное рѣшеніе господаря. Панъ Иванъ Глѣбовичъ, городничій Полоцкій, заявивъ жалобу Полоцкому уряднику воеводы Полоцкаго на Сеньку Проселку, „иже онъ, будучи у пивѣ у-въ одного чоловѣка господарскаго, и чоловѣка его збилъ“, взялъ на него дѣцкаго на томъ основаніи, „што жъ онъ есть городцкій слуга, а не шляхта, не потреба его позвы позывати, але таковыхъ черезъ дѣцкихъ ку праву ставити“. Проселокъ пожаловался воеводѣ, утверждая, что онъ шляхтичъ и потому долженъ вызываться „листы позовными“, а не черезъ дѣцкаго, въ чемъ ему отъ него „жалъ и кривда дѣтеться“. На судѣ предъ воеводою городничій возражалъ Проселку: „твой отецъ былъ дѣда моего Остафея отчизный человекъ нижли отецъ мой, небожчикъ Панъ Глѣбъ, былъ ласкавъ до него и

¹²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 19, 20. Срав. 24 арт. VIII раздѣла Статута 1529 г.

¹²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣль XI, л. 45—47.

¹²⁸⁾ Ibidem, л. 26, 27.

¹²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 183, 184.

его выпросилъ у дѣда моего, отца своего пана Остафья“. Проселокъ на это отвѣчалъ: „правда есть, што отецъ мой служилъ дѣду и отцу твоему и отъ дѣда твоего пана Остафья Марково деветъ годъ держалъ и имѣнье подъ нимъ въ Залѣсьи мѣлъ, але шляхта былъ“. Въ доказательство онъ представилъ влейноть, — листъ короля Александра, писанный на жалобу матери его до воеводы Полоцкаго, пана Юрья Пацовича. Но городничій съ своей стороны представилъ копію съ листа короля Сигизмунда, писаннаго до воеводы Полоцкаго пана Станислава Глѣбовича, въ которомъ братья Проселка Мартинъ Проселокъ и Васко Богатыревичъ написаны „слугами городовыми“. Кромѣ того, городничій поставилъ передъ воеводою двоюроднаго дядю Проселка, старика, „который же вжо есть што и часъ на остаточномъ концѣ живота своего“, и онъ показалъ: „люди есмо служебные приѣжчіе, служили есмо пану Остафью Корсаковичу, дѣду пана городничого, и подъ его милостью мѣли есмо земли въ Залѣсьи; и потомъ служили есмо пану Глѣбу Остафьевичу, отцу пана городничого, а того не вѣдаю, естли есмо шляхта зъ роду нашего“. „И мы, — гласить „выривъ“ воеводы отъ 16 августа 1533 года, — то убачившы, вжъ *то есть не наша речъ судити о шляхетство*, але господарская, съ obu сторонъ рѣчи есмо выслухавшы, и съ тыхъ листовъ ихъ копіи писати казали и дали есмо тую речъ до господара его милости: и вгды, дастъ Богъ, будетъ его милость у панствѣ его милости, великомъ князствѣ Литовскомъ, тогда они мають съ собою о томъ мовити передъ его милости обличностью господарскою“¹³⁰⁾. Въ слѣдующемъ 1534 году тому же воеводѣ жаловался Микула Хрещовъ съ братьею на бобровничаго Полоцкаго Яцка Богдановича Быстрейскаго, „и жъ бы имъ примовилъ, абы не были шляхтичы, але дворяне городовые“. Бобровничій и передъ воеводою подтвердилъ то же самое: „И мы, — записалъ воевода въ замковья книги, — имъ то дали на россудокъ до господара его милости“¹³¹⁾. Кромѣ дѣлъ о шляхетствѣ, всѣ другія дѣла воеводы и старосты имѣли право разбирать и рѣшать окончательно. Но такъ же, какъ и намѣстники-державцы, они не могли препятствовать сторонамъ отъѣзжаться до господара, какъ о томъ уже было сказано въ третьемъ очеркѣ (стр. 641, 642, 643), а въ земляхъ Киевской и Волынской не могли приводить въ исполненіе своихъ рѣшеній по важнымъ дѣламъ безъ указа господара (стр. 639).

¹³⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 121, 122.

¹³¹⁾ Ibidem, л. 237.

Въ присудѣ воеводъ и старость находились господарскіе крестьяне разныхъ наименованій, господарскіе мѣщане, не состоявшіе въ магдебургскомъ правѣ, князья, паны, бояре и земане и другіе военнослужилые землевладѣльцы. Кромѣ того, по дѣламъ о разбоѣ съ личнымъ, „кгвалтѣ“, поджогѣ и изнасилованіи женщины воеводы и старосты, какъ было уже сказано въ третьемъ очеркѣ (стр. 633), судили всѣхъ вообще жителей въ повѣтахъ своихъ держаній. Впрочемъ, эти „старостинскіе артикулы“ не вездѣ соблюдались въ такомъ именно количествѣ: въ Кіевѣ напр., мѣщане по дѣламъ о поджогѣ должны были призываться на судъ войта, а не воеводы ¹³²⁾. Воеводы и старосты разбирали, кромѣ того, дѣла по искамъ на подданныхъ князей и пановъ, бояръ, земанъ и другихъ владѣльцевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы „отволокали право“ (стр. 632—635 третьяго очерка). На Подляшѣ старосты Бѣльскій, Дорогицкій и Мельницкій, однако, не судили земанъ-шляхту, которые состояли въ присудѣ земскихъ судовъ, по всѣмъ дѣламъ, за исключеніемъ „старостинскихъ артикуловъ“ кромѣ того, земельныя тяжбы они разбирали совмѣстно съ земскимъ судомъ, какъ обо всемъ этомъ было уже сказано въ третьемъ очеркѣ (стр. 637, 638). Судебная дѣятельность воеводъ и старость такъ же, какъ и намѣстниковъ-державцевъ, фактически уменьшалась отъ перехода дѣлъ къ господарю, а отъ господаря часто къ судьямъ-коммиссарамъ, которыхъ господарь посылалъ разбирать тяжбу на мѣстѣ, или къ судьямъ „полюбовнымъ прошнымъ“, которыхъ стороны брали сами для разбирательства ихъ тяжбы; много дѣлъ рѣшалось помимо воеводъ и старость, кромѣ того, судьями любовными, которыхъ стороны сами приводили или брали отъ воеводъ и старость, и, наконецъ, копными судами. Подробности относительно всего этого, а равно о значеніи суда воеводъ и старость, объ обстановкѣ, при которой онъ совершался, большею частью даны уже въ третьемъ очеркѣ (стр. 642—663). Кромѣ того, общія опредѣленія относительно суда воеводъ и старость читатель можетъ найти въ сводномъ текстѣ „Уставныхъ земскихъ грамотъ Литовско-Русскаго государства“, изданномъ г. Ясинскимъ (стр. 181—195). Нѣкоторыя дополненія здѣсь необходимо сдѣлать только относительно присуда воеводъ и старость въ мѣстахъ, объ отношеніяхъ, существовавшихъ между „городскимъ“ и „мѣстскимъ“ присудами. По привилею, полученному городомъ Полоцкомъ на магдебургское право, и дополнительному въ нему привилею

¹³²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 77, 78.

великаго князя Александра отъ 12 іюля 1499 года, войтъ съ бурмистрами и радцами не имѣли права разбирать земельныя тяжбы мѣщанъ и путныхъ людей: „Што ся тычетъ права земляного, кому бы до кого дѣло было о земли, будь боярину до мѣщанина а любо до путника, а любо мѣщанину а любо путнику до боярина: тые суды маеть судити намѣстникъ нашъ Полоцкій съ старшими боярами Полоцкими, подлугъ давного обычая. Тежъ которы бы ся дѣла пригодили о границахъ земляныхъ, хто бы кому границу сказилъ; то тежъ маеть намѣстникъ нашъ Полоцкій ѣхати, а любо бояръ сослати, того дѣла судити подлугъ давного обычая“. Кромѣ того, по искамъ иностранцевъ, „коли отколѣ послы пріѣдутъ о обидныхъ дѣлѣхъ земскихъ, съ Новагорода, со Пскова, зъ Лукъ або зъ Нѣмецъ“, судъ долженъ былъ производить опять таки намѣстникъ съ старшими боярами, „призвавши къ собѣ войта и старшихъ мѣщанъ, будетъ ли ся што тыкати дѣла мѣстского, ... какъ и передъ тымъ бывало“. Наконецъ, путники, живущіе въ Дрисецкой волостѣ, должны были судиться по старому у бояръ, которые держали эту волосту по годамъ. Войтъ съ бурмистрами и радцами не имѣли права судить боярскихъ людей, жившихъ въ городѣ и на мѣстѣ, на земляхъ отчинныхъ или купленныхъ, и писать ихъ въ магдебургское право: они должны были сообщать съ мѣстомъ только платить серебщину и другіе „поплатки“; кромѣ того, войтъ, и мѣщане не имѣли права боярскихъ „холопъ невольныхъ и робъ и людей въ пѣназехъ принимать а ни судити ихъ въ томъ нѣмецкимъ правомъ“: судить ихъ долженъ былъ намѣстникъ Полоцкій „городскимъ правомъ“¹²³⁾. Въ слѣдующемъ году великій князь выдалъ новый привилей городу Полоцку, въ силу коего произошли важныя перемѣны въ отношеніяхъ между мѣстскимъ и городскимъ присудами. Всѣ мѣщане, которые издавна жили въ селахъ и служили господарю вмѣстѣ съ сельскими путниками и подъ именемъ ихъ, были выключены изъ состава мѣщанскаго общества и отданы въ присудъ городской; въ магдебургскомъ правѣ оставлены были только такіе сельскіе путники, которые имѣли дома въ Полоцкѣ и какую-либо недвижимую собственность. Мѣстское начальство получило право разбирать земельныя тяжбы мѣщанъ между собою, а урядникъ Полоцкій и бояре болѣе уже не имѣли права вступаться въ такія дѣла, судить и рядить; только въ тѣхъ случаяхъ, если истцомъ или отвѣтчикомъ въ земельной тяжбѣ былъ „городскій чоловѣкъ“, намѣстникъ долженъ былъ посылать на смѣстный судъ боярина господарскаго или слугу

¹²³⁾ Акты Зап. Рос. I, № 175.

своего. Всѣ люди владыки Полоцкаго, игуменьи, боярскіе и поповскіе, живущіе въ мѣстѣ, должны были слушаться права магдебургскаго, равно и „ремесники: певары, мясники, пивовары, дойлиды“ и др.; на-мѣстникъ Полоцкій съ боярами не должны были въ нихъ вступаться; всѣ мѣщане, заложившіеся за на-мѣстника, владыку, игуменью, бояръ, игуменовъ и поповъ, возвращались подъ право магдебургское ¹³⁴⁾. Такія отношенія между мѣстскимъ и городovýmъ присудомъ *de jure* продолжали существовать въ Полоцкѣ и въ правленіе Сигизмунда, хотя *de facto* и нарушались иногда, какъ это видно изъ жалобы мѣщанъ Полоцкихъ на воеводу Петра Станиславовича, поданной около 1527 года ¹³⁵⁾. Приведенные здѣсь факты изъ исторіи магдебургскаго права въ Полоцкѣ показываютъ, что даже въ одномъ городѣ отношенія между замковымъ урядомъ и мѣстскимъ управленіемъ были *de jure* въ разное время разныя. Тѣмъ болѣе справедливо это относительно разныхъ городовъ. Въ области подсудности различіе замѣчается главнымъ образомъ относительно господарскихъ и частновладѣльческихъ ремесленныхъ и торговыхъ людей, жившихъ въ мѣстахъ. Въ однихъ городахъ, какъ въ Волковыскѣ, они не только тянутъ съ мѣщанами въ повинностяхъ и платежахъ, но и состоятъ въ магдебургскомъ правѣ ¹³⁶⁾; въ другихъ городахъ они тянутъ съ мѣщанами только въ повинностяхъ и платежахъ, а судятся своими панами, господарскіе люди—мѣстными замковыми урядниками: такъ было, напр., въ Кіевѣ, Минскѣ ¹³⁷⁾ и до 1500 года въ Полоцкѣ. Для Кіева необходимо еще отмѣтить юрисдикцію воеводина осмника по мелкимъ преступленьямъ, совершившимся на рѣкѣ или на берегу, „какъ бы отъ берега палицею докинути“, и юрисдикцію на-мѣстника митрополичьяго и воеводы по блуднымъ дѣламъ ¹³⁸⁾. Въ силу особыхъ привилегій отдѣльныя лица выключались изъ права городского и включались въ право мѣстское магдебургское и наоборотъ. Князь Свидригелло Ольгердовичъ пожаловалъ нѣкоему Семену мельнику, „млынъ у Володимири на Лузѣ и далъ ему съ того млына брата третью мѣрку, а двѣ мѣрки на замокъ Володимирскій давати“; потомъ внуку этого Семена Шимеу Стринскому онъ пожаловалъ дворище „за стайнею

¹³⁴⁾ Акты Зап. Рос. I, № 185.

¹³⁵⁾ Акты Зап. Рос. II, № 61, 147.

¹³⁶⁾ *Ibidem*, № 13.

¹³⁷⁾ Акты Зап. Рос. I, № 207; II № 164; Литов. Метр. вн. Запис. VI, л. 143.

¹³⁸⁾ Акты Зап. Рос. I, № 170.

на горѣ“, позволилъ выстроить еще два млына, одинъ „межи городомъ и церковью русскою Пречистое Богоматери на Рибняву“, а другою „на Риловцы“, „и съ права городского его выволилъ, а привернулъ его въ право мѣстское майтборское“. Служebníеъ господарскій Васко Колчовскій, къ которому перешли по женѣ эти мельницы и дворище, въ 1518 году билъ челомъ королю, „абыхмо, — гласить всролевскій листъ, — тыи млыны и дворищо потвердили ему нашимъ листомъ на вѣчность и съ права мѣстского, въ которомъ тые предки первого мужа жены его были, его выволили а казали быхмо ему быти *въ земскомъ правѣ въ городономъ*“. Король исполнилъ эту просьбу и написалъ ему въ привилеѣ: „кому-вольевѣ будетъ въ чомъ до него дѣло, тотъ маеть на немъ того правомъ всѣти передъ старостою нашимъ Володимерскимъ“¹³⁹⁾.

Воеводы и старосты еще болѣе, чѣмъ намѣстники-державцы, держали при себѣ слугъ, которые помогали имъ въ управленѣ, отправляли при нихъ различныя должности и выполняли ихъ различныя порученія, а въ окраинныхъ замкахъ составляли постоянный гарнизонъ и конвой воеводъ и старостъ. Всѣ эти слуги находились на иждивеніи своихъ пановъ, которымъ господарь давалъ иногда вспоможеніе на ихъ содержаніе. Такъ, король Сигизмундъ, назначивъ воеводою въ Кіевъ пана Юрѣя Михайловича Монтовтовича и принимая во вниманіе, „иже онъ маеть, на томъ замку нашимъ украинномъ мѣшкаючи, не малую суму слугъ ховати ку службѣ нашей, а поживитися съ тыми слугами своими не маеть чимъ“, придалъ ему „на поживеніе“ къ воеводству Кіевскому платъ съ корчомъ и мыто, кромѣ оргиша, и половину плату съ корчмы Черкасской съ того времени, „какъ Дѣдко року своего додержитъ“¹⁴⁰⁾. Король Александръ далъ князю Василю Львовичу Глинскому „за его вѣрную службу“ староство Берестейское съ урядомъ ключа Берестейскаго до живота, а „ку захованью слугъ на замку Берестейскомъ“ придалъ ему 50 копъ съ корчомъ и 50 копъ съ мыта Берестейскаго на каждый годъ. Король Сигизмундъ въ 1507 году подтвердилъ ему староство съ ключомъ, причемъ князь Глинскій отказался отъ ста копъ грошей: съ мыта и корчомъ, но за то получилъ въ свою пользу поборные пенязи и куницы Берестейскія¹⁴¹⁾. Но кромѣ собственныхъ слугъ воеводъ и старостъ, при нихъ проживали иногда и господарскіе дворяне, которымъ на-

¹³⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 22, 28.

¹⁴⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 151.

¹⁴¹⁾ Ibidem, л. 154.

значалось „лежанье“ въ резиденціяхъ воеводъ и старостъ, и которые кормились отъ дававшихся имъ правительственныхъ порученій. Король Сигизмундъ, пожаловавъ дворянину Яцку Путатъ двѣ службы людей щитовыхъ въ Смоленскомъ повѣтѣ въ Дубровенскомъ пути, писалъ 4 августа 1510 года намѣстнику Смоленскому: „и ты бы которому дворянину, нашему велѣлъ, его въ то увязати, што тамъ дворяне наши тими рави при тобѣ мѣшкають“¹⁴². Въ Полоцкѣ существовали особые городскіе дворяне, по общественному своему положенію стоявшіе, какъ мы уже видѣли, ниже бояръ-шляхты. Они также посылались по различнымъ порученіямъ, напр., ѣздили съ послами Полоцкими въ Новгородъ, Псковъ, Луки, Ригу „о земьскихъ дѣлахъ обидныхъ“¹⁴³). Очевидно, эти дворяне остались въ Полоцкѣ отъ удѣльнаго времени.

Но большею частью воеводы и старосты въ такихъ случаяхъ обходились при помощи своихъ слугъ. Изъ среды этихъ слугъ выходили намѣстники воеводъ и старостъ, чинившіе суды и управу въ отдѣльныхъ волостяхъ ихъ державъ и въ самыхъ резиденціяхъ во время отсутствій воеводъ и старостъ. Изъ числа слугъ воеводъ были и маршалки ихъ, которымъ они поручали производить судъ по отдѣльнымъ дѣламъ въ городѣ, и которыхъ посылали разбирать земельныя тяжбы на мѣстѣ, производить раздѣлы имѣніями и т. д. Такъ, напр., намѣстникъ Витебскій князь Михаилъ Ивановичъ Жеславскій, которому донесли на Гостмирцевъ Ивана, Еска и Ивана, „што жъ они держать за собою служебную землю на имя Грицевичину опричь своее отчизное земли“, выслалъ въ 1495 г. на мѣсто дознаться объ этомъ боярина Витебскаго Илью Мостычана и маршалка своего Костюшка. „Съ посланы пана Ивана Ходкевича въ тотъ часъ, кгда Витебскъ держалъ“, его маршалокъ Яцко Сушкевичъ виѣстѣ съ Иваномъ Олферьевичемъ дѣлили боярина витебскаго Олехна съ братьею, „зъ дозволенья ихъ самыхъ“, людьми и землею ихъ отчизною“¹⁴⁴). Воевода Витебскій Яцъ Юрьевичъ Глѣбовича, разобравъ тяжбу князя Дмитрія Романовича Видемичаго и его жены Оеньки съ бояриномъ витебскимъ Гурьомъ Олехновичемъ о наслѣдствѣ и присудивъ послѣдному третью часть, „на раздѣлъ тыхъ речей на три части“ „высадилъ“ городничаго господарскаго Витебскаго Романа Гарасимовича съ боярами, а также намѣстника своего Витебскаго Лукаша Безскаго и маршалка своего Ивана Суморова. Въ судовомъ листѣ того же воеводы по дѣлу кня-

¹⁴²) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 167, 168.

¹⁴³) Акты Зап. Рос. I, № 175.

¹⁴⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 31, 66.

гии Анны Борисовны Жилинской и сына ея Ивана съ бояриномъ господарскимъ Иваномъ Зелепугою о насильственномъ захватѣ земель читаемъ между прочимъ: „И положили есмо той присесѣ ихъ рокъ въ понедѣловъ иришлый и на тотъ рокъ послали есмо городничого господарского Витебского пана Романа Гарасимовича а ключника господарского Витебского Григорья Олферьевича, а намѣстника нашего Витебского Лукаша Безского, а маршалка нашего Ивана Суморова тое присеги межи ними доглядѣти“¹⁴⁵⁾. Упомянутый вдѣсь Лукашъ Безскій является потомъ маршалкомъ у того же пана Яна Юрьевича Глѣбовича, ставшаго воеводою Полоцкимъ. Этотъ маршалокъ стоитъ во главѣ судной комиссiи, которая по порученью воеводы разбираетъ разные дѣла. Такъ, напр., 21 июня 1633 года маршалокъ Лукашъ Безскій и намѣстникъ воеводы Червлятекій Янъ Лось слушали жалобу одной подданной боярыни Левеновой на Микша Левоневича, который ее „пхнулъ и кордомъ вдарилъ“; присудили Микшу „тую жонку, яко тиглую, рублемъ грошей навезати“. Въ тотъ же день маршалокъ и намѣстникъ Червлятекій вмѣстѣ съ намѣстникомъ пана Петра Станиславовича Селедцовскимъ Бенцлавомъ Смолиномъ разбирали тяжбу боярина Яцва Голубцевича съ человекомъ Грідкомъ Оурихимовымъ. Бояринъ утверждалъ, что Грідко—его „паробокъ невольный“, убѣжавшій отъ него; въ доказательство онъ ссылался на судебный листъ Богдана, намѣстника бывшаго воеводы Полоцкаго пана Петра Станиславовича. Но когда судьи потребовали за оную этотъ судебный листъ, бояринъ заявилъ, что листъ украденъ у него Грідкомъ. Грідко отвергъ это и поставилъ шаншу „до книги пана Богдановыхъ“; но бояринъ не согласился на это судебное пари: „бо не вѣдаю, естли те записано въ книги, нижи готовъ есеми о томъ послатися до устного сознанья пана Богданова“. Судьи, не чина конца дѣлу, перевесли его въ тотъ же день на судъ самого воеводы, который оправилъ Грідка на томъ основанiи, что бояринъ не заявлялъ уряду о пропажѣ листа и не бралъ копiи съ него изъ книгъ замковыхъ: „бо въ таковыхъ речахъ зъ ураду листы судовне съ книгъ мають даваны быти“¹⁴⁶⁾. Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что такія же порученія, какія давались маршалкамъ, давались и другимъ слугамъ, однимъ или вмѣстѣ съ мѣстными господарскими урядниками. Воеводѣ

¹⁴⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 43—45; 54—58.

¹⁴⁶⁾ Ibidem, л. 176, 181. Срав. Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XI, ч. 21 о судѣ маршалка воеводы Виленскаго.

Витебскому Яну Юрьевичу Глѣбовича въ 1530 году жаловались Гестяловцы на Госпятицель „о дерево бортное яловое и о подпись, взяъ свой на ихъ подпись вложи“. „И мы,—гласитъ запись воеводы,—рассказали вранчику нашему Левонидову тамъ выѣхати и того, межъ ними доведѣвшись, досмотрѣти, и на што они доводъ чинятъ, то тые мають держати, а на што доводу не мають, на чомъ зъ нихъ которые присегнуть, то тые мають держати“¹⁴⁷). Въ 1533. году бояринъ полоцкій Яцко Богдановичъ Голубцевича жаловался воеводѣ на боярина Полоцкаго Андрея Михайловича: „онъ квалтомъ моцью гоны бобровые цетовые погонилъ на Начы рѣцѣ, мене не обсылаючи“. Но Андрей заявилъ, что онъ бобровъ биль „во власности жоны моее, гдѣ жъ тебѣ некоторого вступу нѣтъ“. „И мы,—гласитъ судебный листъ воеводы,—вмъ рокъ земскій положили дванадцать недѣль; а вгды тотъ рокъ пришло, мы на тую землю *пздожовъ* выслали, городничего господарского пана Ивана Глѣбовича а служебнива нашего Молодеца, которые жъ намъ отказали тымъ обычаемъ... И мы водлугъ статутъ господарскихъ, за листы и за годнѣйшимъ доводомъ Андреевымъ, тую землю, тотъ островъ и тые бобровые гоны ему есмо и его жонѣ присудили“¹⁴⁸).—Изъ среды слугъ воеводъ и старостъ выходили и изъ дѣцкіе, увязчїе и вижи. Такъ, напр.; воевода Полоцкій посылалъ въ 1533 году коморника своего Ивана Волинца *дѣцкима* для взносканъ съ людей игуменъи Полоцкой Вяшовцевъ полтеры копы грошей, присужденныхъ, на нихъ копою въ пользу кн. Богдана Глѣвскаго. Дѣцкій прїѣхалъ съ взяземъ и „стороною“, людьми городничаго Витебскаго—наместникома Сташикомъ и старцемъ Власовскимъ Семеномъ Васильевичемъ. Когда Вяшовцы не захотѣли заплатить добровольно, дѣцкій „пограбилъ“ у нихъ три влаци съ жеребенкомъ¹⁴⁹). Въ томъ же году воевода Полоцкій, получивъ отъ господара увѣдомленье о пожалованїи дворянину Володку имѣнья Кшоловъ съ приказаньемъ ввести его во владѣвіе, послалъ съ листомъ „увязчимъ“ служебнива своего Веницу, который, прїѣхавъ въ имѣнье вмѣстѣ съ Володкомъ, собралъ „земцы того имѣнья“ и „иныхъ людей добрыхъ“ и въ присутствїи ихъ совершилъ актъ ввода во владѣнье¹⁵⁰). На то, что и вижами посылались обыкновенно слуги воеводъ и старостъ, указанїя источниковъ были приведены уже въ третьемъ очеркѣ (стр.

¹⁴⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 3.

¹⁴⁸) Ibidem, л. 155—157.

¹⁴⁹) Ibidem, л. 171, 172. Справ. Акты Зап. Рос. II, № 54.

¹⁵⁰) Ibidem, л. 163—165.

665, 666).— Изъ среды слугъ воеводъ и старостъ выходили упоминавшіеся выше осмнѣе воеводы Кіевскаго, рядничій намѣстника-воеводы Смоленскаго (въ Брянскѣ „редничое“ было одною изъ волостей, которыя раздавалъ государь), „мытники“ воеводъ и старостъ, ихъ сокольничіе, ловчіе, езвоничіе, неводничіе. Въ Витебскѣ существовали даже особые конюшіе воеводы на ряду съ конюшими земскими. Въ 1531 году воеводѣ Витебскому жаловался его конюшій Иванъ Борейшинъ на людей Брушанскихъ: „который доходъ перво сего здавна даивали конюшимъ *первыхъ воеводъ Витебскихъ*, а теперъ того дохода мнѣ давати не хотять“. Брушане возражали: „мы почонши зъ давныхъ лѣтъ ажъ до тыхъ часовъ николи доходовъ жадныхъ некоторому конюшому не даивали, на што жъ и листъ государскій въ себе маемъ, черезъ который государь его милость насъ съ тыхъ доходовъ вызволилъ“. Но въ листѣ, который они представили, государь писалъ только воеводѣ Янушу Костевичу (1514—1517) на ихъ жалобу: „если бы было такъ, какъ они повѣдали, будутъ ли они здавна тыхъ доходовъ конюшимъ не даивали, абы и теперъ не давали“. Иванъ Борейшинъ ставилъ шапку до Ивана Чернаго, конюшаго намѣстника Витебскаго пана Юрья Глѣбовича (1503—1508), до Богдана Бѣлиницкаго, конюшаго пана Януша Костевича, и до Щуринскаго, конюшаго пана Ивана Сопѣги, „на томъ, ижъ тые конюшіе передъ тымъ листомъ и послѣ того листу тии доходы свои на нихъ бирали“. Брушане не сослались на поименованныхъ лицъ, и воевода рѣшилъ дѣло въ пользу своего конюшаго. При разбирательствѣ этого дѣла между прочимъ присутствовалъ *конюшій Витебскій* Василій Копоть ¹⁵¹⁾. Существованіе особыхъ конюшихъ намѣстниковъ-воеводъ Витебскихъ даетъ основаніе предполагать, что въ Витебскомъ повѣтѣ государскіе луга и пастбища эксплуатировались отчасти и въ пользу намѣстниковъ-воеводъ, подобно тому, какъ эксплуатировались отчасти въ ихъ пользу и „буды“ въ государскихъ пущахъ ¹⁵²⁾, бывшія въ другихъ повѣтахъ исключительно государскою доходною статьею. — Наконецъ, изъ числа служебниковъ воеводъ и старостъ были ихъ писари и дьяки. Писари были начальниками дьяковъ, какъ это обнаруживается изъ одного судоваго листа великаго князя Александра отъ 1499 года, въ которомъ читаемъ между прочимъ: „И онъ (панъ Григорій Станьзовичъ) въ томъ межы ними смотрѣлъ и судъ свой намъ отказалъ, што жъ сынъ Ѳедковое Юрьи передъ нимъ самъ ся призналъ, ижъ тотъ листъ

¹⁵¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, к. 34.

¹⁵²⁾ Акты Зап. Рос. I, № 127.

отца нашего судовой, што Тишко на тую свою куплю и выслугу мѣль, коли служилъ *въ писаря нашего Федкова Григорьевича въ Яска дьяка, содраль* ¹⁵³⁾ и т. д. По актамъ встрѣчаемъ, напр., съ писаремъ воеводы Виленскаго Миколая Радивиловича Сенькомъ Тереховичемъ, которому великій князь Александръ въ 1494 году подтвердилъ разныя имѣнья въ Смоленскомъ повѣтѣ ¹⁵⁴⁾; съ писаремъ воеводы Троцкаго пана Миколая Миколаевича Ескомъ Ивановичемъ, которому король Сигизмундъ въ 1507 году подтвердилъ войтовство въ одномъ селѣ Бѣльскаго повѣта ¹⁵⁵⁾, съ писаремъ старосты Жмудскаго земаниномъ Андреемъ Мацковичемъ, которому король въ 1512 году пожаловалъ „на поживеньє“ десять человекъ и четыре пустощины въ землѣ Жмудской, съ порученьемъ старостѣ „объискать“ людей и пустощины ¹⁵⁶⁾; съ писаремъ старосты Дорогичаго ¹⁵⁷⁾ и т. д.; изъ дьяковъ по актамъ встрѣчаемъ, напр., Сопотка Стецковича, дьяка воеводы Виленскаго пана Миколая Миколаевича, которому король Сигизмундъ въ 1512 году пожаловалъ людей и пустощины въ Мойшавгольскомъ повѣтѣ по случаю потери имъ отчины, отошедшей въ сторону в. кн. Московскаго и разоренья другаго его имѣнья, подлѣ Клецка, отъ поганства-татарь ¹⁵⁸⁾.

Воеводы и старосты подобно намѣстникамъ-державцамъ почти совсѣмъ не получали кормовъ отъ мѣстныхъ жителей. Большинство ихъ осталось въ дворцахъ удѣльныхъ князей, при которыхъ было полное хозяйственное обзаведеніе, скотъ и различныя сѣстные припасы. Кромѣ того, и въ волостяхъ, находившихся въ ихъ держаньѣ, существовали въ большинствѣ случаевъ господарскіе дворы и дворцы, а сами они вошли въ роль господарскихъ приказчиковъ, замѣнили тивуновъ и стали не только кормиться съ господарскаго хозяйства, но и получать съ него, какъ мы видѣли, извѣстный процентъ чистаго дохода. Какъ на остатокъ древнихъ кормовъ, можно указать, напр., на мясо, которое давалось каждую субботу въ Новгородѣ Литовскомъ на замокъ, съ ятокъ мясныхъ; но „коледы и волочобного“ (полюды?) мѣщане уже не платили, „подлѣ давняго обычая“ ¹⁵⁹⁾; такимъ же

¹⁵³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 634.

¹⁵⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 86.

¹⁵⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 165, 166.

¹⁵⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 36.

¹⁵⁷⁾ Акты Зап. Рос. II, № 64.

¹⁵⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 552.

¹⁵⁹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 71.

остаткомъ, быть можетъ, были и „гостинцы отъ варь“, которые получалъ воевода Полоцкій, впрочемъ, уже не натурою (пивомъ, медомъ и виномъ горѣлымъ), а деньгами въ размѣрѣ полукопы грошей отъ всякой вари ¹⁶⁰⁾; деньгами же онъ получалъ и платъ отъ ятокъ мясныхъ и съ „колачницъ“ ¹⁶¹⁾; нѣкоторыя господарскія волости въ Полоцкой землѣ, напр., Кушлейковская и Бордзиловская, обязаны были давать проѣзжающему воеводѣ стаціи „яловицами, бараны и иными речьями“, которыя взыскивали съ нихъ *становничіе* воеводѣ ¹⁶²⁾ и т. д. Отъ суда воеводы и старосты получали тѣ же доходы, какъ и намѣстники-державцы,—т. е. извѣстный процентъ съ „винъ“, которыя они собирали на господаря, пересудъ, заклады или заруки, выметное часть дѣцкованья, и т. д. ¹⁶³⁾ Воеводы и старосты такъ же, какъ и намѣстники-державцы, получали доходы отъ назначенія на должность крестьянскихъ властей, какъ о томъ было уже сказано въ третьемъ очеркѣ (стр. 424, 427), „челобитье“ и „уязжее“ за утверждение извѣстнаго лица во владѣннѣ имѣннѣмъ и доходъ отъ раздачи пустовщинъ во временное пользованіе. Въ 1507 году король Сигизмундъ, пожаловавъ боярамъ торопецкимъ Нефеду и Михалку (потерявшимъ свою отчину вслѣдствіе московскаго завоеванія) людей въ Лужосенской волости Витебскаго повѣта, приказывалъ намѣстнику Витебскому: „и ты бы имъ въ то уязжанье далъ *безъ челобитья и безъ уязжчюю*, бо дей они вельми стравилися и не мають тобѣ чого дати“ ¹⁶⁴⁾. Челобитье платилось воеводамъ и старостамъ, очевидно, за то, что они хлопотали предъ господаремъ о пожалованнѣ имѣнья; но, какъ видно, въ настоящаго случая, воеводы и старосты брали свое челобитье даже и тогда, когда имѣнье жаловалось безъ ихъ участія. Отъ раздачи пустовскихъ земель во временное пользованіе староста Жмудскій получалъ въ свою пользу „отмети“, а Кіевскій воевода раздавалъ пустовскія мѣщанскія дворища и выгоны пахать исполу на себя. „А што жаловали намъ,—писалъ король воеводѣ Кіевскому 18 іюня 1522 года,—ижъ твоя милость дворища и выгоны ихъ (мѣщанъ) роздаешь пахати людемъ князскимъ и панскимъ, и духовнымъ, ино мы тобѣ очевисте рассказали, ажбы ты дворища и выгоны ихъ давалъ имъ ро-

¹⁶⁰⁾ Ibidem, № 70.

¹⁶¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 173.

¹⁶²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 218, 219.

¹⁶³⁾ Акты Зап. Рос. I, № 113; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 367, 368; XVI, л. 19, 29; 28—30 и др.; Статутъ 1529 г. раздѣлъ VI, арт. 25.

¹⁶⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 170.

бити и зъ собою на поля, а князскимъ и панскимъ, и духовнымъ людемъ абы еси дворищъ и выгоновъ ихъ пахати не давалъ¹⁶⁵⁾. Воеводы и старосты получали доходъ отъ „листовъ дозволенныхъ“, коиими они утверждали куплю-продажу, мѣну и другія сдѣлки на недвижимыя имѣнья: хотя эти доходы получали собственно писари ихъ, но, вѣроятно, не полностью, а только частью, часть же отдавали своимъ панамъ¹⁶⁶⁾; за разрѣшеніе вывести невѣсту въ другую волость воеводамъ и старостамъ шли свадебныя или выводныя кунницы съ крестьянъ (и мѣщанъ?)¹⁶⁷⁾ и т. д.—По особому пожалованью отъ господара воеводы и старосты получали въ свою пользу и доходы другихъ урядниковъ господарскихъ, и собственные господарскіе доходы. Выше былъ приведенъ, напр., тотъ фактъ, что князь Василій Львовичъ Глинскій получилъ отъ короля Александра староство Берестейское съ урядомъ ключа Берестейскаго, т. е. съ доходами, которые получалъ ключникъ, и ежегодную субсидію съ мыта и корчомъ Берестейскихъ въ размѣрѣ 100 копъ грошей. Братъ его кн. Иванъ Львовичъ въ 1507 году получилъ отъ короля замокъ Новгородскій съ ключомъ и городничимъ „и со всемъ съ тымъ, какъ первые державцы тотъ замокъ держивали“, съ правомъ титуловаться воеводою¹⁶⁸⁾. Въ 1507 году королю Сигизмунду заявилъ воевода Троцкій панъ Миколай Миколаевичъ Радивиловича, „што жъ дей даней пикоторыхъ къ воеводству Троцкому къ своей живности не маеть“, и просилъ короля пожаловать ему дань вмѣстѣ съ писарскимъ доходомъ съ Рудыхъ Бѣлокъ въ Вщицкой волости Мозырскаго повѣта, что король и исполнилъ¹⁶⁹⁾. Въ томъ же году король придалъ старостѣ Луцкому кн. Константину Ивановичу Острожскому къ замку Луцкому 200 копъ грошей съ мыта Луцкаго ежегодной субсидіи „до воли“ своей¹⁷⁰⁾. О субсидіи воеводѣ Кіевскому пану Юрью Михайловичу Монтовтовича было сказано выше; въ 1508 году король пожаловалъ воеводѣ Кіевскому кн. Юрью Александровичу „въ каждый годъ по триста копъ грошей, для успоможенья“, безъ обозначенія источника, откуда должно было выходить это „успоможенье“¹⁷¹⁾.

¹⁶⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 72.

¹⁶⁶⁾ Статутъ 1529, раздѣлъ I, артик. 15.

¹⁶⁷⁾ Акты Зап. Рос. II, № 30, 164.

¹⁶⁸⁾ Ibidem, № 7.

¹⁶⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 194.

¹⁷⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 29, IV.

¹⁷¹⁾ Ibidem, № 44.

Воеводы и старосты могли получать и всё или почти всё доходы съ своихъ держаній—и господарскіе, и урядниковъ господарскихъ, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда эти держанья находились у нихъ въ заставѣ. Панъ Ѳедоръ Янушевичъ, ссудивъ королю Александру 1400 золотыхъ угорскихъ „на его милости и великого князства Литовского потребивну“, получилъ за то „староство Луцкое и маршалковство Волинское“ „со всеми мѣсты и съ селми, и зъ дворми, и зъ данями, съ платы и приходы и съ припадки, и со всеми приходы, до того-то староства и маршалковства съ старины слушающими“,—за исключеніемъ мыта, изъ котораго король далъ ему 200 копъ грошей „широкое личбы, а монеты литовское“. Въ своемъ привилеѣ король Александръ обязался за себя и своихъ преемниковъ не отнимать у него всего этого „безъ певное вины“; „и естли бы пререченое тое староство и маршалковство отъ того пана Ѳедора отняти бы его милость хотѣлъ або его милости потомъ будучи тажежь хотѣли вчинити, тогды напередъ иишею державою и честию, и врьдомъ такъ добрымъ и пожиточнымъ, какъ и тое держанье—староство Луцкое, мѣло бы ему дапо и осмо-трѣно быти, а пререченую суму тысячу и чотыриста золотыхъ угорскихъ мѣлъ бы его милость и потомъ его милости будучи напередъ ему заплатити и отдати слушне и зъ его взяткомъ“¹⁷²). По смыслу заставного листа выходить, такимъ образомъ, что, если бы король уплатилъ Ѳедору Янушевичу 1400 золотыхъ, онъ все равно долженъ былъ бы оставить его при староствѣ до живота, но только, разумѣется, съ правомъ получать одни старостинскіе доходы; если же почему-нибудь ему понадобилось бы взять изъ руки Ѳедора Янушевича староство Луцкое съ маршалковствомъ Волинской земли, тогда опъ долженъ былъ дать ему такую же прибыльную и почетную должность. Панъ Ѳедоръ Янушевичъ не удержалъ „до живота“ староство Луцкое и маршалковство Волинское: князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, бывший старостою Луцкимъ и маршалкомъ земли Волинской, возвратился изъ плѣна, и король счелъ справедливымъ возвратитъ ему эти уряды, а пану Ѳедору Янушевичу далъ, какъ гласитъ его привилей отъ 23 декабря 1507 года, „замокъ нашъ Володимиръ зъ мѣстечкомъ нашимъ Литовижомъ и зъ монастыромъ нашимъ Светого Спаса, и со всеми дворы нашими и фольварки и волостями: напервѣй дворъ нашъ Турейскъ и села наши, што въ нему прислухаютъ, Болбли а сельцо Асоловичы, а село Смедино, што на замокъ всякую работу робять

¹⁷²) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 141—143.

и дань дають, и тежь село Свинухи, што въ немъ суть служебны,— и зъ мытомъ великимъ и малымъ, што на насъ бирывано, и съ корчмами Володимерскими и Турейскими, и со всеми платы и доходы, и зъ данями всякими грошовыми и медовыми, и съ цынши всякими, и съ припадки, ничего на насъ не оставляючи а ни выймуча^а. Всѣ эти господарскіе доходы должны были идти пану Федору потому, что и замокъ Владимиръ отдавался ему въ заставу въ 1400 копахъ грошей: „масть онъ,—читаемъ далѣе въ королевскомъ листѣ,—со всеми на себе держати ажъ и до живота своего; а по его животѣ не маемо мы а ни наши потомки того замку отъ жоны и отъ дѣтей его и отъ его ближнихъ отнимати, олижъ тые пенязи, тую суму тысячу золотыхъ имъ заплативши слушне и зъ его взяткомъ, а чотыриста золотыхъ по своемъ животѣ намъ онъ поступилъ“. Впрочемъ, панъ Федоръ Янушевичъ получилъ право на держанье до живота замка Владимира только „врядомъ“, а „заставою“—до воли господарской: „А не маемо мы а ни наши потомки никому иншому дозволати того замку въ него выкупати, лечъ, сами пенязи его, суполную суму тысячу и чотыриста золотыхъ ему заплативши слушне и зъ его взяткомъ, и ему жъ зася дати отъ насъ держати тотъ замокъ ажъ и до живота его“. Но всему этому, что бы удовольствовать пана Федора Янушевича и относительно „чти“, король прибавилъ: „А маемо его старостою въ листѣхъ нашихъ писати; такежь напротивъ тое чти староства Луцкого, маршалства Волянское земли, дали есмо ему маршалство наше до живота его держати, а мѣстце даемъ ему въ радѣ нашей сѣдати межи паны радами нашими“¹⁷³⁾. Въ 1520 году король, взявъ у пана Юрья Николаевича Радивиловича три тысячи копъ грошей, записалъ ему эту сумму „на Городнѣ, замку и мѣстѣ, со всеми двори и людьми, къ Городну прислухаючими, и опроче тыхъ, которые жъ онъ маеть особно записано (Озеръ и Кринокъ), и со всеми повѣтомъ и волостями, и зъ землями, и съ уряды Городенскими, то есть городничое, конюшое и ключництво, и лѣсничое, и тежь зъ мытомъ мостовымъ, и зъ пенезми корчомными, и со всеми польми и сѣвожатями, и лѣсы, и борми, и гайми, и хворосты, и дубники, и сосники, и съ пуцями, и зъ дубровами, и зъ бортами, и зъ данymi грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными, и зъ меды, со всемъ, откуль-кольвекъ передъ тымъ до влюча нашего на насъ прихожывали, и зъ ловы звѣринными оленьными, и лоси и сарнами; але только,—

¹⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VШ, л. 199.

писалъ король, — въ тыхъ пуцахъ допускаемъ ловити, гдѣ и нынѣ старосты, предковѣ его, ловили, а зубра не допускаемъ ему ловити“. „То имѣнье наше верхуписаное, — читаемъ далѣе въ заставномъ листѣ, — тотъ вельможный панъ Юрьи и жона и дѣти его, и потомковѣ его мають держати такъ долго, покуль ему и жонѣ и дѣтемъ, и потомкомъ его мы або потомки наши тую суму три тисечы копѣ грошей заплатимъ; а коли будетъ заплачено, тогда тое имѣнье Городно со всимъ на насъ и на наши потомки маеть ся вернути и спасти. И надто того пререченого и вельможного пана Юрья на *врядъ* того староства Городенского до живота его оставляемъ и оставили есмо его, а не маемъ съ того староства рушати а никому иному давати, олижбы есмо его лѣпшимъ а почтившимъ и пожиточнѣйшимъ врядомъ осмотрѣли“¹⁷⁴⁾.

Итакъ, съ отдачею староствъ въ заставу соединялось обыкновенно отдача ихъ въ держанье „врядомъ“ до живота. Воеводства и староства, впрочемъ, и безъ того давались обыкновенно до живота или до пожалованья болѣе почетною и прибыльною должностью. Король Александръ далъ князю Василью Андреевичу Полубенскому „замокъ Володимерь держати съ корчмами и со всеми доходы намѣстничьими“. Въ 1507 году князь билъ челомъ королю Сигизмунду о томъ, что бы его „съ того вряду не рушили до живота“. Король исполнилъ его просьбу и выдалъ ему подтвердительный листъ, въ которомъ писалъ между прочимъ: „а онъ маеть съ тыхъ пенязей корчомныхъ пушкари на томъ замку ховати; и не маемъ въ него того замку отнимати безъ вины до живота его“¹⁷⁵⁾. О пожалованѣ староства Берестейскаго съ ключомъ въ держанье до живота было уже сказано выше. Въ 1510 году король пожаловалъ паву Николаю Николаевичу Радивиловичу урядъ воеводства Виленскаго и канцлерства великаго княжества „до живота его милости“¹⁷⁶⁾ и т. д. Указанія на то, что при этомъ платилось господарю челобитье, были даны уже въ третьемъ очеркѣ (стр. 70?). Здѣсь необходимо еще прибавить, что въ держаньяхъ воеводъ и старостъ чинили судъ и управу „справцы съ посланья господарского“ въ то время, когда воевода или староста умиралъ или съѣзжалъ, а новый на его мѣсто не былъ назначенъ господаремъ или почему-нибудь долгое время не прѣзжалъ. Такъ, напр., по смерти воеводы

¹⁷⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 48, 49.

¹⁷⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 145.

¹⁷⁶⁾ Ibidem, л. 353, 354.

Виленскаго Миколая Радивиловича (16 іюля 1509 г.) и до вступленъ въ должность новаго воеводы Миколая Миколаевича Радивиловича (назначеннаго 12 іюня 1510 г.) въ Вильнѣ „съ полецанья господарского“ чинилъ судъ и управу маршалокъ, намѣстникъ Слонимскій, панъ Янъ Миколаевичъ ¹⁷⁷⁾; въ Полоцкѣ послѣ того, какъ съѣхалъ воевода Петръ Станиславовичъ, и до пріѣзда новаго воеводы Яна Юрьевича Глѣбовича (1532 г.) судъ и управу чинилъ „съ посланья господарского“ дворянинъ Михаилъ Григорьевичъ Ловейковича ¹⁷⁸⁾ и т.д.

II.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію правительственной дѣятельности и значенія воеводъ и старостъ, какъ преемниковъ и до извѣстной степени замѣстителей въ областяхъ удѣльныхъ князей. Начнемъ прежде всего съ отношенія, какое они имѣли къ населенію волостей и повѣтовъ, не бывшихъ въ ихъ держаньѣ, въ сферѣ повинностей и податей.

Господарскія волости, находившіяся подъ управленіемъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, своими повинностями и податями тянули не къ однимъ только мѣстнымъ судебно-административнымъ сосредоточіямъ и не стояли въ отношеніи повинностей и податей изолированно какъ другъ отъ друга, такъ и отъ волостей, находившихся въ держаньѣ воеводъ и старостъ. Наоборотъ, между ними въ этомъ отношеніи существовали связи, начало которыхъ нужно относить еще къ удѣльному времени. Въ 1460 году король Казимиръ писалъ намѣстнику Полоцкому пану Олехну Судимонтовичу: „Говорили намъ бояре Полоцкіе и мѣщане, и все посольство, што жъ дей городничого въ нихъ здавна не бывало въ Полоцку, а воли дей надобѣ городъ Полтескъ рубити, намѣстникъ нашъ, который городъ Полтескъ отъ насъ держить, тотъ дѣло городовое рассказываетъ дѣяти нашимъ людемъ, *которые наши люди зъ волостей нашихъ Задвинскихъ Полтескъ рубливали издавна, и приномъ Полоцкимъ и инымъ волостемъ, которые издавна городъ Полтескъ рубливали;* и били намъ чоломъ, абыхмо вчинили по старому, приказали быхмо тобѣ, аби ты рассказывалъ городъ Полтескъ рубити, воли будетъ его надобѣ рубить“. Король исполнилъ ихъ просьбу и писалъ намѣстнику: „ведѣй будетъ такъ, какъ и будетъ издавна при дяди напомъ при великомъ

¹⁷⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. л. VIII, л. 381, 382.

¹⁷⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 130.

князь Витовтъ и Жягмонтъ“¹⁷⁹). Итакъ, городское дѣло прежде всего было связью, которая соединяла различныя волости въ областяхъ на почвѣ общей повинности. Въ 1495 году великому князю Александру били челомъ бояре жижморскіе Войтко Олехновичъ, Павелъ Бенковичъ и Иванко Ганусовичъ и жаловались, „што жъ городничій Троцкій править на нихъ дяволь, тежъ велеть имъ сѣно косити къ Старымъ Трокомъ, и приставъ Жижморскій выгоняеть ихъ въ заставу къ Трокомъ до скарбу нашего (господарского); а они дей передъ тымъ издавна дякла не даивали и сѣна не кошивали, и въ заставу до скарбу не хожиwali“. Бояре заявили, что „перво сего о томъ ихъ смотрѣлъ съ приставомъ Жижморскимъ Талкомъ воевода Троцкій, небожчикъ панъ Мартинъ Кгаштовтовичъ и опытивалъ тамошнихъ бояръ обаполныхъ—Якуба Костевича, Яна Нарбутовича, Бартоша Тудолгговича а Юшка Наревича, а Стявила Кончевича, если бы тые бояре передъ тымъ дякла даивали и сѣна кошивали, и въ заставу до скарбу хожиwali; а тые бояре тогда передъ нимъ посвѣтчили, што жъ они здавна дякла не даивали и сѣна не кошивали, и въ заставу къ городу до скарбу не хожиwali: и панъ Мартинъ, того досмотрѣвши, и на томъ имъ и листъ свой судовой далъ“. Бояре представили и самый листъ, на основаніи котораго великій князь ихъ оправилъ¹⁸⁰). Изъ этого дѣла видно, такимъ образомъ, что крестьяне волостей, находившихся въ держанъѣ намѣстниковъ-державцевъ, дякломъ тянули къ главнымъ городамъ области, гдѣ сидѣли воеводы и старосты, и хотя, какъ мы видѣли въ третьемъ очеркѣ, дякло и собирали намѣстники-державцы, но льшь въ качествѣ органовъ городничихъ, къ которымъ крестьяне должны были свозить дявольный хлѣбъ (стр. 474, 475); городничіе специально вѣдали сборъ этой подати и вѣзжали въ волости править недоимки. Кромѣ того, волости, находившіяся въ держанъѣ намѣстниковъ-державцевъ, должны были отражать людей на караулъ къ центральному городу области и посылать рабочихъ къ господарскимъ дворамъ, находившимся внѣ ихъ предѣловъ.—Размѣры господарскаго хозяйства въ нѣкоторыхъ волостяхъ не соотвѣтствовали количеству имѣющихся въ нихъ рабочихъ рукъ, обязанныхъ барщиннымъ трудомъ на господара, вслѣдствіе чего на работы сгонялись крестьяне изъ другихъ державъ. Такъ, напр., къ Трокамъ ходили косить сѣно изъ волости Любошанской; Могилевцы изъ вѣковъ сѣно въ Борисовѣ кошивали (стр. 104 и 125

¹⁷⁹) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 14.

¹⁸⁰) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 26.

второго очерка); волости Озерницкая и Усвятская волочили озеро Вымно на замокъ Витебскій (стр. 770, 771 четвертаго очерка) и т. д. Сюда можно присоединить еще слѣдующія указанія. Въ 1508 году королю Сигизмунду били челомъ архимандритъ и братья монастыря Св. Спаса въ Смоленскѣ и просили двѣ службы людей въ Каспльской волости Смоленскаго повѣта, Костричинныхъ и Малетинныхъ. „А повѣдали намъ,—читаемъ въ жалованной грамотѣ короля,—штожь тыи люди намъ дають двѣ четверти меду прѣсного до погребя нашего, и городъ нашъ Смоленскъ робять и хоромы оправляютъ, и послы поднимають, и неводъ на озерѣхъ нашихъ тагнуть, и двадцать грошей до казны наше дають въ каждый годъ“. Пожаловавъ этихъ людей монастырю, король освободилъ ихъ отъ всѣхъ повинностей на себя: „нижли тыи люди городъ нашъ Смоленскій мають робити по давному, посполу зъ людьми монастырскими“. Въ томъ же 1508 году король Сигизмундъ пожаловалъ князьямъ Василью и Андрею Соколенскимъ три села въ Полоцкомъ повѣтѣ въ Черсвятской волости, гдѣ, какъ мы видѣли во второмъ очеркѣ (стр. 254), чинилъ судъ и управу городской Полоцкѣй тивунъ. Въ листѣ, выданномъ князьямъ Соколенскимъ, читаемъ между прочимъ: „нехай они тыи люди держать и зъ ихъ землями пашными и бортными, и зъ сѣножатями, и зъ службами тыхъ людей и податями, *и со осимъ съ тымъ, какъ тыи люди къ замку нашему служивали* и въ своихъ границахъ мають ся“¹⁸¹⁾. Въ 1522 году король Сигизмундъ, заставивъ дворъ Опшмену пану Яну Яновичу Заберезинскому въ 500 копахъ грошей, выговорилъ себѣ между прочимъ: „и пры бытности нашой у великомъ князствѣ маеть онъ семь конюховъ съ того двора нашего посылати ку работѣ стаенъ нашихъ, и люди, которыи передъ тымъ въ заставу къ замку нашему Виленскому хожывали, тыи люди и теперь мають въ заставу ходити по давному“¹⁸²⁾. Ниже, при разсмотрѣннн должностной дѣятельности господарскихъ урядниковъ, состоявшихъ при воеводахъ и старостахъ, будутъ указаны еще и другія связи, соединявшія волости между собою и съ областными центрами. Въ настоящемъ мѣстѣ необходимо отмѣтить, что связь волостей, находившихся въ держанѣ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, съ центральными замками областей и между собою порождала власть надъ ними замковыхъ урядниковъ. Эта власть, сталкиваясь съ властью мѣстныхъ правителей, производила большую путаницу въ управленнн и тяжело отзывалась на управляемыхъ. Король

¹⁸¹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 23, II; Литов. Метр. кн. Запис. VIII. л. 224.

¹⁸²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 84, 85.

Сигизмундъ въ уставѣ, данной державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ, предписывалъ по этому поводу: „Такожь, абы замковыи вриадники, такъ замку Виленьскаго, яко и Троцкаго до иншихъ дворовъ нашихъ не слали дѣцкихъ своихъ: бо то есть великая сваза подданымъ нашимъ и замѣшанье во всехъ дворѣхъ нашихъ, а овшеки, ижь то большъ чинять они для своихъ пожитковъ, а не для оправы замковоѣ, штобъ того дозрѣть, чого который замокъ потребуеть. А о томъ ижь бы замковый вриадникъ мѣлъ завжды порозумѣнье и розмову съ урядники або зъ державцами тыхъ дворовъ которыми повинны службы до замку служити, того больши стерегучи, яко бы подданыи наши дупежествомъ непотребнымъ не были ути-снены, а оправы вси замковыи за згодою вриадниковъ были справлены“¹⁸³⁾. Приведенная статья указываетъ, что описанныя связи при-вязывали къ центральнымъ замкамъ далеко не всѣ волости, находи-вшіяся подъ управленьемъ намѣстниковъ-державцевъ. Въ Виленскомъ повѣтѣ, напр., волости, тянувшія къ Браславлю Литовскому, къ Минску, Могилеву, едва ли въ то же время служили къ замку Виленскому; еще съ большею вѣроятностью можно утверждать это относительно волостей Троцкаго повѣта, тянувшихъ къ Слониму и Каменцу. Эти повѣты вмѣли менѣе, чѣмъ другіе, связей съ центральными городами областей, Вильною и Тровами: не даромъ и намѣстники-державцы, управлявшіе ими, уже въ изучаемое время именовались старостами, что служить указаніемъ на большую независимость ихъ отъ воеводъ, чѣмъ обыкновенныхъ намѣстниковъ-державцевъ; въ актахъ намъ не попадалось указаній и на то, что бы Виленскіе и Троцкіе урядники въѣзжали въ эти волости. Очевидно, что населеніе этихъ повѣтовъ тянуло повинностями и податями только къ своимъ замкамъ.

Нѣкоторые центральные замки областей, бывшіе резиденціями воеводъ и старостъ, притягивали къ себѣ податями и повинностями господарскихъ мѣщанъ и крестьянъ изъ другихъ судебно-административныхъ округовъ. Въ привилеѣ, данномъ великимъ княземъ Александромъ мѣщанамъ Волковыйскимъ на магдебургское право и подтвержденномъ королемъ Сигизмундомъ въ 1507 году, читаемъ между прочимъ: „имъ до Городна на роботу къ вапну не ходити“; и далѣе: „а къ Берестью, въ заставу, мають ходити водлѣ давного обычая“¹⁸⁴⁾. Волостные люди Волковыйскаго повѣта, какъ

¹⁸³⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 33.

¹⁸⁴⁾ Ibidem, № 13.

уже было сказано въ третьемъ очеркѣ (стр. 475), представляли дякло и володину городничему Городенскому. Между тѣмъ Волковыйскъ съ мѣстомъ и повѣтомъ входилъ, какъ мы уже видѣли во второмъ очеркѣ, въ составъ судебно-административнаго округа Троцкаго воеводы. Въ 1514 году король писалъ старостѣ Дорогицкому пану Яну Яновичу Заберезинскому: „Што еси просилъ насъ о дань Городенскую тую, которая зъ Дорогичина къ Городну на насъ идетъ, абыхмо тую дань тобѣ дали,—ино мы тую дань Городенскую, што зъ Дорогичина идетъ, тобѣ дали до тыхъ часовъ, поки твоя милость тотъ замокъ нашъ Дорогичинъ отъ насъ будешь держати; а ты намъ подвезалси поднимати насъ медомъ своимъ, коли тамъ въ Подляшьи будемъ, въ Мелнику и въ Дорогичинѣ, на двѣ недѣли. И ты бы вжо тую дань на себе бралъ; а што идетъ за тою данью грошей данныхъ, мы ти гроши данни даемъ тобѣ только на сесъ на одинъ годъ“ ¹⁸⁵). Къ Городну же тянули своими повинностями и конюхи Остринской волости, принадлежавшей къ повѣту Троцкому ¹⁸⁶). Такое сплетеніе повѣтовъ въ отношеніи повинностей и податей ведетъ свое начало, очевидно, отъ удѣльной эпохи, въ данномъ случаѣ—отъ времени, когда Городно было резиденціею Витовта, и когда во владѣніи сего послѣдняго были земля Городенская съ сосѣдними повѣтами Черной Руси и Берестейско-Подляшская область. Связи, установившіяся при Витовтѣ, поддерживались и въ изучаемое время, такъ какъ Городно не потеряло своего значенія резиденціи, стольнаго города, и было обычнымъ мѣстопробываніемъ господаря на раду съ Вильною и Троками.

Господарскіе крестьяне выгонялись на городовое дѣло нерѣдко и за предѣлы областей, въ которыхъ они жили, къ замкамъ украиннымъ. Въ 1545 г. королевскому ревизору показывали князья, паны и земляне Владимирскаго повѣта: „И за панованьемъ славное памяти Казимира короля его милости зъ Божого допущенья тотъ замокъ былъ згорѣлъ, по которомъ згорѣнью оногo замку самъ дей его милость король Казимеръ и зъ королевою рачилъ тутъ у Володымеру приѣхати и казалъ его заробити волостми литовскими—Слонимскою, Волковыйскою, Билскою, Берестейскою и иншими волостми тамошними и борты Ожскими и Переломскими“ ¹⁸⁷). Въ записяхъ правительственныхъ распоряженій при великомъ князѣ Александрѣ читаемъ между

¹⁸⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 41.

¹⁸⁶) Ibidem, л. 42.

¹⁸⁷) Źródła dziejowe, tom VI, str. 6.

прочимъ: „зъ Меречи отправлены люди зъ волостей Черкасъ рубити: съ Кричова 100 чоловѣкъ съ тотары; а съ Пропойска, съ Олучичъ, зъ Дрокова чоловѣковъ 100; зъ Рѣчицы 50 чоловѣковъ, зъ Брагина 50 чоловѣковъ; а Могилевъ, а Чичерескъ, а Бобруескъ—обѣ половицы, а Любошаны, а Свислочь, а Пчиць, а Мозырь—тыи волости его милость оставилъ для иныхъ замковъ украинныхъ“. „Зъ Вильны отправлены люди зъ волостей Кіева оправати индикта 14 (1496 г.): зъ Могилева девеносто чоловѣковъ, съ Свислочи 30 чоловѣковъ, съ Бобруйска съ обѣюхъ половиць 60 чоловѣковъ, съ Чичерска 80 чоловѣковъ, съ Пчица а зъ Мозыра 80 чоловѣковъ, зъ Горволя 30 чоловѣковъ“. „Люди посланы до Луцка замка оправлати: зъ Бѣльска 150 чоловѣковъ съ татары, съ Каменца 100 чоловѣковъ, зъ Мелника 50 чоловѣковъ, съ Слоныма а Здитова 200 чоловѣковъ, зъ Волковыйска 100 чоловѣковъ, зъ Дорогичина 150 чоловѣковъ“¹⁸⁸⁾. То же самое находимъ и въ записяхъ правительственныхъ распоряженій короля Сигизмунда¹⁸⁹⁾. Но эти повинности господарскихъ крестьянъ были экстраординарныя, а не обычныя ихъ „пошлины“; онѣ уже знаменуютъ собою успѣхи, которые дѣлало государственное объединеніе Литовской Руси.

III.

Въ составѣ повѣтовъ воеводъ и старость, кромѣ округовъ, находившихся въ держаніи самихъ воеводъ и старость, намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, находились еще крупныя частныя имѣнья, по величинѣ болѣе или менѣе подходившія къ этимъ округамъ и на ряду съ ними, но не въ составѣ ихъ, выполнявшія государственно-земскія повинности. Во второмъ очеркѣ были указаны многія изъ такихъ имѣній и приведены примѣры происхожденія нѣкоторыхъ изъ нихъ путемъ господарскаго пожалованья на вѣчность цѣлыхъ повѣтовъ, отдававшихся ранѣе въ особое держанье намѣстникамъ и тивунамъ. Отсылая читателя къ этимъ указаніямъ, въ настоящемъ мѣстѣ остановимся на государственно земскихъ повинностяхъ съ этихъ имѣній.

Здѣсь на первомъ планѣ придется поставить, конечно, военную службу, которую владѣльцы такихъ имѣній несли на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прочіе военнотружильные землевладѣльцы. Указанія на это приведены были во второмъ и третьемъ очеркахъ; кромѣ того,

¹⁸⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 277—279.

¹⁸⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 420; XV, л. 236.

Объ этомъ ясно говорить 2 раздѣлъ Статута 1529 года, содержащій статьи объ оборонѣ земской. Въ видѣ иллюстраціи приведемъ здѣсь идержки изъ военной переписи, произведенной въ 1528 г. на основаніи сеймоваго постановленія о томъ, сколько людей должны выставять военнотружильные землевладѣльцы на войну. „Напервѣй,—читаемъ здѣсь,—почотъ пановъ-радъ ихъ милости: князь Янъ, бискупъ Виленскій, зъ имѣней своихъ свѣтскихъ, кромъ духовныхъ, маеть ставити ку службѣ земской 236 коней; князь Павелъ, бискупъ Луцкій и Берестейскій, зъ имѣней своихъ свѣтскихъ, кромъ духовныхъ, маеть ставити ку службѣ земской 122 кони; князь Миколай, бискупъ Жомотскій, зъ имѣней своихъ свѣтскихъ маеть ставити ку службѣ земской 79 кони; панъ Кгаштольтъ, воевода Виленскій, со всихъ имѣней своихъ маеть ставити ку службѣ земской 466 коней; князь Бюстентинъ, воевода Троцкій, со всихъ имѣней своихъ маеть ставити ку службѣ земской 426 коней;... панъ Янъ Яповичъ Заберезинскій со всихъ имѣней своихъ маеть ставити ку службѣ земской 197 коней; панъ Станиславъ Станиславовичъ, панъ Троцкій, староста Жомотскій, 371 конь, а кромъ того со всихъ имѣней панее его и съ пачерицею маеть ставено быти 246 коней; панъ воевода Кіевскій 43 кони; а кромъ того зъ имѣней панее его, хто ихъ кольвекъ будетъ держати, маеть быти ставено 17 коней; панъ Григорій Остиковичъ 116 коней; панъ Юрей Григорьевичъ, воеводичъ Троцкій, 131 конь; панъ Янъ Юрьевичъ Глѣбовича со всихъ имѣней своихъ маеть ставити 148 коней, а кромъ того зъ имѣней панее его маеть ставено быти 88 коней;... панъ Александръ Ивановичъ Ходкевича со всихъ имѣней своихъ маеть ставити 189 коней, а кромъ того зъ оставшихъ людей 6 коней;... панъ Миколай Миколаевичъ Кезегайловича маеть ставити 151 конь;... панъ Петръ Станиславовичъ, воевода Полоцкій, маеть ставити со всихъ имѣней 224 коней“ и т. д. ¹⁹⁰). Чтобы оцѣнить значеніе приведенныхъ чиселъ, ихъ надо сопоставить съ числами ратниковъ, которыхъ выставляли бояре изъ повѣтовъ намѣстниковъ-державцевъ. Ниже въ той же переписи читаемъ: „Сума тыхъ бояръ Опшескихъ: ку службѣ земской 370 и шесть коней мають въѣхати;... сума всихъ бояръ Мѣдницкихъ: мають ставити ку службѣ земской 138 коней“; Минскіе бояре выставляли 86 коней, Аенскіе—14, Лядскіе—86; Новгородскіе бояре—370, „кромъ соколниковъ, садовниковъ и кухарей“; Марковскіе—27, Рудоминскіе—329, Мемижскіе—92, Кер-

¹⁹⁰) Литов. Метр. кн. Публич. дѣль I, л. 1—7.

новскіе—262 и т. д. За „почтомъ пановъ-радъ“ въ переписи слѣдуетъ „реестръ почтовъ княжецкихъ“, но не всѣхъ князей, а преимущественно тѣхъ, имѣнья которыхъ находились въ предѣлахъ Виленскаго и Троцкаго воеводствъ, отчасти Витебскаго и Полоцкаго. Самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ изъ этихъ князей является князь Юрій Семеновичъ Слуцкій, обязанный выставять 433 коня; другіе выставляютъ, напр., такіе почты: князь Михайло Ивановичъ Мстиславскій—32 коня; кн. Ѳеодоръ Жеславскій—31 конь; князь Андрей Саньгушковичъ-Коширскій 39 коней; князь Василій Полубенскій 49 коней; князь Иванъ Вишневецкій 38 коней, „кромъ Волынскихъ имѣній“; кн. Матѳей Микитиничъ 79 коней; кн. Богданъ Ѳеодоровичъ Одицевича—30 коней; почты остальныхъ князей меньше, чѣмъ приведенныя ¹⁹¹⁾. За реестромъ почтовъ княжескихъ помѣщень „реестръ сумы паней и вдовъ воеводиныхъ, старостинныхъ и иныхъ многихъ воегидь и паней“. По этому реестру наиболѣе крупныя почты выставляютъ: жена воеводы Виленскаго Миколая Миколаевича Алжбета—260 коней; жена воеводы Подляпскаго Януша Костевича—83 коня; панья Литаворова—76 коней; панья воеводиня Троцкая Алжбета Станиславовна—90 коней; жена Петра Яновича, воеводы Троцкаго,—32 коня; жена пана Миколая Зеновьевича—30 коней; дочь пана Немирь Немировича—33 коня; жена Якуба Кунцовича 38 коней ¹⁹²⁾ и т. д. Крупныя землевладѣльцы лично выводили свои отряды на войну и сами не состояли подъ начальствомъ повѣтовыхъ хоружихъ, такъ какъ ихъ имѣнья равнялись по значенію повѣтамъ, въ которыхъ были господарскіе хоружіе. Если имѣнья разбивались между родичами, тогда эти землевладѣльцы составляли особое хоружество и выбирали изъ среды себя хоружаго, какъ это можно видѣть на примѣрѣ князей Гедройтскихъ и Свирскихъ (стр. 111, 112 второго очерка). Поэтому паны, крупныя землевладѣльцы, именуется въ Статутѣ 1529 года панами хоруговными.

Кромѣ военной службы, князья, паны и другіе крупныя владѣльцы несли съ своихъ волостей и другія повинности, связанныя съ войною. Какъ мы уже видѣли въ третьемъ очеркѣ, князья и паны въ Кіевской землѣ и Подольской платили подымщину или воловщину (въ Кіевской землѣ), въ Волынской землѣ воловщину, въ Брянскомъ повѣтѣ поголовщину, въ Смоленской землѣ посощину, князья „верховскіе“, т. е. верхнеокскіе—„полѣтнее“, въ другихъ областяхъ—сереб-

¹⁹¹⁾ Литов. Метр. кн. Публич. дѣль I, л. 7—8.

¹⁹²⁾ Ibidem, л. 8.

щину. Подати эти, какъ уже было сказано, собирались сначала ежегодно и шли на военные издержки. Съ теченіемъ времени онѣ замѣнились временною серебряною, которая назначалась господаремъ и панами-радою на „вальныхъ соймахъ“. Эта серебрящина съ подданныхъ князей и пановъ собиралась либо самими владѣльцами, либо ихъ намѣстниками¹⁹³⁾.—Князья и паны должны были посылать людей съ своихъ имѣній на городовое дѣло и на дорожное, строить или чинить „городки“ въ главномъ замкѣ и на мостахъ. Кромѣ общихъ указаній, сгруппированныхъ въ третьемъ очеркѣ (стр. 523—525), здѣсь можно сослаться на отчетъ по ревизіи замковъ Владимирскаго, Луцкаго и Кременецкаго, въ которомъ перечислены всѣ княжескія и панскія имѣнія, на обязанности которыхъ было строить городни въ замкахъ и на мостахъ¹⁹⁴⁾. Любопытно, что въ числѣ этихъ имѣній нѣтъ волостей князей Острожскихъ, которыя по всѣмъ даннымъ не тянули къ Луцку городовою повинностью, хотя и считались въ повѣтѣ Луцкомъ. Волости эти строили, очевидно, и ремонтировали только собственные замки князей Острожскихъ, которые имѣли такое же оборонительное значеніе, какъ и господарскіе замки. Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ аналогію съ господарскими волостями, которыя не тянули городовою работою къ центральнымъ замкамъ областей, а къ ихъ пригородамъ.

Наконецъ, къ числу государственныхъ повинностей княжескихъ и панскихъ имѣній, находившихся внѣ повѣтовъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, относится и обязанность давать стаціи и подводки господарю, посламъ и гонцамъ, о чемъ свѣдѣнія даны уже въ третьемъ очеркѣ (стр. 492—495). Тамъ же приведены и примѣры отдѣльныхъ взятій изъ этихъ повинностей.

IV.

Итакъ, главные города въ областяхъ были средоточіями, къ которымъ тянули нѣкоторыми повинностями не только повѣты господарскихъ намѣстниковъ, но и крупныя имѣнія частныхъ владѣльцевъ. Эти общія повинности вѣдали воеводы и старосты, какъ преемники и замѣстители князей въ областяхъ: отъ нихъ исходили распоряженія, касающіяся выполненія этихъ повинностей, и взысканія за неиспол-

¹⁹³⁾ Акты Зап. Рос. II, № 17, 161.

¹⁹⁴⁾ Памятники Врем. Киев. Комиссіи, т. IV, от. II; Źródła dziejowe, том VI.

неніе ихъ; они же рѣшали и всѣ столкновенія и недоразумѣнія, возникавшія на этой почвѣ. Нижеслѣдующіе факты послужатъ подтвержденіемъ и иллюстраціею этому. При королѣ Казимирѣ воевода Троцкій панъ Андрей Саковичъ разбиралъ тяжбу бояръ Радунскихъ Олехна Андреевича, Андрея Нецевича и Нацка съ братьею съ приставомъ и волостью Радунскою, которые принскивали ихъ косить сѣно (очевидно, къ Трокамъ) и давать дякло ¹⁹⁵⁾. Въ 1496 году великій князь Александръ писалъ тивуну Перелайскому Михаилу Вяжевичу „и пнымъ тивуномъ, хто и напотомъ отъ насъ будетъ Перелая держати“: „Жаловали памъ тые Перелайчане, на имя Ямонтъ Мостевичъ а Станько Бгирдимонтовичъ, а Яцко Беневичъ, Римкусъ Войнибутовичъ, Талкусъ Ринкгайловичъ, што жъ дей ты имъ кривды дѣлаешъ и новины уводишь, велишь дей имъ до своего двора дерево возити и тежь, коли съ нами у ловы ѣздишь, кажешъ дей имъ сурбы радити собѣ и речей своихъ стеречи; такежь дей приставъ Перелайскій новину жъ имъ уводитъ, править на нихъ мезлевицины и спижи и сѣно кажеть имъ возити къ Трокомъ, а они дей передъ тымъ тою службою не служивали, и мезлевого не даивали, и сѣна не воживали, нижли дей служатъ намъ службою путною и въ заставу ходять и дякло дають. *И о томъ ихъ перво сею смотрѣлъ съ тобою и съ приставомъ Перелайскимъ воевода Троцкій, маршалокъ земскій, панъ Петръ и ихъ въ томъ правыхъ знаиошъ и тые новины имъ отставилъ, и на то имъ листъ свой судовый далъ*“. Подтверждая судъ воеводы, великій князь наказывалъ тивуну: „приказуемъ тобѣ, ажбы еси черезъ то кривдъ имъ не чинилъ и новинъ не уводилъ и далъ бы имъ впокой“ ¹⁹⁶⁾. Изъ этого листа видно, что воевода былъ высшимъ судьей въ области, къ которому обращались крестьяне съ жалобами на мѣстныхъ господарскихъ урядниковъ по поводу ихъ „кривдъ“ и „новинъ“, при чемъ компетенція его простиралась даже на мѣстныя крестьянскія повинности. Папъ Ивапъ Богдановичъ Сопѣга въ бытность воеводою Витебскимъ (1517—1526 г.) разослалъ служебниковъ своихъ съ господарскимъ дворяниномъ Яномъ Коневникомъ выгонять людей изъ панскихъ имѣній на работу къ замку Витебскому. Такъ какъ люди Полуберезскіе, принадлежавшіе пану Миколаю Ильичу, „дѣльницъ своихъ въ томъ замку водлѣ стародавнаго обычая заробити не хотѣли“, опъ приказалъ ихъ „пограбити“, вслѣдствіе чего у нихъ конфисковали 14 ло-

¹⁹⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 73, 74.

¹⁹⁶⁾ Ibidem, л. 75, 76.

шадей и вола, продали все это и на вырученные деньги задѣлали ихъ части въ замкѣ ¹⁹⁷⁾. Въ 1533 году люди волости Нищанской Полоцкаго повѣта жаловались воеводѣ на людей Собезской волости: „Предеки и отцы ихъ и они сами въ стародавна зъ вѣковъ, коли робимъ на дворѣ господарскомъ якій-кольвекъ пригонъ, тогда робимъ на три части: мы одну часть, они другую, а волость Нещедренская третью часть, — тогда они зъ наше третее части четвертый грошъ, а коли дерево спускаемъ, — четвертый брусъ знимывали, бо они хоружому даютъ шесть копъ грошей, а мы чотыры копы, они жъ даютъ шесть пудовъ меду, а мы чотыры пуды. Ино, якъ есмо поправовали тую великую свѣтлицу, якъ ся была стѣна възпула, и хоромы старыя поправовали, и свирень у Мопонцѣ за пана Петра его милости Станиславовича, воеводы бывшого, робили, и они въ тыхъ трехъ роботахъ четвертое части и четвертого гроша зъ насъ сняти не хотѣли водѣ стародавнаго обычая, въ чомъ же ся намъ кривда великая дѣбеть“. Люди волости Собезской утверждали, что они дѣйствительно всякій пригонъ работаютъ сообща съ Нищанскою волостью, по поровну, въ размѣрѣ третьей части. Волость Нищанская въ доказательство правоты своихъ претензій хотѣла сослаться на плотниковъ, которые работали по найму „свирень у Мопонцѣ“, но Собезская волость не захотѣла послаться на этихъ свѣтковъ; точно такъ же не пожелала она послаться и на десятниковъ, которые собирали „пригонные пометы“, и на людей пана Глѣба Ивановича Зеновьевича Виховичей, которые прежде были попличниками господарскихъ людей Нищанской волости. Тогда Нищанская волость рѣшилась душами своими „поправити“, и волость Собезская пустила ее къ присягѣ, которая по взаимному соглашенію должна была состояться „на Собежи у церкви Светого Николы“. „Ино, — гласить вырокъ воеводы, — волость Собезская тыхъ людей волости Нищанское ку присезѣ не вели и ку тому ся признали, што зъ ихъ третей части четвертый грошъ и четвертый брусъ у пригонѣ знимають. И мы въ томъ знашли волость Нищанскую правую“ ¹⁹⁸⁾. Въ 1535 году тому же воеводѣ жаловались люди волости Ситненской: „сами не вѣдаемъ, для которе причины мостовничій велить намъ мость передъ ворота въ замку у великихъ воротъ мостити и за замкомъ, гдѣ узводъ бывалъ, а того есмо передъ тымъ не робливали, леть верхъ на свирѣ робимъ и накрываемъ, а тые мосты обадва, въ замку и

¹⁹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI. л. 32.

¹⁹⁸⁾ Ibidem, л. 133, 134.

за замкомъ передъ вѣрты, и фундаментъ, на чомъ вежа стоить, алижъ по самыя обланей мѣщане повинни робити“. Однако, имъ не удалось доказать справедливость этого, и воевода утвердилъ распоряженія мостовничаго ¹⁹⁹⁾ и т. д.

V.

Намѣстники главныхъ городовъ областей, переименованныя въ воеводъ и старостъ, были главными господарскими приказчиками и сборщиками господарскихъ доходовъ не въ однихъ только своихъ державахъ въ тѣсномъ смыслѣ: такое же значеніе до извѣстной степени они имѣли и для повѣтовъ, отдававшихся въ держанье другимъ намѣстникамъ или тивунамъ. Выше уже было указано на то, что они разбирали столкновенія крестьянъ этихъ повѣтовъ съ ихъ властями и даже съ мѣстными господарскими урядниками по дѣламъ о повинностяхъ. Въ добавленіе къ этому необходимо указать на то, что по временамъ имъ поручалась ревизія всей наличности господарскихъ дворовъ, находившихся въ держаньѣ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ. Такъ бывало обыкновенно при отдачѣ дворовъ съ волостями въ заставу. Въ заставномъ листѣ, выданномъ въ 1516 году князю Василью Андреевичу Полубенскому на дворъ Жолудокъ Троцкаго повѣта, читаемъ между прочимъ: „А што будетъ тыми разы въ томъ дворѣ нашомъ жыта у гумнѣ и посѣяно, и тежъ коней и животины, и иныхъ речей, то все росказали есмо *воеводѣ Троцкому*, маршалку нашому дворному, пану Григорью Станиславовичу Остиковича казать пописати и тьи списки въ цѣлости заховати; и коли дасть Богъ мы тьи пенези, шесть сотъ копъ грошей, ему отдадимъ, онъ маеть тотъ дворъ нашъ со всимъ съ тымъ зася на насъ поступити“ ²⁰⁰⁾. Заставивъ въ томъ же году дворъ Виленскаго повѣта Ониешты пану Миколаю, старостичу Жмудскому, король писалъ въ своемъ листѣ: „А што будетъ на тотъ часъ въ томъ дворѣ нашомъ жыта и ярого въ гумнѣ и на поли посѣяного, и животины, и иныхъ речей, то есмо росказали пописати и тьи списки въ цѣлости заховати *воеводѣ Виленскому*, канцлерю нашому, пану Миколаю Миволаевичу, и коли ему тую суму пенязей отдадимъ, онъ маеть тежъ того двора намъ ся поступити со всимъ съ тымъ, съ чимъ будетъ въ насъ взять“ ²⁰¹⁾. Несомнѣнно, что въ такихъ случаяхъ воеводы не только сдавали госпо-

¹⁹⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 262, 263.

²⁰⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 113, 114.

²⁰¹⁾ Ibidem, л. 156.

дарскіе дворы съ ихъ наличностью въ частное пользованіе, но и обратно принимали. Такъ какъ воеводы нерѣдко давали увязанье въ уряды въ своемъ повѣтѣ, то весьма вѣроятно, что и намѣстники-державцы, и тивуны вводились ими въ держанье, при чемъ также составлялись списки или инвентари „поданья“, служившіе основаніемъ для контроля державцевъ.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ въ изучаемое время намѣстники главныхъ городовъ стягивали въ свои руки извѣстные господарскіе доходы со всѣхъ или большинства волостей, и эти доходы шли большею частью на удовлетвореніе мѣстныхъ господарскихъ и земскихъ нуждъ, расходовались управленіемъ центрального города. Такъ было, напр., въ Кіевѣ. Изъ привилея, выданнаго великимъ княземъ Александромъ Кіевскимъ мѣщанамъ, узнаемъ, что въ Кіевѣ былъ особый господарскій *скарбъ*: „скарбу нашего и воеводы нашего Кіевского,—читаемъ здѣсь,—не надобѣ имъ стеречи“²⁰²). Въ этотъ скарбъ, какъ мы видѣли уже во второмъ очеркѣ, поступала грошовая дань съ сѣверскихъ и степныхъ волостей, между прочимъ и съ Путивльскихъ (стр. 245—246). Въ Смоленскѣ была *казна*, которою завѣдывалъ казначей подъ главнымъ начальствомъ намѣстника-воеводы, и въ которую между прочимъ поступали и господарскіе доходы съ волостей Смоленскихъ, отдававшихся въ особое держанье. Въ 1493 году великій князь Александръ, пожаловавъ Богдану Сопѣжичу двѣ службы людей въ Еленской волости Смоленскаго повѣта, Гридка бортника съ братьею Нефедковичей и Василья съ братьею Щербиновыхъ, послалъ приказъ намѣстнику Смоленскому пану Юрью Глѣбовичу: „ажбы еси о томъ доведѣлся, какіе то будутъ люди, и до насъ отписалъ“. „И ты,—гласитъ листъ великаго князя, писанный затѣмъ въ намѣстнику,—до насъ отписалъ, иже тотъ Гридко зъ братьею данный человекъ, даивалъ намъ кадъ меду прѣстного, а тотъ Василь зъ братьею даивали *сз казну нашу* полтину грошей, а посощины шестнадцать грошей, а служба зъ нихъ доспѣшная, а намъ будетъ не шкодно“²⁰³). Посощина, собиравшаяся въ землѣ Смоленской съ господарскихъ людей, стягивалась также въ Смоленскую казну; сюда же до 1457 года вносили ее и частные владѣльцы съ своихъ крестьянъ (стр. 34 перваго очерка). Что касается Литовской земли, то въ ней не было особыхъ скарбовъ при воеводахъ и старостахъ, но былъ господарскій скарбъ, въ кото-

²⁰²) Акты Зап. Рос. I, № 120.

²⁰³) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 77.

рый стягивались неизрасходованные на мѣстѣ господарскіе доходы съ державъ; но тѣмъ не менѣ эти доходы не проходили сюда мимо воеводъ и старостъ. По крайней мѣрѣ, положительныя свѣдѣнія объ этомъ имѣемъ относительно Виленскаго и Троцкаго воеводъ. Послѣ изданія ustawy 1529 года король и паны-рада постановили, чтобы съ державцевъ Виленскаго и Троцкаго повѣта и писарей, „которые мають по тымъ дворомъ, одинъ по Виленскому, а другій по Троцкому повѣту, ѣздити и вси рѣчы, которые мають къ позытку нашему (господарскому) пописывати и вставляти“, брали „личбу“ воеводы Виленскій и Троцкій, каждый по своему повѣту, совмѣстно съ подскарбіемъ земскимъ. Но панъ Виленскій, маршалокъ дворный, панъ Юрій Николаевичъ Радзивилловича заявилъ королю, „иже то есть речъ вряду его милости, маршалства дворного, личбу зъ державецъ дворовъ нашихъ брати, бо дей обычай здавна бывалъ таковой, иже тыи справы дворныя прислушаютъ къ уряду его милости, а если бы его милость того не справовалъ, было бы то съ ущипкомъ вряду его милости“. „Ино,—писалъ король,—егда жъ тотъ обычай здавна былъ, намъ ся не годить никому врядовъ внимати, але повышати и старый обычай пополняти, дозволили есмы пану Виленскому на вождомъ року, какъ будете ваша милость зъ державецъ и съ писарей личбу брати, зъ вашою милостью быти“²⁰⁴). По смыслу всего этого выходитъ, что маршалокъ дворный и ранѣе былъ только ассистентомъ при воеводахъ, когда они принимали отчетъ отъ державцевъ. Но если такъ, то, значить, воеводы обладали и свѣдѣніями о теченіи господарскихъ приходовъ и расходовъ въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ, были въ курсѣ той хозяйственной и финансово-административной дѣятельности, которая развивалась въ этихъ повѣтахъ.

VI.

Итакъ, господарскія волости, раздававшіяся въ держанье помимо намѣстниковъ главныхъ городовъ областей, тѣмъ не менѣ не выходили окончательно изъ ихъ вѣдѣнія и власти. Эти волости въ отношеніи отдѣльныхъ повинностей вѣдались, кромѣ того, особыми урядниками, состоявшими при намѣстникахъ главныхъ городовъ въ качествѣ правительственныхъ сотрудниковъ по спеціальнымъ отраслямъ управленія. Общія указанія на это находимъ въ заставныхъ листахъ, выданныхъ королемъ Сигизмундомъ на разные дворы Виленскаго,

²⁰⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 530.

Троцкаго и Городенскаго повѣтовъ. Такъ, напр., заставивъ пану Богущу Боговитиновичу дворъ Троцкаго повѣта Довеги, король Сигизмундъ писалъ въ своемъ заставномъ листѣ отъ 5 января 1516 года: „А панъ воевода Троцкій не маеть въ тую волость дѣцкихъ своихъ всылати а ни тежъ тое волости повѣта Довеговского людей не маеть судити; и вжо и врадники наши Троцкіе: городничій, тивунъ и ключникъ не мають ни по што у волость того двора нашего всылати и доходовъ нашихъ и своихъ тежъ не мають правити“²⁰⁵⁾ Въ заставномъ листѣ того же короля на дворъ Меречь, выданномъ въ 1520 году пану Яну Яновичу Заберезенскому, читаемъ: „И въ тую чотыри годы не маеть панъ воевода Троцкій въ тую волость дѣцкихъ своихъ всылати и людемъ судити и радити; также врадники наши Троцкіе: городничій, лѣсничій, тивунъ, конюшій, ключникъ, подклучій не мають въ тую волость сами въѣждчати и слугъ своихъ всылати и доходовъ нашихъ и своихъ некоторыхъ не мають правити“²⁰⁶⁾. Подобныя же указанія мы встрѣчаемъ и относительно волостей Виленскаго повѣта. Оникштенской, Опменской и Любошанской, а также относительно волостей Троцкаго повѣта—Дорсунишской, Стоклишской, Волкивицкой и Лепунской, Ейшишской, Василишской, Жолудской, относительно Свидельской волости Городенскаго повѣта (стр. 89, 97, 104, 143, 145, 151, 152, 157, 159, 177 второго очерка) и т. д. Въѣздъ перечисленныхъ урядниковъ въ волости, раздававшіеся въ держанье намѣстникамъ и тивунамъ, очевидно, ведетъ свое начало отъ удѣльнаго времени, когда области были княжествами, а перечисленные урядники состояли при особахъ князей въ качествѣ ихъ министріаловъ. Подобныя же должностныя лица остались отъ удѣльнаго времени при намѣстникахъ главныхъ городовъ и въ другихъ областяхъ, кромѣ собственной Литовской земли. Необходимо, однако, имѣть въ виду, что не всѣ они въѣзжали въ волости, и что должностная дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ развивалась только въ главномъ городѣ, гдѣ они жили, не касаясь волостей непосредственно.

Таковы были, напр., *окольничіе* въ Смоленскѣ. По актамъ они являются *постоянными* членами той судебно-административной „рады“, которая находилась при намѣстникѣ-воеводѣ Смоленскомъ и вмѣстѣ съ нимъ вела текущее управленіе въ Смоленской землѣ, при чемъ въ составѣ этой „рады“ они занимаютъ высшее положеніе послѣ самаго намѣстника-воеводы и владыки. Какъ было уже сказано во вто-

²⁰⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 110.

²⁰⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 29.

ромъ очеркъ (стр. 267), всѣ распоряженія, касающіяся Смоленской земли, государь адресовалъ обыкновенно намѣстнику-воеводѣ, владыкѣ, окольничимъ, казначею и старостѣ мѣста Смоленскаго. Къ окольничимъ спеціально государь обращался за различными справками относительно мѣстныхъ фактовъ и отношеній, такъ какъ имъ, какъ постояннымъ участникамъ въ текущемъ управленіи и мѣстнымъ старожиламъ, эти факты и отношенія были извѣстны лучше, чѣмъ кому-либо другому. Такъ, король Казимиръ, предъ которымъ тягался изъ-за селища Мокѣвскаго монастырь Архангела Михаила съ Борисомъ Семеновичемъ, не довольствуясь докладомъ намѣстника, который „опытывалъ тамъ у Смоленску о томъ старыхъ людей“, еще „пыталъ“ о томъ же дѣлѣ окольничихъ Смоленскихъ князя Олехна Глазынича и Федора Алексѣева. „И они,—гласитъ судебный листъ короля,—передъ нами повѣдали тымъ же обычаемъ, ижъ тое селище церковное изъ вѣку, нижъли вжо, какъ мы будучи господаремъ на великомъ князствѣ Литовскомъ, дали тое селище Сеньку Александрову“²⁰⁷⁾. Великій князь Александръ, которому билъ челомъ бояринъ смоленскій Копоть Васильевичъ о подтвержденіи ему сельца пустого Шумятина въ Рославлѣ въ Смоленскомъ повѣтѣ, за справками обращался опять таки къ окольничему, вышеупомянутому Борису Семеновичу: „и онъ повѣдалъ передъ нами, ижъ тое сельцо Шумятино — отцу его выслуга“²⁰⁸⁾. Намѣстникъ Смоленскій чинилъ судъ въ Смоленскѣ на господарскомъ дворѣ „съ окольничими и иными вриадники“. Кроме того, мелкія дѣла окольничіе разбирали и одни, подобно тому, какъ разбирали дѣла при господарѣ маршалки (маршалки же, какъ мы видѣли, провозводили судъ и при воеводахъ, старостахъ и намѣстникахъ державцахъ).

Окольничіе при помощи своихъ слугъ и *подвойскихъ* понуждали мѣщанъ къ выполненію разныхъ повпнностей, лежавшихъ на нихъ. Такъ, напр., когда пріѣзжалъ посоль или гонецъ въ Смоленскъ, окольничіе посылали своихъ слугъ и подвойскихъ собирать съ мѣщанъ деньги на наемъ подводъ²⁰⁹⁾. Повидимому, и на барщинныя работы мѣщанъ выгоняли тѣ же слуги окольничихъ вмѣстѣ съ подвойскими. Такъ можно думать по аналогіи съ Витебскомъ, гдѣ подвойскіе являются именно въ этой роли. „Билъ намъ чоломъ,—читаемъ въ одномъ судебномъ листѣ великаго князя Александра,—мѣщанинъ Витебскій, на

²⁰⁷⁾ Акты Зап. Рос. I, № 87.

²⁰⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 186, 187.

²⁰⁹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 213.

имя Данило Логвиновичъ, и повѣдалъ передъ нами, што жъ издавна дѣдъ его и отецъ службу путную конемъ служивали; ино, какъ отецъ его привбожалъ, и подвойскіе Витебскіе кривду отцу его вдѣлали и новину увели, привернули его въ службу тяглую и въ подводу съ тяглыми людьми“²¹⁰⁾. Въ Смоленскѣ, какъ видно изъ привилея, данаго Смоленской землѣ королемъ Александромъ, также существовали тяглые мѣщане, которыхъ на службу выгоняли, по всей вѣроятности, тѣ же подвойскіе, и при томъ сообща съ слугами окольничихъ, какъ сообща съ этими же слугами они поуждали мѣщанъ къ выполневію подводной повинности. Подвойскихъ назначалъ намѣстникъ-воевода; в. князь Александръ по этому поводу писалъ намѣстнику Смоленскому пану Юрю Глѣбовичу: „а подвойскихъ бы которыхъ збродневъ оставилъ и обралъ бы на подвойщанье добрыхъ людей, не збродневъ, которые бы мѣщаномъ любы были“²¹¹⁾. — Окольничіе, кромѣ того, выполняли нѣкоторыя полицейскія функціи, въ особенности на торгу. Въ листѣ в. кн. Александра, адресованномъ въ 1497 году „намѣстнику Смоленскому пану Юрю Глѣбовичу и владыцѣ Смоленскому Іосифу, и окольничимъ Смоленскимъ, и казначею Смоленскому князю Костянтину Крошинскому“ по поводу отдачи корчомъ въ Смоленскѣ въ аренду нѣкоторымъ изъ тамошнихъ мѣщанъ, читаемъ между прочимъ: „А мѣру имъ всимъ, хто будетъ медъ и пиво держати, равну мѣти; а хто бы зъ нихъ хотѣлъ мѣру болшую а любо меншую мѣти, на томъ казали есмо окольничому Смоленскому Ивану Кошцѣ вину нашу справити дванадцать грошей.... А хто бы хотѣлъ имъ въ тыхъ корчмахъ кривду дѣлати а любъ бы хто иныи мимо ихъ корчмы варилъ, о томъ о всемъ приказали есмо окольничому Смоленскому Ивану Кошцѣ ихъ отъ кривдъ боронити и во всемъ имъ помощю быти, ажбы ся скорбъ нашъ не понижалъ“²¹²⁾. Благодаря своей полицейской дѣятельности на торгу, окольничіе получали въ свою пользу и нѣкоторые доходы съ торговыхъ людей, напр., съ мясниковъ.

Въ составъ судебно-административной рады при намѣстникѣ-воеводѣ Смоленскомъ входилъ, какъ мы уже видѣли, и казначей Смоленскій. Въ его непосредственномъ вѣдѣніи находилась казна Смоленская. Въ записяхъ расходовъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: „князю Костянтину Крошинскому 16 копъ грошей а 8 ло-

²¹⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 18, 19.

²¹¹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 213. О подвойскихъ на Волыни въ XIV в. см. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № II.

²¹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 171, 172.

коть сукна флеринскаго и 5 локоть адамашки *съ казны въ него жъ*; а 4 кади меду зъ двора Федоровскаго, а 10 копъ грошей, а 2 мѣха соли зъ мыта въ Смоленску (доходы съ мытъ не поступали, слѣдовательно, въ казну), а жеребя третякъ въ пана Михаила²¹³⁾. Кромѣ того, казначей вмѣстѣ съ окольнічими, какъ уже было сказано выше, собирали корчомные пенязи „къ вѣрной рупцѣ“ въ тѣ года, когда корчмы не отдавались въ аренду. — Кромѣ Смоленска, казначея по актамъ встрѣчаемъ еще въ Брянскѣ (стр. 281 втораго очерка).

Въ прочихъ главныхъ городахъ областей не встрѣчаемъ окольнічихъ и казначея, такъ что эти должностныя лица составляли особенность Смоленска и Брянска. Другіе урядники, встрѣчающіеся при намѣстникахъ главныхъ городовъ, являются уже съ инымъ характеромъ, чѣмъ окольнічіе и казначей, именно, они развиваютъ свою дѣятельность не только въ городѣ при главномъ намѣстникѣ области, но и въ волостяхъ, входящихъ въ составъ области. Таковы были прежде всего *городничіе*, которые „рассказывали городовую работу“, собирали дякла и выѣзжали въ волости „править“ дякла. О происхожденіи этой должности, о роли и значеніи городничихъ были уже даны свѣдѣнія въ третьемъ и отчасти въ четвертомъ очеркахъ²¹⁴⁾. Здѣсь нужно только прибавить, что городничіе главныхъ городовъ Литовской земли собирали корчомные пенязи въ мѣстахъ при этихъ городахъ (въ этихъ мѣстахъ корчмы обыкновенно не отдавались на откупъ). Въ 1508 году король Сигизмундъ, подтвердивъ Ивашку Черкасу право имѣть корчму вольную въ мѣстѣ Виленскомъ, писалъ городничему Виленскому Занку Ивановичу: „и ты бы въ него отъ тое корчмы капныхъ пенязей не бралъ“²¹⁵⁾. Въ 1522 году король писалъ пану Ульриху Гозѣ „и инымъ городничимъ Виленскимъ, хто и напотомъ будетъ городничое Виленское держати“, „абы у Марка Лобковского съ корчмы, которую онъ маеть въ дому своемъ въ мѣстѣ Виленскомъ волную, капщны не правиль“²¹⁶⁾. Въ листѣ, выданномъ въ 1524 году мѣщанамъ Троцкимъ на разныя льготы по случаю того, что они отъ ордынщинъ, серебрящинъ и другихъ платежей, „зъубожали велми“, читаемъ между прочимъ: „А которыхи ново прійдутъ и въ томъ мѣстѣ нашомъ будутъ ся садити, тымъ есьмо дали воли и отъ платовъ на-

²¹³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 56.

²¹⁴⁾ См. также С. А. Бершадскаго „Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ“ въ Киевской Старинѣ 1888, № 9, стр. 79—84.

²¹⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 233.

²¹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 33.

шихъ ихъ есѣмо вызволили на шесть лѣтъ, кромѣ пенязи корчомныи мають давати до городничого нашего, какъ передъ тымъ давали²¹⁷⁾. Изъ привилея, выданнаго въ 1511 году мѣщанамъ Новгородскимъ на магдебургское право, узнаемъ, что такой же порядокъ существовалъ и въ мѣстѣ Новгородка Литовскаго²¹⁸⁾. Корчомные пенязи собирались городничими потому, что они предназначены были на ежегодный ремонтъ крѣпостей, который производился господаремъ отчасти и на свой счетъ, наемными рабочими. Объ этомъ узнаемъ изъ привилея короля Сигизмунда, выданнаго Васку Дашковичу на городничее Ковенское: „дали ему городничое Ковенское,—читаемъ здѣсь,—отъ насъ держати для того, ижъ онъ намъ подвезался тотъ замокъ нашъ Ковень оправляти муромъ и деревомъ, а што на то пенязей своихъ выложитъ, тыи пенязи маеть онъ собѣ vybrати съ корчомныхъ пенязей Ковенскихъ“²¹⁹⁾.—За постройкою и ремонтомъ мостовыхъ городенъ смотрѣли особые *мостовничіе*, которыхъ по актамъ встрѣчаемъ въ Смоленскѣ, Луцкѣ, Кременцѣ и Полоцкѣ, и прототипомъ которыхъ были, очевидно, „мостыники“ Русской Правды²²⁰⁾.

Господарскими конюшнями и конскими заводами, находившимися при дворахъ, бывшихъ пѣкогда мѣстопребываніемъ удѣльныхъ князей, завѣдывали особые *конюшіе*. Даже въ Вильнѣ и Трокахъ, несмотря на то, что въ этихъ городахъ проживалъ обыкновенно господарь, при которомъ находился конюшій дворный, въ изучаемое время продолжали существовать, кромѣ того, конюшіе Виленскій и Троцкій, какъ и въ удѣльное время. Конюшіе чинили судъ и управу господарскимъ конюхамъ, тянувшимъ своею службою къ главнымъ господарскимъ дворамъ въ области. Въ записяхъ расходовъ короля Сигизмунда читаемъ поэтому: „Богдану Гриньковичу (конюшему Городенскому) 15 копъ зъ винъ конюшскихъ Городенскихъ въ него жъ“²²¹⁾. Конюшіе вѣдали и конюшское землевладѣніе, съ которымъ тѣсно связаны были и самыя повинности конюховъ. Въ 1511 году король Сигизмундъ писалъ тому же конюшему Городенскому Богдану Гринкевичу: „Били намъ челомъ тые конюхи наши Остринское волости, на имя Андрей

²¹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 190.

²¹⁸⁾ Акты Зап. Рос. II, № 71.

²¹⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 411, 412.

²²⁰⁾ Акты Зап. Рос. I, № 213; *Bonięckiego Poczęt rodów. Spis dygnitarzy i urzędników*, str. XVII, XVIII; Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 262, 263, и др.

²²¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 435.

а Олехно Омеляновичи и просили въ насъ земли пустовское у-въ Остринскомъ повѣтѣ, на имя Омеляновщины, на особную службу, а повѣдали намъ, што жъ тую землю отецъ ихъ держалъ и съ нее дей службы нѣкоторое не служилъ, ни жили дей только серебщину съ той земли даивалъ и на толоку хоживалъ. Ино, естли будетъ такъ, какъ они намъ повѣдали, мы имъ тую землю на особную службу дали конюшскую: нехай они тую землю держать, а намъ съ нее особную службу конюшскую служить, какъ и инши конюхи наши Остринскіи, а подачки съ тое земли дають по тому, какъ будутъ отци ихъ съ тое земли подачки даивали“²²²⁾. Изъ этого листа видно вмѣстѣ съ тѣмъ, что конюхи, тянувшіе своими повинностями къ конюшнямъ, которыми завѣдывали конюшіе, живали и по волостямъ, отдававшимися въ держанье намѣстникамъ-державцамъ. Этимъ и объясняется въѣздъ конюшихъ въ эти волости, о которомъ было сказано выше. Впрочемъ, и помимо этого конюшіе въѣзжали въ эти волости править свои и господарскіе доходы. Какіе это могли быть доходы, можно видѣть, напр., изъ привилей, даннаго королемъ Александромъ Смоленской землѣ. Ссылаясь на листъ короля Казимира, этотъ привилей гласитъ: „Тежъ въ томъ же листѣ его милости выписано, абы конюшые брали съ конского и зъ животинного стада зъ мѣстского кунцу, по двадцати грошей на лѣто, подлѣ давного обычая, какъ передъ тымъ бывало, за великого князя Витовта и за Жиггимонта“²²³⁾ и т. д. „Конюшое“, какъ доходный урядъ, отдавался на ряду съ другими „волостями“ мѣстнымъ панамъ и боярамъ. Въ „списанъѣ бояръ Витебскихъ и волостей, которіе имъ назначено держати“ (при Казимирѣ), читаемъ: „тые два влады держати: Копоть—конюшое, Герасимъ—городничій“; и далѣе: „Ивашьо Дашкевичъ—ключникъ а братъ его Олехно—ловчій“²²⁴⁾. Въ записяхъ распоряженій короля Сигизмунда въ 1524 году помѣчено между прочимъ: „Боярыну Витебскому Тимоѣю Ивашкевичу дано врьдъ конюшое Витебское на два годы со всимъ по тому, какъ и первши конюшіи тотъ врьдъ держывали“²²⁵⁾.—Конюшій входилъ въ составъ судебно-административной рады при мѣстномъ господарскомъ намѣстникѣ; поэтому и въ привилеѣ выданномъ Волынской землѣ, читаемъ: „Тежъ который слуга, або чоловѣкъ князьскій, або паньскій, а любо земанскій убеть кого, ино старосты и намѣстники наши, и

²²²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 42.

²²³⁾ Акты Зап. Рос. I, № 213.

²²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 108, 109.

²²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 166.

маршалокъ земскій, и ключникъ, и конюшій, на нихъ головщины бирали“ (до короля Казимира)²²⁶⁾.—Кромѣ конюшихъ въ Вильнѣ и Трокахъ были еще и *подконюшіе*²²⁷⁾.

Какъ было уже сказано во второмъ очеркѣ (стр. 92), отъ удѣльнаго времени остались въ главныхъ городахъ областей между прочимъ и *тивуны*. Эти тивуны въ прежнее время творили судъ на княземъ дворѣ, но въ изучаемое время нѣкоторые изъ нихъ были уже вытѣснены отсюда въ подгородніе господарскіе дворы, къ которымъ тянули повинностями, судомъ и управою ближайшія и даже отдаленныя волости, составлявшія „повѣты тивуинства“. Такимъ образомъ, напр., резиденцію тивуна Виленскаго былъ подгородній господарскій дворъ Вильна, резиденцію Троцкаго тивуна — дворъ Старые Троки; Кіевскій тивунъ также пересталъ чинить судъ и управу въ Кіевѣ²²⁸⁾ и т. д. Значеніе тивуновъ, какъ урядниковъ стольнаго города, сохранилось лишь въ томъ, что они вѣзжали въ волости намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ за сборомъ доходовъ, принадлежавшихъ имъ изстари; по актамъ мы знаемъ это относительно тивуновъ Виленскаго и Троцкаго. Какіе это были доходы, на это намъ не удалось найти указаній въ источникахъ изучаемаго времени.

Въ главныхъ господарскихъ дворахъ, бывшихъ нѣкогда мѣстопребываніемъ удѣльныхъ князей, въ изучаемое время продолжали существовать погребя или „подклѣты“, въ которые поступала и въ которыхъ хранилась медовая дань съ волостей, принадлежавшихъ прежде къ удѣльнымъ княжествамъ, а въ изучаемое время къ повѣтамъ воеводъ и старостъ. Погребя находились въ завѣдываніи *ключниковъ*, а самая должность и вѣдомство ихъ назывались *ключомъ*. Такіе ключи существовали въ Вильнѣ и Трокахъ. Сюда поступалъ, напр., прѣсный медъ съ волостей Поднѣпрскихъ, какъ о томъ было уже сказано во второмъ и третьемъ очеркахъ. Такъ какъ Виленскій и Троцкій ключники вѣзжали и въ другія волости, раздававшіяся въ держанье намѣстникамъ и тивунамъ, то отсюда можно заключить, что и съ этихъ волостей медовая дань шла до ключей Виленскаго и Троцкаго. Ключники вѣзжали, впрочемъ, только въ экстренныхъ случаяхъ, такъ какъ медовая дань собиралась обыкновенно мѣстными властями и представлялась ключникамъ въ Вильну и Троки вмѣстѣ съ тѣмъ доходомъ, который шелъ

²²⁶⁾ Акты Зап. Рос. II, № 54; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 36.

²²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 2; V, л. 11; IX, л. 93, 94, 124, 233 и др.

²²⁸⁾ Акты Зап. Рос. I, № 207.

имъ за эту данью. Медовая дань поступала и до ключа Новгородскаго, какъ это видно изъ слѣдующей расходной записи короля Казимира: „князю Ивану Юрьевичу колода меду прѣсного съ ключа Троцкого въ Дичка; ему жъ колода меду прѣсного съ ключа Новгородскаго въ Зеньба“²²⁹). То же самое говорятъ акты и о ключѣ Берестейскомъ. „Жаловали намъ,—читаемъ въ одномъ судовомъ листѣ короля Сигизмунда отъ 1507 года,—тыи люди Берестейскаго повѣта, на имя Гаврыло а Сенко, а Вакула, а Левонъ, а Масина, а Ониско Веремковичъ, а Неронъ и со всею братьею и зъ дѣтьми и потужники своими на земляхъ берестейскихъ на Микиту а на Матяса, а на Коробана, што жъ бы они съ своихъ дву жеребьевъ земли, на имя съ Песоцкого а зъ Рогущинскаго, забрали за себе ихъ земли семь жеребьевъ, съ которыхъ же бы они дани давали до ключа нашего Берестейскаго колоду меду прѣсного“²³⁰). О томъ, что до ключа Киевскаго шла медовая дань, было уже сказано выше (стр. 781, 782). Въ дополненіе уважемъ здѣсь на листъ великаго князя Александра, писанный въ 1496 году ключнику Киевскому Сенью Полозовичу „и инымъ ключникомъ нашимъ, хто и напотомъ отъ насъ будетъ ключъ Киевскій держати“. „Билъ намъ челомъ,—читаемъ здѣсь,—землянинъ киевскій Андрей Прязовскій и повѣдилъ передъ нами, што жъ люди его въ Завской волости, на имя Шершневичи, издавна давали въ ключъ Киевскій ведро меду прѣсного, и билъ намъ чоломъ, абыхмо тое ведро меду отпустили ему. Ино мы для сказы отъ поганства, зъ ласки наше то вчинили и тое ведро меду ему есмо отпустили вѣчно: не надобѣ его людемъ Шершневичомъ того ведра меду давати въ ключъ Киевскій“²³¹). Кромѣ прѣснаго меду до ключей шли и денежныя доходы, взимавшіеся въ видѣ дополненія къ медовой дани, въ родѣ, напр., грошей наkadныхъ, а также деньги, платившіеся взаимѣнъ меда. По крайней мѣрѣ, съ ключей господарь жаловалъ нерѣдко, кромѣ меда прѣснаго и воску, еще деньги и различныя вещи. Въ записяхъ расходовъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Перштынскому шуба лисья завыйковая съ ключа Виленскаго; князю Андрею Полубинскому возъ соли съ ключа Берестейскаго; охмистру королевое Марцышу шуба лисья завыйковая съ ключа Мѣнскаго; пану Собенскому шуба лисья завыйковая съ ключа Новгородскаго; возницѣ Мисуреку 2 копѣ грошей съ ключа Ковенскаго; Горбовскому 2 возы

²²⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 74.

²³⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 272, 273.

²³¹) Литов. Метр. кн. Запис. VI л. 77.

соли съ ключа Луцкаго; Быку Вороновицкому шуба лисья завѣтова-
вая съ ключа Новгородскаго“²³²⁾ и т. д. Король Александръ, задол-
жавъ ключнику Виленскому Григорью Исаевичу Громыкѣ 48 копѣ
и десять грошей, велѣлъ тѣмъ пенязи vybrati ему съ ключа Вилен-
скаго зъ даней волостныхъ“²³³⁾. Различное сырье, которое жало-
валось съ ключей помимо меда, поступало туда взаменъ денегъ, такъ
какъ такіе предметы, какъ соль, мѣха, воскъ, сукна, были въ то время
ходячею цѣнностью, имѣли значеніе денегъ. Къ Луцкому ключнику,
кромѣ всего этого, поступали всѣ вообще доходы съ волостей „повѣта
ключничества Луцкаго“ (стр. 116—218 второго очерка). Поэтому и съ
ключа Луцкаго встрѣчаемъ, напр., такія пожалованья короля Казимира:
„ловцу Гиревцу 5 володѣ ржи въ ключника Луцкаго; мѣщаномъ
Звинигородскимъ Левонтею а Герману 20 бочокъ ржи съ ключа Луц-
каго; князю Андрею, Браславскому намѣстнику, 30 копѣ грошей—
10 копѣ зъ мыта Луцкаго, а 10 копѣ въ ключника Луцкаго съ цин-
шовыхъ князей, а сто бочокъ ржи зъ дворовъ, што подѣ ключомъ, а
10 копѣ зъ Взягольское дани въ Ельца“²³⁴⁾ и т. д. Въ Луцкомъ по-
вѣтѣ ключникъ сдѣлался такимъ же мѣстнымъ правителемъ, какъ
тивуны въ повѣтахъ Виленскомъ и Троцкомъ, хотя и не терялъ сво-
его прежняго значенія—пріемщика и хранителя медовой дани со всѣхъ
вообще господарскихъ даниковъ этого повѣта. Медъ, хранившійся
ключниками, шелъ на удовлетвореніе дворцовыхъ потребностей, а также
въ раздачу духовенству и служилымъ людямъ въ видѣ жалованья. 20
августа 1496 года ключникъ Кіевскій Сенько Полозовичъ давалъ от-
четъ въ Вильнѣ предѣ писаремъ Ивашкомъ Владыкою. „Приходу по-
ложилъ,—читаемъ въ записи этого писаря,—сѣверское и полское дани
триста судовъ и 14 судовъ, то есть кораймановъ. Росходу тое дани
положилъ: до твоей милости, до господаря, отослалъ до Вильни двѣстѣ
судовъ и осмеронадцатеро судовъ,—то сѣверское дани; а иное на
листы твоее милости давалъ пану Станиславу Глѣбовичу, а иное ви-
далъ князю Дмитрею Путятичу, воеводѣ Кіевскому, а пану Сеньку
Олизаровичу, а князю Богдану, намѣстнику Путивльскому, 13 судовъ
сѣверское дани, а иное давалъ на русскіи церкви, и бискупу Кіев-
скому, и каноникомъ, и инымъ давалъ. Все на личбѣ сполна по-
ложилъ триста судовъ и 14 судовъ, а на все листы вказалъ“²³⁵⁾. Въ

²³²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 14, 15, 54.

²³³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VШ, л. 308.

²³⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 67, 74, 80.

²³⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 170.

записяхъ расходовъ короля Казимира читаемъ: „мѣщанину Виленскому Матѳею колода меду прѣсного съ ключа Городенского; войту и бурмистромъ и радцомъ мѣста Виленского уставъ меду прѣсного зъ ключа Виленского; князю Ивану Васильевичу, намѣстнику Мѣнскому, 4 бочки соли зъ мыта въ Ковнѣ, ему жъ колода меду прѣсного съ ключа Троцкаго; пани Яновой Насутовича 2 колодѣ меду съ ключа Берестейского“ ²³⁶⁾ и т. д. Господарь жаловалъ съ ключей даже воскомъ, который получался при выработкѣ кислаго меду, а иногда и вислымъ медомъ; Казимиръ пожаловалъ, напр., служебнику Михну камень воску съ ключа Троцкаго, а мѣщанамъ Полоцкимъ „вставъ меду прѣсного а бочка меду кислого съ ключа Виленского“ ²³⁷⁾ и т. д.

Въ числѣ волостокъ, розданныхъ королемъ Казимиромъ въ 1489 году смоляннамъ, упоминается *часництво* ²³⁸⁾. Въ записяхъ пожалованій Казимира въ Смоленской землѣ, когда онъ былъ еще только великимъ княземъ Литовскимъ, упоминается ключъ медовый ²³⁹⁾. Едва ли это не одна и та же должность, предметомъ вѣдомства которой былъ погребъ Смоленскій, поглощавшій медовую дань съ смоленскихъ волостей. Такъ, напр., кадъ меду прѣснаго и двѣ копы грошей вносили до погреба въ замокъ Смоленскій путные люди Дубровенскаго пути Митрохановы; въ погребъ Смоленскій вносили кадъ меду данники Буйгородской волости Демидъ Майковскій съ братьею, а при этой кади платили господарю и урядникамъ Смоленскимъ „пудовню меду малиновную и дванадцать грошей, а вѣщее, а вставное, а пицное—мѣрку хмелю“ ²⁴⁰⁾. Впрочемъ, часництво и ключъ медовый могли быть и двумя должностями, если судить по аналогіи съ Вильною и Троками, гдѣ, кромѣ ключниковъ, существовали еще и *подключіе*. Подключіе завѣдывали господарскимъ медовареніемъ и тѣми людьми, которые его производили. „Вилъ намъ чоломъ,—читаемъ въ одномъ подтвердительномъ листѣ короля Сигизмунда отъ 11 мая 1514 года,—служебникъ воеводы Виленского, канцлера нашего, пана Миколая Миколаевича Радивиловича Дашко Оедоровичъ и вказывалъ передъ нами листъ нашъ, што жъ есмо дали ему мѣстцо пустовское у Виленскомъ мѣстѣ на Онтокольни медоварское, на имя Мисевское, и повѣдилъ передъ нами, што жъ онъ иншое мѣстцо купилъ на отмѣну того мѣстца и чоло-

²³⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 14, 53.

²³⁷⁾ Ibidem, л. 46, 68.

²³⁸⁾ Ibidem, л. 85.

²³⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 21.

²⁴⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 237, 284, 285.

вѣка на томъ мѣстѣ для службы медоварское посадилъ, на имя Мартинца, который же намъ службу медоварскую служить. И мы пытали о томъ поделючого нашего Виленскаго Ивана Вязмитина, и онъ повѣдилъ передъ нами, што жъ съ того мѣстца служба намъ медоварская идетъ“²⁴¹⁾ и т. д. Поделючіе, какъ и ключники, не только завѣдывали своимъ специальнымъ дѣломъ, но и помогали воеводамъ въ общемъ управленіи повѣтомъ. Такъ, напр., „зъ розказанья“ воеводы Виленскаго, канцлера, старосты Бѣльскаго и Мозырскаго пана Альбрехта Мартиновича Гапшольда, „намѣстникъ его милости Виленскій Кмита Кунцовичъ а поделючій Виленскій Словакъ смотрѣли преора и всю братью закону святого Доминика у Вильни съ паномъ Станиславомъ Войтеховичомъ Нарбутовича о земли людей ихъ костельныхъ Дровиничанъ“²⁴²⁾.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ, гдѣ были волости данниковъ, не раздававшіяся въ особое держанье и тянувшія судомъ и управою къ главнымъ городамъ, изъ этихъ главныхъ городовъ высылались для сбора дани особые *данничіе*. Такъ было, напр., въ Смоленской землѣ при королѣ Казимирѣ, который раздавалъ боярамъ волости—сбирать данничое черное, „врочное серебро въ Буйгородку и у Ветличахъ“, „врочное серебро въ Катанѣ“²⁴³⁾ и т. д.; такъ было, повидимому, и въ Берестейской землѣ, гдѣ мѣстнымъ землянамъ принадлежали волости: данничее, житщина, бобровничее и ловчее (стр. 21 перваго очерка). Впрочемъ, эти волости могли быть простыми доходами, уже не сопряженными съ соотвѣтствующею должностною дѣятельностью, какъ это мы видѣли въ волостяхъ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ.

Ловчиха, кроме Берестья, встрѣчаемъ еще въ Смоленскѣ, Брянскѣ и Витебскѣ (стр. 248, 267, 281 втораго очерка). Въ Смоленскѣ ловчее было реальною должностью, съ которою сопряжены были не только извѣстныя права, но и обязанности. Въ 1509 году люди Смоленскаго повѣта Василій Нефедовичъ и Никифоръ Максимовичъ Кишкини стали „выламываться“ изъ подданства мѣщанину смоленскому Левону Величковичу, утверждая, что онъ выпросилъ ихъ у короля Александра, „повѣдаючи, ижъ бы они были псарци и село псарецкое держать“, а на самомъ дѣлѣ они служатъ панцерную службу. Король поручилъ разобрать это дѣло воеводѣ Троцкому пану Николаю Миколаевичу.

²⁴¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 150.

²⁴²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 259.

²⁴³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 20; IV, л. 85.

„И онъ (Левонъ Величковичъ) поставилъ передъ нимъ свѣтловъ, ловчихъ Смоленскихъ Василя Чертова а Ивана Жыбрыка, и тые ловчие передъ нимъ свѣтчили тымъ обычаемъ, што жъ дѣдъ ихъ Кишеа былъ *подъ рукою ловчого, зтрь сочывалъ*, а службу дей съ того села панцерную служывалъ“²⁴⁴). Итакъ, ловчіе въ Смоленской землѣ завѣдывали господарскою охотою, имѣли *подъ рукою псарцовъ (и ловцовъ)*, съ которыми *выслѣживали и били звѣря*. Имѣли ли такое значеніе ловчіе въ Брянскѣ и Витебскѣ, положительныхъ указаній на это намъ не удалось найти въ актахъ изучаемаго времени. Въ собственной Литовской землѣ господарскою охотою завѣдывалъ ловчій, находившійся при особѣ господаря, въ его придворномъ штатѣ²⁴⁵).

Въ Новгородкѣ Литовскомъ и Витебскѣ отъ удѣльнаго времени остался *сокольничій*²⁴⁶), который завѣдывалъ сокольными и господарскою соколиною охотою. Сокольниковъ болѣе всего встрѣчаемъ именно въ Новгородскомъ повѣтѣ, въ составѣ высшаго слоя крестьянства, который отправлялъ военную службу²⁴⁷). Спорадически сокольниковъ встрѣчаемъ и въ другихъ повѣтахъ, напр., въ Кревскомъ, Лидскомъ²⁴⁸) и др.

Въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Подляшскомъ округѣ Берестейской земли и въ Луцкѣ встрѣчаемъ господарскихъ *бобровничихъ*, которые руководили битьемъ бобровъ на господаря и завѣдывали господарскими бобровниками. О томъ, что въ Полоцкой землѣ эксплуатировались бобровые гоны на господаря, узнаемъ, напр., изъ листа короля Казимира, писаннаго 12 августа 1484 года намѣстнику Полоцкому пану Богдану Андреевичу Сопѣгѣ. „Билъ намъ чоломъ,—читаемъ здѣсь,— боярынъ Полоцкій Сенько Епимахъ и просилъ въ насъ рѣчки тамъ въ Полоцку, на имя Белейцы, а повѣдалъ намъ, што жъ дей намъ съ тое рѣчки некоторого пожитку нѣтъ, *только дей бобры на насъ тамъ быють въ той рѣчцѣ*, и намѣстникъ дей твой даетъ въ той рѣчцѣ рыбы ловить мѣщаномъ, кому хочеть. Ино, естли будетъ такъ, какъ онъ намъ повѣдалъ, и мы дали ему по той рѣчцѣ Бѣлейцѣ езы бити и рыбу ловити удолжъ милю, почонъ отъ устья Бѣлого озера и до озера Листна, бо такъ онъ намъ повѣдалъ, ижъ только одна миля

²⁴⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 287.

²⁴⁵) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 235, 236.

²⁴⁶) *Bonieckiego* Poczet rodów. Spis dygnitarzy i urzędników, str. XXIV.

²⁴⁷) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ I, л. 26—34.

²⁴⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 58; IX, л. 207.

тое рѣчки вдоль межъ тымъ озеромъ; а бобровъ есмо ему не дали по той рѣчцѣ бити, бобры мають тамъ на насъ битъ, а ему только одна рыба ловити въ той рѣчцѣ" ²⁴⁹). Благодаря такимъ пожалованьямъ, возникло право господара битъ бобровъ по частнымъ имѣньямъ; известная статья Полоцкаго земскаго привилея: „а бобры гнати по старой пошлинѣ“, очевидно, имѣеть въ виду это право и гарантируетъ землевладѣльцевъ отъ распространенія его на имѣнья, не подлежащія ему ранѣе. Мало того, при пожалованіи населенныхъ имѣній на крестьянахъ оставялась иногда повинность битъ бобровъ на господара и давать бобровничему господарскому его доходъ. Такъ, при королѣ Сигизмундѣ люди Кудвинцы Витебскаго повѣта, служившіе Ширковичу, должны были сообща съ людьми княгини Жилинской Туловскими гнать бобровъ по р. Городнѣ и Лососиной; „а што бобровъ вбьютъ, тые мають на полы дѣлити, половину на господара его милость къ замку Витебскому, а другую половину кнегини Жилинской“. Люди Ширковича платили и бобровничему господарскому его доходъ ²⁵⁰). Итакъ и въ Витебской землѣ велась бобровая гоньба на господара. Въ Луцкомъ повѣтѣ еще въ 1545 году встрѣчаемъ господарскіе бобровые гоны въ завѣдыванѣ господарскаго бобровничаго ²⁵¹). Привилеи, дававшіеся въ изучаемое время землямъ Жмудской и Кіевской, указываютъ на то, что и въ этихъ земляхъ существовала господарская бобровая охота и были, вѣроятно, господарскіе бобровничіе, хотя упоминаній объ нихъ въ актахъ намъ не удалось найти. Бобровничіе, какъ видно изъ приведенныхъ отрывковъ актовъ, разѣзжали по волостямъ господарскимъ и частнымъ имѣньямъ для битья бобровъ и сбора своихъ доходовъ. Съ теченіемъ времени, однако, повинность частновладѣльческихъ крестьянъ битъ бобровъ на господара замѣнялась особымъ оброкомъ, который получилъ названіе „бобровничаго“ (этимъ же именемъ назвался и доходъ самого бобровничаго, который теперь, очевидно, слился съ господарскимъ въ одну подать). Такъ, воеводѣ Полоцкому Яну Юрьевичу Глѣбовича показывалъ Яцко Быстрейскій: „Я естъ отъ господара его милости бобровничимъ въ Полоцку, мушу того смотрѣти, абыхъ платъ господарскій бобровничое спозна выбиралъ. Гдѣжъ на онъ часть, якъ ми господаръ его милость тотъ врадъ далъ, не моглемъ вѣдати, што хто того плату господару его милости виненъ платити, нижи одно хто ми въ тотъ часъ далъ, тому

²⁴⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 117.

²⁵⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 45, 46.

²⁵¹) *Źródła dziejowe*, tom VI, str. XXIX.

я бралъ. И мовилемъ нынѣшнему пану Троцеому, старостѣ Жомонтскому, абы его милость, будучи на онъ часъ (1521—1532) воеводою Полоцкимъ, казалъ закликати, ижъ бы жадеиъ, што хто того плату господарю его милости повиненъ платити, не утаивалъ. И его милость подъ виною господарскою тридцатьма копами грошей, а на себе, воеводу, десетма копами, заказалъ, абы того никто не таилъ и то, што хто повиненъ, водлѣ стародавнаго обычая платилъ; якожь его милость на онъ часъ, довѣдавшися такихъ, которые черезъ закличъ того плату господарского таили и несполна платили, винами каралъ. А потомъ мовилемъ пану подскарбему, абы ми его милость далъ науку, ижъ я, не вѣдаючи, што хто того плату бобровничого господарю его милости повиненъ платити, якъ бы ся мѣлъ въ томъ справовати. И панъ подскарбій то до господара его милости допустилъ и зъ розказанья господарского доискался реистровъ старыхъ въ скарбѣ господарскомъ, въ которыхъ выписано, што хто бобровничого даетъ, и далъ ми тые реистра, водлѣ которыхъ казалъ ми тотъ платъ на господара его милость выбирать²⁵¹⁾. Замѣна бобровой гоньбы, какъ барщинной повинности, особымъ оброкомъ, всего вѣроятнѣе, стояла въ связи съ истребленіемъ бобровъ и фактическимъ прекращеніемъ господарской охоты во многихъ мѣстахъ, гдѣ она существовала прежде; на это, впрочемъ, имѣются кое-какія свидѣтельства и въ актахъ²⁵²⁾. Приведенное показаніе Яцка Быстрейскаго любопытно и какъ свидѣтельство современника о томъ, что воевода былъ высшимъ администраторомъ и судьей по выполненію разныхъ повинностей на господара, и что даже различныя спеціальныя отрасли управленья не были внѣ его вѣдома и власти, несмотря на существованіе особыхъ урядниковъ, завѣдывавшихъ ими. Но если воеводы и старосты вѣдали и различныя спеціальныя отрасли управленья, то за то и урядники съ спеціальнымъ вѣдомствомъ участвовали въ общемъ управленіи земли, какъ это увидимъ ниже на примѣрѣ тѣхъ же бобровничихъ.

При нѣкоторыхъ старостахъ существовали въ качествѣ должностныхъ лицъ съ спеціальнымъ вѣдомствомъ *лѣсничіе* и *каменники*. Свѣдѣнія объ этомъ, а равно объ ихъ вѣдомствѣ, были уже даны отчасти въ третьемъ очеркѣ (стр. 669—672). Здѣсь укажемъ на то, что лѣсничіе существовали также и при намѣстникѣ-старостѣ Городенскомъ. Королю Сигизмунду билъ челомъ конюшій Городенскій Богданъ Гринковичъ и просилъ пуци въ Городенскомъ повѣтѣ на нѣмецкой гра-

²⁵¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 179—181.

²⁵²⁾ Ibidem, л. 45, 46.

ницѣ Прусской. „И мы, — гласить выданный ему привилей, — перво сего писали до конюшого нашего дворного и Троцкого, намѣстника Волькиницкого и Лепуньского, *лѣсничого Городеньского*, пана Якуба Кунцовича, абы тамъ самъ выѣхалъ и ему пуцы наше, осмотрѣвши, и отъѣхалъ тамъ, гдѣ бы намъ не шкодно, вдолжъ ни милоу, а поперець на милоу жъ, отъ пана воеводы Виленьского границы Райгородское, отъ рѣки Пруски, въ Вишневской дорожѣ, а Вишневскою дорогою просто до рѣки Довспуды а по Сетеву стежку; какъ же панъ Якубъ и самъ намъ устне повѣдилъ, ижъ тамъ здавна оступовъ нашихъ и лововъ не бывало, и по тымъ границамъ отъѣхалъ и зарубаль“²⁵³⁾.

При старостахъ Берестейско-Подляшской области существовали, кромѣ того, подкоморіе и войскіе, о которыхъ уже была рѣчь въ третьемъ очеркѣ (стр. 672, 673) и *возные*, которые развозили лѣсты „позовные“ отъ уряда и земскаго суда. Возные появились здѣсь, очевидно, какъ результатъ польскаго вліянія; они выбирались старостомъ и всею землею, т. е. всѣми землянами повѣта²⁵⁴⁾.

За исключеніемъ возныхъ, войскихъ, подкоморихъ и, быть можетъ, также лѣсничихъ и гаевниковъ, всѣ остальные урядники остались при воеводахъ и старостахъ, очевидно, отъ удѣльныхъ князей. Дворцовая удѣльная организація продолжала существовать и въ изучаемое время, несмотря на то, что самые удѣльные столы уже давно упразднились. Этому благоприятствовало между прочимъ и то, что господарь не осѣлъ прочно на одномъ дворѣ со всѣми своими дворными урядниками, а проживалъ и въ Вильнѣ, и въ Тровахъ, и въ Городнѣ, и въ Берестѣ, а въ XV в. и въ Луцкѣ (Витовтъ). Благодаря этому и дворцовое хозяйство, и управленіе долгое время не сцентрализовывались; вмѣстѣ съ тѣмъ не замирала и та жизнь и дѣятельность, которыя развивались прежде при дворахъ удѣльныхъ князей, гдѣ теперь жили воеводы и старосты. То, что дѣлали въ прежнее время удѣльные князья съ своими дворными урядниками, то большею частью продолжали дѣлать съ этими урядниками и заступившіе ихъ мѣсто воеводы и старосты.

VII.

По наслѣдству отъ удѣльныхъ князей воеводы и старосты получили и долю той военной власти, которою располагали эти князья. Выше

²⁵³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 572.

²⁵⁴⁾ Акты Зап. Рос. II, № 64. О возныхъ въ Берестѣ см., напр., Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 118, 119.

было указано на то, что во время общей мобилизации воеводы стягивали под свои знамена и выводили на войну всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ своихъ повѣтовъ съ ихъ „почтами“, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые не шли вмѣстѣ съ намѣстниками-державцами и состоявшими при нихъ хоружими. Если выходило приказанье идти всѣмъ въ одинъ сборный пунктъ и становиться прямо подъ начальство гетмана, воеводы и старосты разсылали своихъ слугъ оповѣщать объ этомъ князей, пановъ и повѣтовыхъ хоружихъ, не смотря на то, что и изъ центра разсылались къ нимъ обо всемъ этомъ особые листы. Въ общемъ сборномъ пунктѣ ополченіе каждой области становилось, повидимому, также подъ знамя своего воеводы (ополченіе земли Волынской подъ знамя старосты Луцкаго или маршалка земли Волынской, а ополченіе Жмудской земли подъ знамя старосты Жмудскаго), подобно тому, какъ въ удѣльное время ополченія стояли подъ знаменами своихъ князей. При этомъ, какъ уже было сказано во первомъ и второмъ очеркахъ, при Виленскомъ и Троцкомъ воеводахъ становились ополченія не только ихъ судебно-административныхъ повѣтовъ, но также Новгородскаго повѣта, Слуцкаго и Мстиславскаго княжествъ, Городенскаго и Ковенскаго повѣтовъ, Турово-Пинскихъ княжествъ и Берестейско-Подляшской области. Какъ областные военачальники воеводы собирали и реестры, или „пописы“, имѣнній военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, по которымъ гетманъ провѣрялъ всѣхъ явившихся на службу съ ихъ „почтами“, а подскарбій земскій провѣрялъ сборъ серебщины. Въ 1544 году король „водлѣ давного звычаю“ приказалъ: „Въ каждомъ повѣтѣ каждый князь, панъ, землянинъ, хоружій и вси подданные его милости шляхта того повѣту, въ которомъ сѣдять, и тежъ татаре, хоружии татарскіи мають сами вси имѣнья свои отчизнии, выслужонии и купленые, заставные и якимъ-кольвекъ обычаемъ набытые, хотя и въ розныхъ повѣтѣхъ будутъ мѣти, пры имѣнью своимъ головномъ достаточне списать и тыи реистра мають старостамъ, державцамъ у повѣтѣхъ своихъ отдавать и прысягу передъ ними чынити на томъ, ижъ вси имѣнья и люди свои справедливе списали, а ничого не утаили. А старосты и державцы мають оныи реистра отдавати воеводѣ тому, въ которого повѣтѣ они будутъ, и на часъ и на рокъ певный, то есть на семую субботу прышлого свята“. Король сдѣлалъ исключеніе только для самихъ воеводъ и старостъ: „А панове воеводы и старосты, котории его милости господару на раду прысягали, мають потому жъ своихъ подданныхъ водлѣ тое уфалы списать и посполъ зъ реестры оныхъ врадниковъ его милости подъ тою жъ прысягою, яко на раду его милости прысягали, реистра попису имѣ-

ней своихъ мають до скарбу его милости отдавати“. Несмотря на то, что король ссылается на давній обычай, порядки, здѣсь изображенные, не всѣ давніе. Прежде имѣнья шляхты переписывали хоружіе; шляхта въ 1544 году просила короля именно о томъ, чтобы серебщина выбиралась съ нея „водлѣ вѣры, а не съ попису“, и король, какъ видно изъ его отвѣта, уважилъ просьбу шляхты ²⁵⁵⁾. Такимъ образомъ, и давнимъ обычаемъ въ данномъ случаѣ могло быть лишь то посредничество между центральнымъ правительствомъ и военнослужилыми землевладѣльцами, которое принадлежало воеводамъ, старостамъ и державцамъ. На то, что воеводы и ранѣе въ такихъ случаяхъ собирали „пописы“ имѣній со всего воеводства, указываетъ и списокъ всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ съ помѣтою числа ихъ „почтовъ“, составленный въ 1528 г. Списокъ этотъ составлялся, по всѣмъ признакамъ, въ господарской канцеляріи на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя поступали туда отъ отдѣльныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, отъ воеводъ и старостъ (Жмудскаго и Подляшскихъ), а также, быть можетъ, отъ маршалка земли Волынской. Въ немъ за перечнемъ „почтовъ“ пановъ-радь, разныхъ дворныхъ господарскихъ урядниковъ, князей, а также паней и княгинь, принадлежавшихъ къ тому же высшему правительственному слою и, наконецъ, разныхъ землевладѣльцевъ, о которыхъ по разнымъ причинамъ свѣдѣнія были доставлены отдѣльно, слѣдуютъ реестры воеводствъ Виленскаго, Троцкаго, въ составѣ которыхъ, кромѣ ополченій повѣтовъ намѣстниковъ-державцевъ, значатся между прочимъ ополченія Новгородскаго повѣта, Ковенскаго, Городенскаго и Берестейскаго. Подляшское воеводство хотя и стоитъ въ спискѣ отдѣльно, но оно также причислено къ воеводству Троцкому, какъ видно изъ слѣдующаго обозначенія итога Троцкаго воеводства: „Сума великая всихъ реестровъ Троцкаго повѣту дворовъ зъ бояръ шляхты и зъ ихъ людей, *кромѣ Берестыи и Бѣльска, Дорогичина и Мельника*, 2 тысячи осмь сотъ и 61 конь“ ²⁵⁶⁾. Послѣ этого въ спискѣ слѣдуютъ реестры татарскаго ополченія изъ Виленскаго и Троцкаго воеводствъ, затѣмъ реестры Подляшскаго воеводства, „попись земли Волынской“, реестры бояръ Пинскихъ, Клецкихъ, Городецкихъ, Рогачовскихъ и Кобринскихъ, представленные королевою Боною или ея старостою (стр. 22, 25 перваго очерка), и наконецъ, — реестры земель Полоцкой и Витебской и „попись шляхты земли Жомойтское и ихъ людей“; реестра Кіевской земли

²⁵⁵⁾ Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ IV, л. 3, 4.

²⁵⁶⁾ Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ Запис. I, л. 108.

нѣтъ. Такое построение списка наводитъ на мысль, что составлялся онъ безыскусственно, по тѣмъ отдѣльнымъ связкамъ бумагъ, которыя находились въ господарской канцеляріи и были доставлены туда самими землевладѣльцами непосредственно и воеводами.—Въ 1544 году король съ папами-радою установили, чтобы каждый годъ „на день Светого Крѣжа осеннего“, всѣ военнослужилые землевладѣльцы становились передъ воеводами и старостами „съ почты своими водлугъ того, яко повинни службу служити“. „А княжата, панята и вся земля Волинская,—читаемъ въ этомъ постановленьѣ,—мають на тотъ же часъ пописыватися у маршалка Волинское земли. А княже Слуцкое и иншыя княжата и панята, князи Друцкіе, Лукомскіе мають ся у Мѣнску передъ паномъ воеводою Виленскимъ оказати. А земли Подляшскіе—передъ старостами своими у повѣтѣхъ. И отъ попису не мають большъ брати, одно по полугрошку съ коня“²⁵⁷⁾. Приведенное королевское постановленіе было, можетъ быть, новостью; но самая власть воеводъ, на которую разсчитано это предписанье, не была, конечно, новостью, какъ не была новостью и власть маршалка земли Волинской.

О власти и значеніи маршалка земли Волинской была уже рѣчь во второмъ очеркѣ (стр. 211—213). Въ дополненіе укажемъ здѣсь на листъ короля Сигизмунда, писанный въ 1539 году хоружему земли Волинской, князьямъ, панамъ, княгиннямъ и паньямъ-вдовамъ, землянамъ и дворянамъ, „которые имѣнья свои въ повѣтѣ Луцкомъ и Володымерскомъ и Кременецкомъ мають“. Извѣщая ихъ о появленіи на украинѣ татарскихъ полчищъ, король писалъ: „И вы бы вжо, жадного и нового росказанья нашего не ожидаючи, того жъ часу, безъ кожного омѣшканья и безъ всякого сплошенства, на тую службу нашу, на оное мѣстцо отъ насъ зложоное (выше: „межы Городва и Дубровицы на Берыжномъ, гдѣ и передъ тымъ земля Волинская *младывана* бывала“), ѣхали и чымъ нарыхлѣй, яко на гвалтъ, тамъ ся поспѣшали и збирали и положили, и послушенство во всемъ мѣли къ маршалку Волинское земли, старостѣ Володымерскому, князю Ѳедору Андреевичу Санкгушковичу; и если бы оттоль васъ къ войску нашему великому потреба всказывала, а панове рады наши ихъ милость великого князьства князю Ѳедору, маршалку Волинское земли, дадутъ о томъ знати, абы есте вси одтоль до пановъ радъ нашихъ зъ княземъ старостою Володымерскимъ ѣхали, и безъ всякого сплошенства

²⁵⁷⁾ Литов. Метр. кн. Публич дѣлъ IV, л. 3, 4.

до ихъ милости ся поспѣшали, на тое мѣсто, гдѣ ихъ милость вамъ роскажутъ“²⁵⁸⁾). Въ другихъ земляхъ, напр., въ Кіевской и Смоленской, въ виду ожидающагося непріятельскаго нападенія ополченіе собиралось, очевидно, подъ знамя намѣстника главнаго города, или воеводы.

VIII.

Значеніемъ воеводъ и старостъ, какъ главныхъ правителей въ бывшихъ удѣльныхъ княжествахъ и особыхъ владѣніяхъ, объясняется и то участіе, которое они принимали въ устройствѣ военнотруженика землевладѣнія въ волостяхъ, находившихся въ держаніи намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ. Господарь, пожаловавъ кому-нибудь имѣніе въ одной изъ такихъ волостей, съ приказомъ дать „увязанье“ обращался иногда не къ мѣстному уряднику, а къ воеводѣ или старостѣ того повѣта, въ которомъ находилась данная волость. Въ 1495 году король Александръ писалъ намѣстнику Смоленскому пану Юрью Глѣбовичу: „Билъ намъ чоломъ князь Иванъ Костянтиновичъ Вяземскій и повѣдилъ передъ нами, што жъ вся отчина его къ Вязмѣ отошла, и просилъ въ насъ селца въ Лучинѣ городку, на имя Приселья, што зять его Васко держалъ; а того дей Васка въ животѣ не стало, а тыми разы тое селцо спало на насъ, его держитъ намѣстникъ Лучина городка князь Олехно Глазныя; а у того дей Васка дочка одна осталася, и тая дей вжо за-мужъ пошла, а въ держаньи того села не была ажъ и до тыхъ часовъ. — Ино, естли будетъ такъ, какъ онъ намъ повѣдалъ, и мы ему тое селце дали: и ты бы ему въ то увязанье далъ, и къ намъ бы еси о томъ отписалъ“²⁵⁹⁾). Тотъ же господарь писалъ старостѣ Жмудскому пану Станиславу Яновичу о бояринѣ гедройтскомъ Балтроемѣ Станкевичѣ, „абы ему далъ двадцать чоловѣкъ тяглыхъ въ Жомойти Дирвянское волости,—и всю тую двадцать чоловѣковъ тяглыхъ на имя его милость былъ выписалъ“. „И панъ староста,—гласитъ позднѣйшее подтвержденіе короля Сигизмунда,—подлѣ листу брата нашего, короля его милости, далъ ему толо дванадцать чоловѣковъ, а осми не далъ для того, ижъ были межъ тыми двадцатма чоловѣки люди путные и данники и буничники, а далъ дей ему противъ тыхъ осми тяглыхъ людей тое жъ волости Дирвянское“²⁶⁰⁾). Въ 1509 году король Сигизмундъ, пожаловавъ старостѣ

²⁵⁸⁾ Źródła dziejowe, tom VI, str. 151—153.

²⁵⁹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 128.

²⁶⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 143.

мѣста Смоленскаго, войту Минскому, Авраму челоуѣка Сомилипской волости Некраша Бутевича и землицу пустовскую его брата Петрашевичу,—„а повѣдилъ намъ, што жъ дей съ того чолоуѣка идетъ намъ служба тяглая, & тая дей пустовщина лежить пуста, службы намъ съ нее нѣтъ“,—приказалъ воеводѣ Троцкому пану Миколаю Миколаевичу: „Ино, естли будетъ такъ, какъ онъ намъ повѣдилъ, а намъ не шкодно, и твоя бы милость велѣлъ въ то ему увязанье дати: нехай онъ того чолоуѣка и пустовщину держитъ до наше воли“²⁶¹). Въ 1512 году тотъ же панъ Миколай Миколаевичъ, бывшій уже воеводою Виленскимъ, получилъ отъ господара приказъ дати увязанье дяку своему Сопотку Стецковичу въ людей и пустовщины въ Мойшагольской волости. „А пакъ ли бы сіе не видѣло твоей милости,—писалъ ему король,—тыхъ людей ему дати, а любо будемъ кому иному первѣй тии люди дали, и твоя бы милость напротивку того, толко жъ людей нашихъ и земель пустовскихъ, гдѣ бы намъ не шводно, обыскавши у Виленскомъ повѣтѣ, и ему далъ“²⁶²). Около того же года король, пожаловавъ владыкѣ Полоцкому Евеймию челоуѣка Бобра „и зъ дѣтьми его и зъ ихъ землями“ въ Черсвятской волости, писалъ до воеводы Полоцкаго, „абы ему въ того чолоуѣка увязанье далъ“²⁶³). Отъ 1514 года имѣемъ листъ короля, писанный до воеводы Кіевскаго, съ приказаньемъ дати дворянину Ивашку Немиричу „увязанье“ въ Любецкомъ повѣтѣ²⁶⁴). Въ 1516 году король, пожаловавъ намѣстнику Остринскому пану Станиславу Скиндирю тринадцать челоуѣкъ ловцовъ и двѣ земли пустовскихъ лейтскихъ, писалъ воеводѣ Троцкому пану Григорью Станиславовичу Остиковича: „и твоя бы милость казалъ въ тии люди верхуписаныи и въ земли пустовскіи ему увязанье дати“²⁶⁵). Въ 1522 году, пожаловавъ маршалку Венцеславу Станиславовичу Костевича шесть земель пустовскихъ въ Румшипскомъ повѣтѣ, король приказалъ старостѣ Ковенскому пану Юрью Ивановичу Ильинича дати ему въ земли „увязанье“²⁶⁶). Въ 1524 король приказалъ старостѣ Жмудскому пану Станиславу Яновичу „увязать“ тивуна Поюрскаго Миколая Володкевича въ двѣ земли пустовскихъ въ Ясвоинскомъ повѣтѣ и Ойрайгольской волости²⁶⁷) и т. д.

²⁶¹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 305, 306.

²⁶²) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 552.

²⁶³) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 9.

²⁶⁴) Ibidem, л. 88.

²⁶⁵) Ibidem, л. 119, 120.

²⁶⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XII л. 1.

²⁶⁷) Ibidem, л. 157.

Иногда прежде, чѣмъ согласиться на просьбу челобитчика о пожалованьи имѣнья въ томъ или другомъ повѣтѣ, государь посылалъ за справками къ воеводѣ или старостѣ, хотя въ повѣтѣ былъ свой намѣстникъ-державца или тивунъ. Великому князю Александру билъ челомъ дворянинъ панъ Войтехъ Нарбутовичъ и просилъ земли пустовской въ Швентянской волости, „што Петръ Пушковичъ держалъ“. „И мы,—писалъ великій князь тивуну Виленскому Хрщону Невѣровичу,—были казали воеводѣ Виленскому, канцлеру нашему, пану Миколаю Радивиловичу того ся довѣдати, какъ тая земля велика есть. И панъ воевода, того ся довѣдавши, и къ намъ о томъ отписалъ. И мы подлугъ листа пана воеводина тую землю Петровскую ему есмо дали, и ты бы ему въ то увязанье далъ“²⁶⁸). Въ 1506 году король Александръ пожаловалъ кн. Василью Мунчѣ село Тулеговичи въ Мозырскомъ повѣтѣ, съ котораго шло ему всего только десять копъ грошей, послѣ того, какъ воевода Кіевскій доложилъ ему, „ижъ тая речъ такъ есть“²⁶⁹). Въ 1510 году королю Сигизмунду билъ челомъ подскарбій дворный панъ Иванъ Андреевичъ и просилъ людей Микутянецвъ въ Сомилишской волости. „И писали есмо о томъ до твоее милости,—гласить королевскій листъ выданный, подскарбію до воеводи Троцкаго,—абы твоя милость того ся довѣдалъ, колько тамъ въ томъ сельцы людей, а которою службою намъ служить и подачки дають. И твоя милость о томъ о всемъ отписалъ... И твоя бы милость ему въ тии люди и земли пустовскіи увязанье далъ“²⁷⁰). Въ 1512 году король; принявъ отъ князя Тимооея Ивановича Капусты просьбу о пожалованьи ему „въ Каменецкомъ повѣтѣ Шестаковского десятку одного жеребья, на имя Каленковского, сельца, на имя Войское, а къ тому также дву жеребьевъ пустыхъ, на имя Русиловского и Туровского“, поручилъ воеводѣ довѣдаться и отписать ему объ этихъ жеребьяхъ²⁷¹). Воевода довѣдывался чрезъ мѣстнаго намѣстника-державцу, какъ видно изъ листа королевскаго, выданнаго тому же кн. Тимооею Ивановичу до намѣстника Каменецкаго кн. Семена Александровича Чорторыйскаго. „Ино дей,—читаемъ въ этомъ листѣ,—ти повѣдилъ передъ воеводою Троцеимъ, маршалкомъ дворнымъ, паномъ Григорьемъ Станиславовичемъ Остиковичемъ, ижъ тамъ въ Лисовичахъ есть три жеребьи зъ людьми. И мы ему тии люди три жеребьи

²⁶⁸) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 19, 20.

²⁶⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 9, 10.

²⁷⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 378.

²⁷¹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 39.

дали со всемъ съ тымъ, какъ ся тыи жеребьи здавна въ собѣ мають. И ты бы тамъ выѣхалъ и тыи жеребьи ему отвелъ и поступилъ, а ввязати его въ то послали есмо тамъ дворянина нашего Михаила Павшу“²⁷²).

По порученью господаря воеводы и старосты подыскивали нерѣдко разнымъ лицамъ людей и земли въ извѣстной волости или во всѣхъ вообще волостяхъ, входившихъ въ составъ ихъ повѣтовъ, но отдававшихся въ то же время въ особое держанье намѣстникамъ-державцамъ и тивунамъ. Въ подтвердительномъ листѣ, выдапномъ въ 1516 году пану Ивану Тимоѣевичу Плещеева Юрлову на шестьдесятъ человекъ въ Дорсунишскомъ повѣтѣ, читаемъ: „И писали есмо до воеводы Троцкого, маршалка нашего дворного, пана Григорья Станиславовича Остиковича, ажбы его милость, обравши тамъ жо въ Дорсунишскомъ повѣтѣ, шестьдесятъ человековъ ему далъ таглыхъ; и его милость водлѣ листу нашего обралъ и ему увязанье далъ“²⁷³). Пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольдъ въ бытность его воеводоу Троцкимъ, король приказалъ, „ижбы онъ казалъ обыискати въ которомъ дворѣ нашомъ Троцкого повѣта шесть чоловѣковъ а чотыры земли пустыхъ и въ тыи люди и земли казалъ увезати дворянъ Грыдя а Матяса Миколаевичовъ“. Воевода нашелъ людей и земли въ Перелайскомъ повѣтѣ и выдалъ дворянамъ „листъ увязчій“, который они и представили королю для подтвержденья“²⁷⁴). По просьбѣ дворянина Глѣба Ивановича король писалъ воеводѣ Полоцкому Петру Станиславовичу, „ажбы его милость, обравши въ Полоцкомъ повѣтѣ двѣ службы людей а землю пустую на пашню дворную, и ему въ то увязанье далъ“. „И панъ воевода, обравши двѣ службы людей а землю пустую у Червятской волости у Величовичохъ, на имя Микулу и его потужники а Микиту зъ его потужники, а землю пустовскую, на имя Станки, и ему въ то увязанье далъ“²⁷⁵). Въ актахъ сохранились указанія и на то, какимъ образомъ воеводы и старосты подыскивали и выбирали людей и земли въ повѣтахъ намѣстниковъ - державцевъ и тивуновъ. „Билъ намъ чоломъ, — читаемъ въ одномъ подтвердительномъ листѣ короля Сигизмунда отъ 1523 года, — дворянанъ нашъ Андрей Мацковичъ и повѣдилъ передъ нами, што первѣй сего дали есмо ему десять служобъ людей а чотыры земли пустовскихъ у Жомонтской земли

²⁷²) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 209.

²⁷³) Ibidem, л. 114, 115.

²⁷⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 11.

²⁷⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 83.

и писали есмо о томъ до старосты Жомойтского пана Станислава Яновича, ажбы, тыи люди и земли у которой волости обравшы съ одного, и ему въ то увязанье далъ. И панъ староста Жомойтскій зъ росказанья нашего обралъ тую десять служобъ людей у-въ Ойравагольской волости, на имя ... и въ то ему увязанье далъ и листъ свой увязчый на то далъ. А о чотыры земли пустовскихъ писалъ его милость до подскарбьего дворного, державцы Веленьского, пана Ивана Андреевича, абы, тыи земли обравшы съ одного у Веленьскомъ повѣтѣ поблизь дворца его Понѣмоньского, и его въ то увязалъ. И панъ Иванъ зъ росказанья его милости чотыры земли пустовскихъ обралъ, на имя ... и его въ тыи земли увязалъ и листъ свой увязчый на то ему далъ²⁷⁶⁾. Въ этомъ „обираньѣ“ участвовалъ иногда и служебникъ воеводы или старосты, отряжавшійся въ намѣстнику-державцѣ или тивуну. Король Сигизмундъ, пожаловавъ дворянину Дмитрію Федоровичу Бервенцова чотыре челоуѣка и двѣ земли пустовскихъ „напротивку имѣней его отчизныхъ смоленскихъ“, писалъ воеводѣ Веленскому пану Николаю Николаевичу, „ажбы его милость казалъ, обыскавши у-въ Опменьскомъ повѣтѣ толко людей и землю, и ему въ то увязанье дати“. „И панъ воевода писалъ о томъ до намѣстника Опменьского князя Володка Ивановича и служебника своего послалъ, ажбы онъ, обравши у-въ Опменьскомъ повѣтѣ чотыры чолоуѣки а двѣ земли пустовскихъ, и посполъ съ служебникомъ его въ тыи люди и земли того двора увязалъ“. Князь Володко такъ и сдѣлалъ и выдалъ дворянину увязчій листъ, на основаніи котораго король и утвердилъ за нимъ имѣнье²⁷⁷⁾.—Но иногда воеводы и старосты обходились и безъ помощи и участія мѣстныхъ урядниковъ, что служить указаніемъ на то, что имъ до нѣкоторой степени была известна вся наличность господарскихъ волостей, а равно состояніе и потребности господарскаго хозяйства въ этихъ волостяхъ. Такъ, воевода Троцкій панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, получивъ приказанье отъ короля подыскать „нѣсколько людей и землю пустовскихъ“ въ Троцкомъ повѣтѣ для дворянина кн. Михаила Ивановича Глинскаго, выбралъ ему людей и одну пустовщину въ Волковыйскомъ повѣтѣ, далъ ему увязанье „и о томъ писалъ до первого державцы Волковыйского небожчыка пана Юрья Глѣбовича, абы ему тыхъ людей и землю поступилъ“. „И небожчыкъ панъ Юрей,—гласить королевское под-

²⁷⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 113.

²⁷⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 131, 132.

твержденье, — тыхъ людей и земель поступити ся ему не хотѣлъ, а то для того, ижъ дворъ нашъ дали были ему на хлѣбъ кормленье до его живота“ ²⁷⁸). Ясное дѣло, что воевода выбиралъ людей въ Волковийскомъ повѣтѣ безъ вѣдома и участія мѣстнаго державцы. На это имѣемъ и еще болѣе опредѣленное свидѣтельство въ актахъ изучаемаго времени. Король Сигизмундъ пожаловалъ боярину Шимку Митковичу, служебнику старосты Жмудскаго пана Станислава Яновича, десять служебъ людей и четыре пустощныны въ Жосецкой волости Веленскаго повѣта, а староста далъ ему увязанье. Но спустя нѣкоторое время къ королю явился посланный отъ подскарбія дворнаго, державцы Веленскаго, пана Ивана Андреевича съ письмомъ, въ которомъ, по словамъ королевскаго листа, державца писалъ, „ижъ тыи люди и земли есть на великой шкодѣ двору нашему Веленскому; и къ тому дей онъ обиралъ собѣ во всей волости што налѣпшии набогатшии люди, на выборъ одинъ отъ другого человекъ полторы мили, въ посредку людей нашихъ, для чого жъ дей люди наши, которые были межъ тыми людьми, розышлись были прочъ“. Очевидно, что староста съ своимъ служебникомъ хозяйничали въ волости на всей своей волѣ и безъ вѣдома державцы. Король, конечно, отобралъ у Шимка людей и земли и замѣнилъ ихъ другими ²⁷⁹).

Послѣ этого неудивительно встрѣчать въ актахъ указанія на то что воеводы suo motu и собственною властью раздавали имѣнья въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ. Такъ, напр., въ 1511 году королю билъ челомъ татаринъ Ильяшъ и, представивъ листъ-данину воеводы Троцкаго на землю пустую Совятевщину въ Сомилишской волости, просилъ подтвердить ему этотъ листъ ²⁸⁰) и т. д.

IX.

Юрисдикція воеводъ и старостъ такъ же, какъ военная ихъ власть и административная, далеко выходила за предѣлы ихъ державній. Во своемъ мѣстѣ (стр. 77, 647) было уже сказано, что на судъ державцевъ жалобы подавались воеводамъ (и старостамъ), въ чьемъ повѣтѣ была держава. Мало того, — самыя дѣла вчинались иногда передъ воеводами и старостами, минуя намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, подобно тому, какъ вчинались они нерѣдко передъ господаремъ, минуя самихъ воеводъ и старостъ. Вообще истцы не были стѣснены

²⁷⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 5.

²⁷⁹) Ibidem, л. 111, 112.

²⁸⁰) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 11.

порядкомъ инстанцій и могли подавать жалобы и просьбы въ высшій судъ, минуя низшій. Такимъ образомъ, напр., воевода Троцкій панъ Петръ Яновичъ (1491—1497) выѣвжалъ разбирать на мѣстѣ земельную тяжбу бояръ жижморскихъ Миньгайловичей и Едятовичей съ другими боярами и лейтами жижморскими Криванчанами ²⁸¹⁾. Воевода Троцкій Янъ Яновичъ Заберезинскій (1530—1537) разбиралъ жалобу хоружаго Жижморскаго Яна Раецкаго на бояръ сомилшскихъ Мартина Станиславовича, Мартина Товтигиновича и на братью ихъ, „ижь бы они люди власны отчизны жены его, которые у выправѣ ее матка и зъ сыномъ Стасемъ ей дала и записала на вѣчность, и не вѣмъ дей, которымъ обычаемъ ихъ держать“. Но бояре доказали, что они держатъ этихъ людей „водлѣ близкости и листа судового князя Костянтинова“ ²⁸²⁾. Значитъ и князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, бывший воеводою въ Трокахъ, разбиралъ это дѣло, которое могло разбираться и намѣстникомъ - державцею Сомилшскимъ. Юрисдикціи воеводъ и старостъ уже и потому не могла замыкаться въ предѣлахъ ихъ держаній, что по нѣкоторымъ волостямъ сидѣли тивуны и намѣстники-державцы, не имѣвшіе права привлекать къ своему суду бояръ-шляхту и судившіе ихъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они становились по доброй волѣ. Кромѣ того, въ областяхъ существовали крупныя княжескія и панскія имѣнья и ихъ части (стр. 617, 618 третьяго очерка), которыя не входили въ составъ волостей или повѣтовъ, но были такими же частями областей, какъ и эти волости и повѣты; владѣльцы этихъ имѣній подсудны были, за разными, впрочемъ, исключеніями, воеводѣ или старостѣ, какъ намѣстнику главнаго города. Не только князья, паны и бояре-шляхта, но даже господарскіе крестьяне въ волостяхъ, раздававшихся намѣстникамъ-державцамъ и тивунамъ, судились воеводами и старостами главныхъ городовъ. Въ Жмудской землѣ староста даже разсылалъ по волостямъ своихъ намѣстниковъ, которые сообщая съ тивунами чинили судъ господарскимъ людямъ. „Такежъ жаловали намъ,—читаемъ въ листѣ короля Сигизмунда, писанномъ въ 1522 году къ старостѣ Жмудскому,—што жъ дей намѣстники твоей милости и зъ женами, и зъ дѣтми, и зъ слугами своими у великомъ подчстѣ по волостемъ нашимъ ѣздыть и людей нашихъ безъ тивуновъ судять и радять „и вины великіи зъ нихъ берутъ, а передъ тымъ дей, за предковъ твоей милости и тутежъ за

²⁸¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 47.

²⁸²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 97.

самого твоей милости, намѣстники твоей милости пждчывами по волостемъ съ тивуны нашими въ маломъ подчсть, самотретъ або самъ четвертъ, и безъ тивуновъ нашихъ людей нашихъ не сужывали и винъ не бирали“ ²⁸³). О другихъ старостахъ и воеводахъ такихъ свидѣтельствъ намъ не встрѣчалось въ актахъ изучаемаго времени. Изъ заставныхъ листовъ на разные дворы и волости извѣстно, что воеводы Виленскій и Троцкій судили господарскихъ людей изъ повѣтовъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ и всылали въ эти повѣты дѣцкихъ для вызова людей въ суду и для исполненія нѣкоторыхъ судебныхъ рѣшеній; но самый судъ производился ими въ своихъ резиденціяхъ.

Впрочемъ, и тутъ были, повидимому, исключенія. Воеводы не привлекали въ своему суду господарскихъ людей изъ нѣкоторыхъ отдаленныхъ державъ, бывшихъ при томъ же нѣкогда отдѣльными княжествами и владѣніями, каковы были, напр., Слонимскій и Каменецкій повѣты Троцкаго воеводства, Браславскій, Минскій и Могилевскій повѣты Виленскаго воеводства и другіе. Географическое положеніе такихъ повѣтовъ отдѣляло ихъ отъ главныхъ городовъ и въ судебно-административномъ отношеніи, такъ что мѣстные правители ихъ пользовались большею самостоятельностью, чѣмъ другіе, и были почти независимы отъ намѣстниковъ главныхъ городовъ. Эти правители и назначались непосредственно господаремъ и панами-радою, безъ посредничества воеводъ и старостъ. Повидимому, и подсудны они были только самому господарю съ панами-радою. Поэтому, они уже въ изучаемое время стали именоваться старостами (стр. 82, 161, 165) — признакъ, указывающій на ихъ неподсудность воеводамъ своего повѣта. Статутъ 1529 года, установивъ подсудность державцевъ воеводамъ и старостамъ, относительно самихъ ихъ гласитъ: „А если бы хто с панов рад наших воевод и старост, которые не сут в поветех, также обвинен мел быти; тогда также мает на первомъ сойме то отказывати або на року земскомъ“ (по обвиненію, что судилъ „не водлѣ правъ писаныхъ“) ²⁸⁴).—Наконецъ, передъ воеводами и старостами не судились частныя лица, имѣвшія листы „закривальныя“ отъ господара ²⁸⁵).

²⁸³) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 82, 83.

²⁸⁴) I арт. VI раздѣла.

²⁸⁵) 4 и 8 арт. VI раздѣла Статута 1529 г.

X.

На судѣ воеводъ и старость присутствовали обыкновенно мѣстный владыка, различные господарскіе урядники, состоявшіе при воеводахъ и старостахъ по отдѣльнымъ отраслямъ управленія, мѣстные служилые князья и паны, или „старшіе бояре“, въ нѣкоторыхъ областяхъ, кромѣ того, глава мѣста и старшіе мѣщане. Въ судебный актъ вписывались и другія лица, случайно присутствовавшія на судѣ, въ качествѣ свидѣтелей суда, „добрыхъ людей, тому свѣдомыхъ“. Чаще всего, однако, на судѣ воеводъ и старость присутствовали и подавали свою „раду“ мѣстный владыка и господарскіе урядники, жившіе болѣе или менѣе постоянно въ главныхъ городахъ областей. Они же обыкновенно составляли и правительственный совѣтъ воеводъ и старость по дѣламъ текущей администраціи, какъ это было и при удѣльныхъ князьяхъ.

Выше былъ уже указанъ таковой правительственный совѣтъ при намѣстникѣ-воеводѣ Смоленскомъ. Съ лицами, составлявшими этотъ совѣтъ, намѣстникъ-воевода производилъ и судъ. Въ листѣ великаго князя Александра, писанномъ къ намѣстнику Смоленскому пану Юрью Глѣбовичу по поводу тяжбы Сенька Тереховича, писаря воеводы Смоленскаго, съ людьми господарскими Тригубовыми, читаемъ: „и ты ещо надто для лѣпшого справедливости со владыкою и съ казначеемъ Смоленскимъ того Маварика и его братью Тригубовыхъ опытывали, и тотъ Маварикъ самъ съ братьею передъ вами посвѣтчиль, што жъ той земли Тугощицкой, которую они роспахали, извѣчный рубежъ Мерейка рѣчка. И ты со владыкою и съ казначеемъ, того досмотрѣвши, и подлѣ суда тыхъ судей (вздоковъ, которыхъ намѣстникъ высылалъ на землю) и того самого Маварика и его братьи свѣдоцтва, въ томъ есте писара Сенька оправили и тую землю ему присудили“²⁸⁶). Выше было сказано, что староста Лудцѣй чинилъ судъ и управу съ маршалкомъ земли Волинской, ключникомъ и конюшимъ; сюда же нужно присоединить и владыку²⁸⁷). Король Александръ присудилъ дворянамъ Оедку, Ушку и Васку Волохамъ два жеребья въ Берестейскомъ повѣтѣ, Песоцкѣй и Рогушинскѣй, „подлугъ листу судового пана Станислава Михайловича Петковича, который же листъ небожчыкъ панъ Станиславъ имъ на то далъ, што жъ, какъ держачы Берестей,... тамъ

²⁸⁶) Литов. Метр. кн. Запис III, л. 88, 89.

²⁸⁷) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XI, л. 38—41.

на тую землю выѣздилъ посполу зъ небожчикомъ Войною Грымаличемъ, который же отъ его милости *ключникомъ* Берестейскимъ былъ тую землю ограничылъ и въ томъ листѣ границы тыи выписалъ“²⁸⁸⁾. При воеводѣ Витебскомъ Янѣ Юрьевичѣ Глѣбовича, когда онъ разбиралъ тяжбу бывшаго воеводы Витебскаго пана Ивана Сопѣги съ мѣщаниномъ Отрошкою, державшимъ отъ него „явку“ и упустившимъ одного москвитина, по прозвищу Сѣраго, — присутствовали „бояре господарскіе Витебскіе: Иванъ Зелепуга а Гурко Олехновичъ, ключникъ господарскій земскій Витебскій, а братъ его Андрей, а ловчій господарскій земскій Витебскій Глѣбъ Шапка, а Иванъ, кухмистръ старій“²⁸⁹⁾. Тотъ же панъ Янъ Юрьевичъ Глѣбовича въ бытность воеводою Полоцкимъ отложилъ дѣло лентвойта Полоцкаго Савича съ бояриномъ господарскимъ Андреемъ Михайловичемъ о наслѣдствѣ, полученномъ женою послѣдняго по смерти ея перваго мужа, — на томъ основаніи, что „на тотъ часъ никого при насъ пановъ бояръ земли Полоцкой не было“. Когда же состоялось разбирательство, на немъ были: архіепископъ Мисайло, владыка Полоцкій, Витебскій и Мстиславскій, бобровничій господарскій Полоцкій панъ Яцко Богдановичъ Быстрейскій, городничій и тивунъ господарскій Полоцкій панъ Иванъ Глѣбовичъ²⁹⁰⁾. Итакъ, мѣстные господарскіе урядники и бывали чаще всего тѣми старшими боярами, или панами, съ которыми намѣстники главныхъ городовъ должны были по закону чинить судъ.

Но какъ при удѣльныхъ князьяхъ, такъ и при воеводахъ и старостахъ рада эта расширялась всѣми прибывшими въ главный городъ князьями и старшими боярами, которые въ силу своего званія должны были присутствовать при отправленіи судебной-административной дѣятельности воеводами и старостами. Такимъ образомъ, напр., при воеводѣ Витебскомъ 6 августа 1530 года, при разбирательствѣ тяжбы витебскаго мѣщанина съ бояриномъ господарскимъ Василькомъ о землѣ Ревутовщинѣ, находились: городничій господарскій Витебскій панъ Романъ Герасимовичъ, бояре Витебскіе панъ Михайло Курейшовъ и Гурко Олехновичъ, конюшій Витебскій земскій Василій²⁹¹⁾; при судѣ того же воеводы по иску челоуѣка пана Михаила Курейшова Куземки на бояринѣ витебскомъ Борисѣ Подвинскомъ о 50 копахъ жита, находились: князь Левъ Полубинскій, князь Федоръ Дмитріевичъ Гор-

²⁸⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 272, 273.

²⁸⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 84—86.

²⁹⁰⁾ Ibidem, л. 173, 174.

²⁹¹⁾ Ibidem, л. 8.

скій, панъ Бсбоѣдовъ, городничій Витебскій панъ Романъ Гарасимовичъ, панъ Михайло Курейшовъ „и ишіе бояре“²⁹²). Вообще при судебномъ разбирательствѣ въ разное время присутствовали разные князья и паны или бояре, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ судебныхъ актовъ пана Яна Юрьевича Глѣбовича, бывшаго сначала Витебскимъ, потомъ Полоцкимъ и, наконецъ, Виленскимъ воеводою²⁹³). Въмѣсто нѣкоторыхъ князей и пановъ, имѣвшихъ свои „головныя“ имѣнья или занятыхъ господарскою службою въ другой землѣ, присутствовали ихъ намѣстники. При воеводѣ Полоцкомъ 7 января 1534 года, когда онъ, „съ князьями и паны бояры земли Полоцкое обмывши“, рѣшалъ тяжбу пана городничаго Полоцкаго Ивана Глѣбовича съ бояриномъ Охромеемъ Орефичемъ о бобровыхъ гоняхъ, находились: воеводичъ Полоцкій панъ Миколай Станиславовичъ Глѣбовича, князь Дмитрій Романовичъ Виденицкій, князь Петръ, Михайло, Семень Романовичи Лукомскіе, бобровничій Полоцкій панъ Яцко Богдановичъ Быстрейскій, намѣстникъ паньи воеводини Виленской Селецкій кн. Иванъ Вяземскій, панъ Яцко и панъ Иванъ Михайловичъ, паны Глѣбъ, Ѳедоръ и Иванъ Богдановичи Зеновьевича, панъ Иванъ Селявичъ, панъ Андрей Свѣцкій, панъ Василиій Степановичъ, „намѣстникъ князя Ильи его милости Костянтиновича Острозскій“²⁹⁴); при воеводѣ Витебскомъ, когда онъ разбиралъ дѣло челоуѣка господарскаго Якова Кузмина съ боярынею Олехновою Поддубенскою о неправильномъ лишеніи его свободы, присутствовали (1 января 1531 года): панъ Кирдей Гричиновичъ, державца королевы Оболецкій, *Усвятскій и Озерницскій*, городничій господарскій Витебскій панъ Романъ Гарасимовичъ, Григорій и Тимоѳей Олферьевичи, Гурко Олехновичъ, Иванъ Зелепуга, ловчій господарскій Витебскій Глѣбъ Шапка²⁹⁵).—Въ судебныхъ и административныхъ засѣданіяхъ воеводъ и старостъ принимали участіе мѣстные правители волостей или повѣтовъ, пріѣзжавшіе по дѣламъ въ главный городъ области. При воеводѣ Виленскомъ 6 іюня 1542 года, когда онъ судилъ боярыню Миколаевую Шимановича съ матерью ея Светохною, женою боярина Якуба Гоствилловича, „о дѣлѣ въ имѣньяхъ ойчистыхъ у *Кельменъ и Мойшаколт*“, находились: панъ Кмита Кунцовичъ, державца Виль-

²⁹²) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 21.

²⁹³) Литов. Метр. кн. Запис. XVI; Судн. дѣлъ XI.

²⁹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 207—210.

²⁹⁵) Ibidem, л. 31.

комирскій и Оливштенскій, и „врядникъ королевое ея милости Мерецкій панъ Миколай Юндило“²²⁶⁾; съ 22 іюля того же года, при разбирательствѣ тяжбы Адама Петровича Пушкаревича съ княземъ Янушемъ Романовичемъ Любецкимъ объ имѣньяхъ Помвничяхъ и Рубилковичахъ, съ воеводою были „и того смотрѣли“: панъ Войтехъ Шимковичъ Юндилъ, тивунъ и городничій Виленскій, державца Ушпольскій и Пенянский; панъ Миколай Нарбутъ, державца Мозырскій и *Кресскій*, панъ Размусъ Довегирдъ и господарскій дворянинъ кн. Андрей Ивановичъ Озерецкій²²⁷⁾ и т. д.

Всѣ эти лица не были пассивными свидѣтелями суда, но его членами, съ которыми воевода совѣщался относительно рѣшенія, какъ это отчасти видно уже изъ приведенныхъ выдержекъ актовъ. Въ дополненіе къ этому приведемъ нѣкоторые отрывки изъ самыхъ „выроковъ“ воеводъ. Воевода Витебскій Янъ Юрьевичъ Глѣбовича, разобравъ тяжбу кн. Дмитрія Романовича Виденицкаго и его жены Оеньки съ бояриномъ Витебскимъ Гуркомъ Олехновичемъ о наслѣдствѣ послѣ умершей жены послѣдняго, написалъ въ своемъ судовомъ листѣ: „И мы, о томъ съ паны бояры Витебскими обмовиши и тому зрозумѣвши,—егды жъ она тии речы свои вси тому мужу своему Гурку посполъ зъ дѣтми своими отписала, а тыхъ дѣтей ея были только двое, которыи жъ послѣ живота ея померли, на которыхъ бы были того статку двѣ части мѣли прійти, и мы тые двѣ части на дѣти князя Ивановы (княгиня Оенька ранѣе была за княземъ Иваномъ Сѣнскимъ), яко на близкіе, всказали“²²⁸⁾. Тому же воеводѣ жаловались кобыльники господарскіе Домовляне на кобыльниковъ же Васка Яковлевича, Еска Кузмича и на всѣхъ поплечниковъ ихъ о томъ, „што жъ они всякую службу посполъ зъ нами служатъ а доходы даютъ, а теперъ не хотятъ зъ нами дороги теребити, не вѣдаемъ для чога“. Во время самаго разбирательства кобыльники „сами призналися къ тому, ижъ тую дорогу зъ ними посполъ засѣкивали“. „И намъ,—гласить судовой „вырокъ“ воеводы,—съ паны бояры видѣлося: егды жъ тые кобыльники посполъ съ тыми Домовляны тую дорогу засѣкивали, а теперъ про што бы ея не мѣли теребити? И вазали есмо всимъ тымъ кобыльникомъ посполъ съ тыми Домовляны тую дорогу теребити“. При разбирательствѣ этого дѣла были: городничій господарскій Витебскій панъ Романъ Гарасимовичъ, включникъ господарскій Витебскій панъ

²²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XI, л. 3—5.

²²⁷⁾ Ibidem, л. 12—14.

²²⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 43—45.

Григорій Олферьевичъ, панъ Тимоѳей Олферьевичъ и панъ Александръ Олехновичъ, бояре господарскіе ²⁹⁹⁾. „Вырокъ“ воеводы Виленскаго Яна Юрьевича Глѣбовича боярину Виленскаго повѣта Якубу Рекутевичу въ тяжбѣ его съ мачихою гласить: „Мы, жалобы и отпору и того листу достаточне выслухавши, *обмовили зъ ихъ милостію паны, которы на тотъ часъ при насъ были, сказали есмо*“ ³⁰⁰⁾ и т. д. И такъ было не въ одномъ судѣ, но и въ дѣлахъ чисто административнаго характера. Король Сигизмундъ написалъ воеводѣ Витебскому, чтобы онъ, выбравши нѣсколько людей и земель въ тѣхъ волостяхъ, „которы былъ Московскій забралъ“, отдалъ ихъ дворянину Костѣ Кузмичу Косову. „И ты дей, писалъ король воеводѣ въ послѣдствіи (2 іюля 1523 года),—*о томъ обмовля зъ бояры Витебскими, и то ся вамъ не видѣло, ижъ бы есте мѣли дати люди и земли ему за границую, ижъли далъ еси ему у Витебскомъ повѣтѣ отъ границы жъ Московское, што замку нашему не шкодно, три службы людей тяглыхъ а двѣ земли пустовскихъ*“ ³⁰¹⁾. Въ привилеѣ, выданномъ въ 1520 году пушварю Кіевскому Яну, читаемъ между прочимъ: „маеть ему въ кождый годъ зъ скарбу нашего давано быти по тридцати копъ грошей а по сукну люньскому; а онъ маеть намъ въ кождый годъ на тотъ замокъ нашъ давати по петнадцати каменей салетри и тую салетру на порохъ розбивати *подъ сѣдомомъ пана воеводинымъ и боярз, и мѣщанъ тамошнихъ*, и въ часъ пригоди маеть зъ замку нашего зъ дѣлъ стрѣляти и пушварскую службу намъ служити“ ³⁰²⁾. Староста мѣста Смоленскаго, войты другихъ мѣстъ и старшіе мѣщане, входившіе въ составъ судебно-административныхъ присутствій при намѣстникахъ-воеводахъ Смоленскомъ, Витебскомъ, Полоцкомъ и Кіевскомъ, также, по всѣмъ даннымъ, не были безгласными свидѣтелями чинившихся рѣшеній, въ особенности, если это рѣшеніе такъ или иначе затрогивало и интересы мѣста. Такъ, „посполъ“ съ боярами и мѣщанами Витебскими воевода Янъ Юрьевичъ постановилъ жонку лихую, „вѣдюю“, „зъ мѣста и зъ волости земли Витебское выгнати“, при чемъ находились: бояре витебскіе Михайло Курейшовъ, Иванъ Зелепуга и Ѳедько Митьковичъ, бобровничій Витебскій; служebníкъ пана Юрья Зеновьевича, старосты Мстиславска-

²⁹⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 51, 52.

³⁰⁰⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XI, л. 45—47.

³⁰¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 99, 100.

³⁰²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 33.

го, Митько и мѣщане витебскіе Андрей Михайловичъ и Оедько Кострица ³⁰³⁾ и т. д.

На судѣ намѣстниковъ главныхъ городовъ присутствовали иногда и лица, не принадлежавшія въ мѣстному обществу, которыя, конечно, не подавали своей „рады“, но все равно записывались въ судовомъ листѣ, какъ „свѣдки“ суда. Такъ, напр., въ числѣ лицъ, которыя были при разбирательствѣ тяжбы совольника витебскаго Михалка съ мѣщаниномъ Данилкою „о бой“ „и того добре свѣдоми“, упомянуть и бояринъ Полоцкій панъ Михайло Оедоровичъ ³⁰⁴⁾. Фактически и мѣстные бояре и мѣщане часто были простыми свидѣтелями суда, который не требовалъ ихъ „рады“, такъ какъ право было ясно, и рѣшеніе становилось формально, по тѣмъ доказательствамъ, которыя представляли тяжущіеся. Поэтому и въ судовыхъ листахъ бояре и мѣщане, присутствовавшіе на судѣ, обозначаются нерѣдко, какъ „люди добрые“ ³⁰⁵⁾. Естественно, что за одно съ ними писались и всѣ другіе „люди добрые“, бывшіе на судѣ, на свидѣтельства которыхъ можно было сослаться лишній разъ въ случаѣ возбужденія дѣла вновь предъ господаремъ или въ случаѣ жалобы на судей ³⁰⁶⁾.

ХІ.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ намѣстники главныхъ городовъ вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ, мѣстными господарскими урядниками, мѣстными князьями и панами отправляли судъ на „соймахъ“, куда собирались, кромѣ того, и другіе военнослужилые землевладѣльцы области, не принадлежавшіе къ панамъ, или старшимъ боярамъ. Такіе соймы собирались, напр., въ землѣ Волынской. Въ 1491 году князь Семень Юрьевичъ, староста Луцкій, и князь Андрей Михайловичъ, намѣстникъ Кременецкій, „съ князьями и паны Волынскими“, разбирали жалобу землянъ Цеценевскихъ Кременецкаго повѣта на кн. Александра Сангушковича, „што ж бы он в них взял имѣне безвинне оу винах у своихъ“. При этомъ были: кн. Михайло Сангушковичъ, владыка Луцкій Иона, князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, князь Михайло Васильевичъ Збаражскій, панъ Петръ Котовичъ, ключникъ Луцкій панъ

³⁰³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 98. Срав. Акты Зап. Рос. I, № 144; Архивъ Юго-Зап. Россіи ч. I, т. VI, № IV.

³⁰⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 98.

³⁰⁵⁾ Ibidem, л. 24.

³⁰⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 3.

Богданъ Сенковичъ „и иныхъ князей и пановъ при томъ было много“³⁰⁷⁾. Это дѣло разбиралось по приказанію короля, предъ которымъ оно было возбуждено, и который перенесъ его на судъ старосты, князей и пановъ Волынскихъ. Такое же дѣло должно было разбираться на областномъ сеймѣ Волынскомъ въ 1528 году. Князь Андрей Сангушевичъ тягался съ землянами Ставецкими о землѣ и на полюбовномъ судѣ представилъ 20 свѣтковъ шляхты и 100 простыхъ людей. Но Ставецкіе не приняли всѣхъ свѣтковъ и потребовали съ нихъ и съ самого князя присяги, на что князь не согласился. Дѣло перешло затѣмъ къ королю, который назначилъ тяжущимся „роки“ для явки на судъ. Князь Андрей, однако, не явился на судъ и прислалъ сына своего Федора, извиняясь болѣзнью и прося отложить дѣло до другого „року“, такъ какъ Ставецкіе требуютъ присяги не по праву земли Волынской, и ему это нужно будетъ доказать королю. Тогда король перенесъ все дѣло на областной соймъ и 14 декабря 1527 года писалъ чинамъ, чтобы они въ ближайшемъ времени, на „зборѣ“ въ Луцеѣ, рассмотрѣли дѣло и рѣшили относительно присяги, „будетъ ли то въ обычай въ правѣ вашемъ Волынскомъ“³⁰⁸⁾. Въ слѣдующемъ году на соймѣ въ Луцеѣ разбиралось дѣло пана Щаснаго Якимовича съ княземъ Дмитріемъ Буремскимъ. Князь Дмитрій Буремскій въ отсутствіе пана Щаснаго, великимъ постомъ, наѣхалъ съ своими „помочниками“ и слугами на его имѣнье, захватилъ его свояченицу и жену („чого жъ я о свестъ мою не мовлю“, — оговаривался панъ Щасный въ жалобѣ) и увезъ ихъ въ свой замокъ, а потомъ жену „соротивши“ отослалъ назадъ. „И зася другимъ разомъ, — показывалъ панъ Щасный, — собравшыся и слугами и людьми своими и прыѣхавшы моцне квалтомъ на имѣнье на домъ мой, мене самого, жону и дитя мое збилъ и слуги мои, съ которого бою колькосъ недѣль есьми лежалъ, ледва живъ зосталъ; и въ тотъ часъ, што есьми мѣлъ пенязей золотыхъ, сребра, перель, шатъ и ншихъ статковъ и домовыхъ речей, то все ми побралъ, весь домъ розграбили, вышей ста копъ грошей шкоды ми вчинилъ; а челяди неволное четверо взялъ, а гумно мое властное моцно квалтомъ вымолотилъ и побралъ ми того збожья, жыта, пшениць, овса, проса двѣстѣ копъ и трыдцатъ копъ безъ чотырѣ змолотилъ;... а силою моцью прислалъ слугъ своихъ и съ коньми своими и казалъ слугамъ своимъ станьи, гдѣ былъ я своимъ конемъ мѣсцо направилъ, выбити,

³⁰⁷⁾ Arhiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XCIX.

³⁰⁸⁾ Źródła dziejowe, tom VI, str. LXII.

и они кони мои съ того мѣста збили и князя своего кони на томъ мѣсту поставили... и стогъ сѣна моего властного стравили, а силою моцью чотыры колоды овса моего вымолочоного взялъ; а слугу моего поселского, на имя Ходора, силою моцью судиль и вину на немъ взялъ, а въ другого слуги моего поселского силою моцью коня взялъ, а конь пять копѣ стоялъ". Эту жалобу панъ Щасный подалъ старостѣ еще въ 1528 году, когда онъ былъ „первый сею на соймѣ въ Луцку". Староста послалъ „позвы" до князя Буремскаго, на которые онъ не сталъ, посылалъ и служебника, но также безъ результата. Въ правахъ земли Волынской была такая „уфала": „кто кому которую кривду вчинить, ино взять у старосты два листы и его позвати; естли за тыми не станеть, ино староста маеть на него служебника своего послати; а коли и за служебникомъ не станеть, ино на немъ всказати". „И мы, — гласить судебный листъ старосты, — съ господиномъ отцемъ владыкою его милостью и съ паномъ Якубомъ его милостью Монтовтовичомъ, старостою Кременицкимъ, и князи и папы обмовившы, которые на тотъ часъ пры насъ были, ... того на первомъ соймѣ такъ квачне наконецъ на немъ всказу не чынили и дали то до господаря его милости". Король написалъ старостѣ, чтобы онъ снова вызвалъ кн. Буремскаго къ себѣ на судъ, а къ князю Буремскому, чтобы онъ не смѣлъ ослушаться старостина приказа „и того ся справиль, кому отъ него кривды и шкоды будуть". Князь Буремскій на зовъ старосты явился, но „въ отказѣ" быть не захотѣлъ и уѣхалъ съ замка прочь. Тогда староста на сеймѣ 1529 года „водлѣ росказанья господарскаго и уфалы съ права земли Волынской" присудилъ съ него въ пользу пана Щаснаго 271 копу грошей, четырехъ челядиновъ, 226 копѣ „збожья" и чотыре колоды овса³⁰⁹⁾. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что староста Луцкѣй съ князьями и панами рѣшали на соймѣ дѣла, которыя возбуждались предъ ними частными лицами или переносились господаремъ. Соимы, собиравшіеся, какъ увидимъ ниже, по разнымъ мѣстнымъ дѣламъ, давали удобный случай князьямъ, панамъ и низшей шляхтѣ разобратся въ своихъ тяжбахъ. Съ другой стороны и для урядниковъ господарскихъ они давали случай въ казуистическихъ дѣлахъ, въ особенности, если при этомъ замѣшаны были мѣстные обычаи, выслушивать раду и опираться на мнѣніе всей земли. Самъ господарь, какъ мы видѣли, предпочиталъ въ такихъ случаяхъ переносить дѣло на областной соймѣ. Самая авторитетность суда, совершавшагося на соймѣ, была выше простого будничнаго суда, который

³⁰⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, 95, 96.

чинился намѣстникомъ главнаго города на господарскомъ дворѣ съ господарскими урялниками и немногими лицами изъ князей или пановъ, которые случайно прибывали въ главный городъ. Поэтому и частныя лица въ дѣлахъ, подобныхъ дѣлу пана Щаснаго съ княземъ Буремскимъ, предпочитали доходить своего права на общемъ соймѣ земли.

Кромѣ земли Волынской соймы бывали, какъ увидимъ ниже, въ земляхъ Киевской, Витебской, Полоцкой, Подляшскихъ повѣтѣхъ и, вѣроятно, въ Смоленской землѣ. Въ XIII, XIV и даже XV вѣкахъ эти земли, какъ уже было сказано въ первомъ очеркѣ, проявляли сильную политическую самостоятельность, органомъ который были мѣстныя соймы. Въ нихъ принимали участіе, кромѣ высшаго правительственнаго класса земель, отложившагося при князьяхъ Рюриковой династіи, военнoслужилые землевладѣльцы и мѣщане главныхъ городовъ. Соймы были продолженіемъ и видоизмѣненіемъ древне-русскихъ вѣчъ, при измѣнившемся социальнo-политическомъ строѣ мѣстныхъ обществъ. И въ изучаемое время областныя соймы продолжали быть органами самоуправленія и политической самостоятельности областей. Что касается судопроизводства на соймахъ, то оно могло легко связаться съ законодательнoю дѣятельностью, которая развивалась на соймахъ въ связи съ существованіемъ мѣстныхъ правъ и обычаевъ. На соймахъ, вѣроятно, рѣшались сначала такія дѣла, которыя возбуждали вопросъ о правѣ, рѣшавшійся тутъ же землею. Въ Полоцкой землѣ такъ было въ теченіе всего изучаемаго времени и даже послѣ изданія Статута. Въ 1533 году воевода Полоцкій панъ Янъ Юрьевичъ Глѣбовича, встрѣтивъ затрудненіе при разборѣ дѣла князей Соколинскихъ объ имѣннѣхъ Мильковичахъ, постановилъ: „обѣма сторонамъ передъ нами у Полоцку стати по Ильинѣ дни въ тый день; а такъ маемъ со всею землею обмовити, ижъ которые княжата и панята, маючи у Полоцкомъ повѣтѣ свои имѣнья, а по службамъ мѣшкають и затимъ роки собѣ праву далекіе откладають, або которые, роки умѣшкаваючи, службами ся пановъ своихъ вымолвлять, яко маемъ таковыя речи на мѣрѣ постановити“³¹⁰). И въ вышеприведенныхъ примѣрахъ относительно Волынской земли мы видѣли, что на соймѣ перенесены были такія дѣла, гдѣ былъ возбужденъ вопросъ о правѣ земли Волынской. Впрочемъ, на Волыни на соймахъ разбирались и многія другія дѣла, въ которыхъ право было ясно. Здѣсь нельзя не видѣть вліянія Польши, въ которой существовали тогда судовыя „вѣча“ или „генеральныя

³¹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 138—140.

роки²¹¹, на которые съѣзжались мѣстный епископъ, замковые и земскіе судьи, и на которыхъ рѣшались дѣла, не конченныя или не вчинившіяся въ повѣтахъ, а также разбирались жалобы на мѣстныхъ судей. Судебныя дѣла рѣшались на польскихъ вѣчахъ сначала на ряду съ другими земскими дѣлами, а потомъ вѣча уже получили характеръ исключительно судебныхъ съѣздовъ, собиравшихся сначала по мѣрѣ возможности и надобности, затѣмъ четыре раза въ годъ, потомъ три и, наконецъ, два ²¹¹). Въ такой стадіи своего развитія польское „вѣче“ послужило образцомъ для высшаго суда въ Жмудской землѣ. Въ Жмудской землѣ стали съѣзжаться нѣсколько разъ въ годъ (по уставѣ 1529 года, четыре раза) староста съ тивунами для отправленія судовъ „посполитыхъ“, „если бы хто съ шляхты которое мѣло дѣло до тивуна, а тивунъ до шляхтича, або тивунъ до тивуна“, „если бы которые люди наши (господарскіе) мѣли втиски и кривды отъ тивуновъ, або отъ шляхты“ ²¹²). Чинился ли судъ на соймахъ въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, на это намъ не удалось найти указаній въ источникахъ изучаемаго времени, хотя предполагать это можно съ большою вѣроятностью.

XII.

На областныхъ соймахъ происходили выборы различныхъ должностныхъ лицъ. Въ привилеѣ Витебской земли читаемъ: „Такожь имъ намъ давати воеводу по старому, по ихъ воли; и который имъ будетъ не любъ воевода, а обмовятъ его передъ нами: ино намъ воеводу имъ иного дати, по ихъ воли“. Подобную же статью мы встрѣчаемъ и въ привилеяхъ Полоцкой земли и Жмудской ²¹³). Воля этихъ земель выражалась на соймахъ, на которыхъ собирались бояре и мѣщане главнаго города. Такъ, мѣщане и бояре Витебскіе жаловались королю Сигизмунду на воеводу Ивана Богдановича Сопѣгу (1517—1526) „о свои тяжкости и кривды“ и били челомъ, „не хотячы того воеводы собѣ мѣти, абы его милость, водѣ правъ и привилеевъ предковъ его милости и его милости самого, далъ имъ иного воеводу“. Воевода сталъ ссылаться на то, что жалобщиковъ—меньшинство, „а тамъ множество старшихъ бояръ и мѣщанъ, што лѣпшихъ людей, о томъ ни-

²¹¹) *D-ra Oswalda Balsera Geneza Trybunału Koronnego*, str. 13, 14; 18, 19; 22—25; *Volumina legum* I, 68—72; 114—116; 272, 273.

²¹²) Акты Зап. Рос. II, № 160.

²¹³) Акты Зап. Рос. I, № 102, 204; II, № 70.

чего не вѣдаютъ а ни того имъ поручали“ ²¹⁴⁾, Значить, еслибы жаловались на воеводу всѣ или большинство бояръ и мѣщанъ, онъ долженъ былъ бы непрекословно подчиниться ихъ рѣшенію, подобно тому, какъ въ старину уходили князья, которымъ вѣче указывало путь. Разслѣдованіе показало, повидимому, что жаловалось большинство, потому что король вывелъ Соцѣгу изъ Витебска и далъ ему титулъ воеводы Подляскаго, не сопряженный съ дѣйствительнымъ урядомъ ²¹⁵⁾. Въ Жмудской землѣ старосту выбирали мѣстные паны и бояре - шляхта; такъ, напр., въ 1532 году, по смерти старосты пана Станислава Станиславовича Яновича, они отправляли пословъ къ королю съ просьбою, чтобы государь оставилъ ихъ при старинныхъ правахъ и вольностяхъ и далъ имъ по ихъ желанью старостою воеводу Полоцкаго пана Петра Станиславовича. Король исполнилъ ихъ просьбу ²¹⁶⁾. Въ Подляскихъ повѣтахъ государь пожаловалъ мѣстнымъ князьямъ, панамъ и землянамъ право выбирать земскихъ урядниковъ (членовъ земскихъ судовъ) на соймахъ; впрочемъ, эти выборныя лица вступали въ должность не иначе, какъ съ утвержденья (*sum gatihabitio*) государя, а иногда даже и прямо по назначенью, минуя выборъ шляхты ²¹⁷⁾. Въ Киевской землѣ князья, паны и земляне вмѣстѣ съ старцами выбирали архимандрита въ Киево-Печерскій монастырь. „А какъ у нихъ архимандрита не станетъ, — читаемъ въ привилеѣ короля Сигизмунда, выданномъ монастырю, въ 1522 году, — тогда старцы того монастыря, и князи и панове и земляне земли Киевскоѣ, сами жъ мають архимандрита, чоловѣка годного, обрати, и насъ за нимъ жедати, ижъ быхмо имъ архимандрита дали, кого они оберуть: и мы на жаданье ихъ, маемъ тому тую архимандритью дати, кого они оберуть; а отъ того они мають намъ давати зъ монастыри чоломъбитья пятьдесятъ золотыхъ, а большей того никому иному, а ни врядниомъ нашимъ, ничего давати не мають; а хотя бы хто иишій мѣлъ намъ и большее чоломъбитье отъ тоѣ архимандритьи давати: ми не маемъ тоѣ архимандритьи тавовымъ давати, нижели тому, за кимъ они насъ будутъ просити, на то годного обравши, и только тотъ же вышешмененый подарокъ взяти маемъ отъ нихъ“ ²¹⁸⁾. Такимъ же по-

²¹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 28, 29.

²¹⁵⁾ *Wolffa Senatorowie i dygnitarze W. Кс. Litewskiego*, str. 86.

²¹⁶⁾ *Ibidem*, str. 92; Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 197, 198.

²¹⁷⁾ *Zbiór praw litewskich*, str. 118—121; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 194.

²¹⁸⁾ Акты Зап. Рос. II, № 112.

рядкомъ вступалъ въ свою должность и игумень Жидичинскаго монастыря въ землѣ Волинской ²¹⁹⁾ и т. д.

Въ актахъ сохранились нѣкоторыя постановленія областныхъ соймовъ, которыя должны были временно или постоянно имѣть силу мѣстныхъ законовъ, такъ что на областныхъ соймахъ развивалась и нѣкоторая законодательная дѣятельность. По приказанью пана Яна Юрьевича Глѣбовича, воеводы Витебскаго, внесена въ замковую книгу слѣдующая записъ: „Въ пятницу іюль 28 день. Панове бояре *Витебскіе* призволили вси *весполокз* съ тыхъ дворовъ и дворищовъ своихъ, которые въ мѣстѣ Витебскомъ и по селомъ повѣту Витебскаго мають, съ которыхъ передъ тымъ люди воротъ городовыхъ стерегивали, и теперь мають потому жъ сторожу къ воротамъ городовымъ приставляти и чинити; влazenъ въ замку вышнемъ и нижнемъ никто якъ съ пановъ бояръ, такъ мѣщанъ, для огню не мають держати; и якъ на огонь зазвонять, такъ вси мають въ домѣхъ огни гасити и отъ того часу, якъ зазвонять, зъ огнемъ въ ночи въ домѣхъ не мають ходити, а ни за нимъ сидѣти, подъ винами господарскими. А къ тому панове бояре вси *посполито* поднялися *весполокз* зъ *мѣщаны* и *людьми* *Витебскими* *трыдцать* и *три* *городни* *новыхъ* *заробити*“ ²²⁰⁾. Отъ 8 февраля 1531 года имѣемъ записъ того же воеводы о постановленіи Витебскаго сойма касательно вольныхъ похожихъ людей: „Зволилися передъ нами архіепископъ Наванайлъ, владыка Полоцкій и Витебскій и Мстиславскій, и вси князе и панове бояре и мѣщане Витебскіе, какъ мають за собою людей своихъ похожихъ вольныхъ держати“ ²²¹⁾ etc. Тотъ же панъ Янъ Юрьевичъ Глѣбовича, когда былъ воеводою Полоцкимъ, „со всеми паны бояры земли Полоцкое умовилъ и на томъ положилъ: естли бы чіе-вольвекъ люди, безъ вѣдома панского пошодши на шляхъ подъ войско неприятельское, и на шляху нашли клячу або якую кольвекъ скотину, тогда, егда свою клячу познаеть, маеть отъ нее перейма дати по грошу, а отъ жеребяти по полугрошу, а отъ вола и отъ коровы по полугрошу; нижли, естли бы хто за вѣдомомъ, або съ посланья панского, на шляхъ подъ войско вѣдилъ и што клячь або быдла на шляху знаидеть, въ того мають выкупати клячу по дванадцати грошей, жеребя по тры грошы, корову по тры жъ гроши, а вола по шесть грошей, а што платья знаидеть, отъ того перейма не маеть ничего брати, але маеть платье дармо ворочати; и што хто свое по-

²¹⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 45.

²²⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 5.

²²¹⁾ Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 94.

знать, на то маеть слушный доводъ вчинити, иже то есть его²²⁷⁾. Подобная же законодательная дѣятельность развивалась, вѣроятно, и на соймахъ другихъ земель Литовско-Русскаго государства.

ХІІІ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о значеньѣ воеводъ и старостъ, какъ политическихъ представителей областей. Рѣче всего это значенье сказывалось въ воеводахъ Полоцкомъ и Витебскомъ и въ старостѣ Жмудскомъ, которые и сами смотрѣли на себя и со стороны смотрѣли на нихъ не столько какъ на намѣстниковъ великаго князя, сколько на земскихъ правителей, излюбленныхъ и призванныхъ землею радѣть о земскомъ дѣлѣ. Нѣмцы, ведшіе торговлю съ Полоцкомъ, смотрѣли на Полоцкаго намѣстника, какъ на князя, и вели съ нимъ тѣ же дипломатическія сношенія и въ той же формѣ, какъ прежде съ князьями. Они почти совершенно игнорировали то, что Полоцкая земля часть великаго княжества Литовскаго и имѣетъ своего настоящаго государя въ Вильнѣ²²⁸⁾. Староста Жмудскій, выбираемый изъ мѣстныхъ пановъ, чувствовалъ себя также гораздо болѣе княземъ Жмудскимъ, чѣмъ намѣстникомъ великаго князя, и нерѣдко шелъ во главѣ политической оппозиціи, которую проявляла Жмудская земля по отношенію къ распоряженіямъ центрального правительства²²⁹⁾. Въ большей или меньшей степени съ упомянутыми правителями раздѣляли это значенье и другіе воеводы и старосты, въ особенности староста Луцкій, выходившій обыкновенно изъ мѣстныхъ князей и пановъ, крупныхъ землевладѣльцевъ. Относительно старосты Луцкаго это тѣмъ болѣе справедливо, что Волынская земля въ изучаемое время уже почти вся была во владѣніи князей, пановъ и земянъ, господарскаго въ ней было уже мало, а потому и старостѣ приходилось имѣть дѣло не столько съ интересами и нуждами въ области господари, сколько съ интересами и нуждами мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Политическое представительство литовскихъ воеводъ и старостъ проявлялось въ томъ, что по ихъ представленію раздавались державы въ ихъ повѣтахъ; воеводы, кромѣ того, какъ уже было сказано во второмъ очеркѣ, стали мало по малу усваивать значеніе главъ и представителей мѣстной шляхты. Если въ этому присоединить то участіе, ко-

²²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 289.

²²⁸⁾ *И. Д. Бяляева*. Разсказы по Русской Исторіи, кн. 4, стр. 298—302.

²²⁹⁾ См. прилож. № 37, 38.

торое принимали въ управленіи областей мѣстные крупные землевладѣльцы въ качествѣ урядниковъ центрального города и совѣтниковъ воеводъ и старостъ, и если принять во вниманіе, что сами воеводы и старосты выходили обыкновенно изъ состава этихъ же землевладѣльцевъ, то они предстануть предъ нами не только въ качествѣ агентовъ центральной власти, но и въ качествѣ главъ областного самоуправления, по крайней мѣрѣ—въ русскихъ областяхъ великаго княжества. Такое значеніе воеводъ и старостъ объясняется изъ самаго происхожденія ихъ власти. Они должны были замѣнять собою господара въ различныхъ его „панствахъ“, соединеніе которыхъ въ одно государство носило характеръ личной уніи, и которыя, имѣя одного верховнаго главу, въ то же время не теряли самой политической особы и самобытности.

Заканчивая наши очерки, не можемъ не указать на то, что покойный И. Д. Бѣляевъ, не смотря на ограниченныя научныя средства, которыми онъ располагалъ, не смотря на отсутствіе строгаго метода въ изслѣдованіи, на смѣшеніе фактовъ по мѣсту и времени, вѣрнѣе и глубже понялъ и истолковалъ устройство управленія въ областяхъ Литовско-Русскаго государства, чѣмъ нѣкоторые изъ позднѣйшихъ изслѣдователей. Во второмъ очеркѣ былъ приведенъ взглядъ г. Антоновича на Кіевскаго воеводу, какъ на административнаго чиновника, равноправнаго съ намѣстниками пригородовъ и отличавшагося отъ нихъ только тѣмъ будто бы, что подъ властью его находился болѣе богатый городъ съ его непосредственнымъ округомъ. Такое же мнѣніе высказалъ проф. Бершадскій относительно устройства мѣстнаго управленія во всемъ государствѣ. „Въ административномъ отношеніи Великое Княжество,—говоритъ онъ,—было раздѣлено на воеводства, повѣты, державства, ключи и тивунства. Во главѣ каждаго изъ этихъ округовъ стояли особенныя чиновники: Воеводы, Старосты, Державцы, Ключники и Тивуны. Округи эти не находились въ какой-либо іерархической зависимости одинъ отъ другого и различіе между ними сводилось, главнымъ образомъ, къ пространству и населенности“³²⁵) Изъ фактовъ, приведенныхъ во второмъ и четвертомъ очеркахъ, видно, какъ далеко отъ истины и какъ поверхностно такое сужденіе; впрочемъ, оно высказано было мимоходомъ. Попытку посмотрѣть болѣе правильнымъ образомъ на воеводъ встрѣчаемъ у г. Ясинскаго въ 70 прим. въ изданному имъ сводному тексту „Уставныхъ земскихъ грамотъ Литовско-Русскаго государства“. Но зато онъ совершенно не-

³²⁵) Литовскіе евреи, стр. 295.

вѣрно полагаетъ, что будто бы съ замѣною намѣстниковъ главныхъ городовъ воеводами произошли какія-то перемѣны въ положеніи и значеніи власти главныхъ правителей земель. Замѣна эта для главныхъ правителей русскихъ областей, которыхъ и имѣеть въ виду г. Ясинскій, была, какъ мы уже видѣли во второмъ очеркѣ, простымъ переименованіемъ и не чѣмъ инымъ.

XIV.

Все сказанное въ четвертомъ очеркѣ можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Нѣкоторые повѣты и волости не раздавались въ управленіе намѣстникамъ-державцамъ и тивунамъ и тянули въ этомъ отношеніи къ главнымъ городамъ областей, гдѣ сидѣли воеводы и старосты.

2. Воеводы и старосты вѣдали эти волости на правахъ и обязанностяхъ намѣстниковъ-державцевъ, вслѣдствіе чего и въ актахъ нерѣдко называются державцами.

3. Въ этихъ волостяхъ воеводы и старосты являются приказчиками по господарскому дворцовому хозяйству, завѣдующими крестьянскими службами и устройствомъ крестьянскаго землевладѣнія, сборщиками податей и нѣкоторыхъ пошлинъ и вообще финансовыми агентами господара, комендантами крѣпостей, распоряджающимися ихъ постройкою и ремонтомъ и завѣдующими мѣстною обороною, начальниками мѣстныхъ военныхъ силъ, завѣдующими ихъ организаціею и устройствомъ военно-служилого землевладѣнія, и общими для всѣхъ жителей судьями, за тѣми же, впрочемъ, исключеніями, какъ и намѣстники-державцы.

4. Отъ своей правительственной дѣятельности воеводы и старосты получали такіе же доходы обычные и экстраординарные, какъ и намѣстники-державцы.

5. Такъ же, какъ и послѣдніе, они получали свои воеводства и староства большею частью пожизненно или до замѣны лучшимъ урядомъ.

6. Въ отдѣльныхъ волостяхъ своихъ держаній воеводы и старосты по веденію господарскаго хозяйства, по сбору различныхъ податей и налоговъ, по суду и управѣ среди крестьянъ, обыкновенно замѣнялись своими намѣстниками.

7. Въ волостяхъ, гдѣ не было господарскаго хозяйства, и гдѣ населеніе состояло въ большинствѣ изъ данниковъ, воеводы и старосты обыкновенно не держали своихъ намѣстниковъ, и такія волости

вѣдались судомъ и управою непосредственно въ центральномъ городѣ и изъ центрального города.

8. Существовавшій въ старину обычай князей и замѣнившихъ ихъ намѣстниковъ ѣздить въ такія волости на полюдьѣ въ изучаемое время прекратился: воеводы и старосты судили и рядили такія волости въ главномъ городѣ; сюда въ нѣкоторыхъ областяхъ крестьяне доставляли и то, что прежде давали на полюдьѣ.

9. Воеводы и старосты въ изучаемое время объѣзжали только такія волости, гдѣ были господарскіе дворы; кромѣ того, они ѣздили въ ловы, при чемъ на станахъ крестьяне нѣкоторыхъ господарскихъ волостей поднимали ихъ стадіями, но не дарили.

10. Господарское хозяйство, которое велось въ державахъ воеводъ и старость, не вездѣ довольствовалось барщиннымъ трудомъ мѣстнаго населенія, но привлекало на свои работы и занятія и населеніе изъ повѣтовъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ.

11. Это справедливо также относительно городского дѣла и мощенія, а также сторожи и заставы въ центральныхъ замкахъ, бывшихъ резиденціями воеводъ и старость.

12. Въ постройкѣ и ремонтѣ укрѣпленій и мостовъ въ главныхъ городахъ областей участвовали даже мѣщане и крестьяне изъ повѣтовъ и волостей частныхъ владѣльцевъ.

13. Даже податями населеніе повѣтовъ и волостей, находившихся въ управленіи намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, тянуло до извѣстной степени къ главнымъ городамъ области.

14. Сюда, напр., свозилось дягло, которое принимали и хранили городничіе, получавшіе при этомъ свой доходъ; сюда свозилась дань медовая, которую принимали и хранили ключники, получавшіе свой доходъ; въ казну Смоленскую, находившуюся въ завѣдываніи мѣстнаго казначея, поступала и дань грошовая и посощина съ господарскихъ волостей, имѣвшихъ особыхъ намѣстниковъ (до 1457 посощина шла сюда и съ частновладѣльческихъ крестьянъ), въ скарбъ Кіевскій поступала также грошовая дань съ волостей сѣверскихъ и т. д.

15. Впрочемъ, не всѣ повѣты и волости, отдававшіеся въ держаніе намѣстникамъ-державцамъ, равно какъ и бывшіе въ частномъ владѣніи, тянули въ отношеніи повинностей и податей къ центральнымъ замкамъ областей.

16. Такіе повѣты, какъ, напр., Браславскій и Могилевскій въ Виленскомъ воеводствѣ, Слонимскій и Каменецкій въ Троцкомъ, Острожское княжество въ землѣ Волынской всѣми повинностями и податями тянули къ своимъ мѣстнымъ центрамъ.

17. Намѣстники-державцы такихъ повѣтовъ были почти независимы отъ воеводъ и представляли типъ мѣстныхъ правителей, переходный между старостами и намѣстниками-державцами; въ изучаемое время они уже стали именоваться и старостами.

18. Связи съ центромъ повѣтовъ и волостей, отдававшихся въ держанье намѣстникамъ-державцамъ и тивунамъ, порождали власть надъ ними урядниковъ главнаго города.

19. Въ эти повѣты и волости посылали свои распоряженія и требованія, а также вѣзжали править свои и господарскіе доходы (т. е. взыскивать недоимки) городничіе, тивумы, конюшіе и подконюшіе, ключники и подключіе главныхъ городовъ; нѣкоторые изъ этихъ урядниковъ, напр., конюшіе, даже судили людей подвѣдомственныхъ имъ службъ.

20. Такія же отношенія создавала и эксплуатація разныхъ угодій на господаря, которою завѣдывали также урядники главныхъ городовъ, каковы были: ловчіе, сокольничіе, бобровничіе дѣсничіе и гаевники.

21. Воеводы и старосты при этомъ были высшими администраторами и судьями по дѣламъ о выполненіи барщинныхъ на господаря и государственно-земскихъ повинностей, и всѣ перечисленные центральные урядники отправляли свои должности подъ общимъ надзоромъ и руководствомъ воеводъ и старостъ.

22. Извѣстный надзоръ и контроль принадлежалъ воеводамъ и старостамъ также и по отношенію къ намѣстникамъ-державцамъ, такъ какъ державы этихъ послѣднихъ подвергались ревизіи воеводъ и старостъ и переписи; Виленскій и Троцкій воеводы даже ежегодно учитывали державцевъ въ полученіи господарскихъ доходовъ.

23. Во всемъ этомъ воеводы и старосты были, очевидно, преемниками удѣльныхъ князей.

24. Воеводы и старосты получили по наслѣдству отъ удѣльныхъ князей и долю той военной власти, которая принадлежала этимъ князьямъ.

25. Во время общей мобилизаціи они стягивали подъ свое знамя и выводили на войну ополченіе изъ повѣтовъ, находившихся въ ихъ собственномъ держаньѣ, изъ повѣтовъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ и, наконецъ, ополченіе князей и пановъ, которые шли подъ своими собственными хоругвями.

26. Въ составъ ополченія Виленскаго воеводства входило между прочимъ ополченіе изъ повѣта Новгородскаго и княжества Слуцкаго; въ составъ ополченія Троцкаго воеводства входили и ополченія по-

вѣтовъ Ковенскаго, Городенскаго, Берестейскаго и Подляшскихъ повѣтовъ.

27. Если выходилъ приказъ отъ господаря и пановъ-рады всѣмъ идти въ сборный пунктъ и становиться подъ начальство гетмана найвысшаго, воеводы и старосты оповѣщали объ этомъ всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ и хоружихъ.

28. Въ общемъ сборномъ пунктѣ ополченія областей, повидимому, также становились подъ знаменами воеводъ и старостъ (Луцкаго и Жмудскаго).

29. Какъ областные военачальники, воеводы (и старосты Жмудскій и Луцкій) собирали и „пописы“ имѣній военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, по которымъ гетманъ провѣрялъ всѣхъ явившихся на службу съ ихъ почтами, а подскарбій земскій сборъ серебрины съ ихъ имѣній.

30. Старосту Луцкаго въ командованіи и военно-административной дѣятельности замѣнялъ большею частью состоявшій при немъ маршалокъ земли Волынской.

31. Въ качествѣ главныхъ правителей воеводы и старосты принимали участіе въ устройствѣ военнослужаго землевладѣнія за предѣлами своихъ державъ въ тѣсномъ смыслѣ — какъ по собственной инициативѣ, такъ и по возбужденію отъ центральнаго правительства.

32. Намѣстники-державцы и тивуны при этомъ часто были только органами ихъ.

33. Воеводы и старосты были главными и высшими судьями въ областяхъ.

34. Предъ ними часто вчинались дѣла, минуя намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, такъ какъ тяжущіеся не были стѣснены порядкомъ инстанцій.

35. Это справедливо даже относительно господарскихъ крестьянъ, которые часто судились воеводами и старостами помимо намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ.

36. Кромѣ того, нѣкоторыя дѣла должны были поступать прямо на разбирательство воеводъ и старостъ, минуя нѣкоторыхъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, не имѣвшихъ право судить шляхтобояръ.

37. Въ присудѣ воеводъ и старостъ были князья и паны, владѣльцы имѣній, не входившихъ въ составъ повѣтовъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ.

38. Воеводы и старосты судили и самихъ намѣстниковъ-держав-

цевъ и тивуновъ по жалобамъ на нихъ управляемыхъ или постороннихъ лицъ.

39. Нѣкоторые державцы, впрочемъ, назначавшіеся господаремъ и панами-радою безъ представленья воеводъ и старость, не были подсудны воеводамъ и старостамъ.

40. И населеніе ихъ повѣтовъ, по всѣмъ признакамъ, не подлежало юрисдикціи воеводъ и старость.

41. Не подлежали этой юрисдикціи въ силу отдѣльныхъ изыятій нѣкоторые крупные князья и паны радные и разныя другія лица, имѣвшія листы „закривальныя“.

42. Чаще всего на судѣ воеводъ и старость присутствовали и подавали свою „раду“ мѣстный владыка и господарскіе урядники, жившіе болѣе или менѣе постоянно въ главныхъ городахъ областей.

43. Къ перечисленнымъ выше центральнымъ урядникамъ здѣсь нужно присоединить окольныхъ въ Смоленской землѣ.

44. Эти лица обыкновенно составляли и правительственный совѣтъ воеводъ и старость по дѣламъ административнаго характера, а также исполняли разныя правительственныя порученія воеводъ и старость, помимо своей спеціальной должностной дѣятельности.

45. На судѣ къ нимъ присоединялись князья и паны, или старшіе бояре, случайно прибывшіе въ главный городъ.

46. Въмѣсто князей и пановъ, крупныхъ землевладѣльцевъ, имѣвшихъ свои „головныя“ имѣнья или занятыхъ службою въ другой землѣ, присутствовали иногда на судѣ воеводъ и старость намѣстники князей и пановъ.

47. Въ земляхъ Смоленской, Витебской, Полоцкой и Кіевской въ составъ судебно-административной рады при воеводахъ входили и старшіе мѣщане.

48. Въ судебныхъ актахъ записывались и всѣ другія лица, бывшія на судѣ, въ качествѣ „свѣтковъ“ суда или „людей добрыхъ“, на которыхъ можно было сослаться въ случаѣ вторичнаго возбужденія дѣла или жалобы на судей.

49. Фактически и вышеупомянутые засѣдатели суда, ассистенты воеводъ и старость, часто бывали пассивными свидѣтелями суда, производившагося строго формально по судебному состязанію сторонъ.

50. Въ земляхъ Волынской и Полоцкой а также, повидимому, въ Витебской, Кіевской и Подольской судъ производился и на областныхъ соймахъ, собиравшихся по временамъ для рѣшенія нѣкоторыхъ областныхъ дѣлъ, изданія разныхъ обязательныхъ въ предѣлахъ области постановленій и выбора нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ.

51. Эти областные соймы были органомъ самоуправления и политической самодѣятельности областей, которую они проявляли особенно въ XIII—XV в. и которая не заглохла и въ изучаемое время; областные соймы были продолженіемъ и видоизмѣненіемъ древнерусскихъ вѣчъ, при измѣнившемся соціально-политическомъ строѣ областей.

52. На областныхъ соймахъ, по всѣмъ даннымъ, рѣшались первоначально такіа судебныя дѣла, въ которыхъ возбуждался вопросъ о правѣ въ связи съ мѣстными обычаями и узаконеніями, и такіе вопросы и рѣшались землею.

53. Въ землѣ Волынской, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ польскаго примѣра, судебная дѣятельность на соймахъ расширилась, и мѣстные князья, паны и земяне стали пользоваться ими, какъ удобнымъ случаемъ для рѣшенія взаимныхъ распрей и удовлетворенія взаимныхъ обидъ.

54. Въ землѣ Жмудской по польскому примѣру организованъ былъ судебный съѣздъ старостъ и тивуновъ, засѣдавшій четыре раза въ годъ и разбиравшій дѣла по жалобамъ шляхты на тивуновъ и тивуновъ на шляхту, по искамъ тивуновъ другъ на друга и по жалобамъ господарскихъ подданныхъ на тивуновъ или шляхту.

55. Въ земляхъ Витебской, Полоцкой на областныхъ соймахъ, въ которыхъ участвовали и мѣщане главнаго города, рѣшали, кого просить у господара въ воеводы, а въ Жмудской землѣ мѣстные паны и боярс-шляхта выбирали кандидата въ старосты; въ Подляшскихъ повѣтахъ мѣстные князья, паны и земяне выбирали членовъ и прк-ставовъ своего земскаго суда.

56. Вслѣдствіе этого воеводы Витебскій и Полоцкій и староста Жмудскій были не столько агентами центральной власти въ этихъ земляхъ, сколько ихъ политическими представителями и главами земскаго самоуправления.

57. Господарское управленіе въ областяхъ вообще носило до извѣстной степени характеръ областнаго самоуправления, такъ какъ организовано было изъ мѣстныхъ политическихъ элементовъ, въ которыхымъ принадлежали и сами воеводы и старосты, выходившіе обыкновенно изъ среды мѣстныхъ князей и пановъ, подобно другимъ урядникамъ.

58. Въ Волынской землѣ этотъ характеръ областнаго управленія и значеніе старосты Луцкаго, какъ политическаго представителя области, вытекало и изъ того, что въ этой землѣ уже въ изучаемое

время почти исчезли господарскія волости, и она стала княжескою, панскою и земянскою.

59. Подъ дѣйствіемъ идеи польскаго воеводства Виленскій и Троцкій воеводы стали мало по малу усваивать значеніе главъ и представителей мѣстнаго шляхетства въ широкомъ смыслѣ, что опять таки двойло ихъ политическое значеніе.

60. Изъ всего этого выходитъ, что воеводъ и старость нельзя считать чиновниками великаго князя, равноправными съ другими на-мѣстниками и отличавшимися отъ нихъ только величиною своихъ державъ, какъ утверждали г.г. Антоновичъ и Бершадскій.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Инвентари конца XV и начала XVI вѣка.

№ 1.

Инвентарь поданья Кременца.

Што на Кременцы подано: три фуклери а чотыри прохницы, пушекъ малыхъ 6 а пищаль одна, а великихъ пушекъ на городѣ 4; а челяди дворное, што въ городѣ, 3 паробки а чотыри жонки, а двѣ дѣвцѣ; а у дворцы въ королевомъ миля отъ города тамъ въ томъ дворцы жонка зъ дѣтми сама четверта; а клячь трое, а волю три; а жита полчетверты стирты, а у стиртѣ по двѣстѣ копь ржи, а на поли жита посѣенного досыть; а въ городѣ пушечного пороху полбочки, а шиповъ годныхъ бочка. А тамъ ѣздилъ есми до Кузмина ставовъ глядѣти: ино въ Кузминѣ ставъ со млыномъ, але спущать его нельзя, а на Горинѣ ставъ, што небожчикъ Семень заставилъ, а ступа, а съ того млына идетъ на городъ мѣрки, тымъ млыномъ можетъ се городъ живити хлѣбомъ, а на спусъ добрый ставъ, а третій ставъ отъ города миля и млынъ на томъ ставу, а съ того млына тежъ на городъ жито везуть. А дани полтрети володы у Стожку; а мыта прійдетъ копь зъ двадцать на годъ; а у волости чоловѣвъ полчетвертаста, а на мѣстѣ дворовъ тридцать.

(Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 107, 108. Между документами 1480 г.).

№ 2.

Князю Костентину Крошинскому на дворъ Болваничи и волостку Бѣлицкую въ Смоленскомъ повѣтъ.

Господарь его милость великій князь казалъ въ книги записать, што просилъ въ его милости казначей Смоленскій князь Костянтинъ Крошинскій двора его милости въ Смоленскомъ повѣтѣ на имя Болваничъ а волости Бѣлицкое и съ тыми селцы Болваницкими и зъ людьми: селце Осташково, селце Ониконново, селце Василя Полуева,

селце Степанково, селце Совостьяновыхъ дѣтей, селце Глѣбково, селце Хомкино, селце Тычкиныхъ, селце Мочалково, а тотъ Мочалковъ непохожій Болваницкій, а селце Васильо на Городку, а селце Осташковское, а у Коли чотыри челоуѣки—Иванко а Якимко, а Окраецъ, а Остана Дунаевъ, — тыи не мають пашни ничего, дано имъ было дворное пашни немного, — селце Яковлево, што былъ тивуномъ за пана Ивана Вяжевича. А которыи люди на вроцѣ сѣдять: Яччикъ зъ братьею дають четверы колеса, Миколайко зъ братьею дають ушатки а ведра, Иванковы дѣти Бабина завѣдають землю боргую Болваницкую, селце Куркинское, на томъ посажонъ челоуѣкъ на жалобѣ. Слуги конныи: Игнатъ Есковъ, Моисей Ефановъ, Лапа, Курчъ, Воронинъ, Пашко Куприяновъ зъ братомъ, — тыхъ Куприяновыхъ посадилъ князь Михайло на дворной пашни, — а кузнецъ посажонъ на дворной пашни. Всихъ тыхъ людей Болваницкихъ двадцать и чотыри челоуѣки, а люди волныи, а дачей и поплинъ съ нихъ нѣтъ никоторыхъ. Бѣлицкїи селца, а съ тыхъ Бѣлицкихъ людей посощина хоживала подлугъ земли Смоленское обычая, а тымъ сельцомъ имена Бѣлицкимъ: Климъ Шевелевъ зъ братаничи, Апанасъ Мицковъ зъ братомъ, Олешко Головачовъ зъ братомъ, Дорохъ Ворошиловъ зъ братаничи, а селце Пыньково Малець у Бѣлику, Трухонъ Паньковъ, Гридко въ Дергнѣ зъ братомъ — тыхъ семъ тяглей, а люди непохожїи. Которыи люди вольныи: приказникъ зъ братомъ, Ананка въ Бѣлику, Гаврилко Сухоплачовъ, Сопронъ, Сопрыка, — тыхъ шесть челоуѣкъ, — а два слуги конныхъ, Клишныи а Кононовы. Ино со всехъ тыхъ людей Бѣлицкихъ дани грошовое пять копъ а одиннадцать грошей, а меду три кади а два пуды. А што запусѣло Кудинова тягль, Обухова, Одоньева, Матеейкова, Глѣбковыхъ, въ селцы Демьяновыхъ, а што Угримъ Москвитинъ держалъ двѣ тягли, Вареховское а Михалево, — и князь Ѳедоръ Мезецкїй тыи села былъ на себе увязалъ, и тыми разы тыи села зася въ Болваничомъ привернуты, — ино тыхъ пустыхъ осмъ тяглей, а дани съ нихъ бывало три копы и десять грошей, а меду семъ кадей и два пуды. А што князи Одоевскїи, князь Михайло а князь Ѳедоръ и matka ихъ, отписали дани на церкви: зъ Ворошиловыхъ двѣ кади а зъ Дергны за кадь меду копа грошей. И повѣдилъ князь Костянтинъ господару его милости, ижъ того болши нѣтъ, нижели такъ, какъ господару его милости онъ повѣдилъ. И его милость тотъ дворъ Болваничи и Бѣликъ со всямъ далъ и привилъемъ своимъ то ему утвердилъ. Писавъ у Вилни, іюнь 21 день, индиктъ I (1498 г.).

(Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 112).

№ 3.

Списание речей, въ Смоленску позосталыхъ по пану Юрью Глѣбовичу.

На память пану Миколоау Ильиничу, што есмо нашли въ Смоленску послѣ пана Юрѣя Глѣбовича. У городѣ ни въ свирнахъ, ни въ погребѣ, ни въ подклѣтѣхъ не нашли есмо ничего. Дворѣ городской на Ясеной: не нашли есмо ни у свирнѣ, ни у гумнѣ ничего; жита посѣяно 30 мѣръ и три мѣри, овса посѣяно 30 мѣръ безъ дву, ярицы 10 мѣръ, прешиницы 5 мѣръ, гречихи 4 мѣри; а животины 4 вола а двѣ коровѣ, а клячъ двое, овецъ 20, гусей 10 зъ молодыми, утичу 30, куровъ 30; челяди невольное 30. У городскомъ же дворцѣ въ Красномъ не нашолъ есми ни въ свирнѣхъ, ни въ гумнѣ ничего, жита посѣяно 20 мѣръ, овса 20 мѣръ, пшеницы 5 мѣръ, ярицы 6 мѣръ, гречихи 4 мѣри; животины 4 вола, коровы 2, гусей 11, утичу 30, куровъ старыхъ 10, а молодыхъ 30, свиней 3; челяди невольное мужиковъ и жонокъ 30 безъ одное. На Глушицы не нашли есмо въ дворѣ ни въ свирнѣхъ, ни въ гумнѣ ничего; жита посѣяно 17 четвертокъ, овса 22 мѣри, пшеницы 4 мѣри, ярицы 4 мѣри, ячменю мѣра, гречихи 3 мѣры; вола 2; ѣдучи пани зъ собою взяла овецъ 4, свиней 16, куровъ 30 зъ молодыми, гусей 17 зъ молодыми, кляча одна; челяди невольное мужиковъ и жонокъ тридцатеро безъ дву. У въ Ивановскомъ нашолъ есми челяди шестьдесятъ и трое; воловъ 8, коровы 3, овецъ 22, свиней 10, гусей старыхъ и молодыхъ 20 безъ одное, куровъ 16; жита посѣяно 70 мѣръ, ярицы 3 четвертки, пшеницы 8 мѣръ, ячменю 8 мѣръ, гречихи 3 мѣри, овса 41 мѣра, гороху полмѣри; людей тяглыхъ 30 чоловѣковъ безъ одного. У Максимовскомъ дворѣ нашолъ есмо челяди 30 безъ одного, воловъ 5, коровъ 3, телятъ 2, овецъ 6, кляча одна, свиней 12, гусей 11, утичу 3, куровъ 47, ржи посѣяно 60 мѣръ, овса 40 мѣръ, ярицы 15 мѣръ, пшеницы 6 мѣръ, гречихи 4 мѣры. У-въ Опецкомъ дворѣ не нашолъ есми ни въ свирнѣхъ, ни въ гумнѣ ничего; ржи посѣяно 60 мѣръ, овса 15 мѣръ, яри 9 мѣръ, пшеницы 4 мѣры, ячменю 2 мѣри, гречихи мѣра; челяди большое—мужиковъ 5 а жонокъ 6, дѣтей малыхъ 20; коровъ дойныхъ 4, вола ни одного, бычовъ лѣтошній одинъ, двое телятъ лѣтошнихъ, овецъ 20, гусей 4, утичу 20 зъ молодыми, куровъ старыхъ 5, а молодыхъ 20, свиней 6, поросятъ 8, кляча одна

блюдыга; а дѣвку пани взяла неволную теми разы безъ панского вѣдома; а людей 16 чоловѣковъ.

(Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 279, 280).

№ 4.

Инвентарь двора Биританского, съ чымъ королевоі ей милости подано.

На память, съ чымъ дворъ Бирштаны королевоі ее милости ся досталь, а увязываль ее милость князь Василій Полубенскій. Животины дворное знашолъ еси коровъ двѣ съ теляты, а чотыри безъ телятъ, воловъ десять, телятъ лонскихъ деватеро, а клячь семь, а свиной шесть, поросять деватеро, овецъ осмь, а коза, гусей осмь, куровъ пятеро; у свиряѣ десеть полтевъ, салъ трынадцать, а кунпей одинадцать, котель пивоварный; а жита чотыри стирты великіи, а пятая околоту, а шостое третина змолочено; а овса тры стирты великіи; а въ влуні гречихи сторона, а другая сторона овса почата молотити; ячменю стожокъ, а пшеницы стожокъ. Челяди невольное сто и осмеро душъ подъ Юркелевою рукою; осочниковъ двадцать и чотыри; подъ волостнымъ приставомъ Петромъ осмдесать служобъ, подъ приставомъ посельскимъ Мацвомъ девеносто и тры службы, подъ Римошомъ сто служобъ а пустовщинъ трыдцать и чотыри, подъ Меркусомъ шестьдесятъ и семь служобъ а пустовщинъ одинадцать, подъ Талисомъ сорокъ служобъ а пустовщинъ шесть, подъ Можелемъ семдесятъ и пять служобъ, а пустовщинъ девятнадцать, подъ Тимошемъ трыдцать и тры службы, а пустовщинъ пять, подъ Свинускимъ приставомъ подъ Мелкомъ трыдцать и пять служобъ.

(Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 217 Между документами 1503 г).

№ 5.

Инвентарь замку Витебского, съ чымъ подано пану Ивану Сопезъ.

На память мнѣ, Юхну. Какъ еси увязываль маршалка и секретара короля его милости пана Ивана Сопегу въ замокъ Витебскъ, нашолъ на городѣ двѣ пушки великихъ, што король лѣтось прислаль, ... шесть, кулекъ гаковничныхъ полчетвертадцать, а гаковницы ни одное, пороху пушечного двѣ бочки, а ручничного пороху полбочки, а треть бочки старого пороху, што были забиты пушки при Москвѣ, а селитри со два фунты, ошчеповъ двадцать безъ одного,

свинцу десять свиней, а десятая не цѣла, а пороху бочка, а два серпентыны,—то повѣдаютъ Юревы . . . . . А въ сирѣѣ огурковъ каждая, муки со двѣ бочки оржаное, угоричи два, вишець пять мясныхъ, двѣ . . . . . печенныхъ, ... а въ погреби ничего нѣтъ.

Тивунъ Лужосенскій Гридько повѣдалъ подъ собою людей тяглыхъ сорокъ чоловѣковъ; а въ дворцы вляча робочая одна, двѣ коровѣ а теля сеголѣтнее, овецъ 13 зъ молодыми, возъ осмь зъ молодыми, гусей 18 старыхъ и молодыхъ, вепръ одинъ; а челяди неволное--паробковъ 15 а жонокъ 5, а робять малыхъ пятеро; а въ гумнѣ жита стирта одна тридцать копъ, ячменю тридцать, пшеницы двадцать копъ, гороху два переплота, гречихи старое три корцы, арыцы 15 копъ, овса ничего нѣтъ, а жита посѣяно на поли тридцать корцовъ, пчоль четверы, а огородныхъ речей—того нѣтъ ничего.

Тивунъ Любашковскаго двора Гридько повѣдалъ подъ собою людей тяглыхъ тридцать и чотыри чоловѣки, а влячъ робочихъ двое, вошь одинъ, овецъ семеро, свиней трое, гусей двое, челяди неволное паробковъ осмь, а малыхъ робать двое . . . А въ гумнѣ жита стирта одна полсемадесять копъ, арыцы 11 копъ, ячменю 8 копъ, пшеницы 4 копы, овса 16 копъ, гречихи посѣяно 5 корцовъ,—ино то еще не жато, а жита на поли посѣяно 5 корцовъ; а пчоль 14 старыхъ, а въ пчолникахъ пятеры пчолы, а въ зачерничъ одны и вжо тыи пчолы полажоны,—и тотъ медъ, повѣдаютъ, панъ Юрій съ собою взялъ, ѣдучи зъ Витебска; а сѣна двадцать стиртъ безъ одное.

Тивунъ Илемницкій Юрько повѣдалъ подъ собою людей всихъ путныхъ и тяглыхъ, и конюховъ, и санниковъ, и нарочныхъ сто и двадцать чоловѣковъ, а челяди неволное паробковъ шесть, малыхъ робать девятеро, жонка одна; а вошь и иншіе животины и огородныхъ речей того нѣтъ ничего. А въ гумнѣ пшеницы пятьдесятъ копъ, жита съ корецъ, ячменю шестьдесятъ копъ; овса, гречихи, гороху—то тежъ ничего нѣтъ.

Тивунъ Селицкій Костечко повѣдалъ подъ собою людей тяглыхъ 15 чоловѣковъ, а челяди неволное паробковъ 8, а жонокъ 4, а въ гумнѣ жита стирта одна 30 копъ, пшеницы 3 копы, гречихи 12 корцовъ, а жита посѣяно на поли осмь корцовъ; вляча робочая одна.

(Литов. Метр. вн. Запис. VI, л. 261. Между актами 1506 г.).

№ 6.

Списокъ двора Перелайскаго.

Людей волостныхъ 100 и 60 чоловѣковъ; у гумнѣ жита а ни овса, ни яринъ—жадного куса нѣтъ; на поли посѣяно девеносто бо-

чоекъ овса; а въ дворѣ ни одного вола, только одна вляча старая; а въ дворѣ въ свирнѣхъ ничего нѣтъ. То писалъ Войтехъ Костибалчичъ въ тотъ часъ, коли Богуша писара увязывалъ въ тотъ дворъ.

(Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 261. Между актами 1506 г.).

№ 7.

Инвентарь Мелниціи.

Стецво Цыбулка переписывалъ въ Мелнику, што есть дворниа речи: у гумнѣ жита знаполь 8 стиртъ а 20 стоговъ жита зъ арицею; а быдла рогатого 40 безъ двойга, овецъ двое, коней 5, 15 гусей, а свиней 50 безъ двойга. А въ Носовѣ дворѣ жита 4 стоги а стирта, быдла рогатого 18, овецъ 26 а козъ 11, а свиней 20, а двое гусей, а куровъ 24, а 35 влячъ; а въ свирнѣ въ Носовѣ знаполь 10 плечъ а 4 сала, а 4 полти мяса, а 40 колбасъ безъ трехъ, а 3 скилонди, 11 поребрей, а полтора корца проса, а четверть сѣмени, четверть маку, 4 шины желѣза, 14 бчолъ живыхъ. А въ Лосевѣ у гумнѣ жита 20 стоговъ, быдла рогатого 16, овецъ 11, свиней 14, гусей 10, куровъ 7, влячъ три. А то побралъ панъ Юрій Рачко въ Мелнику до увязного: взялъ 14 корцовъ соли, 11 корцовъ овса, полдевета корца ржи и салъ, а котель смолницкій, што смолу варять, а муки корецъ, бочку квасу грушового, а бочку свеклы, стаповъ капусты, цибули 2 коробцѣ, а 4 бохи мяса, а 7 свиней. А послѣ пана Хедка въ Носовѣ взяла пани Рачковая 2 ведра меду, 15 рунъ волны, а 7 корцовъ пшеницы, 11 полтевъ мяса, 3 веіри живыхъ, 20 сыровъ, 2 горяцы масла, а бохъ мяса, а 5 корцовъ хмелю, а 3 десяти прадива, 3 бочки тощихъ.....

(Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 282. Среди актовъ конца княженя Александра).

№ 8.

Реистръ двора Волковыйского

Въ дворѣ у свирнѣхъ ничего нѣтъ; въ гумнѣ стирта жита, а въ ней шестьдесятъ копъ; а въ дворцы свиней 2, гусей семеро, утичу 3. Всего столько статку. На поли сѣено жита 9 бочокъ и двадцать.

Челедь неволная Волковыйская: Манаецъ подтивунъ—самъ четвертый зъ жоною и зъ дѣтми; Митипоръ—самъ третей зъ дѣтми; а братъ его Купрашъ; а Теренецъ а сынъ его Андреецъ; а Василецъ,

а Мартинець; а Омельянецъ—самъ третей и зъ сыни; Петранецъ—самъ четвертъ и зъ сыни; а Ѳедорець—самъ третей и съ сыни; а Онихимъ; а Ѳедець съ дѣтми. Жонки: Марья—сама третья зъ дочками; Ганица дѣвка. Всихъ паробковъ 10, дома живутъ, а робять 14; а бѣлое челеди 6.

То люди тягли Волевоыйскіи Лепуницкого десятка Ооанасова: десятникъ Ооонасъ—служба; Семень Никоновичъ—служба; Богданъ Кунцевичъ—служба; Иванъ Невирижичъ—служба; Ходоть Денисовичъ—служба; Петрашъ Тарасовичъ—служба. Съ тыхъ пяти служобъ идутъ 3 дякла, а въ дяклѣ по чотыры бочки жыта, а по чотыры бочки овса. Того всего съ тыхъ пяти служобъ 12 бочокъ жыта, а 12 бочокъ овса. А пустовщинъ его десятка 12.

А то люди тягли жъ Иванова десятка Велтюковского: Иванъ десятникъ; Супрунь Селивовичъ—служба; Неедь Василевичъ—служба; Мартинъ Иневичъ—служба; Купецъ Евкевичъ—служба; Меленець Тишковичъ—служба; Хомачъ Малооеевичъ—служба; Хомачъ Ооанасовичъ—служба; Янецъ Лукьяновичъ—служба; Игнатъ Мижовичъ—служба; Явинець Степановичъ—служба; Полуянъ Марковичъ—служба; Сомило Ремшычъ—служба; Грынецъ Курейтевичъ—служба; Иванецъ Манцевичъ—служба; Оксентей Горбачевичъ—служба; Каленъ Дорооеевичъ—служба; Иванъ Колодеевичъ—служба; Луеьянъ Жоравлевичъ—служба; Селивонъ Оратичъ—служба; Сенько Даниловичъ—служба; Панько Козньцевичъ—служба; Миць Матеевичъ—служба; Хрыншонъ Боршковичъ—служба; Янецъ Тинцевичъ—служба; Лапка—служба; Остапко—служба; Сенько—служба; Буйко—служба; Богданъ—служба; Марко Бордзиловичъ—служба; текунъ Кузьма Котовичъ—служба; Василецъ Броровицкій текунецъ—служба. Того Иванова десятка трыдцать служобъ и 3 службы и съ текунцы и съ приставомъ. А дяколь съ нихъ идетъ 30 безъ дякла. А пустовщинъ въ томъ десятку 13.

А то люди тягли десятника Лысовского: Иванъ Бондинъ самъ десятникъ—служба; Дашко Бондинъ—служба; Евсей Бондичъ—служба; Ерема Пинчуковичъ—служба; Андрей Пинчуковичъ—служба; Лавко Шаневичъ—служба; Мартинъ Охремовичъ. Въ томъ десятку 7 служобъ, а зъ нихъ идутъ 3 дякла. И пустовщинъ въ томъ десятку 2. Тыхъ всихъ людей тяглихъ съ приставы и текуны 40 служобъ и 6 служобъ.

То санники Волевоыйскіи, службы тяглое не служатъ, толко толоку служатъ, а сѣно косать, а на войну ходять, а дякла не даютъ: Олехъ Мичпоровичъ—служба; Онанья Онофреевичъ—служба; Мишко Бѣляшевичъ—служба; Купецъ Павлюкевичъ—служба; Степанецъ

Антипоровичъ — служба; Стець Тереховичъ — служба; Илья Мицевичъ — служба; Дешко Онофреевичъ — служба. Тыхъ санниковъ 8 служобъ.

А то бортники: Ланецъ Васковичъ — служба; Юнецъ Кгинеичъ — служба; а Игнатъ Свинчинъ — служба. Бортниковъ 3, службъ тяглое не служатъ и дякла не дають.

А то соленики Волковыйскіи, солю служатъ, по бочкѣ соли дають съ службы, а по тысячу головажень бѣлое соли, а къ тому на войну ходять зъ державцою, а службы тяглое не служатъ и дякла не дають: Яковъ Колодеевичъ — служба; Денесъ Жылинъ — служба; Василь Подчинъ — служба; Кудинъ Олександровичъ — служба; Головачъ — служба; Михалко Орловичъ — служба. Всихъ тыхъ солениковъ 9.

Сторожы Рудницкіи и Волковыйсого повѣту, службы тяглое не служатъ, декла дають, сѣно косятъ, на войну зъ державцою ходять: Юшко Великовичъ — служба; Антонъ Желѣзковичъ — служба; Кунецъ Мигачевичъ — служба; Доронъ Устьяновичъ — служба; Василь Жукевичъ — служба; Иванъ Юршкевичъ — служба; Иванъ Самсоновичъ — служба; Панкратъ Пашевичъ — служба; Микула Селивоновичъ — служба; Степанъ Ковалевичъ — служба; Ханецъ Пацевичъ — служба; Павелъ Кузмичъ — служба; Сенько Ескевичъ — служба; Микита Кливовичъ — служба; Хородъ Гайкевичъ — служба; Хотень Олехновичъ — служба; Нестеръ Кузевичъ — служба; Петрашъ Тереховичъ — служба. Тыхъ служобъ сторожовъ 18. Пилять а Грынецъ — съ тыхъ службы нѣтъ, голтяи. А дяколь дають 18, а по четыры бочки жыта въ дяклѣ, по четыры овса.

А то ковади, дають пороги къ двору, въ мѣстѣ живутъ, службы тяглое не служатъ а дякла не дають, зъ мѣстомъ подачки платятъ: Янъ Юнцевичъ, Янко Манчычъ, Олехно Андреевичъ, Ягубъ Головенка, Петръ Коровичъ, Яцко Мацутичъ. Всихъ 6 ковалевъ.

А то угольники, службу служатъ угольникеую, а дякла не дають, одно по вепру съ службы дають: Головенка — служба: Власъ Бакуновичъ — служба; Еско Ходотовичъ — служба; Степанъ Самсовичъ — служба.

А то рудники: Мишко Карповичъ — служба. А то клепацы, службу служатъ клепацкую, дякло дають, сѣно косятъ, на войну зъ державцою ходять, а службы тяглое не служатъ: Евлашъ Елиѳеровичъ — служба; Янъ Тишевичъ — служба; Митко Четырбоковичъ — служба; Яковъ Зезюличъ — служба; Воронъ Одерейковичъ — служба; Дешко Меленевичъ — служба; Кулбаха — служба; Грынько Еловичъ — служба; Иванъ Карповичъ — служба; Манецъ Половий — служба; Нееедъ Явовичъ — служба; Павелъ Постоловичъ — служба. Тыхъ клепацовъ 13 служобъ.

А то бобровники, службы тяглое не служат, дякло дають, сѣно косять, на толову ходять: Ячъ Коромановичъ—служба; Станько Милшынъ—служба; Сенько Яневичъ—служба; Мартинъ Ляховичъ—служба; Онася Савчынъ—служба; Мартинъ Ивашевичъ—служба; Якубъ Павловичъ—служба. Тыхъ бобровниковъ 7, а дякла зъ нихъ 3.

А всихъ дяколъ приходять семдесятъ дяколъ безъ дякла.

А рыболове рыбою служатъ, а дякла не дають: Андрей Петрашевичъ—служба; Мартынъ Грыцевичъ—служба; Жукъ Савичъ—служба; Демидъ Ждановичъ—служба..... Тыхъ рыболововъ 12 служобъ.

(Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 648—651. Среди актовъ Сигизмунда I).

№ 9.

*Реистръ попису дворовъ господарскихъ тивунства Виленского оstar-
вляенья пана Андрея Завишыча.*

У Вильни: паробковъ 12, жонокъ 7, волныхъ 4; въ гупнѣ околоту жытного 20 копъ; посѣяно жыта 30 бочокъ безъ 3. Въ Неменчынѣ: у дворѣ въ подклѣтѣ 2 бочки пива неполныхъ, хлѣба розходного бохоновъ 20, капуста 3 кади, въ свирнѣ полбочки жыта, муки 2 бочки; челяди неволное паробковъ 17, жонокъ осмъ; въ гупнѣ околоту жытного стирта, посѣяно жыта 75 бочокъ, сѣна стирта; москвичъ 7, на имя: Дербишъ Михайловичъ, Борысь Усовъ, Иванъ Кголинъ, Посникъ Юрневъ, Иванъ Оеонасовъ, Федоръ Палицынъ, Стомка Петровъ человекъ. Въ Ошвинтанѣхъ: въ дворѣ въ свирнѣ полбочки жыта, въ дворцы корова съ телемъ, свиней 5, поросять 7, вляча личкованная; челяди неволное паробковъ 17, жонокъ 10, въ гупнѣ околоту жытного 80 копъ, околоту овсяного 40 копъ, ячменю цѣлого 10 копъ, пшеницы 3 копы, гречыхи 5 копъ; посѣяно жыта 60 бочокъ, сѣна 4 стырты; Москвичъ 7 на имя Суморокъ Ногинъ.....

(Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 226. Между актами Сигизмунда, изданными въ началѣ 30-хъ годовъ).

Акты, изображающіе устройство мѣстнаго управленія, права и обязанности должностныхъ лицъ и отношенія къ нимъ мѣстнаго населенія.

№ 10.

*Листъ до намѣстника Торопецкого въ справѣ мѣщанъ Торопецкихъ
зъ старцомъ и съ подданными Старцовы волости.*

Намѣстнику Торопецкому пану Зеньку Евлашковичу и инымъ намѣстникомъ нашимъ, хто и напотомъ отъ насъ Торопецъ будетъ

держати. Смотрѣли есмо того дѣла: жаловали намъ мѣщане Торопецкіе и вси мужи Торопчане на старца Старцовое волости и на всихъ мужей, што перво сего отлучили были есмо ихъ отъ Торопца и листъ нашъ на то имъ заочный дали было,—тыми пакъ разы обои они, Торопчане и Старцова волость, стояли передъ нами очевидно и вказали передъ нами листъ отца нашего, короля его милости, Торопчане, што жъ былъ отецъ нашъ, король его милость, отлучилъ ихъ отъ Торопца, а потомъ зася ихъ прилучилъ къ Торопцу. Ино мы тыми разы вчинили межи ними такъ: старецъ Старцовое волости и мужи мають дворъ тивунскій тыми разы въ городѣ посполъ съ Торопчаны нарадити, а потомъ, коли тотъ дворъ любо згнѣтъ, а любо опадеть, а любо,—Боже, того не дай,—згорить,—тогда вже одинъ старецъ зъ мужми тотъ дворъ тивунскій мають радити на вѣки. А коли вышлемъ писара нашего къ Торопцу дани наше недополнкоу правити, и они мають на писара нашего станъ радити и стацьями его и подводами на полы съ Торопчаны поднимати, колко Торопчане дневъ, толко и Старцова волость, и тежъ, колко Торопчане подводъ дадутъ, толко и Старцова волость; а мають его поднимати и отлазити старецъ со всеми людьми въ томъ дворѣ тивунскомъ въ городѣ. А Торопчаномъ и соцкимъ Торопецкимъ не надобѣ въ нихъ вступатися, завѣдати ихъ старцу, а дань и серебщину, и тивунщину збирати самимъ имъ опрочъ Торопчанъ, а городъ имъ съ Торопчаны рубити и сторожу на городъ давати по давному; а судити ихъ и радити тобѣ, намѣстнику нашему Торопецкому, або тому таковому жъ, кому послѣ тебе дамо отъ насъ Торопець держати; а коли дамо отъ насъ Торопець держати тамошнему ихъ мѣщанину або волостному чоловіку Торопецкому, тому ихъ не надобѣ ни судити, ни радити: маеть ихъ судити и радити ихъ старецъ. И тежъ, кого вышлемъ коли серебщину наше на нихъ правити, и Торопчане мають двѣ доли серебщину платити и стацьями и подводами двѣ доли давати, а Старцова волость съ оброчники третью часть маеть платити серебщину и стацьями и подводами поднимати въ томъ же дворѣ тивунскомъ въ городѣ потому жъ, какъ и дань и серебщину, и тивунщину сами собою мають збирати и отлазити, а соцкимъ Торопецкимъ и Торопчаномъ въ то ся не вступати. А то есмо вчинили межи ними непорушно подъ нашою виною подъ сту рубли грошей и подлугъ листу отца нашего, короля его милости, и листъ есмо на то нашъ Старцовой волости дали. А што были есмо имъ перво того нашъ листъ дали, што были есмо ихъ отлучили отъ Торопчанъ, тотъ нашъ листъ зламали есмо имъ. Тежъ, што Торопчане того году стацьи на писара нашего давали, и што

имъ тое стацци и протору вышло, Старцова волость въ томъ имъ не мають помогати, бо они у своей волости такежъ писара нашего поднимали, а и впередъ послѣ того суда нашего не надобѣ имъ съ Торопчаны посполѣ стацци и проторовъ у волость метати: мають они особно свои стацци и проторы въ свою волость сами розметывати. Писалъ у Вильни Янушко.

(Литов. Метр. кн. Зап. VI, л. 107. Между актми 1498 г.)

№ 11.

Вырокъ межи старостою Мѣнскимъ княземъ Богданомъ Жеславскимъ а войтомъ и мѣщаны Мѣнскими о нѣкоторіе пожитки старостинскіе.

Александръ, Божью милостью. Смотрѣли есмо того дѣла: жаловалъ намъ намѣстникъ Мѣнскій князь Богданъ Ивановичъ Жославскій на войта Мѣнского, на бурмистровъ и радецъ и на всихъ мѣщанъ, што жъ мы дали имъ право нѣмецкое въ мѣстѣ Мѣнскомъ мѣти и два пенязи зъ винъ мѣстскихъ на насъ есмо взяли, а войтови третій пенязъ дали, и тыи два пенязи намѣстнику нашему князю Богдану есмо дали, и казали есмо войту, бурмистромъ и радцамъ намѣстника его при кождыхъ судѣхъ мѣстскихъ при собѣ мѣти; и они намѣстника его на судѣхъ при собѣ не хотѣли мѣти и тыхъ дву пенязей зъ винъ не хотѣли ему давати. И о томъ стояли передъ нами очевисто и мовили, и мы казали имъ тое право наше, которое жъ есмо имъ дали передъ нами положити. Ино въ томъ правѣ нашомъ стоитъ написано, што жъ войту намѣстника его при собѣ мѣти на всякихъ правѣхъ и съ каждое вины два пенязи давати, а третій пенязъ на войта. И мы, того досмотрѣвши, врядили есмо такъ: масть войтъ и бурмистры и радцы намѣстника его при собѣ мѣти при малыхъ судѣхъ и при великихъ, а безъ него не мають кождого дѣла судити; зъ великое вины мають намѣстнику нашему давати два гроши, а войту третій грошъ, а съ малое вины намѣстнику два пенязи, а войту третій пенязъ. Такежъ жаловалъ намъ, што жъ мѣщане не хотятъ млына городского оправляти и гребли сыпати по давному. И мы тое дѣло врядили подъ тою мѣрою: мають мѣщане тотъ млынъ городской робити и оправляти и дерево на тотъ млынъ возити и греблю сыпати подлугъ давного обычая. Тежъ жаловалъ намъ князь Богданъ, што жъ которыи ремесники-золотари, кравцы, кушнеры, ковали, чоботари и иньи ремесники подъ присудомъ городскимъ мешкають и на-

роги и серпы, и зацепки и сохѣры и инныя речы на дворъ нашъ дають, и тыи вси реместники войтъ и мѣщане за себе забрали. И мы, того досмотрѣвши, на тыи реместники казали есмо войту и рядцамъ пятнадцать дворовъ дати мѣстскихъ, гдѣ онъ маеть реместники мѣти, и гдѣ они ѣмають мешкати. Такежъ жаловалъ намъ: которыи злодѣи съ поличнымъ приводятъ до мѣста Мѣнскаго або которыи клячи а любо животина прибудная, то войтъ все собѣ биралъ, а ему, намѣстнику нашему, до двора нашего ничего не даивалъ. И мы подъ тою мѣрою встановили: войтови въ то ненадобѣ вступатися; маеть тое поличное и прибудное давано быти на дворъ нашъ ему, намѣстнику нашему. Тежъ, которыи люди мешкають подъ присудомъ городскимъ, тыи люди войтъ и мѣщане за себе были забрали въ право мѣстское. И мы того досмотрѣвши врядили такъ: которыи люди похотять съ права мѣстского пойти въ городской присудъ, тыхъ маеть намѣстникъ нашъ судити и радити, а войту и мѣщаномъ въ тыи люди не надобѣ вступатися. Такежъ приказали есмо войту, бурмистромъ и радцамъ и всимъ мѣщаномъ, ажбы намѣстника нашего послушны были въ нашихъ дѣлѣхъ потому, какъ и самихъ насъ; и если бы они не всхотѣли мѣстца нашего послушны быти въ нашихъ дѣлѣхъ, и въ тыи вряды въ намѣстничьи и въ пошлыны и доходы городскіе вступали ся, тогда заплатятъ намъ вины наше двѣстѣ рублевъ грошей. Писанъ у Вилни августа 17 день, индѣеть 2 (1499 г.).

(Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 143).

№ 12.

Богущу Боговитиновичу о бранѣ дани зъ волостей Подняпрскихъ и иншихъ русскихъ.

Намѣстникомъ нашимъ и старцомъ и всимъ мужомъ Подняпрскимъ и волостемъ нашимъ Свислоцкимъ, Любошанскимъ, Бобруйскимъ обѣма половицамъ, Виленское половицы и Троцкое, Кричевскимъ, Пропойскимъ, Чечерскимъ, Горвольскимъ, Рѣчицкимъ, Брагинскимъ, Мозырскимъ, Бчицкимъ. Што есте дани наше грошовое, бобровъ и куницъ не отнесли до скарбу нашего и меду прѣсного не отвезли до ключовъ нашихъ до Вилни, до Троковъ; а которыи зъ васъ хотя будутъ и дань нашу до скарбу нашего грошовую и бобры и куницы отнесли и медъ прѣснѣй до ключовъ нашихъ отвезли не сполна, гдѣ ся што будетъ у волостѣхъ нашихъ остало: и мы дн всихъ тыхъ дѣлъ послали тамъ до васъ на волости наши писара нашего, намѣстника Церелайскаго, Богуща Боговитиновича, и казали

есмо ему тую дань нашу на васъ сполна справити грошовую и бобры, и кунницы, и медь прѣсный, подлугъ давного обычая: за рубль грошей по двѣ копѣ грошей, а за бобра чорного по копѣ грошей, а за карого бобра по сороку грошей, а за кунницу по шести грошей и гдѣ не будетъ шерстью, а за вставъ меду прѣсного по чотыри рубли грошей, а за колоду по двѣ копѣ грошей И вы бы все сполна и зъ его доходомъ выдали конечно, по тому, какъ передъ тымъ бывало. А которые у васъ будутъ земли пустовскіе або люди голтайные, абы по собѣ роскинули, на болшого болшей, а на меньшого меньшей, какъ здавна бывало, абы ни одинъ грошъ дани наше у васъ не осталъ. Такежъ, которые промежъ васъ дѣла обидные будутъ кому о чемъ... до него будетъ, и мы казали ему жъ о томъ промежы васъ досмотрѣти и справедливость тому вчинити. Писанъ въ Мѣньску іюнь... день, индиктъ 3 (1500).

(Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329).

№ 13.

Потверженіе князю Василью Андреевичу Полубенскому на держанье замку Володимерского съ корчмами и со всеми доходы до живота его.

Жыегимонтъ, Божью милостью. Билъ намъ чоломъ намѣстникъ Володимерскій князь Василей Андреевичъ Полубенскій и клалъ предъ нами листы брата нашего щастное памяти Александра короля и великого князя на то, што жъ его милость пожаловалъ его, далъ ему тотъ замокъ Володимеръ держати съ корчмами и со всеми доходы намѣстничьими, и билъ намъ чоломъ, абыхмо его со того вряду не рушыли до его живота. Ино мы зъ ласки наше тымъ его пожаловали, съ тое данины брата нашего Александра короля его есмо не рушили и дали ему тотъ замокъ держати потому жъ и съ корчмами Володимирскими, и со всеми доходы намѣстничьими; а онъ маєть съ тыхъ пенязей корчомныхъ пушкари на томъ замку ховати. И не маемъ въ него того замку отнимати безъ вины до живота его. И на то есмо ему дали сесь нашъ листъ и зъ нашою печатью. Писанъ въ Мельнику въ лѣго 7015 (1507) мѣсеца генваря 6 день, индиктъ 10.

(Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 144, 145.)

14.

Листъ Миколаю Водынскому на судейство Дорогицкое по смерти Завишиной.

Жыегимонтъ, Божью милостью. Намѣстнику Дорогицкому пану Яну Стецковичу и всемъ паномъ и земляномъ Дорогицкого повѣту.

Билъ намъ чоломъ землянинъ Дорогицкій Миколай Водыньскій и просилъ насъ о тотъ врьдъ, о судейство земли Дорогицкое, а повѣдалъ намъ, што жъ дей судья Дорогицкій Завиша тыми разы велики немоцонъ. Ино, естли надъ Завишою Божья воля станеть ся, Богъ душу его съ того свѣта возметь,—и мы тотъ врьдъ судейство Дорогицкое по животѣ Завишинѣ ему дали со всимъ съ тымъ, какъ первые судьи тотъ врьдъ завѣдали, и вжо не маемъ иному никому мимо его того врьду давати. И на то есмо ему дали сесь нашъ листъ и зъ нашою печатью. Писанъ въ Луковѣ въ лѣто 7015 (1507) мѣсеца генвари 10 день, индиктъ 10

(Литов. Метр. кн. запис. VIII, л. 145).

15.

Приданье пану Юрью Монтовтовичу, воеводу Кіевскому, плату съ корчомъ Кіевскихъ и мыто Кіевское, также половицы плату съ корчмы Черкасское къ воеводству Кіевскому.

Жигимонтъ, Божью милостью король и великій князь. Што есмо дали воеводство Кіевское пану Юрью Михайловичу Монтовтовича отъ насъ держати, и для недостатку Кіевского, ижъ онъ маеть, на томъ замку нашомъ украинномъ мешкаючи, не малую суму слугъ ховати ку службѣ нашой, а поживити ся съ тыми слугами своими не маеть чимъ, придали есмо ему на поживенье къ воеводству Кіевскому платъ нашъ съ корчомъ Кіевскихъ и мыто Кіевское, кромъ оргиша, бо есмо тое мыто, што маеть быти отъ оргишовъ, на насъ выняли. Также придали есмо ему къ тому воеводству половицу плату нашого съ корчмы Черкасское отъ оного часу, какъ Дядко року своего додержитъ. И на то есмо ему дали сесь нашъ листъ и зъ нашою печатью. Писанъ въ Краковѣ марта 16 день, индиктъ 10 (1507 г.).

(Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 151).

№ 16.

Листъ воеводу Троцкому пану Миколаю Радивиловича—приданье ему къ воеводству Троцкому на десетъ лѣтъ дани и доходу писарского зъ державы Рудобльское въ повѣтъ Мозырскомъ.

Жигимонтъ, король и великій князь. Повѣдилъ передъ нами воевода Троцкій панъ Миколай Николаевичъ Радивиловича, што жъ дей даней некоторыхъ къ воеводству Троцкому къ своей живности не маеть, и просилъ насъ, абыхмо дали ему тую дань нашу, которая

намъ идетъ, и тежъ доходъ писарскій зъ Рудыхъ Бѣлокъ въ Мозырскомъ повѣтѣ въ Опчицкой волости на колко лѣтъ ку поживенью. Ино мы, видячы недостатокъ того воеводства, зъ ласки наше дали ему тую дань нашу зъ Рудыхъ Бѣлокъ грошовую и медовую, и бобровую, и куничную и зъ доходомъ писарскимъ, почовши отъ сего часу на десять лѣтъ ку его поживенью, и на то есмо ему дали сесь нашъ листъ зъ нашею печатью. Писана въ Городнѣ декабря 2 день, индиктъ 11. (1507 г.)

(Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 194).

№ 17.

Листъ, старцомъ и всей волости Бчицкой данный, зоставуючи ихъ при давной повинности а вызволяючи отъ всякихъ новыхъ тенжаровъ.

Жигимонтъ, Божью милостью король и великій князь. Били намъ чоломъ старецъ и вся волость Бчицкая о томъ, што жъ имъ намѣстники Мозырскіи кривды почали дѣлати и новины уводити въ той волости Бчицкой, намѣстника своего держать, а они дей того намѣстника его поднимають стацею и иными речьми, а въ томъ дей имъ кривда и тяжкость великая ся дѣеть, а здавна дей намѣстники Мозырскіи въ той волости Бчицкой намѣстниковъ своихъ не держивали, нишли дей, коли бывало намѣстникъ Мозырскій приѣдетъ въ году по полюдьє свое, и они на него сычивали носатку меду а по лишици даивали съ кожного дыму. Ино, коли имъ въ томъ тяжкость великая ся дѣеть, ижъ намѣстникъ Мозырскій намѣстника своего въ той волости ихъ Бчицкой держыть, и мы для таковое ихъ тяжести въ томъ имъ ласку нашу вчинили, вжо отъ тыхъ часовъ намѣстники Мозырскіи не мають въ той волости ихъ Бчицкой намѣстниковъ своихъ держати, нишли маеть къ нимъ намѣстникъ Мозырскій посылати въ тую волость Бчицкую по полюдьє въ каждый годъ, а они мають полюдьє ему давати по старому, какъ передъ тымъ было. А которы новины будутъ имъ вчинили Михайло Гагинъ и Якубъ Ивашенцовичъ въ тотъ часъ, какъ отъ насъ Мозыръ держали, ино тыхъ повинъ вжо имъ не надобѣ знати. Писанъ въ Краковѣ мѣсеца декабря 13.

(Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 324. Между актами 1509 г.)

№ 18.

Привилей воеводѣ Новгородскому пану Яну Яновичу Заберезинскому—приданье ему къ тому воеводству Новгородскому городничое и конюшое Новгородское.

Жигимонтъ, Божью милостью король Польскій. Билъ намъ чоломъ воевода Новгородскій панъ Янъ Заберезенскій, абыхмо тыи врьдци городничое а конюшое Новгородскіи ему къ воеводству дали, а онъ подвезался намъ о приѣханьи нашомъ къ Новугородку поднати насъ стадеєю всякою на кухню нашу и на оброки, а конемъ сѣна и овса достатокъ дати, пока тамъ въ Новѣгородѣ будемъ мешкати, а къ тому рекъ намъ замокъ Новгородскій оправити. Ино мы его тыи врьдци городничимъ а конюшимъ пожаловали къ воеводству Новгородскому, а онъ маеть намъ достатокъ стацей дати подлѣ вышенписаного приреченья своего. Писанъ въ Петриковѣ февраль 30 день, индикеть 13 (1510 г.).

(Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 339.)

№ 19.

Привилей пану Юрью Ивановичу Ильинича на старостю Берестейское съ ключомъ Берестейскимъ по смерти пана Виленского князя Александра Юрьевича.

Жигимонтъ, Божью милостью король. Чинимъ знаменито снмъ нашимъ листомъ. Билъ намъ чоломъ маршалокъ нашъ, намѣстникъ Лидскій, панъ Юрьи Ивановичъ Ильинича, абыхмо по животѣ пана Виленского, старосты Берестейского, князя Александра Юрьевича пожаловали, дали ему тотъ врьдъ замокъ намъ Берестей отъ насъ держати съ ключомъ. Ино, естли бы ся Божья воля стала надъ паномъ Виленскимъ, старостою Берестейскимъ, княземъ Александромъ Юрьевичемъ, по животѣ его дали есмо тотъ врьдъ замокъ нашъ Берестей и ключъ Берестейскій отъ насъ держати пану Юрью Ивановичу Ильинича со всимъ съ тымъ, какъ тотъ замокъ нашъ и ключъ отъ насъ держалъ князь Александро Юрьевичъ. А онъ вжо намъ отъ того чоломбитья далъ сто золотыхъ; а какъ маемъ ему въ тотъ замокъ Берестей увязанье дати, тогда панъ Юрьи Ильиничъ маеть намъ двѣсти волотыхъ еще дати. И на то есмо дали ему сесь нашъ листъ съ нашою печатью завѣсистою. Писанъ въ Краковѣ лѣта Божьего тысяча пятьсотъ десятого мѣсеца мая 4 день, индикеть 13.

(Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 346.)

№ 20.

Привилей пану Богушу Боговитиновичу на держанье двора Довки до его живота.

Жиегимонтъ, Божью милостью король Польскій. Билъ намъ чоломъ писаръ нашъ, намѣстникъ Довговскій, панъ Богушъ Боговитиновичъ, што жъ братъ нашъ, славное памяти Александръ король его милость, далъ ему городничое Троцкое да его живота, и листъ свой подъ завѣсистою печатью на то ему далъ, а потомъ и мы водлѣ листу брата нашего и нашъ листъ на то ему дали, ижъ не мяли есмо его съ того вряду рупати,—на што жъ онъ отпустилъ его милости брату нашему сто копъ широкихъ грошей, а далъ семдесятъ золотыхъ, какъ же и въ листѣ брата нашего выписано: естли бы мѣлъ въ него тотъ вряду городничое взяти, и его милость мялъ ему тую суму пенязей и золотыхъ отложити. А потомъ мы тое городничое взяли къ нашимъ рукамъ и обернули, гдѣ наша воля была, а ему есмо дали дворъ нашъ Жижмору; и онъ и тотъ дворъ Жижмору намъ спустил и долгъ брата нашего намъ отпустилъ и билъ намъ чоломъ, абыхмо ему напротивку тотъ дворъ нашъ Довки, который жо былъ въ него у заставѣ въ тысячи золотыхъ, дали ему въ держанье до его живота, который жо есмо дворъ нашъ съ тое сумы выняли и ему за то досыть вчинили. Ино мы, бачачи его таковую повольность и вѣрную службу къ намъ, зъ ласки наше то есмо вчинили, тотъ нашъ дворъ Довки ему есмо дали до его живота въ держанье, ижъ не маемъ его съ того рупати и нивому иншому мимо его того двора давати; пакъ ли жъ быхмо хотѣли его ласкою нашою лѣпшимъ держаньемъ осмотрити, тогда напередъ маемъ ему лѣпшое держанье давши, и тотъ дворъ Довки къ нашимъ рукамъ взяти. А што ся дотычетъ доходовъ и иншихъ платовъ, што передъ тымъ зъ Довкговъ на насъ хоживало, то онъ вжо маеть къ нашимъ рукамъ давати. А для лѣпшого свѣдомья и большое твердости и печать нашу казали есмо привѣсити къ сему нашему листу. Писанъ въ Краковѣ іюль 2 день, идиеть 13 (1510 г.).

(Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 371).

№ 21.

Привилей пану Сенку Полозовичу на держанье замку Вручого зъ мѣстомъ и зо всимъ до живота его.

Жиегимонтъ, Божью милостью король. Чинимъ знаменито сямъ нашимъ листомъ, ижъ бачачи пильную, вѣрную а накладную службу

намѣстника Вруцкого пана Сенка Полозовича, пожаловали есмо его, дали ему замокъ нашъ Вручій зъ мѣстомъ и зъ людьми и съ тивунствомъ Вруцкимъ держати со всимъ по тому, какъ первыи владники наши держивали до его живота. А што се тычетъ корчомъ Вруцкихъ, перво сего тыми корчмами пожаловали были есмо бояръ и мѣшчанъ Вруцкихъ и писали есмо къ нимъ, абы они, вживаючи тыхъ корчомъ, мѣли сторожу на поли отъ поганства татаръ; и они съ того намъ не подняли, съ тыхъ корчомъ Вруцкихъ полное жадное сторожи отъ поганства держати. Ино мы, тыи корчмы вземши зъ ихъ рукъ, прилучили есмо тежъ къ намѣстничеству Вруцкому и дали есмо ихъ пану Сеньку къ замку нашому, и не маемъ въ него того замку и корчомъ Вруцкихъ безъ великого его выступу отняти до его живота; а онъ намъ подвизался съ тыхъ корчомъ сторожу въ поли отъ поганства татаръ завжды держати и тежъ пушкаря на замку нашомъ Вруцкомъ своимъ накладомъ ховати. А на твердость того и печать нашу казали есмо привѣсити къ сему нашому листу. Писанъ въ Краковѣ лѣта Божьего тысяча пятьсотъ десятого мѣсеца ноября 23 день, индиктъ 14.

(Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 406, 407).

№ 21.

Листъ пану Венславу Костевичу, маршалку, на держанье двора Дорсунишскъ зъ волостью до живота.

Жикгимонтъ, Божью милостью король. Ко всимъ бояромъ и слугомъ путнымъ, и мѣшчаномъ, и людемъ волостнымъ Дорсунишского двора. Дали есмо тотъ дворъ Дорсунишскій и зъ волостью отъ насъ держати маршалку нашому пану Венславу Костевичу со всимъ съ тымъ, какъ тотъ дворъ первыи владники наши отъ насъ держивали; а онъ маеть намъ тотъ дворъ справати и люди садити, а мы, видячи его таковую послугу, тотъ дворъ Дорсунишскій ему есмо дали до его живота. И не маемъ его съ того раду рупати безъ его вины. И на то дали ему сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ въ Краковѣ декабрь 18 день, индиктъ 14 (1510 г.).

(Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 409).

№ 22.

Потверженье Васку Дашковичу на городничство Ковеньское до живота его.

Жикгимонтъ, Божью милостью король. Билъ намъ чоломъ городничій Ковеньскій Васко Дашковичъ о томъ, што есмо дали ему го-

родничое Ковенское отъ насъ держати для того, ижъ онъ намъ подвезался тотъ замокъ нашъ Ковенъ оправляти муромъ и деревомъ, а што на то пенязей своихъ выложить, ты пенязи маешь онъ собѣ vybrati съ ворчомныхъ пенязей Ковенскихъ;—и билъ намъ чоломъ, абыхмо его съ того враду не рушили до живота его. И но, коли будетъ онъ плененъ ку оправливанью того замку нашего, а справоватися въ томъ враду гораздо, мы безъ его вины не маемъ его съ того враду рушити до живота его. И на то есмо дали ему сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ въ Петровѣ генварь 11 день, индиктъ 14 (1511 г.).

(Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 411, 412).

№ 23.

Устава писана какъ по всемъ дворомъ Виленского повѣта, такъ и Троицкого.

Намѣстнику Мѣдницкому князю Василью Семеновичу Жылинскому. Какъ есмо сѣли на отчизнѣ нашой, у великомъ князствѣ Литовскомъ, по тыи лѣта ты и иншии вradники наши, которыи отъ насъ дворы держать, нивоторыхъ доходовъ а ни пожитковъ съ тыхъ дворовъ нашихъ и до того часу не дають, и оборочаете кождый ку своему пожитку, а не къ нашему господарскому. И мы по всемъ дворомъ нашимъ Виленского повѣта такъ установили и хочомъ то мѣти:

Напервѣй, коли будемъ у Мѣдникахъ, тогда ты маешь насъ всякими стацеями поднимати, какъ было за отца и брата нашего, королевъ ихъ милости. А коли быхмо казали тобѣ стацею давати намъ до Вилни або гдѣ индѣ, або на войну за нами везти, тогда ты, вradникъ нашъ, маешь тую стацею до насъ провадити безъ замѣшканья по тому, по чому будетъ и передъ тымъ здавна за предковъ нашихъ тое стацеи даввано, и какъ со всехъ людей нашихъ у волости Мѣдницкой будетъ.

И ты, вradникъ нашъ, маешь колько ровумѣючи людей на пашни отставити, которыи бы еси мѣлъ достаточне пашню нашу запахати, а иншихъ маешь на пенязѣхъ осадити и, съ кождого чоловѣка по копѣ грошей въ годъ (беручы), и тыи бы еси пенязи въ кождый годъ давалъ до скарбу нашего, а дякла до городничого нашего подлугъ давного обычая; иншии всякii доходы наши мають намъ тыи люди давати и на толоку зъ волостью, какъ будетъ обычай ходити.

А волко будетъ соляниковъ въ томъ дворѣ нашоу, и ты маешь колко соляниковъ на дворъ нашъ отставити и соль зъ нихъ брати

подлѣ обычая, чимъ бы еси мѣлъ въ томъ дворѣ нашомъ на годъ обойтися; а зъ иншихъ маешь за соль пенязми брати и до скарбу нашего давати.

А ковалевъ тѣже маешь съ потребу на дворъ нашъ отставити, а иншихъ маешь на вродѣ осадити и, съ нихъ пенязей съ каждого по копѣ грошей беручы, и до скарбу нашего давати; и бобровниковъ такъ же, што бы было ихъ назвышь потребы ку службѣ бобровницкой.

И корчомныи пенязи съ того двора нашего выняли есьмо къ нашему господарскому пожитку.

Такъ же и жыта и всякїи ярыны, которыи коли будутъ въ томъ дворѣ нашомъ посѣяны на пашни дворной и на земляхъ пустовскихъ, напередъ, какъ пожоншы, маеть от дано быти десятина тамъ, гдѣ будетъ съ того двора нашего на который востель давано; такъ же и челяди нашей неволной мѣсячина весь годъ маеть от дана быти; а потому зъ жыта и зъ ярынѣ, со пшеницы и зъ овса, и зъ ячменю, и зъ гречыхи, и съ проса и зъ иншихъ ярынѣ всякихъ огородовыхъ, и съ сѣна нашихъ сѣножатей выймуемъ на насъ двѣ части, а тобѣ, державцы, маеть быти третья часть; и ты двѣ части зъ жыта и зъ ярынѣ всякихъ, которыи на насъ, мають быти ставены въ гумнахъ нашихъ; а не маеть порушоно быти безъ нашего вѣдома и росказаня господарского.

А озера вси, колео будетъ въ томъ дворѣ нашомъ, мають быти къ нашему пожитку, кромѣ того, што бы ты, врадникъ нашъ, собѣ на пожитокъ слушного съ нихъ рыбы взялъ.

А лень зъ волости маеть тивунъ выбравши и челяди неволной дати робити скатерти и полотна, и што увѣдоме скатертей и полотень выробать, то маеть сполна давано быти въ каждый годъ до королевое наше еи милости подѣ твоимъ вѣдомомъ, врадника нашего, какъ бы намъ въ томъ шкодо не было.

А вышныи доходы и пожитки наши господарскїи и што здавна оттоль хоживали, которыи въ томъ листѣ нашомъ не стоятъ выписаны, и нинѣ мають быти намъ даваны по давному.

А ты, врадникъ нашъ, такъ же свои доходы, которыи здавна хоживали на врадниковъ, кромѣ новинъ уставленныхъ, и нинѣ мають быти даваны тобѣ.

А вины всякїи, малыи и великїи, на насъ выймуемъ: маешь ты вси вины ты, врадникъ нашъ, давати на насъ, кромѣ своего повинного и прометного.

А маеть тивунъ жыта и ярыны, которыи у гумнѣхъ на насъ двѣ части поставять, и тежъ вины малыи и великїи завѣдати, и какъ

писаря нашего пошлемъ тамъ того всего пописывати, и тивунъ маеть ему то все повѣдати справедливе.

А пры судѣ кождомъ маешь ты и безъ тебе вранникъ твой тивуна мѣти съ собою.

А мимо старыну и тую-то нашу уставу не маешь ты людемъ нашимъ никоторое кривды и новины чинити. И маешь ся справовати во всемъ по тому, какъ въ томъ листѣ нашомъ выписано, для чего жъ сами казали и печать нашу приложить къ сему нашему листу. Паеъ ли бы еси такъ, какъ въ томъ листѣ нашомъ выписано, не справоваль, мы тотъ дворъ нашъ дадимъ тому, хто маеть нашо розказанье и волю полнити. Писанъ у Вилни марта 28 день, индикеть 2 (1514 г.).

(Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583).

№ 24.

Присяга пана Юрья Андреевича, воеводы Смоленского, послана Собожичемъ Федоромъ.

Я, Юрья Андреевичъ, воевода Смоленскій, присегаю Богу и Пречистой Его Матери и всимъ светымъ наживотворящій крестъ, што жъ господаръ король и великій князь Жигимонтъ его милость пожаловаль, далъ ми воеводство Смоленьскде, замокъ Смоленскій на себе держати: и я маю его милости господару моему вѣрне и справедливе служити и индѣй нигдѣ не маю ся склоняти.... и маю на господаря его милости Жигимонта, короля Полского и великого князя, тотъ замокъ держати и его до горла моего боронити и никому не подавати, толю ему, господару моему приржоному. А што вѣдати буду на кого-колвекъ, што бы было ку господарьскому и земли тое, великого князства Литовского, шедному вмышлено або справено, мнѣ того боронити и господарю вѣдати и знати дати, какъ есть у правдѣ. А если бы ся надъ господаремъ Божья воля стала, его жъ Боже вховай, и я маю тою жъ мирою вѣрне а справедливе тотъ замокъ на дѣти его милости, господаря моего, къ великому князству Литовскому держати, какъ и на самого его милость, и во всемъ дѣтемъ его милости службу и вѣрность маю полнити, какъ и самому его милости господару. Если пополню, Боже ми помози; а если не допозню, побій мнѣ въ души и въ тѣлѣ моемъ въ сей вѣкъ и въ будущій. Мѣсеца априля 9 день, индикеть 2 (1514 г.).

(Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 253, 254).

№ 25.

Заставной листъ короля Сигизмунда I пану Богушу Боговитиновичу на дворъ Довкви.

Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрѣть або чтучи его вслышитъ, кому будетъ потребъ того вѣдати, што есмо дали маршалку и писарю нашему пану Богушу Боговитиновичу дворъ нашъ у Троцкомъ повѣтѣ Довкви отъ насъ у держанье и листъ нашъ на то есмо ему дали, ижъ не маемъ его съ того двора нашего рушати до его живота;—нижли тыми разы, будучи намъ съ панырадами нашими на соймѣ Берестейскомъ, взяли есмо въ него шестьсотъ копѣ грошей литовское монеты по десяти пенязей въ грошъ, которыми жъ пенязми служебнымъ платили есмо имъ за ихъ службу, и въ тыхъ пенязѣхъ заставили есмо ему тотъ же дворъ нашъ Троцкого повѣту Довкви зъ мѣстомъ и со всеми людьми нашими Довговскими данными и тяглыми, и съ конюхи, и зъ лейти, и съ конокорицы, и со всеми ихъ службами, и зъ даньми грошовыми и медовыми, и съ борчомными пенязми, и зъ дяблы съ оржаными и овсяными, и зъ сѣномъ подякольнымъ, и съ пентиники, и съ колодиною, и ставы и зъ млыны, и съ озеры, и со всеми иными поплатвы и пожитвы, которыи зъ мѣста и зъ волости Довговское на насъ хоживали, и со всемъ съ тымъ, какъ тотъ дворъ на насъ держанъ. А панъ воевода Троцкій не маеть въ тую волость дѣцвыхъ своихъ вслати, а ни тежъ тое волости повѣта Довговского людей не маеть судити; и вжо и вриядники наши Троцкіе: городничій, тивунъ и ключникъ, не мають ни по што у волость того двора нашего вслати и доходовъ нашихъ и своихъ тежъ не мають правити; нижли маеть онъ съ того двора нашего въ каждый годъ намъ давати по шестидесять бочокъ жита а по шестидесять бочокъ овса, а по шестидесять возъ сѣна. А мезлева сполна—яловицы и вепры и иныи речи—маеть съ тоей волости намъ давана быти каждый годъ подлугъ давного обычая; а коли приѣдемъ до Довговъ онъ маеть насъ поднимати стацями подлѣ давности и подводы подъ насъ зъ мѣста и зъ волости давати по давному. А што будетъ на тотъ часъ въ томъ дворѣ нашемъ жита и ярого въ гумнѣ и на поли посѣяного и животины и иныхъ речей, то есмо рассказали пописати и тыи списки въ себе въ цѣлости заховати воеводѣ Троцкому, маршалку нашему дворному пану Григорью Станиславовичу Остиковича. А што ся дотычетъ бояръ повѣта Довговского, онъ маеть ихъ судити по давному. А маеть онъ тотъ дворъ со всемъ съ тымъ,

какъ выше въ томъ нашемъ листѣ выписано, держати, пока ему тую шестьсотъ копъ грошей отдамо, а не отдавши ему тоѣ верхуписаное сумы пенязей, не маемъ его съ того двора нашего рушити до его живота подлѣ нашего листу, который есмо перво сего на то ему дали; нижли по той заплатѣ нашей маеть онъ тотъ дворъ нашъ отъ насъ къ нашей рудѣ держати по тому, какъ и первѣй сего, а тыи платы и доходы верхуписаные вжо мають на насъ быти; а естли Божья воля станеть надъ нимъ, а мы ему тыхъ пенязей не заплатимъ, ино жона и дѣти его мають тотъ дворъ держати дотолѣ, пока тежъ тыи пенязи мы имъ заплатимъ, а не отдавши тыхъ пенязей не маемъ въ нихъ того двора нашего зъ рудъ выимати. А на твердость тыхъ всихъ вышеписаныхъ речей и печать нашу казали есмо привѣсяти къ сему нашему листу. При томъ были панове рада наша: князь Войтехъ, бискупъ Виленскій, а князь Павелъ, бискупъ Луцкій и Берестейскій; воевода Виленскій, канцлеръ, панъ Миколай Миколаевичъ Радивиловича; панъ Виленскій, гетманъ, староста Луцкій, Бра-славскій и Вѣницкій, маршалокъ Волинское земли, князь Костен-тинъ Ивановичъ Острозскій; воевода Троцкій, маршалокъ дворный, панъ Григорій Станиславовичъ Остиковичъ; панъ Троцкій, староста Жомонтскій, панъ Станиславъ Яновичъ Заберезенскій; маршалокъ зем-скій, державца Слонимскій, панъ Янъ Миколаевичъ Радивиловича; подчашый, староста Городенскій, панъ Юрьи Миколаевичъ Радивило-вича; воевода Новгородскій, староста Дорогицкій, панъ Янъ Яновичъ Заберезенскій; маршалокъ, староста Берестейскій, панъ Юрьи Ива-новичъ Ильинича и вси панове рада великого князства Литовского. Писанъ у Берестыи лѣта Божьего тысяча пятьсотъ шостогонадцать мѣсеца генваря 5 день, индиктъ 4.

(Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 110).

№ 26.

Заставной листъ короля Симзмунда I пану Миколаю, старостичу Жомонтскому, на дворъ Оникиты.

Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмо-трить або чтучи его услышитъ, нынѣшнимъ и потомъ будущимъ, кому будетъ потребъ того вѣдати, што жъ взяли есмо ку нынѣшней нашей великой и земской потребѣ, будучи на соймѣ Берестейскомъ, у дер-жавцы Оникитинского у пана Миколая, старостича Жомонтского, тысячу копъ грошей литовское монеты по десяти пенязей въ грошъ, а въ тыхъ пенязѣхъ заставили есмо ему дворъ нашъ Виленского по-

вѣта Овнѣшты и зъ мѣстомъ и со всеми людьми Овнѣштынскими данными и тяглыми, и конюхи, и зъ лейти того двора нашего, и со всеми службами, и зъ даньми грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными, и съ корчомными пенязьми, и зъ дяблы рженными и овсяными, и съ сѣномъ подякольнымъ, и съ пентиниби, и съ колодиною, и съ ставы и зъ млыны, и съ озеры, и со всеми иными платы и пожитки, которыи зъ мѣста и зъ волости Овнѣштинское на насъ хоживали, и со всемъ съ тымъ, какъ тотъ дворъ на насъ держанъ былъ, ничого на насъ не выимуючи. А бояръ нашихъ Овнѣштинскихъ маеть онъ судити, какъ и передъ тымъ. А панъ воевода Виленскій не маеть у тую волость дѣцкихъ своихъ всылати; и жо врадники наши Виленскіи: городничій, тивунъ, ключникъ, не мають ни по што у волость того двора нашего всылати и доходовъ своихъ тежъ не мають правити; нижи маеть онъ съ того двора нашего въ каждый годъ намъ давати по сту бочокъ жита а по сту бочокъ овса, а спижу великоденную и колядную—яловици и бораны и иншии речмають съ того двора на насъ даваны быти въ каждый годъ по давному. Какъ пріѣдемъ до Овнѣшты, онъ маеть насъ стацеями поднимати и подводы подъ насъ зъ мѣста и зъ волости давати подлугъ давного обычая. А што будетъ на тотъ часъ въ томъ дворѣ нашемъ жита и ярого въ гумнѣ и на поли посѣяного и животины и иныхъ речей, то есмо рассказали пописати и тыи списки въ цѣлости захватити воеводѣ Виленскому, канцлерю нашему, пану Миколаю Миколаевичу. И коли ему тую суму пенязей отдадимъ, онъ маеть тежъ того двора намъ ся поступити со всемъ съ тымъ, съ чимъ будетъ въ насъ взялъ. А маеть онъ тотъ дворъ нашъ со всемъ съ тымъ держати до тыхъ часовъ, поки мы тыи пенязи тысячу копъ грошей ему отдадимъ; а не отдавши ему тое верхуписаное сумы пенязей сполна, не маемъ зъ рувъ его того двора нашего выимывати; а если ся надъ нимъ Божья воля станеть, ино жона и дѣти его мають тотъ дворъ держати дотолѣ, поки мы тежъ имъ тыи пенязи сполна заплатимъ; а не отдавши тыхъ пенязей не маемъ того двора зъ рувъ ихъ брати. А на твердость того и печать нашу казали есмо привѣсити къ сему нашему листу. Писанъ у Берестыи лѣта Божьего тысяча пятьсотъ 16, мѣсеца генваря 7 день, индиктъ 4. При томъ были: князь Войтехъ, бискупъ Виленскій, а князь Павелъ, бискупъ Луцкій; воевода Виленскій панъ Миколай Миколаевичъ Радивиловича; панъ Виленскій, гетманъ, староста Луцкій, маршалокъ Волинское земли, князь Костентинъ Ивановичъ Острозскій; воевода Троцкій, маршалокъ нашъ дворный, панъ Григорій Станиславовичъ Остиковича; панъ Троцкій, ста-

роста Жомойтскій, Станиславъ Яновичъ; маршалокъ земскій, державца Слонимскій, панъ Янъ Николаевичъ Радивиловича и инши панове рада.

(Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 156).

№ 27.

Заставной листъ короля Сигизмунда I пану Якубу Кунцовича на дворы Лепунь и Волкиники.

Чинимъ знаменито сямъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ або чтучи его услышитъ, нынѣшнимъ и напотомъ будучимъ, кому будетъ потребъ того вѣдати, што жъ взяли есмо ку нынѣшней нашей великой потребѣ и земской въ конюшого нашего дворного и Троцкого, намѣстника Волкиницкого и Лепуньского, лѣсничого Городенского, пана Якуба Кунцовича четыреста копъ грошей литовское монеты по десяти пенязей въ грошъ, а въ тыхъ пенязѣхъ заставили есмо ему два дворы нашихъ Троцкого повѣту, Лепунь а Волкиники, зъ дворцы зъ Нарвидишками а зъ Начишками и зъ мѣсты тыхъ дворовъ нашихъ, и зъ людьми данными и тяглыми, и конюхи, и зъ лейти, и зъ дойлиды, и съ кузнецы, и зъ осочники и со всеми ихъ службами, и зъ данymi грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными, и съ пенязми корчомными, и зъ дякы ржаными и овсяными, и зъ сѣномъ подъяольнымъ, и съ колодиною, и зъ ставы, и зъ млыны, и съ озеры, и со всеми платы и пожитыи, которыи зъ мѣсть и зъ волостей тыхъ дворовъ нашихъ на насъ хоживали, и со всемъ съ тымъ, какъ тыи дворы наши на насъ были державы. А пуцу нашу Волкиницкую и Лепуньскую маеть панъ Якубъ отъ насъ завѣдати, какъ и передъ тымъ. А бояръ нашихъ повѣту Лепуньского и Волкиницкого маеть онъ судити, какъ и передъ тымъ. А панъ воевода Троцкій въ тыи волости не маеть дѣцкихъ своихъ всылати; и вжо вранники наши Троцкїи: городничій, тивунъ и ключникъ, не мають у волости тыхъ дворовъ нашихъ всылати и доходовъ своихъ тежъ не мають правити. И коли приѣдемъ до тыхъ дворовъ нашихъ, тогда маеть онъ насъ стаціями поднимати и мезлевою, бо есмо тую мезлеву дали ку его рукамъ для того, коли мѣшкаемъ въ тыхъ дворѣхъ нашихъ для лововъ, абы онъ насъ тою мезлевою поднималъ. И коли ему тую суму пенязей, чотыриста копъ грошей, за тыи дворы наши отложимъ, тогда маеть онъ тыхъ дворовъ нашихъ намъ ся поступити со всемъ съ тымъ, съ чимъ будетъ взялъ, а не отдавши ему тое

сумы пенязей не маемъ у него тыхъ дворовъ нашихъ зъ рукъ его выимати; а естли ся надъ нимъ Божья воля станеть, ино жоны и дѣтей ихъ не маемъ съ тыхъ дворовъ нашихъ рушати до тыхъ часогъ, поки мы имъ тую суму пенязей отложимъ. А на твердость того и печать нашу казали есмо привѣсити къ сему нашему листу. Писанъ у Берестьи мѣсеца генваря 25 день, индиктъ 4 (1516 г.).

(Литов. Метр. Запис. IX, л. 157, 158).

№ 28,

Листъ пану Богушу Боговитиновичу на Каменецъ и на суму тысячу копъ грошей, на немъ внесеную, до отданья тое сумы до живота его.

Жыгмонтъ, Божью милостью король Полскій, великій князь Литовскій, Рускій, князя Пруское, Жомойтскій и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотреть або чтучи его слышати, кому будетъ потребъ того вѣдати. Какъ будучи намъ въ паньствѣ нашемъ великомъ князьствѣ Литовскомъ на соймѣ въ Берестьи со всеми панами радами нашими великого князьства Литовского какъ духовными, такъ и свѣтскими, взяли есмо къ потребѣ нашей и земской въ маршалка и писаря нашего, намѣстника Довжтовского, пана Богуша Боговитиновича шесть сотъ копъ грошей литовское монеты, которыми жъ пенязми служебнымъ есмо за ихъ службу, которую у великомъ князьствѣ Литовскомъ заслужовали, платили; а въ той сумѣ пенязей, въ шести сотъ копакъ грошей, заставили есмо ему дворъ нашъ, который же онъ отъ насъ въ державни мѣлъ до живота, Довжги со всеми платы. А тыми разы, бачачы потребу нашу и стоячы у валцѣ зъ неприятелиемъ нашимъ великимъ княземъ Московскимъ, и ховаючы служебныхъ у великомъ князьствѣ Литовскомъ, взяли есмо въ него къ тымъ шестыма сотъ копамъ грошей четыреста копъ грошей литовское монеты, и тии пенязи есмо обернули къ потребѣ нашей и земской великого князьства Литовского, и въ тыхъ пенязѣхъ, въ тысячи копахъ грошей, дали есмо ему и заставили дворъ нашъ Каменецъ, который держалъ отъ насъ въ державни князь Семень Чорторыйскій, а дворъ нашъ Довжги въ нашимъ рукахъ есмо взяли. А съ Каменца доходовъ и платовъ выняли есмо на насъ на господаря съ тое заставы корчомныи немязи а двѣ доли дами медовое, а бобровыи гоны вси. А коли мы господарь сами прыѣдемъ до Каменьца, тогда онъ маеть насъ одинъ день стацкою поднимати. А въ

тому, коли платъ положимъ на все наше панство великое князьство Литовское, тогда зъ волостныхъ людей маеть намъ серебщину давати а зъ мѣста ордыщину, также и серебщину и который кольве платъ положимъ. А онъ маеть тотъ дворъ нашъ держати зъ мѣстомъ и зъ волостными людьми, и съ слугами путными и данными, и бобровники, и зъ осочники, и зъ гаевницствомъ и бобровничствомъ, и зъ лѣсничымъ, и зъ дякы оржаными и овсяными, и съ пашнею, и съ буничными пенязми и съ поборными, и зъ млыны, и съ иными всякими платы и доходы, которые передъ тымъ на насъ на господаря и на врадниковъ нашихъ Каменецкихъ хоживали, ничего иного на насъ не выимуючы, кромѣ того; што есьмо у верху того листа нашего выписали. А што передъ тымъ на нашъ приѣздъ гаевникъ Каменецкій давалъ кони, того вже онъ не маеть давати. А зъ дани медовое маеть братцъ собѣ третюю часть, а намъ маеть давати двѣ части; а бобровны гоны вси мають на насъ быти. А пуцу нашу Каменецкую всю маеть завѣдати и сторожу добрую мѣти, абы звѣру нашому шкода не было; а отъ кого бы намъ шкода была, того намъ маеть объявати; а самъ звѣру нашего въ той пуцы ловити не маеть, нижли маеть ловити по тымъ мѣстомъ, гдѣ первыи намѣстники Каменецкіи ловливали, и то кромѣ зубровъ. А которые князи и панове, и земляне, и духовные имѣнья свои мають въ Каменецкомъ повѣтѣ, тыхъ онъ маеть судити и радити подлугъ того, какъ первыи державцы Каменецкіе. А што онъ, будуючы тамъ замокъ нашъ, пенязей своихъ наложить, то маемъ ему заплатити. А не маемъ зъ его рувъ Каменьца выимовати, а ни пакъ кому иному въ той сумѣ пенязей, а ни въ болшей заставляти, а ни отдавати: маеть онъ тотъ дворъ нашъ Каменецъ съ тымъ, што въ томъ листѣ настомъ выписано, держати зъ ласки наше до своего живота и его вжывати а въ своему пожиточному оборочати, какъ самъ налѣпѣй розумѣючы, бо то есьмо вчинили, тотъ дворъ ему до живота дали, для его къ намъ вѣрное а пильное службы. А пакъ ли бы ся надъ нимъ Божья воля стала, тогда мы жоны и дѣтей зго не маемъ съ того двора нашего рушати, тое тысячи копъ грошей не отдавши; а не маемъ ему а ни дѣтамъ его съ тое сумы пенязей отгрудати для того, што есьмо тые платы верхуменены на насъ вынали. А што ся дотычетъ мѣста, которымъ есьмо дали право майтборское, чого бы въ привиліи ихъ не было выписано, тые пожитки привлащаемъ ему въ замку нашому. Также и доаволяемъ ему въ Каменьцы воли садити и пашни справовати и въ доброму пожиточному нашому господарскому розшырати. А естан жъ быхмо ему туу тысячей копъ грошей отдали, тогда маеть онъ такъ тотъ дворъ нашъ Каменецъ отъ насъ держати въ держанѣ

до своего живота по тому, какъ и Довги отъ насъ мѣлъ держати. А какъ ли бы хто на него намъ повѣдалъ, ижъ бы ся намъ отъ него въ томъ дворѣ напомъ шкода, тогда мы маемъ ему напередъ дати то ся справити. А на болшое свѣдомье и твердость и печать нашу казали есмы привѣсити къ сему нашему листу. А при томъ были: панъ Виленскій, гетманъ навышшій, староста Луцкій, Брянславскій, Вѣницкій, маршалокъ Волинское земли, князь Костянтинъ Ивановичъ Острозскій; староста Берестейскій, маршалокъ, панъ Юрьи Ивановичъ Ильинича; подскарбій дворный, намѣстникъ Велюнскій, панъ Иванъ Андреевичъ; панъ Петръ Станиславовичъ, староста Городенскій. Стало ся и дано въ Краковѣ лѣта Божьего тысяча пять сотъ осмогонадцать мѣсеца априля 25 день, индикъ 6.

Тутъ господарская рука подписана.

(Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 593; XI, л. 7).

№ 29.

*Застава старостъ Городенскому пану Юрью Миколаевичу дворовъ
Городенскихъ Озеръ а Кринокъ въ тисечи копахъ грошей.*

Живгимонтъ. Чынимъ знаменито. Тыми разы писали до насъ панове рады наши великого князства Литовского, ижъ ихъ милость безъ бытности тамъ наше взяли къ потребѣ нашей и земской въ старосты Городенского пана Юрья Миколаевича тысячу вопъ грошей литовское монеты, по десети пенязей въ грошъ, а въ тыхъ пенязѣхъ заставили ихъ милость ему двори наши Городенского повѣта Озера а Кринки со всеми людьми тыхъ дворовъ нашихъ путными и данными, и тяглыми, и съ конюхи, и съ псарци, и зъ ловци, и осочники, и съ соленики, и со всеми иными людьми тыхъ волостей нашихъ и зъ ихъ всеми службами и зъ даными грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными, и съ озеры, и зъ дяблы оржаными и овсяными, и зъ сѣномъ подяколнымъ, и съ володиною, и съ пашнями дворными, и зъ землями пустовскими, и съ борчомными пенязми, и зъ ставы и зъ млыны, и зъ мезлевами, и съ спижою, и съ стацьею, и со всеми иными платы и доходы, которіе зъ мѣста и зъ волости Озерское и Кринское на насъ хоживали, и со всемъ съ тымъ, какъ тые двори на насъ держаны были, ничого намъ не вымуючи; нижели, воли мы сами господаръ будемъ у Кринкахъ або въ Озерѣхъ, тогда панъ Юрей маеть насъ съ тыхъ дворовъ нашихъ стацеею и подводами поднимати по тому, какъ и передъ тымъ бывало. И вжо врадники наши Городен-

скіе: городничій, конюшій, влючникъ, не мають въ тые волости сами вѣждчати а ни слугъ своихъ всылати и доходовъ нашихъ и своихъ некоторыхъ не мають правити: маеть панъ Юрій староста Городенскій тые дворы Озера и Кринки со всимъ съ тымъ, какъ вышей въ семъ нашомъ листѣ выписано, держати до тыхъ часовъ, пока дасть Богъ ны нашими властными зъ скарбу нашего пенязми тую суму пенязей ему отложимъ; а естли ся надъ нимъ Божья воля станеть, смерть его зайдетъ, мы панее и дѣтей его не маемъ съ тыхъ дворовъ ршати, алижъ тую тысячу копъ грошей имъ отложимъ; а не отдавши тыхъ пенязей не маемъ тыхъ дворовъ нашихъ зъ ихъ рубъ выимати. И на то есмо ему дали есезъ нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ у Краковѣ подъ лѣты Божьего Нароженья тисеча пятьсотъ осмогонадцать мѣсеца іюля 28 день, индиктъ 6. Съ подписью руки королевское. При томъ были: подскарбій земскій, староста Ковенскій, панъ Аврамъ Еввовичъ.

(Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 13, 14).

№ 30.

Привилей пану Юрию Глѣбовичу на держанье двора Волковыйска зъ волостми Волковыйскою, Порозовскою и Новодворскою до его живота.

Жыегимонтъ, Божью.. Чынимъ знаменито. Билъ намъ чоломъ державца Волковыйскій панъ Юрей Глѣбовичъ о томъ, што перво сего дали были есмо ему отъ насъ въ держанье дворъ нашъ Меречь до его живота и листъ нашъ на то есмо ему были дали, ижъ есмо до его живота не мѣли его съ того ршати, а потомъ ку потребѣ нашей и земской тотъ дворъ нашъ въ него есмо взяли, а ему напротивку того дали есмо дворъ нашъ Волковыйско;—и онъ билъ намъ чоломъ, повѣдаючи, ижъ имѣнья его вси скажоны и собраны отъ людей неприятели нашего Московского, и тыми разы не маеть на чомъ ся поживити, абыхмо тотъ дворъ нашъ Волковыйско и съ пенезми корчомными, и зъ дяклы оржаными и овсяными, и зъ сѣномъ подявольнымъ, и съ колодиною, и со всеми доходы врадниковъ и дворанъ нашихъ зъ мѣста и съ повѣту Волковыйского и Порозовского и Новодворского ему дали до его живота. Ино мы, паметаючи на его вѣрную службу ко отцу и брату нашому, королеми ихъ милости, и къ намъ и тежъ для сказы имѣнья его, на его чоломбитье то вчинили, тотъ дворъ нашъ Волковыйско съ пенезми корчомными и зъ дяклы оржаными и овсяными, и зъ сѣномъ подявольнымъ, и колодиною, и зо

всими доходы владниковъ и дворянъ нашихъ зъ мѣсть и зъ волости Волевоуѣское и Порозовское и Новодворское ему есмо дали въ держанье до живота его, ижь мы до его живота не маемъ его съ того двора нашего рушати и никому подъ нимъ въ заставу и въ держанье не маемъ того двора давати. А городничій Городеуѣскій въ тые дѣла и въ свои доходы подьябольные, и въ колодину, и тежь дворяне наши, которые коли будутъ ворчомные пенези правити, въ тые ворчомные пенези и въ свои доходы не мають ни во што вступати. И на то есмо дали сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. При томъ были панове рада наша: князь Войтехъ, бискупъ Виленскій; воевода Виленскій, канцлеръ, панъ Миколай Миколаевичъ Радивиловича; панъ Виленскій, гетманъ наивышшій, староста Луцкій и Браславскій и Вѣницкій, маршалокъ Волинское земли, князь Костянтинъ Ивановичъ Острозскій; воевода Троцкій, маршалокъ дворный, панъ Григорій Станиславовичъ Остиевича; маршалокъ земскій, державца Мозырскій, панъ Олбрахтъ Мартиновичъ Кваштолтъ; староста Городеуѣскій, панъ Юръ Миколаевичъ Радивиловича; воевода Новгородскій, державца Марковскій, панъ Янъ Яновичъ; староста Берестейскій, маршалокъ, панъ Юръ Ивановичъ Ильинича. Писанъ въ Бересты подъ лѣты Божьего Нароженья тысяча пятьсотъ осмогонадесять мѣсеца ноября 18 день, индикеть 7.

(Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 23, 24).

№ 31.

Привилей князю Семену Чорторійскому на волости Пропойскъ и Чечерскъ до его живота.

Жиегимонтъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ. Былъ намъ чоломъ намѣстникъ Провойскій и Чечерскій князь Семенъ Александровичъ Чорторійскій о томъ, што перво сего дали есмо ему отъ насъ въ держанье тые волости наши Пропойско и Чечерскъ, абыхю его съ того не рушали до его живота, а онъ слюбилъ намъ у Пропойску замокъ тамошними людьми нашими Пропойчичаны и Чечераны, а къ тому своимъ наглядомъ збудовати намъ ся подыалъ; ино, коли онъ его збудуетъ, мы зъ ласки наше, за такову его къ намъ послугу, тые волости наши Пропостьско и Чечерскъ и со всеми даньми и доходы, которые съ тыхъ волостей на насъ хожывали, даемъ ему отъ насъ въ держанье и не маемъ его съ того рушати до его живота. И на то есмо дали сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. При томъ были панове рада наша: воевода Виленскій, канцлеръ, панъ Миколай Миколаевичъ Радивиловича; панъ Виленскій, гетманъ наивышшій,

староста Луцкій, Браславскій и Вѣницкій, маршалокъ Волинское земли, князь Костянтинъ Ивановичъ Острозскій; воевода Троцкій, маршалокъ дворный, панъ Григорій Станиславовичъ Остиковича; маршалокъ земскій, державца Слонимскій, панъ Миколай Радивиловичъ; воевода Полоцкій, державца Мезырскій, панъ Олбрахтъ Мартиновичъ Кгаштогъ и иные панове рада великого князства Литовского. Писанъ у Берестяи подъ лѣты Вожьего Нароженья тысяча пятьсотъ осмого-надесять мѣсца декабря 29 день, индиктъ 7. Копоть писарь.

(Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 33).

№ 32.

Листъ, до пана воеводы Виленского писанный зъ стороны постановленая на Подляшю коморъ и прикоморковъ на певныхъ мѣстцахъ для выбиранья мита отъ купцовъ, которые се, за гамоважьемъ дорожи черезъ Ковно, на Подляшье обернули.

До воеводы Виленского. Которая комора наша соленая была у Ковнѣ, ино тая дорога до Ковна загамована, и тая соль и иные товары, которые шли до Ковна, вси ся обернули въ Бугъ и въ Наревъ у отчизну нашу великое князство Литовское. Ино мы, бачечы тое, ижъ намъ съ комори Ковенское немалая сума пенезей ку посполитому доброму приходила, какъ же и твоя милость тому добре свѣдомъ, и повѣдано передъ нами, ижъ дей тыми разы тая соль и тые вси товары, которые хоживали до Ковна, обернули се другою дорогою на Тыкотинъ и на Техоновецъ: а прото жадаемъ твоее милости, яко пана рады нашее, абы твоя милость, яко канцлеръ нашъ, маючи новинность тыхъ доходовъ нашихъ господарскихъ и земскихъ стеречи, рачиль казати въ себе быти подскарбему земскому, маршалку и писару нашему, державцы Каменецкому, пану Богушу Боговитяновичу и росказати Ганусу Судорману, а къ тому второму дворенину нашему доброму чловѣку, которій бы писму разумѣлъ къ нему приставивши, одного або двухъ, и казалъ бы твоя милость одну комору мѣти близко Буга у Техоновцы и на Высокомъ, а другую комору въ Тыкотинѣ на Нарви, и съ тое соли и зъ иныхъ товаровъ, которіе будутъ выми мѣстцы ити Бугомъ и Наровью, велѣлъ бы твоя милость мито на нисъ брати по тому, какъ и въ Ковнѣ бирано; рачиль бы твоя милость росказати Ганусу Судорману и тымъ дьякомъ, которыхъ твоя милость на тые двѣ комори уставивши, абы они скриню справили, и одинъ бы ключъ былъ въ Гануса Судормана, а другій въ

тыхъ дворянъ нашихъ або дьяковъ, а сверху бы у евриню сыпале тые доходы наши. А мы до пана воеводы Троцкого писали, ажбы тымъ нашимъ вradникомъ не заборонялъ въ Тыкотинѣ мешкати и господы бы имъ казалъ дати, а до намѣстника Техоновского пана Петрова Кишчича по тому жъ есмо писали, и до подскарбего нашего пана Богуша и до Гануса Судормана тежъ есмо писали, ажбы они у твоее милости безъ мѣшканья были и въ томъ розказанью твоее милости были послушни. А пока твоя милость тыхъ вradниковъ на тые двѣ коморѣ установишь и тамъ пошлешь, до тыхъ часовъ мы розказали тые комори отъ насъ завѣдати: одну комору въ Техоновцы и на Высокомъ земенину нашому Миклашу Скирвину а мѣщанину бѣльскому Ionѣ Сегевевичу; а хто бы хотѣлъ тую комору нашу проѣждати, мы на то дали имъ дворенина нашего Сасина, и казали есмо ему тую промыту въ таковыхъ на насъ забирати, а до поданныхъ нашихъ тамошнего краю листъ нашъ есмо послали, ажбы ему на таковыхъ помочни были; а въ Тыкотинѣ жъ встановили есмо до того часу, пока твоя милость вradниковъ нашихъ обравши тамъ прилешь, казали есмо то завѣдати и тое мыто на насъ брати дворенину нашому Ленарту Косинскому а мѣщанину бѣльскому Ивану Сегеневичу молодшому, а на помочь дали есмо имъ дворенина нашего Ооанаса Тереховича. А которіе купцы, нѣмцы и наши подданые, тое земли соль провезли безмытно, мы казали тымъ нашимъ выбирчимъ на тыхъ купцовъ тое мыто брати по тому, какъ и въ Ковнѣ брано. И твоя бы милость рачилъ о томъ вѣдати, а которыхъ твоя милость вradниковъ нашихъ на то пошлешь, мы имъ розказали, ажбы они тые комори тымъ подали, кому твоя милость розкажешь. А которіе доходы наши намъ были зъ восковъ у коморахъ нашихъ Виленское и Ковенское, а тыми разы вжо тые воски на Ковенъ не пойдутъ, и твоя бы милость такъжъ узавшы къ собѣ подскарбего нашего пана Богуша, и розказалъ Ганусу Судорману и къ нему приставилъ дворянъ нашихъ або дьяковъ, которіе бы къ тому годны были, тыхъ восковъ, которіе передъ тымъ на Ковенъ хоживали, куды ся инуды обернули, на тыхъ дорогахъ розказалъ бы твоя милость комори уставети и Ганусу Судорману и тымъ бирчимъ, кого твоя милость на то уставишь рачилъ розказати пильне стеречи и тые доходы суполне на насъ брати. Какъ же то есть ничія иная речъ того смотрѣти, толко твоее милости, канцлера нашего, а наболѣй безъ небытности нашей у великомъ князствѣ Литовскомъ, и жадаемъ твоее милости, яко пана а рады нашее высокое, ажбы твоя милость рачилъ къ тому пильность приложити и то такъ все справовати на тые комори восковые у ве-

ликомъ князствѣ и на солёные на границахъ Подляскихъ установить и врядити къ нашему господарскому и земскому пожитку такъ, какъ ся надѣлѣи розумѣючи. А мы, дали Богъ, хочемъ то твоей милости па-метовати ласкою нашою, яко то пану а радѣ нашей высокой, и до Судормана есмо писали, ажбы они въ томъ во всемъ твоей милости послушни были. А какъ твоя милость тыхъ вранниковъ тамъ устано-вишь, и твоя бы милость тымъ земляномъ Миклашу Сквирвину а Ле-нарту Косеньскому и Сегеневичомъ казалъ у себе быти, а подскар-бего нашего тутъ же до себе узвалъ, и въ томъ бы твоя милость отъ нихъ личбу взялъ, и што они пенязей тамъ сберуть, то бы твоя ми-лость велѣлъ до скарбу нашего дати. Писанъ въ Торунѣ мая 7 день, виднеть 8 (1520 г.). Копоть писарь.

(Литов. Метр. вн. Запис. X, л. 36—38).

№ 33.

Привилей пану Яну Юндилевичу на окупно двора Ошмены и дер-жанье его до выбранья сумы своее до семи годъ, а потомъ врядомъ до его живота.

Чынимъ знаменито сямъ нашимъ листомъ и далѣй. Што есмо перво сего заставили были дворъ нашъ Виленского повѣта Ошмену въ шести сотъ копахъ грошей маршалку нашему пану Миколаю Станиславо-вичу, старостичу Жомойтскому, ино тыми разы присылалъ къ намъ панъ Янъ Юндилевичъ, чоломъ бѣючи, абыхмо тотъ дворъ нашъ Ош-мену дозволили ему въ той сумѣ у пана Миколая окупити и дали ему тотъ дворъ нашъ на выбиранье пенезей его на семь лѣтъ. Ино мы зъ ласки нашее на его чоломбитье то вчинили, дозволили ему тотъ дворъ нашъ Ошмену въ той сумѣ въ шести сотъ копахъ грошей въ пана Миколая окупити и дали есмо ему на выбиранье тыхъ пенязей его на семь лѣтъ: маеть онъ въ тую семь лѣтъ тотъ дворъ нашъ Ошмену держати зъ мѣстомъ и зо всеми людьми того двора нашего путными и данными, и тяглыми, и съ конюхи, и зъ лейти, и зъ коно-кормцы, и осочники, и ковали, и зъ ихъ всеми службами, и зъ даньми грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными, и зъ дялы ор-жаньными, и овсяными, и зъ сѣномъ подявольнымъ, и съ колодиною, и съ пентиники, и съ корчомными пенязьми, и съ пашнею дворною, и съ озеры, и зъ рѣками, и съ ставы, и зъ млыны, и со всеми иными платы и доходы нашими, которіе передъ тымъ съ того двора нашего на насъ и на вранниковъ нашихъ хожывали. И въ тую семь лѣтъ врад-

ники наши Виленскіе: городничій, тивунъ, конюшій, ключникъ, под-ключій, не мають у волость того двора нашего въѣздчати и слугъ своихъ всылати, и доходовъ нашихъ и своихъ некоторыхъ не мають правити. А какъ тая семъ лѣтъ выйдеть, и мы зъ ласки нашею тотъ дворъ нашъ Опшмену даемъ ему отъ насъ въ держанье до его живота, а платы и доходы наши вси и вранниковъ нашихъ мають зася на насъ и на вранниковъ нашихъ даваны быти по тому, какъ и передъ тымъ бывало. И на то есмо ему дали сесь нашъ листъ зъ нашею печатью. При томъ были: подчашій, державца Марковский, панъ Янъ Николаевичъ; подскарбій дворный, намѣстникъ Веленскій, панъ Иванъ Андреевичъ. Писанъ въ Торунѣ лѣта Божьего тисеча пятьсотъ двадцать первого мѣсеца іюля 29 день, индиктъ 8 (1520 г.).

(Литов. Метр. вн. Запис. X, л. 46).

№ 34.

Декретъ тивуномъ и всимъ бояромъ земли Жомойтское зъ старостою Жомойтскимъ о подаванье тивунства въ земли Жомойтской надъ права и привилія ихъ.

Живгимонтъ, Божью милостью. Смотрѣли есмо того дѣла съ паны радами нашими, стояли передъ нами очивисто. Жаловали намъ панове и тивуны и бояре вси земли Жомойтское на пана Виленского, старосту Жомойтского, пана Станислава Яновича о двори и о тивунства земли Жомойтское и на то повѣдили въ себе вольности привилія отъ предковъ нашихъ и отъ насъ, ижъ бы тыи тивунства въ земли Жомойтской мы господарь мѣли имъ роздавати, а не панъ староста, и жедали насъ, абыхмо ихъ при тыхъ привиліяхъ и вольностяхъ zostавили, какъ же они отца нашего, Казимера короля его милости, и наши привилія на то вказывали. И панъ Виленскій передъ нами мовиль, ижъ тые тивунства въ земли Жомойтской, кромъ чотырохъ дворовъ: Вилькеи а Велены, а Свирстомони, а Ясвоини, а волости Шовленское, здавна, за предковъ нашихъ и за насъ, предкове его и онъ самъ у подаваньи своемъ мѣли ажъ до сего часу, а предкове ихъ и они сами предкомъ нашимъ и намъ о томъ николи ся не упоминали; и жедаль насъ панъ Виленскій, абыхмо его zostавили водлѣ стародавнего обычая. И мы съ паны радами нашими, того межн ними до-смотрѣвши, и видѣло ся намъ и паномъ радамъ нашимъ: егда жъ предкове пана Виленского пана Станиславовы и онъ самъ зъ давнихъ часовъ, за предковъ нашихъ и за насъ, тые тивунства во своемъ по-

давань мѣли, а кому хотѣли съ подданныхъ нашихъ пановъ и бояръ земли Жомойтское, тымъ тые тивунства давали, а панове и тивуны и бояре земли Жомойтское, хотя на то права отъ предковъ нашихъ въ себе мають, а коли жъ того таеъ отъ давныхъ часовъ у молчаньи были, мы, хотячы каеъ привилъя и давности у моцы держати, тые тивунства въ земли Жомойтской пану Виленскому, старостѣ Жомойтскому, пану Станиславу Яновичу въ его подаванье зъ ласки наше дали есмо ему въ подаванье, кромъ тыхъ чотырохъ дворовъ нашихъ: Вилькеи а Велены, а Скерстомони и Ясвоини, и волости Шовленское: маеть панъ Виленскій панъ Станиславъ тые тивунства въ земли Жомойтской въ своемъ поданьи мѣти по тому, каеъ и предки его милости и онъ самъ за предковъ нашихъ и за насъ мѣли. И на то есмо его милости дали сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ у Вильни июль 7 день, индиктъ 10 (1522 г.). При томъ были: воевода Троцекий, гетманъ великий, староста Браславскій и Вѣницкий, князь Костянтинъ Ивановичъ Острозскій; воевода Виленскій, державца Мозырскій, панъ Олбрахтъ Мартиновичъ Кгаштолтъ; маршалокъ земскій, воевода Новгородскій, державца Мерецкый и Довеговскый, панъ Янъ Яновичъ Заберезенскый и иные панове рады.

(Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 80, 81).

№ 35.

Листъ, писанный до старосты Жомойтского пана Станислава Яновича и напотомъ будущыхъ въ кривдѣ пановъ тивуновъ, бояръ и всеи шляхты Жомойтское, абы се ку нимъ заховаъ водмугъ давного зычяю.

Жыегимонтъ. Пану Виленскому, старостѣ Жомойтскому, пану Станиславу Яновичу и инымъ старостамъ Жомойтскимъ, хто напотомъ будетъ отъ насъ староство Жомойтское держати. Што перво сего очивисто жаловали намъ на твою милость панове тивунове и бояре и вся шляхта, подданныи наши земли Жомойтское, о томъ, ижъ твоя милость заборонялъ имъ въ пушчахъ нашихъ, въ рѣкахъ и озерѣхъ входовъ и пожитковъ ихъ стародавнихъ мѣти, и гдѣ они здавна входы и пожитки свои мѣвали; — и твоя милость передъ нами повѣдилъ, ижъ твоя милость тыхъ входовъ и пожитковъ въ пушчахъ нашихъ и рѣкахъ и озерѣхъ имъ не боронишь, нижли твоя милость боронишь имъ лововъ, гдѣ великий князь Витовтъ и иньи предкове наши въ пушчахъ ловивали. И мы, того межы вами досмотрѣвши, и твоей милости очивисте рассказали и тыми разы, ажбы твоя милость въ пушчахъ и озе-

рѣхъ и рѣвахъ входовъ и пожитковъ ихъ звѣчныхъ мѣти не заборонялъ, нижи бы твоя милость казалъ лововъ нашихъ боронити, гдѣ ловливалъ великій князь Витовтъ и иньи предкове наши. Тежъ, што первѣй сего жаловали намъ очывисте на твою милость панове тивунове и бояре вси земли Жомойтское о подаванья тивунства въ земли Жомойтской, ижъ твоя милость которымъ зъ нихъ тивунства держати даешъ, а потомъ дей зася безвинно тые тивунства въ нихъ отнимаешъ. А прото жъ и тыми разы ажбы твоя милость тивунствъ безвинне въ нихъ не отнималъ; а естлибы коли который зъ нихъ въ чомъ выступъ вчинилъ, и твоя бы милость сѣдши того досмотрѣлъ и справедливость тому вчинилъ, и съ права естли бы хто найденъ виненъ, и твоя бы милость тогда того виновного скаралъ водлѣ выступу его. Такжежъ жаловали намъ, што жъ дей намѣстники твоей милости и зъ женами и зъ дѣтми и зъ слугами своими у великомъ подчстѣ по волостемъ нашимъ ѣздить и людей нашихъ безъ тивуновъ судять и радять, и вины великіи зъ нихъ берутъ, а передъ тымъ дей, за предковъ твоей милости и тутежъ за самого твоей милости, намѣстники твоей милости ѣздывали по волостемъ съ тивуны нашими въ маломъ подчстѣ, самотреть або самочетверть, и безъ тивуновъ нашихъ людей нашихъ не сужывали, и винъ не бирали. А прото жъ, абы твоя милость и по твоей милости будущи старосты Жомойтскіи врадникомъ своимъ казали по волостемъ ѣздити посполу съ тивуны нашими безъ жонъ у маломъ подчстѣ, самотреть або самочетверть, або такъ, какъ который врадникъ твоей милости службу земскую служить, по тому, какъ бывало за предковъ твоей милости. Такжежъ жаловали намъ панове тивунове, што жъ дей намѣстники твоей милости, коли ѣздить гдѣ на которми потребности твоее милости або на войну, и они дей въ людей нашихъ берутъ подводъ собѣ по двадцати и по тридцати, а для того дей многіи люди наши згнули, а передъ тымъ дей врадники тамошніи подводъ собѣ бирали по двѣ або по тры. Ино штобы твоя милость врадниковъ своихъ отъ того повстагнулъ и подводъ съ людей нашихъ такъ много брати не казалъ, нижи бы твоя милость казалъ подводы брати по тому, какъ и передъ тымъ бывало, ажбы для того людямъ нашимъ тяжести великой не было. Писанъ у Вильни, подъ лѣты Божьего Нароженья 1522-го мѣсеца октября 1 день, индиктъ 11. Копоть писарь. При томъ были панове рада: воевода Троцкій, гетманъ на-вышшій, староста Бряславскій и Вѣницкій, князь Костянтинъ Ивановичъ Острозскій; воевода Виленскій, канцлеръ, староста Бѣльскій и Мозырскій, панъ Олбрахтъ Мартиновичъ Кгаштолтъ; панъ Троцкій, староста Городенскій, панъ Юрьи Миколаевичъ Радивиловича; маршалокъ

земскій, воевода Новгородскій, державца Морецкій и Довеговскій, панъ Янъ Яновичъ Заберезинскій.

(Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 82, 83)

№ 36.

Листъ и приписей, данный Мицку Нарковичу на хоружство Лидское до воли господарское.

Жыггимонтъ. Маршалку нашему дворному, старостѣ Берестейскому, Ковеньскому и Лидскому, пану Юрью Ивановичу Илинича. Билъ намъ чоломъ боярынъ Лидскій Мицко Нарковичъ и просилъ насъ, абыхмо дали ему хоружое Лидское, а повѣдилъ намъ, ижъ тое есьмо хоружое дали были первѣй боярыну Лидскому Богдану, и твоя дей милость, бачачы того Богдана, ижъ онъ неслухне а нерядне въ томъ ся справуетъ, хоружое въ него отнемши, и далъ тому Мицку Нарковичу до воли наше; и на то онъ листъ твоее милости передъ нами ввазывалъ, яко жъ твоя милость о томъ за нимъ до насъ писалъ, повѣдаючи, ижъ тотъ Мицко есть годнѣйшый, нижи тотъ Богданъ. А прото, кгдажъ онъ есть къ тому челоувѣкъ годный, мы на писанье твоей милости и на его чоломбитье то вчынили, тое хоружое Лидское ему дали со всимъ по тому, какъ и первшми хоружіи Лидскіе тое хоружство отъ насъ держывали. И твоя бы милость тому Богдану приказалъ, ажбы онъ вжо въ тое хоружое ничымъ ся не вступалъ. Писавъ у Краковѣ подъ лѣты Божьего Нароженья 1000 пять сотъ 24 мѣсеца февраля 12, индымъ 12. Копоть писарь.

(Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 137).

№ 37.

Листъ, писанный до пана Виленьского, старосты Жомойтского, пана Станислава Яновича о непоступлень волости Шовленьской его милости князю Яну бискупу Виленьскому.

Жыггимонтъ. Пану Виленьскому, старостѣ Жомойтскому, пану Станиславу Яновичу. Мовилъ намъ князь Янъ бискупъ Виленскій его милость о томъ, што есьмо дали его милости волость Шовли зъ бояры, зъ мѣщаны и со всеми людьми Шовленьскими, и со всеми доходы и поплаты нашыми, которы на насъ и на вранниковъ нашихъ съ тое волости Шовленское съ стародавна хоажывали, ничого на насъ и на вранниковъ нашихъ не оставляючи, на вѣчность, со всимъ пра-

вомъ и паньствомъ, такъ, якъ тая волость Шовленская сама въ собѣ маеть, и ввязати его милость въ тую волость послали есмы дворанина нашего Олехна Бобея; и твоя дей милость тому дворанину нашему въ тую волость князя бискупа его милости увязати не поступилъ, чому жъ ся мы велико дивуемъ, ижъ ты напротивку воли и розказанью нашему стоишь, што жъ намъ есть на тебе велико жалъ. А такъ и повторе приказуемъ тобѣ подъ ласкою нашою, ажбы твоя милость тое волости Шовленское зъ бояры, зъ мѣщаны и со всеми людьми Шовленскими его милости ся поступилъ конечно; естли жъ бы ты и на тое другое розказанье нашо дбати не хотѣлъ, мы розказали тому дворанину нашему Олехну Бобею князя бискупа его милость Виленского въ тую волость Шовли модно увязати, а о таковыя противности ваши, которыи чыните напротивку намъ, пану своему, мы будемъ вѣдати, што маемъ съ тымъ чынити. Писанъ у Краковѣ подъ лѣты Божьего Нароженья 1000 пять сотъ 24 мѣсяца іюня 11 день, индыкъ 12. Въ томъ листѣ рука королевская. Копоть писарь.

(Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 160, 161).

№ 38.

Посельство до пана старосты Жомойтского паномъ Павломъ Нарушевичемъ.

Господаръ король и великій князь Живгимонтъ велилъ тобѣ говорить: Што еси прислалъ къ намъ служебниковъ своихъ Олеского а Шимка о томъ, што есмо волость нашу Шовленскую въ земли Жомойтской дали князю Яну, бискупу Виленскому, и всказывалъ еси до насъ, въ томъ собѣ велико обтежаючи, рекомо быхмо тебе рушили у твоємъ урядѣ, у староствѣ Жомойтскомъ, а менечи, яко бы Шовли были половица земли Жомойтское, а къ тому рекомо быхмо и шляхту, которыи имѣнья свои мають у Шовленской волости, князю бискупу жъ отдали; и всказывалъ еси къ намъ, абыхмо тебе съ тое волости не рушати до тыхъ часовъ, поки быхмо были у панствѣ нашо, великомъ князьствѣ Литовскомъ. И широко еси о томъ къ намъ черезъ тыхъ служебниковъ своихъ усказывалъ и ширей того въ листѣ своемъ писалъ,—при воторомъ же широко писаньи писалъ еси до насъ, естли быхмо того не отложили до нашего приѣханья къ великому князьству Литовскому, тогда ты жадною миромъ тое волости князю бискупу поступитися не хочешь, чому жъ мы съ того твоего посельства и списанья широко гораздо зрουμεди.

Господарь король его милость велѣлъ тобѣ говорити: Што ся дотычетъ бояръ шляхты Шовленское, тыхъ есмо князю Яну не давали, нежли есмо ихъ заховали во всемъ по тому, какъ княжать и панить и всю шляхту какъ у великомъ князствѣ Литовскомъ, такъ и въ земли Жомойтской. А што ся дотычетъ волости наше Шовленское, мнѣшамы, ижъ добре тобѣ памятно, ижъ отецъ нашъ, светое намети Казимеръ король его милость, тобѣ подавалъ множество людей и земель, пожитковъ своихъ господарскихъ, и братъ нашъ, король его милость Александръ, и мы также множество волостей, людей и земель, пущь, пожитковъ своихъ господарскихъ, тобѣ есмо тежъ подавали, потому жъ паномъ, бояромъ, всей шляхтѣ земли Жомойтской, предкове наши и мы не малую суму людей подавали; яко жъ братъ нашъ, король его милость Александръ, великѣи волости въ земли Жомойтскѣи подавалъ былъ невѣстцы нашей, королевы ее милости Алень, которыи жъ волости по животѣ ее милости спали въ наши руки господарскѣи, гдѣжъ мы господаръ мѣли моцъ тыи волости обернути тамъ, гдѣ бы была воля наша господарская, нижли мы тыи волости зъ ласки наше тобѣ зася дали въ держанье.

Его милость господарь король казалъ тобѣ говорити: Кдыжъ предкове наши, мы тобѣ и подданымъ нашимъ земли Жомойтское людей и земель, пожитковъ нашихъ господарскихъ, такъ много подавали, для которое быхмо причины не мѣли и тыхъ часовъ людей нашихъ земли Жомойтской давати тому, кому бы была наша воля господарская? Къ тому можетъ тобѣ добре памятно быти, какъ будучи намъ на прошломъ валномъ соймѣ Виленскомъ со всеми паны радами нашими какъ духовными, такъ и свѣтскими, со всеми землями подданными нашими, гдѣ жъ панове и бояре и посполитыи люди, вся земля Жомойтская, намъ на тебе жаловали, велико собѣ на тебе и на вранниковъ твоихъ обтежаючи; и тежъ о подаванье тивунствъ наши были есмо то справедливе, ижъ мѣли быхмо тивунства вси земли Жомойтской въ наше господарское подаванье взяти и давати паномъ и бояромъ земли Жомойтское тымъ, которыи бы то намъ добре заслуговали, отъ чого жъ намъ вся земля Жомойтская не малую суму пеняжную къ нашему господарскому и посполитому земскому поступовали; мы, бачачи на тебе, яко на старую раду нашу, такъ великѣи платъ, пожитокъ нашъ господарскѣи и посполитое речы земское, есмо отпустили, и тыи тивунства зъ ласки наше зася есмо тобѣ у твое поданье дали.

Господарь его милость казалъ тобѣ говорити: Его милость тому велико ся дивуетъ, ижъ ты, маючи таковую ласку отъ предковъ на-

шихъ и отъ насъ, а легче собѣ то важиль, а смѣлъ таковыи слова, которыи ся тобѣ чого не годило, у посельствахъ и въ листѣхъ своихъ къ намъ писати, а противку воли и росказанью нашему повстати, чого жъ намъ есть господарю отъ тебе рады наше велико а обтяжно жалъ, нежли мы господарь, маючи въ собѣ таковую терпливость, ещо тобѣ навпоминаемъ и приказуемъ, ажбы еси тое волости Шовлей со всемъ подлугъ первого нашего росказанья и писанья князю Яну, бискупу Виленскому, ся поступилъ передъ тымъ нашимъ посломъ конечно, абы то инакъ не было. Если жъ бы и черезъ то хотѣлъ противку воли и росказанью нашему быти, вѣдай певно, ижъ мы вжо черезъ то болшій того терпяти тобѣ не будемъ, а будемъ съ тобою то чинити, яко съ противнымъ подданымъ нашимъ.

До всихъ тивуновъ земли Жомойтское посельство.

Што есте присылали къ намъ братью свою Венцслава а Миеолая о томъ, ижъ есмо волость нашу Шовленскую дали князю Яну, бискупу Виленскому, и всказывали есте къ намъ черезъ нихъ, велико собѣ обтежаючи, иже быхмо братью вашу, шляхту нашу вѣчную у повѣтѣ Шовленскомъ, князю бискупу съ тою волостью дали: ино мы шляхты наше у повѣтѣ Шовленскомъ князю бискупу николи не давали, а заховали есмо ихъ такъ, какъ князятъ и панятъ и всю шляхту у великомъ князьствѣ Литовскомъ и въ земли Жомойтской. И всказывали есте къ намъ черезъ тыхъ пословъ своихъ: если бы князь бискупъ водлѣ данины наше къ той волости ѣхалъ, вы хочете его на Невяжи потвати и того ему боронити: ино, вѣдже отецъ нашъ Казимеръ и братъ нашъ Александръ, короли ихъ милость, и мы намнѣй подавали какъ пану старостѣ Жомойтскому и такъ вамъ, подданымъ нашимъ, множество людей и земль и пожитвовъ нашихъ господарскихъ въ земли Жомойтской,—а тыми часы мы господарь для которое причины не мали быхмо моцы людей нашихъ отдавати, кому бы ся намъ видѣло? И тому ся велико дивуемъ, ижъ вы, будучи подданыи наши, а за наши жъ люди господарскіи смѣли къ намъ таковыи посельства съ суровыми словы и писанье въ листѣ къ намъ всказывати и писати; нежли мы, маючи въ томъ терпливость, послали есмо къ вамъ посла нашего и казали есмо ему того по васъ доведатися, если то отъ всихъ васъ, тивуновъ нашихъ Жомойтскихъ, волею таковыи посельства и въ листѣхъ писанья, намъ господарю противныи, они приносили, чого жъ ся было вамъ не годило противку насъ чинити; и тому послу нашему довидавшись казали есмо о томъ

отказати. Если то будетъ со всехъ васъ, подданныхъ нашихъ, волею, мы тежъ будемъ вѣдати, какъ ся маемъ къ вамъ, подданнымъ нашимъ, въ той противности вашей справоватися.

(Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 470, 471).

№ 39.

Листъ, писанный Роману Горасимовичу на городничество и на хоружство Витебское до его живота.

Жыггимонтъ. Воеводѣ Витебскому, маршалку нашему, пану Ивану Богдановичу Соцѣзѣ и инымъ воеводамъ, хто и напотомъ отъ насъ будетъ Витебскъ держати. Билъ намъ чоломъ дворянинъ нашъ Романъ Горасимовичъ и повѣдилъ передъ нами, што жъ дей городничий Витебскій Сенько Дашковичъ, будучы у форобѣ, и тотъ врадъ городничое Витебское передъ тобою и предъ всеми бояры Витебскими ему спустилъ, и онъ билъ намъ чоломъ, абыхмо тое городничое Витебское ему дали; а въ тому просилъ насъ тотъ же Романъ Гарасимовичъ другого владу, хоружого Витебского. Ино, если будетъ Сенько Дашковичъ тое городничое ему спустилъ, мы на его чоломбитье то вчынили, тотъ врадъ городничое и тежъ хоружое Витебское ему дали да его живота со всемъ съ тымъ, какъ ся тыи обадва влады, городничое и хоружое, здавна въ собѣ мають. И ты бы вжо въ тыи влады ничымъ ся не вступалъ, ни инымъ никому уступати ся не казалъ. И на то есмы ему дали сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ у Краковѣ подъ лѣты Божьего Нароженья 1000 пять сотъ 24 мѣсеца юня 26, индыктъ 12.

(Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 163, 164).

№ 40.

Листъ, писанный до державцы Крычовского князя Василья Жилинского о кривды, подданнымъ Крычевскимъ отъ него подьяланы.

Жыггимонтъ, Божью милостью король Полскій и великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій и иныхъ. Державцы Крычовскому князю Василью Семеновичу Жылинскому. Вжо неоднократно жалуютъ намъ мѣщане Крычовскіи и вси люди волости Крычовское о томъ, што жъ дей имъ отъ тебе и отъ вридниковъ твоихъ кривды и тяжкости и драпежства великии ся дѣють, и похвалки дей на нихъ чынишь, хотячы ихъ имати и карати; тежъ, што есмы

велѣли имъ половицу стацемъ съ первое уставы наше тобѣ давати, и ты дей на нихъ таки тую стацею сполно берешь, не по тому, какъ есмы тобѣ тыми разы розказали половицу стацеи на нихъ брати,— о чомъ же мы послали тамъ дворанина нашего Михайла Кузмича и казали есмы ему тии списки къ намъ принести. И какъ же тотъ дворанинъ нашъ тамъ ѳздилъ и тии вси кривды и тяжкости и драпежства, которыи ся тымъ подданымъ нашимъ дѣють отъ тебе, написалъ и тии списки тыми разы къ намъ принесть, чому жъ ся мы велико дивуемъ, ижъ ты о листы и о розказанье наше недбаешь, а таковыи тяжкости и кривды и драпежства подданымъ нашимъ дѣлаешь. А прото и тыми разы приказуемъ тобѣ, абы еси черезъ то кривдъ и тяжкостей и драпежства и похвалки людемъ нашимъ не дѣлалъ в стацеи сполна на нихъ не бралъ, а бралъ бы еси въ нихъ стацею по тому, какъ есмы въ первомъ листѣ нашомъ выписали. А то тымъ обычаемъ, ижъ они теперъ мають намѣстникомъ Крычовскимъ въ кождый годъ за страву давати пенези по петинадцати копъ грошей узскихъ, а по пети яловицъ, и за яловицу по полукопью грошей узскихъ, а по пети полтей мяса, а полоть по десети грошей узскихъ, а пятьдесятъ бочокъ жыта солянокъ, а пятьдесятъ бочокъ овса солянокъ же, а полтретяста возовъ сѣна, а за возомъ сѣна пенязей некоторыхъ не давати; а дровъ на недѣлю лѣтѣ по пяти возъ, а зимѣ по десети возъ; а вины мають давати отъ рубля грошей по пяти узскихъ, а пересуда по полтретя гроша, а дѣцвованья по полтретя гроша узскихъ, а повинного и повежного по полугрошу узскому; а сторожовъ мають давати на недѣлю по пяти, а съ сторожовъ не маеть ничего брати; а прометъ нашъ и намѣстничый маеть зъ нихъ бравъ быти такъ, какъ бы для того человекъ зъ мѣста або зъ волости не шолъ и жоны и дѣти не оставлялъ; а подводъ бы на потреби намѣстниковы они не мають давати, тольо на наши господарскіи.—А што будешь назвышь стацеи въ нихъ черезъ розказанье наше и кривды и драпежства хотѣлъ подданымъ нашимъ дѣлати, ипо, какъ дастъ Богъ будемъ въ паньствѣ нашомъ великомъ князьствѣ Литовскомъ, мы въ тотъ часъ сами тыхъ подданныхъ нашихъ хотимъ съ тобою смотрѣти; и съ права естли въ томъ виненъ останешъ, вѣдай певно, ижъ не толко собѣ держанья збудешъ, але, хотя будешь одинъ грошъ неслушно взялъ, и мы важемъ на тобѣ осовито оправити и имъ отдати: тогда вжо никого не будешь виноватити, кромѣ самъ на себе и на свои небачности. Тежъ жаловали намъ, што жъ дей ты ихъ многихъ, мѣщанъ и людей нашихъ, за собою поосаживалъ, и тии дей люди посполъ зъ ними службы службыти и поплатавъ выдавати не хо-

тятъ. Ино што бы еси людей нашихъ за собою не осаживалъ: нехай бы тыи люди наши посполъ въ мѣстомъ и волостью службы наши служили и поплатеи платили по давному конечно. Писанъ у Варшавѣ подъ лѣты Божьего Нароженья 1526 мѣсяца генваря 8, индиктъ 15.
(Литов. Метр. кн. Запис. VII, 530, 531).

№ 41.

Листъ Матеею Заморенку ко всимъ бояромъ Кіевскимъ на держанье замку Чернобыля до двухъ годъ.

Жыггимонтъ. Ко всимъ бояромъ Кіевскимъ. Што есмы дозволили вамъ замокъ у Чернобыли збудовати вашимъ навладомъ, а вы мѣли тотъ замокъ держати по году, а инны по два, подлѣ данины нашею, ино билъ намъ чоломъ дворянинъ нашъ Матеей Заморенокъ о томъ, што жъ дей онъ тежъ тотъ замокъ нашъ у Чернобыли робилъ, а-быхмо ему тотъ замокъ нашъ Чернобыль дали держати. Ино тыми разы тотъ замокъ нашъ держитъ панъ Дмитръ Ивашонцовичъ, а по немъ дали есмы держати тотъ замокъ по два годы Яцку а Федеу Елцевичомъ, а какъ Елцевичи годы свои выдержать, и мы тотъ замокъ нашъ Чернобыль дали отъ насъ держати Матеею Заморенку на два жъ годы со всимъ по тому, какъ и Елцы держали, а вы бы о томъ вѣдали. И на то есмы Матеею Заморенку дали сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ у Петриковѣ подъ лѣты Божьего Нароженья 1000 пять сотъ 26 мѣсяца генваря 12, индиктъ 14. Копоть писарь.

(Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 292).

№ 42.

Привилей Яну Миколаевичу Толонковичу на врадъ хоружое Городеньское до его живота.

Жыггимонтъ. Билъ намъ чоломъ бояринъ Городеньскій Янъ Миколаевичъ Толонковича о томъ, што жъ перво сего дали есмы были хоружое Городеньское дворянину нашому Марку Гринковичу, ино бояре Городеньскіи не хотѣли его въ томъ врадѣ мѣти, и панъ Троцкій, староста Городеньскій, панъ Юрьи Миколаевичъ Радивиловича далъ былъ тое хоружое ему до воли нашею господарское держати; и какъ былъ у насъ у Варшавѣ панъ староста Городеньскій, его милость о томъ намъ повѣдилъ и насъ за нимъ жедаль, и нѣвторіи тежъ и бояре Городеньскіи били намъ чоломъ, абыхмо тое хоружое Городень-

ское дали ему держати. Ино мы на причину пана старосты его милости Городеньского и на чоломбитье бояръ Городеньскихъ и на его то вчинили, тотъ врьдъ хоружое Городеньское, которое передъ тымъ отецъ и братъ его держалъ, дали есмо ему до его живота со всимъ съ тымъ, какъ ся тотъ врьдъ здавна въ собѣ маеть. И на то есмо ему дали сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ у Варшавѣ подъ лѣты Божьего Нароженья 1000 пять сотъ 26 мѣсеца сентября 12 день, индиктъ 15. Горностаѣ писарь.

(Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 321).

№ 43.

Листъ, писанный до державцы Марковского, въ кривдѣ подданныхъ Марковскихъ волости Куренское, абы се ку нимъ во всемъ водлузъ старого звычаю заховалъ.

Жыггимонтъ. Подчашому нашому, державцы Василишскому и Маркововому, пану Яну Николаевичу и инымъ державцамъ Марковскимъ, хто и напотомъ будетъ отъ насъ Марково держати. Што очевидно жаловали намъ люди наши Марковского повѣта путныи и данники Куренское волости о томъ, што жъ дей имъ отъ тебе и отъ твоихъ вранниковъ кривды и тяжкости ся великии дѣють: новины еси имъ поуводилъ, уставляешь дей тамъ лѣсничыхъ своихъ, гдѣ передъ тымъ тыи данники наши сами пуцы стерегивали и входы свои и дерево бортное мають, а здавна дей державцы Марковскіи лѣсничыхъ своихъ не установливали, и за тыми твоими лѣсничыми пуца наша спустошена, и дерево ихъ бортное повырубано, и для того не мають съ чого дани наше сполняти; а коли дей которого челоуѣка хотя не за вину вранникъ твой у колоду усадить, и онъ дей выпускаючи береть на нихъ поволодного по дванадцати грошей, а передъ тымъ дей поволодного они давали по грошу; и въ тяглую службу у подводу дей на свои потребности ихъ посылавалъ, и въ сторожу на дворъ нашъ кажешь имъ ходити, а они дей передъ тымъ въ подводу на потребу державецъ Марковскихъ не ѣадывали и въ сторожу на дворъ не хожывали; и тежъ дей намѣстникъ твой частокротъ, мало не каждое пятницы, у волость къ нимъ уѣзжаетъ зъ многими слугами твоими и своими и велить имъ на себе стапы справляти и стацыями поднимати, чого передъ тымъ не бывало. Ино мы, ихъ въ томъ досмотрѣвши, и составили во всемъ пры старынѣ и очевидно есмо тобѣ розказали и теперь приказуемъ тобѣ, ажбы еси лѣсничыхъ своихъ тамъ не вставлялъ, нехай бы тыи данники наши сами тое свое пуцы стерегли и входи

свои мѣли по давному, и дань намъ съ того платили; нижи, естли бы который данникъ нашъ хотѣлъ въ той пущи шводу чынити, ино враникъ твой маеть о томъ довѣдыватися, а ты маешь его за то карати, жебы ся того напотомъ не допуцалъ а.... враники твои нехай бы... пенязи и черезъ то абы еси.. у сторожу и въ подводы имъ ходити не казалъ и заховалъ...; а которые бы шводы отъ намѣстника твоего имъ сталися, ты маешь имъ въ томъ на того намѣстника своего право дати и справедливость вчынити; и вжо черезъ то намѣстникъ твой на волость къ нимъ уѣзжчати и слугъ своихъ услаати и стацен на нихъ правити не маеть, кромъ того, естли коли который мужъ на копу намѣстника твоего подойметъ, и тежъ кромъ дѣцвѣкъ, естли кто на кого дѣцкого озметъ, тогда намѣстникъ твой маеть на копу ѣздити и дѣцкихъ давати, кому будетъ потреба; а на годъ одинъ разъ маеть тежъ къ нимъ уѣзжчати подлѣ давного обычая; а на нашу нашу мають тяглии люди ходити съ сохою, съ бороною, съ серпомъ, съ топоромъ, а путныи мають повинность свою чынити по тому, какъ и передъ тымъ бывало; а што ся дотычетъ подводы давати, и ты бы вжо подлѣ того розказанья нашего къ нимъ во всемъ ся заховывалъ и черезъ то имъ жадныхъ кривдъ не дѣлалъ и новинъ не водилъ конечно, абы то инакъ не было. Писанъ у Вильни.

(Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 5, 6).

№ 44.

Листъ, писанный до всѣхъ тивуновъ земли Жомойтское, абы съ посланцами господарскими, которыхъ до того послано, водрузъ уфалы соймове всѣхъ землянъ шляхту и людей ихъ и колко въ которого чолостыи сохъ воловыхъ и коней и всю маетность пописавши, королю его милости ознаймилъ.

Жыегимонтъ, Божью милостью король Польскій. Державцамъ и тивуномъ нашимъ всимъ земли Жомойтское: Видлѣйскому, Веленьскому, Скерстомоньскому, Ясвоинскому, Ойрявголскому, Коршовскому, Поюрскому, Шовдовскому, Ретовскому, Кгондиньскому, Тверскому, Телшовскому, Вешвянскому, Биржняньскому, Дирваньскому, Бержаньскому. Што есьмо тыми разы посполъ съ радами нашими какъ духовными, такъ и свѣтцями, и со всеми землями, подаными нашими великого князства Литовского, умыслили и установили, и што ся дотычетъ земли наше Жомойтское, мы для того послали тамъ секретара нашего, державцу Скерстомоньского, пана Станислава Якубовича Свопа а дворянина нашего пана Яна Орвидовича и писали есьмо

о томъ до старосты Жомоитскаго пана Станислава Станиславовича Яновича, абы его милость вамъ всемъ тивуномъ нашимъ розказалъ и обралъ у кождомъ тивунствѣ по два земянины, годныхъ вѣры, и до васъ и тыхъ землянь приставилъ дьяка своего, и казалъ всихъ бояръ нашихъ шляхту, дѣльныхъ братью и недѣльныхъ, и ихъ имѣнья, и люди службами, колко въ которой службѣ дымовъ, тежъ люди плебаньскіе и мѣщаньскіе, имѣнья земскіе, фольварки отчуждены и выслужены и куплены, и колко въ котораго чоловѣка сохъ воловыхъ и коней, и маемость всю кождаго чоловѣка пописать. А земянинъ кождый и мѣщанинъ, пописавшы имѣнья свои и люди, и сохи ихъ, мають передъ вами, тивуны нашими, и передъ тыми двѣма земянини нашими обранными и дьякомъ пана старостинымъ присягу вдѣлати на томъ, ижъ вѣрне а справедливе все пописали, а ничего не втаили отъ васъ; а плебани мають то передъ вами повѣдिति подъ духовенствомъ своимъ. И какъ вы всю шляхту нашу и ихъ имѣнья и люди, и тежъ люди плебаньскіе и мѣщаньскіе, и сохи, и кони, и маемость кождаго чоловѣка попишете, тогда вы маете, тивунове наши вси и земляне обранны и дьяки пана старостины, тыи реистра положившы передъ паномъ старостою, и присягу передъ его милостью вчинити на томъ, какъ будете справедливе шляхту нашу и ихъ имѣнья и люди и тежъ люди плебаньскіи и мѣщаньскіи, фольварки и сохи, и кони пописали, а ничего не втаили. И вы бы подлѣ тое уставы наше и ухвалы земское подлѣ розказанья пана старостина въ томъ ся справили, какъ вышей въ семъ нашемъ листѣ выписано. А што ся дотычетъ во всихъ тивунствахъ нашихъ бояръ посѣднихъ и слугъ путныхъ, и мѣщанъ по мѣстомъ, и людей тяглыхъ всихъ, и куничныхъ, мы тыхъ бояръ посѣднихъ и слугъ путныхъ, и мѣщанъ, и всихъ людей нашихъ службами, и колко въ которой службѣ дымовъ, и ихъ сохи воловыи и кони, и маемость кождаго чоловѣка, и земли пустовскіи, и тежъ што будетъ братъ нашъ, Александръ король его милость, и мы людей и землю у земли Жомоитской будемъ кому подавали, и колко тежъ у которомъ тивунствѣ вы, тивунове наши, людей будете на насъ присадили, або гдѣ што людей будетъ убыло послѣ попису писарей нашихъ, то все розказали есмы секретарю нашему пану Скопу, дворянину нашему Яну Овѣрдовичу пописать, и тыи списви въ намъ принести. А прото приказуемъ вамъ, ажьбы есте кождый у своемъ держаньи намѣстниковъ своихъ и приставовъ, врадниковъ волостныхъ, пану Скопу и дворянину нашему Яну въ руки подали и розказали имъ въ томъ во всемъ пана Скопа послушнымъ быти, и тыхъ бояръ посѣднихъ и слугъ путныхъ, и людей

нашихъ всихъ, и сохи, и кони, и платы вси тыхъ людей, которые на насъ и на васъ, тивуновъ нашихъ приходить, справедливе имъ повѣдти и пописати, и какъ они то все попишуть, вы бы сказали намѣстникомъ своимъ и приставомъ нашимъ передъ паномъ Скопомъ и дворяникомъ нашимъ присягу вчынити на томъ, ижъ справедливе въ каждый кусъ пописали, а ничего не втаили. А пишчого казали есьмо пану Скопу взяти съ людей и службы и зъ мѣщанъ по грошу; а пока они тамъ будутъ пописывати, вы бы казали давати ѣсти и пити великій достатокъ и конемъ ихъ сѣна и овса. Писанъ у Вильни подъ лѣты Божьего Нароженья 1528 мѣсеца августа 29 день, нндыкъ 1. (Литов. Метр. вн. запис. XV, л. 23—25).

№ 45.

*Страва бояромъ и мѣщаномъ Витебскимъ зъ воеводоу Витебскимъ паномъ Иваномъ Сопѣгоу о кривды ихъ и домавяне се, абы имъ во-
дѣль правъ ихъ ишого воеводу дано.*

Господаръ король его милость казалъ про память записати, што бояре и мѣщане Витебскіи жаловали господару королю его милости на воеводу Витебского пана Ивана Богдановича Сопѣгу о свои тяжкосты и кривды и тежъ били чоломъ господару королю его милости, не хотячы того воеводы собѣ мѣти, абы его милость, водлѣ правъ и привильевъ предковъ его милости и его милости самого, далъ имъ иногò воеводу. И панъ воевода Витебскій мовилъ, ижъ тутъ ихъ десятое части нѣтъ, которые ся на мене увзвзнили, а тамъ множество старшихъ бояръ и мѣщанъ, што лѣпшихъ людей, о томъ ничего не вѣдають а ни того имъ поручали, а ни до вашей милости о томъ черезъ нихъ всказывали, и билъ чоломъ господарю королю его милости панъ Иванъ воевода Витебскій, абы господаръ его милость послалъ которого доброго а вѣрнаго съ подданныхъ его милости, а тыхъ добрыхъ старшихъ бояръ и мѣщанъ, которыхъ тамъ множество у Витебску ся zostало, спытати: естли то они будутъ поручили тымъ бояромъ и мѣщаномъ, тогда то нехай будетъ на воли вашей милости господарской; какъ же и князь гетманъ о томъ господара его милость жедалъ и радилъ. Господаръ король его милость рачылъ на томъ zostати: маеть его милость тамъ послати, кого ся его милости будетъ видѣти; естли ты бояре и мѣщане, которые суть тамъ у Витебску, тое жъ сознають, што и ты бояре и мѣщане, которые господару его милости чоломъ били, ижъ того воеводы его милости не похотять, а

будуть въ господаря жедать иного воеводы въ господаря его милости подлѣ своихъ правъ и привилей, господарь его милость маеть иного воеводу имъ дати; пакъ ли жъ бы тыи бояре и мѣщане не повѣдили, ижъ до господаря о томъ ничего не всазывали, а будуть ли жедать господаря о того жъ таи воеводу, пава Ивана Богдановича съ того воеводства не рушати.

(Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 28, 29).

№ 46.

Листъ волости Олучицкой, которую король его милость въ руки Бободовыхъ для почыненья кривдъ имъ до замку Крычевского привернулъ.

Жигимонтъ. Били намъ чоломъ старецъ и вся волость Олучицкая о томъ, што перво сего дали были есьмо тую волость въ держанье дворянину нашему Никифору Бобоѣдову и вчинили есьмо въ той волости нашей уставу, ижъ мѣли они въ каждый годъ дати до скарбу нашего по двадцати копъ грошей дани давати, а тому державцы ихъ Бобоѣдову по десяти копъ грошей,—и они тыхъ же часовъ жаловали намъ, што жъ дей тотъ намѣстникъ Никифоръ старца волостного, которому мы сами господарь старчества были поручилъ кромъ жадное причины вазалъ обѣсити, имъ самимъ кривды и драпежства великіи подѣлалъ, для которыхъ же дей драпежствъ многиу люди наши съ тое волости прочъ разошлись; и били намъ чоломъ, абыхмо ихъ въ руки Бобоѣдовыхъ выняли и привернули къ замку нашему Крычевскому. Ино, вгдыжъ онъ въ той волости нерадне съ справовалъ и того старца смаволне казалъ обѣсити, мы за таковий его выступъ тую волость Лучицкую въ руки его выймуемъ и писали есьмо до державцы Крычевского князя Василья Семеновича Жылинського, ижъ бы онъ тую волость въ замку нашему Крычевскому держалъ и тую дань, тридцать копъ грошей, всю сполна въ каждый годъ избравшы, до скарбу нашего отсылалъ. И маеть князь Василій ихъ толко въ присудѣ и въ послушенствѣ своемъ мѣти, а намѣстника своего на тыи волости не маеть ковати и слугъ въ тую волость не всылати и нивоторыхъ кривдъ и драпежствъ тымъ людямъ нашимъ не маеть дѣлати; только старецъ на той маеть волости мешкати и по тому ся справовати, яко и иньи старцы, и тотъ платъ, тридцать копъ грошей, съ людей тамошнихъ собравшы, до року державцы своему мають дати, а онъ тую дань маеть до скарбу нашего

отсылати. И на то дали есьмо тымъ людямъ нашимъ сесь нашъ листь и зъ нашу печатью. Писанъ у Вильни подъ лѣты Божьего Нароженья 1529 мѣсеца марта 17, индыкъ 3.

(Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 531, 532.)

№ 47.

Привилей, даныи пану Семени Полозовичу, державцы Рѣчицкому, и устава пожитковъ съ тое державы, ему назначоныхъ до его живота.

Жыгемонтъ, Божью милостью король Полскій и великій князь Литовскій. Чынимъ знаменито симъ нашимъ листомъ. Билъ намъ чоломъ державца Рѣчыцкій панъ Семень Полозовичъ и просилъ въ насъ, абыхмо вбачыли на его вѣрныи послуги, которыи онъ въ той волости нашей Рѣчыцкой своими немалыми наклады чынилъ, и великою пылностью и велитованьемъ горла своего на пустомъ мѣстѣ на насъ господаря замокъ збудовалъ, и оборонами всякими за свои властными пенязи тотъ замокъ нашъ вспомогъ, и которыи люди, подданыи наши тамошніи, для великого нагобанья отъ непрытелей нашихъ Москвичъ и Татаръ и Турковъ розыщились были розно прочъ, онъ тыхъ подданыхъ нашихъ собралъ и мѣсто подъ тымъ замкомъ и волость нашу осадилъ,—и билъ намъ чоломъ, абыхмо ему уставу нашу встановили, што бы онъ мѣлъ съ тое волости наше на пожитокъ и на поживенье собѣ мѣти. Ино мы уставуемъ тымъ-то листомъ нашимъ одно на его одного парсуву, а не на инныхъ державецъ нашихъ Рѣчыцкихъ, которыи по немъ будутъ: Напервѣй, што съ дотычетъ сторожы полное ото всякихъ непрытелей нашихъ, яко отъ Москвичъ, такъ и отъ Татаръ и отъ Турковъ, мають вси подданыи наши тамошніи Рѣчыцкыи и зъ мѣста и зъ волости и тежъ князьскыи и паньскыи и боярскыи люди тую сторожу полнуючымъ обычаемъ заступовати: они вси Рѣчычане мають выправляти на тую сторожу полную два чоловѣки добрыхъ а годныхъ на добрыхъ конѣхъ подъ осмотрѣньемъ державцы нашего, а державца нашъ Рѣчыцкій панъ Семень маеть на тую сторожу полную посполъ зъ ними своими пенязми третего чоловѣка выправляти; также и пенязи, коли будутъ на тую сторожу зметывати, они мають давати по два грошы, а державца трети грошь. А што съ дотычетъ мыта Рѣчыцкого сухимъ путемъ и водою и подужчыны, тое мыто и подужчыну маеть онъ на замокъ нашъ брати по тому, какъ у первомъ привилейи нашемъ ему выписано: а хто купить коня або вола, або корову, або овцу и козу, мають мыто давати

жавцомъ дворовъ нашихъ: Мѣдницкому, Опменскому, Кревскому, Красноселскому, Мѣньскому, Борысовскому, Рошскому. Послали есьмо отъ насъ въ посельствѣ до великого князя Московского маршалка нашего, державцу Волвовыйского, пана Матея Войтеховича, а конюшого нашего дворного, державцу Аенского, пана Василья Богдановича Чыжа, а дьяка нашего Андрея Мацкевича. И вы бы пану Матею и слугомъ его давали на каждомъ стану яловицу а десятеро кура; въ постныи дни рыбъ и хлѣбъ и иныхъ стравныхъ речей съ потребу; а вшатовъ меду, а бочку пива въ три вшатки; а на кони его сѣна съ потребу жъ и овса пять бочекъ, а къ тому пасству на кони; тежъ давали бы есте ему жъ дванадцать подводъ зъ возы и съ проводники вездѣ по дорожѣ, почонъ отъ насъ того дорогою по тымъ дворомъ вышеписанымъ и до границы Московской и оттолъ за ся до насъ тою жъ дорогою. Писанъ у Вилни подъ лѣты Божьего нароженя 1529 мѣсеца юня 5 день, индыкъ 2.

(Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 495).

№ 49.

Листъ, писанный до воеводы Виленского пана Олбрахта Мартиновича Краштолта, абы посполу съ паномъ Виленскимъ, маршалкомъ дворнымъ, на которого то урадъ належытъ, брали личбу зъ дворовъ Виленскихъ и Троцкихъ.

Жиегимонтъ, Божью милостью. Воеводѣ Виленскому, канцлеру нашему, старостѣ Бѣлскому и Мозырскому, пану Олбрахту Мартиновичу Краштолту. Што есьмо, будучы въ паньствѣ нашомъ великомъ князствѣ, зъ вашою милостью паны радами нашими установили уставу по всемъ дворомъ нашимъ Виленского и Троцкого повѣта, гдѣ жъ есьмо и писари уставили, которые мають по тымъ дворомъ, одинъ по Виленскому, а другій по Троцкому повѣту, ѣздити и вси речы, которые мають быти къ пожитку нашему, пописывати и вставляти, нижли на каждомъ рассказали есьмо твоей милости съ повѣту Виленского, а съ повѣту Троцкого — воеводѣ Троцкому, съ подскарбимъ земскимъ съ тыхъ державецъ и съ писарей личбу брати на рокъ положонный, о светомъ Мартинѣ у Вилни. Ино тыхъ часовъ присылалъ къ намъ панъ Виленскій, староста Городенскій, маршалокъ нашъ дворный, державца Лидскій и Бѣлицкій, панъ Юрьи Миколаевичъ Радивиловича, повѣдаючи, ижъ то есть речъ вряду его милости, маршалства дворного, личбу державецъ дворовъ нашихъ брати, бо де обычай здави,

бывалъ таковой, и жъ ты sprawy дворныи прыслушаютъ къ уряду его милости, а естли бы его милость того не справовалъ, было бы то съ ущипкомъ вряду его милости; и жедалъ насъ, абыхмо дозволили его милости на той личбѣ зъ вашою милостью посполу быти. Ино, кгда жъ тотъ обычай здавна былъ, дамъ ся не годить никому врядокъ внимати, але повышати и старый обычай пополняти, — дозволили есьмо пану Виленьскому на кождомъ року, какъ будете ваша милость зъ державецъ и съ писарей личбу брати, зъ вашою милостью быти. Прото, какъ тотъ рокъ прыйдетъ, на который державцы дворовъ нашихъ мають передъ вашою милостью личбу чынити, и твоя бы милость пана Виленьского обослалъ и посполъ зъ его милостью и подскарбимъ земскимъ на мѣстцы у Вилни личбу съ тыхъ державецъ повѣту своего Виленьского брали и въ томъ ся съ паномъ Виленьскимъ справовали и радили водлугъ ухвалы наше, на тыи двory ставеныи. Писанъ у Краковѣ.

(Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 530).

№ 50.

Посельство до всихъ пановъ тивуновъ Жомойтскихъ и до бояръ всеи шляхты земли Жомойтское, послано естъ съ паномъ Иваномъ Богушевичомъ а тивуномъ Ойракольскимъ паномъ Шымкомъ Митковичомъ.

Господаръ нашъ король и великій князь его милость Жыегимонтъ казалъ вамъ мовити: Што есте тыхъ часовъ прысылали до его милости тивуновъ земли Жомойтское, братью свою, Шовдовского—пана Якуба Юшкевича, а Кгондиньского — пана Лаврына Шукевича, и черезъ нихъ до господара его милости указывали, чоломъ бьючи, абы его милость пры правѣхъ и вольностехъ вашихъ, которыи зъ ласки и зъ наданья предковъ его милости предки ваши и отъ его кролевское милости вы маете, васъ заховати рачыль и дѣль вамъ въ той земли Жомойтской за старосту воеводу Полоцкого пана Петра Станиславовича.

Его кролевская милость казалъ вамъ говорить: Што ся дотычетъ оныхъ правъ захованья волностей вашихъ, которыи предки его милости господарскіи предкамъ вашимъ за послугами ихъ, и его милость господаръ вамъ, были надати рачыли, ачкольве вы сами ихъ отпустили и зрушыли, а то тымъ обычаемъ, и жъ по животѣ слугы а рады его милости пана Троцкого, старосты Жомойтского, пана Станислава Станиславовича Яновича, не маючи на то въ себе жадного

росказанья и науки его милости господарское, за губернатора тамъ собѣ въ той земли выбрали Станислава Орвидовича, который же, губернаторемъ себе вчинивши, тыи вси волости, которыи къ старосту Жомойтскому прислухаютъ кромѣ воли и росказанья его милости въ мощь свою взялъ и ими справовалъ, ажъ пока то у вѣдомость его милости господарскую пришло,—а вшаже его королевская милость рачылъ то передъ себе взяти, а вгды, дастъ Богъ, здорове а щастливе до паньства его милости великого князьства Литовского будетъ, хочеть его милость зъ вами о то мовити, жебы ся черезъ то таковыи речы незвычайныи не плодили.

Далѣй тежъ, што есте просили господаря его милости, абы его милость вамъ земли Жомойтское за старосту дати рачылъ пана воеводу Полоцкого, его милость господаръ, маючи бачность на пана Петра Станиславовича и памятаючи тежъ на вѣрныи заслуги предковъ его милости пана воеводы Полоцкого, которые они къ предкомъ его милости заховывали, рачылъ его милость тымъ староствомъ его пожаловати и вжо его милость пана Петра Станиславовича, воеводу Полоцкого, на тую землю Жомойтскую вамъ за старосту даетъ, и вы бы о томъ вѣдали и его во всемъ были послушни таеъ, яеъ на старосту а раду его милости господарскую прислушуть.

За тымъ тежъ господаръ его милость казалъ вамъ мовити, ижъ хочеть его милость то по васъ мѣти и грозно вамъ росказуетъ, ажь ся есте отъ того часу таковыхъ речей незвычайныхъ не допушали и росказанье его милости господарское у великой важности собѣ мѣти и во всемъ волю его милости полнити и таеъ ся къ его милости господарю заховывали, яко на вѣрныхъ подданныхъ его милости прислуша.

(Литов. Метр. вн. Запис. XV, л. 197, 198).

№ 51.

Листъ, писанный до воеводы Виленского пана Олбрахта Клаштолта, въ розныхъ кривдахъ подданныхъ волости Бобруйское.

Жыегимонтъ и далѣй. Воеводѣ Виленьскому, канцлерю нашему, старостѣ Бѣлскому и Мозырскому, пану Олбрахту Мартиновичу Кгаштолту. Приходили къ намъ старцы и люди волости Бобруйское жалуючы и велико отежаючи о тяжести тыи, которыи имъ ся дѣють отъ писарей и отъ иныхъ вѣждчыхъ нашихъ, которыи есьмо послали на волости наши даней нашихъ выправовати, ижъ они за стадеи и за вымыслы свои и къ тому уѣзду немалую суму пенязей на себе

и на слугъ своихъ бирали не подлѣ давного обычая, для чого жъ и дань наша отъ нихъ уменьшала; и били намъ чоломъ, абыхмо отъ таковое тяжкости ихъ вызволили и писарей быхмо и иныхъ никого къ нимъ по дань нашу не вслалали, а поднимаючыся намъ сами сполна дань нашу выдавати. А такъ мы, хотячы то мѣти, ижъ быхмо въ дани нашей не шеодовали, на томъ zostавили, ижъ писары наши не мають до нихъ уѣждчати даней брати, нижли они съ старцы сами посполъ зъ вижомъ врадника твоей милости, подъ свѣдомомъ его, мають сполна вси дани наши якъ грошы, такъ и медъ и бобры и куницы, выбрати и меду посполъ съ тымъ вижомъ отвозити до ключа нашего на рокъ на Божье Нароженье, а пенязи на запусты великии до скарбу нашего; а за працу вижу тому, которого къ нимъ приставить врадникъ твоее милости, мають дати зъ данника по грошу. Къ тому довѣдали есьмо о томъ, ижъ люди по волостямъ нашимъ таковыи хитрыи обычая взяли, ижъ, коли часъ приходить дани наши выдавати, тогда они, опустившы отчизны свои, а черезъ годъ вживавшы, и на тотъ часъ отходить по инымъ волостемъ нашимъ, князьскимъ и паньскимъ, а какъ тотъ часъ оминеть, они зася къ своимъ домомъ приходить, а иные таки, тамъ по инымъ волостемъ мешкаючы, а отчизны держуть и земли пашуть и борти лязять, а даней нашихъ ни гдѣ не даютъ, а въ томъ намъ шкода а тяжкости подданымъ нашимъ дѣють, ижъ они за тыхъ сами дань нашу платятъ. А такъ мы то уставуемъ, ижъ ваша милость, державцы наши, кождый въ держаньи своемъ маєте то съ пильностью стеречи, ижъ жадного чоловѣка зъ иныхъ волостей нашихъ не маєте приимовати; который чоловѣкъ съ твоей милости держанья, зъ волости наше Бобруйское, до иншее волости наше отойдетъ, а съ чьего села, тогда сусѣди его мають то объявити враднику твоей милости и довѣдатися, куда пойдетъ, а врадникъ твоей милости маєть его оттолъ вывести и на отчизнѣ его посадити; а естли бы сусѣдове его враднику твоей милости не объявили, тогда сами повинни будутъ данину нашу за то заплатити; естли бы они его враднику твоей милости объявили, а онъ не вывелъ, тогда онъ повиненъ будетъ за того чоловѣка дань нашу самъ платити; естли жъ бы таковыхъ людей зъ иныхъ волостей нашихъ або князьскихъ и паньскихъ за обыланьемъ врадника твоей милости не выдано, тогда тыи державцы наши и князи и панове, або намѣстники ихъ, которые не выдаютъ, повинни будутъ за то намъ платити закладу сто копъ грошей. Къ тому, которые земли пустовскіи лежать впусѣ, а ихъ никто не держуть, на таковыхъ повинни будете ваша милость, отчючъ отыскавши, и посадити; а которые земли пустовскіи якъ пашныи,

такъ и бортныи, будетъ хто держати, тогда повинни будутъ сполна съ тыхъ пустошцынъ дань нашу платити; естли жъ бы хто зъ нихъ держалъ которое пустошцыны борти, а не пахалъ пашни, тогда повиненъ будетъ только дань медовую платити; естли бы хто не держалъ бортей, а держалъ землю пашную, тогда будетъ повиненъ дань грошовую платити и иныши доходы, што за грошовою данью идеть; а бортное дерево, што лежить въ пустѣ, тогда твоя милость маешь казати на насъ подлажывати, обравшы въ селѣ по человѣку. Зася о тии пустошцыны маешь ся твоя милость довѣдати въ кождомъ селѣ отъ старшихъ мужей, хто ихъ держыть, а они мають ихъ твоей милости повѣдати подъ присягою, а не втаити; а естли бы который зъ нихъ утаить, а опосли бы то на него переведено, тогда на таковомъ маеть на насъ быти вины дванадцать рублевъ грошей. Къ тому повѣдали передъ нами вси люди наши волости Бобруйское, ижъ они тыхъ пустошцынъ объѣжчаютъ, а межы себе не разбирають для того, ижъ врадники дей твоей милости отъ тыхъ пустошцынъ на нихъ берутъ доходы свои, котормы идуць на нихъ какъ отъ живого, такъ и отъ пустого; а такъ, естли быхмо отъ тыхъ пустошцынъ не казали врадникомъ твоей милости доходовъ на себе брати, поднимаючы ся намъ вси пустошцыны межы себе разобрати и дань нашу сполна выдавати. А такъ мы узнали то, ижъ то будетъ съ пожиткомъ нашимъ, на томъ есмы оставили, ижъ врадники твоей милости жадныхъ доходовъ отъ тыхъ пустошцынъ не мають на нихъ брати, а они мають ихъ всихъ межы себе розобрати и сполна намъ зъ нихъ дани наши давати. Такъ подлѣ тое уставы наше о тии дани наши маешь ся твоя милость заховати и съ пильностью того смотрѣти и довѣдывати, якъ быхмо въ томъ не шкодовали. И къ тому вся люди Бобруйскіи жаловали намъ, ижъ старцы частии меты мечуть на волость, и тии пенязи беручы, на свои потребности оборочаютъ. А такъ мы на томъ оставили, ижъ старцы тыхъ розметовъ сами вжо не мають на волости метати, нижили, коли на ихъ потребу волостную пенязей потреба вкажетъ, тогда они мають, зволившыся вся волость и весполовъ съ старцы, объявити то враднику твоей милости, а врадникъ маеть имъ прыдати вижа, передъ котормы они вижомъ мають на всю волость розметъ кинути такъ, якъ бы сума не перевышала, едно толко, колько бы имъ на тую потребу пенязей ввазывало, и тии пенязи вжо старецъ маеть зъ нихъ выбирать и на тии потребности ихъ давати. Писанъ у Вильни подъ лѣты Божьего Нароженья 1533 мѣсеца октября 12 день, индыкты 7.

(Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 172—174.

Указатель историко-географический.

А.

Авдѣевичи 288.
Азасская волость 258.
Айна 101, 113.
Алдыревъ см. Огдыревъ.
Алексѣичи 175.
Андрушевъ 233.
Антоновцы 230.

Б.

Бабиничи 275.
Бабичи 139, 289.
Бабичи 238.
Багловъ 229.
Багриново 253.
Байловцы 133.
Баймаки 234.
Баймаковъ 231.
Бакино 56.
Баковцы 233.
Бакота 57.
Бакота 229.
Бакшты 122.
Бакшты 339, 445.
Балашевичи 473.
Барщеговъ 231.
Басово 224.
Басино 128, 129, 132.
Басое 390.
Бегонь 223.
Бедькога 202, 204.
Бездѣжъ 193.
Белыяи 259.

Бердичевъ 244.
Берегъ 232.
Березна 224.
Березница 318.
Березово 226.
Березовець 286.
Березовичи 113.
Березоя 199.
Березуйско - Өмницкое княжество
284, 285.
Березцы 182.
Березцы 233.
Берестовица 168, 616.
Берестье или Берестей, 8, 10, 15—
18, 20, 21, 39, 180—183; прилож.
№ 19.
Бержаны 201, 203, 390; прилож. № 44.
Бержоры 203, 204.
Берновъ 805.
Бершадь 266.
Бершты 325.
Бесѣды 112, 580.
Виберево 286, 343.
Винкушки 594.
Виржаны 318.
Виржаняны 201, 203; прилож. № 44.
Виржи 203, 204.
Виринъ 246.
Вирштаны 145, прилож. № 4.
Вискупичи 228, 579.
Блаженники 227.
Бланевцы 234.
Ближевичи 277

- Блистовичи 289.
 Блудень 191.
 Блудовъ 215.
 Боболокъ 217.
 Бобровячи 194.
 Бобруйскъ 13, 105, 106, 342; прилож.
 № 12, 51.
 Бобръ 128.
 Бобынина земля 282.
 Бобыничъ 258, 260.
 Богачевичи см. Филиповичи.
 Богдашевъ 222.
 Бодаки 230.
 Бодачевъ 215.
 Бодинова 288.
 Бодяки 243.
 Божинъ 6.
 Болболъ 232.
 Болблы 227, 821.
 Болваничи 276; прил. № 2.
 Болваны 135.
 Болгары 196.
 Болжаницы 231.
 Болжно 260.
 Болники 167.
 Бологуша 199.
 Боложевичи 238.
 Болозерка Верхняя и Нижняя 232.
 Болотница 658.
 Болтишки 120.
 Больники 116.
 Большіе Дольцы см. Дольцы.
 Большово 285.
 Боранъ 121.
 Боратино 130.
 Бордзилово 819.
 Боремель см. Буремли.
 Борисовъ 103, прилож. № 48.
 Боровичи 288.
 Борокъ 233.
 Бортная волость 413, 440.
 Бортниковцы 265.
 Боруховъ или Борухъ 218, 596.
 Борховъ 289.
 Борщаговъ 235.
 Борщевка 232.
 Бочейково 258.
 Ботки 190.
 Ботоки 203, 204.
 Брагинъ см. Брягинъ.
 Бранскъ см. Брянскъ.
 Браславль Литовскій 2, 3, 9, 82—84.
 Браславль Подольскій 57, 59, 261—
 263, 264—266.
 Брасово или Брачово 321, 356, 627.
 Бретена 128, 132.
 Бродовъ 221.
 Бронницы 531.
 Бронскъ см. Брянскъ.
 Брусь 249.
 Бруховичи 213.
 Брягинъ или Брагинъ 13, 14, 238,
 239, 342; прилож. № 12.
 Брянскъ или Бранскъ, или Бронскъ
 185.
 Брянскъ или Дьбрянскъ, или До
 брянскъ 43—45, 277, 281.
 Бубновъ 226.
 Будогощь 137.
 Будятичи 227.
 Бужковичи 226.
 Буйгородокъ 268, 272, 276.
 Буйцы 286.
 Букче 200.
 Буремли или Боремель 215.
 Бурсоковцы 230.
 Бутины 229.
 Бучинъ 196.
 Буяцы 672.
 Бучичъ или Опичать 13, 14, 238, 342;
 прилож. № 12, 16, 17.
 Бѣлая 113.
 Бѣлая 183.
 Бѣлая 34, 285.
 Бѣлавичи 181.
 Бѣлгородка 231.
 Бѣлгородъ 220.
 Бѣлевъ 47, 49, 51.

Бѣлевъ 217.
 Бѣликъ 270, 271, 276; прил. № 2.
 Бѣлица 125.
 Бѣлица 160.
 Бѣлки 188.
 Бѣлки Рудыя см. Рудыя Бѣлки.
 Бѣловѣжи 242.
 Бѣловѣжи 576.
 Бѣлое Поле 228.
 Бѣлозерка 234.
 Бѣлока 233.
 Бѣлосорока 240.
 Бѣлый Берегъ 217.
 Бѣльскъ 15—18, 183—186.
 Бѣница 99.
 Бывалицы 284.
 Быстрица 110.
 Быстрѣя или Быстри 258, 260.
 Быхова 116.
 Бышковичи 277.

В.

Ваверка 169.
 Вавуличи 194.
 Ваганово 181.
 Вадито 271.
 Вакниши 140, 168.
 Валера 230.
 Вандрога 232.
 Ванено 186, 789.
 Варевцы 805.
 Варковичи 581.
 Василишки 156.
 Васильково 273.
 Веверяны 203, 204.
 Вевье 141.
 Ведроша 273.
 Везень 576.
 Везовцы 233.
 Вейсен 155, 442.
 Велавскъ 240.
 Велемичи 199.
 Велена 181.
 Велена 201, 208; прилож. № 34, 44.

Велижъ 249, 250, 704.
 Великая Вось 289.
 Великіе Орлы см. Орлы.
 Великое Поле 274, 283.
 Великое Селище 138.
 Великое Село 252.
 Велиць 214.
 Величковичи 409.
 Вельгоръ 577.
 Венгровъ 187.
 Верба 227.
 Вербая 233.
 Вербилова 255.
 Вербишно 228, 443, 463.
 Вербовець 230.
 Вервечичи 463.
 Вержавьскъ 268, 272, 273.
 Верки 122.
 Верняковцы 229.
 Верхній Ивачовъ см. Ивачовъ.
 Верхняя Болозерка см. Болозерка.
 Верхняя Волста см. Волста.
 Верховье 259.
 Верховье 285.
 Весь Великая и Малая см. Великая
 и Малая Вось.
 Весничы 259.
 Ветлица или Ветличы 271, 272.
 Ветлы 21, 225.
 Вешвяне 201, 203; прилож. № 44.
 Вешня 195.
 Взбыновъ 279.
 Вздолбница или Здолбница 222.
 Видишки 116.
 Видугали 201, 203.
 Виды 6, 84.
 Вижуны 120.
 Вилія 234.
 Вильгеса 201, 203; прилож. № 34,
 44.
 Вилькомиръ 8, 85, 90.
 Вильна 8, 82—125.
 Вильна 92, 93; прилож. № 9.
 Виртилишки 777.

- Виснаны 317.
 Вистичи 181.
 Витебскъ 8, 31—32, 248 — 254;
 прил. № 5, 39.
 Вишнево 121.
 Вишневецъ Старый и Новый 229,
 230.
 Вишолгово 200.
 Вичовка 195.
 Влашиновцы 230.
 Влучимъ 225.
 Водерды 219.
 Водоса 273.
 Возовая 230.
 Войдуны 108.
 Войнеговъ 233.
 Войнинъ 227.
 Воинъ 182.
 Войское 165.
 Войтовцы 265.
 Волкиниги 150, 151; прилож. № 27.
 Волковичи 333, 802, 803.
 Волковскийскъ 3, 162; прилож. № 8,
 30.
 Волковышки 173.
 Волковцы 232.
 Волконескъ 281, 282.
 Волконовъ (о) 132.
 Волпа 118.
 Володимиръ 39, 40, 209, 225—229;
 прилож. № 13.
 Воложинъ 115.
 Волосовичи 139.
 Волочекъ (Вяземскій) 283.
 Волочица 229.
 Волпа 169.
 Волста Нижняя 279.
 Волста Верхняя 283.
 Волчинъ 181.
 Волчичи 195.
 Волчковцы 265.
 Волынчо 288.
 Вонячинъ 263, 552.
 Вопецъ или Опецъ 269; прил. № 3.
- Ворше 226.
 Воряны 112, 579.
 Воронечъ 258.
 Воронечъ 272.
 Ворони 257.
 Вороничи 281.
 Вороно 247.
 Вороновецъ 232.
 Вороновичи 264.
 Вороновцы 234.
 Воронцевичи 253.
 Воротигорцы 286.
 Воротшино 268, 272.
 Воротыньскъ 47, 49, 51, 279.
 Ворочевичи 193.
 Вортель или Вортоль 183, 557, 644,
 788.
 Воряне 152.
 Вронковцы 234.
 Вручий или Овручь 239, 240; прилож.
 № 21.
 Всяя см. Усяя.
 Всеславъ 281.
 Встесна 275.
 Встеча 258.
 Выжба 228.
 Выжловичи 197.
 Выполозово 244.
 Вырки 280.
 Высокій Дворъ 144, 274.
 Высокое 188; прилож. № 32.
 Вычолги 181.
 Вышгородъ 243, 783, 784
 Вышегородъ 278.
 Вышковъ 186, 187.
 Вышковъ 219, 565.
 Вышково 274.
 Вѣденичи 258, 261.
 Вѣжична 279.
 Вѣжки 191, 192.
 Вѣжки 805.
 Вѣжно 280.
 Вѣница 59, 261—264.
 Вѣтрная или Вѣтрына 258, 259.

Вядо 132, 194.
 Вяжище 258.
 Вязма 255.
 Вязовець 169.
 Вязовець 265.
 Вязовцы 601.
 Вязыня 117, 118.
 Вязьма 33, 35, 232—284.

Г.

Гайна 182.
 Ганусишки 86.
 Ганязь 185.
 Гатное 246, 538.
 Гатово 121.
 Гать 194.
 Гдѣхонецъ 229.
 Гедройтъ 111.
 Герановы Старые или Жикгимонто-
 вы 119.
 Герановины 119.
 Гвиштовцы 229.
 Глазомичи 250.
 Гливи 284.
 Глинная 194.
 Глинная 199.
 Глинсько 222.
 Глинскъ 245, 246.
 Глубокое 258.
 Глубочекъ Нижній 229.
 Глупонинъ 528.
 Глускъ 116.
 Глуховъ 47.
 Глушица 269, 367; прил. № 3.
 Гнидава 216, 365.
 Гнидинцы 234.
 Гнилица 229.
 Гнойно 227.
 Гнойница 394.
 Гвѣвичи 194.
 Гвѣдковичи 530, 578.
 Гвѣздячная 229.
 Гвѣзная 169, 556.
 Говдыревъ см. Огдыревъ.

Говеновичи 170.
 Говеновичи 259.
 Годомичи 219, 556.
 Годышово 800.
 Гойдутьшиш 109, 306, 593, 594.
 Голени 231.
 Голобы 213.
 Головачовцы 262.
 Головинъ 223.
 Головчино (29).
 Головчинъ 617.
 Головчичи 430, 535.
 Голомысль 258, 395.
 Гольци 199.
 Гольцово 253.
 Гольшаны 116.
 Гомель или Гоміі 46, 288, 289.
 Гоммель или Гомье 258, 260, 494.
 Гонецкая волость 257.
 Гора Малева см. Малева Гора.
 Горбачево 117.
 Горбово 183.
 Горбовцы 230.
 Горволь 166, 342; прилож. № 12.
 Горескъ 288.
 Горка Каменная см. Каменная Горка.
 Горки 192.
 Горки 221.
 Горки 297.
 Горки 447, 525.
 Горное 196.
 Горовъ 228.
 Городенець 226.
 Городецъ 190, 191.
 Городецъ 617.
 Городецъ 576.
 Городечно 128, 132.
 Городечно 273, 277, 278.
 Городилово 666.
 Городискъ 185.
 Городискъ 246, 308.
 Городище 131, 133.
 Городище 190.
 Городище 233.

Городище 462, 544.
 Городище Добры см. Добры Городище.
 Городище Лазарево см. Лазарево Городище.
 Городло 225.
 Городница 219, 222.
 Городно 3, 8—10, 174—180; прилож. № 43.
 Городно 192, 224, 454.
 Городокъ Давыдовъ 23—25, 198, 200.
 Городокъ 138.
 Городокъ 188.
 Городокъ 223, 230.
 Городокъ-Лучинъ см. Лучинъ-Городокъ.
 Гороховъ 214, 215, 590.
 Горы 253, 254.
 Госпля 471, 816.
 Гостилово 471, 816.
 Гостомль 560, 799, 800.
 Гостьская Лука 120.
 Гоща 499.
 Гоцково 442.
 Грабово 226.
 Гребень 119, 572.
 Гребинно 582.
 Грезаны 420.
 Грезскъ 168.
 Гривовица 227.
 Гриковичи 569.
 Гриньковцы 235.
 Гривевичи 135, 538.
 Грошинъ 247.
 Гружи 167.
 Груздово 121, 654.
 Грушовая 191.
 Губинъ 214.
 Губинъ 231.
 Гулева 233.
 Гуменики 217, 801.
 Гусовичи 288.
 Гутовъ 193.
 Гуцинцы 229.

Гуцинцы 264.
 Гуй 117, 118.

Д.

Давыдовъ Городокъ см. Городокъ Давыдовъ.
 Даниловичи 277.
 Даниловичи 289.
 Данковичи 192.
 Данковцы 265.
 Данички 162.
 Даньково 286.
 Дашевъ 264.
 Дашковцы 234.
 Дашковъ 59.
 Дворецъ 24, 200.
 Дворецъ 230.
 Дворецъ 234.
 Дворецъ Новый см. Новый Дворецъ.
 Дворъ Высокій см. Высокій Дворъ.
 Дворъ Новый см. Новый Дворъ.
 Девенишки 119.
 Дегна 277.
 Демена 268, 277, 278.
 Дементьево 268.
 Демидово 263.
 Демянковичи 461.
 Денисковичи 134.
 Даревко 405.
 Деревная 162.
 Деремно 138.
 Деречинъ 169; сравн. Ботчинъ.
 Дерманъ 222.
 Дернъ 219.
 Дертна 340.
 Десна 258.
 Дешковцы 234.
 Дешковцы 263.
 Джуринъ 265.
 Дивичи 138.
 Дилусы. 528.
 Дисна 92—94.
 Дирваны 201, 203; прилож. № 44.
 Дмитровъ 277, 433.

Добошны 116.
 Добрая Вода 229.
 Добринь 223.
 Добромысль 135.
 Добройъжъ 181.
 Добры Городище или Добрыгощина
 258, 259.
 Добрынъ 183, 317.
 Добрянскъ см. Брянскъ.
 Добрятинъ 219.
 Добучины 190, 191.
 Довкгелишки 119.
 Довкги 147; прилож. № 20, 25.
 Довкгойны 425.
 Долбуновъ 222.
 Долгишки 116.
 Долгобороды 182.
 Долгошинцы 229.
 Дольцы Малые и Большия 257, 259.
 Долятичи 128, 132.
 Доманика 230.
 Домашичи 197.
 Домыслинъ 288, 590.
 Дондегевичи 200.
 Доркишки 116.
 Дорогинъ 241.
 Дорогичаны 538.
 Дорогичинъ 15—19, 186—188.
 Дорогобужъ 224, 791.
 Дорогобужъ 273, 274.
 Дорогово 131, 133.
 Доросинъ 214.
 Дорсунишки 142; прилож. № 21.
 Достоево 193, 197.
 Дречъи Луки 249.
 Дрибово 232.
 Дриса 255, 811.
 Дрисваты 84.
 Дроковъ 136, 137, 290, 343.
 Дружловичи 193.
 Друзка или Рутка 214.
 Друцкъ 250—254.
 Друя 83, 84.
 Дряжнево 789.

Дубина 118.
 Дубинки 90, 92.
 Дубинки 120.
 Дубичи 153—155.
 Дубища 231.
 Дубище 234.
 Дубна 286, 343.
 Дубно 222, 791.
 Дубно 174, 177.
 Дубоя 194.
 Дубровица 116, 221.
 Дубровица 227.
 Дубровки 597.
 Дубровна 55, 56.
 Дубровна 252.
 Дубровна 275.
 Дуброво 283.
 Дубровы 120.
 Дудичи 616.
 Дунаевъ 234.
 Дунилловичи 117.
 Дуровичи 289.
 Дусьменъ 119, 120.
 Дьбрянскъ см. Брянскъ.
 Дьяковъ 221.
 Дѣвица 288.
 Дѣтковцы 233.
 Дьявлятово 120, 570.
 Дятковичи 223.

Е.

Евань 258, 260.
 Евнишки 120.
 Едупи 579.
 Ездно 140.
 Ейшишки 151, 152.
 Елецъ 52—54.
 Елна 268, 270, 271, 273, 494, 878,
 789.
 Еловець 276.
 Еремѣвцы 234.
 Еремковичи 244.
 Ермолицы 264.
 Ероснишки 116.

Есковцы 233.

Ествишищи 146.

Ж.

Жабко 286.

Жабко или Жабче 216, 613.

Жабичи 197.

Жабынь 55, 56.

Жакгоры 203, 204, 787.

Жаховичи 480.

Ждать 283.

Жджары 226.

Жеймы 778.

Жердь 232.

Жеребковичи 134.

Жереминь 280.

Жересперь 270.

Жерынь 281.

Жеславль 8, 116.

Жесна 118.

Жидичинь 219.

Жидче 196.

Жижморы 141, 142.

Жишцы 249, 343.

Жилинь 284.

Жировичи 182.

Жирятинь 604, 605

Житинь 117.

Житковичи 197.

Житомиръ 241.

Жмудъ 8, 10, 35, 36, 201—208.

Жяняны 528.

Жодишии 121, 789.

Жолважь 246, 308.

Жолкинъ 195.

Жолобы 234.

Жолтоносевичи 582.

Жолудокъ 158.

Жорновица 262, 264.

Жорновки 223.

Жорославка 175 176, 308

Жоряны 201, 203.

Жосецкая волость 206.

Жосли 168.

Жукинъ 244, 318, 457.

Жуковъ 216, 303, 582.

Жулинъ 273, 277.

Журавичи 218.

Жуховичи 132, 692.

З.

Забашевичи 6.

Заберезинь 117, 118.

Заблудовъ 179.

Заболотцы 226.

Заболотье 169, 445.

Заболотье 564, 565.

Забороль 218.

Забороль 223.

Завадкини 231.

Завидовъ 228.

Завшье (Заушье) 243.

Загайцы 230.

Загатье 260, 409.

Загоровцы 235.

Задвинскія волости 342, 343.

Задвичичи 197.

Задорожье 196.

Задорожье 258.

Зачичи 225.

Зазеряне 252, 339

Заклинъе 286.

Закревьє 121.

Заледцы 318.

Залидовъ 277.

Залоконье 279.

Залужье 229.

Залъстье 232.

Залъсьє 257, 809.

Залъсьє 289.

Замостьє 200.

Замощьє 255.

Замощьє 277.

Занковцы 229.

Заопье 274.

Западинцы 231.

Зарудье 584.

Засельє 138.

Заславъ 221, 222.
 Затурцы 803.
 Захаровцы 231.
 Защитовъ 228, 356.
 Заяковъ 116.
 Збарашъ 59, 229.
 Збировы 328, 461.
 Збляны см. Избляны.
 Збунинъ 182.
 Звинигородка 59, 262, 263, 266.
 Звиничая 215, 570.
 Звѣровичи 275, 276.
 Звѣровъ 218.
 Звяголь 241, 788.
 Зденижъ 563, 645.
 Здитовъ (о) 3, 24, 161.
 Здолбца см. Вздолбца.
 Здѣтель 160.
 Зейденовцы 265.
 Зелва 163, 169.
 Зенковцы 234.
 Зеньцовское 161, 165.
 Зозулки 234.
 Золотаревичи 372.
 Золотеево 117.
 Золотовичи 414, 456.
 Зубовцы 231.
 Зубревичъ 253.
 Зчарки 227.
 Зѣмно 226.
 Зятковцы 265.

И, I.

Иберызичи 405.
 Иванинъ 221.
 Иванково 270.
 Ивановичи 473.
 Ивановскій дворець 269, 367; прил.
 № 3.
 Иванчичи 195.
 Иванъ 133.
 Ивачевичи 170.
 Ивачовъ Нижній и Верхній 229.
 Ивенець 119, 572.

Ивье 119, 120.
 Игумнова Слобода 273.
 Избляны или Збляны 159, 186.
 Игажно 84.
 Илемница 248, 768. прил. № 5.
 Ильменица 113.
 Индура 179.
 Ючичи 135.
 Исlochъ 114, 115.
 Ицолно 169.
 И.
 Иадичи 130.
 Иалуговичи 278.
 Иалусово 792.
 Иаменець Литовскій 15—17, 164,
 165; прилож. № 28.
 Иаменець Подольскій 57—59.
 Иаменець 113, 114.
 Иаменець 284.
 Иаменица 182.
 Иаменица 234.
 Иаменная Горка 264.
 Иамень 118.
 Иамень 225, 226.
 Иамплиносы 182.
 Ианевъ 242.
 Иараевичи 223.
 Иарачевъ 52, 280, 281.
 Иарновичи 178.
 Иаспя 276.
 Иатынь 275.
 Иачановичи 196.
 Иачибей 59.
 Ивасилонъ 390.
 Ивасовка 179.
 Игенгужинъ 172, 173.
 Игервидане 567.
 Игнятилишки 203, 204.
 Игирдишки 806, 807.
 Игондинка 201, 203; прилож. № 44.
 Игойшово 202.
 Игоряды 203, 204.
 Игружи 793.
 Иейданы 203, 204.

- Кельвены 401.
 Кельмы 201, 203.
 Керновъ 7, 9, 10, 90.
 Кирillowичи 258.
 Кіевецъ 119, 572.
 Кіевецъ 183.
 Кіевъ 10, 36—38, 235—248; при-
 лож. № 15.
 Клебановцы 229.
 Клеванъ 217, 220.
 Клевица 553, 597.
 Клетня 231, 234.
 Клецкъ или Клецескъ 23, 25, 134—
 136.
 Клещелязы 185, 768.
 Климентово 110.
 Климентово 223.
 Клинь 284.
 Клично 255.
 Клищево 265.
 Клодутьяны 87.
 Клочковъ 289.
 Клыпино 279.
 Кляпець 247.
 Кнесто 6, 201
 Кнориды 318.
 Кнубово 196, 664.
 Кнышинъ 185.
 Княжичи 14, 123, 124.
 Княжичи 388.
 Кобельники 111.
 Кобринъ 15, 17, 21, 22, 190—192.
 Кобыличи 119, 572.
 Кобыля 231, 235.
 Ковель 226.
 Ковенъ 170—174. прилож. № 22,
 32.
 Ковнятинъ 194.
 Ковыля 247.
 Ковыльня 277.
 Когабрынъ 55, 56.
 Кодень 182, 183.
 Козельскъ 50, 52—54.
 Козинъ Островъ 214.
 Козиничи 213.
 Козиничи 288.
 Козлово 284.
 Козничч 218.
 Койдановъ 114, 115.
 Кокоревъ 234.
 Кокотовъ 805.
 Коктасовцы 233.
 Колдыревичи 538.
 Колесниговское 629.
 Колки 218, 526.
 Колковичи 280.
 Колникъ 264.
 Колодеси 114.
 Колодеси 137, 302.
 Колодеси 216, 613.
 Колоденъ 229.
 Колодое 390.
 Колокъ 133.
 Колонскъ 194.
 Колосово 234.
 Колочинцы 231.
 Колошаны 790.
 Колтаняны 120.
 Колтяны 202.
 Колчовъ 288.
 Колыхалово 582.
 Колыцинцы 233.
 Кольчинъ 216.
 Кольчинъ 228.
 Кольчинъ 231.
 Комаргородъ 265.
 Комаринъ 232.
 Комоности 594.
 Коморы 196.
 Коначовичи 230.
 Колева 153—155.
 Колево 125.
 Контяжинъ 120.
 Конюхи 228, 358.
 Коняны 318.
 Копотковичи 276.
 Коптевичи 238, 495.
 Копыли 219, 565.

- Бопыль 24, 37, 133.
 Бопыля 274.
 Бопыстеринь 265.
 Кордышевъ 230.
 Кордышовъ Ставъ 233.
 Бореневцы 265.
 Бореличи 128, 132.
 Борець 221, 222.
 Борляне 201, 203.
 Борляны 203, 556.
 Бормыжь 120.
 Борнялово 172.
 Борняно 390.
 Борница 232.
 Коробки 280.
 Боровчино 268.
 Бороцино 182.
 Борсынь 220.
 Боршово 201, 203; прилож. № 44.
 Боршовъ 222.
 Борытица 227.
 Босичи 119, 572.
 Босково 223.
 Бостенець 231.
 Бости Песыи см. Песыи Бости.
 Бостынашь 451.
 Ботеръ 55, 56.
 Ботра 179.
 Ботчищи 240.
 Ботчинъ или Деречинъ 340.
 Ботюжицы 232, 234.
 Бохановское 271, 353, 433.
 Бошевичи 197.
 Бошевичи 250.
 Бошелевичи 444.
 Бошелевка 234.
 Бошели 441.
 Бошерекъ или Бошоръ 225, 226.
 Бошчичи 444.
 Брабово 431.
 Крайшино 279.
 Брасиловъ 231, 234.
 Брасене 221.
 Брасненская волость 266.
 Брасновичи 139.
 Брасное 137, 302.
 Брасное 216, 365.
 Брасное Великое 218.
 Брасное Село 95, 96, 99, 100, при-
 лож. № 48.
 Брасносельцы 334.
 Брасный 269; прил. № 3.
 Брасноселки 227.
 Брасово 197.
 Брасовъ 215.
 Брашино 90.
 Брево 8, 95—98; прилож. № 48.
 Бременая 273, 274, 276.
 Бременецъ 39, 59, 209, 229—235,
 прилож. № 1.
 Бречевичи 213.
 Бривая 253.
 Бривино 261.
 Бривичи 118.
 Бривичи 197.
 Бривицы 592.
 Бринки 177; прилож. № 29.
 Бричевъ или Брычовъ 107, 342;
 прилож. № 12, 40, 46.
 Бричяна 531.
 Брожи 201, 203.
 Брожиромъ 120.
 Бромъ 282.
 Бропивна 264.
 Брошино 131, 133.
 Брошня 654.
 Бругиль 226.
 Бруговичи 134.
 Брупа 221.
 Брупецъ 216.
 Брутневъ 233.
 Брухичичи 228.
 Брычовъ см. Бричевъ.
 Брыковцы 264.
 Бубарка см. Новое Село.
 Бубличи 257, 259, 801.
 Бубогъ 255.
 Бувечичи 289.

Бугорскъ 199.
 Бударяцево 270.
 Бузынь прилож. № 1.
 Бузынь 212, 231.
 Бузынцы 265.
 Бузыничи 240.
 Бульчаевцы 234.
 Бульчинъ 234.
 Буна 264.
 Бунинъ 222.
 Буничное 264.
 Буносово 113, 114.
 Бунскъ 286.
 Бупицъ 567.
 Бупишки 88.
 Бунятинъ 187.
 Бупятичи 197.
 Буренецъ 99, 119; прилож. № 43.
 Буриловъ 289.
 Бурляи 120.
 Бурляи 167.
 Бурскъ 247.
 Буты 230.
 Буты 234.
 Буршановичи 135.
 Бухче 195.
 Бушлейково 819.
 Бушлинъ 233.
 Бцынь 279.
 Бшоловы 816.

Л.

Лабынь 288.
 Лабянка 229.
 Лаврово 219.
 Лагшинъ 194.
 Ладосна 257.
 Лазарево Городище 272, 277.
 Ланевцы 234, 601.
 Лапичи 289.
 Лахва 119, 120.
 Лебедево 117.
 Лебеди 222.
 Леоновичи 134.
 Ледуховъ 233.

Лемница см. Илемница.
 Лепесовка 234.
 Лепль 257.
 Лепуны 673.
 Лепунъ 150, 151; прилож. № 27.
 Летинъ 264.
 Летичевъ 59.
 Лецики 234.
 Лида 95, 96, 100, 101; прилож. № 36.
 Лидовяны 203, 204, 556.
 Ликаревцы 235.
 Линенцы 264.
 Липая 216.
 Липицы 279.
 Липковцы 234.
 Липнишки 119.
 Липовая 6.
 Липскъ 179.
 Липяги 229.
 Лисна 255, 256.
 Лиственъ 288.
 Листвинъ Малый 289.
 Литовицъ 226, 227, 312.
 Литовскій Буть 229.
 Лихвичи 327.
 Лихачово 771.
 Лобковичи 361.
 Лобковщина 223.
 Лободинъ 55, 56.
 Лобучово 566.
 Ловаришки 109, 528, 597.
 Логинскъ 279.
 Логожскъ 113, 114.
 Лозичи 196.
 Лозовое 229.
 Лозы 230.
 Ломазы 182.
 Лопастичи 286.
 Лопатинъ 246.
 Лопатинъ 274.
 Лопеница 169.
 Лопошь 321, 481, 627.
 Лопушная 229.

- Лосево 189; прилож. № 7.
 Лосичи 189.
 Лосичи или Лошичи 247.
 Лоскъ 120.
 Лососинная 162, 303.
 Лосятиничи 232.
 Лугань 279, 597.
 Лугиновичи 258.
 Лужесна 248, 768; прилож. № 5.
 Лука Гостьская см. Гостьская Лука.
 Лукомъ 219, 565.
 Луки 286.
 Луки Дречъи см. Дречъи Луки.
 Луки Свиrkовы см. Свиrkовы Луки.
 Лукомль 258, 260.
 Лугово 463.
 Лутчичи 99.
 Луциъ 39, 40, 209—225.
 Лучинъ-Городокъ 268, 274, 277, 279.
 Лыниены 92—94.
 Лыштуны 121, 579.
 Лысовцы 226.
 Лычино 277.
 Лычино 554.
 Любовь 223.
 Лъла 284.
 Лътки 244.
 Лъшная 227.
 Лъшная 234.
 Любавичи 252.
 Любавичи 276.
 Любань 134.
 Любашево 134.
 Любечъ 114, 244.
 Любешовъ 579.
 Любоково 286.
 Любомль 225.
 Любошаны 103, 104, 342; прилож.
 № 12.
 Любошково 249, 768; прилож. № 5.
 Любре или Рубль 199.
 Любунъ 277.
 Любуцкъ 277.
 Любуты 286, 343.
- Любче 214, 215.
 Любчъ (Любчо) 3, 128, 129, 132.
 Любляжь 225.
 Людвищи 233.
 Людимскъ 280.
 Людогощъ 137.
 Лютогощъ 220.
 Ляли 788.
 Ляховичи 197.
 Ляхово 128, 131, 133.
 Ляхово 224.
 Ляховцы 232.
- М.
- Майковцы 234.
 Макарово 259.
 Максимово 269, 270; прил. № 3.
 Малая Весь 289.
 Малева Гора 578.
 Малеве 135.
 Малешево 199.
 Малинницы 234.
 Малые Дольцы см. Дольцы.
 Малые Орлы см. Орлы.
 Малый Листвинъ см. Листвинъ Ма-
 лый.
 Малынь 232.
 Маневъ Старый 229, 230.
 Маньковичи 121.
 Маньковское 654.
 Марковичи 214.
 Марковичи 232.
 Марковичи 289.
 Марково 95, 96, 98, 99; прилож.
 № 43.
 Марковъ Ставъ 226.
 Мартыновскій дворъ 276.
 Масевичи 198.
 Масевичи 242.
 Матеевцы 233.
 Мацевичи 231.
 Махаринцы 231.
 Махновцы 264.
 Мглинъ 14, 136.
 Медвѣдичи 135.

- Медвигоны 201, 203.
 Медыня 229.
 Межево 257.
 Межириче 221.
 Меширѣчье Подляшское 190.
 Межево 251.
 Межрудъ 289.
 Мезековъ 263, 366, 556.
 Мезочоскъ 55, 56, 280.
 Мелешковичи 259, 260.
 Мелкіяновичи 667.
 Мельная 230.
 Мельникъ 15—18, 20, 189, 190;
 прилож. № 7.
 Мельница 213, 214, 225.
 Мельня 246.
 Мемежи 249.
 Менижъ 108.
 Меньшое 559.
 Мервинцы 264.
 Меречь 148—150.
 Мещовскъ см. Мезочоскъ.
 Мечтовъ 229.
 Микулино 252.
 Микулинцы 263, 556.
 Микулинъ 678.
 Микуличи 164.
 Милковичи 560.
 Милановичи 226.
 Милейчици 181.
 Милолюбъ 247.
 Милославичи 537.
 Милошево 130.
 Мильковичи 258, 260.
 Минскъ см. Мѣнскъ.
 Миньковцы 233.
 Мирново 286.
 Мирковъ 216.
 Мирошино 189.
 Михайловское 137.
 Михалково 289.
 Михалковцы 265.
 Миценги 283.
 Млиновцы 230.
 Млыново 211, 217.
 Могилевъ 122, 123, 125, 343.
 Могилень 283.
 Могильна 193.
 Могильно 227.
 Могильное 113, 114.
 Мозырь 13, 14, 238, 342; прилож.
 № 12, 16, 17.
 Монсеевъ Ставъ 233.
 Монсеевцы 229.
 Мейшагола 90—92.
 Мокишинъ 289.
 Мокрець 178, 328.
 Мокрець 227, 454.
 Мокрое 231.
 Мокряны 134.
 Молвотинъ 576.
 Молвятицы 286.
 Молодечно 113.
 Молодигловичи 552.
 Молодово 193.
 Молота 284.
 Молохва 274, 275.
 Молчадь 160.
 Молявица 178, 590.
 Момуровъ 265.
 Монивидова Слобода 285.
 Мордино 200.
 Морды 187.
 Мореве 286.
 Морозовцы 229.
 Морovesкъ 288.
 Морочно 196.
 Морочь 134.
 Мосалескъ 52, 53, 277.
 Мосоревцы 229.
 Мосори 214.
 Мостевичи 200.
 Мостици 226.
 Мосты 132.
 Мосты 178.
 Мотоль 193.
 Мошники 255.
 Мошны 242.

Моцниновичи 283.
 Моцниъ 277, 278.
 Моцниъ Пустой 279.
 Мстибогово 163, 164.
 Мстиславецъ 273, 274.
 Мстиславль 13—15, 136 - 139.
 Мстишинъ 221.
 Мужечь 247.
 Мукободы 186, 187.
 Мулеевцы 234.
 Мунчицы 234.
 Муравинъ 195.
 Мусинки 620.
 Мусыръ 258.
 Мутишинъ 274.
 Мушковичи 271.
 Мшанецъ 229.
 Мценскъ или Мченескъ 51, 52, 277,
 278.
 Мызовъ 218.
 Мѣдники 95, 96; прилож. № 23, 48.
 Мѣдники 119.
 Мѣдники 202, 204.
 Мѣзна 188.
 Мѣзово 226.
 Мѣница 258, 259.
 Мѣнскъ или Минскъ 8, 12, 13, 101,
 102, 302; прилож. № 10, 48
 Мѣстловъ 279.
 Мадель 111, 112.

Н.

Навозъ 219, 565.
 Навозъ 243.
 Наволокъ 286.
 Надславль 284.
 Нарва 185.
 Нарвидишки 151.
 Нарудъ 220.
 Настаганцы 852.
 Нача 135.
 Начишки 151.
 Невда 131, 133.
 Неведро 257.

Невле 196.
 Невль 772.
 Невороны 448.
 Невѣстница 288.
 Негневичи 128, 129, 132, 802.
 Негодынь 283.
 Негомиръ 284.
 Недоходовъ 277.
 Недрезка 120.
 Нежелская 249, 250, 343.
 Нежда 271.
 Незнаново 280.
 Некрасова 273.
 Неменчинъ 92, 93; прилож. № 9.
 Немерзка 55, 56.
 Немиръ 246.
 Немонойти 146, 147.
 Непае 183.
 Непоротовичи 255, 256.
 Несвижъ 119, 120.
 Несвиць 219, 220.
 Нестеровцы 265.
 Несторова 234.
 Несухойжи 226.
 Нетеча 169, 556.
 Нечатовъ 195.
 Нецедра 255, 256.
 Нижний Глубочекъ см. Глубочекъ.
 Нижняя Болозерка см. Болозерка.
 Нижняя Волста см. Волста.
 Низголовъ 258, 260.
 Ница 257.
 Ничанъ 247.
 Нобель 196, 664.
 Новая Слободка 584.
 Новгородокъ Литовскій 3, 4, 7, 8,
 10, 126—133; прилож. № 18.
 Новгородокъ Сѣверскій 44—47, 288,
 290.
 Новики 272.
 Новиковцы 229.
 Новое Село 56.
 Новое Село или Кубарка 128, 132.
 Новое Село 229.

- Новоселки 215.
 Новоселки 238.
 Новоселки 675.
 Новоселица 264.
 Новоселица 288.
 Новосельцы 212.
 Новосель 47—49, 51.
 Новый Вишневецъ см. Вишневецъ.
 Новый Дворецъ 114.
 Новый Дворъ 157.
 Новый Дворъ 164; прилож. № 30.
 Новый Ставъ 217.
 Норыловъ 233.
 Носковцы 265.
 Носово 189; прилож. № 7.
 Носово 244.
 Носовцы 264.
 Нуловицы 135.
 Нѣгомль 273.
 Нѣздилово 279.
 Нѣжковичи 584.
 Няньковичи 196.
- О.
- Обарницы 229.
 Обаровъ 223.
 Обеле 86.
 Обзырь 213.
 Оболва 273.
 Обольцы 124, 125.
 Обчовъ 231.
 Объяльцы 261.
 Овадно 228.
 Овруть см. Вручій.
 Овсековское 617.
 Огаревичи 134, 675.
 Окдыревъ или Акдыревъ, или Говды-
 ревъ 55, 56, 280.
 Одарчиновъ 288.
 Одельскъ 178.
 Одоевъ 47—49, 51.
 Одрьжанинъ 192.
 Ожа 155.
 Ожвинты 92—94.
- Ожеговцы 233.
 Ожуничи 654.
 Ожуны 121.
 Озаричичи 331.
 Озарково 271.
 Озераны 222.
 Озерескъ 279.
 Озерское 125.
 Озерица 249, 250, 342
 Озерище 273.
 Озерцо 249, 343.
 Озерцы 253.
 Озеры (а) 177; прилож. № 29.
 Ойрагола 201, 203; прилож. № 44.
 Омьяны 203, 204.
 Окнины 233.
 Окуличи 138.
 Окушинъ 224.
 Олбизъ 192, 579.
 Олевско 242, 243.
 Олексинецъ 113.
 Олексинецъ 229.
 Олешковичи 207.
 Олешна 55, 56.
 Олешна 576.
 Олешница 232.
 Олешиничи 408.
 Олешье 83, 84.
 Олипсы 233.
 Олита 118.
 Олита 146, 147.
 Олишковичи 219, 565.
 Оловянчино 229.
 Олоповъ 280.
 Олово 559.
 Олучичи 107, 343; прилож. № 46.
 Олховецъ 284.
 Олыка 120.
 Ольбецкая волость 798, 799.
 Ольговичи 133.
 Ольгоме 200.
 Ольгово 583.
 Ольпень 199.
 Ольша 230.

Олесевцы 233.
 Ометинцы 264.
 Оникшты 85, 88; прилож. № 26.
 Оникшиновичи 139.
 Онохово 332.
 Онышковцы 230.
 Опаковъ 277, 278.
 Опець см. Вонепць.
 Ополе 193.
 Опрѣливцы 229.
 Опса 83, 84.
 Опчить см. Бячть.
 Оратовъ 264.
 Орень 55, 56.
 Орла 186.
 Орленна 138.
 Орля 278, 399.
 Орлы Великіе и Малыя 199.
 Орнеры 56.
 Оршовцы 229.
 Орсоповъ Ставъ 220.
 Орша или Ръша 250, 251; прилож.
 № 48.
 Орѣховна 283.
 Орѣховна 258, 260.
 Орѣховцы 229.
 Орѣховъ 220.
 Освіа 255, 256.
 Осколь 247.
 Оскратинцы 229.
 Осмиговичи 215.
 Осмоловичи 135.
 Осники 234.
 Осовникъ 281.
 Осовичи 281.
 Осово 121.
 Осташинъ 114, 128, 129, 132.
 Остеръ 243.
 Остолоповъ 264.
 Остриковское 235.
 Островецъ 229.
 Острогъ 40, 221, 791.
 Острожець 219.
 Остринъ 157.

Отвержици 199.
 Отъѣздець 284.
 Онохово 805.
 Охремовцы 229.
 Очбы 233.
 Ошвинтаны см. Швинтаны.
 Ошмена 8, 95, 96; прилож. № 33,
 48.
 Ошмена 117.
 Ошменково 265.
 Ощитковъ 265.
 Ощитовъ 273.

П.

Павлинки 168, 616.
 Павловичи 228.
 Панашевцы 234.
 Паньковцы 232.
 Паршевичи 197.
 Пасачевичи 219, 565.
 Патинъ 288.
 Патрикозы 676.
 Пацинъ 272, 273, 281.
 Пашковцы 234.
 Пекулово 211, 217.
 Пеняны 85, 87, 88.
 Перевална 155.
 Передимиръ 230.
 Перекопъ 288.
 Перелая 150; прилож. № 5.
 Переломъ 155.
 Перемилье 215.
 Перемиловцы 223.
 Перемышль 49, 50, 52, 54, 55, 279.
 Переславль Русскій 247.
 Пересопница 220.
 Переходичи 199.
 Перешичи 259.
 Пержалы 187.
 Пернорово 202.
 Песочно 213, 344.
 Песьи Кости 247.
 Петничаны 264.
 Петриновичи 179.

- Пехновъ 181.
 Печиховсты 215.
 Пинскъ 23, 25, 38, 192—198.
 Пишно или Пѣшня 257, 259.
 Пищатинцы 233.
 Плавѣецъ 249, 250, 343.
 Плотега 202, 204.
 Плотница 195.
 Плохово 289.
 Побоево 163, 164, 593.
 Повидишки 119, 572.
 Повондене 201, 204.
 Поворско 213, 214.
 Погоновичи 554.
 Погорѣла 234.
 Погорѣлая 273.
 Погость 84.
 Погость 133.
 Погость 196.
 Погость 200.
 Погостица 277.
 Погребница 263, 264.
 Подберезье 253.
 Подгайцы 216.
 Подгайцы 233.
 Подлужечко 233.
 Подлѣсцы 214.
 Подлѣсцы 219.
 Подлѣсье 220.
 Подляшское Межирѣчье см. Межи-
 рѣчье.
 Подляшье 18, 19; прилож. № 32.
 Подиѣпрскія волости 13, 342, 343;
 прилож. № 12.
 Подолье восточное или Побужье 59,
 60.
 Подолье западное или Подиѣстровье
 57—59.
 Подоляне 117.
 Подрѣже 214.
 Пожежинъ 182, 337.
 Покиниччи 281.
 Покровская волость 287.
 Полбрегъ 128, 132.
 Полжъ 219.
 Полкотиччи 197.
 Положане 104, 337.
 Полонная 128, 130, 132, 527.
 Полонная (га) 205.
 Полонка 128, 130—133, 320.
 Полонка 595.
 Полонное 113.
 Полонное 219.
 Полонный 222.
 Полоцкъ 28—31, 254—261.
 Полошовиччи 592.
 Полуберезье 833.
 Полужье 131, 133, 597.
 Полчасе 217.
 Полье 132.
 Полье 182.
 Полѣсье 23, 135, 168.
 Полѣсье 286.
 Полюбиччи 337, 552, 590.
 Поминиччи 867.
 Понизовье 286.
 Попелюхи 266.
 Попина 194.
 Поплочане 326.
 Попова Гора 136, 137, 290.
 Попорти 141.
 Порадинно 137.
 Прицкъ 228.
 Причье 193.
 Порозово 164; прилож. № 30.
 Порожная 229.
 Портско 305.
 Порыски 279.
 Порыцкъ Средній 569.
 Порѣчье 116.
 Порѣчье 197.
 Порѣчье 233.
 Порѣчье 270, 272.
 Посиниччи 197.
 Посконъ 581.
 Посовчане 233.
 Постояннига 202.
 Потаповиччи 196.

Потумши 201, 203.
 Почасевичи 259.
 Почасвь 232.
 Почаповъ 128, 133.
 Почапъ или Почепъ 138, 282.
 Почапинцы 263, 556.
 Пошили 202, 204.
 Поюре 201, 203; прилож. № 44.
 Прень 173.
 Претеневичи 130.
 Прибани 448.
 Прибыловичи 200.
 Приваличи 473.
 Привередовъ 217.
 Прикладники 196.
 Прилипка 234.
 Приселье 268.
 Прихабы 257.
 Пришихвосты 613.
 Прозороки 258.
 Промядево 201, 204.
 Пропойскъ или Пропостьскъ 106,
 107, 342; прилож. № 12, 31.
 Прость 272—274.
 Прохня 234.
 Пруды 270.
 Псея или Псуя 258, 260.
 Птичье 231.
 Пукляницы 87.
 Пуня 146.
 Пустой Мощинъ см. Мощинъ.
 Пустомостье 227.
 Пустоселье 276.
 Путивль 44, 244, 245.
 Путиловичи 259.
 Пузыришки 620.
 Путрошичи 652.
 Путрошки 400.
 Пьяновъ 281, 493.
 Пъшня см. Пишно.

Р.

Радловичи 200.
 Радованичи 6, 182,

Радовъ 223.
 Радогощъ 221.
 Радогощъ 282.
 Радомль 138.
 Радоселии 221.
 Радоховка 217, 326.
 Радошниковичи 115.
 Радошовка 234.
 Радунь 152, 153.
 Радунь 288.
 Радча 253.
 Радшино 270, 271.
 Райгородъ 185.
 Разниччи 218.
 Разсуха 290.
 Разсухи 138.
 Ракишки 85, 86, 90.
 Раковъ 115.
 Ратно 21, 225.
 Ребенжна 234.
 Ревны 321, 627.
 Ремнигола 167.
 Ретово 201, 203.
 Рехта 273.
 Ровное 224, 791.
 Рогачовъ 25.
 Рогачовъ 224.
 Рогачовъ 283.
 Рогово 186, 688.
 Роготная 530.
 Розношинцы 229.
 Рокгово 90, 316.
 Рожанка 113, 179.
 Рожанцы 339, 430.
 Рожна 286, 343.
 Рожны 244.
 Роконтиши 108.
 Романово 117.
 Романово 252, 339.
 Романовское 276.
 Романовцы 265.
 Ромень 247.
 Роневъ 229.
 Росейни 201, 203.

Рославль 270, 273.
 Росное 579.
 Росоловцы 231.
 Ростовки 233.
 Ростовъ 390.
 Рось 169.
 Рубежевичи 114, 115.
 Рубилковичи 861.
 Рубль см. Любре.
 Руда 271, 272.
 Рудка 234.
 Рудковичи 331.
 Рудлевъ 217.
 Рудники 168.
 Рудно 372.
 Рудовляне 326.
 Рудоминъ 109, 110.
 Рудомль 133,
 Руды 227.
 Рудыя Бѣлки прилож. № 16.
 Ружинъ 228.
 Рука 55.
 Рука 234.
 Румшишки 173.
 Русивль 598.
 Русотинно 647.
 Руснево 165.
 Русь Литовская 6, 101, 107.
 Русь Черная 3, 4.
 Рутка см. Друзка.
 Рутчичи 557.
 Рухово 138.
 Руховъ 290.
 Рыкани 219.
 Рыловичи 197.
 Рыльскъ 44, 46, 288.
 Рычegovъ 536, 546.
 Рычовъ 200.
 Рѣчица 106, 342; прилож. № 12, 47.
 Рѣчица 170.
 Рѣчица 226.
 Рѣшницы 108.
 Рябчинцы 229.
 Рядынь 273.

Рясна 137.
 Ряшневка 330.

С.

Сабранъ 265.
 Савиччи 232.
 Сади 233.
 Садовники 455.
 Садовъ 216.
 Саль 247.
 Самчинцы 234.
 Сапуновъ 232, 454.
 Сапѣжишки 173.
 Саражъ или Суражъ 184.
 Сатыевъ 223, 790, 791.
 Сахновцы 235.
 Свадито 270.
 Сваловичи 196.
 Сваричевичи 195.
 Сваридовичи 771.
 Свежъ 216.
 Свержно 128, 130, 132, 311.
 Сверховы Луки 272, 273.
 Свибрыжъ 289.
 Свило 340, 375.
 Свинаринъ 215, 228.
 Свинья 234.
 Свинюхи 227, 309.
 Свиняевъ 234.
 Свираны 112, 579.
 Свиранки 109.
 Свирково 278.
 Свиры 111.
 Свислочь 12, 104, 342; прил. № 12.
 Свищовъ 221, 554.
 Своротва 131, 133.
 Святчичи 131.
 СВѢТЛЕНОВЪ 244.
 СВѢТЧИ 258.
 Свядо 260.
 Святловичи 139, 289.
 Святскъ 179.
 Святславль 272.
 Себежъ или Собежъ 255, 256.

- Сейси 790.
 Селець 22, 192.
 Селоць 258, 260.
 Селечна 273.
 Селища 137.
 Селище 252.
 Селищи 121, 654.
 Селіщи 249; прилож. № 5.
 Сельцо 220.
 Сельцо 226, 227.
 Сельцо 286.
 Семаково 263.
 Семеново 233.
 Семеринки 234.
 Семеховичи 196.
 Семятичи 188.
 Сеневка 135.
 Сенежичи 120, 597.
 Сениютка 231, 233.
 Сервечъ 121.
 Середее 283.
 Серенскъ 279.
 Серники 214.
 Сериннавье 226.
 Сернь 221.
 Сернь 232, 233.
 Серпѣскъ 277.
 Сестрятинъ 215.
 Серховъ 214.
 Сидновцы 264.
 Сиковѣтры 224.
 Силковичи или Сулковичи 55, 56.
 Сильно 218.
 Симоничи 200.
 Синечь 247.
 Синно 118.
 Ситниковичи 288.
 Ситно 255, 256.
 Скала 57—59.
 Скепьево 133, 615.
 Скерстономъ 201, 204; прилож
 № 34, 44.
 Скидель 176.
 Скиргайлово 215.
 Сквородки 234.
 Сквородко 240.
 Скоморошовичи 527.
 Славотичи 219.
 Сливовичи 565.
 Сливное 390.
 Слицо 259.
 Слобода Монивидова см. Монивидова
 Слобода.
 Слободка 253.
 Слободка 283.
 Слободка Новая см. Новая Слободка.
 Словенскъ 113, 114.
 Слонимъ 3, 7, 9, 160—162.
 Слуцьк 23, 24, 133, 134.
 Слуценцы 234.
 Слѣщеничи 258.
 Смедынъ 200.
 Смедынъ или Смидинъ 227, 228, 364,
 821.
 Смердынъ 220.
 Смолви 84.
 Смолевичи 121.
 Смоленъ 288.
 Смоленскъ 32—35, 266—287; при-
 лож. № 3, 24.
 Смолинно 374.
 Смолинъ Конецъ 559.
 Смолняны 251, 252, 592.
 Сморглевичи 777, 778.
 Смородскъ 195.
 Смотричъ 57—59.
 Смыковъ 215.
 Смыковъ 232, 654.
 Смяческъ 289.
 Сновескъ 289,
 Снопоть 273, 277—279.
 Снохово 280.
 Снѣпорожъ 247.
 Собежъ см. Себешъ.
 Согнѣковцы 229.
 Сокиричи 220.
 Соколда 178.
 Соколець 59.

- Сокиятинъ 247.
 Соколя 253, 254.
 Соколовъ 187.
 Соколь 220.
 Соловичи 227.
 Соловятичи 182.
 Соломерече 116.
 Солонеевичи 259.
 Сомилишки 143.
 Сомино 227, 405, 445, 803.
 Сосница 288.
 Сочовка 284.
 Сошно 182.
 Сошно 194.
 Спегляны 98, 593.
 Споровъ 114, 570.
 Спудовляне 326.
 Средній Порыцкъ см. Порыцкъ Средній.
 Ставъ 390.
 Ставъ Кордыцовъ см. Кордыцовъ
 Ставъ.
 Ставокъ 198.
 Ставокъ 228.
 Ставрово 218.
 Станково 117.
 Старники 114, 115.
 Старники 258.
 Старица 133.
 Стародубъ 10, 45, 46, 288.
 Старое Село 115, 133.
 Старцова волость 285; прилож. № 10.
 Старые Гераноны см. Гераноны.
 Старые Троки см. Троки.
 Старый Вишневецъ см. Вишневецъ.
 Старый Маневъ см. Маневъ.
 Стебловцы 234.
 Степанъ 116, 222, 223.
 Степы 6.
 Стержъ 286.
 Стерково 258.
 Ститчово 197.
 Стожевъ 230; прил. № 1.
 Стоклашки 144, 145.
 Столино 286.
 Стольно 195.
 Стоховъ 195.
 Стошаничи 194.
 Стравиники 141.
 Стрѣвцы 229.
 Строяна 112, 579.
 Стрыжовка 264.
 Стрышевичи 584.
 Стрѣльники 130.
 Стрѣльчичи 266.
 Стрѣшчя 122, 289.
 Стряглово 234.
 Студениковцы 230.
 Студянка 223.
 Стяги 227.
 Сувеки 86.
 Судеревъ 108, 331, 584.
 Судяловъ 284.
 Судилевичи 409.
 Сукромно 284.
 Сулковичи см. Силковичи.
 Супрасль 169.
 Супроново 263, 556.
 Суражъ см. Саражъ.
 Сурожъ 230.
 Сурвишки 168.
 Сускъ 219, 565.
 Сухарь 281.
 Сухиничи 55, 56.
 Сухое 197.
 Суша 257, 259.
 Сушицкъ 197.
 Суцаны 243.
 Сыново 226.
 Сырмяжъ 111.
 Сыроватичи 133.
 Сырчинъ 620.
 Сытичи 280.
 Сѣница 280.
 Сѣнно 132, 597.
 Сѣнно 252—254.
 Сѣняно 286.
 Сѣрники 195.

Сѣтолооска 282.

Т.

Таражъ 230.

Тарасовцы 229.

Тарбѣевъ 280.

Татариновцы 232.

Твердигичи 270.

Тверы 202, 204; прилож. № 44.

Тевковичи 195.

Телешовичи 289.

Телатеничи 257.

Телши 201, 203; прилож. № 44.

Теляки 6.

Теляково 119, 572.

Телятичи 181.

Телятиничи 259.

Теребешовъ 195.

Теребень 194.

Теребешово 232.

Теребунъ 181.

Теремно 232.

Тереничи 289.

Теренковичи 371.

Тересовъ 84.

Тернивка 233, 234.

Терпсеевъ 340.

Тетеринъ 14, 123, 124.

Тетчя 258.

Техановецъ 188; прилож. № 32.

Тивровичи 195.

Тивровъ 265.

Тилевка 230.

Тимковичи 134.

Тимоновское 270.

Тихинцы 532.

Тышковичи 193.

Тышковичи 227.

Тобольчиничи 259.

Товстиковичи 166.

Толочинъ 253.

Тондягола 201, 204.

Тонова 115.

Топчиалы 441, 463.

Торговица 217.

Торговище 226.

Торгошичи 197.

Торопецъ 34, 285—287; прилож. № 10.

Трабы 115, 116.

Трибѣсы 241.

Троки 8, 10, 139—170.

Троки Старыя 140.

Трокинники 112, 579.

Тростенецъ 166.

Трошкиуны 92—94.

Трубчевскъ 44—46, 282.

Труфоновъ 283.

Трыстянецъ 265.

Трыстяница 591.

Трышинъ 181.

Тугановичи 304.

Тулеговичи 237, 238, 494.

Туликовичи 234.

Туличовъ 228.

Тулово 249, 768.

Тупалы 226, 578.

Турбовъ 263.

Турецъ 130.

Турецъ 134, 615.

Турійскъ 227, 262, 331.

Туришчевичи 340.

Туровль 261.

Туровъ 23, 24, 26, 200.

Турогно 122.

Турошино 228.

Туроса 257.

Туры 286, 343.

Турьс 284.

Турчинъ 225.

Тухачевъ 277.

Тыкотинъ 185, 186; прилож. № 32.

Тынное 223.

Тыравинцы 234.

Тѣшиновъ 284.

Тяготинъ 318.

Тяпино 259.

Тяполово 286.

У.

Уваровичи 289.
 Увѣгощъ 227.
 Угли 132, 335.
 Угоръ 83, 84.
 Ужвента 201, 203.
 Ужепереть 277, 278.
 Ужница 272, 273, 595.
 Узда 121.
 Уйна 521.
 Уисынъ 265.
 Укля 83, 84, 411.
 Ула 258, 260, 791.
 Улана 258.
 Ульяновичи 125.
 Унцовъ 286.
 Упита 167.
 Урвени 222.
 Урѣчье 134.
 Уса 114, 115.
 Усая 258.
 Усвія 258, 260.
 Усвятъ 249, 250, 342.
 Усомье 260, 494.
 Устье 55, 56.
 Усть(у)шачи 258.
 Утена 85, 88.
 Утѣшковъ 246.
 Ушно 289.
 Ушполье 85, 87, 88.
 Ущеть 334.
 Уѣздцы 222.

Ф.

Филипповичи или Богачевичи 135.

Х.

Хабное 243.
 Хальче 289.
 Ханевъ 265.
 Хвалимичи 225.
 Хвойница 408.
 Хвостовичи 279.
 Хвостово 614.
 Хишино 242.
 Хлапотинъ 221.

Хлепень 283.
 Хмелево 228.
 Хмельникъ 59.
 Холаковцы 234.
 Ходлино 617.
 Ходовцы 233.
 Ходци 113.
 Хосенскъ 200.
 Холмъ 273.
 Холопечъ 228.
 Холопы 220.
 Холхло 121, 122.
 Хоминичи 456, 593.
 Хомчино 271.
 Хомчичи 273.
 Хараборъ 289.
 Хорохоринъ 214.
 Хостцы 56.
 Хотень 216.
 Хотень 246.
 Хотетово 53.
 Хотимль 137.
 Хотмышль 247.
 Хотомичи 273.
 Хотславичи 138.
 Хотыннич 457.
 Храпино 200.
 Храпинъ 196.
 Хрестовичъ 221.

Ц.

Цаборовъ 264.
 Царищово 270.
 Цевеличи 521.
 Цецеборъ 183.
 Цеценовка 231.
 Цеценевцы 233.
 Цицковичи 134.
 Цуира 135.
 Цырма(инъ) 128, 130, 132.
 Цѣлковичи 195.

Ч.

Чадессы 86.
 Чапанца 244.

Чаруковъ 221.
 Чашники 261.
 Челеяковъ 264.
 Челъевъ 181.
 Чемеринъ 198.
 Чемосовъ 247.
 Чепелева Лука 229.
 Чепиничи 271, 488, 560.
 Червища 192, 213.
 Червоноградъ 57, 59.
 Черевачичи 190.
 Черей 259, 260.
 Черкасы 241, 242.
 Черленевци 231.
 Чернесевичи 258.
 Черниговъ 44, 46, 287, 288.
 Черняково 230.
 Черняковцы 229.
 Черніевичи 197.
 Чернинъ 243.
 Черняково 131, 133.
 Чернобыль 240, 784; прилож. № 41.
 Черничгородокъ 218.
 Черничичи 216.
 Черный Городокъ 225.
 Чернятинъ 231.
 Чернятиничи 279.
 Черняховъ 229.
 Черняховъ 232.
 Черняховъ 244, 791.
 Черевать 257, 259.
 Чертолѣсцы 244.
 Честный Крестъ 226.
 Четвертя 219, 565.
 Чечоновцы 231.
 Чечерскъ 106, 107, 289, 342; прил.
 № 31.
 Чжемелинцы 232.
 Чировщина 235.
 Чолница 220.
 Чорная 778.
 Чортгорыйскъ 220.
 Чотаново 457.
 Чудновъ 243.

Чуриловичи 650.
 Чухилева 233, 234.
 Чухлибовичи 118.
 Чучелово 274.
 Ш.
 Шабковъ 188.
 Шандыревъ 264.
 Шарняъ 240.
 Шацькъ 119.
 Швинтяны 92, 93, 94; прилож. № 9.
 Шейпакочцы 229.
 Шепле 219, 262, 586.
 Шелевъ 232.
 Шепеличи 432.
 Шерени 288.
 Шереповъ 584.
 Шерешовъ 170.
 Шестовичи 238.
 Шійка 253.
 Шиловецъ 232.
 Шиловичи. 170.
 Шиловичи 288.
 Шилойны 425.
 Шинковцы 229.
 Шининцы 233.
 Шисшево 253.
 Шинковичи 225.
 Шишолово 466, 593.
 Шовды 201, 203; прилож. № 44.
 Шовяны 203, 204, 556.
 Шовли 202, 204, 312; прилож. № 34,
 37, 38.
 Шовляны 203.
 Шоломичи 196.
 Шоптово 285.
 Шостовичи 288.
 Шпаки 431, 460, 464.
 Шпиколосы 234.
 Шпрахи 221.
 Шумбаръ 230.
 Шумрома 282.
 Шумскъ 230.
 Шумятино 839.
 Шуя 277, 278.

Щ.

Щательша 284.
 Щербиново 278.
 Щерси 132, 133.
 Щипонь 278.
 Щуровцы 265.
 Щучья 269, 271.

Ю.

Юрборкъ 201, 204.
 Юрковцы 265.
 Юрьевичи 238.
 Юрьевскій Путь 275.

Я.

Яблонно 224, 521.
 Яворъ 169.
 Яворовцы 231.
 Яворскъ 442.
 Язно 257, 260.
 Якимовичи 166.
 Якубовцы 265.
 Якушинъ 264.

Янковцы 229.

Яновцы 263.

Янтребль 233.

Ярловичи 289.

Ярковичи 587, 612.

Яровица 234, 235.

Ярославичи 219.

Яры 265.

Ясвойни 201, 204; прилож. № 34,
 44.

Ясеная 269; прилож. № 3.

Ясеновичи 163, 455, 605.

Ясень 112, 579.

Ястребль 118.

Ятвеськъ 178, 557.

Яцковцы 264.

Ө.

Өедоровское 281.

Өефиловичи 258.

Өоминовичи 277.

Өомиинско-Березуйское княжество см.
 Березуйско-Өомиинское княжество.

Указатель предметный.

А.

Артикулы старостинскіе 633, 636, 810.
атаманы 431, 432.

Б.

Близость 562—568, 569—571, 576, 579, 581.

бобровая дань см. дань.

бобровники 323, 324; прил. № 8, 23.

бобровничіе 669 — 672;—Берестей-
скій 181;—Витебскій 248, 868;—Ка-
менецкій 669, 670;—Кіевскій 488;—
Луцкій 850;—Подляшскій 672;—По-
лоцкій 254, 809, 850, 865, 866.

бобровничье 850, 851.

бобровщина 350, 352, 691, 693.

болгуновщина 495.

бонда 314.

бондари 332.

бортники 323; прилож. № 8.

бояре 539—543;—бояре бояръ 620,
621;—другихъ владѣльцевъ 614—621,
622 — 624;—посѣдные 542; прилож.
№ 44;— шляхта 544; прилож. № 38, 44.

буды или куны 490.

бургграфы въ Польшѣ 66.

бурсники 532, 548.

бѣлочья дань см. дань.

В.

Вага, вагое, вапочье, вѣсовое, вѣс-
ное 504, 510, 513, 514, 518, 847;
прилож. № 47.

варныя кунцы см. кунцы.

вдовій столецъ 569—581, 581—583.

вешній 689.

великое мыто см. мыто.

вервь 659, 660.

верховщина 518.

вижи 665—667, 671, 816; прилож.
№ 51.

вижовое 666, 689.

винныя склады см. склады.

вины 684, 685; прилож. № 11, 23, 40.

владыки: Луцкій 864, 869;—Полоц-
кій, Витебскій и Мстиславскій 808, 865;
—Смоленскій 267, 864.

внесенье жены 569, 571, 573.

воеводы: въ Польшѣ 77, 78;—въ Ли-
товско-Русскомъ государствѣ 67, 68;—
Виленскій и Троцкій 78—81;—Витеб-
скій 248, 873, 874, 876; прилож. № 45;
—Жмудскій 204; срав. староста;—Кіев-
скій 235—237;—Новгородскій 126—
128;—Подляшскій 20;—Полоцкій 254,
873, 876;—Смоленскій 267; прилож.
№ 24.

возные 852.

войскіе 673.

войты въ селахъ-мѣстахъ 430, 431,
498.

воловщина 480—483, 692.

волоки 462—464.

волостные люди см. люди.

волостные приставы см. приставы.

волость 21, 71, 72, 231, 356; при-
лож. № 1.

волоочное 818.

волочь 768.

воротное 324.

воскобойни 504, 510—512.

восковыя коморы см. коморы.
 восковничіе 516.
 восковое мыто см. мыто.
 восковыя пенязи см. пенязи.
 врокъ прилож. № 2; срав. осадное.
 вровичій чиншъ см. чиншъ.
 врочное серебро 416, 848.
 вспоможенье мѣстнымъ правителямъ
 694, 695, 820.
 вставное 847.
 выводныя кунницы см. кунницы.
 выводчіе 376, 409.
 выгончое 690.
 выдавка 686.
 выметное 685, 686, 819; срав. про-
 метное.
 выправа 572, 573.
 выслуги см. данины господарскія.
 выть 453.
 вѣно 569—571, 573.
 вѣсовое, вѣсее см. вага.
 вѣча судовыя или генеральныя роки
 въ Польшѣ 872, 873.

Г.

Гаевники 669—672; прилож. № 28;
 —Дорогичскій 671, 781;—Каменецкій
 669, 670; прилож. № 28;—Подляшскій
 672;—Саражскій 671.
 генеральныя роки см. вѣча судовыя.
 глинные пенязи см. пенязи.
 горное 323.
 горничары 334.
 городничіе 474, 475, 525, 667—669;
 841, 842; прилож. № 23;—Берестей-
 скій 474;—Виленскій 89, 96, 97, 841,
 867; прилож. № 26, 33;—Витебскій
 248, 814, 815, 843, 865—877; при-
 лож. № 39;—Володимирскій 475;—Го-
 роденскій 174, 176, 177, 179, 652,
 769, 822; прилож. № 29, 30;—Каме-
 нецкій 474;—Кіевскій 475;—Ковенскій
 474, 842; прилож. № 22;—Кременец-
 кій 475;—Луцкій 475, 795;—Мѣнскій

474, 509;—Новгородскій 126; прилож.
 № 18;—Полоцкій 254, 493, 658, 668,
 669, 816, 865, 866;—Смоленскій 267,
 334, 456;—Троцкій 143, 145, 149,
 151, 152, 157, 159; прилож. № 25, 27.
 городное дѣло 523—525; 794; 824,
 825, 832, 875; прилож. № 47.
 городное право см. право.
 городовыя дворяне см. дворяне горо-
 довыя.
 городовыя слуги см. слуги.
 городскія земли см. земли.
 городскіе люди см. люди.
 городскіе писари см. писари.
 господарскіе писари см. писари.
 господарь 305.
 гостинцы съ варь 818.
 гребельное мыто см. мыто.
 грошовая дань см. дань.

Д.

Давность 389 — 392, 566; прилож.
 № 34.

данины господарскія или выслуги
 559, 560;—до воли господарской 552—
 554, 589—591;—до живота 591, 592;
 —до дву животовъ 592;—на поживенье
 или въ хлѣбкормленье 592—595;—до
 осмотрѣнья господарскаго 596;—обель
 въ вотчину 595—600.

даники 336—338, 374, 375; при-
 лож. № 12, 46, 47, 51.

даничіе 848.

даничное: въ Подиѣрскихъ и За-
 двинскихъ волостяхъ 481, 691—694;—
 Берестейское 181;—Каменецкое 694;—
 Смоленское черное 267, 848.

дань 477, 478; прилож. № 12, 46,
 47, 51;—бобровая 340;—бѣлочья 340;
 —грошовая, или серебряная 338, 339;
 —житная, или дякло 339, 442;—ку-
 ничная 340;—лисъя 339, 340;—медо-
 вая 339;—соляная 335.

дворище 453—455.

дворныя земли и угодья см. земли и угодья дворныя.

дворы и дворцы господарскіе 301—303; прилож. № 1, 2, 4—9.

дворы осадные 521, 522.

дворяне городовые 814.

дегтяри 335, 490.

державы 73, 74, 677—679.

державцы: въ Польшѣ (tenutarii) 66; —въ Литовско-Русскомъ государствѣ 68, 69, 240, 771, 779, 783; прилож. № 49;—отдѣльныхъ см. подъ рубрикою „намістники“.

десятая рыба 785; прилож. № 47.

десятины церковныя 361; прилож. № 23.

десятники 425—428, 431, 432, 435; прилож. № 8.

десятки, или десятиництва 425; —Балтроевъ 329, 425;—Бердичевскій 398, 429;—Бѣлгородскій 354, 431;—Велтюковскій прилож. № 8;—Жомонтскій 4, 429;—Заболотскій 425;—Кременицкій 429, 459;—Крюковъ 432;—Литовскій 4, 328, 420, 429, 667;—Ловецкій 317, 337, 429;—Лопеницкій 429;—Лысковскій 429; прилож. № 8;—Масловъ 432;—Осѣцкій 428;—Поболотскій 429, 778;—Подляшскій 429;—Помуховскій 377, 429;—Своротовскій 429, 807;—Супонскій 425;—Шостаковскій 430, 858.

доводниче 481, 692, 693.

дойлады 332.

дослѣшныя слуги см. слуги.

доходъ писарскій см. писарскій доходъ.

доходы мѣстныхъ правителей отъ господарскаго хозяйства 679—681, 683, 684, 768—771; прилож. № 23.

дубасное или дубасяна 481, 487; прилож. № 47.

дѣяки 667, 817, 818, 857; прилож. № 32, 43.

дѣвичья четвертка см. четвертка дѣвичья.

дѣдина 550.

дѣла великія (causae graviores) 639—641.

дѣльчіе 564; срав. судьи дѣльчіе.

дѣцкіе 665, 667, 816; прилож. № 43.

дѣцкованье 665, 689, 690, 785, 819.

дѣло 316—318, 321, 474, 498, 500, 825; прилож. № 8, 23, 27—29, 33; срав. дань житная и житщина.

дѣвольные люди см. люди.

Е.

Езовничіе 350, 771.

Ж.

Жалоба прилож. № 2.

жеребій 459—462;—сотный 430.

житная дань см. дань.

житщина 181, 321, 352, 360, 475; срав. дань житная и дѣло.

З.

Закладъ, или зарука 686—688, 807, 808, 819, 851; прилож. № 10.

закосное 352.

закривальныя листы см. листы закривальныя.

закупы 394, 395.

замковыя земли см. земли.

зарука см. закладъ.

заставы державъ 695—697, 821, 825—827; прилож. № 25—29.

земли крестьянскія 439—443;—городовыя или замковыя 303;—дворныя 302, 303.

земскіе: писари см. писари;—суды см. суды;—судьи см. судьи.

земляне 534—539, 543, 544.

И.

Инвентари или реестры господарскихъ дворовъ и замковъ 362, 836; прилож. № 1—9.

Н.

казаки 531, 532.
 казна Смоленская 836, 841.
 казначей Брянскій 281, 282;—Смоленскій 267, 650, 775, 776, 840, 841, 864.
 канцлеръ Волынскій 209.
 капища 464, 505, 506, 785, 787.
 клейноты 542.
 клепахи 319, 332, 526; прилож. № 8.
 ключники 13, 844—847;—Берестейскій 181, 512, 845, 865; прилож. № 19;—Виленскій 89, 97, 104, 566, 844, 846; прилож. № 12, 25, 33;—Витебскій 248, 815, 865, 867;—Городенскій 177, 179, 822; прилож. № 29;—Городецкій 200;—Кіевскій 512, 781, 845, 846;—Ковенскій 845;—Луцкій 209, 216—218, 846, 864, 869;—Мѣискій 845;—Новгородскій 126, 845, 856;—Пинскій 198;—Смоленскій 847;—Троцкій 145, 149, 151, 152, 157, 159, 565, 844; прилож. № 12.
 кметы 358.
 кобыльники 327, 867.
 коваля 326, 331; прилож. № 8, 23.
 кошемяки 334.
 колода 818.
 колодина 475; прилож. № 25, 26, 27, 29, 33.
 комиссары—судьи см. судьи.
 коморы восковая и соляная 515—517; прилож. № 32.
 коморники 671, 816.
 коневщина 321, 352, 353, 477, 692.
 конные слуги см. слуги.
 конокормцы 328, 329.
 конюхи 326—328, 842, 843; прилож. № 5;—тяглые 328.
 конюшіе 842—844;—дворный 327;—Брянскій 281;—Виленскій 97, 104; прилож. № 33;—Витебскій 248, 817, 843, 865; прилож. № 39;—Городенскій

177, 179, 602, 622, 842; прилож. № 39;—Луцкій 844, 864;—Новгородскій 127, 582; прилож. № 18;—Пинскій 198;—Смоленскій 267, 651, 843;—Троцкій 145, 149, 603, 697; прилож. № 25, 27;—воеводъ Витебскихъ 817.
 копные суды см. суды.
 копы 657—661; прилож. № 43.
 корговица 785.
 корчмы въ частныхъ имѣньяхъ 787—790.
 корчомные пенязи см. пенязи.
 кравцы 333, 526.
 крайчій Волынскій 209.
 кузнецы прилож. № 2.
 куницы: варныя 505, 787;—выводныя 691, 820.
 куничная дань см. дань.
 куничники 340—342.
 куничные пенязи см. пенязи.
 купли 585—587.
 купы см. буды.
 кухари 330, 331, 526.
 кухмистры 865.

Л.

Лейтн 339, 330.
 листы: дозволенные 820;—закривальныя 627, 628, 641, 863.
 лисья дань см. дань.
 ловцы 324.
 ловчіе: Берестейскій 181;—Брянскій 281;—Витебскій 248, 843, 865, 866;—Кіевскій 488;—Полоцкій 770;—Смоленскій 267, 848, 849.
 ловчіе воеводъ 350, 770.
 ловчье 691.
 лучники 334.
 лѣсничіе 669—672; прилож. № 28;—Бирштанскій 671;—Городенскій 179, 697, 822, 851, 852; прилож. № 27;—Дорсунинскій 671, 672;—Каменецкій прилож. № 28;—Подляскій 672;—Троцкій 145, 149.

люди: волостные 356; прилож. № 25—29, 32;—городскіе 356;—дякольные 319, 320;—нарочные прилож. № 5;—непохожіе 374, 386—392;—въ пенязѣхъ 394;—похожіе 374, 383—385, 408—412;—пригонные 320;—ремесленные 375; прилож. № 11;—тяглые 315—320; прилож. № 5, 8, 43;—тяглые дякольные 316, 317, 319.

М.

Магдебургское право въ частныхъ мѣстностяхъ см. право.

маршалки мѣстныхъ правителей 662, 665, 814, 815;—земли Волынской 209, 211, 212, 855, 856, 864.

материзна 575, 579, 580.

медовая дань см. дань.

медоварцы 847, 848.

медовые склады см. склады.

мезлева 316, 317, 474, 476, 477; прилож. № 25—27, 29.

мезлевщина 476, 477.

меловники 333,

млынари 335, 336.

мостовничіе 795, 834, 842.

мостовое 502, 503, 514, 518; срав.

мыто.

мужи, мушени 357, 368; прилож. № 10.

муралы 333.

мучники 333.

мыто великое или старое 512, 518; прилож. № 47;—восковое 793;—оргишное 517; прилож. № 14;—соляное 793; прилож. № 32;—въ частныхъ мѣстностяхъ 787—793;—гребельное въ частныхъ мѣстностяхъ 789, 792, 793;—мостовое въ частныхъ мѣстностяхъ 789, 792, 793.

мытники 512, 513; прилож. № 32;—Городецкихъ князей 200;—мѣстныхъ правителей 817;—Плискій 198.

мѣсто 496, 497.

мѣсто (первообразное пошѣстья) 588, 589.

мѣщане посельскіе 527—529, 625; прилож. № 44.

мѣсячина 314, 361; прилож. № 23; мясное 505, 785, 786, 819; прилож. № 47.

Н.

Намѣрное 692.

намѣстники 64, 66; державцы 68—70;—Аминскій 101, 102, 444; прилож. № 48;—Берестейскій 180;—Бирштанскій 145, 146, 603, 617, 671.—Бобруйскіе 105, 106;—Борисовскій воеводы Виленскаго 103;—Браславскій (Подольскій) 261—263;—Брянскій 238;—Брянскій 45, 281, 282, 432, 526, 604, 694;—Брянскій или Браславскій (Литовскій) 82, 85, 435, 601, 665, 666, 676, 776;—Бѣлицкій 160, 626, прилож. № 49;—Бѣльскій 183, 184, 637, 670;—Василишскій 156, 157, 303, 603; прилож. № 43;—Веленскій 206, 207, 860, 861; прилож. № 28, 33, 44;—Велижскій 249;—Виленскій воеводы Виленскаго 772, 848;—Вилкомирскій 90, 867;—Вилькейскій 207; прил. № 44;—Витебскій 248;—Витебскій воеводы Витебскаго 814, 815;—Владимирскій 209—212, 803; прилож. № 13;—Воинскій старосты Берестейскаго 780;—Волкиницкій 146, 151, 327, 603, 650, 672, 697, 852; прилож. № 27;—Волковыйскій 163, 520, 602, 605, 654, 664, 860; прилож. № 30, 48;—Вруцкій или Овруцкій 239, 507, 508, 543, 605, 674, 694; прилож. № 20;—Высокодворскій 144;—Высоцкій 190;—Вѣницкій 261—263;—Ганязскій 161, 185;—Горвольскій 166;—Городенскій 174, 572—Городенскій намѣстника-старосты 319, 372;—Городищскій 190;—Дмитровскій 278;—Довгтовскій 147, 148, 372, 677; прилож-

- № 20, 25, 28, 34, 35; — Дорогичскій 186, 187, 637, 643, 670, 671, 676; прилож. № 14; — Дорогобужскій старосты Луцкаго 772; — Дорсуншскій 142, 143, 164; прилож. № 21; — Дроковскій 137, 290; — Дубинскій 154; — Ейшишскій 151, 152, 154, 645; — Жидичинскій старосты Луцкаго 772; — Жыжморскій 141, 142; — Житомирскій 241, 480, 523; — Жолудскій 158, 159, 626, 650; — Звингородскій 262; — Звягольскій 241, 508, 563; — Илемницкій воеводы Полоцкаго 248, 249; — Избянскій или Збянскій 159; — Каменецкій 164, 165, 674, 804; прилож. № 28, 32; — Берновскій 91; — Киевскій воеводы Киевскаго 784; — Клецкій 136, 674; — Бнышинскій 185; — Ковенскій 170, 171, 687; — Коневскій 154; — Красносельскій 100, 676; — Кревскій 97, 98; — 413, 867; — Кременецкій 209—211, 611, 869; — Кричевскій 107, 477, 489, 681, 695; прилож. № 40, 46; — Лепуньскій 151, 327, 603, 650, 672, 697, 852; прил. № 27; — Лидскій 100, 160, 591, 602, 643, 775, 849; прилож. № 19, 36, 49; — Лосицкій 782; — Лужосенскій воеводы Витебскаго 248, 489; — Лучиногородскій 268, 856; — Любошанскій 103, 704; — Любошковскій воеводы Витебскаго 249; — Марковскій 98, 99, 647, 667, 704; прилож. № 30, 33, 43; — Мельницкій 189, 460, 643, 782; — Мемизскій воеводы Виленскаго 109; — Мерецкій 146, 148—150, 502; прилож. № 34, 35; — Могилевскій 122, 123; — Мозырскій 237, 238, 371, 674, 675, 864; прилож. № 30, 34; — Мойшагольскій 91, 92; — Молодеченскій 113; — Мстиславскій 14, 15; — Мценскій 52, 53, 278; — Мѣдницкій 95, 96; прилож. № 23; — Мѣнскій 101, 102, 299, 370, 636, 694; прилож. № 11; — Немонитскій 147; — Новгородскій 15, 126, 127; — Новгородскій воеводы Новгородскаго 376, 772; — Новодворскій 157; — Овруцкій см. Вруцкій; — Ожскій 155, 156, 602; — Озерецкій 249; — Олитскій 147, 372; — Олучицкій 107, 436, 706; — Онкштенскій 89, 867; — Остринскій 158, 327, 451, 857; — Опшненскій 96, 97, 675, 860; — Пенянскій 87, 867; — Перевальскій 155, 675; — Перелайскій 150; — Переломскій 155, 156, 413, 602, 626; — Перемильскій 216; — Пинскій 23; — Полоцкій 30, 254; — Полоцкій воеводы Полоцкаго 815; — Пропойскій 106, 107; прилож. № 31; — Пуньскій 146, 650; — Путивльскій 245, 846; — Радуньскій 152, 626; — Райгородскій 161, 185; — Ракитскій 86; — Ромскій 251, 628; — Рудоминскій воеводы Виленскаго 110; — Румшинскій 173, 602, 623; — Рѣчицкій 106, 371, 412, 520, 523, 524, 704, 705; прилож. № 47; — Свислочьскій 104, 105; — Скерстомонскій 207, 208; прилож. № 44; — Скидельскій 176; — Слонимскій 161, 163, 165, 606, 824; прилож. № 25, 26, 31; — Смоленскій 32, 33, 267; — Сомлишскій 143, 144; — Стоклишскій 144, 145, 603, 675; — Суражскій старосты Бѣльскаго 780; — Тетеринскій 123; — Торопецкій 285, 370, 371, 597; прилож. № 10; — Утенскій 88, 184, 705; — Ушпольскій 87, 867; — Черваскій 241, 242; — Чернобыльскій 240, 675; прилож. № 41; — Червятскій воеводы Полоцкаго 656, 815; — Чечерскій 106, 107, 372; прилож. № 31; — Шовельскій 208; — Ясвинскій 208; прилож. № 44; — намѣстники намѣстниковъ-державцевъ 662—664; — Мѣнскаго 628; прилож. № 4; — Пляскаго 664; — Слонимскаго 520, 664; — намѣстники въ частныхъ владѣніяхъ: Власовскій 816; — Воложинскій 357; — Дубровскій 283; — Ислацкій 115; — Клецкій 136; — Княжичскій 123; — Коб-

ринскій 192;—Бойдановскій 115;—
Мстиславскіе 137;—Оболецкій 4, 124,
866;—Озерницкій 866;—Освейскій
649;—Пинскій 198;—владыки Полоц-
каго 808;—Радогоскій 282;—Ра-
ковскій 115;—Рубежовскій 115;—
Свярскій 635;—Селецковскій 815;—
Селецкій 866;—Селищскій 249;—Слуц-
кіе 134;—Старосельскій 115;—Техо-
новскій прилож. № 32;—Тоновскій 115;
—Туловскій 115, 249;—Усвятскій 866.

натуральные платы см. платы.

неводничіе 771.

неводничіе пенязи см. пенязи.

непохожіе люди см. люди.

О.

Оброчники 416; прилож. № 10.

обѣстка, взвѣстка, узвѣстка, обѣсче
513, 516, 590, 785, 786.

овсы конюховы 323.

огнищный тивунъ см. тивунъ.

околяничіе Смоленскіе 267, 650,
838—840.

оргишное мыто см. мыто.

ордынцы 355.

ордынщина 487, 488, 501; прилож.
№ 28.

орбники 334, 776, 777.

осадное или врокъ 316, 322, 342
415, 478; прилож. № 23.

осадные дворы см. дворы.

осминикъ воеводы Киевскаго 785,
812.

осочники 324, 526; прилож. № 4.

отзывъ отъ мѣстныхъ судей до го-
сподаря 639—647.

отмети 489, 490, 690, 819.

отчины 550, 551, 555—559, 560—
568, 585.

отчичи 374, 375—386.

П.

Панцырные слуги см. слуги.

паны 312;—хоругвные 831.

паробки 313, 314; прилож. № 1, 9.
пентиники 150, 474, прилож. № 25,
26, 33.

пенязи: восковые 515—518;—глин-
ные 475;—за дякломъ 498, 500;—
корчомные 506—511, 786; прилож.
№ 13, 14, 20, 22, 23, 47;—гунчичные
479, 490; прилож. № 28;—неводничіе
369;—поборные 490; прилож. № 28;—
соляные 508, 515;—торговые 505,
785;—хмелевые 369;—чиншевые см.
чиншь.

перевозъ 502, 503, 514, 518.

переемъ 875.

пересудъ 684, 819; прилож. № 40.

пивные склады см. склады.

писарь: городскіе 671; или мѣстныхъ
правителей 662, 667, 817, 818;—го-
сподарскіе 342, 343, 363, 837; при-
лож. № 10, 12, 49, 51;—земскіе 637,
653.

писарскій доходъ 342; прилож. № 12,
16.

писное 267, 785, 847; прилож. № 44.

платы натурою и издѣльями 338,
347, 348, 350, 352, 353, 478, 480,
819; прилож. № 11.

побережная служба 456.

повешное 688, 689; прилож. № 40,
47.

повинное 684, 685, 819; прилож.
№ 23, 40, полтина повинная 685.

повозники 330, 804.

повѣтъ 74—77, 231, 528;—ключ-
ничства Луцкаго 216;—тивунства Ви-
ленскаго 92.

поголовщина 481.

погона 526.

погребъ Смоленскій 350, 847.

подать съ сохъ въ Жмуди 478, 479.
подводная повинность 493—495; при-
лож. № 10, 35, 40, 43.

подвойскіе 248, 839, 840.

подключій Виленскій 97, 104, 647,

847, 848; прилож. № 38; — Троицкій 143, 145, 149.

подкоморіе 660, 672, 673.

подконюшій Браславскій 669;—Виленскій 329, 657, 662, 844.

подлазники 323; прилож. № 51.

подсудобъ Бѣльскій 806;—Дорогичскій 637, 638.

подтывуны 665; прилож. № 6.

подужное 505; подужчина прилож. № 47.

подымщина 480, 482, 483, 498, 499.

поземъ 488, 489, 522.

поклоны 489, 690.

поколадное 688, 689; прилож. № 43.

полмчное прилож. № 11.

полтина повинная см. повинное.

польная сторожа см. сторожа.

полѣтнее 50, 831.

полюбовные судьи см. судьи.

полюдье 488, 681, 682, 773; прилож. № 17.

пометы см. розметы.

помочное 684.

помѣрное 481;—бочечное 502, 513, 518; прилож. № 47;—медовое 504, 785.

помѣстье 587—591.

понамѣстники 420, 656, 665.

поплечники 867.

порубы см. розметы.

посагъ 572—575.

посажаны 452.

посельскіе мѣщане см. мѣщане.

посельскіе приставы см. приставы.

посельскіе слуги см. слуги.

посокирщина 524, 690.

посощина 482, 483; прилож. № 2.

постригальни суконныя 511, 512.

посѣды, посады, посадки 478, 542, 680.

посѣдные бояре см. бояре.

потужники 444—446.

похожіе люди см. люди.

поѣздничій 281.

право: городовое 810—813; прилож. № 11;—магдебургское въ мѣстахъ частныхъ владѣльцевъ 788, 791;—холинское въ мѣстахъ частныхъ владѣльцевъ 789.

прадѣдина 550.

приблудное прилож. № 11.

привѣнокъ 571, 573.

пригонные люди см. люди.

приказники 433, 434; прилож. № 2.

приставы 424, 425, 428;—волостные 428; прилож. № 4, 44; — посельскіе 425; прилож. № 4, 8.

прометное прилож. № 23, 40; срав. выметное.

псарцы 325, 848, 849.

пшачники 333.

пустовщины крестьянскія 393—396.

путники въ Смоленской землѣ 434;—сельскіе 351, 352.

путные слуги см. слуги.

путь, листовная служба 348.

путь—волость (въ Смоленской землѣ) 270, 271, 273—276.

пшеничники 320.

Р.

Ратайные тивуны см. тивуны.

ремесленные люди см. люди.

рогатинники 332.

розметы, пометы, порубы волостные 472, 473; прилож. № 10, 12, 47, 51;—пригонные 834.

ройтники 330, 804.

роки генеральные см. вѣча судовыя.

ротное 689.

рудники 335; прилож. № 8.

рыболовы 334; прилож. № 8.

рядничіе Брянскіе 281, 817;—воеводы Смоленскаго 786.

рядовники 795.

С.

Садовники 331, 333, 526.

санники 332, 526; прилож. № 5, 8.
 свиухи 325, 822,
 солище 457, 458, 459.
 сельскіе путники см. путники.
 сельскіе тивуны см. тивуны.
 сольцо 455—458; прилож. № 2.
 серебро 484;—врочное см. врочное
 серебро.
 серебряная дань см. дань.
 серебщина 483—485, 501; прилож.
 № 10, 28.
 скарбъ Киевскій 836.
 склады пивные, медовые и винные
 508, 510.
 слуги 343—347, 356;—городовые
 809;—доспѣшныя 353;—конныя 353,
 354; прилож. № 2;—панцырные 352,
 353;—посельскіе 339, 352;—путные
 348, 349;—частныхъ владѣльцевъ 621
 —624;—щитные 353.
 служба крестьянская 439; прилож.
 № 8; сра. тягль.
 слѣдъ 450, 453.
 смерды 358
 соймы областныя 872—876; прилож.
 № 45.
 сокольники 325, 526, 531, 849.
 сокольникее 692, 693.
 сокольникій Брянскій 281;—Витеб-
 скій 248;—воеводъ Киевскихъ 770;—
 Новгородскій 849.
 соленая дань см. дань.
 соленичіе 516.
 соленичое 515; сра. мыто соляное
 и пенязи соляныя.
 соленые пенязи см. пенязи.
 соляники 326, 334, 335, 526; при-
 лож. № 8, 23.
 сорока 428;—Ловецкій сорокъ 132;
 Осоцкій 428.
 сорочники 426—428.
 сотники 426, 427, 431, 432, 493.
 сотные жеребьи см. жеребьи.
 сохачки 683.

соцкіе 432, 489.
 справцы воеводствъ и староствъ 823,
 824.
 станы 435, 494, 495;—Добельскій
 435;—Бушликовскій 435;—Ловожскій
 494;—Суйскій 435, 494;—Угольниц-
 кій 592.
 становичіе воеводъ Полоцкихъ 819.
 старое мыто см. мыто.
 старосты (сарітаней) въ Польшѣ 64—
 66;—въ Литовско-Русскомъ государствѣ
 66, 67;—Берестейскій 180, 778, 779,
 802; прилож. № 19, 25, 28, 30, 36;—
 Браславскій (Подольскій) 261—263;—
 Бряславскій (Литовскій) 82;—Бѣльскій
 183, 184, 463, 535, 612, 672, 780,
 781, 797, 800, 848; прилож. № 35,
 47, 49, 51;—Володимирскій 209 —
 212;—Вруцкій или Овручскій 239;—
 Вѣницкій 262—263;—Городенскій 174,
 769, 774, 776, 777, 794, 797; при-
 лож. № 25, 30, 35, 42, 49;—Доро-
 гницкій 186, 187, 777, 778, 781, 782;
 прилож. № 25;—Жмудскій 35, 36,
 204 — 206, 873, 874, 875; прилож.
 № 34, 35, 37, 38, 50;—Каменецкій
 164, 165, 514;—Каневскій 242;—Ко-
 венскій 170, 171, 779, 857; прилож.
 № 29, 36;—Кременецкій 209 — 211,
 871;—Луцкій 211—213, 876;—Мель-
 ницкій 189, 464;—Мозырскій 672,
 797, 848; прилож. № 35, 47, 49,
 51;—Овручскій см. Вруцкій;—Черкас-
 скій 241, 242;—Пинскій королевы Боны
 25, 198, 652.
 староста мѣста Смоленскаго 267,
 498, 856, 857;—Кричевскаго 498.
 старостинскіе артикулы см. артикулы
 старостинскіе.
 старцы 435—437, 498, 701, 702,
 770, 816; прилож. № 10, 46, 51.
 стаціи 491—495, 681 — 684, 794,
 819; прилож. № 10, 23, 25, 26, 28,
 29, 40, 43, 44, 47, 48.

столець вдовій 569—571, 581 — 583.

сторбжа: замковая 796, 875; прилож. № 40, 43, 47;—польная 525, 526, 796; прилож. № 21, 47.

сторожи 318, 325, 330, 526; прилож. № 8.

сторожовщина 350, 480, 773.

стрихари 333.

стрыменники 334.

стиги татарскіе 530, 531.

судники 332, 333.

судовыя вѣча см. вѣча.

суды: земскіе на Подляшьѣ 20, 637, 638, 874;—копныя 652, 656;—посполитые въ Жмудской землѣ 873.

суды: земскій Вѣльскій 643;—земскій Дорогичскій 637, 638, 700; прилож. № 13;—дѣльчіе 808;—коммиссары 650;—полюбовныя 651, 653, 657;—полюбовныя прощныя 650, 651, 653, 654, 655;—шляхетскіе при мѣстныхъ правителяхъ 662, 663.

сябры 448, 449, 548.

сѣнничое 481.

Т.

Тамщина 483.

татары 529, 530.

текунцы 428; прилож. № 8.

тивуны 64, 92, 420, 424; прилож. № 2, 23;—огнищныя 422;—сельскіе или ратайныя 531, 423;—Биржанскій 205; прилож. № 44;—Биржянскій 205; прилож. № 44;—Вешьянскій 205; прилож. № 44;—Виленскій 92, 94, 95, 410, 413, 421, 554, 844, 858, 867; прилож. № 26, 33;—Воложинскій 582;—Высоковдворскій 140;—Глушицкій 350;—Довгговскій 147, 148;—Дубицкій 154;—Дырванскій 205, 425, 448; прилож. № 44;—Ездненскій 140, 650;—Жижморскій 141, 142;—Жолудскій 158, 159;—Жорославскій 175;—Бгекгужинскій 173, 687;—Бгондинскій 205;

прилож. № 44, 50;—Керновскій 91, 421;—Кіевскій 844;—Болтынянскій 205;—Коневскій 154;—Коршовскій 205; прилож. № 44;—Брасносельскій 100;—Кревскій 97, 98, 421, 627;—Мѣдницкій 95, 96;—Немононтскій 147, 627;—Ожскій 155, 156;—Ойракогльскій 205; прилож. № 44, 50;—Олитскій 147, 627;—Ошменскій 96, 97;—Перелайскій 150, 421, 833;—Переломскій 155, 156;—Полонгскій 205;—Полоцкій 254, 865;—Пошильскій 205;—Поюрскій 857; прилож. № 44;—Радунскій 152;—Ретовскій 205, 341; прилож. № 44;—Смоленскій 267;—Сомилшскій 144;—Тверскій 205; прилож. № 44;—Тельшовскій 205; прилож. № 44;—Тондикогльскій 205, 448;—Торопецкій 285;—Троцкій 140, 141, 148, 149, 151, 152, 157, 159, 450, 650, 844; прилож. № 25, 27;—Ужвентскій 205;—Цѣринскій 311;—Шовдовскій 205; прилож. № 44, 50;—Юрборскій 205.

тивуны въ Мстиславскомъ княжествѣ 139, 629;—владыки Полоцкаго 808.

тивунищина 481, 486, 691 — 694; прилож. № 10, 20.

толова 316, 322, 358 — 360; прилож. № 23.

торги въ частныхъ имѣньяхъ 787—791; срав. прилож. № 47.

торговые пенязи см. пенязи.

тяглыя люди см. люди.

тяглы прилож. № 2; срав. служба.

У.

Увязчье 689, 690, 819.

увязчіе 667, 805, 816.

угодья дворяныя 302, 303.

угольники 335, 526; прилож. № 8.

узъѣздъ 682.

уѣздъ 71.

Ф.

Фридь нѣтскій 305.

Х.

Хлопы 358, 366.

хмелевые пенязи см. пенязи.

холмское право въ частныхъ нѣвнѣ-
яхъ см. право.

хоружіе 533, 534, 854; прилож. № 36,
42;—земли Волынской 798;—Городен-
скій 799;—Луцкій 209;—Полоцкій 254,
798, 799, 834;—татарскіе 530.

Ц.

цвиншъ см. чиншъ.

цѣпники 795.

Ч.

чашництво Смоленское 267, 847.

челядь невольная 313, 314; прилож.
№ 1, 3, 4, 5, 8, 9, 23.

четвертка дѣвнчья (quartalitio puel-
laris) 573.

чижовое 518.

чиншъ или цвиншъ 479, 496, 499,
500;—врочистый 464, 499.

чоломбитье 699, 701 — 703, 819;
прилож. № 19.

черное данничное см. данничное.

Ш.

Шляхетскіе судьи см. судьи.

шляхта см. бояре.

шротарство 504.

Щ.

Щитные слуги см. слуги.

Ъ.

Ъздоки 648, 649, 654, 655, 864.

Я.

Яловщина 321, 340, 352, 477, 692.

ярмарки въ частныхъ нѣвнѣяхъ 787
—791.

ясакъ 498.

ясачники 342.

Объясненіе къ политической картѣ Литовско-Русскаго государства конца XV и начала XVI вѣка.

На прилагаемой картѣ нанесены почти всѣ центры великокняжескихъ волостей и крупныхъ княжескихъ, павскихъ и церковныхъ имѣній, относительно которыхъ данныя сгруппированы во второмъ и отчасти въ первомъ очеркахъ. Насколько позволялъ масштабъ карты, составитель помѣстилъ въ ней и села, перечисленные во второмъ очеркѣ. Села эти перечислялись въ очеркѣ и заносились на карту тамъ, гдѣ такимъ путемъ приходилось опредѣлять протяженіе и приблизительную границу той или другой области. Кромѣ того, на южной и юго-восточной украинѣ для приблизительнаго опредѣленія границъ осѣдлости составитель заносилъ вообще всѣ историко-географическія данныя и въ особенности указанія общаго характера, какія ему пришлось найти въ источникахъ изучавшагося имъ времени. На какую-либо полноту этихъ данныхъ, составитель, какъ и всякій другой за его мѣстѣ, не можетъ, конечно, претендовать. Можно только на одномъ настаивать, что впечатлѣніе, которое производитъ его карта относительно населенности южной украинѣ въ общемъ вѣрно. Точно также и относительно распредѣленія населенія внутри государства прилагаемая карта, по мнѣнію ея составителя, даетъ вѣрное наглядное представленіе. По этой картѣ наиболѣе плотно населенною является собственная Литовская земля (въ тогдашнемъ обозначеніи) съ прилегающею къ ней частью такъ называемой Руси Литовской, затѣмъ земля Жмудская и Подляшье, Волынь, земля Смоленская въ широкомъ смыслѣ, затѣмъ земли Витебская и Полоцкая. Наименѣе населенными являются Подолье (на картѣ занесены почти *все село* Браславскаго и Винницкаго повѣтовъ), земля Кіевская, восточная часть которой за Днѣпромъ и южнѣ Сулы представляется совершенною пустынею, княжества Чернигово-Стародубское (на картѣ занесены почти всѣ села Черниговскаго повѣта), Новгородъ-Сѣверское и Брянскій округъ. Слабо населенъ и лѣсной край такъ называемыхъ Поднѣпрскихъ волостей. Это впечатлѣніе, которое оставляетъ карта, согласуется и съ различ-

ными общими указаниями источниковъ. Вотъ, напр., одно изъ такихъ указаний. Отъ 1528 года сохранился перечень количества ратныхъ людей, которыхъ должны были выставять военнотружильные землевладѣльцы, согласно сеймовому постановленію 1 мая того же года. По этому постановленію ратникъ въ полномъ вооруженіи долженъ былъ выставляться съ каждаго восьми крестьянскихъ службъ, или „потуговъ“ (обыкновенно, крестьянскихъ родовъ, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ семей); слѣдовательно, перечень количества ратниковъ даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ приблизительное представленіе о количествѣ частновладѣльческихъ крестьянъ въ разныхъ областяхъ. По этому перечню бояре и татары собственной Литовской земли и прилегающей къ ней части Руси Литовской (бывшее Минское княжество) выставляютъ въ поле 6372 ратника. На долю же этой части государства приходится большая часть изъ тѣхъ 6858 коней, которые выставляли съ своихъ имѣній паны-рада, ихъ жены, сыновья и дочери, бывшіе съ ними въ отдѣлѣ, великокняжескіе дворяне и разные служащіе при великомъ князѣ, въ центрѣ государства. Жмудская земля выставляетъ болѣе 1821 коня, Подляшье въ составѣ трехъ повѣтовъ, Мельницкаго, Бѣльскаго и Дорогичскаго,—1439 коней, Волынь (безъ имѣній князя Острожскаго и нѣкоторыхъ другихъ)—821 коня, Полоцкая земля—712 коней, Витебская—91 конь. На долю Витебской земли, впрочемъ, и отчасти Полоцкой приходится и часть изъ тѣхъ 1044 коней (какая, съ точностью опредѣлить трудно безъ спеціальныхъ изысканій), которыхъ выставляли князь Слуцкій (433 коня) и другіе князья, имѣвшіе свои имѣнья на Руси литовской вокругъ Минска, группа князей Друцкихъ и Лукомскихъ. Общее число ратниковъ Витебской земли съ присоединеніемъ ополченія князей Друцкихъ врядъ ли будетъ меньше числа ратниковъ Мстиславскаго княжества (130) или владѣній на Подляшѣ (Кобринъ) и Полѣсьѣ (Шинскъ, Клецкъ и Городецъ) королевы Боны (287 человекъ¹⁾). Эти цифры даютъ, конечно, только нѣкоторое общее представленіе относительно населенности областей частновладѣльческими крестьянами и ничего не говорятъ о великокняжескихъ крестьянахъ. Впечатлѣніе, производимое ими, можетъ значительно измѣниться, если примемъ въ расчетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ Поднѣпрскихъ волостяхъ, слабо было развито военнотружильное землевладѣніе. Но во всякомъ случаѣ, сопоставленныя съ другими указаниями, данными въ текстѣ второго и отчасти третьяго очерка и на картѣ, эти цифры приводятъ къ тому выводу относительно густоты

¹⁾ Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ I.

населенія въ разныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, который высказанъ выше. Въмѣстѣ съ этимъ наглядно и осязательно выступаютъ самыя основы нѣкоторыхъ явленій политической и общественной жизни Литовско-Русскаго государства. Становится понятнымъ послѣ того и преобладаніе собственной Литовской земли, дававшей тонъ и направленіе политической жизни великаго княжества, объясняется и та выдающаяся роль, которую играло при этомъ литовское панство, объясняется развитіе великокняжескаго дворцоваго хозяйства преимущественно въ собственной Литовской землѣ, — развитіе, отразившееся весьма важными перемѣнами на судьбѣ землевладѣльческаго класса и т. д. Относительно распредѣленія населенія необходимо отмѣтить еще одну черту, которая должна броситься въ глаза при разсматриваніи прилагаемой карты, а именно: населеніе группируется оазисами, которые отдѣлены другъ отъ друга ненаселенными или слабо населенными пространствами. Это — пуши, болотистыя лѣсныя заросли. Такими пушами собственная Литовская земля отдѣлена отъ Пруссіи, Подляшья, Турово-Пинскихъ княжествъ; пуша тянется на сѣверѣ Жмудской земли, отдѣляя ее отъ владѣній Ливонскаго Ордена, лѣсное пространство отдѣляетъ землю Волынскую отъ Берестейско-Подляшской области и Турово-Пинскихъ княжествъ; лѣса заполняютъ область промысловаго крестьянства Поддѣврскихъ волостей и тянутся полосой по бассейну Березины вверхъ, а затѣмъ по бассейну Дисны, изолируя земли Полоцкую и Витебскую отъ Виленскаго повѣта, по крайнѣ котораго они проходятъ; промысловая область такъ называемыхъ Задвинскихъ волостей отдѣлена лѣсною полосой отъ Смоленской земли и Витебской. Эти пуши или заросли, пролежавшія между населенными частями государства, обособляя ихъ, несомнѣнно благоприятствовали сохраненію ихъ общественно-бытовой и политической индивидуальности. Этимъ между прочимъ объясняется и то особое положеніе, которое занимали Поддѣврскія и Задвинскія волости въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ отношеніи управленія.

Границы областей проведены приблизительно, какъ онѣ выступили по занесеніи на карту городовъ, мѣстъ и селъ. Кромѣ того, составитель принималъ во вниманіе и главнѣйшія данныя относительно границъ, которыя содержатся въ описаніяхъ ихъ. Границы Жмудской земли отъ Пруссіи описаны въ договорахъ Витовта, Свидригелла и Владислава-Ягелла съ Орденомъ въ 1398, 1420, 1422, г.г., и въ этомъ видѣ онѣ существовали въ теченіи всего изучаемаго время и даже долѣе²⁾; границы Виленскаго и Троцкаго воеводствъ и Жмудской

²⁾ Codex epistolaris vitoldi, № CLXXIX, CXXIII, CCCCXCVIII, MV; *Limites Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae.*

земли отъ Ливоніи, какъ онѣ существовали со времени Казимира, обозначены въ актѣ „пописа“ ихъ, произведеннаго въ 1529 году ²⁾; границы между Полоцкимъ повѣтомъ и Виленскимъ описаны московскими служилыми людьми во время временнаго завоеванія Полоцка Иваномъ Грознымъ; они же описали и границы между Витебскимъ и Полоцкимъ повѣтомъ ³⁾; границы Смоленской земли отъ Витебскаго и Виленскаго воеводствъ („рубежъ Смоленску и волостемъ Смоленскимъ съ Дубровною, и съ Романовымъ, и съ Горами, и со Мстиславлемъ“) описаны въ договорѣ (1523 г.) великаго князя московскаго Василья Ивановича съ королемъ Сигизмундомъ ⁴⁾; наконецъ, отъ 1546 имѣемъ полное описаніе границъ великаго княжества Литовскаго отъ Польши ⁵⁾. Составитель принималъ во вниманіе и то „списанье повѣтовъ и границъ“, которое было произведено одновременно съ учрежденіемъ сеймиковъ и земскихъ судовъ по польскому образцу, такъ какъ производившееся тогда новое разграниченіе областей далеко не во всемъ было новымъ ⁶⁾.

---

²⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ III, л. 196—199.

³⁾ Писцовыя книги, изд. Импер. Русск. Географич. Общества, ч. II, стр. 419—430.

⁴⁾ Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 637—641; Акты Зап. Рос. II, № 120.

⁵⁾ Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. I, № 31.

⁶⁾ Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VI, л. 117—125.

Исправленіе важнѣйшихъ опечатокъ и разныхъ погрѣшностей текста:

Стран.	Стрк.	Напечатано:	Должно читать:
3	3	прим.: <i>lipińskiego</i>	<i>Lipińskiego</i>
4	8, 9	сверху: въ источникахъ	въ источникахъ
5	1, 2	" княжество	княжество
—	2, 3	" актахъ документахъ	актахъ и документахъ
—	9, 10	" <i>Смоленску</i>	<i>Смоленску</i>
—	11	" по давному	по давному
—	12, 13	" въ подтвердительномъ	въ подтвердительномъ
6	3, 4	" Бѣтовской—волости	Бѣтовской волости
—	19	прим.: <i>Działyńskiego</i>	<i>Działyńskiego</i>
14	8	снизу: въ 1492 г.	въ 1499 г.
21	73	прим: <i>Scarbies</i>	<i>Scarbies</i>
23	6	снизу: князей-отчичей	князей-отчичей
24	3	" съ Здитовымъ	съ Здитовомъ
32	5	" гарнизонъ	гарнизонъ
41	3	" Нѣмира	Немира
43	4, 5	сверху: старосты и второстепенныхъ—тывуновъ	старосты
49	16	снизу: желаніемъ	нежеланіемъ
50	14	сверху: обѣщаніе	обѣщаніе
53	3	" хотеть	Хотеть
55	9	" князь Андрей	князь Андрей
65	5	прим.: <i>Volamina</i>	<i>Volamina</i>
69	11	сверху: малозначущимъ	малозначущимъ
70	16	снизу: Жмудскую землю	Жмудскую землю, и староста Луцкій, старшій урядникъ въ землѣ Волинской.
77	67	прим.: <i>litewkich</i>	<i>litewskich.</i>
85	2	сверху: протекающей	протекавшей
—	12	" небощихъ	небощамъ
90	13	" папа	пана
104	8	снизу: <i>намістникъ</i>	<i>намістника</i>
110	15	" вслѣдствіе	вслѣдствіе
113	13	" Юря	Юрья
114	13	" съ Минскомъ	съ Минскимъ
121	5	сверху: <i>Вилнево</i>	<i>Вишнево</i>
—	6	снизу: Свенцянскаго	Ошмянскаго
135	13	" тягло	тянуло
136	1	сверху: <i>намістникамъ</i>	<i>намістникамъ</i>
141	12	" Стравиницкая	Стравиницкая
142	10	снизу: отправятся	отправятся
147	4	сверху: записи	записи
148	14	снизу: инвентарные	инвентарные
159	4	сверху: Въ 1616	Въ 1516.
166	6	" Гродненскаго.	Брестскаго
171	14	" велико-княжества	великаго княжества
—	11	снизу: Кейстуть-Войдату.	Кейстуть—Войдату.
—	629	прим.: <i>Obzaz Litwy</i>	<i>Obzaz Litwy</i>

177	7	снизу:	Очищенья	Очищенье
—	6	"	предвидилось	предвидѣлось
193	13	сверху:	<i>о Отулы</i>	<i>у Отолы</i>
197	8	"	Пинскому	боярину Пинскому
207	8	"	Александрѣ Ивановѣ	Александрѣ Ивановичѣ
212	17	снизу:	Кременцкій	Кременецкій
213	12	сверху:	весь нынѣшній Луцкій уѣздъ	почти весь нынѣшній Луцкій уѣздъ
—	15, 16	"	весь Дубенскій Ровенскій Острожскій и Заславскій уѣзды	почти весь Дубенскій, Ровенскій, почти весь Острожскій и сѣверную половину Заславскаго уѣзда
217	2	"	<i>Бълевомъ</i>	<i>Бълевомъ</i>
222	1, 2	"	Борецъ	Борець
223	10	"	<i>Обаровомъ</i>	<i>Обаровомъ</i>
225	9	снизу:	въ держаньѣ	въ держаньѣ
—	7	"	въ держаньѣ	въ держаньѣ
226	4	"	<i>Серминавѣ</i>	<i>Серминавѣ</i>
228	12	сверху:	князю Котерскому	Кошерскому
229	9	"	Провскуровскаго	Проскуровскаго
—	8	снизу:	Чепелева, Лука	Чепелева Лука
230	15	сверху:	племянникомъ	племянникамъ
237	3	снизу:	<i>державцею</i>	<i>державцею</i>
243	1	"	на р. Острѣ.	на р. Деснѣ.
252	15	"	потомъ	панахъ
259	4	сверху:	<i>Черюе</i>	<i>Черюе</i>
272	16	"	въ Остеръ	въ Ипутъ
281	12	снизу:	Локнѣ	Локчѣ
288	3	"	<i>Перекомъ</i>	<i>Перекомъ</i>
295	21:		почти весь	небольшую югозападную часть Черниговскаго уѣзда, почти весь
296	19	снизу:	часть Витебскаго уѣзда	часть Витебскаго уѣзда, западную часть Городокскаго уѣзда отъ (р. Оболи),
299	1	"	лѣстѣ	лѣстѣ
310	7	сверху:	военнослужлага	военнослужлага
—	33	прим.:	Лѣтописца	Лѣтописца
311	14	сверху:	<i>relictâ</i>	<i>relictâ</i>
315	52	прим.:	Предисловіе	Предисловіе
323	1	снизу:	житницы	житницы
326	1	сверху:	лейти	лейти
328	10	снизу:	на на простой	на простой
—	5	"	<i>лѣтити</i>	<i>лѣтити</i>
329	1	"	зѣ лейти	зѣ лейти
348	2 и 3	сверху:	лейтевъ	лейтевъ
359	5	снизу:	крестьяскія	крестьянскія
366	17	сверху:	освобожден мотъ	освобождены отъ
367	8	"	обезопасить	обезопасить
381	12	снизу:	Ильничичу	Ильничичу
382	1	"	барщинныя	барщинныя
401	4	сверху:	отчины	отчины.
407	13	снизу:	земяника	земянина

413	7	»	и было	и было
414	8	сверху:	можешь	можешь
420	9	снизу:	помощниковъ	непосредственныхъ помощниковъ
427	15	сверху:	сотники	сотникъ
—	11	снизу:	Жорославскою	Жорославкою
432	12	сверху:	и повинны	и повинны
435	12, 11	снизу:	происхожденя	происхожденя
—	6	»	дрогіе	дрогіе
—	4	»	1523	1529
436	6	»	выгоняли	выгоняли
439	13 и 12	»	разнообразныхъ	разнообразныхъ
440	10	»	кнзь	князь
456	4	»	имело	имѣло
467	16, 15	»	замѣшины	замѣшаны
470	16	сверху:	съ нѣкоторыми	нѣкоторыми
498	3, 4	»	поднимаи	поднимали
505	6	снизу:	варять	варять
506	3	сверху:	мѣщане	мѣщане
538	3	снизу:	уже совершенно	почти уже совершенно
542	4	сверху:	Маханга	Миханга
555	4, 5	»	конспекту	контексту
563	15, 16	»	Семашковичей	Семашковичей
571	2	снизу:	нечѣмъ	не чѣмъ
585	17, 18	сверху:	не считалось	не считались
—	1145	прим.:	kazimierza	Kazimierza
632	12	сверху:	поданныи	поданными
655	12	снизу:	Благодаря	Благодаря
660	12	сверху:	неудавалось	не удавалось
—	13	»	отъ себя	отъ себя
671	11, 10	снизу:	встрѣчаемъ	не встрѣчаемъ
675	1	сверху:	о пожаловани	о пожалованіи
677	3	»	поручени	порученія
680	3, 2	снизу:	кормили	кормили
694	13	»	Кизиниръ	Казиниръ
703	3	сверху:	Бабрина	Кобрина
705	12	»	приведевы	приведены
709	3	снизу:	мезлево	мезлеву
42	18	сверху:	выхола	выхода
743	3	»	кому-нибудь	кому-нибудь—
755	1	»	представляетъ	представлять
—	8 и 9	»	урядника	урядника
759	5	»	дѣломъ	дѣлъ
766	12	»	встрѣчаетъ	встрѣчаемъ
771	1	»	не было ничего не написано	было ничего не написано
779	6, 5	снизу:	разрѣшались	разрѣшались
790	10	сверху:	частнымъ	частныхъ
810	7	снизу:	найти	найти
828	11	»	городовое	городовое
852	7	»	жизнь	жизнь

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.....	Стран. V—VIII
------------------	------------------

Очеркъ I: Происхожденіе областного дѣленія и федеративный характеръ Литовско-Русскаго государства.... 1— 62.

Историческія начала областного дѣленія (1—2).—Великое княжество Литовское въ тѣсномъ смыслѣ, или собственная Литовская земля; ея составъ и преобладающее положеніе въ государствѣ (2—12).—Земли, тѣсно приныкавшія къ собственной Литовской землѣ: 1) Литовская Русь (въ особомъ частномъ смыслѣ) (12—15); 2) земля Берестейская, или Подляшье (15—22); 3) литовское Полѣсье (23—26).—Политическая обособленность остальныхъ областей Литовско-Русскаго государства и ея историческія основанія (26—28).—Земли: Полоцкая (28—31), Витебская (31—32), Смоленская (32—35), Жмудская (35—36), Кіевская (36—38) и Волынская (38—43); исторія превращенія ихъ въ области великаго княжества Литовскаго.—Чернигово-Сѣверскія княжества (4—356). Литовское Подолье (57—60).—Общія заключенія (60—62).

Очеркъ II: Органы общаго управленія въ областяхъ и ихъ правительственные округа ..... 63—296.

Перечень великокняжескихъ урядниковъ, чинившихъ судъ и управу въ областяхъ; ихъ іерарія (64—71).—Значеніе названій: „волость“, „держава“ и „повѣтъ“ (71—77). Установленіе воеводствъ Виленскаго и Троцкаго и его значеніе въ исторіи областного устройства Литовско-Русскаго государства (77—81).—Территориальный составъ судебно-административнаго округа Виленскаго воеводы и подчиненные ему великокняжескіе намѣстники-державцы и тивуны (81—125).—Намѣстникъ-воевода Новгородскій, какъ самостоятельный урядникъ въ воеводствѣ Виленскомъ, и его правительственный округъ (126—133).—Удѣльныя княжества въ составѣ Виленскаго воеводства: Слуцкое, Блещкое и Мстиславское; ихъ территорія и управленіе (133—139).—Территориальный составъ судебно-административнаго округа Троцкаго воеводы и подчиненные ему великокняжескіе намѣстники-державцы и тивуны (139—170).—Самостоятельные великокняжескіе намѣстники-старосты въ воеводствѣ Троцкомъ: Ковен-

скій (170—174), Городецкий (174—180), Берестейскій (180—183), Бѣльскій, Дорогичскій и Мельницкій (183—190); ихъ правительственные округа и подчиненные имъ великокняжескіе намѣстники.—Удѣльные княжества въ воеводствахъ Троицкомъ: Кобринское, Пинское, Городецкое и Туровское; ихъ территории и управление (190—200).—Территориальный составъ правительственного округа Жмудскаго старосты и подчиненные ему намѣстники-державцы и тивуны (201—208).—Намѣстники-старосты въ землѣ Волынской и территориальный составъ Луцкаго, Владимирскаго и Кременецкаго повѣтовъ (209—235).—Намѣстникъ-воевода Кіевскій; территориальный составъ Кіевского воеводства и великокняжескіе намѣстники въ пригородахъ кіевскихъ: годовые (изъ кіевскихъ бояръ), намѣстники-державцы и старосты (235—248).—Намѣстникъ-воевода Витебскій; территориальный составъ Витебскаго воеводства и великокняжескіе намѣстники въ волостяхъ и пригородахъ Витебской земли: годовые (изъ мѣстныхъ бояръ) и намѣстники-державцы-старосты (248—254).—Намѣстникъ-воевода Полоцкій; территориальный составъ его правительственного округа и великокняжескіе годовые намѣстники (изъ мѣстныхъ бояръ) въ волостяхъ полоцкихъ (254—261).—Намѣстники-старосты на литовскомъ Подольѣ и ихъ правительственные округа (261—266).—Намѣстникъ-воевода Смоленскій; территориальный составъ его судебно-административнаго округа и подчиненные ему великокняжескіе намѣстники въ волостяхъ Смоленской земли; самостоятельные владѣтели и великокняжескіе намѣстники въ смоленскихъ пригородахъ (266—287).—Чернигово-Сѣверскія княжества во второй половинѣ XV-го и началѣ XVI-го вѣка; ихъ территориальный составъ и управление (287—291).—Общіе итоги (291—296).

Очеркъ III: Составъ общества въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ и должностная дѣятельность сихъ послѣднихъ . . . . . 297—764.

Задачи управленія намѣстниковъ-державцевъ (299—301).—Господарскіе дворы и дворцы въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ и дворныя пашни и угодыя (301—304).—Происхожденіе этихъ пашенъ и угодій въ связи съ вопросомъ объ отношеніи господарской власти къ землевладѣнію вообще (304—313).—Челядь невольная при господарскихъ дворахъ, какъ рабочая сила; ея содержаніе (313—315).—Тяглые господарскіе крестьяне и ихъ служба; дякло, мезлева и другія подати ихъ, какъ дополненіе къ тяглой службѣ; осадники изъ тяглыхъ крестьянъ и ихъ повинности (315—322).—Крестьяне различныхъ специальныхъ службъ по господарскому хозяйству: бортники, бобровники, осочники, ловцы, псарцы, совольники, свинухи, рыболовы, конюхи, кобыльники, ройтники, лейты, конокорцы, огородники, сторожа, повозники, кухари, садовники и др.; ихъ частныя и общія повинности (322—331).—Крестьяне, несшіе специальныя службы по господарскому хозяйству сообразно со своими особенными промыслами: ковали, клепаши, рогатинники, дойлиды, санники бондари, судники, кравцы, мурали, стрихари, меловники, гончары, кожемяки, стрыменники, рыболовы, соляники, рудники, угольники, дегтяри, мылнари и др.; ихъ частныя и общія

повинности (331—336).—Данники; дань грошевая, медовая, бобровая, куничная, бѣлочья, житная, пшеничная и другіе платежи и барщинныя повинности данниковъ; куничники и ясачники; количественное преобладаніе данниковъ въ составѣ крестьянскаго населенія Подиѣпрскихъ и Задвинскихъ волостей (336—343).—Слуги; ихъ экономическое и юридическое положеніе въ составѣ сельскаго населенія Литовско-Русскаго государства; разряды слугъ: путные, панцырные, щитные, доспѣшные, конные; ихъ частныя и общія повинности, военныя и крестьянскія (343—356).—Общія названія для всѣхъ крестьянъ, составлявшихъ господарскую волость въ тѣсномъ смыслѣ (356—358).—Участіе въ работахъ по господарскому хозяйству господарскихъ мѣщанъ и владѣльческихъ крестьянъ (358—361).—Дѣятельность и отчетность намѣстниковъ-державцевъ по веденію экономіи господарскихъ дворовъ въ Виленскомъ и Троцкомъ повѣтахъ (361—364).—Слабое развитіе этой дѣятельности въ другихъ областяхъ великаго княжества въ связи со слабымъ развитіемъ самаго господарскаго хозяйства; причины этого (364—370).—Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по обезпеченію господарскаго хозяйства необходимымъ капиталомъ и крестьянскимъ трудомъ (370—373).—Вопросъ о прикрѣпленіи литовско-русскихъ крестьянъ въ литературѣ и неудовлетворительная постановка изслѣдованій (373—375).—Непохожіе люди въ господарскихъ волостяхъ; обязательный характеръ прикрѣпленія (375—377).—Мнѣнія по вопросу о происхожденіи этого класса. Значеніе юридическаго принципа давности въ прикрѣпленіи господарскихъ крестьянъ, его историко-экономическія основы и ограниченія; особое положеніе крестьянъ въ Подиѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ (377—386).—Личный характеръ прикрѣпленія частновладѣльческихъ крестьянъ; вліяніе иѣмецко-польскаго шляхетскаго права (386—389).—Принципъ земской давности въ прикрѣпленіи частновладѣльческихъ крестьянъ (389—392).—Происхожденіе крестьянскихъ пустошинъ въ господарскихъ волостяхъ; борьба крестьянства съ нуждою въ капиталѣ и ея обычный исходъ (393—400).—Правительственная помощь крестьянству въ этой борьбѣ и ея недостаточность; продажа крестьянами своихъ земель и неправильныя сужденія по поводу ея въ литературѣ (400—408).—Вольные похожіе крестьяне въ Литовско-Русскомъ государствѣ; происхожденіе этого класса (408—412).—Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по осадѣ крестьянъ въ господарскихъ волостяхъ (412—415).—Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по организациіи крестьянскихъ службъ; старина крестьянскихъ повинностей, какъ принципъ въ этой дѣятельности (415—420).—Тивуны на господарскихъ дворахъ, какъ помощники намѣстниковъ-державцевъ по распорядительной дѣятельности и надзору за работами; ихъ происхожденіе и прототипъ. Тивуны на положеніи намѣстниковъ-державцевъ; ихъ происхожденіе и прототипъ; постепенная замѣна ихъ намѣстниками-державцами и ея причина. Тивуны въ роли блюстителей господарскаго имущества и доходовъ (420—424).—Собственныя крестьянскія власти въ различныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства: пристава, сотники, сорочники, десятники, приказники, старцы; ихъ происхожденіе и назначеніе въ ряду другихъ властей, въ частности—при намѣстникахъ—

державцахъ (434—438).—Крестьянскія земли—единицы обложенія службами и податями; ихъ происхожденіе, составъ, порядокъ владѣнія ими и пользованія (438—453); дворница, сельца или селища, жеребья и волоки, какъ единицы обложенія; ихъ территориальное распространеніе (453—464).—Вопросъ объ общинномъ землевладѣніи литовско-русскихъ крестьянъ въ новѣйшей литературѣ; неправильность метода въ его рѣшеніи (465—471).—Порядокъ отбыванія въ господарскихъ волостяхъ крестьянскихъ повинностей; волостные разметы и пурубы; роль крестьянскихъ властей (471—474).—Намѣстники-державцы въ роли сборщиковъ податей съ господарскихъ крестьянъ (474—480).—Подати татарскаго происхожденія съ господарскихъ и частновладѣльческихъ крестьянъ: подымщина, воловщина, поголовщина, посощина, серебрящина и ордыщина (съ мѣщанъ и крестьянъ); ихъ назначеніе и роль намѣстниковъ-державцевъ въ сборѣ ихъ (480—488).—Оброчныя статьи господарскаго хозяйства въ завѣдываньѣ намѣстниковъ-державцевъ (488—491).—Станціи и подводы, какъ общія повинности господарскихъ и частновладѣльческихъ крестьянъ; изыятія отъ этихъ повинностей; участіе намѣстниковъ-державцевъ въ ихъ сборѣ (491—495).—Общественное положеніе господарскихъ мѣщанъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ (495—497).—Ихъ барщинныя повинности, натуральныя и денежные подати; административное участіе намѣстниковъ-державцевъ въ отправленіи мѣщанскихъ повинностей (497—501).—Торговыя пошлины, промысловыя налоги и доходы съ регалій, собиравшіеся намѣстниками-державцами въ господарскихъ мѣстахъ: мостовое, помѣрное, вага или вѣсее, торговые пенязи и сборы съ ятокъ мясныхъ, капщина, корчомныя пенязи, доходы съ воскобоенъ и суконныхъ постригаленъ; отдача ихъ на откупъ частнымъ лицамъ и мѣщанскимъ обществамъ при дарованіи магдебургскаго права (502—512).—Мыто старое, восковыя и соляныя пенязи; отдача ихъ къ вѣрной рукѣ или на откупъ (512—518).—Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по заселенію мѣстъ и устройству мѣщанскаго землевладѣнія; правительственное содѣйствіе ихъ военнотруженику классу въ приобрѣтеніи недвижимой собственности въ мѣстахъ (519—522).—Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по устройству и ремонту крѣпостей, мостовъ и военныхъ дорогъ, по организаціи сторожи и погони за неприятелемъ; участіе во всемъ этомъ мѣстныхъ обществъ (522—526).—Намѣстники-державцы въ роли начальниковъ мѣстныхъ военныхъ силъ; крестьяне, мѣщане, татары, казаки, бояре, земляне и ихъ почты въ составѣ этихъ силъ; хоружіе, какъ помощники намѣстниковъ-державцевъ (526—534).—Бояре и земляне, какъ общественный классъ; распредѣленіе ихъ по областямъ и происхожденіе; шляхетство (534—544).—Порядокъ обложенія военною повинностью въ Литовско-Русскомъ государствѣ; принципъ службы съ земли и его поправки въ изучаемое время (544—550).—Типы земельныхъ владѣній, съ которыхъ шла военная служба: вотчины, купли, выслуги до воли, до живота, до двухъ животовъ и на вѣчность; различія въ правѣ владѣнія ими (550—601).—Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по устройству военнотруженика землевладѣнія (601—606).—Обязанность личной военной службы для землевладѣльцевъ и изыятія изъ нея; составъ

землевладельческих почтовъ (607—624).—Судебная дѣтельность наместниковъ-державцевъ; общественные классы, состоявшіе подъ ихъ присудомъ, и отличіе наместниковъ-державцевъ въ этомъ отношеніи отъ тивуновъ (624—627).—Ограниченія судебной дѣтельности наместниковъ-державцевъ, вытекавшія изъ вотчинной юрисдикціи землевладельцевъ, мѣстской юрисдикціи по магдебургскому праву, юрисдикціи земскихъ судовъ (627—638).—Бругъ дѣлъ, подлежащій разбирательству наместниковъ-державцевъ; особые судьи при наместникахъ-державцахъ; ихъ происхожденіе и дѣтельность (638—663).—Штатъ должностныхъ лицъ, состоявшихъ при наместникахъ-державцахъ, и ихъ дѣтельность (663—673).—Судебно-административная дѣтельность наместниковъ-державцевъ по возбужденію отъ центрального правительства (673—677).—Доходы наместниковъ-державцевъ при отправленіи своей должности; доходы по заставнымъ ластамъ и особымъ привилегіямъ (677—701).—Плата господарю, воеводамъ и старостамъ отъ наместничествъ и ея замѣна челобитьемъ (701—703).—Сроки держаній и порядокъ ихъ отобранія; ограниченіе возрѣнія на наместничество, какъ на кормленіе (703—706).—Общіе выводы (706—764).

Очеркъ IV: Правительственная дѣтельность и значеніе въ областяхъ воеводъ и старостъ . . . . . 765—884.

Воеводы и старосты въ роли мѣстныхъ правителей въ волостяхъ, не раздававшихся въ особое держаніе; способъ ихъ управленія (преимущественно при помощи слугъ) (766—824).—Связь съ этими волостями въ отношеніи барщинныхъ и другихъ повинностей волостей, раздававшихся въ особое держаніе; подчиненіе и этихъ послѣднихъ волостей вѣдѣнію и власти воеводъ и старостъ (824—829).—Государственные повинности крупныхъ княжескихъ и панскихъ мѣстнѣй, не входившихъ въ составъ повѣтовъ наместниковъ-державцевъ, тивуновъ и другихъ мѣстныхъ правителей; изъятія отъ этихъ повинностей (829—832).—Воеводы и старосты, какъ главные администраторы и высшіе судьи по дѣламъ о выполненіи барщинныхъ на господари и государственно-земскихъ повинностей (832—835).—Отношеніе къ нимъ наместниковъ-державцевъ и тивуновъ по дѣламъ господарскаго дворцоваго хозяйства и сбору податей и пошлинъ (835—837).—Господарскіе урядники по отдѣльнымъ отраслямъ управленія, при воеводахъ и старостахъ: окольничіе (въ Смоленской землѣ), казначей (въ Смоленской землѣ и Брянскомъ повѣтѣ), городничіе, конюшіе и подконюшіе, тивуны, ключники и подключіе, данничіе, ловчіе, бобровничіе, сокольничіе, гаевники, лѣсничіе и др.; происхожденіе, права и обязанности этихъ должностныхъ лицъ и отношеніе ихъ къ воеводамъ и старостамъ (837—852).—Воеводы и старосты, какъ высшіе военачальники въ областяхъ, и подчиненіе имъ другихъ мѣстныхъ правителей въ ихъ военныхъ округахъ; значеніе маршала Волинской земли при старостѣ Луцкомъ (852—856).—Дѣтельность воеводъ и старостъ по устройству военно-служлага землевладѣнія въ качествѣ главныхъ правителей областей; наместники-державцы и тивуны, какъ ихъ органы въ этой дѣтельности (856—861).—Воеводы и старосты, какъ главные и высшіе судьи

VI

въ областяхъ; подчиненіе ихъ юрисдикціи намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, и также крупныхъ землевладѣльцевъ, не состоявшихъ въ присудѣ сихъ послѣднихъ; изыятія изъ юрисдикціи воеводъ и старость (861—863).—Судебно-административныя „рады“ при воеводахъ и старостахъ; ихъ происхожденіе (864—869).—Судебная дѣятельность воеводъ и старость на областныхъ съездахъ, или „соймахъ“; происхожденіе этихъ соймовъ (869—873).—Избраніе должностныхъ лицъ и законодательная дѣятельность на областныхъ соймахъ (873—876).—Воеводы и старосты, какъ политическіе представители областей (876—878).—Общія заключенія (878—884).

Приложенія:

Инвентари конца XV и начала XVI вѣка.....	I—IX
Акты, изображающіе устройство мѣстнаго управленія, права и обязанности должностныхъ лицъ и отношенія къ нимъ мѣстнаго населенія.....	IX—LVI
Указатель историко-географической.....	LVII—LXXXII
Указатель предметный.....	LXXXIII—XCIII
Объясненіе къ политической картѣ Литовско-Русскаго государства конца XV и начала XVI вѣка.....	XCIV—XCVII
Исправленіе важнѣйшихъ опечатокъ и разныхъ погрѣшностей текста.....	XCVIII—C

